"Мой идеальный смерч. Дилогия (СИ)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Анна Джейн

Мой идеальный смерч

Часть первая

Чип и Дэйл играют влюбленных

В шторм любая гавань — спасение.

Английская поговорка

Если меня попросят описать этого человека, я, не задумываясь, тут же скажу все, что о нем думаю, мало того, я сделаю это с непередаваемым удовольствием. Бестактный, наглый, противный тип с идиотским чувством юмора и завышенной самооценкой. У него дурацкая улыбка, которую все девчонки находят обворожительной, детские ямочки на щеках, глупая татуировка прямо на шее и дар выводить из себя нормальных и порядочных людей. В голове у него ветер, на уме — гормональные глупости, а язык этого парня — самый главный враг как его самого, так и тех, кто находится рядом. Одним словом, он — первостепенный болван и невежа. Кретин, короче, редкий.

Все это я выскажу на одном дыхании. Потом, сделав паузу и судорожно вздохнув, я, немного смутившись, добавлю, что вообще-то не все так печально. Частенько он бывает добрым, как прямой потомок Дедушки Мороза, заботливым, веселым и жизнерадостным. И только иногда бывает грустным, как осенний холодный дождик. Когда необходимо, он без страха высказывает свое мнение окружающему миру вслух и делает это так громко, что мир не только прекрасно слышит его, но и отвечает. Иногда этот тип и мир смеются вместе, а остальные наблюдают за ними и… завидуют? Да, точно. Или, по крайней мере, удивляются кое-чьему везению и удаче.

А еще этот парень до ужаса харизматичен. От него прямо-таки исходит аура животного магнетизма, которая цепляет к себе всех окружающих и плавно, почти незаметно, но твердо притягивает к нему. Я честно пытаюсь сопротивляться его обаянию. Потому что знаю: как только я ему подчинюсь, я буду не в силах его обзывать и давать подзатыльники.

Да, он такой, мой молодой человек, и я не знаю, изменится ли он когда-нибудь, или навсегда останется таким же разгильдяем-милашкой? Впрочем, это не так важно. Мне весело с ним и тепло — в те редкие моменты, когда он не выводит меня из себя. К тому же мы вроде бы официальная пара. «Вроде бы» — ключевые слова. Наши отношения не совсем адекватны, как и он сам. Не знаю, кем мы друг другу приходимся, и что хотим друг от друга. Я много размышляла над этим, но так и не пришла к какому-то конкретному выводу. И что мне делать — я не знаю.

Иногда мне кажется, что у меня очень странный парень.

И не только мне — окружающие в этом абсолютно уверены. Родственники твердят, что не понимают наших отношений — они полностью убедились в правоте поговорки «любовь зла, полюбишь и козла», и вообще кого угодно. Правда, они без ума от этого человека, и «козлом» в данном случае считают меня, потому как не понимают, почему он выбрал меня в «любимые девушки».

Друзья упрямо твердят, что «среднестатическая влюбленная пара не ведет себя так по-глупому смешно, задиристо и офигительно романтично одновременно». Его френды и мои

подружки уверены, что у нас либо «отношения навсегда», либо мы просто играем друг с другом и вскоре расстанемся.

Однокурсники же отчего-то считают, что наши отношения настолько свободны и легкомысленны, что каждый из нас может встречаться с кем угодно и вообще делать все, что захочется.

А посторонним и вовсе не придет в голову назвать нас влюбленными. Если только в те неловкие моменты, когда нам приходиться ходить, взявшись за ручки и улыбаясь друг другу, но и тогда нас с легкостью можно принять на непохожих внешне брата и сестру.

Ни у кого из них и мысли не возникнет, что на самом деле мы никакая не парочка, пусть даже дико экстравагантная, а заложники сложившихся обстоятельств. Обстоятельства эти, впрочем, довольно-таки интересные, и кому-то даже могут показаться веселыми. И с тем, что все произошедшее — одна большая глупость — я согласна. Когда я вспоминаю обо всем, что с нами произошло, мне часто становится смешно, иногда чуть-чуть грустно и даже немного жаль, что ничего из этого больше не сможет повториться. А мне теперь остается только вспоминать обо всем и улыбаться.

Началась вся эта история всего лишь несколько месяцев месяц назад. Я не помню точных дат и времени, в памяти осталось лишь то, что время нашего знакомства выпало на удивление теплый майский денек, когда солнце, с нетерпением ожидавшее наступления лета, решило вытащить из запасников все свои многочисленные прозрачные песочно-желтые лучи и аккуратно опустить их на Землю, чтобы окончательно отогреть ее от холода.

Из-за диких пробок, затормозивших движение едва ли не на всех основных дорогах города, я опоздала на первую пару и была вынуждена почти сорок минут торчать в коридоре, ожидая ее окончания — препод, читавший лекцию, терпеть не мог опоздавших. Поэтому мне оставалось лишь сидеть на широком подоконнике, напротив двери в аудиторию, подставляя спину солнечным лучам, и читая учебник по скучной философии. Ведь семинар по этой достойной научной дисциплине должен был состояться уже через пару часов, а я совсем не была готова.

Я зевала, очень хотела спать, но упорно продиралась через жуткие формулировки и невозможные понятия. Когда мне надоедало читать, я украдкой смотрела в телефон — на фотографию человека, который был мне дорог. Снимок я сделала пару дней назад, на физкультуре, когда весь наш поток, а также куча ребят с экономa, получив карту местности, носился по лесу в поисках табличек с нужными номерами. За определенное время нужно было найти и обежать все указанные в карте пункты и отметится на них.

Эта веселое времяпровождение называлось спортивным ориентированием и проходило в лесу, непосредственно около корпусов университета. Оно с трех сторон было окружено многочисленными деревьями, довольно массивными и высокими, и какой-нибудь дурак, наверняка, смог бы в них и заблудиться при случае. Кстати, место получения моего высшего образования расположено было на самом краю города, поэтому и соседствовало с лесом.

Итак, я смотрела в экран своего сотового телефона, любовалась улыбающимся лицом парня, который мне безумно нравился, и сама улыбалась ему в ответ. Фото получилось отменным. Никита — так звали объекта моих симпатий — стоял напротив меня, засунув одну руку в карман. Второй рукой он в это время жестикулировал, разговаривая со своим лучшим другом. За три года безответной любви я узнала о Нике Кларском многое, очень многое, в том числе и то, что светловолосый высокий парень, носящий очки в тонкой оправе — его лучший друг еще со школы. Они вместе пошли учиться на Факультет экономики, и даже как-то умудрились

попасть в одну группу.

Мой милый ослепительно улыбался, чему-то дико радуясь. Он разговаривал с другом, и совершенно не замечал того, что объектив камеры моего сотового телефона направлен прямо на него. Миг — и я стала счастливой обладательницей фотографии этого зеленоглазого очаровашки с широкими плечами и ангельским взглядом.

Почему он был так счастлив, я не поняла, только слышала что-то вроде:

— Ты прикинь, Егор, я, наверное, дурак, что сначала не мог, но все получилось. И никакой конкуренции.

— А если бы она была, конкуренция?

— Тогда было бы хуже. — Его смех в тот момент показался мне очень очаровательным.

— Это так здорово, я даже и представить себе не мог! А сначала реально боялся, как мальчишка, а теперь… — у Ника не слишком громкий голос, а подойти ближе я не могла, поэтому, что его так осчастливило, я не узнала.

— Ты даже сам на себя сегодня не походишь, — отвечал ему друг, поправляя очки на переносице. — Я рад, что все получилось!

И я была рада, хотя даже не предполагала, о чем говорят эти двое. Если человек, которого я люблю и считаю своим персональным принцем, счастлив, то почему бы и мне не порадоваться за него, верно? Я бы в тот день еще долго радовалась, если бы физручка не позвала меня к себе и не заставила идти сдавать кросс, который все пробежали еще на прошлой неделе, когда я прогуливала ленту. Это мой последний кросс в универе — третий год обучения заканчивался, а вместе с ним я избавлялась и от «любимой» физкультуры — ее курс занимал как раз шесть семестров. Последнее, что я услышала, перед тем, как уйти вслед за торопящейся преподавательницей, было неожиданно радостное приветствие второго физрука, дядьки вообще-то строгого и гневливого:

— Смотрите-ка, кто к нам пришел! Господин Баскетболист! Пошли, пошли со мной, дьяволенок, давненько я тебя не видел…

Кто там был дьяволенком, а кто господином, я уже не видела. Да мне это было совершенно безразлично. Главное — у меня был вожделенный снимок, ведь раньше Никиту я фотографировала криво-косо, боясь, что он меня заметит, и как следствие ничего у меня не выходило. Зато теперь… Все было замечательно. Не удивительно, что я блестяще пробежала кросс!

Я была так счастлива, когда рассматривала это фото, что, даже в автобусе, я не замечала ни толкучки вокруг, ни постоянных раздражающих пробок. Засмотревшись на фотографию, я даже чуть было не пропустила собственную остановку. В тот день спать спокойно я не могла — все любовалась на своего Ника, как помешанная фанатка на автограф кумира. Жаль, конечно, что при себе у меня не было цифрового фотоаппарата, тогда снимок получился бы крупным и четким, и я бы распечатала и повесила его себе на стену. Как когда-то в детстве развешивала постеры с изображением любимых звезд… Да-да, чтобы не говорили мои подружки-сестрички, учащиеся вместе со мной в одной группе, Никита Кларский для меня — идеал. Лучший мужчина на свете.

Кстати, это самая удачная фотография Никиты, сделанная мною за все три года обучения в

университете. Все те же приятельницы, частенько и очень нетактично намекающие, что я похожа на сталкера, говорили мне, что раз уж я так хочу быть вместе с Никитой, мне следовало бы рассказать ему все о своих чувствах, а не заниматься молчаливым обожанием издали. К тому же пока у него не было девушки, а это, как говорит одна из моих драгоценных подруг, Лида, «неоспоримый плюс, потому что пока он свободен, можно рассчитывать хотя бы на одно свидание!». Я и рассчитываю, вот только пока у меня как-то не очень с этим ладится. Но, отбросив все сомнения и страхи, поставила перед собой задачу и уверена, что к четвертому-то курсу завоюю его.

Сказать-то, конечно, легко, но сделать это намного труднее. Мне при всем своем нелегком, горячем, как сковородка на печке, и даже эмоциональном характере не хватит смелости подойти к любимому человеку и признаться ему в своих чувствах. Даже на большее, чем «Привет, как дела?», меня не хватает, ведь мы едва знакомы. А знакомство наше организовала Лидия, знавшая, как оказалась, одного из Никитиных друзей. Поймав момент, когда он стоял около аудитории в ожидании начала лекции, она подошла поздороваться, а заодно познакомила со всеми стоящими парнями и меня. Вообще-то я смелая и даже боевая, но находясь так близко к собственному идеалу, жутко застеснялась. Еще бы, тогда у меня впервые появилась возможность пообщаться с этим парнем! Потом этих возможностей было еще несколько (подстроенных, естественно), но свое красноречие или веселый нрав я так и не проявила.

Вообще, мы с ним учимся на разных факультетах и почти никогда не пересекаемся. Однако в этом году физкультуру нам сделали общей парой, и теперь я могла подойти к нему совсем близко. Тем более что наши группы занимались близко друг от друга, а спортивным ориентированием мы и вовсе занимались все вместе.

Иногда еще я встречала Ника в коридорах, в столовой, в библиотеке и даже на крыльце, у входа в здание университета, где он иногда стоял со своими друзьями. И, каждый раз, когда я замечала Кларского, мое сердце радостно екало, а настроение стремительно взмывало под облака.

Именно по этой причине, чтобы взбодриться, я отрывалась от чтения нудной книженции по философии и разглядывала его фото. И это очень помогало мне в попытках собраться и сосредоточиться.

Я смотрела в его зеленые глаза, улыбалась и, проводя ярко-желтым ногтем по экрану мобильника, не подозревала, что с другой стороны коридора ко мне приближается самое настоящее несчастье (а может быть и счастье, ведь это чучело было и остается везунчиком по жизни!). И оно не просто шло, оно катилось на всех парах, привлекая внимание к своей персоне тех, кто находился в коридоре, улыбаясь направо и налево и, приветствуя многочисленных знакомых. Немного позже я поняла, что у этого дружелюбного психа каждый второй студент состоит в друзьях, которые готовы отдать за это залихватское чудо-юдо с татушкой на шее последнюю рубаху или любой другой предмет гардероба, хоть те же трусы.

Вообще-то я много слышала о нем, студенте четвертого курса Факультета иностранных языков. Как человек общительный, я живо интересовалась окружающими людьми, к тому же назвать меня букой, затворницей или серой мышкой никто бы не смог, даже если бы очень захотел это сделать.

Да, я часто видела его, несмотря на то, что, наши факультеты находились на разных этажах большого здания. Еще я слышала восторженные отзывы девчонок, которые ну просто до колик в неприличном месте хотели встречаться с этим парнем. Да и многие ребята считали

незазорным пожать его руку при встрече — «свой чувак», «правильный пацан», «классный парень» — так они называли этого брюнетика с лицом недавно прославившегося актера, с легкостью взобравшегося на Олимп, носящий гордое название Голливуд.

Его звали Денисом, правда, полным именем никто никогда не пользовался. Дэн, Дэнни, Дэ — так его чаще всего называли. Да и кличек у него было множество: шутливая — Лаки-бой, идиотская — Счастливчик Дэнв, грозная — Смерч (это потому что фамилия у него такая — Смерчинский, а вовсе не потому, что он силен, как атмосферный вихрь, сметающий все со своего пути со скоростью 150 км/ч). Ветреный и красивый весельчак, который не зря был назван неведомыми мне родителями Денисом в честь древнегреческого бога виноделия и веселья. Как и бог Дионис, парень имел широкую известность, как в университетских кругах, так и за их пределами. А все потому, что этот придурок жил как настоящий ветер. Он умудрялся побывать и тут, и здесь, и даже где-то там, куда, казалось бы, нога человеческая еще не ступала… Поэтому все о нем все и знали.

Таким он был, этот Смерчинский, и я частенько видела его и слышала хвалебные отзывы о его персоне, но никогда не обращала на него внимания, понимая, что всюду есть свои «знаменитости», а мне по нраву больше «андеграунд».

В общем, я спокойно себе сидела на подоконнике, болтая ногами взад-вперед, как первоклашка, а мальчик-ветер вышагивал прямо в середине коридора, улыбаясь во весь рот. Я бы и не заметила его, и, может быть, даже не вспомнила о его существовании до самого выпуска, но он заметил меня сам. И распрощавшись с панковатого вида дружками — при прощании он умудрился щелкнуть одного из них по лбу с потрясающим звоном — направился в мою сторону.

— Привет, я к тебе, — дружелюбно сказал Дэн, усаживаясь рядом на подоконник, и при этом даже слегка потеснил меня. Мой рюкзак парень, ни капельки не стесняясь, сбросил на пол, отправив туда следом и свой собственный. Разрешения он, естественно, не спрашивал. Пришлось отодвинуться — не хотелось мне сидеть, плотно касаясь плечом руки незнакомого молодого человека со смазливой харей и с растрепанными темно-коричневыми, цвета горького шоколада, волосам. Ну не люблю я понятия «шатен» или «русый», слишком уж они для меня размыты, поэтому и подумала, что цвет его хаера шоколадный. А волосы у него, кстати, были прикольными: немного волнистыми, спадающими длинными прядями на шею и закрывающими пол лба.

— Привет, — оторвалась я от учебника по философии и в упор посмотрела на вновь пришедшего. Надо было не разговаривать с этим весельчаком, а бежать куда подальше. — Чего тебе?

С остальными парнями, особенно с теми, кто не был похож на моего любимого Никиту, я не церемонилась ни капельки. Может быть, именно поэтому у меня к третьему курсу университета все еще не было нормальных отношений с противоположным полом. Мне хотелось встречаться с Ником или кем-то, кто хотя бы отдаленно напоминал его. Однако такой парень мне пока не встретился, а ходить на свидания с тем, кто не вызывает во мне симпатии, мне не хотелось. На таких встречах было скучно. Нет, было мегаскучно!

— Меня зовут Дэн, — представился непрошеный гость, отобравший у меня половину подоконника, который моя попа успела занять гораздо раньше, между прочим! — Я с иняза.

— И? — не могла понять я, чего он хочет от меня.

mir-knigi.org

— Иии… я хотел бы знать твое имя. Это ведь не тайна? — источая нечеловеческое дружелюбие, поинтересовался парень. Приятный у него голос, однако, проникновенный такой, тембр слегка вибрирующий, интонированный. Голос, как у профессионального манипулятора. Или жулика. — Итак? Your are name?

— Ну, Маша, — коротко ответила я, с удивлением глядя на молодого человека.

— Отлично, Мария! Библейское имя. Кстати, оно означает «желанная». А некоторые источники говорят, что «горечь». — Продемонстрировал он мне свою эрудицию. — А учишься ты на….

— На «отлично», — не моргнув глазом, соврала я, заядлая троечница, которая «пятерками» перебивалась исключительно редко: только по тем предметам, которые вызывали во мне интерес. Ну и везло мне иногда. Да и списывать я мастак.

— Это здорово. Я тоже отличник, — вновь улыбнулся Денис, закидывая ногу на ногу. Моя нога была закинута в ту же сторону, да и левая рука так же подпирала подбородок — сидели мы идентично. Тогда я не придала этому значения, и только спустя какое-то время поняла, что Мистер Смерч неосознанно повторяет жесты и движения людей, чтобы лучше войти к ним в доверие. Так же бессознательно он запоминает и постоянно употребляет в разговоре имена собеседников. Он никогда их не путает и не забывает, словно его мозг с рождения знает, что самое сладкое слово для человека — его имя, произнесенное вовремя.

— Отличник? Поздравляю, — буркнула я.

— Спасибо, — без всякой издевки поблагодарил он в ответ.

— Да пожалуйста.

Красивый, популярный, приятный, так еще и умный. Где справедливость в этом мире? У многих нет ни того, ни другого, ни третьего. Нет, я не про себя — себя-то я считаю великолепной очаровашкой, просто характер у меня сложный, а так я вполне мила и симпатична. Когда не злюсь, не туплю и упрямлюсь и не дурачусь. А делаю я это часто. Впрочем, неважно…

— Я рад за твои оценки, но у меня немного другой вопрос, Маша. Не про то, как ты учишься, а где?

— На пятом этаже, — с раздражением ответила я, не понимая, чего от меня хотят. Сейчас мы находились на первом, ведь наша пара проходила в одной из самых больших аудиторий.

— А я на втором, — засмеялся он, услышав мой ответ. — Ты ведь с Факультета искусствоведения?

Надо же, знает, откуда я. Интересно…

— Да, с него, родимого. А откуда инфа?

— Кафедра рекламы и социально-культурной деятельности, 32 группа? — продолжал дальше свои странные расспросы Дэн.

— Вообще-то да, а как ты догадался? На мне ведь это не написано, — тут же заинтересовалась я. В голову, звеня весенними колокольчиками, влетела мысль в виде зеленого головастика,

mir-knigi.org

сжимающего в неизвестно откуда взявшихся руках транспарант: «Я ему нравлюсь, что ли?!». Навстречу зеленому поплыл, виляя хвостиком, фиолетовый. В его лапках качалась из стороны в сторону табличка: «О, да, мечтай. Но что ему в таком случае нужно?»

Конечно, у меня есть Никита, и я его не променяю ни на кого, но тот факт, что такой видный парень мною интересуется — окрыляет…

— Я волшебник, — он подмигнул мне. Вот черт — а ресницы у него тоже коричневые, но чуть светлее волос, и длинные, как у Барби! По крайней мере, длиннее моих собственных. Раза в два. Может, он их наращивает, клоун?

— Волшебник, который все еще учится? — вспомнился мне знаменитый советский фильм.

— Нет, который сам всех учит, — серьезно отвечал парень и в доказательство похлопал себя по груди.

— Да?

— Да. Кстати, волшебник становится плохим, — миг — и на его лице вновь появилась очаровательная улыбка, а на щеках — ямочки, как у ребенка. Нашкодившего такого.

— И что плохой волшебник желает узнать от обычной простолюдинки? — решила я пококетничать в кои-то веки. Настроение ползло вверх. Теперь в голове летали вывески: «Он с тобой заигрывает!»

— Волшебник хочет узнать кое-что интересное.

— Тайну?

— Да, загадочную тайну, — понизил голос Дэн. Хм, а у него и правда, как девчонки говорили, спереди на шее есть черно-зеленая татуировка — ее слегка видно из-под горла водолазки… Я тоже тату хочу, только меня за него мама пристрелит. Она год назад как-то увидела, что я тайно проколола пупок, так чуть не убила бедную меня. Непрогрессивные предки — это скучно…

— Которую хранит старая противная ведьма? — состроила я ему глазки.

— Нет, скорее, заколдованная ею принцесса, — его голос стал совсем тихим и еще более проникновенным.

Ух ты, меня еще никто, кроме родителей, принцессой не называл, да и то, они величали меня так только в далеком детстве, сейчас я все больше «лентяйка» и «невежа».

— Принцесса? — растягивая гласные на манер актрис из сериалов, переспросила я.

— Да. Милая, нежная и прекрасная, — Дэн игриво толкнул меня плечом. — Маш, короче, помоги мне.

— Я? В чем? — я опустила ресницы, опять-таки вспомнив какой-то сериал

— Разгадать загадку. Загадку принцессы. Поверь, тебе это тоже пригодиться.

— Ну, помогу.

mir-knigi.org

— Обещаешь? — заглянул он мне в глаза.

— Обещаю, — сказала я в предвкушении. Неужели признается в симпатиях? Вот ведь финиш! Одногруппницы и подружки умрут от зависти! Конечно, я не приму его чувств, зато какой повод для гордости. Так и вижу, как моя самооценка в виде расправившего крылья орла взлетает вверх… Вверх… В небеса…

— Точно?

— Да точно-точно. Я всегда свое слово держу! У любого в моей группе спроси: «Исполняет ли Маша свои обещания?», и тебе скажут, что да! — выпалила я. — Кстати, я в группе одна Маша, на удивление, так что ни с кем не перепутаешь.

— А ты прикольная, — заявил Денис, еще немного оттесняя меня к стене.

— Чем? — даже слегка застеснялась я и поправила выпавшую из-за уха короткую прядку волос. На стрижку «каре» меня уговорила Лида, сама же стригла и успокаивала меня после того, как я посмотрелась в зеркало.

— Поведением. Думаю, с тобой будет весело, — не стал подробно останавливаться на моем «приколизме» Денис. Голос его стал вновь проникновенным, и он сказал задумчиво. — Мария, я к тебе по делу.

— По учебе? — кокетливо посмотрела я на молодого человека, сидящего рядом. Интересно, когда я ему понравиться-то успела? Мы незнакомы.

— Оно не связано с учебой. Я просто хотел задать вопрос, который поможет разгадать мне тайну. Спрашивать?

— Ага, спрашивай.

— Точно?

— Да-да.

— Ответишь? — он лукаво улыбнулся.

— Давай уже, говори, — в предвкушении я расправила плечи и уставилась на него, как голодная кошка на литр свежей деревенской сметаны.

— Ольга Князева — она учиться с тобой в одной группе? Так? — посмотрел мне прямо в глаза Дэн.

— А? — плечи опустились, взгляд потух. Не поняла…

— Оля Князева, — повторил он. — Невысокая, длинноволосая девушка, у нее…

— Я знаю, кто такая Князева, что ты мне ее описываешь, — оборвала я парня. Гордый орел камнем пошел вниз. Обманщик смазливый, я-то думала, он про меня что-то захочет узнать! А он про другую… Так было бы еще про кого!

Князева Оля. Моя одногруппница. Обычная девушка, немногословная и в меру симпатичная. С ней мы никогда не дружили, но и не ссорились — наше общение было нейтральным, и сводилось оно к обыденным приветствиям и вежливым фразам. Не скажу, что я без ума от этой

mir-knigi.org

спокойной девушки с манерами английской леди и невинным голубоглазым взглядом, она кажется мне скучноватой и слишком правильной, но могу сказать, что человек она, в принципе, неплохой. Ольга не слишком много общается с одногруппниками, дружит только с одной девочкой. Для меня она — воплощение ангелочка с тихим характером и добрым нравом. Во внешности у нее нет ничего особенно необычного, а косметикой Князева не злоупотребляет. Плюсы в ее внешности — тонкая фигурка, длинные густые волосы и правильные, но невыразительные черты лица. В общем, она не фотомодель, но далеко и не уродина. Не умная, но и не глупая. На мой вкус — чересчур спокойная и «сладкая», как ванильно-клубничный сироп.

И этот парень, любимчик всего универа, интересуется какой-то Князевой? Вот козел! Мое благое расположение к нему ветром унесло — куда-то туда, куда упали и гордость-орел, и я мрачно взирала на студента иняза, едва ли не сжимая кулаки. Вот так облом он мне обеспечил!

— Маша, ты обещала помочь, — дружески произнес Дэн. — Мне ведь нужно разгадать загадку принцессы Ольги.

— Князева — принцесса? — едва ли не прошипела я в порыве злости. Ага, принцесса-оборванка. Непонятно почему я обозлилась на ни в чем неповинного человека.

— И мне нужна разгадка ее тайны, — косвенно подтвердил мои слова этот бездельник.

— Какая у нее тайна? — еще больше обозлилась я.

— Женская, — пожал плечами брюнет. — У каждой девочки она есть.

— Чего? — в непонятках уставилась я на шутника. То ли он прикалывается, то ли всерьез так говорит.

— Маша, раз ты всегда держишь свое слово, и обещала помочь… дай мне номер телефона Оли? И вообще, расскажи о ней побольше. Это ведь в твоих интересах.

В моих интересах? Номер телефона? Рассказать побольше? Это несправедливо!

— У меня его нет, — буркнула я, отворачиваясь. — И вообще, на мне не написано, что я профессиональная сваха.

— Достань у кого-нибудь. Подружись с ней.

— А сам достать не можешь?

— Не-а, — отозвался он задумчиво и повернул голову в сторону двери, ведущий в аудиторию.

— Почему? Говорят, ты парень-рубаха, — ядовито произнесла я, — подкати к своей принцессе да спроси.

— Я не могу, стесняюсь, — извиняющимся тоном произнес Дэн.

— Да ну? Ко мне вот за помощью обратиться не постеснялся, а ведь мы незнакомы. Что-то ты на скромняшку вообще не тянешь!

— Вообще-то у меня есть ее номер телефона, прости, я тебя обманул. Пошутил, точнее, — извинился парень. — Я хочу, чтобы ты с ней подружилась.

— Иди в баню, шутник! — градусы на моем «обозлимометре» поползи вверх.

— Тише, не кричи так, нас все услышат, — приложил он палец к губам. Я негодующе уставилась на парня.

— Да пусть слышат!

— Эй! Так не честно, я же тебе душу раскрыл! — возмутился он, не скрывая улыбочки.

— Вот так вот подошел к первому встречному и раскрыл? Ты за кого меня держишь, мальчик? — я знала, что между бровями у меня появилась грозная вертикальная складка — она всегда появляется, когда я злюсь.

— Ты не первая встречная, Маша. И не кричи ты так, я не хочу, чтобы люди знали. Здесь кругом мои знакомые.

В подтверждение его слов, появившийся в полупустом коридоре парень в спортивном костюме, кивнул Денису, подошел к нему в вразвалочку и пожал руку.

— Как дела, Дэнв? — поинтересовался любитель спортивных костюмов.

— Все отлично! Рад тебя видеть! Как твоя нога?

— В порядке. Теперь возвращаюсь на тренировки. А это твоя девушка? — посмотрел на меня заинтересованно молодой человек. Я поморщила нос.

— Это мой друг, — расхохотался Денис и к моей полной неожиданности положил руку на мое плечо — а рука у него была чуть ли не железная или там чугунная, потому как сбросить ее я не смогла.

Кстати, я поняла со временем, что фраза «это моя друг» — одна из часто произносимых Смерчем.

— И как зовут друга? — тут же полюбопытствовал спортсмен.

— Маша меня зовут, — отозвалась я, до сих пор не понимая происходящего.

— Просто Маша неинтересно, — заявил Денис, — так ведь, Слав? Маш много, а ты одна. Какая у тебя фамилия?

— Зачем тебе моя фамилия? — с большим подозрением посмотрела я на идиота, нежданно-негаданно прицепившегося ко мне.

— Ну скажи, Маааш… — с детскими интонациями опять попросил он.

— Он ведь все равно узнает, — добавил Слава, посмеиваясь. — Вы, наверное, с недавних пор друзья, поэтому ты еще не знаешь, как этот парень умеет доставать.

— Мы не друзья, но я уже предполагаю, что это его хобби, — отозвалась я, краем глаза глядя на свои большие наручные часы — перемена начиналась уже скоро. Отвязаться бы скорее от этих двух дураков и свалить на следующую пару. Купидоном для Князевой, пусть она мне даже ничего плохого не сделала, я быть не собираюсь. И вообще, почему я?

— Хочу знать твою фамилию, — заело Дениса, — ты ведь обещала мне помочь, а теперь берешь

mir-knigi.org

свои слова обратно? Так не честно!

— При чем здесь моя фамилия и слова? Отвяжитесь от меня оба, — вскочила я на ноги. Денис тут же легко поднялся с подоконника. На мое место тут же уселся Слава, с любопытством глядя на нас.

— Говори уже, давай, — с улыбкой ткнул меня в плечо пальцем Денис.

— Иди на фиг, — буркнула я, все еще злая за, что «принцессой» оказалась какая-то там Князева.

Я, поднявшая уже с пола свой рюкзак, собралась уйти, как услышала монотонную речь Дэна:

— Абрамова, Аскольдова, Барсова, Бурундукова, Ватагина, Дроздов — а нет, это мужская фамилия, Ермаковская, Железнова, Истенко, Каримова, Кинская, Климовских — не знаю, парень или девушка, Ларина, Лесникова, Мясоедова…

Я в некотором шоке оглянулась — он стоял, скрестив руки на груди, и произносил вслух такие знакомые мне фамилии, никуда абсолютно не подглядывая. Слава достал из кармана спортивного костюма плеер и с независимым видом стал слушать музыку, засунув один из наушников-капелек в ухо.

Почему же я была в шоке? Да потому что Лаки Бой наизусть проговаривал фамилии студентов из моей группы, в алфавитном порядке и не ошибаясь. Было чему удивиться!

— Нуркович — опять же не знаю, кто это, Окунева, Рудакова, — продолжал парень, просительно глядя на меня.

— Эй! Эй! Откуда ты знаешь тех, с кем я учусь? — тут же остановилась я, как вкопанная. Псих что ли конкретный?

— Какая из этих фамилий твоя? Я просто перечисляю, — пожал он плечами, — Румянцева…

— Стой! Ты что, выучил наш список, что ли? — безмерно удивилась я. — Зачем?! Ты в своем уме?

— У него память охрененная, раз увидел — надолго запомнил. Да скажи ты ему фамилию, быстрее отвяжешься, — подал голос высоченный Слава.

— Бурундукова я, — пришлось ответить мне. Лицо Дэна тут же посветлело — он явно обрадовался. Какой непосредственный тип.

— Классно! Мария Бурундукова… Бурундук, отлично! Я никого еще не знаю с такой фамилией. А моя — Смерчинский, ты, наверное, слыш…

— Как ты меня назвал? — сжала я кулаки, тут же вспомнив детство, когда глупые мальчишки дразнили меня именно так, а я ревела во весь голос, кричала взрослые ругательства или же, в особо трудных случаях, звала старшего братца-боксера — и это всегда действовало. — Повтори?

Денис переглянулся со Славой, и они расхохотались в два голоса. Я, как озлобленный гоблин взглянула на этих двух питекантропов, нервно встряхнула рюкзак на плече и зашагала в сторону.

— Два дебила…

— Эй, Маша! Ты что, обиделась? — неведомо как нагнал меня Дэн.

— Отстань от меня.

— Ну что плохого быть Бурундуком? — удивленно произнес он, едва сдерживая улыбку.

— А что плохого быть Сморчком? — исподлобья взглянула я на него.

— Сморчком? — поднял брови Денис.

— Смерчинский-Сморчинский-Сморчок! — выдала я ему с тайным злорадством. — А еще Смердяком могу назвать.

— Я думал, ты поможешь мне, — печально вытянулось лицо у этого клоуна. Мимика у него, конечно, ничего. Дэн наклонился ко мне близко-близко, обхватив предплечья руками, так, что я могла рассмотреть его ресницы и темно-синие, очень глубоко цвета глаза. Именно с того момента я решила, что все брюнеты с синими, серыми и голубыми глазами — жуткие подлецы и конкретные придурки.

— Слушай, парень, что тебе от меня нужно? — попробовала я отцепиться от него, но это у меня не получилось. — Иди, куда шел, чего привязался? В зубы получить не хочешь? У меня… ммм, — я, как и в детстве, хотела добавить классическую фразу «у меня брат — боксер», но подумала, что это будет очень глупо звучать в стенах университета. Куда уместнее здесь было бы сказать: «у меня папа — декан» или «мой дедушка — замректора».

— Ммм? Мне нужна от тебя помощь, которую ты мне пообещала! — упрямо повторил он, не забывая проникновенно смотреть прямо мне в глаза. — Ты же поможешь мне?

— Ага, держи карман шире!

— А как же слово, данное тобой? — явно оскорбился он.

— Иди-ка ты подальше, дурень! И отпусти меня, — рассержено потребовала я. Он думает, что сможет меня настолько очаровать, что я побегу исполнять все его поручения? Поручения человека, с которым только что познакомилась!

— Ты поможешь мне с Ольгой, — вдруг прошептал он, наклонившись к моему уху, — а я помогу тебе с твоим парнем.

— Чего? — он не переставал меня удивлять.

— Я видел, как пару дней назад ты фотографировала одного чела, на физкультуре. Никита, кажется, его зовут именно так? Да? — тем же злодейским шепотом продолжал он, не убирая рук. Представляю, как мы смотрелись со стороны, но это в тот момент меня волновало меньше всего — ведь этот бездельник упомянул Никиту!

— И что? — так же тихо спросила я, больно вцепившись в его руки, чуть ниже локтя.

— Поможем друг другу? — от его шепота у меня зачесалось ухо.

— Почему именно я? У нас большая группа, просил бы кого-нибудь другого, — ворчливо отозвалась я, стараясь не показать ему, как сильно он напугал меня своим заявлением про

Никиту! А вдруг про то, что я фотографировала Ника он расскажет всем и моему любимому человеку заодно? Что я тогда делать буду? Выть и топиться?

— Встретимся после пар, и я тебе все расскажу, — загадочно произнес Дэн, — и ты поймешь, почему нам надо работать вместе. Эй, не забудь придти туда, куда я тебе сказал!

— Прийти? А танго тебе на бровях не станцевать? Хочешь работать вместе? — я уперла руки в боки и, кажется, от злости у меня даже ноздри раздувались, как у быка. — Слушай, мы едва знакомы, какое «вместе»? Опух? Отпусти меня уже, скоро звонок будет.

— А он уже был, — беззаботно отозвался Дэн и послушно отпустил меня. Я в некотором обалдении огляделась вокруг — действительно, пока мы с ним общались тет-а-тет, коридор заполнился студентами, только что вышедшими из душных аудиторий после полуторачасового сидения. Ребята из нашей группы с самым усталым видом выходили в коридор, правда, среди них я так и не увидела Ольгу Князеву, но некоторые из них, заметив живописно застывших меня и Дэна, в удивлении переговаривались.

Естественно, выходят они с лекции, а перед ними такая картина! Одногруппница-балда и плейбой местного разлива. У них появился повод для самых шикарных сплетен… Да что уж там, я и сама посплетничать люблю — чем еще заниматься в группе, где всего четыре мальчика, а остальные девчонки? Мы все подряд косточки перемываем. Таково уж устройство женского коллектива.

— Твоя девушка? — весело спросили парни, проходящие мимо меня и Сморчка — очередные знакомые Дэна, и всем им хотелось пожать его руку. Что они и сделали, на время загородив нас со Смерчинским от любопытных взглядов моих одногруппниц.

— Мой друг, — отрицательно покачал он темноволосой головой (наверняка прическу лаком и гелями укладывает).

— Привет, друг! — тут же захотели познакомиться парни со мной. — А зовут тебя как?

— Чип, — важно отвечал Дэн, опередив меня, а у меня от изумления брови поползли вверх. — А я Дэйл, мы команда, — и он опять притянул меня к себе за плечи и выставил вперед указательный и средний палец в форме буквы «V» — так часто любят фотографироваться японские и корейские тинэйджеры.

— Круто! — закивали парни. — Дэнв, приходите к нам на квартирник.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать. С тебя — сам ты и твой друг, с нас — все остальное, — усмехнулся один из ребят, с черной челкой, и они скрылись из виду.

— Отпусти меня, идиот! Какой я тебе Чип? Еще Гайкой назови, — резко отпихнула я Дениса.

— Ты сказала, что Бурундуком тебя больше называть нельзя, вот я и придумал: Чип и Дэйл, они всегда спешат на помощь. Ты бурундук, и я тоже, тогда тебе будет не обидно. Ладно, Маш, приятно было пообщаться, мне пора, встретимся… у вас же сегодня четыре пары? — сам у себя спросил он и сам же ответил. — Вроде бы, да. Тогда после четвертой пары в малом читальном зале на первом этаже, идет?

— Нет, не идет, сам иди… — отозвалась я, уже ничего не понимая, но он уже исчез, не забыв

похлопать меня по руке, и теперь смешался с толпой, громко разговаривая с очередными знакомыми.

Нормально. Подошел, напугал, почти что облапал и свалил довольный.

— Лучше приди, — услышала я за спиной голос Славы, покинувшего, наконец, подоконник.

— Почему? Не приду и все, — фыркнула я. Слава флегматично пожал могучими плечами и тоже куда-то ушел. Еще один с приветом.

— Машка! Машка! — увидев, что я осталась одна, подлетели ко мне подружки. — Пошли быстрее на историю архитектуры! Расскажешь нам все в аудитории!

— Чего вам рассказать? — их слова не привели меня в восторг, а только еще больше разозлили.

— Что у тебя с Дэном Смерчинским? Вы в коридоре чуть ли не обнимались! — заохала Лида — с ней мы уже третий год подряд общаемся почти ежедневно. Она и Марина были первыми, с кем я познакомились 1 сентября три года назад. А еще они — двоюродные сестры, которых часто принимают за родных — так девчонки похожи. Они постоянно цапаются и частенько ехидничают, называют себя моими «мамочками» и желают быть моей сватьей, конкретно меня доставая но вообще-то я дорожу ими, но иногда эти две девицы конкретно достают меня. Лида обожает давать советы, о которых я не прошу, а Марина прямо мне в лицо говорит, что с Никитой я никогда парой не стану, поэтому я должна найти себе другого парня. Я редко на них обижаюсь, а вот кричу часто — но девчонок это только веселит.

— Машка, у вас что-то есть? — повисла на локте Маринка. — Ну, расскажи! Вы так мило обнимались в коридоре!

— Никто не обнимался, отстаньте от меня!

Они явно не верили. Еще несколько одногруппниц-дурочек, окруживших меня, с глупыми улыбочками тут же начали задавать идентичные вопросы.

— Да ничего у нас нет! — рявкнула я, сама себе напоминая брехающего пса.

— Как так? — возмутилась Лида. — Надо, чтоб было. У Дэна как раз девушки нет. Забывай уже кое-кого и становись ею смело! Он ведь такой миленький и такой классный!

— Я смело сейчас вас всех убью, — покосилась я на подругу, прекрасно понимая, кого она имеет в виду под этим загадочным «кое-кем». О том, что я испытываю нехилые симпатии к Никите, знали только они, эти две черноволосые сестрички.

— Кого Машка должна забывать? — тут же стало интересно остальным, и я вынуждена была отбиваться по новой. Таким вот образом мы и дошли до нужной аудитории на своем этаже, но и там меня не хотели оставлять в покое. Всем было интересно, что связывает нас с Денисом Смерчинским, «с тем самым классным парнем». Недостаток дружной группы — а наша группа была именно такой — в том, что все всё хотят знать про других и постоянно лезут в чужую личную жизнь. Даже наши парни умудрились поинтересоваться, «не стали ли мы с Дэнвом близки, и когда только успели?». В Димку Чащина, задавшего мне такой бестактный и неприличный вопрос, а после дико захохотавшего, я кинула тем самым учебником по философии, умудрившись проорать не совсем приличное «посылательное» ругательство, едва не попала в препода, раньше обычного пришедшего на занятие, за что и получила обидный выговор.

— Вы на Факультете Искусствоведения учитесь, Бурундукова, а ведете себя так, как не всякий физвозник себе позволяет, — сказал пожилой и очень почтенный преподаватель по истории архитектуры. — И вы собираетесь работать в сфере культуры… Печально. — Он покачал головой и скорбно отправился на кафедру.

— Извините, Иван Давыдович, — пробормотала я.

Я показала до сих пор хохочущему одногруппнику кулак и уселась на свое место, рядом с Лидой и Мариной, которые косились на меня и тихонько хихикали. Они явно мне не верили, и очень жаждали узнать подробности моих с Дэном отношений. А что могла я сказать им? О том, что мы были знакомы двадцать минут, я успела обозлиться на него, как кобра на Рикки-Тикки-Тави, разорившего ее гнездо, и что он сделал мне загадочное предложение насчет Князевой и Никита. Да они этому не поверят и напридумывают кучу всего! Кстати, о Князевой… Ее не было на предыдущей паре, и сейчас тоже нет, хотя она довольно-правильная девочка, не позволяет себе прогулы.

— Лида, где Оля? — шепотом поинтересовалась я у подружки, продолжавшей выразительно коситься на меня из-под длиннющей челки.

— Какая еще Оля? — явно удивилась она вопросу.

— Князева, какая еще, — проворчала я, — где эту цыпу носит?

— Откуда мне знать? Я же не ее личный пастух, — пожала подруга плечами, настороженно глядя на меня. — Не было ее сегодня. А зачем тебе Князева?

— Надо спросить кое-что, — не стала вдаваться я в подробности. Мне показалось, они с Мариной переглянулись.

— Лучше бы ты нам рассказала, зачем со Смерчем обнималась. Мамочкам же интересно, а ты молчишь!

— Не обнимались мы, идиотина ты эдакая. И какой он Смерч, — фыркнула я, — дебил он редкостный.

Кажется, последнюю фразу я произнесла громковато, поэтому как преподаватель, рассказывающий что-то об архитектуре девятнадцатого столетия, чуть повысил голос и сказал мне укоряющее:

— Марья Бурундукова, тише, пожалуйста, оставьте разговоры. Ведь я объясняю такой важный материал. Неужели вам неинтересно послушать о шедеврах архитектуры?

— Марья Бурундукова не может тише, — бестактно высказался Димка. — У нее любовь случилась.

Парни (а все они всегда сидели вместе, кучкой, видимо, таким образом защищаясь от девушек) противно заржали, и даже мой красноречивый взгляд, брошенный в их сторону, не помог им заткнуться.

— Любовь? — поправил сухоньким пальцем очки преподаватель, неожиданно заинтересовавшись. — Любовь — это прекрасно. Это все, что нужно столь юной особе, даже такой грубоватой, как вы. И кто же ваш избранник, позвольте узнать?

mir-knigi.org

— Да никого я не люблю, чего вы гоните, — стушевалась я, явно не собираясь произносить имя и фамилию человека, по которому три года тосковала. Никита Кларский — это два запретных слова.

— Дэна! Дениса Смерчинского! — тут же дернуло кого-то сообщить это профессору.

— Он с иняза, вы его не знаете, — добавила громко Марина, пихая меня локтем. Я состроила ей злую рожу, но она все равно лишь довольно улыбалась.

— Почему же, — к нашей неожиданности отвечал лектор, уставившись прямо на меня, — я знаю этого прекрасного молодого человека. Обаятельный, веселый и ответственный юноша. В прошлом году был в университетской команде КВН. И, кажется, выступал на спортивных соревнованиях… И еще где-то… очень активный и коммуникабельный. Знаете ли, декан Иностранных языков постоянно им хвастается, и мне даже немного завидно, что этот талантливый парень учится не у нас на факультете. Похвально, Мария, похвально. Вы сделали правильный выбор!

Я смутилась — как же люди все наизнанку выворачивать умеют. Теперь старикан Давидыч еще и всему профессорскому составу разболтает о нашей с Лаки Боем «любви». А Дэн этот тоже хорош — умудрился засветиться даже в глазах посторонних преподов.

— И не стесняйтесь, — решил поддержать меня профессор, — любовь — чувство прекрасное, в ней нет места сомнениям и нерешительности!

— Спасибо, Иван Давыдович, — покраснела я, застеснявшись еще больше. Приехали, ты меня еще на этом отморозке пожени.

— Даже не мог я представить, что Денис остановит свой выбор на тебе, — продолжал разглагольствовать удивленный преподаватель. — Как бы то ни было, я понимаю, что вам обоим сейчас не до учебы, дорогие мои, но вы, Машенька, должны брать пример с Дениса — один из лучших учеников нашего университета! Победитель всевозможных Олимпиад, спортсмен и любимец всех! Знает пять языков!

— Вот же загнул, — пробормотала я, поражаясь одновременно многочисленным талантам Смерчинского. И чтец, и жнец, и на дуде игрец. Интересно, а танец живота он танцевать умеет? А чревовещать? А в урну плевком попадать за двадцать метров?

— Ладно, вернемся к нашей лекции по архитектуре, и вы, Машенька, прекращайте мечтать и вместе с нами возвращайтесь в мир искусства, — призвал к порядку расшумевшихся моих одногруппников старичок-профессор.

— Смотри-ка, сразу из Бурундуковой стала Машенькой, — восторженно прошептали сестры, сразу в оба уха, так как сидела я между ними.

— Отвяжитесь, это была всего лишь случайность. Никакая мы не парочка.

— Да-да. Теперь ты, наконец, забыла Никиту? — полюбопытствовала почему-то Марина. Голос ее был осторожен, как у хитрой лисички. Кстати, ее я всегда с лисой и сравниваю — такая же коварная и хитрая, правда, беззлобная. А вот ее кузина Лидия больше напоминает мне деловую волчицу — независимую и упертую.

— Тише, вдруг кто услышит, — взмолилась я, тут же став оглядываться. Не знаю, у кого как, а у меня есть что-то вроде мании — боюсь, что окружающие догадаются, кого я люблю.

— У нас в группе нет инопланетян с локаторами вместо ушей, — фыркнула Лида. — Если только Давидыч, но он уже полностью в лекцию погрузился. Так что там с твоим бывшим любимым?

— Он мне не бывший любимый, — нервно отозвалась я, искренне недоумевая, — я до сих пор его люблю. А этот Дэн — все вышло случайно, просто мы так разговаривали.

— Да-да, — нараспев произнесла Марина, — раньше наш мальчик так ни с кем не разговаривал, едва ли не целуясь. Все его поклонницы четыре года недоумевали, почему у него постоянной девушки нет, а тут ею стала ты, дочечка.

— Берегись, — внесла свою лепту ее сестричка, оккупировав мое втрое ухо, — его Фан-клуб наверняка негодует!

— Какой еще Фан-клуб, дуры? — не вынесла я.

— Машенька, можно, вы будете говорить тише? — вновь встрял лектор — не кричите так, дорогая моя.

— Простите, — склонила я голову к парте, а придурок Димка опять заорал:

— Машка боится, как бы другие девчонки ее Дэна не увели. Вот и орет.

Иван Давидович тяжело вздохнул, как-то жалостливо посмотрел на меня и сказал:

— Не беспокойтесь, думаю, раз наш Денис сделал свой выбор, он не оставит вас. Но если вас будут продолжать грызть сомнения или возникнут колебания, подойдите ко мне, и мы разберемся в вашей проблеме совместно с моими коллегами из Факультета Психологии.

— Это… спасибо, не надо, — ошарашил меня такой славный ответ, и я притворилась, что внимательно слушаю лекцию. А Лида и Марина не успокаивались, изредка шепча издевательства:

— Ни фига, всего лишь упоминание, что ты дружишь с Дэном Смерчем, и такой блат!

— Да ты крутая, мамочки тобой гордятся…

А Чащин, который никак не мог успокоиться, прислал мне целых пять смс-сообщений примерно такого содержания:

«Бурундукова, да ты у нас крутая телка теперь! Если че, я твой лучший друган, так и скажи своему Смерчу, пусть и мне он протекции составляет!»

Я неизменно отвечала ему:

«Иди в Уганду, обезьяна и не лезь ко мне. Хрен тебе, а не протекция».

Да, чем больше я слышала про Дениса, тем больше мне хотелось его задушить.

Вот так мы познакомились: сумбурно, странновато, неожиданно (для меня, естественно). Всего лишь за один день я успела понять, что именно парни его типа бесят меня едва ли не больше всего на свете, и что в будущем я ничего общего со Смерчем иметь не желаю. От нашего знакомства я вообще ничего хорошего не ждала, да и в читальный зал идти, естественно, не собиралась, решив плюнуть на причуды мальчика-ветерка. Но к концу последней ленты, когда

я, слушая в пол уха лекцию, маялась на самой последней парте, кожей чувствуя, что меня продолжают обсуждать, вдруг поняла, что во мне появился червячок сомнения, состоящий, видимо, из типично женского любопытства. Зачем он меня позвал туда? Что он хочет сказать? И что вообще Дэну нужно от меня? Неужели ему действительно нравится Князева? И про Никиту моего он откуда-то знает… Не сделает ли этот типчик подставу мне, любимой?

В общем, я решилась. И как только кончилась пара, выкрикнув обалдевшим подружкам, с которыми мы вообще-то хотели сходить в кафе или в кино по случаю пятницы, что дико спешу, полетела на первый этаж, как тот самый орел. На скорости чуть не сшибла двух гламурных девиц, пропищавших мне вслед пару совсем неженских ругательств, споткнулась в коридоре и едва не врезалась в библиотекаря. Зато за две минуты оказалась в нужном месте.

Небольшой и довольно уютный читальный зал, чьи большие арочные окна выходили на зеленую уже аллейку, на которой вовсю начали цвести яблони и березки, нравился мне своей относительно немноголюдностью и тишиной. Здесь, в отличие от двух других залов, не было включенных и жужжащих компьютеров, шумных сканеров и бегающих туда-сюда студентов (преимущественно из филфака и юрфака — эти ребята, по-моему, без книг жить не могут: первые без огромных монографий, вторые без многочисленных кодексов). Вообще то, здание библиотеки, большое и словно пропахшее насквозь книжной пылью, находилось по соседству, но ректорат решил, что все-таки несколько читальных залов нужно сделать и в самом здании университета.

Я, вытащив читательский, без которого меня сразу бы турнули отсюда строгие библиотекари, зашла в зал, и, мягко ступая по темно-зеленому ковру, прошла в самый конец помещения. Библиотекаря, к моему удивлению, не было на месте. Да и студентов было мало — человек пять-шесть, не больше, все-таки вечер пятницы давал о себе знать.

Он ждал меня у небольшого столика, откинувшись на высокую спинку стула и быстро что-то печатая в ноутбуке. Денис заметил меня и кивнул на стул.

— А, вот и ты. Садись, Чип.

— Я не Чип, а Маша, — наставительно сказала я и села на отодвинутый его заботливой ногой стул. — И что ты от меня хочешь?

— Секундочку, — не отрывая взгляда от экрана, произнес он, не переставая печатать — его пальцы так и порхали над клавиатурой. «Слепой метод», я тоже пыталась им овладеть, увы, моего терпения хватило только на два занятия.

— Слушай, я не знаю, что ты там видел про Никиту, — начала я, прокашлявшись и стараясь, чтобы голос не был взволнованным, — но тебе лучше молчать о нем, как рыбе, а не то, я доставлю тебе много-много разных и распрекрасных неприятностей. Несмотря на то, что ты считаешь себя крутым мачо, ясно? Не знаю, что ты там задумал, мальчик-ветер, и как ты умудряешься очаровывать всех подряд, вернее, головы им дурить, но обижать себя или Никиту я тебе не позволю. Ты еще не знаешь, на что способна я, Мария Бурундукова, и по сравнению с тобой…

— Я закончил, — перебил меня Дэн, закрыл свой ноутбук, положил рядом и, повернувшись ко мне, с очаровательной улыбкой поправил мне вновь выпавшую на лицо прядь. Я смутилась.

— Что ты там говорила, Чип? Я не слышал, когда печатал.

— Я сказала, что не позволю…

— А, это не важно, — отмахнулся он и помахал кому-то, сидящему впереди нас. Я тут же перевела взгляд и увидела, как миленькая первокурсница, сидящая за горой толстенных книг, коситься на Смерчинского, которого мне все больше хотелось называть Сморчком, а Дэн, заметив заинтересованный взгляд, тут же стал ей лыбиться. Девочка покраснела и отвернулась.

— Похоже, я ей нравлюсь, — шепнул мне он.

— А мне что с того? Орать тебе «Виват»? — все больше раздражал меня брюнет. — И вообще, я пришла сюда не потому что ты мне велел это сделать, а чтобы донести до тебя, дорогой Денис, кое-какую информацию. Я хочу сказать тебе, что я себя и Никиту в обиду не дам, и пока я еще не понимаю твои игры, но я у…

— Покажи читательский? — попросил он меня спокойным тоном, все больше и больше поражаю своею неадекватностью.

— Тебе больше ничего не показать, только читательский? — вложила я как можно больше презрения в голос.

— Ага. На другое я не надеюсь, — туманно изрек парень. — Поэтому могу просить только читательский. У тебя же он есть.

— У меня много чего есть. А кофточку для тебя не снять, не показать, что под ней? — для наглядности я даже подергала себя за треугольный ворот.

Дэн пожал плечами, обтянутыми черно-синей водолазкой в горизонтальную полоску.

— Да я знаю, что у тебя под кофтой. Ничего необычного.

Я смерила его не самым добрым взглядом и закинула ногу на ногу. Ничего необычного? Это у тебя там ничего необычного. А у меня там грудь, между прочим. Женское достояние, можно сказать.

— Ты действительно прикольная, — он по-доброму улыбнулся. — Давай свой читательский, мне нужно тебя отметить, раз ты здесь была.

— Отметить? Ты библиотекарем заделался, что ли? Подработка после пар? — я обвела читальный зал глазами, пытаясь показать Смерчу свое пренебрежение. До моего пренебрежения, впрочем, ему было, как до лампочки.

— Нет. Просто библиотекарь ушла и попросила меня присмотреть за залом, — порадовал меня мой новый знакомый, успевший за столь короткое время стать мне якобы другом.

— На, подавись, гоблин, — кинула я в него небольшой прямоугольной пластиковой карточкой.

Он ловко поймал его на лету и со словами:

— Бурундучок, ты точно учишься на Факультете Искусствоведения? Ну и лексикончик у тебя!

— Нормальный у меня лексикончик. Ты филологов еще не слышал, — отвечала я ему. Когда-то давно мой брат встречался с девушкой-филологом. Потом жаловался, что не понимает, когда она изощренно ругается, а когда просто разговаривает на какие-то отвлеченные темы.

Дэн почти мгновенно оказался за библиотечной стойкой, а потом так же быстро вернулся ко

мне вместе с читательским. По правилам зала, каждый, кто приходит сюда, должен отметиться.

— Готово, — сообщил он мне и заботливо вложил белый прямоугольник прямо мне в руки.

— Если ты еще раз назовешь меня Бурундуком, клоун, я тебе врежу, — честно предупредила я его. Почти двадцать лет жизни со страшим братом в одном доме многому могут научить…

— Я тоже Бурундук, мы ведь команда, что тебе теперь обидного? Ладно, Мария, переходим к делу, — он припал к столу, положив на него локти, и поманил меня пальцем, чтобы и я последовала его примеру. Я закатила глаза, но последовала его примеру.

— Давай быстрее. Объясни мне, почему ты подошел ко мне с такой странной просьбой. Я про Князеву говорю. И при чем здесь мой Никита?

— Мы должны работать вместе, — жарко зашептал он, наклоняясь ко мне, — от Дениса пахло арбузной жвачкой и одеколоном, которые папа называет «мужские духи с запахом свежести и моря». Честно говорю, одеколоны, как и духи, я не люблю. А вот запах дегтя… Да уж, у меня обоняние странное, согласна.

— Ты это к чему? — внимательно поглядела я в его синие глаза.

— К тому. У нас общие интересы, правда, не совсем хорошие, потому что разбивать пару — это поступок не самый приличный, но если мы хотим, чтобы наши любимые люди были с нами, нам придется постараться. Верно, Мария? Ты ведь не из тех, кто отступает?

— Я редко отступаю, тем более от того, что люблю. Но все равно не понимаю. Или говори яснее, или я сваливаю. Какую пару мы должны разби… — рассердилась я довольно громко. Те немногие студенты, находившиеся в читальном зале, тут же обернулись на нас. Дэн изловчился и ловко закрыл мне ладонью рот. Я невольно сглотнула. Мне так рот раньше закрывал любезный брат, чтобы я не портила его драгоценное настроение своими воплями (особенно в детстве) — только у него руки были привычными, что ли, да и пахло от них сигаретным дымом. А лапы Дэна были чужими, с выпирающими костяшками, но их я совершенно не боялась — как и рук братца, как будто бы со Смерчинским давным-давно были знакомыми, и он каждый день только и делал, что пытался закрыть мне рот ладонью.

— Тише, Чип, тише, не привлекай общественность. Все в порядке, ребята, простите за шум!

— Ты, Дэйл недоделанный, — умудрилась я оторвать его руку от собственного лица. — Оставь меня в покое. Тебе ясно?

Студенты отвернулись о нас, и он смог продолжить разговор.

— Тише, тише, Мария. Мне все ясно. Слушай меня дальше. Мы с тобой не отступим, да?

— От чего?

— Я — от Ольги, — он вновь пригнулся и положил голову на прохладную поверхность столика, положив руки на колени (слава Богу, что не на мои). — Ты — от Никиты.

— Я тебя не понимаю, о чем ты? Объясни нормально, — до меня не совсем доходил сказанных им слов.

— О том, что мы завоюем своих любимых людей, — он на мгновение сжал губы, и от этого на его щеках вновь появились ямочки.

— Ты к чему это клонишь? — не заметила я, как стала говорить так же тихо, как и Смерчинский, и сама нагнулась к Денису совсем близко.

— Мы не дадим им быть вместе, — заговорщицким шепотом произнес парень. — Они пока только начали встречать, поэтому, по моим подсчетам, они не могли еще слишком сильно сблизиться. У нас есть приличный шанс, не находишь?

— Нахожу… Стой! — я опять вскочила, чувствуя, как чего-то недопонимаю. — Они встречаются?! Князева и Никита?!

Гордая птица орел пропала, и на ее месте возникло нечто общипанное и дряхлое. От крыльев остались одни воспоминания. Как так? Почему он встречается именно с этой ободранной Князевой?

— Ты врешь!

— Ничего я не вру, — нахмурился Смерчинский. — Не в моих привычках лгать. Я могу недоговаривать, но врать не стану. Они начали встречаться пару дней назад.

— Не верю! — я никогда не страдала особенной сдержанностью. Может быть, потому что я Овен?

— Чего ты орешь? Ребята, у моего друга небольшие проблемки с психикой, не обращайте на нее внимания! — вновь обратился он веселым тоном к студентам, вновь уставившихся на нашу парочку.

— Да ничего, все в порядке, — было ему хоровым ответом. В это же время дверь в читальный зал отворилась, и в него выплыла пожилая, грузная и очень строгая библиотекарша, которая, по-моему, всеми фибрами своей пыльно-книжной души ненавидела учащихся универа и повышала голос по поводу и без оного. Однако сейчас, увидев своего «заместителя», эта любительница порядка с суровым лицом, буквально расцвела, как майская роза, странно только, что не запахла.

— Ой, Денисочка, — проворковала она басом, подходя к нам, — спасибо, что посидел в библиотеке.

— Не за что, — наградил ее улыбкой парень. — Если что — зовите.

— Конечно-конечно, милый мой, — просюсюкала библиотекарь. — Заходи к нам почаще, я достану тебе те журналы, о которых ты просил. Во вторничек, заходи во вторничек, дружочек.

— Да, спасибо вам за заботу.

— Все нормально?

— Конечно. Все сидят тихо, занимаются. А я тут со своим другом, — он кивнул на меня, находящуюся в состоянии шока от его сообщения относительно Ника и Князевой.

— Другом? — наградила меня подозрительным взглядом женщина.

— Да, это мой друг, я как раз ее ждал. Классная девчонка, зовут Мария, я называю ее Чип —

знаете, как одного из бурундуков в мультике «Чип и Дэйл». Помните?

— Помню, — стал мягче взгляд пожилой женщины. — Внук часто смотрит.

— А это Василиса Ивановна, лучший библиотекарь, — представил нас друг другу Денис, только мне было не до знакомств с кем бы то ни было, даже с лучшим библиотекарем Вселенной. В глазах от только что услышанного, двоилось, как после пары банок коктейля — было дело, напоили однажды меня подружки-однокурсницы…

Но как так? Никита? Встречается? С Князевой? А… а как же я и три года моей любви? Три года — это срок. За воровство такой дают к примеру. А ведь я ничего не крала — напротив, это Кларский стащил мое сердце или чем там люди кого-то любят? То, чем любят, то и украл, негодяй. Неужели, все мои мечты так и останутся мечтами и ничем больше? А как же наше совместное светлое будущее? Я ведь почти дозрела до того, чтобы если не признаться в чувствах, так хоть позвать сходить куда-нибудь вместе!

— Поздоровайся с Василисой Ивановной, — ткнул меня в спину Смерч.

— А? — не сразу удалось отойти мне от горьких внутренних дум, сводившихся теперь к одной большой темно-серой мысли-головастика с зубастой пастью, вновь появившегося в моей головушке с транспарантом: «Князева — стэээрва!!!»

— Вежливость — залог удачной коммуникации, — как бы, между прочим, заметил Дэн. — Поприветствуй хозяйку библиотеки.

— Здрасти, — дошло, наконец, до меня.

— И тебе привет. Ты тоже можешь заходить ко мне чаще, раз уж друг нашего Дениса, — неободрительно глядя почему-то мне на ноги, произнесла библиотекарь.

— Ага.

— Слушайся Дениса, он плохого не скажет.

— Угу.

— И не обижай его.

— Да… Как я вам его обижу? — вовремя спохватилась я. Наиглупейшая просьба. Кто кого из нас может обидеть?

— Как-нибудь уж, — сварливо отвечала библиотекарь. — Он парень тонкой душевной организации.

— Ладно, нам пора, Василиса Ивановна. Можно, мы выйдем там? — кивнул куда-то вправо Денис, — мы как раз погулять хотели.

— Какой же ты проказник, — захихикала баском она, — выходи. Друг то твой сможет также выйти?

— Сможет. Я же с ней, — самоуверенно отвечал парень.

— А с твоей Марией все в порядке, а то застыла, как столб и таращиться в никуда? — кивнула на меня библиотекарь.

mir-knigi.org

— Стесняется, — заверил парень свою обычно грозную ко всем собеседницу.

— Ну, как знаешь. Посоветуй ей витаминчиков попить, может у нее обострение какое, — дала двусмысленный совет Василиса Петровна.

Они попрощались, Дэн схватил меня, все еще находившуюся в зыбком тумане дружного тандема удивления и потрясения, за руку и поволок по направлению к высоким окнам. Распахнув настежь одно из них, он, не долго думая, выкинул на улицу свой рюкзак и сказал:

— Чтобы весь универ не обходить, спрыгнем.

— Спрыгнем? — как сомнамбула, произнесла я, а потом до меня дошел смысл сказанного, и я чуточку ожила. — Как спрыгнем? Ты что, Смерчинский, дурак?

— Нет, меня обычно называют почти гением, — серьезно ответил молодой человек. — Здесь всего лишь первый этаж, не бойся. Я спрыгну первым, а потом поймаю тебя.

— Я выйду через дверь, как нормальный человек, — твердо сказала я, но этот гад, словно не слыша меня, забрался на широченный подоконник, потянул за собой меня, а потом, почти не глядя вниз, быстро спрыгнул на зеленый газон.

— Подай мой ноут, — велел он мне. Я покорно протянула ему переносной компьютер — тот моментально исчез в рюкзаке Дэна.

— А теперь кидай свой рюкзак.

— Да ни за что в жизни, — прижала я к себе его. Вот же библиотекарша дура — на ее глазах студенты из окна сигают, а она и в ус не дует. Этот Денис что, гипнотизировать людей умеет? Сегодня только и слышу, какой он классный и отвязный парень!

Дэн подпрыгнул, ухватился за торчавшую лямку моего рюкзака, и выдернул его из моих рук с такой силой, что я тоже чуть не вывалилась из окна вслед за ним же. Я слегка рассердилась — в другое время, наверное, я разозлилась бы очень сильно и стала бы, наверное, орать, но сейчас многие мои эмоции потерялись среди других, более сильных и куда более негативных.

— Давай быстрее, Бурундук, — велел Смерч мне. — Нам много всего нужно обсудить.

— Сейчас я спущусь и убью тебя, — отозвалась я и свесила ноги вниз. Иногда у меня в голове что-то замыкает, и я тоже совершаю немного безрассудные поступки.

— Давай быстрее, друг Дениса, — сказала мне в спину библиотекарша Василиса Петровна, — дует. Сдует еще меня.

— Ветру нужно хорошенько постараться, чтобы вас сдуть, — хмуро и очень тихо отвечала я. — А ураганов у нас, как известно, не бывает.

Дэн все же услышал мои слова, и осуждающе покачал головой, хотя его темно-синие глаза смеялись, по крайней мере, мне так показалось. Через пару недель я хорошо научилась разбираться в эмоциях, отражающихся в Сморчковских очах.

Он протянул руки и все-таки помог мне спуститься. Окно за нами с шумом закрылось.

— Какая-то ты худая, — скептически осмотрев меня, произнес он.

mir-knigi.org

— Разве это плохо?

— Вообще-то хорошо, только там, где у женщин по идее должны быть округлые формы, у тебя почти ничего нет.

— Ты! — замахнулась я на него только что поднятым с земли рюкзаком. — Совсем обнаглел?

— А я здесь при чем? — ловко отпрыгнул он в сторону. — Капусты ешь больше — так вроде в народе говорят… А, если хочешь, могу познакомить тебя с классным женским тренером, чтобы он тебе для увеличения, где нужно, упражнения подобрал, — продолжал, как ни в чем не бывало этот нахал. — А еще есть одежда специальная…

Это было уже слишком. Полудохлый орел мутировал в мстительную гарпию.

— Я тебя сейчас убью, Смерчинский! Я тебя знаю всего ничего, но ты успел меня вывести на годы вперед! — прорычала я.

— Что ты все время кричишь? Я просто даю тебе дружеский совет! — его лицо осветилось солнечной улыбкой. Я невольно уставилась на его коричневые волосы, которые под лучами солнца отливали темным золотом. Нет, Никита все равно красивее!

— Советы? — перевела я взгляд на его лицо. — Да ты только что потоптался на моем самом любимом комплексе, советчик хренов! Я же не говорю, что у тебя что-то маленькое.

— А что у меня может быть маленьким? Я в отличной форме, — расправил он плечи пошире.

— Откуда мне знать, что — пнула я камешек, — это нужно спросить у девиц, с которыми ты ночи проводил… Ха!

— Дать их телефоны? — невинно предложил Дэн и в подтверждении своих слов вытащил коммуникатор в ядовито-желтом пластиковом футляре.

— Спасибо, не надо, — отказалась я.

— Почему же, они все про меня расскажут, Бурундук.

— Сморчок, — фыркнула я. Блин, как же он достал. К тому же, именно этот доставучий парень сообщил о том, что Никита и Ольга встречаются, а, как известно, еще в далекую старину гонцов, принесших плохую весть, казнили. Жаль, я не могла послать Смерчинского на плаху, потому что в этот момент меня просто распирало от злости. Она все-таки победила остальные эмоции. Запоздало мелькнула мысль: а что, если этот умник специально меня раздразнил, чтобы я на время забыла о невероятно неприятном факте касательно романтического увлечения Ника?

— Какая ты эмоциональная, Мария. Ладно, о деле, — и он первым зашагал по короткой сочной траве, бесшумной касаясь земли подошвами черно-белых кед, на внешней стороне каждого из которых красовались звездочка фирмы «Конверс» и изображение бруклинского моста. Вот зараза, я ведь тоже такие хотела купить, именно с мостом и именно такого цвета, но мама, которая очень хочет, чтобы ее дочь, то есть я, была женственной и милой, запретила мне покупать кеды и кроссовки, и сама приобрела мне туфли на высоком каблуке и элегантные кремовые босоножки. Естественно, я возмутилась такому произволу, но на сторону мамы встал папа, дедушка и брат с моей будущей невесткой. Они, видите ли, тоже хотели, чтобы я «выглядела достойно». Достойного кого, родственники не уточнили.

mir-knigi.org

Я же объявила им, что принципиально не буду обувать мамины «подарочки», и хожу до сих пор в старых, найковских кедах, темно-синих и с оранжевой шнуровкой.

— О деле, — повторил Дэн задумчиво. — Они вместе, это факт, поэтому нам нужно объединиться, чтобы разбить их и самим стать счастливее.

— Ты мне врешь, — тут же заявила я. — Они друг друга знать не знают. Не будет мой Никита на такое чучело невзрачное заглядываться.

— Что? — даже остановился Денис. — Чучело? Ольга — эталон женственности. А этот парень, Никита, никакой. Абсолютно. Я не люблю говорить о людях плохо, особенно за глаза, но он — это нечто.

— Это Князева — что-то с чем-то.

— Я знаю, Оля любит ярких неординарных парней, ждет необычных поступков, — продолжал, словно намекая на свою скромную персону, мой спутник, — хочет не просто отношений, а сказки… — парень запнулся на полуслове. — Но этот Никита Кларский абсолютно обычный, скучный и правильный тип.

— Заткнись! Он самый лучший. Яркий, фееричный, сказочный… Князевой что, клоун нужен в роли любящего мужчины? Изволь, я намекну ей, где у нас цирк, — и я сама захихикала, довольная своей шуточкой. — И вообще, не тебе о Нике судить

— Конечно, не мне, — покорно согласился мой наглый собеседник и, словно бы невзначай, царственным жестом откинул с идеально чистого лба челку. Ах, красавчик. Думает, все на него вешаться должны? Сейчас же. Никита в тысячу раз красивее, интеллигентнее и приятнее. Ключевое слово: «в тысячу раз».

— Ладно, нам ни к чему ссориться, мы же партнеры, — Взял себя в руки Смерчинский. — Если нужно доказательство — оно у меня в телефоне. Я их сфотографировал вместе.

— Да? — все еще не хотелось верить мне, хотя, вдруг вспомнив то, какими обеспокоенными стали сестренки Марина и Лида, когда я упомянула Князеву, я поняла, что, наверное, этот клоун все-таки не шутит. Да и, кажется, в тот день, когда на физкультуре фотографировала Никита, я краем уха слышала, как Оля говорит своей подружке, что у нее скоро свидание. Тогда я даже не обратила на это внимание, а теперь, теперь мне кажется, ясно, с кем было у нее свидание. Вот блин.

Решив добить меня, брюнет потыкал пальцем в сенсорный экран своего телефон и показал мне фото довольно-таки хорошего качества, на котором были изображены Ольга Князева, скромно улыбающаяся, и (к моему неописуемому ужасу) мой Никита, вопросительно смотрящий на девушку и держащий в руке два рожка с жидким мороженым — моим любимым, между прочим.

— Капец, — простонала я, увидев это фото. — Не может быть.

— Может, — вздохнул Дэн. — Сам в шоке. Теперь-то ты мне веришь? А если думаешь, что это фотошоп или случайность, сама скоро поймешь — когда эти двое будут приходить в универ, держась за ручку.

— Как мерзко, — мне опять заметно поплохело. — Они вместе… И что делать?

mir-knigi.org

— Пошли на лавочку, там и поговорим, — деловито произнес Денис.

— О чем нам говорить? — тут же, после короткого перерыва, когда все мои мысли были только о том, где и как лучше переломать кости этому смазливому верблюду, вернулись ко мне думы о том, что Никита, мой Никита, начал встречаться с ободранной крысой Князевой!

— О том, что мы оказались в одинаковой ситуации. А вот и свободная, — указал Дэн на новенькую удобную деревянную лавку со спинкой и подлокотниками. Рядышком примостилась урна в форме высокой клумбы, которая была переполнена настолько, что из нее вывалились пустые пивные бутылки. Кстати говоря, сейчас, по случаю очень хорошей погоды, на аллейке было многолюдно: куча мамочек с колясками, стайки малолеток, старушки-подружки, чинно бродившие по дорожкам, в самом центре аллейки, около фонтанчиков, толпилась целая куча собачников, вокруг которых носился целый десяток их питомцев.

— Садись, тут чисто, — первым развалился Смерчинский и даже протер мне место собственной ладонью. Заботливая мамочка.

— Мне все равно, грязно или чисто, — устало опустилась я на лавку и тут же откинулась на спинку. — Мое сердце разбито, жить не хочется, к тому же я голодная. А откуда ты взял это фото?

— Сам сделал. Я случайно оказался в Центральном парке. Они гуляли, у них было что-то вроде первого свидания. Вот и сделал фото.

— Вот как, — сухо отозвалась я, потому что не могла представить своего Никиту, гуляющего вместе с Князевой. Бррр. — А как понял, что я Никиту люблю? — странное дело, но этому типу было несложно и совсем не стыдно рассказывать о своих чувствах, которые я так тщательно охраняла от общественности. Ведь о них, как я уже говорила, знали только Лида и Марина. Удивительное дело, неужели Дэн так хорошо умеет располагать к себе людей? Действительно, волшебник.

— Когда я увидел их вместе, то решил на следующий день посмотреть на этого парня. Друзья успели достать мне информацию о нем, фото прислали по аське, да также номер телефона и почтовый ящик.

— Нехилые у тебя друзья.

— У меня хорошие друзья, — улыбнулся парень. — Один из них следующей ночью умудрился взломать его ящик и агент с аськой, жалко, что он социальными сетями не пользуется. Инфы было бы больше.

— Я тоже не пользуюсь, — важно ответила я. Когда-то давно у меня было пара страничек и даже собственный электронный дневник, где я писала дикую чушь. Все свое свободное время я сидела в Интернете, занималась абсолютно ненужной ерундой, а потом неожиданно сама для себя удалила все это и теперь зависала на фильмах и сериалах.

— И я, — хмыкнул Дэн. — Времени нет.

— И что, реально Никитин ящик взломали?

— Реально. Хотя, вообще-то это произошло и виртуально одновременно, — он хмыкнул. — Только там ничего интересного не было. Скрытный парень.

— А я тоже хочу там порыться! — выкрикнула я громко. — Дай мне пароли!

— Почему ты всегда так громко орешь? — удивился мой собеседник. — Смотри, голубей распугала. Кстати… — он порылся в кармане джинсов и вытащил наружу горсть семечек, которую тут же принялся кидать птицам. Наглые пернатые, увидев бесплатный хавчик, с обнаглевшим видом подлетели к нам и принялись едва ли не драться за каждую семечку, глухо воркуя (наверняка ругательства)

— Лучше бы мне дал, — недовольно взглянула я на птиц, толкающихся едва ли не у наших ног. — Я тоже люблю семечки.

— Я тебе потом куплю, Чип, больше нет, прости, — развел руками Смерчинский. — Что-то мы отвлеклись. Слушай дальше и вникай.

— Угу.

— Я специально приехал на физкультуру к этому товарищу, Никите.

— В этом году у нас и экономистов физра в одни и те же часы, только у них преподы другие, — встряла я.

— Знаю. Я приехал, подошел к нему, чтобы вживую полюбоваться и как раз услышал из его разговора с другом, что у него и Олечки было свидание, и как он счастлив быть рядом с ней.

— Я тоже что-то такое слышала! — опять воскликнула я, припоминая тот счастливый день, когда мне удалось сделать фото. — Только отрывками, о том, что он чему-то рад, а его друг, парень в очках, как раз поддакивал ему.

— Надо же, — удился Дэн, — мы слышали почти одно и тоже. Интересное совпадение. Только у меня слух лучше.

— И мания величия к тому же.

А он, игнорируя мои слова, продолжал:

— Я бы больше услышал, только меня заметил Палыч, препод, который баскетбольную команду тренирует…

— А, так это ты «дьяволенок»? — непонятно чему обрадовалась я, вспомнив и слова препода по физкультуре.

— Да, наверное, Палыч всегда меня так зовет, с первого курса, — усмехнулся Денис. — Классный тренер, может из любой развалины сделать отличного баскетболиста. Кстати, тогда же я увидел, как ты своего Никитку фотографируешь едва ли не в упор. Как он не заметил этого — просто удивительно.

— Молчал бы.

— Я и так не стал оглашать твоих действий, Бурундук. В общем, я сопоставил факты и понял, что он тебе нравится. У тебя такое лицо было дурное, когда ты его фотала, — на смазливом лице вновь появилась улыбочка, давшая возможность блеснуть в солнечных лучах заходящего приветливого солнца ровным белым зубам. — Но это был сочный кадр!

Я замахнулась на Дэна, и он тут же замолчал, состроив смешную рожу. Действительно, Клоун

mir-knigi.org

Клоунович.

— Поэтому мы с тобой — союзники. Тебе нужен он, мне — она. Ну что, будем действовать?

— Ну не знаю, — отозвалась я, внимательно глядя на него. Он с такой легкостью говорит о том, что девушка, которую любит, встречается с другим, как будто бы это ничего не значит для него. Мне, честно, плохо, и настроение ниже плинтуса в подвале, и хочется винить целый мир: начиная от ничего не сказавших мне подружек (а они явно что-то знают!) до Князевой, которая, кажется, загребла своими бледными загребущими ручонками человека, нежно любимого мною с первого курса!

— Мария Бурундукова, я знаю, что поступаю нечестно и предрассудительно. Но я привык, что я с легкостью — или без нее — получаю то, что хочу. — Я впервые с момента нашего кратковременного, но насыщенного знакомства видела его серьезным. — А я хочу получить Ольгу, даже если мне придется разлучить ее с любимым человеком. Я не думаю, что она искренне любит его, но, тем не менее. Я привык бороться. Поэтому сейчас я тебе в последний раз предлагаю стать моим союзником, потому что мы находимся в одинаковом положении. Я знаю свои достоинства и недостатки, поэтому говорю, что неплохо разбираюсь в романтике, но в том, как завоевать девушку, которая меня не хочет — не слишком. У меня еще не было таких ситуаций. Надеюсь на твою помощь. Сам сделаю для тебя все, что смогу. Да или нет?

Ух, какой у него был торжественный голос, я чуть было не расхохоталась, не смотря на печальную ситуацию, но, едва взглянув в его темно-синие глаза, теперь уже не слишком веселые, перехотела это делать.

— Какой серьезный, — я постучала ногтями по колену, повертела головой, почесала шею и, наконец, ответила нехотя:

— Ладно, Смерчинский, я с тобой.

В мгновение ока выражение его лица изменилось — стало радостным, как будто бы я согласилась подарить ему право первой ночи — не только со мной, но и с пятью сотнями лучших женщин мира.

— Классно, Бурундук, мы сработаемся. Ну что ты на меня так уставилась? Я ведь тоже Бурундук, можешь, втайне от других, звать меня Дэйлом.

— Я буду звать тебя Смердяком, — тут же пожалела я о своем согласии. — Слушай, а ты не пожалеешь о своем решении, о том, что захотел связаться со мной? Не слишком ли ты быстро выбрал стратегию? И… сотрудничество?

— Я всегда все делаю спонтанно, — он самоуверенно постучал себя кулаком по груди. — Мне говорят, что я гений, так что… Ладно, с этого момента мы точно команда. Пара условий, идет?

— Каких условий?

— Мы никому не скажем, что будем работать на то, чтобы эти двое расстались.

— Понятно дело. Я то, положим, промолчу, только вот мне кажется, что у тебя рот, как помело.

Дэн нагло потрепал меня по волосам и ответил:

— Не рот, а язык. Мой язык абсолютно не похож на помело. Я буду держать рот на замке. Это

вы, женщины, имеете язык без костей.

— Зато у тебя вместо мозга одна сплошная кость, лобная, вросшая, наверное, в полушария, — обиделась я тут же за себя и за всех женщин сразу.

— Ладно, все гендерные проблемы обсудим позже. Еще одно условие — доверять друг другу и во всем помогать.

— Да-да…

— И не отступать до конца.

— Угу.

— Да, если ты расскажешь кому-нибудь про Ольгу, то в это же день весь наш универ будет в курсе твоих отношений с Кларским.

Я тут же поверила ему. У Смерча, как я уже не раз говорила, друзей, знакомых и просто сочувствующих — выше крыши. Все его любят и уважают. Скоро культ личности в местном масштабе создадут.

— Да не собираюсь я никому ничего говорить, — не выдержав, я вновь повысила голос.

— Даже подругам? — сощурился парень.

— Да. Между прочим, они из-за тебя и того, что ты ко мне приставал около аудитории сегодня утречком, думают, что между нами что-то есть! — выговаривала я Дэну, беззаботно пинающему носком правой ноги землю.

— Вот наивные, — рассмеялся он. — Иногда из-за меня наступает странная шумиха. А девушки не дают прохода. Я такой милый, да?

— Ты противный, — фыркнула я, — как дятел, объевшийся дуба.

— Ну, спасибо тебе большое, — притворно надулся он. — Между прочим, христианской символике дятел олицетворял…

— Тебя? Они уже тогда это знали? — мне казалось, шучу я просто великолепно.

— Нет, нечистую силу, а я — добрый малый. Ну, я милый, да? Подтверди. — Кажется, он начал как-то по-особенному изощряться над моей психикой.

— О, Господи, замолчи, а? Ты помешен на себе? — я почти уже успокоилась, хотя в глубине души знала, что теперь все мои мысли будут о том, что, возможно, Никита сейчас находится вместе с этой длинноволосой выдрой… Пока я с кем-то разговариваю и отвлекаюсь на что-то, эти мысли не будут ловить меня и терроризировать, но как только я останусь наедине с собой… начнется веселье пессимизма.

— Не-а. Просто утром ты была так мила и похожа на тех девчонок, который любят строить глазки, что сейчас я просто в растерянности — ты стала грубой и невоспитанной.

Он замолчал, увидев милую голубицу в паре шагов, которая заметила одиноко валяющуюся семечку. Следом за птичкой важно вышагивал, переваливаясь, абсолютно черный голубь с переливающейся шеей. Он, озабоченно воркуя, направился к голубке. «Девушка», увидев

гостя, задумчиво посмотрела на него и медленно засеменила прочь. Мы с Денисом одновременно выдали:

— Смотри, он за ней ухаживает!

— Смотри, он ее сейчас сделает!

Не трудно было догадаться, кто и что произнес. Вот вам, однако, и различие полов. Девочки хотят романтики, мальчики немного другого. Особенно такие мальчики, как Дэн. Мой Никита — совсем другой. Почему я утверждаю это? Да просто я чувствую, что он не такой как все прочие парни, он заботливый, нежный и не озабоченный.

— Мог бы и помолчать, — сказала я, наблюдая, как птицы взмывают вверх под вопли: «Мама, смотри, голубки!». Их напугали двое детишек с мороженым в кулаках, из той породы беспутных шалопаев, которые прелестно одеты и кажутся миленьким, но на самом деле наглы и жестоки, как прямые потомки Карабаса-Барабаса. Они и орут обычно таким же зычным басом, только капризным.

Дэн только головой покачал и вытащил из рюкзака большие спортивные солнцезащитные очки — солнце, потихоньку садящееся, но до сих пор еще сильно припекающее, светло нам прямо в глаза.

Детишки потеряли из виду двух влюбленных голубков, зато заметили чью-то маленькую таксу, спокойно справляющую нужду у кустика. Они тут же начали гоняться за несчастной маленькой собачкой, не забывая басить. Та, гавкая, начала бегать вокруг лавки. Ее хозяин, мужчина с поводком на руке, разговаривал по мобильному и не видел всего этого безобразия.

Малявки немедленно принялись прыгать вокруг нашей скамейки вслед за собакой, подняв дикую пыль. К тому же один из них умудрился врезаться в меня и неведомым образом замарать колено. Две молоденькие мамочки, чинно вышагивающие следом за своими дитятками, увлечено переговаривались, тоже держа в руках по большому мороженому в вафельном рожке.

— Малышня, — обратилась я тут же сердито к детишкам, — побегайте в другом месте, не видите что ли, что мы тут сидим.

Оба ребенка (а я так и не могла понять, мальчики это были или девочки), остановились, оглядели меня презрительно и заверещали хором:

— Сама дура! Взрослая злая тетка!

— Вы чего, припухли? — вскочила я. Не зря я детишек недолюбливаю. — Вас какой идиот воспитывал?

— Ты — идиот, — тут же начали клеветать на меня малыши-Карабасы. — Идиот-идиот!

— А по заднице? — замахнулась я на них.

— Тупая!!

— Брейк, дети, брейк, — весело отозвался Дэн. — Какие прикольные. Ребятки, хотите конфет?

— Хотим, а какие? — тут же переключили все свое внимание на него малявки. Денис вытащил

из рюкзака большую желтую пачку «M&Ms». Те с благодарностью выхватили угощение, забыв, видимо, что у чужих ни в коем случае нельзя брать подарки. Вот же жадные дети — моя догадка об их родстве с известным сказочным персонажем и обладателем плетки-семихвостки подтверждалась. И куда только их мамочки смотрят?

— Нравится? — спросил Дэн и потрепал обоих по коротко стриженным золотистым макушкам.

— Вкусно! — сообщили чавкающие детки и неожиданно улыбнулись довольному Дэну, сидящему перед ними на корточках. — Спасибо, дяденька. Ты добрый. — Они одарили его благодарными взглядами и искренними улыбками и унеслись к мамам, беспечно поедающим мороженое. Правда, спустя пару минут один из малышей, в смешном синеньком комбинезоне вернулся и важно вложил в руку Смеринского вкладыш-переводку от жвачки.

— Это вам, дядя. Наклейте на руку, поплюйте, и переведется, — дал краткую инструкцию ребенок.

— Хорошо, спасибо, — кивнул мой спутник, принимая подарок и пряча его в кармане.

Пацан убежал, показав мне напоследок язык.

— Надо же, ты и с детишками умеешь общий язык находить, — поразилась я и не удержалась от простенькой колкости, — папочкой стать готовишься?

— Лет через двадцать, — серьезно отвечал Денис. — Причем тут общий язык? Я просто так общаюсь.

— Или подлизываешься…

— Что? — не расслышал он.

— Да так, мыслю вслух, — попинала я большой камень. Почему с ним детки обращались хорошо, а меня обозвали? Потому что у меня конфет нет?

— Пошли, — кивнул мне Денис.

— Куда еще?

— Я тоже хочу мороженого. Как у них. Видела, какие прикольные вафельные рожки? Надо же нам отпраздновать начало нашего сотрудничества, как думаешь, Бурундук?

Я мне пришлось тащиться вслед за этим сладкоежкой в самый конец аллейки, туда, где стояли несколько магазинчиков и начинались жилые кварталы, недавно выстроенные около университета.

Купив сразу по две штуки мороженого, которое продавали в специальной палатке, и, потребовав, чтобы нам налили шоколадного наполнителя и посыпали сверху орехами, довольный Дэн опять решил прогуляться по аллейке. Кстати, он проявил себя истинным джентльменом — заплатил за меня, хотя я до последнего настаивала на обратном.

— Если тебе так хочется, — купи мне «Колы», — наконец, сдался он. — Ну, ты и вредная, Чип.

— Сам такой. Кстати, почему нам положили так много шоколада и орехов кучу насыпали? — разглядывала я белоснежное воздушное лакомство в хрустящей вафле. — Обычно наполнителей намного меньше.

mir-knigi.org

— Да? Не знаю, у меня всегда так, — пожал он беззаботно плечами.

— А я знаю. Продавец — девушка, ты сказала ей пару слов, она и растаяла. Манипулятор, — я откусила большущий кусок и чуть не подавилась. Маринка или Лида обязательно сказали бы, что меня так «Боженька наказал».

— Я просто с ней разговаривал, — заботливо постучал меня по спине Сморчок.

— Ты со всеми просто разговариваешь, а потом тебя за это «просто» любят и уважают, — я вспомнила, как умело ко мне подкатывал утром этот красавчик с легким, но противным характером, и только головой покачала. Кошмар, мы знакомы только, можно сказать, полдня, а уже типа друзья! Надо признать, шарм и харизма у него удивительные. Правда, вслух я сказала, что кое-кто просто идиот, а он только засмеялся. Обычно парни обижаются на любую критику, а Дэн какой-то неправильный.

— Бурундук, кстати, ты все еще помнишь наши правила? — спросил он у меня внезапно.

— Назовешь еще раз меня так, я тебе тресну по башке, — сделала я ему замечание.

— Сколько у тебя комплексов, — вздохнул он, — будь проще. Я ведь сказал, что тоже бурундук. Мы с тобой…

— Психи мы, — перебила я его. — И причем тут договор?

— Давай его подпишем, а? Классная идея, Мария? — загорелся парень своим причудливым замыслом.

— Иди ты…

Не слушая мое бурчание, он огляделся, выудил взглядом свободную лавку. Как я потом убедилась, Дэну почти всегда нереально во всем везло, ну, кроме любви, наверное. Он уселся на нее, вытащил свой ноутбук и быстро-быстро что-то напечатал в «Ворде», а потом, опять же не вняв молитвенным просьбам оставить меня в покое, снова потащил к магазинчику. На этот раз мы направились к тому, где продавались канцелярские принадлежности и делались копии и распечатки — а это весьма популярная у студентов услуга. В будни в этом киоске обслуживалась целая толпа народа, а у хозяев оставалась нехилая выручка.

И что ему на месте не сидится?

В магазинчике, протянув продавцу флешку, на которой находился только что набранный текст нашего будущего «договора», Дэн довольно заметил:

— Повеселимся, да?

— Балда. Ты посмотри, как на нас продавец странно косится — наверняка видел, что напечатано на флешке, — прошептала я. И чем я, взрослая студентка, будущий специалист по рекламе, занимаюсь? Мой любимый утекал к другой, а я распечатываю всякие глупости с местным принцем-дуралеем, которого знаю всего ничего.

— Все о'кей. Спасибо! — протянул он деньги парню за прилавком, обслуживающему нас. Тот, с плохо скрываемой ухмылкой отдал ему чек и несколько белых листков формата А4. Едва мы вышли на улицу, я выхватила их и стала вчитываться в глупый текст. Глаза у меня становились все больше и больше — хорошо, что еще не выпрыгнули и не покатились под лавочку, стоящую

mir-knigi.org

около нас… Хорошо, что с челюстью не произошло никаких изменений — она так и осталась там, где ей физиологически было положено находиться. А, кстати, в фанфиках едва ли не всех фендомов постоянно пишут, что у героев от удивления челюсти отвисают, подпрыгивают и падают — только что на крылышках бабочек не улетают вдаль.

Даже странно, что моя челюсть не сорвалась вниз с безумным криком. У Смерчинского больная фантазия. Если бы хоть кто-нибудь увидел, что напечатано на листочках, то он точно принял бы нас за конкретных сталекров, пересмотревших мультики. Не зря продавец так косился на нас, ой, не зря.

Бурундук-соглашение N 1.

О совместном сотрудничестве и партнерстве

*Город **** 18 мая 20** года.*

Сторона А в лице Бурундуковой Марии Сергеевны, именуемой в дальнейшем Бурундуком Чипом, и сторона Б в лице Смерчинского Дениса Олеговича, именуемого в дальнейшем Бурундуком Дэйлом, находясь в трезвом уме и в доброй памяти, заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. Предмет договора

1.1. Б. Чип и Б. Дейл обязаны добиться расположения и любви Князевой Ольги и Кларского Никиты способами, не являющимися противозаконными и не противоречащими Конституции РФ.

2. Обязательства сторон.

1.2. Чип и Дэйл являются партнерами и друзьями.

1.3. Они обязуются держать в тайне свои замыслы.

1.4. Обе стороны обязаны помогать другу друг в достижении цели, а также доверять. Они обязуются в первую очередь спешить на помощь друг ко другу, а не к остальным.

1.5. Партнеры будут делать все зависящее от них, чтобы разлучить вышеназванных персон, и стать их вторыми половинками.

1.6. Чип и Дэйл обязаны довести начатое дело до конца и не бросать его.

3. Срок действия.

1.7. Не ограничен.

Настоящий договор составлен и подписан в двух экземплярах, имеющих одинаковую силу. Один из них храниться у Чипа, второй у Дейла.

СТОРОНЫ

Организатор Пользователь

mir-knigi.org

_____ _____

Подпись Подпись

Смерчинский Д. А. Бурундукова М.С.

— Ознакомилась? Подписывай, партнер, — сказал довольный Дэн.

— У вас все на инязе сумасшедшие? — поинтересовалась я елейным тоном. — Ты понимаешь, как ЭТО выглядит?

— Весело, — не смутился он, печатая кому-то сообщения, вернее, тыкая пальцем в экран.

— Глупо! Я не буду подписывать, — отказалась я.

Денис молитвенно сложил ладони лодочками и ангельскими глазами взглянул на меня. Точь-в-точь, как котенок, просящий вкусную добавку за обедом.

— И не мечтай, олух. Ты надо мной так прикалываешься?

— Ну, мы же друзья, — укоряюще произнес он, близко наклоняясь к моему лицу.

— Нет. Отодвинься, а то плюну, — предупредила я. Парень послушно выпрямился и даже на пару шагов от меня отошел.

— Я буду должен тебе желание, Маша. Любое, в разумных пределах, конечно, — стал Дэн меня соблазнять. — Поиграй со мной! Подписывай уже.

— Ага, а ты потом покажешь кому-нибудь! — я представила, с какими лицами этот маньячный текст будут читать посторонние, или те же Князева и Ник. Они решат, что мы с Дэном — одни из тех, кто пускают слюну ниточкой.

— Второй экземпляр будет у тебя, так что мы в равных условиях.

— Мы не в равных условиях, ведь не я придумала это, — я выразительно взглянула на текст. — Значит, со мной еще более-менее все в порядке.

— Партнер, давай жить весело, — бесцеремонно обнял меня юрист-недоучка, который не смотря на весь свой гигантский ум (он наверняка у него из ушей иногда вываливается, и Дэну приходится палочками заталкивать его обратно), не знал, что у каждого человека есть своя личная зона, входить в которую постороннему человеку запрещено.

— Я люблю веселье. Просто ты тип сомнительный, — с силой хлопнула я его по плечу, так, что парень даже поморщился слегка. А что, рука у меня тяжелая…

Сомнительный тип, видя мою нерешительность, тут же начал усиленно улыбаться. Это странно говорить, но я раньше думала, что улыбаться можно только губами, а он делал это еще и глазами, и всем своим лицом, которое словно бы светилось. Обаятельный чертов мимик.

— Сделаю все, что захочешь, друг, — говорил он, по-детски теребя волосы, спускающиеся до шеи и в упор глядя на меня.

Я, немного подумав, решила, что лишнее желание от такого человека, как Смерч, будет

нелишним, подумаешь, подпись всего лишь поставить.

— Надеюсь, не кровью? — спросила я.

— Как хочешь, Маш. Можешь и ею, только я кровь не люблю.

— Ха, раз не любишь кровь, значит, и драться тоже. — я, к собственной радости, нашла в нем недостаток. Слабак. Ха-ха.

— Подписывай уже, — ушел он от опасной темы и даже протянул мне ручку.

— Спиной встань и нагнись, моим столом поработаешь, — велела я Дэну.

— Я не гордый, — засмеялся он. А уже через минуту столом работала я, обозвав при этом вновь испеченного партнера и друга свиньей.

— И как ты предлагаешь действовать? — поинтересовалась я у него, уплетая за обе щеки мороженое (свои два Дэн слопал быстро). Настроение все же стало лучше, намного. Раз уж я буду действовать заодно с этим чокнутым, который называется меня Дейлом, то у нас все получится.

— Нууу… Я тебе уже говорил, что я плохо понимаю, как нужно завоевывать сердце девушки, которая меня отвергла.

— Отвергла? — покосилась я на парня.

— Я потом тебе об этом расскажу, — слабо улыбнулся он. — Я не люблю говорить о плохом. Позже узнаешь, — на миг его глаза грустно блеснули. — В общем, своими силами я не справлюсь, поэтому и предложил тебе сотрудничество. Ты можешь подружиться с моей любимой девушкой, и одновременно оттянуть на себя внимания Никиты, Бурундук.

— Сморчок! — ударила я парня по ноге рюкзаком.

— Ладно-ладно! — примирительно поднял он руки. — Далее. Для начала за этими двумя можно последить. Попробовать помешать их встречам, читать почту, смс…

— А как мы сможем это делать?

— Обычно, — пожал он плечами и поздоровался с компанией девушек, тоже возвращающихся из университета. — Техника не стоит на месте, и прогресс тоже, так что все возможно, Маша.

— Ага, с твоими-то связями.

Он хмыкнул и продолжил:

— К тому же ты мы должны будем все-все узнать о них. Я много раз пытался кое-что разузнать об Ольге, но она малообщительна, и у меня нет возможности узнать ее вкусы, привычки, слабости… Ты подружишься с Олей, а я с твоим дурачком….

— С кем? Никита — никакой не дурак. Это Князева — с приветом. Какие у нее привычки? Тихо сидеть на задней парте и прилежно писать конспекты, — проворчала я. — В косу свою чихать.

— Она эталон женственности! — его голос неожиданно потеплел.

mir-knigi.org

— Ведьмаческой если только, — никак не могла я простить коварную одногруппницу, отобравшую у меня мою законную добычу, парня то есть. — Или гоблинской.

— А твой Никита — мямля, — не остался в долгу мой партнер. — Олечка — ангел.

— Видала я таких ангелочков! У нее нимб в трусах, что ли спрятан? Дура она некрашеная! А ты… — дальше продолжить я не успела — мобильник Дениса неожиданно и очень громко начал исполнять звучную мелодию.

— Минутку, Марья, — тут же решил ответить на звонок Дэн.

Я с любопытством уставилась на нового знакомого, так неожиданно навязавшегося в дружки. Надо же. Я тоже рок-группу «На краю» люблю, и как раз эту песню, «Шоколад и виски», обожаю. Она совсем для творчества ребят из «НК» нехарактерна, но красива. А какой там солиста голос! Блеск! Говорят, песня посвящена какой-то девушке, которую любит фронтмэн, но я не представляю солиста Кея влюбленным… Он чувак, конечно, красивый, и грим у него прикольный, но наверняка он из тех звезд тяжелой сцены, который «пользуется» фанатками и пускается во все тяжкие. Что я, не знаю, какой жизнью живут музыканты? Хотя, если музыка классная, то на поведение исполнителей мне вообще плевать, главное, чтобы продолжали меня творчеством радовать и на концерты к нам приезжать!

Хм, неужели у нас со Смерчем одинаковые музыкальные вкусы? Но даже если он любит тяжелую музыку, он все равно дурак.

Пока я размышляла и решала, спросить ли Сморчка, сильно ему нравятся «НК» и какие группы тяжелые он еще слушает, Дэн с кем-то приветливо переговаривался по телефону, нетерпеливо постукивая ногой. Закончив переговоры, он резко развернулся ко мне, подумал мгновение, а потом, схватив за запястье, поволок за собой. Я, едва поспевая за ним, заорала — именно заорала, не благим матом, конечно, но было, кажется, похоже — парочка молодых людей, выгуливающих собачку на поводке, нехорошо взглянула на меня:

— Ты чего творишь? Ты куда?! Буйный что ли?

— Звонил мой друг, который смог прочесть Ольгины смс. Сказал, что они с Никитой договорились встретиться сегодня в половину седьмого в Торговом Центре «Рай», — поведал мне Сморчок.

— И что с того? А чего это Князевские смс ты сам читать не можешь?

— Друг будет переправлять все ее смс мне, а потом и все сообщения Никиты Кларского.

— Ну и что мы сейчас будем делать?

— Будем за ними следить! Нам надо хорошенько потрудиться, чтобы они расстались! — некоторая грусть в начале его слов тут же сменилась радостью, как будто мы неслись развлекаться.

— Не буду я ни за кем следить! — истошно заорала я, пробуя отцепиться, но это у меня не получилось. Я мельком взглянула на наручные часы — до их встречи оставалось двадцать минут.

— Мы не успеем!

— Успеем, я на «Выфере», — отозвался парень, усиливая бег. У него-то ноги длинные, двигается быстро и легко, а я — мучься!

— Езжай один!

— Ну, уж нет, — повернул он ко мне свое сияющее лицо, — мы же партнеры, как Чип и Дэйл.

— Я всегда ненавидела этого Дэйла! И тебя тоже начинаю! — взвыла я. Он, действительно, всегда казался мне деревенским увальнем, другое дело — Чип в шляпе. И как этот сопляк (да, хочу называть его именно так!) угадал с моим любимым персонажем в любимом детском мультике, от которого меня мама за уши оттаскивала? Откуда мне было знать, что все это Смерч делает подсознательно.

— Не кряхти, подружка! Мы хорошо проведем время и все им испортим! — прокричал парень, а я состроила кислую мину и поднажала. Ладно уж… Стайка старушек, греющихся под солнцем, повернули головы в наши стороны и я, к своему изумлению, услышала, когда мы пробегали мимо них:

— Сразу видно — молодые, счастливые, влюбленные…

— Мы в молодости так же на сеновал бегали, — кивнула ее товарка в разноцветом платке. — Молодцы, ребятки.

Бабушки, а вы ошибаетесь, никакие мы не влюбленные. Влюбленные, вообще-то, но не друг в друга — такого произойти никогда не сможет!

— Ой, как классно смотрятся! — донесся до меня вопль девчонок лет пятнадцати, прогуливающихся по аллейке в поисках знакомств хоть с какими-то молодыми людьми. — Какой милый мальчик! Какая парочка! Он ей точно сюрприз приготовил, раз так бежит!

— Я тоже хочу себе парня в кедах, — сообщила подружкам одна из веселящихся. — Кааваи!

Хоти, хоти. Плачьте, фанаты Дэна — Князева его уже успела в себя влюбить. Ведьма она, что ли? И Никита мой, и Дэн, эта наша универская гордость и гений местного масштаба. Не удивлюсь, если не только у них она сердца украла. А с виду тихая, спокойная, незаметная…

— Быстрее, — вновь прокричал мой сумасшедший спутник, не отпуская моей руки.

— Иди на фиг, я сейчас сдохну! — задыхаясь, отвечала я ему. Кажется, мы подбегали к местной охраняемой стоянке, на которой сотрудники нашего высшего учебного заведения и более обеспеченные студенты универа оставляли свои личные авто. Охрана пропустила нас безо всяких вопросов.

Вот так вот мы и начали наше дружеское сотрудничество, несясь, как сумасшедшие к его загадочному «Выферу», который при ближайшем рассмотрении оказалась крутым черно-красным мотоциклом «Honda VFR». Это мне Дэн пояснил позже, когда мы с ветерком прокатились к месту действия главных событий… С шикарным ветерком, с ветерком, которому я дала бы все 10 баллов по шкале Бофорта.

— На заднее седло, Чип, — крикнул мне Дэн, отключая сигнализацию, укладывая свой рюкзак в какую-то хреновину, прицепленную к подрамнику позади второго пассажирского сидения, и на ходу запрыгивая на свой крутой байк, которым я залюбовалась гораздо больше, нежели его хозяином.

— Я никогда не ездила на мотоцикле, — заворожено провела я рукой по красной ажурной раме. — Крутой…

О том, что когда-то давно, в раннем подростковом возрасте я каталась по деревне вместе с мальчишками на старом и дышащим на ладан мотике с коляской, я не стала говорить.

— Мария, надевай, — Денис, не слушая меня, протянул мне полностью закрытый черный матовый шлем с белыми узорами и с белой же надписью «Reevu». Сам он уже успел натянуть свой, и теперь был похож на инопланетянина. — Быстрее, партнер, мы не должны опоздать!

Я спешно натянула шлем (их еще интегралами, кажется, называют) на голову, теперь ощущая гуманоидом и себя и осторожно села сзади парня. Естественно, это было не мягкое сидение автомобиля, но от деревенского байка, Дэновский «Выфер» явно отличался комфортностью и некоторым удобством. Только вот близость чертова Дэйла смущала. Но, с другой стороны, хотелось потыкать его пальцем в спину.

— А держаться ты не будешь? — обернулся он ко мне, приподнимая стекло на своем интеграле, явно весь в нетерпении.

— За что? За твою спину? А вдруг она у тебя потная? — продолжала веселиться я, все еще тяжело дыша после пробежки.

— Ты мстишь мне за маленькую грудь? — невинно осведомился он, и я все же ударила его по плечу, не больно, конечно, больше для порядка, чтобы знал, как задираться. Зато удовлетворила свою насущную потребность — коснуться Дэна сзади. Ощущения мне понравились.

— Бурундук, ты что, первый раз на заднем сидении? — не обратил на удар никакого внимания Смерчинский.

— А чего тебя удивляет? Не у всех есть мотоциклы собственные, — даже с некоторой гордостью отвечала я.

Дэн нетерпеливо покачал головой — из-за всё того же шлема это смотрелось весьма забавно, я хмыкнула.

— Хватит хрюкать, держись за пояс.

— Сам ты хрюкаешь, Сморчок! — еще никогда мой смех не принимали за свиные звуки.

— Крепко обхвати меня за пояс, и не разжимай рук — мы поедем быстро, — продолжал Смерч.

— А как-нибудь по-другому подержаться можно?

— Можно, — не стал скрывать он, — но боюсь, ты не удержишься. Так что моя спина — в твоем распоряжении.

Мне пришлось обнять Дениса, но я постаралась сделать так, чтобы между нами оставалось немного места.

— Маша! — прокричал он тут же, — плотнее садись, упадешь ведь. Да, еще ближе. И держись сильнее. Кстати, — вновь повернулся он ко мне, — не вздумай упираться на задний кофр.

— На что? — я впервые слышала такое слово.

mir-knigi.org

— Просто ни на что не упирайся сзади, идет? Лучше прислонись ко мне. Я дорожу твоей и своей безопасностью, — было мне загадочным ответом, и после этих слов я еще плотнее прижалась к его наклоненной вперед спине. Было чуточку страшно, но чувство предвкушения от поездки все заглушало.

— Все, вперед! Поехали, партнер! — скомандовал Дэн, нажал на газ и довольно резко рванул с места. Если бы он не заставлял меня держаться за его пояс сильнее, чем я это делала, я бы наверняка полетела спиной на землю и дожидалась бы приезда «Скорой помощи», а не приехала бы в центр города, чтобы увидеть счастливое свидание Ольги Князевой, которую мне вдруг захотелось назвать гоблиншей, и моего Никиты. Но я крепко держалась за партнера, прильнув к его спине и без стеснения положив голову к нему на плечо. А что? Раз уж оказалась на одном мотоцикле, то почему бы не расположиться удобно по мере возможности?

Скорость байка увеличивалась прямо пропорционально моему восторгу. Блин! Это так классно! Это как велосипед, в котором не нужно крутить ногами, да и несется он со скоростью хорошего авто.

Кажется, трасса около универа была полупустой — я не видела ее, закрыла глаза и просто наслаждалась тем, что могу нестись вперед без крыльев.

— Нравится? — с трудом слышала я сквозь свист ветра и рев двигателя веселый крик Дэна, и почувствовала, что окружающий мир вокруг нас стал двигаться вперед все быстрее и быстрее. Я всегда думала, что большая скорость — что-то вроде полета. Оказалось, что это не совсем так! Она больше похоже на порыв ветра, который несет за собой

— Крууууто! — проорала я с силой, хотя не знаю, слышал ли меня мой водитель, и еще сильнее прижалась к нему.

Кажется, моему орлу понравилась скорость… По крайней мере, крылья он на время расправил, забыл о том, что еще недавно был общипанной курой и полетел! Даааааа!

Мы мчались и мчались, а я ликовала — потому что сама не раз видела парней (редко — девчонок) на крутых мотоциклах, которые неслись вперед по дорогам, и страшно им завидовала. Еще бы — я тут в автобусе, а они с ветерком проносятся мимо. И тут я сама оказалась хоть и не в роли водителя, но в роли пассажира… Ну просто класс!

Изредка я все же открывала глаза и тогда имела честь видеть коричневый затылок водителя, а если поворачивала голову чуть в сторону, то передо мной одним большущим пятном сияло серое размазанное полотно асфальта. И тогда я опять ликовала.

Еще один неоспоримый плюс такой поездки я выяснила тогда, когда мы подъехали к пробке, и хотя скорость наша снизилась, мы без труда преодолели скопление машин. Дэн уверенно лавировал между тачками (иногда мне кажется, что в городе их больше, чем самих жителей), изредка оборачивался на меня, чтобы проверить, все ли в порядке, а я, видя его улыбающиеся глаза за стеклом интеграла, сама начинала улыбаться и даже жмурилась от удовольствия. Иногда я заглядывала за его плечо и видела, как его пальцы в черных перчатках уверенно держат руль. И мне казалось, что раз руль в его ладонях, значит, с нами ничего не случится, правда, мысль эта была короткой, и я быстро забыла ее, потому как вид того, что Денис держит тормозную ручку средним пальцем, одновременно кистью удерживая и газ, меня рассмешила. Средний палец — вот прикол!

Я и не заметила, когда мы приехали. Почувствовала только, что мы плавно затормозили, и сначала даже не поверила — ведь мы только выехали, а уже останавливаемся? Ведь из универа

на автобусе даже при условно пустой дороге я добираюсь до этого места за полчаса!

— Слезай, партнер, — оживленно произнес Дэн, уже стоя рядом со мной, поигрывая ключами. — Ну, как?

— Здорово! И так быстро, я в шоке! — осторожно сняла я шлем и отдала его парню. Только потом я слезла с мотоцикла, с небольшим головокружением и с целой гаммой чувств. Наверное, то желание, которое мне должен Сморчок, будет таким: «Покатай меня целый день!»

— Если хочешь, я покатаю тебя, — тут же сам предложил Дэн, — но не сейчас. Сейчас мы на Миссии.

— На Миссии? — я огляделась, чтобы понять, где мы. Рядом с нами высилось известно на весь город здание, носящее гордое название «Торговый Центр Рай», в народе просто ТЦР. Тридцать этажей всего, что только можно себе представить — едва ли не главная архитектурная гордость города. Гостиница и спортивный комплекс, магазины и бутики, рестораны и кафе, салоны и офисные здания — все это находилось в этом одном здании.

— Ну да. Нам нужно увидеть Ольгу и твоего милого. У нас есть еще семь минут. Успеем.

— А как же твой «Выфер»? Так и оставишь его просто так, не боишься, что такого красавца украдут? — тут же стало мне жалко богатыря-мотоцикла.

— Не бойся, он в безопасности, — нежно погладил своего железного друга Дэн.

— Да? — скептические спросила я.

— Да. Мне всегда везет, — более умного ответа я и не слышала. Однажды у моего дяди угнали только что купленный «БМВ», потому что он его тоже где-то около магазина просто так оставили. Машину, к счастью вернули, но с тех пор мне казалось, что вокруг одни автоугонщики. Но оставлять или нет — дело Смерча, хотя я такой байк, наверное, с собой бы таскала, на руках. А этот дурак, не мотоцикл, а Дэн, естественно, еще и шлемы оставляет, просто цепляет их к какой-то цепочке на замочек, и все.

— А теперь… — закинул вновь за плечо свой рюкзак Денис, — направляемся в «Рай»!

— Пошли, — кивнула я. Когда я каталась на мотике, совсем забыла про Никиту и про выдру Князеву, а теперь о них нужно опять помнить! Вот жизнь, поганка… Нет, она как корзина с грибами — то поганку вытаскиваешь ядовитую, то вкусный подберезовик, а если повезет, то и деликатесный трюфель.

— Будем поступать плохо и сломаем свидание! — направился вперед партнер, он же Бурундук Дэйл.

— А ты знаешь, как? — поинтересовалась я, кинув прощальный взгляд на мотоцикл и спеша за брюнетом.

— Придумаем. Импровизация — это главное, — он, похоже, не заморачивался ни на чем. — Не бойся, Чип, мы выполним Миссию N 1!

— Ну-ну. Не опозориться бы хоть…

mir-knigi.org

— Все будет, как в хорошем кино, — уверенно отозвался новоиспеченный друг. — Хэппи Энд — обязателен.

И мы направились искать собственное счастье, этот самый ХЭ. Нет, не искать — добиваться его. И, по мере того, как мы все ближе подходили к торговому центру, я все больше заражалась невидимым оптимизмом от этого «брюнетика с приветиком» — тогда я впервые так мысленно прозвала Дэна, а потом под этим именем записала его в телефонную книгу, когда мне надоело видеть ежедневные сообщения от «Бурундука Дэйла».

И пусть я его почти не знала, и этот разгильдяй казался мне ветреным — таким же, как и его фамилия, но тогда мне в голову само собой пришло: если он со мной, мы обязательно добьемся желаемого. Ведь мы даже глупый контракт заключили и стали партнерами…

— Так что мы делать будем? — нагнала я Смерчинского уже в огромном светлом вестибюле, около самых эскалаторов, чуть не потеряв из вида в толпе людей, решивших в вечер пятницы посетить торговый комплекс.

— Вниз спускаться по лестнице, — кивнул он на элегантную белоснежную лестницу, ведущую в атриум, представляющим собой три просторных этажа, над которыми сиял стеклянный купол. Днем солнечные лучи, падающие на купол, освещали атриум, а вечером, говорят, здесь включают особу подсветку и на стеклянном высоченном потолке высвечивается солнечная система и звезды.

— Не отставай от меня, напарник, — оглянулся Дэн, а я и не думала этого делать, потому что Миссия N 1 стала для меня чрезвычайно важной.

Мы очутились в большущем атриуме, в котором людей было чуть поменьше, чем в холле, Дэн остановился, огляделся и, что-то прикинув в голове, вновь схватил меня — теперь уже за рукав. Все так же ничего не говоря, он потащил меня за одну из колонн вычурной арки, украшающей центр помещения.

— Мы успели, их еще нет, — проговорил он торжественно. — Я классно вожу, да?

— Не.

— Да ладно тебе, Бурундук, — весело посмотрел на меня парень, — я же знаю, что тебе понравилось.

— Ну, ты и хвастун, — покачала я головой. — Думай лучше о том, что нам делать, когда мой Никита и твоя кики… Ольга подойдут? И вообще, почему мы сюда приперлись, а не около входа ждем? Объясняйся уже.

— А, они встречаются здесь, — беспечно отвечал Смерчинский, — в атриуме, там, где фонтанчик.

И он указал рукой влево, туда, где находился небольшой розовый фонтанчик в виде двух лебедей, расправивших крылья. Около фонтана стояло множество резных скамеечек. Парочки очень любили это местечко, оно наверняка казалось им жутко романтичным, поэтому и оккупировали его с пугающим постоянством со дня открытия «Рая». Немудрено, что Ник и Князева здесь встретятся. Будут сидеть на лавочке, влюблено ворковать…

Колона арки, за которой прятались мы, находилась совсем недалеко от лавочек и фонтана. Значит, нам будет прекрасно видны оба голубка, не подозревающих, что мы с Дэном открыли

на них охоту.

— Значит, они будут сидеть там, а мы торчать здесь, как полные придурки? — Обиженно проговорила я. — Да, может, я сама там посидеть не отказалась бы!

— Тише, — приложил на всякий случай палец к губам Дэн, выглядывая из-за колонны. — Он идет. Потом посидишь.

— Кто? Никиточка? — тут же высунулась и я, но парень быстро запихал меня обратно.

— Ты что, засветиться хочешь? Выглядывай осторожнее.

— Я и так… — Чуть смутилась я.

Мы, как два идиота, присели на корточки и синхронно высунули головы. Ну и потешно же мы, наверное, смотрелись со стороны, как два шпиона! Нам только одежды цвета хаки не хватало, биноклей и раций.

Но тогда мне не было дело до того, как мы смотримся, все мое внимание было обращено на Никиту. Он, постоянно глядя на лестницу, откуда пришла я и Дэн, спешил к фонтану со стороны другого входа. Я на миг залюбовалась им. Пусть Ник не выглядит, как модель с лучших подиумов Европы, но для меня он красив: немного выше среднего роста, широкоплечий, зеленоглазый, светло-русый и по-своему элегантный. Он никогда не носил, как куча парней его возраста, безразмерные спортивные костюмы или протертые джинсы, предпочитая, как я заметила за эти три года, предпочитал классику и голубые и синие оттенки в одежде. А еще он любил свободные белые рубашки с острыми воротами — и это невероятно ему шло. И сейчас он в такой рубашке, и я хочу на него любоваться целую вечность, и мне плевать, что это звучит пафосно!

Я слабо улыбнулась, глядя издали на Никиту, подошедшего к розовому фонтану и в нерешительности остановившемуся около него. Милый. Не фонтан, естественно, а мой любимый. Он был милым тогда, когда я впервые его увидела, оставался таким и сейчас. И он будет милым, несмотря на то, что встречается с подлюкой Князевой. Где эту девицу кстати, ее подданные носят, черти то есть?

— С цветами приперся, пижон, — ворчливо проговорил Сморчок, мигом разрушая загадочно-романтичную ауру, которую я старательно создавала вокруг Ника, — банальные розы. Ничего умнее придумать не мог.

Это было сказано с такими интонациям, как будто бы этот разгильдяй только и делал, что каждый день устраивал девушкам супер креативные свидания.

— Молчи, лучше, — шикнула я на него, — это же классно!

— Это банально, — отвечал Денис — его голос слышался сверху, потому что теперь он стоял за колонной, скрестив руки на груди. — С цветочками любой дурак прийти на свидание может.

— Но не каждый сможет такой классный букет подарить! — оторвалась я от лицезрения Никиты и повернулась к партнеру. — Красиво… пять белых роз в голубенькой упаковочке, — я мечтательно вздохнула. — Некоторые вообще без всего приходят.

— Некоторым даже шикарные букеты не помогут, — с явным подтекстом произнес Денис, и на его лице появилась улыбочка, а на щеках ямочки.

— Эй! А ты с чем предлагаешь идти на свидание? С грудой кирпичей в руках? С ломиком? С баночкой вшей? — возмутилась я, потому что уже обзавидовалась Князевой. Цветы мне дарили крайне редко и по большей части — мои собственные родственники: папа, брат или крестный. Целых два раза мне дарил завалявшиеся розы мальчик из школы, с которым мы якобы дружили целое лето и еще полсентября.

— Главный подарок парня девушке — не цветы, а само свидание, желательно такое, чтобы она запомнила его на всю жизнь! — наставительно произнес Сморчок.

— Да? — слегка озадачилась я. Первое свидание в своей жизни, с тем самым мальчиком со школы я никогда не забуду — так я еще никогда не зевала, хотя и была рада тому, что мы вместе. Парадокс, однако…

— Да, Чип, да. Надо сделать все от души. И тогда девушка согласиться на все после такой встречи, — с чувством собственного достоинства сказал Дэн. — Каждый раз, когда я бронирую номер в отеле, он не остается пустым, потому что они соглаша…

— Фу, пошляк, — перебила я его.

— Между прочим, они всегда остаются довольными, — деланно возмутился партнер.

— Избавь меня от подробностей! — не хотелось слушать мне о похождениях университетского Казановы.

— Ты бы тоже осталась довольна… — от его мягкого голоса с интимными нотками, раздающегося около самого моего уха, мне стало нехорошо, да еще и мурашки по спине поползли.

— Иди в баню, Сморчок, — отодвинулась я от молодого человека. — Удовлетворяй свои похотливые желания с кем-нибудь другим!

— Но если что, только свисни, — широко улыбнулся весельчак, — я все сделаю по высшему кла… А, нет, мы же партнеры. Прости, Чип, больше не буду.

Ну, просто смирение и раскаяние!

— Больше и не надо, — я снова высунулась из-за колонны и едва смогла сдержать стон разочарования — Князева на всех своих ведьмовских парах спешила к Никите. Уверена, ее свита, состоящая из адских князей-прихвостней, невидимками летела рядом с ней. — Она пришла.

— Оля? — оттеснил меня тут же самым наглым способом Смеречинский, мигом забыв обо всех глупостях, и тоже выглянул в атриум. Пришлось пару раз пихнуть Сморчка локтем, чтобы и самой суметь вытащить нос из нашего временного укрытия.

Картина открывалась неутешительная.

Моя одногруппница, несмело, но одновременно и как-то кокетливо улыбаясь, подходила к Никите, который, смотрел на длинноволосую девушку во все глаза, плотнее прижав к себе букет роз, как собственного ребеночка. Я тут же почувствовала укол ревности — чего это с ним? Князеву что ли, никогда не видел? Князева как Князева, чего на нее смотреть так? Второй головы у нее не выросло, пары лишних ног тоже не появилось.

— Вот дерево, — прокомментировал происходящее Дэн. Под деревом он явно имел в виду не девушку.

— Сам чмо, — обиделась я. — Как бы у твоей гоблинши морда не треснула от улыбки.

— Мария! — возмутился Дэн шепотом. — Молчи, не неси чушь.

— Я просто правду люблю… у нее уже трещины видны… Даже на лбу, — ворчливо отозвалась я.

Тем временем, Оля приняла цветы из рук Никиты, смущенно опустив голову, от чего волосы закрыли ей пол-лица и уткнулась своим длинным носом в розы, но я все равно видела, что одногруппница улыбается. Еще бы, я на ее месте вообще бы превратилась в одну большую счастливую улыбку на ножках.

— Красавица, — прошептал Дэн вполне искренне.

— И что вы в этой курице нашли? — пробормотала я тихо.

Кстати, выглядела Князева сегодня намного лучше, чем обычно. Она накрасилась, подвила волосы, напялила короткую юбку, оголив длинные, как оказалось, ноги. В универе-то она куда скромнее одевается. Притворщица!

Никита что-то говорил Ольге, а она смотрела на него (примерно так, как ученики смотрят на своего духовного гуру) и время от времени качала головой. Постояв немного и поговорив, они решили походить.

Парочка сделала круг по атриуму — зачем, я и сама не поняла, а потом вернулась все к тому же фонтану и села на свободную лавочку спиной к нам. Я напряженно смотрела на них, посылая в спину соперницы ментальные метательные ножи и отравленные кинжалы.

— Какое занимательно свидание, — хмыкнул напарник, рассматривая макушку Никиты и наморщив нос. — Этот чел все же тот еще дуб. Цветы, потом кино, а затем кафе. И вечерком, может быть, робкий поцелуй перед ее подъездом, — сказано все это было чуть грустно и высокомерно одновременно. — Стандарт.

Я бы сказала, золотой стандарт. Да я бы сейчас многое отдала бы, чтобы оказаться на таком свидании с Кларским!

— А откуда ты знаешь, что они будут делать? — спросила я. — Ясновидением балуешься?

— Я же сказал, что волшебник, — откинул со лба прядь волос парень. — Учись внимательности, друг. В руке Клары, когда он пришел к фонтану, были два билета в кинотеатр «Кино-рай» — розово-синие карточки, их и издалека можно разглядеть. К тому же я просто уверен в банальности мышления твоего любимого.

— А я и не видела… Клару? — только дошло до меня, как обозвал Ника Смерчинский. — Клару?!

— Ага, — он едва сдержался, чтобы не рассмеяться. — Забавная у парня фамилия.

— Смерчинский, ты как назвал моего Ника? — ткнула я его кулаком в грудь. Вообще обнаглел!

— Какой он Ник? Это для него слишком сильно. И стильно, — в синих наглых глазах прыгали чертики. В ответ мои мысли-головастики развернули огромный плакат с надписью:

«Смерчинский — гад!».

Орел нахохлился, наблюдая за курятником.

— Повтори! Какая Клара? — заорала я излишне громко, обидевшись. Иногда я не замечаю, что повышаю голос, честно слово. А когда думаю, что говорю громко, все утверждают, что с трудом могут меня расслышать. Проходившие мимо колонны люди стали на нас оглядываться, да и Ник с Ольгой обернулись на мой крик.

Дэн молниеносно, со скоростью шторма, затащил меня обратно в наше укрытие.

— Маша, я же говорил, будь тише, — с легкой укоризной проговорил парень. — Стой здесь, я пока позвоню. Раз Клара идет в кино, можно кое-что сделать…

Я, осознав, что совершила ошибку, опустилась на корточки. Дэн негромко с кем-то беседовал, но я не вслушивалась в его разговор, погрузившись в тяжкие пессимистические думы о превратностях жизни в общем и несчастной любви, как ее частного проявления.

— Я узнал расписание кинотеатра в «Рае». Думаю, Оля и Клара пойдут на сеанс, который начнется через тридцать минут. Как раз в Большом зале начнется новая романтическая комедия.

— Ммм, ясно.

Никита и Ольга сидели на лавочке, продолжая разговор. Букет белых роз девушка положила рядом с собой. Видно было, что эти двое только начали встречаться, потому как за руки они не держались, и вообще физически никак не соприкасались, только постоянно смотрели друг другу в лицо, как будто бы пытались в харях друг у друга увидеть подробно нарисованную карту сокровищ, закопанных кровожадными пиратами.

Кураж, которым я зарядилась от мальчика-ветра, стал исчезать. Ведь мы ничего не делали, а просто смотрели на этих двух воркующих голубков, и мне было неприятно и обидно.

— Не переживай, — тронул меня за плечо Дэн, каким-то образом поняв мое состояние, и уселся так же, как и я. — Чип, я же сказал, что мне всегда везет. У нас все получится!

— Мы будем болтать или свидание портить? — недовольно спросила я. — Если первое, то я, пожалуй, домой пойду. Мне неинтересно наблюдать за тем, как мой любимый человек встречается с другой.

— Бурундук, сейчас что-нибудь придумаем, — обворожительно улыбнулся молодой человек, постучал пальцами по колонне, задумчиво провел по шее рукой, и выдал:

— Давай букет своруем?

— Хо-хо, — скучающим голосом ответила я. — Умная идея. Иди, воруй, если так хочется.

— А что ты можешь предложить? — поинтересовался он милым голосом. — Я так и знал, что ничего. Просто у тебя все мысли сейчас о том, что ты хотела бы оказаться там с Кларой, вместо Оли. Вы, девушки, слишком впечатлительные. — Ладно, стой тут, а я пошел…

— Не пущу! — вцепилась я в его рюкзак — Дэн уже успел повернуться ко мне спиной. — Если ты будешь красть этот чертов букет, тебя мигом заметят!

— Да я и не сам, — улыбнулся он, быстрым движением скинул с себя рюкзак, который тут же повис на моей руке, и свалил в неизвестном направлении. Через пару минут, когда я уже от нетерпения стала пинать колонну ногой и обзывать Смерча злобными ругательствами, он вернулся в компании неизвестного мне человека в старой кожаной куртке, мятых брюках и многодневной щетиной на лице. От господина нестерпимо несло мышами и многодневным перегаром.

— Это Ильич, — торжественно представил мне мужика Денис. — А это Маша.

— Здрасти, — с тихим ужасом в глазах посмотрела я на дядьку. — Вы кто?

— Я на все руки мастер, — хмыкнул тот, распространяя свое амбре на пару метров вокруг себя. — И тебе привет. Да.

— Друг мой, все понял? — спросил молодой человек.

— А че тут непонятнава? — громко просморкался без помощи носового платка господин. Меня передернуло. — Схватил, побежал. Усе сделаю, как надоть.

Я зажала нос и вопрошающе уставилась на Смерчинского, вероятно сошедшего за пару минут с ума. А тот просто лучился от радости. Может, ему доставляет удовольствие общаться с такими вот маргиналами? Он достал из кармана джинс две пятисотрублевые купюры, заботливо вложил их в немытую руку господина Ильича и сказал:

— Ну, удачи.

— Букетик-то точно не нужон? — сипло проговорил тот. — Себе могу забрать, начальник?

— Бери, — тут же щедро разрешил парень. — По отдельности цветы толкнуть можно очень толково. Не прогадай.

— Я-то уж не прогадаю, — отвечал важно дядька, утирая нос рукавом.

— Я знаю. В тебе есть деловая жилка, — засмеялся Дэн.

— Хороший ты человек, начальник, — непонятно от чего расчувствовался обладатель щетины и превосходного аромата. — Ежели чего, я всегда тута сижу, у любого спроси Ильича, тебе и скажут, где я.

Дэн кивнул, и некультурный дядька, оглянувшись на парня и, по-доброму улыбнувшись кривым ртом, неспешно потопал к фонтану.

— Тебя даже бомжи любят, — заворожено поглядела я на Дениса снизу вверх, все еще закрывая нос. Господин ушел, а запах остался.

— Это комплимент? — поинтересовался он. — Если да, то он выглядел очень неуклюжим. Ты уже поняла, что сделает наш небритый друг?

— Это констатация фактов, а не комплимент. И не дура, все поняла, — я большими глазами наблюдала, как Ильич вразвалочку идет к лавочкам, не обращая внимания на косые взгляды людей. Никита и Оля, не подозревая о том, что к ним направляется этот дядька, продолжали самозабвенно болтать, ничего и никого не замечая.

Подручный Дэна, уже близко приблизившись к фонтану, огляделся и что-то насвистывая, как

бы невзначай сделал пару шагов к их скамейке. Остановился. Затем вновь стал двигаться. Вид у него при этом был потешный: сложив сзади руку за руку, Ильич невинно глядел вверх, на купол атриума, и, двигаясь боком, по-крабьи, передвигал свое туловище все ближе и ближе к влюбленным.

— Ты где этого бича взял? — шепотом поинтересовалась я у напарника, с замиранием сердца ожидая развязки.

— На улице, — ответил Дэн. Он ни о чем не волновался и был доволен своей находкой.

— Ты что, его знаешь? — я в который раз поразилась обширному кругу всевозможных знакомств Сморчка.

— Нет, только что познакомился, — отозвался парень. — Он у одной пожилой леди сумку хотел позаимствовать, но я переубедил его, что со мной выгоднее сотрудничать.

Ильич еще ближе придвинулся к лавке Князевой и Ника, и, не глядя на этих голубков, протянул длинную тощую руку к лавке. Он постоял так пару секунд, словно бы любуясь фонтаном, а потом, пошевелив зачем-то по-злодейски растопыренными пальцами, резко схватил букет и понесся по направлению к лестнице, высоко подкидывая ноги.

Я зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться. Дэн довольно улыбался.

Однако бомжу, держащему под мышкой розы, не повезло. Никита, не будь дурак, естественно, заметил, что немытый господин своровал цветы, да и Князева тоже поняла, что чья-то наглая рука умыкнула ее законный подарок. Одногруппница вскочила с места и с немым ужасом глядела в спину убегающего Ильича, как будто бы он у нее не букетик стащил, а три редких бриллианта, или даже родную кровинушку — ребеночка, то есть.

— Хе-хе-хе, — злорадно выдала я, всей душой желая Нику опозориться в глазах Ольги. — Вот вам и свидание, голубки вы наши.

Но Кларский же меня в тот момент поразил. Он, недолго думая, крикнул что-то своей Олечке и побежал за похитителем, причем довольно быстро, хотя, насколько я знала, профессионально бегом никогда не занимался, да и, судя по всему, физкультуре предпочитал литературу — не раз и не два я видела его с очередной книгой в руке…

Наш знакомый бич, обернувшись и увидев погоню, растянул косой рот в улыбке, зачем-то игриво помахал букетом, словно бы говоря: «Попробуй, догони!», а потом поднажал, но и Ник тоже не отставал. Казалось, вот-вот, и он нагонит Ильича.

— Вот это скорость, — ухмыльнулся Дэн, с явным интересом наблюдая за сценкой.

— Вот сейчас Ник поймает Ильича, тот ему и доложит, что да как, — испугалась я. Обладатель стойкого амбре скакал по лестнице, сосредоточенно распихивая людей. Нику приходилось легче — ему не нужно было пробивать себе дорогу в толпе людей, все шарахались от человека без определенного места жительства в стороны, освобождая дорогу парню. — И приведет твой бомжистый друг Никиточку прямиком к нам. Если что — я тебя не знаю.

— У нас договор! Мы теперь повязаны, Мария. И не догонит он его, Клара хиленькая, — отозвался уверенно Дэн. В это время Ильич огромными прыжками поднимался по лестнице и едва не угодил в распростертые радужные объятия здоровенных охранников, увидевших все это безобразие с похищением букета по камерам наблюдения. Мужчины распахнули руки, как

крылья, и ждали наверху беглеца-воришку, надеясь на взаимные объятия. Бомж явно не желал физической близости, являя собой образец брутального мужчины.

— Хватит так называть моего Никиту, — не сводила я глаз с Кларского, почти добежавшего до нового знакомого Дэна, который в это время, выставив букет вперед, как меч, мелкими шажками отступал от грозных ребят в униформе. В первый раз в жизни я болела не за Ника, а за совершенно постороннего мне бомжа! Подумать только.

Охрана так же медленно надвигалась на небритого мужчину, и тогда, кода один из крепких ребят захотел схватить его за плечи, Ильич шандарахнул парня букетом по лбу. Он явно вообразил, что розы в упаковке — что-то вроде меча или секиры.

— О, да, а теперь второго, — комментировал Денис. — И еще раз тресни, по лицу, ага. И под дых… по печени… Мария, уличная закалка — это тебе не просто так. Видишь, наш друг цветами успешно отображает атаку двух профи.

— Убегай, убегай, — твердила я, сжав кулаки. — Делай ноги, Ильич!

Тот, словно услышав меня, нервно оглянулся, увидел приближающегося Ника и, подумав чуток, кинув вдруг со всей силы ему в лицо злосчастный и уже потрепанный букет, а затем кинулся обратно вниз. Теперь уже за мужиком несся не Ник, явно не ожидавший столько коварного броска, а господа охранники, обозленные нежеланием Ильича остановиться. Гости и посетители центра с недоумением проводили погоню взглядами, явно не понимая, что происходит.

А у Ильича открылось второе дыхание, и он улепетывал от смотрителей порядка с намного большим энтузиазмом, чем от Никиты. Чем все кончилось, мне неизвестно, но, судя по увеличивающему отрыву между небритым и охраной, мне показалось, что у первого есть шансы сбежать из «Рая» целым и невредимым.

Никита же, удивленно и смущенно рассматривая помятый порядком букет, вернулся к Оле. Бомж своровал купленные девушке цветы, чем это не отличный повод сделать свидание гнусным? Особенно это не должно понравиться принцессе Князевой — та еще та чистоплюйка (удивительно, сколько недостатков я нашла в ней за то недолгое время, как я узнала о ее романтической связи со своим Ником!).

Вероятно, Оля не в восторге от происходящего. А вот если бы у меня кто-то розы от Ника своровал, я бы сама кинулась за вором, а неженке-одногруппнице должно быть неприятно. Я так думаю, а я редко думаю неправильно.

— Вот это позор, правда? — не смог сдержать очередной порции улыбочек Дэн. — Классно я придумал?

— Классно, классно, — отозвалась я. Реакция Ольги мне и самой нравилась — она стояла, прикрыв лицо обоими ладонями — так делают, когда чем-то напуганы или очень удивлены. — Надеюсь, теперь их свиданка «даст трещину».

— Дай пять, Чип, — вытянул вперед руку радостный мальчик-ветер.

Я со всей силы с таким же радостным выражением лица ударила его по ладони, как вдруг оказалось, что все на самом деле не так плохо, как могло бы быть. Князева убрала свои бледные руки от лица, и оказалось, что она смеется. Громко, радостно, весело. Смущенное лицо Никиты приняло удивленное выражение. Он что-то спросил. Девушка сквозь смех

ответила что-то, и теперь уже пришел черед парня смеяться. Он протянул Оле букет, выглядевший так, словно его только что вытащили из чьей-то пятой точки, а потом, передумав, повернулся к одной из мусорных урн, и выбросил белые розы туда. Князева не переставая счастливо улыбаться, коснулась рукой его плеча и, закусив губу, что-то произнесла.

Долгожданной трещины не появилось, напротив, фундамент креп на глазах. Я прямо растерялась.

— Чего это они? — нахмурился партнер. Ситуация не нравилась и ему. — Оле смешно? Девочка, почему ты так рада?

— Что, думаешь, она тебя услышит и ответит? Я думаю, Князева нашла эту глупую ситуацию забавной, и поступок Никиты ей понравился. Он ведь с букетом вернулся. Теперь ей точно эта встреча скучной не покажется. Запомнится надолго. — я, как смогла, разъяснила Дэну женскую психологию. — По крайней мере, мне бы понравилось, и моим подружкам тоже.

— Да? — Дэн прикусил собственное запястье с тыльной стороны. — Вот поэтому я и хотел, чтоб мы работали вместе, Мария. Иногда я не понимаю мотивацию девушек. Нет, мотивацию тех, кому я нравлюсь, я понимаю, а вот, когда приходится за девчонкой бегать мне, все становится сложнее в разы. К тому же наше сотрудничество будет более плодотворным, если ты будешь в курсе некоторых Ольгиных…

— А зачем ты себя кусаешь? — поинтересовалась я, бесцеремонно перебивая Смерчинского. На светлой коже парня остались едва заметные красноватые следы от собственных зубов.

— Нервное, — коротко пояснил он. — Новые действующие лица, смотри.

В это же время к парочке, обратно усевшейся на лавку, вдруг подбежали две девушки в строгих офисных костюмах и пожилой представительный дядечка.

— Вот черт, — прошептал Денис. Я, выглядывая из-за его спины, стала корчить страшные рожи, потому что дядька вытащил из-за спины красивый, элегантный и явно дорогой букет алых роз в прозрачной упаковке и вручил их Ольге с извиняющимся видом. Она, естественно, приняла их и опять засмеялась. Что-то в университете она себя ведет несколько по-другому, ее даже наше мужское общество в количестве четырех штук считает недотрогой — уж я-то знаю, много раз слышала, когда мы собирались на каком-нибудь студенческом сабантуе.

— Так-так… Это один из управляющих «Раем», — спокойно констатировал увиденное Смерч. — Видимо, решили компенсировать убытки.

— А они должны это делать? Ильич же не их работник, — я не сводила глаз с нового букета, просто-таки пожирала глазами, мечтая, чтобы он сейчас оказался в моих руках.

«Несправедливо!!» — куча разноцветных флажков, подгоняемых головастиками, появилась в моей голове. Как и я, все они были обескуражены в самом плохом значении этого слова.

Орел долго не мог понять, почему мышка, за которой он спикировал на землю, оказалась черным полиэтиленовым пакетом, принявшим форму грызуна…

— Охрана пропустила его, значит, вина Центра. Но ничего, Бурундук, у нас еще есть план «Б».

— Не называй меня так! — взвилась я вновь. — И что еще за план «Б»? Если он такой же провальный, как и план «А», то пошли лучше по домам. Вечер пятницы, как-никак. Я хочу

отдохнуть и я не привыкла расслабляться, глазея на то, как Ник сюсюкается с Князевой.

— О, скоро уже кино начнется, — вытащил мобильник из кармана парень, не слушая моих причитаний. — Они пошли в сторону «Кино-Рая».

Наши голубки действительно, живо переговариваясь, двинулись прямо, и я посмотрела на спину Ника и вздохнула. Лучше бы я сейчас дома сидела, чем под такой пыткой.

— Я был прав, они будут смотреть комедию. Секунду, я сейчас позвоню кое-кому…

Я кивнула, все еще всматриваясь в ту сторону, куда ушли выдра Князева и мой милый.

— Привет, — это опять я, — весело проговорил в рубку Денис. — Да, на комедию, как я и говорил. Они уже идут к вам. Забронировал нам два билета рядышком? Да ты монстр, дружище. И друзьям… Получилось? Ну, классно. Я тебе должен, чувак! Бывай.

Я посмотрела в лицо напарника, отметив попутно, что у парня кожа выглядит великолепно, как будто бы он из спа-салонов не вылезает и то и дело делает себе пилинги, массажи и прочие прелести.

— Пошли, Мария, скоро кино начнется, — кивнул мне Смерчинский, и мы потащились в том же направлении. Пока мы двигались по направлению к кинотеатру, влившись в целую толпу желающих попасть на сеанс или в кафе, расположенное там же, Дэн рассказывал мне суть своего нового «умопомрачительного» плана. Подал он свою идею так, что мне показалось на пару минут, что этот парень гениален.

— Брат моего хорошего друга работает в «Кино-Рае» оператором. Он забронировал нам два прекрасных места двумя рядами выше мест моей принцессы и Клары.

— Откуда он узнал, где они сидеть будет? — ворчливо спросила я.

— Друг посмотрел в базе кинотеатра. Клара забронировал билеты пару дней назад под своей фамилией, вот и все, так мы и узнали, где он будет смотреть кино вместе со своей… нет, моей феей, — было мне логичным ответом. — Твой Никита, — он сделал ударение на последнем слоге, как в известном фильме про шпионку, — из тех людей, которые все делают обычно и упорядоченно. Его действия не сложно просчитать. В общем, Бурундук, мы будем сидеть недалеко и видеть этих двоих. А рядышком с ними будут сидеть еще пара моих друзей, которые оказались здесь поблизости.

— Зачем твои друзья-то нужны? — Подивилась я.

— Они будут всячески портить романтическую обстановку вокруг, — рассмеялся Дэн. — Шум, шуршание, чавканье, дебильный смех…

— Привет, Дэнв! — раздалось под ухом у меня. Голос, честно сказать, был именно дебильным (в моем представлении): нагловато-ироническим, чуть хрипловатым, словно ломающимся, хотя его обладатель явно не был подростком. — Как дела, старик?

— Все в норме! Спасибо, что пришли, — пожал руку партнер парню с зелеными волосами, выбритыми по бокам, неожиданно появившемуся у нас перед носом, как черт из табакерки. Панк какой-то, весь в пирсингах, а на руках, выглядывающих из-под широких рукавов салатовой, разрисованной непонятными знаками и словами, футболки, виднеются замысловатые разноцветные сине-красно-фиолетовые татуировки, украшающих кожу его

передних конечностей процентов на 70. Рисковый малый. Блин, тоже тату хочу, только, боюсь, моя консервативная мама за такой «проступок» сделает мне татушку прямо на лбу, вечную. Проломит мне черепушку скалкой или поварешкой, оставив посмертную отметину.

— Ничего, сочтемся, — улыбнулся во весь рот парень и обратил свое внимание на меня. — А это кто, подружка? Да ты милашка, детка, — и этот идиот, не стесняясь, похлопал меня по щеке. Я поморщилась, спешно потирая щеку, но промолчала. Вдруг зеленоволосый этот наркоман, я скажу ему что-нибудь поучительное, типа: «убери лапы загребущие, козлина», а он мне голову откусит и плюнет в то, что останется от шеи.

— Это мой друг, Чип, — отозвался с довольной миной Дэн. — А это Черри, тоже мой друг.

— А я думала, это твоя сватья, — пробурчала я очень тихо, чтобы оба парня меня не расслышали. Вот если бы я знала их немногим более, то сказала бы это ребятам прямо в лицо, а так я пока… стесняюсь — правду говорить так опрометчиво.

— Ладно, увидимся потом, я еще поп-корн купить хочу, — кивнул молодому странному человеку Дэйл.

— Покедова. И не бойся, все сделаем на отлично! — кивнул ему Черри и послал мне глумливый воздушный поцелуй, после чего сделал ноги, буквально растворившись в воздухе. Ему бы еще рожки на голову и хвост из штанов, и был бы этот панк немытый с хитрющей улыбочкой похож на демона из фэнтези-книг. Ну, такого, кто вечно ехидно улыбается, усмехается, подкалывает, остроумно, но вместе с тем и глуповато шутит, выводя героинь из себя, а еще храбро сражается на стороне добра, только притворяясь приверженцем тьмы и злюкой. Хм, а, может быть, они со Смерчинским оба — демоны, только из разных кланов. Один, к примеру, выходец Клана Темной Звезды, второй — Бриллиантовой Ночи. А я — кто-то вроде героини-попаданки, озадаченной таким вниманием дружков-демонов. Или лучше остановиться на варианте, где Дэн — вампир, а не демон? Это чтобы разнообразие было. Вампиры сейчас — законодатели мод в книго и киноиндустрии. Он как раз красив, умен, обаятелен, и, может быть, где-то в глубине души, даже бессмертен.

— О чем задумалась? — хлопнул меня по плечу Смерч.

— О том, что ты вампир, — призналась я.

— Да? Ну ладно… Я скромно промолчу. Черри классный парень, правда? Он позаботиться о том, чтобы кино для Клары и Ольги осталось не самым приятным впечатлением, — с этими словами Сморчок потащил меня, как куклу на поводке в ту сторону, откуда так знакомо пахло жареным поп-корном и слышны были громкие звуки игровых автоматов и трейлеров, ежеминутно показываемых на всюду развешанных плазменных экранах. Мы, наконец, прикатились в кинотеатр, располагающийся прямо на втором этаже. Оказалось, наш Лаки Бой не мог идти в кино, не запасясь энным количеством вкусных продуктов, поэтому мы поперлись за едой и стояли бы в буфете длинную очередь, но врожденный шарм моего спутника помог ему пролезть в самое начало очереди только поэтому мы и не опоздали на сеанс.

Поп-корна брюнет накупил много, целых три самых объемных ведерка, набрал вредной газировки, а мне зачем-то приобрел большущую шоколадку и запихал ее прямо в мой рот, когда я зевала, забыв убрать обертку, а потом долго ржал надо мной, едва сдерживающуюся, чтобы не обматерить его недобрыми словами прямо перед людьми.

— Ты за день меня вывел так, как будто мы знакомы сто лет, и все эти сто лет ты делаешь мне пакости, — прошипела я улыбающемуся парню. — Если бы мы были наедине, я бы тебе эту

шоколадку засунула туда, где только проктологи капаются.

— Дайте еще леденцов, которые на палочке, — очаровательно улыбнулся мой спутник продавщице, — штук пять. Нет, десять.

— Конечно, молодой человек, вот. Зачем вам столько? Сестренке? — кивнула девушка за прилавком, у которой, в отличие от меня, размер груди точно был пятым, если не шестым.

— Я ему не сестренка, — многозначительно отозвалась я.

— Моя Машенька мне вовсе не родственница, — погладил меня по щеке Дэн, выбешивая Машеньку, то есть меня, еще больше. Ненавижу, когда меня так называют, кажется, что тот, кто произносит это уменьшительно-ласкательное имечко, тонко стебется надо мной. Хуже звучит только Машуня, Машаня и Манька. А братец всегда зовет меня Манькой — после того, как в далеком детстве услышал, что у бабушки в деревне так корову кличут…

— Не сестренка, да? — с неприязнью посмотрела на меня продавщица. — Жалко.

— Жалко у пчелки, — исподлобья поглядела я на нее.

— Пошли, Мария, пора, — отвел меня в сторону Денис, а девушка и парень, стоящие около нас, заулыбались, и я услышала, как они произнесли:

— Прикольная пара.

— Ага, забавные такие… Хорошо смотрятся.

— Сами вы стремные, — пробурчала я негромко, прижимая шоколадку к себе, Сморчок расслышал и рассмеялся. Я в отместку украдкой обтерла обслюнявленную шоколадку об его спину и только после этого довольно заулыбалась.

В зал, в котором уже начал гаснуть свет, мы пробрались, как два преступника — под покровом темноты и чуть ли не на цыпочках, высоко задирая колени вверх. По крайней мере, так двигалась я, а еще постоянно оглядывалась, не желая напороться случайно на Никиту или Князеву. Однако до своих мест мы с Дэном добрались нормально. Оказалось, добрый друг Смерчинского, встретивший нас около входа в зал и передавший билеты, позаботился о том, чтобы Дениска (так этот парень смешно называл Сморчка — я чуть не захохотала «партнеру» прямо в ухо) попал на лучшие места, точнее на удобные мягкие диванчики на двоих прямо в центре кинозала.

— Ух ты, — опустилась я на свое место, — тут круто! Я на таких местах еще не сидела никогда.

— Я сделаю твои мечты реальностью, — произнес Денис многообещающе. Девушка, проходившая мимо нас, с удивлением взглянула на Дениса, но тот не обратил на это никакого внимания. До мнения окружающих ему дела меньше было, чем мне до поп-арта или арте повера, вместе взятых.

— Тогда разлучи этих, — кивнула я вниз, где, кажется, заприметила макушку Никиты и Ольги. Они действительно сидели на следующем ряду, на три или четыре места левее нас, тоже, кстати, на диванчиках. Хорошо еще, что пока не обнимались, как вон та пара справа от нас, готовая друг друга засосать — так тесно они сплелись в объятиях и поцелуе.

— Раскошелился на эту метелку, — пробурчала я, одновременно доставая свой почти

разрядившийся телефон, чтобы посмотреть время. Домой я еще не опаздывала. Да и не хотелось мне туда.

— Действительно, — согласился мой вынужденный спутник, начав еще до начала кино поглощать попкорн. — Какие плохие. Угощайся, Чип.

Я решила, что отказываться глупо и запустила руки в ведерко, чуть не уронив его содержимое на Смерча, а потом еще и прочитала ему целую лекцию о том, что он неправильно держит в руках предметы.

И зачем я все-таки с ним связалась? Я действительно верила, что мы сможем стать счастливыми — отдельно друг от друга, естественно. Я с Ником, она с Ольгой. К тому же, а в этом я признаюсь только сейчас, мне хотелось приключений, а когда человек, который, по идее, живет этими самыми приключениями, к тому же еще является известной на весь наш университет, персоной, сам предложил мне «работать» вместе. Во мне всегда сидело что-то «авантюристское», и именно оно толкнуло меня на сотрудничество со Смерчем. А мальчик-ветер сидел рядом, запихивая в рот большие горсти поп-корна, поедал эти свои леденцы и писал кому-то сообщения, совершенно не подозревая о моих раздумьях. Впрочем, думать мне надоело быстро, и я уставилась в большой экран, который хозяева «Кино-Рая» рекламировали как самый лучший в городе и последовала примеру Дэна: стала поедать сладкий попкорн, изредка все же посматривая вперед, туда, где сидели голубки. Через место от них я заметила и знакомую зеленоволосую голову — вот, значит, где будут сидеть приятели Смерчинского, и, судя по всему, им удастся испортить вечер не только Никите с Князевой, но и всему залу.

После обязательного просмотра кучи трейлеров, рекламирующих фильмы как нашего, так и заграничного производства, обещанная романтическая комедия все же началась. Не скажу, что любительница романтики, по мне лучше хороший боевик посмотреть, а еще лучше комедию, но этот фильм мне даже, в общем-то, понравился, по крайней мере, то, что успела посмотреть. Завязка была довольно банальной — в старших классах самой обычной общеобразовательной американской школе, ну, в той самой, где, судя по все тем же фильмами США, учатся до двадцати пяти лет (в редких случая и дольше), жили да не тужили две пары, кардинально отличающиеся друг от друга. Первая из них состояла, так сказать, из двух самых популярных учеников (да-да, из девушки-чер-лидера и капитана команды по американскому футболу, все как всегда!). А вторая — из простоватой девчонки, обычной, как моя пятка, даже глуповатой, мечтающей о замужестве после школы, и ботаника-очкарика, который, впрочем, выглядел очень эффектно, от «ботанизма» у него были разве что очки и планы поступления в Гарвард. Кстати, играл его довольно известный актер-красавчик, который мог бы поспорить во внешности с тем, кто играл крутого футболиста.

Итак, эти две пары жили очень счастливо, никак не соприкасаясь друг с другом: только изредка в школе виделись, но так как вертелись в разных социальных кругах, то их встречи можно было пересчитать по пальцам. Как водится, друг друга герои презирали и старались не замечать.

А потом, внезапно (наверное, это слово нужно как-нибудь по особенному выделить) чер-лидерша и ботаник, оставшись после уроков, совершенно случайно встретились, разговорились и… подружились, да. Мало того, они начали тайно встречаться. Уж не знаю, что на них нашло, но их свидания продолжались несколько месяцев, и эти непохожие друг на друга ребята влюбились друг в друга так сильно, что решили бросить свои вторые половинки. Однако те, капитан команды и простушка, тоже были не лыком шиты. Некий доброжелатель по электронной почте обоим обманутым сообщил, что их любимые изменяют им, и даже место указал, где парочка намеревалась встретиться в ближайшую пятницу.

— Вроде тупо, но мило, — сказал Дэн, продолжая поедать второе уже ведерко с поп-корном, — друзья ржут, но я люблю глупые Love stories with happy endings, about couples who…

— А? — не поняла я, демонстрируя свою «английскую» тупость во всей красе. Да я вообще всю жизнь хотела испанский учить!

— Я люблю романтику со счастливым концом, — прокричал он мне — музыка в кинотеатре опять стала громкой.

— А я нет!

— Почему? — удивился парень.

— Потому что это вранье, — уверенно заявила я. — Дебилизм и гормоны киношные.

— Это мило! — не был он согласен со мной.

— Это тупо! — проорала я именно в тот момент, когда воцарилась тишина. Куча народа повернулась в мою сторону, а я тут же закрылась одним из поп-корнов — не хватало, чтобы меня Князева и Ник увидели.

Друзья Дэна активно начали мешать просмотру уже минут через пятнадцать — когда самый последний из них с опозданием пришел на свое место, пройдя около мест Князевой и Никиты. По-моему, он наступил кому-то из них на ногу, потому что задержался около их диванчика и что-то даже сказал парочке, что конкретно, я не слышала из-за громких звуков фильма, потом громко заржал (лошадиный смех долетел и до нас), и только потом направился к своим дружкам. Те тут же начали пускать сальные шуточки. Кажется, одна из них относилась к Нику и гоблинше. Хе-хе-хе.

— Ты знаешь, — повернулась я к Смерчу, послушав зеленоволосого и его дружков, — мне твой Черри напоминает одного музыканта из группы «На краю».

— Келлу, что ли? — угадал с легкостью Дэн.

— Ага. Он его фанат?

— Не-а, — помотал головой Денис, отобрав у меня кусок шоколадки, которую я держала в руках. — Он Келлу ненавидит.

— Почему? — удивилась я искренне.

— Потому что все их сравнивают, а Черр бесится, — пояснил партнер. — Считает себя самодостаточной личностью, а Келлу — позером. Он антифанат его группы.

— Аааа…

— Чип, смотри, какой прикол, — указал на экран партнер, и я опять уставилась на широкий экран. Простушка и капитан школьной команды, прочтя письма анонима, встретились, обвиняя друг друга в клевете на любимых… Ругалась парочка знатно — наверняка даже слюной друг на друга брызгала.

Затем парни принялись активно шелестеть всем, чем могли, к тому же они очень громко общались и издавали странные звуки, похожий на смех обкуренных гопников, которым по дешевке досталась качественная трава.

mir-knigi.org

Как сказал Дэн, это только начало, и что ребята в скорости должны были начать приставать к Ольге или придраться к Никите — но это уже ближе к середине фильма. Но уже сейчас эти четверо мешали не только нашим голубкам, но и нам самим.

— Черри все классно устроит. По части доставать людей — он мастер, — произнес мне на ухо Дэн, касаясь своими волосами моей щеки.

— Я думала, в этом мастер ты… — пробормотал я в замешательстве, потому что, как оказалось, мне нравится чувствовать Смерчинского так близко от себя. Однако я быстро взяла себя в руки. — Но если он мастер, то ты Архимастер. Может, тебе свою Гильдию открыть? Гильдия Воров есть, Гильдия Магов есть, Гильдия Убийц есть. А Гильдии Доставал еще нет.

— Приколистка ты, — подул мне в ухо Дэн и засмеялся. — Тебе только книги писать.

— Я пока их только читаю, — важно отвечала я.

Это было странно, но читать я любила с детства: романы и повести, детективы и фантастику, современников и канувших в лету авторов. И классику, в отличие от большинства подруг и друзей, уважала. Хотя последние пару лет, больше всего, мне нравились современные фэнтези-романы, желательно написанные легкой женской рукой. Такая рука обязательно впишет приятственную девичьему сердцу романтику, подробно изобразит героя, по которому главная героиня будет сохнуть, а также не менее досконально распишет все те чувства и эмоции, которые будут переполнять ее грудь и томящееся в ней Сердце, ищущее вместе со своим верным другом Попой все новые и новые приключения. Хотя, конечно, есть и классные мужские произведения о неизведанных фэнтези-мирах… Но ладно, не о беллетристике же я буду думать во время киносеанса?

В это время капитан команды по футболу и простушка подсматривали и подслушивали своих влюбленных, злые, как парочка чертей. Прямо как мы с Дэном, только мы не такие злые и пока еще не брошенные, а просто несчастные влюбленные. А Никита и Князева знают, на какой фильм пойти, блин.

Чер-лидерша и ботаник яро обсуждали то, что через пару дней они обязательно бросят своих прежних вторых половинок, не подозревая, что половинки все слышат, а после окончания школы и совместного посещения традиционного Выпускного Бала вместе уедут в Гарвард. Обманутые парень и девушка, узнав об этом, вновь от избытка чувств разорались, только уже не друг на друга, и тут же решили объединиться. Поцапавшись для вида еще пару раз, они решили первыми бросить неверных партнеров прямо завтра, а потом совместными усилиями придумали историю: они тоже якобы встречались, скрывая свои отношения от других, а теперь решили жениться, потому, как безумно влюблены друг в друга. Брошенными футболист и простушка быть явно не желали.

Дэн искренне веселился, почти не замечая выкриков и ржания собственных друзей, а, может быть, замечал, но не обращал внимания. Меня, впрочем, эта банальная комедия тоже захватила — идиотских ситуаций с героями там было хоть отбавляй, и я даже пару раз посмеялась в голос — все остальное время я улыбалась: играли герои на удивление хорошо, а сценарист не подкачал с диалогами, шуточками и ситуациями. Когда же простушка и капитан начали корчить из себя любовную парочку на удивление всей старшей школе, а потом, в результате нелепых случайностей, необоснованных слухов и домыслов, директор школы и его зам подумали, что простушка беременна, стало вообще прикольно смотреть.

Увы, дальнейшую судьбу героев в этот вечер я так и не узнала, потому, как на экран я больше

не взглянула, а наши с Дэном планы по тому, чтобы сделать свидание Ника и ведьмы (вы поняли, о ком я, да?) провалилось с треском. И Черри даже еще не успел перейти к активной фазе «наступлений» на сладкую пару Ник-Оля… Впрочем, с него все и началось.

Ну, неприятности, они всегда неожиданные, да?

Панк, глядя в огромный экран и раскидывая всюду поп-корн, заржал на весь зал, высказав очень некультурный комментарий с эротическим подтекстом по отношению к происходящему в фильме. Это стало началом, так сказать, конца Миссии N 1.

— Вашу хрень, вы уже заткнетесь или нет, козлы? — не выдержал вдруг налысо бритый парень в кожанке, сидящий со своей девушкой по соседству от шумной компании Черри. Они сидели буквально через пару кресел, только не справа, как Князева и мой Ник, а слева. — Харе уже пищать, сопляки. — И он добавил непечатное выражение, очень распространенное, содержащее в себе намек на некие сексуальные действия.

— Какие мы тебе сопляки, детка? — мрачно спросил Черри на пол кинозала. В это время в фильме вновь наступила временная тишина, поэтому его голос, налитый по-юношески кипящей злобой, услышали многие.

Детка, оказавшаяся двухметровым бугаем с большущими бицепсами и трицепсами, поднялась с места и уставилась на шумных соседей.

— Охренел, тупая башка? — проревел лысый парень. Его девушка, тоненькая и маленькая, как Дюймовочка, схватилась за голову.

— Женечка, перестань! — попыталась она успокоить бугая, но тот ее вообще не слышал, а начал медленно, но верно, как ледокол, двигаться в сторону Черри и его ребят.

— Женечка, — попробовала вновь призвать парня к спокойствию девушка, но у нее вновь ничего не получалось.

— Помахаться хочешь, хрен? — весело спросил Черри. — Давай-давай, ползи к нам, детка. Докажи, что головой ты не только ешь.

Парни расхохотались, какие-то идиоты поддержали смех, и многие в зале, особенно те, кто сидел в непосредственной близости, смотрели уже не на экран, а в центр зала, предвкушая хорошую драку. Ну, думаю, зеленоволосый со своими панками совместными усилиями лысого загасят. Если тот, конечно, не чемпион мира по боксу или самбо. Хотя я как раз недавно от брата слышала, что даже признанных силачей можно убить…

— Ты труп, — продолжил мою мысленную тему про убийства бугай. — Ты труп, мудак.

— Труп или мудак? — продолжал веселиться друг Черри. — Определись, Говорящая Голова! Мозгов то хватает на это? Во урод…

И снова взрыв беспричинного смеха раздался в зале. Мне тоже стало смешно. А вот оппонент друзей Дэна совсем не развеселился.

Я не знаю, кем оказался этот бритый парень, которого Черри ласково называл Говорящей головой и деткой: бандитом, местным авторитетом, крутым бизнесменом или просто сыном кого-то очень богатого и крутого, но когда зеленоволосый друг Дэна начал возбухать, применяя не только восьмиэтажные матерные выражение, но, и косвенные и прямые угрозы. В

этот момент к Женечке прибыла неожиданная подмога, в лице еще пятерых типов, такой же, как и он сам, комплекции, сидевших, правда, через два ряда, на простых креслах. Эти ребята повскакивали с мест вслед за своим лысым босом и едва ли не в мгновение ока оказались рядом с «деткой». Естественно, Черри с друзьями оказались в проигрышной ситуации, но, надо отдать им должное, ребята не стушевались, и продолжали орать, качая свои права, как будто бы только что не они устроили всю эту шумиху. Кстати, охрана кинотеатра тоже не дремала — я успела заметить, что около прохода, в самом низу, появились несколько крепко сбитых ребят, оберегающих покой зрителей «Кино-Рая». Весело сейчас будет. Если драка начнется, то возможно захочет включиться еще и добрая половина сидевших в зале парней, просто так, ради развлечения. Мужчины вообще с приветом… Можно даже сказать: где драка начинается — там мужчина появляется. Не совсем в рифму, зато правдиво.

Кстати, о мужчинах, вернее, мужчине — о том самом, из моей мечты… Что делает Ник в такой ситуации? Они вон уже минут семь орут и трубят, как стадо слонов-самцов, у которых всего лишь одна самка в пользовании осталось.

Про Никиту и Ольгу все (то есть моя персона, Сморчок и его великолепные дружки во главе с Черри) благополучно забыли, а когда я перевела взгляд на их место, то ни того, ни другую не обнаружила. Я даже привстала, подумав, что эти двое как-то по-особому улеглись на диванчик (мало ли, чем эти двое решили заняться прямо в кино), но не нашла их. Кроме того, через пару секунд я с огромным удивлением поняла, что место рядом со мной тоже пустовало! Только лишь полупустое ведро поп-корна (да остальных Денис прикончил) да бутылка газировки лежали на мягком диванчике, явно не зная, куда смылся их ветреный хозяин. Смерча нигде не наблюдалось.

Куда он-то пропал, мать его?

Я завертелась во все стороны, пытаясь увидеть парня. Увы, от него и след простыл.

Ветром что ли сдуло? Хотя… он сам ветер, сам себя сдуть не сможет. Только вот сможет поменяет моему внутреннему орлу курс, чтобы тот сбился с правильного направления…

Вот же козел!

Не зря я подумала мимолетом, что Смерчинский прекратил трещать, как сорока и не смеялся над дуростью дружков, даже своих ценных комментариев не вставлял. Он просто-напросто смылся. И когда только успел, поганец? Ну, зачем же я с ним связалась, и еще глупую бумажку подписала!

Обозвав Дэна еще раз про себя, вскочила с места, я схватила рюкзак, поп-корн, «Колу» и, протиснувшись мимо нескольких соседей по диванчикам, которые меня, впрочем, не замечали — так сильно они были поглощены разборкой на нижнем ряду — едва ли не бегом направилась к выходу из зала, оглядываясь по сторонам, и, безуспешно ища, хоть кого-нибудь из пропавшей троицы. Если я вдруг сейчас узнаю, что «партнер» меня разыграл, я навсегда прерву род Смерчинских по его линии.

В последний раз оглянувшись назад, с удовольствием отметив, что драка может начаться с минуты на минуту и пожелав большой удачи Черри, я выбежала в яркий коридор, заполненный кучей людей, спешащими на сеанс в другие залы кинотеатра. Однако Дэна, Князевой и Ника там не было. Не было их и в вестибюле, и в кафе напротив, и в баре «Кино-Рая». Ситуация конкретно злила, да и пугала тоже — представляю, если сейчас Сморчок сидит около хохочущего Никиты и показывает ему наш договор, рассказывая басни о моем психическом

mir-knigi.org

здоровье. Точнее, нездоровье.

Я хотела уже направиться к туалетам, чтобы поискать их там, как меня криком остановил длинный стройный, скорее даже худой парень в кедах в черно-белую клетку и в красном шарфе. Шарф был обмотан вокруг его шеи раза в четыре, и был такой длинный, что махровые концы доставали парню до колен. В руках кричащий держал большой ярко-розовый коктейль.

— Девушка, — увидел он меня и бросился в мою сторону, оттолкнув зазевавшуюся тетеньку, которая тут же огрела его сзади сумкой по плечу. Но обладатель красного шарфа не обратил на нее никакого внимания.

— Девушка! Девушка! — сначала я подумала, что он зовет не меня, и, вопросительно подняв брови, указала себе в грудь пальцем, спрашивая невербально, действительно ли я нужна этому шалопаю?

Увидев мой жест, молодой человек отчаянно закивал, чуть не потеряв белоснежное пирсинг-кольцо из нижней губы. Он вплотную приблизился ко мне, вгляделся в лицо и спросил достаточно тонким для парня его возраста голосом:

— Как вас зовут?

— А тебе-то что? — с великим подозрением уставилась я на человека-шарфа.

— Девушка, я хочу знать ваше имя! Пожалуйста, скажите.

— Зачем тебе мое имя?

— Мне нужно знать его, — умоляющие нотки в его голосе немного смягчили меня. — Прошу…

Хм, он хочет познакомиться со мной? Приятно, конечно, но крайне не вовремя. У меня сейчас другая забота, так что извини, чувак. К тому же ты не моего формата: слишком тонкий, слишком женственный, слишком длинноволосый. Тебе до Дэна, и до Ника (особенно до него!) очень далеко, хотя кое-кто считает твой тип идеальным.

— Ну, скажи свое имя, — видя мое недоумение, без спросу перешел парень на «ты». — Мне просто позарез надо знать.

Ух ты, как я его зацепила! У меня еще никто с таким выражением лица имени не выспрашивал. Я даже слегка подобрела.

— И все же, как твое имя?

— Мария, — не видела я смысла скрывать свои личные данные. Мария да Мария. Сколько Маш в городе? Вот пусть потом и ищет, если приспичит.

— Мария… Ага, значит, я прав! — непонятно к чему обрадовано воскликнул парень и, перекинув шарф назад, он вдруг выдал:

— Ты что ли Бурундук?

Вот так вот орлу второй раз за день пришлось стать мумией имени самого себя, падающей с высокого неба в болото надежд. Понимаете метафору? Обидно было — жуть.

— Что?! Как ты меня назвал?! — кажется, мой мозг зафиксировал довольно большое

расширение век и сделал пометку, что глаза на лоб лезть все же не могут, но вот увеличиться вдвое — пожалуйста.

— Ты Бурундук? Если да, то тебе послание от Смерча, — ошарашил меня еще больше этот худющий тип. — Ты Бурундук, да? Бурундук?

Его просто заело на этом слове!

— Положим, что я, — чувствуя, как во мне начинает разгораться прямо-таки ненависть к этому слову, да и к Сморчку, отвечала я.

— Дэн минут десять назад просил передать тебе вот что, — важно отозвался молодой человек, глубоко и шумно вздохнул, широко открыв рот и вдруг едва ли не точным голосом Смерчинского, используя его интонации и артикуляцию, выдал:

— Бурундук Чип, наши птички свалили, я отправился за ними. Твой телефон разрядился, поэтому не смогу с тобой связаться. Жди меня у входа в «Рай» вместе с Ланде. Ланде — это я, — без перехода, уже своим голосом сообщил человек-шарф, важно поглядывая на меня.

— Эстонец, что ли? — спросила я первое, что пришло мне в голову.

— Нет, мой папа норвежец.

— Ты что, пародист? — окинула я его внимательным взглядом.

— Нет, я актер, — ответил светловолосый клоун с чувством собственного достоинства. — Пошли?

— Куда? — я до сих пор находилась под впечатлением: и от того, что Смерч исчез, и от того, что решил связаться со мной через этого паренька, и даже от того, как тот умело скопировал голос Смерча.

— К выходу. Будем ждать там. Дэнв сказал, что позвонит мне и передаст план вашей дальнейшей Миссии.

Я судорожно нашарила в кармане телефон и за пару секунд убедилась, что он действительно вырубился: ничего себе, и когда только напарничек успел заметить это? У него зрение что ли рентгеновское?

— Пошли-пошли, — потянул меня за кофту на плече дуралей с неведомым мне ранее именем Ланде, — как только он мне перезвонит, я тебе трубку передам.

И он, недолго думая, поставил свой коктейль прямо на пол, не потрудившись выпить.

— Что за фигня творится? — не спешила я уходить.

Мой орел озадаченно кружил над большим красным плато.

— Это не фигня, — тут же терпеливо принялся растолковывать мне светловолосый — нет, скорее, пшеничноволосый и шарфообразный парень. — Все просто. Я друг Дэнва.

— Еще один? Сколько можно? У него один друг уже в зале сидит… сидел, — поправилась я с неизвестно откуда появившимся нервным смешком. В этот момент заметив, как именно из того кинозала, где я только что находилась, охрана выволакивает озлобленного и шипящего, как

гремучая змея, Черри, а также панковских дружков, лысого бугая и его ребят. К дружной компании ругающихся присоединились несколько совершенно незнакомых мне молодых персон мужского пола, решивших вступить в ярую перепалку (драки, как таковой, по-видимому, все же не было) между двумя конфликтующими сторонами. Многочисленная грозная охрана, конвоирующая нарушителей кино-спокойствия, оправдала свой профессионализм — никто из задержанных ею не мог сопротивляться.

Теперь, кстати, зеленоволосый Черри, бугай и их многочисленных друзья сплотились против охраны кинокомплекса, потому что под предводительством двух лидеров все они дружно ругались и бранились. Некоторые слова я слышала впервые и как губка впитывала услышанное, чтобы когда-нибудь применить на практике. Мне даже показалось, что это Гильдия Сапожников самого высокого ранга на выезде, а не потенциальные драчуны.

— Вот дурак, — с великим осуждением произнес личный голосовой почтальон Дэна, глядя на ругающегося матом Черри. Даже головой покачал осуждающе.

— Ты его знаешь? — тут же живо поинтересовалась я.

— Знаю, — с еще большим осуждением отвечал парень, нетерпеливо покручивая свой длиннющий шарф. — Позер, врун и сволочь. Я бы назвал его крепкими словечками, но так как ты девушка, я этого при тебе делать не буду.

— Какой вежливый, блин. Ой, и эта здесь! — с восторгом проговорила я, глядя на выходивших из зала «Кинорая». Следом за всей этой оравой, заламывая руки, бежала девушка бугая Женечки и гневно кричала:

— Отпустите их немедленно! Я буду жаловаться! Они ведь просто разговаривали! Женечка!

Один из здоровенных охранников, незадействованный в конвое (вероятно, самый главный), хриплым басом тут же ответил ей:

— После их разговора нам пришлось бы зал заново отделывать, дамочка.

— Вы нарушаете права человека! Опустите их. Опустите моего Женечку!

— Не кричите так, милая вы моя, — поморщился охранник.

— Какая она тебе милая, лось ушастый? — заорал главный бугай. — Я тебе щас так вломлю, на всю жизнь милым станешь, ушлепок!

— Отпустите нас, прррридурки, — вставил и свою лепту Черри. Ох, и злой же он был! Воистину, как черт. Интересно, он потом Дэну, дружку своему, устроит экскурсию к свистящему раку на горы?

Шарф внимательно посмотрел на процессию. В его светлых глазах читалось явная скорбь и ехидство, которые умудрялись каким-то образом переплетаться.

— Вот дурак. Тупица. Невежа. А мы все еще думали, сколько пройдет недель, с тех пор, как его в последний раз в «обезьянник» сажали, — сам себе пробормотал мой собеседник, плавным жестом поправляя достающие плеч волосы.

— Ух ты, ваш Черри еще и по «обезьянникам» сидит? — искренне восхитилась я зеленоволосым.

mir-knigi.org

— Бывает… Ах, да, побежали быстрее, нам нужно ко входу! Ели Дэнв сказал, нужно делать!

— Хороший аргумент, — наморщила я нос как можно более презрительно.

— Мария-Бурундук, или как там тебя, гоу! — с этими словами шарф с непроизносимым именем схватил меня за рукав где-то в районе локтя, грозя растянуть ткань, и побежал. Мне осталось только делать это самое «гоу» — нестись вслед за ним.

Орлу, конечно, летать нравится, но не тогда, когда его тянут на веревочке, привязанной к вертолету.

Но бежать пришлось все равно. Худой и неспортивный с виду Ла…Ла… шарф, в общем, бегал замечательно.

Странное ощущение было тогда во мне — такое, будто я попала в водоворот событий, который затягивал и затягивал в себя со страшной, но увлекательной силой, а все мои слабые попытки выбраться оттуда были изначально бессмысленными.

Нет, даже не в водоворот — скорее в вихрь. Хотя, если хорошенько пораскинуть мозгами… какой вихрь? Это смерч. Я попала в самый настоящий смерч, наглый, противный, разрушительный, но манящий своей редкой и опасной красотой. Я не знала, куда движутся бешеные потоки воздуха, но лететь вместе с ними орлу начинало нравится.

Иногда люди мало чем отличаются от бабочек. Они летят, как безумные, на то, что кажется им ярким, необычным, фееричным, и неважно им, как будет называться их магнит. Торнадо, тромбы, смерчи — все это синонимы одного и того же явления. Довольно-таки опасного.

Раньше я всегда видела этот сильнейший вихрь только со стороны. На фоне темно-синего неба с расползающимися в страхе грозными тучами, серо-белая бешеная воронка казалась чем-то загадочным и даже уникальным. На ее фоне неплохо было бы сфотографироваться или снять ее на видео, чтобы потом похвастаться друзьям, но я не сразу поняла, что вблизи дивное явление природы может принести колоссальный ущерб, а не только наслаждение его красотой.

В этот момент я не замечала, как приближаюсь, паря в недавно еще таком ясном небе, к месту возникновения этого самого смерча.

— Вот мы и на месте, Мария-Бурундук, — торжественно объявил человекошарф, останавливаясь около входа в «Рай». На улице немного похолодало, да и стало темнее, тем не менее, людей здесь было немерено: как-никак центр города.

— Ты, Лан…Лон… Лонда, — совершенно забыла я имя своего невольного спутника.

— Ланде, я — Ланде, — пояснил тот с готовностью и добавил в третий раз по слогам, думая, что я так лучше запомню. — Лан-де.

— На Улан-Удэ смахивает, — отозвалась я. — Слушай, парень, тебя действительно так зовут?

— Да. Это моя фамилия, — с достоинство пояснил светловолосый. — Это норвежская фамилия.

— Ты что, из Норвегии? — полюбопытствовала я. Что поделать: любознательность во мне порой граничит с нездоровым идиотизмом. Лучше бы я про Смерча спросила.

— Нет, мой папа норвежец. Я лишь наполовину, — отвечал красный шарф, ежась. —

Холодно, — и он потер одну ногу о другую.

Я посмотрела на его длинные конечности, вероятно, с мылом влезавшие в узкие синие джинсы, и только головой покачала. Ну и вкус у чувака. Все больше убеждаюсь, что мой Ник — наиболее всех представителей мужского пола в округе приближен к совершенству. Кстати, о Никиточке…

— Слушай, Уланде…

— Ланде.

— Неважно! Где Денис-то? Что-то я ваших фишек не понимаю, объясни-ка мне поподробнее, а? Что у вас за дивные игры?

— Я же передал тебе сообщение Дэна. Он сейчас узнает местонахождение Ольги, когда узнает, позвонит мне, и я тебя довезу, — парень задумчиво посмотрел на собственный айпод, который он только что вытащил из кармана неформальной и жутко фирменной кофты.

— Ты? На чем, на спине? — скептически посмотрела я на нового знакомого. Такой, как он явно мотоцикл не удержит, а насчет того, способен ли шарф машину водить, я глубоко сомневаюсь. Обычно у таких личностей из всего транспорта только скейт присутствует. Изредка самокат или велосипед.

— Не утрируй, Мария-Бурундук.

— А ты не называй меня так! — взъелась я, чувствуя, как голова идет кругом. — Мы с тобой на брудершафт не пили.

— Ну, ты и злодейка, — покачал по-девчоночьи головой Ланде. — Я тебе помогаю, а ты орешь.

— Чем ты мне помогаешь?

— Я — связующее звено.

— Хорошо, звено, не называй меня больше Бурундуком. Я — Маша.

— Запомнил, — кивнул Ланде.

— Кстати, а что ты делал в холле кинотеатра? — дошло до меня, какой нужно задать вопрос. — Неужели у вашего Смерча всюду, куда не плюнь, друзья?

— Я целенаправленно стоял в этом месте, потому что меня попросили, — загадочно отозвался красный шарф.

— Как это? — я машинально продолжала оглядываться, ища глазами Ника или Дэна. И Князеву, да. Где эта гоблинша, там и парни… Может, она их приворожила?

— Я — часть плана. По идее, когда Ольга и ее… не знаю кто… парень выходили бы из кинозала, я должен был облить Олю коктейлем, чтобы у нее накапливалось все больше и больше отрицательных эмоций.

— Детский сад! — поразилась я.

— Но они выбежали так быстро и абсолютно не вовремя, что я это коктейль чуть не вылил на

mir-knigi.org

Дэнва, который мчался за ними. Он остановился, описал тебя в двух словах и велел кое-что сказать тебе. А потом я ждал тебя, Мария-Бурун… Просто Мария.

Я внимательно посмотрела на мерзнувшего парня.

— И без просто, пожалуйста. Я тебе не мексиканский сериал. И ты считаешь такое поведение друга нормальным?

— Да, — легко ответил он.

— Тогда, может, ты ненормальный? Слушай, как так? Почему Денис Смерчинский попросил, а вы делаете, что он говорит?

— Ключевое слово: попросил, — пожал худыми плечами собеседник. — Он же наш друг.

— Близкий?

— Мне — да, — важно заявил парень. — Не слишком близких он бы не стал просить о такой щекотливой услуге.

— А Черри тоже близкий?

— И этот выродок тоже, — сквозь зубы ругнулся светловолосый, который, кстати, начал напоминать мне эксцентричного эльфа, сбежавшего из родного леса. — К большому несчастью.

— Чьему?

— Обычно моему. Отстань со меня со своим панком зеленым. Пожалуйста, идет? — видимо, напоминания о Черри приводили полу-норвежца не в самое лучшее расположение духа.

— Идет, — легко согласилась я, понимая, что Ланде точно не любит зеленоволосого. — Слушай, может, я домой пойду?

— Нет! Дэн ведь сказал… — и в это время его айфон зазвонил. Вернее, загрохотал. Тяжелая музыка со вопящим скрим-вокалом надрывно стала доноситься из средства мобильной связи.

— Привет! Да. Она со мной. А Черри, кажется, забрали, — в мягком голосе прозвучало неприкрытое злорадство. — А я всегда говорил, что этот… ладно-ладно… Да, я передам трубку ей. Она злая, — и, выразительно посмотрев на меня, человекошарф передал мне аппарат связи. Во весь здоровый экран которого виднелась фотография Дениса собственной персоной: он обаятельно улыбался на фоне белоснежных гор.

— Это ты? Как ты смог меня оставить, мухомор?! Ты что, издеваешься надо мной? Ты знаешь, что твои дружки устроили? Где ты сейчас? — посыпались из меня вопросы горохом.

— Чип, Чип, Чип, тише-тише, — успокоил меня голос Сморчка — так иногда разбушевавшихся или испугавшихся лошадок успокаивают. — Все в порядке! Все хорошо. Ты так была увлечена дракой, что я не стал тебя отрывать от нее, и поспешил за нашими объектами. Они, между прочим, тоже очень спешили. — В голосе прозвенело сожаление, но вот раскаяния я в нем так и не услышала.

— И где ты теперь с объектами? Ты меня, случайно, не дурачишь? — сердито спросила я.

— Конечно, нет! — в мелодичном голосе послышалось искреннее возмущение. — Я сейчас в

кафе «Фарфоровая лилия», Ольга и Клара там.

— И что? — я пару раз слышала об этом заведении — оно, кстати сказать, специализировалось на парочках. Серьезно, второй этаж «Лилии» был разделен перегородками, и влюбленные могли наслаждаться друг другом за своими столиками, скрытые от глаз других таких же влюбленных. Маринка однажды была в этом кафе вместе со своим нынешним парнем, и осталась после его посещения под впечатлением.

— И что? Ты тоже должна быть здесь, будем мешать дальше, — очень убеждающее произнес молодой человек. — Этот твой Клара решил сегодня пошиковать: взял такси, чтобы доехать до кафе, расположенного за пару кварталов. Да и не самое оно дешевое, скорее, наоборот.

— Сам ты Клара. А ты на мотоцикле что ли, за ними помчался?

— Я что, глубокий клинический идиот, тащиться на стоянку? Я тоже поймал такси. Поэтому сейчас ты, Чип, тоже сядешь в машинку и приедешь ко мне, — судя по звукам, парень что-то пил, да и вообще разговаривал спокойно, словно бы никуда и ни за кем не торопился и не спешил.

Я тут же мрачно поинтересовалась:

— И что я там буду делать?

— Говорю же: мешать, — спокойно ответил молодой человек. — Кстати, партнер, знаешь, почему наши объекты ушли так внезапно?

— Нет. Почему?

— Им стало очень смешно из-за возникшей ситуации. Моя Ольга вообще смешивая девочка, — в голосе молодого человека сразу появилось тепло. Интересно, я доживу до того светлого дня, когда голос Ника будет теплеть только от одного упоминания моего имени?

— Или всех смешащая… Клоун в юбке местного масштаба. А я из-за них так и не досмотрела фильм, — я до сих пор хотела узнать, чем все там кончится.

— Ну-ка, фу, не говори так на нее, — в меру строго, как добрый хозяин щенку, приказал Сморчок. — Ее личность — произведение искусства.

Я мысленно засомневалась.

— Идти недолго, а на машине быстрее. Бери такси, Ланде оплатит, — сообщил мне Денис тем временем.

— Ты думаешь? — с большим сомнением посмотрела я на светловолосого, перекинувшего красный теплый шарф на другое плечо. Не похож он на щедрого богача.

— Более чем уверен, Бурундук. Жду!

— Если ты еще раз исковеркаешь мою фамилию, — начала я угрожающе, но была бессовестно перебита.

— Ах, да, Ольга и Клара на втором этаже, поэтому смело заходи на первый. Я заказал тебе кофе и не хочу, чтобы он остыл. Кстати, ты прихватила мой поп-корн?

mir-knigi.org

— Угу.

— Не съешь его! — забеспокоился парень. — Эй, Чип! Оставь его мне!

— Отстань, — и я отдала айфон хозяину. Естественно, тут же захотелось попробовать этот самый поп-корн, который я продолжала держать в руке.

— Ну что? — вопросительно посмотрел любитель шарфа на меня. Ему что, в лоб заявить: заплати за меня, чувак, Их Превосходство дал команду!

— Твой друг, — осторожно начала я, — сказал, что ты хочешь оплатить мне такси. Но ты можешь не делать этого.

— Почему же? — любезно возразил Ланде. — Я все оплачу. Ноу проблемс.

— Ноу, так ноу, — только и сказала я.

Он сам (и это меня поразило — вот же покорность судьбе, вернее, Сморчку!!) поймал мне такси, довольно-таки в быстрые сроки, рассчитался с водителем, не торгуясь — тот за относительно небольшое расстояние запросил сумму, как за полет на Луну, затем вежливо открыл мне дверь, подождал, когда я усядусь в машину, и даже помахал мне рукой. Вежливость на грани фантастики!

— Твой парень? — веселясь, спросил водитель, выруливая на нужную дорогу.

— Не дай Боже, — тут же ответила я, пристегиваясь. — Так, знакомый.

— А я сначала за девочку его принял. Вот чудак.

— Согласна, — кивнула я и уставилась в окно.

Дэн, Черри, Ланде — что за люди такие, и что за имена они носят, эти сумасшедшие? Почему делают странные вещи и отчего двое последних так слушаются господина Смерчинского? Почему его вообще все любят, включая мегер, детишек и бомжей?

А, самое, главное, мне-то он почему нравится?

Ну, как человек, я имею в виду…

Со всеми этими мыслями, летающими в голове, я и не заметила, как доехала до нужного места. Распрощавшись с водителем, который еще раз намекнул мне, что, дескать, Ланде парень неважнецкий, да и на парня он вообще похож с большой натяжкой, я вышла из машины и завертела головой в поисках нужного кафе.

«Фарфоровая Лилия» оказалась прямо передо мной, стоявшей на тротуаре и в нетерпении стучавшей ногой об ногу, — об это свидетельствовала стилизованная под европейскую старинную, мудреная вывеска. Она крепилась к стене дома на металлический штырь-держатель, а на тонкой кованной белоснежной решетке ее была изображена лилия, над ней порхали бабочки и кто-то, смутно напоминавший крохотного эльфа. От самой выдающейся части решетки свисала на тоненькой цепи основная часть вывески в виде тонкого длинного прямоугольника, где белым по черному было написано: «Kafe».

Находилось это довольно известно кафе в одном из старинных особняков, возведенных в историческом центре города не без помощи известного архитектора графа Арсицкого еще в

конце девятнадцатого столетия. Таких зданий, насколько я помнила из лекций по архитектуре родного города, в которых раньше проживали богатые мещане, аристократы и купцы, в этом квартале было немало, правда, добрая половина из них была снесена и на месте старинных домов выросли банки, рестораны, спортивные центры и бутики, но оставшиеся особняки считались частью культурного наследия города, поэтому обрели неприкосновенность и охранялись государством.

Тот дом, в котором находилось нужное кафе, где вроде бы имели честь сидеть Сморчок, Ник и лягушка, Князева, вернее, когда-то давно жила уважаемая и обеспеченная купеческо-меценатская семья, однако после известных событий 1917 года двухэтажный особняк, выполненный в стиле «деревянного модерна», большевики сделали чем-то вроде своего штаба, а во время же Великой Отечественной Войны в нем расположили лазарет. Еще позже, через пару лет, власти устроили из особняка продуктовый магазин. В конце бурных девяностых бизнесмены смекнули, что святое место в центре города пусто не бывает и тут же «переоборудовали» памятник архитектуры в казино, после того же, как игорному бизнесу в России пришла крышка, особняк купили другие хозяева и устроили в нем кафе. Очень примечательное, надо сказать. Главный фасад, богато украшенный деревянным декором в виде растительного орнамента, северо-восточный угол здания, увенчанный замысловатыми башенками, наличники окон, единые на два этажа — все это привлекало взгляды прохожих…

О, какая я умная — не зря на Факультете Искусствоведения учусь, хоть и моя будущая специальность — это реклама… Нет, я определенно умная.

А вот Смерчинский, которого я вижу в продолговатом окне «Фарфоровой Лилии», богато украшенным резьбой по дереву — не очень.

Узрев физиономию Дэна, а так же его правую верхнюю конечность, усиленно машущую мне, я все же отчего-то воспрянула духом и забежала в «Фарфоровую лилию», удачно обогнув и не врезавшись в официанта, наряженного в форму, напоминающую смесь ливреи дворецких и одежды эльфа Лиголаса из фильма «Властелин колец». У него даже волосы были светлыми, длинными и забранными сзади в аккуратный хвостик.

Изнутри кафе было колоритным и прелестным. Сразу видно, его дизайном занимались опытные специалисты. Легкий полумрак, деревянный пол, темные стены, украшенные охотничьими трубами, геральдикой, холодным оружием, большие камины по углам. Сказочно-средневековый антураж «Лилии» был изящно подчеркнут массивными прямоугольными деревянными столами и скамьями вместо стульев, светильниками в форме свечей в медных подсвечниках и другими «средневековыми» мелочами.

На импровизированной сцене, с тяжелым темно-синим бархатным занавесом, восседал на табурете печальный парень, с такими же длинными золотисто-пепельными волосами, как и у чуть не сшибленного мной официанта, и играл на какой-то музыкальной штукенции, напоминающей мне арфу. Он ловко перебирал пальцами по струнам — и по всему кафе разносилась пронзительно-печальная мелодия, такая заунывная, что хотелось подойти к грустному музыканту, из творческой тонкой души которого лилась столь безрадостная мелодия, и пожалеть, прижав его окаянную головушку к груди. Однако, делать это я благоразумно не стала.

Ну, просто не кафе, а что-то вроде средневекового или сказочного трактира. Милое местечко. Хм, вот куда Ник Ольгу водит, не скупиться. Эх, чтоб ей здесь официанты нагрубили, а его — обсчитали.

А еще одним неоспоримым плюсом этого дивного местечка был особенный запах. Едва я открыла тяжелую, стилизованную под старину, дверь с медными ручками, как сразу же почувствовала восхитительный аромат ванили и свежевыпеченных булочек. Именно такой запах, по моему сугубо личному мнению, должен был присутствовать в любом уважающем себя сказочном трактире, где останавливаются фэнтезийные герои: эльфы, гномы, маги и ведьмы всех мастей и просто Избранные, коим суждено спасти очередной мир. Маринка, услышав это мое мнение, тут же заявила, что в «нормальной харчевне вообще-то должно пахнуть хорошо прожаренным мясом и хлебным пивом. По крайней мере — пьяными и голодными мужланами, а не стряпней, годной разве что только для изысканного пищеварения дворян и романтических девиц». Я, конечно, тут же поинтересовалась, какой такой запах имеют упомянутые мужланы, и пахнут ли они вообще, но внятного ответа не получила — не вовремя началась лекция.

— Мария, я тут! — услышала я голос Дэна, без труда перебивавший музыкальное сопровождение и общий гвалт, стоящий в кафе — народу пятничным вечером здесь было прилично. И, что удивительно, все на вид присутствующие (особенны представители сильного пола) были вполне приличными и адекватными, одетыми не в спортивные штаны, «адидаски» или кожанки. Не снятых кепок на мужских головах не наблюдалось. Огромного скопления бутылок пива на столиках — тоже. И совсем никто не собирался наезжать на кого бы то ни было, да и драться не желал. Эх, как же все-таки отличается центр города от того далекого спального района, где имею честь проживать я. Между прочим, второй в городе по неблагополучной криминальной обстановке…

Я подошла к Дэну. Смерчинский, словно какой граф или герцог, вольготно расположился за уютным столиком, около самого камина, успешно имитирующего огонь. Он положил ногу на ногу и попивал кофе, держа изящную фарфоровую чашечку в одной руке, а другой набирая на сенсорном экране смс-сообщение. Наверное, подключал к делу очередного друга из своих бесконечных дружественных запасников. У Кощея в подвале хранятся золото и драгоценные каменья, а у синеглазого брюнета с ямочками на щеках — друзья всех размеров и цветов.

— Здесь вкусное кофе, и горячий шоколад тоже, — сообщил мне парень. — Я тебе сейчас закажу. Садись, что же ты стоишь, партнер? — и он похлопал рукой по мягкому сидению стула с высокой деревянной резной спинкой, покрытой лаком.

— Я сейчас сама тебя закажу, — уселась я на стул, со скрипом подвинув его к столу, — киллеру, Смерчинский. Ты куда удрал?

— Сюда, — невозмутимо отвечал парень. — А ты должна лучше следить за состоянием своего телефона, Чип. Если бы Ланде не было рядом, я бы так и не смог с тобой связаться.

Я возмутилась такому наглому ответу, и пока я выговаривал Сморчку о том, что за пару минут я успела испытать, он подозвал официанта и сделал заказ.

— Я заказал тебе все самое вкусное, — обрадовал он меня, перебив мою патетическую речь о том, что уж после того, как мы заключили на улице «контракт», Дэн не имел права бросать меня на произвол судьбе и человеку-шарфу с не выговариваемым именем.

— Может, я сама хотела посмотреть меню и заказать, ты мне весь кайф обломал, — проворчала я, разглядывая помещение. По части бухтения я, можно сказать, ас.

Мое заявление явно расстроило парня. Он, чуть пригнувшись ко мне, сделал умиленные глазки и произнес, жалобно растягивая гласные:

— Ну вот. Я ведь хотел тебе сделать «сладкий сюрприз», и попросил принести фирменные

сладости.

— Ладно-ладно, только не смотри на меня так. Люди подумают, что я тебя обидела. Ну, где там Князева и Ник?

— Клара и Олечка, — голосом подчеркнул имя возлюбленной Дэн, — находятся на втором этаже — я уже говорил тебе. Кстати, раз ты уже здесь, и нам пора на второй этаж.

— А как же мои сладости? — возопила я, уже порядком уставая от сегодняшней беготни. Столько событий разом в последний раз со мной случалось в первом классе, после того, как меня учительница в цирке забыла, а я полезла в гримерку к клоунам, чтобы дать им важные, с моей точки зрения, советы о том, как быть еще смешнее, а класс благополучно отбыл домой.

— Сейчас шепнем официанту, чтобы принес заказ наверх. Кстати, наши объекты нас не заметят все столики отделены друг от друга перегородками. Мы будем сидеть к Ольге очень близко, поэтому не кричи так громко, как ты это умеешь.

— У меня просто строения связок такое, — обиделась я. — Зато я петь умею громко.

— Не сомневаюсь, — парень на миг отлучился, подойдя к барной стойке, а потом так же быстро вернувшись, схватил меня за руку и поволок по винтовой лестнице с резными перламутровыми перилами, на которых лениво переливались мерцающие отсветы от настенных антикварных (или лжеантикварных) светильников в виде больших свечей, дающих эффект настоящей горящей свечки.

Так мы и оказались на втором этаже, в спокойном местечке, где за отдельными столиками вили свои любовные гнездышки те бездельники, которые возжелали романтики. Здесь, как и внизу, играла музыка, только уже не живая, но куда более радостная. Среди нескольких музыкальных инструментов, чье звучание было затейливо переплетено, я отчетливо слышала изящную свирель, выводящую веселую, легкую мелодию, а еще беззаботное весеннее щебетание птиц.

Орлу понравилась здешняя атмосфера. Было, где вволю погадить…

Нас встретила девушка-администратор в такой же зеленой униформе и с традиционными для этого заведения светлыми длинными волосами, правда, они у нее были распущены и струились по спине светлыми волнами, а от висков к плечам спускались две пшеничные косички, в которые были вплетены шелковые зеленые ленточки. Она любезно поздоровалась с нами и провела по полутемному помещению, которое больше напоминало мне **своды** старинного, но очень миниатюрного замка, к столику, действительно огражденному со всех сторон темными, украшенными коричнево-бордовой изящной росписью, и очень высокими, до потолка, перегородками. С четвертой стоны наблюдалась стена, как будто бы выложенная каменной кладкой, с окном, выходящим на оживленную улицу. Венецианское, трехчастное, с полукруглой аркой, окно, правда, по-современному затемненное, придавало этому местечку уют.

— Присаживайтесь, дорогие гости, — пропела девушка, отчетливо выговаривая все буквы «о» — она явно косила под «окающий» северный диалект. Наверное, думала, что это еще больше сближает ее с эльфами…

Мы, естественно, тут же уселись на мягкий диванчик, заменяющий стулья. Рожа у Смеричнского была довольная-предовольная. Почти что гнусная.

— Вот мы и около нашей парочки, — шепнул он мне весело.

Следом за администратором (так и хотелось сказать — администратором таверны) приперся и официант, неся внушительных размеров поднос, через минуту к нему «на помощь» пришел и его коллега. Они чинно расставили по столу заказанные Дэном сладости и напитки — на них я глазела с тем самым восторгом, с каким в детстве пожирала вожделенный домик для Барби, так и не купленный зловредными родителями. Дэн оказался не только умником и красавчиком, но и еще и щедрым парнем: наверняка куча его друзей общаются с ним только из-за того, что Лаки Бой ни на что не скупится. Он заказал самые разнообразные на вид и, видимо на вкус и цену, тоже, пирожные. Шоколадные эклеры, трехслойные охлажденные десерты, лаймово-сливочные мраморные треугольнички, украшенные замысловатым рисунком из мармелада, кофейные сладости горячие круглые пирожные с жидкой начинкой, «брауни» с печеньем, орехами и свежей клубникой, нежные банановые шарики, каждый из которых имел в себе сюрприз — орех миндаля или фундука, белоснежные кремовые наполеоны, состоящие из доброго десятка слоев, высокое чудо с ромовым ароматом из сгущенки, светлого шоколада и цельных орехов, рожки со взбитыми сливками и лесными ягодами…

Я моментально полюбила душу Смерчинского, не испорченную жадностью и скупостью.

Работники «Фарфоровой Лилии» хором пожелали нам приятного вечера и удалились.

— Слушай, — радостно спросила я, как только они ушли, до сих пор не в силах поверить, что все это мы сейчас, нет, я сейчас буду лопать. — Это что, обиталище эльфов?

Вообще-то нужно было спросить о Нике и Ольге, но они незаметно отодвинулись на второй план: первый бессовестно заняли сладости.

— Ммм?

— Тут все официанты на одно лицо, тонкие, высокие, с одинаковыми светлыми волосами и в странной одежде. Только стрел и колчанов у них нет.

— Может быть, — парень усмехнулся, словно что-то вспомнив. — Один из хозяев этого местечка — ролевик.

— Ну, понятно тогда, — тут же в уме я поставила определенный диагноз хозяину этого заведения и потянулась за первым пирожным. На вкус оно оказалось не просто прелестным, а дико прелестным! Взбитые сливки просто таяли во рту.

— Да, это действительно что-то вроде смены эльфов, — аккуратно помешивая ложечкой сахар в новой чашечке кофе, произнес Смерчинский. — Еще есть смена их темных сородичей… как же их называют…?

— Дроу, — подсказала я, обрадованная, что великий Умник запамятовал.

— Ага, они самые. Есть их смена. И в особенных случаях, например на Хеллоуин, появляются официанты-гоблины, гномы и прочие обитатели запредельных миров. Забавное местечко, — на щеках парня появились ямочки — он вновь улыбнулся, словно что-то вспомнив.

— Да уж.

— Тебе нравится? — с любопытством посмотрел на меня Смерч. — Я выбрал самые-самые вкусные.

— Очень, — прошамкала я с полным ртом, и только потом спросила, понизив голос:

— А где наши объекты?

— Там, мой милый Чип, — кивнул вправо напарничек.

— Прямо за этой стеночкой? — шепотом спросила я. Такая близость Никиты и его зазнобы пугала.

— Да. Не бойся, они нас не услышат.

— Ого! И что теперь нам делать? Какие подлянки мы им устроим? — все таким же свистящим шепотом спросила я. Должны же мы все-таки испортить им встречу?

— У тебя есть идеи, Мария?

— Давай ты подкупишь официанта, чтобы он им слабительного в еду подложили? — тут же предложила я, потянувшись за вторым пирожным.

— Заманчиво, — Дэн повертел в руках корзиночку с воздушным фисташковым кремом, словно примеряясь, с какой стороны ему лучше откусить: с той, где больше россыпь малины, или с той, где больше орехов.

— И как ты себе представляешь? Что скажешь официанту? Что они наши кровные враги, наглые орки в обличие людей, и мы хотим отомстить им за то, что они обесчестили ммм…. нашу сестру, когда напали на гарнизон из-за спины? — синие глаза хитро блеснули в полутьме. Смерч все же решил, что орехи ему нравятся больше.

— А что? Он же эльф, поверит, еще и поддержит такую затею: у них же вроде есть принцип: око за око, — я ничуть не смутилась.

— Тогда, пожалуй, стоит испробовать это на Кларе, — его взгляд устремился в потолок: парень наверняка представил, как плохо в таком случае будет его сопернику. А, может, просто наслаждался вкусом…

— Лучше на Олечке, — поспешила сказать я. — Ей полезно. Шлаки все выйдут, здоровенькой станет.

— Ее мы трогать не будем, — наигранно посуровело лицо Дэна.

— Слушай, подслушать их можно?

— Увы, нет, Чип, — погрустнел Денис — брови его грустно изогнулись. — А жучок я с собой не взял.

— А у тебя он есть? — алчно загорелись мои глаза.

— Без фанатизма, — потрепал опять меня по волосам парень. — Но достать его можно. Да и не важно нам, что они говорят, мы просто должны помешать их отношениям, Мария. Пока ты временно отсутствовала, я немного подумал и решил, что мужчине будет очень неприятно, если кто-то положит глаз на его женщину.

— То есть если кто-то будет заигрывать с Князевой, Никита почувствует себя нехорошо?

— Да. Поэтому…

— Ты позвал еще одного друга? — догадалась я.

— Нет. Я не стал тревожить друзей. О моей симпатии к крошке Ольге знают только самые близкие, остальных пока посвящать не хочется.

— И много у тебя самых близких? — спросила я. У меня, к примеру, двое — Лида и Маринка — обе в равной степени. Со школы хороших подруг не осталось, те девчонки, которые жили по соседству, и с которыми я раньше шаталась по улице без дела, куда-то потерялись или остались просто приятельницами.

— Самых-самых? Пять, — не задумываясь, отвечал Денис. — Троих из них сейчас нет в городе. Черри приехать не сможет, а Ланде… ему не нужно быть здесь.

— Ага, значит, близких у тебя пять. А не близких?

— Не знаю, я не считал, — пожал плечами Смерч. — Очень много.

— Боюсь представить, сколько у тебя знакомых, — я захихикала. Интересно, как он только имена всех их запоминает?

— Я иногда тоже, — сознался парень, залпом допивая порядком остывший кофе. — Ладно, Бурундук…

— Я не Бурундук!

— … вот мое предложение: сейчас я с кем-нибудь договорюсь о помощи. — И, больше ничего не произнеся, Дэйл скрылся за перегородкой, в общем зале.

— Эй! — только и оставалось крикнуть мне, но парень не вернулся и даже не обернулся. — Нормально, однако.

Мне ничего не оставалось, как вновь схватить аппетитное на вид фруктовое пирожное с изумительной начинкой. И почему в магазинах такой вкуснятины не продают? Или я привереда?

Эх, до чего же вкусно! Как же хорошо, что я с Дэном познакомилась. И даже тот факт, что за соседним столиком. Где-то справа, сидят и воркуют Никита и гоблинша, меня расстраивал уже не так сильно.

Будем бороться!

Орел смело носился около сильного вихря, сначала побаиваясь и недовольно косясь черными глазками, а потом все больше и больше храбрясь и подлетая все ближе и ближе. Смерч и не думал его сметать — по крайней мере, пока. Он осторожно гладил крылатого.

Для порядка, недоверчиво покружив вокруг мирного ветра, орел все же склевал все, что тот принес с собой.

Объелась, короче, птичка, и даже взлетала с трудом, явно подчиняясь всеобщему правилу халявы: ешь, пока не лопнешь.

Когда я по дурости и откуда-то появившейся алчности уничтожила еще целых четыре

mir-knigi.org

пирожных, правда, маленьких, но от этого не менее вкусных, чем их большие собратья, вернулся наш университетский гений.

— Прекрати просто так убегать, — возмутилась я, завидев молодого человека.

— Я не просто так, я же сказал, что за помощью. — Тут же ответил он мне.

— Какой помощью? Психиатрической?

— Не-а, — отмахнулся он от меня и вновь с самым задумчивым видом взял двумя пальцами «наполеон».

— Сначала расскажи, а потом ешь, — сделала суровое замечание я. — Ненавижу, когда чавкают и говорят.

То, что обычно так делаю сама, я скромно промолчала.

— Окей. Я заглянул за пару перегородок, — начал молодой человек, и вид у него был настолько заговорщицким, что я тут же прониклась значимости его идей и действий. Так же, как Ильич распространял вокруг себя «замечательное» амбре, Дэн излучал всюду свое сумасшедшее обаяние, мягкими, но упрямыми волнами ласкающее кожу, а потом проникающее через нее в кровь и изливающееся по всему телу и навечно остающееся в сердце и в мозге.

«Поработит на хрен!», — возвестил меня очередной плакат синенькой-мысли-головастика. То, что я мыслю не только образами и звуками, а словами, ярко всплывающими у меня в голове, мало кто понимает. Лида говорит, что я так мыслю потому что, цитирую: «удары головой в детстве бесследно не проходят» — эту фразочку она от брата подцепила, кстати.

— И?

— И…иии… — с интонациями ведущего важнейший боксерский бой, произнес хорошо поставленным голосом Дэн, — и договорился кое о чем с одним парнем.

— Каким? Ты что, и тут друга просто так встретил?

— Нет, друзей и знакомых я тут не встретил. Этот парень пришел в кафе вместе с очаровательной девушкой, и согласился помочь мне в нашем деликатном деле.

— Как это? Он что, подойдет к столику Ника и на дуэль его вызовет из-за Князевой?

Смерчинский отрицательно покачал темноволосой головой:

— Твой Ник не из тех, кто будет драться, он попробует разрешить вопрос мирным путем, поверь. Я знаю это точно.

— А сам-то? — ворчливо произнесла я, — сам, поди, дрался только в компьютерных играх.

Но Дэн, с его удивительной способностью не слышать критику в свой драгоценный адрес, продолжал, как ни в чем не бывало:

— Поэтому будем устраивать «интеллектуальный прессинг». Этот парень, мой помощник, для начала передаст через официанта Ольге бутылочку хорошего дорого вина — запиской, которая будет прилагаться к нему, я уже снабдил. Все как в лучших домах Филадельфии, Чип, — и он развязно мне подмигнул.

— Ну и выпьют они твое вино, и что? Зря деньги потратил.

— Малышка ты моя, ты совсем еще девочка, — преувеличенно горького вздохнул Денис, взял меня за руки и голосом проповедника, наставляющего на путь истинный младенец, произнес:

— Когда мужчина дарит твоей девушке дорогой подарок, пишет записки… с некоторыми намеками, в общем, уделяет всяческое внимание, ты начинаешь понимать, что хочешь задушить этого подонка. Понимаешь?

— Нет, — покачала я головой, — у меня девушки нет, поэтому как-то не очень.

— Денис хлопнул себя по колену ладонью и засмеялся, откинув голову назад.

— Дурак, естественно, понимаю! — я повысила голос. — Вы все собственники, короче.

— Ну не все, — не спешил обобщать своих братьев по Адаму Смерч, — но Клара — точно.

— С чего ты так решил? И хватит его так называть.

— Он кажется спокойным, внимательным и тихим, но он не полностью уверен в себе. Люди с заниженной самооценкой могут быть скромны и терпеливы на вид, но на самом деле, им важно полное подчинение Они желают обладать чем-то ли кем-то единолично. Это помогает их самоутверждению. Твой Никита как раз такой. Усиленное внимание на «его вещь» ему очень не понравится, тем более, если:

— Про вещь мне особенно понравилось, — осталась довольна я. — Хорошего ты мнения о Князихе.

Дэн только рукой махнул на меня и поведал свой третий по счету гениальный план за сегодняшний день. Один из посетителей второго этажа «Фарфоровой Лилии» с молчаливого согласия своей пассии, согласился послать от своего имени бутылку вина Ольге, представившись в записке ее поклонником. Официант, один из длинноволосых эльфов, передал подарок Князевой. Это, по мнению Дэнва, должно было слегка разозлить Ника, как и фривольная записка, прилагающаяся к «Альтер Эго де Пальмер» примерно такого содержания:

«Моя длинноволосая принцесса, когда две твои очаровательные ножки ступили на грешный пол этого местечка, я понял, что ты нравишься мне намного больше чем остальные особы женского пола. Посылаю тебе бутылку „“, надеясь, что кровь Христова скрасит твой вечер — не думаю, что твоему скучному спутнику это удастся сделать.

Безымянный поклонник»

— Как патетично!

Послание Дэн процитировал мне по памяти, да еще и прочел с выражением. Я только подивилась его актерскому таланту.

— Я специально выбрал такой стиль и использовал некоторые выражения, чтобы Клара подумал — записку писал человек старше его. Обычно первая ассоциация, возникающая при слове «старше» — это опытность. Когда твою девушку пытается закадрить кто-то более опытный и обеспеченный — думаю, по стоимости вина он это тоже поймет, — то начинаешь чувствовать себя ущербно. Да и девушкам, особенно такого склада характера, как Оля, будет

импонировать внимание такого человека.

Его внимательные сейчас большие глаза поглядели на меня, ища подтверждение его мысли в мимике или словах.

— Наверное, ты прав. Думаю, — тут мои губы растянулись в улыбке, — Князева меркантильная, и то, что «безымянный поклонник» богат, ее растрогает.

В это время к нам заглянул какой-то коротко стриженый парень, и сначала я даже испугалась, думая, что это Никита пришел разбираться с Денисом — я вжалась в диванчик, чуть змейкой не застолья под стол, но это оказался помощник Смерчинского.

— Что-то случилось? — поднял брови Дэн.

— Слушай, друг, она бутылку вернула, — растерянно произнес наш гость и для наглядности покачал рукой, которой за горлышко сжимал вино.

— Да? Проказница, — вдруг рассмеялся парень. Я же хмуро уставилась на него. И что тут смешного? Наш план с треском рушится, а он ржет, лошадь из себя изображает, хотя, если подумать, лошади так прикольно не ржут…

— О'кей, меняем тактику, — выхватил брюнет из рук парня записку, резко поднявшись, а затем так же усевшись обратно.

— Что меняем? — с любопытством спросил помощник, разглядывая меня.

— Слушай, тут около кафе есть цветочный магазин, сгоняй туда, купи своей девчонке классный букетик, — отвечал ему как-то невпопад Смерч, что-то писавший на белоснежном листе бумаги ручкой с пером, чудесным образом появившейся в его руках.

— А? — как и я, коротко стриженный тоже не совсем врубился в ситуацию.

— Твоя девушка была бы очень рада неожиданным розам, — твердо сказал Денис, вновь вставая на ноги и глядя прямо в глаза второму молодому человеку, как заправский гипнотизер. — Или другим цветам. Она очень обрадовалась бы, если ты подарил ей букет, так?

— Ага, — очумело кивнул тот.

— Ты же любишь свою девушку, правда? — Смерчинский положил парню руку на плечо и заговорщицки улыбнулся.

— Естественно, — более уверенным тоном подтвердил его подручный. — Мы уже два года вместе.

— Тем более! Сделай сюрприз, долгие отношения нужно поддерживать подарками и вниманием к партнерам! Так что дари ей цветы, — и Дэн ободряюще ему кивнул. — Ты же мужик.

— Угу.

— Купи своей девочке цветы, и заодно и моей купи, — с этими словами синеглазый сунул ошеломленному парню пару крупных купюр. — Только возьми уже готовые, составленные букеты. Самые-самые красивые!

mir-knigi.org

Обезьяна видит (в данном случае — слышит), обезьяна делает. Да и деньги — стимул успешный.

— Ээээ…

— Ты минут за пять обернешься, — уверено произнес Дэнв. — Цветочный магазинчик в соседнем здании, справа. Понял?

— Ыгы, — радостно произнес молодой человек, глядя на деньги.

Я, скривив губы в одну сторону и прищурив глаз, глядела на партнера и только головой качала. Манипулятор хренов! И ведь получается, вы только посмотрите!

— Эй, ты знаешь, как определить, какой букет самый красивый? — вдогонку ему крикнул мальчик-ветер.

— Не, — обернулся тут же его помощник, потешно занесший ногу над импровизированным порогом.

— Спроси у продавщицы, какой бы она хотела получить от любимого мужчины! А если она тебя не вдохновит, задай этот вопрос любой девушке! — дал странноватый, на мой взгляд, совет, Денис. Вот если бы у меня так спросили, я бы показала, естественно, на самые красные розы, и чтобы их в букете было не меньше пятнадцати штук, и… вот черт, по ходу, это действительно работает!

— Смерчинский, ты что, гипнотизер? — задала я вопрос партнеру.

— Нет, Чип, — он с удивлением взглянул на меня. — Что за мысли приходят к тебе в голову?

— А, по-моему, гипнотизер. Ты здорово обработал этого парня. Из тебя отличный жулик получился бы.

— Ну, спасибо, — он усмехнулся, дописывая что-то в записке. — То ты говоришь, что меня любят бомжи, то обвиняешь, что я тебя заставил контракт подписать, то намекаешь на мои криминальные наклонности. Если бы кто услышал твои слова, то явно бы подумал, что я — нелицеприятный тип.

Я не стала подтверждать его слова, скромно промолчав — вместо этого я схватила его «письмо» для Князевой и пробежала глазами по написанному.

К моему безграничному ужасу, почерк у Дениса оказался таким же идеальным, как и он сам: разборчивый, тонкий, ровный, с сильным нажимом — каллиграфический, короче говоря, но без «женских» завитушек и с необычно прописанными буквами «д» и «в».

Смерч дописал в записке, которую Ольга вернула вместе с бутылкой, следующее:

«Милая королевна, не из Северной ли страны вы, светлокожая и светлоглазая? Вы столько холодно поступили, вернув мне подарок, что умудрились поразить мое сердце. Не отказывайтесь от того, что сейчас перед вами. Примите от чистого сердца.

Безымянный.»

mir-knigi.org

— Вах, — залюбовалась я «письменами». — Даже странно, что она не растрогалась, а посмела винцо вернуть. Параномально!

— Это же Ольга, — невозмутимо отвечал Смерч. — Она необычная.

Я закивала, как болванчик.

— Как же, как же…

— Сейчас эта бутылка вина, цветы и торт отправятся к малышке Оле.

— Как ты ее называешь? — засмеялась я. — Малышкой? Малышка Князева — а звучит, а? Хоть убого, но дико пафосно!

— Глупый у меня напарник, хороший и хорошенький, но… — не договорив фразы до конца, преувеличенно печально произнес Дэн. Он выглянул из нашего «убежища» и подозвал официанта-эльфа. Что он ему говори, я не расслышала, но по сияющему виду названного дружка я поняла, что очередной его мини-замысел удался.

— Зачем ты ходил к официанту? — поинтересовалась я.

— Еще один сюрприз для Ольги — торт. — Пояснил с мечтательной полуулыбкой мальчик-ветерок. — Фирменный. Называется «Поцелуй Дракона».

— Как экзотично. Он что, с жидким огнем внутри? — захихикала я. — Драконы же огнем плюются… Слушай, а может, туда просто кто-то плюнул, кто-то, возомнивший себя драконом? Великим Драконом… У нас в городе ролевиков много…

— Как знать, — не стал спорить Дэн и перевел разговор на интересующую его тему. — Ты любишь оригами, Чип?

— Оригами? Никогда не задумывалась. Бумажки и бумажки. А что? — отозвалась я, подивившись про себя, что он не стал со мной спорить. Я вот поспорить люблю, а Смерч, похоже, не очень. Хотя вообще-то, как потом выяснилось, он мог спорить долго, со страстью, приводя кучу дельных аргументов, прочно застрявших в его башке, казалось, навечно. Просто мой партнер делал все по настроению и по желанию.

— А мне нравится, — с этими словами парень вытащил из рюкзака альбом, вырвал из него один из листов и, сосредоточенно закусив губу, стал сгибать его в разные стороны. Я настороженно наблюдала за его действиями. Однажды мои буйный сокурсничек Димочка тоже решил сделать оригами, и создал-таки прыгающую кривую лягушку. Дело было на первом курсе, мы были еще большими детьми, чем сейчас, поэтому когда он усадил лягуха «упрыгала» мне на голову во время пары, я вспылила. Чащин ответил. В результате мы вдвоем оказались в столовой — нас из аудитории выгнали.

Через пару минут на ладони Дэна сидела изящная птичка с огромным хвостом.

— Ух ты, — только и сказала я, пальцем дотрагиваясь до бумаги, неожиданное превратившейся в фигурку. — Красивый павлин.

— Я старался, — кивком поблагодарив меня, ответил парень, достал сиреневый маркер и принялся раскрашивать птичку всяким абстрактными английскими буковками: ***«C]hgz,u/c»***. — И тренировался дома. Мне с детства бумажные подделки нравятся.

Разносторонний мальчик. И оригами знает, как делать, и пакости устраивать мастер…

— Да ты крут, парень. А мне сделаешь что-нибудь? — Внезапно спросила я.

— А что ты хочешь?

— Что-нибудь милое.

— Сделаю. Только не сегодня. — Пообещал Смерч. — Если хочешь что-нибудь крутое… то дай мне время.

— Помни, ты обещал, Смерчинский!

— Помни, ты просила, — он подпер подбородок ладонью и ткнул в меня указательным пальцем.

Запыхавшийся парень с двумя громадными букетами орхидей, в которых умелый флорист смешал орхидеи, розы и большие белые цветы, действительно обернулся за десять минут.

— Вот, красивые? Первым делом спросил он, залетая к нам и махая букетами. Надо же, уже четвертый букетик цветов за день вижу, и все они не мои.

«Удручает!», — высказали свое мнение головастики-мысли.

— Чип, твое мнение?

— Красивые, для Князевой даже слишком, — отозвалась я, засовывая в рот маленький кусочек оставшегося и еще нераспробованного мной вишневого суфле.

— Мне тоже нравятся. Ты хорошо справился с заданием, спасибо тебе огромное! — пожал ему руку со словами искренней благодарности Денис. — Ты выручил меня.

— Ну, мы же мужики, — расправил узкую грудную клетку парень.

— Точно. Дай пять! Кстати, сейчас отправишь через официанта эту бутылочку, цветы и торт за тот же столик, идет?

— Идет, — кивнул помощник, втянувшийся против своей воли в игры Смерча. — Без проблем. А торт где?

— Торт здесь, — загробным и совсем не эльфийским, а, скорее, орчьим голоском сказал официант, появившись сзади нас. Он удерживал в руках серебряное блюдо, закрытое почему-то крышкой. Того высоченного парня я еще не видела.

— Отлично, — обрадовался непонятно чему Смерч. — Тогда, передайте цветы, торт и вино девушке за пятым столиком.

— Это от меня, — поспешно добавил коротко стриженый и добавил зачем-то, — я за одиннадцатым сижу, если что.

— Только, пожалуйста, не говорите девушке, где он сидит, — предупредил официанта предусмотрительный Смерч. — Все должно остаться инкогнито.

— Инкогнито, так инкогнито, — не стал спорить тот, подхватил букетище, вино и направился к нужному столику. Стриженный тоже исчез — пошел радовать букетом свою девушку.

Впрочем, радовал он ее не слишком долго. Не прошло и пяти минут, как мирно беседующих о новых пакостях меня и Дэна прервал неожиданный в таком спокойно-романтичном месте шум.

— Я тебя щас убью на хер, безымянный шут! Ты че к моей женщине клеишься, обдолбон?! — проорал кто-то в общем зале. Послышался грохот, пара воплей и даже, по-моему, хриплый вой.

— Что-то не по плану, — первым встревожился Денис и осторожно выглянул в дверь, я тут же последовала его примеру.

Картина нашему взору открылась удивительная. Пол живописным ковром устилали купленные только что цветы. Около них валялся, по всей видимости, «Драконий поцелуй», в самом углу покоилась чудом уцелевшая бутылка вина. Но все это было всего лишь фоном.

Над несчастным коротко стриженным помощником Дениса, неаккуратно взяв его за грудки нависал разъяренный крепыш, чьи здоровые плечи были обтянуты красной футболкой с надписью «Возродим СССР!». Парень явно был чем-то взбешен.

— Отпусти меня, дебил! — рыбкой-карасиком трепыхался в его мощных руках второй парень. Его губа была разбита в кровь. — Ты чего?!

— Чего?! — взревел раненым кабаном крепыш. — Я те щас устрою чего! Долбохрен!

— Вася, перестань! — стоявшая позади накаченного девушка с фигурой баскетболистки в точно такой же красной майке (на ней только надпись другая была: «Кто много пьет, тот идиот!»), по-моему, не понимала причин агрессии своего молодого человека. — Вася, отпусти его! Что ты делаешь, Василий?!

— Что делаю? Ах ты, стерва! Изменяешь мне! Королевна, принцесса! — тонюсеньким голоском провыл он. — Тортики от этой свиньи принимаешь, цветочки-букетики, винишко! Кровь Христову распить решили? Ха-ха-ха! Это я щас вашу выпью! — И он с еще большим рвением принялся трясти коротко стриженного.

— Какой свиньи? — схватилась за голову явно шокированная подобным заявлением девушка.

— Я не свинья, — слабо запротестовал помощник Дэна.

— Какая кровь? Вася, ты о чем вообще? Я же сказала, что не знаю, кто это мне послал! И не буду я ничего от него принимать! Ни цветов, ни тортов! — неправильно поставила ударение в последнем слове спортивного вида девушка.

— Я не вам хотел отправить! Это подарок другой девушке! — выпалил наш посыльный.

— Какой другой, вашу кашу? Ты, ублюдок скудоумный, за идиота меня принимаешь? По рылу захотел? Там же написано даже: светлоглазая, волосы длинные и светлые! Прямо моя Ритка описана!

Я и Дэн дружно перевели ошарашенные взгляды на эту самую Ритку и убедились в правоте слов разъяренного: действительно, соответствует описанию — прав бык Василий, заподозривший девушку в неверности.

— Да я этого колобка вообще впервые вижу, — заявила Рита.

— Следи за базаром, — раздался скрипучий голос еще одной молодой девушки, чернобровой и

черноволосой, — это у тебя парень — мускула на ножке. А моего Петра не тронь.

Кажется, это была девушка коротко стриженого, все еще остававшегося в объятиях с Василием.

— Маша, жди здесь, я кое-что проверю, — обдав ухо жарким дыханием, которое больше подошло бы горячему герою-любовнику, а не удивленному Сморчку, прошептал Денис. Мне оставалось только кивнуть.

Трагедия набирала новые обороты, и зрители, высунувшиеся из перегородок, а также некоторое количество зевак, столпившихся на лестнице, молчаливо и потрясенно наблюдали за развитием событий. Не менее удивленные официанты-эльфы попытались успокоить клиентов, но те их даже не слушали. Теперь одновременно друг на друга орали и девушки и парни. Куда только они друг друга не посылали: в некоторых местах постыдились бы побывать даже самые последние извращенцы. Кстати, среди зевак Ольги и Ника я так и не обнаружил — и это мне жутко не понравилось. Смерчинский подтвердил мои опасения, вернувшись через минуту.

— Официант отнес наши «подарки» к нужному столику, только там оказались эти двое. Объектов там не было, — проинформировал меня Смерч, незаметно подкравшись ко мне и напугав до икоты, которая, впрочем, тут же прошла.

— Там же должны были быть гоблинша. то есть Князева и Ник..., - зачарованно произнесла я. — Гадство!

— А, самое главное, — так же взволнованно произнес он, — официант, которого я попросил сразу же сообщить мне, если Оля и ваш милашка Никита выйдут из «Лилии», не заметил, что они убежали. Его именно в это время отчитывал шеф-повар. Мне впервые в жизни так не везет.

— А кому-то так всю жизнь не везет, — меланхолично отвечала я.

Надо же, опять исчезли!

Тут девушки, всласть поорав друг на друга, и, высказав кучу антикомплиментов, решили выяснить отношения с помощью физической силы. Они, одновременно нецензурно выразившись, кинулись друг на друга и почти тут же повалились на пол, поднялись, обнявшись, а потом переместились в сторону столика и, судя по новой порции грохота, упали куда-то на него же. Почти одновременно пообещали заколоть друг друга ножами. Эльфийка ахнула, Василий и Петр, мигом забыв о разногласиях, кинулись вслед за своими дамами.

— Не смейте громить заведение! — с медвежьим ревом кинулся в гущу событий и тел официант, тот, что принес нам торт. Он явно дорожил имуществом родного кафе. Пару минут назад он, конечно, пытался остановить ссору, но его никто не слушал. Теперь же он решил действовать куда более решительно.

— Пошли вниз, — взволнованно произнес Денис, с беспокойством глядя на беспорядок, и первым поспешил к лестнице.

Я зачем-то подобрала одиноко валяющуюся прямо у меня под ногами птичку-оригами, сделанную ловкими пальцами брюнетика с приветиком, и бережно засунула в рюкзак. Торт, замечательное шоколадно-клубничное чудо, накормившее собой пол, было безумно жаль, как и цветы, но долго оплакивать их мне не пришлось: Смерч поторопил меня к лестнице, и уже через минуты мы покинули гостеприимную сказочную «Фарфоровую лилию».

Если бы мы тогда не шагали так быстро, то могли бы, наверное, услышать фразу молодых людей, нежно обнимающих друг друга — они как раз входили в кафе.

— Ого, это Смерч с девушкой, — озадаченно произнес парень. — Он вроде раньше по таким местечкам не ходил.

— Неужели себе кого-то нашел? — оглянулась нам вслед девушка. — Надо же!

— Да нет, это одна из его многочисленных двухдневных девочек. На следующей неделе новая будет.

— И не в его вкусе, — подхватила его возлюбленная. — Эх, ну девчонки, знают же, что с ними долго Дэн встречаться не будет, а все равно липнут!

— Это потому что вы, женщины, глупые, — многозначительно произнес парень, — любите ушками, — для наглядности он что-то прошептал ей, зарывшись носом в пушистые волосы — девушка вспыхнула и улыбнулась, не став спорит насчет глупости представительниц прекрасного пола.

— Вот видишь, — довольно улыбнулся молодой человек и плотнее прижал к себе девушку. — К тому же Смерч всех их сразу предупреждает — отношения серьезными не будут и скоро закончатся. А им все равно. Заходи, — открыл он дверь перед своей второй половинкой, пропуская вперед.

— Может, для них даже несколько дней рядом с Дэном — уже маленькое счастье? Ой, а что здесь у вас такое? — обратилась девушка к официанту-эльфу, заслышав крики и ругань, доносящиеся теперь с лестницы — основные действующие лица скандала переместились туда. Две растрепанные девушки явно порывались вступить в драку, и каждую из них удерживало по несколько человек. Из милых женских уст слышалась нецензурная брань.

— Это у нас форс-мажор, — с заметным окающим акцентом отвечал официант. — Добро пожаловать, у нас есть свободные столики на втором этаже для влюбленных пар. Сразу три освободилось…

Мы вдвоем, расстроенные и раздавленные, пошли по уже темной, но от того еще более оживленной улице, в сторону Торгового Центра. Если сократить путь и пойти через дворы, то минут через пятнадцать-двадцать мы окажемся около Дэновского «Выфера». Если его, конечно, еще не угнали местные умельцы, чье воровское мастерство было на пару рангов выше, чем у Ильича.

— Нормально мы испортили свидание, — вздохнула я, — С размахом, что сказать. Только не Нику и Князевой, а посторонним людям. Хм, в кино Женечка и его Дюймовочка остались явно недовольны, в «Лилии» сразу двум парам доставили кучу клевых эмоций, — я нервно хихикнула, вспомнив Василия, Ритку, Петра и оставшуюся для нас безымянной девушку последнего. Интересно. Они тоже попадут в местное отделение милиции, пройдя путь Черри и бугая из Большого зала кино?

— Ну что, будем их искать? — спросила я у притихшего и усиленно о чем-то раздумывающего Смерча.

— Нет, Бурундук, уже поздно, хотя, конечно, мой друг может выследить их по одно программке через мобильную связь, но… Моя интуиция подсказывает — пока делать этого не нужно.

Сегодня неудачный день, не находишь? — он с размаху пнул валяющуюся на дороге алюминиевую банку — она весело покатилась вперед, шурша об асфальт.

— Нахожу. Хотя, было довольно весело, — вынуждена была признать я. — И вкусно.

— Мне тоже, — признался Дэн. — Надо будет досмотреть тот фильм, который в «Кино-Рае» шел.

— Точно. Приеду домой, найду в Интернете.

— Кстати, насчет Интернета, Бурундук. Скажи мне свой ящик и «аську». Чип? Почему ты на меня так укоряюще смотришь?

— Потому что у меня нет больше сил слышать про Бурундука. Хватит коверкать мою фамилию.

— Я не порчу, я тебе помогаю преодолеть комплексы, — заявил этот негодяй и, как ни в чем не бывало, протянул мне смартфон, чтобы я набрала на нем свои данные. Из-за того, что приходилось тыкать ногтями прямо в здоровый сенсорный экран, писала я адрес ящика долго, а когда закончила и отдала средство связи обратно в руки Дэна, он прочел вслух:

— Бурмар? Это что, Бурундукова Мария?

— Какой догадливый.

— Бурмар… круто звучит. А с «факом» особенно. Если бы я не назвал тебя Чипом, то обязательно бы назвал Бурмаром. Хорошее словечко, партнер!

Настроение у него опять улучшилось — Денис засунул руки в карманы и, шагая точно таким же темпом, как и я, умудрился рассказать мне пару смешных анекдотов, историю из жизни одного из своих дружков-музыкантов и даже поведал, что в последнее время ему везет на лотереи и призы.

Половину из всего этого он умудрился рассказать мне, идя задом наперед, так, чтобы наши лица были напротив друг друга. Как ни странно, даже тогда, когда Смерч вышагивал так, проходившие мимо девушки и даже женщины засматривались на него, а когда он потянулся, высоко задрав руки кверху — от этого чуть оголился его живот, прямо посреди тротуара, так с ним вообще решили познакомиться. Две блондинки, сидевшие в дорогой красной блестящей машинке притормозили рядом с нами и, не обращая внимания, на мое присутствие, предложили:

— Оу, какой мальчик. Красавчик, давай с нами?

Дэн, сладко, как кот, потянувшись еще раз, улыбнулся им своей фирменной улыбочкой (по мне, так совершенно идиотской) и ответил:

— Не могу, милашки. Жаль, вы такие, — он чуть наклонился к сидевшей за рулем, — такие притягательные.

— Правда? — девушка завлекающе глянула на парня из-под длинных ресниц, словно невзначай поправляя золотистые волосы, спадающее на декольте.

— Никогда не вру. Но… у нас, — и Смерч притянул меня, печатающую смс-ку Маринке, к себе, — дома ребенок голодный.

— Как ребенок? — опешили блондинки, явно настроившись на романтический лад.

— Обычно, — пожал плечами Дэн, — она хотела назвать его Иваном, а я — Егором. Ммм, думаете, Егор лучше, чем Иван?

— Ну, уж не знаааю, — с мировой скорбью потянула блондинка.

Девушки уехали, а Дэн отсалютовал им вслед.

— Никогда не вру? — отошла я от него подальше, чтобы больше не вздумал приставать. — Ну, ты и лгунишка.

— Это были вынужденные меры, Чип, — возмутился он. — Слушай, а ты на перегонки бегаешь?

— Чего? — сверх меры удилась я.

— А я люблю так бегать! Ты меня не догонишь! — и в эту минуту Смерч сорвался с места и побежал к Торговому Центру, который виднелся из-за угла.

— Вот урод! — кинулась я за ним. С Денисом не знаешь, чего ожидать в следующую минуту, блин! «В натуре воистину ненормальный», — как говорит дедушка.

Естественно, он бегал лучше меня, хотя, надо признать я тоже неслась не отставала. Давно я просто так не бегала по улицам!

Остановились мы около его мотоцикла, который никто не угонял, не воровал шлемы и вообще не трогал.

— Залезай, Мария, — кинул мне Дэн черный шлем. — И говори адрес, довезу.

Я, не будь дурой, от еще одной поездки на мотоцикле не оказалась, и быстро назвав адрес, удостоверилась, что Смерч знает, куда ехать залезла на заднее сидение. Конечно, жаль было, что мы проворонили Никиту и чертову Князиху, но вернуться в прошлое и все исправить мы все равно не могли, хотя, если у Сморчка есть друзья — практикующие маги, то мы могли бы попробовать это сделать…

Жаль, до моего дома мы приехали невероятно быстро — наслаждение ветром и шумом колес кончилось — я толком не успела его распробовать: в темноте оказалось ехать куда круче, чем при солнечном свете. Мы ехали бы гораздо дольше, если бы попали хоть в одну самую захудалую пробочку — но нет, сегодня дороги были пусты, как будто бы хозяева личных авто распродали свои машинки, решив разъезжать по городу на общественном транспорте.

Когда мы оказались около моей родной блочной девятиэтажки, я со вздохом сожаления, одновременно веря и не веря, что этот сумасшедший денек закончился, слезла с полюбившегося «Выфера», отдала шлем и, еще раз тяжко вздохнув, сказала:

— Ну, пока.

— Не пока, а до встречи, — отвечал парень. Лицо его было умиротворенным.

— Ну, до встречи.

— До скорой, — уточнил он.

mir-knigi.org

— Ага, — свидимся мы, вероятно, через два дня, в понедельник.

— Я тебе напишу, заряди телефон. Хорошо? — участливый тон заставил меня улыбнуться.

— Заряжу, — заверила его я. — А ты своей умной головой придумывай новые планы. Чтобы Никиточка и ведьма расстались.

— Придумаю. До скорого! — и, улыбнувшись мне напоследок, этот человек-чума завел мотоцикл, развернулся и уехал, скажем так, в темноту.

А я направилась домой, вытащив по дороге птичку-оригами и разгладив помятые крылья пальцем. Ну и чудак ты, Дэн. Прикольный.

Так у орла появилась подружка, а, может и друг, которого звали павлин.

Едва поднявшись на родной пятый этаж, я отперла дверь, как едва не столкнулась со старшим братом. О нем я пару раз упомянула, и сейчас расскажу еще. Братца зовут Федор, и он старше меня на шесть лет. Его любимое занятие — бокс и шпынянье меня, несчастной. В детстве в таинственный процесс под названием «шпынянье» входило физическое и моральное запугивание сестры. К первому относились легкие затрещины и закрывания в ванной комнате (как мера борьбы со мной, когда я особенно мешалась Федьке и его друзьям), ко второму — рассказывание страшных историй, в которых фигурировали зомби желающие откушать человечинки, кладбищенские приведения и обезумевшие мутанты.

Сейчас же братец якобы вырос и просто мною командовал, изобретая для меня идиотские клички, и заставлял готовить и бегать по магазинам, если рядом не оказывалось мамы, а желудок братика был пуст и голоден.

— Где ты была? — поинтересовался Федор. Он возвышался надо мной, присевшей на корточки, чтобы развязать шнурки, всеми своим ста восьмьюдесятью шестью сантиметрами. Здоровый он, накачанный — самый настоящий бугай, короче.

— На улице я была, — никак не могла развязать особенно тугой узел на правой ноге. — Чего-то тебя раньше не интересовали подобные вопросы.

— Ну и что, — не смутился он. — Зато сейчас интересуют. А кто это тебя подвез на байке?

— А ты откуда знаешь? — снизу вверх поглядела я на брата. — Твои медитации тебе помогли и у тебя открылся третий глаз?

Время от времени, увлекшись какими-нибудь восточными единоборствами, Федька начинал духовно самосовершенствоваться. Потом, правда, все это дело бросал и утверждал, что бокс и самбо — лучшее, что дано западному человеку. Через какое-то время он забывал эти слова и вновь увлекался каким-нибудь боевым тайцзицюанем. Потом опять разочаровывался, и так далее.

— Ага, я медиумом стал. Мой личный дух-хранитель сообщил мне эту инфу, — ухмыльнулся Федя, прислонившись к стене. — Ну, так кто это?

— Это мой друг, — медленно и гордо ответила я, зная слабость братца к мотоциклам.

— Друг, значит? — его глаза, такие же светло-карие, как и у всех членов нашей семьи, кроме

папы (у него ярко-зеленые, мне на зависть — я о таких только мечтать могу!) буравили меня очень подозрительно, а вот рот растянулся в улыбке. Говорят, мы с Федькой очень похожи на лицо, и особенно эта похожесть сильно проявлялась в детстве. А еще и у него, и у меня была одна маленькая особенность — нашим общим зеркалом души были не глаза, а губы и мимика, связанная с ними.

— Ну, так откуда узнал-то?

— На балконе стоял, увидел, — невозмутимо отвечал Федька.

Все окна нашей квартиры, кроме родительской спальни выходили во двор.

— Маша, у тебя молодой человек появился? — в коридоре прямиком из кухни появилась мама в любимом фартуке, расшитом яркими желтыми подсолнухами. Она, наверное, недавно пришла с работы и готовила — из кухни вкусно пахло жареными котлетами.

— Фу, сплетница, — презрительно сказала я брату. — Мам, это не молодой человек, это просто с университета парень меня до дома довез.

— На мотоцикле? На мотоцикле ездить очень опасно, — тут же услышала я. — Мария, в следующий раз ты не должна соглашаться. Ты же знаешь, я против этого вида транспорта. — Далее последовала целая лекция о вреде байков, а также точные статистические данные о тех, кто пострадал во время езды на мотиках.

Федька, маменькин сыночек, ей поддакивал с умным видом и изредка, когда я показывала ему кулак, совершенно по-детски корчил рожи, зажимая нос пальцами.

— Значит, просто приятель? — еще раз уточнила мама, переворачивая шкворчащие котлеты. Одновременно с ними запыхтел закипающий чайник на плите (недавно Федька каким-то особенным образом сломал электрический — причем сломал буквально, на две части, а новый никто не удосужился купить). Тут же зажурчала вода из крана и тихонько, тоненько загремели, ударяясь друг о друга, ложки. Федор, молчаливо сидевший за столом в ожидании ужина, разворачивал шоколадную конфету, и теперь слышался еще и звук шуршания обертки. Ко всему прочему в кухню прибежал котэ Ириска и лямзил свой сухой и крайней любимый корм, расщелкивая тот зубами. Эти простые звуки домашней кухни всегда мне очень нравились: от них становилось тепло и уютно. Особенно тогда, когда за окном шел дождь или падал снег.

— Ага. Просто приятель, мам. И никаких парней у меня нет, — про партнерство я, естественно, рассказывать не стала. Во-первых, если я скажу ей, что мы со Смерчинским партнеры, маман явно подумает не о деловом партнерстве и даже не о дружеском — сейчас это слово многие употребляют в немного более интимном контексте. А, во-вторых, меня даже собственные родители за дурочку будут держать, пугливая мама еще и с Дениской запретит общаться: она такая, она может. Когда мама работает майором милиции, хоть и не с преступниками, а с важными документами, то все может быть!

— У нее все просто приятели, — вставил свою лепту брат-бугай, — все никак женишка не может найти.

Я очень выразительно посмотрела на Федора.

— Тебя не спросила, — и тоже потянулась к конфетам через весь стол. Брат решил прикольнуться и резко отодвинул вазочку с ними. Я нащупала лишь воздух.

— Большая фигура, да дура, — привычно отвечала я.

— Передавай привет своему мото-приятелю, — невпопад отозвался Федор, лениво жуя конфету, — он от тебя еще натерпится. Хорошо, что он тебе не жених, а то…

— О, да, зато ты у нас настоящий женишок! — перебила я братца. — Ума нет, без пяти минут мозговой калека, а через месяц собрался жениться. Бедная Даша, невеста твоя.

— Великовозрастная детинка у нас только одна — это ты, — задумчиво глядя на сковороду, сообщил мне Федька.

— Чмо с ушами, — обиделась я на его замысловатый комплимент.

— Дети, прекратите ссориться, — заявила мама, привычная, впрочем, к нашим постоянным распрям, но, услышав звонок телефона, ушла на время, оставив нас со старшим братом вдвоем. Естественно, он тут же ко мне приколупался.

— Как дела в университете? — поинтересовался он.

— Нормально, — не спешила я вдаваться в подробности.

— А я вот все думаю, прошло три года, как ты поступила, а маму с отцом ни разу не вызвали туда…

— Вот дурачилло…

— Все это крайне странно. В школу-то они каждый месяц ходили, — все тем же тоном продолжал Федька. Подумаешь, иногда у меня возникали споры с классным руководителем (о, да, я до сих пор ее терпеть не могу, даже около школы стараюсь не ходить лишний раз — увидит же, привяжется).

— И даже после школы, — с явным намеком на то, что после того, как мы все закончили учиться и сдали экзамены, маме все равно пришлось явиться в школу — мы с мальчишками разбили нечаянно стекло в кабинете классной и убежали, а та нажаловалась директрисе.

— Хоть бы подождали тогда, чтобы выпускной прошел… И били бы себе в удовольствие хоть все стекла в школе. Ты все-таки у нас недотепа слегка.

Да, доставать меня — братцево наилюбимейшее хобби.

— Двадцать шесть лет — ума не было и нет! — пафосно заявила я. — Ты как будто в детство впал.

— Я-то, если иногда в него впадаю — так это из-за тебя, а вот ты из него вообще никогда не выходила, — было мне приятным ответом.

— Ты можешь сделать мне одолжение? — завопила я. — Испарись на фиг!! Идиот!

— Маша, как ты разговариваешь с братом? — тут же показалась в дверях мама с трубкой радиотелефона. — Будь спокойней.

— Вот именно, — снова поддакнул Федька, растянув губы в улыбочке до своих ушей-лопухов.

— И выключи плиту, — велела мне она, вновь удаляясь в другую комнату, — котлеты готовы.

Со вздохом, бросив прищуренный взгляд на Федора, я выполнила ее поручение.

Суббота прошла довольно весело: ваша покорная слуга выспалась, вкусно позавтракала, наступила на хвост родному котэ, которого просто котом или по имени я называла крайней редко, влюбившись в глупое словечко «котэ», подчерпнутое мною из Интернета. В отместку, кстати, животинка покусала мне большой палец на ноге, прыгнув из-за угла.

А потом я, разобравшись с киской Ириской, вместе с родителями поехала в гости к дедушке, обнаружив по пути, что забыла дома телефон. Из-за этого братец, сопровождающий нас, заявил, что я вполне оправдываю известную фразу «Маша-растеряша». Я попыталась лягнуть его ногой, но с переднего сидения машины обернулась мама и погрозила мне пальцем. Пришлось ограничиться толканием в бок. А Федька всю дорогу рассуждал о том, что из-за моего якобы несносного характера, я никогда не найду себе парня, оставшись на всю жизнь занудной старой девой с высокоморальными «прынцыпами». Пришлось усиленно намекать брату, как будет тяжела жизнь его невесты, когда ее нечистый заставит поставить роспись в ЗАГСе.

— Бедняжка, мне искренне ее жаль. Жизнь с таким невежливым слоном как ты — испытание нелегкое. Наверное, у Даши карма такая, тяжелая, — с легкой душой рассуждала я. Родители посмеивались.

Федор обиделся и сказал маме, что я во вторник прогуляла две ленты. Знатная была разборка, хорошо, что мы к дедушке, наконец, приехали…

Вечером этого же дня, когда я, наконец, оказалась дома и залезла в незанятый пока никем Интернет, успела пообщаться со Смерчем по аське — даже в виртуальном пространстве он казался не таким, как прочие пользователи, умудряясь даже там излучать свое обаяние, явно на время превращавшееся в электронное. Вообще-то, как позже выяснилось, застать Смерча онлайн было фактически нереально — Интернету он все же предпочитал живое общение или те же банальные смс-сообщения, но этой субботой он специально сидел в «аське», потому как ему срочно захотелось поговорить со мной, а по мобильнику он со мной связаться не смог.

Smerch: *Hi, my lovely chipmunk*

Mari-mari: *Привет: Р*

Smerch: *Ты где была? Я тебя весь день жду!*

Smerch: *Что с твоим телефоном?*

Smerch: *Ты его до сих пор не подзарядила?*

Mari-mari: *Подзарядила но забыла дома*

Mari-mari: *Прости ((*

Smerch: *ОК, так и быть=)*

Mari-mari: *А что ты хотело?*

Mari-mari: **хотел*

mir-knigi.org

Smerch: *<:) Я хотело тебя)))*

Mari-mari: *Ооо! Зачем ты меня хотело?*

Smerch: *Я ТАК РАД, ЧТО ТЫ ПРИШЛА, МОЙ ПАРТНЕР!!!*

Smerch: *Я хотело сказать тебе кое-что важное…*

Mari-mari: *Что же?*

Mari-mari: *Ye xnj-xnj-xnj&*

Mari-mari:** что-что-что КаПс-Лук западает(*

Smerch: *Завтра нам надо будет встретиться на мосту Влюбленных. Сама знаешь, зачем))) Догадываешься, малышка Мари-мари?*

Мои пальцы зависли над клавиатурой, чтобы напечатать ответ Дэну, что, мол, я догадываюсь — неужели туда завтра попрутся Ник и Мисс Гоблин? Да и такое фривольное дурное обращение мне не нравилось, и об этом тоже хотелось сказать. Но набрать этих слов я не успела, меня нагло прервали.

— Какой содержательный разговор, — с интересом уставился на экран компьютера брат, зависнув у меня за плечом.

Я вздрогнула от неожиданности.

— Ты чего, дебил? Чего ты меня пугаешь?

— Я тебя не пугаю, — расплылся в улыбочке Федька. — Я тебя контролирую. Значит, на Мост Влюбленных пойдешь? С кем это? Не с мотоциклистом ли?

— Не твое дело! — огрызнулась я. Ненавижу, когда вмешиваются в мою личную жизнь, особенно Федор, а будь его воля, он бы свой длинный противный нос в ней бы просто поселил, оставив разведчиком моих тайн!

— Так я прав? У вас амур-амур? — выразительно поиграл темными бровями брат.

— Пошлый ты тип, Федя, — выдохнула я.

— У вас лав-лав?

— У нас фла-фла! Иди отсюда.

— На МВД ходят все начинающие парочки, — авторитетно заявил брат, имея в виду вышеупомянутый Мост Влюбленных. Этот красивый пешеходный мост через недлинную, но широкую реку, протекающую в городе, действительно постоянно оккупировали влюбленные, дав еще пару лет назад каким-то шутникам повод назвать это место Мостом Влюбленных Дураков. Сокращенно — МВД. Дополнительную пикантность названию предавал тот факт, что главное городское управление милиции находилось рядышком с рекой. Там же находилось Управление местной Федеральной Службы Безопасности, где работал брат — уж не знаю, каким чудесным образом он туда устроился.

mir-knigi.org

— Так значит, есть на примете женишок-то? — иронически спросил братец. — Наврала ты нам?

— У тебя есть женишок!

— У меня есть невеста. О, твой паренек опять активизировался, — указал пальцем в экран обладатель большой фигуры и малого количества мозгов. Мы оба с одинаковым интересом уставились на сообщение Дэнни.

Smerch: *Ты где, Чип? Ты опять бросила меня?*

Smerch: *Эй, так нечестно(((*

Smerch:*Я же расстроюсь..... уууу....:)*

— Ну, напиши ему, напиши, что не бросила, расстроился же парень! — подтрунивал надо мной Федька, явно развлекаясь.

— Иди вон! — велела я железным тоном и принялась печатать, закрывая одной рукой экран от Федора.

Mari-mari: *Прости, ко мне обезьяна одна привязалась!! Конечно пойду!))))*

Mari-mari: *И догадываюсь, что там будет!*

— Там будет любовь-любовь, — тоненьким голосом проговорил брат-обезьяна, все же прочитавший послание.

Smerch: *Какая ты молодец, chipmunk! Значит, встречаемся в пять вечера. Около Триумфальной арки, той, которая напротив моста. Идет?*

— Идет-идет, Машка на крыльях любви туда примчится, — отвечал брат. — Сестричка, хочешь, я тебя даже подвезу? Ты славная копуша. Станется с тебя опоздать к парню часа на два. А знаешь, как неприятно ждать девушку? Особенно, если погода поганая, а она шлется черт знает где.

— Да провались же ты! — взвыла я и по привычке заголосила. — Мама! Маааама, скажи, чтобы он ушел!

— Мама, она меня бьет! — так же завопил брат, по-барски развалившись на моей кровати, и сам себя легонько стукнул по ноге.

— Козззел, — выдавила я сквозь зубы. — Вечный.

— Мама, она меня унижает! — тут же сообщил он на весь дом. Недовольная мама, которая в гостиной наслаждалась просмотром сериала отечественного производства, заглянула в комнату и, сердито сдвинув брови, сказала:

— Перестаньте оба. Вроде бы взрослые, а все ведете себя как дети.

mir-knigi.org

— Вот именно, он вообще жениться хочет, а все как лялька… — я с негодованием посмотрела на Федьку. Тот

— Что о вас соседи подумают? — мама никогда не приветствовала наши громкие распри с братом.

— Все, что могли, они уже подумали, — вздохнула я, печатая Смерчу ответ.

Mari-mari: *Идет, Дэйл! У тебя уже есть план?*

Smerch: *Конечно… ЕСТЬ!*

— Мама, Машка завела себе парня, завтра пойдет с ним встречаться. А еще они о «плане» говорят, наркоманы недоделанные, — тут же выдал с усмешечкой Федька. Он и в детстве меня закладывал, зараза.

— Чтооо? — юмора насчет наркотиков мама не понимает. Милиционер… — Какой план? Федор? Что ты несешь?

— Сама прочитай, ма, — весело отозвался тот, искренне наслаждаясь моими гневно искривленными губами.

— Какая трава? У тебя все мысли об одном, недокуренный… — я сердито уставилась на брата. — Это план того, как… как провести воскресенье. Плодотворно.

— Так у тебя есть молодой человек? — неправильно все поняла родительница. Хорошо еще, что шуточку Федьки про «план» не приняла близко к сердцу. Зато, к моему ужасу, она с неподдельным интересом принялась читать нашу со Смерчинским переписку. Я, естественно, тут же решила свернуть окошко и перед этим быстро напечатала слова прощания.

Mari-mari: *Ладно, до завтра, Дэн, мне пора бежать, если что, пиши смс или звони!!*

Ответ от партнера не заставил себя ждать. Три пары глаз уставились на присланное им сообщения. Как же неловко я себя чувствовала!

Smerch: *Хорошо, Чип, твой Дэйл все понял. До связи. И найди, ради всего Святого, свой телефон.*

Smerch: *А, да))) Мое фирменное прощание: Gis la! [1]*

Mari-mari: *Пока,*

Я хотела написать «пока, умник», но мама оторвала меня от печатания, проявив явный нездоровый интерес к молодому человеку.

— У вас даже ласковые клички есть, — с изумлением произнесла она. — Чип, Дэйл… как в мультике. Помнишь, Маша, когда ты ходила в садик, это был твой любимый мультфильм? Ты не давала брату смотреть «Трансформеров» и…

mir-knigi.org

— Мама, перестань! Это просто мой знакомый! И это не клички, а так… для прикола наши… ммм… вторые имена. Дружеские прозвища, — я совсем стушевалась перед семейством. Хорошо хоть папа дедушка не высматривают нашу со Смерчинским переписку.

— Дочка, — не совсем понимала меня мама, — если у тебя появился парень, ты не должна это скрывать о нас. И нечего так смущаться, я ведь тоже, — она кокетливо повела плечом, — была когда-то в твоем возрасте, и…

вернуться

1

Gis la! — «пока» в переводе с эсперанто.

— Мам! Вы что, с ума сошли вдвоем? Не слушай Федьку! — я вновь предприняла попытку разубедить ее в кощунственной мысли относительно меня и Дэнва.

— Маша, почему ты такая агрессивная и зажатая? Пару лет назад я думала, что это у тебя подростковое, но теперь вынуждена считать эти черты составляющими твоего трудного характера.

Я нахмурилась, а мама, которая в душе была еще более любопытна, чем брат, опять принялась действовать мне на нервы.

— Дочка, кто же твой избранник? А? Хотя бы имя и фамилию скажи, — не отступала хранительница семьи Бурундуковых, — я его по базе пробью, узнаю, что он из себя представляет, и не привлекался ли он…

— У меня. Нет. Парня. Это знакомый! И мне безразлично, привлекался он или нет.

— Маша-Маша…

Пока я отвлекалась на маму и бесполезный спор, выпустив из вида старшего братика, тот неслышно, как заправский ниндзя, подобрался к компьютеру и напечатал, быстро-быстро перебирая пальцами по клавиатуре.

Mari-mari**: Пока пока мой мишка! Чмоки:*

***Mari-mari**: В носик*

Ответ от Дэна не заставил себя долго ждать (еще бы, странные словечки от Федьки его наверняка развлекли не по-детски, сильно, я имею в виду):

***Smerch:** а ты любишь долгие прощания)))))) Пока, мой бурундучок. Хочешь, я тоже напишу тебе: чмоки-чмоки?*

***Smerch:** нет, лучше так: чмафф-чмафф))))*

***Smerch:** только в какую часть тела? Хм, может, в…*

Увидев эти кощунственные слова, я просто-напросто нажала на кнопку экстренной перезагрузки. Мало ли что этот развратник синеглазый напишет!

— Бурундучок? — слегка озадачилась родственница. — Меня так ваш папа не называл, ах, да, у меня же другая фамилия была, но все равно…

— Федька! — вскочила я на ноги, чувствуя, как во мне клокочет ярость. — Вот же ты козлина безмозглая!! Кретин!

О, боги всей Галактики, что обо мне Смерчинский подумает??

— Маша, — опять посуровела мама. — Прекрати себя так вести! И не ты ли меня учила, что выключать компьютер таким вот образом нельзя? А сама что делаешь?

— Дурак в пятом поколении! — не слышала я ее: в это момент все мои мысли были только о том, чтобы отомстить Федьке. — Ты что написал?!

— Ну, я решил, ему будет приятно, — пожал широкими плечами брат, — как-то ты неласково со своим парнем общаешься.

— Он мне не парень! — Почувствовала я, что меня окончательно довели. — Ах ты, чмо поганое!

И уже через пять секунд брат с хохотом убегал от меня, явно боясь зажатого в моей руке новенького ремня от джинсов с тяжелой металлической пряжкой, неизвестно как попавшей в мою настольную помойку. И даже выразительные окрики мамы, которая терпеть не могла, когда мы с братом ссоримся, не могли меня остановить.

Орел хотел выклевать на лбу слона позорную надпись…

Однако, этого сделано не было, мама все-таки утихомирила нас, порадовав соседей громкими и строгими словами порицания.

Иногда мне кажется, что в школах милиции у всех будущих сотрудников органов правопорядка намеренно формируют властные, громкие голоса…

Я не опоздала. Ровно в пять вечера я переминалась с ноги на ногу около правой колонны арки, там, где мы со Смерчинским договорились встретиться, и посматривала на любимые наручные часы в форме большого зеленовато-серебряного квадрата на широком ремешке. При этом я очень нервничала — Дениса все не было, и не было. Вообще-то он предупреждал меня, что мы встретимся немного раньше, чем к мосту Влюбленных прибудет наша сладкая парочка, но я все равно боялась, что Никита и Ольга приедут раньше условленного времени и вновь ускользнут от нас.

Однако, несмотря на то, что я нервничала и злилась — из-за того, что терпеть не могла ждать, я со злорадством отмечала, что нашла еще один минус в нашем идеальном мальчике-ветре — непунктуальность.

За сегодняшний день Смерчинский умудрился напомнить мне по телефону о предстоящей встрече раза три, убеждая меня, что в этот раз все получится — и самое противное, я ему верила. А теперь сам опаздывал уже на десять минут, шляясь неизвестно где.

Мимо меня проходило множество людей: кто медленно, кто быстро, кто поодиночке, а кто и

целыми компаниями. Пробегали тренирующиеся спортсмены-легкоатлеты — чтобы спуститься на набережную и устроить тренировку на речном свежем воздухе. Проезжали на велосипедах, скейтах и роликах десятки и десятки человек — арка находилась на центральной городской площади Трех Роз, около главных достопримечательностей и недавно отстроенного спортивного комплекса, поэтому здесь всегда было многолюдно. И желающих отточить свое мастерство в экстремальных видах спорта, которые были так популярны у нашего молодежного брата, наблюдалось здесь куда больше, чем во всех остальных районах города.

В центре огромной площади, как раз визуально разделяющий вышеупомянутую арку, около которой мы со Смерчем договорились устроить рандеву, от широкой, выложенной темно-синим камнем, набережной и Моста МВД, находился старый, выстроенный еще году эдак в 1880, большой шикарный фонтан в виде трех переплетенных между собой роз — поэтому площадь и имела такое странное название, хотя после революции ее переименовали в Площадь Пролетариата, и только в девяностые годы вернули ей прежнее название.

На самой площади влюбленных парочек тоже было немало, поскольку назначать встречи около фонтанов для них было делом привычным и даже любимым. А вот встречаться около памятника Пушкину, который во многих городах лидирует в первенстве мест для романтических свиданий, мало кто отваживался, поскольку его облюбовали те, кого в народе называют гопниками — в общем, различные полупреступные и криминальные элементы мелкого пошиба, желающие завладеть вашим мобильным телефоном, сумочкой, или, на крайней случай, золотыми украшениями…

Эх, ну где же Смерчинский? Уже почти пятнадцать минут его нет! Где его бородатые черти носят? И дозвониться до «брюнетика с приветиком» не могу, как назло.

Или его занесло к тому самому памятнику Пушкина, и его…

— Привет, друг! — раздалось у меня за спиной. Я оглянулась и первым делом увидела поднятую кверху ладонь Дэнва. — Прости, прости, что опоздал. Дай пять!

— Отстань, не веди себя как ребенок, — нахмурилась я, плотно сжав губы.

Простить? Думает, раз красавчик, то все ему можно?

— Ты простила меня? — положил мне подбородок на плечо Смерч, обогнув меня, — ну, пожалуйста, я не специально, Маша.

Он вновь оказался напротив меня и опять протянул руку вперед и вверх.

— Ну, дай пять! Мы партнеры, и не должны ссориться!

— Вот приставучий.

Я с неохотой ударила его по руке, невольно сравнив размеры наших ладоней. Отрастил себе пальцы длиннющие, и, по всей вероятности, загребущие. Хм, как там Маринка говорит: «Длинные тонкие пальцы и широкая ладонь — признак прекрасного музыканта, да и вообще это прикольно смотрится у парней». Когда я со здоровым скепсисом поинтересовалась о том, что неужели люди с другим строением ладони не могут заниматься музыкой, то подруга тут же ответила: «Так почти все музыканты играют с детства, или много лет подряд усиленно тренируются и репетируют, поэтому и растяжка на пальцах у них прекрасная». Неужели этот темноволосый милашка тоже играет на чем-то, кроме как на нервах?

mir-knigi.org

Однако поинтересоваться насчет Дэновских музыкальных умений я не успела. Парень поймал меня за руку и зачем-то уставился на нее.

— Ты чего, ошалел? У меня руки чистые, — не поняла я его действий. Ну, маникюра нет, подумаешь: лак у меня быстро стирается, а ногти ломаются.

— Какая-то рука у тебя слабая, — с неподдельной заботой изучал мое собственное запястье и ладонь Смерч, вертя во все стороны. — Кушай лучше. И здоровую пищу.

— Нормальное поведение! — тут же с силой вырвала я свою руку. — Сам ешь побольше! Я тебя тут стою, дожидаюсь, а ты опаздываешь, приходишь и несешь всякую фигню, — я недоброжелательно взглянула на Смерчинского и спрятала кисть за спину, потирая ее другой рукой. Нет, определенно, у него руки странные и….

И только тут я заметила, что рядом с моим, так называемым, партнером стоят двое и смотрят на меня в упор, с большим интересом. Эти двое были весьма колоритными персонажами — высоченная девица с яркими рыжими волосами, которые упругими кудрями топорщились во все стороны, и, хрупкий, достающий ей до плеча парень с выбритыми висками, облаченный в розовую вельветовую рубашку и очень-очень облегающие белые брюки.

— Это кто? — невежливо спросила я, смахивая с глаз челку, закрывающую обзор. Интересные личности: и у нее, и у него несколько высокомерные выражения лиц, кожа ухоженная-ухоженная, и явная любовь к яркой одежде. Рыжая многозначительно заулыбалась и выставила вперед длиннющую рельефную ногу.

— Это наши помощники, — не удивился моему вопросу Дэн. Каждый раз, когда он звонил мне сегодня, дабы напомнить о нашей встрече, я спрашивала у него, что мы будем делать во время «Миссии N 2» и даже предлагала спихнуть Князеву под мост, мотивируя это тем, что ей там будет вполне комфортно — под мостами, судя по преданиям, живут ближайшие родственнички Олечки — тролли, то есть. Однако Смерч не соглашался на такой радикальный вариант, говоря, что у него «есть действенный план». Раскрывать же его по телефону парень не спешил. Естественно, я горела желанием узнать, что мы предпримем сегодня, чтобы помешать Нику и Ольге, и какую роль в этом сыграют нынешние помощники — не такую же роковую, как и несчастный Петр с розами или Ильича с Черри?

— Вот как? — я вновь окинула парочку оценивающим взглядом. Странноватые личности. Тем временам наш общий друг решил нас представить друг другу.

— Элис, Саша — мои друзья. Чип, мой новый друг, познакомьтесь. Сегодня нам предстоит совместная работа, и я надеюсь, ее результаты всем нам будут по вкусу. — Смерч выглядел и говорил так, как будто бы представлял друг другу не трех недавно вышедших из подросткового возраста ребят, а глав государства, встретившихся в неформальной обстановке и решивших обсудить важнейшие геополитические вопросы.

— Чип? — неожиданным басом спросил субтильный обладатель розовой рубашки. — Это кличка или фамилия?

— Имя, второе имя, — ответил тут же Дэн, посмотрел на меня сверху вниз и, кивнув, спросил одними губами, как будто бы задавал вопрос маленькой девочке: «Да?». Я, сморщив нос, только и успела покрутить пальцем у виска, имея в виду «нет». Однако моего жеста-намека ни парень, ни девушка не заметили. А Дэн, улыбнулся, опустив голову и отводя глаза в сторону — кажется, он часто повторяет этот жест. Что он значит — скрытое веселье? Ага, мы так прячем свои хихиканья!

— И она не против такого имени? — изумился все тем же басом Саша, забыв, что «она» находится рядом и не желает, чтобы о ней отзывались в третьем лице.

— Естественно, нет, — не дал мне и рта раскрыть Сморчок — только похлопал по плечу. — Ей только нравится. А меня она называет Дэйлом. Или оно.

Вот зараза, вспомнил мою переписку! Подумаешь, опечаталась. Мы люди простые, скромные, слепому печатанию не обучены, как наш барин Смерчинский, да и клавиатура у нас из лыка сделана… И щи мы лаптем хлебаем…

— Тогда она само очарование, — пробасил парень, сделав странные выводы насчет меня. — Приветик, Чип. Я — Саша.

Я кивнула ему, подозрительно уставившись на проколотое правое ухо, в котором блестела круглая и, кажется, бриллиантовая серьга.

— И я тоже хочу поздороваться лично, — тут же встряла неприятная рыжая дылда, поправляя до неприличия короткое платье леопардовой расцветки. Она делала усиленные ударения на нужные гласные буквы и долго их тянула. От этого голос ее получался гнусавым и кокетливым одновременно. А еще очень смешным.

— Привет-привет, Чип.

Нет, она сказал даже так:

— Привееет-привееет, Чиип.

Обалдеть, ну и голоса у очередных Дэновских помощников!

Я, стараясь не расхохотаться, перевела взгляд с нее на Сашу, задумавшись кое о чем, а потом ответила:

— Привет. Но я не Чип, а Маша.

— Мое имя и творческий псевдоним — Элис, — продолжала многозначительно рыжая, покручивая в руках крупную нитку черных бус, висевшую на шее, и плотоядно посматривая на Смерча. Хех, он ей точно нравится! — И давно ты общаешься с нашим Счастливчиком, девочка-Чип?

— Я — Мария! — злобным огнедышащим драконом выдохнула я слова, как пламя. — Маша.

Некоторые люди раздражают меня с первых минут знакомства, и эта долговязая не стала исключением из этого правила. Почему я чувствую к ней неприязнь? Может быть, дело в ее внешнем виде. Эта ражая выглядит так, слово только сегодня утром покинула свое основное место работы — бордель. И вообще… не нравится она мне. Такое чувство, что и я ей — тоже. Смотрит на меня, как на… соперницу! Чокнутая стерва.

— Да-да-да, Чип-Мария, — вновь кивнула мне развязная рыжая деваха, гнусавя еще сильнее. Мои слова она явно если и слышала, то восприняла их смысл только на половину. — Приятно с тобой познакомиться.

Увы, по ее капризной интонации я не могла этого сказать.

— Я же сказала, что я — Маша. Никакой не Чип, — я повторила это в третий раз, но она же

мне только царственно кивнула и переключила все свое вниманием на Смерча.

Да, и говорить Элис о том, как приятно мне, я не стала, только лишь, нахмурившись, посмотрела на Дэна, сияющего на майском солнце, как начищенный пятак. И что эти двое будут делать? Пугать своими голосами Ника и Князеву? Приведениями выть? Или, может быть, басовитый Саша кто-то вроде сутенера, а рыжая…. Эээ… его подопечная? Будут усиленно Никите предлагать свои услуги перед Олей, чтобы она подумала, какой же Кларский типа аморальный?

Кстати, а где они, объекты нашего с Денисом тайного сговора? Не опоздаем ли мы со Смердяков к началу их свидания? Вдруг они опять от нас убегут, пока мы тут с этими двумя распинаемся?

— Слушай, а когда мы пойдем? — нервно спросила я, перебивая рассказывающего что-то Смерчинского. — Мы не потеряем наших… дорогих друзей Никиту и Князя?

— Не-а, — беспечным мальчишеским тоном заверил меня парень. — Они должны встретиться только в шесть.

— Так какого хрена ты меня раньше позвал? — возмутилась я дико. Я так спешила, чтобы прийти вовремя, наслушалась столько подколов от брата, когда он видел, что я ношусь по квартире в поисках собственных джинсов и мобильника, бежала за автобусом… А он, мало того, что опоздал, так еще и не сказал, что Ник и Гоблин придут аж в шесть!

Вообще-то это было не страшно, но мне просто хотелось позлиться, и слова парня были всего лишь поводом — как смерть принца Франца Фердинанда для начала Второй Мировой Войны.

— Чтобы успеть, — просто отвечал Денис. — Не нервничай.

— Чтобы успеть? Ну, ты и дятел, Сморчок.

— Какие манеры, — протянула ехидно рыжеволосая.

— Нормальные манеры, — огрызнулась я. — Не твое дело.

— Ты слишком напряжена, расслабься, дорогая, — явно решила подразнить меня девушка.

— Спасибочки за совет, мне и так хорошо, — я скрестила руки на груди.

— Бурундук, — позвал меня Денис и явно хотел что-то добавить, но я перебила его. Да хватит коверкать мою фамилию!

— Я же сказала тебе, — еще громче разоралась я, — не называть меня так, идиот!

— Не груби Дэну, — тут же вступилась за брюнета рыжая. Саша лишь только головой покачал.

— А ты ему что, мамочка? — уставилась я на Элис. Иногда не могу держать свой язык за зубами.

— Я его старая подруга, маленькая грубиянка, — высокопарно отвечала она и невпопад заметила, подбоченившись. — И челка у тебя кривая.

— Эй, ну знаешь! Зато я не выгляжу как… — я хотела сказать «как представительница самой древней профессии», использовав при этом всего одно общеизвестное слово, но наткнувшись

на умоляющий взгляд Дениса (ох, и умел же этот паршивец манипулировать — сейчас он, прижав указательный палец к губам, смотрел на меня такими глазами — глазами больного милого щенка, которого хочется любить, жалеть, кормить вкусностями и гладить по гладкой коричневой шерстке, что я в замешательстве замолчала).

— … как артистка из варьете, — выкрутилась я после нескольких секунд паузы. Элис, в ожидании прищурив ярко-зеленые глаза, цвет которых явно изменяли линзы, неожиданно улыбнулась.

— Ну да, и что? Я сексуальна, и хочу выставить это напоказ. Пусть все видят, какая я, Элис Мими!

— Чего еще за Элис Мими? — бестактно осведомилась я. — Что за глупый псевдоним, Мими?

— Хо-хо, девочка моя. Глупый, говоришь? — в миг обиделась рыжая.

— Ну, я бы так никогда не назвалась, — прямо сказала я. — Собачья кличка. И я не твоя девочка.

— Мой псевдоним принес мне славу! — сдвинула тонкие брови к переносице эта идиотка.

— Какую?

— А быть Чипом — это не глупо? — проигнорировала мой вопрос девушка. — И называть моего Дэна — Дэйлом? И оно? Ты что, бурундуком себя возомнила, дорогуша?

— Я назвала его так всего лишь один раз! И когда это он стал твоим? — покосилась я на нее снизу вверх. — Что-то я не вижу на нем клейма «Собственность Момо», или как там тебя…?

— Мими, — прошипела Элис. — Я — Мими.

Ох, и не понравились же мы друг другу! В последний раз взаимная моментальная неприязнь у меня возникла к новенькой однокласснице, которую перевели к нам на последнем году обучения — ох, и воевали мы с ней тогда! После того, как из-за наших распрей маму вызвали в школу в пятый раз, она дома устроила мне грандиозный скандал и решила, в конце концов, что я не имею права даже подходить к этой девчонке ближе, чем на два метра, а разговаривать с ней — тем более. Вот и с Элис мне разговаривать противопоказано.

— Какая разница?

— Большая, очень большая. Он всегда был моим, — и она по-хозяйски положила на плечо Дэну свою руку. Тот, стряхнув с лица челку, осторожно ее убрал и встал между нами, злобно смотрящими друг на друга, разведя руки в стороны.

— Брейк, девочки, брейк.

Мы с Элен одновременно очень недружелюбно посмотрели теперь уже на него. Впрочем, парень обольстительно улыбнулся нам, показав белые зубы, и рыжая начала таять.

— Ну какой же ты привлекашка, — только и сказала она.

— Вы, женщины, вечно ссоритесь, — тут же вставил свое веское слово Саша, до этого молча наблюдавший за нами и изредка дергающий свою серьгу в ухе, — склочные вы. Поэтому я и не люблю вас.

Теперь я с еще большим подозрением поглядела на парня. Что-то он мне все больше и больше напоминает представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

— Молчи уж, — недовольным голосом прогундосила Элис. — Вы, мужики, настоящие идиоты и неучи. Не даете девочкам спокойно поговорить, — она кинула в мою сторону кровожадный взгляд. Я высокомерно взглянула на нее, оценивая свои силы.

Нет, я все-таки лучше! Разукрашенная стерва с квадратным подбородком! Но теперь свое мнение Мария оставила при себе — помолчу уж, раз Меме — наша помощница. Откажется еще портить свидание Князевой…

— Элис, успокойся. Кстати, я говорил, что ты сегодня великолепно выглядишь? — ласковый голос Смерча, знающего, как подлизаться к девушкам, мгновенно улучшил настроение рыжей, и она мгновенно забыла обо мне.

— Спасибо, милый, приятно слышать, — расцвела эта клуша в леопардовом платье. — Я постараюсь помочь тебе сегодня.

— Ребята, обсудим план наших действий? Кстати, вот и лавочка свободная, — и он указал на действительно свободную лавочку в теньке. Странно, когда я пришла, свободных мест тут не было нигде — все лавки, расставленные заботливыми городскими властями, были заняты.

Смерч первым двинулся вправо от арки, к одному из небольших новых фонтанчиков, которыми площадь обросла, как грибами, около которого свободная лавочка и находилась. А ему действительно везет — пока мы шли на «забитое» нами место никто и не взглянул. А вот когда я здесь с Мариной и Лидой гуляем, или там с одногруппниками собираюсь, мы часами можем ждать, когда нам достанутся свободные места.

— Садитесь, — указал на скамью Смерч, и все сразу же его послушались и опустились на лакированную деревянную поверхность, на которой кто-то очень культурный написал черным маркером: «*Red Lords — крутая группа!».* Кто-то не менее умный перечеркнул это зеленым маркером и подписал, что эта самая рок-группа — «*полнейший отстой*». Обладатель черного маркера, вернувшись и увидев эти нехорошие слова, подписал большими буквами пару нецензурных выражений относительно антифанатов, и большими, десятисантиметровыми буквами старательно вывел: *«Лорды надерут вам зад!!!».* В невербальный разговор вмешалась и третья сторона, выскоблив ножиком: *«Вовка Шмель — крутой пацан»*

По середине, между разозленной до сих пор мной и наглой рыжей, закинувшей ногу на ногу — от этого ее открытое платье стремительно поползло вверх, оказался Саша. Дэн же единственный стоял — напротив нас, заложив руку за руку и внимательно оглядывая нас. Ну, просто генерал, отдающий приказания своим солдатам, идущим на битву.

— Итак, ребята, вот наш план, — веселым и полным оптимизма голосом начал он, — Элис и Саша — вы идете за нашими «объектами», как только замечаете их на мосту. Когда окажитесь на середине моста, метров за пятнадцать до нас с Чипом, вы начнете свою игру. Помните, как выглядят те, за кем вы пойдете?

— Помним, — заверили те тут же, а Элис, томно взглянув на Смерчинского, протянула:

— Мы помним и тебе всегда поможем. Лишь позови нас, милый. Как только я услышу свое имя, я сразу же окажусь около тебя. Помогу, чем смогу.

По виду рыжей было видно, что помочь она очень хочет, и чем интимнее будет помощь, тем

Элис явно будет счастливей. Я хмыкнула, покосившись на нее, но промолчала.

— В тот раз мы делали ставку на то, чтобы принизить Клару — это и есть молодой человек, ваш основной объект, которого зовут Никита, — сделал ремарку Дэн для молчаливого Саши, теребящего ворот своей розовой рубашечки и Элис, яростно терзающую бусы.

— А, этот милашка? — оживился спокойный Саша — Хорошенький, элегантненький — в моем вкусе. Что же ты его, Денис, Кларой зовешь? Он в теме, что ли?

— Да нет, — тут же отрицательно помотал головой Дэн, слегка вздрогнув от последних слов парня. — Это всего лишь его кличка.

Я уверовалась в своих подозрениях — обладатель розовой рубашки, по ходу, гей. У меня еще не было таких знакомых, и я не удивляюсь, что в числе тех, с кем знаком наш общительный Сморчок, есть и такие люди. Интересно, что их связывает? Я, прикрыв рот кулаком, тихо захихикала — представила, что их могло бы связывать…

— Что это у тебя плечи трясутся? — тут же обратила на меня внимание Элис, закуривая длину тонкую сигарету. — Дрожь пробивает?

— Ага, тебя боюсь, трястись начала, — огрызнулась я.

— Жалко, — огорчился Саша тем временем. Он вытянул вперед тонкие ноги, обтянутые, как второй кожей, модными брюками и выглядел печальным-печальным. — А он мне так понравился…

— А мне — нет, — усмехнулся Денис.

— Не кури в мою сторону, — строго сказала я Мими, почувствовав, как в ноздри забивается противный запах, который я не могла переносить с самого детства — у меня была аллергия на сигаретный дым. Вообще-то в детстве я ее долго и упорно лечила под руководством опытного врача-аллерголога, и сейчас почти не страдала от того, что все вокруг меня увлекаются курением, но запах до сих пор меня раздражал — особенно когда попадал мне прямо в лицо. Одногруппники, которые курили, знали о моем «недуге» и рядом со мной сигарет не доставали, а на остановках или в других общественных местах, я отходила подальше от курящих личностей.

— Ветер в твою сторону относит дым, — вновь затянулась сигаретой рыжеволосая. — Я не виновата.

— Тогда встань и покури подальше от меня, — несколько повелительным тоном отвечала я, зажимая нос и чувствуя, что неприязнь к этой дамочке у меня закрепляется где-то на клеточном уровне.

— А больше тебе ничего не надо, неженка? — поинтересовалась Элис. — На северный полюс мне не улететь, нет?

Она отняла от ярко накрашенных губ сигарету, элегантно удерживая ее двумя пальцами, а я ухитрилась, и, перегнувшись через Сашу, ловко выдернула из руки рыжеволосой сигарету, а потом, не мешкая, выкинула ее в мусорку, оказавшуюся по счастливой случайности прямо около нашей лавочки. Это рыжую так впечатлило, что даже Дэн, беседующий о чем-то важном с Александром, оглянулся на меня удивленно.

mir-knigi.org

— Ты чего? — заорала вдруг мужским тенором, уже не растягивая гласные, Мими, она же Элис, она же курящая рыжая дылда. — Грубиянка! Нахалка! Офигеть!

— Офигеть! — передразнила я ее. — И сама дура! — не осталась я в долгу. — Кто ты вообще такая, чтобы меня так называть?

— Ах ты, малявка! — все тем же совершенно недетским голосом возопила Мими. — Да как ты посмела? Нет, вы посмотрите на нее, стервочку!

— Шалава помойная, — некультурно выразилась я, вскакивая с места. Все, это предел моему бесконечному терпению!

Однажды один умник с нашей группы, Димка Чащин, сказал, что у меня есть все замашки «гопницы», а я даже не сильно обиделась — поживешь в нашем спальном районе, еще и не таким словечкам и выражениям нахватаешься.

— Don't shout little chipmunk, keep your voice down. — Произнес что-то быстро на английском Денис, прежде, чем начать успокаивать нас.

— Я не понимаю, что ты там бормочешь.

Рыжей он медленно сказал:

— Все хорошо. Не обращай внимания. Она еще ребенок.

А со мной обращался не так ласково, хотя, конечно, не кричал, не ругался и не топал ногами, которые, кстати сказать, сегодня красовались уже в других кедах — белоснежных с белыми же шнурками, на толстенной черной подошве.

Я тоже хочу такие, подумала я совершенно не к месту, глядя на ноги парня, вплотную подошедшего ко мне.

— Перестань и не лезь к ней, — усадил меня обратно Дэн, пока я любовалась его обувью. И я поняла, что он немного раздражен: вроде бы он просто стоял напротив меня, со спокойным лицом, лишь потирая шею и касаясь пальцами высокого не застегнутого воротника своей черной рубашки с эполетами на плечах, но я чувствовала, что Смерчу не нравится мое поведение. Чувствовала так, как будто бы у меня был рабочий третий глаз на лбу!

И от этого мне стало неприятно-неприятно, как будто бы на меня неожиданно вылили кипяток. Может быть, у меня и бывают немного дерзкие выходки, но я не виновата в том, что вокруг столько странных людей, желающих подразнить или обозвать меня!

— Чтооо? Что ты так смотришь? — недовольно спросила я у Дэйла, хотя и не хотела, чтобы мой голос звучал агрессивно. Саша в это время успокаивал не менее разозленную Элис.

Денис наклонился ко мне и произнес укоряющее:

— Что? Странный вопрос. Ты должна следить за своим поведением. Прекрати себя так глупо вести. Хорошо? Эти двое помогают нам бескорыстно, и ты должна быть благодарна им.

— Жди-дожидайся, — отозвалась я. Парень устало прикрыл глаза, дав мне еще один шанс позавидовать его длинным ресницам.

— Успокойся, о'кей?

— Да какая от них помощь? От нее особенно, — тихо проговорила я, до сих пор чувствуя сигаретный дым.

— Большая, — даже несколько сурово отозвался Смерч.

— Вот именно, — встряла Элис, говоря уже своим противным гнусавым голосом. — Нервная твоя подруга, милый. Ужас.

— У моего Чипа бывает скверный характер. Но сейчас он будет вести себя подобающе? Да? — он не спрашивал, он утверждал добрым-добрым тоном дедушки Мороза.

Я очень обиделась на Смерчинского. И зашевелила губами, беззвучно ругаясь. Надо же, ну и защищай кого угодно.

— Итак, все утихомирились? — темно-синие глаза наглого партнера, став вновь серьезными, обвели всех нас, задержавшись на мне — я перестала нашептывать слова проклятия, посвященные рыжей. — Сейчас мы разделяемся. Я и Чип идем на мост, вы ждете здесь. Думаю, все получится. С вашей помощью, — его только что серьезное лицо осветила лукавая, но лучистая улыбка.

— Саша, дорогая Элис. Еще раз утоняю — помните свои роли?

— Помним, — пробасил Саша.

— Естественно, — кокетливо повела широким плечом рыжеволосая, которая раздражала меня все больше и больше. — Милый мой, все будет сделано по лучшему разряду.

— Девушка точно решит, что ее паренек интересуется мальчиками, — пробасил Саша.

— То есть вы хотите показать Ольге, что Никита — не той ориентации? — хмуро уточнила я.

— Да. Ольгу это смутит, — подтвердил Смерч.

— Это даже меня смутит. Ты же моего Ника опозоришь перед людьми! — мне такой вариант развития событий совсем не нравился! — Что же тебе Олечку такой не выставить перед Кларским? Глядишь, он бы и бросил ее!

— Вот поэтому я и не говорил тебе о своем плане, — отозвался Смердяк, засовывая руки в карманы — так и знал, что ты будешь против.

— А ты… — я перевела прищуренный взгляд на довольно улыбающуюся Элис — до меня стало доходить, кто она. — А ты что, тоже…. Мужчина?

— Я женщина, — гордо произнесла она. — И актриса. Мне просто не повезло с телом в этой жизни.

— Вот это да, я даже растерялась. Рыжая — парень! Да они с этим Сашей такой прессинг бедняжке Нику устроят на глазах Гоблина! Хотя… Может быть, это действительно будет эффективным в решении общей с Дэном проблемы?

— Только сильно Нику психику не портьте, — разрешила я, зная, что и без моего разрешения они бы повиновались замыслу Смерча.

— Не беспокойся, маленькая нахалка, — отозвалась Элис.

Я отвернулась от нее, все-таки не стоит обращать на нее внимание — она все-таки мужик, как треснет мне по шее, улечу куда-нибудь на фонтан сразу.

— Тогда вперед, ребята, — отдал им шутливое приказание Денис. — Я на вас надеюсь! Мы будем ждать вашей сценке на мосту.

— Если у нас все получится, помни, ты обещал поцелуй в щечку, — загнусавила рыжая, подтягивая к низу задравшееся платье. — Я постараюсь ради него!

И, кинув прощальный взгляд на Дэна, Мими схватила под руку Сашу и, громко стуча высоченными каблуками, придающими ей еще сантиметров восемь роста, заспешила прочь. Я проводила их хмурым взглядом, закусила губу и вздохнула, все еще обижаясь на Смерчинского.

— Пошли, нам на мост, партнер, — сказал мне Дэн. Он был теперь в отличном настроении. Я ничего не ответила ему.

Мы, молча, прошли шагов двадцать, и он не выдержал первым.

— Что с тобой? — заботливо спросил он, останавливая меня.

— Ничего, — отвечала я, все еще злясь из-за инцидента с сигаретой.

Парень вздохнул и взлохматил волосы на голове.

— Что с тобой? — повторил он свой вопрос.

— Я же сказала, глухой, что ли?

— Ты сердишься.

— Откуда знаешь?

— По губам вижу, — серьезно отвечал он. — Я что-то сделал не так?

— Ты защищал эту дылду. А у меня, между прочим, аллергия на сигаретный дым. — Я гордо подняла голову кверху. Пусть его замучает совесть.

— Да? — удивился Смерч.

— Балда. Ты встал на ее сторону, — обиженно произнесла я.

До меня вдруг дошло, я ревную Дэна к Элен… нет, к какому-то чокнутому мужику, возомнившему себя актрисой Мими!

— Ты обиделась? — извиняющимся голосом, тихим и таким проникновенным, что у меня вдруг громче застучалось сердце, спросил Денис. Его пальцы коснулись моего локтя, но я резко убрала руку.

— Хм. Ты обещал в своем дебильном документе, что мы будем как бы спешить на помощь друг другу, а ты стал защищать эту рыжую дуру… дурака. А не меня.

Во мне заиграл комплекс «младшей сестры» — с самого детства я привыкла, что мне уделяют больше внимания, чем другим, и особенно это сильно проявлялось со стороны брата. Какой бы

mir-knigi.org

он сволочью не был, Федя всегда ставил меня на первое место (естественно, после себя самого) и защищал, как мог в меру своих сил и способностей, которых с каждым годом становилось все больше и больше.

Дэн же, которого, я, кажется, стала воспринимать как второго братика, на первое место поставил не меня, а какое-то там обнаглевшее и неопределившееся с полом существо, обожающее курить, оставив меня в пролете!

Естественно, стало досадно, к тому же я очень легко обижаюсь, особенно на тех, кого считаю своими близкими.

Стоп, неужели теперь Смерчинский для меня — близкий человек?

«Жесть! Просто невероятно!», — поведали мне мои собственные мысли, которые иногда, казалось, жили отдельной жизнью от мозга.

Ха-ха, так мы ведь знакомы всего ничего. Вот Никиту я знаю три года — и все это время чувства к нему только крепнут и крепнут — день ото дня, кажется, не давая возможности проявить симпатию к другим молодым людям — оттягивают все одеяло на себя.

— Марья, — осторожно произнес мое имя парень, наконец, забыв про «Бурундука», «Чипа» и «партнера».

— Да отстань ты от меня, — я смутилась — не из-за его взгляда, а из-за собственных мыслей относительно того, что успела привязаться к Смерчу за такое короткое время и того, что ревную его. — Все в порядке, отстань. Не обращай внимания на мое поведение. Иногда я бываю ребенком.

Да, прав Федор, прав, называя меня дитем. Кажется, иногда я веду себя именно так.

Но, кажется, брюнет неправильно понял мое поведение.

Он вдруг остановился, поглядел мне прямо в глаза, а потом сделал то, что я меньше всего от него ожидала в этой ситуации — обнял, легонько прижав к себе, и погладил по волосам.

— Ну, прости меня, маленькая моя. Прости. Я сделал все не так. Прости? Хорошо? — теплый голос, полный раскаяния ворвался в мое сердце подобно бешеному ветру, и оно, пытаясь сопротивляться ему, стало стучать быстрее и быстрее.

— Я был не прав. Я никому больше не разрешу курить рядом с тобой, обещаю. Ты слышишь меня?

— Слышу, не глухая еще. Слышу, — отозвалась я непривычным для себя тихим голосом, и положила голову ему на грудь — зачем, я сама не поняла. Мне просто хотелось сделать это.

Орел рванул вверх, куда-то туда, где, кажется, виднелся солнечный просвет между тучами.

В этот момент мне нужно было бы навострить уши и протереть глазки, а не наслаждаться извинениями и теплом наглых рук, тогда бы, может быть, я услышала, что проходящая недалеко от нас парочка, которая в пятницу посещала «Фарфоровую лилию», изумленно оглянулась на нас:

— Зайка, а это не Дэн? — проговорила девушка, перестав есть клубничное мороженое.

— Кажется, он, — вгляделся в знакомый силуэт парень. — И девочка с ним та же.

— Ого, он раньше никого не приводил на Мост Влюбленных, — еще сильнее озадачился молодой человек, а, услышав, как Дэн повторяет слово «прости», он и вовсе поразился. Дениса он знал достаточно хорошо и долго, и мог поклясться чем угодно, что тот просто так не стал бы приходить в место встреч влюбленных с обычной девушкой, да еще и просить у нее прощения непонятно за что, нежно гладя по волосам.

— Слушай, может, у них серьезно? — округлились глаза у девушки. — Неужели он с этой девочкой… вместе?

— Кажется, так, — кивнул молодой человек, задумчиво потирая губы. — И в кафе они были вместе, и здесь. По-моему, это уже не совпадение. Может, действительно, решил забыть свою…

— Слушай, — перебила его девушка поспешно, — пошли отсюда, пока он нас не заметил! Смутится же.

— Точно. Ну наш скрытный Дэнни дает!

И пара, взявшись за руки, поспешила уйти в другую сторону, а потом, затаившись за многочисленными небольшими фонтанчиками в виде цветков, окружающих фонтан Три Розы, принялась наблюдать за происходящим. Дальнейшие события их порядком удивили. Незнакомая девушка со светло-русыми волосами до подбородка отпрянула от Смерча и, задорно что-то крикнув ему, побежала прочь. Парень рассмеялся и кинулся за ней.

— Догонит, — убежденно произнес наблюдатель. — Ты же знаешь, как наш Дэнни быстро бегает.

— Знаю, — кивнула девушка, забыв про мороженое. — Ну, при чем тут догонит — не догонит. Какой ты неромантичный! Они просто так играют.

— Не, девочка хорошо бегает, — не слышал ее парень. — Хорошо.

— При чем здесь это? Лицо у нее такое знакомое…

И пара принялась наблюдать дальше — эти двое находились на возвышении к серо-голубой реке, весело блестевшей под лучами солнца, нужно было спускаться по небольшому склону), поэтому им было все хорошо видно.

Дэн, явно поддаваясь и не мчась в полную силу, догнал девушку только около самой набережной, осторожно коснувшись ее плеча, и они вновь начали смеяться непонятно над чем.

— Чем она его зацепила? — удивлялась девушка, критично рассматривая фигуру подружки Дениса. Как и любая особа женского пола, она подсознательно искала во внешности прочих девушек недостатки, и, естественно, находила их.

— Его может зацепить то, что других оттолкнет, — тут же авторитетно заявил парень. — Этот тип очень странный.

— Не странный, а особенный. Нет, вроде бы обычная девочка, младше его, спортивная, но совсем неженственная, — продолжала наблюдать за светловолосой незнакомкой обладательница клубничного мороженого.

— А мне, кажется, достаточно женственная, — парень, которого она называла зайкой, в отличие от девушки хотел увидеть плюсы в избраннице друга, — симпатичная, и ноги вроде бы ничего. Веселая. Гляди, он ей мороженое покупает.

— Со Смерчем любой станет веселым, — живо возразила его спутница. — Зато у нее прическа не модная. У меня такая в девятом классе была, — и девушка коснулась своих длинных светлых волос, завязанных в хвост. — Бледненькая — я вблизи когда ее видела, заметила. Нос слишком острый, подбородок круглый, а глаза близко посажены.

— Как ты умудрилась это рассмотреть? — изумился ее друг. — Все у нее с лицом нормально. Обычное лицо.

— И брови слишком темные для такого цвета волос. И вообще, мне брови с таким резким изломом не нравятся.

— Да когда ты все рассмотреть-то успела?? Ладно, что у них там дальше?

Парочка вновь принялась наблюдать.

Когда же Смерч и незнакомка рука об руку направились в сторону Моста Влюбленных, оба тайных наблюдателя уверовали в правильность своей мысли — их общий друг нашел себе постоянную подружку.

— Никому не скажем, — тут же решил молодой человек. — Не нужно, чтобы все знали. Дэн не стал рассказывать, значит, так и надо.

— Конечно, зай, зачем сплетни вокруг нашего Счастливчика распускать? Их и так много, — кивнула девушка, наблюдая издалека, как Денис покупает незнакомой девушке большое мороженое. — Никому не скажем. Ой, а я эту девочку, кажется, видела в нашем универе… Поэтому она мне такой знакомой показалась. По-моему и я, и она занимаемся физрой в одно время. Нас в этому году с искусствоведами поставили…

— Значит, никому не скажем?

— Да, милый. А купи мне еще мороженого?

В течение этого же дня хорошие друзья Счастливчика (а парень и девушка как раз имели честь относиться к этому кругу) уже знали о том, что, «кажется, наш Дэнв нашел себе девушку!». Естественно, всех очень сильно заинтересовал этот факт и, устроив целую конференцию по «мэйлу», они долго спорили, кто первым узнает у их лидера, то есть, Смерча, подробности. Они не сомневались в том, что Дэнни обзавелся второй половинкой, прекратив страдать из-за старой любовной неудачи — а в том, что он именно страдает, никто из ребят не сомневался. К тому же некоторые из них вспомнили, как Лаки Бой обнимался с какой-то девчонкой прямо на перемене в университете. Те, кто по меткому выражении Марии, входил в круг неблизких друзей Смерчинского, вошли в самый настоящий раж. Один из его приятелей, изрядный приколист, даже предложил в понедельник объявить что-то вроде «дня любви» для Смерча и устроить тому всяческие романтические сюрпризы, а заодно познакомиться с его девушкой.

Ланде, случайно зашедший к ним «на огонек», пришел в тихий ужас — о том, что скрывает Смерч, никто из этих ребят узнать не должен был, но, каким-то образом тайное стало явным. Хорошо еще, самое главное так и оставалось для всех загадкой. Конечно, Смерч скрывал не такой уж и великий секрет, но это было его личной тайной, и рассказывать о ней всем подряд он не собирался. Обо всем, как Денис и говорил, знали только сам любитель шарфов Ланде,

зеленоволосый парень по кличке Черри и еще несколько человек, в том числе и задорная с виду третьекурсница с громким голосом, которая, вроде бы, должна была помочь Дэну. Но все планы Счастливчика теперь могли просто-напросто поплыть только из-за того, что кто-то распустил нелепые слухи! По крайней мере, так считал Ланде.

Превозмогая неприязнь, он связался с Черри, как раз засыпавшим после бурной ночной вечеринки, и, выслушав от того кучу брани, сказал взволнованно:

— Заткнись хоть на минуту, и выслушай умного человека.

— Ну, хрюкай, — барственно разрешил ему зеленоволосый.

— Тут у Дэнва проблемы, — сухо начал Ланде. — Тут все думают, что он начал встречаться с Бурундучком, с той девочкой.

— И? — зевнул на том конце провода Черри.

— Шевелить мозгами иногда не менее полезно, чем пить, — изрек светловолосый полунорвежец. — Прикинь, что она подумает про Дэна и тогда у него вообще ничего не получится…

— А, точно, — дошло, наконец, до второго молодого человека. — Тогда он точно доведет меня до суицида своим нытьем. Черт дери всех сплетников на свете! Ладно, придурок, мы поможем…

— Сам придурок, — огрызнулся Ланде, — но поможем.

В понедельник слухи умудрились разлететься и по университету.

Молодые люди, увидевшие Дениса и Машу на площади Трех Роз, долго еще обвиняли друг друга в том, кто первым проговорился остальным.

— Мы же договорились молчать, Лена! — говорил потом, через день, парень, сердясь.

— Я и молчала! Я только Янке по секрету сказала, но она умеет хранить секреты! Ты же знаешь, — призналась, наконец, девушка.

— Знаю! — фыркнул парень. — Теперь не только я. Все знают! Твоя Янка растрезвонила всем на свете. У нее вообще язык без костей — все кости мозг забрал и сконцентрировал в себе. Правда, — он смущенно повел плечом, — Я тоже сказал Славке, когда мы на тренировке встретились. Но он-то точно молчал.

— Ага, молчал, — тут же вскипела Лена. — Вот он-то точно всему миру рассказал, этот твой молчун недоделанный! Моя Янка тут не при чем! Хуже мужиков сплетников нет!

Примерно так и зародилась небольшая местная «легенда» о том, что некая Мария Бурундукова, которую, если твоей душе будет угодно, можно звать Чипом или Бурундуком, встречается с самим Денисом Смерчинским, всеобщим любимцем, гением местного разлива, и просто богатым и красивым парнем с обаятельной и солнечной улыбкой и необыкновенно компанейским характером.

А я, ничего из этого не зная (да и не поняла бы я ничего, даже если бы и узнала), в тот момент,

около Моста Влюбленных, просто чувствовала, как меня обнимает кто-то хороший, теплый и надежный.

Как брат.

Или не как брат?

Нет, Дэн был похож на Федора чем-то неуловимым — тем, что я позже назвала «родством», но если со страшим братом это родство было кровным — мы родились в одной семье и до конца жизни были связаны родственными узами, то родство со Смерчем было для меня другим — духовным, что ли? Знаю, и сейчас, и тогда это звучало, и будет звучать высокопарно и претенциозно, но других слов я не могла подобрать. Родство. Как будто бы орел встретил, наконец, сокола, с которым можно было вместе полетать в лазурной выси и выяснить, что лучше: узкие клиновидные крылья одного или широкие и размашистые другого?

А он, не подозревая о нехарактерных для госпожи Марии думах, по-дружески меня обнимал, стараясь упокоить или, может быть, делал вид, что хочет это сделать, но я вдруг поняла, что совершенно не злюсь, а улыбаюсь, и в этот безветренный и спокойный день с моим волосами на затылке играет тихий ветер, непонятно откуда взявшийся на площади со странным старинным названием.

«Только бы шею не продуло», — подумала я в тот момент, чувствуя ветер, и первая отстранилась от Смерча, понимая, что происходит что-то такое, чего не должно было быть.

Я смутилась, по-настоящему, а не наигранно. Чего это он меня обнимает? Новый вид манипулирования изобрел? Решил пофлиртовать?

— Ты чего ко мне лезешь? — не нашла я лучших слов, дружески ткнув парня в плечо.

Дэн, который, по-моему, сам не понял, зачем он обнял меня, и от того вид имел ошарашенный не меньше меня, несмело улыбнулся и ответил, отходя на пару шагов назад.

— Тебя успокоить, — ответил он и зачем-то украдкой, недоверчиво посмотрел на свои руки. Сам, наверное, в шоке, что честных девушек лапает у всех на виду.

— Странный способ успокоить девушку. Я тебе говорила, что ты манипулятор? — я только головой покачала. Ветер исчез так же внезапно, как и начинался — и не одна веточка из находившихся невдалеке от нас декоративных кустиков и растущих около самой набережной берез и тополей, не шевелились.

Показалось, наверное. Все-таки, брюнет — дурень, ему еще и Гильдию по Смущению Девушек открывать можно.

— Я не манипулятор, — возмутился Денис, глядя куда-то чуть выше меня, — что за отношение ко мне, Бурундук?

Ну вот, он произнес это ужасное слово, и напряжением между нами спало. Я облегченно вздохнула и, чувствуя, как сердечный ритм все больше приближается к обычному, произнесла:

— Нет, дорогой мой партнер, ты манипулятор. Это точно. Ты все делаешь так… — я задумалась.

— Я делаю все так, как подсказывает мне сердце, не больше и не меньше, — с честным видом отвечал мне он. — Друзья ржут, когда и я им так говорю, но это действительно так.

— Тебе сердце сказало — обними Машу? — нервно почесала я запястье.

— Примерно. Мне захотелось тебя обнять, чтобы ты меня простила. И я сделал этого, — искренняя открытая улыбка попробовала поразить мое ранимое девичье сердце, и у нее это получилось где-то наполовину.

— Что мне сделать, чтобы ты меня совсем простила?

— Попрыгай на одной ножке пятьдесят раз и кукарекай в это время. Тогда прощу.

— Серьезно? — его глаза удивленно расширились.

— Ты дурак, Смерчинский, ты такой дурак, — покачала я головой, и, неожиданно даже для самой себя, легонько дернула его за волосы и побежала, крича ему, не оборачиваясь:

— Попробуй, догони меня! Тогда прощу!

И я ринулась сквозь толпу подростков, проводящих этот воскресный вечер на площади, а Денис, не будь дураком, тут же побежал за мной. По-моему, мы вдвоем чуть не столкнули на землю одного и того же эмо-паренька, и он еще долго грозил нам вслед тощим кулаком и заковыристо ругался, забыв, видимо, что в таких случаях субкультура вроде как приписывает ему другое правило: плакать….

Смерч недаром имел такую кличку: он не бежал, а летел, и если ему эта пробежка не доставляла никаких неудобств, то я, напротив, работала руками и ногами изо всех сил, одновременно представляя себя супер-бегуньей (говорят, визуализация помогает), и, думая о том, что он все-таки не такой плохой, каким мог бы быть — ну кто еще стал бы бегать за мной по главной городской площади, не обращая внимания на красноречивые взгляды многочисленных прохожих? Федька бы точно не стал, но он бы меня дома измором взял. А с Дэном, или, как его называют друзья, Лаки Боем, весело. И я уже совсем на него не злюсь.

Да, через пару недель, когда я вспоминала этот эпизод, лежа в кровати с температурой, я поняла вдруг, что тогда, наверное, я побежала прочь от Смерча для того, чтобы списать участившийся стук сердца, бившегося не в своем ритме после его объятий, на дальнюю пробежку, после которой главный орган кровеносной системы всегда колотится, как ненормальный.

Он догнал меня около самой набережной, почти не запыхавшийся и счастливый, как будто бы достал не Машу, а Золотое копытце из старого советского мультика. Того и гляди, сейчас заставит золото копытом выбивать.

— Ну вот, я догнал тебя! Простила, Бурундук? — он остановился в паре шагов от меня.

— Какой Бурундук? Я же сто раз просила меня так не называть! — взвыла я, готовая опять рассердиться, но тут заприметила краем глаза лоток, в котором продавали мороженое с различными наполнителями и, решив, что искупить вину им — замечательное решение, попросила партнера строгим учительским тоном купит мне лакомства.

— Без проблем, — ответил он мне тут же, и через пару минут я стала счастливой обладательницей мороженого.

— А теперь, Чип, нам нужно идти на мост, — потащил меня за руку Дэн. — Скоро придут крошка Ольга и твой Клара, и нам нужно быть на мосту раньше их. Ты ведь помнишь, что наши

помощники пойдут следом за ними?

— Да. Глупый план. Слушай, а где ты с ними вообще познакомился? У тебя наклонности? — я прыснула.

Дэн сжал мою ладонь в знак протеста против моих слов и отозвался с чувством собственного достоинства:

— Саша — мой сосед. А Элис — она звезда одного тематического кабаре. Для лиц не той ориентации.

— По-моему, ты ей нравишься, — тут же заметила я.

— Не напоминай мне об этом! Элис — хороший человек, и, может быть, хороший парень, но мне с трудом удается сдерживать себя, когда она… он ко мне пристает. Я терпел ради дела, — с мукой в голосе произнес молодой человек. — Нет, серьезно, Чип, просто она сегодня мне очень нужна. А ты чуть не обидела его…ее. Черт, все время путаюсь.

— Вот как, — протянула я. А зачем ты меня за руку держишь?

— Чтобы ты опять не убежала. Ты не понимаешь серьезности нашей Миссии.

— А если нас кто-нибудь увидит? — резонно заметила я.

— Не увидят, — отозвался Дэн, но на всякий случай осмотрелся по сторонам. — Я же говорил, что мне всегда везет.

— Судя по пятничным событиям… я не могу в это поверить, — отозвалась я, довольно улыбаясь. Мы идем за ручку по Мосту Влюбленных Дураков, едим одинаковое мороженое, разговариваем — чем вам не влюбленная парочка? Вокруг таких много.

— Не напоминай об этом, Бурундук, — отозвался парень.

— А ты не напоминай, что я — Бурундук. Серьезно, твой лоб когда-нибудь пострадает от моих рук.

Мы ненадолго замолчали, занятые поглощением мороженого. И хорошая же сегодня погода — так и чувствуется, что лето хочет прийти в город на месяц раньше положенного!

Вот бы еще сегодня получилось «смутить» Князеву информацией о том, что Ник — не совсем тот, за кого себя выдает — в ее понимании, естественно. Не думаю, что он интересуется мальчиками. Да, что не сделал Ильич, навечно оставшийся в моем сердце, сделает Элис и ее капризный гнусавый голос.

— Не бомжи, так геи, — высказалась я, наконец, поедая мороженое. Второе мороженое, которое купили мне Смерч. Единственный неоспоримый его плюс — это его щедрость! Наверное, его будущей женушке повезет — будет распоряжаться всеми деньгами.

— Ммм? — про себя Денис тоже не забыл, и теперь задумчиво вкушал белоснежное сливочное лакомство, глядя на небо.

— Да нет, ничего, это я мыслю так вслух. Тебе столько хороших людей помогает, — я постаралась, чтобы он не заметил моей ироничности.

— Не парься, это хорошие ребята! Они все сделают, как надо, — убежденно произнес Денис. — Кстати, я все хотел спросить — тебе нравятся «чмоки-чмоки», — голос парня стал не то, чтобы ехидным, но несколько преувеличенно сочувствующим.

Я, уже и забывшаяся от Федькиной подставы, мгновенно покраснела.

— Это нечаянно вышло!

— У тебя руки живут отдельной жизнью, Чип? — блеснул Дэн глазами.

— Я тебе сейчас руки оторву, и вот они точно будут у тебя отдельной жизнью жить, — мрачно ответила я, сама себе обещая дома сделать братику что-нибудь не менее приятное. Ляпну его невесте, что он, мол, по садо-мазо тащится, и адрес ей дам с нужным магазином, намекнув, что на свадьбу ему от будущей жены подарка лучше нет.

Мы довольно быстро дошли до середины длинного моста и остановились около перил — так, кстати, делали и многие другие парочки или просто гуляющие особы, поэтому мы не выделялись среди прочих. Я облокотилась на них спиной и уставилась вправо, на дорогу, а Дэн, недолго думая, уселся

— Эй! Не свалишься?

— Не-а, у меня хорошая координация, — беспечного отвечал он.

— Смотри. А то не выплывешь, — я обернулась назад, глядя на воду и щурясь от солнечных бликов.

— Я хорошо плаваю.

— А есть то, что ты делаешь плохо?

— Иногда я плохо думаю, — сознался он.

— О ком?

— Не о ком, а о чем. Иногда не вижу того, что находится у меня перед носом, — он зевнул. — Странно, правда, когда перед тобой дорога, но нет машин?

— Что тут странного? Мост-то пешеходный, — я пожала плечами.

Пока мы ждали, когда начнется развязка сегодняшнего плана нашего местного гения Денисочки, я даже успела развлечь Смерчнского историей о тех самых «мужланах», о которых вспоминала в кафе «Фарфоровая лилия», пересказав ему ситуацию в лицах.

— Они так медленно идут, и время так медленно тянется, — проговорил задумчиво Дэн, глядя вперед. — Скучно.

— А я думала, ты волнуешься, — лично я с нетерпением ждала, когда начнется самое интересное.

— Все сработает как надо, — уверенно заявил он, отвечая на взгляды проходящих мимо девушек — одной из них он даже подмигнул.

— И зачем ты это делаешь? Ты ведь любишь Князиху, а флиртуешь со всеми подряд, —

высказала я свое мнение, видя, как девушка вдруг улыбнулась Смерчу.

— Я просто повысил настроение этой девушки, — заспорил парень. — Она шла такая грустная, вот я и решил приободрить ее, партнер.

— Лучше бы ты меня приободрил.

— Или ты меня. Давай представим, что мы просто гуляем, а никого не выслеживаем, так время быстро пролетит. Расскажи мне что-нибудь, Чип? — заманчивым тоном предложил Сморчок, предано-преданно глядя на меня своими синими глазками, и я согласилась, подумав, что терять нечего. И, вспомнив про «мужланов», решила развлечь и себя и его — рассказывать забавные истории мне нравилось — окружающие говорили, это у меня хорошо получается.

После фразы Маринки о том, что в трактирах пахнет мужланами, чтобы удовлетворить нехилое любопытство, прямо на лекции с моей прямой подачи ехидная Лида пустила по рядам опрос с целью выяснить, как все-таки пахнут вышеупомянутые особы. Все было бы хорошо, да только листик с опросом, в котором приняло участие большое количество скучающих однокашников, совершенно случайно попал к вреднючему профессору, читающему лекцию о мировой художественной культуре. К своему предмету он относился крайне ревностно, посторонних занятий крайней не ободрял и частенько разорялся, видя, что его лекциями пренебрегают. Ответы на Лидкин вопрос его, по-моему, слегка шокировали. Минут пять преподаватель вчитывался в корявые строчки, написанные ребятами, а потом начал гневную тираду:

— Вот это да! Вот это падение нравов! Значит, вместо того, чтобы слушать мою лекцию о достояниях мировой художественной культуры эпохи Возрождения, вы обсуждаете, — лектор сверился с листочком и брезгливо прочел, — вы обсуждаете «как пахнут мужланы в трактире»?

Вместо того, чтобы узнать, что происходит с великой работой великолепного Леонардо да Винчи «Тайная Вечеря», почему она разрушается, и что хотел сказать этим великий мастер, вы пишете тут, — он вновь заглянул в исписанный листик и выразительно прочел, — пишите тут: «среднестатический мужлан должен вонять потом, пивом или элем, а также нестиранными портянками»? Нонсенс! И это Факультет Искусствоведения!

Мы притихли.

— Вместо того, чтобы узнать, что хотел вложить в «Страшный суд» «Сикстинской капеллы» превосходный Микеланджело, вы, пишите, что «каждый мужлан имеет свой определенный специфический запах»! И смеете добавлять, что следует отделять «мужлана, как представителя крестьянской среды, от купцов и аристократических кругов, а также воинов, ибо они все пахнут по-особенному». Вы что, с ума сошли? — в ярости крикнул нам преподаватель, отбросив бумажку. — Вы студенты или детский сад на выезде? Вы бы еще начали цитировать известное детское стихотворение Джани Родари «Чем пахнут ремесла»!

И к нашему огромному удивлению старикан патетически произнес на всю аудиторию, распахнув руки, как крылья — я тогда даже забеспокоилась, а не взлетит ли он к потолку:

У каждого дела запах особый:
В булочной пахнет тестом и сдобой.
Мимо столярной идёшь мастерской —
Стружкою пахнет и свежей доской.
Пахнет маляр скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик оконной замазкой…

— Мы все сначала сидели, открыв рты. Думали — старичок совсем свихнулся, — рассказывала я, кидая печальные взгляды на оставшиеся пирожные — увы, съесть их было выше моих сил. — Он ведь уже старенький, не удивлюсь, что они с да Винчи одногодки.

Дэн, глядя на меня, улыбался — и я поймала себя на мысли, что ямочки у него на щеках такие обаятельные! А его черта — смотреть собеседнику прямо в глаза мне нравится — людей с бегающим взглядом не слишком люблю, кажется, что они врут или неискренне ко мне относятся.

— А потом препода, ко всеобщему смеху, перебил Димка, мой одногруппник, и так же патетично процитировал известное перевратое продолжение:

У каждого дела запах особый.
В булочной пахнет сгоревшею сдобой.
Мясом протухшим пахнет мясник.
Газом угарным пахнет печник.

— Но на этом дело не закончилось, потому что девчонка с задних рядов добавила громко и в рифму:

Пахнет гашишем любой наркоман,
Навозом воняет наш пьяный мужлан!

— Мы все ожили, и давай ржать, как лошади, — сказала я, вспоминая всеобщий гогот. — Профессор затопал ногами, покраснел, как пожарная машина и заорал: «прекратите, я кому говорю, прекратите балаган!» — мастерски передразнила учителя.

Напарник засмеялся, чуть склонив голову вниз — некоторые длинные пряди упали ему на лицо, и на мгновение мне показалось, что, перекрась парню волосы в светлый цвет и еще отрасти их, то из него получится самый замечательный эльф на свете. Ах да, ему еще бы и характер при этом поменять полностью. А так он демон, да, или все-таки вампир? Нет, определенно, я завязываю с фэнтези.

— После этого, в конец обозленный, старичок-профессор психанул и пошел жаловаться декану. Жаловался долго, со вкусом, — закруглилась, наконец, я со своей историей. — Тот рассердился и заставил в наказание все три группы, которые были на лекции, прийти на субботник.

— А мне всегда казалось, что искусствоведы деликатные и спокойные, — покачал головой Дэн, которому история все-таки понравилась. — А вы доводите преподавателей до белого каления.

— Это не мы такие, это жизнь такая, — философски отозвалась я. — Слушай, что-то никого долго нет. Ты уверен, что они сюда пойдут на свидание?

— Да. Я же читаю смс-сообщения Ольги.

— А я хочу читать сообщения Никиты, — тут же заныла я. — Организуй, а?

— Хорошо, вечером по этому поводу поговорим, — кивнул мне всматривающийся вперед парень.

— Смотри, ты пообещал, — осталась довольна я. — А они не решат пойти куда-нибудь в другое место? Вдруг они куда-нибудь свернут?

mir-knigi.org

— Не бойся, с моста они никуда не свернут. Если только Клара не решит искупаться, — хмыкнул обычно добродушный Смерч, очень ревниво глядя на парня моей мечты.

— Или Князева. Нырнет к своим родственникам, живущим под мостом. К троллям.

— Девочка, ты совсем девочка. Я это тебе говорил? — Как всегда, Смерч потрепал меня по волосам и умудрился убрать руку прежде, чем я успела его по ней со всей силы треснуть.

— А как ты думаешь, у них отношения — они же только на начальной стадии? — поинтересовалась я.

— Думаю, да, — спокойно подтвердил Смерчинский. — Я же рассказывал тебе о характере твоего любезного и крайней консервативного Ника. — Ему нужно долго раскачиваться, прежде чем хотя бы поцеловать девушку.

— А тебе не нужно? — решила подразнить я парня.

— А тебе? — вопросом на вопрос отвечал Дэн.

— Ну, ты и повторюша.

— Мой ребеночек, — пощекотал меня под подбородком Дэн.

— Грабли убери, — обиделась я.

— Гляди, — вдруг резко посерьезнел напарник, повернувшись вправо. — Сейчас будет самое интересное. Крошка Ольга и твой Никита.

— Почему ты называешь ее крошкой? — Я повернулась в ту же сторону.

— Потому что мне нравится.

— Хороший ответ. А они нас не увидят? Я все-таки с Никитой знакома. Мало ли что он подумает. — Забеспокоилась я.

— Думаю, нет, они смотрят только друг на друга, к тому же прежде, чем они дойдут до нас, их нагонят Саша и Элис.

Действительно, знакомая мне парочка не торопясь, шла за медленно плетущимися и разговаривающими на ходу Князевой и Кларским.

Наши объекты, осторожно бредя рядом друг с другом и явно не решаясь взяться за руки (я заметила, что на первых свиданиях это едва ли не повальная проблема, особенно если ребята скромные), направлялись к нам, то есть к самой середине моста.

И сегодня Князева удивила меня своей одеждой — на ней было короткое нежно-сиреневое платье с белоснежной вышивкой по краю, подходящее больше для ношения летом, а не весной (хотя, вообще-то, в этот день было достаточно жарко — как будто бы на дворе и впрямь была середина июня — с пятницы температура все повышалась и повышалась, явно позабыв, что сейчас всего лишь середина мая). Милое платье девушки, распущенные длинные волосы, легкие светлые туфельки — все это помогало создать ей вокруг себя ореол воздушности легкости. Я не видела ее лица, но была уверена, что и макияж у нее подходящей такому имиджу «воздушной феи».

Умеют же гоблины прикидываться эльфами, вы только посмотрите!

— Красивая, — зачарованно глядел на нее Смерчинский. Я только лишь фыркнула. Даже рыжая куряга мадам Элен Мими лучше моей одногруппницы. Интересно, каким злобным взглядом я одарю ее завтра на парах? И вообще, как мне теперь с ней общаться ровно?

Вот уж не думал орел, не гадал, что возненавидит ласточку, летающую на другом краю неба.

— Не знаю, не знаю. Кто классно выглядит, так это Ник. — Я в свою очередь залюбовалась фигурой Никиты. Изумрудная майка с короткими рукавами и треугольным вырезом, простые черные джинсы, такого же цвета кроссовки — и он выглядит неотразимым, честное слово! Хотя, для меня он в любой одежде мил.

— Партнер, ты меня пугаешь!

— Чем же?

— У меня такое чувство, что ты готова Кларе поклоняться.

— А у меня — что ты Гоблину. — не осталась в долгу я, продолжая наблюдать за сладкой парочкой. Оля и Никита о чем-то разговаривали. У нее в руках вновь блестела на солнце яркая обертка букета.

— Кому-кому? — Не понял Дэн, тоже изучая этих двоих.

— Троллю. — Довольным голосом произнесла я.

— Это кто?

— Князева, кто еще. У, опять у нее цветы. И куда ей столько? Питается она ими, что ли? — Я раздосадовано поморщилась.

— Ольга любит цветы, — сказал Денис.

— А они ее — нет, — отрезала я, всем своим видом показывая, что и я вообще-то люблю цветочки. — Слушай, когда уже начнется шоу?

— Вероятно сейчас. — Отозвался он. — Видишь, Элис машет?

Я кивнула — рыжее недоразумение усилено замахало нам и даже послало Смерчу воздушный поцелуй. Тот, не долго думая, написал ему, недоразумению, смс.

— Сейчас свершиться… — задумчиво произнес Смерч, получив моментальный ответ.

— Чудо. Наша подруга обретет новых родственников, зеленых и милых, — вставила я, захихикав весьма подленько, но Денис, не слушая моих слов, проговорил дальше:

— Душераздирающий акт. Перед напором этих двоих ребят никто не выдержит, мой друг-Бурундук.

— Как-как ты меня назвал? Шоу кончится, и я убью тебя, Смерчинсий. Убью. Сколько можно?

Но я перестала возникать, глядя, как Элис, громко цокая каблуками, и Саша, выразительно глядя на Никиту, не замечавшего ничего другого, кроме Ольги, приблизились к сладкой

mir-knigi.org

парочке.

— Ой, привет, — тут же, не мешкая, вступил в игру обладатель баса и розовой рубашки. — Привет, милый.

— Вы это мне? — Удивился Ник, оторвавшись от безумно интересной беседы с Ольгой. От его голоса я принялась таять.

— Тебе, конечно. — Произнес Саша и совсем по-женски повел плечом. — Я так скучал.

Мы со Смерчинским, слышавшие этот разговор, одновременно заулыбались, закрыв рты ладонями — столько придыхания было в голосе Александра.

— Вы кто? — Растерялся мой любимый.

— Ты меня не помнишь? — Задрожали губы у Саши. — Ты просто играл со мной!

— Я не могу вас помнить, я вас не знаю, — устало отозвался Никита. — Оля, пошли, — повернулся он в сторону изумленной до глубины души Князевой, и взял ее за руку.

И они действительно развернулись в обратную сторону с намерением уйти!

Но Мими не дала им этого сделать. Она истошно и гнусаво заверещала:

— Стоять!

А потом, пока наша парочка не видела, показала Дэну большой палец, поднятый вверх. Мол, все окей, не беспокойся!

— Любимый! — Не отставал и Саша. — За что ты оставил меня! Зачем предал наши чувства?

— А в нем пропадает хороший актер, — прошептала я едва слышно. Денис расслышал и согласно кивнул. Его, как и меня, весьма привлекала сцена на середине моста.

— Да кто вы, черт возьми? — Начал злиться Ник, резко остановившись. К сожалению, я не видела теперь выражением его лица, но, думаю, оно было не самым добрым. У Никиты взгляд всегда спокойный и мне он кажется теплым, ни всего лишь однажды я видела Ника в бешенстве — тогда, когда он поссорился со своим однокурсником — тогда глаза Кларского были гневными до безумия

— Я — Элис, мой распутный милашка. А он — твоя судьба, твой любимый и обожаемый, но тобою коварно брошенный! — Возопила тут же Мими и гневно, как будто бы бедняга Кларский действительно посмел когда-то бросить Сашу, обратилась к потерявшей дар речи Ольге. — А ты что так смотришь, дорогуша? Отбила парня, и радуешься?

— Что вы несете? — Дошло до Ника, за кого его приняли двое странных незнакомцев. И это открытие его не растрогало и не обрадовало Скорее, разозлило — я поняла это по его голосу. Все-таки я хорошо знаю его привычки и проявления эмоций!

— Я вас вообще не знаю! — Отчетливо донесся до меня твердый голос Никиты.

— Мы в одном клубе тусовались, что ты говоришь! — Прогнусавила на весь мост Мими. — Ты всегда отлично танцевал в нашем «Удовольствии цвета неба!»

— Ты разбил мне сердце! Как же ты мог? Разбил, разбил, оставил… Забрал все и ничего не дал взамен! — Все-таки, у Саши оказался хороший драматический талант. Проходящие мимо девчонки в неформальной одежде, укоризненно посмотрели на Никиту.

— Я? — Несказанно удивился Кларский — эх, я так бы и смотрела на него, такого замечательного… и плевать, что он ко мне спиной стоит — все равно приятно!

— Ты оставил меня одного после нашей последней райской встречи и скрылся. — Очень капризно и громко проговорил Саша.

Проходящие мимо них люди, кто с удивлением, кто с улыбками, а кто и с недовольством оглядывались на наших знакомых.

— Не переживай, моя бедняжка! — Прижала его на пару секунд к шикарной ненастоящей груди Элис. — Бог накажет этого злодея! Как ты мог поступить так с нашим Сашечкой, Ники?

— Никки? — По-моему, в голосе парня теперь смешались не только раздражение и удивление, но еще и страх. С чего бы это?

— Никки, — тут же подтвердила рыжая.

— Никитушка, — взвыл раненым бегемотом Саша. — Никуся!

— Ника! — Нашла еще один дебильный вариант склонения чужого имени Мими. — Так тебя звали в нашем травести-шоу!

Со стороны едущих по мосту парней-велосипедистов, раздался оглушающий смех — ребят ситуация очень позабавила. Да и мне было смешно

— Финиш, — хмыкнул и Дэн.

— Я не знаю вас. Уходите. — Злым голосом, совсем не похожим на свой собственный, произнес Никита.

Уж не знаю, какое там было выражение на лице у парня, но Элис слегка попятилась, а вновь запричитавший Саша, едва уже не рвавший на своей тщедушной груди розовую рубашку от горя, замолчал. Зато оживилась Ольга.

— Вы обознались, — вдруг мягко, но твердо произнесла Ольга. — Этот молодой человек — мой парень, и не как не мог с вами встречаться.

— Это еще почему? — Всплеснула руками рыжеволосая.

— Потому что, — отозвалась Князева. — И он интересуется только девушками.

— Ну конечно! — Фыркнула Мими.

— Я докажу вам. — Спокойно произнесла девушка-тролль, Ольга, то есть.

Я не знаю, что заготовили Элис и Саша, чтобы, как следует, опозорить Кларского по «заказу» Смерча, какими аргументами и словами хотели воспользоваться, чтобы убедить Ольгу в том, что Нику девушки совсем не нравятся, и как конкретно бы они пытались пофлиртовать с ним, но эти двое ничего не успели сделать.

mir-knigi.org

Послушав их пламенные речи с полминуты, девушка вдруг звонко им что-то сказала (я проворонила фразу), а затем сделал то, что никто от нее не ожидал — она решила доказать пристающим к ним Александру и Элис Мими, что Никита — нормальный парень, которому не чужды близкие отношения с представительницами прекрасного пола. Ольга, улыбнувшись, вдруг шагнула к Нику и поцеловала его, но не так, как это делают в некоторых фильмах — едва касаясь губ губами, а так, что, по-моему, даже наши помощники впечатлились, да и Никита явно не ожидал такого поворота событий. Одногруппница вцепилась в парня моей мечты так крепко, словно была влюблена в него по меньше мере, лет пятьдесят, и только сейчас смогла добраться до его тела. Однако и Кларский быстро пришел в себя — несмело положил руку девушке на талию и притянул к себе. Ему определенно нравились «доказательства» Князевой.

Мой орел в отчаяние захлопал крыльями и в изнеможении опустился на ветку, которая тут же с громким хрустом сломалась, упав на голову Смерчу — в переносном смысле, конечно. Ветка тут же закружилась в мощном оттоке воздуха.

Что за мерзость?!

Почему она на моем месте?

Почему она нравится Никите?

Почему не я, не я, не я?

Черт, что делать? Я не хочу больше смотреть на это, но и отвернуться не в силах.

Я попробовала с силой закусить нижнюю губу, надеясь, что у меня это получится до крови — как у героинь книг или фильмов: говорят, что боль физическая уменьшает боль душевную, но, увы, до крови себя я укусить не смогла — почувствовала легкую боль и тут же нечаянно себя пожалела, дернулась, едва заодно не прикусив и язык. Естественно, во всем я, мысленно, обвинила стерву Князеву и Ника, поддавшегося на искушение поцелуя с милашкой троллем.

Нет, ну вы видите, а? И не стыдно им при всех так страстно целоваться? Не стыдно при этом выглядеть так классно? Не стыдно от того, что я ужасно завидую?

Пару мгновений мысли-головастики серого цвета меланхолично махали в моей голове наскоро сделанными самодельными плакатиками: *«Они реально влюблены друг в друга!»,* но я спешно прогнала их.

Я перевела затравленный взгляд с нежно обнимающих друг друга Ольги и Ника на остолбеневших Мими и Сашу, уже осознавших потерю своей позиции, а затем на Смерчинского. Тот стоял вполне спокойно, с таким видом, словно случайно оказался в этом месте, прогуливаясь с очередной подружкой — то есть со мной, и теперь наслаждался красивыми видами широкой реки и молодой зелени на берегах. И только опущенные уголки обычно растянутых в очередной милой улыбочке губ, говорили мне о том, что Дэн жутко недоволен происшедшим. И, может даже, обижен. А еще его синие глаза метали молнии, как будто бы в них засел спустившийся в неба Зевс-громовержец.

— Денис, чего делать-то? — наконец, прошептала я в панике. Парочка все еще целовалась — на них оглядывались и обращали внимание все, кто проходил мимо. Одна девушка даже излишне громко сказала подружке: «Какая пара красивая! Жених и невеста!». Меня от этих слов перекосило.

Наши знакомые геи, прекратив всяческие попытки качать свои права, под кивок Дэна,

удалились в ту же сторону, откуда и пришли. Мими растеряно пожимала плечами, а Саша что-то спешно ей втирал, разводя руками.

Мой партнер, прекратив сжимать холодные чугунные перила, отпустил руку, коснулся моего запястья и, запоздало ответив, произнес только одно слово:

— Уходить.

И мы ушли. Все по тому же Мосту Влюбленных Дураков, на другой берег, чтобы не проходить мимо счастливых Ника и Ольги лишний раз — особенно сильно этого не хотел Дэн, да и я прекрасно понимала его.

Смерчинский быстро шагал. Я за ним волочилась. Наше настроение бодро падало, соревнуясь друг с другом — какое из них быстрее доползет до отметки «ниже нуля» и вторгнется во владения величественной госпожи Депрессии.

Сначала мы шли очень быстро, молча, хмуро, изредка оглядываясь назад. Потом Мими написала Дэну сообщение о том, что *«Эти противные до сих пор торчат на мосту.»* — он молча показал мне текст сообщения, я кивнула и даже не улыбнулась, увидев слова Элис о том, что она ничем не смогла помочь: *«...милый мой, ты прости меня, но это было внезапно:(Мы растерялись...»*

Только когда мы начали подходить к набережной, и здесь выложенной из синего камня, я начала внутренне успокаиваться и, как следствие, стала бухтеть. Ворчание — одна из черт моего характера, которая порой раздражает даже меня саму.

— Что это было? Как она посмела его поцеловать, эта клуша? Нет, ну вообще… Как так? Мы ведь все с тобой рассчитали! Все должно было быть по плану. Ник должен был быть опозорен в ее глазах. Князева перестала бы воспринимать его как парня. Но нет же… Ты даже собой жертвовал, общаясь с этими Сашей и рыжей истеричкой. Терпел ее приставания… А я ее курево проклятое. А Никита — вот все-таки придурок… Тут к нему честные геи пристают, а он… а она… — я захлебнулась в своих собственных эмоциях. — Решила им доказать. Полезла к нему целоваться! Засосала, как… как насос! Как шланг! Своим противным хоботом. У Князевой кроме троллей в родне еще и слоны ходят. Или муравьеды. Черт! Черт!

— Тише, Чип, — попросил меня Дэн, — на нас люди смотрят.

— По фигу на людей! Пусть смотрят. Как я могу тише? — возопила я и со всей силы пнула камешек, который тут же ударился с веселым стуком о перила, только чудом не попав в ногу важного седовласого дедка в костюме, прогуливающегося с шумными внуками по мосту.

— Осторожней, девушка, — тут же сделал мне он замечание.

— Извините, — пробурчала я. — Случайно.

— Учитесь культуре поведения, дорогая моя, — важно и с чувством собственного отвечал пожилой мужчина. — Россия в ее нынешнем положении требует образованных и культурных своих детей. Вежливость — признак.…

Признак чего, я так и не узнала, потому что он не договорил.

Его внучки, насмотревшись на меня, тут же принялись пинать камешки во все стоны. Один из мальчишек со всей дури ударил ногой по булыжнику и заорал, вцепившись в ступню обоими

руками. Его брат попал камнем в сестричку, самую маленькую из них, и девочка тут же заревела, зачем-то предварительно плюнув в обидчика. Дедушка, причитая, что больше никогда не поведет этих «чертят» на прогулку, тут же кинулся всех успокаивать.

Я, глядя на эту картину, нечаянно издала нервный смешок, кажется, даже слегка злорадный.

— Разрушительница, — покачал головой Дэн, замедляя шаг. Вроде бы, он понемногу успокаивался. Я, наконец, дождалась того радостно момента, когда он открыл рот и заговорил. — Ты сеешь хаос и разруху.

— А все ты виноват, — тут же перевела я стрелки на задумчиво разглядывающего окрестности Дениса, — придумал, блин, еще один гениальный план! Идиотизм какой-то! И зачем я вообще с тобой связалась? Что за глупые планы ты придумываешь? Нееет, они не глупые, они ненормальные! Бичи, бурундуки, контракты, дебильные друзья с дебильными кличками, трансвеститы. Идиотизм! Да эти двое только еще ближе стали. Как бы они там, — я оглянулась на всякий случай — вдруг эти двое все же за нами пошли? — прямо на мосту не легли… ну, ты понимаешь.

— Легли? — с интересом спросил мой спутник.

— Ага. Не маленький, понимаешь. А ведь все из-за твоих планов, дорогой мой, — я вновь кинула на парня красноречивый взгляд. — Это же надо было мне свой последний разум посеять где-то, чтобы связаться с таким болтуном, как ты. Миссия номер один, миссия номер два… мы их разлучим… нам нельзя сдаваться… И что? Бодяга какая-то в результате вышла.

— Мария, пожалуйста, давай, закроем эту тему? — попросил меня, наконец, Смерч, устав, видимо, от моей болтовни. Он замолчал на мгновение, а потом произнес задумчиво, как подвыпивший философ. — А если тебе вдруг захочется полежать так же… я с радостью предоставлю тебе свои услуги. Мы же партнеры. Да? — около уголков его глаз появились стрелки — он сдерживал улыбку.

Началось в колхозе утро — вот и первые дебильные шуточки с подтекстом! В себя наш мальчик приходит?

— Спасибо, вынуждена отказаться, — важно отвечала я.

— Если тебя не устраиваю я, то могу познакомить тебя с кем-нибудь, кто устроит, — очень скромно отвечал Дэн, глядя на меня невинными глазами мальчика-колокольчика. — Ты только скажи, какие у тебя требования к кандидатам «на лежанку». Мы партнеры, во всем будем помогать друг другу.

Будь я сильнее, за такую помощь точно бы ему морду набила. Как мой братишка. Тот все свое детство, юность и отрочество проблемы решал кулаками.

— Сволочь ты все-таки, Смерчинский. А требования… Они должны быть непохожими на тебя, — заявила я. Мы вновь оказались на набережной, на этом берегу уставленной небольшими уютными уличными кафешками, магазинчиками и передвижными лотками со всякой всячиной. Где-то здесь, по словам Лиды, сидела иногда гадалка, которая однажды раскладывала карты ее подружке и безбожно ее надурила — бедняжка до сих пор ждет, как дурочка Ассоль, свои Алые Паруса, разве что к морю каждый день не шастает. Лида часто подкалывает глупышку, а сама ни в какие предсказания не верит.

— Они? — деланно удивился парень. — Тебе сразу несколько надо?

— Иди на фиг, — добродушно сказала я ему.

— Иногда я думаю, — отозвался вдруг Дэн, — поместятся ли все посланные в тех местах, куда их посылают?

— Поставь вопрос по-другому. Смогут ли они достаточно растянуть эти самые места посыла?

Да, это было совершенно не смешно, но мы дружно расхохотались.

Мы оба только что — не побоюсь этого слова — пережили моральное потрясение, хотя готовились к маленькому триумфу. Да кто угодно на нашем месте пережил бы настоящее любовное землетрясение!

Но оба мы, как оказалось, сходились в отношении к неприятностям. И я, и он были оптимистами — к тому радостному моменту, когда мы сошли на берег, мы перестали сильно печалиться и кручинится, хотя в наших душах (если Смерчинский, конечно, свою не обменял у сил зла на свое же нереальное обаяние) остался неприятный осадок. Опять ничего не получилось. Опять мы сами себя обманули. Опять мы остались в пролете, а эти двое опять хорошо провели время, не понимая, как сильно они нас дразнят и раздражают одновременно.

— Знаешь, Бурундук, мне всегда везет, — вдруг своим обычным, слегка задорным, бодрым, вкрадчивым и донельзя приятным голосом произнес Смерч. — Всегда.

— Да? — со скепсисом в голосе спросила я. — Конечно, мы мало знакомы, чтобы я делала какие-то выводы, но… судя по всему, ты неудачник.

— Неудачник — это не про меня, — явно был он не согласен с моими словами. — Всегда везет! Почти, — поправился он. — Но в любви… кажется, в ней удача от меня отвернулась. Только тогда, когда я пытаюсь завоевать эту девушку, везенье убегает от меня, — мои уши уловили грусть в его голосе, и мне неожиданно захотелось пожалеть его, и, даже, может быть, обнять. Естественно, я не кинулась на Дэна с радостными криками, чтобы заключить в объятия.

— Значит, себя ты считаешь счастливчиком? — переспросила я.

— Ага. Вселенная благосклонна ко мне.

— Что, веришь в силу мысли? — прищурилась я, вспомнив известный документальный фильм, посвященный этой проблематике.

— Конечно, — отозвался парень самым разгильдяйским тоном, и я не поняла, шутит ли он, или это правда?

— Серьезно?

— Серьезно, — разгильдяйства в этом милом глоссе стало еще больше. — Как ты думаешь, почему некоторые называют меня Счастливчиком?

— И Лаки Боем, как собачку, — вспомнилось мне. — Ну не знаю. Насчет твоей удачливости… Доказать можешь? — есть во мне тяга к азарту. В детстве меня все постоянно брали «на слабо».

— Могу. А надо? — пожал плечами Дэн. Его, наверное, «на слабо» не возьмешь. Эх, не то, что мой братишка, или Димка-дурак из группы, с которым мы постоянно друг над другом

подтруниваем еще с первого курса.

— Надо.

— Точно?

— Да! — я заупрямилась.

— Видишь автомат? Пошли, докажу, — и он с безразличным видом потащил меня к автомату с игрушками, в котором за весьма умеренную плату можно было вытащить себе приз с помощью управлением крана.

— Да это лохотрон, — у меня лично никогда не получалось вытянуть игрушку, сколько бы я не старалась — а уж в детстве, поверьте, я просто болела этой фигней, сжирающей кровные денежки. — Дэн, не трать на это свои деньги, все равно ничего не вытащишь.

Он, само собой, меня не послушал. Сначала постоял, посмотрел на играющих, которых было в этот воскресный вечер просто завались — девать людям деньги некуда! — потом, минут через пятнадцать, когда мне стало уже совсем скучно, произнес загадочное: «шесть» и подошел к автомату с игрушками.

Через две минуты он с умным видом протянул мне игрушечного музыкального тигренка, держащего в руках большое почему-то зеленое сердце с надписью: «Полюблю всем сердцем» и когда я ошарашено взяла мягкую игрушку, сказал самодовольно:

— Вот, Бурундук, прими подарок и успокойся.

— Спасибо, а тебе он точно не нужен? — тигр мне понравился.

— Если был бы нужен, я бы тебе его не отдал.

— Ну, спасибо, партнер. Тебе говорили, что ты невероятно щедр?

— Да. Но, знаешь, это был плохой пример моей феноменальной удачливости, — сказал он. — Здесь удачу можно рассчитать. Да и сжатие крюка здесь неразболтанное — поэтому и вытащил.

— Но все равно круто! — я оставалась под впечатлением — даже и не думала, что такую большую игрушку можно вытащить из какого-то там автомата. — Я назову тигра в честь тебя и посажу на тумбочку. У него тоже глаза синие.

Он хмыкнул.

— Иногда я буду вселяться в него, и тогда у меня будет возможность подглядывать за тем, как ты переодеваешься в комнате.

— Ты везунчик, может быть, но все равно остаешься не самым адекватным, — рассердилась я, с трудом запихивая большого тигра в рюкзак, который тут же увеличился втрое, и его стало неудобно тащить. Смерч, молча, взял у меня рюкзак, а я опять отобрала его, не дав парню его понести.

— Брось везунчика в воду, и он выплывет с рыбой в зубах, — задумчиво отозвался Денис, явно кого-то цитируя.

— Бросить? Река-то рядом, — тут же обрадовалась я и в шутку толкнула Смерча. Кажется, дурачась, мы забывали о своем сегодняшнем провале. По крайне мере, сейчас точно не помнили о нем — я слишком сильно толкнула Дэна, а он зазевался, споткнулся и чуть не врезался в невысокую костлявую женщину в шикарном платке с хохломской росписью, накинутом на острые плечи, упав на одно колено перед ней, внимательно глядящей на нас своими черничными глазами-буравчиками. В руках женщины был небольшой мешочек из пурпурного бархата, перетянутый золотой лентой.

— Давно передо мной юноши на коленях не стояли, — хмыкнула она. Дэн мгновенно оказался на ногах и галантно извинился — в своих лучших традициях, явно расположив тетку к своей персоне.

— Вежливый, — внимательно вгляделась в него женщина. — Красивый, умный, дерзкий, ответственный. Ветреный только.

— Его все Смерчем кличут, — тут же сказала я, оказавшись рядом с ними, и даже помогла Денису отряхнуть колено от пыли, почувствовав вину — не надо было его толкать. Вдруг бы он на эту тетку завалился бы, сломал бы ей чего? Ну, сомневаюсь, что сломал бы — Дениска наш вроде на кабана не похож, на оленя скорее, но черноволосая тетка с платком явно начала бы качать права.

— Ну и хорошо, — сказала зачем-то женщина. — Смерч так Смерч.

— Наше университетское ветрило, — потрепала я парня по маковке, встав на носочки.

— Чип, перестань, — строго взглянул на меня парень. — Извините еще раз, я случайно.

— Видела я твое «случайно», — кивнула на меня насмешливый взгляд тетка. — Шумная у тебя девочка.

— Буйная, — улыбнулся ей дружелюбно Дэн.

— Нормальная я, — потянула я его в сторону. Справедливо? Ему, как всегда, комплименты, а мне только одно определение: «шумная»?

— Лучше такая, чем та, что сидит давно в твоем сердце, — произнесла женщина туманную фразу, поглаживая красный мешочек чересчур тонкими пальцами, на каждом из которых сверкало под лучами солнца, разноцветные кольца.

— Вы о чем? — спросил Денис удивленно. Я тоже заинтересовалась.

— Лазурная, — односложно ответила тетка. Глаза-буравчики прищурились.

— Ммм? — в недоумении уставился на нее молодой человек.

— Это про что? — подергала я парня за рукав.

— Думаю, он знает, — растянулись губы незнакомки в улыбочке. — Но цвет этот вижу яснее ясного.

— Она о чем? — громким шепотом спросила я у Смерча.

— Не знаю, — отвечал он мне, и глаза у него были удивленными-удивленными.

mir-knigi.org

— Может, она на твоих Мими и Сашу намекает? Типа, они… лазурные, — спросила я и, не удержавшись, заржала, но под острым взглядом тетки затихла, чуть не подавившись смехом.

— Пошли, она мне не нравится. Нам пора! До свидания! — очень громко крикнула я черноволосой женщине, чтоб она, наконец, отстала от нас.

— А удачи у тебя не будет, красивый мой ветерок, потому как не туда ты свою энергию правишь, — с улыбкой на тонких губах, сияющих темно-карминовой помадой, произнесла уже нам в спину женщина.

— В смысле? — резко остановился парень.

— В прямом, — женщина пожала плечами, привалившись спиной к столбу декоративного фонаря. — Раз фортуна машет тебе задницей в каком-то деле, лучше не берись за него вовсе. Оно не твое, утешься чем-нибудь другим. Ею утешься, — кивнула она на меня.

— Вы чего? — возмутилась я. — Я ему не палочка-выручалочка, и не жилетка даже.

— С ней будет весело. Огню с воздухом весело. Оба актины. Подпитываете друг друга, — она зевнула.

— Как вы странно говорите, — Дэн поправил растрепанные волосы и с интересом посмотрел на женщину с явным прогрессирующим приветом.

— Мне нет дела до твоей реакции, ветреный мой, — внезапно улыбнулась ему женщина, показав на удивление белые зубы. — Ты мне понравился искренней вежливостью, да и красив ты, красив, хотя мужчине и не положено быть краше черта, — она мелко захихикала, — поэтому и решила тебе немного помочь. В себе разобраться.

— А, вот как? Спасибо, — кивком поблагодарил ее парень.

— И еще… Не старайся ты так, она все равно знает, что ты лучший, и любит тебя, — вдруг тихим, и каким-то добрым голосом произнесла женщина. Дэн только улыбнулся, но перед этим мой острый взор успел заметить, как его словно окаменевшие плечи едва заметно вздрогнули. Да и улыбка держалась недолго.

— Будь самим собой, парень, — сказала она. — Чего ты живешь, как будто по чужим правилам?

— А можно поподробнее? — поинтересовалась я. Это по чьим он там правилам живет? И кого любит? Это она про Князеву что ли? Точно, он все для нее делает, чтобы быть с ней! Ух ты, крутая тетка, нас насквозь, по ходу, видит! Только… судя по ее словам, гоблин наш Дэна любит что ли? Опа, это правда, или тетка нагло врет? А если Князева любит Дэна, то зачем ей мой Никита?

Нет, нельзя же верить всем ловам гадалки.

— Поподробнее могу посмотреть на Таро, — отозвалась женщина и указала свободной рукой на свой красный мешочек, в котором, по всей видимости, и лежали известные по всему миру карты.

— Так вы гадалка? — уставилась я на нее с восторгом. Наверняка та самая, что Лидкиной подружке гадала. Не может же в одном месте быть сто пятьдесят экстрасенсов? — Круто! Слушайте, а…

— Спасибо за советы, но нам пора, — теперь уже Дэн потащил меня за собой прочь от этой тетки. — Чип, за мной.

— Пора, так пора, — не стала задерживать нас женщина с черничными глазами.

Мы поспешили вперед, и он остановился только через метров сто.

— О чем она говорила? — спросила я как можно более легкомысленным тоном.

— Не знаю, — было мне ответом. — Ты что, веришь гадалкам, Бурундук?

— Во-первых, не Бурундук, а, во-вторых, верю, — ответила я. — Моей маме меня, то есть рождение мое, между прочим, нагадала соседка, а она у нас на картах Таро гадает. За целый год предсказала.

— Она просто-напросто вложила в твою маму программу, по которой ее подсознание стало действовать, — не впечатлился темноволосый парень.

— А эта тетка? Она же тебе про удачу сказала!

— И что? Услышала, как мы обсуждали эту тему, вот и сказала. Ты громко орала на улице, да и я не тихо разговаривал. Чип, ты хоть и выглядишь способной за себя постоять, но иногда бываешь хуже ребенка. Запомни, все эти гадалки — хорошие психологи, не больше. Любую случайно услышанную информацию они могут подать тебе, как угодно, и ты поверишь в их силу. Они хорошие физиономисты — твой характер они просчитают за пару секунд: по глазам, жестам, походке. Среди них есть те, кто способен ввести тебя в транс — и тогда ты сама отдашь им свои деньги. Это бизнес. С жестокими принципами.

— Но все равно, а вдруг она бы мне чего предсказала, — я слегка обиделась на Дэна за то, что тот уволок меня от этой тетки с глазами-буравчиками.

— Что? — Дэн зачем-то оглянулся назад, словно запоминая это место, а потом вновь повернулся ко мне.

— Что-нибудь хорошее, — закапризничала я. — У меня, знаешь ли, жизнь — не медовый пирог. И даже не ватрушка, посыпанная сахарной пудрой. Она у меня, жесткая как позавчерашняя булка без изюма и джема.

— Глупая ты у меня, глупая-глупая. У тебя обязательно будет что-нибудь хорошее, Маша, — ободряюще произнес парень.

— Н-да? Пока что хорошего не так много. То, что Ник начал встречаться с Гоблином — раздражает. То, что у нас ничего не выходит — раздражает. То, что сегодня воскресенье, а завтра вновь будет понедельник — раздражает. Нет, это вообще убивает! Хотя, — я вдруг улыбнулась, — хоть твои планы идиотские, в них весело участвовать. Это единственный положительный момент. Короче, ты забавный. И смешной.

— Отрадно слышать. Мим Дэнни всегда к вашим услугам, леди Бурундук, — он обогнал меня и, скорчив удивленно-радостную гримасу, элегантно поклонился, опустив руки вниз и почти что коснувшись пальцами земли, а потом принялся играть на невидимой скрипке, приветствуя меня.

— Во дурак, а, — только и сказала я. Снять бы его сейчас на камеру, да выложить на сайте

университета, чтобы все потешились новым амплуа Смерчинского.

— Перестань уже, клоун ходячий. Теперь на тебя люди смотрят, — хмуро сказала я Денису. Люди в лице копании девушек лет тридцати с улыбками смотрели на дурачащегося парня. А он, опустив голову, так, что челка закрыла пол-лица, поглядел на меня из-под волос и протянул руку, как будто бы приглашал на танец.

— Чего надо, Сморчок?

— Вашу руку, леди Бурундук.

— Нет уж, без рук. Когда мне в последний раз таким добрым голосом предложили лапу, то Димка Чащин вложил мне в нее искусственного мерзкого таракана с длинными усами, — я содрогнулась, вспомнив резиновое чудовище.

— Интересные у вас отношения с Димкой Чащиным, ты мне столько про него рассказываешь. Нравится тебе? — Смерч выразительно поиграл бровями.

— Нет, естественно, — отмахнулась я. — С ним весело, но он такой придурок порой, страшно аж становится! Такое отчебучить может.

— А вдруг он так с тобой заигрывает? — веселым голосом спросил Дэн.

— Не думаю, Сморчок, — покачала я головой. — У тебя все мысли об одном… Это ты со всеми заигрываешь. Ну что, сваливаем отсюда? — Я увидала дорогу.

— Я провожу тебя до остановки. Прости, сегодня я без байка, — ответил парень. — Прогуляемся заодно. Согласна, Чип?

— Давай, Дэйл, — легко согласилась я. Эх, жалко, у меня не было мистического третьего глаза, и я не знала, что нам лучше повернуть обратно.

Мы остановились перед дорогой, по которой, не смотря на воскресный день, в обе стороны мчались чьи-то личные авто всех марок и цветов, в ожидании зеленого цвета. Дэн все-таки взял меня, как маленькую сестричку, за руку и, махая своей рукой (заодно и моей), повел меня по пешеходному переходу вперед, мимо огромного серого здания МВД.

Мы перешли дорогу и оказались на довольно оживленной улочке с расположенными на ней старыми элитными пятиэтажными домами, называемыми в народе «сталинскими домами» или просто «сталинками». Сейчас первые этажи этих массивных зданий с высокими бельэтажами занимали разнообразнейшие магазинчики, кафе и офисы фирм и банков.

— Кстати, — кивнул на одно из зданий, мимо которого мы проходил, Дэн. — Здесь есть игровые автоматы. Хочешь зайти?

— Так они же запрещены, умник, — вспомнила я тут же. — А в прошлое я не попаду, чтобы там поиграть. Или ты не знал?

— В целях защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, игорный бизнес, то есть деятельность по организации и проведению азартных игр и пари, в том числе с использованием игровых столов и иного игрового оборудования, а также деятельность по прои… — Вновь решил продемонстрировать мне свою великолепную память Дэн, но я прервала

его:

— Эй, хватит мне лечить! Я и без тебя знаю про закон. Так что это за игровые автоматы?

— Это подпольные, — усмехнулся Денис. — Ты же не думаешь, что владельцы таких заведений так просто закроют такой прибыльный бизнес?

— А ты у нас что, убиваешься по автоматам? Игроман? — смерила я его скептическим взглядом.

— Нет, — поморщился партнер. — Просто пришлось побывать здесь однажды с парнями. Раз ты так хотела посмотреть на мою удачливость, можем сходить в это местечко и я тебе докажу.

— Ну, не знаю, — естественно, я захотела. Иногда мое здравомыслие улетало на юг, видимо, на зимовку. То, что мои родители и брат работали в правоохранительных органах, умнее и осторожнее меня не делало.

— Если ты боишься, мы не пойдем, — тут же произнес Денис.

— Не боюсь. Пойдем.

— Точно?

— Точно. А тебя пустят туда?

— Да, меня помнят, — ответил парень.

— А меня? — поинтересовалась я.

— Я за тебя поручусь, — он кивнул мне.

— Что, это местечко содержит твой очередной дружок? — я хитро посмотрела на парня.

— Не-а, знакомая там оператором работает, — легкомысленно отвечал мне мальчик-ветер. — А ты точно туда хочешь?

— Мне интересно, — призналась я. — Да и ты так расхваливал свою везучесть… Хочу проверить, друг мой.

А, может быть, мне просто хотелось еще побыть с ним наедине… Но осознавала ли я тогда это? Думаю, нет.

— Это там, — кивнул Смерч на яркую вывеску «Компьютерный клуб». — Чип, подожди, у меня шнурок развязался.

Мой спутник нагнулся к развязанному шнурку и принялся его завязывать. Потом ему вдруг кто-то позвонил по телефону — оказалось, это была истеричка Элис — я слышала ее противный голос, даже находясь в некотором отдалении от Дэна, разговаривавшего с рыжей довольно вежливо — за «провал» он не рассердился. После, когда мы уже начали подходить к этому злачному местечку, в котором за приличной вывеской, прятались «однорукие бандиты», зазвонил уже мой телефон, и мы вновь остановились — мама интересовалась, когда я буду дома, и успею ли я к ужину? От нее я тоже не могла долго отделаться.

А когда мы все-таки начали подходить к лже-клубу, то были нагло оттеснены от его манящих

дверей здоровенными мужиками в масках, черной форме и с автоматами, которые, как очень дисциплинированный горох из банки посыпались из микроавтобуса. Бойцы ОМОНа решили накрыть «точку» именно в тот момент, когда туда захотели пойти я и Смерч! И как же хорошо, что меня не оказалось внутри в момент «штурма».

Пока работали омоновцы и милиционеры и собиралась толпа любопытствующих, к месту происшествия подъехали журналисты сразу из трех местных телеканалов и принялись снимать происшедшее. Один из журналистов, респектабельный мужчина, которого я часто видал в новостях, стоял со своим оператором недалеко от меня и Дэна.

Он, сосредоточено глядя в камеру, говорил:

— Сегодня сотрудники Управления по борьбе с экономическими преступлениями выявили три незаконных подпольных игровых заведений прямо в центре нашего города. Игорные залы маскировались под видом интернет-кафе. Охрана попыталась оказать сопротивление, из-за чего бойцам ОМОНа пришлось применить силу. В результате было задержано десять работников противозаконных заведений и около тридцати пяти игроков.

В залах изъято довольно большое количество денег в разной валюте — точное количество сотрудникам УБЭП еще предстоит выяснить, игровые фишки и столы, а также рулетки и автоматы.

По версии предварительного следствия, оба незаконных игровых зала принадлежат преступной группировке «Северных… мммм… эээээ…. Блин!!» — неожиданно прервался корреспондент.

— Ты чего? — спросил его толстый меланхоличный оператор, отрываясь от камеры.

— Ничего! Ни-че-го! Развелось этих банд в городе, как собак недушеных. Мы что, плавно скатываемся в девяностые? Северные, Южные… Скоро уже сторон света не останется для названия их ОПГ!

— Южных еще Пристанскими называют, — задумчиво отозвался оператор, — они же с района Южной Пристани, — назвал он один из крупнейших районов города, выстроенный буквально пару лет едва ли не с нуля. Задумывался район как новое прибежище элиты, но в последнее время преступность в нем побила едва ли не все рекорды. Честное слово, там гопников больше, чем у нас!

— Да по фигу мне как они там себя называют. И вообще — трое незаконных? Или три незаконных? Или незаконных в количестве трех? Хренотень какая-то! Мать вашу, идиотская запись!! — неожиданно визгливо разорался обычно спокойный и деловитый по телевизору журналист. — Сколько можно это записывать? Достало! Как все достало! Давай заново! И быстрее, мне надо успеть взять интервью у ментов. Значит, так… Сегодня сотрудники Управления по борьбе с экономическими…

Я потрясла головой, в которой кто-то настойчиво звенел — наверное, мысли-головастики пугались.

— Я в шоке. Что это было? Как так? — стояла я, ничего не понимая. То глядела на журналиста, то на милиционеров, то на спокойного, как мамонт, Дениса. — Где твое везение, Смерчинский?

— На месте. Вот видишь, Провидение сделало все, чтобы мы не зашли туда и не попали под раздачу, — даже обрадовался Смерч, глядя на то, как все те же бойцы вытаскивают из недр

сталинского дома как хозяев, так и гостей запрещенных игральных заведений — а их было очень много, похоже, подпольное заведение было забито ими под завязку. Мы с ним стояли в небольшой, но плотной толпе зевак, оба удивленные случайным совпадением — ведь если бы не шнурки и не звонки, мы бы тоже сейчас находились в объятиях бойцов доблестного ОМОНа. Я представляю, что мне сказали и что сделали предки, когда приехали бы в «обезьянник» и узнали о том, что я играю в азартные игры в злачных заведениях. Наверное, я не дожила до завтрашнего утра — меня бы убивали все семьей, по очереди. А если учесть, что почти все мои родственники работали или работают в милиции или других правоохранительных органах, начиная от того же ФСБ, заканчивая погранвойсками, то мое бедное имя стало бы запрещенным в семье.

— Слушай, я никогда больше ни на какие авантюры с тобой не соглашусь влезать, — медленно проговорила я, глядя на увеличивающееся количество людей в милицейской форме. — Это же надо — всего пара минут, и мы бы спокойно попали бы к ним в лапы. Слушай, Смерчинский, я начинаю ценить время.

— Я давно его уже ценю, — вздохнул Дэн, положил руку мне на плечо и сказал. — Пошли отсюда.

Но уйти сразу нам было не судьба.

— Маша? — раздался вдруг голос, знакомый до зубового скрежета.

Вот блин!

— Папа? — медленно повернулась я и так же медленно отцепила от плеча руку Дэна.

— Что ты тут делаешь? — хмуро глядел на меня родной отец. Я даже не удивилась, увидев его здесь — уже очень много лет папа работает в милиции, в отделе экономической безопасности и дослужился до звания подполковника. На работе он человек жутко дисциплинированный, строгий и жесткий, а вот дома становится белым и пушистым, никогда не спорит с мамой и не на кого из нас не кричит. Его коллеги и друзья по работе только диву даются, видя чудесные метаморфозы папы в родной квартире. В среде естественного обитания, то есть на диване перед телевизором или в кресле за компьютером он становился совсем добреньким, а выпросить в таком случае денег на карманные расходы или отпроситься на ночь в клуб было делом легким и быстрым. Мы с Федором пользовались благодушием папы с самого детства, а когда на нас начинала кричать мама, тут же прикрывались отцом и его разрешениями. Жалко, что из-за своей сумбурной и крайней ответственной работы его частенько не было дома не то, чтобы по вечерам, но даже по ночам.

Да уж, ни разу мы с ним на улицах во время задержаниям им кем-то, не сталкивались. А сегодня…! Что за день чокнутых случайностей?

— А ты что тут делаешь, пап? — тут же задала я глупый вопрос из-за растерянности.

— Я тут работаю, — отозвался родственник и для ясности коснулся собственных погон, на которых виднелись две большие звездочки. — А кто это с тобой? — явно заинтересовался он Смерчем, который в отличие от меня, ничуть не смутился и даже протянул папе руку со словами, произнесенными внятно и ясно:

— Денис Александрович Смерчинский. Студент Государственного Университета, пятого курса Факультета Иностранных Языков.

— Евгений Борисович Бурундуков, подполковник департамента экономической безопасности МВД России, — отчеканил папа, которому понравился четкий ответ Сморчка, крепко пожимая парню руку — Дэн его рукопожатие выдержал, но когда папа произносил фамилию, в его синих глазах явственно мелькнули чертики.

— Кем вы приходитесь моей дочери, Денис Александрович? — поинтересовался отец.

— Другом и пар…

— Заткнись! — выпалила я, потому что поняла — если наш консервативный папа услышит про «партнера», он явно подумает совсем не о том.

— Маша, ну что ты перебиваешь? — осадил меня мягко родитель. — Так что там? Пар? Это в смысле — пар? А, — щелкнул он вдруг пальцами, — парень, что ли?

— Нет. Он мне просто… просто никто.

Но папа меня явно не слышал:

— То-то мне вчера Верочка, — назвал он по имени мою маму, — все уши прожужжала про Машкиного парня. Мол, провожал ее на мотоцикле… Да и Федька трындел… не дали мне «Терминатора» третьего посмотреть. Значит, вы ее парень?

— Молчи, — пока папа рассуждал, тихо предупредила я удивленного таким поворотом событий Дэна. — Никто не должен знать ни о каком партнерстве. Ты знаешь, что обо мне родители подумают?

Брюнет только кивнул. Встреча с моим родным папой не входила в его планы. Да уж, не всегда ему везет, однако. Или ему только рядом со мной не везет?

— Папа, он мне никто!

— Ты можешь не стесняться меня. Я — не мать, — отозвался родственник, продолжая рассматривать Дэна, — все твои отношения одобряю. Хотя у тебя их толком еще и не было.

— Папа! — я, кажется, покраснела.

— А когда вы познакомились? — перевел он взгляд на Смерча.

— На той неделе, — честно признался он — и правильно сделал, ведь пап у меня в какой-то степени феноменальный — умудряется чувствовать, когда его обманывают даже в каких-то мелочах. Интуиция или природная честность не подвели Дэйла. — В коридоре, во время перемены. Разговорились и поняли, что у нас много общего. Потом мы гуляли. Ходили к кафе и в кино. Мария — классная девушка. Мне нравится с ней общаться — она не похожа на других.

Папа расплылся в улыбке, слыша эти бесхитростные слова.

— Ты чего несешь, дебил? — рассердилась я.

— Что ты к нему лезешь? — тут же заступился за него отец. — Пусть говорит. Не врет же.

— Борисыч, — послышался мужской грубый голос папиного коллеги, — ты где застрял? Давай к нам быстрее! Тут из прокуратуры приехали… О, — заметил меня папин усатый и жутко носатый, но очень добродушный коллега и старинный друг, а также дальний родственник, —

дядя Гоша:

— Выросла, Машка, — заметил он меня. — А я тебя на Мосту Влюбленных Дураков видел, когда курил около входа…

— Вот как? — тут же спросил папа, опять окинув Дэна оценивающим взглядом.

— Вот так. Паренек твой?

— Да, — тут же подтвердил папа, ответив вместо меня. — Машин друг. И парень. Сам так мне сказал. Друг и парень, дескать.

Вот блин, привязались! Один видел, второй заметил! Сейчас ко мне что, каждый работник милиции подойдет и скажет что-нибудь по поводу моей скромной, но крайней расстроенной случившимся, персоны?

— Не конфузься, — отозвался папин друг, понимая мое состояние. — У всех пацаны есть, чем ты хуже? Я свою дочку выдал, теперь буду ждать, когда ты замужней дамой станешь!

— Не стану, — буркнула я, смущаясь. Смерч тоже чувствовал себя немного не в своей тарелке.

— Взрослеешь, а мы стареем, — вздохнул дядя Гоша. — Ну, свадебка будет, не забудь того, кто дарил тебе в детстве конфеты и кукол, пригласи уж.

— Посаженым отцом будешь, — громко рассмеялся папа.

— Чего ты несешь? — ткнула я его локтем.

— Борисыч, я тебя жду, короче, с мужиками из прокуратуры. Не место тут твоей Машке с ее пареньком.

— Иду, Гоша, иду, — громко отозвался папа, а нам сказал. — Мне пора, ребята — служба зовет. Преступникам без меня… эээ… нехорошо и не совестно. Что же. Был рад знакомству, — кивнул он Дэну. Береги мою дочку, она…

Я думала, что он скажет что-нибудь в традициях романтического комедийного кино про глупого зятя и жуткого папушу-тестя, когда последний зверски шпыняет бедного парня, и приготовилась уже заржать, но мой отец произнес:

— …она растяпой выросла, вечно влипает в глупости. Проводи ее, что ли, до дома. И в гости приходи. Моя жена просто мечтает с тобой познакомиться. Ты ей понравишься, Денис Александрович.

— Хорошо, — Денис с искусственной улыбкой согласно кивнул папе в ответ. — Я Марию обязательно провожу — это не обсуждается.

— Ну и молодец. И не действуй парню на нервы, — на прощание сказал папа, — не бери пример с матери.

— Ну, спасибо, удружил словцо, — сказала я. А папа сунул мне денежную купюру со словами, чтобы я купила себе чего-нибудь вкусненького.

Папа удалился в гущу тел в милицейской форме.

mir-knigi.org

— Ну что, моя девушка, пошли тебя провожать? — Дэн сказал это ровным голосом, но я прямо-таки чувствовала в них иронию.

— Какая я тебе девушка?

— Какая? Обыкновенная. По крайней мере, так думает твой папа, — расхохотался Дэн. — Он теперь так считает. А я теперь боюсь спорить с подполковником экономической безопасности МВД

Нет, ты видел? Я здесь отца встретила! Я…

— Видел, и даже с ним разговаривал, если ты забыла, Чип, — вежливо напомнил мне, как будто бы я была склеротичкой, брюнет. — Я так и не понял — чем тебе не нравится слово партнеры?

— Всем. Друг — это еще куда ни шло, но говорить моему родному отцу, что мы партнеры — это уже слишком. В его голову, загруженную всяким криминалом, мигом придет одна милая ассоциация на букву «с». — Я фыркнула. — Глядишь, добился бы того, что мама заставила меня сходить…ну, это не важно.

— Может быть, он подумал бы, что мы деловые партнеры? — ямочки на его щеках, появившиеся из-за улыбки прямо-таки манили мои беспокойный пальцы — хотелось ткнуть Дэну в щеку ногтем или ущипнуть за нее…

— Деловые? Из меня деловой партнер, как из тебя пчелка Майя.

Смерч задумался, склонив голову на бок. Ой, ну прямо как песик. И шерстка, то есть волосы точь-в-точь того шоколадного оттенка, как у собаки моей сестры двоюродной… Теперь мне захотелось потрепать его за нос с искристыми синими-синими глазками, впитавшими в себя всю доброту неба.

— Может быть, — сказал он вдруг беззаботным тоном, — но если что — прошу прощения. Ты простишь меня, правда, Мария? — и он скорчил умиленную рожицу, вновь на мгновении превратившись в милого щенка.

— Отвали уже. Можешь меня не провожать, я сама доеду.

— Нет уже, — не согласился парень. — Я с тобой. Девушек, особенно тех, которые вроде как мои девушки, — выделил он местоимение, — я провожаю всегда. Слушай, на каком автобусе до тебя можно добраться?

— На 85, - отозвалась я.

— Отлично! Я давно не ездил в общественном транспорте, — явно обрадовался парень.

— Буржуй, — хмыкнула я.

Ну, по крайне мере, ехать нам было не скучно, а потом наш университетский гений проводил меня до подъезда, и только захлопнутая перед его носом тяжелая металлическая дверь не дала ему подняться вместе со мной до квартиры — парень утверждал, что обязан — особенно после встречи с моим папой-милиционером, удостовериться, что я вошла в собственную квартиру.

— До завтра, болван, — крикнула я ему из-за двери добрейшую фразу. — Спасибо! Придумай новый план!

— Пока, друг-Бурундук, — отвечал Денис. А когда я подошла к квартире, прислал сообщение:

«Я обязательно что-нибудь придумаю, Чип:)»

«Не забудь, а то мы оглянуться не успеем, как эти двое детей заведут», — написала я в ответ и, наконец, вставила в замочную скважину ключ.

Этим теплым воскресным вечером, когда лето полновластно и окончательно заявило свои права, прогнав весну раньше положенного почти что на полмесяца, в моем доме и в моем университете родилась легенда о том, что некая Маша Бурундукова без памяти влюбилась в Дэна Смерчинского, а тот, в свою очередь, обожает ее, как собственную ногу, нет, даже, как отражение.

Естественно, когда я пришла домой, мама была уже в курсе того, что папа встретил меня с каким-то «статным пареньком» на улице (с его слов, мы обнимались, хотя на моем плече просто лежала наглая рука Дэнва), и Федька был в курсе, и его невеста, пришедшая в гости, и мамина подруга, заглянувшая к нам на чаек вместе с дочкой — студенткой моего универа — тоже.

Но их многочисленные расспросы и шуточки были лишь цветочками с тем, что началось на следующий день в университете.

Орел бы с радостью нагладил Смерчу на лоб, а потом с радостным кличем улетел бы подальше в горы, но, увы, моя гордая птица уже не парила высоко в небе — она соблазнилась подлететь близко к сильному ветру и оказалась в плену мощного стихийного явления. Явление это, впрочем, не приносило орлу никакого вреда — лишь укачивало его своими прозрачными руками, не давая упасть.

А начался следующий день самым обыденным образом — я проспала, не услышав звона будильника. Не иначе как у меня на его безмерно раздражающий писк иммунитет выработался. А может быть, был виноват тот прискорбный факт, что я легла спать в половину четвертого ночи, увлекшись очередным сериальчиком, который я с упоением смотрела по Интернету.

Как бы то ни было, из-за того, что я проспала — из-за этого досадного недоразумения, происходившего, впрочем, со мной пару раз в неделю — мне пришлось мобилизовать все свои силы и собраться за пятнадцать минут.

Разбудить меня было некому, так как родители и брат уже ушли, а я сегодня ехала на учебу ко второй паре. С трудом уговорив себя не прогуливать лекции и не поддаваться соблазну соблазнов — остаться дома и наслаждаться сном дальше — я все-таки поступила, как честная ученица и выкатилась из дома, растрепанная, злая и обмяуканная собственным котэ, на чей не кстати подвернувшийся хвост я снова наступила. И, как нарочно, я забыла еще и телефон, который так и остался дома, со вставленным в него зарядным устройством…

В универ я приехала ровно за три минуты до начала лекции. Пронесшись метеором от остановки до корпуса и расталкав на ходу всех прочих спешащих на учебу студентов, я сумасшедшей птичкой взлетела на пятый этаж, где и имел честь располагаться наш факультет Искусствоведения и Культурологи. Я бесцеремонно вломилась в аудиторию на десять секунд раньше, чем в нее величественно вплыла лектор — дама импозантная и царственная, читающая курс Концепции Современного Естествознания, называемого нами просто КСЕ. Странно, но, как и многим другим преподавателям ей не нравились опоздания. Чтобы не

бегать перед очами преподавательницы по ступеням аудитории просто так, я уселась за первую попавшуюся парту, то есть за самую последнюю, если считать от кафедры, и вытащила большую толстую тетрадь со вставными разноцветными листочками, в которой у меня писались лекции сразу по всем предметам.

И только теперь я смогла перевести дух.

Успела. Не опоздала. Теперь можно будет поспать на лекции… Жалко только, что Маринка и Лида далеко сидят — вон их лица виднеются на третьем ряду — вдвоем уставились на меня и рожи корчат. Чего сестренкам от меня надо? Да ладно, еще успеем поговорить, ведь у нас впереди три замечательные пары.

Я вновь обвела заполненную аудиторию сонным взглядом — ага, вот и госпожа Князева! Всегда узнаю ее длинные волосы, рассыпавшиеся по тонкой спине. Сидит чуть выше остальных девчонок и разговаривает со своей неизменной подружкой Региной.

Вот кобыла, а? Ну и как мне теперь на нее реагировать? Нужно взять себя в руки и не показывать вида, что она меня раздражает, как, раздражает посаженного в клетку кота — мышка. А то эта девица, чего доброго, еще догадается…

Наверное, я слишком пристально смотрела на малышку Тролля, и мой взгляд оказался слишком уж переполнен самой негативной энергией из глубин моей души, но Ольга оглянулась назад. Не ясно, смотрела она на меня или просто на задержавшуюся в проходе преподавательницу, выясняющую что-то у старосты нашей группы. Князева, вероятно, и не подозревала, что стала моим врагом номер один и главной соперницей, отвернулась, а я решила, что надо держаться от нее подальше, чтобы не раскрыть себя.

Я развалилась на парте, положив голову на толстую тетрадь, и приготовилась дремать под монотонные слова профессора. Я почти заснула под взволнованную речь о возникновении Вселенной, когда меня в бок кто-то ткнул чем-то острым, умудрившись попасть прямиком меж ребер.

— Эй! Ты чего?? — громче, чем нужно, выдала я. Выкрик был так громок, что даже препод замолчала, услышав его. Естественно, вся аудитория разом повернула головы назад. Я сделала вид, что вопила не я, и тоже развернулась назад. Мол, я в недоумении, кто кричит-то?

— Тише, пожалуйста, тише, — поморщилась прерванный лектор.

— Это кто-то под дверью орал, — с самым невозмутимым видом громко отозвался ткнувший меня в бок Димка, успевший тайным образом перебраться ко мне на последнюю парту, где я в одиночестве пыталась предаться праведному сну.

— В следующий раз, издавший такие громкие звуки, действительно будет сидеть под дверью, — пригрозила преподавательница. — Возвращаемся к нашей проблеме…

— Ты чего пихаешься, дебил? — прошептала я. Так и есть — в пальцах у, загадочно улыбающегося одногруппника была зажата ручка — ею-то он меня и ткнул, не постеснялся.

— Я с тобой здороваюсь, Бурундукова! — отозвался парень, не переставая глядеть на меня и улыбаться. — Специально с другого ряда к тебе перебрался.

Я машинально посмотрела туда, где сидели остальные мальчишки, а они, как я говорила, у нас всегда усаживаются в аудиториях сплоченной кучкой. Сейчас парни не слушали лекцию, а с

большим интересом глядели почему-то в мою сторону. Я кивнула им, спрашивая, чего надо? Они тихонько заржали, а один показал рокерскую «козу». К несчастью для парня, это заметила преподавательница и сухим тоном предложила ему «прекратить заниматься глупостями и все же начать конспектировать»

— Короче, привет, Маша, — опять пристал ко мне Чащин. Голос у него был добренький-добренький, как у доктора Айболита, приступающего к лечению больной зверюшки.

— Я тебя боюсь, Чащин, — я даже поежилась. — Чего ты так на меня уставился? Хватит улыбаться, а то у меня от тебя мороз по коже.

— Ну чего ты, Бурундукова, мы же друзья? — обиделся он.

— Какие мы с тобой друзья, клоп? — обалдела я. — Кто на прошлой неделе стащил у меня конспект по философии? А кто подлил мне спирта в сок, когда я отвернулась в буфете? Про твои постоянные издевки я вообще молчу.

— Этого больше не повторится, — тут же пообещал мне одногруппник, глядя на меня умильными глазами и улыбаясь.

— Теперь я боюсь тебя еще больше, — прошептала я с деланным испугом.

С Димкой я вынуждена общаться постоянно. Ведь мы пересекались с ним еще с первого курса: то вместе на межфакультетских КВНах местного масштаба выступали; то на иностранном языке в одной группе и за одной партой вместе страдали над временами глаголов и залогами, (кстати, до сих пор мучаемся — английский только в конце третьего курса закончится, то есть в этом году); то на улице встречались, ведь, живем мы, к сожалению, в одном районе.

Подозреваю, что Димка парень хороший и добрый, еще точно знаю, что и очень веселый. Только есть в нем что-то такое, что заставляет меня с ним вечно спорить и ссориться. Мы постоянно друг друга подкалываем, перекидываемся несмешными шуточками, попеременно донимая окружающих. Иногда я вижу в нем копию юного Федьки, и в такие моменты желание задушить Чащина становится непреодолимым: так хочется отыграться за все те мучения, что старший брат мне доставил. Если составить рейтинг дум о представителях мужского пола, то сразу после Ника и Федора, скорее всего, занимал почетное третье место именно Дмитрий. Впрочем, в последнее время все мои мысли занял Смерчинский и его идиотский план, поэтому о Чащине я подзабыла. Да что там о нем! Даже Никиту, парня, о котором беспрестанно думала три года, я почти перестала вспоминать!

— Мы с тобой друзья, друзья, друзья, — глядя мне в глаза, как заправский гипнотизер, шептал тем временем парень. Я скорчила непонимающую рожицу.

— Я не поняла, ты чего хочешь? Денег я тебе не дам, а домашку по английскому на завтра еще не сделала.

Насколько мой мозг помнит, у нас с Димкой общая беда — проблемы с выполнением домашних заданий на семинары по английскому. Думает, что я ее выполнила? Наивный.

— А мне и не надо. Пока не надо. Ты помнишь о протекции? — широко, как лягушка, улыбнулся одногруппник.

— Какой?

— Обычной, — и, наклонившись ко мне, он зашептал дурашливо, но с серьезным выражением лица. — Короче, тут ребята с иняза говорили с утра, что ты реально со Смерчем встречаешься. Что, правда? Парочкой стали?

— Э, что за бред? — толкнула я его локтем. Чащин же продолжал свою речь.

— В общем, тут уже все в курсе ваших амуров. Я тебя поздравляю и все такое… Слушай, Бурундукова, давай забудем все наши размолвки, и станем хорошими друзьями. Ты же любишь протесты? Вот мы и опровергнем слова, что между мужчиной и женщиной не может быть дружбы, — голос однокурсника стал более серьезным, даже деловым, как у продюсера звезды шоу-бизнеса, уговаривающего капризного подопечного сняться в рекламе обнаженным. — Говорят, у Дэна со всеми преподами на инязе отношения гудовые…

— Какие? — не поняла я.

— Гудовые, — потрудился объяснить слово странного происхождения Димка, наклоняясь еще ближе, — ну, значит, хорошие — от слова «good». И с нашей англичанкой тоже. Короче, пусть нам твой Дэн поможет сдать в этом году экзамен по ин…

— Чащин, ты выпил? — оттолкнула я от себя парня, сильно уж прильнувшего к моему плечу. — Что за странные слухи? Какая еще парочка? Что ты несешь?

— Тише, — поморщился одногруппник. — Препод услышит.

— Чащин, — понизила я голос до хриплого взволнованного шепота, — какой кретин сказал тебе, что мы встречаемся?

— Сегодня с утра многие об этом говорили. И кааак говорили… — Димка единственный из моих знакомых, который умеет гадко ухмыляться. Только вот если встречаешь это слово в книге, то кажется, будто бы ухмылка — атрибут самодостаточного и рокового сексуального красавчика-мужчины, чья жизнь полна таинственных загадок, а на деле — это довольно-таки обидная гримаса-насмешка, невербальным образом сообщающая: «Ну, ты и дура». И ничего красивого или загадочного в ухмылке нет!

— Перестань так лыбиться, я же сказала! Ты меня пугаешь. И о чем говорили? — спросила я, снова устраивая голову на тетради и, глядя на него теперь снизу вверх. Вечно Чащин всякую фигню несет — любит меня донимать. Я, впрочем, ничем не лучше.

— Ну, ты и тупица, — покачал коротко стриженной головой Димка. — Конечно же, о том, что ты с Денисом Смерчинским встречаешься. Я же сказал.

— Я не встречаюсь с ним, — я еще больше растерлась. Похоже, он не шутит.

— Говорят, вы ходите на свидания и все такое прочее, — не отставал от меня Димка. — И в пятницу вы обнимались в коридоре. Мы с пацанами видели, чуть со смеху… кхм…удивились, короче, — поправился он. — Так вы что, официальная парочка? Да?

— Нет. Да кто конкретно такую ерунду сказал?!

— Друзья Дэна, — будничным тоном произнес парень. — Те самые, с которыми он все время общается.

— Черри что ли и этот, полунорвег? — удивилась я несказанно. Эти двое что ж, получается,

пришли в университет, чтобы поделиться своими, без сомнения, умными мыслями со всеми окружающими идиотами, которые только и ищут поводов для сплетен, не зная, чем занять себя на парах? Но Дэн сказал же, что эти два парня — его лучшие друзья, вернее, входят в пятерку таковых — и что он им доверяет

— Полунорвег? — в свою очередь изумился Чащин. — Это кто? Я такой клички раньше не слышал ни у кого.

— Так это не кличка, — пояснила я, старательно рисуя на парте цветочек, не поднимая головы все с той же тетради.

— Фамилия? — почесал затылок Димка. А еще мне говорит, что я тупица. Сам недалеко ушел.

— Это народность, — изрекла я. — А зовут этого перца Лан… Лон… Лен… Я не помню, короче. Так, значит, Черри и человекошарф сплетничают? Хороши у и Смерча друзья, ничего не скажешь.

А сами притворялись, что помогали. Ненавижу предателей.

— Я таких не знаю. Ни Черри, ни шарфа, — отвечал Чащин задумчиво. — Это другие его друзья говорят — из его универской компании. Ого, Бурундукова, — блеснули у Чащина глаза, — да ты лучше всех нас о его дружках-приятелях осведомлена! Не зря, не зря сегодня с утречка все болтают, что у Лаки Боя появилась постоянная подружка!

— Что у тебя за блеск в глазах? Ты не только выпил лишнего, так еще и наркотиками побаловался? — нервно поинтересовалась я, автоматически постукивая ручкой по парте. Сокурсник без слов выдернул ручку у меня из пальцев — его раздражал звук. А я тут же стала теребить твердый край своей тетради.

— Это блеск азарта, — ничуть не смутился Дмитрий, не отводя своих темно-карих, почти черных, глаз от меня. Странное дело — сам русоволос (я такие волосы, как у него, обычно светло-коричневыми называю), а глаза почти черные, зрачка даже не видно. — И радости за мою подругу Машу. Такого чувака себе отхватить — это надо умудриться! Но я за тебя рад, весьма-весьма, — Димка даже по спине меня похлопал. — Так что, поговоришь со своим бойфрендом насчет английского и протекции!

— Иди ты, — отмахнулась я от Димки — меня сейчас занимал совсем не английский. — И только попробуй еще раз сказать, что он мой бойфренд, слышишь? Мы просто немного пообщались, вот и все.

— Да не стесняйся ты, — по-своему понял мои слова глупый Чащин, не сводя черных глаз с моего встревоженного лица. — Я тебя уже три года знаю. Можешь мне доверять.

— Если не отстанешь со Смерчинским, я доверю моему кулаку пообщаться с твоей печенью, — в конец разозлилась я. — Хватит меня дразнить, иди-ка ты обратно к парням.

Димка заупрямился и с места не сдвинулся. Сначала он доставал меня Дэном, без конца повторяя, что о наших якобы отношениях уже все знают, и мне незачем это скрывать, и ему тоже незачем, и что всем интересно, почему среди прочих своих девчонок, в «подруги жизни» он выбрал именно меня.

— Вы как познакомились-то? — не отставал одногруппник. — Он с тобой или ты с ним? Ты его реально любишь? А он тебя? Какие у вас отношения? Расскажи все своему лучшему другу.

Дмитрий Михайлович выслушает тебя и поймет.

— Дмитрий Михайлович лучше бы варежку прикрыл, — продолжала я некультурно выражаться, — и перестал повторять чушь и вранье.

— Не будут же друзья Дэна врать, — заметил он, вовремя убрав ногу, чтобы я не двинула его по коленке от переизбытка чувств.

— Будут! — ничуть не сомневалась я. — У него все дружки чокнутые.

— Так ты с ними уже знакома, да?

— Нет.

— А так говоришь, будто всех знаешь.

— Я делаю вывод на основе закона подобия, Чащин. Я знаю только двоих, нет, даже троих… четверых, — вспомнила я Славу и парня, приглашавшего Дэна на загадочный квартирник в пятницу.

— Да уж, сделаешь ты выводы… Эх, жалко, сам Дэн еще не пришел в универ — он будет только вечером. Придет к своему научному руководителю насчет курсовой работы. Слышь, Бурундукова, а вы уже целовались? — с немалой долей интереса спросил парень.

— Отвянь, убогий, — прошипела я и все-таки стукнула Димку по ноге. Он обиделся, отвернулся, но не пересел, а стал что-то рисовать в тетради, как и я, игнорируя лекцию. Я же вновь завалилась на парту, обдумывая происшедшее. Изредка на меня кто-нибудь оглядывался и начинал хихикать. Это жутко меня раздражало, но ничего поделать я не могла. Это какой сволочи понадобилось распустить про меня и Сморчка гнусный слух? Думаю, все-таки это сделал не он сам — как-никак мы договор заключили — да и не в его интересах всем объявлять о том, что мы как будто бы пара. Мы — партнеры, в интерпретации Смерча — «Чип и Дэйл», у которых есть общая цель — разлучить Никиту и Ольгу Князеву. Вон, кстати, она сидит и старательно записывает все о чем говорит лектор. Строит из себя паиньку, как будто это не она вчера вцепилась в моего Ника своими худосочными лапками и стала целовать так, словно оголодала, а во рту у него пыталась найти еду… От таких мыслей мне поплохело и даже чуточку затошнило — мерзкая какая-то ассоциация, противная. Но что поделаешь, гоблино-тролль Князева не самая приятная и милая девочка, хоть и кажется таковой.

Жаль, жаль, наши планы, казавшиеся поначалу такими грандиозными, не срабатывают, но ничего, впереди еще много времени, по крайне мере, оно есть до середины июня, пока у нас не кончится зачетная неделя и экзамены. И все эти дни я проведу с пользой! Устрою славной паре настоящую пытку!

Жаль, правда, что летом, когда начнутся каникулы, ничего происходить не будет — каждый июль Ник уезжает к морю (да-да, я многое о нем знаю!). Главное, чтобы он с собой Князеву не позвал, а уж куда она денется в июле и в августе, я понятия не имею. А потом можно будет продолжить и в сентябре… Нет уж, никакого сентября — уложимся за май-июнь. Смерчинский, несмотря на свою напыщенность и бытовую туповатость, парень все-таки умный, не зря на Олимпиады ездит и всюду университет представляет, он, наверняка, что-нибудь придумает. Да и я никогда не жаловалась на плохую фантазию.

Можно будет, к примеру, сделать так, что на Князеву, во время очередного свидания, желательно вечернего, когда парочка будет находиться на темной аллейке, нападают бандиты

в черных масках и утаскивают ее, ударив Ника. Нет, Ника пусть лучше просто держат, а Ольге морду начистят. Черт, Смерчинский не согласится.

Или нанять за умеренную плату — Смерч заплатит, он как-никак мужчина — кого-то, кто сыграет роль гадалки, и пусть она подойдет к этим двоим и предскажет что-нибудь, такое «до-о-оброе». Мол, останетесь вместе, ребята, и вас ждет беда страшная, родится у вас второй Гитлер… разрушит страну, и ваши молодые души погубит, а вот если прямо сейчас расстанетесь, то судьбы ваши будут счастливыми…

А еще можно напоить Ника и положить в одну постель с девушкой какой-нибудь (я от такой роли не откажусь!), сфотографировать всю эту красоту и показать фото Гоблину. После такого, она наверняка бросит Кларского, но тогда мой любимый будет выглядеть не слишком хорошо, тогда как моя одногруппница сохранит за собой светлый и чистый образ девушки, предательски обманутой противным мужланом. Лучше уж ее напоить, раздеть и уложить в одну постель с Дэном — он явно не откажется, а потом сфотографировать и показать снимки Кларскому. Он тогда и бросит ее.

Этот вариант мне нравится — надо будет о нем Смерчу рассказать…

Пока я думала о возможных вариантах нашей совместной со Смерчем деятельности по устранению любовных отношений между Олей и Никитой, Димка все так же задумчиво сидел около меня, изредка поглядывал и что-то продолжал чертить в своей тетради, закрывшись от меня. Я пару раз порывалась посмотреть, что он там творит, но Чащин только отмахивался от меня. Он так и не поверил мне, что мы с Дэном не встречаемся.

И кто только такие идиотские слухи распускает! Убить мало этих говорунов.

Как только закончилась пара и, недовольная нашим поведением, преподавательница еще не успела, спуститься с кафедры, как я оказалась около подружек, благополучно миновав Князеву и даже ни разу не обернувшись на нее. Подружки-сестрички уже ждали меня.

— Ну, и каково это? — поинтересовалась вместо приветствия Маринка, изучая меня с самым серьезным видом.

— Что — это? — спросила я. — Привет, кстати, детка, почему не здороваешься?

— Привет-привет, — угрожающим тоном произнесла Лида, оказавшись рядом со мной. — Вот, значит, какая ты врушка.

— Ай-ай-ай, — нараспев произнесла ее кузина, поправляя волосы.

— В смысле? Девчонки, вы чего?

— Да так, ничего, — дернула плечом Лида.

— Мы у тебя все выходные выспрашивали — что у тебя со Смерчинским, — обиженно поджав губы, как всегда, накрашенные темной помадой, сказала Маринка, — а ты…

— А ты нам лапшу на уши вешала — вы не встречаетесь, между вами ничего нет, — обиженно произнесла Лидия.

— А, оказалось, — подхватила вторая девушка, — что вы встречаетесь, и весь универ в курсе этого, а мы с Мари, твои лучшие подруги, вообще ничего не знаем!

— Да не встречаемся мы! — взвыла я. — Вы-то хоть глупости не несите!

Подружки, действительно, все выходные, атаковали меня своими безумными расспросами относительно моих отношений с Дэном, но я терпеливо объясняла им, что между нами ничего нет! Про договор я им не сказала, хотя и очень хотела это сделать. Однако я осталась верна собственному слову, данному Дэну. У меня есть один принцип, унаследованный, видимо, генетически (если такое возможно) от папы — никогда не нарушать данное слово, если дело идет о серьезных вещах. Может быть, мне никогда не хватало дипломатичности, как Марине или умеренности, как Лидии, но зато я была надежной — по крайней мере, я считаю так.

— Мы тебе столько смсок послали сегодня, — укоризненно покачала темноволосой головой Лида. — А ты нам даже не ответила, все с Чащиным трепалась.

— Я телефон дома забыла, — виновато развела я руками.

— Начинается, — устало вздохнула подруга. — То ты его теряешь, то забываешь, то ломаешь, то у тебя нет денег, то ты посеяла зарядку, то ты утопила его в реке.

— Она его еще в молоко роняла, — вспомнилось Маринке совершенно некстати.

С телефонами у меня особенные отношения, а с сотовыми мне особенно не везет. С ними в моей жизни случалось все, что только, кажется, могло, кроме одного — их у меня никогда не крали, зато я от них избавлялась сама с пугающей легкостью и слоновьим изяществом.

— Я нечаянно забыла, проспала.

— Тогда объясни нам, деточка, почему все вокруг с утра трепались, что ты встречаешься с Дэном? — потребовала Маринка. Прочие одногруппники подозрительными кучками сгруппировались поблизости, навострив ушки. Похоже, и они слышали сплетню обо мне и Дэне. Им было интересно, а тот факт, что ребята учились на Факультете Искусствоведения и Культурологи, пусть даже на специальности «реклама», появившейся на этом факультете только для поднятия престижа, не подсказывал им, необходимость соблюдать правила приличного поведения в обществе. Ну или хотя бы не подслушивать чужие разговоры.

— К нам даже его друзья прибегали перед лекциями, — добавила Лида, — на тебя посмотреть.

— Э?

По словам подружек и начавших потихоньку включаться в разговор прочих ребят, выходило, что во время перемены, когда я тряслась в автобусе, мысленно умаляя его ехать побыстрее, очень уж мне не хотелось опоздать, раз уж я уговорила себя подняться с постели, к аудитории, в которой проходила пара КСЕ, подошли две миловидные девушки и рыжеволосый парень. Эти ребята учились на четвертом курсе в одном потоке со Смерчем и были теми счастливчиками, которые имели возможность называться его друзьями. У Дэна очень много знакомых и приятелей (считай, легионы их), которые его буквально обожают, но не все из них могут называться теми, кто входит в близкий круг общения этого обаяшки. Перестав перешептываться с парнем, одна из девушек обвела внимательным взглядом ждущих, когда же откроют аудиторию, ребят-искусствоведов, и спросила:

— А где я могу найти Машу Бурундукову?

— А кто вы? — спросила тут же Маринка, заподозрившая неладное.

— Я друг Дэна Смерчинского, — вместо нее ответил молодой человек. — И они тоже — подруги.

Услышав знаменитое в наших университетских стенах имя, одногруппники заинтересованно повернулись к «гостям».

— И что вы хотели? — спросила Лида в недоумении.

— Увидеть Марию, — не стали скрывать девушки.

— Нам интересно, кто это, — признался рыжеволосый парень с улыбкой. — И мы хотели бы с ней познакомиться. Ее что, нет?

— Машки нет, она, как всегда, опаздывает, — сообщил удивленный Димка, тоже подошедший к незнакомым студентам. — А зачем вам с ней знакомится-то? Она вам какую-то бяку сделала? — парень прекрасно знал полудетский характер сокурсницы: то вспыльчивый, то игривый.

— Скорее уж Смерчу, — хмыкнул рыжий. — Стала его девушкой.

У Чащина брови на лоб полезли от такого заявления, да и не только он был удивлен.

— Кто? Бурундукова? — заговорили одновременно студенты. — Да ну!

— А вы-то чего пришли? — спросила Марина, которая с пятницы подозревала подругу в тайных отношениях со Смерчинским — слишком уж странным показалось ей поведение Маши в пятницу.

— Дэнни ее от нас скрывает, — пояснила девушка, разочарованная, что та, ради которой они поднялись на пятый этаж, отсутствует.

— Скрывает? — подивилась вся группа, и едва ли не каждый принялся солировать вопросами, талантливо превращая общий гул в стройный оркестр любопытства. — Она? Зачем? Как? Почему?

Пришедшие девушки и парень, естественно, не поленились дать полный и развернутый ответ: Маша и Денис встречаются. Ходили в кафе для влюбленных. Гуляли по мосту МВД — на том самом, куда почти все парочки на первых свиданиях бывают. Он покупал ей мороженое и обнимал. Они держали друг друга за руки и играли в «догоняшки». Он ей поддавался, чтобы не обидеть. И вообще очень нежен с ней. Не гнушается просить прощения. При этом парень не забыл добавить: «Хотя не в его характере обижать девушек. Даже не знаю, за какие такие грехи он вымаливал ее снисхождение». Она смотрит на него с восхищением. Да, они — пара, но Дэн не хочет, наверное, чтобы об это знали. Не говорит друзьям, наверное, стесняется, знает, что все заинтересуются его отношениями. Но им так любопытно, да и тайное всегда явным становится.

— Поэтому и вы не говорите никому об этом, хорошо? — некстати попросил рыжий. Одна из его подруг насмешливо покосилась на него и сказала:

— Да об этом уже все знают, о чем ты?

— Лишняя капля в море не заставит его выйти из берегов, — с философским видом подхватила и вторая подруга Дэна.

— Как все знают? — охнули разобиженные Маринка и Лида, для которых новость о том, что Мария забыла-таки своего Никиту и встречается не с кем-нибудь, а с местным принцем, была очень уж неожиданной!

— Вот лгушка, — тут же стала придумывать для Бурунуковой разнообразнейшие наказания Марина.

— Мы ничего не знаем об их отношениях, — добавила Лида. — Вы уверены, что они встречаются?

— Бурундукова ни с кем не может встречаться, — легкомысленно добавил и Димка, — это же Машка. Машка! Она у нас… феминистка и пацанка.

— Заткнись! — рявкнула на него Лида.

— Будто это неправда, — буркнул парень и отправился к другим парням.

— Когда Маша придет, можете ей сказать, чтобы она подошла после четвертой пары к выходу, — попросила вдруг одна из девушек. — Обязательно!

— Зачем? — изумились мои одногруппники, чуявшие, что теперь им есть о чем поболтать и над чем похихикать.

— Да так, — загадочно сказал парень, — очень нужно. И при…

На этом месте Лида неожиданно закруглилась. Сейчас мы втроем находились в женском туалете около раскрытого окошка — я уволокла подружек из аудитории туда, чтобы не слышать хихиканья однокурсников и не видеть их ухмылочки.

— Что при? — не поняла я.

— И привет тебе просили передать, — вдруг улыбнулась мне Маринка. Глаза ее при этом были честными-честными, как у переевшей курятины лисички.

— Да, привет тебе, — подхватила Лида. — И сходи туда на большой получасовой перемене.

— С чего вдруг? — нахмурилась я, до сих пор находясь под впечатлением от того, что меня считают девушкой Сморчка. Позвонила бы ему и высказала бы все, что думают о нем его друзья, да жаль телефона нет, а его номер наизусть я не помню.

— Ну, они же попросили. Нехорошо отказывать людям, — было мне ответом. — Нужно быть вежливой и понимающей.

— Чего? Ты сама-то поняла, что несешь? — спрыгнула я с подоконника и подозрительно уставилась на темноволосую девушку. У обеих кузин волосы длинные и темные, а фигуры едва ли не одинаковые — со спины их немудрено и спутать.

— Ладно, нам в аудиторию пора, через минуту звонок, — поторопила нас Маринка к выходу. — А можно мы теперь будем Дэна зятем называть? Все же мы твои мамочки.

— Никогда не думала, что Смерч будет моим зятьком, — проворковала Лида.

— Вы больны? — пожалела я подруг от души.

mir-knigi.org

Они схватили меня под руки и, заржав, потащили на лекцию, обсуждая, какой милый у них зятек вырисовывается.

— У нас. Ничего. Нет!! Девчонки, я серьезно. Мы просто общались немного, вот и все! Какой зятек? Вы офонарели? — вопила я громко, и из-за этого на меня обращали внимание студенты, ошивающиеся в коридоре. Среди них находился и один из друзей Смерчинского, тот самый Слава, которого я видала в пятницу. Заметив меня, он приветливо помахал рукой и гаркнул на пол-этажа:

— Привет, подружка Смерча!

Стоявшие рядом с ним девушки в белых халатах — невесть, как забредшие к нам химики или биологи, ахнули и тут же стали наперебой выспрашивать у парня, облаченного все в тот же спортивный костюм:

— У Дэна что, есть подружка? Настоящая?

— Они давно встречаются?

— А я и не знала!

— Слав, это правда, что ли?

— Ага, — односложно ответил он им, и девушки удивленно уставились на меня, явно пытаясь запомнить лицо.

— Да ты скоро станешь популярной, доча, — промурлыкала Маринка.

Вот так вот я и была втянута в механизм создания слухов, втянута невольно и совершенно наглым образом — невидимая рука коллективного бессознательно не хотела оставлять меня в покое, решив, что мне понравится чувствовать на своей шкурке пристальное внимание любопытствующих, коих вокруг было полным-полно.

Мы вернулись в аудиторию и уселись вместе. Я искоса взглянула на Князеву — как ни странно, сейчас я перестала относится к ней плохо, как, скажем, вчера или сегодня утром — ведь она одна из немногих не лезла ко мне, не шушукалась, глядя на меня с любопытным выражением лица и вообще вела себя адекватно. Не общалась бы еще с Ником — цены бы девушке не было!

Кажется, Ольга вновь почувствовала мой пристальный взгляд и вновь обернулась на меня — теперь мы находились неподалеку и наши глаза встретились. На мгновение мне стало нехорошо — очень уж холодно смотрела на меня Князева, по-взрослому, задумчиво и оценивающе. В ее взгляде не было той детской максималисткой ненависти, что была присуща мне.

У меня появилось такое чувство, что мы с ней находимся на одном уровне неприязни, и не только я чувствую в ней соперницу, но и она видит ее во мне, а теперь оценивает свои силы и возможности, чтобы нанести удар.

На миг я похолодела. Она знает о том, что мне нравится Никита? Знает о том, что мы с Дэном пытаемся разлучить их? Она видела меня? Заметила?

Но вдруг Ольга улыбнулась и, не меняя, взгляда, помахала кому-то. Я обернулась и увидела, что Князевой в ответ машет староста группы, только что пришедшая на учебу (вот старосты

неответственные пошли, а?). Значит, Тролль смотрела не на меня, а на старосту? У меня чуть-чуть отлегло от сердца, но я все же взяла на заметку это непонятное происшествие. Следует изучить поведение Ольги, мало ли что… Потом позора не оберешься!

— Так что там с протекцией, Бурундукова? — стал опять приставать ко мне Димка.

— Отвяжись, чума, — откликнулась я, порядком устав, как от назойливого Чащина, так от внимания однокурсников. — Никакой протекции. К сожалению, я Смерчинского едва знаю.

— Ну что ты всем врешь! — обиделся парень. — Это твое новое хобби?

— Слушай, ты, если тебе так нужна протекция по английскому, иди к Смерчинскому и стань его девушкой сам! — заорала я, услышав про эту протекцию в сто пятый раз — дело было уже на следующей перемене. Мы перебрались в другую аудиторию.

— Что ты на меня слюной брызгаешь? — спокойно отозвался Димка. — И почему ты такая злая?

— Ах ты, добряк! Хряк!

— Что ты сказала? — возмутился парень и для порядка ткнул в меня все той же ручкой.

— Хряк! — взвилась я, и так нервничающая весь день. — Хватит меня задирать!

— Что, своему бойфренду расскажешь? — нежным-нежным голосочком спросил у меня Чащин.

— Ну все, ты покойник, — вскочила я на ноги.

В результате мы, как в старые-добрые (хотя, какие они старые, какие добрые?) времена стали бегать вокруг кафедры: он от меня, я за ним. Естественно, со звуковым сопровождением.

— Хорошо, что в этом мире есть что-то вечное. Эти двое всегда ссорятся, — услышала я голос одногруппницы, пробегая мимо первых парт.

— Да уж, — согласилась сидящая там же староста. — Двое из ларца, только пола разного.

Вот же дуры, а? Только сообщить им об этом я не успела. В аудитории появились новые действующие лица.

— Народ! — раздалось громкое от двери. — Здесь Мария Бурундукова учится?

На пороге появились сразу четыре девушки: три из них были крашенными блондинками, и лишь одна могла похвастаться миру черными, как уголь, волосами. Всех девушек объединяла миловидность, довольно-таки откровенные наряды и отсутствие улыбок на ухоженных лицах.

— Здесь, — подтвердили одногруппники, сидевшие на верхних рядах. Решили, что это новые друзья Смерчинского.

— Где? Покажите ее, — потребовала брюнетка, всматриваясь вниз.

— Светловолосая, с короткой стрижкой. Ну, та, которая в голубой кофте, с капюшоном и карманами-кенгуру, — тут же поведала сокурсница Регина Каримова — подруга Ольги, кстати. Да и сама Князева теперь сидела тут, откинувшись спиной набирая кому-то сообщение. На девушек она даже не оглянулась.

mir-knigi.org

— Вон та, — услышала я голос одного из парней-сокурсников, объяснивших мое местонахождение намного проще. — Которая бегает.

Я остановилась, явно обидев этим улепетывающего Дмитрия, и задрала голову вверх с самым независимым видом. Это кто еще приперся по мою нежную душу?

— Та? — спросила брюнетка, уставившись на меня. — Вон та?

И, не стесняясь, ткнула в меня пальцем. Я тут же уперла руки в боки. Что за невежливость? Кто это такие? Очередные подружки Дэна из клана его френдов?

— Она самая, — подтвердила Регина, тоже не понимая, что нужно девушкам. Опять все присутствующие в аудитории, проявляли ко мне повышенный интерес, а это нервировало, очень нервировало!

— Так вот ты какая, Маша Бурундукова, — покачала головой брюнетка, потирая руки с огромными наращенными ногтями ядовито-салатового цвета — мне так и хотелось назвать их когтями.

— Таааань, я не понимаю, почему она, — услышала я голос одной из блондинок, до ужаса напоминающий мне капризные интонации Мими.

— Да я сама в шоке! — отвечала Таня, наблюдая, как я, засунув руки в глубокие карманы кофты, иду к ним. — Ни фига у него подружка! Не фонтан, конечно.

— Я думала, у него будет кто-то… грандиозный, — всплеснула руками, увешанными золотыми браслетами одна из ее товарок.

— Эй! — крикнула я им, оскорбившись — поняла намек. — Что хотели? Эй!

Ответа я так и не получила. Девушки, которых я в уме успела прозвать «шалавами местного значения», не стали дожидаться, пока я дойду до них и предложу поговорить наедине, и, еще раз кинув на меня то ли презрительные, то ли гневные взгляды, удалились восвояси.

— Что за монашки решили посетить нашу скромную обитель? — сама у себя спросила я, дойдя до того места, где стояли девушки.

— А я же говорила, что Фан-клуб Смерча будет в негодовании! — радостно сообщила мне Маринка, оказавшись рядом со мной.

— У него есть Фан-клуб? — заинтересовались остальные девчонки.

— Нет — значит, создадут. У него поклонниц много, — легкомысленно отвечала Марина. — Но моя доченька, — она обняла меня за шею и заботливо прижала к себе, показывая, какая она хорошая мама, — не допустит этого. Эх, какой у меня зять шикарный!

— Что-то я им не особо понравилась! — отцепила я ее от себя, продолжающую что-то верещать про наши лже-родственные отношения. — Вот блин, пришли, настроение только испортили. И так на нуле…

— Не обращай на них внимания, — вдруг отчетливо услышала я спокойный, нежный и женственный голос Князевой — и он вдруг напомнил мне лирико-драматическое сопрано, таким, между прочим, партию Пушкинской Татьяны исполняют. От звуков Ольгиного голоса я

mir-knigi.org

даже вздрогнула.

— А? — в некотором недоумении уставилась на нее я.

— Думаю, они успокоятся, — не поворачиваясь ко мне, сказала девушка, а затем, откинув тяжелую светлую прядь своих длинных, не в пример моим, волос, обернулась в мою сторону и улыбнулась. Искренне, между прочим, как старой подруге, которую давно не видела.

— А, ну да, наверное, — с этими словами я поспешила вниз, ощущая неловкость. Я вроде как, получается, желаю нашему милому Гоблину зла, парня отбить хочу, а она меня жалеет.

Следующая пара, посвященная рекламе в социокультурной сфере, прошла быстро — препод-дурак диктовал теорию так быстро, словно спешил куда-то в дальние страны, да и кончилась она на полчаса раньше — Игорь Аркадьевич куда-то жутко спешил. Он попросил нас сидеть тихо, зачем-то пожелал удачи и поспешил уйти. Следом за ним убежали и многие наши одногруппники

А я с девчонками и еще с энным количеством людей остались в аудитории — кто-то болтал, кто-то уставился в экран ноутбука, кто-то списывал. В том числе и я — домашнее задание по английскому, оказавшееся вдруг у старосты. Димка сидел рядом со мной, толкался локтями и тоже со скоростью самописца сдувал задания.

— Вот же нам повезло, — комментировала я довольным голосом, — что у Женьки сегодня «энглиш» сделанный с собой есть. Завтра к нам англичанка не придерется!

— Да уж, — был на удивление согласен со мной парень. — И дома можно не париться.

— Не тебе, между прочим, делали, — сказала зачем-то Лида, глядя на нас с улыбочкой. Она вместе с сестрой училась в другой группе по английскому — в средней. Всего в нашем потоке таких групп было три, а распределили нас туда еще на первом курсе, в зависимости от результатов теста. Мне посчастливилось попасть в самую слабую — там я и мучилась до сих пор.

— Отстань, — отозвался Чащин, не обратив на ее слова никакого внимания.

После того, как я переписала домашнюю работу, я с умным видом принялась убеждать оставшихся одногруппников (и фактически убедила!) в том, что мы со Смерчинским просто приятели. В это верили неохотно, и, подозреваю, сожалели, что слухи не соответствовали истине — ведь в таком случае в нашей милой группе появилась бы милая тема для болтовни под названием «А наша Маша…». Но мне обломали всю малину — в аудитории некстати появилась незнакомая мне девушка со светлыми распущенными волосами до пояса и с горящими глазами, а также неспешно бредущий за ней Слава.

— Маша! — воскликнула девушка — та самая, что приходила по мою душеньку утром, и не нашла меня. Однако пока что я этого не знала. — Ты ведь Маша?

Я молчала, готовая, в случае «наездов» на собственную и горячо любимую перрону, достойно ответить, но Слава кивнул:

— Инга, это она. Еще раз привет, Чип! — помахал он мне.

— Привет, — осторожно ответила я. Мои одногруппники спешно засобирались, и, пока я не видела, Лида запихала мою тетрадь, куда я записывала английский, в мой рюкзак.

— А, это ты, да! Точно, похожа по описанию!

После этих слов я уставилась на девушку, как на безумную.

— Ты о чем?

— Кстати, я Инга, — представилась она мне совершенно не вовремя. — Пошли скорее!

И она, не долго думая, схватила меня за руку.

— Куда? — уперлась я. — Эй, ребята, вы понимаете что-нибудь?

Ребята молчали. Кое-кто улыбался. Это показалось мне подозрительным.

— Куда?

— К выходу, — отвечала сумасшедшая Инга. — Маш, давай быстрее, у нас уже мало времени. Пошли к выходу?

— Зачем? — занервничала я. Вдруг это тоже очередная поклонница Дениса, которой хочется мне морду набить? А, может быть, что-то случилось?

— Встречать, — коротко отвечал Слава.

— Кого? Слушай, отстань от меня, — попробовала отцепиться я от назойливой девушки, но того у меня не получилось. К тому же мои подружки-сестренки встали на сторону этой сумасшедшей и, подмигивая то ей, то друг другу, потащили упирающуюся меня следом за собой. Димка оглушительно захохотал.

Мой гордый орел уже и не знал, в какую сторону ему лететь, чтобы избежать силков.

— Что происходит? Вы чего? Дружно рехнулись? — задавала я вопросы, обалдело оглядываясь по сторонам в коридоре. Маринка вручила мне мой рюкзак, сделал вид, что вытирает мне рот невидимым платочком.

— Мамочка обещает тебе, что это будет круто! — растроганно произнесла она.

— Вторая мамочка тоже это тебе обещает, — подтвердила Лида, сомкнув свои пальцы на моем запястье. Остальные сокурсники шагали рядом с нами, весело разговаривая — громче всех слышался довольный Димкин голос — он и домашку успел списать по ненавистному английскому, и в забаве какой-то сейчас участвует.

— Это сюрприз тебе, — сообщила Инга.

— Сюрприз? Ненавижу их! — заорала я, по обыкновению, громко. — Ааа… Это что, как-то связанно со Смерчинским? — дошло до меня, наконец. До того, как я с ним познакомилась, у меня таких идиотских ситуаций не возникало! Он что, решил воплотить в жизнь свой новый безумный план? В таком случае, это ужасно глупый план!

— Связано, — согласилась Инга, и Слава тоже подтвердил это кивком головы.

Хм, тогда мне следует идти с ними? Вдруг это действительно важно? Телефона у меня нет, а Дэн мог посылать мне смс, чтобы предупредить насчет своих новых действиях, но у него это не получилось, он решил проинформировать меня через друзей, как когда-то делал это через

mir-knigi.org

Шарфа?

— Ладно, ладно, прекратите меня держать, — проворчала я. — Я все сделаю, что надо. А что надо, кстати?

— Это мы тебе во дворе скажем, — было мне ответом.

— Попробуйте не сказать, — мрачно произнесла я.

«Вот больные!», — с очередным транспарантом выполз знакомый фиолетовый головастик, выражая мое недовольство происходящим. Зато орел все же смог последовать стаей гусей, летящих в небе большим косяком. Вроде бы они летели в нужную сторону, понимая, как облететь ловушки.

— Все будет, конечно, не грандиозно, но прикольно, — сообщила Инга.

— Знаешь, — едва поспевая за ней, сообщила я задумчивым тоном, — ты напоминаешь мне Полоумную Лавгуд из «Гари Поттера».

Девушка только высоко подняла светлые, почти белые брови, но промолчала.

Мы добрались до выхода и оказались на улице — в лицо мне сразу подул ветерок и растрепал челку, которую я сегодня не успела уложить. В другой раз я бы долго ругалась и на собственные волосы и на погоду, но сейчас даже и не задумалась об этом. Меня интересовало другое.

— Опа, какая тусовка, — вырвалось у Димки — он первым оказался на улице, проигнорировав правило о том, что вежливый мужчина должен пропускать дам вперед.

— Ого!! Тут демонстрация? — не сдержалась я.

— Здорово! — протянули мои одногруппники с восхищением.

— Классно мы подготовились? — с гордостью спросила Инга.

— Ага, — кивнула Маринка. — Кто все эти люди?

— Наши, с иняза, с вашего факультета кое-кто, твоя группа. Некоторые друзья, — отозвалась длинноносая девушка.

— Я в ауте, — только и сказала я, качая головой и прикрывая губы ладонями.

С крыльца открылась дивная картинка. Народу около университета собралось множество: может быть, сотня, а, может быть, больше. Да, думаю, многим больше. Кто-то сидел на лавочках, кто-то стоял под крышей, кто-то предпочел устроиться под окнами первого этажа. Пара парней расселась прямо на газончике и заигрывала с кокетливыми девушками, учащимися со мной в параллельной группе.

У всех было хорошее настроение, всюду слышались громкие возгласы и смех. Завидев нас, многие замахали руками и приветливо заулыбались, но самое удивительное заключалось в том, что в руке каждого из пришедших сюда были большие гелиевые шары. У кого-то приятно-розовые, в форме сердец, а у кого-то лазурно-голубые. А еще многие держали в руках листочки — некоторые с интересом их читали.

mir-knigi.org

— Это что? — большими глазами посмотрела я на моих спутников. Мы спустились с крыльца и подошли к главному пункту раздачи шаров. Рядом стояли огромные колонки — от них длинные провода тянулись в двери университета. Рядом стоял усилитель и два парня с гитарами. На импровизированном стуле восседал парень умного вида в очках, уставившийся в монитор ноутбука. Ну, просто мозговой центр.

— Это люди, Бурундукова, — отвечал Димка, оглядываясь.

— Это какая-то акция? Здесь бесплатно шарики раздают? — поинтересовалась я. — Что тут вообще происходит?

— Это так надо, — туманно пояснила Маринка, получив из рук одной из девиц, занимающейся раздачей, розовый шар. Лида и остальные мои однокурсники тоже взяли их в руки.

— Я тоже хочу, — потянулась и я к шару, но Инга остановила меня.

— Тебе нельзя.

— Чего вдруг? — спросила я, злясь. — Что-то вы темните господа.

— Послушай мамочек — стой спокойно и жди, — посоветовала мне подруга, махая своим шариком у меня пред носом. Ну и довольная же она была в этот момент!

— Я сейчас вообще уйду, если не скажете. Чувствую себя полной дурой — вся эта толпень знает, что тут такое творится, а я — нет, — хмуро сказала я.

— Ладно-ладно, — тут же подобрела Марина. — Только обещай, что не сбежишь?

— Обещаю, — подняла я руки ладонями вверх. Зачем мне сваливать с такого интересного мероприятия?

— Все здесь встречают Смерча — он вот-вот придет в университет…

— А чего так поздно? — перебрила ее я тут же.

— Не знаю! — отрезала девушка.

— Он к своему научному руководителю насчет курсака придет, — просветила меня всезнающая Инга.

— Короче, они все встречают Смерча. Тебе просто нужно его дождаться. — пояснили мне любезно. — Он будет с минуты на минуту.

— Ага, — я растерянно обвела присутствующих взглядом, вновь и вновь пытаясь понять, что такое задумал этот умник на этот раз.

— Мы все его поздравим, — сказала Инга.

— С чем? У него День Рождения, что ли? — спросила я. В таком случае на глаза ему лучше не попадаться — подарка-то у меня нет. Не знала я об его празднике.

— Он родился в феврале, — покачал головой Слава.

К нам приблизился рыжеволосый парень, держащий сразу два телефона и, увидев меня,

mir-knigi.org

воскликнул:

— О, привели, наконец! Привет, Чип! Не забудьте — ее на перекресток. — Парень, которого я приняла за очередного душевнобольного, кивнул на дорогу, в десяти метрах от крыльца образующую небольшой перекресток.

— Нормально. Почему он меня Чипом зовет — я его вообще знать не знаю. Что он имел в виду? — всполошилась я.

Оглядывая весь этот народ, я просто представить себе не могла, что задумал Смерчинский и где его носит?

— То, что ты будешь главной… кхм, встречающей Дэна, — пояснила Инга, оглядывая собравшихся, как генерал солдат на параде.

— Почему я? — сказать, что я опешил — ничего не сказать. У меня от такого морального потрясения даже сердце сильнее заколотилось.

— Потому что вы влюбленная пара, — дала девушка мне очевидный, на ее взгляд, ответ. — Мы хотим поздравить нашего Дэнни с тем, что он, наконец, обрел новую любовь. И тебя тоже поздравить. Официально.

Кажется, моя реакция на половину состояла из нецензурный лексики.

— Я же сказала, что мы не парочка! — заорала я белугой, громко, надрывно.

— Да мы знаем, что вы стесняетесь, — вмешались еще какие-то друзья-подружки проклятого Смерча, обвиненного мною тут же во всех смертных грехах. — Мы хотим, чтобы вы перестали скрывать свои чувства!

— Мы тебя уже любим, — улыбнулся мне парень с косой черной челкой.

— Ты милашка, — добавил кто-то еще доброжелательным тоном.

— Ты подходишь Дэну, — хлопнули меня по плечу.

— Так это не он все это организовал? — хрипло спросила я.

— Он об этом не знает. Это же сюрприз.

Я не слышала, кто мне ответил. Я опешила. Я потерялась в потоке чужих слов. Я не знала: смеяться, плакать, убегать или ждать? Ну, кто, как не я, мог попасть в такую идиотскую ситуацию? Да, и Смерч тоже в нее попадет, и тогда хотя бы я смогу напомнить мальчику-ветру о том, что его якобы везучесть растворилась в потоке всех тех неприятностей, которые посыпались на наши головы еще с пятницы. У орла случилась форменная истерика — он только что понял, что сбился с пути, а та стая, с которой он вздумал полететь, чтобы не заплутать, на деле оказалась замаскированной магией бандой кровожадных гарпий.

— Маш, — ты только не злись, — сказала Лида, видя мою реакцию. — Мы же тебе добра хотели. Смотри, как тут все старались, организовали такое… — ее голос задрожал от переполнявших девушку чувств. — Мы боялись, что ты сразу убежишь, поэтому ничего не говорили. Но если ты сейчас захочешь свалить — тебя мигом поймают — Пригрозила она. А ее сестра с философским видом добавила:

mir-knigi.org

— Что ты рыпаешься? Не у каждой, знаешь ли, девушки, будет шанс стать героиней такой замечательной истории! Такая романтика…

— Романтика? Ах, романтика? Ну, ладно, пусть будет романтика, — неожиданно сказала я. — Я вам даже подыграю. А перед Смерчинским будете отдуваться сами. Он в гневе страшен? — спросил я у рядом стоявших его друзей.

— Ужасен, — сказал кто-то.

— Убить может, — и парни захохотали.

Ну-ну, Вы сейчас сломаете ему всю игру по завоеванию Князевой, он вас и убьет, мальчики. А я то что? А я поучаствую в этом торжественном фарсе. Тем более… это действительно романтично. И даже если я предпочитаю кеды и спортивные кофты легкомысленным воздушным платьицам и заколочкам, это не делает меня черствой, грубой девицей, никогда не мечтавшей о сказочной романтике.

А потом я отвлеклась на вновь прибывших: по мощеной серо-оранжевой плиткой дороге, ведущей от остановки до дверей университета, показалась еще одна огромная компания — человек тридцать, не меньше: большинство парней, но встречались среди них и девушки.

— Еще ребята! — обрадовалась Инга — я заметила, она вообще натура впечатлительная эмоциональная. — Сейчас и им шарики вручим. Надо, чтобы все собрались…

— А откуда вы узнаете, когда Смерч придет? — поинтересовалась я все тем же хриплым голосом.

— За дорогой следят наши парни, — важно сказал Слава.

— Ну что, — развела я руками. — Круто. Безрассудные вы люди. Я же говорю — мы со Смерчем просто приятели. Он вас за это, за такое столпотворение — морально изнасилует.

— Это делаешь ты, — весело сказал Димка, которому, похоже, ситуация нравилась. — Ты бухтишь и ноешь. Ноешь и бухтишь. Радуйся, Бурундукова! И не забудь про мою протекцию.

— Пошел на фиг, Чащин, — велела я ему, вспыхивая, как свечка. Я уже ненавижу слово «протекция».

Пока раздавали шарики и пока все пришедшие «поздравить Дэнни» зачем-то начали выстраиваться в кривоватый плотный полукруг вокруг этого самого перекрестка, я, крайней озадаченная происходящим и одновременно озлобленная, раздосадованная и отчего-то все-таки обрадованная, стояла с сестрами-подружками и Димкой, раз сто пятьдесят умудрившегося подколоть меня и назвать «невестушкой». Мы вышли из университета всего минут семь назад, а мне казалось, что я торчу тут пару часов. И где же Дэн? И почему…

— Он подъезжает к стоянке, — словно подслушав мои мысли, коротко кивнул тот самый парень, разговаривающий одновременно по двум телефонам. А какой-то умник вытащил откуда-то мегафон и заговорил:

— Дэнни будет через пару минут! Повторяю: будет через пару минут! Кто не встал в полукруг — встаем! Друзья! Встаем в полукруг! Все помнят, что нужно делать?

Хор голосов подтвердил, что все.

— А я что делать должна? — с замиранием спросила я, предчувствуя неладно.

— Да ничего, — пожал плечами рыжий, возомнивший себя великим координатором этого масштабного по глупости действа — он то и дело отдавал кому-то таинственные распоряжения.

— Просто выйти к нему, — добавила Инга, ни на минуту не оставляющая меня. — Вот и все.

— Как опасно это звучит, — пробормотала я, нервно сжав кулаки. С одной стороны внутренний голос, который разговаривал со мной крайне редко, велел мне убираться отсюда и не становиться героиней глупой комедии. С другой стороны мне очень хотелось увидеть, перекошенное от неземного удивления, лицо Дениса. А еще… еще мне начало нравится происходящее! Здесь бодренько! Есть, где орлу полетать, крылышками помахать! Люблю я все-таки авантюры — происшествие с подпольным клубом игровых автоматов меня ничему не научило.

— Все приготовитесь! Дэнни будет через минуту! Молчим, друзья! — возвестил парень с мегафоном. Инга мигом уволокла меня в самую середину.

Когда все резко заткнулись стало немного странно, можно даже сказать страшно. Как будто бы и не было здесь такой большой толпы.

— Почему все заткнулись? — шепотом обратилась я к Инге, вид которой своей торжественностью начал мне надоедать. Как будто бы Новый год встречает девочка.

— Тише, мы же сюрприз ему делаем, — тихо отозвалась светловолосая дурочка, а Маринка приложила палец к губам.

А потом, под яростные аккомпанементы стука моего сердца, появился виновник происходящего.

Едва только фигура Дэна, облаченного сегодня в яркую бирюзовую безрукавку с капюшоном и в светлые, рванные на коленях джинсы, показалась на мощеной дороге, в рядах встречающих произошло оживление. Все словно бы к чему-то приготовшись, замерли.

Мой синеглазый партнер появился — и его шаги, только что резкие, быстрые, как при замедленной съемке, становились все медленнее и медленнее — он узрел всю собравшуюся полукругом ораву. Смерч снял с голов яркие фиолетовые наушники и большими глазами испуганного ребенка уставился на ребят. Парень явно не понимал, что происходит.

И я тоже мысленно потерялась, внешне оставаясь совершенно спокойной (к несчастью, торчавшие рядом подружки-сестрички еще больше уверовали, что я со Смерчинским друг ко другу неровно дышим — ведь в другом случае, по их мнению, я бы устроила форменный скандал, а то и в драку полезла). Но в этот раз во мне вверх взяла не природная максималистская эмоциональность, а еще одно мое качество, осознанное мною лишь совсем недавно — игривость.

Вперед из толпы вышел вдруг парень с черной челкой, держа в руках микрофон, рядом с ними чудесным образом появилась два гитариста — они провели пальцами по струнам, и в воздухе разлилась музыка, усиленная во много раз музыкальным комбиком. Мелодичными перестуком отозвались невидимые ударные, наверняка парень с ноутбуком поколдовал со звуком на специальной программе…

Парень с челкой помахал опешившему Дэну рукой и начал петь, громко, мелодично. Толпа тут

mir-knigi.org

же подхватила немудреные слова, больше не попевая их, а скандируя, как лозунг:

В этот классный майский вечер
Когда солнце греет души
Мы пришли к тебе на встречу
Друг, теперь ты нас послушай!

После этих слов их славный друг, по-моему, больше ничего слушать не захотел, но на месте так и остался стоять. Я смотрела на его напряженные плечи, отведенные назад с силой, и внезапно захихикала. А толпа продолжала надрываться:

Знаем мы, что ты влюбленный,
И зовут любовь Марией
Маша — он тобой сгубленный.
Он сейчас под эйфорией!

Я представляю, под какой сейчас Дэн эйфорией. Предсмертной, наверное. Но, вместо того, чтобы пожалеть Смерча, я вновь заулыбалась. А хор под предводительством парня с микрофоном, продолжал петь-скандировать:

Чтобы ваши чувства были
Замечательны и ярки,
Чтобы вечность не остыли —
Ты прими от нас подарки!

Интересно, какой клоун все это придумал? Мозг бы ему поменять на кошачий, умнее бы стал — факт.

Далее последовали строки о том, что Дэн меня безумно любит — искренне и честно, и мне, такой хорошей и прекрасной, следует его оберегать и обожать, потому как он — чудо парень, который занесен в Красную Книгу Человечества, в раздел «Особо харизматичных класса красивых».

Потоки дружеской лести, смешанные с искренними пожеланиями и шутливыми напутствиями, вроде «за руки держитесь вечно», «подправленные» усиленными звуками живой музыки, слышали, наверное, даже живущие в общежитиях студенты — и это при том, что эти высокие дома были в некотором отдалении от здания университета.

Самое невероятное — мои одногруппники и многие из тех, кто учился в моем потоке, тоже пели — не думаю, что последние приперлись сюда из большой любви ко мне, вероятно, им просто понравилась идея удивить Смерча и самим развлечься. Положа руку на сердце, если бы меня позвали подобным образом «поздравить» друга или подругу, например, тех же Маринку и Лиду, я бы не отказалась.

Но сейчас я костерила сокурсников на все известные лады — в перерывах между приступами смеха. Смерчинский выглядел презабавно.

— Видите, как вы его напугали, — проорала я на ухо Лиде, поющей по листочку. Она недовольно посмотрела на меня и отвечала, нагнувшись к моему уху:

— Он просто не ожидал!

— Еще бы! — завопила я, — смерть вообще обычно неожиданно приходит!

Но меня уже никто не слушал.

В самом конце песни мне и Смерчу тем же радостным хором пожелали страсти, нежности и звездной любви. А кое-кто выкрикнул, что удачные интимные отношения — основа основ. Еще один озабоченный так же громко возопил, что через пару лет с удовольствием посмотрел бы и на Дэновское потомство — его выкрик потонул во всеобщем смехе.

Как только шедевр чьего-то неуемного воображения, который должен был растрогать Смерча до слез (меня он едва не довел до дикого хохота), кончился, все собравшие под команду парня с мегафоном разом выпустили шарики из рук. И те тут же ласковыми розово-голубыми змейками взмыли в небесную даль, как назло лазурную, без единого облачка, даже самого захудалого, — как будто бы и само небо решило поддержать авантюру этих ребят.

Носители ужасной идеи «сюрприза» захлопали, закричали, кое-кто даже потешно заулюлюкал, приветствуя друга, который до сих пор от шока не мог пошевелиться. Как я его понимаю — я вообще бы замертво упала, если бы меня так «женили». Например, на Димке.

А в довершении всего, кто-то вытащил огромный красивый красный гелиевый шар, который я, наверное, не могла бы даже обхватить — таким объемным он был. Рыжий степенно подошел к Смерчинскому, поднял его руку, как-то безвольно опущенную, и вручил шарик (скорее, даже, шарище) парню под новый шквал аплодисментов и одобрительных выкриков, заботливо потрепав по плечу… Дэн только кивнул ему. Бедный мальчик. Но ничего, и это пройдет — ветерок подует, и унесет твои печали. Главное, чтобы ты сам шторм не вызвал восьми балльный, способный разнести тут все в пух и в прах.

— Дэн, — взяла слово Инга тем временем, и принялась что-то радостно бухтеть.

Я думала, мои друзья и одногруппники — люди вполне адекватные, не способные на особо эксцентричные поступки, в которых читается явное безумие, но я заблуждалась. Они оказались заражены засекреченным опасным вирусом, засекреченным аббревиатурой «КДХВ» — «когда друг хуже врага». В роли распространителя заболевания выступили, без сомнения, друзья Смерчинского, эти чертовы бездельники, решившие сделать сюрприз «вождю и предводителю». Подозреваю, таким образом, они, в первую очередь, радовали не самого Дэна, а тешили свое самолюбие — «мы такие хорошие друзья, нам ничего ради Смерча не жалко — все ради него сделаем! Его мнение? Позвольте, мы ведь друзья, лучше знаем, что ему хорошо, а что плохо. Вы что, считаете, что сюрприз, полный романтики и позитива — плохой подарок для нашего друга? Вы плохого мнения о нас, товарищи…».

Да, они задумали эту акцию, как это я выяснила чуть позже, в вечер воскресения, собрав целую конференцию в Интернете — очень уж им хотелось «осчастливить» Дениса и сделать ему приятное. Какие-то умники видели нас пару раз вместе и приняли за влюбленных, а потом растрезвонили обо всем этом, кому могли и не могли.

Естественно, моя персона, в меру скромная, в меру милая, и в меру наделенная недостатками, заинтересовала ребят довольно серьезно. Поэтому утречком, выяснив на сайте нашего университета расписание нашей группы, ко мне отправилась «делегация». Меня она, как уже говорилось, не обнаружила, только передала привет… Стоп. Откуда я могла знать, что никакого привета мне друзья Дэна в тот раз не передавали? Эти ребята сказали совсем другое, а вот мои подруги и одногруппники «кинули» несчастную — ну ладно, это сильно сказано, но отчасти правдиво — Марию, сделав огроменную подставу не только мне, но и самому Денису.

— Когда Маша придет, можете ей сказать, чтобы она подошла после четвертой пары к выходу, — попросила вдруг одна из девушек. — Обязательно!

— Зачем? — изумились мои одногруппники, чуявшие, что теперь им есть о чем поболтать и над чем похихикать.

— Да так, — загадочно сказал парень. — Очень нужно. И приходите сами — чтобы больше народа было.

— Точно! — воскликнула одна из девушек. — Приходите всем потоком! Чем больше — тем лучше!

Искусствоведы еще более оживились — с такими предложениями к ним еще никто в университете не подкатывал.

— Устроим совместный сюрприз! Для Дэна и вашей однокурсницы. Поздравим с началом отношений, — проговорил важно рыжий, — я многое организовываю.

— Только не говорите ничего Маше, — предупредила всех одна из девушек. Другая подхватила с большим воодушевлением:

— Мы уже все приготовили, даже кое-кто прорепетировал. Но ваша помощь тоже нужна… Отпроситесь пораньше? Сможете?

— Сможем, — с уверенным видом кивнула староста группы, стоящая рядом с Ольгой и Региной, единственными, кроме парней (исключая Дмитрия), не интересующимися такой забавной новостью.

— Тогда слушайте наш план. А, да, еще бы телефончиками неплохо было обменяться, — просияли девушки.

— Заняться вам, что ли нечем? — пробормотал Чащин, но тоже принялся слушать.

Напоследок рыжий чихнул — и опасный вирус «КДХВ», подтверждая догадки многих исследователей, воздушно-капельным путем распространился на рядом стоящих студентов.

— Игорь Аркадьевич, а вы не могли бы нас на пятнадцать минут раньше отпустить? — говорила преподавателю по рекламе в социокультурной сфере наша староста. — Очень просим. Всей группой.

Мужчина удивленно взглянул на окруживших его студентов истфака, учившихся по специальности «реклама», поэтому и слушающих курс его лекций. Этот курс, по его мнению, был слишком шумный и активный, но зато креативным — это модное словечко в точности охарактеризовывало этих ребят. Вот экономисты были куда более прилежными, но скучными…

— Вообще-то могу, если причина уважительная, жду ваших убеждений, как будущих рекламистов, — отозвался преподаватель. Вообще-то он и так мог, просто ему была интересна причина.

— Вы верите в романтику? — вступила в разговор одна из девушек, Марина, хитро стреляя глазками то на преподавателя, то в пол.

— Верю, — кивнул тот, — только научно, знаете ли, доказать не могу. Профиль у меня не тот.

— А нам и не нужно доказательства в то, во что мы верим, — улыбнулась Марина. — Просто у нас такая ситуация, деликатная, — наша подруга и сокурсница Маша Бурундукова стала встречаться с Денисом Смерчинским, и так как их отношения пока еще хрупкие…

— Как лед, — вставил кто-то из присутствующих.

— Да, точно, — легко согласилась темноволосая девушка. — Мы совместно с одногруппниками Дэна… Дениса, хотим поддержать их, и нужно, чтобы половина группы смогла уйти, помочь ребятам, а Маша, чтобы ничего не заподозрила…

— Готовим им сюрприз, — снова подержал ее кто-то из остальных студентов.

— Неожиданно, — честно ответил Игорь Аркадьевич. — А где будет ваш сюрприз проходить?

— Да здесь же. На главном крыльце, — было ему ответом. — Дэн в универ только вечером придет, вот мы его и встретим…

— Особенным образом….

— И Машку приведем….

— Как интересно. Ради такого случая отпущу вас на полпары пораньше. Но писать лекцию будете быстро, — пригрозил преподаватель, делая пометочку в уме, что надо будет обязательно посмотреть на этакое зрелище — благо окна кафедры выходят на крыльцо, да и коллегам рассказать не помешает — нужно же и им позабавиться, посмотреть на студенческие потехи.

— Спасибо! — обрадовались студиозусы.

— Мы ее в аудитории задержим, — шептала Маринка старосте группы во время последней лекции. — Например, сделаем вид, что у тебя домашняя работа есть по английскому — вы же с Машкой в одной группе?

— Да, — отвечала девушка, находившаяся в предвкушении «сюрприза». — Только у меня с собой нет никакой домашней работы…

— Попросим наших друзей с иняза сделать — они же в «энглише» хорошо разбираются, быстро сделают, — решила Лида. — Наша Маша клюнет на такое и задержится в аудитории.

— А у меня учебника нет с собой… Идея! В библиотеке возьму! Тогда Мария в аудитории будет списывать, а наши уйдут помогать с «обустройством»…

И три девушки тихонько захихикали, глядя на записывающую лекцию Машу. Она недовольно смотрела на профессора и грызла кончик ручки, ни о чем не подозревая…

— Ну, вот и доченька нашла свое счастье, — доверительно прошептала Лида сестре, — нам теперь надо «молчелов» подходящих отыскать.

— Ага. Слушай, а почему Князева в нашу сторону так внимательно смотрит?

Лида пожала плечами:

— Мне откуда знать? Она вообще странная бывает. Слушай, а хорошо, что она с Машкиным

mir-knigi.org

Никитой стала встречаться, когда наша доченька влюбилась в Дэна.

— Точно, — хмыкнула Марина. — А то я уже не знала, как Машке сообщить эту дивную весть. Представляешь, в каком бы она состоянии была?

Ее кузина согласно кивнула:

— А то, что со Смерчем у нее ничего нет — явное вранье. Заметила, она с пятницы про своего милашку Ника ничего не говорила? И в пятницу как раз с ним обнималась.

— Точно. Наша подружка — та еще стервочка. Ничего нам про своего Смерча не говорила… Как она его вообще отхватила?!

Да никак я его не «отхватывала», он пришел ко мне сам, по собственной дурной воле и начал очаровывать, очаровывать…

Наверное, то, что сделали с ним его прелестные друзья — расплата за меня и мои мучения!

«Поздравляем тебя с девушкой!» — было выведено чьим-то каллиграфическим подчерком на огромном воздушном шаре, который Смерч держал в руке. На этом же шаре виднелись самые разнообразные росписи собравшихся: от витиеватых завитушек до простого скромного крестика: это я уже потом рассмотрела.

— Друг, мы все рады, что ты смог найти себе хорошую девушку, — говорил трогательную речь рыжий умник с мегафоном. Интересно, он входит в пятерку его близких друзей, как Черри и Мистер Красный Шарф? Кстати, а они где? Не захотели поздравить друга? — Мы все расписались за ваше совместное счастье. Прямо на этом шаре. Сохрани его, друг, и всегда помни о нас, верных и любящих тебя друзей!

Дэн все еще находился в прострации, но нашел в себе силы ответить. Я впрочем, тоже. Устроили ему Варфоломеевский день…

Вот это я понимаю — друзья, так друзья! Если они так празднуют его, скажем так, любовную победу, да и то мнимую, то какие они ему «Дни рождения» забабахивают? А что они организуют ему на настоящую свадьбу? На Марс отправят, предварительно купив там кусок территории? Представляю, как они с Гоблином будут лететь в ракете и в иллюминатор будут пялиться, приближаясь к огненной планете.

— Сколько мы тебе красивых слов сказали, парень, а? — завладел микрофоном один из гитаристов.

— Слова ничего не значат! — вырвал микрофон второй музыкант. — Слова — полная фигня! Главное здесь, — он постучал себя по груди — микрофон захрипел от этого звука, и все на пару секунд чуть не оглохли.

— Слова ничего не значат! — завопил теперь и солист с косой черной челкой. — Значат только наши чувства и эмоции! Парень, ты достоин самой классной девчонки! Самой клевой! Самой *N запрещено цензурой! N*

Ну, так меня еще никто не называл, однако. Это тоже самое, что орла невеличкой-птичкой обозвать — как раз в первом слове содержаться первые две буквы от нецензурного эпитета…

Но, в принципе, я не против — прикольно звучит!

— Отлично вам с ней повеселиться! Много романтики и с…

— И сам знаешь чего! — вырвал из рук музыканта-охальника микрофон приличный рыжий.

— Я другое имел в виду! — закричал хулиганским тоном солист — я его и без микрофона услышала. — Эй, дайте Смерчу сказать, это для мужиков самое главное пожелание!

— Не сомневаюсь! — раскричалась на него какая-то девушка. — Заткнись, дебил! Не порть романтику!

— Я не порчу! — возмутился брюнет. — Это реально важно!

Но его уже утащили и, кажется, даже заткнули рот.

— Приколист мальчик, — с искренним восхищением проговорила я.

— Иди к нему! — внезапно велели мне организаторы этого сумасшествия.

— К музыканту?

— К Дэну, — любезно подсказала мне Лида.

— Да ни за что, — отказалась я мгновенно, оцепенев. Не хочу я позориться! Хорошо еще, что сейчас вечер, и народа не так много, как всегда — но все, кто входил и выходил из универа и в универ, смотрели на нас большими глазами, останавливались и начинали снимать на камеры мобильников. Думаю, у них не слишком хорошо должно было это получиться — из-за большого количества людей, потихоньку из полукруга превратившихся в неравномерный по плотности круг.

Заботливые руки Инги толкнули меня, ей помог кто-то еще, и я вылетела вперед, немного неуклюже, зато быстро, едва не попав в объятия Дэна, в это время подошедшего поближе к центру — он потихоньку начал оживать. Но этой проклятой девке, вытолкнувшей меня вперед, я все же успела пообещать «серьезный разговор».

Правда, оказавшись перед Дэном и даже пожав ему руку, я забыла об этом — не каждый день можно наблюдать такое по-детски ошарашенное выражение лица: будто бы маленькому мальчику вместо робота последнего поколения, с дистанционным управлением, подарили огромный домик для Барби — международную радость-мечту всех малышек. Вроде бы и грандиозно, и необычно, и интересно пощупать да посмотреть, что там внутри, да вовсе не нужно: что паренек будет делать с девчачьей игрушкой? Только ломать? Это я по брату знаю, который постоянно посягал на мои куклы, и вообще всегда покушался на самое святое — раздевал их и отрывал головы и руки.

Я, одновременно испуганно — а ведь это для меня совсем нехарактерно — и злорадно глядела на Дэна. Что-то парень бледноват. И руку мою не опускает — держит крепко, как будто видит перед собой не женскую ладонь, а соломинку для утопающего — не желает отпускать, хотя и видит, что это не поможет. Все те остатки смеха, что хранились во мне, мигом исчезли, и я потом долго ругала себя: зачем в этот момент я его пожалела? Зачем? Ведь отлично знаю, что жалость — первая и весьма прочная ступень, ведущая по хрупкой лестнице симпатии к спрятавшейся в ожидании на чердаке любви. А фундамент деревянного дома чувств, стоявшего на опушке эмоций — симпатия, был уже мною построен, только я не помнила, когда сделала

это. Может быть, во сне?

— Shit. — Произнес он.

Это слово я поняла сразу.

— Что за дурдом? — одними губами переспросил меня Смерч, так и не отпуская моей руки. Вообще-то он в ступоре был, а вовсе не из-за нежности. Но догадываетесь, как умилилась женская часть присутствующих? О да, они моментально начали судачить: «он так ласково держит ее за руку и не желает отпускать!».

А вблизи Смерч выглядел еще более он потрясенным: так, как будто бы я только что объявила, что выхожу за него замуж и рожу пятерых детишек. Еще бы, приходишь вечером на учебу, непонятно где прошлявшись целый день, плеер слушаешь, ни о чем плохом не думаешь, никого в гадостях не подозреваешь, идешь-бредешь себе спокойно, а тут раз — откуда ни возьмись, как черти из пары десятков табакерок, вылезают твои безумные друзья! Все как один — с лицами того самого Безумного Шляпника, героя из «Алисы в стране чудес». Уставились на тебя, вопят и с дурацкими улыбками совершают ритуал «без меня меня женили» в студенческом отвязном исполнении.

— Это твои друзья, ты у них и спроси. Мои мне таких подлянок не устраивают, — тихо отвечала я, глядя ему в глаза, одновременно завидуя их цвету, и еще чувствуя, что девушкам противопоказано так близко стоять с красивыми молодыми парнями, пусть даже с растерянными и временами надоедливыми.

— Бурундук… Что делать? — проговорил он, наклоняясь к моему уху — чтобы я лучше слышала его. Теперь он держал меня за оба локтя.

Черт бы его побрал с этим Бурундуком! Сразу вся навеянная ситуацией вынужденная романтика улетела прочь, как будто сдунутый ветром воздушный змей.

— Что делать? — Я обернулась на веселящихся. — Устрой им казнь!

Смерч метнул в их сторону затравленный взгляд. Шляпники казни не захотели, только сильнее закудахтали.

— Have they gone crazy?! — Он сильнее сжал мою руку.

— Да я сама в шоке!! — Я тоже вцепилась в его руку.

Опять заиграла громкая музыка — на этот раз романтичная, медленная, а на нас, застывших теперь вдвоем, вдруг посыпалось что-то легкое, нежное и красное — как оказалось фанатики своего дела, желающие сделать Дэну приятное, кидали на нас лепестки роз. Те медленно кружась — каждый в своем собственном танце — падали мне на руки, одежду, волосы — запутывались в них, вращались перед лицом…

Я не видела лиц окружающих нас людей: все они смешались в размытое разноцветное слабоконтрастное длинное пятно: вереница лиц, череда голосов, галерея эмоций, и в центре всего этого — я и Смерч, похожие со стороны на самую настоящую любовную парочку. Чем мы в этот момент были хуже Ольги и Никиты?

«Мир кружится! Кружится, кружится, кружится…!», — пожаловались головастики-мысли, выплывая в сознании, а потом так же быстро исчезая.

mir-knigi.org

Я и не заметила, кто вручил мне желанный ранее букет цветов, и как в пальцах Дэна оказалась коробка в праздничной перламутровой фольге.

— Как нам быть, Сморчок?! — уже устав суетиться и переживать, полюбопытствовала я, но меня, кажется, никто не услышал. Кто-то из категории тех особенных дураков, которым всегда и всего мало — хочется им шикарных зрелищ, заорал:

— Поцелуй! Дэнв, поцелуй ее!!

— Да, чувак, давай! Покажи класс!

— Дэнни! Дэнни! Дэнни! — раздавалось со всех сторон. А потом мои умнички-сокурсники, не желая отставать, проскандировали:

— Ма-ша, горь-ко!! Ма-ша!

Я не знаю, как я не потеряла сознание и из орла не превратилась под напором таких эмоций в маленького невидимого червячка.

Зато в это время ожил Дэн — это на парня традиционные свадебные слова так подействовали. «Горько» ему совершенно не хотелось — до него все-таки дошло, что стоять просто так нельзя, нужно что-то делать, искать выход — он оглянулся, выискал быстрым взглядом «брешь» в толпе, кругом обступившей нас. Бреши не было.

— Это какой-то пи… кошмар, — сглотнул он, явно запуганный встречей друзей, которые кричали ему, махали, подбадривали и вообще, вовсю веселились.

— Согласна. И тебя целовать не буду, — сердито ткнула я пальцем ему в твердую грудь — тут же почувствовала в нем легкую боль.

— А я тебя и не заставляю! — с трудом сквозь восторженные крики, требующие поцелуя, услышала я ответ Смерча.

— Горько! — как под заказу, грянул сводный хор веселящихся парней и девушек, и от обилия эмоций молодой человек, сидевший с ноутбуком и колдующий с ударными, выдал торжественную барабанную дробь, подкрашенную басовым проигрышем.

— Они заставляют! — Некрасиво взвизгнула я. — Они!

— Я сейчас им все объясню! — Дэн вновь проделал свой любимый трюк — поднес запястье к губам и прикусил кожу — разволновался. — Не беспокойся, партнер! Эй! Народ! — Подняв открытую ладонь вверх, закричал самым серьезным голосом Денис, но…

Но объясниться Смерчу помешала сама Судьба. Проведение, Рок, Фатум, если угодно. А, может быть, Закон Мирового Свинства. Едва он отстранился от меня и открыл рот, набрав в легкие побольше воздуха, чтобы поведать своим многочисленным друзьям об их великом заблуждении, как ему помешали. Не вовремя, честно сказать — если бы эти люди поторопились со своим прибытием хотя бы на десять минут, не было бы этой трагикомедии, достойной страстей произведений Еврипида или Ибсена, создававших произведения в этом старинном жанре.

Нет, это были не его друзья, и не мои, это вообще были не студенты, и даже, не преподаватели. Люди, попортившие «малину» к университетской жизни вообще никак не относились. Зато они

mir-knigi.org

относились ко всем знакомым органам правопорядка, имели определенную форму одежды — ту самую, мужественную, черную, с гордой надписью «Милиция» на спине, включающую в себя берцы и черные береты. У брата была подобная, когда он там служил после армии — знаете, как он гордился ею? Особенно специальной маской. Хотя эти ребята, приехавшие в небольшом микроавтобусе в сопровождении двух легковых машин с мигалками, были без масок.

Вообще, наверное, из-за всеобщего гама сотрудников милиции никто и не заметил бы, но как только они припарковались и все пришедшие спохватились, стало поздно, ведь парни в форме оказались совсем рядом. Но они сами себя выдали: кто-то из тех, кто сидел в легковых машинах, заорал в мегафон, как только все три авто остановились на стоянке, влетев на нее с бешенной скоростью:

— Всем оставаться на местах! Повторяю: всем оставаться на местах! Это милиция!

На местах никто оставаться не пожелал, и пока сотрудники органов правопорядка бежали к крыльцу университета, преодолевая газон, друзья Дэна бросились врассыпную. Кто-то заорал:

— Менты! Охренеть, менты приехали!!

Один из тех, кто обладал глупым чувством юмора, не менее громко отвечал:

— Спасибо, кэп!

А парень с черной челкой подхватил, вновь завладев все еще работающим микрофоном:

— N запрещено цензурой N! Все сваливаем! Мусорки!! Кто будет на воле — приходите в клуб на наш сегодняшний концерт!! Да будет свобода!

— Не сдадимся жандармам! — Захохотал один из шляпников, со скоростью света скрываясь за рядом клумб.

Его даже кто-то поддержал обрадованными выкриками. Оптимист, однако, почище меня — думает, его эти крепкие спортивные парни в форме, невесть как взявшиеся на территорию университета, отпустят его из «обезьянника» провести концерт!

— Всем стоять! Стоять! — надрывался еще один любитель поорать в мегафон. Его мудрому совету никто не внял.

Ненавижу панику. Сама начинаю паниковать!

Кое-кто сбегал организованно: некоторые парни неформальной внешности как-то отработано хватали оборудование и буквально растворялись в воздухе. Многие, правда, убегали неумело.

— Не стой! — услышала я голос Дэна над собой, и мы волшебным образом очень-очень быстро оказались в холле университета — жаль, туда рванули не все, а лишь часть собравшихся, посчитав, что в огромном здании легче затеряться, чем на открытом пространстве. Кстати, мы пробежали мимо ошарашенных охранников, выбежавших навстречу своим «коллегам» с протестами — эти мужики, в общем-то, безобидные дядьки, в чьи святые обязанности входило проверять студенческие по утрам, судя по всему, об «акции» знали — сами наблюдали за ней.

— За мной! — несся впереди брюнет, не забывая, впрочем, удерживать одной рукой идиотский шар, а другой подаренную коробочку. Я самостоятельно неслась рядом с ним, уцепившись за

mir-knigi.org

край его безрукавки. Мой букет успел в суматохе куда-то деться — когда я едва не споткнулась на пороге входа. Лучше бы я голову потеряла вместо долгожданного букета — а ведь я даже не успела рассмотреть, какие там цветы были!

Мы кинулись через холл к широкой мраморной лестнице — на ее боковых ступенях мы чаще сидели, чем ходили по ним. Я думала, мы поднимемся по ней, затеряемся в многочисленных переходах, побежим куда-нибудь на последний этаж и замаскируемся, например, под студентов заочного отделения, учащихся вечером. Но Смерч неожиданно свернул в один из боковых проходов, где наверх вел новенький преподавательский лифт — наши же, большегрузные, студенческие, потрепанные не столько временем, сколько нами, временно не работали, в отличие от этих. Но пользоваться лифтами, предназначенных работникам университета, студентам было запрещено — раньше замеченных в этом злостном деянии наказывали, презрев основную характеристику демократии — равноправие. Однако, студентам на наказание в какой-то момент стало просто-напросто плевать, и они все рано сломали лифт — прямо перед приездом в университет губернатора, который вместе с другими важными государственными шишками из всех других преподавательских лифтом выбрал именно этот, а потом с воистину эстонским акцентом спрашивал: «Патчемууу эт-тот лииифт тааак доооолго ед-дет?». По крайней мере, так говорилось в байках… На самом деле губернатор, прославившийся нервным нравом, скорее всего, орал и возмущался. После пятнадцатиминутного бесплодного ожидания лифта он и его команда сделали выговор главе университета и его замам. Те же, кстати, хотел продемонстрировать начальству, на что конкретно пошли пара-другая миллионов, выделенных на благоустройство здания университета, поэтому жутко разозлился на учащихся. И через пару дней ректорат пошел на крайние меры — для вызова лифтов каждому преподу выдал особенные ключи — «таблетки», похожие на домофонные, и студенты больше не смогли посягать на государственное имущество, ломая только «свои» лифты с потрясающей частотой. Поэтому мне и приходилось подниматься на пятый этаж пешком.

— Сюда, — отдал еще одно распоряжение Смерч

— Но мы не сможем, — возразила я встревожено, — на лестницу, побежали на лестницу!

Но вместо ответа парень достал из кармана ту самую «таблетку», продемонстрировав неземную крутость — не все аспиранты такой ключик имели, и ткнул пальцем в кнопку вызова. Нам даже не нужно было ждать, пока лифт подъедет к первому этажу, как это часто бывает — он распахнулся в то же мгновение. Мы юркнули в раскрывшиеся створки, а я, обернувшись, краем глаза заметила, как по холлу, зачем-то сметая несчастным и, в общем-то, ни в чем не виноватых охранников, бегут доблестные представители ОМОНа — по-моему, к ним прибыло подкрепление.

Вот ужас-то! Если меня в этот раз загребут папино-мамины коллеги, то домой можно не возвращаться — там меня точно убьют, презрев кровные родственные связи. Мама не зря любила пошутить, что вполне понимает Тараса Бульбу, сказавшего знаменитую фразу: «Я тебя породил, я тебя и убью». А если не прихлопнут, то обязательно вычеркнут мое имя из семейных анналов, как имя отступницы и преступницы!!

Мать вашу — чем я это заслужила? Я не грешила особенно, страшных преступлений не совершала, купалась себе в одиночестве в собственном озере неразделенной любви, не встревала ни в какие особенные авантюры. Теперь же опозорилась на весь университет, познала, что такое страх невинного быть пойманным грозной милицией, прочувствовала подлое отношение родного коллектива, насладилась свиданиями любимого парня — да хранят его бурундуки — с другой… А все Смерчинский, гад! Он виноват, однозначно, он.

Стоит, прижавшись к холодной стенке и глядя в зеркало на себя — и дышит почти ровно, в отличие от меня. Молчит. Укладывает наушники в сумку, перекинутую через плечо. Встряхивает головой, чтобы челка не попадала в глаза. Опускает глаза в пол, размышляет о чем-то.

— Ну? — не выдержала я. — Мы куда? И откуда у тебя ключ, Смерч? Ааа, — не к месту решила я пошутить, — у тебя среди преподов тоже есть друг, да? А его случайно, среди тех Безумных Шляпников не было?

Лифт растворился, и мы, оказавшись на предпоследнем этаже, где-то на территории физиков и математиков, вновь побежали — повернув пару раз по бесконечному пустующему коридору, Дэн остановился около внушительной двери, на которой было написано *«Большая химическая аудитория»,* достал жестом заправского фокусника еще один ключ и с некоторым трудом открыл дверь, пропуская меня вперед в полутемное (небольшие окна под самым потолком были наполовину прикрыты горизонтальными жалюзи) огромное помещение, оборудованное по последнему слову техники — в этой аудитории часто проводились лекции крупных приезжих ученых.

Изнутри Денис тут же заперся, поспешил вниз, к первым партам, и жестом добродушного хозяина пригласил меня, осматривающуюся вокруг, под одну из них.

— Давай, сюда, — позвал он, разумно рассудив, что даже если кто-то и откроет дверь в эту огромную аудиторию с весьма слабым освещением, то не заметит двух полудурков, примостившихся под партами.

— Маша, — опять позвал меня Смерч.

Я, поняв вдруг, что в данной ситуации его лучше всего слушаться, уселась на собственный рюкзак, благо он был почти пустым. Дэн опустился рядом, подтянув длинные ноги. Красный гелиевый шар с трудом устроился под последней партой.

И только после этого он дал волю эмоциям — рассмеялся, запрокинув голову назад — насколько это позволяло небольшое «подпарточное» пространство.

Он смеялся негромко, но заразительно, что я тоже, внезапно для себя, присоединилась к парню — кажется, таким образом, мы «разряжались», избавлялись от негативных эмоций и переживаний, в большом количестве подаренных нам сегодняшним днем. Пессимисты избавляются от негатива через слезы, мы, глупые сангвиники, к каковым я причисляла нас обоих — через смех.

Смеялись, не задумываясь о том, что если добрейшей души дяденьки-милиционеры в черной форме будут проходить мимо этой аудитории, используемой нами в роле «логова», то их насторожат странные звуки, доносящиеся из якобы пустой аудитории.

Черт! Ну и денек! Слухи, сплетни, своеобразное предательство группы, торжество, совместное с друзьями Дэна, этими чокнутыми шутниками, милиция, побег… Кто во всем виноват?

Кто будет жить на дне океана?
Смер-чин-ский!
Милый красавчик, козел без изъяна
Смер-чин-ский!
Кто виноват всегда и везде?
Смер-чин-ский!

Кто так же нагл, я с ним — быть беде?
Смер-чин-ский!

Проклятие. Что-то непонятное происходит.

— Но что? — вслух спросила я сама у себя.

— Ммм? — прекратил ржать Дэн, но весела озорная улыбка так и не сходила с его лица. — Ты что-то сказала?

— Смерчинский, тебя кто-нибудь ненавидит? — спросила я, нахмурившись. — Сильно? Страстно?

Он немного подумал и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, ненавидят, — сказала я. — Это точно. Только не говорят об этом. Ты заметный, у тебя точно есть недоброжелатели.

— К чему этот душераздирающий пафос, Чип? — обрел в себе былую стопроцентную уверенность этот тип. Смех явно помог ему восстановить свои почти бесконечные энергетические запасы.

— Знай, из всех, кто тебя ненавидит, я ненавижу тебя сильнее всех! Запомни хорошенько, милок, — я ненавижу тебя больше всех в мире! — и в подтверждение своих слов, изреченных почти искренне, я даже ударила по полу кулаком.

— Хорошо, я буду знать, — серьезно ответил он и спросил, явно не обращая на мои слова никакого особенного внимания, словно я ему про погоду на завтра рассказывала:

— Ты испугалась?

— Естественно. Я же не Машка-Железные-Нервы, — огрызнулась я, понимая, что Дэнни здесь все-таки ни при чем. Он тоже жертва. Но виноват в этом все равно он!

— Прости, — вдруг произнес Смерч, опустив голову, как провинившаяся собачка.

— За что? — вырвалось у меня невольно.

— Из-за меня у тебя неприятности.

— Из-за тебя у меня неприятности, — подтвердила я, соглашаясь, предвкушая, как буду сейчас кочевряжится, принимая извинения. Даже настроение приподнялось! Слегка.

Орел начал кружить над жертвой, обрадованный подозрительным спокойствием в своей долине.

— Прости, — повторил парень и неожиданно положил мне на плечо голову. — Правда, не хотел.

— Еще бы. Так опозориться никто бы не хотел. И убери качан, — попросила я несмело, прикрывая неловкость в голосе агрессивными нотками и понимая сейчас явственно, как сильно отличаюсь от женственной Ольги Князевой. Она бы обняла его в ответ, или погладила бы по голове, или бы сказала проникновенный мягким голосом: «Ничего страшного, все хорошо, ты ни в чем не виновен».

mir-knigi.org

Но своей репы парень не убрал, как будто бы и не слышал этих слов, а, может, не хотел считать кочаном свою голову. Искоса взглянув на него, дернула пару раз плечом, но мой партнер не шевельнулся. Мне тут же захотелось проделать с ним трюк, который я раньше проделывала с братом. В ту пору, его шевелюра была еще достаточной длины и позволяла это сделать. Я хищно протянула руку к коричнево-орехового оттенка волосам с целью схватить их и насильно приподнять голову Дениса, но едва кончики моих пальцев коснулись этих дурацких волос, как я внезапно одернула руку.

А Смерч сам убрал голову и, накрыв своей широкой ладонью с выступающими костяшками пальцев мою холодную и бледную ладонь, произнес убежденно:

— Не бойся, нас не найдут — я обещал, что буду тебя защищать. Все хорошо, партнер. Не бойся. Воспринимай все, как игру.

Впервые этот дурацкий «партнер» разозлил меня больше, чем прозвище «Бурундук».

— Ты такой дурак, — вырвалось у меня против воли.

Жертва ударила орла электрическим током, и тот, раскинув крылья, свалил подобру-поздорову.

— Да, я знаю, — признался Дэн, обхватывая коленки руками и укладывая теперь свою голову на них. Он не переставал изучать меня. Разглядывал с интересом лицо, плечи, руки. В слабоосвещенном помещении его глаза казались серыми, но я помнила их истинный цвет — редкий, синий, под лучами солнца становящийся еще ярче.

— Линзы? — вдруг спросила я совершенно не в тему, прищурившись.

— Какие линзы? — удивился он.

Я указала пальцем на глаза.

— Нет. Почему спрашиваешь?

— Просто так, — я убрала руку из-под его ладони. — Чего ты на меня в упор смотришь?

— Я всегда смотрю в лицо собеседникам. А ты на меня почему смотришь? — каверзный вопрос меня озадачил.

— Да я тоже… привыкла. Это… а… ты… — мозг усиленно искал многочисленные темы, на которые можно было перевести разговор, и ему это сделать удалось. — Ты мне кое-что должен объяснить. Во-первых, откуда у тебя ключ от этой аудитории и «таблетка» от лифта преподов?

Я-то думала, что это тоже очередные подарочки от друзей, решивших в своей милейшей компании, что Дэночке будет не комфортно ездить на простых лифтиках с обычненькими обывателями-студентами.

— Какая ты выдумщица, — услышав мое заявление, отозвался Смерч. — Ключ от лифта я должен был передать своему научному руководителю, — пояснил Смерч просто, — ключи от «Большой Химической» случайно оказались с собой. Недавно мы здесь репетировали поздравление для выпускников нашего факультета. У меня остался дубликат.

— Вот кааак? — протянула я. — А ты быстро сообразил, как можно спрятаться.

Орел начал восстанавливаться, прямо как феникс, его далекий мифический птичий

родственник, буквально воскресая из кучки. Нет, не из кучки пепла — просто из кучки. Да и страх уходил: то ли боялся присутствия Дэна, рядом с которым я неосознанно чувствовала себя в безопасности, то ли разум мой осознал, что так высоко, в запертой аудитории, нас не достанут.

— Это бы любой сообразил, Чип, — пожал плечами парень. — Если бы вспомнил про то, что ключи с ним. К тому же мне действительно часто везет — я уверен, что нас не найдут. Мы пересидим тут, а потом уйдем. Кстати, ты вроде бы успокоилась. Расскажешь теперь поподробнее, что они устроили, и зачем ты приняла в этом участие? Ты понимаешь, что…

Я бесцеремонно перебила парня.

— Понимаешь? Успокоилась? Да я и так спокойна была!!! Спокойна и счастлива! Довольна всем миром! — мой голос становился все громче и выразительнее. Наконец, заорала я, одновременно ударяя обоими кулаками по полу. Действительно, успокоилась, раз хочется теперь излить на Дэна все накопившееся негодование.

— Пока… пока твои имбицилы, называющиеся себя твоими друзьями, не испоганили мою жизнь! И как здорово они подгадили! Еще и романтикой прикрылись, твари эдакие! Мол, радуйся, такое не у каждой девушки есть. Естественно, не у каждой — не всем в жизни выпадают такие муки, как мне! А все ты, Сморчок! Ты! — я ткнула его указательным пальцем в лоб. — Ты специально подговорил всех надо мной издеваться!

Как же я до этого додумалась — сама не знаю. Когда человек злой — он все, что угодно может выдать, но об этом я уже потом размышляла.

Дэн, молча, с изумленным видом, указал себе на грудь ладонью, состроив обиженную гримасу и беззвучно открыв рот, словно спрашивая: «Я?!».

— Ты, ты! И нечего прикидываться!

Он имел богатую мимику — даже выражение его глаз менялось в зависимости о показываемой им эмоции. Он отрицательно помотал головой, явно дурачась, и скрестил в воздухе руки, типа «не приплетай меня». А потом погрозил вдруг мне пальцем.

— Из-за тебя устроили это адское шапито!! — выдала я, представляя себя огнедышащим драконом.

— Адское шапито? — поинтересовался парень. — А что, ты права — адское шапито. В духе моих друзей. Когда-нибудь я напишу книгу: «Мои адские друзья». Или лучше так: «Друзья из ада». Комедийный психологический триллер.

— Сморчок!!

Мои вопли здорово повеселили Дэйла. Уверена, в другой ситуации, он бы точно слушал бы их, подперев рукой подбородок.

— Да не кричи ты так, — ловко зажал он мне рот ладонью. — Бурундук, а если нас услышат из-за твоих возгласов?

Я тут же попробовала ударить его по плечу, но свободной рукой Смерч перехватил мои запястья и, каким-то непонятным образом, прижал к моим же плечам. От возмущения я попыталась задействовать в нашей, так называемой схватке, и ноги, но вновь потерпела

mir-knigi.org

фиаско. Этот тип умудрился положить на меня свою проклятую нижнюю конечность, почти полностью обездвижив. Я попробовала сказать ему, что сейчас убью, но, естественно, мне и этого не удалось, вместо слов послышалось только приглушенное и невнятное полурычание-полумычание.

— Тихо-тихо, я сильнее, Чип. Тише, — дал он мне добрый совет.

Сильный, козел. Маньяк несчастный. Озабоченный хрен. Жаль, ты этого не слышишь, и пару других, очень крепких выражений — тоже. Но ничего, и на моей улице будет праздник, я попрошу брата, чтобы он тебя… Черт, а что я Федьке скажу — меня скрутил мой друг, ударь его за это в челюсть посильнее, пожалуйста? Одно из двух: либо брат подумает, что меня друг не просто «скрутил», а… хм… еще и кое-какие действия нехорошие совершил — и тогда он превратит Смерчинского в главного калеку этого века, или же братишка решит, что я окончательно рехнулась, и будет ржать и доставать меня, как минимум, месяц.

Мы просидели в такой милой и очень недвусмысленной позе минут пять, уставившись друг на друга. Головы наши, естественно, были близко: в опасной, так сказать, близости. Я попробовала укусить Дэна за ладонь — однако, это плохо получилось. Лягаться и пинаться, впрочем, — тоже. Когда силы, наконец, иссякли я перестала сопротивляться, и просто сидела «в сладких объятиях» дергая ногой и пытаясь расслабиться, да куда там — если мышцы с этой задачей более-менее справились, то сердце устроило небольшую вакханалию — застучавшись, и кажется, пару раз перевернувшись, успешно игнорируя все законы физиологии и даже физики.

Смерч, который, кажется, ничего не заметил и продолжал удерживать своего оскорбленного и несчастного партнера, то есть меня, не прилагая никаких усилий, улыбался, зевал, пару раз почесал нос об мое плечо (я протестующее вдохнула — вдруг нос сопливый?) и зачем-то подул мне в шею — от этого я вздрогнула, кажется, изумив парня — он засмеялся, как всегда при этом опустив голову. Я думала, этот шакал животик надорвет, но нет, не дождалась.

Поглумившись надо мною, он с чистой душой принялся вслух размышлять, что я веду себя как подросток, напоминая его малолетнюю кузину, которую он редко видит. Еще ему, видите ли, очень жаль, что у него нет родной младшей сестренки, но он с удовольствием возьмет на это вакантное место меня — я подхожу на эту роль едва ли не идеально. Сначала я продолжала злиться, потом почувствовала неловкость — это все потому, что Дэн был так близко. Сердце так трепыхалось именно из-за него. Я вообще сделала странный вывод: сердце — это цепной пес, охраняющий дом, организм, в данном случае. Чужой приближается — начинает «лаять»: сильнее стучаться. Эх, как бы я не любила Ника, а все равно, присутствие красивого парня, бережно, но с силой обнимающего меня, сделало свое дело — я занервничала, и, даже кажется, чуть-чуть покраснела. А если на миг закрыть глаза, и представить, что меня как будто бы Никита обнимает, а не Смерчинский-дурак держит?

«Отличная идея!», — высветилась перед внутренним взором большущая надпись, подсунутая противными мыслями.

О, да, я сделала это — насладилась прекрасными мгновениями иллюзий, почти что, поверив в них, затихла и перестала подавать признаки активной и агрессивной жизненной позиции.

Поэтому через полминуты, поинтересовавшись, согласна ли я вести себя тихо и по-человечески рассказать, что же все-таки случилось, Смерч осторожно отпустил меня и даже в лоб не получил. А ведь я уже замахнулась, было, чтобы ему как следует вдарить меж рогов — тех самых, призрачных, которые ему Ольга наставляет успешно в компании с моим любимым,

но внезапно пожалела дурня. Наверное, иногда он действительно Счастливчик — мою руку отвели его Ангелы-хранители.

Сделав над собой усилие, и не дав орлу ткнуть клювом в глаз партнеру, я пересказала Смерчинскому события сегодняшнего дня, в красках и в лицах, зло и нервно передразнивая всех и вся, бурно жестикулируя и изредка вставляя что-нибудь из ненормативной лексики. Дэн слушал, молча, внимательно, как будто бы я ему лекцию по матанализу пыталась рассказать. Его выражение лица, в конце концов, вновь немного вывело меня из себя.

— Ну что? Что ты так уставился? Тебе еще раз повторить, что ли?

— Партнер, ты опять нервничаешь. Возьми, — и он протянул мне конфетку-леденец, — успокоишься.

Я пожевала нижнюю губу и отрицательно покачала головой.

— Не хочешь — как хочешь. Давай дальше, Бурундучок мой. Пока мне все понятно, — Денис вроде бы и не отдавал приказа, а произнес все это любезным, приятным голосом друга всего человечества, но я, словно против воли, принялась рассказывать дальше, впрочем, не отходя от стиля изложения.

— Сморчок, еще раз Бурундуком в любой его вариации назовешь — прибью, — пообещала я в который раз. — А дальше — что дальше? Приперся ты и встал, как столб. Вытаращил глаза. Открыл рот, вывалил язык из пасти — с него еще так противно слюни ядовито-красные текли — ты откушал кого-то недавно? — занесло меня в другую сторону, преувеличительную.

— Я съел милую беззащитную красавицу, обожаю этих прелестниц… они так сексуально меня бояться… кричат… Ммм… — соглашаясь таким странным озабоченным образом, парень щелкнул зубами перед моим лицом, явно подражая волку из старых мультиков, а потом ткнул в мое плечо пальцем, сообщив приятную новость. — Но ты можешь не беспокоиться!

— Что значит — могу не беспокоиться? Падре, я что, уродина, по-твоему? — возмутилась я. — Ты меня хавать не стал бы, потому что я не идеал твоей красоты? А?!

— Нет, ты милашка, — сказал спокойно Дэн. — Я не ем своих друзей. Ты же мой друг, да? — и он, как и всегда, обаятельно улыбаясь, зачаровал меня.

— Друг… друг… А потом ты явил себя народу, все тут же словили нереальный кайф…

— Перенесли маленькую смерть, — лукаво глядя на меня, вставил Смерч.

— Что это? — Не поняла я.

— Да так… маленький синоним французского происхождения, — не пожелали Их Светлость объясниться, а мне было все равно, хотя на заметку я все-таки это выражение взяла. Спрошу у кого-нибудь.

— Не перебивай меня больше, иначе маленькую смерть словишь ты.

— Неожиданное предложение, — протянул мой собеседник, мечтательно уставившись в парту — мне это вот так сразу редко кто предлагает. Ладно-ладно, молчу, Чип!

— Не перебивай! Хотя, что там уже перебивать? После твоего явления и озарения твоим

божественным светом несчастных страждущих, меня выпихнули к тебе, заставляли поцеловать — чтобы тот, кто первый придумал это «горько» — был одним из первых претендентов в топку Словесного Холокоста. Ну а потом настало время прибытия милиции… Как ты думаешь, они уже свалили из универа? — с надеждой заглянула я в глаза Дэна.

— Не знаю, — задумчиво отозвался молодой человек.

— Ага! Ты хоть что-то не знаешь! — возликовала я.

— Я же не всезнайка.

— Интересно, а милиционеры поймали кого-нибудь? Вернее, ставлю вопрос по-другому: сколько человек они поймали? — я вдруг забеспокоилась насчет Маринки и Лиды. На друзей партнера было плевать с высокой колокольни.

— Надеюсь, нет, — вздохнул Дэн. — Кто их вообще вызвал? Непохоже, что это была наша охрана.

— Это точно. Слушай, Сморчок, дай телефончик, я подружкам напишу, что ли… — Их номера я помнила наизусть.

— Конечно, — протянул он мне знакомый ядовито-желтый коммуникатор. — А твой где, кстати? Я тебе писал и звонил, но ты ни разу не ответила, — в его голосе появилось осуждение.

— Да я его вообще забыла, — призналась я. — Думаешь, если бы у меня был с собой мобильник, я бы не сообщила тебе об этом дурдоме, а?

— Вероятно, сообщила бы, — тут же поскучнел парень, едва вспомнив «мероприятие» его друзей.

«С вами все в порядке?? Не поймали? Это Маша», — тем временем написала я.

Ответ пришел почти сразу, как будто бы Маринка знала, что я сейчас напишу ей и ждала сообщение, неотрывно глядя на экран телефона.

«Да, мы успели смыться!! Ты где?! С тобой все в порядке? От кого пишешь?»

«Все в порядке, сижу в пустой аудитории, пишу от Смерчинского. Буду дома — позвоню!»

«Точно, вы же вместе смылись……!:):):)», — написала подружка. Почти тут же прислала и вторую смску:

«Вдвоем с Дэном в пустой аудитории… Гм, какой простор для нашей фантазии:) И не только нашей… Что вы там ДЕЛАЕТЕ?»

Эти ее двусмысленные многоточия, большие буковки и намеки меня рассердили, и я, не став больше писать подруге, отдала коммуникатор его хозяину, теперь молчавшему.

— Чего молчим? — поинтересовалась я.

— Думаю…

— О чем?

— О том, что сделали мои друзья. Это было неожиданно и… Да, это было жуткое зрелище.

— На твоем месте я не называла бы их друзьями, — заметила я. — Я до сих пор чувствую себя оплеванной.

— Оплеванной? Ты? Да ведь теперь Ольга думает, что у меня есть девушка…

— Может, она не знает? — предположила я. Но, когда брюнет с надеждой взглянул на меня (для отчаявшихся любая надежда, даже та, что больше походит на привязанную к удочке злодеем-шутником пятитысячную купюру, предназначенную для махания с третьего этажа перед лицом бедняка, кажется спасительным мостиком через мутную реку разочарования), то я с довольной улыбкой — нет, даже почти со счастливой! — сообщила ему:

— Я шучу. Это уже все в универе знают. Хотя, конечно, если Князь — непроходимо тупая, то у тебя есть шанс сохранить все в секрете.

После этого я гомерически захохотала — правда, не слишком громко.

— Злорадная ты, девочка моя, — не показалось это смешным Смерчу, однако я ошиблась — в следующую минуту улыбнулся и он — и стал похож на ангела: такой лучезарной казалось его улыбка. Люблю людей, которые могут смеяться над собой и над своими неприятностями и неудачи.

— А ведь, — проговорил Дэн, не зная, что я о нем думаю — и лицо его при этом осветилось еще и умилением, — Клара тоже теперь это знает. Хотя, конечно, если наш мальчонка — непроходимо тупой, то у тебя есть шанс сохранить все в секрете.

— Не повторяй за мной, — мигом перестала я ржать: Дэн был прав, прав, и мне это не нравилось! — Блин, это ведь действительно так. И вини во всем дружков-приятелей, ясно? Твои друзья — по крайней мере, те, кто это затеял, явные шизофреники. Шизоголики, — вынесла я суровый вердикт. У меня уже все ноги затекли сидеть здесь. Я теперь домой хочу, к маме, к ужину и к котэ. Даже комната Федьки, похожая на берлогу слонопотама, мне нравилась больше, чем аудитория «БХА».

— Are they fucking kidding me? Are they retards? — Он потер лоб, словно говоря это сам себе.

— Что? — не поняла я.

— Да так… В семье не без урода. Уродов, — коротко пояснил парень. — Маш, дай-ка телефон, попробую позвонить парням, узнаю кое-что.

— Ага, — мой взгляд наткнулся на подарочек, врученный Дэну заботливыми Шляпниками. — А что там внутри?

— Не знаю, — пожал плечами Дэйл, наморщив лоб и решая, кому позвонить.

— А я потеряла букет, — пожаловалась я со вздохом величайшего сожаления. — Естественно, из-за тебя. Вот что значит невезенье. Слышишь, Смерчинский, и ты продолжишь утверждать, что ты удачливый парень? Ты? Тому, кто прозвал тебя Лаки Боем — плюнь ему в глаз.

— Пожалуй, я без таких радикальных мер обойдусь, — не захотел слушаться меня он.

— Жаль, жаль. О! Ого! — Принюхалась я, излишне громко втягивая носом воздух. — О!

Дэн с некоторым недоумением поглядел на меня и тоже пару раз втянул носом воздух.

— Ты что? — удивился он.

— Я чувствую… — Громким трагичным полушепотом произнесла я. — Чувствую?

— Что?

— Его!

— Кого? — Поднял левую бровь мой собеседник и друг по несчастьям.

Я смерила его притворно-жалостливым взглядом и произнесла назидательно:

— Великий дух неудачи! Он витает над тобой. Да! Да! Я вижу над тобой.

— Серьезно, сколько тебе лет, Чип? — С излишней заботой спросил партнер. — Вроде бы не десять…

— Двадцать. — Гордо поведала я. — Двадцать один стукнет в начале декабря.

— Друг мой, ты на столько не смотришься. — Покровительственно отозвался парень, явно намекая на мою не слишком взрослую внешность. — А в душе тебе все-таки десять. Хорошо-хорошо! Двенадцать. Тринадцать! — Повысил он мой возраст, глядя на то, как я сжимаю губы.

— Неудачник.

— По крайней мере, мы удачно смылись. К тому же я тебе говорил — давненько со мной не было такого… Фортуна решила наказать меня за что-то? — весело сам у себя спросил Дэн.

— Наверное. Ты слишком красив, умен и даже богат. Тебе положено быть неудачником, Смерчинский. Или лишиться одного из этих свойств. Мир, знаешь ли, любит равновесие. А ты его своей идеальностью нарушаешь. Ну, что тебе вручили дружки? — Вновь полюбопытствовала я, глядя, на лежащую на полу коробку.

— Спасибо за то, что поделилась своими размышлениями, Мария. Я, пожалуй, попытаюсь оставить себе все это, — проявил-таки свою алчность Дэн. — Если тебе интересно — открывай.

— Сам открой. Твоя ведь, — вообще-то я просто не могла справиться с оберткой.

Смерчу пришлось отложить коммуникатор, и он распаковал коробку с помощью маленького складного ножичка. Оказалось, друзья вручили ему нечто под названием «*Наша незабываемая ночь: Романтический набор для нежных и страстных*». От названия, огромными переливающимися сиреневыми буквами выведенного на прямоугольной коробочке с изображением силуэтов влюбленной пары, меня слегка передернуло — мне пока что было нелегко представить Смерчинского в роли страстного любовника, желающего провести со мной «незабываемую ночь». Однако вредное подсознание тотчас подсунуло сознанию картинку, где Дэн держал меня и дул в шею.

Орел на время прекратил полет и сюрреалистично покрутил крылом у виска, а затем вновь взметнулся вверх, к облакам.

Крабовый бог! Я опять покраснела, а сердце с новой силой «загавкало». Хорошо еще, что Денис не видит и не слышит.

Чтобы не думать ни о каких подобных глупостях, я уставилась на подарок, который включал в себя некоторое количество дурацких романтических штучек, а именно: набор шоколадных конфет, завернутые в серебряные, золотые и белые обертки, небольшую элегантную бутылку вина французского происхождения — об этом говорила этикетка, розовые и белые тонкие свечи в миниатюрных подсвечниках, два полупрозрачных флакончика: один синий, другой красный, и целую пачку миниатюрных открыток всех форм и оттенков красного: от пурпурного до оранжевого. Все это богатство, посыпанное для большего антуража лепестками цветов, предположительно, роз, привело меня в восторг.

— Занятно, — впечатлился и Дэн, с некоторой долей брезгливости и опаски рассматривая открытку в форме сердечка. — Они неисправимы. Ты знаешь, для чего это нужно? — он указал остальные открытки.

— Понятия не имею. — Я тоже взяла одну из них, прямоугольную и уставилась на двух белоснежных лебедей, над которыми вились все те же сердечки. На обратной стороне я увидела несколько горизонтальных линеечек — как в тоненькой тетради по русскому языку.

— Это открытки отношений — их столько, сколько недель в году. Предполагается, что каждую неделю влюбленные будут записывать на обратно стороне то, что происходит с их отношениями. Всего пару предложений. — Он задумчиво повертел в руках телефон.

— Неужели бывают настолько безнадежные тупые влюбленные? — Я расхохоталась, рассматривая прочие открытки.

— Вообще-то это может быть очень мило, — пожал плечами парень. — Если двое чувствуют друг ко другу нежность и привязанность — почему бы и нет?

— Иногда ты похож на сентиментальную тетушку. Откуда ты знаешь про эти открыточки? Я впервые их вижу.

— Мой друг открыл love-бизнес, — пояснил Денис. — Это его оригинальные задумки.

— С секс-шопами ему явно не тягаться… Да уж, ничего так себе наборчик, интересный, — я без спроса потянулась одновременно к конфетам и к мудреной свечке, обсыпанной блесками. А Дэн, окинув еще одним выразительно-насмешливым взглядом подарок друзей, наконец-то, позвонил кому-то. Я, рассматривая подарки, не прислушивалась к его разговору. Он говорил, а я хихикала, представляя идиотов, которые каждую неделю записывают в них свои чувства, эмоции и поступки. Идиотизм самой чистой воды!

— Нам можно собираться, — сказал Смерчинский через пару минут, после того, как внимательно выслушал собеседника и напечатал пару сообщений — мне показалось, что ими парня просто-таки атаковали. — Все свободно, милиция свалила. И даже никого не задержала. — Его голос был даже несколько растерян.

— Жалеешь, что никого не успели поймать? — с полным ртом спросила я. — Я бы тоже жалела… Никакой справедливости!

— В том то дело, что поймали, а потом отпустили, — отозвался молодой человек, вылезая из-под, порядком надоевшей нам обоим, парты.

Кому рассказать, не поверят, что я с Дэнни вдвоем прята…

Я сама себя тут же оборвала. Поверят, еще как! Еще и вопросы странные задавать начнут!

— Как это, отпустили? Они что, взятки прямо на месте преступления уже берут? — поразилась я, запихивая в рот вкусную конфету в форме надутого сердечка, с зефиром и фисташками и снизу вверх протягивая конфеты синеглазому. Я думала, что Смерч, как и Федька, к примеру, откажется от сладкого, но нет, взял, и сразу несколько штук, а еще и сказал:

— Оставь мне с зефиром, Чип, не будь жадной. А то мне придется тебя Кротом называть.

— За что?? — точно, он же сладкоежка, как я могла забыть. А дружить с этим парнем очень, очень хорошо… Глядишь, еще раз в то кафе с вкусными пирожными сводит на халяву… Блин, я сейчас замурлыкаю.

Орел возрадовался, продолжая клевать золотое пшено, перемешанное с самым лучшим мясом.

— За жадность, говорю же, — Смерч протянул руку и помог подняться мне, а затем вытащил мой порядком помятый рюкзак и подаренным нам красный гелиевый шар с надписью, приводящую меня в восторг. Отряхнув рюкзак, он зачем-то принялся изучать росписи на нем, проводя пальцем по тонкому материалу.

— Что, знаешь, кому какая принадлежит? — поинтересовалась я, незаметно вытаскивая еще одну зефирную конфету.

— Да, мои друзья все-таки писали… хотя не все узнаю. Это, наверное, твои писали, — кивнул сосредоточенный Денис, продолжающий изучать «наскальную живопись». — Эй, ну я же попросил мне оставить с зефиром! Там и так их мало!

— А тебе откуда знать?

— Это мои любимые конфеты, — признался Дэн. — Три сорта любимых.

— Мда. Как ребенок, это тебе десять лет, а не мне, — ничего не смогла сказать я, но следующей конфетой, которую я вытащила — была грильяжной. Вдруг малыш Денисочка расстроиться, если его любимых конфеток не останется?

— А что так с милицией? — поинтересовалась я вновь, накидывая рюкзак на плечи.

— Всех, кого поймали, почти сразу же освободили — на помощь прибыла профессура, — стало смешно Денису. — Они увидели, что их родных студентов грузят пачками в автобусы ни за что ни про что, и решили спасти. Так что все в порядке. Мы можем идти.

И мы, наконец, ушли. Оба, конечно, удивленные таким поворотом событий, но довольные, что все хорошо кончилось. Конечно, такое краткое загадочное объяснение меня не слишком устраивало, поэтому я собралась узнать подробности у подружек или у одногруппников — но не сейчас, потом. С каким хорошим настроением я вышла в коридор, по прежнему пустой, но еще более темный, и даже на Смерча, закрывающего сейчас аудиторию, почти не злилась.

— Я пить хочу, — пожаловалась я уже в лифте, ощущая невыносимую сладость во рту.

— Пожалуйста, — протянул мне бутылку вина Дэн. Остальные части подарка лежали у меня в рюкзаке — я выпросила их у парня, даже лепестки забрала. Впрочем, он и не возражал.

— Я что тебе, алкаш: алкоголем запивать еду? А, впрочем… если ты откроешь, то я, пожалуй, попробую. Мое сердце чует, что это дорогое вино.

— Оно чует правильно, — пригляделся к этикете парень. Оказалось, на французском он читать тоже умеет, причем очень хорошо.

— Красное полусладкое. Тебе должно понравиться, — пояснил он мне со знанием дела. Это Vins DИlimitИs de QualitИ SupИrieur…

— Ты знаешь, мне это ни о чем не говорит. Мы языков иноземных не знаем-с. — С достоинством отвечала я, как будто бы знанием языков являлось преступлением против человечества. По сути, оно так и было — преступлением против меня и таких же неучей, как Димка. Мы с английским мучаемся, а Сморчок блещет, как назло, своими знаниями!

— Это хорошее вино, вино высшего качества с ограниченными контролируемыми параметрами, подлежащие обязательному прохождению дегустации, — явно что-то процитировал Дэн. Да его только за одну память ненавидеть можно!

Парень, видимо, понял ход моих мыслей и пояснил простыми словами:

— Качественный, дорогой и хороший напиток. Смело пей.

Он на удивление легко (сам изумился) открыл бутылку, поднес горлышко к носу, втянул воздух носом и протянул бутылку мне.

— Пей, Бурундук, спокойно. Это не вино, — вздохнул он с сожалением.

— А? Водичка что ли? Тебя надули? — Я не знала, разочаровываться мне или радоваться.

Оказалось, это был виноградный сок. Друзья Дэна посчитали, что ему лучше вообще не пить алкоголь, даже не слишком крепкий. Даже записочку объяснительную написали — ее мы чуть запоздало нашли на крышке коробки.

«*Ты пить не умеешь,* — значилось в кратком послании, — *не позорься перед девушкой, похлебай виноградику. Не злись и не огорчайся, а, главное, не огорчай нас и используй наш подарок с умом и фантазией. А шоколад твой любимый, искренне надеемся, тебе он придется по вкусу, и ты угостишь им подругу.*

Пы. Сы.: совет вам да любовь. Красный шар — гарант ваших чувств. Все мы — их земные свидетели.

Мы»

Чуть ниже, чьим-то корявым-прекорявым подчерком не слишком грамотно было подписано:

«Чувак я хател подложить беленькой да они охренели!! Сами ее забрали и выпьют я проста уверен на все 100! Выгнали меня на фиг идиоты. Неиллюзорно вышло… Короч иду репетировать песенку для тебя и твоей герлы. Она хорошенькая. Ты ее реально должен…»

— Дальше не читай, — вырвал у меня из рук послание Дэн, естественно, читающий намного быстрее, я же с трудом разбирала косые буквы малограмотного «писателя».

— Почему?! — Хотелось дочитать мне до конца.

— Это писал мой не совсем приличный друг, — спрятал записку в карман Смерч и подтолкнул меня, чтобы я первой вышла из лифта. — Девочкам, особенно таким приличным, как ты, не нужно знать такие подробности. Да, бурундук?

— Да, Смердяк, — огрызнулась я.

— Глупышка, — легонько толкнул меня плечом он.

— Сам тупой. Смердякотупица. — Кажется, этими словами я подтвердила недавнюю догадку партнера по поводу моего десятилетнего духовного возраста. — А не парень ли с челкой это накарябал, который пел идиотскую песню в микрофон? — полюбопытствовала я, сгорая от желания узнать, что же такое вы записке.

Оказалось, что он. По словам Дэна, музыкант имел специфическое чувство юмора и большое пренебрежение к женскому полу, хотя девчонки на него вешались изрядно. Я бы на такого тоже повесилась — он милашка, хотя, вероятно, и пошлый. Эх, если бы не Ник…

«Никита не виноват!», — тут же дружно сообщили мне вольные мысли-головастики, наспех изобразив эти слова на очередном плакате-растяжке.

— А почему тебе алкоголь пить нельзя? — невинно спросила я, когда мы уже оказались на улице. Благословенной тихой и пустой, если не считать пары запоздалых студентов, улицы! А ведь недавно здесь столько было народа — страшно вспомнить. Даже дяденьки милиционеры, вызванные неизвестно кем, разволновались и приехали на машинках.

— Я совершаю всякие глупости, — поведал мне Смерч, впрочем, не смущаясь. — И вообще не помню, что делал или с трудом вспоминаю.

— Буянишь? — представила я, как он в припадке бешенства избивает всех подряд, не глядя, парень это или девушка, а потом, как десантник ВДВ, разрывает рубаху и стучит кулаком в грудь, невообразимо громко вопя.

— Не-а, такого пока не было, — он тонко улыбнулся, по привычке, явно нехорошей, взял меня за руку и повел вперед. — Говорят, что я веду себя не совсем адекватно. Могу рассказывать странные истории. Смеяться просто так. Или пребывать в глубокой депрессии. Приставать или лезть обниматься. В общем, я стараюсь не пить. К тому же я говорил тебе — я против насилия. Буянить разум не позволяет даже в таком состоянии. Кстати, возьми-ка шар, — и он сунул мне в руки прочную нить от красного чудовища.

Я не знала тогда, правду Дэнни мне сказал или предпочел солгать (не о насилии, а об их взаимоотношениях с алкоголем), но в тот благословенный непонятно каким шутником день этот парень показал мне, каким неадекватным милашкой бывает, когда не совсем трезв. Может быть, после совместно проведенного дня и, к моему великому сожалению, ночи, я и стала воспринимать его не только как друга и, кхм… партнера, с которым, не смотря на закидоны его и его друзей, чувствовала себя спокойно и даже надежно, но и как красивого обворожительно парня, с которым приятно находиться вместе. Нет, конечно, тогда Дэн не мог составить конкуренцию Никите, всецело владеющему моим сердцем, но начал совсем по чуть-чуть, очень деликатно, вытеснять его оттуда.

И началось все с того, что мы, обсудив кучу животрепещущих вопросов, поедая оба все те же конфеты, оказались на остановке. Дэну, видите ли, понравилось ездить на автобусе («настоящие гонки на выживание», — сказал он мне), байк Смерч отдал Черри, а машину — черт, у него была еще и собственная тачка! — не захотел брать. Парень только что позвонил своему научному руководителю, про которого совершенно забыл, не смотря на свою классную память — оказалось, друзья попросили препода вызвать Дэна именно в это время, чтобы он попал на «сюрприз»: это нас обоих слегка шокировало — такое вероломство со стороны взрослого человека. Зря только Смерч переживал, что подвел научного руководителя! Это тот

его подвел на самом деле!

Обсудив и это злостное деяние, мы разговаривали, стоя рядышком, не на самой остановке, а около, справа от стройной белоствольной березы, на которой несколько запоздало, но уже обгоняя друг друга в скорости роста, все сильнее и сильнее распускались нежно-изумрудные листочки. Сейчас они едва слышно шелестели над нами. А мы ожидали автобусы, куда-то запропастившиеся. Я основательно присела на уши Дэйлу, поныв, что поступок его друзей — ужасный и непорядочный, а его друзья — мерзавцы из мерзавцев.

— У тебя столько… друзей, но все они с приветом. Хотя, двое из них все-таки более-менее адекватны. Панк и норвег. А где они, кстати? — мне казалось, что эти двое из категории «близких друзей» отсутствовали на «адской церемонии». Как это они могли пропустить такое грандиозное глумление над собственным Дэнни?

— Ланде и Черри? — задумался парень. — Ммм… их не было?

— Нет.

— Не было? Уверена? — его это тоже поразило.

— Не было, не было.

— Я почти что шокирован. Они-то как раз знают, что я испытываю к Ольге. неужели они не знали о том, что остальные готовят? Это странно, — задумчиво произнес мой партнер, не отпуская моей руки — что мне было приятно, и я тоже не хотела ее отдергивать. — Да, кстати, а ведь вчера вечером Ланде звонил мне и просил никуда не ехать.

— Как это?! — безмерно удивилась я. — А ты что?

— Понимаешь, — покровительственно посмотрел на меня парень. — Вчера у меня была девушка. Откровенно не до Ланде было.

— Девушка? — поиграла я бровями, и голос мой был веселым. Но сразу захотелось отпустить его ладонь. А потом — схватить покрепче, чтобы Смерчу стало больно-больно. Чтоб на его руке синяк остался, величиной с мой кулак.

— Девушка. — Спокойно подтвердил парень, словно говорил о завтраке или обеде.

— Девушка?

— Девушка.

— Девушка?! — все не могла поверить я.

— Да, девушка! Я не увлекаюсь парнями. Или ты не знаешь, что такое девушка? — с чертиками в глазах посмотрел на меня этот негодяй-развратник.

— Как, девушка? — Смотря на него удивленно, спросила я. — Ты же вчера это… едва ли не оплакивал провал с Князевой, а сам притащил домой девушку?

— Мне нужно было успокоиться, к тому же эта встреча… — парень замолчал, подыскивая слова.

— О! Капец! — была просто ошеломлена таким поворотом событий — надо же, а наш Смерч

mir-knigi.org

время даром не теряет. Быстро ходит, быстро думает, быстро чувствует — я имею в виду в плане эмоций. Раз — и все, забыл неудачи, забыл ту же Князеву и забылся в объятиях другой! Не зря, не зря его бабником называли. Да, точно, не может же он быть настолько идеальным, что всю жизнь будет верен одной лишь Гоблинше?

— Вообще-то она пришла ко мне по делу, но потом получилось… Слушай, так как ты маленькая, я не буду тебе ничего объяснять, — видя мою реакцию, ему стало невероятно смешно, я видела, что парень с трудом сдерживает смех. — Ладно, давай будем считать, что я был занят курсовой работой.

— Ага… Курсовой по анатомии, что ли? — Пнула я камешек. Тот отскочил метра на два и ударился о бок проезжающей мимо машины.

— Маленькая разрушительница, — тут же обозвал меня Дэн и продолжал, явно желая замять историю о девушке, с которой пробыл вчера. — В общем, я не стал его слушать, и отключил звук. Этот парень может быть жутко настойчивым. Легче вовсе не брать телефон в руки, чем выслушивать его… Проснулся очень поздно и весь сегодняшний день я… я действительно уже писал курсовик, и игнорировал Черри, который маниакально названивал мне всю первую половину дня. Они чем-то неуловимо похожи с Ланде. По ходу он был пьян и нес околесицу.

— Какую? — Живо заинтересовалась я.

— Тоже просил не ходить никуда сегодня. Вроде как меня ожидает сплошное разочарование — только он эти слова при помощи абсентной лексики выразил. Мне пришлось его тоже послать, чтобы не мешал. А потом оба пропали. Надо будет перезвонить, — задумался Смерч. — Может, предупредить хотели?

— Хотели бы — предупредили. Поди, они и есть организаторы адского шапито.

— Нет, — решительно возразил Смерч. — Странно. Почему я вчера не послушал их? Как только я связался с моим дорогим партнером, у меня все пошло не так, как я планировал. — Он со вздохом посмотрел на меня — и мне показалось, что я знаю этот взгляд. Точно, на меня так Федька смотрит, когда я сделаю ему какую-нибудь пакость, нечаянно или специально, а он меня прощает, потому как я меньше и, следовательно, глупее.

— А к Интернету я вообще не подходил, — продолжал думать вслух парень. — Был сильно занят. Домашний отключил — отца и мамы не было дома.

— Я же сказала — ты самый настоящий неудачник. — Вынесла я ему суровый вердикт.

— Я скоро начну в это верить.

— Мне надоело его держать, — взглянула я на гелиевый шар. — Твои друзья даже удобных шаров подарить не смогли. Себе то маленькие купили, отпустили их в небо, а нам…это чудовище красное. И как они его только не проткнули, косорукие, когда расписывались?

— Давай его тоже отпустим, — предложил парень, взглянув на шар и почему-то тепло ему улыбаясь.

— Прямо здесь? — посмотрела я на бледно-голубое небо, начинающее темнеть на западе. Ни одного облака по-прежнему не намечалось, зато ярко-оранжевое садящееся солнце очень красиво золотило кусок неба вокруг себя, создавая бледно-желтый ореол.

— Прямо здесь. «*Красный шар — гарант ваших чувств. Все мы — их земные свидетели*», вспомнил он слова из записки друзей, лишний раз подтверждая, что его голова — помойка. Почему? Да потому что в ней остается все, что он когда-то видел, слышал или читал.

— Я снимаю с шара эту ответственность, — солидно сказала я, сощурившись — пыталась определить, мой ли автобус едет вдали или нет: оказалось, что не мой.

— Энергия не может возникнуть из ничего. Не может исчезнуть в никуда. Может лишь переходить из одной формы в другую. Как говорил, Ломоносов, по-моему, «сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте». Ничего не проходит бесследно. На кого ты перекидываешь эту ответственность? — Поглядел на меня Дэн, вновь блеснувший эрудицией.

— Странные мыслишки у тебя. Да хоть на это дерево, — я всегда с насмешкой относилась к этому закону, если его пытались из науки перетащить в повседневную жизнь.

— Только вместе это сделаем, идет? — он взялся за нитку чуть ниже моей ладони. Я кивнула. Все-таки неплохая идея! Жалко, конечно, шар все же красивый и необычный, и я хотела бы хранить его у себя дома, но то, с каким смыслом вручили нам его, меня смущало. Нет уж, пусть летит туда, вверх! Орел проводит шар до верхушек деревьев, а бурный поток воздуха — смерч — еще выше.

— Улетай и повидай космос, — торжественно сказала я шару на прощание. — Передавай привет марсианам, если долетишь до Марса. Мы будем тебя помнить и все такое.

— И уноси с собой все наши проблемы с недоразумениями, — добавил Смерч, осторожно касаясь надписи на шарике, как будто бы желая запомнить тактильные ощущения. — Бурундук, как это символично: «Поздравляем с новой девушкой» унесется прочь, унося вместе с собой и то, что натворили мои друзья.

— Твои друзья-придурки, — с этими словами мы и отправили гелиевого гиганта в путешествие, одновременно разжав пальцы. На миг мне стало ужасно жаль его — такое чувство, что в небо полетел на гелиевый гигант, а душа, только что покинувшая чье-то бренно тело, Но я переборола это чувство и помахала шару рукой.

— Слушай, — вдруг спросил задумчивую меня Смерч, провожая медленно-медленно улетающий шар внимательным взглядом, — что ты будешь сейчас делать?

— Домой поеду. Покушаю. И буду смотреть сериал. Или играть в игрушку новую, — не раздумывая, отозвалась я. Шар взлетал все выше и выше. Пока, милашка! Скоро ты будешь на замечательной высоте, и тебе откроется красивый вид вечернего города. А потом город превратиться в небольшое пятно, и ты насладишься просторами лугов и полей, холмами и грядами гор и широкой рекой, берущей из них свое начало.

— Мы с тобой сегодня многое пережили, — тоном профессионального искусителя, прошедшего практику в земном филиале адского агентства «Выманивания душ у населения», произнес брюнет. — Нам нужно отдохнуть. Хочешь посидеть в клубе, послушать музыку? Мои друзья сегодня выступают. Те самые, которые пели.

— Твои друзья? Нет уж, спасибо, я лучше поед… — договорить я не успела — наш глупый шарик посчитал, что в космос лететь слишком далеко и предпочел остаться на земле, каким-то одним ведомым ему способом умудрившись напороться на острую, обломленную ветку той самой березы, около которой мы стояли, с оглушающим ревом (наверное, протестовал так)

лопнул и стремительно упал на землю — совсем недалеко от нас, растекшись кроваво-красной лужицей. Ему так и не довелось покинуть землю.

Безобразие! Куда только Провидение смотрит?!

— И это тоже символично, — медленно проговорил удивленный Денис. — Кажется, наши проблемы не улетят.

— Улечу сейчас я! Вот черт! — выругалась я, подбегая к остаткам шара, бывшего шара. — Парень, ты чего не улетел?

Я аккуратно подняла его с пыльного асфальта, под взглядами тех, кто стоял на остановке и, отряхнув, засунула зачем-то в рюкзак. Кажется, шар остался раненым, но живым и сейчас довольно ухмылялся.

«Невезуха!», — сообщила мне мысль-головастик яркого бордового цвета.

Знаю я.

— Помойка там, — выразительно посмотрев на меня, сообщил Смерч. Он не понимал моих действий.

— Мне его жалко, — призналась я, мельком посмотрев направо, и вспоминая несостоявшийся полет.

— А мне жало тебя, партнер, — серьезно проговорил парень, не отрываясь, глядя в мои глаза. — Кажется, ты устала больше, чем я думал. Ты просто обязана поехать со мной и как следует расслабиться.

— Прости, Смерчинский, я хочу домой, — вынуждена была отказаться я, скрещивая руки на груди и склонив голову к правому плечу. Дааа, с появлением Дэна в моей жизни у меня появились огрызки шара любви, романтический набор, игрушка из автомата, оригами, подобранное мною в клубе. А, да, еще куча проблем. И довольно хорошее настроение в сочетании с целью: разлучить Ника и Князя.

— Мария, посмотри на нас. Нам нужно немного расслабиться, забыть обо всех наших неприятностях, побыть в атмосфере праздника, — не переставал уговаривать меня парень — голос Дэна, скрестившего руки вслед за мной, непринужденный, мягкий и настойчивый одновременно, раздавался около моего уха, — и мне, и тебе хочется чувствовать себя отлично, а не подавленно. Это факт.

— Факт? Я просто вижу в это дурное предзнаменование, — заметила я, посмотрев направо — на самого парня, а потом в небо. Дэн едва заметно улыбнулся.

— С чего ты взял, что я подавлена? — буркнула я, увидев, наконец, свой автобус, благословенно пустой, такой, о котором я грежу каждое утро.

— К счастью, я способен видеть это, партнер, — ровный ритм его речи завораживал. Почему — сказать трудно. — Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Во-первых, у тебя был нелегкий день, во-вторых, тебя буквально ошарашили «сюрпризом», а, в-третьих, напугал внезапно прибывший ОМОН. Ты ведь никогда раньше не убегала от них, малышка милицейская дочка?

Я нерешительно кивнула, задумчиво потирая запястье и глядя на зловредную березу.

— Таким образом, тебе нужно снять накопившийся стресс, — сделал он вывод, с которым я внутренне согласилась. — Лучше всего — весельем. Я предлагаю тебе поехать со мной и повеселиться на славу. Ты же любишь веселье, так?

Дэн умеет уговаривать. Касается своего запястья, повторяя неосознанно мои движения и, по-моему, даже дышит в том же ритме, что это делаю и я.

— Так, — я с тоской смотрела на автобус, медленно подъезжающий к остановке. Чтобы уехать на нем днем, то нужно побороться с большим количеством желающих залезть в него и усесться на свободные места. А желающих очень, очень много.

— Поэтому ты будешь не против, если тебя развлекут, Чип, — заявил Дэн. — Оторвемся! Увидишь, тебе понравится.

— Это не понравится моей маме, — хмуро отозвалась я. Знаете, какая она строгая ко всем видам молодежных развлечений?

— Позвони ей и скажи, что ты задержишься в клубе, — предложил Дэн.

— Вы только посмотрите — какой умник! Если я скажу про клуб, она меня убьет. Моя мама — истинный тиран, — мрачно отозвалась я. — И не смей ржать надо мной. Если бы твоя мама работала в милиции и знала подноготную всех этих ночных клубов с их оборотом наркотиков, нелегальными делишками и проституцией, она бы тебе на дверь повесила замок, и ты бы куковал под ее надзором.

Дэн потрепал меня по плечу и заявил:

— Позвони и скажи, что ты пойдешь на Музейную Ночь.

— Куда-куда? — не поняла я. О, автобусик открыл двери! Мои ноги рвутся забежать в него.

— Музейную Ночь. Не слышала разве? Ты же учишься на Искусствоведении, — удивился Дэн. — Ее проводят раз в году в Музейно-Выставочном Комплексе «Витражи эпох».

— А, эта, в «Витре», — кивнула я, вспомнив. Действительно, один из больших городских музеев (сокращено весь народ отчего-то называет комплекс не иначе, как «Витра») совместно с администрацией города и еще с какими-то компаниями, специализирующимися на инновациях, проводит эту самую ночь, когда посетители смогут с полуночи до утра шариться по всем пяти этажам и рассматривать самые разные выставки и экспозиции профессиональных художников, фотографов и даже скульпторов, а также многочисленные проекты, которые на специальных площадках презентуют представители «интеллектуальной молодежи». Была я раз на такой Музейной Ночи, была. Вместе с группой и преподавателем-куратором. Не то, чтобы я пришла от нее в дикий восторг, как препод, но мне понравилось, признаюсь честно. А все потому, что представляли довольно интересные современные вещи: экспериментальную музыку, перформансы, видеоарт, паблик арт и так далее. Атмосфера была до ужаса демократичной, и можно было без труда разговориться как с посетителями, так и с авторами произведений. Я, Маринка и Лида умудрились познакомиться с тремя художниками-парнями, рисующими в стиле дикого авангарда невообразимо прикольно, хоть и непонятно. Они показались нам дикими милашками, но если сестричкам попались нормальные парни, то мне достался редкий зануда, который два часа без устали вещал о том, какой концепции придерживается и почему считает себя учеником художника Т. Радова. Я сбежала от него в полном изнеможении, поняв в очередной раз, что круче Никиты никого нет…

mir-knigi.org

— Скажешь, что вам обязательно нужно быть в музее ночью, думаю, мама поймет тебя, учитывая специфику твоего образования. И не волнуйся, — не дал мне и рта раскрыть парень. — Я доставлю тебя домой в лучшем виде.

«Хорошая идейка!» — поведали мне мысли уже знакомым способом. Да, мне, наверное, следует чуть-чуть расслабиться.

— Я вообще ничего не боюсь, — сказала я, а потом вяло согласись, сама не зная, зачем мне все это нужно. Переговоры с мамой прошли нормально: в музей она меня отпустила, правда, прочитала нотацию, и читала бы ее долго, если бы ее не отвлекли коллеги по работе. Заверив родительницу, что я якобы только что была дома и поужинала, а теперь направляюсь вместе с Маринкой и Лидой в Музей, я положила трубку и с облегчением вздохнула. Отделалась малой кровью. Единственное, на чем я чуть не прогорела, был ее вопрос:

— Почему ты не звонишь со своего телефона, Маша?

— Я забыла его дома. — Сказала я правду.

— И откуда ты звонишь? — Заинтересовалась мама.

— От однокурсника, — отозвалась я, потому как номера Лиды и Марины ей были известны.

— От Дмитрия? — Проявила осведомленность мама.

— От него. — Покривила я душой вновь, впрочем, не чувствуя угрызений совести.

— А почему не от Марины или Лиды?

— Они не идут с нашей группой, потому что… потому что у их бабушки сегодня День Рождения, и они не могут, потому что у нее юбилей, и его собираются справлять в ресторане, со всеми родственниками, ну, сама понимаешь, им не до Музея… А Димка дал мне телефон, короче.

— Какой хороший мальчик. А ты кулема. Как можно уйти на ночь и не взять свой телефон? Чувствую, мне его придется скоро привязывать его на резиночку в твоем рукаве — как детишкам маленьким рукавички приделывают. — Дэн услышал и с восторгом на меня посмотрел. Я тут же отошла от него, чтобы он еще каких-нибудь глупостей не узнал.

— Ладно, пока мама. Я буду тебе звонить с этого телефона, в общем, быстро домой вернусь, — пообещала я. — За нами… эээ… папа Димки приедет и развезет.

— Ах, у него еще и папа хороший, — воскликнула мама тут же. — Жаль, что не он стал твоим молодым человеком.

— Это счастье, — буркнула я и спешно распрощалась с родительницей. И что я делаю? Нет бы, дома посидеть.

Да, мой автобус уехал без меня, зато приехал новый, тоже пустой, большой и новый, который с радостью принял в себя нас со Смерчем.

Мы вдвоем уселись на самое заднее сидение: я к окошку, а Дэн развалился около меня, довольный, как переевшая лакомств утка. Жаль только, не крякал. Кстати, заплатил за билеты: и за меня и за себя. Утка-джентельмен с бабочкой под клювом и с тростью в крыле. Нет,

селезень-джентельмен, правда, утка звучит обиднее.

Орел издевательски захихикал, хотя и был привязан к бревну, поднятому с земли смерчем и кружащемуся в его вихре, красной атласной ленточкой.

— Нам нужен клуб «Алигьери». Выступление моих друзей начинается в девять, — удовлетворенным голосом произнес парень, предлагая мне арбузную жвачку — я, не будь дурой, оттяпала себе сразу три подушечки и засунула их в рот.

— Мы как раз на него успеваем, — продолжал он.

— Неужели этот челночник еще и в клубах поет? — удивилась я. Мы проехали территорию университета довольно быстро, и теперь автобус, затормозив, вновь открыл свои гостеприимные двери.

— Еще как. Мечтает быть музыкантом.

— Я в детстве тоже мечтала быть певицей, — произнесла я желчным тоном человека, обожающего коверкать чужие мечты и портящего настроение всем подряд. — Увы-увы-увы, мечты и реальность друг друга ненавидят.

— Будь чуть-чуть добрее, — сказал на это Смерч. — Не будь бестактной.

— Я и так бестактна.

— И это говорит одна из студенток Факультета Искусствоведения, — начал вновь читать мораль шутливым голосом Дэн.

— Заткнись! — велела я ему тут же. — Моя специальность — реклама. Я не виновата, что ее запихнули на Искусствоведение ради поднятия престижа последнего.

— Ладно, ладно, не заводись, поговорим лучше о клубе. Выступление ребят тебе понравится, расслабишься.

— Ты платишь за билеты, — заявила я.

— Естественно, Бурундук, — улыбнулся он, как гиена. Правда, сидящая напротив, девушка не заметила этого и несмело растянула губы в улыбке. — Я плачу за все. Ты, как-никак, девушка.

— Как-никак? — я с презрением посмотрела на него и с силой пихнула локтем в бок. Ямочки от улыбки вновь появились на его щеках да и глаза смеялись.

— Я тебе про капусту говорил? Говорил, Маша. А мое предложение насчет классного тренера остается в силе, — вновь показал себя не с самой лучшей стороны ветерок-раздолбай.

— А я тебе говорила про ненависть? Мои слова насчет того, что я буду ненавидеть тебя сильнее всех на свете всю твою жизнь, тоже остаются в силе, Сморчок, — проговорила я голосом ступившей под темные знамена колдуньи, вроде бы негромко, но на нас обернулось пол-автобуса.

— Да, я все помню дословно, а что, радость моя? Мне нужно бояться? — полюбопытствовал нахал — ему, как потом Смерч признался позднее, нравилось иногда меня доставать. «Ты становишься забавной, — говорил он, — беззащитной в своей по-детски наивной злости».

Девушка услышала слова про ненависть, и ее тщательно накрашенные глаза округлились.

— Вот именно! — рявкнула я. — И хватит на нее пялиться! Вот уж кто когда-то капусты объелся — так это она! А ты, — я ткнула парня в плечо, — только на таких и смотришь! Хотя нет. Наша Князева Тролль…

Тут Дэн вновь зажал мне рот, близко-близко наклонился ко мне: казалось, мы прижались друг к другу, и зашептал:

— Думай, что кричишь! Услышит ведь кто-нибудь. Тише будь, партнер.

Я, поняв свою ошибку, кивнула.

— Я же сказал, права моя бабка: милые ругаются — только тешатся, — раздался где-то в начале автобуса голос кондуктора. Ему казалось, что мы обнимаемся. Мы с Дэном отвернулись друг от друга, но я не выдержала и тихо засмеялась, а когда повернула голову в сторону Дэна, то увидела, что и ему смешно. На какое-то мгновение мне показалось, что мы похожи и, мало того, я могу понять его так же хорошо, как близкого родственника. Это ощущение длилось всего несколько секунд — когда я смотрела в его лицо с правильными чертами и выразительными глазами, которые были прикрыты длинными, как у девочки, коричневыми ресницами, зато ощущение тепла и доверия осталось на долгое время, чтобы время от времени возникать вновь.

Потом Смерч достал из рюкзака свои большие фиолетовые наушники (я уж думала, он потерял их) и сам надел их на меня, следом вынул навороченный плеер и еще одну пару наушников-капелек, подсоединил к плееру и их и засунул себе в уши. Молча протянул плеер с сенсорным экраном, предоставляя возможность выбрать музыку. Я благородно ему кивнула, и всю дорогу до клуба мы слушали музыку.

А через полчаса у нас была возможность слушать ее вживую, в том самом клубе, который был назван «Алигьери» в честь великого итальянского писателя и поэта начала Эпохи Возрождения..

Остановка находилась как раз напротив этого высокого, да и широкого тоже, клуба, стилизованного под средневековый замок. Светло-серый камень облицовки придавал зданию некоторую готическую мрачность, насыщая атмосферу вокруг средневековым колоритом, который еще больше подчеркивали узкие проемы окон на фасаде, декоративные ворота в виде полуциркульной арки, а так же углы, выполненные в виде четырех остроконечных башен с круглыми окнами. Хозяева не украшали это заведение яркими вывесками или неоновыми огнями, видимо понимая, что этим лишь испортят внешний вид клуба. Лишь темно-синие огни подсвечивали узкие окна в высоких башнях, отчего те казалось таинственными и даже зловещими, словно в каждой из них была заточена ведьма, алхимик или маг, творящие зловещую волшбу над своими котлами со странным варевом, испускающим этот волшебный свет.

— Я тут ни разу не была, — произнесла я, с немалой долей интереса оглядывая фасад лжеромантского здания. Стильно оформленный лепными элементами в которых переплетались геометрические мотивы с изображениями фантастических животных, он мне очень понравился. Я даже сразу рассмотрела кого-то, напоминающего разъяренного грифона, над которым нависал не менее «добродушный» лев.

— Все когда-то случается в первый раз, — отозвался Смерч и повел меня вперед, через аркообразные массивные ворота. Желающих попасть в «Алигьери» было немало, и уже в это

время, в общем-то, еще ранее для тусовщиков, ведущих ночной образ жизни, около входа, возле которого воистину двумя памятниками застыли два массивных охранника, образовалась живая очередь. Клуб был популярен у жителей города, правда, немного кусач по ценам, но от этого не менее привлекателен в глазах молодежи. Однако, наш мальчик-ветерок, видимо, давно и прочно решил, что очереди созданы не для него. Он, тихо проговорив: «Новая охрана?», спокойно обошел всех стоявших и показал одному их охранников, буравившего нас подозрительным взглядом профессионального волкодава, черную прямоугольную карту с золотыми буквами и печатью такого же цвета.

— Она со мной, — сказала Дэн, пока охранник тщательно рассматривал карту со всех сторон, наверное, будь это позволено, и на зубок бы попробовал.

— Хорошо провести время в нашем клубе, — вернул, наконец, карту Смерчу охранник и даже сделал безуспешную попутку улыбнуться. Он попросил нас закатать рукава и поставил на запястья прямоугольную кроваво-красную печать с названием клуба и очертаниями средневекового замка. Я тут же коснулась печати пальцем, проверяя, высохла она или нет. Оказалось, что высохла.

— Нужно ли оставить номер вашего телефона или адрес? — задал странный вопрос охранник.

— Нет, спасибо, — вежливо отозвался парень и, обернувшись ко мне, поманил за собой. Я, в последний раз оглянувшись на невольную очередь, зашагала вслед за Дэном.

— Как это ты так прошел? — въедливо поинтересовалась я, догоняя его. — Ты что, настолько крут?

— По именной золотой ВИП-карте, — улыбнулся парень, польщенный непонятно чем — неужели язвительность в моих словах не расслышал? — Это хорошая вещь. Бесплатный вход, возможность провести несколько человек, несгораемая сумма денег на счету и прочие привилегии.

— На каком счету? — с интересом вертела я головой в разные стороны, ожидая увидеть средневековый шик, а на глаза мне попалась банальная касса с тремя пластиковыми окнами, около двух из которых рассчитывались с операторами крупными купюрами несколько парней и девушек. Напротив касс располагалось несколько двустворчатых дверей. На одной из них значилось темным серебром: «*Inferno*», на второй «*Purgatorio*», на третьей «*Paradiso*», а четвертая гласила: «*Gli ospiti importanti*».

— Видишь кассы? — наклонившись ко мне, спросил парень. Я кивнула. — Перед тем, как пройти в клуб, на один из трех его уровней, нужно купить карту оплаты — по ней будешь рассчитываться за все услуги, предъявляя ее, к примеру, бармену, за купленные напитки. С помощью специальной системы он снимет определенную сумму с твоей карты.

— О, Боже. Куда лучше сходить в старый-добрый «Пилигрим», — вспомнила я тут же небольшой ночной клуб, вечно прокуренный и дымный, находившийся недалеко от меня, не такой красивый и элитный, как этот, зато без закидонов и куда более понятный «простому народу». Да, и пусть там охрана берет взятки, чтобы пропустить малолеток, официанты грубы, как дикари, а ди-джеи почти всегда под кайфом, зато там просто и по-своему уютно.

— Ты привыкнешь. По картам гораздо проще. Кстати, Чип, давай рюкзак, оставим в гардеробе.

Он стащил с меня рюкзак, снял свой, унесся куда-то, и через полминуты вернулся — я даже заскучать не успела.

Дэн уверено повел меня в сторону двери «*Purgatorio*», заботливо распахнув и пропуская вперед. Мы зашли в какой-то коридор.

— А почему охранник предлагал адрес и телефон поставить? Я что-то не врубилась, — вновь начала допытываться я, удивляясь, что здесь так тихо не слышно музыки. Как оказалось потом, в холле была отличная звукоизоляция, так как все прочие помещения оказались достаточно шумными, между прочим. А ответ Смерча мне понравился.

— Адрес и телефон могут поставить в виде печати на вторую руку. На случай, если ты не знаешь, в каком состоянии ты выйдешь — или тебя вынесут — отсюда, то охрана сможет вызвать такси и отправить тебя по адресу на руке, или позвонить по телефону, указанному там, чтобы за тобой приехали, — был в курсе всего Дэн.

— Вот этого я еще не слышала! — осталась я в восторге от подобного сервиса. — Кто это все придумывает? Да уж, наши бизнесмены наверняка сперли эти идейки с запада. А откуда у тебя такая крутая карта? — задала я еще один вопрос.

— От дедушки, — кратко пояснил парень, уверенно ведущий меня по темному коридору с кирпичной кладкой и светильниками в виде зажженных факелов.

— Какой модный дедушка, — фыркнула я, представ, как мой дедушка, бывший военный высокого чина, которого боялась вся воинская часть, дарит мне, к примеру, на Рождество дорогущую, по всей видимости, карту для посещения ночного заведения вроде этого. Меня тут же разобрал смех.

— Ничего смешного, — покачал головой парень. Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент обогнавшие нас парни в широких военных штанах за большое медное кольцо распахнули огромную арочную дверь, на которой висела картина с изображением каких-то несчастных персон. В мои уши мигом воровался поток ударной яростной музыки и глубокий бас, усиленный в десятки раз музыкальной техникой. Кажется, выступление друзей Дениса уже началось.

— Добро пожаловать в «Чистилище»! — закричал он мне на ухо, уже совершенно по-хозяйски схватив за руку — чтоб я не потерялась в толпе, а не из-за избытка теплых чувств ко мне — потащил в большое, мрачное помещение, освещаемое лишь бешено мечущимися багряными огнями софитов, под высоченным сводчатым потолком, на котором посредине бушующего океана, был изображен одинокий остров-гора в виде усеченного конуса, и со сценой, где уже вовсю бесился тот самый парень с черной челкой и микрофоном, а также его дружки-музыканты.

Вот так мы и оказались на шумном концерте его дружков, одних из тех, кто организовывал сегодня мерзкий «сюрприз» и принимал в нем непосредственное участие. Играли ребятки что-то вроде панк-рока, и эта музыка мне нравилась своей энергичностью, мелодичностью и задорным драйвом. Смерчу, видимо, она тоже была по душе. Он, явно чувствовал себя в своей стихии, таща меня в самый центр толпы зрителей, состоящей в основном из парней неформального вида, хотя и девушки здесь встречались. И довольно много. А у стенки слонялась парочка волосато-бородатых дядечек, а в общей массе тел пару раз мелькнули развеселые мужики, возраста, моего папы, с совершенно подростковым поведением. Они трясли разноцветными хаерами и махали руками, сплошь покрытыми татуировками.

Впрочем, веселились они не одни. Ни один из присутствующих не стоял спокойно и задумчиво с видом ценителя музыкального искусства, как это делают, скажем, любители классики. Все

mir-knigi.org

они дергались и прыгали в такт музыки, махали руками и головами и даже подпевали, кто как мог, не заморачиваясь на таких мелочах, как отсутствия голоса или слуха — видимо, знали группу, хотя я раньше о ней никогда не слышала. Судя по всему, толпа уже хорошенько разогрелась и алчно желала еще более мощного звука и зажигательных ритмов, поэтому охотно принимала новую песню.

— Сейчас мы разогреем «Чистилище» и превратим его в настоящий ад! — в голос закричал солист, переводя дыхание после песни, короткой, — Да будет пекло!! Да!

Толпа, видимо, захотела попасть в столь неприглядное местечко, поэтому тут же поддержала музыкантов ярыми криками. Странноватые личности.

Орел задумчиво следил за происходящим сверху, на время мутировав в нетопыря, на их манер повиснув головой вниз и уцепившись лапами за осветительную арматуру где-то под куполообразным потолком. Головастики весели рядышком, на прищепках.

— Ты любишь такую музыку? Тебе нравится? — вновь услышала я громкий голос моего проводника, покачивающего головой в быстрый, рваный такт звуков. Я едва расслышала его, но кивнула. Пока что здесь прикольно! Необычно, но я была на паре открытых рок-концертов, проводимых каждый года в нашем городе, и мне всегда нравилась атмосфера свободы и энергичности, витающая над головами музыкантов и зрителей, не смотря на обилие пьяных рож, мусора и энного количества милиционеров вокруг.

— Если тебе не нравится — мы уйдем! — Дэн кричал изо всех сил, но я опять с трудом его услышала, и сама закричала, что есть силы:

— Тут здорово!!!

Он улыбнулся мне и, умело пробивая дорогу собственным телом, поволок меня за собой дальше, ближе к сцене.

— Наша старая песня! — объявил певец со сцены, одновременно глотая из пластиковой бутылки воду. — «Они боятся анархии!». Сделаем чуть-чуть жарче!!

— Да!! — поддержали его.

А здесь было действительно жарко. В прямом и в переносном смысле.

Музыка складывалась не только из голоса-вопля солиста и аккомпанирующих ему звуков традиционных в неформальной музыки инструментов. Она чудесным образом включала в себя весь этот грохот, шум, гам, выкрики, четко проступающую игру баса, жизнерадостный стук ударных, запальчивой вокал, с трудом разбираемые слова, что-то вроде: «*все знают, кто наша мать — нам не нужно напоминать, а мачеха всех нас — политика, мы — быдло, но вот наша критика*!». И, самое главное, в музыку входили чувства: восторг, радость, хорошее настроение, ликование и желание стать чем-то вроде единого целого с окружающими. Те, кто был в зале и те, кто был на сцене — все были очарованы музыкой со множеством ее компонентов.

Не скажу, что группа была прекрасна и хороша настолько, что все вокруг были в экстазе от ее произведений, но сама атмосфера сэта основательно срывала у народа крышу, заставляя веселиться, дергаться в такт музыке, танцевать — если все эти хаотичные телодвижения можно принять за танец, конечно. Минут через десять даже я, раскрепостившись вслед за Смерчем, была в полном восторге. Меня словно вырвало из реальности неведомыми щупальцами музыки и унесло далеко-далеко, в то место, где все цвета соединялись в единый, а

музыка прочно окутывала оптимизмом и бесбашенностью. Там не нужно было думать о чем-то насущном, следовать дурацким законам, контролировать улыбки и смех, то и дело появляющиеся на лице, модно и грациозно танцевать — так, как этого требует современное общество. Там можно было действительно расслабляться — и все это делали, дурачились и прыгали, толкая друг друга. Я не замечала времени и его хода, просто веселилась, забыв о неприятностях!

Кое-кто устроил «стейджджайвинг» — забрался без особенных препятствий на сцену к «музицирующим» парням и, умудрившись поздороваться за руку с солистом, сиганул с нее вперед лицом прямо в толпу. Его немедленно подхватили кучи рук, не давая упасть и даже покачали в воздухе, чтобы потом поглотить смельчака в себе. Вот, вот что такое концерт неформальной музыки — разношерстная толпа может стать единым живым организмом, объединенным лишь звучанием.

— Я тоже так хочу! — проорала я радостно Смерчу, который, как и я, «освобождался» от негативных эмоций посредством отрыва на концерте друга. Ведь похож иногда на пай-мальчика, а здесь отрывается, как обезьяна, впрочем, довольно веселая. Ну, не то, чтобы как обезьяна в прямом смысле этого слова, просто он так классно руками махал, что за ним добрая половина повторять стала!

— Ни за что! — ответил он мне тут же, положил руку на плечо, дабы я не попыталась полезть вперед. А потом, к сожалению, песня закончилась, а вместе с ней и выступление друзей Дэна.

— Пойдем к ним, — тут же решил парень, и, не отпуская плеча, повел, ориентируясь непонятно как. В это время собравшиеся ценители панка под звуки ска начали прыгать по кругу, хватая друг друга за одежду. Моя вольная душа тут же захотела туда, но хватка Смерча, в последний момент схватившего меня, как щенка, за шкирку, была ну очень сильной.

Мы стали пробираться к гримерной, но не добрались туда, встретив двух музыкантов, не эстетично мокрых, усталых, но довольных. Встреча судьбоносно произошла около угловой барной стойки, мрачно разрисованной все теми же унылыми лицами и постными рожами и расположенной в самом углу помещения, в некотором отдалении от танцпола, превратившегося сейчас в площадку для «отрыва». Между ними находилась небольшая зона отдыха: разномастные круглые и прямоугольные столы из темного дерева, на каждом из которых стояли небольшие тусклые светильники в виде толстых свечей в золотистых подсвечниках, и приземистые стулья из точно такого же материала.

По центру стойки, освещенной сверху красноватыми зловещими огнями, было замысловато выведено фосфоресцирующей краской латинское слово «*Peccatum*», а сам бармен, стоявшей за стойкой и с увлечением готовящий какой-то коктейль, был одет во что-то темное, широкое, с длинными рукавами и жутко напоминающее рясу священника, хотя на вид я не могла дать парню больше двадцати пяти лет. Да и не работают святые отцы в таких непотребных заведениях.

— Привет, мужик! — радостно поздоровался парень с челкой, узрев нас среди толпы, в этой части зала не такой плотной. Он все еще тяжело дышал после своих пробежек по сцене. Вот же дыхалка у него — и прыгал, и пел, и орал, а еще не выдохся. Кстати, меня он своим вниманием не обделил. — Привет, девочка Дэнни!

— Привет, — откликнулась я.

— Ты клевая! — сообщил он мне тут же. — Мне по вкусу таки девочки, как ты!

— Такие, как ты мне тоже по вкусу, — ответила я любезностью на любезность. Нет, а он действительно начинает мне нравиться все больше и больше!

— Бросишь его — я в твоем распоряжении! — заявил парень. Дэн рассмеялся.

— Ревнуй, — шутливо стукнул его кулаком в грудь обладатель челки. Как его звать-то?

— Уже ревную, — отозвался Дэн. — Чип, не смей с ним общаться, он антисоциальный тип.

— Я клевый, — не был согласен с таким определением его приятель. И без перехода он заговорил на другую тему. — Я знал, что ты придешь, Дэн!! Мы устроили крутое шоу! Славно оторвались! А этот, — взглянул он на второго музыканта, молчаливого, — говорил, что тебя сцапали менты. Какой урод их вызвал? Я спрашиваю, какой?

Ему никто не ответил, а парень продолжал, одновременно здороваясь с мимо проходящими панками:

— Но это был адреналин, да? Да, точно, — сам себе ответил он. — Тебе понравился «сюрприз»? Мы охрененно готовились! Только скажи «нет», и я тебе врежу!

Мы с Дэном переглянулись под болтовню черноволосого. Он долго распространялся насчет того, как они все подготавливали и старались, кто и что придумывал и какое участие принимал.

— А Черри и этот, тормоз, Ланде, нас отговаривали, — поведал он нам с легкой обидой. — Никогда не видел, чтобы они в паре работали, ребятки же друг друга не переваривают, а вчера и сегодня прямо спелись! Мы боялись, они нас тебе сдадут, отмороженные. Но чего-то притихли сегодня.

— Очень странно, — осторожно произнес Смерч.

— А где, кстати, Черри, знаешь? — спросил солист

— А его нет? — изумился Денис. — Подозрительно, он ни одного панк-сэта не пропускает.

— Как видишь! Нет! Он к нам всегда после концертов приходит, мы бухаем вместе, — отозвался парень с челкой, имя которого мне было не суждено узнать. — Пропал чувак. Увидишь — скажи, что вломлю ему при встрече.

— Договорились!

Мы с ним переглянулись вновь, усаживаясь за барную стойку с музыкантами, один из которых тараторил, а другой молчал, на высоченные жесткие, но, тем не менее, удобные табуреты. Челка пожал бармену руку («Весь персонал поменялся, что ли?» — Сам у себя спросил Смерч) и вновь переключился на разговор о своем творчестве.

— Тебя точно на нашем концерте торкнуло? — вновь перевел тему брюнет, оглядывая стойку. — Все норм прошло?

Смерч тут же начал его хвалить, впрочем, не опускаясь до обыкновенной лести, а находя действительные плюсы в игре парней. Мол, да, все было драйвово и круто, концерт прошел на «ура», народ «расшевелился», и звук в этот раз был хорошим, не хрипел. Я слушала и понимала: я бы так расхвалить не смогла. Может быть, умение Дэна находить плюсы во всем, а

потом передавать их другим, есть еще одно ценное качество синеглазого «демона», как я его окрестила. Причем делает он это непринужденно, мягко и подмечает весьма точные детали. Кстати говоря, искренне хвалить другого не всякий сможет — думаю, все дело в зависти. Если испытываешь зависть, пусть даже твои слова будут красивыми, как павлиний хвост, но настоящей искренности, той, которая окрыляет, человек не почувствует и не проникнется на все сто процентов. Странно, можно считать искренность одним из составляющих манипулирования. Черная Челка проникся и теперь едва ли не чувство всепоглощающей братской любви испытывает к моему мнимому парню.

Я думала, молча, рассматривая окружающую меня обстановку и людей. Настроение оставалось таким же отличным — наверное, виновата была все та же живая музыкальная энергетика. Второй музыкант ни с кем не разговаривал, а только тянул заказанный ядовито-желтый коктейль. Вокруг сновали люди, кто-то что-то кричал, ржал и издавал воистину звериные крики.

— Я пить хочу, — сказала я Дэну. — Сок хочу или «колу».

— Заказывай, что нравится, Чип, — протянул мне свою бесценную золоту карточку для ВИП персон парень. Как он с ней небрежно обращается.

— А ты будешь что-нибудь? — спросила я, одновременно пытаясь понять, что поет следующая группа. Вроде бы исполняют задорное ска, но предыдущий коллектив — друзья Дэна — отыграли лучше.

— Закажи то же, что и себе, только ничего апельсинового, алкоголь я тебе запрещаю — если увижу, ты сразу попадешь домой, — тоном строгого папочки — парни даже присвистнули — отозвался синеглазый брюнет, спрыгнув со своего места, — сейчас приду, с ребятами поздороваюсь.

Я кивнула и уставилась на стойку, изучая, что бы такого классного заказать. Может, сразу много всего, раз у Дэна в карточке «все включено»?

— Могу посоветовать, малышка, — тут же заметил мою нерешительность в выборе солист. Его голос сразу мне не понравился.

— Давай, советуй, — разрешила я. Парень близко пододвинулся ко мне и негромко заговорил — я едва слышала его.

— Есть классный коктейль, называется «Дымка холодного чая» — рецепт почти оригинальный здешних умельцев, — он кивнул на невозмутимого в своей рясе бармена.

— Что это за коктейль? — тут же заинтересовалась я.

— Новая местная фишка, — подмигнул мне черноволосый. — Стоит немало, продается не всем, но с тобой карточка Дэна и мой авторитет, так что можно заказать все, что угодно, идет?

— Идет, — тут же согласилась я, думаю, что Смерчу жалко не будет. — Так что за коктейль? Вкусный?

— Еще бы.

— Безалкогольный? — вспомнила я слова партнера.

— Естественно, — с глубоким чувством собственного достоинства отозвался музыкант, но я сразу поняла, что он лжет, в чем его тут же и обвинила. Он быстро оглянулся на Дэна — тот разговаривал с тремя парнями, и еще тише заговорил:

— Давай Дэнва надуем — напоим его?

— Зачем? — прищурилась я. — Он нас потом не надует?

— Он прикольный такой, когда пьяный, — заржал парень, но сам испугался громкости смеха и замолчал, только его темные глаза лихо блестели. — Такие вещички делает офигенные. Над ним только ржать и ржать. Да, чувак? — ткнул он локтем коллегу по группе. Тот кивнул.

— Это реально незабываемо! Тебе, как его герле, это надо видеть, — продолжал соблазнять меня молодой человек, и я решилась — я мучилась весь день, пусть теперь и наш Сморчок «оторвется» по полной программе!

— Ну, не знаю…

— Дэнни хватит одного стакана, чтобы окосеть, — продолжал говорить парень заговорщицким тоном. — Он выпьет и будет лучшей душкой на свете.

— Ну… а как мы это сделаем? Он же не дурак, поймет, что пьет спиртное, — отозвалась я с сомнением.

— Я тебе как раз про новую фишку и толкую. Здесь есть прикольный коктейль на основе обычного «Ice Tea», — принялся объяснять черноволосый, — ну, это тот коктейль, куда входят ликер, джин, текила, водка и еще до фига всякой дряни. Зовется здесь он «Дымка холодного чая». Алкоголь почти не ощущается — по вкусу как горьковатый холодный чай со льдом, пахнет немного колой. Не знаю, чего там добавляют, но реально не похоже это на алкоголь. Заказываем? И тебе, и ему, типа, вы одинаковый безалкогольный коктейльчик пьете.

— Заказываем, — я с улыбочкой, достойной Черного Властелина, задумавшего пакость против Светлых, посмотрела на спину ничего не подозревающего добродушно Дениски. Идея его напоить в тот момент казалось невероятно забавной.

— Друг, — позвал бармена в рясе музыкант, — на минуту.

Тот неспешно подошел и вопросительно поглядел на нас.

— «Дымки» есть? — тихонько осведомился парень.

— Есть, — кивнул, предварительно оглядевшись по сторонам тот.

— Две «Дымки» сможешь сделать? — тут же выхватил у меня из рук карточку Челка.

— Смогу. Постоянным и проверенным клиентам — все, что угодно, — усмехнулся бармен, — только рассчитываешься за них налом. «Дымки» идут мимо кассы. Хозяин узнает — убьет.

— Они что, противозаконные? — с восторгом, смешанным с презрением и удивлением, поинтересовалась я.

— Немножко, — кивнул музыкант и отодвинул меня подальше.

— С наркотиками что ли? — зашептала я. — Если так я отказываюсь! Я против наркоты.

— Какая наркота? Ее в других местах покупают. Нет, там химия какая-то, — так же тихо отвечал парень со знанием дела, — чтобы на алкоголь не походило.

— Ну, что, берешь? — вновь спросил хозяин стойки.

— Беру. Сколько?

— За одну — как обычно. Удвой эту сумму. И сдачи у меня нет.

— Дорогое удовольствие, ну да мне не жалко, — ухмыльнулся брюнет и спросил у молчаливого коллеги. — Круто я придумал?

Тот вновь лишь вяло кивнул.

А я с неподдельным интересом проследила за тем, как солист местной панк-группы незаметным движением отдал бармену вместе с пустым бокалом приятеля крупную купюру, свернутую в несколько раз. Тот жестом фокусника спрятал ее в складках одежды, благосклонно кивнув.

— А, да, организуй три… нет, шесть «Махито», — сделал еще один заказ соучастник заговора против Смерча. — Рассчитай их по карточке. Сотворишь?

— Сей момент, — кивнул парень и удалился куда-то.

— Куда тебе столько? — удивилась я.

— Не боись, крошка, если алкоголь есть, то он куда-нибудь да вольется. Не пропадет. А потом закажем что-нибудь еще. Брат, — обратился парень к лже-священнику, уже вернувшемуся к нам. — Сначала сделай… первый заказ… и желательно быстрее, а потом приступай к «Махито», идет? Желание идиотов-клиентов, но ты уж будь добр, выполни?

— Без проблем, — ловко подбросив вверх бутылку с прозрачной жидкостью и так же ловко ее поймав, отвечал работник клуба. — Для музыкантов клуба и добрых товарищей — все, что угодно. Заведение приветствует музыку, а я — твои заказы, — бармен тихо засмеялся, взмахнул широкими темными рукавами из грубоватой ткани и принялся ловко смешивать коктейли.

— Люблю общаться с приятными типами! Кстати, друг, парень склонился к бармену и что-то ему тихо заговорил. Я расслышала только сквозь продолжающийся грохот музыки:

— И не продавай при нем ничего такого.

Бармен кивнул и внимательным взглядом, явно стараясь запомнить, обвел взглядом фигуру Дэна.

К тому замечательному моменту, когда Дэн подошел к нам, наговорившись со своими приятелями, мы втроем, старались не глядеть друг на друга и молчать («челочник» вообще подальше от меня отсел и делал вид, что строит глазки длинноногой красавице). К этому моменту я, попивая мелкими глотками этот самый коктейль с «химией», узнала, что, у нашего общего друга срывает крышу буквально сразу же, после того, как некоторая доза алкоголя поступает в его организм. Парень старается не пить, зная эту свою особенность, но… прецеденты бывают. При этом Смерчинский вовсе не похож на обычного пьяного — сначала он даже не шатается, может здраво размышлять и быстро думать, не проявляет агрессии, но

несет жуткую околесицу — абсолютно нормальным тоном, а еще может совершать странные поступки: например, обнять незнакомого человека или смотреть на небо, утверждая, что видит фиолетовые облака. Длиться это, правда, недолго.

Еще я посмотрела, наконец, как люди пьют коктейль «Текила бум». Молчаливый музыкант решил заказать именно его: смесь текилы, лимонного сока и газировки, поданную почти тут же в невысоком прозрачном стакане, накрытом сверху салфеткой. Парень, получи желаемое, резко ударил стаканом по столу, напиток вспенился, и он тут же опрокинул его в себя. Мне, естественно, захотелось так же, но до прихода Смерча я не могла себе этого позволить.

Также заодно узнала и устройство клуба — оказывается, про Чистилище парни орали не зря — зал, в котором мы находились, назывался именно так, а два другие соответственно, имели названия «Рай» и «Ад». Все по знаменитой итальянской книге — не зря клуб назывался в честь Данте Алигьери, автора «Божественной комедии». Все здание было декорировано в стиле его бессмертной книги, написанной в конце эпохи Средневековья, повествующей об устройстве загробной жизни, куда спускался его лирический герой: аде, чистилище и рае. К примеру, на потолке в этом зале было изображено само чистилище, каким его описывал писатель — в виде острова-горы. Интерьер дизайнеры предпочли средневековый, простой, суровый и сдержанный, сделав ставку на объемность помещения и высокий сводчатый потолок, как в храмах романской эпохи.

Кстати, каждая дверь в холле имела название одного из залов, и вела к определенному из них. Надпись на стойке переводилась как «грех» — об этом поведал все тот же бармен, добавив, что герою Данте Ангел начертал это слово на лбу перед его входом в Чистилище. В общем, время я провела не зря, узнала много нового, поболтала с интересными людьми, тяпнула вкусный коктейль, действительно, похожий на холодный чай с необыкновенным вкусом смеси шоколада и «колы».

— Вот, твоя карта, друг мой, — протянула я подошедшему Смерчу черный прямоугольник. — А вот холодный чай. — И подхалимски заглянув в глаза, добавила, — вкусненький.

— Спасибо, Бурундук, я как раз пить жутко хочу, горло пересохло, — благодарно кивнул он мне, схватил напиток, заботливо подсунутый мною, и быстро, залпом, выпил все содержимое высокого стакана, украшенного кусочком лайма. Я с кривой улыбкой посмотрела на него, но ничего не сказала — даже по поводу Бурундука, которого уже я возненавидела.

— Горьковатый, — поморщился парень, но ничего не сказал и не разозлился — он не почувствовал, что за напиток только что выдул! И ведь действительно, как я говорила, «Дымка» напоминала мне обычный чай, что можно купить в магазине лишь, чуть-чуть с необычным привкусом.

— Дай апельсиновый сок, — попросил он бармена, вновь протягивая ему свою карточку. — Я хочу это запить. Тот почти моментально исполнил заказ.

— Давненько я здесь не был — и бармен новый в «Чистилище». Что на меня ты так смотришь, Чип? — обратился он ко мне, поглаживая шею, на которой я опять увидела тату-ящерку. — Что-то не так?

— Ничего, — тут же отозвалась я. — Просто ты очень симпатичный.

— Спасибо, конечно, от тебя мне это слышать приятно, но дико. Хочешь, я поцелую тебя за такие слова? — тут же предложил он мне.

— Захлебнись, идиотина.

— Ну, поцелуй ее, — заныл Черная Челка. — Покажи экстра-класс. Не зря тебя девчонки хвалят, что ты в этом деле мастер. Слушай, говорят, тут на четвертом этаже классные комнаты. Вы там классно сможете… — После этого он добавил такое… неприличное, что я даже не смогла найти нужных слов, чтобы дать отпор нахалу, явно страдающему неуемным любопытством и болезненной любовью к держанию свечек в чужих спальнях по ночам. Пока я, копируя выброшенную на берег рыбу, открывала рот, в дело вмешался Смерчинский.

— Друг, если ты еще раз заикнешься на такие темы, — серьезно произнес Дэн, прищурившись и тяжело положив на плечо парню руку, — мне придется поговорить с тобой. На улице, один на один.

Ой, как мило… Дэнни драться не умеет, а такие предложения делает… Может, зря я его «опоила»?

— Мужик, рехнулся?

— Вполне адекватен, — поднял на приятеля немигающий взгляд партнер.

— Да что я сказал? — возмутился челочник, — всего-то… — И он повторил пару крепких выражений, которые употребляют фактически все мужчины — когда дам рядышком нет.

«Мужик» отчеканил в ответ тоном, в котором явно слышалась скрытая угроза, да и взгляд его нельзя было назвать добрым:

— Я тебе сказал? Ты знаешь, два раза не повторю.

Что-то в мимике, позе, голосе насторожило музыканта, и он как-то даже стушевался. Воистину, обаяние Дэна может иногда трансформировать в некую угрожающую холодную силу, которую чувствую даже я. Какой же он все-таки необычный.

— Ты чего? — вытаращился на него удивленный музыкант. — Да я же любя… Черт, ты… — он потрясенно покачал головой, — ты серьезно в нее втрескался! Я и не думал!! Я думал, это шутка, чтобы забыть, типа, прошлое… Мои искренние извинения, — вдруг поклонился он мне неожиданно элегантно. — Мария, Чип, или как ты пожелаешь, чтобы я тебя называл, не злись из-за моих шуток. Пардон за слова в записке и за все такое.

— Я их не видела.

— Классно! — обрадовался он тут же. — Смерч, давай без рамс и телег, окей? Дай пять? Отлично! Друзья, как и прежде!

Вот так Сморчок убедил в своей «нереальной» любви ко мне и этого парня, а заодно и всю его группу, всего лишь вступившись за меня. Дэн это тоже понял и как-то горько засмеялся, а потом залпом выдул еще один коктейль — к нашему всеобщему восторгу.

Минут двадцать, а, может быть, и больше — я не знала точного времени — ничего с партнером не происходило: Сморчок в самом хорошем расположении духа, которое моментально к нему вернулось, болтал с черноволосым, обращался ко мне, один раз даже в шутку приобнял, смеялся, заказал еще один стакан сока для себя, джин со льдом для ребят и молочный коктейль для меня. Я даже почувствовала пару уколов совести, между прочим. Но они быстро сменились недоверием к силе коктейля и раздражением от постоянных вспышек багряного и

mir-knigi.org

темно-синего цветов, освещающих помещение — их словно кто-то дергал, заставляя метаться в хаотичном порядке по всему залу и светить в глаза, на мгновение ослепляя. Музыка стала еще более жесткой и агрессивней — на сцене появилась третья группа, в песнях которой явно слышались ноты индастриал-течения и психоделики.

Да, сначала я думала, что ничего не произойдет с Дэном. Он останется таким же, веселым и трезвомыслящим. Но я рано опечалилась.

И только тогда, когда он вдруг медленно-медленно повернулся ко мне, поставив локти на стойку, сцепив руки замком и положив на них подбородок, я поняла, что его чужой, не мигающий остекленевший взгляд, мне не очень нравится. А когда Дэн мелодичным голосом кое-что спросил у меня, я поняла, что его все-таки понесло всего от одного коктейля, впрочем, довольно сильного, по словам черноволосого.

— Ты такая красивая, что мне хочется тебя съесть. Ты безгранично красивая. Как Богиня Моря, — зачарованно произнес мой напарник.

Черноволосый издевательски захохотал, захлопав ладонью по барной стойке, второй музыкант довольно заулыбался, и даже бармен, просекший, в чем дело, позволил себе ухмылочку.

— Ты что, Смерчинский? С дуба рухнул? Повредил головушку? — широко открыла я глаза. У меня от коктейля всего-навсего чуть-чуть закружилась голова, и стало немного веселее, а его… прямо-таки как будто стукнуло! Поэтому мне пришлось с некоторой горечью, над которой все же брали вверх позитивные эмоции (надо же, реально удалось его споить, классно!). — Ты конкретно приложился, когда падал, приятель.

Его мои слова совершенно не впечатлили. Дэн протянул руку к моим губам, коснулся их большим пальцем и произнес вроде бы тихо, но четко и внятно, на удивление, абсолютно трезвым голосом:

— Ты выйдешь за меня?

Орел рухнул вниз, лишь у самой земли расправив крылья и сделав крутую петлю, вновь взлетел вверх.

— Что? Что сделаю? — от неожиданности ударила я его по руке, хотя, конечно, этот его жест был весьма приятственен — такой нежностью, нечеловеческой, можно сказать, он был наполнен. Не демоническое, а ангельской нежностью. Я невольно сглотнула, на миг пожалев, — всего лишь на миг — что Смерч сейчас не в себе. Разве стал бы он говорить такое, если бы чувствовал себя в порядке? Естественно, нет. Но теперь, когда он находится под властью дурашливого и свирепого духа алкоголя, может и не такое сказать. И даже сделать.

— Выйди за меня, Морская Богиня, — повторил Дэн, ничуть не обидевшись и на этот раз. Я замахала руками, чувствуя, как уголки моих губ дергаются вверх — им хотелось растянуться в сардонической усмешечке.

— Ты с кого деревца приземлился, малыш? Не с Мирового ли?

— Нет, — серьезно отвечал парень.

— Дааа?

— Ты дорога мне, — стоял на своем чокнутый.

— С чего это вдруг? — фыркнула я, стараясь не рассмеяться ему в лицо. Нет, вы посмотрите, что со взрослым здоровым парнем делается!

— Я буду любить тебя всю жизнь, — серьезно отвечал он. — Я буду с тобой каждый день своей жизни, и ты никогда не пожалеешь, что приняла мое предложение.

Смех рядом сидящих музыкантов, с восторгом внимающих словам Дэнва, усилился раза в два. У меня губы опять расплылись в предательской улыбке. Забавная ситуация! Еще неделю назад я и не думала, что сам Смерч будет меня замуж звать! Вот же он хохмач!

— Ой, капец, — ржал Челка, в то время, как партнер, пребывающий не в себе, не сводил с меня глаз, — Я же тебе говорил, подружка, он сейчас такие корки мочить будет!

— Будьте тише, — поморщился Дэн, глядя на друга и называя его на «вы», словно не узнавая. — Вы мешаете мне и моей невесте.

— С какого перепугу она уже твоя невеста? — подавился от передозировки смеха Челка. — Эй, Пашка, доставай мобилку, надо Дэнни на камеру снять, — обратился он к другу, который живо исполнило это просьбу. — Увековечим на долгую память!

— Когда я вижу тебя, — продолжал молодой человек, — мое сердце меня предает.

Его друзья, снимающие «признание» на камеру, подавились хохотом. Некоторые сидящие рядом личности заинтересовались причиной их безудержного веселья и тоже уставились на нас.

— Предает? — заинтересовалась я. — Это как? Другого хозяина ищет, поспокойней?

— Оно начинает громко стучаться. Тук-тук-тук-тук-тук: быстро-быстро. Часто-часто, — пояснил теплым и обволакивающим в то же время голосом Смерчинский. Такое чувство, что он репетирует признание перед Троллем Князевой. А мне… мне это нравится!

— Оно боится, — трагическим тоном плохого актера прошептал парень, прижав ладонь отчего-то к правой стороне груди.

— Чего? — озадачилась я. — И говори тише, и не так выразительно, а то на нас люди смотрят.

— Тебя, Морская Богиня. — Не собирался сбавлять тон мой безумный Смерч.

— Я, что, такая страшная? — мигом разозлилась я, услышав такой комплимент.

— Ты красивая, я же сказал — ты красивая. Красивая, красивая, красивая, и я много раз могу сказать тебе это, — спокойно ответил Дэн. — Я боюсь тебя, потому что мне страшно: вдруг ты меня не примешь? Вдруг останешься равнодушной? Вдруг ты вновь меня бросишь?

— Я тебя еще не бросала, — захихикала я польщено и даже кокетливо плечом повела.

— Дай мне свою руку, Морская, — попросил он неожиданно.

— Зачем это? — подозрительно посмотрела я на Дэна.

— Откусит, — вставил Челка, но удостоился уже от нас двоих неободрительных взглядов. Как классно, что я напоила Смерча — он действительно превратился в очаровашку! Вдруг он мне сейчас по ладошке гадать начнет?

— Я хочу держать тебя за руку всегда, — страстным шепотом безумного влюбленного поведал он мне.

— А я не хочу, — захихикала я. — Вдруг она у тебя немытая?

— Милая…

— Какие сюси-пуси, какие нежности, — закудахтал черноволосый тут же. — Он сейчас тебе ноги оближет!

— Хватит встревать, милейший, — строго посмотрел на него Дэн, заставив приятеля согнуться пополам от нового приступа смеха. Мало людям для счастья надо — поиздевался над другом. Но это так прикольно! Я и не думала, что партнер станет таким!

— Что, Смерчинский, думаешь, раз пьяный, то тебе все можно? — отозвалась я, отодвигаясь от него.

— Я не пьяный, — живо отозвался он, наклоняясь ко мне. Взгляд его оставался все таким же стеклянным и был далек от нормального.

— Малышка, — произнес он, — дай руку.

— Да зачем?

— Пожалуйста, — и как устоять против таких просящих глаз бедной девушке?

— Я тебя не понимаю. Зачем тебе моя рука? Она пока ничего плохого не сделала тебе.

— Дай свою руку.

— Ну, возьми, заканал уже, — протянула я щедро одну из верхних конечностей.

Он крепко взял мою ладонь в свою, поднес к своим губам, невероятно горячим, едва коснувшись ими тыльной стороны моего запястья.

Его друзья издевательски захлопали в ладони, а бармен едва ли не захлебнулся в своих усмешках.

Но Дэну этого показалось мало. Парень встал со своего места, почти не шатаясь, обошел меня сзади, наклонился и обнял, положив голову мне на плечо.

— Морская Королева… теплая — как песок на пляже, и ласковая, как южные воды, — прошептал он мне на ухо.

— Сядь на место, — попробовала я оттолкнуть его.

— Не сядет, и пока не согласишься — не успокоится, — вынес суровый вердикт черноволосый музыкант. Как у него еще от улыбочек харя не треснула?

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — громко и выразительно произнес Смерч, став передо мной на одно колено, тем самым подтверждая слова приятеля.

— Вашу мать, такого он еще не делал! — проорал жутко довольный музыкант. — Пашка, ты это снимаешь? Снимай!! Он ей предложение делает!

mir-knigi.org

Я не видела, но, как оказалось, на этот вопль обернулись все близь сидящие люди, среди которых были и хорошие знакомые Дэна, с которыми он недавно беседовал, и остальные «коллеги» Челки по группе, которые по ведомым им одним причинам, сидели за нарочито грубо сколоченным большим столиком в отдалении от барной стойки. Представляете, как они заинтересовались происходящим? Да-да, с тем самым нездоровым любопытством душевнобольных кумушек все эти ребята, а также сидящие с ними девушки, уставились в нашу сторону, а кое-кто поступил так же, как Пашка — принялся снимать на камеру происходящее. Дэн не видел этого, но словно чувствовал — он продолжал свою пьяную любовную вакханалию. Думаю, мальчик фотогеничен…

— Я буду любить тебя, буду верным мужем — я не буду таким, каким являюсь сейчас. Я чту традиции семьи и то, какие обязанности будут на меня возложены, когда мы с тобой будем называться теми, кто до самой старости будет поддерживать друг друга в горе и в радости.

— Сделайте что-нибудь, — жалобно попросила я его дружков. Веселье спадало, оставив место озабоченности. Мысли в голове метались, не знаю, какие плакаты и растяжки выставить в ирреальном пространстве моего разума.

— А чего мы сделаем? Он же невменяемый. Наш малыш совсем не умеет пить. Прикольно, да, он себя ведет? — подмигнул мне тот, кто все это затеял. — Эй, Дэнни, не стой так, на одном колене! Стой на двух! Она тогда точняк согласится, — и мерзко заржал.

— Эй, останови его, идиот! — Подняла я полный бессильной злости взгляд на веселящихся парней. — Останови!

Тот только руками развел и помахал с развеселым удалецким видом дружкам за столикам, мол, смотрите, как тут весело!

— У меня нет кольца, прости, Морская Королева, но здесь, — коснулся глупый Смерч своей груди вновь, только уже с левой стороны, — здесь есть искренняя любовь. — Прими ее и стань моей. Я сделаю для тебя все, что смогу, и что не смогу — тоже. Я даже сердце переплавлю, если ты мне это прикажешь.

Я покраснела. Эти слова, произнесенные серьезно, чуть срывающимся от волнения голосом, ожидает услышать почти любая девушка. Я слышу, только от кого? От пьяного Дениса Смерчинского, любимца всего университета, который, во-первых, меня не любит, а, во-вторых, себя не контролирует. Вот это иллюзию подсовывает мне жизнь! Настоящее издевательство с ее стороны.

— Ты выйдешь за меня? — вновь громко произнес парень. И только сейчас я, к своему ужасу и даже смущению, заметила, что в зале смолкла музыка, люди стали меньше орать, зато уставились в нашу сторону: кто с интересом, кто с удивлением, но почти все — с умилением. А так как большинство здесь все же составляли мужчины, то еще и с солидарность — к Дэну, продолжающему неотрывно смотреть на меня бездонными синими глазами. Раньше я думала, что бездонные — это всего лишь синоним, и не больше, а теперь поняла, что такие глаза действительно существуют… Чтоб ни дна, ни покрышки!

— Мария, я прошу тебя вновь: стань моей супругой?

— Эй, Мария, не издевайся над парнем! — раздался вдруг голос бугая с ирокезом. — Прими уже предложение!

— Видишь, парень старается! — подержал его еще какой-то умник.

— Чувак, мы в тебя верим! Ты ее точно уломаешь!

— Эй, девчонка! — Решил кто-то даже наставить меня на путь истинный. — Эй! Подумаешь, кольца нет! Зато сердце есть!

— И чувства!

— Ма-ша, согласись! Ма-ша, не ломайся! — подхватил нестройный и нетрезвый хор желающих развлечься на халяву, а затем он усилился дружками Смерча. Их вопли расслышала группа, находящаяся сейчас на сцене и один из музыкантов, не растерявшись, проорал в микрофон:

— Сегодня в «Чистилище» действительно жарко — сегодня тут делают предложение! Девушка, соглашайтесь! Он вас любит!

— Люблю! — громко прокричал Смерчинский, заставив меня вздрогнуть. — Я люблю тебя!

— Пашка, снимай Лаки, правее снимай! Нет, мне отдай камеру, косорукий черт!

— Ма-ша, не ло-май-ся!! Ма-ша!

На меня никто и никогда не выливал ведро холодной воды — даже на праздник Ивана Купалы я умудрялась избегать этой счастливой участи, но сейчас почувствовала себя именно «облитой» — хорошо еще, то не помоями, а чистой, прохладной, родниковой водой.

На какой хрен, извините меня, я с ним связалась?

«Сама виновата, сама дура», — заявили мне мысли. Плакат у них теперь был огромный, а буквы большие и жирные.

— Так ты согласна? — с надеждой заглянул мне в глаза Дэн. На его губах играла бестолковая улыбка. Интересно, он завтра это вспомнит? И встанет ли на колени, чтобы извиниться?

— Соглашайся и сваливаем, — сказал черноволосый музыкант, которому такое внимание тоже начало надоедать. Наверное, подумал, что с ними сделает Дэн завтра, когда проспится.

— Да-да-да-да, — скороговоркой согласилась я, делая страшные глаза Челке. Тот только пожал плечами — типа, я не виноват, ты заварила все это.

Дэн тут же меня обнял, прижав к себе — я впервые в жизни ощутила себя не просто девушкой, а сокровищем — так бережно со мной еще никто не обращался. Я положила руку ему на грудь и действительно почувствовала стук его сердца — меня это поразило до глубины души. На миг я даже поверила, что все, что сейчас происходит — настоящее, действительное, и это обязательно со мной случиться. А когда он осторожно поцеловал меня в лоб, я растаяла. Из глаз на мгновение появились брызги неона. Я крепко обняла его в ответ, и, кажется, у меня забегали глаза. Это странное, непонятное мне чувство — ощущать чужое тепло своей кожей!

Нам зааплодировали и поддержали криками — а те самые дядьки-рокеры умилились больше всех: они хором просвистели отрывок из всем известного свадебного марша. Я взбесилась — внутри меня всю просто колотило. Вот только что я отрывалась на танцполе, освобождаясь от негатива, который испытала сегодня, так новь попала в похожую глупую ситуацию. Что не так с моей кармой?

Музыканты мигом объявили, что следующую песню посвящают нам и тут же принялись рычать

mir-knigi.org

гроулингом. Гости клуба мигом начали отрываться под песню.

— Хватит растекаться в его объятиях, — начал давать Челка ценные указания, — знаешь скольких девчонок он перелапал. Мы уходим.

— Куда? — мигом все нежные чувства спрятались в скорлупу.

— Наверх. Все, пошли! — заговорил Челка, когда страсти поутихли. — Здесь мы уже опозорились, а там — нет. Сегодня Дэн дает жару! В последний раз такое было, когда он одного мента на улице «Жар-птицей» обозвал и решил на память у него перо из хвоста выдрать. Вот же приколист ты, дружище.

— Я вас не знаю, — отозвался тот, не отпуская моей руки. — Оставьте меня в покое наедине с невестой. И проводите в наши покои.

— Сейчас, провожу, — заржал парень, умудряясь махать рукой глазевшим на нас, — весь свой лайф помнить будешь.

И мы, буксируя за собой упирающегося Дэна, пошли на второй уровень «Чистилища» — поднялись по винтовой лестнице наверх, в небольшое кафе, из которого открывался вид на всю площадку — казалось, она вся была забита людьми. Здесь людей было мало, и царила относительная тишина и спокойствие.

Парни вдвоем усадили Смерча, начавшего теперь шататься, на свободное место и буквально влили в него второй коктейль, теперь уже «Махито», штуку крепкую, между прочим, со словами: «На, выпей, успокойся!». Я тоже благодаря усилиям все того же весельчака с черной челкой, приняла на грудь еще пару модных коктейлей, вновь заказанных по карточке невменяемого Смерча. Правда, на меня они действовали весьма слабо — к алкоголю, не в пример Дэну я была довольно устойчива. Хотя, конечно, определенный эффект был — мир казался лучше, жизнь веселее, цвета ярче, звуки круче, а предложение Смерча — приятнее.

Новая доза возымела некоторый эффект. Дэн, проглотив коктейль, пару минут посидел смирно, прикрыв глаза с длиннющими ресницами, словно прислушиваясь сам к себе, а потом резко распахнул их и звонко рассмеялся.

— Вы уверенны, что здесь наркотиков не добавляют в напитки? — поинтересовалась я с подозрением у парней. Они отрицательно покачали головами, а Челка добавил:

— С тобой же все в порядке.

— Ну, почти. Голова только кружится и ржать охота, — отозвалась я и, не выдержав, громко засмеялась — на пару с Дэном. У нас получился прекрасный тандем.

Про свадьбу, к некоторому моему сожалению, Смерч больше не вспоминал. Теперь у него была другая фишка: он то сидел с закрытыми глазами, то открывал их и начинал ржать — заразительно и громко. Его друзья вновь принялись подтрунивать над ним, а потом Челка, которого я уже вслух называла именно так, умудрился за минуту познакомиться с какой-то девушкой в очень-очень короткой мини-юбке, и, не стесняясь, обнимал ее, что-то нашептывая на ушко. Его молчаливый друг, который так и не проронил ни слова, обнимался с коктейлями — он глушил их с неземной скоростью, только и успевая бегать к барной стойке с карточкой Дэнва.

В общем, сидели мы продуктивно, всем было весело, уютно, несмотря на то, что кафе пугало

разрисованными стенами, на которых были изображены страшенные чудовища и оскаленные рожи принадлежащие непонятно каким монстрам.

— Какой ты милый, — после пары глотков невкусного энергетического коктейля, заявила я Денису, вновь засмеявшемуся — он откинулся на спинку стула и непонятно над чем ржал, как чокнутый.

— Милый? — заткнулся он и посмотрел на меня с улыбкой — вновь появились ямочки на щеках. Таки притягательные…

— Можно? — укзала я пальцем на его правую щеку я.

— Можно, — согласился он, но не думаю, что понял мою просьбу. Просто он был добр и все разрешал. Я обрадовалась, наклонилась к нему и осторожно коснулась обоими указательными пальцами этих самых ямочек.

— Ути-пути, какой ты милаха, Дэн.

— Я знаю, — тоном маменькиного сынка, балдея от моих слов, произнес он. У меня в сердце мигом поселилась нежность к этому трогательному существу — все из-за тех же коктейлей он вызывал у меня те же чувства, что раньше вызывали маленькие пушистые котята или беспомощные щенки.

— У тебя такая кожа нежная, — потискала я его с удовольствием за щеки.

— Правда? — с восторгом посмотрел он на меня и коснулся моего носа, подло выдав, — а у тебя такой нос длинный.

— Ах ты, козел! — обиделась я. Его дружки уже вместе с девушкой начали вновь ржать. — У меня нормальный нос!

— Длинный.

— Короткий.

— Длинный.

— Короткий, я сказала.

— Длинный. Как морковка, — стоял на своем парень и еще раз умудрился подергать меня за нос, нормальный, между прочим, и вовсе не длинный!

— Это у Князя хобот, — мстительно сказала я.

— Кто это? — удивился Смерч, явно подзабыв свою драгоценную любовь. — Кто такой Князь?

— Началось… Это он, — указала я на молчаливого парня, которого это заявление ничуть не растрогало — по-моему, он пребывал в глубокой нирване. — И вовсе у тебя не нежная кожа. Ты страшный и противный тип, Смерчинский.

Но Дэн этого не слышала — он вновь закрыл глаза. Когда открыл — минут через пятнадцать — вновь потряс меня своим скудоумием, которое приносило ему алкогольное опьянение.

— Смотри, — вдруг произнес он, напугав меня — Смотри!

mir-knigi.org

— Что? — устало поинтересовалась я, сто раз пожалев, что решила ввязаться в авантюру. Зачем мне это нужно было?

— Там моя сестра! — Произнес Дэн, глядя на соседний столик, где в одиночестве сидела симпатичная рыжеволосая девушка. — Моя сестра. Сестра.

— Сестра? — удивилась я, тут же подумав, что ей, родственнице, можно будет сдать с рук на руки нетрезвого Смерча и свалить домой, вызвав такси.

— Какая еще сестра? — повернулся к нам Челка, оторвавшись от своей длинноволосой и длинноногой красавицы — последние пять минут они целовались, я пыталась не смотреть на них, — у него нет никакой сестры.

— Есть. Потерянная в детстве, — на глаза Дэна, к моему удивлению, да и не только к моему, показались большие слезы — как у обиженного ребенка. — Она пропала в детстве.

— Пропала? В детстве? Вот мужика глючит. Пашка, ты видишь, что он несет? Теперь у него сестра! — и парни опять зашлись в дружном смехе. — А, помнишь, в пошлый раз он брата выдумал?

— Это моя потерянная сестренка, — совсем рехнулся Смерч и вдруг, резко встав из-за столика и едва не перевернув свой стул, направился к рыжей, решительно и быстро.

— Сейчас он ей вкуривать начнет про родство, — с огромным интересом наблюдал за действиями приятеля Челка.

— Что с вашим другом? — удивилась его девушка. — Он наркоман что ли?

— Сама ты наркоман, красотка, — обиделся за Смерчинского Челка, — он просто пьян. Чуть-чуть.

— Что вам? — с интересом посмотрела на него, молодого и симпатичного, выглядевшего более-менее адекватно, парня.

— Сестренка, — сглотнув, произнес Дэн дрожащим голосом. — Сестренка!

В порыве чувств он обнял девушку. Та остолбенела, но попыток его оттолкнуть не делала.

— Вы что? — спросила она тихо, на что услышала радостное:

— Сестренка!

— Кто-кто? — Испугалась рыжеволосая. Братика она себе явно не желала.

— Ты моя сестренка. Я тебя люблю. — Отвечал наш невменяемый Смерч.

— Эй-эй-эй! — Челка и его молчаливый Пашка попытались оттащить от перепуганной девушки Дэна. — Отпусти ее! Она тебе не сестренка!

— А кто мне сестренка? Где моя сестренка? Куда она пропала? — Как маленький, заныл парень. Как же он меня достал, урод нечесаный!

— У тебя сестренки нет, у тебя только жена, — с большой охотой пояснил музыкант с черными волосами. — Вон она сидит, — и он ткнул на меня пальцем. Я вспыхнула.

— Я еще маленький, чтобы жениться, — по-детски заявил Дэн, которого с большим трудом вернули на место. Там он затих и, задумчиво повертев в руках пустой бокал из-под пива, положил его в себе на колени и вновь закрыл мутные глаза. Чтобы через еще минут пятнадцать их открыть. Как же он начал меня бесить — уму непостижимо! И ведь не уедешь домой — на такси денег-то у меня нет.

Ну зачем, зачем я захотела его напоить? Это что, божья кара?

— Вы не знаете, когда Новый год? — поинтересовался Смерч у меня вежливым тоном — я даже вздрогнула.

— Откуда я знаю. — Проворчала я. — Зачем он тебе?

— Я хочу подарки. Хочу, чтобы мне подарили вкусный торт кем-нибудь испеченный дома. Сделанный своими руками.

— У тебя никогда не наступит Нового Года, алкаш, — мстительно ответила я, за что получила нелесное прозвище «Злыдня». Потом Дэн, которого я начинала тихо ненавидеть, опять впал в алко-кому. И вновь через минут двадцать открыл глаза — чуть более осмысленные, чем раньше. Естественно, тут же принялся болтать свою излюбленную чушь.

— Мой дед! — вновь начал испытывать иллюзии по поводу родственных связей с посторонними людьми парень. — Привет, дед!

Он даже помахал кому-то, улыбнувшись.

— О, Боже мой, Смерчинский, ты меня задрал, — простонала я. — Успокойся, а? Спи лучше.

— Там мой дедушка, — сообщил мне Денис.

— А бабушки там нет?

— Не-а, — легкомысленно отозвался парень.

— А еще родственников каких-нибудь не наблюдается, дорогой мой чокнутый?

— Нет, — с этими словами он мило и ободряюще улыбнулся мне, как будто бы это я несла чушь. Затем легким движением заправил мне прядь волос за ухо и вновь прокричал, громче прежнего:

— Дед!!

— Слушай, нам отойти надо, — вдруг резко засобирался музыкант с челкой, вглядываясь в ту же сторону, что и безмерно радостный Смерч. Молчаливый тоже встал с места.

— А? Как это? Вы меня что, с этим пьяницей оставите? — я возмутилась такому повороту событий.

— Мы скоро вернемся, — пообещал парень с самой приятной улыбкой, на которую только был способен.

— Но…

— Мы на минуту уйдем.

mir-knigi.org

— Как…

Он перебил меня.

— Подружка Смерча, не тушуйся, все прекрасно и чудесно, главное, помни — если что, Дэн напился сам, нас тут не было, ты ни при чем. Идет?

— Не идет!

— Ни в коем случае не упоминай «Дымок», — напутствовал меня музыкант. — Обещаешь? Иначе…

— Иначе?

— Кирдык, — провел ребром ладони он по своему горлу.

— Стойте! — рассердилась я. — Вы куда? Стойте, идиоты!

Но оба молодых человека — один подхватив под руку девушку, второй — сразу две банки пива и очередной коктейль, едва ли не мгновенно — как профессиональные фокусники — ретировались в сторону, а потом пропали в неизвестном направлении, бросив меня вместе с нетрезвым Смерчем на руках, которому теперь мерещился еще и неведомый дедушка.

— Вот блин, как я тебя ненавижу, — прошипела я сама себе под нос, видя, как мой партнер обращается с криками: «Дед, я здесь!» к очень импозантному серьезному мужчине лет сорока, облаченному в дорогой стильный черный костюм-тройку и шелковую белоснежную рубашку. За плечами мужчины высились два плечистых серьезных охранника и субтильный темноволосый субъект в очках в тонкой золотистой оправе. Почему-то он напомнил мне Гарри Поттера. Только шрама не хватало и двух друзей за плечами.

Меня отчего-то прошиб холодный пот — все эти люди смотрели на нас очень внимательно, особенно мужчина в «тройке» — даже голову на бок склонил. Может быть, пьяных из «Алигьери» выводят, и нас сейчас вышвырнут? Но нет, у Дэна вроде бы есть ВИП-карточка, точнее сейчас она у меня в кармане, чтобы не потерялась. А, может, они к нам из-за проклятых «Дымок» обратились? Недаром чертовы ублюдки-музыкантишки сбежали от нас! Вот свинство! Я бы тоже свалила отсюда, бросив ветерка, да не дошло до меня сразу, к тому же и оставлять его одного в таком дурном состоянии не дело. Нет, ну как мужика может «расплющить» от парочки каких-то чертовых коктейлей? Да у меня брат от бутылки водки может ничего не почувствовать! А тут…

— Привет, дед, — весело обратился к мужчине парень, и тон его был до ужаса фривольным — глупый Смерчик не чувствовал опасности, витающей над нами. Впрочем, мой орел тоже не спешил паниковать, лишь по-кошачьи царапал голову лапой, проявляя чудеса птичьей гибкости. — Давно не виделись, да? Ха-ха-ха!

Мне показалось, что мужчина поморщился.

— Даниил Юрьевич, что с ним делать? — подхалимски заглядывая грозному мужчине в глаза, поинтересовался тип в очках. — Перепроводить?

— А что ты с ним сделаешь, Петр? — спросил глубоким звучным голосом мужчина. — Уже поздно.

Я тревожно глядела на «гостей». Дурачок Смерч лыбился, а потом, в довершении всего, криво улыбнулся хмурому «Гарри Поттеру» и сказал:

— Здорово, Петька.

Тот вздернул нос и отвернулся.

— Петька? — Не отставал от него Смерч и вдруг опять чересчур громко засмеялся, одновременно вертя в руках пустую банку из-под пива.

— Мы не поощряем пьянство, — важно отозвался отечественный Гарри, увидев этот жест. — Алкоголь отнимает у нас жизни. А в вашем случае еще и разум, кхм, да. У вас, почтенный, тяжелая ситуация.

— Брат, да ты злопамятный, — кинул в него банкой Дэн, и я, забормотав слова извинения Петру, схватила его за руки, чтобы Смерч больше в него не кидался. Руки у него оказались на удивление холодными, как будто бы он провел несколько часов на улице, под ветром и дождем.

У «брата» лицо скривилось от отвращения, но он промолчал, но губы его беззвучно зашевелились, словно бы он произносил проклятия.

— Хозяин! — вдруг подбежала к этому мужику, с каменным лицом наблюдающему за всем этим безобразием, официантка, испуганно на него таращась, — то есть, Даниил Юрьевич, что-то случилось?

— Ничего, — отозвался тот. — Можете работать дальше. Я здесь мимоходом. По делам, — и снова мужчина нехорошо взглянул на улыбающегося Дэна, который отпихнул меня от себя. — Продолжайте вашу работу.

— Да, извините, — живо отозвалась девушка и умчалась.

Я с еще большим недоумением подняла голову на вновь прибывших. С одной стороны из-за некоторого количества алкоголя мысли путались, но с другой… Хозяин? Хозяин чего? Неужели… этого заведения? Хозяин клуба? Что ему нужно от рядовых посетителей?

— Дедуль. Я по тебе соску… соскучился, — сладко зевнул Дэн. Нас сейчас точно отсюда взашей выпрут.

— Не называй меня так, — свел густые брови к переносице мужчина в дорогом костюме. — С ума сошел?

— Вы должны называть его Даниилом Юрьевичем, — тут же встрял Петр-Гарри, особенно выделив тоном первое местоимение, за что Дэн чуть вновь не кинул в него пустой банкой — я едва успела вырвать ее из его рук.

— Идиот, — холодно процедил молодой человек.

— Извините, он немного пьян, — встряла я, решив, что нужно что-то предпринимать, пока не поздно, по-моему, если партнер запулит банкой в мужика в костюме, ему охрана точно руки отрежет. — Сильно. Поэтому несет чушь. Извините его!

— А кто вы, юная леди? — поинтересовался мужчина, усаживаясь перед нами и брезгливо глядя на все те стаканы и бутылки, оставленные тремя сбежавшими идиотами. Нет, не зря они

mir-knigi.org

ушли, почувствовали опасность, и, как крысы сбежали с тонущего корабля! Так, если что, ни о каком «Дымке» мы ничего знать не знаем.

— Я его… его девушка, — кивнула я на парня, продолжающего улыбаться.

— Вот как? — высоко поднял брови гипотетический хозяин этого заведения. — Ясно. Зачем же вы споили своего парня?

— Он сам себя… споил, — тихо ответила я, пытаясь набраться храбрости говорить громче и чуть наглее, но у меня этого пока что не получалось. А со мной такое редко бывает! Честно слово, редко!

— Дааа? — протянул мужчина. — По поводу?

— У нас сегодня годовщина, — ничего умнее я придумать не смогла. Но пыталась — честно!

— Годовщина чего? — Тут же решил уточнить въедливый Даниил Юрьевич. А Петр встрял:

— Какая еще девушка? Она-то?

— Помолчи, друг мой, — вальяжным жестом заткнул его мужчина.

— Точнее, у нас юбилей, — тут же «поменяла показания» я. — Нашего общения. И… и чувств. Да, именно, чувств.

«Пять дней — тоже юбилей!» — торжественно согласились нетрезвые и мерцающие от этого мысли.

— Даже так? — синие глаза мужчины просто-таки впились в мое лицо, изучая его. Стало совсем некомфортно.

— Да… Мы месяц встречаемся. Поэтому… так вышло.

— Так вышло, — повторил он за мной, все пытающейся понять — что им нужно?? — Как странно все выходит.

— И все это выпили вы вдвоем, — указал на стол Даниил Юрьевич. — Так сказать, за годовщину-юбилей. Так?

Гарри позволил себе парочку противных злорадных улыбочек.

— Мы друзей встретили, — я встретилась с ним глазами, и мне стоило больших эмоциональных усилий не опустить глаза сразу, а чуть-чуть выдержать тяжелый взгляд. Про выпивку заговорил, сейчас с «Дымком» прикапается. — А чего вы, собственно, к нам пристали? — набралась я все-таки наглости. Но мой вопрос остался без ответа, потому что как Дэн вдруг четко произнес:

— Дед, ты опять себе делал пластику? Или просто кожу подтягивал?

Лицо хозяина «Алигьери» вытянулось. Доморощенный Гарри Поттер в дорогих очках за его спиной хмыкнул.

— Замолчи, идиот, — шикнула я на Смерча и даже стукнула по лбу. — Заткнись, дурень! Чего несешь? Извините, он очень пьян! — уже другим тоном сказала я изумленному и даже слегка

рассерженному Даниилу Юрьевичу.

— Я вижу, — сухо отвечал мужчина. — Надрался вновь, мальчишка?

— Дед, ты не прав. А ты кто? — посмотрел Смерч на меня. Я только рукой махнула. Мол, заткнись, дубина, не мешай.

— А, я знаю. Ты Бурундук, — выдал торжественно нетрезвый брюнет. — Дед, я Дэйл. А она — Чип. А он, — с этими словами Дэн ткнул пальцем в Петра, — последний кретин.

— Прелестно, просто прелестно, — отозвался мужчина с некоторой долей иронии и требовательно поинтересовался. — Как ваше имя, девушка?

— Мария, — представилась я тут же, начиная кое-что подозревать. Вы можете сказать, что сразу бы сообразили, в чем дело, но в тот момент я, не совсем все-таки трезвая, не могла понять, чего от нас хочет тот, кого нетрезвый кретин Денис упорно называет «дедом».

Нет, так не бывает!

Все нормальны дедушки сидят дома на пенсии и командуют родной кухней, а не крутым клубом!

— Я Даниил Юрьевич. Как вы уже сами догадались — родной дед этого негодяя, — развеял все мои последние сомнения импозантный мужчина, представившись. — Значит, наш Денис нашел, наконец, постоянную девушку? Эй, отвечай мне живо, мальчишка.

«Мальчишка» не ответил — он опять впал в забытье, только глаз не закрыл, а просто смотрел в одну точку перед собой, а по лицу его блуждала улыбка.

А мне оставалось только осторожно кивнуть. Засаааада…

Ну, вот и с родственниками Смерчинского познакомились. Я с его дедом, он с моим папой. Красота, что сказать? И, главное, в каких обстоятельствах происходили наши встречи! Через десять лет, если мы со Смерчем еще будем общаться (в чем я сомневаюсь), нам будет что вспомнить и над чем посмеяться, да только сейчас мне ни капельки не смешно. Скорее неловко и страшновато. Его дед, мало того, что владелец такого крутого места — понятно теперь, почему золотая ВИП-карта у Дэнва именно от дедульки, который на дедушку ни капли не похож, так еще и этот мужчина в строгом костюме имеет такой холодный непроницаемый взгляд, что мне кажется, будто он читает все мои мысли. Не человек — акула в костюме.

— Еще раз уточню на всякий случай. Вы, юная леди, возлюбленная моего внучка? — просверлил меня взглядом Даниил Юрьевич.

— Нуууу… да, — ответила я.

— Хорошо. Наконец, перестанет приводить домой девушек, — удовлетворенно произнес мужчина, который, на дедушку походил так же, как я на отличницу. — Я не представлю, как вы, Мария, смогли его обуздать, но рад, что смогли.

Я скромно кивнула — а под столом мои ноги нервно дергались.

— Давно Денис в таком состоянии? — спросил «дедушка». Больше сорока, ну с натяжкой сорока пяти, я ему дать не могу! Реально, что ли пластической хирургией балуется? Ну, у меня

столько денег было бы, я бы тоже баловалась ею.

— Давно? Часа два, нет, даже больше, — ответила я растерянно.

— Значит, совсем скоро это у него пройдет, — кивнул удовлетворенно Даниил Юрьевич. — Жаль, мне нужно скоро уезжать, и мы с ним не успеем побеседовать. — В его голосе послышались не самые благожелательные нотки. — Что один мой сын, что второй, что мой внуки — никто из них не умет пить. Слабаки.

Петр кашлянул, но на него не обратили никакого внимания.

— И в кого они такие? Риторический вопрос. Ладно, Мария, мне действительно пора — я в клубе мимолетом. Кстати, «Алигьери» вам нравится? Я сам придумывал основную концепцию.

— Безумно нравится, — отозвалась я, понимая, что просто обязана польстить этому дядьке — его взгляд просто требовал это, как голодая злая собака кость. — У вас классно, необычно и атмосфера такая… хорошая, хоть и мрачная! Как будто в Средневековье оказываешься. Вы… вы замечательно отобразили все те три таинственных места, куда спускался герой Данте, и очень-очень аллегорично: ваш ход с надписями, или те же рисунки — просто отпад…, то есть, я хотела сказать, они очень оригинальны, и, в то же время, близки к тексту, — попробовала я блеснуть теми знаниями, что получила в стенах университета.

Мои слова ему явно понравились. «Дедушка» улыбнулся. Точь-в-точь как Дэн. Внешне они совершенно не похожи — только глазами, а вот мимика — один в один!

— Люблю, знаете и, на досуге почитать Данте. Ну что ж, я спешу, вынужден откланяться. Да, кстати, наша семья очень либеральная, и мы не имеем ничего против того, каких спутниц жизни выбирает себе наши дети, — зачем-то поведал мне Даниил Юрьевич. Я попыталась ему улыбнуться, но получилось это плохо — всего лишь одним уголком губ.

— Ребята, — сейчас проводят вас в мой кабинет, там вам будет комфортней, чем здесь, — распорядился родственник мирно сопящего Дэна, находящегося в прострации. — Вам там, Мария, понравится. И не злитесь на моего непутевого внука — не думаю, что он хотел напиться и показаться вам в столь неприглядном виде, обзывая Бурундуком любимую девушку.

Я вновь кивнула. Да мне уже все равно. Бурундук, не Бурундук.

— А у вас библейское имя, — напоследок, перед тем, как покинуть кафе, сказал мне этот человек, напомнив внезапно кое-кого. — Оно означает «желанная». Или «горечь». Да, кажется так.

С этими словами он, велев Петру идти за ним, удалился прочь под напряженные взгляды двух официанток и бармена.

Охранники же с легкостью подхватили под руки не совсем адекватного Дэна, как будто бы это был не парень, а маленькая девочка, и потащили к двери, ведущей на лестницу, а я поспешила за ними, проверив на всякий случай, с собой ли у меня ВИП-карточка Дэна. Только пошли мы не вниз, откуда, собственно, и приперлись сюда с музыкантами, а наверх, туда, где почти не было посторонних людей, и где начиналась одна из ВИП-зон для тех умников, которые имели возможность отдавать достаточно большие суммы денег всего лишь за одну ночь аренды шикарных помещений, где не в диковинку были не только такие вещи, как превосходный бар, кухни нескольких стран, кальянная и сигарная комнаты, отдельный танцпол, но и сауны, небольшой бассейн и джакузи, что-то вроде массажного салона и даже специальная женская

шоу-группа.

Я очень хотела посмотреть, как выглядит кабинет хозяина этого пафосного местечка, но, увы, из-за Дэна мы туда не дошли.

Вечно от него одни неприятности! Все портит, собака ветреная.

И дедушка бы его расстроился, если бы узнал, что надравшийся порядком внучок не смог доползти до нужного места. Но он об этом так и не узнал, поскольку очень спешил покинуть «Алигьери».

— Петр, быстрее. Проводишь до стоянки, — властно произнес, спеша по лестнице к своей дорогой машине, ожидающей его на подземной парковке, Даниил Юрьевич, поворачиваясь к типу в очках, семенящему следом. — Ты понял все мои распоряжения насчет клуба?

— Да, все понял, — отозвался парень живо.

— Очень на это надеюсь, друг мой. Еще несколько косяков с твоей стороны, и управляющим тебе здесь больше не быть.

— Но…

— Бизнес, — обернулся к Гарри Поттеру местного разлива Даниил Юрьевич, — бизнес важнее, чем все наши личные взаимоотношения. Что ты, что твой брат — не понимаете этого. Один — повеса и шалопай, второй — знатный дурак. Что хуже, не представляю.

На мгновение его голос стал более теплым и даже чуть-чуть ворчливым — но только на мгновение. А его собеседник скривился, как от зубной боли, но мужчина этого не увидел, потому как размашисто шагал вперед.

— Значит так, я увидел, что хотел, все тебе сказал, и надеюсь. Ты исправишь ситуацию. Сделаешь все возможное, чтобы мой клуб больше не терял денег из-за твоих ошибок с документацией. Жаль, жаль, что скоро у меня самолет. Иначе бы я остался.

— Я все сделаю, — отозвался молодой человек в очках.

— Приеду, проверю, — пригрозил импозантный мужчина, на ходу застегивая распахнутый пиджак. — А, да, проследи, чтобы с этим идиотом все было в порядке.

— Да-да, конечно, — закивал Петр, испытывая облегчение — они фактически дошли до стоянки. Охрана, заметив хозяев, тут же вытянулась в струнку и приобрела сосредоточенный вид.

— И за девочкой присмотри.

— Присмотрю.

— Узнай, кто и что она. Подготовь легкое досье. Сможешь? — повернулся мужчина к Петру. Тот мрачно кивнул, думая про себя, что он — не мальчик на побегушках, чтобы собирать какое-то там досье. Но вслух ничего, естественно, невысокий даже хрупкий на вид, молодой человек не произнес.

— И сделай так, как я тебе велел насчет нового ВИП-зала.

— Вы мне уже говорили об этом несколько раз.

— Тебе нужно каждую вещь сказать по три раза — и это твой минимальный порог. Иначе не запомнишь, — фыркнул Даниил Юрьевич.

— Что-то я в этом сомневаюсь. Сегодня твой взгляд еще глупее обычного, друг мой славный. Мне тебя что, умолять, чтобы ты хорошо работал? Я плачу тебе не малое жалование, да и воруешь ты знатно.

— Ну что вы, я не такой, — притворно возмутился Петр, и его синие глаза заблестели от внутреннего смеха. — Работаю, не покладая рук и головы, а вы — вы всегда найдете к чему придраться.

— А я тебе говорил, что работать со мной трудно, ты сам напросился работать в управлении клуба, — парировал Даниил Юрьевич, залезая в машину, дверь которой услужливо распахнул один из охранников. Открыв окно на переднем пассажирском сидении, он поманил к себе Петра.

— Думаю, из нашего сегодняшнего разговора ты все понял, Петя, и сделаешь правильные выводы. Клуб требует твердой руки.

— Да, дед, — отозвался тот спокойно, хотя крепко сжал в кулак — так, что костяшки побледнели — левую ладонь. — Я все понял.

— Надеюсь, без меня тосковать не станешь, — с этими словами Смерчинский-старший закрыл окно, и автомобиль почти бесшумно развернулся и умчался прочь со стоянки.

— Не стану, — отозвался молодой человек, и выдохнул с большим облегчением — даже сердце стало биться спокойнее.

Этот человек, Петр, приходился еще одним внуком Даниилу Юрьевичу, носил славную фамилию Смерчинских вот уже почти двадцать пять лет, и являлся одним из директоров клуба, а с недавних пор решил взять на себя дополнительные обязательства — контролировать нелегальную тайную деятельность этого прибыльного местечка, где частенько расслаблялась золотая молодежь. Тайную, в первую очередь от самого господина Смерчинского-старшего, его властного деда. Вообще-то тот был очень даже в курсе, что творилось незаконного в его «Алигьери» под покровом ночи, и именно он получал определенный процент прибыли от всего этого.

Петр, тоже желающий получать дополнительную прибыль, не без помощи одного из своих старых друзей, который входил в одну из группировок, известную недавно возрожденному Управлению по борьбе с организованной преступностью, под названием Южные или Пристанские, чуть меньше месяца назад организовал подпольные азартные игры, проводимые в клубе под грифом большой секретности. Также под его контроль попали поставки веществ для тех же запрещенных коктейлей «Дымок», или куда более опасных коктейлей, в состав которых входили некоторые наркотические вещества.

Существовало это пока на очень хрупкой основе, но уже пользовалось популярностью, особенно у богемной молодежи, поэтому сулило большие выгоды. К тому же дед редко бывал в «Алигьери», и некоторое время точно бы не прознал о том, что творил за его спиной находчивый внук, которого, кстати, покрывал еще один из замов Даниила Юрьевича. А если бы он прознал про «коктейльный бизнес» и прочие «шалости», то у Петра к тому времени были бы уже нехилые сбережения, и он со спокойной совестью мог бы уехать за границу.

Но сегодня обычно уверенный в себе молодой человек в позолоченных дорогих итальянских очках пребывал в тихом ужасе. Дед, внезапно нагрянув сюда час назад без всякого звонка или сообщения, решил проинспектировать весь клуб, потому как из отчетов финансового директора, он понял, что Петр перемудрил с документами, из-за чего прибыль немного снизилась. Молодой Смерчинский панически боялся, что моложавый и скорый на расправу дедушка прознает про его противозаконные действа, к примеру, увидит тот же «Дымок», который бармены-дебилы стали продавать уже едва ли не открыто, или заглянет в ту самую комнату во второй ВИП-зоне, где именно сейчас идет игра на серьезные деньги с серьезными людьми, о которых сейчас заботился тот самый приятель Петра.

К счастью, Даниил Юрьевич отвлекся на своего второго внука — придурковатого Дэна, с которым у Петра в последнее время отношения были более, чем холодные: братья с детства друг друга не переносили, и только чудом не наткнулся на игру, задержавшись на втором уровне «Чистилища». Брюнет в очках едва ли не впервые в жизни был так рад увидеть кузена, напившегося, правда, и в компании с очередной девчонкой, на этот раз слишком простоватой для Дениса. Впрочем, второму Смерчинскому было безразлично, с кем проводит время его брат: да хоть с парнями. Но вот известие о том, что светловолосая и без намека на макияж и женственность девчонка, стала вдруг официальной девушкой Дэна, заинтересовало. Можно даже будет как-нибудь попробовать поиграть с ней на виду у «любимого» братика и поиздеваться над зазнавшимся идиотом. Сначала своей «удачи» молодой директор клуба не оценил — когда, находясь наверху, увидел вдруг за стойкой бара брата в компании его дружков-музыкантов, которые по протекции все того же Дениса выступали каждую неделю в «Чистилище», на панк-концертах, он пришел в ярость. Дэн, который уже месяца три не посещал это заведение, легко мог узнать, что некоторые бармены продают запрещенные коктейли, и доложить об этом деду. Однако он что-то выпил и стал «невменяемым» — на радость Петру. А потом и вовсе перетянул на себя внимание Даниила Юрьевича.

— Не стану, не стану, — пробормотал Петр, всматриваясь вдаль — вдруг дедушка решит вернуться? — и утирая выступивший на лбу пот. То, как мимо него едва ли не со скоростью света пронеслись две темные фигуры с рюкзаками за спинами, он не обратил внимания. Однако, вернувшись с недовольным лицом в кабинет Даниила Юрьевича, и не обнаружив там братца и его девчонки, обозлился. Охранники, пожав плечами, сказали, что эта парочка пожелала уйти в ночь, а они не видели смысла ей препятствовать.

Едва мы оказались около кабинета его дедушки, располагающегося в одной из башен (я восхищенно крутила головой, подумав, что предложение Дэна надо было все же принимать, потому как стать невесткой такого богатого дяди — совсем недурственно), в голове Смерча то-то щелкнуло (жаль, что я не слышала), и он почти пришел в себя. Отцепившись от невозмутимых охранников, он вдруг потряс головой и остановился, как вкопанный.

— Куда мы идем? — хрипло проговорил он, с большим удивлением рассматривая внутренне убранство стен.

— В кабинет твоего дедушки, — мстительно сказала я, видя, как его глаза становятся нормальными, живыми.

— Куда?! — медленно повернул голову в мою сторону парень. Охранники тактично молчали, но мне показалось, что один из них едва заметно улыбнулся.

— К дедушке твоему, — повторила я. — Он, знаешь ли, недоволен немного твоим пьянством беспробудным. Решил, что в его кабинете тебе будет лучше, чем за столом.

— К дедушке? — еще неокрепшим голосом спросил парень. — К дедушке?

— К дедушке, к дедушке, — закивала я с улыбкой, глядя на пришедшего в себя идиота, чьи глаза были такими же несчастными и круглыми, как у котенка, который охотился за птичкой: ждал, караулил, махал пушистым хвостиком, прыгнул, наконец, на нее, а она возьми, да улети в небо. — Слушай, сколько твоему деду лет, такой дядька молодой на…

Но, едва услышав про родного дедушку, Смерч перебил меня, что-то скороговоркой сказал охраннику — тот только кивнул — и свалил, естественно, вместе со мной. Он заставил меня бежать вниз по длинной лестнице с широкими ступенями, на которой был выстлан темно-бордовый ковер, вниз, к холлу. С родственником ему явно не хотелось встречаться — ну с чего бы еще мальчик-ветер дунул вон из клуба, славно, как будто и не пил вовсе. В холле мы сделали кратковременную остановку — парень забежал за нашими рюкзаками в раздевалку, вернулся ко мне, мы повернули направо, и через подземную стоянку вылетели из гостеприимного ночного клуба, остановившись только в соседнем переулке. Дэн прислонился к холодной стене дома и закрыл лицо руками. Выглядел неважно, и вообще вокруг Смерча носилась хаотичная аура страданий — я ее прямо-таки физически ощущала.

— Ну, ты и псих! Ты на хрена так дунул? — напустилась я на партнера.

— Не бежала бы… не бежала бы со мной, — глухо отозвался брюнет.

— Я тебя одного не смогла оставить, — тут же гордо отозвалась я, переворачивая ситуацию в свою пользу, хотя побежала за ним сама не знаю, почему. Как будто он захотел этого, я почувствовала и последовала его примеру

— Что, дедушки боишься? — полюбопытствовала я, все еще тяжело дыша и оглядываясь — ночь, темно, прохладно слегка, темно-синее небо, куча звезд, и даже луна. Почти что романтика!

— Нет…

— Зря ты убежал, твой дедуля все равно свалил. Эй, ты в порядке? — наклонилась я к нему. Вроде только что бегал нормально, а теперь страдает. И мне его жаль — ну, опять же, как поранившего лапку котенка.

— Как же мне плохо, — простонал Дэн, обхватив взлохмаченную голову обеими руками и опускаясь на корточки. — Черррт…

Я осторожно села рядом с ним и погладила его по бледной холодной руке:

— Пить не нужно было, дурачок, — ничего лучше этой фразы я не нашла. — Алкоголизм — вещь страшная.

— Пить? — из-под челки посмотрел на меня белый, как полотно, Дэн. — Пить? И это ты мне говоришь, маленькая нахалка? Ты соображаешь, что делаешь, глупая?

— В смысле? — прикинулась я овечкой. Но, наверное, меня выдал взгляд. Или закушенная губа.

— В прямом… я сейчас умру из-за тебя… В прямом, да — ты меня напоила, — он сглотнул и тяжело вздохнул.

mir-knigi.org

— Я? — попыталась отмазаться я, но, естественно, этого не получилось.

— Ты, именно ты. Зачем? Объясни? Тебе показалось, что будет забавно?

— Докажи! — мигом ощетинилась я. — Докажи, что это я!

— А кто еще? — возмутился мой партнер, и в его голосе слышалось такое осуждение, как будто бы я преступление совершила. — Сам бы я пить не стал, значит, вы что-то мне подложили… Я от тебя этого не ожидал.

— А я не ожидала, что ты будешь вести себя, как конченный идиот. Где ты видел, чтобы со взрослыми мужчинами такое творилось после приятия совсем небольшого количества алкоголя?

— Это семейное, — с тихим стоном ответил парень. Мне стало жаль его еще больше. По ходу, ему реально плохо…

Орел осторожно приземлился на плечо Дэна и коснулся крылом его щеки. Парень отчего-то слабо улыбнулся.

— Точно-точно. У твоих папы и дяди такой же недуг, — вспомнились мне слова его деда.

— А ты откуда знаешь? — удивился Смерч.

— Дедушка сказал, — мстительно захихикала я.

— Как мы умудрились на него наткнуться? Он в клубе редко бывает… — только и вздохнул он, морщась от головной боли. — Я начинаю верить, что удача навечно покинула меня. Да и я не был в «Алигьери» уже кучу времени, но именно сегодня, с тобой…

— Неудачник.

— Это ты приносишь мне несчастья. Маша, сейчас мне не до этого, но я тебе отомщу, — пригрозил парень, поднимая на меня взгляд — его глаза скрывали темные пряди волос, упавшие на лицо. — Ты пожалеешь… блин…

— Да-да…Пожалею. И ты тоже. Ты помнишь, что ты вытворяя?

— Нет.

— Отлично! Тогда мы квиты, — нашла я выход, тоже прислонившись спиной к холодной стене дома. Почти сразу я подалась назад — пояснице стало сильно уж холодно.

— Квиты? — переспросил Смерч, обхватив себя обеими руками.

— Да. Я тебя подпоила, ты меня опозорил.

— В каком смысле опозорил? — забеспокоился Дэнни и осторожно предположил. — Я что, к тебе приставал?

— Если бы ты еще и это делал, даже охрана твоего деда не спасла бы тебя от смерти, которую ты бы принял из моих рук, — важно отвечала я. — Эй, отлепись от стены, она холодная. Заболеешь, я виновата буду.

mir-knigi.org

— Не могу. Я сейчас просто тут умру. Что за фигню мы пили?

— Эээ… — не стала я выдавать Челку. — Коктейли.

— Ненавижу их.

— Сильно болит голова? Тебе очень плохо? Тебе бы таблеточку. Может, по до домам? — спросила я грустно. Мне стало стыдно за свой поступок — я видела, как ему теперь плохо, но признавать этого мне не хотелось.

— По домам… Каким домам? Я не поеду домой в таком виде, — ответил вдруг парень слегка нервно, вновь поднимая на меня уставшие глаза. Впрочем, и я сама себя совсем не крепко стоящей на ногах чувствовала — а ведь действительно, коктейли виноваты. От энергетического наступает странное чувство вынужденного полета и легкости, а от «Дымки» и наложенной в нее химии сознание все-таки немного меняется, надо сказать. Ну, у меня хотя бы голова не болит, и настроение очень даже веселое.

— Это еще почему? — изумилась я.

— Моей маме будет неприятно, — с отвращением глядя на собственные руки, чуть дрожащие, произнес Смерчинский. Я в голос рассмеялась.

— Че? — спросила я. Сколько открытий за сегодняшний день — наш мальчонка еще и маменькин сыночка! — Неприятно?

— Моя мама расстроится, если я в таком виде приду домой ночью, — пояснил он собственную позицию. Я умилилась и легонько потрепала его по волосам — ему можно, а мне что, нельзя?

— Да ты не устаешь меня поражать, парень. Играешь роль хорошего сына?

— Нет. Просто она не любит, когда я пьян, — отозвался он. — Ааа… голова так болит. Все до сих пор еще кружится… Слушай, можно я у тебя переночую? — без перехода уже не ноющим, а нормальным голосом спросил Дэйл.

— Че?!

— Можно? Можно, Машенька? — начал подлизывать он ко мне, не отпуская одной руки от виска. — Чип, пожалуйста. Я не хочу оставаться на улице. Я замерзну, умру, и ты будешь в этом корить только себя. М-можно, милая?

— Нет, — отрезала я. — С ума сошел?

— Правда, моя мама расстроится, если я приду домой в таком виде, — подозреваю, Смерч все еще был пьян.

— А моя что, не расстроится, если я парня-алкаша домой притащу посредине ночи? — спросила я, с праведным гневом. Да меня мама повесит прямо в подъезде, и Дэна рядышком со мной.

— Расстроится, — был вынужден признать молодой человек. — Как же плохо дружить с девчонками… Все понимается двусмысленно.

— К тому же она думает, что я в Музее, — сварливо отозвалась я, думая, что с парнями дружить отстойно, в общем-то.

— Точно… Не на улице же нам торчать? — поежился от ночного ветра и прохлады парень. — О, у меня идея.

— Какая? Наверное, феерическая? Еще куда-нибудь пойти и расслабиться? — спросила я. — Например, в стриптиз-бар?

— Пойдем в отель.

— Перетопчешься, я с мужиками по отелям не хожу, — покрутила я пальцем у виска. — Вот дурак, а…

— Ты что, Бурундук, предлагаешь, нам на улице спать? — сердито спросил брюнет, слегка покачиваясь.

— А ты хочешь спать?

— Безумно, — признался парень. — После алкоголя ужасно болит голова, и я хочу только одного — спать-спать-спать.

— А тебя не тошнит? — на всякий случай отошла я подальше от бледного Дэна.

— Меня будет тошнить, когда я проснусь, — мигом погрустнел он. Я вздохнула.

— Ладно, пошли, — согласилась я. В гостиницах я еще никогда не ночевала — только когда ездила на море.

— Чувствуешь вину? — понял меня Сморчок, но ругать не стал, за что я ему была благодарна. — Здесь недалеко хороший отель. Там можно снять отличные комнаты.

— А ты откуда знаешь?

— Я все знаю. И даже больше, Чип. Давай свою руку, я тебя поведу. Не замечаешь, что это входит в привычку?

— Что?

— Наше хождение за руку.

— Я ненавижу тебя на уровне клеток и ДНК, — со вздохом произнесла я, чувствуя, как его ледяная рука согревается в моей. Мы медленно зашагали по безлюдной, но ярко освещенной дороге.

— Я тоже считаю тебя прелестной, — проговорил в ответ Смерч. — Ты ответишь, зачем же ты меня напоила? Я сейчас умру, и тебя посадят. Позвал тебя на свою голову. Предательница.

— Не надо, это все твои дружки, — попробовала откреститься я от содеянного.

— А с дружками я потом разберусь…

— Я вообще тебе предлагаю расстрелять всех, кто осмеливается называться твоими друзьями, — предложила я кровожадно. Нет, я не шутила, я тогда серьезно крепко и горячо не любила его товарищей-приятелей.

— И тебя?

mir-knigi.org

— Я теперь твоя невеста, — захохотала я, как сумасшедшая. Дэн странно на меня посмотрел.

— С чего вдруг? Я что-то сделал? Я ничего не помню. У меня лишь жутко болит голова, — он опять пожаловался.

— Да так, — не хотелось мне сейчас его расстраивать еще больше. — Я тебе потом расскажу. Завтра. А сейчас не думай ни о чем плохом. Дыши свежим воздухом…

— Я скоро перестану дышать, мне плохо, — прошептал он.

— Не ной, мой будущий муженек…

— Что ты сказала? — переспросил слабым голосом парень.

— Я говорю, все будет хорошо… — отозвалась я злорадно. Вот увидишь записи своих приятелей, облезешь, милый.

Дэн не прекращал охать и грозится самыми разнообразнейшими карами до того счастливого момента, когда мы пришли к отелю и скрылись за его стеклянными дверями.

Тот самый рыжий парень, что так взял на себя функции главного координатора проекта *«Romantic surprise»* — так в шутку назвали его участники мероприятие, посвященное Смерчу и его подружке — прогуливался в компании друзей по центру города. Ребята веселились, и явно не собирались разбредаться по домам, несмотря на то, что время давным-даавно перевалило уже за двенадцать ночи. У всех было отличное настроение после приветствия Дэнни и его девушки, неразберихи с неизвестно откуда нагрянувших сотрудников органов правопорядка и счастливого избавления от оных при непосредственном участии ректората, деканов Факультета иностранных языков и Искусствоведения, а также при вмешательстве некоторого количества возмущенных таким произволом преподавателей, имевших честь наблюдать за весьма громким «сюрпризом» с окон. Такими прыткими и расчетливыми как сам Смерч, многие его друзья не были. Далеко не всем, удалось скрыться от бойцов ОМОНа — только самым прытким и опытным: к примеру, парни-музыканты не только сами сумели скрыться в неизвестном направлении, так еще и умудрились забрать с собой всю технику, весящую явно не по килограмму. Эти шустрые ребята под предводительством солиста с черной челкой, так и не успевшего пожелать Смерчу того, что, по его мнению, было самым главным в жизни мужчин, быстрее всех слиняли на своем потрепанной микроавтобусе. Он был припаркован на противоположном конце улицы в значительном удалении от дороги по которой приехала милиция.

Не такие проворные и скорые, как, например, сам рыжеволосый молодой человек, попались в цепкие лапки милиции и были препровождены в еще один подъехавший автобус. К счастью, бойцы в масках были довольно «вежливыми», задержанных не мутузили, проворно и профессионально заламывали им руки, а девушек, многие из которых действительно испугались, элегантно приглашали все в тот же автобус, держа за плечи или локти. Пойманные, в свою очередь, будучи пойманными, не начинали качать права, пинаться и вырываться (те, кто бурно сопротивлялся бы, успели смыться). Естественно, без исключений не обошлось, но это были уже мелочи.

На счастье собравшихся, за представлением наблюдала часть того преподавательского состава, что оставалась в это время на работе — этих людей привлек веселый шум на улице. Оставшиеся работники кафедры Рекламы и Культурологи, во главе с деканом, развлекались, наблюдая за творившимся внизу, пока хорошо видимое и хорошо слышимое действо не было прервано нежданно-негаданно вмешавшейся милицией, прилетевшей к университету на всех

парах… Когда же ее бойцы начали хватать молодых людей, все возмутились и поспешили вниз — спасать студентов и гостей университета.

Скооперировавшиеся деканы факультета Иностранных языков и Искусствоведения при поддержке прочих спустившихся коллег, а также охранников, развернули переговоры с представителями милиции.

— Ровно в девятнадцать ноль-ноль нами был зафиксирован звонок от неизвестного, пожелавшего остаться неизвестным. Он и сообщил дежурному, что недовольные студенты готовят акцию протеста с использованием оружия, — невозмутимо отвечал на нападки профессоров глава милиционеров.

— Какие акции? Какие недовольные студенты? Какое оружие? — вопрошали они громко и возмущенно. — Что еще за неизвестный неизвестный?

— Вас дезинформировали!

— Это студенческая акция! Вы издеваетесь над бедными учениками!

— И как только посмели! Здесь грызут священный гранит науки! А вы хотели упрятать за стенки студиозов!

— Совсем милиция обалдела! Дети тянутся к знаниям, а их ОМОНом разгоняют!

— Снимем про ваше самоуправство репортаж, — пообещали два преподавателя с Факультета Журналистики. — И пустим в эфир по всем городским каналом.

Скорее всего, именно последнее заявление усмирило пыл представителей органов правопорядка.

В общем, всех задержанных отпустили, свалив всю вину на того, кто решил «пошутить». Извиняться, естественно, не стали, но этого никто и не требовал. Правда, возмущению преподавателей не было предела — деканы факультетов, где имели счастье обучаться Мария и Денис, решили завтра же обратиться с жалобой к ректору. Студенты же просто повеселились от души.

— Хороший сегодня денек, — проговорил рыжеволосый парень. — Дэнва поздравили, повеселились, от ментов отделались, в кафешке оторвались…

— Надо было еще в клуб на выступление парней съездить, — сказал один из его друзей, вспомнив приглашения музыкантов.

— Да мы и в кафешке хорошо посидели, — не согласился рыжий. Гул голосов его поддержал. Одна из девушек спросила:

— А давайте потанцевать куда-нибудь сходим?

— Точно! — поддержала ее подружка, уцепившаяся сразу в двух парней, чтобы ее не шатало. — А потом на авто-пати двинем…

— Я знаю тут рядышком новый уютный клуб, прямо около гостиницы «Кедр», — начал важно вещать рыжий, желающий завоевать внимание одной из девушек. — Качественная трансовая музыка. Это там, через дорогу, — и он протянул вправо руку, указывая не совсем трезвым

mir-knigi.org

спутникам направление места их гипотетического посещения. — И цены не буржуйские… не то что в «Алигьери», он хотя и рядом, но туда я…, - молодой человек вдруг осекся. Он вгляделся на противоположную сторону улицы, туда, где и располагалась вышеназванная им гостиница: по самой обочине дороги нетвердой походкой вышагивала знакомая девушка в голубой кофточке с капюшоном и простых джинсах. Яркие фонари и неоновые вывески достаточно освещали ночной город, чтобы он смог разглядеть ее лицо и понять, что это та самая подружка Смерча, девчонка по имени Мария, носящая забавное прозвище Бурундук. Эти двое сумели убежать от нагрянувшего ОМОНа — в то, что Смерч «спасет» и себя, и любимую, никто не сомневался. Сейчас сто процентов, эти двое влюбленных где-нибудь вместе… или не вместе…

— А где Дэн? — пробормотал рыжий. Его друзья, также приметившие Чипа, тоже заинтересовались этим вопросом и дружно уставились на Машу.

— Да вот же он! — почему-то обрадовалась девушка, которая предложил остальным пойти потанцевать. — Вон Дэнни, вон!

Смерч действительно появился около Марии, отлипнув от ближайшего столба, и оттащил ее на тротуар, подальше от дороги. Они перекинулись парочкой слов, и, обнявшись, как два приятеля-забулдыги, направились к гостинице «Кедр». Вскоре они скрылись за высокими стеклянными дверьми и явно не собирались выходить на улицу. Парни оживились — по их глубоко авторитетному мнению, друг действовал правильно и быстро.

— Сейчас номер снимут — философски заметил рыжий. — Я тоже так хочу.

— Как? — заинтересовались остальные наблюдатели.

— С девушкой снять хороший номерок в приличном отеле, — пояснил парень. — Вот сейчас Дэнв свою подружку приведет в красивую и уютную комнату, закажет вино, фрукты, шоколад, свечки зажжет… расставит их вокруг огромной кровати с пологом… выключит свет и поведает ей о своих чувствах… романтика, черт ее дери в спину.

— Как же он ее любит, — зачарованно протянула одна из девушек. — Меня так никто не любил… Ну почему я не на месте этой Маши, а?

— Я тоже об этом думаю, — подхватила ее подружка, — почему не я? Где бы такого друга отыскать…?

— А мы вам на что? — обиделись парни. Девушки только фыркнули.

— Ну что, в клуб-то пойдем? — спросил рыжий, которому надоело просто так стоять. — Это, други мои… Давайте-ка сохраним в тайне, что мы сегодня видели. А то у нашего Смерча никакой личной жизни нет.

— Точно! — поддержали его остальные искренне.

— Никому ничего не скажем.

— А то Дэна все, кому не лень, обсуждают.

— И девчонке его неприятно.

— Ага. Видели, как она смутилась на нашем «сюрпризе»?

mir-knigi.org

— Да у любой бы шок был… они же свои отношения в тайне держали, а тут — бац! — а о них-то оказываются, все знают!

— Не-не, никому не расскажем…

— Чего мы, сплетники какие?

На следующее утро никто из этих ребят и девушек, вовсю оторвавшихся в ночном клубе, и не помнил — каким образом все их знакомые узнали о том, что Дэн и его подружка-милашка провели вдвоем романтическую и, без сомнения, страстную ночь в дорогой гостинице «Кедр». Да и кто приплел к этому номер для новобрачных, который якобы эти двое заказали, — навсегда осталось загадкой.

В общем, так я и стала уже не просто «девушкой», но и «женщиной» Смерча — с той, с которой он ходил в отель. Гордо звучит, не находите? Нет? Я тоже.

«Подружка Смерча», «девушка Дэна», «девчонка Лаки Боя» — чуть позже эти слова я слышала гораздо чаще собственного имени. Чуть позже я даже начала забывать, что меня зовут Маша, и фамилия у меня, может быть, и не такая красивая, как у нашего синеглазого красавчика, но зато своя собственная и неповторимая — Бурундукова. Многие друзья Дэна да и мои собственные одногруппники, от которых я не ждала такой подлости, стали называть меня Чипом. Димка пробовал называть меня Бурундуком, но в результате так разозлил, что я ударила его по носу — у него даже кровь появилась. Вообще-то это вышло случайно — я не думала, что он проворонит мою руку и не увернется. В результате содеянного я испугалась намного больше, чем он, и долго раскаивалась, эксклюзивно разрешив называть себя Бурундуком… Но это произошло многим позже, и об этом я обязательно расскажу — ведь и Димка во всей этой истории будет играть для меня не последнюю роль.

Всего за пару дней я с ошеломляющей ясностью поняла, что сплетни — дело мерзкое и портящее репутацию честного человека так же, как пятно вина — белоснежную рубашку; как ложка дегтя — бочку меда; как лишние килограммы — супермодель… Я могла бы подобрать тысячу сравнений, как именно могут напакостить пересуды и толки.

Я поклялась себе, что больше не буду обсуждать идиотские слухи, чтобы не досаждать таким же несчастным, как и я!

Странно, но сплетничать я перестала всего лишь на пару дней. А еще через пару недель мои отношения с Дэном перестали восприниматься общественностью так трепетно. Все перекинулись на животрепещущую тему отношений одного из профессоров со студенткой — второкурсницей…

Но, когда мы оказались в гостиничном номере, я и не думала о таких мелочах, поскольку впереди меня ждало не просто какое-то там рядовое событие из моей жизни, а Событие с большой буквы. Ну, строго говоря, кому-то более искушенному в любовных вопросах человеку оно показалось бы вполне рядовым и ничего из себя не представляющим, но в ту ночь оно меня ошарашило, и я, стыдно сказать, по-другому начала относится к Дэну, а потом я даже призналась сама себе, что, может быть, именно с этой ночи и началось мое увлечение им. Все вообще начинается с малого: путь в тысячу ли — с шага, любовь — с простых взглядов и ничего не значащих слов. Тот самый Данте Алигьери говорил, что нужно следовать своей дорогой, не смотря на то, что люди будут говорить тебе вслед. Тогда я еще не решила, что буду следовать «дорогой любви» к поганке Смерчинскому, но подсознательно понимала, что в таком случае

мне не будет дела до того, что говорят обо мне люди, в том числе и сам Денис. А вот с Ником я боялась общаться, потому что пугалась его возможной реакции на саму себя. Вдруг не понравлюсь? Вдруг отвергнет? Вдруг посчитает меня полной идиоткой? Нет уж, лучше жить в неведении, чем знать отрицательный результат.

Да, тогда я ни о чем подобном не задумывалась, а просто шла рука об руку с Дэном. Не проникаясь этим моментом, не думая, что когда-то я буду с ностальгией и нежностью вспоминать его, бережно храня мгновения прошлого в ладонях, как сокровище. Я просто шла навеселе в гостиницу вместе с не совсем трезвым стенающим, как святой мученик, Смерчем, сопровождаемая порядком уставшим орлом и слабым ветром, который был не в силах поднять даже урну — а ведь в былые времена вырывал из земли деревья вместе с корнями и даже переворачивал мосты.

В гостиницу мы зашли, как самая настоящая влюбленная парочка — трогательно обнявшись. Вообще-то виноват был Дэн, которому стало холодно и начало шатать, а я его поддерживала, как могла. Уж не знаю, почему это стало происходить с ним именно тогда, когда вдвоем брели по ночной улице — странные у него все же были последствия после двух «Дымок» и «Махито», ой, странные. Хорошо, что нам никто не встретился по пути, как-никак, это центр города, тут даже патрульные машины проезжают каждые несколько минут, а в моем-то родном райончике нас бы, нетрезвых полуночников, давно уже повстречали «хозяева ночи», гопники местные, точнее, и попросили бы поделиться наличностью, сотовыми телефонами, а также другим материальными ценностями, которые можно было толкнуть на рынке поутру.

Хотя, честно сказать, через дорогу от отеля и от нашего пути, тусовалась какая-то подозрительная компания, состоящая преимущественно из парней. И я даже порадовалась, что нам не нужно было идти мимо них, отчего-то уставившихся в нашу сторону, прямо как сытые волки на потенциальных жертв, решая, поохотиться ли еще на всякий случай или полениться и поспать с полным желудком.

А когда мы завалились в шикарный холл гостиницы явно не для бедных, я даже подумала, что нас, подозрительных и хихикающих, сейчас охрана вежливо попросит отсюда свалить, но, такого счастья на наши головы не выпало. Находившаяся за дубовой стойкой ресепшн приятная на вид девушка-администратор в строгой темно-синей форме, профессионально-приветливо нам улыбнулась, хоть и задержала на Смерче взгляд на пару секунд дольше, чем на мне, одновременно недовольной и с интересом рассматривающей огромный холл. Видимо, мой партнер понравился и ей. Я почувствовала гордость за Дэна, как за собственного сыночка — прямо-таки магнит для женщин, ничего не скажешь! Наверное, его мама очень рада, что родила такого распрекрасного и нравящегося всем мальчика, который, кстати говоря, бережет ее и не желает показаться в неприглядном виде.

— Здравствуйте, — поприветствовала нас легким поклоном девушка. — Чем я могу помочь?

— Доброй ночи, — улыбнулся администратору Смерч, к нему на время вернулась былая самоуверенность, и он отстранился от меня, сложив для удержания равновесия локти на стойку. — Вы можете нас спасти… — он пригляделся к аккуратному бейджику на груди работницы гостиницы и добавил, — Ирина.

Та почти не смутилась, только еще шире — и искреннее — улыбнулась и поинтересовалась:

— Чем же? Попробую сделать для вас все.

— Все? — с видом заправского ловеласа оглядел ладную фигурку девушки идиот Смерчинский.

— Все.

— Абсолютно? — лукаво поинтересовался молодой человек.

— Конечно. Сделаю все, — уже кокетливо распахнула она свою пасть.

— Отдай нам свое сердце, — тихо-тихо пробурчала я, но Дэн расслышал и легонько толкнул меня, не теряя с администратором зрительного контакта.

— Тогда подарите нам немного своего драгоценного времени, Ирина, — не обращая внимания на мое лошадиное громкое фырканье, произнес Смерч.

— И не только его. Я отдам вам и все свое внимание, — мне показалось, или в ее голоске уже появилось придыхание?

— Я буду только рад…

— Внимание она отдаст, посмотрите-ка, — пробухтела я рядом со Смерчинским, чуть ближе наклонившимся к девушке, и пинала ногой ни в чем не повинный пол, выложенный черно-белой плиткой — Лучше бы тупость свою кому-нибудь отдала на время, чтобы уменьшить наплыв неадеквата в свой мозг.

— Моя просьба банальна, — продолжал лучезарно улыбаясь, Дэнни, — нам нужно заказать номер, Ира. Хороший и удобный двухместный номер.

— Какая простая просьба, — рассмеялась администратор, не принимая меня во внимание.

— Я должен был, — с легкой улыбкой спросил парень, — обратиться к вам с другой просьбой?

— Принцы, как правило, желают заказать не просто хорошие, но самые лучшие номера, — легкомыслию девицы не было предела, и моему терпению тоже!

— Я похож на Принца?

— Да, простите за ответ, — и в порыве ложно скромности она захлопала накладными или наращенными — я уверена в этом! — ресницами. — Вы очень на него похожи.

Зато она верно определила благосостояние моего партнера. Представлю, сколько тут «самые лучшие» номера под названием «президентский люкс» стоят.

— Самые лучшие номера заказать…. у нас что, денег немеренно? — продолжала нашептывать я. — Мы что миллионеры? Похож…. На принца… Ага… Алкашня.

— Что ты там бормочешь, — взглянул на меня продолжающий болтать Дэн, — королева ворчания?

— Ты номер закажешь уже или нет, Принц Недоделка? — хмуро отозвалась я. Девушка недовольно на меня посмотрела.

— К сожалению, сейчас в нашей гостинице нет свободных двухместных номеров, — с печалью произнесла администратор.

— Как жаль, — огорчился Дэн. — Трехместные? Семейные?

— Увы, нет, всюду бронь. В последние дни был большой наплыв посетителей — многие приехали на Музейную Ночь, а также на завтрашний Международный Форум по эстетической медицине, — оказалась в курсе всего администратор, продолжая улыбаться. — Все номера заняты, к сожалению.

— Вообще все? — удивлено спросил Дэн, продолжая гипнотизировать девушку взглядом синих глаз, вокруг которых, правда, сейчас залегли неглубокие тени.

— Нет, не совсем, — чуть помедлив, отозвалась она. — Свободны несколько «люксов» и номер для новобрачных.

— Ни за что, — отчеканила я, — никаких новобрачных номеров, Смерчинский. Даже не мечтай. Я тебе пока только невеста.

Я тут же была награждена удивленным взглядом администраторши.

— Я что, стремлюсь туда попасть? — поинтересовался парень, грозя мне кулаком — за невесту, видимо. — Ирина, в таком прискорбном случае любой люкс. Оформите? — и он достал кредитную карту и водительские права.

— Подешевле который, а не любой, у нас семейный бюджет не резиновый, — опять встряла я.

— Помолчи, Чип, — нахмурился Дэн, поскольку я ломала ему всю малину.

— А что? Думаешь, доходы нашего дедушки безграничны? — я удостоилась еще одного нелюбезного взгляда от администратора, которая очень хотела понять, что у нас за отношения такие между собой странные.

А Смерч продолжил любезничать с девушкой, как будто бы чувствовал себя вполне прекрасно. Я едва не лопнула от злости.

— Номер 617, - передала ключ и розовую прямоугольную бумажку администратор после оформления документов прямо в руки Смерча и произнесла. — Приятного отдыха, Денис Александрович.

— Просто Денис.

— Тогда, приятного отдыха, Денис, — отозвалась тут же работница гостиницы. — Надеюсь, мы с вами встретимся утром.

— Я тоже на это надеюсь, — и, подмигнув ей, парень взял меня за локоть и повел к лифту.

— Слово «администратор» — производное от слова «ад», — весьма громко заявила я. — То есть, ха-ха-ха, это тот, кто заведует адом! Или его многочисленными филиалами. Вот прикол!

Проходившая мимо еще одна парочка — только уже настоящая, с интересом взглянула на меня, а мужчина, который сидел неподалеку от стойки приема на шикарном диване из белой кожи, с улыбкой посмотрел в мою сторону.

— В лифт, — тут же велел Смерч.

Естественно, там он сразу привалился к стене, умудрился принять нудно-страдальческое выражение лица и принялся жаловаться, как ему плохо, и как у него болит голова, суставы ломит, а в груди что-то скребется.

— Ты же только что цвел и пах! — поразилась я этакой метаморфозе.

— Я не могу при женщинах, тем более таких красивых, вести себя немужественно, — услышала я глупый ответ и завопила:

— Ты что, неиллюзорный идиот? А я кто, по-твоему? Я же тоже девушка! Почему ты при мне тогда стонешь, как бабка?

— Во-первых, — он строго взглянул на меня, — ты сама виновата в моей плачевной ситуации, Бурундук, а, во-вторых, мы партнеры, зачем нам что-то друг от друга скрывать? Ты тоже можешь при мне стонать, и не только от боли. Ну, и есть еще и в-третьих.

— И что же у нас в-третьих? — стала я рассматривать наши отражения в зеркале, которым была украшена одна из стенок лифта. Смерч выше, я ниже. Он темноволос, я светловолоса. Дэн говорит с закрытыми глазами, а я с интересом осматриваю лифт и отражения в чистом, как будто только что отполированном зеркале. А да, надо добавить еще что-то вроде: я умная, а он дурак.

— В-третьих? — лифт остановился, и парень распахнул глаза. — Хочешь знать, Чип?

— Да.

— С тобой я не чувствую потребность казаться лучше, чем я есть, — с этими словами он первым вышел из лифта, оставив меня в легком недоумении. Умеет ошарашить, вонючка этакая.

— Ну, ты и балбес, — вынесла я ему привычный вердикт. — Хотя… с тобой у меня та же ситуация. При тебе хоть на ушах ходи, меня это не волнует.

— Может, мы родственные души? — уже возясь с замком, спросил Смерч. Дверь он открыл быстро.

— Моя родственная душа — это Никита, — не согласилась я, отпихивая парня, чтобы первой войти в номер люкс. Первая вошла, первая повздыхала, глядя на эту двухкомнатную красоту, обставленную с неведомым мне раньше шиком, и первая обнаружила единственную на все это пространство, включавшее себя спальню и гостиную, разделенную на кабинет, небольшую кухню с барной стойкой и зону отдыха.

— Я бы так не сказал. Вы непохожи, так же, как я и…

— И Ольга Князева, — колко сказала я, перебив брюнета, одновременно оглядываясь: повсюду светло-коричневые, красноватые тона, паркет, мягкие ковры, картины в тяжелых рамах, квадратные окна на полстены, за которыми скрывается ночной город, дремлющий под сенью ночи, но никогда не спящий.

— Тут одна кровать, Смерчинский, — сделал я вывод, обойдя номер и усаживаясь на небольшой красный диван, сложив ноги на прозрачный круглый столик. Дэн неодобрительно покачал головой, но промолчал. Он дополз умирающим лебедем до кровати и завалился на нее лицом вниз.

— Тебя это не волнует? — спросила я, подходя к нему и оглядывая взглядом широкую кровать с декоративным пологом

mir-knigi.org

— Нет, — раздался его приглушенный одеялом голос.

— Странно, меня тоже. Вот если бы здесь был Ник, то тогда волновало бы. А ты так, бревно.

— Спасибо. Выключи свет, я ужасно хочу спать, — голосом все того же знакомого мученика попросил он, не обидевшись.

— А тут бар есть, может, выпьешь? — ангельским голосом спросила я.

— Мария, отстань…

— Я думала, может, ты водички желаешь?

— Нет, благодарю, — его голос стал едва слышным, кажется, парень действительно засыпал. Я выполнила его пожелание и ушла в гостиную, прикрыв дверь, чтобы не мешать Смерчу. Мне спать не хотелось совершенно. Но только я сделала пару шагов по направлению к широкому окну, как мобильник Дэна громко заиграл, а следом послышалось его выразительное: «Господи, что я тебе сделал сегодня?». Какой хороший, матерными словами не выражается! Правда, он потом объяснил, что все-таки выражается, но не в присутствии меня и мне подобных — Смерч так и сказал.

— Да, — вялым тоном спросил он. — Дмитрий? Нет, я не Дмитрий, я Денис, вы ошиблись… Ничего страшного.

Я мигом оказалась около парня, приземлившись на кровать, за секунду преодолев пару метров и дверь.

— Кто это был? — хищно спросила я.

— Женщина какая-то, — отозвался с зевком Дэн. — Как можно ошибиться номером ночью?

В это время сотовый вновь требовательно зазвонил.

— Кому не спится? — процедил сквозь зубы мой партнер, вновь протянув пальцы к средству сотовой связи.

— Это моя мама, идиотина, — первой схватила я мобильный телефон и голосом очень послушной девочки произнесла:

— Да? Мама, это ты?

— Это я, — услышала я ее голос, очень сердитый. — Ты где, дорогая, ходишь-бродишь?

— Я в Музее, — отозвалась я излишне бодро.

— И что же ты мне не звонишь? Обещала ведь, — выразила недовольство родительница. — Что за поведение?

— Я забыла, прости, — покаялась я.

— Господи, Маша! Ты свою голову не забыла? Я волнуюсь, не сплю, между прочим, а мне завтра на работу. Когда дома будешь?

— Это… завтра утром, — произнесла я.

mir-knigi.org

— Почему? Вас же обещал развести папа Дмитрия ночью.

— Здесь столько всего интересного, что мы не хотим уходить! — еще более бодро ответила я маме.

— К примеру? — спросила она насторожено. Выставки она не слишком любила, предпочитая изобразительному искусству драматическое.

— Нууу, — мне на глаза попался натюрморт с яблоками и сиренью, и в голове сразу же созрел ответ. — Вот сейчас мы находимся около… площадки постмодернистов-современников. Тут этот, наш известный художник Радов новые картины демонстрирует. Так интересно, такой полет фантазии! Такая экспрессия! Мы стоим напротив картины «Сероко».

Услышав такое странно название, Дэнни глянул на меня с огромным интересом. Такой картины он не знал

— Какое око? — не поняла мама на том конце провода. — Серое? Серое око?

— Се-ро-ко, — по слогам произнесла я, придумав концепцию якобы новой картины этого чудного дядьки. — Это утонченная картина сирени и яблока, сокращено «сероко». Три первые буквы слова «серень» и три последние «яблока». Тут это, японские мотивы, и такая игра звков и слов получается интересная — соединяешь наши сирень и яблоко, а получается японское слово. Чувствуешь по звучанию?

— И что оно значит? Звучит как-то непристойно, — продолжала допытываться мама.

— Мама, оно значит… эээ… — Я посмотрела на Дэна, с большим вниманием глядевшего на меня — мимоходом скорчила ему рожицу, а он скорчил точно такую же рожу с потрясающей точностью в ответ. Зато ко мне в голову пришел «перевод» нового японского слова, только что придуманного. — Красавчик, вот что оно значит. У яблока и сирени появился сын-красавчик, плод их любви. «Сероко» — это красавчик. Яблоко — это архетип мужчины, а сирень — женщины.

— Чтооо? Кто это тебе сказал? — Хорошо, что мама в искусстве не разбиралась и в психологии тоже — только если в криминальной. И от психоанализа далека.

— Это сказал наш преподаватель, а ему, в свою очередь, Юнг. Ну, тот самый, ученик Фрейда.

Дэн засмеялся в открытую и даже похлопал мне.

— Кто это там ржет? — услышала это мама тут же. Я бросила на партнера уничтожающий взгляд и зло покрутила пальцем у виска. Смерч молитвенно сложил ладони, прося прощения за шум.

— Это не кто, а что.

— Что? Маша, как же неодушевленный предмет смеяться может? — рассердилась мама, почувствовав, что я вожу ее за нос. — У тебя не галлюцинации ли? Может, ты в наркопритон поехала, а не в Музей?

— Мама! Ну, это же авангард! Понимаешь? А-ван-гард! — тоном завсегдатая бомонд-тусовок воскликнула я. — Тут все не такое, как в общепринятой культуре. Это контркультура. А смех издает Сероко.

— Да ты что! Оно что живое?

— Для Радова — да. Он наряду с художественными техниками использует и современную электронику. Смех — это сущность Сероко. Это… Веселовский, Бахтин, Рабле — все они писали о смехе. Ты знаешь, какое внимание они уделяли смеху, как общекультурному явлению? — начала нести дикую чушь я. Теперь Дэн сидел на кровати, согнувшись пополам. А все из него это приключилось! Не поперлась бы я в клуб, спала бы сейчас себе дома спокойно. — А Радов, как человек, объединяющий в себе все пласты культуры….эээ… чтит предшественников.

Хорошо, что мама не знала, что вышеперечисленные мною господа к живописи не имели никакого отношения. Только если самое отдаленное.

— Господи, зачем я тебя отправила туда учиться, дурдом какой-то на этих твоих выставках твориться, — посетовала мама. — Не признаю этих твоих странных модных картин.

— Это не дурдом. Это жизнь, облеченная на холсты, но выходящая за их грани, — гордо произнесла я. — Одним словом, искусство, мамочка.

— Так, грань моя ненаглядная, ты когда ты дома будешь? — вновь посуровела мама.

— Утром, — пообещала я, и услышал папин голос:

— Хватит к Машке приставать, иди уже спать. Поздно…

Слава Богу, мама его послушала и, всего лишь пару минут почитав мне нотации, положила трубку. Смерчинский опять заржал.

— Кто? Сероко? — сквозь смех произнес он. — Ну, ты и выдумщица, девочка моя! Черт, Сероко… Сероко, которое смеется за гранями холста! — и он опять зашелся в искристом смехе.

— Заткнись, — пробурчала я, хотя мне тоже хотелось улыбаться, — спи, идиот. — Утром поговорим. Насколько я помню, твой качан вроде бы болит и мечтает поспать. Спи. Сегодня я не расскажу тебе сказку. Не заслужил.

— Спокойной ночи, Чип. Без тебя было бы очень скучно сегодня, — произнес Смерч, глядя на меня с… Нежностью? Радостью? Дружелюбием? Я так и не разобрала его взгляда.

— Спокойных кошмариков и добродушных монстриков, Смерчинский, — и с этими словами я, разобиженная, но отчего-то умиротворенная, вышла из спальни вновь, оставив парня одного.

Я покружила по номеру, заглянула везде, куда только смогла, подивилась ванной комнате и туалету, задумчиво посмотрела на полотенца, вспомнив, что чаще всего именно их и воруют постояльцы, перелапала все предметы, позавидовала тем кто в состоянии оплатить такой номер, пораскинула мозгами насчет его суточной стоимости и, чтобы совсем не обзавидоваться, решила забыть об этом, погасив свет и переключив свое внимание на вид из окон. Вроде бы шестой этаж, но вид на сонный город открывается приличный: кругом огни, огни, огни, даже река, видимая отсюда, заполняется ими: маленькими и большими, яркими и слабыми. И на небе огни, уже звездные. И где-то там, в скоплении этих огней, находится мой Никита, спит, наверное, я знаю — в это время он уже спит.

Я открыла окно и подставила лицо ветру — его, правда, не оказалось, зато почему-то запахло мандаринками и сигаретным дымом одновременно, наверное, из соседних номеров доносились запахи. А потом, вглядываясь, как последняя идиотка, в темно-синюю даль, прошептала:

— Эй, Никита, сладких снов тебе. Где бы ты не был и что бы ты не делал сейчас — пусть тебе приснится то, о чем ты больше всего мечтаешь. — на этом мой романтический пыл угас, и я добавила. — Пусть тебе приснюсь я, чтобы ты понял, что Маша Бурундукова — классная девчонка, которая намного лучше Тролля.

Сигаретами завоняло сильнее. Я закашлялась и произнесла тихонько:

— Чтобы ты сигаркой подавился, ночной любитель покурить.

Ответом мне было мужской веселый голос и игривый женский хохот, раздавшиеся из открытого окна этажом ниже.

— Веселитесь, придурки? А я тут страдаю, между прочим. У меня вообще-то любовь неразделенная. А вы там свои сексуальные игрища устраиваете. Еще и курите. Может, я тоже всю жизнь мечтала курить, а у меня аллергия на дым? Веселитесь. Недолго осталось, хе-хе-хе, — тоном древней пророчицы произнесла я.

Я не помню, сколько я стояла около приоткрытого окна, придерживая обоими руками — чтобы не закрывала обзор — светло-голубую невесомую тюль, смотрела в темное звездное небо, надеясь увидеть падающую звезду. Естественно. Ничего нигде не попадало, только и было на небе необычного зеленоватый спутник, заигрывающий со звездами.

А потом приперся Смерч, подкравшись неслышно, когда я напевала тихо-тихо приевшуюся песенку.

— Бурундук? — спросил он, а я чуть не выпала в окно. От неожиданности.

— Тише, ты что, улететь хочешь, — испугался он.

— Этого ты, видать, хочешь. Ты чего встал и подкрадываешься? — спросила я, поворачиваясь к нему, все еще бледному — но не такому серому, как прежде, со взъерошенными волосами, с понурым сонным взглядом.

— У меня чуткий слух. А ты, то ворчишь, то беседуешь сама с собой, то песни начинаешь петь, — он очаровательно зевнул. — Красивый вид.

— Да, красивый, можешь поглазеть на ночной город вместе со мной, Дэйл, — согласилась я и села на широкий подоконник, свесив ноги — нет, не над улицей, поскольку Смерч не позволил сделать мне этого, свесила их над полом, а он молча стоял рядом, опершись ладонями о пластик подоконника и задумчиво глядя в даль. О чем он думал, я не знала, но хотела знать.

Зато сигаретный дым пропал, ржать внизу перестали, и запахло мандаринами, как будто бы на носу был Новый Год.

— О чем ты думаешь? — спросила я его излишне громко. Он повернулся ко мне и ответил, чуть улыбнувшись:

— О жизни.

— Философское?

— Нет, обычное. Я не философ, — отозвался парень.

— Я знаю. Ты просто дурак. Втравил меня в очередную историю, балбес великовозрастный.

Он только улыбнулся, устало, но искренне.

— Или ты меня. Слушай, — он на мгновение замялся, опустил взгляд и сказал. — Ты, действительно, хороший человечек.

— Еще гномиком назови, и получишь в глаз.

— Я серьезно. Девчонки редко не вешаются на меня.

— Бедняжка, — покачала я головой. — Ты избалован моими сестрами — женщинами.

— Это не я себя баловал, а они меня, — резонно отвечал парень. — Скажи, Чип, то есть Бурундук, то есть Маша, я тебя привлекаю, как мужчина?

Я расхохоталась на всю улицу, наверное.

— Смерчинский, ты дебил? Что за вопросы? Или ты в меня успел влюбиться по самое не балуйся?

— Если бы влюбился — сказал бы, — пожал он плечами. — Мне просто интересно. Вот и все.

— Я тебе говорила, что люблю Никиту, и терплю тебя и твои выдумки только ради него. Ну, не то, чтобы тебя терплю — ты прикольный, искренне ответила я. — С тобой легко и весело, только смотри, не зазнайся после этих слов?

— Идет. Знаешь. Почему я задал тебе этот вопрос?

— Ну и почему?

— Сам не знаю, — дал Смерч потрясающий ответ. — Сегодня странный день. Последние дни вообще странные. Я не знаю, что будет — а со мной это бывает очень редко.

— А давай к гадалке сходим, она нам погадает, что будет? — предложила я, вспомнив недавнюю тетку-предсказательницу с набережной. — Она ведь тебе сказала тогда что-то правдивое, да?

Он только кивнул и погрустнел. А я проявила себя с самой тактичной стороны, «загасив» свое любопытство и только сказав:

— Не буду спрашивать, что. Иначе ты на моих глазах превратишься в Мистера Плаксу и затопишь «люкс» слезами. Ой, смотри, дождь начинается, что ли?

Я высунула руку из окна, и, действительно, на ладонь попало несколько маленьких капелек влаги.

— Странно, туч почти нет, ветра тоже, с верхнего этажа, — высунулась я вновь в окошко, — никто не обливается, а идет дождь.

— Я не люблю дождь, — с омерзением в голосе проговорил парень, чуть отходя в глубь комнаты.

— Почему? Мне он нравится. Особенно когда гроза, молнии, гром, а ты сидишь дома, в тепле и сухости, попиваешь горячий чаек с шоколадкой, и наслаждаешься этим всем, — мечтательно отозвалась я.

mir-knigi.org

— Дождь. Проклятый дождь. Он портит настроение. Дождь… А сегодня мне не хватает тепла, — вымолвил неожиданно Дэн, касаясь пальцами уже холодного влажного стекла, — никто не верит, что его не хватает.

— Еще бы. Любая девушка тебе может его подарить. И не только его. Кучу всяких ощущений, — я с любопытством посмотрела на Смерча — как отреагирует? И что это с ним? Головка бо-бо после коктейлей?

— Это тепло только на одну ночь, — равнодушно обронил он. — Оно потом исчезает, или вовсе превращается в стужу. А мне нужно вечное тепло.

— Можешь поселиться около Вечного Огня. Я буду изредка приходить тебе в гости.

Дэн ничего не ответил, скрестил только руки на груди.

Я не знаю, сколько мы так стояли, безмолвствовали, а потом, под покровительством молний, бесшумных, но ярких, это и произошло. Что — «это»? Да ничего особенного, говорю же. Чуть-чуть приятное.

— Тебе холодно, мерзляк, — заметила я, взглянув на партнера. — Иди уже, спи, страдалец. Дааа, ты настоящий тусовщик.

— Да, точно. Можешь меня обнять? — как снег на голову свалился на меня вопрос Дэна. Его тон был серьезным, и глаза тоже, поэтому я не стала шутить и подкалывать его. Такое чувство, что он реально чем-то расстроен, чем-то, о чем я даже не догадываюсь. Хотя, возможно, это из-за Ольги.

— Могу, — ответила я осторожно, — если ты подойдешь ко мне.

Он кивнул, напомнив мне вдруг маленького мальчика, шагнул вперед, глубоко вздохнул, глядя то на меня, то на действо за окном, все набирающее силу, и осторожно обнял за плечи, забирая у меня мое собственное тепло, которого, впрочем, не было жалко. Сначала его прикосновения были осторожными, а затем стали более уверенными, крепкими.

— Спасибо, — прошептал он, — так, правда, теплее.

— Кому как, — проворчала я, щекой касаясь его груди. — Слушай, Смерчинский… Денис, я не знаю, что тебя сейчас тревожит. Но то, что тебя тревожит мне совершенно не нравится. Тебе обязательно надо забыть. Забыть то, что тебя беспокоит. Если это Ольга, то представь меня на ее месте, а я представлю Ника, и мы на минутку будет счастливы. А если, — продолжала я, осознавая, что говорю какие-то нелепо-серьезные вещи, не свойственные мне — или прежней мне? — Если тебя тревожит что-то другое, о чем ты не хочешь говорить, то можешь представить, что обнимаешь… ммм… свою клубничную фею.

После этих слов я, наконец, догадалась обнять и его: за пояс. Так мне приходилось держаться за него в тот момент, когда мы мчались на его байке выполнять Миссию N 1.

— Какую фею? — тихо спросил Дэнни, явно заинтригованный, на что я и рассчитывала. Человек слышит нелепость — немного «отрывается» от своей проблемы. Например, не каждый знает о клубничной фее! Еще бы, я сама о ней впервые узнала пару секунд назад, только тогда, когда очередная конфетно-розовая мысль-головастик вынырнула из глубин сознания с табличкой: «*Клубничная фея!!!*». На картонке, под надписью, была нарисована кривая мелкая волшебница с несоразмерно большими прозрачными крылышками, украшенными

изображенными впопыхах пятиконечными звездочками, также фея могла похвастаться фиолетовыми хитрыми глазками с длиннющими ресницами и огромной вульгарной лыбой на лице.

— У каждого человека есть фея. — Тоном народной сказительницы продолжала отвлекать я своего друга. — У мальчиков — клубничная, у девочек грушевая.

— Грушевая? Почему грушевая? — заинтересовался Смерч. — Почему не яблочная или апельсиновая? Их больше, чем груши уважают.

— Потому что, — не пожелала дать ответ я — эта «груша» сама собой изо рта вылетела, — не перебивай меня, Смерчинский. Чего ты такой невоспитанный? В общем, у каждого есть грушевая или клубничная фея. Они приходят к человеку только тогда, когда ему плохо, утешают его, когда он плачет, обнимают его, когда ему больно. И тогда из их крыльев — а у них огромные прозрачные крылья цвета радуги — поваляется серебристый свет, Этот свет волшебный, приносящий хорошее настроение и дарящий улыбку. Человек его вдыхает, и ему становится намного лучше.

— Как свет можно вдохнуть? — с любопытством спросил парень, внимая моим словам, как ребенок сказке о Дедушке Морозе.

— Слушай, ты, — нахмурилась я деланно, — хватит меня перебивать! В общем, представь этот свет, что исходит из моих клубничных крыльев, глубоко вдохни и тебе станет лучше. Представь, что ты дышишь серебряным светом.

Денис, не став спорить и говорить, что это детская ерунда, сделал все, что я от него потребовала, и произнес задумчиво:

— Действительно, лучше. Может быть, у феи кокаиновые крылья?

— Нафталиновые. Ты озабоченный, Смерчинский. У тебя на уме только удовольствия и запретные плоды.

— Ты знаешь, что к кокаину можно быстро привыкнуть, хотя многие не считают его за слишком тяжелый наркотик? — Поинтересовался он.

— Я не интересуюсь такими вещичками, — высокопарно отвечала я. — У меня нет вредных привычек. И вообще: я ему про чудо волшебства, он мне про наркотики.

— Прости.

Мы снова на мгновение заткнулись: он, я и город под окнами — стало тихо-тихо, как перед бурей.

— Маша?

— Что?

— Закрой глаза, — прошептал Дэн мне на ухо неожиданно, и я подчинилась его словам, с одной стороны почувствовав неладное, а с другой предвкушая что-то очень приятное.

— Не ругай меня за это, — услышала я голос Смерча около собственной щеки — я поняла, что его лицо находится так близко, потому что чувствовала кожей его дыхание. Он еще чуть

mir-knigi.org

крепче обнял меня, а я повторила это вслед за ним.

Просто легкое прикосновение губ к губам — это все, что произошло этой ночью. Не могу сказать, сколько это происходило. Десять, или двадцать, или тридцать секунд — я не знала точного времени, потерявшись в неожиданном головокружении, а потом мы почти одновременно отстранились друг от друга, с обоюдной неохотой разжав крепкие и не совсем уже дружеские объятия. Оба задумались.

Всего лишь дурацкое мультяшное прикосновение губ, а как же много оно стало значить, просто не верится самой! А сколько нежности оно привнесло в мою очень-очень, без сомнения, ранимую душу!

— Смерчинский, ты решил таким образом отобрать все оставшееся у меня тепло? — поинтересовалась я ворчливо, не показывая виду, что ошеломлена.

— Да, — коротко ответил он, улыбнулся мне и направился в спальню. Я тут же зашагала следом за ним, предварительно закрыв окно, за которым началась мало-помалу буря: гроза, ветрище, косой дождь, все нарастающий гром.

— Я не привередлива, и гнать тебя на диван, как в фильмах, не буду, — отозвалась я, глядя, как он садится на диван. — Ты даже можешь раздеться.

— Спасибо. Ты добра ко мне. Ты тоже можешь раздеться, — без задней мысли произнес парень.

Однако мы, не раздеваясь, улеглись на мягкую широченную кровать. Он справа, я слева. И одновременно зевнули. О поцелуе, если его, конечно, можно было так назвать, не вспоминали, как будто бы это было что-то само собой разумеющееся.

И еще очень нежное… И такое теплое… что на душе становилось лучше. А ведь мне, как и Смерчу, тоже нужно это тепло — я это осознала впервые.

— Весело сегодня было, — задумчиво произнес он, уставившись в потолок.

— Весело… — эхом отозвалась я, пододвигаясь чуть ближе к источнику живого тепла. — А ты не будешь ко мне ночью приставать?

— Нет, — не стал он шутить на эту тему. Я разочарованно вздохнула.

— Тогда все, спи, зануда Смерчинская, — сказала я, не мигая, глядя в окно. Где-то далеко на востоке небо постепенно становилось светло-фиолетовым и даже чуть-чуть розоватым. Гроза только задела нас своим «рукавом» и бушевала где-то сзади.

— Спокойной ночи, Чип. Знаешь что?

— Что?

— Без тебя было бы не скучно, без тебя было бы плохо сегодня, — произнес медленным шепотом он и накрыл меня почти невесомым мягким одеялом до самого подбородка, на миг коснувшись своей щекой моей.

Тепло…

«Тепло! Тепло! Жару хотим!», — заявила наглая фиолетовая мысль, снующая в голове с

плакатом, и быстро куда-то свалила, опасаясь репрессий.

Я растаяла, улыбнулась в подушку и, подозреваю, это улыбка не могла покинуть мое лицо до самого утра, удерживаемая совместными силами всех моих разноцветных мыслей-головастиков.

Орел сладко спал в уютом, тепленьком, недавно свитом гнездышке, под боком смерча, воплотившегося в знакомого уже сокола, сильного и быстрокрылого.

Смерч забыл о существовании такой элементарной и очень нужной в быту вещи, как будильник…

Казалось, я только закрыла глаза, последний раз взглянув в окно, наполненное уже не только бархатными синими тонами, но и нежной розовой вязью из первых далеких лучей дневного светила, как мне вновь пришлось открыть их.

Гостиничный уютный номер был ярко освещен солнцем, которому полупрозрачные занавески явно не были преградой. Тишина торжествовала не только в этих четырех стенах, но и, казалось, во всем здании, словно оно стало вдруг ее резиденцией. Безмолвие и солнце были теми, кто разбудил меня: я привыкла, что утром вокруг всегда лишь темнота (не зря я заставила купить в свою комнату темные непрозрачные ролл-шторы!) и шум, с большим успехом производимый родственниками, собирались ли они на работу, или оставались дома.

Я распахнула глаза, потерла их ладонью, пытаясь согнать откуда-то взявшееся напряжение в них. Резко откинула от себя невесомое, но хорошо греющее одеяло, села, уперевшись руками в кровать позади себя, слегка осоловелым взглядом оглянулась по сторонам, сразу же вспомнив, где нахожусь, сладко потянулась, широко, как бегемот, открыла рот, чтобы не менее сладко зевнуть, как подавилась воздухом — место рядом со мной пустовало. Смерчинкий куда-то исчез, оставив после себя… да ничего не оставив!

— В своем репертуаре, гад, — пробормотала я, на всякий случай, пощупав место на постели, где он спал сегодняшней ночью. Нет, ничего, даже записки нет. Знаете, как в фильмах пишут своим дамам мужчины: «*Спасибо за ночь, дорогая. Нам было хорошо вместе. Целую, я*».

А, может, Денис сейчас в гостиной, той самой, где находится банная стойка и красные диванчики?

Я вскочила и резво выбежала в большую комнату. Увы, она была пуста. Обход ванной комнаты, шикарной и красивой, как будто предназначенной для султана, а не для таких простых обывателей, как я, тоже ничего не дал.

С недовольным видом я уселась на тот самый красный диван. Голова слегка болела, и я ухмыльнулась про себя: сколько же мне надо выпить, чтобы испытать самое настоящее похмелье или, к примеру, забыть о том я делала всю ночь? Пришла к выводу, что, вероятно, много. По крайней мере, чтобы я несла такую чушь, как это вчера делал Сморчок, мне явно нужно бутылки две водки. Ну, я ему сегодня, как встречу, расскажу, то он вытворял вчера, он в обморок бухнется, неудачник!

Не скажу, что я сильно расстроилась, скорее, рассердилась, что этот шебутной парень, забыв о том, как весело и плодотворно провели время вчера, смылся вновь куда-то в неизвестном направлении. Главное, что он заплатил за сутки пользования номером, и на мои хрупкие женские плечи не будет возложена эта непосильная финансовая задача. Я ведь бедная-несчастная студентка… Студентка? Тут же в голове пронесся вихрем ряд ассоциаций,

связанных с этим словом: «Студентка-студенчество-университет-учеба-пары-домашние задания-английский…»

— Английский! Его Королеву-мать!!

Я, как ужаленная в пятую точку жалом неизвестного чудовища, подскочила вверх, чуть не произнеся в слух нецензурное ругательство, отлично рифмующееся со словом «мать».

Сегодня же две пары ада на английском языке! И даже домашка у меня выполненная, вернее, списанная, есть, а я не в университете! Естественно, я люблю прогуливать и делаю это с удовольствием бесконечного лентяя, но в этом семестре иностранный мне прогуливать больше не желательно, а то экзамен я буду счастливо сдавать только следующей осенью! К тому же это едва ли не последние его пары.

Я бросила в замешательстве быстрый взгляд на настенные круглые часы с выгравированным на них львом-красавцем: пара начинается через двадцать минут!

Сердце выдало чечетку, явно подгоняя меня поспешить, разум заорал, как резанный, что я могу успеть или хотя бы приехать на английский с опозданием.

«*Быстрее!! Быстрее!»,* — торопила меня добрая пара десятков плакатов моих постоянных спутников: мыслей-головастиков, которые от нетерпения переливались то черным, то красным цветами.

Я, с огромным сожалением окинув бар с халявными напитками прощальным взглядом, схватила брошенный на кресло рюкзак, в котором лежала драгоценная домашка по иностранному и, обувшись, кое-как завязав шнурки, бросилась вон из номера «люкс», на чем свет кляня Смерча за то, что из-за него я опаздываю на учебу. Себя я винить не очень любила — я и так у всех постоянно виновата.

Дверь с шумом захлопнулась: я услышала щелчок замка. Отлично! Номер не останется открытым.

Потыкав в кнопку вызова лифта пару раз и убедившись, что он сейчас, судя по электронном табло, болтается в районе первого этажа и ехать до меня будет еще долго, я тут же решила, что пешком, пожалуй, будет быстрее. Уже через десять секунд я неслась вниз, перескакивая сразу через две ступеньки и только чудом не скатилась с лестницы, пропахав их носом, где-то в районе второго этажа. Через пять минут я уже торчала на остановке, с тревогой всматриваясь в даль и выискивая глазами нужный автобус. Благо, остановка была совсем недалеко от здания гостиницы, а автобус подошел неприлично быстро.

Как же хорошо, что наш долбанный английский по расписанию стоит не утром, а днем… Не буду больнее на расписание грешить.

Они разминулись почти на минуту.

Створки лифта распахнулись, и Дэн шагнул в коридор, сжимая в руках большую мягкую игрушку-медведя: одного из многочисленных представителей серии популярных Teddy Bears. Светло-серый медвежонок с трогательным взглядом был облачен в желтую майку с надписью: «Прости», и в самом ближайшем будущем готовился обрести первого в своей жизни хозяина

Смерч, быстрым, как и всегда, шагом, приблизился к двери номера 617, легко открыл замок,

скользнул внутрь, тихо притворив дверь за собой и огляделся на всякий случай: не видит ли его милашка Чип, который, вернее, которая, может быть, уже проснулась. Мария явно принадлежала к категории сонь-сов, у которых период колебаний циркадных ритмов больше, чем 24 часа.

Да, его подозрения подтвердились: в холле ее не было, да и во всем номере стояла тишина, оттеняемая солнцем. Скорее всего, Чип так и продолжала спокойно спасть, повернув голову к окну, вцепившись в одеяло и ни на что не реагируя, как впавший в спячку медведь. Молодой человек в отличие от Марии, проснулся уже давным-давно: ранним утром, пробыв в объятиях Морфея всего пару беспокойных часов. И не потому что, был Жаворонком. А потому, что его организм решительно возжелал избавиться от вредного алкоголя. К Дэнву пришли их Высочества Тошнота, Слабость, Тремор и Головная Боль, а также множество других не слишком приятных признаков похмелья, посланных организмом для избавления от ацетальдегида и других токсинов.

Почти все время после пробуждения Денис, с трудом поглощая крепкое кофе, кажущееся невероятно горьким (от этого тошнило еще больше), мучился последствиями вчерашнего незапланированного приема энного количества алкоголя, подсунутого добрыми друзьями. Во время «кофепития» ему позвонила мама Маши и, приняв его за Дмитрий, поинтересовалась, где ее непутевая дочь.

Стараясь, чтобы его голос выглядел бодрым, Дэн ответил, что Маша уже сейчас поехала в университет и сказала, что обязательно перезвонит от кого-нибудь из одногруппников. Выслушав праведное негодование Бурундуковой-старшей по поводу безответственности Марии, которая даже «родной матери позвонить не может, неблагодарная такая», а также поняв, что теперь девушка вообще никуда, кроме университета ходить не будет, он вновь припал к чашке кофе. Сам он, почти никогда не прогуливающий университет, решил, что сегодня явно там не покажется. И уже завтра будет решать вопрос по поводу того, что они с Чипом — пара. В этот раз его копания явно перегнула палку.

Да, друзья его не слабо подвели. Впрочем, у синеглазого брюнета и общей мечты девчонок государственного университета города были и очень приличные друзья. Один из них, после его тихого звонка — Дэн не хотел будить безмятежно спящую девушку, отобравшую ночью его законную половину одеяла и умудрившуюся пару раз пнуть — приехал на машине и привез пару проверенных средств облегчения мук для лиц, страдающих похмельным синдромом: в том числе жестокий и противный до омерзения Энтеросгель.

Средства более-менее помогли, хоть и не сразу. Дэн, с самым разбитым видом сидел в автомобиле друга, с огромным интересом глядевшего на Смерча, и молчал, то и дело подавляя в себе желание дотронуться до висков, в которых пульсировала злорадным колоколом боль, которая тоже, впрочем, под действием таблеток, потихоньку успокаивалась.

Друг, входящий в пятерку тех самых близких приятелей, выглядел на пару лет старше Дэна и совсем уже по взрослому солидно: строгий костюм, галстук, золотые часы, небрежно кинутый на заднее сидение портфель. Он попивал горячий, только что купленный кофе со сливками, и разглагольствовал с кривой улыбкой повидавшего уже все на свете человека, поглядывая на Смерчинского:

— Я привык к твоим некоторым странностям, друже, но сейчас ты можешь мне внятно объяснить, что ты делаешь в отеле, и почему ты вчера напился? Что случилось? Ты забыл, что с тобой делает алкоголь? Нет? Мотаешь головой? Я тоже думаю, что ты помнишь. А, да. Говорят, у тебя появилась какая-то супер-подружка? Ты разве не Князеву решил ммм… завоевать?

Стоило мне уехать на пару дней, как я уже ничего не знаю о твоих делишках.

— Здесь моя подруга, — кратко отвечал парень, пытаясь понять, стало ли ему лучше или состояние остается прежним. — Вчера мы перебрали, поэтому решили поехать сюда.

— Перебрали? Тебе, друже, вообще даже в руки брать алкоголь не советуется. Перебирал он… Может, перевирал? — С сарказмом спросил водитель. — Я прилетел вчера днем, а из-за тебя вынужден уже сегодняшнем утром подрываться не свет, не заря и ехать к тебе с «лекарством». Значит, у тебя действительно подружка?

— Нет, она не подружка. — С отвращением посмотрел на кофе Дэн. — Она — друг. Как ты, Ланде или Черри, приятель.

— Девушка-друг. Друг. Девушка. — Словно пробовал на вкус слова молодой человек в строгом костюме. — Смерчинский, ты идиот? Как девушка может быть другом? А в отеле вы что делали? Дружили в номере? Кстати, что у вас за номер?

— Одноместный люкс, — хмуро сознался Денис.

— Дружили в одноместном люксе. Много надружили? Сколько раз за ночь?

— Заткнись, Игорь, — отмахнулся от друга страдающий похмельем. — У нас ничего не было и не будет.

На мгновение Дэн умолк, словно что-то вспомнив, слабо улыбнулся, и продолжал дальше:

— Чип — эта девушка в отеле — мой друг и партнер по борьбе за Ольгу.

— Ты сумасшедший, друже? На кой она тебе сдалась, эта Ольга? Я тебя вообще не понимаю. — Выразительно посмотрел на Смерча его приятель. — Ты больной, и после всего ты решил быть с ней вместе? Проверь! — Повысил голос водитель.

— Что проверить? — Не поняла начинающий потихоньку оживать брюнет.

— Мозг, проверь, на месте? Точно? Я думал, он улетел. Оставь ее в покое. Оставь. — Посоветовал с бывалым видом водитель.

— Я не могу, — тихо отвечал Дэн и неожиданно улыбнулся своему другу: легко, радостно, легкомысленно, только тот знал, что все эти улыбки по большей часть совершенно ненастоящие. — И не лезь, идет?

— Я-то не лезу. Меня вообще в городе почти не бывает. Я работаю…

— Yes, I know you are the big man on campus, — перебил его глумливо Дэн.

— …а ты пытаешься вернуть прошлое, парень. Только прошлое — это прошлое, и ты никогда не сможешь повернуть время вспять. Двигайся в будущее, не зацикливайся. Ты его не исправишь, так что пользуйся им. — Молодой человек вытащил дорогую серебряную зажигалку и сигареты. Затянувшись, продолжил, с некоторым сожалением и горечью глядя на Дэна. — Хотя, ты у нас с детства живешь в прошедшем времени. Тебе что-то втолковывать — дело гиблое.

— Не втолковывай, не порть себе нервы, Игорь.

— Ладно, оставим мисс Князеву в покое. Но если ты решил ее вернуть, то зачем стал встречаться с девчонкой из отеля? Ты у нас теперь новость номер один, местная знаменитость Смерчинский. Не успел приехать и пообщаться с народом, как все мне только и вторили, — парень умело кого-то передразнил, понизив голос. — «Ты знаешь, нас Смерч нашел подружку!». «Дэнв забыл прошлое!»

— Это адская случайность, — вновь улыбнулся Дэн. — Нас приняли за пару.

— Только, положим, остальные не знают то, что знаю я. — Продолжал дымит водитель. — Ты ведь повторяешься, Дэнни, так? Сейчас делаешь то, что когда-то давно делал, чтобы завоевать любимую девушку?

Темноволосый на миг замолчал, отвернувшись к в окну — и его друг заметил, глядя на отражение в стекле, что улыбка вновь сошла со смазливого лица Смерча, которое так привлекало девчонок. Однако, когда синеглазый повернулся к Игорю вновь, то выражением его лица вновь было прежним: живым, хотя и усталым — прием алкоголя все-таки сказывался на парне, губы изгибались в забавной полуулыбке, больше присущей мальчишкам.

— Ты прав. Но я действительно должен это сделать. — Денис пожал плечами. — Ничего плохого я не делаю. Серьезно, парень, — он взглянул в серьезные глаза друга. — Это временно, и скоро закончится. А пока я и мой друг пытаемся разбить к обоюдному счастью тандем Клара-Тролль.

— Кто это? — Полезли у Игоря глаза на пол. — Ты совсем свихнулся? Какой тролль Клара?

— Это два разных человека, — серьезно отозвался Дэн. — А Троллем мой Чип зовет Ольгу.

— Так, рассказывай мне все по порядку, троллелюб, — велел ему молодой человек. Дэн кивнул и слаженно и кратко пересказал все, что случилось с ним за последние дни. Его старший друг только головой качал.

Когда они закончили разговор, во время которого никто и них не разу не улыбнулся, и когда Лаки Бою, переставшему верить в то, что он действительно удачлив, стало немного получше, и бледность почти покинула его лицо, он решил распрощаться с не перестающим подтрунивать над ним Игорем,

Когда он отходил от автомобиля, то неожиданно повернулся к приятелю и тихо произнес:

— Знаю, что поступаю странно. Но она так на нее похоже — ты знаешь, как. И я не могу отказать: ни ей, не себе. Черт, я не в силах.

— Идиот! Тебе пора в дурку! — Прокричал ему вслед обладатель автомобиля и уехал, напоследок окинув высокую фигуру друга грустным взглядом. — Надеюсь, хотя бы в этот раз у тебя все будет хорошо. Нет, идиот…

Этих слов, Смерчинский, конечно, не слышал. Он, чувствуя себя уже не так паршиво, как утром, решил, что в силах прогуляться до рядом находящегося магазинчика подарков и купить для Бурундука что-нибудь в знак извинения за свое, возможно, не слишком адекватное поведение вчера ночью. Медведя он выбрал быстро: можно сказать, игрушка Тедди в желтой майке сама попалась ему на глаза, как только он оказался в магазинчике. Своей прошлой возлюбленной, которая, к его глубокому, искреннему сожалению, смешанному с дикой тоской, была теперь не с ним, парень выбирал подарки, даже самые маленькие, куда дольше, чем Марии. Для нее все находилось быстро и просто, для бывшей девушки — медленно, к тому же

так бывало, что кое-что из подарков и сюрпризов приходилось ей не по вкусу, хотя она, сама Мисс Тактичность и Понимание (так часто называл ее Денис), не подавала виду и говорила: «Солнце, мне невероятно нравится — до нежности. Спасибо!». Она так и говорила: «до нежности», потому что сама была самой нежной. Наверное, так происходило потому, что Маша и его любимая принадлежали к разным кругам. Бурундук искренне, как ребенок, возрадовалась выигранной им в автомате игрушке. И пирожным в кафе — это Дэна невероятно веселило и умиляло одновременно. Действительно — как ребенок! Хотя…

«Вчера она мне ребенком не казалась. — Подумал он неожиданно и слегка закусил кожу на запястье, вспомнив, с каким теплом он обнял ее — как будто бы вернулся в прошлое. — Даже со своей Клубничной Феей. Милая девочка. Девушка. Да, девушка. С теплыми губами. Pretty girl.»

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминание, и направился в сторону прикрытой двери, ведущей в спальню, где спала, оставленная в гордом одиночестве «pretty girl». То, что Мария уже бежала к автобусной остановке, Дэн не знал. Сейчас он знал только, что хочет подложить медведя к Марии под бок. Чтобы проснувшись, она первым делом увидела его улыбающуюся мордочку.

Смерч, у которого в глазах светилась абсолютно мальчишеская хитринка, бесшумно, как ниндзя, шагая, подошел к спальне, которую этой ночью они делили вместе, и осторожно приоткрыл дверь. Однако, вместо мирно спящий девушки, на которую ему понравилось смотреть, и которую он обнимал вчера, парень встретил только лишь пустоту. Взгляд синих глаз из беззаботного стал невеселым, улыбка погасла, и на мигу даже солнце стало светить менее ярко, чем раньше.

— Oh my God!!! Where are you, little chipmunk? Ты где? Маша? Маша?

Кровать была абсолютно пуста, если не считать одеяла — но оно и то наполовину свалилось на пол. Плюшевый Тедди едва не упал вслед за одеялом, но одной лапой удержался за ладонь Смерча.

— Невезенье. — Проговори он сам себе, чувствуя себя неожиданно преданным. — Даже записки не оставила.

Медвежонок расстроился вместе с ним: он очень хотел найти хозяйку, и теперь выглядел несчастным: как обманутый ребенок, которому обещали подарить на Новый Год ту самую классную машинку с радиоуправлением, а взамен он получил нелюбимую книжку.

«Может, она в душе? Выйдет сейчас обнаженная или в полотенце, и попадет ко мне, — подумал он внезапно, проведя пальцем по губам, — нееет, тогда я себя сдержать не смогу. И Игорь будет прав насчет нашей межгендерной дружбы. К тому же у нее таки… все, стоп. Думаю не о том.». Однако шум воды не слышался и Дэн тут же отверг эту версию, заприметив, что где-то в глубине его сознание мелькнул червячок сожаления.

Парень обошел весь номер: Чипа негде не было, она явно не пряталась и, скорее всего, убежала, не забыв захватить с собой рюкзак, из которого выпала какая-то тетрадь с криво исписанными страницами. Молодой человек, вытащив ее из-под кресла, тут же пролистал несколько страниц. Тетрадь по английскому языку, в которой было столько ошибок, сколько у самого Смерчинского не было за пару лет обучения на факультете иностранных языков. Девочка пытается учить усложненный для искусствоведов иностранный, не зная при этом основ.

mir-knigi.org

— И куда ты делась, партнер? — задумчиво произнес молодой человек, явно расстроенный тем, что его сюрприз не удался. Он закинул рюкзак за плечи и вновь медленным взглядом обвел комнату, поглаживая слегка помятую тетрадь. Или домой, или на учебу: одно из двух. Телефона у нее нет, никто позвонить и сообщить о чем-то важном не может. Парень прикрыл глаза, вспоминая недавно увиденное им расписание пар Бурундука. Судя по всему, сегодня у нее должны были быть две пары английского языка. Кажется, у Марии с ним проблемы — иначе бы она просто-напросто прогуляла его. Только тетрадь с домашней работой, явно у кого-то впопыхах списанной, глупышка забыла.

— Ты остался без хозяйки, парень, — невесело обратился к игрушке парень, — и я, кажется, вновь остался один. Обидно, так?

Медвежонок молча согласился, что, да, это так, и едва не заплакал от обиды. Дэн с ногами забрался в кресло, опустив голову на светло-серое мягкое туловище Тедди, лежащего у него на коленях.

— И куда она пропала? Думаешь, помчалась в универ? — Задал он вопрос своему игрушечному собеседнику. Тот не ответил: Тедди молча глотал слезы, и даже несколько успокаивающих по мягкой голове поглаживаний ладони Дэна не помогли ему успокоиться.

В дверь постучали, и Смерч, вскочив, тут же открыл ее, надеясь, что это все-таки вернулась Маша, но его вновь ждало разочарование — за порогом стояла горничная, привезшая заказанный им завтрак в номер. Дэн, знающий, что больше всего Чип любит сладкое, выбрал ей едва ли не половину «сладкого» ассортимента, хотя его самого от любого вида еды до сих пор тошнило. Не зря Смерчинского девушки все-таки называли заботливым.

— Здравствуйте, вы заказы… — Начала, было, работница отеля, но Дэнни, которому только что в голову пришла мысль о том, что он не должен бездействовать, перебил ее:

— Прошу прощения, завтрак больше не нужен.

— Но вы оплатили его, — растерялась молодая женщина.

— Да, я знаю. Не могли бы вы взять все это себе? — С просящей улыбкой спросил парень. — Наверное, будет жалко, если пропадет.

— Но… — хотела что-то сказать горничная в ответ, однако Смерч вежливо отодвинул ее в сторону и в мгновение ока оказался около лифта. Электронное табло показывало, что лифт только спускается к третьему этажу, поэтому Денис не стал ждать и, решив спуститься для экономии времени по лестнице, так же, как и Маша, бросился в ее сторону. Единственное, в шнурках он не путался, и падать не собирался. И даже медвежонка не уронил,

Оказавшись у стойки, он уточнил, не видела ли его ночную светловолосую спутницу администратор Ирина, которая очень обрадовалась появлению молодого человека и тут же начала кокетничать — Дэну, не смотря, на то, что Ирина понравилась ему, прервал работницу отеля, вновь задав вопрос. Надув пухлые губки, Ирина сообщила, что да, видела, как девушка вылетала из отеля, как ошпаренная. Не дослушав ее, Смерч тоже выбежал вон из отеля и, не долго думая, направился к остановке, напоминая прохожим настоящий ветер. Естественно. Маши там уже не было. Зато именно там медвежонок неожиданно нашел своего хозяина. Кареглазый белокурый мальчуган лет пяти, стоящий на остановке вместе с мамой и крепко держа ее за руку, восхищенным взглядом уставился на игрушку, которую озирающийся Дэн продолжал держать. У мальчишки даже рот приоткрылся, пока он разглядывал светло-серого медвежонка: тот ему явно очень понравился. Смерч заметил ребенка тут же, мягко

улыбнувшись ему, протяну Тедди вперед.

— Бери, его зовут Бурундук, — сказал Дэн, на корточки присаживаясь перед малышом. Тот, не поверив своему счастью, протянул руки к медведю, а потом опустил их.

— Бери, бери, — подбодрил его парень. — Он будет тебе хорошим другом.

— Дгугом? — не выговаривал звук «р» мальчик. — Бугундуг?

— Да, точно. Твой друг-Бурундук. — Рассмеялся Денис. — Бери его себе и оберегай. Хорошо?

— Хогошо. — Мальчуган все-таки крепко обхватил большую игрушку и прижал ее к себе и сказал:

— Спасибо, дяденька.

— Меня зовут Смерч.

— А меня Илья. — Тут же вежливо представился мальчик. Дэн потрепал его по волосам и, встав, еще раз напомнил маленькому товарищу:

— Береги его! Точнее, ее. Малыш, это девочка, хотя и зовут ее Бурундук. Девочка Бурундук.

— Я буду, буду бегетать девочку Бугундука. — еще плотнее прижал медвежонка ребенок. Он был счастлив. И не обращал внимания на то, что слово «оберегать» в его устах стало каким-то подозрительным «бегетать».

А когда мама белокурого мальчика, болтающая по телефону и не знающая, что происходит с ее сынишкой, обернулась на мальчика, то с огромны удивлением заметила в его руках большую и дорогую плюшевую игрушку.

— Это откуда? — только и смогла сказать она.

— Дядя Смегч подагил. — Ответил ей мальчик.

— Кто-кто?

— Дяденька Ветег, — важно пояснил ее сын. — Сын Деда Могоза.

А довольный отчасти Дэн поймал такси. Детей он все-таки любил — чаще куда больше, чем взрослых.

Уже сидя на заднем сидении старенькой синей иномарки, в салоне которой тихонько играло радио «Шансон», Дэн решительно набрал номер телефона Черри — вспомнил, что давно не видел друга. Да и второго друга — Ланде, тоже не видел, оба приятеля загадочно пропали. До Черри Дэн не дозвонился: тот находился вне зоны доступа. Зато до Ланде ему дозвониться удалось. И после десятого гудка трубку подняли.

— Эй, чувак, вы где пропали? Знаете, какие у меня неприятности? — начал Смерч, но осекся — в трубке послышался густой бас, который никак не мог принадлежать утонченному Ланде.

— Неприятности? — Пробасил кто-то невежливый. — Другу звонишь? Так вот у него неприятности, это да. Не у тебя.

mir-knigi.org

— Вы кто? — Спросил Смерч, тут же почувствовав неладное. — Представитесь.

— Старший инспектор ДПС Угрев. — Не без злорадства сообщил бас. — А дружки твои, парень, сейчас в «обезьяннике» сидят.

— Где? — переспросил Смерч, вспомнив вдруг, что вообще-то отдавал свой любимый «Выфер» в руки Черри.

— В Караганде. Умники твои друзья, без шлемов катались: и водила, и пассажир, без прав и на недозволенной законом скорости.

— А в обезьянник их за что? — Не понял юмора Смерч. — За управление мотоциклом или перевозка на них пассажиров без мотошлемов, насколько я помню, полагается штраф.

Мотоцикла ему жалко не было, а вот с парнями дело обстояло по-другому.

— За оскорбления работников органов правопорядка при исполнении, а также за сопротивление при задержании. За это и сидят, голубчики, — услышав про штраф, отозвался милиционер.

— «Статья 192.1. Оскорбление работника милиции или народного дружинника… Оскорбление работника милиции или народного дружинника, а также военнослужащего в связи с исполнением этими лицами возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка — наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до одного минимального месячного размера оплаты труда», — тут же процитировал по памяти Смерчинский.

— Вот именно, исправительные работы… на год, — явно не так хорошо знал закон милиционер. — А ты… вы что, юрист?

— В душе всегда хотел стать адвокатом. Чтобы защищать невиновных. — Отозвался Дэн. Ему ничего не оставалось, как ехать и вызволять на волю ребят. — Назовите отделение и адрес, по которому располагаетесь. Я заплачу штраф.

Старший инспектор с неудовольствием подчинился. Почему-то он уверился в том, что человек, с которым он только что разговаривал по телефону — юрист. А «юрист», у которого все еще не прошла голова, и кружилась от поездки на авто еще сильнее, только тяжело вздохнул: Черри, дурной придурок, становился завсегдатаем разного рода «обезьянников» и отделений милиции. Теперь еще и Ланде с собой прихватил — теперь тот еще больше возненавидит панка. Смерчинский тяжело вздохнул: все шло наперекосяк, а он привык, что жизнь была более гладкой и праздной.

— Шеф, можешь быстрее? — Спросил после разговора Денис у водителя. — Доплачу.

— Это мы могем, — тут же отозвался шофер, — не боись, парень, я тебя к сроку довезу. Видал, небось, кино французское — «Такси»? Так у меня не хуже. Я — асс, — гордо добавил он.

— Или даже кто-то лучше, — серьезно сказал Дэн. Мужчина прибавил газу и, чуть не врезавшись в микроавтобус, понесся по дороге вперед, обгоняя дорогущий быстрый джип — у его водителя только глаза на лоб полезли, когда он увидел, какая рухлядь его обгоняет. В другой раз Смерч обратил бы на это внимание, но теперь только с закрытыми глазами откинулся на твердое сидение, желая, чтобы поездка закончилась поскорее.

Неудивительно, что в университете молодой человек оказался гораздо раньше едущей на автобусе Марии. Только что прозвенел звонок, возвещающий о начале новой пары, а девушки все не было. Вокруг, на крыльце, около которого Дэн поджидал Машу, вообще почти никого не было — за исключением пялившихся на него первокурсниц все с того же Искусствоведения. Девчонки смотрели на Дэна, хихикали, а когда он привычно подмигнул одной из них, самой хорошенькой, миниатюрной блондинке, то все они замерли и зашушукались сильнее прежнего, только теперь блондинка смутилась и почти не поднимала на него больших красивых глаз. Парень же, внешне оставаясь спокойным и улыбчивым, впрочем, как и всегда, нервничал и торопился. Чипа все не было, зато ему перезвонил один из друзей, который тоже решил поискать Черри и сообщил, что теперь их общий приятель затеял драку с сокамерником.

Тетрадь и медведь жги Дэнву руки, к тому же он стал думать, что партнер могла поехать и домой — мало ли что взбрело в ее голову во время совместного сна. Поэтому когда на дороге он увидел смутно знакомую фигуру темноволосого парня-рекламщика, то обрадовался, тут же найдя выход.

— Одногруппник Марии! — Окликнул его Дэн громко. Дима, а это был именно он, опаздывающий, как и Маша, на английский, но все равно не шибко спешащий на пару, тут же повернулся и удивленно уставился на Смерчинского.

— О, здорово, парень Марии, — Чащин шутливо ткнул в Смерча пальцем, после чего они обменялись рукопожатиями.

— Отдай Маше тетрадь, — произнес Дэн и протянул ее вперед. — Кажется, сегодня она ей пригодится.

— Откуда она у тебя? — Взял в руки и полистал ее Дмитрий.

— Нашел.

— Где?

— В номере отеля.

— А что ты там делал? — продолжал допрос Машин сокурсник.

— Ночевал, — спокойно отозвался Дэн, с удивлением замечая, как широкая улыбка Димы становится все менее широкой.

— А Бурундукова что там забыла?

— Вообще-то, тоже ночевала. — Зевнул Смерч. — Черт, не выспался… Короче, отдай ей тетрадь, если она придет. Ей пригодится.

— Ага, пригодится. А вы что, вместе ночевали?

— Вместе, — подтвердил самым легкомысленным тоном Дэн. — Она ведь моя девушка.

— Я в курсе, — отозвался Чащин, поморщившись. — А не рано ли вы начали ночевать вместе?

— Какая тебе разница, приятель? — теперь настала очередь Денису шутливо толкнуть Диму в плечо.

— Я просто привык заботиться о своих друзьях, — изрек тот.

— Я тоже, — отвечал ему с улыбкой Дэн. — Скоро стану Заботливой Мамочкой. Как раз двое детишек дожидаются меня в одном незатейливом детском садике. Ладно, удачи, мне пора.

— Эй, Смерч! Постой. Хочу кое-что тебе сказать. — Негромко проговорил Машин сокурсник. Улыбка совсем покинула его лицо. Он чуть ближе подошел ко второму парню, и их глаза встретились.

— Что?

— Если что, не думай, что Машку защитить некому. — Произнес все тем же тоном молодой человек, прижимая тетрадь к себе. — Не обижай ее.

— Заметано. — Серьезно кивнул Дэнв, засунув руки в карманы. — Она тебе нравится?

— Нет, — твердо ответил Димка, а Дэн высоко поднял брови вверх, как будто бы услышал то ли непристойность, то ли необыкновенную шутку.

— Правильно Я тоже не люблю интересоваться чужими девушками, — рассмеялся он.

— Точно-точно. Сначала чужие девушки, потом чужие жены, — расхохотался Димка.

— И из-за этого у кого-то чужие дети, — скорбно покачав головой, сказал Дэн, уже спеша. — До скорого, одногруппник Чипа.

— И тебе не хворать, Парень Бурундуковой, — шутливо помахал свободной рукой Димка, вновь улыбаясь, как и прежде. И только тогда, когда молодой человек оказался в здании университета, он остановился и с неожиданной для самого себя злостью ударил по стене этой самой тетрадью, прошипев:

— Твою мать, Смерчинский… твою мать, а…

Он так и стоял около прохладной стены, касаясь ее лбом и стараясь освободится от охватившее его злости, пока его вновь не окликнули.

— Эй, Чащин! — Услышал он позади себя звонкий голос Марии, добравшейся, наконец, на автобус к родной остановке — водитель решил сделать опаздывающим студентам в салоне подарок — поехал быстро. — Ты чего к стене прилепился, как улитка? Или ты в стенку втюрился и теперь обнимаешь? Думаешь, из нее вылезут руки и тебя в ответ обнимут? — Девушка подошла к Димке и со всей силы хлопнула его по спине. — Алло, Чащин! Подъем!

— А, это ты, Бурундукова? — Деланным равнодушным голосом произнес парень. — Опаздываешь.

— А сам-то? Я-то хоть спешу, а ты рандеву со стеной устроил, обнимашки. Ты себе девочку лучше заведи. Женщины-стены не существует.

— Зато я дома ночь провел, — буркнул парень, отворачиваясь.

Маша ничуть не смутилась.

— Я тоже, — нагло заявила она. — Английский повторяла.

Молодой человек только головой покачал. Однокурсники зашагали вверх по лестнице. Девушка торопливо, парень — медленно.

— Вот, возьми, твоя тетрадь, — вспомнив, протянул он ей тетрадь по английскому языку, только что принесенную Дэном.

У Чипа даже глаза расшились от удивления, когда она схватила свою тетрадку:

— Ого!! Откуда она у тебя? Украл, что ли?

— Вот же ты дура, — фыркнул тот. — Ты ее потеряла. Растяпа. Забыла ее вчера в аудитории, когда переписывала домашку, а я взял. — Важно изрек парень.

— Какой ты важный хороший, — захихикала Маша и заявила. — Если что, я за тебя замуж выйду, Чащин.

— А как же Смерчинский?

— На фиг его. На фиг, на фиг. — Произнесла девушка, что-то явно вспомнив. Димка еще раз вздохнул и первым, оттеснив плечом тут же возмутившуюся Марью, зашел в нужный кабинет.

Англичанка сегодня меня похвалила. Сказала, что я расту над собой, и если бы я каждый раз в течение одного семестра отвечала так же хорошо, как и сегодня, и так же усердно делала домашнее задание, то, вероятно, сдала бы предстоящий уже совсем скоро экзамен с первого раза.

А я, действительно, старалась, отвечала что-то, тянула руку, раз уж завладела готовой домашкой, а вот Димка, хоть и имел при себе готовые задания, но все равно не слишком-то рвался отвечать. Развалился сзади, как король, переписывался с кем-то по телефону и отмалчивался, отвечая лишь тогда, когда препод спрашивала его. Идиот, свое счастье из рук упускает. Зато я блеснула по полной программе.

Орел впервые в жизни гордо воспарил на крышу этого курятника, кудахтающего на непонятном наречии.

— Эй, Чащин, — позвала я Димку после того, как часы ада на английском закончились, и мы стали собираться домой.

— Чего тебе? — отозвался он, уже из коридора. Я догнала его, растолкав одногруппниц, которые вновь хотели вновь начать терроризировать меня насчет моего общения со Смерчем.

— Видел, какая я сегодня была умная? — хвастливо спросила я.

— Безумно умная, — закивал Димка.

— Началось… Чего ты ко мне все время придираешься? Короче, спасибо тебе, что тетрадку принес, а то… — я не договорила, но одногруппник и сам все помнил. И сразу же заважничал.

— Не за что, Бурундукова. С тебя — протекция, — тут же заявил он.

— Ты достал меня с этой протекцией! — разозлилась я. — Хрен тебе, а не протекция!

— Тогда, — замедлил Димка шаг, — разрешаю тебе угостить меня пиццей.

— Разрешаешь? — переспросила я, прищурив один глаз. — Да ты, никак, джентльмен.

mir-knigi.org

Я тут же вытащила кошелек и принялась пересчитывать деньги. На пиццу Чащину хватит. Если что — он и заплатит, раз такой умный.

— О'кей, угощу. Поехали в пиццерию, — приняла я щедрое решение.

— Прости, мой друг Бурундукова, — еще более важно изрек Дмитрий, — сегодня никак не получится.

— Почему?

— Сегодня я иду на свидание, — бросил он, как бы невзначай, но явно ждал моей реакции.

— С кем это? — тут же жутко заинтересовалась я, и даже чуть вокруг не запрыгала. — С кем, с кем, с кем?

— Не твое дело, — отвернулся он, важный, повелитель павлинов.

— Кто на тебя клюнул, Чащин? Она что, тупая? — нетактично заржала я. — Или слепая?

— Эй! — возмутился Дима. — Бурундукова, я тебе врежу сейчас!

— Только попробуй!

— И брат-боксер не поможет.

— А ты откуда знаешь, что Федька боксом занимался? — удивилась я, отпрыгивая на пару ступенек вниз. Переполненный ленивыми студентами лифт мы дружно проигнорировали.

— Ты говорила, — ничуть не смутился русоволосый парень. — Ты вообще много болтаешь, и все не по делу. Бурундукова — находка для шпиона.

— Чащин — находка для дуры! — издевательски заржала я. Димка в шутку замахнулся на меня, я дунула вниз и все-таки споткнулась на последних ступеньках из-за развязавшегося шнурка.

— Ты невероятно грациозная бурундучиха, — покачал головой Чащин, оказавшись тут же около меня, нагнулся и протянул руку, чтобы помочь встать. Я ее проигнорировала и поднялась самостоятельно, отряхивая джинсы. Он без улыбки убрал руку за спину и внимательно посмотрел на меня. Сначала я даже подумала, что он чем-то расстроен, но почти моментально выражение его лица изменилось, и парень засмеялся над своими словами.

— Еще раз назовешь меня так, я врежу тебе — и это не просто слова, а обещание, — сердито пообещала я.

— Я запомнил и уже начал бояться, — Чащин явно не испугался. — Не ударилась? Твои старые кости целы?

— Целы, — отозвалась я. — Ну, расскажи мне про свою девчонку? С кем ты там встречаешься?

— Ты ее все равно не знаешь, — отозвался он одновременно дурашливо и высокомерно — так, как это умеет только клоун Димка.

— Тогда опиши мне ее, — потребовала я. Раньше, кажется, у него никого не было, хотя, личная жизнь наших мальчиков в группе всегда была такой же тайной и загадочной, как египетские пирамиды.

— Описать? — мы продолжали спускаться вниз, только теперь Димка не бежал вперед, как пару минут назад, а шел медленно, боялся, что я еще раз грохнусь, наверное, и тогда, обвинив во всем его, точно стукну.

— Она… Она — милая девушка, хорошенькая. Вежливая, спокойная, с женственными движениями. Не похожая на тебя, короче, — подытожил он.

— Я что, по-твоему, невоспитанная хамка и выскочка? — не обидевшись, поинтересовалась я.

— Да. Точно. Хотя… ты больше подходишь под понятие ННН.

— Чего это еще за дрянь, это твое ННН? — подозрительно спросила я, перебирая в уме дразнилки, которыми этот придурок мог меня наградить.

— Невоспитанная нервная нахалка, — взрослым голосом произнес Димка, словно представлял на заседании важных директоров новую и крайней важную презентацию.

— Вот же ты козел, Чащин! Ладно… А выглядит она как? — мне было очень любопытно. Маринке и Лиде расскажу, вместе посплетничаем, кто там стал дамой сердца нашего рыцаря.

— Красиво выглядит, — не стал Димка сильно распространяться на эту тему.

— Наверное, она вся такая из себя, ухоженная и модная? — захихикала я.

— Именно, — подтвердил Димка, задрав голову. — Светловолосая и милая.

— Да ты охрененно крутой, отхватил себе такую леди! Кстати, на Князеву по описанию похожа, — невольно вырвалось у меня.

— На Ольгу? — удивился он. — С чего это?

— С того, — не хотелось мне говорить о сопернице.

— С кем, с кем, а с ней бы я точно не хотел встречаться, — вдруг отозвался он.

— Да? С чего вдруг? — тут же заинтересовалась я.

— Она мне не нравится, — категорически заявил одногруппник, словно что-то вспомнив. — Лучше с такой, как ты, уткой, встречаться, чем с ней. А с ней еще и опасно.

— А у тебя хороший вкус, Чащин, — покровительственно хлопнула я его по плечу, пропустив мимо ушей обидную «утку». — Князева — Тролль.

— Это уж точно, всех хорошо разводит, — неожиданно выдал Дмитрий, улыбнувшись как-то насмешливо-зловеще.

— Что ты имеешь в виду? — похолодела я. Вдруг он догадался, что мне нравится Никита, а Ольга с ним встречается? Нет, реально, у меня на этом пунктик.

— В универе она милая, вежливая и даже неприступная, — нехотя ответил парень. — Как принцесса, что ли. Но на самом деле немного другая. Видели мы ее с парнями как-то на одной вечеринке в клубе…

— Ты разве ходишь по клубам? — захихикала я. — Ты же фэйсконтроль не пройдешь.

— Бурундукова, ты действительно утка, — вздохнул Дима. — И сама ты никуда не ходишь. А мы пошли туда с ребятами, потому что Жека Истенко решил справить там свой День Рождения.

Женя Истенко был нашим нежно любимым одногруппником.

— Вот в тот раз мы и встретили Князеву там. Прифигели. Такая раскрепощенная девчонка без комплексов! Минимум одежды, максимум косметики, но танцевала роскошно.

Я выразительно хмыкнула. А ведь я подозревала, что она непростая девушка, эта Гоблинша! Прикидывается, значит, пай-девочкой?

— А это точно она была?

— Еще бы, точно, — ничуть не сомневался в собственной правоте Чащин. — Мы все ее узнали. Не без труда, правда. Короткое платье, яркая штукатурка — косметика эта ваша, шпильки, коктейльчик в руках.

— Коктейльчик? Да она же шампанское с трудом допивает, когда вы его на нам на Восьмое Марта притаскиваете!

— Точно, Бурудукова, точно. И со взрослыми парнями она заигрывала будь здоров, — припомнил мой спутник. — Ха, неудачники…

Он замолчал, покачав головой.

— Ух ты, — еще больше обрадовалась я.

Орел готовился клюнуть кое-кого в зеленую макушку, торчащую из-под моста.

— Какая двуличная! А когда это было, недавно?

— Почему недавно? Еще в середине второго курса. А тебе то что? В нашу Князеву влюбилась?

— Идиот? — спросила я, нехорошо посмотрев на Димку. — Твои подколы уже давно антисмешны.

— А, точно, у тебя есть Смерчинский, — почесал затылок Димка, словно бы припоминая. Лыбиться он не переставал.

— А у тебя женщина-стена и неизвестная мне леди, — отвечала я. — Ты, наверное, мечешься, не знаешь, кого выбрать?

— Лучше выбирать самому, чем быть выбранным каким-нибудь отстоем, — притворно-философским тоном заметил Димка.

— Это точно. Я с таким трудом выбрала из всех своих поклонников Смерчинского…то есть Денисочку, — притворно вздохнула я. — Эх, мой любименький…!

Чащин сделал вид, что его тошнит.

Мы вместе дошли до остановки, препираясь, как обычно. Иногда на меня кто-нибудь смотрел и начинал шушукаться, но я старалась не обращать внимания на такие пустяки. А вот Чащин обращал и тут же начинал кривляться и вспоминать мое «особое положение», явно намекая на протекцию все по тому же английскому.

mir-knigi.org

— И не забудь про пиццу! — прежде, чем скрыться в автобусе, крикнул мне Дима. — Ты мне пообещала. Так что в воскресенье будь готова угощать меня, прекрасного!

— Да без базара, — согласилась я. — Мария всегда держит свое слово!

Чащин уехал, а я еще пару минут стояла на остановке, а потом приехал и мой автобус. С боем заняв укромное местечко в самом его начале, я заснула уже через несколько мгновений, а проснулась ровно за одну остановку до собственного дома.

В квартире, где пока никого из родственников не было, я пообедала перед компьютером, устроив столовую в собственной комнате, посмотрела хорошую комедию. Потом нашла несчастный телефон, на который целые сутки безуспешно звонили самые разные личности — ответила на сообщения Маринке и Лиде, изнывающих от любопытства (с ними я не встретилась, поскольку они учились в другой группе, и их занятия проходили с утра), пообщалась с народом в Интернете, забыв про то, что мне вообще-то нужно бы приготовиться к завтрашним парам. Да, я пробовала связаться со Смерчем, но сегодня этого у меня не получилось — Ветерок куда-то пропал, а усиленно искать придурка, бросившего меня в гостинице, не хотелось. Зато подружки и некоторые одногруппницы просто атаковали вопросами. Я даже телефон выключила: и домашний, и мобильный. И завалилась спать.

Через пару часов, когда домой вернулась мама, я получила огромный по размахам втык за то, что не оповещала ее о своих ночных перемещениях по «музею», не звонила и вообще решила ей «перепортить последние нервы». Ох, ну и знатно же она орала на меня, грозя всевозможными карами. Пришедшие на удивление рано папа и Федька на меня не кричали, принимая минимальное участие в воспитательном процессе, только брат под конец невзначай заявил:

— Какая-то мутная история с твоей Музейной ночью. Мам, она по ходу вообще непонятно, где шлялась. Накажи ее!

Я, проклиная его прозорливость, тут же принялась рассказывать, как мне понравилось в музее, и даже попробовала рассказать брату о замечательной картине «Сероко». Он покрутил около виска и сказал:

— Ты дура? Какое Сероко?

— Я же объясняю, картина Радова…

— Слушай, я не мама. Сейчас просто залезу в Интернет и узнаю, что конкретно было на этой Музейной Ночи, а чего там не было, — с усмешкой пригрозил старший брат, когда мама вышла из кухни, где проходила моя экзекуция.

— Если принюхаться, у тебя волосы пахнут сигаретным дымом. Футболка, что валяется в твоей комнате, измята, как будто бы в ней спала. Никаких фото, листовок, проспектов и прочей ерунды, что получают на выставках, у тебя нет. Даже билетика нет — я в этом уверен, — продолжал с чувством собственного достоинства Федор.

— Эээ… Это…

— Ладно, расскажи мне, где и с кем шарилась, а я, так и быть, не сообщу маме, — проявил небывалое добродушие он.

Скрипя от злости зубами, я сказала Федьке, что ходила с девчонками в клуб, боялась, что мама

не отпустит, поэтому наврала.

— А я думал, ты со своим мотоциклистом, — разочарованно протянул старший брат.

— Хорошо, с мотоциклистом тоже! — не стала спорить я.

— Отлично! Теперь ты у меня в долговом рабстве, Машка, — обрадовался этот кабан. — На всю неделю. Нет, даже на две.

Я шумно сглотнула. Началась любимая Федькина игра. Издевательство над беззащитной младшей сестренкой.

— Теперь я для тебя — царь и бо…

Его прервал звонок в дверь. Мама из своей комнаты крикнула, чтобы Федька открыл, а он, повелительно махнув мне кистью, принялся за новый бутерброд.

Я злобно, как дракон, попавший в сеть, вздохнула, и поплелась к двери. Вообще-то, наверное, я действительно стала перетягивать у Смерчинского его драгоценную удачу, о которой он столько трепался. Ведь мне повезло, что дверь открыла именно я. Потому что за порогом торчала хорошо знакомая длинная и тонкая фигура полу-норвежского дружка Смерча.

В этот раз на нем не было никакого красного шарфа, а вот черно-белые кеды остались неизменными. Сегодня блондинчик мог еще похвастаться узкими темно-синими брюками в светлую широкую клетку, а также ярко-синей кепкой.

Резко открыв дверь и, чуть не стукнув парня по носу, я тут же грозно спросила:

— Чего надо??

Он, встряхнув длинными, до плеч, волосами цвета пшеницы, серьезно на меня посмотрел и выдал почти точным голосом Дэна:

— Я подумал, твои родители могут попросить предоставить доказательства того, что ты была в музее, поэтому попросил позаботиться об этом друзей.

Потом личная голосовая открытка Смерчинского откашлялся и быстро перешел на собственный голос:

— Короче, Мария-Бурундук, вот, держи. От Дэнни.

И протянул мне широкий светлый конверт, в котором я тут же обнаружила то, о чем пару минут назад говорил брат: использованный билет на Музейную ночь, несколько проспектов с нее же и программу вечера.

— С фото мы не успели, прости. Смерч просил передать, что если нужно будет: в фотошопе сделают.

Я оторопело взглянула на гостя, готовая расцеловать в его в по-вампирски бескровные губы.

— Ну, ничего себе! Спасибо!! Спасибо, Ло… Ле… слушай, как тебя зовут?

— Ланде, — парня мои слова ничуть не затронули. Похоже, куча народу забывала, как его кличут.

— Ланде, да, точно. Ланде, а почему Дэн сам не приехал?

— У него дела дома, — коротко отозвался он, намереваясь уходить.

— А почему не позвонил? — продолжала допытывать его я.

— А он звонил. Сказал передать тебе, чтобы ты хотя бы изредка включала телефон, — несколько занудным голосом отвечал человеко-шарф.

— Ааа… Точно. Ну, вы крутые мужики… Ведь действительно выручили меня!

— Ну и отлично. Мне пора, Бурундук, — Ланде повернулся ко мне спиной и уже, было, хотел спускаться.

— Стой!! Ты где был вчера? Когда ваши остальные дружки устроили веселье около универа? — окликнула я его, прижимая к себе «доказательства моей невиновности».

— В отделении милиции, — скорбно произнес парень. Эта самая мировая скорбь появилась в его светлых глазах, и он вздохнул.

— Где-где? А за что? — захотелось мне все знать. Ланде вновь развернулся ко мне и со вкусом принялся жаловаться, найдя в моем лице благодарного слушателя. Он тяжко вздыхал, время от времени называл Черри злобненькими прикольными словечками, морщился и рассказывал, как плохо и некомфортно ему было в милиции.

Все оказалось просто, как дырка на чулке красавицы. Недавно Дэн одолжил раздолбаю Черри свой «Выфер». Все-таки доброта и щедрость по отношению к приятелям Смерчинского до добра не доведут. Черри погонял на мотоцикле и даже не разбил и не поцарапал его. Всего лишь посеял один из шлемов.

В тот вечер, когда Ланде узнал о том, что затеяли остальные их общие дружки-приятели, он рассказал обо всем зеленоволосому, и они, как всегда, собачась, стали названивать Денису, но тот упрямо пренебрегал их звонками. Утром телефон он так и не брал, а в Интернете отчего-то не появлялся. Ланде предположил, что, скорее всего, «Дэнни с девушкой» — когда он оказывался вместе с очередной милашкой, то игнорировал весь остальной мир. Черри и Ланде, понимая, что не могут достучаться до друга, решили поехать к нему домой. Естественно, выехали на «Выфере». Единственный оставшийся шлем забрал себе осторожный полунорвег, Черри же уселся вперед без оного, и на всей скорости погнал к дому Дэнни. Естественно, незадачливых спасателей репутации Смерчинского заприметили прозорливые сотрудники службы дорожной безопасности. Попросили парочку остановиться. Черри этого делать категорически не захотел. У него ведь и прав-то не было. Парень погнал вперед еще с большей скоростью, показав молоденьким летейнантикам еще и неприличный жест. Те явно обиделись и сообщили своим коллегам по рации о нарушителях. В результате, мотоциклисты в форме, а также бодрая патрульная машина все с теми же летейнантиками догнали Черри и орущего на него Ланде, который три тысячи раз проклял себя за то, что согласился поехать вместе с зеленоволосым. Разгоряченный скоростью панк тут же оказал сопротивление сотрудникам правопорядка, но был ими коварно повержен и доставлен в ближайшее отделение милиции вместе с Ланде

В общем, тогда, когда Дэн стал способен отвечать на звонки, его друзья уже не могли позвонить ему и сообщить о надвигающейся буре — они сидели за ржавой решеткой местного «обезьянника».

«Посидите до утречка, гонщики, остынете, а потом мы с вашими родными и свяжемся, скажем, чтобы забирали. А пока отдыхайте», — сказал зловредный инспектор Угрев.

Там же, кстати, наутро Черри и подрался с «двумя гопниками, которых притащили в камеру». Один из них, заприметив беззащитного на вид Ланде, дующегося из-за происшедшего на весь мир, стал проявлять к парню активный интерес, и Черри, как более мужественному и сильному его товарищу, пришлось вступиться за пшеничноволосого. Потом умудрился пару раз крепко стукнуть и одного из милиционеров, бросившихся разнимать дерущихся. Дело запахло жареным.

Из переделки парням помог выбраться Смерчинский, вовремя приехавший в отделение вместе еще с парой приятелей, узнавших о том, что случилось зеленоволосым и Ланде. Он же при активном содействии отца помог вызволить этих двоих на волю.

— Дэнни с трудом уговорил отца помочь. Взамен тот попросил Дэнни съездить вместе с ним кое-куда. Поэтому я приехал отдать тебе все это. Не хочу быть должником, — закончил рассказ Шарф, грустный, как осенний листочек, оторвавшийся от ветки одним из первых. Во время рассказа он трогательно теребил белоснежное пирсинг-кольцо в губе.

— Еще раз спасибки, Линде, точнее Ланде. Так это не вы вызвали ОМОН? — поинтересовалась я напоследок.

Красноречивый взгляд голубых глаз ясно говорил мне «нет».

— Маша, почему ты дверь держишь открытой? Кто там? — крикнула из комнаты мама. — Почему не приглашаешь?

— Заходи? — шире распахнула я дверь. Ну вообще-то да, я негостеприимная какая-то.

Ланде сдуло от меня на пару ступенек вниз. Он замотал головой, и его волосы растрепались.

— Нет-нет, мне пора, я и так запоздал. Этот дегенеративный кроманьонец Черри вообще не умеет ждать.

— А чего это у вас за отношения, а? — жадно спросила я вдогонку, глядя на быстро спускающуюся тонкую фигуру. — Вы такие близкие люди, что ни дня вместе не можете не пробыть? А? И почему вы на одном мотике вместе катались? Ты его за пояс держал, да? Вы вместе живете? Что у вас за отношения?

— У нас нет отношений, — чужим, твердым голосом произнес парень.

— Ааа… А как на этих самых похож… Ну ничего, и такие тоже есть… И тоже хорошие люди бывают, да. Но Элис, конечно, стерва….

Спина Ланде дрогнула, он остановился, обернулся и произнес нервным, чуть срывающимся голосом:

— Я — нормальный!

— А я что-то говорю о твоей ненормальности? — как можно шире (большие глаза — символ наивности!) раскрыла я глаза. — Ты вообще прикольный. Покедова, Ланде. Мерси за услугу! Я твой должник!

mir-knigi.org

— Салют, Бурундук — попрощался как-то неправильно Ланде и стал спускаться по лестнице. Я закрыла дверь и пошла к Федьке.

— Эй, кабан, — обратилась я к нему.

— Ты чего, нарываешься? — добродушно спросил он. — Раб, одурел?

— Вот, — ткнула ему в лицо я билет из музея.

— Что это?

— Мои доказательства, — я победно расхохоталась.

— Где ты это достала? Сероко все равно не существует! — обиделся Федор, явно ошарашенный. Он попытался схватить билет, но я ловко увернулась.

— Ну и что! Если что, скажу маме, что разыграла ее. А ты неудачник! Да здравствует Спартак! Освобождение рабов! — с этими словами я, приплясывая, убежала в свою комнату. — Мама, мама, хочешь посмотреть на программу вечера?

— Мама, мама! Она точно все врет!

Мамочка поверила мне, своей младшенькой доченьке, обещающей ей показать фото с музейной ночи.

На следующий день я встретилась со Смерчинским утречком, перед своими парами — вчера все-таки включила многострадальный телефон и договорилась с ним о встрече.

Он поджидал меня за столиком в столовой, почти пустующей во время занятий и ожидающей перемены, когда толпа голодных студентов нахлынет за едой и напитками. Сейчас здесь находилось мало человек, и было непривычно для этого места тихо.

Когда я прибежала, совсем чуть-чуть припозднившись, Смерч уткнулся в свой ноутбук, изредка попивая «спрайт» из бутылки.

— Привет, я опоздала, были пробки, я спешила, спасибо, хочу пить, — выпалила я на одном дыхании, хватая газировку.

Пока я глотала живительный холодный напиток, не в силах оторваться от бутылки, Денис закрыл ноутбук, подпер руками подбородок и направил на меня мягкий, осуждающий взгляд.

— Что? — напилась, наконец, я. — Чего так смотришь? Я же извинилась за опоздание.

— Твое получасовое опоздание меня волнует мало, Чип, — отозвался он, продолжая в упор глядеть на меня. — Вчера этого не получилось, потому что ты куда-то упорхнула, не предупредив меня, а теперь я хочу услышать полный и ясный отчет о твоих действиях в клубе.

Я на пару секунд стушевалась.

— Моих? Ты о своих-то действиях знаешь? — обвиняющим тоном спросила я его. — Ты помнишь, что ты вытворял? Помнишь?!

— Нет. Расскажешь?

— Расскажу. Расскажу! Ты… ты был великолепен! Просто великолепен! — громко закричала я на всю столовую, вспомнив его поведение. — Я до сих пор не могу отойти! Просто в шоке!

Сидящие за соседним столиком девушки и парни с последнего курса юрфака тут же уставились на Смерча с любопытством. Он прикрыл лоб и глаза ладонью и слегка покачал головой.

— Ты что орешь, Чип? Люди не так подумали, — прошептал он. — Я, конечно, великолепен, но не надо об этом рассказывать всем и каждому.

— Великолепен? На что намекаешь, жук? — с глубоким презрением спросила я.

— Еще одна ночь в отеле, и ты поймешь, — невинно отозвался Смерч. — Но все-таки не оповещай о моих способностях этих людей.

— А мне по фигу на людей. Давай, объясняй, зачем надо мною в клубе издевался, — понизила я голос до зловещего шепота.

— Это ведь ты виновата. Бурундук. Зачем же ты напоила меня? Узнала, что в нетрезвом виде я не контролирую себя и решила… — он легонько поманил меня указательным пальцем, я наклонилась к его губам и услышала тихое и хрипловатое:

— …задумала заманить меня в свои женские ловушки? Решила соблазнить?

— Вот баран, — с чувством произнесла я, осторожно, за подбородок отодвигая его лицо подальше от собственного. Во избежание казусов.

— Я жду объяснений, — вновь уселся он прямо, закинув ногу на ногу.

Я поерзала на стуле, повздыхала и ответила:

— Решила прикольнуться. Я же не думала, что ты станешь выкидывать такое.

— И что конкретно выкидывать?

— Мой мозг из черепной коробки. Смерчинский, ты вел себя недостойно мужчины, — решила я его подразнить и принялась с удовольствием и подробно пересказывать его ночные злодеяния позапрошлой ночи. Если уж я виновна, то выберу стратегию «лучшая защита — это нападение», и буду обвинять во всем Смерчинского.

Начала, я не по порядку, с того, как он приставал к рыжеволосой девушке, приняв ее за сестренку, и как непочтительно разговаривал с дедушкой и черноволосым парнем в очках.

— Ты этого Петра конкретно бесишь, — сказала я.

— Этой мой кузен, — отозвался беспечно Дэн. — Мой милый двоюродный братик. У нас конфронтация. — Что еще было?

Я продолжила, стараясь мастерски передразнить пьяного парня. Сначала Смерч даже улыбался, потом его улыбка стала гаснуть, и сам он стал серьезным, отстраненным. Когда я дошла до феерического предложения руки и сердца (специально оставила на «десерт»), то улыбка исчезла в неизвестном направлении. Дэн занервничал. А стоило мне упомянуть о том, что он называл меня не кем-то, а прекрасной Морской Богиней, Денис вдруг перевел на меня глаза, и я с удивлением, переросшим в беспокойство, поняла, что они слегка покраснели.

— Что с тобой? — тут же прервала я рассказ, забеспокоившись.

— Ничего, — произнес Смерч, сцепляя пальцы на коленях с силой, так, что побелели костяшки. — Все в порядке.

— А потом ты стал…

— Хватит, я понял, что было, — довольно жестко прервал он меня, уставившись на собственные руки — теперь пряди волос полностью срывали от меня его глаза.

— Но я тебе самый прикол еще… — не желала умолкать я. — Ты вообще меня…

— Прекрати, Маша. Я все понял. Я приношу искренние извинения за такое поведение. Ты можешь попросить у меня все, что ты хочешь, и я исполню это в качестве компенсации.

— Это… ты…

— Закроем тему? — поднял он на меня уже ясные глаза, ставшие вдруг отчего-то еще более яркими, чем обычно. Дэнни уже улыбался, как всегда, беспечно и очаровательно, и на его щеках появились ямочки, а морщинка между бровей, напротив, исчезла, и теперь его лицо снова стало спокойным, излучающим уверенность в самом себе и в окружающих.

— Не буду я ничего закрывать. Слушай дальше о своих поступочках, — заартачилась я.

— Маша, пожалуйста.

— Я вчера тебе тоже пожалуйста говорила!

— Пожалуйста.

— Нет.

— Пожалуйста, — вибрация его тихого, чарующего голоса с воздухом проникла в мои легкие, и, струясь по нервным клеткам и нейронам, попала в мозг, вместо меня отдавая ему приказ согласиться.

— Ну ладно, ладно, — проявила я невиданную тактичность. — Что с тобой?

— Стыд замучил, — отозвался партнер с холодной неестественной улыбкой. — Ненависть — самое сильное негативное чувство. А стыд — это ненависть, направленная на себя. Чувствуешь, как мне нехорошо?

— Нет. Серьезно, что-то случилось? Мы ведь типа партнеры, — вспомнился мне договор (мой экземпляр лежал далеко в столе, запрятанный под кипой тетрадей). — Говори мне, что с тобой.

— Когда ты решила меня разыграть, о партнерстве забыла напрочь, — укоряющее произнес он.

— И еще я твоя клубничная фея. Из-за любимой страдаешь?

— Да, — коротко и правдиво отвечал Дэн. — Я не хочу об этом говорить.

— Не хочешь — не надо, — обиделась я, подумав, что он не доверяет мне.

Отряд моих разноцветных мыслей-головастиков принарядился в зимние шапки и шарфы и, взяв

mir-knigi.org

миниатюрные лопаты, пошел копать снег в соседнем ледяном мире, чтобы насыпать его между мной и Дэном, чтобы потом залить водой, дабы снег превратился в лед между нами.

— Почему ты мне не доверяешь? — заело меня. Мы ведь ночь вместе провели!

— Вспомни позавчерашнюю ночь, — отозвался парень, витая где-то в другом месте.

Минут десять мы просидели, не проронив ни звука и, не глядя друг на друга. Я злилась на себя за свой поступок (ладно, ладно, он был недальновидным и идиотским!). Он тоже злился на меня, хоть и сидел невозмутимо. А еще я злилась на его друзей, на своих друзей, и на Смерча, еще на Никиту, но злость на Князеву затмевала разве что только нелюбовь к англичанке.

— А, да, Мария, я переслал тебе на почту логин и пароль почтового ящика твоего Клары, — нарушил молчание Дэн. — Пароль от его «аськи» и пары мест, где он еще зарегистрирован.

— О, наконец-то! — обрадовалась я такому шикарному подарку, предвкушая, как смогу залезть во все тайны Ника.

— Но там нет ничего интересного. Клара — скучный и до ужаса приличный, — тут же разбил мои ожидания Смерч. — С чтением сообщений хуже — их мне пересылает друг. Но, поверь, и там нет ничего необычного.

— А сюсюканья с Князевой есть?

— Немного. Твой Никита парень не эмоциональный, и его сообщения не изобилуют «солнышками», «котеночками», «малышами» и прочей сладкой ерундой, а также признаниями в вечной любви.

— Что, тоже такое не нравится? — спросила я. Терпеть не могу, когда парочка излишне сюсюкается. Брр…

— Да, это часто звучит пошло, — задумчиво ответил Смерч.

— А ты своих девушек как называешь?

Смерч посмотрел на меня, как на малолетнего ребенка, решившего выведать у родителей, как на свет появляются детишки, и сказал:

— По именам.

— Как меня? — обрадовалась я.

— Да, Бурундук.

— Меня зовут Маша, — плотно сжала я губы. Неужели трудно запомнить? А он продолжал:

— Называть человека, которым дорожишь всеобщим «котеночком» неинтересно.

— Интересно придумывать что-нибудь типа «Морская» или какая-нибудь там еще? — спросила я. Его лицо не дрогнуло, но взгляд, которым меня одарил Смерчинский, мне не понравился.

— Это ты много чего выдумываешь, Маша.

Кто я для него: Маша или бурундук, все-таки. По именам он зовет своих многочисленных

mir-knigi.org

подружек, а специально что-то придумывает для тех, кто ему дорог? А я что, где-то между этими двумя категориями? Спросить, что ли?

Нет, спросить не могу. Подумает, идиот, что он мне нравится или еще что-нибудь в этом роде.

Снега натаскали достаточно и знатно полили его водой из шланга.

— Кстати говоря, ты, умник-разумник, когда всем скажешь, что мы не пара?

— Когда? — задумчиво протянул парень.

— Ты вообще сделаешь что-нибудь?

— Тебе не кажется, что это немного поздно? Нам уже все равно никто не поверит, — спокойно отозвался Дэн. — Судьба нехорошо перетасовала колоду, и нам с тобой, играющим в паре, выпали плохие карты.

— Что за глупости.

— То, что мы якобы пара будет нашим прикрытием от Ольги и Никиты. Они точно не смогут нас ни в чем заподозрить, — решил вдруг Смерчинский. — Оставим все, как есть.

— Я не буду корчить из себя твою девушку, — заявила я тут же.

— А этого и не нужно. Поверь, Чип, те, кому нужно будет, сами сделают правильные выводы, — вымученно улыбнулся Смерч. Что-то наш ветерок до сих пор в себя прийти не может. Стыд? Какой стыд? Нашел дуру! Может быть, в его башке у Гоблина Морская Богиня что-то типа позывного? Спьяну принял меня за нее и в любви признался. Хохо, если бы я перепутала Дениса и Никиту, и призналась бы первому в своих сильных чувствах, то сейчас тоже бы сгорала от стыда. К тому же этот мелочный Смерчинский как-то таки заставил мою душу испытывать что-то похожее на раскаяние за содеянное. Память услужливо подбросила кадр из прошлой ночи, когда я утешала этого красавчика-болвана, рассказывая ему басни про фей, и стыдно стало еще больше.

Пару минут мы опять сидели молча. Я допивала его «Спрайт» и зачем-то разглядывала ящерку, вытатуированную на его шее. Изредка мой взгляд перебегал на его плечи, или руки, на лицо. А Дэн смотрел в окно, чуть выше моей головы. Вроде бы спокойный, как статуя, но несколько раз он едва слышно вздохнул, и я еще больше занервничала.

— Кстати, новое свидание Ольги и Ника намечается на субботу, — продолжал Дэн. — И я знаю, где и во сколько.

— Ого! А это значит… — я многозначительно замолчала.

Мы встретились глазами и синхронно коварно улыбнулись, поняв друг друга с полуслова: мы продолжим свою Миссию по спасению нашей любви. Все-таки тонкий лед между нами, неожиданно появившийся сегодня, растаял, и орел, прохаживающийся по нему, едва не утоп в веселом весеннем прозрачном ручейке.

— Я обожаю тебя за понимание, — произнес Смерч. Я скромно пожала плечами. Мол, да, я такая.

— Ой, они даже улыбаются одинаково, — восхитился кто-то, хихикая над моим плечом.

— Прикольная пара, такая необычная…

— Классные ребята.

Я оглянулась и увидела за столиком рядом с нами трех девчонок. Все три клуши с благоговением глядели на Смерча (часть их восторга распространялось и на меня)

Люди, действительно, делали те выводы относительно нас, которые были удобны им.

— Пить хочется, — вздохнул Смерч, глазами ребенка-ангелочка глядя на пустую бутылку, содержимое которой уничтожила я. — Так пересохло во рту… — он тяжко вздохнул.

— Ничего, слюны накопи и напьешься, — отвечала я ему сварливо.

Зато одна из дур достала из сумки сок и торжественно вручила его Денису со славами:

— Вот, возьми, у меня лишний!

Естественно, Смерч взял. Еще и спасибо сказал так, что девушка чуть не расплылась лужицей восторга. Он вообще, по-моему, неосознанно с девицами заигрывает! При живой-то мнимой девушке!

— Как сок может быть лишним? Почему у меня нет с собой лишней пачки сока, или лишней бутылки, а у кого-то есть? — рассуждала я, зорко следя за тем, как пьет Смерч, и, не отрываясь от него, глядит на девушку, угостившую его. Его наглый взгляд мне не нравился, поэтому сок я у него вырвала со словами:

— Хватит пить, своей девушке оставь. Лопнешь.

— Это ты лопнешь… — обиделся он, Я слишком резко выдернула сок, и теперь стол, лицо и даже светлая футболка Смерча оказались забрызганными оранжевыми каплями.

— Эй, ты что? — возмутился он. Я, не растерялась, быстро достала из рюкзака влажные салфетки и, вытянув вперед губы трубочкой и издевательски сощурившись, стала вытирать ему лицо, приговаривая:

— Забрызгали маленького!

Брюнет отобрал у меня платки, и пока он приводил себя в порядок, я с большим трудом (чтобы ему не оставлять), допила злосчастный апельсиновый сок.

— Видите, какой у меня парень заботливый, девчата? — придвинулась я поближе к Дэну и положила ему руку на шею. — Даже сок мне оставил. Мой ненаглядный мачо.

«Мачо» не понравилась такая формулировка, и вообще мои действия. Он попытался от меня отцепиться, но у него этого не вышло.

— Какие у вас отношения милые, — нерешительно произнесла угостившая Дэнва девушка.

— Еще бы! Мой пупсик вообще парень приятный. Да? Вы же его знаете? Это тот самый Смерчинский, Лаки Бой, Дэн и еще много кто, — Вещала я, больно потрепав Дениса по волосам. Потом, подумав, подула ему в ухо и положила голову на плечо.

— Машенька, перестань при людях себя так вести, — не переставая улыбаться, попросил Дэн.

В ответ я обняла его сразу двумя руками. Тогда он решил действовать моими же методами и, обняв меня в ответ одной рукой, вторую по-хозяйски положил на колено и заявил:

— Мое солнышко такое ласковое со мной. Правда, котеночек?

— Оглобли прочь, — пихнула я его локтем в живот. За это Дэн издевательски поцеловал меня в макушку и положил ладонь уже не на колено, а на бедро со словами:

— Рррр, какая ты сегодня игривая…

Пара недвусмысленных поглаживаний, и я, изволочившись, укусила его за предплечье.

— Черт ты паршивый, — прошипела я Дэну на ухо. Девушки изумленно наблюдали за нашими действиями. И не только они. Компанию юристов, да и только что пришедшие студенты, человек десять, не спускали с нас глаз.

— Нет, ты определенно сегодня очень игривая, — прищурился парень, как кот. — Просто сводишь меня с ума.

— Я просто вся горю… от страсти, — с перекошенной улыбкой ударила я его по ноге своей ногой.

— Действительно, страстная, — прошипел он уже не столь добрым тоном и усадил к себе на колени, применив силу.

— Ну ты подписал себе смертный приговор, Смерчинский, — тихо, но выразительно произнесла я.

И вы еще спрашиваете, почему нас потом называли странной парочкой?

Да потому что мы постоянно вели себя так! Неестественно для влюбленных. Шумно, бурно, с переменным выяснением отношений. Очень глупо, не романтично, смешно. Откуда мне было знать, что мой организм так реагирует на первые чувства, зарождающиеся в душе (или где там они смеют зарождаться?). Откуда Денису было знать, что таким поведением, он только подстегивает интерес орла к играющему с ним дикому смерчу?

Мы то целыми днями не виделись и даже проходили мимо друг друга в университете, просто кивнув или помахав. То вдруг постоянно торчали вместе, не отходя друг от друга ни на шаг. То непонятно над чем смеялись, как укуренные травой, то начинали серьезно о чем-то беседовать, то вдруг нас пробивало на объятия (это случалось редко, но на виду у всех — как по заказу неизвестных мне высших сил). И тогда всем казалось, что в наших объятиях ужасно много нежности. Посторонние же не знали, что мы с этим наглым чокнутым «брюнетом с приветом» становились хорошими друзьями, объединенными общей целью, и мы не стремились посвятить всех в наши коварные планы.

Да, все вокруг были уверены, что мы оба без ума друг от друга. И его друзья, и мои, и даже преподаватели. И все они считали, что в виду того, что и я, и он личности особые, свободные, творческие (не понимаю, с каких это пор я стала творческой), мы и выражаем наши чувства в соответствии с нашим мироощущением: нестандартно, то есть.

Нестандартно мы порезвились и в столовой. Закончилось наше веселье тем, что я с силой толкнула в грудь Смерча, пытавшегося меня поцеловать, он со смехом свалился на пол, но потянул меня за собой. Вообще-то лежать на нем было приятно, но я быстро вскочила под

изумленные взгляды наших соседей и соседок, а Дэнни затеял забавную игру — решил поймать меня за ноги и вновь утащить на пол к себе. Пришлось побегать от него вокруг круглого столика, перепрыгивая через стулья. Естественно, я опять упала — из-за ног девицы, угостившей Смерча соком.

— Вандалы! — взвизгнула буфетчица, до того спокойно читавшая книгу у прилавка. — Укурки университетские! Вы че делаете?!

— Тетя, мы играем! — выдал ей Дэн и почти поймал меня за лодыжку. Я отпихнула его и поползла к столику.

Когда в помещение столовой хлынула первая волна оголодавших студентов, их взору представилась дивная картина: на полу, почти что под столом, не в силах перестать ржать, развалился Дэн, а я с ногами восседаю прямо на столе и гневно высказываю ему все, что думаю о нем и его тупых играх. За прилавком, явно привлекая к себе внимание, стоит работница столовой и стучит по пустой кастрюле поварешкой.

Народ чуть-чуть удивился, а, может быть, и не чуть-чуть, и мигом достал сотовые телефоны, заразившись модной в наше время привычкой запечатлевать все происходящее на камеру.

Я и Сморчок тут же резко поднялись на ноги, перестали лыбиться, теперь уже я схватила его за руку и поволокла к выходу. Выяснять отношения мы продолжили только в парке около здания университета и проторчали там пару часов. Чтобы меня успокоить, синеглазый открыл свой ноутбук, и мы вдвоем залезли я почтовый ящик Ника, а также на все те сайты, где он бывал. Как партнер и говорил, ничего примечательного из его личной переписки я не узнала, чем и была сильно расстроена. По сотовому телефону Никита тоже не писал ничего особенно интересного. С Ольгой он переписывался очень часто, но до «котенка», «солнышка» и прочего не опускался. Пару раз назвал ее милой, а еще писал приятные комплименты, показав себя истинным джентльменом, которому были чужды приторность и сахарная сладость в отношениях.

— Какой же Ник у меня классный, — мечтательно сказала я Дэну. — Не то, что твоя Троллиха. Страшная, как твои глисты.

— У меня их нет.

— Есть! — Сообщила я ему. — У каждого человека есть глисты! Ты что, особенный?

— Да.

— Балда.

Парень только глаза мученически понял к небу.

— Ольга — эталон женственности, Бурундук.

Я с умным видом покивала. Тоже мне, знаток женщин.

— Да ты максимум, что можешь оценить, это здесь, там и тут, — я красноречиво указа ладонью на бедра, потом на талию и на область груди.

— Тут я оценил, — сообщил парень мне тут же с плотоядной улыбкой старого развратника.

mir-knigi.org

— А ты знаешь, что твоя Гоблинша ведет двойную жизнь? — с некоторым ехидством спросила я, как-то не задумавшись, что это сообщение может поразить Дэнва прямо в его дон-жуанское сердце.

— Что ты имеешь в виду под этими словами? — говоря это, брюнет, не спрашивая разрешения, улегся на лавку и уложил голову мне на колени. Я взглянула в его лицо и машинально потрепала по волосам, как любящая хозяйка своего породистого пса с шелковистой шерстью.

«Хороший мальчик, хороший мальчик!», — набросили тут же очередные надписи два дежурных головастика.

— Она у нас мадам раскрепощенная, — отозвалась я и поведала все, что сказал мне Димка о Князевой.

— И что? — равнодушно спросил Смерч после моего красноречивого рассказа. Кажется, для него это не было тайной. Жалко, а я так хотела видеть его выпученные от жесткого удивления глаза.

— Как что? — поразилась я. — Твоя принцесса оказалась не принцессой, а оторвой, а ты и ухом не ведешь!

— Малышка Ольга может делать все, что хочет. В пределах разумного, разумеется. Это ее жизнь, и я уважаю ее увлечения, — проговорил он.

— Да как так?! — возмутилась я. — Да если бы мой Ник оказался на самом деле не тем, кем его считаю я, я бы мигом его разлюбила… наверное.

— Тогда ты не любишь его вовсе, — возразил Дэн и резко встал, приблизился ко мне так, что расстояние между нашими носами было не больше десяти сантиметров, и ответил хрипловатым манящим полушепотом:

— Любишь человека за все, что в нем есть, а не за то, плохой он, хороший, или за то, что одевается стильно. Чип, ты совершенно ничего не понимаешь, — он дернул меня за нос и опять улегся на мои колени, явно перепутав их с подушкой.

— То есть, ты знаешь, что она может быть другой? Не скромной вежливой леди?

— Да. Я все знаю про Олю. Ведь я люблю ее.

— А откуда?

— Что за странные вопросы, Чип? Знаю и все. Откуда ты знаешь, что Клара любит зеленый цвет?

— Не зеленый, а красный его любимый цвет, — машинально поправила я парня.

— Вот видишь, знаешь же откуда, — отозвался он, одновременно что-то печатая в мобильнике. — Так и я… собирал о малышке сведения. По крупицам.

— Партнер, почему наша жизнь такое дерьмо? — он взлохматил прическу и, по своей идиотской привычке, прикусил собственное запястье. Сильно — на нем даже красные следы зубов остались. Нет, он точно, вампир. А я — маленькая беззащитная Мэри-Сью, то есть, конечно, прекрасная и умная принцесса из волшебного мира…

mir-knigi.org

— Можешь и меня покусать, — издевательски протянула я ему руку. — Она чистая.

Дэн осторожно взял меня за запястье, но не укусил — за это бы я ему точно в зубы дала, а поцеловал. Я вырвала руку и тут же обтерла ее о белую футболку Смерча.

— Ты чего, опух? Кто тебе разрешал?

— Твои глаза. Нет, серьезно, почему жизнь такая несправедливая штука?

— И это говорит богатый, здоровый, красивый парень, которому даже армия не светит. Ты пафосен, как моя пятка. Что с тобой сегодня? — я опустилась перед Дэном на колени, не боясь запачкать в траве колени, шутливо положила локти к нему на колени и сказала важно, как королева планеты:

— Хватит страдать по Князевой, она этого не стоит. Тебе опять нужна помощь Ванильной Феи.

— В прошлый раз она была Клубничной, — прекратил ныть парень.

— А, точно. Какая разница? Затыкай фонтан жалоб, посмотри на меня, — я состроила рожицу, — и придумай следующий гениальный план.

— Мой Бурундук — самый лучший Бурундук, — засмеялся вдруг он. Его настроение моментально изменилось. Нет, только что он не притворялся — я чувствовала это, и орел это чувствовал, просто Дэн обрадовался моим словам. Его радость выдавал не только задорный смех облегчения, но и богатая мимика, и жесты. Даже блеск солнечных лучей в синих глазах.

— А ты хотел бы быть со своей любимой? — спросила я вдруг, через пару минут. Просто так, чтобы скрыть некоторую неловкость. Ненавижу чувствовать себя неловко.

— Да, очень. Больше всего, — прошептал он серьезно, по-взрослому.

— Тогда закрой один глаз, — велела ему я.

— Зачем?

— Закрой же.

Он покорно прикрыл глаз и с милым детским любопытством посмотрел на меня.

— Значит, хотел бы быть с ней вместе? — повторила я вопрос, усаживаясь на скамейку напротив него и болтая ногами.

— Очень, поверь.

— Размечтался, одноглазый! — сардонически захохотала я. Как я люблю эту дурацкую шутку, прямо до икоты. Дэн разочарованно выдохнул, надулся, вытащил из рюкзака жвачку и, молча, протянул ее мне. Знаете, как мирятся детишки: вот тебе жвачка, самое дорогое, что у меня есть с собой, давай дружить до второго пришествия.

И мы еще целый час просидели на лавке вместе, спина к спине, болтая о всякой ерунде, а потом он довез меня на своем мотоцикле до дома.

В этот раз никто из родственничков не увидел Смерчинского.

mir-knigi.org

К четвергу Смерчинский совсем ожил и, перестав грустить о своей неведомой Лазурной, гонял по всему универу бодрым и радостным милашкой. Я тоже почти перестала злиться на него, стараясь занять свои мысли или учебой, или Ником. Его я встречала пару раз, и даже здоровалась с ним и с его другом в очках. Когда я видела Никиту, мое настроение уползало вслед за орлом в мышиную норку, прячась от света. Потому что мне казалось, что Ник едва помнит меня, не больше. А вот когда на глаза попадался Смерчинский — а это происходило очень часто — орел начинал нарезать вокруг его фигуры круги, садиться на плечо, или прицельно старался нагадить на голову.

В четверг же наш местный красавчик и умничка порадовал меня во время большой перемены своим усовершенствованным сумасбродством. Он, конечно, на нарика не похож, но какие-то психотропные точно принимает. Недаром я у него какие-то пузыречки как-то в рюкзаке видела.

Он вломился в аудиторию перед второй лентой и, размахивая какими-то бумажками, стал звать меня к себе.

Я, сидела рядом с Лидой и Маринкой и доказывала Чащину, что женщины куда более классные и умные существа по сравнению с жалкими мужчинами, увидела, как в дверях аудитории появился Дэн, облаченный в белую футболку с черно-бордовым аэрографическим рисунком. Он тут же стал мне махать, попутно улыбаясь моим одногруппницам, как звезда Болливуда. Чего всем лыбится, попугай?

— Чего тебе, Смерчинский? — крикнула я, не ожидавшая увидеть его сегодня. Встретиться мы договорились в субботу, чтобы вновь попытаться сломать свидание Троллю и моему Никите.

— Я юридический заверил наш договор, — отозвался он с ослепительной улыбкой, подходя ко мне и протягивая лист бумаги. Несколько десятков пар глаз уставились на нас с большим интересом.

— Что у вас за договор? — первым опомнился Димка. — Эй, Бурундукова, ты что, замуж выходишь, договорчик составили?

— Нас пригласите? — подхватил кто-то из его дружков.

— Вынужден забрать мою девушку, — тем временем Дэн передумал показывать мне бумаги, взял меня за руку и уволок в коридор под улюлюканье пары обезьян.

— Чего тебе, псих помешанный? — уставилась я на Дэнва, на манер веера обмахивающего то меня, то себя своими бумагами.

— Это наш договор, — скромно потупил взор он.

— И что? Не смей его показывать людям. Засмеют, — занервничала я.

— Я его юридически заверил, — развязано провел Дэн листком бумаги по моей щеке. — Ты обнимешь меня за это, моя Клубничная Фея?

— Чего ты сделал? — чуть не упав я, вырвала документы и убедилась, что они и впрямь юридически заверены каким-то недоделком, которому по ошибке выдали юридическую лицензию. — Что? Ты? Сделал?

— Заверил его юридически. Теперь мы несем ответственность за свои действия и слова.

О, какими же эпитетами я наградила этого недоумка с копной шоколадных волос. Какой же я злой была, и озадаченной вместе с тем!

— Почему я это сделал? — вещал между тем Смерчинский, прервав меня. — Чтобы уберечь наш план от провала. Ты нарушила едва ли не все условия нашего договора, Чип. Я хотел заверить наши партнерские отношения. Всего лишь

— Всего лишь? Ты, дебил, ты что сделал? Как такое возможно? Какой кретин станет заверять ЭТО?! — разоралась я на радость тихонечко выползшим из аудитории одногруппникам. — Это противозаконно и вообще нелегально! Эй, — вдруг всмотрелась я в документы, — а почему у тебя два экземпляра? Мой ведь дома хранится!

Улыбка у Смерча стала краше прежнего.

— Понимаешь, Марья, ты перепутала и взяла с собой простой образец, неподписанный…

— Я тебя сейчас повешу, — протянула я руки со скрюченными пальцами к шее Дениса. — Нет, задушу. Выброшу из окна…

— Тихо, — вдруг произнес Смерчинский. — Там Ольга и Клара.

Я обернулась и тут же узрела разговаривающую напротив нас парочку. Никита, как всегда, одетый со вкусом и изысканно внимательно слушал Ольгу, не сводя с нее глаз. А она, теребя его за ворот модного клубного пиджака, застенчиво вещала о чем-то.

Я тут же перестала ругаться и стала тихой, как церковная мышь во время проповеди.

— Мы пара, и мы без ума друг от друга, — почти не шевеля губами, проговорил партнер, пряча документы. — Иначе погорим.

Его слова меня отрезвили.

— Мой милый! — возопила я тоном душевнобольной, вышедшей на прогулку и положила Дэнву на грудь руку. И вовремя — в это время нас заметила Ольга. Так как сегодня я еще не видела ее, мне пришлось улыбнуться (ну и желчная же вышла улыбка!) и крикнуть ей: «Привет!». Дэн только чуть склонил голову в знак приветствия.

— Я тоже тебя обожаю, — громко, и внятно произнес Дэнв, обнимая меня. Сейчас орел с особым удовольствием нагадил бы на его противную голову.

— Ты мой котеночек, — точно таким же тоном отвечала я ему, стараясь посильнее ущипнуть за спину, делая вид, что крепко обнимаю его.

Наша парочка вновь завладела вниманием друг друга. Но изредка Оля почему-то глядела в нашу сторону.

«Че палишь, дура?», — хулигански, аэрозолями, написали на большом мысленном экране мои мысли, став мгновенно бордовыми.

— Тебя ожидают штрафные санкции. За то, что ты напоила меня, — шептал он. А Князева все продолжала смотреть на нас. Так как я стояла напротив, одногруппницу мне было видно хорошо. Иногда мне казалось, что она, словно бы нечаянно глядя в нашу сторону, начинает загадочно улыбаться.

mir-knigi.org

— Какие? — сквозь зубы спросила я.

— Я подумаю над этим, — пообещал Сморчок, не подавая виду, что ему больно от моих «нежных» объятий. — А документы заверял мой друг-юрист. И они имеют кое-какую силу, девочка моя. Надеюсь, больше глупостей совершать не будешь.

Наверное, он мне врал, но на какое-то время стало все равно. Приятно, когда тебя обнимает кто-то надежный, не так ли?

— Надеюсь, мы поженимся и ты станешь воспитывать троих наших детей, — отвечала я ему, не открывая глаз.

— Непременно, непременно. Я хочу четверых.

Подошедшая к нам староста, которая хотела сказать мне о том, что меня зовет преподаватель, даже дар речи потеряла.

Естественно, об этом она всем растрепала своим длинным языком…

Ненавижу сплетников.

И Смерчинского.

Следующий вечер тоже выдался славным, но нет, не погодой. Постоянное тепло и яркое летнее солнце уже стало привычным положением вещей в городе и в его окрестностях. Все дело было в событиях и в людях, которые меня окружали. Но надо отдать должное Смерчинскому, в этот вечер он был совершенно ни при чем, и обвинить его я не могла. Это меня даже огорчило — ведь так удобно иметь рядом с тобой хорошего козла отпущения, чтобы вечно перекладывать вину на его длинные рога. Сморчок — козел, надо не забыть…

После пятничных пар — последних в этом семестре, я и сестренки-подружки дружно решили отметить это событие и не придумали ничего лучшего, как потащиться в кино, а потом заглянули в кафе-бар. Кофе покупать ни одной из нас не захотелось, поэтому мы заказали сладкое и мартини. Я все порывалась заказать еще что-нибудь алкогольное, но Маринка была категорически против. Она заявила, что напиваться перед сессией — плохой знак. А вот ее окончание мы здорово отметим, если доживем до тех дней, конечно. Пришлось согласиться.

После этого бара мы, чуть-чуть повеселевшие, решили прогуляться еще, не в силах расстаться друг с другом, и какими-то немыслимыми путями оказались у того самого моста МВД, на котором я недавно торчала в компании с Дэном. Громко хохоча и придуриваясь, мы стали слоняться по набережной, своим полубезумным гоготом отпугивая не только местную фауну в виде голубей, бестолковых воробьев и детишек, которых выгуливало старшее поколение, но и ко всему привыкших лиц без определенного места жительства, в изобилии выпрашивающих милостыню на ступенях моста.

— Во дурные девки, — пренебрежительно сказал один из них, артистично изображая несчастного калеку.

Я услышала, обернулась, хотела что-то сказать в ответ, но только открыла рот, как сидящий рядом с ним небритый «коллега» в старой кожаной куртке улыбнулся мне щербатой и очень дружелюбной улыбкой и помахал. Это был Ильич собственной ароматной персоной. Я тут же поспешила подальше от Дэновского знакомого. Маринка и Лида, все так же хихикая, стали

mir-knigi.org

настойчиво интересоваться, что меня связывает с бомжем. А Ильич еще и крикнул мне в спину, подогрев их интерес:

— Парню-то своему привет передавай! Утек я в прошлый раз от урок бессовестных из буржуйского центру!

После этих слов, мне, которая теперь вроде бы как несла юридическую ответственность за слова и действия относительно наших со Смерчинским действий, пришлось отбиваться от назойливых подружек с еще большей силой. Им приспичило узнать, что произошло между Дэнни, мною и «бичом в куртке», и девчонки помчались за мной. Я, удачно обогнув пару магазинчиков и летнее кафе, едва не врезалась в невысокую женщину в знакомом платке, курящую около того самого автомата с игрушками, в котором Дэн выиграл тигренка (я с этим зверьком даже пробовала засыпать, знаете, как девочки-милашки в кино, которые в постель всегда ложатся с мягкой игрушкой; но в результате синеглазый тигр мне надоел, и я с кровати закинула его на стол, едва не опрокинув лампу; только потом и уснула)

— Опять ты, — сварливо сказала женщина. — Шумная подружка идеального и ветреного.

— Извините! — отскочила я в сторону, увидев давешнюю гадалку с черничными глазами-бусинками. Она стояла напротив меня, недовольная, с прищуренным взглядом и теребила в худых руках с пергаментной кожей свой мешочек с картами Таро.

Она к чему-то принюхалась, подумала мгновение и затушила свою сигарету, от едкого дыма которой у меня даже нос зачесался.

— Вновь я тебя встретила. Чего ты тут бегаешь?

— Машка! — добежали до нас слегка запыхавшиеся подружки на каблуках, которые в отличие от меня бегать не привыкли. — Что там у тебя с бичом??

Гадалка многозначительно посмотрела на меня и только головой покачала.

— Куда ты умчалась от своих мамочек? — укоризненно спросила Лида и заметила гадалку.

— А это кто? — спросила она меня удивленно.

— Гадалка, — отвечала я ей тут же радостно. — Один раз мы со Смерчем тут гуляли, и она…

— Ага! — ткнула в меня пальцем подруга. — А нам ты все втирала, что с Дэном вас ничего не связывает! Врунья!

Пока я что-то пыталась ей объяснить, Маринка заинтересовалась персоной женщины в платке с хохломской росписью

— Вы и, правда, гадать умеете? — спросила она своим обходительным голосочком.

— Научена такому, — кивнула худая женщина.

— А нам можете? — хором спросили мы с Мариной. Лида сказала что-то вроде: «О, Господи, вот же дуры». Но ее слова остались проигнорированными.

— Могу и вам, — она внимательно оглядела нас троих черничными глазками, задержавшись взглядом на мне. Словно дыру в моем лбе сверлила. Мне стало чуточку неуютно. Но погадать и я очень хотела — кажется, эта тетка все-таки что-то может. Смерчу-то в тот раз она что-то

сказала: про Лазурную, и про правила, и еще про что-то, мальчик аж в шоке был, хоть и твердил, что гадалки — туфта.

— Я на любовь очень хочу. А это дорого? — тут же поинтересовалась Марина

— Студентки?

— Студентки, — потупила взор темных глаз с пушистыми черными ресницами Марина.

— Тогда для вас специальная цена, — произнесла гадалка.

— Еще бы, — усмехнулась Лида, настроенная скептически ко всему, чтобы было связано с магией. — С нас много не вытрясешь.

— Заткнись, — велела ей любящая сестра. — Так что там с ценой?

Женщина назвала цену, сравнительно небольшую, но нас устроившую, и «сеанс» начался. Даже Лида зачем-то согласилась.

— Разложу только на любовь, девочки, — вытащила откуда-то табуретку и коробку, заменяющую столик, гадалка в платке. Нам сесть она вопреки логике бизнеса, подразумевающего вежливость к клиентам, не предложила. Видимо, ими костлявая женщина не дорожила. Зато мы обступили ее полукругом и уставились на карты, большие, прямоугольные, старые, с изображением на обратной стороне хищной птицы, раскинувшей крылья.

Орел внимательно изучал собрата на картах и стал кружить над ним, в надежде, что тот скажет ему ценную информацию или хотя бы элементарные слова приветствия — птицы же оба, как-никак. Увы, собрат молчал.

— Ты, — взглянула пронзительными глазами гадалка на Марину, в предвкушении уставившуюся на большие карты с непонятными надписями и символами. — Имя скажи?

— Марина.

— Хорошо, Марина, хорошо…

— Что хорошего? — встряла Лида и получила тычок в ребра с двух сторон.

Гадалка перемешала свои большие карты, что-то одновременно шепча, а потом ловко, как фокусник, разложила их в диковинном узоре.

— Марииина, — протянула она в задумчивости. — Пока ты одна-одинешенька. Но ждет тебя, Марина, любовь.

— И дальняя дорога, — прошептала Лида ехидненько, — ручку позолоти.

Кузина сердито посмотрела на нее.

— Любовь? Как интересно! И что там с любовью? — заговорила она с большим интересом. Пока что у нее, в отличие от Лиды, недавно познакомившейся с хорошим парнем, чье лицо было смазливым до большого неприличия, никого не было.

— Встретишь человека, предназначенного тебе свыше. Пока его не знаешь, — глухо заговорила

гадалка. — Через нее встретишь, — кинула почему-то на меня быстрый взгляд гадалка.

— Через нее?

— Через меня? — обалдела я. Братца моего она, что ли встретит? Так у того свадьба в июне, уже поздно, вакантное место моей невестки занятно. — Да ну на фиг!

Видимо, гадалке надоело, что я и Лида все время встреваем в разговор, она внимательно посмотрела сначала на нее, а потом на меня, и пока до нас не дошла очередь, мы с подругой ни разу не открыли рты, как будто бы она нас заколдовала! Честно слово — просто расхотелось что-либо вообще говорить, просто как отрезало это желание.

— Через свою подругу встретишь любимого. Сначала не подумаешь, что свяжешь с ним свою жизнь, Марина, — пальцы женщины скользили по сальной поверхности темных загадочных карт, едва касаясь их. — Тебе другой тип мужчин нравится. Чтобы были взрослые и ответственные. А этот не взрослый. В душе как ребенок. Не ответственный. Не возмужал еще. Но этот точно будет твой, не сомневайся.

— А как я его узнаю тогда, если сразу не пойму? — с некоторым волнением спросила Марина.

— Не бойся, узнаешь, — обнажила в улыбке белоснежные зубы гадалка. — Карты говорят, его имя будет начинаться на букву А. Алексей или Александр. Забавным будет твой парень. Творческий. — Она провела рукой по воздуху, как будто бы незнакомец и именем на букву А стоял перед ней. — Утонешь в нем. Глупостей только со временем не наделай. И ребенка ни в коем случае не называй, как захочет твоя мама. Имя плохое будет.

— Ребенка? — потрясенно вдохнула Марина. — Это когда у меня ребенок появится?!

— Сама догадаешься, когда, не маленькая, — ворчливо отозвалась гадалка. — Две полоски от одной отличить сможешь. Да не бледней ты так — не скоро. И еще — родители муженька и твои конфликтовать будут. Не бойся: если через это пройдешь, то будет тебе счастье. Тааак, с учебой у тебя все в порядке будет. В семье пока тоже. Летом путешествовать будешь. Здоровье пока хорошее. Да, у тебя только сердечные проблемы. Все, — резко смешала карты в одну кучу женщина. — Больше ничего не могу сказать.

Марина с косой улыбочкой отступила на шаг назад, явно не в силах переварить новую информацию.

— Ты, скажи имя. — Обратилась теперь гадалка к Лиде, улыбающейся, как волчица перед почти пойманной добычей. Она была уверена, что ее гадалка не сможет ничем шокировать, как Маринку.

— Лидия, — откинула со лба прядь черных волос девушка.

— Лииидия, — опять протянула протяжно гадалка, и ее руки вновь со скоростью начали раскладывать карты — только уже в другой узор.

— Лидия, а вы ведь сестры с Мариной?

— Ага, — кинула быстрый взгляд на кузину Лида.

— Не родные, но сестры, — вынесла уверенный вердикт гадалка. — Поэтому у вас и судьба похожа. Тебе в скорости тоже суждено встретить любовь.

— Неужели? — склонила голову на бок девушка. — И мне?

— Да. Что, не доверяешь моим словам? Мне, собственно, все равно, но очень скоро встретишь любовь. — Она на пару секунд замолчала, а потом выдала. — Фиолетовый. По этому цвету его узнаешь, девочка моя. Ох, ну и упрямая же ты. Да и он не сахар. Сойдетесь.

— Хорошо, что не голубой, — картинно вздохнула подруга.

Гадалка замолчала, подумала, пожевала губами и продолжила:

— Он изменит тебя, ты изменишь его. Будешь счастлива, хотя тебя ожидает много испытаний. Ты верная, сбежишь с ним. Далеко уедете, будут у вас неприятности. Недолго. Главное, выдержать. Он темноволос, и не в твоем вкусе. Родился под восходящим Сатурном. Но имени пока не вижу. Значит, не надо тебе имени знать.

— А замуж я за него выйду? — спросила вдруг Лида, явно недовольная таким предсказанием. Ее и нынешний парень устраивал. А с кем-то там убегать ей явно не желалось.

— Выйдешь. Не скоро, — пообещала с уверенностью худая женщина.

— У меня сейчас молодой человек. Я что, расстанусь с ним? — сердито переспросила девушка.

— Ну да. Получается так. У тебя соперница есть. Шикарная блондинка.

— Не верю, — спокойно отреагировала Лида. Дальше продолжать эту тему она не стала. — А что у меня с учебой?

— Все легко и хорошо. У вас троих это удачный год в этом плане.

— Хоть что-то положительное. А что, и у меня дети будут?

— Когда-нибудь да будут, — не спешила с ответом гадалка. — Ах, да, не увлекайся, Лидия тем, что тебе настойчиво предлагать будут. Зависимая ты сильно.

— Че-го? — по слогам выговорила еще больше обозлившаяся подружка. — Что предлагать будут?

— Да не бойся, — неожиданно тепло улыбнулась ей гадалка. — Тебя жизнь немного поучит и все успокоится. К тебе летом деньги хорошие придут, жди.

— Дааа? — Скепсису Лидии не было предела. — Что еще?

— Не вижу про тебя более, — вновь сгребла карты женщина и плотнее закуталась в свой расписной платок, как будто бы на дворе стояла тоскливая осень, а не теплая весна. — Теперь за тебя, шумная, примусь.

— Давайте! — загорелись у меня глаза. Девчонкам она столько всего интересного наговорила, теперь и моя очередь.

— А вы ведь не просто так начали общаться между собой, — вдруг выдала женщина. — Им двоим через тебя суждено найти судьбу, поэтому вы, разные девочки, и встретились. Если не ошибаюсь, — она мельком скользнула по картам затуманенным взглядом и добавила, — три года назад.

— Мы поступи в один универ и попали в одну группу, — тут же с детским восторгом подтвердила я.

— Ни одна из вас не думала, что будет учиться именно там, где учитесь, — еще более уверенным голосом произнесла гадалка. — Это все судьба, говорю же. Ладно, имя твое — Мария?

— Да, — с замиранием сердца прошептала я. От взгляда женщины начинала кружиться голова, и хотелось внимать каждому ее слову.

— Сейчас, и тебе расскажу, шумная да любопытная.

— Ну, я тоже любовь встречу? — жизнерадостно спросила я, с любопытством глядя, как карты теперь в ложатся в полукруглый узор и для меня.

— Нет, — огорошила меня высказыванием гадалка.

Я чуть не подпрыгнула от возмущения.

— Как это нет?! Почему нет? Им — да, а мне — нет??

— Успокойся, — поморщилась гадалка. — Ты уже встретила своего единственного.

А, да, точно, мой Никиточка, его я уже встретила. Ого, неужели мы будем вместе? Прикольно! Орел уселся на плечо гадалки и с любопытством уставился в карты.

— Только ты, девочка, ничего совсем не понимаешь. Запуталась, потому что глупая, — продолжала гадалка. — Но тебя будут вести вперед, к этому человеку. И его будут вести к тебе.

— Его зовут Никитой, да? — с надеждой спросила я, и уселась на корточки перед гадалкой, чуть не стряхнув пару карт на землю.

— Оставь ты в покое своего Никиту. Он не для тебя. С тобой он не будет.

Орла самым наглым образом согнали с плеча, еще и обидное «кыш» проорали.

— Не для меня? А для кого? Для Тролля? — скривилась я, как от зубной боли.

— Не упоминай троллей около мостов, — глянула вдруг в сторону реки и моста гадалка, которую мне вдруг захотелось назвать ведьмой. — Не знаю, для кого твой Никита предназначен. Держись от него подальше, Мария.

— Вот как. Черт!

— Не упоминай черта, — строго сказала гадалка.

— Блин, вы им сказали, как им свою любовь найти, а мне где?

— И убери слова-сорняки из речи, — голосом учительницы по русскому велела гадалка. — С твоим связана буква Д. Хороший человек, — женщина зачем-то вытащила из колоды дополнительные карты. — Чистый, светлый, надежный. Полюбит — на всю жизнь. Ясно вижу тебя, обнимающую его за обнаженные плечи. Крепко.

— Спасибо, конечно, а поподробнее? — не хотелось мне обнимать за обнаженные плечи

никого, кроме Ника.

— Поподробнее нельзя. Сама догадаться должна. Говорю же, подталкивают вас друг ко другу. А еще, карты говорят, что вокруг тебя много обмана и недоговорок. Прямо клещами в тебя вцепляются.

Я удивленно подняла брови.

— Но ничего, тот, кто обманывает, все тебе расскажет, — успокаивающим тоном произнесла женщина. — Как я и говорила, с учебой все хорошо. Не блистаешь ты, конечно, но все нормально будет. Свадьбу вижу какую-то. Погуляешь на ней. Лето хорошее тебе будет, но будешь много думать и скучать. Да… Остерегайся обманов. И неискренних людей, — внимательно всматриваясь в карты, произнесла гадалка. А потом тебе предстоит сделать выбор. Если правильный — быть тебе счастливой. Не правильный — упустишь

Я изогнула шею, чуть не ударившись лбом о приподнятые в странном жесте руки женщины со странными черничными глазами, и увидела на карте изображенного красивого юношу, стоявшего на развилке между двумя барышнями: слева роскошная блондинка в голубом платье, справа: молоденькая милая девушка в одеянии цвета морской волны. Над всей компанией завис на фоне схематичного солнца купидон.

— Искушений не бойся, ищи. Ищущий, знаешь ли, найдет и успокоится.

— Я после таких слов точно не успокоюсь, — отвечала я.

— Ну, что могла сказать, то сказала, — отмахнулась от меня, как от мухи, гадалка. Но у меня к этой загадочной особе было множество вопросов.

— А, помните, в прошлый раз я была с парнем, и вы ему кое-что сказали? — спросила я. — Про Лазурную, правила, еще какую-то муть… то есть информацию.

— На память не жалуюсь.

— А вы не можете мне рассказать, в чем дело-то? Что с ним? Что вы имели в виду?

— Не могу, — отрезала женщина с картами. — Если он сам захочет — он тебе и расскажет. Не лезь пока в его жизнь.

— Но, вдруг мне судьбой предназначено его плечи обнимать обнаженные, — уставилась я на гадалку, — у него ведь имя как раз на букву Д. Вы мне сейчас не скажите, а я потом ни с чем не останусь. И будете виноваты в моей не сложившейся судьбе.

— Еще и наглая, — пробормотала женщина, бережно укладывая карты в мешочек. — Не могу сказать все равно. Только одно: в его жизни было две потери, третьей постарайся не быть. Выбери правильно, Мария. Аревуар, девочки. Некогда мне.

И все, больше ни слова она не проронила, резко встала, взмахнув подолом широкой юбки, подхватила свои, более чем скромные, пожитки и молниеносно покинула нас, ошарашенных такой информацией.

Я, Лида и Марина дошагали до ближайшей лавочки, на которой восседало двое влюбленных голубков лет четырнадцати, и нагло уселись рядом, изрядно потеснив их. Мальчик и девочка, трогательно держась за руки, предпочли свалить, уступив лавочку нам.

А мы тут же начали делиться впечатлениями. Как же много их у нас оказалось, подкрепленных крепкими словечками! Выяснилось, голова кружилась не только у меня одной — у кузин тоже. Да и перебивать гадалку они тоже почему-то не хотели.

— Она явно владеет какой-то силой! — заявила Маринка.

— Она просто имеет навыки уличного гипнотизера, и пыталась нас одурачить, чтобы ограбить, — заявила Лида, проверяя деньги.

— Она с приветом, короче, — отозвалась я, все еще не желая верить в то, что Никита якобы со мной никогда не будет! Вот же сказала эта карга дурость какую-то, зла не хватает. А ей еще и бабла отвалили за «предсказания»!

Мы долго трещали, и высказывая недовольство по поводу женщины с Таро, обвиняя друг друга в том, что решили погадать у уличной гадалки, а потом, постепенно приходя в себя, вновь стали хихикать.

— Итак, что мы имеем? — подвела, не переставая улыбаться, итоги нашей «творческой» встречи с гадалкой, Лида. — Марина у нас скоро забеременеет непонятно от кого. Меня бросят, и я встречу кретина со сложным характером, с которым сбегу, чтобы натерпеться с ним проблем. А Машку все вокруг обманывают, зато своего любимого Дэнни она уже нашла. Но ей еще нужно сделать какой-то выбор.

— Одни только обнаженные плечи с ней рядом понятны и ясны, — хихикнула Маринка, почему-то изредка теперь прикладывая ладонь к животу, словно проверяя, нет ли там еще будущего ребеночка.

— И не находила я никакой любви! — запальчиво воскликнула я. — Задрали со своими плечами.

— А что, красивые сильные мужские плечи, руки и спина, что может быть сексу… — начала, было, томным голосом, Марина, но я перебила ее, гневно воскликнув:

— Понятно, почему ты от кого-то там забеременеешь! Все мысли только об одном!

Марина погрустнела.

— Я не хочу никаких детей! Бред какой. Я вообще сначала карьеру буду делать, а дети — потом. Но, — вдруг ее глаза расширились от страха. — Девочки, а ведь моя мама мне постоянно твердит, так, на будущее, что если у меня родится дочка, то ее непременно надо в честь прабабушки Ириной назвать, а если мальчик, в честь прадедушки, героя войны, Василием.

Я, как натура более впечатлительная, разинула пасть от удивления, а вот Лида только пожала плечами.

— У многих родители сами детей назвать хотят, не только тетя Таня. Эта гадалка — точно шарлатанка, я вам говорю…

— Да! Ты права! Почему это мне Ник судьбой не предназначен? А? — встряла я тут же. — Я тут ради него…

Пришлось замолчать. Договор есть договор. В глазах кузин совсем уж умалишенной тоже не

хочу выглядеть — а они именно так будут думать обо мне, если узнают, что я и Дэн задумали.

— Что ты тупишь, доченька? — покровительственно приобняла меня Лида. — Какой Никита? Тебе же ясно сказали: твоя любовь имеет имя на букву Д, и ты ее уже нашла, то есть вы уже встретились.

— Смерчинского зовут Денисом, и ежу понятно, что это он. И он твой парень! — подхватила ее сестра. — А мне то что делать? Мамочкам надо прекратить общаться с доченькой, чтобы не познакомиться со всякими там… кретинами…

Да, Лида и Марина сразу же подумали, что «чистый и светлый» и на букву Д — это Сморчок, и никто другой. Они мне все мозги промыли перспективами, которые открывает мне мое будущее, раз уж я стала его официальной девушкой.

Чуть позже, они шутки ради рассказали о нашем походе к гадалке одногруппницам, те поведали об этом кому-то еще и еще… В общем, механизм пересудов закрутился, и вскоре одной из университетских сплетен стало то, что я и Смерчинский едва ли не родственные души, предназначенные друг другу свыше — это ведь сказала какая-то известная гадалка, к которой мы якобы ездили вдвоем, потому что хотели узнать о том, какое будущее нас ожидает. Как же тогда я рассердилась на Лиду и Марину, долго и с упоением орала на них прямо в стенах родного университета, который стал напоминать мне генератор сплетен всех сортов, и была остановлена Смерчем, пребывающем в хорошем настроении. Он, уже по привычке играя роль моего парня, обнял меня сзади, положил голову на плечо и отвалил в сторону только тогда, когда я пятерней треснула его по лбу. Вот он-то и сказал, что нам не стоит обращать внимание на все то, что говорят люди вокруг. «Будь равнодушнее, ведь я с тобой, а, значит, остальное нам не важно», — сказал он мне, чтобы успокоить мою разбушевавшуюся натуру. Этими словами он окончательно покорил сердца подружек и подслушивающих девчонок из нашей и параллельной групп.

А вечером в пятницу мы, три дурочки, решившие погадать, до самого вечера проболтались по набережной, вволю поржали и чуть не познакомились с симпатичными ребятами. Почему чуть? Потому что нам не повезло: ребята были симпатичными неформалами с челочками набок, но в тот важный момент, когда мы уже готовы были перейти от хихиканий к называнию своих имен, на площади появились бритоголовые ребята в берцах и с брутальными лицами. Они явно кого-то искали, и неформалов как ветром сдуло — искали, наверное, их. Не жизнь, а сплошное разочарование.

Мы повздыхали, а затем, уже на последних автобусах, в сумерках, разъехались по домам, чтобы встретится только в понедельник, на зачетах.

На следующий день, в субботу, вместо того, чтобы готовится к двум зачетам, я поплелась на внеочередную встречу со Смерчем. Выполнять Миссию по избавлению Князя от Никиты.

— Ты куда, голубушка? — спросила мама, видя, как я собираюсь. — Не ты ли мне клятвенно обещала, что будешь к зачетам готовиться все выходные?

— Мам, я в библиотеку, — бодро соврала я ей. — Там книга нужная по архитектуре есть…

— Что ж, иди. И не задерживайся, — нечего было возразить ей. А вот Федька (чтоб он неладен был, этот Федька!) на весь дом заорал:

— Мама, она врет! Наверное, к своему мотоциклисту на свидание полетела! Видала, она губы блеском мазала!

— И что? — вызверилась я. — И что?!

— Прихорашиваешься, — вынес вердикт братец. — Перед мотоциклистом. Папа то его видел, а мы нет. Покажи нам своего мальчика, не прячь. Не обидим твоего малыша!

И снова Федька захохотал, противно и издевательски, так, как умеют это делать только братья.

— Это ты прихорашиваешься, — прорычала я ему, напугав маму. — А у меня просто губы сохнут! Я их обветрила! Вот же тупой дурак у меня родственник.

— Как ты можешь так говорить со старшим братом! — тут же решила в который раз успокоить меня мама. — Маша, если я еще раз услышу такие слова…

— Он меня все время провоцирует. У него мозг на голову сдвинутый, — пожаловалась ей я, крепко затягивая шнурки на летних кедах, доходящих мне едва ли не до середины колена. Эти черно-серо-белые кеды с полосками и узорами я купила сегодня утром — мама расщедрилась, наконец, поняв, что я не сдамся и не стану носить ужасные неудобные босоножки.

— Эй, как мозг может быть сдвинут на голову? — весело осведомился Федор.

— Спроси это у своего мозга. Он тебе скажет, как это может быть. — Отозвалась я и, вылетев за дверь, и громко ею хлопнув, понеслась по лестнице, потому что опять сильно опаздывала. Смерчинский рехнется меня ждать.

Орел полетел навстречу знакомому и приятному вихрю, совершенно перестав бояться его.

Интересно, если Смерчинского раздеть, мне захочется его обнять за… как там говорила гадалка «за обнаженные плечи»?

— Даже в мыслях меня достал, зараза! Нужен ты мне больно, тупарь, — прошипела я сама себе, выбежав из подъезда и напугав двух девушек, неспешно идущих по дороге. Не знаю, что они обо мне подумали.

Впрочем, добравшись до Центрального парка, где должна была состояться встреча с моим горе-партнером, злиться я перестала и пришла в хорошее настроение. Сердце мое словно что-то предвкушая, стучало ритмично, лишь изредка позволяя себе замереть.

— Чип, ты пунктуальна, как никогда, — встретил меня около второго, малопопулярного в народе, входа в парке Смерч. — Малышка Ольга и Клара появятся с минуты на минуту, а тебя еще нет

— Я уже есть, — возразила я и очень внимательно оглядела его плечи. Плечи как плечи: крепкие, в меру широкие, если так подумать, даже надежные. Обнимать их пока не хочется. Снимать с него темно-синюю слегка приталенную футболку, чтобы увидеть плечи обнаженными, пока что-то не хотелось.

— Ты чего на меня так смотришь подозрительно, мой Бурундук? — спросил Дэн, поймав мой взгляд.

— Да так. Оцениваю, хочу ли я или не хочу…

— Меня? — с непередаваемым восторгом перебил меня Денис.

— Озабоченный мальчишка, — по-взрослому высокомерно отозвалась я, а мой взгляд

переместился на его черные джинсы.

— Куда ты пялишься? — вновь необыкновенно заинтересовался идиот. — Что с тобой? Может, мне раздеться? Разглядишь все подробности.

— Что надо, я уже разглядела, — хмурясь, заявила я. — Заткни свой речевой фонтан, дружочек. Давай, признавайся, что у тебя за новый план?

Объяснять по телефону или по Интернету он не захотел. Заявил мне по «аське», что у него на примете целых два способа «пароразлучения», а какой из них выгорит, он сам еще не в курсе.

— Признаюсь. Пошли в парк, и там все узнаешь. Кстати, — он вытащил зазвонивший телефон и прочел сообщение, — наши ребятки только что ступили на территорию парка. Черри и его ребятки видели.

— Боже, Черри и его ребяткам не надоело бегать за тобой и выполнять указы? — спросила я, направляюсь к кассе вслед за Дэнвом. Он расплатился за вход, как ни в чем не бывало взял меня за руку и поволок за собой, что-то печатая Черри. Девушка, идущая впереди нас вместе с высоченным парнем, завистливого оглядывалась то на меня, то на Смерча — в этот момент взгляд из завистливого становился мечтательным.

Ну, смотри, смотри. Тебе остается только смотреть, потому что этот симпатичный брюнет с обаятельной улыбкой идет со мной, а не с тобой. И это меня он держит за руку. И это мы теперь в родном универе всем и каждому известны как парочка.

Почему-то именно в этот один из последних майских дней, продолжающих радовать жителей необыкновенно теплой погодой, под сенью старых и невероятно высоких деревьев, сквозь зеленую крону которых с трудом, но не без радости пробивался вниз игривый солнечный свет, я вдруг поняла, что мне нравится это чувство. Чувство собственности. Он — мой. Пусть временно, но Дэн все равно мной, не так ли? И, черт возьми, я не хочу делиться им ни с кем! Так же я не хотела делиться ни с кем любимым плюшевым медвежонком, которого подарил мне дедушка в далеком детстве.

Я чуть сильнее сжала ладонь парня, и он, повернувшись ко мне, улыбнулся. Я не знаю, что он чувствовал в тот момент, но мне какое-то время казалось, что тоже самое, что и я.

Когда мне нахально подмигнул образец живущих и поныне доисторических обезьян, обряженный в заношенный костюм всенародной любимой фирмы «обибас», Смерч как-то не слишком любезно на него посмотрел, сжав мою ладонь так, что я едва не треснула ему в ответ свободной рукой по лбу. Однако я вовремя спохватилась и гордо отвернулась от кавалера в спортивном костюме.

Пару минут мы шли молча. Дэн глядел, то под ноги, то в небо. Я украдкой косилась на него и пару раз сама себе улыбнулась. Захотелось взять Смерчинского под руку — и гулять как вон та парочка молодых людей, ничего не замечающих вокруг себя. Ну, ничего, если бы мы шли под руку, то это было бы смешно, и первым, кто согнулся бы пополам от смеха — была бы я сама.

Позже Марина и Лида часто спрашивали меня, почему мы не ходим со Смерчем под руку и вообще, не слишком часто прилюдно обнимаемся и целуемся. Пришлось врать, что Смерчинский — малый, которого очень легко смутить. И целоваться, мол, он предпочитает только тогда, когда вокруг нет знакомых харь. В идеале если харь вокруг нет вообще, и знакомых, и незнакомых. Они его, Дениску, смущают, а он не терпит вмешательства в личную жизнь. Скептически настроенные сестрички не поверили и поинтересовались, хихикая:

— Какой стесняшка! А ночи совместные вы проводить будете в бункере, чтобы никто ни о чем не догадывался?

Да, в бункер нашего любвеобильного и общительного парнишку загонит только угроза конца света или просьба Князихи.

Думать о сопернице, которая сейчас прогуливается с моим Ником по парку, думать не хотелось. И я вновь настроилась на лирический лад — это получилось у меня на удивление быстро. Наверное, сказывалось присутствие Дэна.

Глядя на него, я вздохнула. Если гадалка права, и я буду с кем-то на букву «Д», то я совсем не прочь, чтобы это был засранец Смерчинский, который умудрялся, держа меня за руку, передавать через касание свое умиротворение, смешанное с заглушенным чувством охотничьего адреналина.

«*Абзац, ребята*!», — попробовали вякнуть мои мысли-головастики, вырядившись в точные копии синей футболки Дэна, но орел, плавающий в уютном потоке воздуха легко прогнал их.

Как все же спокойно и романтично: парк, полный людей всех возрастов, пребывающих в хорошем настроении, уютные асфальтированные дорожки, вдоль которых тянутся цветочные насаждения, теплый вечер, высокие деревья. Где-то вдалеке слышатся крики и визг тех, кто захотел прокатиться на новых быстрых аттракционах — а здесь их было очень много. С этими звуками причудливо смешивались детские счастливые вопли, шорох деревьев, которые легонько покачивались из-за слабого ветра, смех молодежи, радующейся выходному дню. Где-то совсем недалеко журчит фонтан, а дальше, ближе к главному входу, слышатся голоса поющих караоке. Там же располагаются многочисленные летние кафе, работающие до глубокой ночи. Оттуда до нас доносился едва уловимый аромат жареного мяса — кто-то жарил шашлык.

— Приземляемся, — первым нарушил идиллию молчания Смерчинский, плюхаясь на деревянную лавочку, которую чудесным образом освободили две пожилые женщины, едва только мы поравнялись с ними. Ну, вот и крохотное везенье Сморчка в действии — у меня с этими лавкам постоянная проблема. Вечно заняты.

— Рассказывай, что ты там приготовил. Я вся горю от нетерпения.

Это было неправдой. От нетерпения я горела всю дорогу, а когда мы встретились, стала умиротворенной, как сытая кошка.

— Рассказывай, Сморчок! — больно ткнула я его в ребра.

— Тише, Бурундук! Я не буду тебе рассказывать, я лучше тебе покажу, — улыбнулся мне парень и в знаке приветствия поднял руку, на запястье которой сегодня болталась пара браслетов: один металлический, с изображением грифона, второй — простой, с темно-красными камнями, похожий на четки.

— Мама из Индии привезла, на удачу, — поймав мой взгляд, пояснил Дэн.

— Маменькин сыночек, — усмехнулась я.

В это время в ответ Смерчинскому залихватски свистнули, и мне пришлось замолчать.

— Это еще кто? Новый гвоздь твоей программы? — спросила я тут же, разглядывая

приближающееся к нам существо. Оно было мелким и тощим, облаченным в яркий красный спортивный костюм с белыми полосками по бокам, а еще очень вертлявым. Половину лица существа закрывал огромный козырек синей кепки. Руки оно предпочитало держать в карманах.

— Можно сказать и так. Знакомая моего знакомого. Мы виделись пару раз, — с улыбкой глядел на «гвоздь программы» Денис. — Чип, она нам поможет. Не сомневайся. Она — профи.

— Она? Профи? Профи чего? Транссексаульного поведения? Что, так и тянет тебя на таких, как Элис, или как там ее? — мои губы растянулись в улыбочке. Что же там Дэн приготовил? Нападение представителя сексуальных меньшинств не на моего Ника, а уже на собственного Гоблина?!

— Ты все поймешь, — шепнул мне с загадочным видом партнер, вставая, чтобы приветствовать знакомую.

Да, я не сразу поняла, что существо это женского пола. Только когда оно приблизилось к нам и похлопало Смерча по предплечью (выше не дотягивалось), а затем стянуло с головы кепарь, до меня дошло, что оно действительно женского пола. Оно оказалось девушкой, нет, скорее даже подростком, не перешагнувшим счастливого порога совершеннолетия.

Все черты ее остренького личика с выпирающими скулами казались мелкими, а от того почему-то привлекательными. И только глаза гостьи Дэна казались чрезмерно большими и цвет имели ярко-зеленый. А еще у этой неряшки в костюме были шикарные темные, почти черные, волосы, которые в живописном порядке рассыпались по узким плечам, как только кепка оказалась стянутой с головы.

— Привет! — тонким, писклявым, очень подходящим фигуре голосом заявила девчонка, блестящими, нахальными глазами разглядывая меня. — Давно ждете?

— Не очень, — улыбнулся ей, как младшей сестренке Денис. — Хорошо, что ты пришла. Я надеялся на твою помощь.

— Ну, я ведь обещала, — важно отозвалась она, все еще продолжая разглядывать меня. Нет, ну и глазища у нее! Цепкие, хваткие, хитрые и невероятно зеленые!

— Я тебя подвести не могла, — продолжала девчонка, переключив внимание на Дениса. — Ты же знаешь, Дэньчик.

— Дэньчик? — заинтересовалась я необычной вариацией имени Смерчинского. — А тебе подходит — Дэньчик! Хахаха!

— Я его еще Смерчиком называла, — хвастливо отозвалась обладательница красного костюма. — Смерчик, это вообще кто еще такая? — обратилась она к парню, словно меня тут и не стояло.

— Это мой очень хороший друг. Знакомьтесь, леди. Это — Мария, — серьезно представил нас друг другу Дэнни. — А это — Аня.

— Ааа, ты — друг? — колючий взгляд девочки стал намного теплее — Друзья Дэнчика — мои друзья!

И она в порыве неожиданных чувств обняла меня, как давно потерянную сестренку.

— Эй, эй, без объятий и слюней! Я тебя вообще не знаю! — попыталась я оттолкнуть от себя девицу. Впрочем, она и сама быстро отлипла от меня. Уселась между мной и Дэном, прямо с ногами, как последняя деревенская невежа и спросила:

— Смерчик, у тебя есть что-нибудь вкусненькое?

— Я куплю тебе все, что ты захочешь, после заказа, — отозвался он. — Аня, ты ведь сделаешь наш заказ?

— Заказ? — громко фыркнула я, глядя на пигалицу. — Какой она заказ сделает? Эй, Сморчок, давай, колись, что ты на этот раз задумал? Она что, дочерью Ника представится малолетней?

— Могу и дочерью, — захихикала она вдруг, шаркая по асфальтовой дорожке старенькими, некогда белыми кроссовками.

— Мы воспользуемся Аниными услугами. Что неясного, Бурундук? — спросил меня Дэн. Явно издевается!

— Бурундук? — взвизгнула Аня и захохотала, как припадочная. — Крутое у тебя погоняло!! Анька в восторге!

— Наша Маша не любит, когда ее называют Бурундуком. Она разрешает ее называть так только мне, — услужливо пояснил знакомой Денис. — Поэтому смело можешь звать ее Чип. Ну, а мне приходится быть ее Дейлом!

— Чип и Дэйл? У вас что, команда? — округлились и без того огромные глаза девчонки, и она зашлась новым приступом смеха — А я Аладдин! Анька Аладдин! Приятненько познакомится!

— Эй, Смерчинский, а ну живо объясняй, в чем дело, — потребовала я, все сильнее и сильнее раздражаясь. — А то сейчас твоя Анька от смеха лопнет.

— Сейчас ты все поймешь, минутку внимания, — кивнул головой Дэн и перевел взгляд на девчонку. — Анют, ты сделала…?

— Конечно, — пренебрежительным жестом пнула камешек та. — Раз плюнуть. Ворррона… — непонятно к чему добавила Анька и с усмешкой поглядела на меня.

— Что? — ворчливо спросила я, понимая, что у этих двоих есть что-то вроде общей тайны. — Чего пялитесь??

— Чип, у тебя с собой деньги были? — очень вкрадчиво спросил Сморчок.

— Ну, были. А что? — не спускала я подозрительных взглядов с этих двоих припадочных, которые одинаково широко улыбались.

— А сейчас они есть? — все тем же тоном профессионального психиатра, которого пустили в палату для особ буйных, спросил Дэнв.

— Куда денутся? — я мрачно глянула ни невзрачную девицу и машинально полезла в карман, где кроме денег, выданных мне мамой сегодня утром на карманные расходы, покоились еще и мобильный телефон со студенческим.

«*Пропали!! Караул!! Украли!!*» — вылезла целая сотня мыслей, тряся кучей кривых плакатов.

mir-knigi.org

— Вашу мать, — выдохнула я растеряно и принялась лихорадочно шарить по карманам джинсов, затем залезла в карманы рубашки, даже оглядела растерянным взглядом землю и дорогу — вдруг все мое богатств выпало?? Но нет, телефона, денег и студика нигде, абсолютно нигде не было! А также не было и телефона, и студенческого.

— Смерчинский! Ваши шуточки? — злобно шипя, уставилась я на смеющегося Дэна и неожиданно для самой себя схватила его за нос. Как он закричал!

— Ты что? — обиженно выпалил он, вскакивая и держась руками за нос. — С ума сошла?

— Сошла. Живо отдай мне все мои вещи, хлюпик! — командным голосом приказала я Сморчку и, толкнув в грудь, усадила обратно. Грозно нависла над ним, близко-близко, едва не касаясь носом его лба, и даже схватила одной рукой за горло — естественно, слабо.

— Эй, ты, быстро мобилу отдал и деньги! — я похлопала слегка озадаченного Смерча по щеке. Ха, не будет в следующий раз дурачить меня!

— Алло, малыш! Мобилу и деньги. И студик. Гони! — я даже зубами клацнула перед Сморчковыми глазами.

Он не испугался, только осторожно коснулся теплыми губами моего подбородка, что меня несколько смутило.

— Мобилу! — повторила я еще раз так же твердо. Пусть такие приемчики на всяких Князевых действуют! Я — железная леди.

На нас засмотрелись проходящие мимо парни, судя по прикиду, наличию семечек и легкой небритости, явно проживающие где-то в моем районе, а, может даже и в печально известном районе Южной Пристани, где гопников и шпаны, как собак нерезаных.

— Молодец, малая, отрабатывает при всех у лоха. Не стремается! — сказал один из них уважительно и метко плюнул прямо в урну.

— Эээ! Тебе помочь? — искренне окрикнул меня его друг.

— Нет, спасибо! — отозвалась я. — Сама справлюсь, парни!

— А тебе это очень идет, — прошептал тем временем Дэнни, глядя на меня снизу вверх. — Быть главной и командовать. Будешь моей хозяйкой, прелестница?

— Студик гони, черт! — проорала я.

— Лучше паспорт бери, а не студик, — посоветовал первый гопник тут же, — барыгам они нужнее. Или сама потом за него бабла получишь, малая.

Второй парень только важно кивнул, подтверждая слова друга, аккуратно высыпал из ладони в урну шелуху от семечек и вразвалочку пошел дальше.

— Культурные какие пацаны, — вновь хихикнула смешливая Анька. — Эй, ты, Бурундучка, отпусти Дэночку. На!

И она вдруг протянул мне ладонь с зажатыми пальцами. Удивительно: сама мелкая, руки и ноги коротки, а вот ладони и пальцы длинны и очень изящны.

— Что? — буркнула я, отпуская, наконец, партнера. Он вдруг засмеялся и откинул пряди волос с лица назад. Взгляд у него был слегка одуревший. Пока Смерчинский тупил, его знакомая в глупом спортивном костюме раскрыла ладонь, и я увидела поблескивающую в лучах света собственную золотую цепочку с кулоном в виде моего знака зодиака — Стрельца. Цепочку и кулон я носила постоянно — как подарок дедушки на шестнадцатилетие.

— Это же мое! — вырвала я тут же цепь из руки Аньки.

— Твое, — согласно склонила она голову, и тяжелая темная прядь закрыла ей пол-лица.

— Ммм, — со знанием дела произнес Дэн, — она и цепочку угнала? Анют, ты просто восхитительна.

— Да, Денчик, я такая. И вот еще твое, Бурундучка, — протянула мне другую руку самодовольная девчонка, и я тут же завладела телефоном, студенческим и деньгами, которые она у меня бессовестно вытащила, пока обнимала. Пока я пересчитывала купюры и прятала драгоценный телефон, подозрительно косясь на «гвоздь программы» этого вечера, Смерч, развалившись на скамье, просвещал меня в суть своего нового почти что гениального плана по разлучению Клары…пардон, Никиты и Тролля.

— Аня — профессионал своего дела. Ты видела, какая она ловка, не так ли, Чип? Она поможет Нику избавиться от лишних денег, — он хмыкнул. — И от не лишних тоже.

— И зачем же?

— Он обязательно позовет Ольгу в кафе, — пожал плечами Денис. — Она сделает заказ, а ему нечем будет расплатиться. Его гордость разрушится, как карточный домик от ветра. Какой позор для него — привести с собой девушку, и не суметь расплатиться с ней. Мы добьемся двух целей. Во-первых, малышке Ольге будет неприятно, что ее кавалер — такой лох, грубо говоря. А, во-вторых, ему будет неловко общаться с человеком, знающем о его позоре. Все просто, — брюнет дотронулся указательным пальцем виска, — я все продумал психологически. Клара, естественно, при деньгах, если позвал девушку на свидание. Аня поможет деньгам «пропасть».

Я восторгов по поводу нового плана Дэна не испытывала никаких. Я вообще к преступным элементам тяги не ощущаю. Помните, кто мои родители? То-то же. Между прочим, не только родители работают в правоохранительных органах. Почти все члены нашей семьи занимают те или иные посты в них же…

— Почему вечно мой Никита страдает? — спросила я сердито. — Давай, над Троллем поиздеваемся? А?

— Давайте вы решите потом, над кем будете издеваться, — вмешалась Аня, зевая и не прикрывая рот ладонью. — У нас дело горит.

И она вновь втиснулась между нами и даже обняла за шеи. Я птицей взлетела на ноги.

— Эй ты! Сопрешь у меня еще что-нибудь, — пригрозила я вялым голосом зеленоглазой Аньке, — пожалеешь, мастерица воровства. Где ты вообще этому научилась?

— Я — карманник, — не писклявым, а нормальным голосом произнесла Аня. Яркие зеленые глаза насмешливо сощурились, детский образ неожиданно пропал. Странная деваха. У нее раздвоение намечается что ли?

— Смерчинский! Смерчинский! Ты совсем рассудка лишился? Зачем тебе карманник нужен?

— Я всем нужна, — пропищала Анька, дурачась. — Эй, Дэнчик, кого нужно обшманать? Для тебя все услуги сегодня бесплатны.

— Как я уже говорил, надо стащить все деньги у одного парня.

— Не вопрос! Показывай его

— Сейчас рано. Нужно дождаться, когда он и его девушка пойдут в кафе, — решительным тоном произнес Дэн. — Ты должна сделать мой маленький заказ после того, как они окажутся в кафе, но до того, как они оплатят заказ.

— Не знаю, зачем тебе такие замуты, но я все сделаю! — согласно кивнула Анька, с улыбкой глядя в симпатичное лицо синеглазого. — А вообще, если так-то посмотреть, поймай его в подворотне и навешай хорошенько.

— Смерчинский не может, он толерантен по самое не могу, — не замедлила вставить я свою лепту относительно физической силы Дэна. Не умеет он махаться, не умеет.

— Бурундук, не мешай нам вести переговоры, — захихикала девчонка, болтая ногами и откровенно липнув к Дэну. — А у меня еще нет знакомых Бурнудуков. Классно! Не, у нас крутая команда: Чип, Дэйл и Аладдин!

— Алладин — это Князева, — хмыкнула я, наклоняясь и завязывая шнурки, — если читать задом наперед. Ну, в контексте ее отношений с нашим Дэнчиком. Образное отношение…

Бледные тонкие губы Аньки зашевелись — она явно пыталась прочесть имя известного героя задом наперед. У нее это быстро получилось, и окрестности огласил новый приступ дикого непосредственного смеха.

— Почему она такому красавке… как Дэнчик… не… не дала? — сквозь громкое ржание спросила девчонка. Смерч пристально и недоброжелательно посмотрел в мою сторону. А я тут же обрадовалась, что мой подкол удался!

— Потому что у красавчика Дэйла судьба, как у бедной Жасмин, — злорадно произнесла я. А это все Чащин. Он одно время имел моду называть меня Аладдином, после того, как я решительно отвергла все неуклюжие попытки парня с Физмата к ухаживаниям. Димка веселился, ржал, называл неудачливого поклонника Жасмин, а меня Аладдином. Ой, как я злилась на него!

— Пожалела, вот и не дала, — шмыгнула носом она. Маленькая плутовка заметила вдруг лоток со сладкой ватой и решительно направилась к нему. Что-то мне подсказывало, платить она не будет.

— Милая, правда? Сама непосредственность, — сказал Дэн. — Ее действительно кличут Аладдином. Или просто Алом

— Да хоть Яго или Абу. Ну, у тебя и знакомые, друже, — поморщилась я, хотя, вообще-то Анька мне даже по-своему понравилась.

— Какие есть, Чип. А хочешь еще немного попрактиковать на мне свой командный голос и яростный взгляд? — в его глазах запрыгали противные чертики, которым явно было мало

mir-knigi.org

место — они так и просили — нет, умоляли! — меня проделать во лбу Смерча третий глазик, чтобы устроиться и там. Проделать — то есть, лоб ему пробить.

— А ты уверен, что они пойдут в кафе? — вопросительно взглянула я на Дениса. Нет, все-таки в его плечах определенно что-то есть.

— Да. Клара — консервативен, как Ее Величество Виктория. Прогулка по парку, держание за руки, романтическая, но приличная ерунда, кафе, поцелуи около подъезда. Обыденность — его стихия! — синие глаза при этих словах блеснули. Добродушный, в общем-то, Дэнни сопернику явно не импонировал.

Обыденность! Я всегда знала, что Ник — не такой, как все. Хм… да, он клевый несмотря на все, что я узнала о нем. И знал бы Смерчинский про эту самую обыденность Кларского, молчал бы и ни слова про него не говорил! Но он не знал, да и подумать ни о чем таком даже не мог. Да и я тоже оставалась в неведении — до определенного времени.

— А, может быть, его обокрасть до того, как он, допустим, купит билеты Троллю на какой-нибудь аттракцион? — спросила я тем временем. — Ты такого варианта не допускал, кролик?

— Ольга терпеть не может аттракционы. Они не пойдут на них, — уверенно произнес Дэн.

— Как? — изумилась я искренне, потому что уже пару десятков раз обзавидовалась тем счастливчикам, которые отрывались на «Вихре», «Рейнджере» и других аттракционах, горячо мною любимых.

— Нет, — тут же запротестовал Дэн, увидев мой немигающий взгляд, брошенный в сторону площадки с аттракционами, — сегодня нам туда нельзя. Мы на задании, Чип!

— Как разведчики, — хмыкнула вернувшаяся Анька. После этого она, поедая сладкую розовую вату, облизнула липкие пальцы и перекинувшись еще парой фраз со Смерчем, скрылась из виду в толпе прохожих. Кинула на прощание только то, что ей нужно «немного поработать».

О том, как она будет работать, мне даже думать не хотелось.

Мои мысли упорно подсовывали мне образ проницательной гадалки и твердили наперебой:

«Давай, разденем Смерча? Давай, давай, давай!!!»

— Что опять, Марья? — Взглянул на меня Дэн, задумчиво потирая указательным пальцем подбородок.

— Да так, — не стала я предлагать ему раздеться, но отворачиваться не стала. Присутствие Смерчинского убивало во мне даже самые крохотные зачатки стыдливости. С неведомо каких пор мне было абсолютно все равно, что он обо мне думает, и это было очень комфортное чувство. Оно позволяло чувствовать себя рядом с Дэном совершенно естественно и не беспокоиться по поводу внешности или чего-то другого. Например, как рядом с Федькой: мне все равно, с причесанной головой или с непричесанной я хожу перед братом, щеголяю в старых домашних джинсах или в новеньком элегантном платьице, ору ли глупости истошным голосом или умно рассказываю об устройстве Вселенной. Потому что я и так знаю, что брат любит меня совершенно любой: и страшной и красивой, и умной, и тупой. Только разговоры с Федькой никогда не приносила мне столько удовольствия, как болтовня со Смерчем. Да, это так — мне с этим павлином нравится общаться! Просто-таки эстетическое наслаждение получаю! А когда касаюсь его, то ничуть не смущаюсь, напротив, мне очень нравится эти

прикосновения. Ох, я такая добрая, что прямо сейчас кое-кому услуги массажиста предложу! Я опять скользнула взглядом по фигуре парня.

— Знаешь, Бурундук… Ты смотришь на меня очень знакомым взглядом, — вновь задумчиво отвечал парень и сам на меня уставился едва ли не в упор. Он не стал уточнять, каким именно взглядом, и мы едва ли не минуту просидели, повернувшись друг ко другу.

— А ты-то что на меня смотришь? — Не выдержала я, наконец.

— Запоминаю твой образ, чтобы четче представлять его в своих фантазиях, — совершенно спокойно отвечал Денис.

— Что ты промычал? — Ласково спросила я, вроде бы как и оскорбленная, но с другой стороны готовая засмеяться в голос.

— Ты сегодня как-то странно на меня повлияла, — продолжал умиротворенным голосом брюнет, — и твой образ затронул меня до глубины души. Ты можешь быть весьма сексуальной. Тебе просто нужно раскрыться.

— А ты, смертник, — нежно провела я пальцем по его плечу и по шее. — Я же тебя сейчас убью. Не зря твоя фамилия — Смерчинский. Поменять всего лишь одну буковку — Ч на Т, и она отразит суть того, чего ты добиваешься.

— Маша, — он прищурил свои наглые глаза, и из-за пушистых черных ресниц синей радужки почти не стало видно, — Машенька, почему ты так злишься?

— Отстань, Сморчок.

— Ты ведь молодая девушка, я — парень. Все вполне естественно.

Он, явно понимая, что играет с огнем, осторожно взял меня за запястье, продолжающее вольготно лежать на его плече и приложил мою ладонь к своей щеке — гладкой, чисто выбритой, а потом заправил мне за ухо прядь коротких волос, не переставая лыбиться, как Чеширский Кот, почуявший валерьянку. Тут же его пальцы очень осторожно погладили мою щеку.

— Чего вытворяешь? — Спросила я мрачно, как гот, которого выгнали с кладбища, но который обещал вернуться в полночь и провести обряд вызова демонов, чтобы отомстить за оскорбление.

— Я же тебе нравлюсь? — Весело поинтересовался Денис, наклоняясь к моему уху.

— Если ты разденешься, я тебе это скажу, — совершенно искренне отвечала я.

— Вот как? Ты уже не против этого? Тогда мы… Таак… Что я делаю? — вдруг сказал он несколько озадаченно и убрал свои руки. — Вот что значит, когда долгое время нет девушки.

— Долгое — это сколько? — Поинтересовалась я, прежде чем помочь Дэйлу придти в себя с помощью немного грубой физической силы.

— Почти неделю.

Я от души дала ему шикарный подзатыльник, а потом по-мужски ткнула кулаком в грудь.

mir-knigi.org

— Ты, сопляк! Мы пришли сюда за делом, а ты ведешь себя, как обкурившийся кретин. Идиот!!

— Да, точно, — не стал ругаться за подзатыльник парень, а на его лице появилась извиняющаяся улыбка, а из-за нее — милые ямочки на щеках. — Мы же партнеры. И у нас есть договор… Эй! — его взгляд вновь стал собранным. — Не обижайся! Это все гормоны, а я не монах.

— Ты — самоубийца, — подтвердила я презрительно. — Еще раз выкинешь подобные шуточки, я тебя заколю, — и для наглядного пособия вытащила из кармана лежавшей рядом со мной сумки на длинной лямке миниатюрный кинжал, выпрошенный у Федьки. Вообще-то кинжал был совсем не острым, декоративным и украшенным камнями, но Дэна он немного впечатлил, и парень, подняв кверху руки, пообещал, что этого больше не повторится. Чтобы не возвращаться к старому (доведения меня до белого каления), он в знак примирения сгонял за сладкой ватой, а потом вновь начал размышлять вслух о нашей сладкой парочке.

— Да, мой Чип, нам нужно немного подождать, пока Клара и Ольга пойдут в кафе. За ними «присматривает» Черри. Как только им надоест бродить, нам сообщат, я свяжусь с Аней, и мы своими глазами увидим падение вашего замечательного Никиты в глазах Ольги. Глядишь, партнер, они и расстанутся.

И он, состроив глупую физию, приложил указательный, средний и большой пальцы к губам, причмокнул и весело прокричал:

— Bellisimo!

— Ну-ну. Главное, чтобы «felicita» к нам не повернулась попой, — отозвалась я, вспомнив одно из немногих итальянских слов, которые знала кроме всем известного словосочетания «cosa nostra». Смотри, Смерчинский, если опять будет какая-нибудь лажа, я твоему Троллю устрою не менее веселую жизнь, чем ты Нику придумал. — Пригрозила я. Моего лапочку было невероятно жалко: то бомжи, то геи, то воры.

— Доверяй мне, мой малень… мой партнер, — поправился он вовремя. Все-таки с ним сегодня невероятно плохо. А если у него девушки месяц не будет? Начнет к тетенькам постбальзаковского возраста клеиться?

— Нет, Аня нас не подведет. Она — профи. И мой план рассчитан очень верно. Ольга избавится от Кларского.

Услышав про воришку в красном нелепом костюме, я тут же машинально стала проверять, все ли у меня на месте после ухода Аньки.

— А твоя карманница не проворонит их? — осведомилась я. — Вдруг они уже сейчас идут в кафе?

— Когда пойдут — нам напишет Черри или его друг. Не переживай, Чип. — Довольным голосом ответил Дэн и потянулся.

— Ну ладно, будем ждать момента расплаты. — Сказала я, как бы, между прочим, отрывая кусочки не от своей ваты, а от ваты Смерчинского.

— Ага, — согласился он.

— Зачем ты себе на шее тату устроил? — Вдруг спросила я, просто так — из-за любопытства.

— Случайно вышло. — Потер сине-зеленую ящерку парень.

— Случайно? — заинтересовалась я. — Это как?

— Однажды Черри и еще один мой друг — ты не знаешь его — проделали со мной тот же фокус, что и ты — напоили меня. Проснулся — тату уже была. — Он откинулся на спинку скамьи, явно наслаждаясь сладкой ватой и взглядами девушек, оккупировавших лавочку напротив.

— Какой ты все же идиот, — искренне обрадовалась я. — Я тоже тату хочу. Но мама меня убьет, если я ее сделаю.

— Не нужно делать то, что не понравится маме, — совершенно серьезно произнес парень и даже перевел взгляд от девицы с шикарным бюстом, которая, как бы, между прочим, поправляла глубокий вырез, опуская его все ниже и ниже, на меня. Тут же вспомнились советы Смерчинского о капусте.

— И это говорит взрослый парень! Юбочник! Хватит держаться за юбку мамы! Ты — большой мальчик.

— Какая же ты глупая.

И я услышала едва ли не целую лекцию о том, что нужно уважительнее относиться к родителям. Только рассказана она была очень очаровательным голосом. Со стороны явно казалось, что Дэн воркует мне что-то приятное, а не нудит о правилах поведения. Пока я его слушала и пока спорила, этот шалопай умудрился съесть не только свою вату, но и мою! А ведь это хотела сделать я! Нет, как так получилось? Я вроде бы воровала у него кусочки сладкой ваты, но он обворовал меня куда быстрее и ловчее. Ему что, Анька персональные уроки давала?

Каждый минут 5–7 Черри или кто его дружок присылали сообщения Смерчу о местонахождении Князя и Никиты. И один раз нам даже пришлось поменять дислокацию — по заверениям зеленоволосого, пара направлялась именно в нашу сторону — к скверу Держащихся за руку.

Пока Никита и Гоблинша гуляли по дорожкам — мы видели их издали, они шли под ручку, беседуя и не замечая никого вокруг — я и Дэн оказались в той части парка, в которой были расположены многочисленные карусели и аттракционы.

Здесь было очень многолюдно и очень солнечно. Вечерние игривые лучи скользили по лицам отдыхающих, зловредно стараясь ослепить или напечь макушку. Перекрывая шепот деревьев, играла очень громкая заводная музыка — на дальней танцплощадке выступали брейк-дансеры. У этих товарищей проходили местные соревнования, поэтому площадку обступило большое количество молодежи, и где-то даже крутилась пара корреспондентов и операторов местных телеканалов, желающих заснять брейк-представление воочию.

Хип-хоп меня интересовал мало, зато я истекла слюной от зависти, глядя на тех, кто катался на каруселях и аттракционах.

Орел то и дело подлетал к этим счастливчикам, стараясь усесться им на плечо на плечи и на халяву прокатиться. Чаще всего он подгребал к «Рэйнджеру» — высокому ярко-красному сооружению, имеющему две кабины, которые поднимались вверх и вниз вначале совсем с маленькой скоростью, а потом очень-очень быстро, одновременно переворачиваясь в воздухе. Из кабин, крутящихся в воздухе, орали благим матом и пищали одновременно.

«*Вот оно — счастье*», — замерли в предвкушении мои мысли, тут же став красными, как и аттракцион

— Чип, нет, мы туда не можем пойти. — Вновь повторил Дэн. Сегодня он чувствовал себя ответственным.

— Но времени еще много! Сам же говоришь, что Князь и Клара сначала долго будут гулять! — Заныла я. — Денисочка, пожалуйста, Денисочка, Дэничка, милый, давай покатаемся! Ну, давай!!

— Мы не развлекаться сюда приехали. — Стоял он на своем.

— Пожалуйста, — подхалимски подергала я его за подол футболки. — Пожалуйста-пожалуйста. Я хочу на «Рэйнджера».

— Нет, потом.

— Один разочек!

— Нет, — погладил меня, как малявку, по волосам Дэнни. — Успокойся.

— Прошу! Пошли, а?

— В следующий раз. — Отказался парень.

— Молодой человек! Ну прокатите же вы ее на аттракционе. — Раздалось сзади нас. Мы синхронно обернулись и увидели интеллигентного вида старушку в шляпке, прогуливающуюся в компании не менее интеллигентного старичка в элегантном костюме.

— Молодой человек, ну что же вы так обижаете свою даму? — Покачал седой аккуратной головой старичок. — Вы — джентльмен. Просто обязаны исполнять маленькие капризы леди.

Смерч только очаровательно улыбнулся пожилой паре, кивнул, как старым знакомым, но ничего не сказал. Я злорадно улыбнулась и пожаловалась голосом невинной овечки:

— Ничего. Я не обижаюсь. Денисочка очень экономный. Но не думайте, он не жадный! И в парк мы попали не через вход, а через забор перелезли не потому что мой Диничка на мне экономит, а просто потому что нам ощущений новых захотелось! Сегодня он мне даже вату купил, — продемонстрировала я старичкам палочку, котирую так и продолжала таскать в руке. Голос у меня был громкий, а слова пылкими. На нас тут же обернулось несколько человек. «Диничку» одарили изумленными взглядами. А парни, пришедшие в субботу в парк с девушками — насмешливыми.

— Маша, — попытался остановить меня Дэн. Лицо у него было серьезное, а глаза… угорали. Другого слова даже подобрать не могу — именно, угорали, не смеялись.

— Не жмотничай, парень, — неожиданно поддержал старушку высокий мужчина лет сорока, гуляющий здесь с женой и с целым выводком детишек. — Пусть девушка покатается.

— Действительно! — Сказал важно пузатый дядька в дорогом костюме, ведущий за руку очаровательную пепельную блондинку с кукольным фарфоровым личиком и с печальными глазами зеленого цвета. — Мужчина, который не может оплатить капризы своей женщины — не мужчина. Да, лапушка? — Обратился он к блондинке. Она только улыбнулась ему. Дядька

явно ее тяготил.

— Так категорично не будем говорить, — поспешно вставила тактичная старушка в шляпке. — Но ухаживание за девушкой предполагает удовлетворение ее желаний.

— Главное — деньги! Зачем девушку приглашать на свидание, если денег нет? Вот я… — И мужик разразился длинной хвастливой тирадой о собственном благосостоянии. Девушка окинула его презрительным взглядом, но продолжала улыбаться своему мешку с деньгами.

— И все делаю ради своих женщин…

— Милый, я отойду на минуту? — спросила пепельная блондинка. Стоять рядом с дядькой ей, по ходу, вообще не нравилось. И чего связалась с папиком? А, из-за денег, чего это я…?

Знаете, я думала, что Смерч, как и любой другой нормальный парень, обвиненный совершенно несправедливо непонятно кем, обидится, начнет качать права, переубеждать окружающий или даже орать и устраивать разборки с обидчиками, но он не был бы самим собой, если бы не выкинул чего-нибудь необычного. Он взял меня за руку и посмотрел на меня таким влюбленным взглядом, что я скривилась, после чего произнес ласковым и чуть извиняющимся тоном.

— Моя леди ждет ребенка. Ей нельзя кататься на таких быстрых аттракционах.

И он погладил меня по животу!

— Нашего малыша укачает. Мы еще пока на втором месяце, — просвещал толпу Дэнни как ни в чем не бывало, — а это очень важный месяц в формировании плода. Я узнавал у врачей.

— Тогда, действительно, не стоит, — согласилась пожилая пара и жена высокого дядьки.

— Зайка, ты и наш малыш не пойдете на аттракционы. И не упрашивай меня. — Строго сказал Смерч мне так, как будто бы и взаправду готовился через 7 месяцев стать папочкой. Он принялся с легкой душей болтать о том, что беременным девушкам нужно оберегать себя, и мигом завладел вниманием аудитории, которая тут же почти единогласно решила, что высокий темноволосый парень с красивым лицом и мягким приятным голосом — чудо, как хорош. Ребята, которые только что смотрели на него насмешливо, теперь переменяли свой взгляд на сочувствующий. Впрочем, кроме сочувствия в нем появилось и уважение. Мол, в таком молодом возрасте, когда хочется погулять с девочками поотрываться на вечеринках, чувак взял на себя груз такой ответственности…

Я покраснела. Скорее, от злости, чем от смущения. Вот козел!! И не станешь при всех этих зеваках вопить, что это вранье! Они, словно загипнотизированные внимают Смерчу и не поверят мне! Я только кулак сжала и увернулась от очередной попытки брюнетика с приветиком положить мне теплую лапу на живот. А добило меня то, что высокий мужик вдруг наклонился к Дэну и спросился совершенно серьезно:

— Парень, а где тут перелезть через забор можно? Я сюда всю семью каждые выходные вожу, надоело за них при входе платить. Ты вообще правильно придумал…

К моему удивлению, Дэн дал ему, а также некоторому количеству остальных присутствующих, подробную инструкцию, где. Мужик отчалил к своим домочадцам весьма довольный. Еще бы — сэкономит семейный бюджет!

— Тут правда через забор можно перелезть? — Воодушевилась я, когда мы отошли подальше.

— И кто из нас жад… экономный? — расхохотался Смерч. — Можно. Чип, ты хотела покататься? — В его голосе звучало что-то интригующе нахальное.

— Спасибо, что-то уже не хочется. — Сердито отозвалась я.

— Беременные все такие, — тут же сказал один из сочувствующих Денису парней. — То одно хотят, то другое, то третье. Крепись, брат. — Похлопал он Смерчинского по плечу.

— Не лезьте не в свое дело, — хмуро сказала я молодому человеку. — Эй, ты! Да, я хочу кататься! Катай меня. Давай.

— Я всегда выполняю свои обещания, — весело отозвался Дэнв. И он потащил меня по широкой аллее к детскому городку, купил билет на карусель с разноцветными большими лошадками, вручил его мне и велел садиться на аттракцион, который был оккупирован малышней.

— Не сяду. — Сказала я ему. — Ребеночек наш против. Пинается, на «Рейнжер» хочет, зараза.

— Как же ты о нашем малыше отзываешься? — Укоризненно спросил Денис. — Иди, — подтолкнул он меня к контролеру, — иди и покружись немного. Ты ведь так этого хотела. Или, правда, все беременные девушки такие капризные?

— У тети будет ребеночек? — С живым интересом спросила малышка с огромными розовыми бантами и устаивалась на меня. — А где у нее животик? У моей тети, маминой сестрички, был большой животик!

— У нее пока еще совсем маленький животик, но скоро вырастет, — пообещал девочке Дэн и даже жестом обрисовал ей контуры огромного живота.

— Ух ты! — Осталась довольна объяснением та.

Пока я объясняла дурацкой девчонке, что никакого ребеночка у меня не будет, пока огрызалась с ее мамашей, которой не понравился мой тон, контроллер, вреднючая бабка с колючими глазами, сказала:

— Девушка, быстрее! Что вы такая медленная?

Так я и оказалась на каруселька, усевшись на золотистого коня с синими яблоками и желтой гривой. Я кляла Смердяка на чем свет стоит, едва не оглохнув от воплей малышни.

Этот тип помахал мне рукой, послал воздушный поцелуй. В ответ злая я показала Смерчу средний палец. К сожалению, его увидел не он, а бабка-контролерша, двое мальчишек-первоклашек самого проказливого вида и мама девочки с розовыми бантиками. Первая хищно оскалилась в ответ, вторые радостно показали мне ответные жесты, изощренно перекинув руки через поднятые ноги, последняя же покрутила пальцем около виска.

А напротив меня быстро-быстро кружилась экстремальная и очень быстрая карусель для взрослых под чудным названием «Покрутись-покрутись-покрутись-ка». Смерчинский, каким-то чудом в который раз миновав очередь желающих проехаться на этом чуде, уселся на одно из сидений и пару минут наслаждался скоростью и ветром.

mir-knigi.org

— Вот сволочь! — прошептала я сама себе, ухватившись за пластмассовую гриву едва ползущей детской карусели. — Скотина! Чтобы тебе реально папашей стать в течение года, придурок.

Пожилая элегантная старушка посмотрела вслед удаляющейся паре, ободрительно кивая:

— Какой хороший молодой человек. Заботится о беременной невесте.

— По-моему, они уже женаты, — подслеповато прищурился им вслед старичок. — Муж и жена всегда похожи, милая моя. И они очень похожи. От обоих исходит одинаковое сияние.

— Это так, — покивала его почтенная супруга. — У них даже цвета в одежде совпадают. У него синяя футболка, у нее синие штаны. У нее черная кофточка, у него черные джинсы. Ох уж эта одежда из джинсы… для рабочих же предназначалась…

— А взглядами какими обмениваются! Ну, просто как мы в молодости. Да, Надюша?

— В молодости ты был куда лучше этого красивого парнишки, — сделала комплимент мужу пожилая дама. — Одевался, как и подобает студенту медицинского вуза, не делал вульгарных татуировок и… как же их… пирсингов. Наша молодежь совсем одурела от западной моды. Но этот мальчик все же выглядит достойным. И модная вульгарщина его не портит.

— Думаю, они преотличные супруги, пусть и молодые еще. — Покраснел от удовольствия ее муж.

— Ох, смотри, а это не сын ли Виталия Кларского? — Вгляделась в даль старушка.

— Где? Ах, да, вижу-вижу, кажется, это он. С девушкой. Видишь, Надюша, весна, молодежь влюбляется.

— Это-то конечно, да, — внимательно смотрела его супруга в сторону соседского сына. — Хорошо, что Никита нашел в себе силы жить совершенно нормально. Не опускаться ниже, так сказать. Честный мальчик. И посмотри, как же хорошо он всегда выглядит! Как одевается, как ведет себя, какой вежливый!

— Хорошо, что обществом сейчас правит либерализм и демократия. — Изрек ее благоверный. — В прошлые годы у Никиты не было бы возможности жить нормально, после того, что случилось с его отцом. Поставили бы на него «stempel» и все. Ох, и неприятная же история. Я даже и не думала, что Виталий занимается такими делами.

— И для меня это было шоком, — подхватила Надюша. — Главное, что он и его брат — совершенно нормальные молодые люди… А девушка с Никитой тоже вполне приличная, утонченная такая. Как Любовь Орлова в молодости.

— А та, которая беременна напоминает Екатерину Савинову. Улыбкой и милой непосредственностью. Эх, молодость…

Чтобы задобрить меня, Дэнни накупил сладкой ваты, мороженого и вообще всего, что я у него нагло попросила. И с руками, занятыми сладостями, мы слонялись по парку, постоянно получая от все того же чокнутого Черри, согласившегося быть сыщиком для Смерча. Честно сказать, нам было бы неплохо сидеть на одном месте, а не шариться по всему периметру парка, но Ольга и Никита, как заведенные, шастали то по одной дорожке, то по другой, то вдруг

выходили на миниатюрные скверики с фонтанчиками и кружили по ним, то решали, что им неплохо будет пройтись вдоль тех или иных аттракционов. То останавливались и замирали друг напротив друга. Поэтому и нам с Денисом приходилось двигаться. Он категорически не желала, чтобы его заприметила Троллиха. Видите ли, она может все понять. А мне не хотелось встречаться с Никитой. Все-таки официально мы дальние знакомые. А видеть его радостную улыбку, которая предназначается не мне, а моей одногруппнице, совершенно не хотелось. Так мы и бегали по парку, пока Черри не скомандовал нам по смс: «*Привал! Объекты уселись на лавку около батутной площадки, мать их за заднюю ногу*».

— Ты все еще сердишься, партнер? — время от времени осторожно спрашивал парень, заглядывая с любопытством в мои глаза.

— А ты как думаешь? — Отвечала я с тем же постоянством, надувая губы. — Естественно. Выставил меня придурочной и беременной! Да кто от тебя вообще осмелится ребенка рожать? Кто такой позор на свою голову навлечет?

— Есть много желающих родить от меня ребенка, — стоически выдерживал мои гневные взгляды Смерчинский. Одновременно умудрялся произносить эти фразы самодовольно, а еще переглядывался с очередной красивой девушкой — теперь уже коротко стрижено брюнеткой. Я перехватила его взгляд и, обернувшись к темноволосой, спросила участливым тоном:

— Девушка, вы от него ребенка хотите?

— Что? — Едва не уронила она мороженое себе на грудь. Парень, с которым она гуляла, не слишком приятно посмотрела в нашу сторону. Не на меня, а почему-то на Смерчинского.

— Так хотите или нет? — Наседала я. И так вечно — когда злюсь, такую чепуху несу, чтобы потом самой стыдно бывает!

— Что за вопросы? — Наконец, пришла в себя девушка. — Вы что, пьяны?

— Нет, у меня всего лишь токсикоз. — Гнусно посмотрев на Сморчка, отвечала я, понимая, что несу чушь. А Дэн не нашел ничего лучше, чем расхохотаться: громко и заразительно, так, как это умеет делать только он.

— Наташа, они наркоманы, — обнял свою девушку за талию ее парень. — Пошли отсюда.

Наша кинула на смазливую физию Смерча печальный взгляд и со вздохом удалилась. Я решительно насела на нервную систему своего спутника.

— Не злись. Это всего лишь шутка. Приятельская. — Вновь и вновь произносил Смерч, хотя по его озорному взгляду я понимала, что он ничуть не раскаивается.

— Не лай. Ты всего лишь дебил. Конченный. — Отвечала я с чувством собственного превосходства. Если хорошенько подумать, эти препирательства, кажется, нравились нам обоим. Только ни я, ни он пока что этого не осознавали, а, может быть, не хотели этого делать. Мне нравилось злиться на Смерча, а ему меня успокаивать.

Ох, ну и злая же я сошла с детской карусельки. Моим единственным желанием было придушить славного шалуна Дениса Александровича, который после дикого сумасшедшего аттракциона слегка покачивался, но выглядел довольным, что уел меня. Увидев предателя, я бросилась на него с кулаками, но едва не упала, немного подвернула ногу и разозлилась еще сильнее.

Кровопролитие не свершилось только потому, что Черри позвонил нам и заорал, что «Ольга и мажорик» сейчас выйдут прямо на нас! Пришлось бежать, прекратив военные действия. Анька, которая тоже слонялась по парку, иногда подходила к нам, хихикала, а иногда убегала к Черри. Все происходящее ее изрядно веселило. В присутствии этой невежливой неряхи и балды я чувствовала себя Князевой, общающейся со мной.

Да, я хорошо потрепала нервы парню. Сначала орала, потом ныла, потом стала со вкусом последнего меланхолика жаловаться, решив, что жилеткой Дэну быть вполне пойдет.

Я, хитро косясь на Дэна, продолжала ныть и во время нашего «привала»

— Поскорее бы сессия закончилась! — Вздохнула я. — У Федьки будет свадьба, и я рвусь на ней погулять! Эй, ты часто был на свадьбах?

— Да, приходилось бывать.

— А я только в детстве. — Пожаловалась я, отбирая у этого сладкоежки шоколадку. — Поэтому жду Федькину, как свою собственную. Хочу прокатиться на лимузине и все такое. Но чтобы дожить до свадьбы, сначала нужно сдать экзамены. Самое главное — английский. Эх, повезло тебе, Смерчинский, у тебя память классная — наверное, сама от себя в шоке. А мне… как мне, бедной и несчастно хрупкой малышке сдать этот твой инглиш? Молчишь?

— Не молчу, — отрицательно покачал головой Дэн. — Английский — легкий язык. Китайский сложнее.

— Ну, ты то и его знаешь отлично, — прищурилась я. — Как тебе только не стыдно быть таким умным рядом со мной!

— Сбросьтесь и подарите кое-что вашей англичанке. Я ведь не путаю, у тебя Королева? — Уточнил он фамилию преподавательницы. Прямо над макушкой Дэна сияло солнце. Кажется, оно любила играть с его шоколадного цвета волосами.

— Королева, она самая, — кивнула я, перебарывая желание коснуться его растрепанных волос.

— Тогда подарите ей билеты на «Разгневанного царя». — Вдруг посоветовал Дэн.

— Что подарить?

— Билеты на мюзикл, который приезжает к нам с гастролями. Лучше всего — на премьеру.

— Ты о чем, Смердяков? Какой еще «Царь»? Это ты без царя в голове… У тебя там, как в 1917 году — Временное правительство… А, ты имеешь в виду этот популярный московский мюзикл, который к нам приезжает на днях? — Обрадовалась я, вспомнив, как по новостям говорили об этих самых гастролях. «Разгневанный царь» — жутко модный комедийный мюзикл про царя-батюшку Петра Великого. Критика его жутко не любила, а простой люд валом валил, чтобы посмотреть на смешное и яркое музыкально-танцевальное действо.

— Ты права, Чип. Именно это я имею в виду.

— Умник. Как мы тебе достанем билеты на премьеру? Они уже все раскуплены и вообще жутко дорогие. — Хмыкнула я, одновременно вандальничая — выводя на лавке маркером фразу: «*Смерчинский — лох*».

— У тебя есть я, твой незаменимый партнер. — Отозвался Денис. — Извинись за свое нахальное поведение, и я, так и быть, достану тебе два билета.

— У меня руки чешутся тебя прибить, — мигом рассердилась я. — Обнаглел? Я тебе сейчас извинюсь до перелома.

— Королева тебе за эти билеты автомат влепит, — вдруг сказал Смерч. — Она обожает театральную жизнь. На кафедре ее называют в шутку «театроманкой». Ну, а что вы планировали ей подарить вместе со своим другом господином Чащиным?

— Откуда ты это знаешь?

— Догадываюсь. Ты говорила, что вы оба — худшие студенты в своей группе по английскому, Чип. Вы наверняка попытаетесь задобрить вашу англичанку.

— Ну, не только мы, — справедливости ради ответила я. — Но вообще ты прав, Сморчок. Мы хотели купить ей классный коньяк и конфеты.

— И у вас ничего бы не вышло. Королева не пьет, а на шоколад у нее аллергия. — Уголки губ парня приподнялись. — Билеты. Презентуйте ей билеты, Бурундук.

— Денисочка, прости меня, пожалуйста, я больше не буду поступать плохо и обзывать тебя всякими нехорошими словами, — мигом изменился у меня голос на сладенький-сладенький. Одновременно, не глядя, я выписывала продолжение надписи: «*…и сволочь*».

— Прощаю, — довольным голосом победителя произнес Дэн, — завтра билеты будут у тебя. И не переживай из-за своего английского — ты его сдашь. Гарантия от меня, — он коснулся указательным пальцем своей груди, а потом легонько ткнул им мне в лоб и зачем-то пересел с другой стороны, довольный жизнью. Правда, нет-нет, да его лицо становилось усталым, как будто бы Смерчу надоело все на свете, а улыбаться он себя просто заставляет. Я, как всегда, быстро остынув (слова парня о ненавистном английском меня просто окрылили и дали надежду!), проявила себя с самой лучшей стороны и молча протянула ему последний кусочек ваты, которой я, кстати, наелась на год вперед.

Дэн молча его взял, разделил на две половинки. Меньшую взял себе, большую протянул мне. Я улыбнулась ему. Он молча показал мне пальцами знак победы и глубоко-глубоко вздохнул.

То, что он вдруг заткнулся, мне не понравилось. Что-то частенько его эти приступы меланхолии берут. Поэтому я решила взбодрить Дэнни, одновременно как бы, между прочим, положив руку ему на плечо — чтобы растормошить.

— Эй! Не спи, Смерчинский! — Крикнула я ему в ухо. — Все на свете проспишь! И вообще, где Клара и Гоблин?! Долго нам здесь сидеть и ждать с моря погоды?

Дэн хотел что-то сказать, но замолчал. Его лицо оставалось по прежнему спокойным, но вот зрачки вдруг расширились — я это отлично видела, потому что близко наклонилась к его лицу.

Смерч неожиданно положил мне руку на плечо и прижал к себе излишне сильно.

— Молчи, — едва слышно прошептал он мне на ухо. И я послушалась его гипнотического голоса. Когда нужно было, этот харизматичный парень умел делать голос властным — непередаваемо властным. — Молчи и улыбайся.

«Чего вдруг?», — стало жутко любопытно всем моим мыслям и они, переливаясь из красного в желтый и обратно, поспешили сложиться в огромный знак вопроса.

— Привет, — раздался вдруг удивленный и жутко знакомый голос. Я, конечно, смолчала, не испустила стремный вопль: «О, Боже! Что они тут делают?! Ваааа!!!», и не припустилась в кусты, даже пальцем тыкать в парочку не стала. Лишь улыбаться не могла. У меня лицо стало каменным, словно по нему хорошенько, можно сказать, с любовью, треснули чем-то тяжелым и плоским.

Только вот мой орел не замер, а, в отличие от меня, принялся носиться вокруг гостей, не мигая, а, хищно поглядывая на знакомую макушку со светлыми волосами до талии, которую я так часто видела на лекциях. Потому что я всегда сидела выше и дальше от преподавателей. А она предпочитала сидеть там, где ниже.

Проклятье!! Орел попробовал спикировать на обладательницу светлых волос, но его вовремя подхватил горячий поток воздуха и унес вдаль.

Смерч успокаивающе погладил меня по плечу.

Да, вы не ошиблись, напротив нас стояли Мисс Гнусный Тролль и Принц Всея Жизни Марии: Оля Князева и Никита Кларский.

Черт-черт-черт!

Боже! Я же знаю, что ты меня слышишь! Ты же не глухой, так ведь? Ну, пожалуйста, сделай так, чтобы эти двое расстались!! Я ведь не прошу много. Я ведь первая влюбилась в Никиту, а не эта улыбчивая гадина с большими глазами!

Всевышний! Разрази громом того, кто свел этих двоих вместе! Отправь этого ушлепка в Мордер на вечное поселение! Надавай ему неиллюзорных… этих самых, на букву «п»! И сделай так, чтобы я разлюбила Ника, потому что это разит тупостью — мои чувства, не я, и, тем более, не Кларский.

Нет, расстроил до глубины души меня вовсе не тот факт, что мы случайно встретились с Князем и Ником! Хотя это и было не запланировано. Расстроило меня то, что они действительно смотрелись потрясающе!! Как будто бы были созданы друг для друга все тем же Боженькой, на которого я временно обиделась, а потом случайно нашли друг друга в этом бесконечном мире. Эти двое выглядели принцем и принцессой в современной обработке, светящимися и романтично держащимися за руку!

А себя же я чувствовала злобной колдуньей с огромным крючковатым носом, которая пытается сделать пакость счастливым и влюбленным. Я просто таки ощущала себя в роли ведьмы, а Дэйла — в роли зловещего кота-помощника с монструозными клыками и когтями.

Оля смотрела на нас удивленно, даже на секунду закусила губу и, как мне показалось, метнула на Смерча тревожный взгляд, но потом ее лицо стало очень дружелюбным. Смотрелась она потрясающе: умело нанесенная косметика, элегантные босоножки, очередное воздушное приталенное платье цвета спелой вишни, открывающее тонкие длинные ноги. Пышная юбка и рукава-фонарики только подчеркивали ее хрупкость.

Никита выглядел ей под стать: начищенные ботинки из светло-коричневой кожи, идеальные белые брюки, темно-серая рубашка с широким отложным воротником и принтом в виде геометрического узора на спине, подчеркивающая фигуру, короткая стильная прическа.

Принц и принцесса. Но я то знаю, что Оля — самая настоящая ведьма. И чокнутая дура (это мне мысли-головастики подсказали, опять со своими плакатами выпендриться решили). А Ник — заколдованный Иван-дурак, который повелся на магию. А я и Дэн — спасатели, а не представители нечистой силы!

Гоблин и Кларский осторожно держались за руку, как будто почитали друг друга за хрустальные статуэтки, но между ними было небольшое расстояние — их плечи и предплечья не касались друг друга. Скромники, блин!

Все это я успела подметить за пару секунд, показавшихся мне вечными. Зато Денис показал себя вновь с лучшей стороны. На этот раз великолепным актером.

— Привет. — Сказал весело и даже как-то лениво Смерчинский, поднимая ладонь в приветственном жесте. Обнимающей рукой он чуть крепче сжал мое плечо — до боли. И я, удивленная, потрясенная и ужаленная в самое сердце жалом скорпиона по имени Вишенка, выдавила испуганно, как ребенок, которого взрослые застали за воровством конфет, приготовленных на завтра для особо важных гостей.

— При-ветик…

Этот вялый привет мне не понравился — очень уж он неестественный, поэтому я, собравшись с последними силами, гаркнула повеселее, голосом пьяного в зюзю клоуна:

— Привет!!

Оля посмотрела на меня очень странно, даже тонкие брови подняла, да и взгляд Ника стал изумленным. Такого бурного приветствия он явно не ожидал.

— Привет, — хором поздоровались они, и, кажется, даже смутились этого.

— Я не ожидала встретить тебя здесь, — произнесла Ольга, говоря это мне, но глядя на Смерча.

— Вы ведь, кажется, учитесь в одной группе? — Сообразил мой Никита. На Смерча он реагировал с заметно выраженным безразличием. И на меня… обидно, блин… тоже.

Но от его голоса я «поплыла». Потому что каждый раз, когда я слышала спокойный, рассудительный и негромкий голос Ника, я таяла, таяла, таяла, грозясь превратиться в лужицу умиления.

— Это… да, — кивнула я, продолжая растворяться в тумане под названием «неразделенная любовь». Кажется, встреча стала для меня настоящей стрессовой ситуацией, я так и чувствовала, как бурлит выделяющийся из надпочечников адреналин, и как он распространяется по всему моему телу, заставляя меня чувствовать жар.

Дэн расхохотался и сказал:

— Ребят, не обращайте внимания на мою Машу: она немного выпила. Да, кстати, я Денис. Дэн. Ольга, мы знакомы, — он кивнул светловолосой девушке. — А ты…?

— Я — Никита, я слышал о тебе, — отвечал Ник, и парни обменялись рукопожатием. Излишне крепким, или моему взору это всего лишь показалось?

— А вы знакомы? — Спросил Ник, пока я тупила, то восторженно наблюдая за ним, то пряча взгляд, наклоняясь к плечу Смерча, которое казалось мне защитным оплотом.

— Да, мы знакомы с детства, — отвечал радостно Дэнни. — Наши предки общаются. Оль, а я и не знал, что у тебя появился парень. Присаживайтесь к нам, — он похлопал ладонью рядом с собой. — Расскажете о себе. Никита, я Ольге как брат, — пояснил он компанейским тоном. — Но совсем ничего не знаю о своей маленькой сестренке! Кстати, как поживает тетя Оксана?

— Нормально, Денис. Собирается к вам в гости на следующей неделе. — Князева бросила на брюнета короткий и осторожный взгляд, словно что-то говоря ему, потом обернулась к своему парню — нет, что я говорю, к моему парню!! — и произнесла:

— Посидим с ребятами?

— Кажется, они ждали кого-то, — насколько неуверенно произнес вежливый Никита, у которого, оказывается, был отличный слух. — Гоблина и…

— Мы не ждали, — захихикала я. — Это просто так…

— А, они не придут, — махнул рукой Смерч совершенно беспечно, — Мы ждали моего друга Гоблина — классный чувак, панк, и его подружку Клариту, но их нет.

— Что скажешь, Никит? — Обратилась вновь Гоблин к парню. Тот кивнул.

Я возненавидела ее за это противное «Никит», и, если бы могла, приказала орлу наброситься ей на башку с целью выклевать сопернице мозг, но гордого и негодующего орла прочно удерживал смерч сильными и мягкими объятиями.

— Писец, — прошипела я.

— Что? — Обернулись на меня все тут же.

— Я говорю — как же я рада вам! — С абсолютно неискренней улыбкой, которую можно было бы принять за лыбу все того же клоуна-алкаша, отвечала я.

— Никита, это Маша. — Как-то робко заглянула в глаза парню Оля. Какие у него глаза! Я хочу в них утопиться…

— Мы немного знакомы, — кивнул парень и даже улыбнулся. Меня унесло еще дальше от реальности. Он! Мне! Черт! Возьми! Улыбнулся! Даааааа!!

— А я, честно признаться, думал, ты девушка Дмитрия. — Сказал, склонив голову и глядя на меня, Ник. Слава Богу, рядом со мной сел не он, а Гоблинша, иначе бы не только пальцы, но все мое тело стало бы «страдать» тремором.

Девушка… Дмитрия… Это что же мое солнышко что имеет в виду?

— Чья? — Медленно и с трудом дошел до меня смысл слов Никиты, и я перестала улыбаться. — Кого? Какого Дмитрия?

— Вашего одногруппника. Дима Чащин ведь учиться с вами, девочки? — продолжал мой идеал спокойно, закидывая ногу на ногу. — Мы с ним иногда пересекаемся, и мне казалось, что вы встречаетесь.

mir-knigi.org

Я не знаю, кто поразился этакой дивной новости больше: я, Ольга или Смерч. Да, этого я не знаю до сих пор, но все-таки предполагаю, что я. Как-никак Димка — мой сокурсник, с которым мне волей-неволей приходиться общаться и даже вроде бы хороший приятель, с которым можно славно поржать, но никак не то, в чем меня обвиняют — он мне не парень!!

Мы с Чащиным встречаемся? Что за нелепость?!

Головастики захлебнулись в дружном хохоте и стали выводить по стенам своего пристанища всякие «хахаха» и «хихихи». Кто-то особенно вредный намалевал огромными мерцающими буквами «МУАХАХА».

Им было смешно, но я-то ржать никак не могла. Я пребывала в замешательстве. Сначала напороться на «объектов», потом из уст любимого и обожаемого услышать такую конкретную фигню! Я выдавила кривую улыбочку клоуна, которому вновь налили очередную чарочку, а Никита продолжал взирать на меня и Смерча, не отпуская из ладони руку своей девушки.

— Да, я думал, что вы пара. Очень подходящая друг другу, — как ни в чем не было продолжал Ник.

Дэнв повернулся ко мне и посмотрел так, будто бы меня обвинили в непристойных связях с макаками.

Князь переводила осторожный взгляд с Дэна на меня, явно что-то не понимая.

А я… у меня, наверное, шары на лоб полезли от слов Ника.

На лавке воцарилось молчание, правда, длилось оно всего лишь пару секунд. А после мы заговорили все втроем почти одновременно, заставив Кларского вновь как-то удивленно на нас посмотреть.

— С чего взял? — С зевком спросил Дэн, складывая руки на груди и выпрямляясь.

— А я и не думала, что вы встречались. — Склонила голову набок Ольга.

— Вот черт!! Это гон! — Выдала я одновременно с Троллем и Смерчинским. Мой выкрик перебил их спокойные голоса, и даже визг, доносящийся от аттракционов.

— Ааа… Так это неправда? — Спросил Никита, видя мою бурную реакцию и потер ладони друг о друга. — Если так — прошу прощения.

— Это… да… неправда! — С бегающими глазами неловкого жулика заявила я. — Какой еще Чащин? На деревню к дедушке Чащина… Нет, ну он парень хороший, но не настолько хороший, чтобы… — я несмело подняла взгляд на Дениса, смотревшего на меня с нескрываемым интересом, — чтобы с ним встречаться.

Смерч многозначительно закивал.

— Да, я понял, что сказал не то, — ответил Никита, и между его длинными, четко очерченными бровями появилась едва заметная вертикальная морщинка. — Извини меня, Маша.

Ого, он так мило произносит мое имя! Я сейчас в облака унесусь воздушной каретой любви. В роли коня будет гордый орел!

— Не нужно было этого говорить, — с обворожительной неловкостью аристократа-героя из фэнтези-книг произнес Кларский. — Я не подумал.

Мама, какой он вежливый и милый! Ты ведь о таком зяте мечтаешь, да? Я поудобнее устроила голову на удобной теплой груди Смерча и уставилась на парня моей мечты, жалея, что у меня нет возможности сфотографировать его сейчас. Какие бы классные кадры вышли!

— Все в порядке. Они не встречаются. А почему ты так решил? — Поинтересовался вроде бы безразлично, но с налетом хорошо скрываемой тревоги, Дэнни.

Да, я тоже хочу это знать!!

— Я часто вижу их вместе. — Последовал тут же ответ. — К тому же Дима часто упоминает Машу, — Ник осекся, солнечно улыбнулся, дав мне возможность полюбоваться на его улыбку вблизи, и продолжал своим неподражаемым спокойным, чуть низковатым голосом. — Честно сказать, мы с ним общаемся редко, и, наверное, я сам домыслил это.

— Чего это он меня… упоминает? — Нахмурилась я, постепенно успокаиваясь. Сердце все еще вопило благим матом о том, что ему, видите ли, страшно сидеть около Ника, и от этого билось о грудную клетку еще быстрее. Если я себя в руки не возьму, как Смерч, что обо мне Никиточка подумает, а? — Гадости несет?

— Вовсе нет, — сказал Ник, отрицательно покачав аккуратно причесанной головой. — Мне вообще всегда казалось, что ты ему нравишься. А из-за того, что вы часто встречаю вас вместе, то я подумал, что вы — пара.

Кстати, а ведь Димка с Ником знакомы — я еще давным-давно видела, как они пару раз здоровались, и даже как-то пыталась выяснить у одногруппника что-нибудь про свое увлечение, но тот упорно интересовался, зачем мне это нужно. А говорить, что влюблена в Никиту, этому треплу я не стала.

— Сейчас это моя девушка, парень, — отозвался брюнетик с приветиком и осторожно провел губами по моей щеке, не отрывая озорного взгляда от лица Никиты. Моя рука инстинктивно дернулась, чтобы вдарить умнику, но я вовремя опомнилась — сейчас мы должны изображать парочку, а не воевать! Я вымученно улыбнулась и в ответ погладила его по руке. Моему незамысловатому жесту Смерч умилился и потискал меня за щеки.

— Точно, я — его, — зачарованно глядя на моего личного прекрасного принца (да не на Дэна, а на Ника!), произнесла я, и в ответ погладила Смерчинского по руке.

— Моя, — игриво взглянул на меня Дэнв и попытался укусить за ухо. С милой улыбкой, которая вот-вот грозила перерасти в искривленную гримасу, я незаметно ткнула его локтем в живот. Кажется, парню это не понравилось.

— Это… Мы с Чащиным просто друзья. Никогда с ним не встречалась! — Не самым убедительным голосом, но вполне искренне выкрикнула я.

— И я не могу припомнить такого, чтобы Дима и Маша встречались, — задумчиво произнесла и Оля. — Никит, у нас такая группа, если что-то происходит с кем-то, то все сразу становятся в курсе этого. Уверена, если бы у них что-то было, то…

— То все бы знали, — подхватил Смерч, продолжая глядеть на меня, прижавшуюся к его груди, все с тем же умилением. — Хотя, я и предполагал, что этот мальчик неравнодушен к моей

малышке.

— Чего? — Мигом подняла я голову. — Чего это он ко мне неравнодушен? Ты что опять несешь, Смерчинский?

— Не бойся, я никому тебя не отдам. — Сказал уверенно Дэн. — Я забочусь о девушках, с которыми встречаюсь. И всегда уверен, что та, которая сейчас рядом со мной — любит меня.

Никита только размеренно кивнул на эти слова, ничего не говоря в ответ. Кажется, он считал точно так же. А я, хоть и не была слишком внимательной из-за потрясения от нежданной встречи, все же поймала Князеву на коротком настороженном взгляде, брошенном на Дениса. Словно она была недовольна его словами, которые он адресовал Нику.

Кларский в это время обнял Олю: осторожно, как дорогую статую из хрупкого стекла, выполненную мастером уровня Микенанджело. Я едва не скривилась от этой умилительной картинки. Смерч тут же положил мне обе руки на пояс и громким шепотом назвал «солнышком», явно не желая уступать нашей парочке. А Князева, несколько смущаясь из-за объятий Ника, вновь начала свою волынку:

— Маша, а ты ведь действительно никогда с Димой Чащиным не встречалась?

— Угу. — Буркнула я неласково. И далось им это! — Или ты думаешь, что я изменяю своему милашке?

Милашка довольно ухмыльнулся. Он явно привык, что кому-кому, а ему никто изменять не будет.

Блин, а чего мы так друг ко другу прижимаемся-то? Мы же не парочка, в самом то деле. А, ну ладно, это же мой партнер, так и быть, буду использовать и дальше в качестве подушки. Глядишь, Дэнни со временем и массаж ступней мне начнет делать.

— Конечно, нет! — Звонко рассмеялась Ольга и тряхнула длинными прямыми волосами. Прядь попала ей на лицо, и Никита с искренней заботой, приводящий меня в трепет и ужас одновременно, убрал их с лица девушки назад.

— Если я ему сделаю такую подлянку, то меня ждет личный ад, построенный монстрами по спецзаказу дружков Дэнни лично для меня, — мрачно произнесла я, испытывая неловкость из-за присутствия любимого человека. — И вообще… Я не такая, чтобы изменять!

— Никит, они милая пара, да? — Вновь развеселилась Оля. — Все-таки тебе показалось насчет нашего Димки.

— Милая, — согласился тот.

Никитаааа, да не пара мы!

— Ребят, вы часто бываете в парке? Мы с Никитой первый раз. Вам понравилось? Куда вы еще ходите? — Продолжала Князева-принцесса. — Мы с Никитой только начали встречаться… А про ваши отношения, кажется, весь университет наслышан, да? — Спросила она своего парня. Блин, он мой парень! Мой, Тролль!

— Да, точно. — Подтвердил Ник тут же слова светловолосой. — Денис, а ты намного романтичнее, чем кажешься на первый взгляд.

В его голосе звучало одобрение! А я так и знала, что Кларский — романтик! Почти три года наблюдениям за ним сказываются, как-никак.

Я посмотрела украдкой на Никиту — половина лица освещается солнцем, вторая в тени, падающей от высоких раскачивающихся сейчас немного сильнее, деревьев. Милый, утонченный — но не выглядит слабаком, есть в этом парне что-то железное, настойчивое. И ему так идет этот стиль в одежде. Боже, сделай, чтобы мы хотя бы раз на свидание сходили, а? Раааазочек!

Дэн поправил волосы и со своей очаровательной улыбочкой заявил, что он вообще на все руки мастер. Князева засмеялась, изображая из себя серебряный колокольчик. Она болтала что-то еще, а у меня появилось такое чувство, что не только я и Смерч пытаемся убедить Ольгу в том, что мы пара, дабы не попасться, но и сама Леди-тролль пытается это доказать. И кому? Никите Кларскому! Человеку, с которым сама же и встречается. Идиотизм чистейшей воды.

Я молчала, а эти трое продолжали вести непринужденную беседу. Дэн мигом смог расположить к себе и нового знакомого и «приятельницу детства». Вот гад, чего раньше не сказал, что они с детства знакомы? Убью на фиг, когда наедине будем!!

Но почему мне показалось, что Гоблинша хочет убедить Ника, что я и Дэн встречаемся? С ума сбрендить можно. Или мне все это только кажется?

А вот харя Черри в кустах напротив мне вовсе не кажется. Вот же идиот! Не проследил, а я теперь сиди и мучайся тут с этой парочкой! От Князя добра не жди…

Дэн, расслабленно сидящий около меня и с интересом слушающий наших новых спутников, тоже быстро заметил зеленоволосого дружка, чьи волосы едва ли не сливались с сочной молодой и крупной листовой. Синие глаза сузились, Смерч легонько поднес сжатый кулак к лицу и коснулся челюсти, явно намекая другу, какая его ожидает участь за такой грандиозный промах. Зря, конечно, Дениска такие намеки Мистеру Вишенке делает: последний, по ходу, намного сильнее Смерча, да и в драках, думаю, куда более закален, в отличие от нашего маменькиного сыночка. Побьет он Дэнни, ох, побьет.

Но Черри в ответ только улыбнулся, явно не чувствуя за собой особой вины, пожал плечами, а потом умудрился одной рукой помахать, а другой послать воздушный глумливый поцелуйчик.

Я тут же покрутила пальцем у виска, очень осторожно, чтобы Ник и Ольга этого не заметили. А Дэнни, похоже, только с виду оставался очень спокойным, потому что не выдержал и, сделав вид, что хочет завязать шнурок, наклонился и уже с силой несколько раз ударил кулаком по ладони. Он пару секунд так смотрел на друга, что я даже диву далась: откуда в нашем Мистере Само Спокойствие и Лучезарная Улыбочка, может быть агрессия?

Нескладно и нервно отвечая на какой-то очередной вопрос не в меру расщебетавшейся Ольги, я заметила, как Черри стал жестами подзывать Дэна к себе.

— Там в кустах, кажется, кто-то сидит, — вдруг задумчиво произнес Никита, пристально уставившись туда, где только что пару секунд назад торчала физия Черри. — Или мне показалось?

— Где? — Удивилась Князева, вглядываясь все в те же несчастные кусты. — Никого не вижу, милый…

«Милый»? Боже, как сладко!

«Тош-но-твор-но!» — тут же заявили мысли-головастики.

— И я не вижу, — ту же сказала я и, посопев, выдала, — а ты видишь, дорогой?

Дэн картинно уставился в ту же сторону и пожал плечами. Мол, никого там нет. Он же продолжил разговор — сейчас обсуждали новинки кино, на которые было бы хорошо сходить всем вместе. Я только изредка вставлял фразы типа «ага» или «да, точно», и, кажется, не всегда к месту. В глазах Ника я явно выглядела так, как будто у меня в голове прогрессировал большой привет.

Черри больше не появлялся в кустах, и мы просидели вчетвером еще минут пятнадцать. А потом Денису пришло сообщение, и он, одновременно печатая ответ и не глядя на экран, разговаривал с Ником на тему альпинизма. Ник ведь увлекался эти делом (это так мужественно, правда?), а Дэнв хоть и предпочитал, как он мне однажды сказал, теннис и баскетбол, с такой уверенностью рассуждал о горах, что, казалось, будто он едва ли не мастер спорта.

А потом сообщение пришло и мне. Отправителем значился сидящий рядом Сморчок.

«Чип, срочно сгоняй к Черри, он ждет тебя на аллее Избранных Гусей», — было написано в сообщении.

— Честно сказать, я никогда не был на двойных свиданиях, — улыбнулся в это время Ник. — Но, по-моему, это здорово. Слушай, Маша, почему ты молчишь? Мы тебя стесняем?

— Точно, — поддержала его Троллиха, чтобы ей синим пламенем гореть, — ты ведь всегда такая общительная и веселая, а сегодня просто сама не своя.

— Да это просто так…

Во же пристали! Если сначала я никуда не собралась уходить, то теперь неожиданно вскочила с лавки — чтобы не объясняться, что со мной. Пусть Смерч выкручивается, пока я Господина Вишенку навещать буду.

— Я… сейчас! Подождите меня немного…

— Ты куда? — Спросил Дэнни, как будто бы и не он написал мне сообщение.

— Сейчас буду, говорю же! — Рявкнула я. — Объясни, что со мной, ребятам!

— А что с тобой… Выпила лишнего, — мигом нашел объяснение Дэн. Вот сволочь! Никита не любит девушек, которые пьют!!

— Возвращайся быстрее, моя девочка! — Крикнул он мне вслед веселым голосом.

— Я скоро… малыш!

Бросив на прощание влюбленный взгляд на Ника, настойчиво продолжающего с обожанием глядеть на постоянного обитателя мотов — то есть, на Тролля, я побежала к аллейке Избранных Гусей.

Кто ее так назвал, я понятия не имела. Гусей там никогда никаких и в помине не было, избранными же можно было только назвать идиотов, забирающихся на невысокую скульптуру-фонтан, а также пони и лошадей в нарядных сбруях, на которых за определенную цену можно

было прокатиться по парку. А еще вдоль всей аллеи тянулись многочисленные палатки с сувенирами, воздушными шариками и мороженым.

Главный Избранный Гусь этого дня, то есть индюк Вишенка поджидал меня там в гордом одиночестве около лотка с украшениями, брелками сувенирами из натуральных камней.

— Думаешь, это смешно? — Мрачно спросила я у него, не здороваясь.

— Вообще-то это смешно, — сказал он, засовывая руки с многочисленными татуировками в карманы военного цвета бридж, — видели бы ваши рожи!

Майка, кстати, на нем вообще отсутствовала.

— Да ты никак оборзел в конец? — Зло спросила я. Наглый панк!

— Ага. Пошли, Бурундук. — И он с силой уволок меня за лоток, за которым мы, притаившись, присели.

— Почему не Дэнни пришел? — Поинтересовался он своим глумливым голосом.

— Я не пасу твоего Дэнни, — огрызнулась я. — Он сказал мне, что ты ждешь меня.

— Я написал ему, чтобы пришел он. Но, ты, Бурундук, тоже сойдешь.

Черри и его приятель Смерча подводить, естественно, не хотели. Мало того, в парке эти двое даже решили не покупать себе любимого пива, чтобы случайно не испортить игру Дениса. Оба ограничились «колой» и сигаретами, и беспечно ходили вслед за Никитой Кларским и Ольгой Князевой, оставаясь, правда, на приличном расстоянии.

— Он меня бесит, — мрачно сплюнул Черри на землю, за что удостоился осуждающего взгляда от старушки в шляпке. — Манерный пижжжон. Хватит болтаться по всему парку!

— А герла с ним ничего так, — присмотрелся к тонкой фигурке Ольги его приятель. Как и Черри, он имел очень и очень неформальный вид: хоть его волосы были и естественного, темно-русого цвета, но были жутко растрепаны, являя собой чуть ли не идеальный образец «помойки», сотворенной, кстати, с помощью все того же пива.

— Она-то может и ничего. — Отвечал парень, прозванный Машей за глаза Мистером Вишенкой. — Но та еще стерва. Вот дьявольская задница! Их опять понесло в ту стону, где Дэнни со своим Бурундуком.

Зеленоволосый тут же набрал свободной рукой смс-собщение на потрепанном мобильнике с потрескавшемся экраном.

— Стерва? Люблю девочек с характерам, — расплылся в улыбке обладатель «помойки».

— Забей на нее, — зевнул, как гиппопотам Черри, — она не для тебя. Ей нравятся хорошие обеспеченные мальчики. Мажоры.

И оба парня не самыми добродушными взглядами уставились на спину ни в чем не повинного Никиты, облаченного в модную и дорогую, кстати говоря, одежду.

— Че то мне этот кент кое-кого напоминает, — сказал однажды приятель Черри, выкуривая

очередную сигарету.

— Кого еще?

— Да есть один такой тип неприятный в нашем районе.

— В ваш район вообще лучше не соваться, — усмехнулся Черри, вспомнив место, где живет его друг. У этого искушенного в драках парня было такое чувство, что в этом месте только и ждут появлении любых представителей неформальной культуры, чтобы хорошенько им навалять, вытрясти все деньги и изъять телефоны и прочие ценности. — Вот черт! Смотри, опять развернулись!

Раза два перед ними, откуда не возьмись, возникала Анька в своем «модном» красном костюме и ныла, когда же можно будет «провернуть дельце»? Мелкую мастерицу уличных краж привел не кто иной, как приятель Черри, сам не совсем чистый на руку малый. Именно он и познакомил девчонку со Смерчем пару месяцев назад. А вот Черри увидел ее в первый раз только сегодня, и вертлявая Аня со взрослыми ярко-зелеными глазами жутко его раздражала. Хотя он вообще-то очень и очень лояльно относился к девушкам. Нежно их любил, так сказать, ну, или не очень нежно, в зависимости от ситуации. Зеленоглазая балбеска стала неприятным исключением.

Первый раз она появилась, когда Ник и Ольга зашли зачем-то в террариум. Они продолжали нежно держаться за руки, и это очень веселило двух следопытов. Парни даже стали от скуки делать ставки на то, «когда он ее завалит». Близкий друг Дэнни считал, что через полгода — с такими-то темпами, а его спутник давал более оптимистические прогнозы, настаивая, что через три месяца.

— О чем базар? — Вдруг раздалось писклявое позади ребят, и кто-то вдруг совершенно бесцеремонно повис на руках стоявших рядом парней.

— Это что за…? — Чуть не упав от неожиданности, скосил назад темные глаза Черри, наклонился и тут же узрел мелкого пацана в красном костюме и в кепке.

— Это я. — Важно сказало существо, пряча руки в глубоких карманах штанов. — А ты кто, зелень?

— Эй, полегче на поворотах, пацан, — мигом «стала шерсть дыбом» у Черри.

— Спокойно. Это не пацан, — заржал второй парень. — Это Анька! Ну, та самая, которая Аладдин, — пояснил «помойка». — Привет, Аннета.

— Чего-то я больше не хочу быть Аладдином, — серьезно заявила деваха, вспомнив что-то. — Но все равно приветик.

— А это Черри. Друг Смерча. Познакомитесь.

— Друг Дэнчика? — Обрадовалась девчонка. — Привет, зелень. Ух ты, сколько у тебя татуировок. У тебя что, мания на татушки? А можно тебя обнять?

— Ну, попробуй. — Сразу не понравился Черри тон «поганки», как прозвал ее про себя молодой человек. Она попробовала. Очень удачно, лишив зеленоволосого всех наличных средств, паспорта и даже жвачки. Только телефон не взяла, сказала, что он «очень древний и лоханский».

Как же он взбесился! Не постеснялся выдать пару крепких выражений. И друг с трудом смог утихомирить взрывного Черри. А Анька, смеясь, подурачилась еще и смылась с жвачкой, не забыв прихватить и бутылку «колы», а в следующий раз появилась тогда, когда Ольга и Никита решили посмотреть детское субботнее шоу, проходившее на одной из открытых площадок парка. Они уселись на один из длинных лавочек, прижавшись друг ко другу, как будто бы обоим было жутко холодно. «Мажор» не спешил приставать к подружке, но наблюдательному, хоть и жутко ветреному Черри показалось, что его старая знакомая немного боится или стесняется Ника. Обычно Ольга в компании с молодыми людьми вела себя немного не так.

— Вот Смерч дебил, — пробормотал он, — на фига ему это нужно? Просто бы собрались и наваляли мажорчику в темном уголочке. Чтобы к чужим девушкам не приставал. Нет, ему все усложнить надо к чертям собачьим. — И он некультурно затушил сигарету о забор, на котором сидел.

— Ты о чем, брат? — Спросил его друг.

— Да так, — не стал просвещать его в грандиозные тайны Черри, спрыгивая с забора.

Парень с неудовольствием поглядел на этих двоих, мысленно торопя их быстрее прийти в кафе, чтобы Смерч, наконец, сделал через шуструю Аньку то, что хотел. Тогда бы он смог побыстрее попасть в одно интересное место, где будет хорошая панк-группа и много выпивки, да и шляться по парку уже надоело…

— Скоро там уже? — Вновь подкралась сзади обладательница красного костюма и с силой хлопнула парней по спинам. Черри от неожиданности вздрогнул, пролил на белую майку «колу» и опять выругался. Присутствие зеленоглазой пигалицы здорово его нервировало.

— Ты что, с ума сошла? — Грозно уставился он на Аньку.

— Немножко все мы «того», — скромно отозвалась она и заныла, не обращая никакого внимания на злые сощуренные глаза зеленоволосого. — Эй, долго мне еще тут ходить? Где этот парень, которого обработать нужно? Покажите мне его хоть, ааа?

— Вон он, — тыкнул «помойка» пальцем в темно-серую спину Ника, сидевшего уже в обнимочку с Олей.

— О, как понятно, чувак. — И Анька зашлась смехом. — Теперь его спинку я узнаю из тысячи других спинок. — А когда он уже в кафе пойдеееет? Мне надоело в парке тусоваться.

— Да сами ждем решения клиента… Не торопись. Дэн хорошо заплатит.

— Для него работаю бесплатно.

Черри в это время, выругавшись, стащил с себя майку, потому как темные пятна от газировки его раздражали.

— Че, стриптизом балуешься, зелень? — С интересом зыркнула в его сторону юная воровка, грудь которой просто-таки распирало необъяснимое желание поиграть с высоким нахмурившимся парнем, чьи руки были украшенным многочисленными татуировками. — Кого соблазнять удумал?

И она, совершенно не стесняясь, потрогала Черри за бицепс, а потом еще и провела по уже слегка загорелой коже тонкими ловкими пальчиками. Зеленоволосый изумился так, словно

женская рука впервые коснулась его. Виду, естественно, не подал, только покачал головой и прошептал что-то неразборчивое и явно ругательное.

— Неплохо мускулатура развита, — тоном знатока мужских тел сказала девчонка нараспев и шмыгнула носом. — Только ты в одежде худее смотришься. Одевайся лучше. И перекрасься. Мне, как девушке, кажется, что тебе другой стиль подойдет.

— И ты девушка? — Скептически посмотрел на нее Черри. — Ты черт в юбке.

— Во дурак никчемный… А кто еще? Анька — классная девушка.

Их общий знакомый заржал.

— Ха! Да у тебя даже юбки нет. — Заявил Черри сердито, сдвинув сердито ломанные брови к переносице. Раздражение в нем только росло. — Чего ты на меня уставилась, малявка? — Излишне грубо спросил он. Его приятель вновь заулыбался.

— Нравишься ты мне, — хмыкнула девчонка, тряхнув густыми волосами.

— А мне нравятся другой тип девушек. — Преувеличенно громко ухмыльнулся Черри, не забывая, впрочем, поглядывать за Ником и Ольгой. — И, желательно, постарше. И опытнее.

— Да ты никак ценитель женской красоты? — Лукаво взглянули на парня зеленые глаза из-под козырька. На миг Черри показалось, что девчонка намного старше, чем ему показалось вначале их знакомства.

— Что-то вроде этого, мышка. — Покровительственно отвечал он.

— Ну, я думаю, ты только ценитель. Ценитель издалека. — Анька противно захихикала, не обратив внимания на «мышку». — Тебя любая нормальная девушка за три километра обойдет стороной.

— Спорим, мышка, что любая свободная девушка здесь даст мне номер телефона? — Спросил он, вдруг возгоревшись желанием доказать малявке свою значимость в глазах противоположного пола.

— Ну, давай, действуй, — пропищала зеленоглазая воровка. — Анька посмотрит, как работает грозный дядя Черри по кличке Зелень.

Черри уничтожающе посмотрел на пацанку и вразвалочку направился к двум девушкам-подружкам, стоящим неподалеку.

— Эй! — Попытался окликнуть его друг, — ты куда? А объекты?

— Сам за ними посмотри. — Было ему ответом. — Если что — свяжись со Смерчем.

Здесь Черри допустил важную стратегическую ошибку. Ушел.

— Странный какой у тебя дружок, — сказала Анька весело, когда парень подкатил к девушкам. — Шальной мальчик.

— Не то слово. Но не задирай Черри. — Посоветовал ей обладатель головной «помойки». — Будешь? — протянул он воровке пачку сигарет. Она молча вытащила одну из сигарет и прикурила с помощью зажигалки Черри, который вовремя не спохватился о любимой вещице,

mir-knigi.org

которую как талисман всюду таскал с собой.

— А то что?

— А то… Вот же адская прабабушка. — Вдруг выругался парень, глядя вперед, на толпу гуляющих людей.

— Интересные у тебя родственнички. Оттуда прямо… — И обладательница несуразного красного костюма ткнула узкой ладонью вниз. — Кого ты там увидал?

— Ребяток тех самых, которых мы с тобой накололи на той неделе. — Вглядывался «помойка» в хорошо знакомые фигуры трех небритых и немного нетрезвых господ лет двадцати, тоже промышлявших не совсем законными вещами, в том числе и сбытом краденого. Кажется, эти люди что-то праздновали: каждый держал в руке по бутылке пива.

— Оп-па, пошли-ка быстрее отсюда. — Мигом потушила сигарету его собеседница. — Анька Аладдин — за безопасность и самосохранение.

— Но, я же следить должен за нашими клиентами… — Кинул потерянный взгляд на фигуры Ника и Ольги ее приятель.

— Лучше за своим здоровьем последи. Если они сейчас тебя увидят, то будет твоим почкам и печоночке очень бо-бо, — сказала своим любимым писклявым голосом Анька. — Так что забей на это, и сваливаем. На минутку зашифруемся и вернемся.

И эти двое дунули в противоположную сторону, повинуясь инстинкту самосохранения. Они честно вернулись через 5 минут, когда опасность миновала.

Наверное, во всех этих событий, нежданных и на первый взгляд, глуповатых, была виновата матушка-Судьба.

Пока Черри заигрывал с девчонками, а его друг и Анька пытались скрыться от возмездия непонятных темных личностей, Ольга и Никита спокойно встали со своих мест и двинулись дальше. К несчастью, а, может быть, к счастью, Маша и Смерч оказались очень близко.

Обе пары вострились, заставив чуть позже Черри с силой вдарить кулаком по ближайшему дереву, а потом и по плечу вернувшегося друга — темные личности ушли, не заметив «помойку» и юную нахалку с криминальными наклонностями.

— Я вас сейчас убью! — прорычал вернувшийся Черри, который действительно завладел номерами телефонов девушек — сразу двух. Только сейчас это его больше не волновало. Он был вне себя от ярости — особенно когда увидел, как «объекты» сидят вместе со Смерчем и его Бурундуком. Последняя явно была в некотором неадекватe.

— Да мы же случайно… — Попытался возразить его приятель.

— Это тоже случайно! — прорычал взбешенный парень и еще раз двинул другу — теперь уже в живот. Тот некрасиво его обозвал.

— Добрый, добрый мальчик и заботливый дружок, — только и сказала про зеленоволосого Анька и благоразумно ускакала, крикнув, чтобы ей позвонили, когда понадобиться ее помощь. Она уже наметила себе новую жертву — пузатого дядечку, который вел под руку фарфоровую куколку. Девушка, натянув едва ли не до носа козырек, скромными мелкими шажками

посеменила вслед за дядечкой, на ходу оценивая стоимость его пиджака, золотых часов и, самое главное, кожаного пухлого портмоне, которое промелькнуло в его руке.

Это был единственный достойный клиент в этом рассаднике детского веселья и «ванильно-ватного счастья», как окрестила атмосферу парка девушка. «Заимствовать» навсегда вещи и деньги у родителей, выгуливающих детей, у влюбленных студенческих пар и у подружек-школьниц, она вовсе не хотела.

К сожалению, карманница так и не увидела лица тех, кого ей предстояло обобрать по просьбе «милашки Дэньчика».

«Дуб дубом», — только и единогласно решили мои мысли, налились нежным персиковым цветом и глубоко задумались о дальнейшем существовании. Мир, в котором так много дураков, обречен на вымирание.

Черри честно рассказал мне, почему у него и его приятеля, который появился чуть позднее, с наливающимся финаглом на скуле, не получилось предупредить Смерча и меня о том, что в нашу сторону направляются Оля и Никита. Ничего не утаил и ничего не стал придумывать. Я бы на его месте крутую историю придумала… а он прямой, как, дорога.

Вообще-то панк ждал Смерча, но тот по какой-то причине не захотел оставлять Ника и Олю одних и послал меня.

Почувствовав себя гонцом Дэнни, я помрачнела. Вот поганец! Всех заставит на себя пахать!

— Ну, вы и придурки. Конкретно-реальные. — Сказала я растерянно. Как такое может быть? Вроде бы и смешно, но с другой-то стороны еще и грустно! Есть вот произведение известное, Грибоедовское, «Горе от ума», а у Черри и у нас с партнером наоборот, горе от глупости. Но высказывать так не слишком добродушному зеленоволосому панку свои мысли я не стала. И так не добрый.

Орел осторожно, очень незаметно постарался нагадить юноше с нетрадиционным цветом волос прямо на плечо. Не получилось: слишком быстро двигалась внизу его «жертва».

Странные дела, кстати: вот сидит рядом со мной Черри, и у него плечи обнаженные. Вроде в меру широкие, прикольные такие, и с татушками, но что-то меня к этим самым плечам не тянет. Вот лучше бы Смерчинский или Никита разделись бы…

— Тебя как зовут? — неожиданно для самой себя спросила я.

— Саша. — Коротко бросил парень.

— Аааaа, Саша, Александр то есть, — сказала я, вздохнув с облегчением. Имя не на букву «Д» — это радует. — А фамилия у тебя на какую букву? — На всякий случай поинтересовалась я.

— На «Р». А что? — темные глаза посмотрели на меня очень подозрительно. — Мою фамилию взять хочешь, детка? Тебе Смерчинской больше подойдет быть.

— Да так, ничего. И не говори мне про этого гада. Н-да. Короче, все ясно. Вы ступили. Пойду я. — Произнесла я, и меня вдруг «просветлило» спросить у Черри кое-кто. — Слушай, а что, Тролль и Смерч давно знакомы, с детства, да?

— Кто? — не понял парень.

— Князева.

— Ааа. Называешь ее Троллем? — развесился он тут же. Ну и скачки в настроении у паренька.

— А как мне ее называть? Ее Королевское Высочество?

— Да мне без разницы, как хочешь, так и называй, — похоже, парню было действительно все равно. Он захотел прикурить, вытащил сигареты, но вот зажигалки в карманах бридж отыскать не смог и протянул устало: «ну что за N запрещено цензурой N сегодня творится»

— Тролль и Смерчинский знакомы с детства? — Повторила я свой вопрос, забарабанив пальцами по лотку.

— Ну да. — Отвечал Черри, как будто бы это было само соой разумеющееся. — А чего ты спрашиваешь, Бурундук?

— Дэн мне раньше этого не говорил. — Призналась я. Кажется, мне было чуточку страшно возвращаться к Ольге и к мальчикам. Особенно к одному, которого хотелось придушить.

— Спрашивай его получше, — неожиданно ухмыльнулся Черри. — Дэнав всегда что-нибудь не договаривает. Да и вообще любого достать может. Конкретно.

— Я заметила, — невольно вспомнились мне наставительные советы про капусту и ее воздействие на женский организм. — И что, вокруг Троллихи с детства крутится обаяшка Дэнни, и она на него ноль внимания?

Черри с неудовольствием взглянул на меня.

— Наш прострел всех девок поспел… очаровать поспел. — Одобрительно залыбившись, поправился парень. — Нравится он ей… Не знаю, раньше нравился точно. Да я уже запутался с ними. У них одни проблемы.

У меня высоко поползли брови.

— Так чего они тогда не вместе?!

— Ну, так… Короче, он с ее сестрой встречался. — Вздохнув, произнес Черри и резко выпрямился.

— С Князевской? — Прищурилась я, тоже поднимаясь. Ноги затекли, но я не обращала внимания на эту мелочь.

Черт, мне неинтересно, с кем встречался Смерч в прошлом — это его право, но почему мне так не нравится это слышать? Как будто бы зеленый мне про отношения принцессси Оли и моего Ника рассказывает?

— Ага, с ней встречался.

— Ого! А наш малыш не промах! Значит, после того, как Дэнни встречался с одной сестренкой, ему резко понравилась другая, то есть Ольга? А та, хоть ей и нравится Смерч, не желает встречаться с ним из-за сестры? — Тут же стала строить разнообразные версии я, закипая, как чайник на газу. Чего Сморчок скрытный такой??

Орел плотоядно щелкнул клювом и начал перебирать в уме способы нападения на коварных

личностей с целью выклевать им все, что возможно.

— Эй, он не такой подлый! — возмутился вдруг Черри, услышав мои слова. — Несешь полную чушь, Бурундук. Не ляпни ему об этом.

— Почему?

— Потому что, — не поторопился с объяснениями зеленоволосый парень. — Оля и Дэнв — просто друзья.

— Поподробнее.

— Не могу. Подробности пусть он сам тебе расскажет.

— Расскажет, — ничуть не сомневалась я и встала. — А кто такая Лазурная?

— Инну так назы… — Ступил парень, но замолчал. Черри умом то не блещет!

— Чего еще за Инна? — Уставилась я на парня, копируя поведения папу и его знакомых следователей, ведущих допрос. — Что за Инна, говорю?

Тот, поняв, что совершил очередную глупость, поморщился.

— Детка, Чип, не вякни об этом нашему общему другу. Инна — это Инна.

«Две потери… две потери»… Инна какая-то там и Князь, что ли?

— Черри! Отвечай немедленно! Что Смерда еще и с какой-то Инной связывает! — Топнула я ногой. — Немедленно!!

Но «зеленовласка» так на меня посмотрел, что я предпочла умолкнуть. Блин, а этот чувак умеет внушить страх.

— Сама все узнаю! — Презрительно сказала я, разворачиваясь.

— Эй, Бурундук! Скажи ему, чтобы не злился. — Окрикнул меня Черри, одновременно поймав какого-то тощего парнишку, чтобы тот дал ему прикурить.

— Скажу. Неужто, боишься Смерчика? — Хихикнула я, все еще озадаченная хитросплетениями вокруг достопочтимого Тролля и Дениса. Последнему хотелось слегка набить красивую мордашку, этим я и запланировала заняться в тот самый миг, когда мы останемся наедине.

— Да просто не хотел друга подводить, — сказал, глядя в голубое небо, парень.

Со стороны запада надвигалась большая, темная туча, посылая вперед полупрозрачные облака-разведчики. Кажется, туча очень хотела выслать на землю дождевой десант и пока что прицеливалась, в какие районы города его лучше всего послать.

Я поспешила назад, на ходу переваривая информацию. Я уже запуталась с девицами Смерча! Бабник чертов, задрал своими тайнами. Действительно, ему вывести из себя спокойную Машеньку — раз плюнуть. А он уже раз сорок плюнул!

Но начать тяжелую атаку на поганца Дэнни мне сразу не удалось. Меня саму атаковали —

случайненько так. Я на всех парах приближалась к заветной лавке, беззвучно шевеля губами не самые хорошие слова. Потом остановилась и вдруг решила подслушать разговор Дэна, Оли и Никиты, меня прямо-таки эта идея осенила! Вдруг чего узнаю из очередных загадочек моего милого партнера? Или…вдруг они все трое что-то скрывают?

— Эврика! — Сказала я сама себе и даже палец подняла к верху, сделав умное лицо, а потом ткнула им в сторону, представив, что тыкаю в наглый лоб Смерчинского. — Ты у меня еще попляшешь!

Мимо, как назло, проходила девочка с розовыми бантиками и ее противная мамаша. Она вновь покосилась на меня.

— Придурочная. — Презрительно сказала тетка мне и поспешно увела доченьку, которая тут же стала спрашивать у мамы, «все ли тети, которые ждут ребеночка, придурочные»?

Я, подумав, обогнула аллейку, ловко залезла в кусты, согнулась в три погибели и бесшумно почапала к лавке — это у меня получилось. Правда, я чуть не подвернула себе ногу о какой-то некстати подвернувшийся камень и даже вскрикнула, но в это время очередная порция развлекающихся на аттракционе вновь дружно заголосила, и я осталась незамеченной. Потом пришлось ползти, и я замарала колени и ладони, но ничуть не переживала по этому поводу. Во мне бурлил дикий азарт.

Я, полная злорадства, затаилась около лавки, под кустом. Мне открылся чудесный вид ног моих спутников: разгильдяйские кеды, утонченные босоножки и элегантные ботинки. А на саму меня с большим удивлением уставились деловитые воробушки, порхающие с ветки на ветку цветущего кустарника, но на их мнение орлу было абсолютно начихать — при условии, что он умел это делать.

Да, так я и оказалась позади лавочки с партнером и «объектами». Нас разделяло расстояние в один шаг, и я прекрасно слышала их голоса. К моему громадному сожалению — но и к облегчению тоже — они продолжали разговоры на нейтральные темы. Сейчас обсуждали поездки по Европе. Смерч все тем же тоном знатока рассуждал, что ему больше всего по нраву Амстердам и Дублин (почему его привлек первый город, я догадывалась, но почему второй — понятия не имела). Троллиха щебетала, что лучше Парижа и Милана места нет, а вот Никита сказал, что он не часто путешествует, но ему понравилось в Вене и в Праге.

А потом началась «подлянка».

Сначала, судя по звукам мобильника, Смерчу приходили сообщения (как потом оказалось, это Черри уже по телефону «каялся»), и он, одновременно рассказывая увлекательную историю из жизни: Никиту и Князя при этом печальными я никак не могла назвать.

— Ой, смотрите, что здесь написано! — Вдруг воскликнула Ольга. Кажется, эта дура уставилась прямо на то место, где я недавно выводила черным маркером всю правду о Смерчинском. Ну, что он лох и сволочь.

— А что там? — Заинтересовались парни, продолжающие беспечно болтать. Нет, ну просто лучшие друзья! Но я-то знаю, что Дэн Клару теперь не может!

— Денис, это про тебя, — со смехом в голосе отвечала моя соперница и зачитала вслух. — *«Смерчинский, мне без тебя плохо. Я сволочь, прости меня».*

— Денис, у тебя всюду поклонницы есть, — с чисто мужским уважением произнес Никита.

«Опухнуть можно», — всполошились мысли-головастики, чернея от возмущения.

— Где?! — Коршуном выскочила я из-за лавки в порыве диких эмоций. И так всегда — почему я не такая спокойная и рассудительная, как Гоблинша?

Я такого не писала!! Че за выходки у дебильной лавки?

— Маша? — Потрясенно уставились на меня все трое. Кажется, я произвела фурор свои появлениям. Ну вот, Ник опять обо мне плохо подумает…

— Надо мной что, издеваются? — Крикнула я на полпарка.

— Тише, тише, малышка, — птичкой соскочил на ноги Дэнни и ласково спросил. — Куколка, ты что там засела, как Соловей-Разбойник в засаде? Ты чего грязная такая?

Он видел выражение моего лица и не смог скрыть улыбки. Парень осторожно снял с моего плеча какую-то длинную травинку и пару листочков, прилипших к волосам. Он же первым рассмеялся: заразно, озорно, как заботливый дедушка над проказой любимой внучки-шалуньи. Ник и Оля вначале озадаченно переглядывались, но и они стали смеяться: между прочим, по-доброму. А Дэн, пожав плечами, сквозь ржание сказал:

— Я же говорю, когда моя девочка немного выпьет, очень чудит!

— А ты прикольная, — сказал неожиданно по-дружески Кларский, и я на секунду поперхнулась собственной злостью. Дэн зачем-то, видимо, сам не осознавая этого, отодвинул меня подальше от моего любимого. Смеяться не перестал.

— Так что там написано? Кто это написал? — не обращала я внимания на смех. Вглядевшись, я поняла, что чья-то наглая рука точно таким же черным маркером, как и у меня, старательно приписала кое-какие слова между моими «Смерчинский» и «плохо». Букву «Я» ловко исправили на «И». После приписали про «прощение». И вышло то, что вышло.

— Кто это сделал? — Очень медленно спросила я.

Судя по довольной улыбочке Дэна, надпись успел «подкорректировать» именно он. Синие глазки просто-таки работали прожекторами веселья. Ведь не зря же он с другой стороны от меня сел, когда мы еще вдвоем были!

— Ну ты и сволочь! — От души двинула я его по руке. — Как ты мог?!

— Маш, не ревнуй Дениса так. — Вдруг вступилась за друга детства Ольга. — Ты же знала, на что идешь, когда согласилась с ним встречаться. Он очень популярный. Мало ли кто о нем что-то написал на лавке в парке. Может быть, даже и не про него.

Кажется, она и Ник подумали, что я бешусь из-за ревности. Во дела!

Я злобно на нее посмотрела и вновь попыталась долбануть Смерча, но он, ловкая зараза, увернулся.

— Эй, а это уже хамство! Я с тобой сейчас на счет тайн еще поговорю! — Поведала я ему. — Что ты там от меня скрываешь, а, молокосос? Какие там у тебя девицы еще кроме этой…

Парень поморщился и, сказав Князю и Нику, что «мы отойдем на секунду», вдруг закрыл мне рот теплой ладонью и бесцеремонно уволок метров на десять от лавочки. Вообще, честно

сказать, меня уволочь сложно, я пинаюсь и дрыгаюсь, но со Смерчем этот фокус не прокатывал — всего лишь один внимательный взгляд, просящая полуулыбка, и я подчинялась его воле. Гипнотезер-вонючка.

Он прислонил меня к большому старому стволу дерева, приблизился ко мне так, словно бы собирался съесть, положил ладонь на ствол, чуть выше моего плеча и, ничего не говоря, вздохнул. От того, что Денис был так близко, мне стало спокойнее. Да и его глаза зажглись знакомыми огоньками. Брюнет чуть подумал и немного отступил назад, но руки не убрал.

— Ты чего там сидела? — Устало посмотрел он на меня. Веселье с его лица опять куда-то исчезло.

— Подслушивала. А чего ты мне врал? — Нахмурилась я. — Чего ты мне врал, спрашиваю?!

— О чем же я тебе врал?

— Не договаривал про какую-то там Инну, и про сестру Тролля! И еще, по ходу, про кучу всего!

— Ах, это? Это не ложь. Ты просто не спрашивал. Это ведь не относится к делу, Чип. Кто тебе сказал… об этом?

— Вишня. — Не стала покрывать я зеленоволосого.

— Вишня свое получит, — спокойно ответил Дэн, посмотрел на Ника и Ольгу, оставшихся на лавке даже помахал им. Они помахали в ответ.

— Так почему ты мне не сказал всего этого раньше?

— Это лишние подробности. Честно — все то, что поведал тебе мой словоохотливый друг, не относится к тому, что я пытаюсь разбить пару «Малышка Ольга и Клара». — С честными глазами щенка, который где-то нашкодил, отвечал парень. — Это мало связано с моим прошлым.

Я задумалась. А попробуй тут не задумайся, когда над тобой навис очаровательный парень.

— Скажешь, ты мне вообще не врал? Что-то я копчиком чувствую, что ты меня за нос водишь, мудило.

— Ну и манеры, Бурундук! Сколько раз тебе повторять, что бы ты вела себя вежливо. Ладно. Давай заключим временное перемирие. — Серьезно предложил Дэн. — Мы пробудем с ними до тех пор, пока наша милая воровка не провернет свое дельце, и будем вести себя, как и прежде. Ты ведь хочешь быть со своим Никиточкой? — Чуть недовольно спросил он, явно пародируя меня.

— Хочу? Еще бы. Это моя главная цель в жизни. — Заявила я.

— Отлично. Мир? А после я тебе расскажу то, о чем немного… преувеличил.

— Отлично, гад. Да, зачем ты вообще предложил им с нами посидеть? — Возмутилась я, гадая, что он мне там еще соврал?

— Я подумал, что будет неплохо, если у Клары не окажется денег, а заплачу я. — Изрек гордо этот оболтус. — Он тут же почувствует мое преимущество.

mir-knigi.org

— Значит так, я верю тебе последний раз. — Сердито отвечала я. — Сейчас я успокоюсь, сделаю вид, что ничего не слышала. В кафе ты купишь мне все, что я захочу. А завтра сделаешь крутой подарок. И все расскажешь.

— Какой еще подарок?

— Какой я захочу. Ты мальчик богатый. А я не комплексую по поводу принятия подарков и денежных вознаграждений от лиц мужского пола.

— Ты такая милая, моя мошенница.

— Мошенница? Да я с тобой скоро полудурком стану. — Хмыкнула я, чувствуя, что Смерч действует на меня сегодня как вино — от него голова кружится.

— И если что, у тебя легенда — ты пьяна. — В тему напомнил парень. — Маша?

— Что? — Недовольно взглянула я на Смерча — взгляд как раз упирался в его ящерицу на шее. Милый, а ты ведь действительно яркий, как ящерка.

— Не бойся. Ладно? — Успокаивающие и одновременно ласковые слова пришлись по душе моему орлу. На плече у Дэна ему было очень нравилось.

— Кого? Тебя? Хаха, очень остроумно. Я ящериц не боюсь.

— Никиту. Ты боишься его. — Ничуть не обиделся парень. — Я же вижу, что ты при нем ведешь себя по-другому. Стесняешься? Чувствуешь неловкость? Говоришь глупости, поэтому предпочитаешь молчать? Возьми себя в руки, Бурундук. Просто возьми себя в руки. Он — всего лишь консервативный пижон без чувства юмора. Тише-тише, не спорь со мной насчет этого. И помни: твой партнер всегда рядом. И ты, и я должны вести себя уверенно, будто бы мы и впрямь пара. Закрепим?

Он поднес кулак к моей руке, и я неохотно ответно коснулась его своим кулаком. Решимости вести себя нормально рядом с Ником и не тушеваться и впрямь прибавилось. Да, от этого простого, но ободряющего жеста мне стало действительно намного спокойнее.

Смерч вселил в меня уверенность, что этот вечер пройдет так, как надо. Кому? Естественно, Судьбе. Ведь только на нее и нужно полагаться, верно? Она знает, что дать нам, чтобы мы не прогадали своего счастья. А мы всего лишь должны взять ее «дары» в руки и постараться их не выпускать.

Парень коснулся указательным пальцем моей щеки. От неожиданности я вздрогнула.

— Все лапаешь?

— Божья коровка. На твоей щеке. — Произнес он, показывая перевернутую кверху ладонь, и получилось так, что с нее мы вместе сдули маленькую красную букашку, чьи крылья были украшены черными пятнами.

— Божья коровка, лети на небо… — очень выразительно изрек Дэн начало старой детской поговорки, которую я и мои подружки все детство лепетали всякий раз, когда находили этих забавных насекомых. Он продекламировал начало и уставился на меня, чтобы я завершила конец поговорки.

— И там пожалуйся Боженьке на Смерчинского, — не оправдала я его надежд.

— Ее там детки ждут.

— Подождут. Видишь, видишь? Она полетела с докладом в Небесную канцелярию. Теперь тебе хана, Сморчок.

Говорила я об одном, а думала о другом: почему красный шар от нас никуда не делся, а вот красная божья коровка улетела?

Когда я сказала об этом вслух, мы зачем-то засмеялись.

Краем глаза я видела, что Ольга смотрит на нас, не отрываясь, а Никита что-то шепчет ей на ухо.

— Пошли, и будем играть до конца. Я обязательно расскажу тебе все-все. Только немного позже. Ведь я сам дал обещание. — Произнес напоследок Денис.

— Смотри, если что, я вполне смогу устроить тебе персональную газовую камеру, дружок. — Пообещала я. — И это… ты что написал на лавке, а?

— А ты что? — Вопросом на вопрос спросил он. — Почему я лох и сволочь? Кстати, ты в этом слове мягкий знак забыла.

— А ты, кажется, где-то свою совесть забыл, дружок. Потерял, наверное, когда по девицам бегал.

— Я не бегаю по девицам, — с самым невозмутимым видом отвечал парень, — я общаюсь с прекрасными представительницами человечества. Не пиши больше нигде мою фамилию, Бурундук. Если так желаешь обозвать, используй имя.

Я пообещала, что в следующий раз так, безусловно, и сделаю.

— Кстати, моя грязнуля, тебя надо в порядок привести, — Дэн резко опустился на одно колено и, достав из рюкзака салфетки, обтер от пыли и прилипших травинок мои колени, а потом и ладони.

Орлу давно не чистили перышки после путешествия по горам.

Мы вернулись к «объектам», взявшись за руки. Наверное, ветерок пожертвовал своими салфетками, чтобы самому не запачкаться. Ведь, похоже, держаться за руку у нас входит в привычку. Но хороша ли эта привычка?

А, все, что я ни делаю — все хорошо.

Вот как повысилась моя самооценка после того, как меня своеобразно успокоил Смерчинский! Ему надо было не на переводчика поступать, а на психолога, а еще лучше — на психиатра. Сдается мне, пациенты были бы в восторге от такого замечательного доктора. И словами лечит он прекрасно, и улыбками оптимизм обеспечивает. Да, мне стало лучше в психоэмоциональном плане, и даже вернулась былая уверенность, которая рядом с Ником исчезала, уступая место восхищенному психозу.

— У вас такие забавные отношения, ребята, — приветствовала нас Ольга, когда мы вернулись.

mir-knigi.org

— Я — невероятный современный неоромантик, — тут же заявил Дэн.

— Я тоже, — сказала я. — Романтик. Хотела Дэничку за ногу погладить, когда за лавкой сидела, да только не получилось. Романтичка я.

— Фанатичка. И не ревнуй меня больше из-за чужих надписей, — сказал Дэн, одновременно целуя в висок. Его губы задержались там чуть дольше, чем нужно, и от этого стало очень тепло.

— Отодвинься от меня, — прошипела ему я.

— Мне нравится тебя обнимать, — было мне ответом от наглого Сморчка. Совсем распоясался! Давно, видать, не получал по черепушке.

— Вы здорово смотрелись, — признался Ник. — Денис…

— Называй меня Дэном, окей?

— Без проблем. Дэн, ты, как вижу, умеешь произвести впечатление на девушек. — И он окинул меня взглядом зеленых, как всегда, спокойных, светло-зеленых глаз.

— Ты мою сестренку тоже очаровал неплохо, — точно таким же дружелюбным тоном отозвался Дэн. — Оль, ты в него влюблена?

— Денис, не смущай меня, — подняла обе руки вверх девушка.

И снова завертелся разговор. Я, вспомнив, что Черри упомянул какую-то там сестру Князя (ахаха, представляю, что у нее там за сестра, раз Смерчинский с ней встречался вначале — Князь в кубе, что ли?) Семья с двумя Троллями — это очень жестокая семья. Но не попытаться ли что-нибудь выведать про Князеву номер два у номера один? Вдруг расскажет нам во всех подробностях, как они встречались?

— Кстати, у вас братья или сестры есть? — Небрежно спросила я, когда Смерч переводил дыхание от долгой забавной истории, а Никита еще не успел задать никакие вопросы.

Ох, как же мой вопрос не понравился Сморчку! Он даже руку с моего плеча убрал, как будто бы желал поправить рукав, но назад ее так и не вернул. Вопрос ему жутко не понравился — на этот раз наш замечательный актер не смог скрыть своих чувств. Я немного восторжествовала.

— У меня нет, — тем временем произнесла Ольга. Я глубоко разочаровалась в ее ответе. Он смеет мне нагло врать, или у Черри проблемы с памятью?

— Как, совсем? — Попыталась еще раз спросить я.

— Да. — Коротко отвечала мне девушка.

— И я один в семье, — сказал Дэн, перекрещивая длинные ноги.

— Поэтому ты такой эгоцентрик, — тут же радостно сказала ему я. — Потому что один в семье. Вот у меня есть старший брат.

— Это здорово. Я всегда мечтала о старшем брате. — Вздохнула Оля, опуская взгляд умело подкрашенных глаз.

mir-knigi.org

— А я — о младшей сестре. — Сказал неожиданно Кларский и чуть смущенно улыбнулся. — Я бы хотела заботиться о ней. С детства люблю детей.

И я, и Тролль с благоговением уставились на Никиту. Согласитесь, такие слова способны ввергнуть в бездну трепета почти любую девушку!

— А я просто всегда мечтал о собаке. — Сказал, откинувшись на спинку скамейки, Смерчинский. — Большой, белоснежной, пушистой. И с теплым носом, как у Маши.

— И что? Твои мечты осуществились? — Занесла я в черную книжку Сморчка за «теплый нос». Если так подумать, то 85 % записей в этой книжке посвящены этому наглому парню. — А… лапуля?

— Нет, зайка. У мамы аллергия на шерсть животных. — Грустно улыбнулся парень, возвел синие ночи к небу и добавил умиротворенным голосом. — Поэтому с самого детства я обожаю огромные мягкие игрушки. У меня целая коллекция белоснежных медведей.

Теперь мы с Троллем уставились все с тем же умилением на Смерча. Боже, какой большой ребеночек! Если не врет, конечно.

Они с Ником что, решили перещеголять друг друга, кто милее и «кавайней»?

— Мягкие игрушки? — Все-таки не удержалась я от дурацкой колкости. — Зачем они тебе, ты же уже большой мальчик. Ой-ой-ой, воспитывать мне тебя и воспитывать.

— А что ты тогда утащила игрушку, которую я тебе выиграл?

— Просто так.

Потом разговор вновь зашел о родственниках, и я поведала всем, почти не запинаясь из-за взгляда Кларского, что у меня есть ужасный старший брат, который эксплуатирует несчастную меня.

— У меня тоже есть старший брат, Маша. — Сказал он. — Поверь, в детстве мое положение было значительно хуже. Старшие братья с большим трепетом относятся к сестренками, нежели к братишкам.

— Твой брат не называл тебя рабом. — Выдохнула я преувеличенно жалостливо.

— Правильно, он называл меня гораздо хуже, — серьезно отвечал Ник.

Мама!! Какой он милый! Да не брат, мой Никита!

— Эх, старшие всегда терроризируют младших. Нам не повезло. — Согласилась я важно, как будто бы факт наличия старшего братишки на самом деле был чем-то таким, что отличало нас обоих от прочей серой массы людей. — Если мы с Федькой оставались вдвоем, то жизнь превращалась в сплошной террор. Да, у меня дома настоящая тирания!

— Как интересно, — улыбнулся Дэн. — Вероятно в роли тирана все же выступаешь ты, моя грозная милашка?

Я пнула его по ноге, не переставая улыбаться.

— А у вас что, ребята?

mir-knigi.org

— У меня? Надо подумать. Монархия, — задумчиво отвечал Ник, глядя не на нас, а на собственную руку, костяшки которой к моему удивлению, оказались сбитыми. Я даже шею вытянула, чтобы получше рассмотреть руки парня. Вроде бы телосложение у него среднее, а вот руки кажутся сильными. Или они больше аристократичные? Ах, тяжело любить такого красавчика. Особенно если другой красавчик, общепризнанный, дышит тебе в затылок.

— Или нет, теперь уже социализм. — Продолжал он.

— Никит, что ты имеешь в виду? — мягко спросила Оля.

— Что-то вроде равноправия. Все должны быть равны. Путем отбора у буржуа их ценного имущества. — Вдруг засмеялся ее парень.

— Отбираешь понемногу у буржуа? — Вскинул брови Дэн.

— Думаю, это делает брат. У него специфическая работа, связанная с работой с людьми. — Пояснил парень, и его губы дрогнули в улыбке. — Но в детстве он активно практиковал на мне любимый метод прихода к власти марксизма и анархизма — революцию.

Какой у меня Ник умный. А, блин, сердце так стучит, потому что он рядом.

«*Уберем лупоглазую матрешку!*» — проскакали в голове мысли в буденовках, с саблями наперевес, удерживая в лапках с перепонками кроваво-красные флаги революции.

«*Завладеем нашим сокровищем!!*»

«*Революцию в массы!*»

— Малыш мой, у тебя в глазах кровожадные огоньки прыгают, — сказал мне Дэн между делом.

— Называй меня как-нибудь попроще, милый.

— Да, конечно, Бурундучек. Ребят, прошу прощения, мы отвлеклись. Оля, а у тебя что дома?

— Геронтократия, которую усердно маскируют под демократию. — Отозвалась она. Вот Тролль! Выпендриться решила! Что это еще такое, эта геронтократия?

Смерч словно бы прочитал мои мысли и сказал:

— Власть старейшин? А почему не матриархат? — лукаво поинтересовался Смерч.

— Может, и матриархат.

— Честно сказать, вся власть в доме действительно находится в руках твоей мамы. — Не скажу, что ветерок сочувствовал девушке.

— Это точно! — покачала она головой. — Когда мать — руководитель адвокатской конторы, то в доме все делается так, как она хочет. Убеждать и манипулировать она умеет. Женщины из сферы юриспруденции к тому же бывают педантичными и немного властными. Убеждаюсь на маминых знакомых и подругах.

— У меня мама работает в милиции, тоже почти юриспруденция, она майор, между прочим, и ничего, добрая и спокойная женщина, — тут же заявила я. Почему-то я не любила адвокатов с детства, как и родственники, у которых из-за специфики работы сложилось негативное

отношение к представителям этой профессии. К тому же мне хотелось уесть Князиху. У нее мамам руководитель какой-то там адвокатской конторы! Если Тролль пошла в маманю, не удивлюсь, что она — черный адвокат!

— Да и папа в милиции служит — подполковник экономической безопасности. Но очень добрый и отзывчивый. — Хвасталась я дальше.

— О, да, Евгений Борисович — мировой мужик. — Подтвердил Смерч. — Если бы я встретил свою дочку около игрового центра непонятно с кем, я бы не был таким добрым и вежливым.

Он расхохотался. Хохотунчик, блин.

— Ты просто не встречал еще моего брата, а он, между прочим, в местном отделении ФСБ работает, — скромно сказала я. Ха, у Тролля точно нет таких крутых родственничков!

— У тебя все семья в милиции работает? — спросил Никита с удивлением.

— Да, почти. — Я была сама скромность. Кстати, насколько я помнила, папы у Ника не было, он жил с братом и мамой, но кем те работали я не имела возможности узнать. Может… расскажет мой идеал что-нибудь о себе?

Но нет, он отмолчался. Вместо него слова взяла словоохотливая нынче Ольга.

— А как ты оценишь свою домашнюю ситуацию? — Спросил Кларский у Смерчинского. На них было забавно смотреть — на таких разных парней. Дэнко вольготно развалился на лавке, второй сидел с прямой спиной, не без изящества закинув ногу на ногу. И я, четно сказать, на какое-то время потерялось, не в силах понять, кто все же более милый.

— У меня дома… — Начал, было, темноволосая знаменитость местных масштабов, которому издалека махали какие-то левые друзья-скейтеры.

— У тебя дома не все, мы знаем, котеночек. Но я ребятам поясню: у тебя анархия, — перебила я его.

Смерч расхохотался.

— Либерализм, — покачал он головой, и шоколадные волосы разметались в разные стороны. Я пожалела дурашку и, как Ник, убрала прядь с его щеки. На мгновение мои пальцы замерли над его лицом, а потом я, чуть смутившись, подергала парня за нос.

— Хватит сегодня насиловать мой нос. — С неудовольствием произнес Смерчинский. Эта фраза очень заинтересовала «объектов», но они не стали вдаваться в тупые вопросы, как же я это с носом Смерча проделываю?

— У тебя что, нос — самое слабое и уязвимое место, как у собаки? — С восторгом поинтересовалась я.

— Если ты хочешь, я буду твоей собачкой, мисс.

Смерч хрипловато и очень талантливо гавкнул мне на ухо. Я гавкнула в ответ. Он передразнил меня. Мне ничего не оставалось, как вскочить и разразиться настоящим визгливым лаем — меня это развеселило просто нереально, а вот Ольга посмотрела на меня, как на дурочку. Уж она то себе такого поведения не позволит — она настоящая леди. И не только она, кстати,

подозрительно уставилась на мою скромную персону. Девочка с розовыми бантиками, ее мамаша и присоединившиеся к ним тетки, проходя мимо, тут же повернулись в нашу сторону, и моя старая знакомая, прижимая к себе дочку, отчетливо произнесла:

— Какой кошмар. Она опять тут. И уже лает.

— Кто она? — Полюбопытствовали ее спутницы. Я отвернулась. Вот блин!

— Та самая сумасшедшая, которая нам сегодня уже два раза попадалась. Наркоманка.

— Это беременная тетенька. Мама, я не хочу иметь деток, когда буду большой. А то я буду такой же странной! И лаять буду! — Заныла девочка.

— Не обращай на неё внимания, солнышко. Пошлите быстрее.

— Бедненький ребеночек… У наркоманов то больные дети рождаются… — Заговорили тетки, осуждающе уставившись на меня. Дэн притянул меня к себе и бестактно усадил на колени, откуда я, чуточку попихавшись локтями, все же слезла.

— Беременна и принимает… как рожать будет… парень то вроде приличный…

После слов дуры-тетки и ее малявки Ник и Оля уставились уже не на меня, а на побледневшего слегка Смерча, тот, впрочем, тут же выдал самодовольным голосом:

— Глупости какие. Кто-кто, а я не позволю своей девочке стать мамой раньше времени. Я забочусь о ней. Отвечаю за все, что происходит у нас в пос…

— Я тебя сейчас убью, заботливый ты мой. — Произнесла я хрипло. — Что ты несешь при людях?

Что ты несешь при Нике??

— Мы все здесь взрослые люди, — заявила Ольга, и я мысленно послала ее под мост, к родственничкам. А Никита просто молча кивнул, вновь соглашаясь с брюнетиком, голова которого стала вечным пристанищем мировой дурости. По-моему, Смерч ему нравился.

— Может быть, прогуляемся? — Сказал Кларский, когда ему надоело слушать наши с Дэном препирательства: точнее, препиралась я, а он умело парировал все мои удары и выставлял в плохом свете.

— Конечно! — Тут же согласилась я. — Смерчинскицй… яблочко ты мое, прекрати со мной спорить. Никита и Оля подумают, что мы ругаемся.

— Ну, вы оба такие необычные, что мы так не подумаем, — усмехнулся Никита.

— Спасибо, — расплылась я в улыбке. — А то со Смерчем пообщаешься, а потом окружающие считают, что его нужно в камеру запереть за порчу моей репутации. Вербальную и невербальную. Но на самом деле он так любовь выражает. Делает гадости любя, так сказать.

— Любя? А кто меня напоил и в отель затащил? — Словно бы ни к кому не обращаясь, спросил Дэн, а потом наклонился ко мне и взял за подбородок. — Ты не знаешь?

— Долго ты меня будешь этим отелем попрекать? — Возмутилась я. Пару дней назад мы переписывались в «аське», где меня дернуло обвинить Дэнва скуки ради, что он виноват в том,

что я, честная девушка, оказалась с ним в отеле, а об этом неведомо каким путями узнало все университетское сообщество — девчонки меня потом долго расспрашивали, какой для нас номер Сморчок заказывал, и что мы там делали. Особенно зверствовали «мамочки», но они, в конце концов, поверили, что моя честь осталась незапятнанной, потому как «Дэн был пьян в стельку». Когда я стала жаловаться Смерчу, то немного перегнула палку, и он заявил, что виновата я — напоила его, а теперь у него проблемы и с дедушкой, и с братом. Мне не оставалось ничего другого, как сказать, что я напоила его «любя».

— Такая твоя судьба, девочка моя.

— Моя судьба — терпеть тебя рядом со мной. — Сказала я и добавила тоненьким голоском. — Малыыыш.

— А я верю в Судьбу, — сказал вдруг Никита. — Оля, помнишь, я рассказывал тебе об этом?

— Да, помню, — она с легкой улыбкой посмотрела на парня.

Эй, наглый князь гоблинов! Когда Ник говорит, ты должна ему в рот смотреть, а не «лыбу давить», как у нас парни со двора выражались в детстве.

Мы вчетвером шагали по мощеной дорожке, нам в лицо дул слабый и теплый, но постепенно набирающий силу ветерок, а Ник рассказывал свою концепцию о Судьбе. Мол, что все, что не делается в жизни — все делается к лучшему, потому что это Судьба. И для каждого в этом мире этой самой Судьбой уготовлен определенный человек, тот или та, которые сделают его по-настоящему счастливым. Нам нужно всего лишь отыскать этого «избранного», и тогда мы сможем обрести счастье. Точно также нужно отыскать и смысл в жизни, свое призвание.

Я слушала, открыв рот. Ник просто философ, и это делает его еще привлекательнее и утонченнее в моих глазах! Вот Смерчинский, или тот же Димка только дурачиться постоянно. Первый извращенно, второй в открытую.

Рот мой закрылся только тогда, когда мой любимый произнес тоном очень серьезно настроенного человека, что своей Судьбой он считает Ольгу! Она тут же кокетливо и очень мило засмущалась, а Кларский только вздохнул, когда посмотрел, как она опустила взгляд в землю.

— Я не знаю почему, но иногда наши свидания немного необычные. — Продолжал Никита задумчиво. — Глупо, но мне кажется, что мы с Олей словно проходим испытание.

Как я не засмеялась, я не знаю, зато громко чихнула.

— Может быть, вы и проходите испытания. — Согласился Дэн, как будто бы он был не при чем в этих загадочных «испытаниях». Да одни гонки Ильича чего стоят!!

— Черт… Не знаю, зачем я это говорю при вас ребята, — вдруг сказал Никита. — Обычно я веду себя по-другому, более замкнуто, но ты, Дэн все-таки хорошо умеешь расположить к себе людей. Даже мне ты кажешься свойским парнем. Знаешь, как у нас говорят — «четким пацаном». — С непередаваемой интонацией произнес Никита последнее словосочетание.

Все засмеялись.

— Все в порядке, — дружески хлопнул его по плечу Дэн. — Говори все, что угодно! Мне нравятся твои мысли, парень!

mir-knigi.org

— А если любит только один человек, а второй нет, можно ли считать это Судьбой? — задала я мучающий меня вопрос.

Ник внимательно посмотрел на меня и ответит:

— Наверное, если люди, которым суждено быть вместе, встречают друг друга, то их любовь будет взаимна. Может быть, сразу, может быть, через какое-то время.

Дэн тут же сказал, что в таком случае его Судьба — это я собственной персоной. Потому что у нас «coup de foudre». В ответ ему где-то далеко-далеко грохнул раскат грома. Ольга вздрогнула, все посмотрели на нее, и девушка, улыбнувшись, сказала:

— Боюсь резких звуков.

— Не бойся, — сжал ее руку Ник, — со мной тебе ничего не должно быть страшно.

Вот именно, Тролль, не бойся. Ты должна бояться только канареек. И меня, потому что из-за Ника я тебя, честно слово, с ножичком в темном переулке встречу. Спою «Мурку» и… наподдам тебе, как следует!!

— Я знаю, — Кивнула ему Оля. Меня перекосило, хорошо, что эти два чучела не видели моего лица, иначе бы подумали, что у меня токсикоз начинается.

Дэн посмотрел на них, что-то прикинул и сказал мне очень мягким голосом профессионального плей-боя, входящего в Международную Ассоциацию Женских Угодников:

— Kitten…

— Какие еще киты? — не расслышала я, расстроено кусая губы из-за Ника и Ольги. Так и не получалось у меня до крови-то прокусить. И как только это героинь книг проделывают? Может, у меня зубы недостаточно острые?

— Котенок. Kitten, со мной тебе тоже буд…

— Всегда будет весело, я знаю, — кивнула я, с хитринкой глядя в его синие глаза. — Ты у нас хиленький, мне самой придется тебя защищать.

— С чего ты взяла, что я хиленький? — Деланно возмутился он.

— Со всего.

— Бурундучек, со мной тебе будет идеально. — Он вдруг подмигнул мне, перемахнул через заборчик и под три пары удивленных глаз, свалил куда-то.

— Не обращайте внимания. Мы сегодня вместе пили… немного. — Сказала я «объектам».

— Экстравагантно, — сказала Ник, но в его спокойном голосе я продолжала слышать одобрение действий Дэнва.

— Мой парень немного с приветом, да, — продолжала я, не понимая, куда Смерч поперся. Может, его Черри куда-то экстренно позвал?

— Денис очень непосредственный и непредсказуемый, — кивнула Оля. — Но в этом его обаяние. — Она улыбнулась каким-то своим воспоминаниям, но потом посмотрела задумчиво

mir-knigi.org

на своего парня, и улыбаться перестала. Стряхнула с плеча Никиты несуществующие пылинки, и коснулась головой его.

— В этом его наказание. — Мрачно сказала я. — Никогда не знаешь, что он в следующую минуту выкинет, недоделок. То есть, — заметив недоумевающий взгляд светло-зеленых глаз Кларского, добавила, — я его того… люблю и все такое, но его непостоянство выводит из себя. Ну, зато с ним не скучно, да. А еще поклонниц у него вагон и маленькая тележка.

— Тебе, наверное, тяжело приходится, Маша, — вдруг сказала Князева с пониманием. — Быть с Дэнни… Денисом — это тяжело. Как будто бы встречаться со звездой. В него влюблено много девушек. И так с детства. Из-за Дэнни уже во втором классе подрались две девочки, — прошептала она мне заговорщицки. — Мама Дениса до сих пор любит это вспоминать, потому что ей пришлось разбираться с родителями девочек и учительницей.

— Чего так?

— Подрались Лена и Саша, а он выбрал Наташу, — хихикнула Ольга. — Мы в школе вместе учились, в одном классе.

— Я, ясно… как это в одном классе? — сообразила я, что мы вообще-то на год младше: мы учимся на 3-ом, а Дэна на 4-ом курсе. — Дэнчик же старше.

— Ммм… мне пришлось попустить один год в школе, — как-то туманно пояснила Ольга.

— Ага! Тогда ты старше меня не на год, а на два, — с торжеством подсчитала я. — Меня же в школу с 6-ти лет отправили. Мама сказала, что я ей дома надоела, вот она меня и запихала в первый класс, к своей подруге-учительнице.

Сколько несчастная тетя Ира, которую я упорно не желала называть Ириной Павловной, натерпелась от меня, своей крестницы, я умолчала. «Объекты» и так уже невесть что обо мне думают. Надеюсь, у гоблинши язык не помело, не разболтает о сегодняшнем дне всем подряд.

В это время, вновь ловко перемахнув через тот же забор, перед нами появился Смерч. Ох, ну и довольный же у него был вид! Когда то давно я сравнивала его с демоном и вампиром. Но сейчас я точно хотела назвать его симбиозом оборотня и эльфа: он умел перевоплощаться из этого самого вампира в светлого эльфа-очаровашку.

В руках под лучами заходящего солнца просто-таки сияли светло-бордовые розы без обертки — парень осторожно нес тонкие длинные стебли в руке, не боясь уколоться о шипы. Полураскрытые бутоны были посыпаны переливающимися, словно бриллианты, блестками, что придавало им игривый вид, а между розами мелькали лепестки крупных белых цветов, которые росли где-то в парке. Он еще и клумбы оборвал, что ли?

У меня глаза округлились. И я тут же постаралась изобразить «фэйспалм»: печально закрыла лицо рукой.

— Маша, это тебе. — С довольной улыбкой аиста, выполнившего все небесные заказы, произнес Смерчинский. Пришлось обнять его — это ведь обычная реакция девушки на то, что парень дарит ей подарок?

— Спасибо, — искренне шепнула я Смерчу.

— Я все готов для тебя сделать. — Отвечал он мне не менее искренне — все-таки хороший

актер наш ветрило.

Боже, цветы! Наконец. Наконец-наконец-наконец! И мне привалило счастье!

Орел так и хотел превратиться в пчелку и усесться на эти яркие цветочки!!

— Спасибо, — еще раз оторопело произнесла я, прижимая цветы к себе. — Это даже лучше, чем отель!

— Олечка, ты хочешь цветы? — немного растерялся Никита. От брюнета он отставать явно не хотел.

— Нет! — решительно возразила светловолосая троллиха. По-моему, этот парень ее уже цветами задарил. Впору лавку цветочную открывать или икебаны делать.

— Уверена? А что ты хочешь?

— Я ничего не хочу. Давай просто гулять.

И мы пошагали дальше. Кажется, запад неба стал еще чуть темнее, да и запахло грозой.

— Хм, дождем завоняло? — сама у себя поинтересовалась я. Гроза, что ли, скоро будет? Вроде бы не передавали осадки сегодня… Но погода у нас такая, своевольная женщина. И подлянки любит делать.

— Ммм, чувствуете озон в воздухе? — спросила одновременно со мной Ольга. — Обожаю ливни… Если сижу дома, конечно. С чашечкой кофе с молоком или горячего шоколада и пирожными.

Экая гурманка, блин! Надо будет посмотреть, чем там тролли питаются… Не телами прекрасных парней? Не, ну явно не пирожными и шоколадом!

— Оль, может быть, ты все-таки что-нибудь хочешь? — Спросил тут же заботливый Ник у моей одногруппницы. Впереди высились крыши многочисленных шумных кафе. Кажется, он, как и говорил Дэнни, хотел отвести девушку в кафе. Она пожала плечами.

— О, кафешки, — с шумом втянула я воздух, наполненный ароматом шашлыка из неизвестно чего. — Смерчинский, время ужина.

И выразительно поиграла бровями, мол, парень, покорми меня.

Да, в элегантности и умению красиво падать себя мужчинам Князеву мне пока не обогнать. Так мы и потопали к кафе. На территории парка их было несколько: уличных, с навесами, пластиковыми столиками и стульями, караоке и шашлыками.

Ник и Ольга шли впереди, за руку, как и всегда, а я и Дэн шагали следом. Ветерок решил соригинальничать и галантно предложил мне пойти не за, а под руку. Я согласилась, с видом неприступной барышни взяла его под локоть, и, изредка, пока наши увлеченные друг другом спутники не видели, развлекалась тем, что пыталась на манер обезьяны повиснуть на парне. Он тихо на меня ругался, одновременно посылая сообщение Черри и Аньке о том, что мы идем в это самое проклятое кафе. Когда мое воображение вовсю разыгралось и услужливо подсовывало мне чересчур яркую картинку, где я висела у Дэна на руке, а потом и вовсе уселась на землю и обхватила за ногу, чтобы он меня таким образом и тащил дальше, мы

mir-knigi.org

оказались перед входом в кафе. Тут же веселье, которое то отпускало меня, то вновь уступало меланхолии, сменилось тревогой: получится ли наш новый план?!

Дэн галантно пропустил меня вперед, заслужив одобрительный взгляд от Кларского. Я печально вздохнула, глядя на ноги любимому парню, которого собиралась так жестко подставить, и шагнула вперед.

Людей здесь было предостаточно: и детей, молодежи, и тех, кто был постарше; и вокруг них витала приятная атмосфера летнего расслабленного выходного вечера, того самого, когда можно не думать о том, что завтра учеба или работа, на которые нужно вставать чуть свет, а можно просто расслабиться, посидев за столиками вместе с друзьями или любимым человеком, или спев в караоке «свои» песни, или выпив пива и чего-нибудь еще покрепче… Вот и знакомые лица — недалеко от нас сидит и дядька в дорогом костюме — только уже один и нервно смотрит на часы, ждут свою фарфоровую красавицу, наверное…

Почти все места были заняты. Однако, стоило Смерчику появится, как сразу два из них прямо в центре кафе, перед импровизированной сценой, где красиво пела в микрофон какая-то девушка, освободились, и мы поспешили занять один из них. Я находилась в предвкушении: сейчас, прямо сейчас Никиту чуть-чуть опозорят, и его отношения с Князем будут рушиться, как карточный домик. Все это будет сейчас!! Жалко, конечно, но… план есть план.

Мы сели друг напротив друга. Пара напротив пары.

— Не самое лучшее местечко, — поморщился Никита. — Ольга, если хочешь, я могу отвести нас в другое место, тут недалеко есть…

— Все хорошо. Я люблю такие места. — Мило улыбаясь, сказала ему Князева и тряхнула волосами. Они сияющей волной были переброшены на одно плечо. Парень тут же уставился на оголенную тонкую шею. Я тоже. С намерением прокусить девахе сонную артерию, а потом сказать, что так и было.

— Здесь живая аура вольного общения, Никит. — Улыбаясь и крутя головой в разные стороны, произнесла Оля. — А в дорогих кафе часто бывает скучно. Здесь и караоке есть, здорово! Я так люблю музыку!

— Вя фак вубвуб муфыку, — прошепелявила я. Смерч услышал и поднес указательный палец к губам, предупреждая, чтобы я была тише.

— Я еще не слышал, как ты поешь.

— Может быть, услышишь сегодня, — кокетливо дотронулась до щеки парня Оля. — Я закончила музыкальную школу, и очень люблю петь.

Караоке — это конечно, здорово, я бы тоже с удовольствием бы спела, хотя музыкальную школу не посещала, все свое несчастное детство отходив в секцию по легкой атлетике, однако сейчас волновалась из-за плана нашего шального гения, который, как ни в чем не бывало, сидел и рассматривал ножки официантки. Я со всей силы треснула его по башке меню в яркой оранжевой обложке из явно поддельной кожи.

— Что? — возмутился он, с трудом отводя очи от созерцания чужих конечностей.

— Ничего, бабник. Я есть хочу, заказывай. А кафе, кстати, неплохое все же. — Сказала я «объектам». — У нас около дома вообще ужас какой-то, а не летние кафе. В них одни пьяные

тусуются. И очень бесстрашные. У нас в прошлом месяце, ночью, в кафе, которое выглядело самым приличным в квартале, была супермега драка, с ножами и «огнестрелом» — сразу несколько «уазиков» примчалось. Самых буйных «ласточкой» повязали. Едва ли не до утра все веселились… И из кафе товарищи, и жители близлежащих домов..

— А ты откуда знаешь, моя милашка? — Сердито спросил Денис.

— А я мимо проходила.

— Почему ты ходишь одна по ночам в своем дурацком районе? — нахмурился Смерчинский.

Вообще-то я возвращалась в час ночи со Дня Рождения Маринки, на машине ее папы, счастливая, в обнимку с не менее счастливой подругой, которой надарили на двадцатилетие классные подарки. В большом джипе с нами сидели Лида и еще несколько хороших подруг именинницы — все мы хотели продолжить отмечать в клубе, а меня повезли домой, чтобы я переоделась (на празднике я уделала джинсы в вине). Но «любимому» сказала совершенно другое:

— Я девушка самостоятельная. Как кошка. Гуляю, где хочу, как хочу и с кем хочу. — Посмотрела на Ника, который явно такое поведение не одобрял, и добавила поспешно. — Пока меня не приручили.

— Я отличный дрессировщик. И не ходи больше по вечерам и ночами одна. Хорошо, Чип? — попросил, вздохнув, партнер.

— Ага…

— А где ты живешь? — Поинтересовался Никита. — Что у тебя за район такой?

Я с готовностью назвала улицу.

— А, я знаю это место! Там Дима живет неподалеку.

— Точно. — Покачала я головой. Мне было стыдно встречаться взглядом с Кларским — из-за того, что сейчас должно было произойти. У моего мальчика, глядишь, так и травма еще останется душевная! — А ты где… живешь?

— На Южной Пристани, — отозвался он, хотя я и так знала, где. Однажды даже уговорила Лиду и Марину съездить в этот район и посмотреть на дом Ника. Эх, тогда я так и не увидела его, хотя мы ждали целых два часа, и чуть не осчастливились знакомством с двумя парнями пугающего вида.

— Далековато, — отвечал Дэн. — Я живу почти около универа.

— Почему тебе всегда и во всем везет? — обиделась я на Судьбу и на ее любимца. Чтобы доехать до учебы Сморчку нужно всего-то каких-то двадцать минут!

— Потому что меня зовут Дэн Смерчинский. — По-кошачьи потянулся парень.

Так как это все же было уличное летнее кафе с большой «текучкой» народа, чтобы сделать заказ, нужно было подойти к барной стойке, а оплачивать — сразу же после получения заказа. Значит, у Аньки есть немного времени, чтобы сделать свое черное дело. Хотя, она могла бы «поработать» раньше, чем мы зашли в кафе, но ведь Ник просто-напросто смог бы обнаружить,

что у него нет денег. А тут будет элемент неожиданности!

В это уже время к сцене направился чуть шатающийся, но очень бодрый мужик лет тридцати пяти с кудрявой шевелюрой, а девушка с красивым голосом ушла. Где-то около сцены, справа от входа мелькнул красный костюм — значит, Анька здесь! Дэн, сидевший рядом со мной, тоже ее приметил. Стал еще более довольным.

— Да хоть Фома Пупырышкин. Все равно мне обидно. — Я прищурилась. Воровка так же быстро исчезла в толпе — на импровизированном танцполе ее надежно скрыли веселящиеся друзья кудрявого, который под их одобрительные выкрики перебирал список песней для исполнения.

— Девочки, вы выбрали, что желаете? — спросил минуты через две Никита. — Я за всех плачу.

Я сглотнула. Стало еще страшнее. Дэн, который сам привык платить, как за себя, так и за многочисленных друзей, тут же согласился. По ходу, он уже был в предвкушении спектакля. А у меня вообще началась нервная «трясучка».

— Щедро, — протянула я с тоской. Вот если бы платил Смерчинский, я бы ему назло сделала таааакой заказ, который и три меня не смогли бы проглотить. Но раз платит Никиточка, то я, пожалуй, воздержусь. Ему и так… сейчас представит встреча с писцом гигантских размеров. Я только вспомню, какая паника меня обхватила, когда Анька в шутку стащила мои деньги и телефон, так начинаю желать Ника еще больше.

— Ррраз, двааа, проверка ми… ик… крофона… Это мне нужно петь? — Раздавалось со стороны сцены. — Лалала, это… где слова, люди? Сейчас Паша отожжет… ик… с караоке!

— Не позорься, слезай! — крикнула ему женщина.

— Усе будет путем! Споем круто!

Веселится народ… Я тоже хочу, а тут сиди и грызи ногти.

Но вот Князева, как назло, вдруг поцеловала Никиту — всего лишь на мгновение коснулась своими губами уголка его губ, как моя решимость проделать «миссию» возросла до небес. Я только что клювом (ментальным, наверное) не защелкала от злости и зависти. Да еще и отовсюду слышится нетрезвый веселый голос «кудрявого певуна»

Кто же это был такой с башкой с тупой?
Что он делал, как он жил,
Неважно, что любил, кого любил,
Песни про кого писал и сам не знал.
Сам не знал, куда пошёл,
Не ожидал, что выйдет хорошо,
А вышло так, что вдруг
Любовь свою нашел орёл.

Да, в это время кудрявый мужик определился с выбором песни, озорная мелодия с полубессвязным текстом которой тут же загремела на все кафе, и он, громко икая время от времени, продолжал петь. Из-за песни я была готова сгрызть дядьку живьем! Еще бы, ты сидишь, думаешь о плохом и страшном, мечтая о том, чтобы в итоге все кончилось отлично, а с огромных динамиков орет припев:

Любовь повернулась ко мне задом,

Любовь повернулась ко мне задом,
Любовь повернулась ко мне задом,
Повернулась, повернулась ко мне задом.

— Что это за песня? — спросила Ольга, поморщившись, у Смерча и Дэна. Первый пожал плечами, с грустинкой посмотрел на девушку, как будто бы извинялся за свое неведение, второй немного подумал и тоже сказал, что не может вспомнить, хотя «эту мелодию точно где-то слышал».

— Ну что, все всё выбрали? — вновь спросил Никита. Оказалось, что все. Тогда Ник и Дэн пошли к этой самой стойке, чтобы сделать заказ, оставив нас с Князем вдвоем.

Больше Аньку я не видела, но чувствовала, что она где-то тут. И прямо-таки представляла, как ее воровские шаловливые ручонки тянутся к карману бедняги Ника. Сердце мое сделало едва ли не цирковой кульбит. Вот он… момент, которого мы все так долго ждали… Жаль только люди, в том числе пьяные дружки кудрявого певуна, закрыли весь обзор…

— Любовь! Ик… По-повернулась! Ик-ик… Задницей! — надрывался мужик с микрофоном.

Дэн вернулся первым, вновь на ходу читая сообщение, Никита пришел через пару минут, с улыбкой на устах.

— Пару мгновений, сейчас все будет, — сообщил он нам. — Официантка все принесет.

— Спасибо, Никит, — кивком поблагодарила его чопорная Троллиха, разглядывая свое лицо в миниатюрное зеркало.

Дэн, сделав вид, что хочет сказать мне на ушко что-то игривое, прошептал с хорошо сдерживаемым восторгом:

— Бурундук, Черри и его приятель написали, что Анька все сделала. — И он показал мне большой палец, поднятый кверху. Я слабо улыбнулась и зачем-то гнусно захихикала.

Официантка в три захода притащила наш заказ через минут двадцать, когда Ник уже пару раз высказал недовольство по поводу заведения, впрочем, в довольно мягкой форме, но я сразу поняла, что он чаще бывает не в таких вот уличных кафешках, а в заведениях куда более элитных. Нет, вроде бы особенных денег я за ним не замечала, хотя одевался он всегда здорово, и явно не с вещевого рынка, но было что-то в моем идеале такое, что я раньше упускала из виду — ведь никогда еще у меня не было шанса так близко с ним общаться! Близкое общение — новые впечатления.

Когда миловидная работница кафе подошла к нашему столику, а я и Дэн напряглись. Ну, предполагаю, что он напрягся, хотя и выглядел этот шикарный балбес спокойно и даже радостно. О чем-то разговаривал с Князем, даже не смотря на Кларского. Зато я от любимого и заколдованного Олей парня взгляда не отводила. Было такое чувство, что я взобралась на высокую-высокую гору, на мгновение став птицей с мощными крыльями, и теперь у меня кружится голова, а дыхание из-за нехватки кислорода спирает, и, кажется, что вот-вот кровь пойдет носом.

Официантка, мило улыбаясь, вытащила счет и протянула его Никите. Я взобралась еще выше.

— Да, сейчас, — сказал Кларский и полез за деньгами в карман стильных брюк. Еще выше… сейчас окажусь на отвесной скале и полечу с нее…

Однако, полетела я вниз, кулем с картошкой или с капустой.

Потому что я чуть не умерла, когда он, как ни в чем не бывало, достал кожаное портмоне и… расплатился! Да чтобы все демоны в аду джагу-джагу перед ангелами сплясали за просто так!!

Как будто и не было около него никакой Аньки Аладдина, умелой воровки с детской внешностью и любовью к безвкусным тряпкам!

«Чего случилось?» — заплакали мысли, принимая цвет вселенского траура.

Да, чудо из чудес, но у Ника были деньги!! И, как я успела заметить, их было довольно много, как будто бы не у Дэнва, а у него имелся дедушка-владелец крутого клуба. Мой идеал быстро рассчитался с официанткой и, оглядев нас, даже пожелал приятного аппетита.

Дэн намного быстрее пришел в себя, чем я. Он же и начал вновь вести прерванную беседу, хотя я и понимала, что он расстроен и даже удивлен. Нет, он шокирован и очень волнуется. Это я осознала, когда он незаметно прикусил себя за кожу на запястье. Так, что на ней остались следы от зубов.

Мне в разговоре участвовать не хотелось. Хотелось стать птичкой и удрать в горы, чтобы вволю там полетать. И хотелось надавать глупой Аньке по носу. Может, она дядьку и Ника перепутала, дура тупая?

— Ограбили! — вдруг сиреной взвыл чей-то голос в кафе, и на мгновение стало почти тихо — если не считать по-прежнему играющей музыки.

Тот самый дядька, которого мы с Дэном видели сегодня в парке, и который болтал о том, что у настоящего мужчины должны быть деньги, вопил на все кафе, как ошпаренный котяра. Фарфоровая кукла-блондинка, вновь появившаяся рядом с ним, то испуганно на него смотрела, то отводила взгляд ярко-зеленых глаз в сторону.

— У меня было много денег! Мои деньги! Деньги! — орал мужик. — Чтобы я в вашу забегаловку еще раз поперся! Немедленно вызывайте милицию!! Дрянные черти! Даже телефон сперли! Мой айфон! И паспорт! Ворье! Да вы тут все заодно! Я вас засужу!!

Головастики зарыдали навзрыд. Почему Никитку не обворовали??

Пока он разорялся, топал ногами, едва ли не от злости брызгая слюной, и слушал слова-успокоения от встревоженных работников кафе, которые, как могли, успокаивали потерпевшего, его спутница-красотка с пепельными волосами просто-напросто изящно поднялась со стула, тяжело вздохнула и ушла, заставив несколько человек, не смотря на критическую ситуацию, заворожено взглянуть ей вслед.

Дяденька без материальной, так сказать, базы, ей нужен не был совершенно.

Когда зеленоглазая куколка проходила мимо меня, она вдруг едва заметным жестом коснулась моей спины и в тот момент, когда Дэн, Ник и Оля смотрели в сторону «потерпевшего», мне на колени опустилась светло-голубая салфетка, на которой было что-то написано черной пастой. Хорошо, что я девочка умная, и орать: «что это??» не стала… Может, я опешила, на время став тормозом, а, может, мне помогло сдержаться мое почти природное умение держать себя в руках (во я загнула, хаха). Дэн сказал мне потом, что скорее, первое, потому что второй вариант в моем случае невозможен, и возможен не будет несколько лет, пока я, видите ли, не повзрослею. А, может, сдержаться мне помогло то, что на салфетке, сложенное в 4 раза, был

намалеван жирный восклицательный знак и было криво написано: «только тебе и Смерчику! От Ан. Ал.».

У меня глаза на лоб вылезли окончательно и устроились где-то в районе бровей.

— Женщинам всегда нужны деньги, — через какое-то время все же заметив ее уход, вдруг вздохнул Никита. Он улыбнулся вслед хрупкой пепельной блондинке, которая была уже около выхода. Эй, парень, ты что… тоже бабник, как это гад Сморчок? Так уставился на кукольную блондинку. Ты смотри, Ник, Князя я еще прощу, но на остальных накладываю жесткое табу…

— Почему же? — невозмутимо спросила Троллеподобная девушка. — Нам нужна еще и любовь.

— Зачем деньги? Подарки тоже получать неплохо, — одновременно с ней сказала и я, с горя залпом выпивая мультифруктовый сок.

— От мужчин? — не была со мной согласна правильная одногруппница.

— От женщин тоже. От всех приятно. — Холодно взглянула я на глупую Олю. Тут же мне в голову пришла мысль о том, что «тролль» уже как бы изначально содержит в себе имя «Оля». Я, нервно сжимая в руках салфетку, заржала — от переизбытка всяческих эмоций.

Ник только ладони вверх поднял, как будто бы хотела сказать «сдаюсь», а Дэн назвал «киской» и попросил быть чуть более приличной и не такой прямой.

— Девушка, можно с вами познакомиться? Вы такая красивая и одинокая. Девушка, ну стойте же! Девушка! — Никак не могли молодые и нахальные парни оставить в покое хрупкую пепельную блондинку с большими зелеными глазами. Она спешила к выходу из парка, а они сидели на широкой лавке, веселясь и уничтожая пиво, где и приметили ее.

Девушка была похожа на самую настоящую куколку, и молодые люди, которым сугубо мужская компания поднадоела, были бы не прочь поиграть с ней. Однако куколка сама предпочитала играть с людьми. В очаровательную игру под названием: «Я не такая плохая, или как избежать статьи 158 Уголовного кодекса РФ»

— Девушка, ну что же вы такая скромная! — догнал блондинку один из парней. И даже дотронулся до ее предплечья — чтобы остановилась.

— Иди на хрен крученный, косомордый тарантул. — Прошипела, не замедляя шаг, изящная куколка с точеными плечиками.

— Что? — оторопел молодой человек. Нет, не от самой фразы, а от раздраженного агрессивного тона, который никак не вязался с милым элегантным образом.

— Проваливай. — Бросила на ходу зеленоглазая красавица.

Изумленный юноша взял себя в руки и попробовал еще раз:

— Ну зачем же так хамить? Давайте, вы лучше…

— Пшел вон.

— Кхм… Вы меня своей красотой наповал сразили!

— Наповал? — соизволила обернуться блондинка, — что-то я не вижу перед собой мертвеца, мальчик. Или ты очень активный покойник?

— Я очень даже живой! Я — Алексей, а вы? — неудобно было юноше отступать от гордой языкастой красотки перед друзьями. — Как ваше имя?

«Куколка» все же остановилась. Оглядела презрительно юнца, которому явно было не больше 18-ти, склонила белокурую головку на бок, покатав по щекам язык, и дала, без сомнения, очень ценный жизненный совет, правда, трудновыполнимый:

— Дармоед хренов, поешь своих кишок со сметанкой и перчиком, может быть, тогда у тебя отпадет желаньице приставать к людям?

И девушка направилась дальше, оставив юношу в недоумении.

— Какая горячая малышка, — только и смог прошептать тот.

«А зовут меня Аладдином, но тебе это знать необязательно, парнишка», — подумала блондинка, оглянулась, проверяя, не идет ли кто вслед за ней. Вновь каблучки задорно застучали по асфальту.

Сначала Анька чувствовала себя почти героем: выполняла одновременно два задания. Резвилась с поручением красавчика Смерчика, а заодно обхаживала богатого «папика», имеющего нехилые капиталы, которыми ему просто необходимо было поделиться с окружающими. О том, что нужно будет делиться, мужчина, естественно, пока не знал, и сама Аня ему этого не говорила, чтобы не расстраивать — юная воровка знала, что заносчивый бизнесмен не захочет делать этого.

Чтобы «переубедить» мужчину, она активно использовала образ «невинности и скромности» и поэтому больше старалась молчать и слушать важные пафосные речи стареющего павлина, чем нравилась ему все больше и больше. Ну, и внешний вид, конечно, сыграл в симпатиях очень важную роль. Он вообще всегда ей помогал, ее вид.

Кстати, с «папиком» она встретилась сразу же после того, как поговорила с милым пареньком Денисом и его забавной девчонкой Бурундуком, сменив, естественно, любимый красный костюм, кепку и кроссы на открытое коктейльное платье. Потом же зеленоглазой мошеннице пару раз пришлось «папика» покинуть, переодеваться (а это она делала едва ли не мгновенно!) и прогуливаться в сторону помощников Смерчика. Если работа с богатым бизнесменом, которого она с трудом затащила в парк, должна была принести девушке доход, то работа с харизматичным красавцем — удовольствие. Анька Аладдин была девушкой рисковой, и, не смотря на то, что ей шел двадцать шестой год, любила дурачиться, поэтому и согласилась помочь «миласику», как она то ли ласково, то ли ехидно прозвала про себя Дэнни. Да и помощники у Смерча были забавные, вернее, один из них, которого она видела впервые, показался ей таким. С «помойкой» то Анька сотрудничала давным-давно, именно он ее со Смерчем как-то и познакомил. А вот малыш Черри показался ей прямо-таки «новой кровью», которую очень хотелось попробовать!

Высокий, с «переломленными» бровями и резкими чертами лица, подтянутый, даже жилистый, этот зеленоволосый взрывной мальчишка с татуировками ей тут же понравился. Он не был не таким милашкой, как этот «плюшевый зайка Дэнчик», но, как уже девушка замечала ранее, именно панка ей очень хотелось немного повыводить из себя. Боже, как он орал и прыгал вокруг нее, когда она немного «поиграла» с его вещами — прибрала их себе! Просто загляденье! А как затравленно глядел, когда она коснулась его руки! А что он будет делать,

если она полезет к нему целоваться!

Да, с ним она немножко повеселилась, хотя Черри (вот же имя дурное!) и воспринимал ее, как малолетку-дурнушку. Анька веселилась бы с ним и дальше, но, увы, в этот вечер ее внезапно покинула привычная и такая любимая сестренка-Фортуна, и воровка сделал кое-что не так.

Вернее, решила украсть деньги немного не у того человека. Нет, Дэнчика она не винила — как такого красавчика можно в чем-то винить, на него можно только любоваться и балдеть — Аладдин винила себя. В том, что неправильно подошла к делу и даже лица «клиента» не посмотрела, прежде чем начать «работать»… Увидела спину и успокоилась. Раньше девушка такой беспечной не была, и знала, кого можно «щипать» а кого нет.

Прощай, «папик», прощайте, его милые хрустящие денежки, крахмально-белоснежные банковские чеки и прохладная гладь кредиток… Не получилось с ними ничего сделать, а ведь на них у Аньки были огромные планы: мошенничеством блондинка занималась куда чаще и охотнее, чем карманными кражами: с них она начинала, оттачивая с юных лет воровское мастерство, а потом, как и положено, профессионально подросла, став опытной артисткой-аферисткой.

Не получилось немного улучшить собственное благосостояние. А еще ведь и заплатить пришлось. Не своим, конечно, драгоценным налом, а «папиковским», тем, что у него был с собой в кожаном пухлом кошельке, но его-то деньги Аннета уже явно считала собственностью, и получилось так, будто бы она расплатилась своими почти «кровно заработанными».

Да и на руке теперь от сильной хватки чужих пальцев наверняка синяк останется. Так запястье стиснуть — это уму непостижимое жестокое обращение с девушками! И чувство полнейшей профессиональной непригодности теперь еще долго будет шагать рядом с пепельной блондинкой, весело насвистывая любимый репертуар из шансона. Обидно, однако, что так вышло.

Анька вздохнула и потерла узкое запястье, которое слегка саднило. Но сердце саднило больше — из-за потерянных денег, но сильнее из-за опасности, в которую чуть Анька не попала. Даже странно, что ее отпустили так легко. А Смерчик, неужели не знает. С кем решил поиграть? Вот очаровательный глупышка. Кстати, из-за все тех же чувств симпатии, Дэна с его забавным Бурундуком она предупредила, написала записку, короче, все сделала по-честному. А честность приходила на огонек в мятежную и бурную душу блондинки очень редко. То, что Дэнчик решил ее подставить, или это решили сделать «помойка», ясен пень, Анька не верила. Никто ведь ничего не знал…

Сейчас фарфоровая красавица, радуясь, что легко выпуталась из этой некрасивой ситуации, не обращая внимания на восхищенные взгляды прохожих, спешно покидала парк, быстро-быстро перебирая тонкими ножками по асфальту и звонко стуча шпильками. Выйдя за территорию парка, пепельная блондинка хрупкого телосложения немедленно поймала такси у дороги и уехала прочь, в противоположную сторону от надвигающейся грозовой тучи, изредка машинально оглядываясь — а не едет ли кто за ней… чисто теоретически?

Никто не ехал. Кажется.

Жалко все-таки, что такой «папик» соскочил. Да, во всем виновата она сама — думала, легко провернет два дела одновременно, превратив серьезную работу в развлечение. Короче, поиграла.

И мальчишка Черри остался без ее настойчивого внимания. Это тоже огорчало очень сильно.

Теперь, наверное, они не увидятся. Из-за этого ужасно хотелось курить.

Бумажка жгла руку. Очень жгла, как будто бы на нее были наложены особые огненные чары, активизирующиеся только при прикосновении девичьих рук, принадлежащих исключительно Мариям. Нужно было развернуть салфетку и прочитать, что же там такое написано, но на меня, как назло, глазели то Гоблин, которой приспичило узнать кое-что по дизайну, то Никита, который что-то спрашивал про Димку. С последним у меня, кажется, должен был предстоять долгий и нудный разговор о том, почему это Ник Кларский думал, что я и он, бесхвостый паршивец Чащин, — парочка?

В общем, при них читать загадочное послание мне отчего-то совсем не хотелось. Боялась, что увидят. Да и Дэнни должен был узнать, что там мне решила передать эта кукольная девица, мордочка которой на миг показалось знакомой. Да кто же она такая? Очередная знакомая Сморчка? Или подружка тупой Аньки, провалившей заказ? И почему эту записку нельзя читать при Ольге и Нике? Вот блин, голову с этим дурдомом сломаешь скоро без возможности восстановления.

Наконец, я решилась. Пододвинула свой стул ближе к стулу Дэна, приняла соблазнительную, по моему мнению, позу, положила ему руку на плечо, нежно погладила по нему, сожалея, что не могу стянуть с моего лжепарня футболку, и сказала томным голосом, прокашлявшись:

— Малыыыш?

Смерчинский от неожиданности подавился коктейлем, стакан которого небрежно держал в руке, задумчиво покачивая из стороны в сторону.

— Не пугай меня так. — Сказал он, повернувшись ко мне. — Ладно?

— Эй, малыш, пойдем, выйдем на пару минут? — произнесла я серьезным тоном, но все же не удержалась и хмыкнула, увидев, какие шикарные «усы» оставил молочный коктейль на лице Дэна. Пришлось проявить заботу, взять салфетку и аккуратно их стереть.

— Зачем, бурундучок? Давай просто посидим с ребятами, — удивился «малыш». Идти обладатель шоколадных волос никуда не собирался. А от проявленной заботы млел, как сурок, сбежавший из зоопарка на волю. Я ему чуть салфетку в рот не запихала, но сдержалась.

— Пошли, говорю. — Заупрямилась я. — Ребята, вы же не против, что мы вас покинем на чуть-чуть?

— Нет, конечно, — за себя и за Ольгу ответил Никита. Он выглядел расслабленным и очень милым.

— Пошли, Смерч.

— Но куда, девочка моя? Говори, не бойся, Тут чужих нет, — слабо улыбнулся парень мне. Глаза при этом оставались довольно-таки холодными.

Вот тупой, а? Когда надо, умен не по годам и не по развитию, а сейчас… упрямится.

Как же мне его уговорить выйти? Не могу же я ему про записку от Аньки болтать на все кафе. Сказать, что ли, что я хочу в туалет, но не знаю, где он находится? И что мне нужно, чтобы Дэн меня до него проводил? Да, так и скажу, чем не отмазка?

— Я стесняюсь говорить так прямо. Дениска, ты мне очень нужен, чтобы кое-что сделать. — Многозначительно отвечала я. — Кое-что очень необходимое.

— Что? — с некоторым подозрением посмотрел на меня своими расчудесными глазами прожженного плейбоя Смерч.

— Это я тебе на ушко скажу, потому что это немножко неприличное. — С загадочным видом самой Джоконды сказала я синеглазому. — Поэтому идем. Я терпеть не могу уже. Ну, реально, не могу!

— Машенька, ты о чем, солнце мое? — Наклонился он ко мне близко и положил ладонь на затылок.

— О том, что жизненно необходимо моему организму. Биологическая потребность, знаешь ли. Естественная. — Поиграла я бровями, чувствуя, как записка продолжает жечь кожу ладони. Специально для Ника и его прилипалы, склонившей голову на плечо парня, я сообщила. — Что естественно, то не безобразно. Эээ, да?

— Да что ты имеешь в виду? — я не знала, что у него теперь насмешливей: глаза или улыбка. Правда, эту насмешечку можно было считать доброй.

— Ну, это самое! — Я опять поиграла бровями, чувствуя, как пьяный клоун возвращается. Дэн тоже это почувствовал: наклонился ко мне, едва не задев носом мой лоб, порассматривал что-то в моих глазах, положил руку на лоб, после чего задумчиво подпер кулаком щеку, явно что-то недопонимая.

— Пошли! Не могу уже терпеть!

— М-да. Я не хочу это самое в парке. — Немного не так понял мои слова наш озабоченный дьяволенок. — Поехали лучше ко мне домой, ммм?

— Мы и домой к тебе поедем, — выдавила я. — А я тут хочу кое-что другое… И срочно! Прямо сейчас.

— Какие желания, какие желания. Я даже не знаю, совпадают ли они с моими возможностями. — Он покачал головой, отчего одна из длинных прядей, как всегда, упала ему на глаза. — Прямо сейчас?

Благочестивая Ольга и Никита смотрели на нас со смесью жуткого удивления и даже какого-то немного восхищения.

— Прямо сейчас, — прошептала я. Да пошли же, удодище!

— На экстрим потянуло? Это, конечно, здорово, детка. Но я не готов, — спокойно отозвался проклятущий Дэн, потягивая свой коктейль дальше. Князя и Клару он не стеснялся. Он вообще никого не стеснялся.

— Что значит не готов? Не готов выйти со мной? — Сжала я кулаки под столом, помяв записку.

— Помнишь, сегодня я говорил, что защищу свою девушку от всего, в том числе и от того, чтобы она раньше времени стала мамой? — Подперев подбородок ладонью, спросил Дэн.

Я неожиданно покраснела.

— Иди ты, Смерчинский. Я другое имела в виду!

— К тому же если бы была ночь, я бы подумал. Но при всех даже я не смогу. И прятаться в кустах не хочется… Мы же взрослые люди. До дома подождешь, моя маленькая? — прошептал он мне ласково, но очень громко. — Зачем нам парк, если есть свободная квартира?

— Да заткнись ты уже, дорогой… Пошли же! — И я подергала его за футболку, чуть ее не порвав. — Пошли!

И пнула под столом ногой. Чтобы понял, что мне действительно нужно остаться с ним наедине.

— Тогда… если мы выйдем, можно, я просто по особенному тебя поцелую? — тут же ладонь Дэнва оказалась чуть ниже моей талии. — Наверное, это не удовлетворит твои естественные потребности полностью, но все же… — Игривость в его приятном голосе просто зашкаливало.

Все же закрой хлебало, дебил! Вот извращенец, Боже, и о чем у него мысли только в такой момент?

— Ну что же, попробуй, — скривив рот в подобии радостной улыбки и в душе плюясь от таких радужных перспектив, согласилась я. — Никита, Оля, мы сейчас, просто я не могу… кое-что сделать хочу… особенное.

— Конечно, — сказала Ольга.

— Мы вас подождем, — мне показалось, или Никита умеет ухмыляться? У Смерчинского научился плохим привычкам, что ли?

— Я хочу, чтобы он меня в туалет проводил! — не выдержала я. — Где они здесь, Смерчинский? Немедленно меня туда отведи!!

— Что же, — поднялся он и даже подал руку, — я разочарован, признаюсь, но провожу. Но домой ко мне мы поедем?

— Поедем, — сердито посмотрела я в его смеющиеся глаза.

— Я сделаю тебе изумительный глинтвейн. — Пообещал мне Смерч.

— Я с удовольствием выпью его из твоих рук, милый. — Мрачно пообещала я, пряча записку от любопытных взоров Князя и Ника. Блин, Никит, принц ты мой ненаглядный, ну зачем ты выбрал именно ее? Почему я должна позориться тут со Смерчинским?

Продолжая ворковать, как два нереально помешанных влюбленных голубка, мы покинули кафе.

Надо было бы показать эту записку Дэну прямо за столом, предварительно прочитав ее, но я словно чувствовала, что читать ее нужно не за столиком! Чувствовала это и все. К тому же мне хотелось свободно поговорить с ним наедине и задать жару за провал его знакомой мелкой воровки!

Мы вышли, и, когда я обернулась около самой сцены, то увидела, как светловолосая женщина-Гоблин медленно повернула голову в нашу сторону, пристально взглянув в спину Смерчу, а потом вновь отвернулась к Нику — для поцелуя.

— Вот отстой, — простонала я. — Целуются.

Смерч обернулся и тоже увидел эту прелестную картину.

— Черт, — сказал он не своим голосом. — Знаешь, Бурундук, сегодня ничего не получилось. Опять. И я не знаю, почему. Прости меня.

Я, готовая минуту назад загрызть темноволосого парня за то, что очередная операция провалилась, почувствовала, что все негативные эмоции по отношению к нему медленно улетают на крыльях партнерства. Неужели я так свыклась с мыслью, что мы — партнеры, и должны помогать друг другу во всем? Странно, мы остались наедине, и даже салфетка почти не жжет мою кожу.

— Угу, — тихо отозвалась я.

— Как думаешь, кто-нибудь из них счастлив? — отстраненно спросил Смерч, кивая в сторону целующихся в кафе. Больше он туда не поворачивался.

— Я не знаю, Смерчинский. — Отвечала я. — Если и счастлив, я не рада. Я тоже хочу быть счастливой. Я — эгоистка с большой буквы. Но до тебя мне, брат мой, далеко.

— Похолодало, — поежился Смерч и обхватил себя руками. Ветер действительно стал сильнее и, казалось, он забирался под одежду, чтобы коснуться своими прозрачными холодными пальцами кожи. Солнце же куда-то пропало вместе со всем своим воинством — радостными лучиками, а на небе, ставшем вдруг подозрительно низким, появилась чахлая серость, которой уступила место недавняя ясная лазурь. Где-то на небе, далеко, блеснула молния, которую серость поглотить не смогла.

Мы отошли от громкого и шумного кафе к аллейке, уже почти пустой и вмиг погрустневшей. Из-за угрозы грозы народ начал быстро расходиться. Кажется, где-то на западе, в низине, уже шел дождь — его полупрозрачную стену можно было наблюдать из парка, находившегося на некоторой высоте.

— Зачем ты меня выволокла сюда, Чип? — внимательно посмотрел на меня партнер. — Это было не смешно. Мне нужно установить хороший контакт с Ником. Интересный парень.

— От твоей ненормальной подружки Аладдина записка, — хмуро сказала я, протягивая ему салфетку.

— Что? Когда она успела?

— Это не она. Это девушка того дядьки, которого обворовали. Красивая, ты наверняка ее помнишь. — Пояснила я, сгорая от нетерпения.

Смерч на мгновение прикрыл глаза, как будто бы представлял эту самую фарфоровую куклу богатого «папика». А потом, вдруг улыбнувшись, произнес:

— А ведь похожи. Невероятный человек эта Аннета.

— В смысле? — Я тоже поежилась от неожиданного холодного порыва ветра. Деревья над нашими головами неистово замотались из стороны в сторону.

— Бурундук, я не понимаю, почему она нас кинула. Черри и его друг уже ушли из парка. — Отозвался Денис, не отвечая на мой вопрос и осторожно разворачивая бумажку. — Я только что писал им сообщения, но они пока не ответили. Она не глупая, и не думаю, что обокрала

того мужика вместо Клары. — Дэн на секунду замолчал и произнес немного изменившимся тоном человека, который иронически относился сам к себе. — Чип, а ведь я не думал, что он будет меня так бесить. Невероятно раздражать. Я плохой человек?

— Очень. Давай уже, читай, что там, — с нетерпением уставилась я на бумажку.

Мои светло-карие и его синие глаза с одинаковым ожиданием уставились на светло-голубую салфетку

В безграмотной записке очень корявым (скорее от спешки, чем от неумения писать) почерком было выведено совершенно безграмотное:

«Дэнчик прости миня плиииис! Ты плахой бой! Ты зачем дал мине такой закасс??

Я на дно. А вы че хотите то и делайти ребятки»

— Еще и поглумилась! — воскликнула я в полном изнеможении хватаясь руками за виски.

— Тише, Чип, тут еще есть, — медленно отозвался Дэн.

Чуть ниже было написано уже без нарочитых ошибок:

«Если что, мы друг друга не знаем. Если что, отмазываться будете сами. Но себя я отмазала, и вас не подставила. Так что думаю, с вами все будет в порядке.

Да, и больше не делайте таких глупостей. Денис, говорю тебе как старшему в вашей паре, займитесь чем-нибудь другим. Оставьте в покое ваших „объектов“. Думаю, вы прекрасно друг ко другу подходите.

Ваша прекрасная А., с искренним уважением.

Пи. Эско.: не играйте с огнем, если пока не знаете о том, какую боль может принести ожог. Не играйте с людьми, о которых вам почти ничего не известно».

Крупная одинокая капля некрасиво расплылась посредине записки. Начинался дождь.

Взгляд Смерча, кажется, окаменел. Зрачки расширились, и из синих его радужки стали почти черными. А первое, что спросила я у удивленного таким поворотом событий Дэна, было:

— Эй, Склифосовский! У нее что, раздвоение личности?! У этой Аньки?

— Нет, — произнес он медленно и четко, перечитывая написанное, — нет, оно у кого-то другого.

— У кого? — с тревогой взглянула я на Смерча. Хрень какая-то происходит. И пугающая, между прочим, хрень! Анька пытается нам сказать, чтобы мы оставили в покое Ольгу и Никиту? — Эй! Неужели эта герла, которая была с богатым мужиком — Анька в другой одежде?

— Кажется, да. Чип, а ведь я не зря ничего не мог конкретного узнать о нем…

— О ком? Объясни мне, в чем дело? Я нервничаю, между прочим!

— Мы немного встряли, Чип. Но ты не волнуйся…

mir-knigi.org

Дэн умудрился обнять меня до того, как перед нами появилась Ольга, державшая в руках телефон Дэна, оставленный и на столике.

— Мы не должны вызвать подозрений, — шепнул вдруг мне на ухо Дэнни.

— Ребята, куда вы пропали? — Спросила девушка, ежась от пронзительного ветра. — Дэн, тебе звонит Черри… ну, так написано на экране твоего мобильного. Просто твой телефон звонит и звонит, вот я и вышла предупредить тебя. Вдруг, это что-то важное? Так куда ты пропал?

С этими словами она передала телефон его владельцу.

— Я пропал в глазах своей подруги, — отвечал ей находчивый Дэн тут же, плотнее обнимая меня. Я тоже, не будь дура, положила руки ему на плечи, согреваясь от тепла его тела. Приятственно, ничего не скажешь, находиться рядом с этим парнем.

— Черри? Спасибо, что предупредила. — Поблагодарил Дэн девушку. — А я и моя Мэри немного были заняты… Она пошутила насчет туалета, потому что… Ник, ну, ты меня понимаешь, да? — Подмигнул он кому-то за спиной Ольги. Я тут же обернулась. Князева, дернув плечом — тоже.

За светловолосым Гоблином, взирающим на нас большими голубыми глазами, высилась элегантная фигура Никиты. Кажется, ему одному не было холодно. Он внимательно глядел на нас, изучающее. Знаете, с каким живым любопытством смотрят дети на пойманных в баночку бабочек с цветным крылышками?

— Понимаю? — Переспросил он.

— Она меня дико заводит, — приложив ладонь ко рту, вполголоса сообщил ему Дэнни. — А я — ее.

Никита засмеялся.

— Думаю, я тебя понимаю, Дэн. — Чуть хрипловатым голосом отозвался парень моей мечты, которого просто-напросто отобрали у меня загребущие когтистые лапы зеленокожего монстра. — Отлично понимаю.

Вновь белой вспышкой сверкнула молния — где-то прямо над нашими головами. Ветер стал еще яростнее, поднял пыль, и она полупрозрачным вихрем взметнулась с дороги ввысь, как будто бы огородив меня от Кларского и Ольги, отстоящей напротив нас. Сквозь пелену пыли фигуры девушки и парня показались мне несколько другими, а черты лица исказились, словно они находились в другой реальности.

Капель начало падать все больше и больше, и все они были очень тяжелыми, но теплыми.

Кажется, этот момент я с невероятной четкостью осознала, что Никита — человек, который стал отдаляться от меня. Он — мое прошлое. Печальное или веселое, доброе или злое, нужное или ненужное, но он, действительно, лишь прошлое.

Я почувствовала себя так, словно сижу в поезде, который медленно отправляется от перона, оставляя на нем неподвижно стоящих Ника и Олю. Они все отдалялись и отдалялись от меня, а вот Смерчинский никуда из поезда не девался. Мало того, он вдруг стал его машинистом, нет, даже начальником поезда, который забрел в мое купе поболтать.

Что бы ни было у меня в будущем, я всегда с благодарностью буду вспоминать свою первую любовь, оставшуюся позади, и то, что я чувствовала, глядя на Никиту все долгие, но веселые три года. Буду помнить все: то, как боялась пойти к нему и заговорить с ним, и то, как мечтала о нем, и то, как фотографировала его, прячась и хмелея от собственной смелости, и то, как мысленно разговаривала с ним перед сном.

Услужливые мысли-головастики торжественно поклонились мне и открыли занавес театра памяти, в котором я отчетливо увидела себя, торчащую в собственном окошке и глядящую на белоснежные новогодние сугробы, освещаемые вспышками многочисленных праздничных фейерверков и салютов. Только что отбили куранты положенные 12 раз, и мне приспичило высунуть голову на холод, так, что на волосы стал падать легкий снежок.

— Я не знаю, любит ли он меня или нет, но пусть у него все будет хорошо, — улыбаясь, прошептала я в тот раз, и мои слова, превратившись в пар, растворились в морозе. — Ладно? Никит, пусть у тебя все будет так, как ты захочешь. Эй, воздух, донеси эти слова до Кларского Ника. Пусть знает и обратит на меня внимание! — И улыбнулась, потому что именно в этот момент во дворе компания молодчиков, бесшабашных и пьяных, запустила в воздух пару ракетниц, одна из которых чудом не залетела в гостеприимно распахнутое окно нашей соседки тети Веры. Ох, ну и орала же она… как будто бы ей это ракетницей по мозгам настучали! А я и Федька, слушая препирательства соседки с молодчиками, загибались от смеха около окошка.

Снег все падал и падал, и я была уверена, что он в тандеме с прохладным воздухом донесет до глупого Кларского мои слова.

Я не разу не плакала из-за того, что моя любовь была безответной. Потому что я никогда не считала это несчастьем и горем. Никто не заслуживает рыдать из-за любви. Из-за нее можно только радоваться и смеяться. Честно!

Морозный новогодний пар стал олицетворение начала моих чувств, по-детски наивных и немного нелепых, но все же приятных. А майская предгрозовая пыль оказалась пеплом воспоминания и унеслась вслед за грозным ветром куда-то высоко. Наверное, знакомиться с частичками того самого пара.

Все лишь несколько секунд ушло у меня на понимание всей этой странноватой ситуации. Меня покидало что-то большое и привычное, и мне было невероятно трудно отпускать это, но я четко осознавала, что этот процесс уже решенный — в мою пользу.

— Постарайся, чтобы все выглядело по-настоящему, — вновь шепнул Дэн мне на ухо, и его голос был чуть напряженным. И, прежде, чем я успела что-то сказать или сделать, он сотворил одну изумительную, как по ощущениям, так и по глупости, вещь. Не знаю зачем, но Дэн — настоящий идиот, не нашел ничего лучше, чем коснуться моих губ своими. Я растерялась.

На мгновение он отстранился, посмотрел на меня оценивающе, потом обеими руками взял меня за лицо и вновь очень смело, правда, по подростковому осторожно поцеловал мои полураскрытые от изумления губы. Выглядел он при этом, как бесстрашный исследователь джунглей. А я, наверное, как дикарь из племени каннибалов Зеленая Турумба, которому впервые показывали такое чудо техники, как зажигалка.

«Смертник», — сказали облизнувшиеся мысли, точа ножи, косы и готовя бензопилы.

Это точно! Не знаю уж, что меня дернуло, но я очень не хотела теряться и укусила зарвавшегося Смерча за губу. Наверное, с этого все и началось. Потому что укусила я этого засранца больно.

— Ты играешь так, да? — прошептал Дэн, сузил глаза и вдруг начал целовать меня с таким напором, которого я от него никак не ожидала. Даже сопротивляться нехорошо, когда тебя так настойчиво и с таким нажимом целуют, как будто бы бросают вызов. А если мне бросают вызов, я просто обязана отвечать! Еще с большим напором.

Долгожданный дождь хлынул неожиданно, так, как будто бы решил враз намочить всю сухую землю. Ветер стал еще яростнее: трепал одежду, волосы, царапал кожу, но мы дружно решили не обращать на это внимания.

Кажется, целовались мы безрассудно и даже яростно, забыв, что мы всего лишь хотели сохранить конспирацию перед «объектами». Поцелуй был похож на нешуточную борьбу двух дорвавшихся друг до друга идиотов, каждый из которых желал усыпить бдительность другого. Зато тут же пропало ощущение прохлады, и стало очень тепло, а чуть позже даже жарко.

— Ты решила меня приручить, Чип? — через пару минут, в перерыве, тихо спросил Дэн, заставив меня радостно кивнуть, а потом все продолжилось с точно таким же напором, в который теперь смешался с волнами восторга и желанием так крепко обнять мерзкого Смерча, чтобы сломать ему все ребра. Ребра ему сломать не получилось, но вот крепко обнимать — очень даже, например, все за те же плечи, и куда-то вместе с этим падать, падать, падать…

Моя голова никогда в жизни так не кружилась. Мне и, правда, казалось, что я — личная фея Дениса, клубничная, кокосовая, апельсиновая — неважно какая. Просто фея! И просто обязана быть рядом и делать его счастливей.

Орел очень не хотел быть оборотнем, и превращаться в какую-то там малявку-волшебницу с крылышками не желал. Сначала он сопротивлялся, хлопая крыльями, дергал лапами, выкрикивая на птичьем языке какие-то маловразумительные угрозы, а потом все-таки трансформировался в изящную большеглазую фейку с огромными искрящимися крыльями. Она поднялась в воздух, не боясь ветра и дождя, покосилась на нас лиловыми глазами и, дико захохотав, взмыла вверх, чтобы попытаться покататься верхом на смерче.

Дождь не останавливался. А мы не отрывались друг от друга. Пусть если даже на меня упадет дождь из камней и град из каленого железа, я не остановлюсь и не отпущу Дэна. Я только еще сильнее прижалась к нему, провела рукой по его мягким, уже мокрым волосам, которые теперь казались почти черными, и зачем-то зажала их в руке. Он во всем виноват, пусть ему немного больно и будет.

— Прости, — сказал мне, вдруг отстранившись, но не выпуская меня из объятий, Смерч. — Прости… я не сдержался.

— Ничего, — прошептала я, вновь притягивая его к себе за шею, — можешь продолжать дальше, я убью тебя чуть позже.

Он не стал сопротивляться этому наверняка заманчивому предложению, лишь едва слышно сказал: «Это ты виновата», и первым закрыл глаза, продолжив наше совместное увлекательное занятие.

На то, что шел проливной дождь, и его капли стекали по нашим лицам и волосам, мы вообще не обращали внимания.

На Ольгу и Никиту тоже. Куда они ушли, мы даже не видели. Наверное, торчать под дождем во всем парке оставались только мы, слегка сумасшедшие.

Часть вторая

Чип и Дэйл вживаются в роли

Now I'm writing from a caravan

behind your nana's place

Солнце играет с огнем

Мы играем с ветром

I think my spirit will be happier

with the stars in outer space.

Нам так светло мы вдвоем,

Вместе станем пеплом.

И когда солнце зашло,

Как же ты просила

Взять за собою тебя

На вершину мира.

Brazzaville & Minerva — The Clouds In Camarillo

Черный внедорожник, медленно скользя по мокрой дороге, подъехал к пятиэтажному дому, окутанному после ярого ливня, как и все прочие дома в округе, приползшим с реки, дымчатым туманом.

Громоздкая машина остановилась около одного из подъездов, но выходить оттуда никто не спешил. Если бы кто-то смог рассмотреть, что творится за темными стеклами, то он бы увидел силуэты пары: молодой человек на водительском сидении, одна рука которого лежит на руле, а вторая обнимает плечи девушки, чьи длинные волосы собраны на затылке в длинный хвост.

Хотя у Федора и Насти свадьба должна была состояться совсем скоро, уже в начале июня, они все еще продолжали устраивать себе свидания, как будто бы познакомились не три с половиной года назад, а на прошлой неделе. Будущие молодожены ездили в кино и в кафе, устраивали пикники и посещали боулинг-клубы, гуляли по набережной и по Мосту Влюбленных Дураков, и даже ходили в походы.

Правда, из-за того, что Федор часто бывал занят на работе, да и его невеста тоже без дела не сидела, свидания проходили не так часто, как им обоим хотелось. Можно даже сказать, редко. К тому же молодого человека могли вызвать на службу посреди ночи, и он был обязан явиться по первому требованию. Было и так, что за ним приезжали во время законных выходных или даже отпуска, и тогда Федору, волей-неволей, приходилось подчиняться и уезжать на свою почти что секретную работу.

— Останешься у нас? — спросил старший брат Маши свою будущую супругу.

mir-knigi.org

— Ну, раз ты меня уже сюда привез, то явно останусь, — рассмеялась Настя. — Хитрый какой.

— Совсем немного. Мама будет тебе очень рада, — сказал Федор, с улыбкой оглядывая Настю.

— Ты уверен? Я не поздно?

— Естественно, уверен. А мама рада тебе всегда. А уж как я буду рад ночью, зайка… — и он, замолчав, осторожно коснулся широкой ладонью ее лица.

Если бы рядом с парочкой находилась Маша, она бы с ума сошла от удивления: при ней брат всегда вел себя так, словно ему все еще было пятнадцать лет. А сейчас был совершенно другим! Заботливым и серьезным!

Надо сказать, любящие братик и сестричка Бурундуковы только и делали, что с детства задирались и обзывались, устраивали разборки и даже жаловались родителям, изощренно «стуча» друг на дружку. Правда, в уже чуть более взрослом возрасте, когда Федька всерьез начал увлекаться боксом, ему пару раз приходилось защищать сестренку от местных хулиганов или от мальчишек, с которыми шумная и вредная маленькая Машка частенько ссорилась. Кстати, малявка, как с любовью звал ее Федор, постоянно хвасталась всем, что у нее «брат-боксер, который может конкретно навалять». Это его сильно раздражало, но сейчас, когда сестра вроде как стала девушкой, Федя был бы не прочь услышать из уст сестры эту фразу, адресованную какому-нибудь из кавалеров. В том, что они у нее есть или вот-вот появятся, молодой человек не сомневался!

Когда Мария подросла, отношения между ними так и остались детскими. Правда, одновременно Федор считал, что по-прежнему ответственен за сестрицу, и продолжал ее своеобразно опекать (Машка назвала бы это «допекать»), не упуская возможности лишний раз подколоть. Тогда она жутко злилась и бесилась — ну, прямо, как в детстве. Ее брата это очень веселило.

— Пойдем, Настасья? Хорошо, что дождь кончился. Можно будет прогуляться, если хочешь.

Будущие молодожены уже собирались выйти на темную прохладную после дождя улицу, как Настя вдруг пригляделась и произнесла задумчиво:

— Ой, Федь, а это не твоя сестренка?

— Машка? Где? — тут же стал вглядываться вдаль он. Насколько он помнил, Мария клятвенно обещала рассерженной маме, что все выходные будет готовиться к зачетам.

— Да вон же, на мотоцикле, с мальчиком, — улыбнулась Настя. Около самого подъезда, действительно, в свете яркого уличного фонаря, виднелся красно-черный мотоцикл, в котором Федька тут же признал «Honda VFR», нехилый и дорогой байк, стоивший раза в 3–4 дороже этого внедорожника, кредит для покупки которого Федор выплачивал уже второй год. Первый раз с балкона он марку не разглядел, а теперь был удивлен, что у друга сестрицы такой дорогой личный транспорт. Да, это, и вправду, друг малявки!

— А-а-а, мотоциклист, — прищурившись, протянул он. — И снова я тебя вижу. Не поздновато ли для вас, малыши?

Темноволосый, высокий и стройный парень (Федор мысленно хмыкнул, прозвав кавалера сестры «сопляком» и «слабаком») стоял к, сидящим в авто спиной, а вот лицо Машки было хорошо видно. Она что-то выговаривала своему другу, а тот, касаясь, то ее локтя, то ладони, то

плеча, изредка склонялся к левому уху и что-то говорил. Волосы и одежда обоих, кажется, промокли насквозь, словно они долго гуляли под дождем. Федька поморщился. Во-первых, он считал, что Мария не была способна на любые проявления романтики, как неспособен к глубоким душевным переживаниям австралийский кенгуру. Странно, но сестра думала о брате точно также. А, во-вторых, он продолжал считать ее малявкой, вокруг которой крутится много сопляков. В том числе и этот!

— А ничего так у паренька фигурка, — продолжала с интересом разглядывать мотоциклиста Настя. — Наверное, и личико должно быть милым.

В Бурундукове-младшем моментально проснулись собственнические инстинкты, передающиеся из поколения в поколение.

— Эй! Я почти твой муж, а ты пялишься на какого-то малолетку!

— Не какого-то, — живо возразила Настя, — а на друга твоей сестры и моей будущей золовки!

— Ну и что, — уперся Федор, продолжая разглядывать парня. Тот ему пока что активно не нравился. Торчит почти в 12 ночи с сестрой под окнами едва ли не в обнимочку! Сейчас еще лапать начнет, вообще красота будет. Точно придется тогда идти парню «милое личико» фонарями украшать.

— Как что? Хм, а есть в нем что-то обаятельное. Жесты, что ли…

— Ты что, по спине определила, что он обаятельный? На расстоянии? — постучал пальцами по рулю Федька, подавляя в себе желание раз пять просигналить парочке и ослепить их яркими фарами. — Я понять не могу, что это за фрукт. Машка, отхватила себе богатенького, что ли? Надо бы имя его узнать, и действительно по базе пробить, кто таков и чем занимается.

— Ой, смотри, а он ей все время на левое ухо что-то говорит, — явно развеселилась Настя. — Знает, как найти подход к девушкам.

— Имеешь в виду, полушарную асимметрию? — вспомнилось Федьке из курсов по технологиям манипулирования, что правое «женское» полушарие отвечает за эмоции, и так как управляет левой стороной лица, то лучше всего говорить комплименты женщине или же петь колыбельную ребенку именно на левое ухо, чтобы активировать это самое правое полушарие.

— Ага. Как мило они смотрятся… Молодцы, ребята! — вгляделась Настя в Марию, которая смотрела снизу вверх в лицо парня, и на ее частенько недовольном или ехидном личике появилась нежная улыбка.

— Э, парень, ты не обнаглел ли? — полушутливо, и полусердито сказал Федор, глядя, как высокий, потенциально красивый, по мнению подруги, хлыщ наклоняется к сестре с вполне явным намерением — запечатлеть поцелуй. — Не, ну вообще! И он ее еще бурундучком называет! Я сам в их переписке видел.

— Федя, ну что ты как маленький, мы ведь тоже у подъезда целовались, — мягко укорила жениха Настя. — И меня ты тоже по-разному ласково называл. Дорогой мой, не лезь в их отношения. И как тебе может не нравиться парень, если вы даже не знакомы?

— Сейчас мы и с ним познакомимся, — тут же загорелись светло-карие, как и у Марии, глаза Федьки. Если бы Настя вовремя не схватила жениха за руку, он бы точно выскочил из машины, чтобы досрочно начать знакомство.

— Федор! — строго велела она будущему мужу. — Оставайся в машине и не порть Маше свидание.

— А если он к ней приставать начнет? — возмутился парень.

— Не начнет.

— Я что, по-твоему, этих малолеток не знаю? Сам таким был пару лет назад, — нахохлился Федька, продолжая оглядывать скептическим взглядом Марию и хлыща.

— Вот оно что, — многозначительно произнесла ревнивая Настя. — Ну-ка, расскажи мне поподробнее, каким ты был?

— Да так… Обычным таким… Слушай, давай в супермаркет за тортиком съездим? — улыбнулся он во весь рот, совсем не горя желанием рассказывать что-либо невесте. — Ты же любишь сладкое, Настен?

— Люблю, — сердито отозвалась та.

Федор еще раз окинул взглядом мотоцикл, заполнил его номер, решив пробить его завтра по базе на работе, чтобы все разузнать о парнишке, при условии, что этот недешевый байк его.

Больше он не пытался познакомиться с парнем младшей сестры. По крайней мере, этим вечером. Внедорожник уехал прежде, чем Чип и Дэйл, не сдержавшись, решили, что на прощание неплохо будет вновь поцеловать друг друга.

На место внедорожника подъехала другая машина — черная тонированная серебряная дорогая иномарка «Мицубиси Лансер», бесшумная и плавная, похожая на хищника.

— Это она. Это точно она, — сказал в наушник гарнитуры человек, сидящий за рулем. — Я все проверил, как только услышал про… — собеседник резко перебил его, и молодой человек замолчал. — Да, брат, я не промахнусь. Да, я постараюсь все сделать правильно.

— Чертов кретин, твою же мать, — сорвал с себя гарнитуру парень, как только звонивший отключился, и с яростью бросил на пустое сидение рядом. — Зачем я это сказал? Почему я? Именно сейчас, — и он ударил по рулю кулаком, нервно закурил, а потом, резко нажав на газ, уехал в неизвестном направлении.

Дэн и Маша не обращали внимания на разъезжающие туда-сюда автомобили, они были заняты собой. Вернее, друг другом: фея и человек-ветер.

Когда я открыла дверь квартиры, я очень надеялась, что мама-жаворонок уже спит. Но нет, она ждала меня в полутемном коридоре, в халате, сонная и очень недовольная. В зале работал телевизор, и раздавался голос ведущего полуночных новостей. Кается, никого больше дома не было. У папы, как всегда, образовалось что-то срочное на работе, братишка тоже куда-то пропал. Одно лишь котэ вылезло откуда-то, чтобы встретить хозяйку. Оно умильно смотрело на меня и облизывалось. Наверное, только что отужинало, вернее, отполуночничало. Котэ в последний раз провело языком по мордочке и зелеными немигающими глазами уставилось на меня. Мне почему-то захотелось ему улыбнуться — такое хорошее настроение у меня было, хотя я понимала, что сейчас большой огненный дракон и настигнет бедного несчастного орленка, чтобы задать ему хорошую трепку или съесть.

— Пришла? — не слишком любезно поинтересовалась мама.

— Пришла. Привет, — улыбнулась я ей и включила свет. Она, увидев меня, ахнула и уперла руки в боки.

— Что за вид, Мария? Ты почему вся мокрая? Под дождем что ли бегала? Да ты с ума сошла!

— Случайно попала под дождь. Мам, все в порядке, — неуверенно улыбнулась я родительнице и принялась разуваться. Хорошо, что она меня в другой кофте не видела, в очень мокрой!

— В порядке? Немедленно переодевайся! И чай горячий выпить не забудь, чтобы не простудилась, с медом. Ты где была так долго, красавица моя?

— В библиотеке. Я же говорила, что туда иду, — вместо того, чтобы состроить смиренное выражение лица, я вдруг улыбнулась, глядя в пол, а потом, испугавшись, прикрыла улыбку кулаком.

— В библиотеке? — подозрительно спросила мама.

— Да, сидела там допоздна. Готовилась… к зачету.

— Допоздна? Что ты мне лапшу на уши вешаешь. Библиотека по субботам до семи часов работает, я узнавала специально! — разоралась на меня мама тут же. Ох, и зла же она на меня была. — Это в какой такой библиотеке ты сидела? В ирреальной, из другого измерения?

Это она моих фэнетези-книг про попаданок начиталась, вот и говорит так.

— Да там ночное отделение есть, — пробормотала я. — Чтобы за деньги ночью заниматься.

— Да ты что! Какая библиотека прогрессивная стала, — меня таки окатило волной маминого гнева, смешанного с беспокойством. — Я ей звоню-звоню, а она трубку не берет!

— У меня звонок был отключен, — виновато сказала я. — Прости.

— Маша, — сердито посмотрела на меня мама, которая явно была не в духе — в очень большом «не в духе», который плавно перерастал в «драконизм» — профессиональную болезнь многих мам, беспокоящихся о своих непутевых отпрысках. — Немедленно отвечай, где и с кем ты была.

— Мам, в библиотеке, потом, правда, одногруппницу встретила, мы с ней немного погуляли и под дождь попали. А с телефоном так получилось глупо…

— Да у тебя все по жизни глупо да нечаянно получается! У твоего отца такие проблемы, у нас кадровые перестановки, у Федора скоро свадьба, все стоят на ушах, а ты делаешь, что хочешь, и в ус не дуешь! — еще больше завелась мама.

— А где, кстати, папа? — попробовала я перевести разговор. Но я не манипулятор Смерчинский — у меня этого не получилось.

— У него срочный оперативный выезд. И не заговаривай мне зубы. Ну-ка, ну-ка, неужели ты связалась с плохой компанией? Или…?

— Ты что, мама! — округлила я глаза. — Какая плохая компания? Я же говорю, одногруппницу встретила!

mir-knigi.org

— Ну да, новая компания тебя не испортит. Это сделаешь ты. Думаешь, я не знаю, с кем ты была? — мама окинула меня тяжелым взглядом.

— С кем же?

«Да, с кем же?», — вопрошали зеленые глаза котэ. Ему было просто любопытно.

— Со своим молодым человеком, — торжественно произнесла она. — Наврала мне, что ушла в библиотеку, к зачету готовиться.

А вот это стремно, что мамочка так думает — больше всего она терпеть не может ложь. Ох, и достанется же мне сейчас… Мама в гневе страшна.

— Ты же сказала, что я с плохой компанией связалась… — вздохнула я.

— Не перебивай мать! Что это у тебя манеры, Мария? Ты связалась с…

В это время входная дверь открылась, и в прихожую ввалились довольный жизнью брат, в руках которого был торт в большой коробке, и его девушка Настя. Мама, на время забыв обо мне, поздоровалась с будущей невесткой, выслушала ее извинения по поводу позднего визита, великодушно махнула рукой (Настю мама любила), пожурила за что-то Федора, а потом принялась жаловаться на меня и мое безответственное поведение.

— Шлялась весь вечер непонятно где, даже ни разу не позвонила! Да что там позвонила, ни разу телефон не взяла! Я весь вечер переживала. Мария, немедленно признавайся, где была и с кем? — опять взяла она меня в оборот.

— Мама, я в библиотеке…

— А в каком виде пришла! — не стала слушать меня родительница. — Вы только посмотрите на нее. Красотка! И это она так готовится к зачету! Федя, поучи уму-разуму свою сестрицу!

— Чего ее учить? Она ж у нас тупенькая, — зевнул брат.

Я возвела очи к потолку. Котэ, задрав хвост, обнюхивало Настины туфли. Девушка только улыбалась, слушая маму. Та начала говорить что-то еще более патетическое, я же покорно слушала. А в это время на моем телефоне раздался звук смс.

«Бурундукова, завтра день Икс, не забывай об обещании!», — высветилось на экранчике сообщение от Димки.

— Ага! — торжественно воскликнула мама. — Мои звонки ты не слышишь, а чужие сообщения читаешь без проблем!

— Мам, да я же звук потом включила! — я, проклиная про себя Чащина, которому так не вовремя вздумалось послать мне сообщение, быстренько переставила режим в телефоне на бесшумный, вернее, на вибрацию. Еще какое-нибудь сообщение придет, и мама вообще взбеситься!

— Ты скрываешь от нас этого молодого человека! Значит, с ним что-то не так! — продолжала мама уверенно. — Из-за него ты стала врать собственной матери и ночью приходить домой в таком виде! Он что, бандит?

У нее прямо пунктик на бандитах — опять же из-за работы.

— Да не ночь же еще, так, поздний вечер.

— Поговори мне еще!

Наша перепалка продолжалась бы очень долго, и в результате я, скорее всего, не смогла бы завтра никуда пойти с Чащиным, потому что мама вранье терпеть не может больше, чем недобросовестных граждан. Она бы точно посадила меня под домашний арест и взяла бы на жесткий контроль, но меня неожиданно спасли.

— Мам, — сказал вдруг Федька, который в нашу «беседу» не влезал, потому что при Насте вел себя паинькой. — Да что ты к ней пристала? Все в порядке. Я видел Машку, когда она в библиотеку шла. Мимо на машине проезжал. И… вечернее отделение там есть. Платишь деньги и сидишь хоть всю ночь.

— Да? — озадачилась мама. К словам старшего сына она всегда прислушивалась больше, чем к моим, хотя и ругала его за то, что он постоянно меня задирал. Правда, сейчас Федя мне, напротив, помогал. Неслыханное дело — меня старший брат покрывает! Что это с ним? И Настя стоит за его широченной спиной и все улыбается.

— Вот видишь, — улыбнулась и я во все зубы, не растерявшись. — Даже Федька видел, а ты мне не веришь.

Мама подумала немного, прочла мне еще одну нотацию, попытала насчет парня, а потом и вовсе ее гнев, слава богам умиротворения, спал.

— Ну, раз никто еще не желает спать, тогда давайте хоть чай попьем перед сном, — решила она.

— Давайте, я вам помогу стол накрыть? — тут же вскочила Настя. По-моему, она нашу маму немного побаивается, без пяти минут свекровь, как-никак.

— Спасибо, Настенька.

— Я тоже могу помочь, — вызвалась я.

— Иди в ванную. Немедленно, прими горячий душ, а то точно заболеешь. Что ты все еще торчишь в коридоре? — тут же сказала мама и уволокла будущую невестку за собой. Федька очень насмешливо уставился на меня. Его аура просто-таки состояла из иронии, смешанной с любопытством.

— О, спасибо, я а не ожидала от тебя, обезъ… братишка, — хлопнула я озадаченно Федора по плечу.

— Я что, в твоем представлении какой-то монстр? — проговорил он несколько сварливо.

— Ну, как сказать, — уклонилась я от прямого ответа. Спас меня, как-никак, мой братишка! — Слушай, правда, спасибо.

— Правда, пожалуйста. Только, звезда балета, постарайся отвечать на звонки и не пропадать где попало до ночи. Не беспокой мать, — Федька погрозил мне пальцем и добавил вдруг очень насмешливым голосом:

— Чтобы завтра со своим парнем познакомила. Ясно? И не палитесь вы так больше перед

mir-knigi.org

подъездами.

— А?

Братец, увидев мое «выражение рожи», расхохотался на всю прихожую.

— А я завтра с Димкой встречаюсь, — пробормотала я как-то затравленно. Он нас со Смерчинским нас видел! Надеюсь не то, как мы целовались? Моя тонкая душевная организация этого не переживет. Жесть.

Да… Вот ужас-то какой! Папа, Федька с Настей, скоро и мама до Дэнчика доберется. А потом и его родственники достанут меня — дедушку-то я уже знаю.

Орел стыдливо прикрылся крыльями.

— У тебя еще и Димка какой-то есть? — тут же наклонился ко мне Федька и пробуравил меня подозрительным взглядом. — Ну, ты даешь, сестрица. Слегка непорядочно с двумя вертеть, не находишь?

— Это мой одногруппник. Мы по делу встречаемся, — одарила я нелестным взглядом старшего брата.

— Ну ладно. Я же тебя не так воспитывал. И, да, — окликнул меня он, явно гордясь своим поступком, — рабства ты не избежала.

— Фе-е-едя, — протянула я устало, — ну хватит, а? Действительно, детсад и горшки на полках.

— Ты мне на нашей свадьбе понадобишься, — загадочно произнес родственничек. — Поможешь нам кое в чем или я тебя маме так заложу, что ты все лето будешь сидеть дома и мыть полы, как Золушка, твоя ближайшая приятельница. Усекла, мелкая? А так ты отработаешь мои слова тем, что на свадьбе и на девичнике будешь моим… шпионом, — в светло-карих глазах брата зажглись веселые огоньки.

— Я знала, что ты больной, но не настолько же. Тут психушку я одну хорошую знаю. Давай, я тебя туда на третий этаж определю, для душевнобольных? — вполне искренне предложила я.

— Я сейчас свои показания изменю, и тогда тебе наказания не избежать, — пригрозил брат. Я тут же заткнулась.

— Дети! — позвала нас мама, которая все никак не могла привыкнуть к тому, что мы никакие уже дети. — Идите за стол!

— Идем! — на весь дом гаркнул Федор.

— Сейчас! — крикнула и я.

— Что ты так орешь громко? — одновременно спросил мы друг у друга, а потом одновременно заржали, брат хлопнул меня по плечу (я чуть не присела), я в отместку попробовала пнуть его пониже спины, и мы дружно направились за стол. Горячий душ по настоятельному совету мамы я приняла после позднего чая. А потом, поболтав с Настей, все же пошла в свою комнату, прихватив телефон.

«Здорово. Чащин, я вообще никогда и ничего не забываю. Во сколько ты мне „стрелку“ забиваешь?», — вспомнила я, что так и не ответила одногруппнику.

Ответ от него пришел на удивление быстро.

«На 5 вечера, пойдет?», — и в следующей смс он написал название хорошей пиццерии, находящейся не слишком далеко от моего дома.

«Пойдет. И не смей заказывать много, я не миллионер!!», — тут же предупредила я Дмитрия, который, между прочим, как и другие парни, кушал немало. Пару раз, когда мы большой компаний сидели в столовой, он даже таскал у меня булочки и пирожки. А однажды, недосчитавшись салата, который стремительно исчезал в Чащинском рте, я от злости чуть на него чай не вылила.

Было это еще в начале второго курса, на большой перемене, и, самое обидное, на глазах у Никиты и его одногруппнков, которые обедали за столиком неподалеку! Как же я разозлилась на Димку тогда! Так опозорил перед любимым парнем. Ведь я не просто на него чуть чай не вылила, я еще и за ним гоняться стала под смех сокурсников. Чащин от меня успешно отбился, а потом поймал, прижал спиной к себе и не больно, но обидно заломил руки. Я, используя не самые добрые выражения, поинтересовалась, за что он так со мной, собственно, поступает, а этот дурак на всю столовую сообщил с готовностью, что это за то, что я утром у него на семинаре списывала. Взрослые с виду парни-старшекурсники с экономa, проходящие мимо нас, заухмылялись и назвали малолетками. И Ник это слышал — я просто уверена! Это многие слышали. Димка тоже. Он отпустил меня и с готическо-мрачным выражением лица предложил умникам выйти для разговора. Они хоть и казались взрослыми, одеты были в пиджаки, а в руках держали дипломаты, выйти согласились. Бедным парням из нашей группы пришлось вставать, чтобы поддержать Чащина. И они действительно пошли во двор. Маринка и Лида меня едва удержали, чтобы я не бросилась следом за мальчишками. Хитрая Марина и еще кто-то тут же поскакали в деканат сообщить о том, что наглые экономисты хотят отмутузить наших несчастных парней, а к нашему столику подошел Никита, с которым мы уже были «официально» знакомы.

— Что-то с Димой? — спросил он лично у меня, и я тут же почувствовала, как дрожат колени. — Нужна помощь?

Его помощь не понадобилась — охрана не дала драке даже начаться…

Странно, вроде бы совсем мало времени прошло, а после пыльной бури в парке имя Кларского вспоминается без былой дрожи в коленках. Чудеса в действии. Главный кудесник — Смерчинский. Да, он, наверное, посланник Аполлона, или его земное воплощение. А вокруг него летает стая пухленьких купидонов — бесконечных дружков, одолженных у сестрицы Афродиты.

Представив Черри и Ланде в виде купидонов, я захихикала в подушку. Тело пухленького голенького мальчика с нежной кожей и колчаном стрел любви, увенчанное злобной зеленоволосой физией — это еще то зрелище!

— Денис. — Вслух произнесла я, усаживаясь на кровати по-турецки, чтобы проверить, а не дрожат ли эти самые колени, выглядывающие из-под подола короткой ночной рубашки, когда я произношу имя Смерча. — Дэн. Дэнни. Дэнв.

Ничего не дрожало, я не волновалась, мысли не путались (они скромным хороводом кружились над портретом Сморчка)

— Де-нис, — по слогам произнесла я. — Денис, Денис, Денис. Хм… Денис.

Нет, определенно, мои ноги ничего не чувствовали. Только в груди почти незаметно разливалось тепло. И не только в груди — в правой ноге тоже. Это наглое котэ улеглось прямо на нее, тараща в темноте светящиеся зеленым глаза.

«Зато у тебя друг богатый=) Деньжат не подкидывает что ли?», — пришло новое сообщение от одногруппника.

«Мой друг больше подарками откупается, умник!», — написала я, зевая. Друг. Смерчинский — мой друг. А что, забавно получилось сегодня… Капец! Я никогда не думала, что признаюсь в том, что я без ума от чьих бы то ни было губ! А у Смерча губы властные, в отличие от мягкого взгляда.

Я захихикала, вновь вспоминая Смерчинского, и его ладони у меня на плечах и на талии.

— Дэнчик, — сказала я вслух. — Дубина несчастная…

Маша и знать не знала, что пока проверяла свою нехитрую теорию «дрожания коленок», под дверью у нее стояла крайне удивленная мама со стаканом горячего молока, в котором ею заботливо был размешан гречишный мед. Вера Петровна хотела напоить им дочь перед сном, чтобы та действительно не разболелась перед зачетами.

Сначала хранительница домашнего очага семейства Бурундуковых просто подошла к полуприкрытой двери — Маша с детства боялась запирать ее, потому что вечно ей казалось, будто злобный бабай из-под кровати ее достанет и унесет себе в логово. Феде раньше даже сторожить приходилось младшую сестренку от этого самого мифического бабая, держа в руках игрушечную саблю и пистолет: только тогда Мария и засыпала, надо сказать. Потом страх у младшей дочери исчез, а вот детская привычка осталась.

Вера Петровна уже, было, открыла рот, чтобы позвать Машу, как услышала какую-то возню, после которой дочь отчетливо произнесла:

— Денис.

Тонкие брови Веры Петровны взметнулись вверх от удивления. А дочь продолжала:

— Дэн. Дэнни. Дэнв.

«Ничего себе, Машка влюбилась в какого-то Дениса. И не хочет меня с ним знакомить, негодница!», — про себя подумала Вера Петровна. А дочь продолжала развлекать ее дальше:

— Де-нис. Денис, Денис, Денис. Денис.

«Ничего ее заклинило, прямо как меня на первом курсе, — вдруг вспомнился первый возлюбленный Вере Петровне. — Я же тоже тогда маме врала, что в библиотеку ходила… Это, наверное, у нас семейное. Хотя Феденька же сказал, что видел Машу около библиотеки. Или он ее покрывает. А, впрочем, не важно. Дома — и слава Богу.».

Женщина подождала пару минут (в это время Машка хихикала и грозила кошке, что если та не «упрыгнет, куда подальше», ей на спину будет наклеен скотч), а потом вошла в комнату, застав дочь лежащей поперек кровати, закинувшую ноги на стену и отчаянно с кем-то переписывающуюся.

— Маша, не спишь еще? Выпей молоко, — сказала Вера Петровна и попыталась подглядеть в телефон, но дочка предусмотрительно вышла из режима смс-сообщений. Женщине оставалось только, как в детстве, накрыть дочь одеялом до самого носа и выйти.

Выпив молоко, некстати принесенное мамой, которая явно решила стать полуночницей, я вновь вернулась к переписке с Димкой.

«А как поживает моя протекция?», — не преминул задать любимый вопрос Димка.

«Отлично!», — обрадовала я его. Смерч и билетики обещал мне достать. Господи, какой же он прелестный… бывает иногда.

«В смысле??», — не понял Дмитрий. Я раззевалась, как бегемот. Спать хотелось все сильнее.

«В прямом, дурачина. Мой любимый поможет сдать энглишь таким тугодумам, как мы, хе-хе-хе! Подробности завтра, балда. И не опаздывай. Я ждать тебя не буду!»

Еще чуть-чуть поболтав по смс и обменявшись «любезностями», мы распрощались до завтра. А я опять вспомнила о Смерчике. Хм, интересно, где этот индюк сейчас? Дома греется, в теплой кроватке? Под одеялом, поедая, как дитя малое, что-нибудь сладкое, или сидя на подоконнике с кружкой горячего чая и сигаретой. А, он же правильный бой, не курит. Странно, вроде бы вредная привычка, а мужчинам так идет, они независимыми такими становятся, если в их пальцах появляется сигарета.

О, мышиные божества, я назвала Смерчинского мужчиной. Это конец начала конца начал.

Вспомнив брюнетика с приветиком, я, чуть посомневавшись, набрала его номер. Немного подумав, звонить все же не стала, а написала сообщение.

«Ты дома?»

То, что девушки не должны писать первыми меня ни капли не волновало. Хочу и пишу. Ну интересно мне, где мой лже-парень торчит!

«Дома, надеюсь, ты тоже», — через минут десять, когда я уже исползала всю кровать, написал мне Сморчок.

«Спасибо, что довез. Ты думаешь, почему я первая тебе пишу? Так вот, я же обещала тебя убить, когда ты ко мне приставать стал, так вот, готовься в понедельник на кровавую расправу, потому что я, Мария Бурундукова, своих слов на ветер не бросаю!!:)», — написала я длиннющее сообщение и отправила его с улыбкой. Подумать только, а еще совсем недавно я мечтала вот так вот ночью переписываться с Ником.

«Можно без расправы, Бурундучок? Я очень жизнелюбивый…»

«Если ты исполнишь все, что обещал, тогда подумаю! Желание, оригами, поездку…», — вспомнилось мне, и я опять зевнула, словно бы зевком подтверждая свои слова.

«Поездка уже была, Чип. Остальное исполню, не бойся.»

«А я и не боюсь. Не моя прерогатива, деточка ты мой. Когда?», — я опять забарахталась в постели. Вроде бы всего лишь невинная переписка со Смерчем, а столько новых эмоций!!

mir-knigi.org

«Закрой сессию, партнер, тогда и поговорим, идет?», — я искренне восхитилась этим словам, а потом нахмурилась.

«Ну ты и наглый!», — слово «партнер» вновь стало раздражать намного больше, чем «Бурундук».

«Я просто забочусь о тебе, и даю стимул к тому, чтобы ты успешно закончила этот год. Ты меня недооцениваешь. Я страдаю, может быть:*)»

Страдает он! Как же. Ежедневно, по пятнадцать минут, с секундомером в руках. Я перевернулась на живот и, качая головой в такт песенке про любовь, которая повернулась к кому-то там пятой точкой, стала набирать ответ, в котором ясно выразила свою точку зрения относительно того, что я думаю о страданиях Смерча.

В следующем сообщении он словно прочел мои мысли и вдруг написал:

«Я тут подумал, что звать тебя партнером немного кощунственно. Предлагаю в целях тайной и глубокой конспирации называть друг друга по-другому (_8(I)». Загадочный смайлик мне не понравился. Правда, приглядевшись, я поняла, что это графическое изображение Гомера Симпсона. Пока я всматривалась в известного мультяшку, Смерч прислал еще одно сообщение:

«Будем обращаться друг к другу банальными „милая“ и „милый“, или привычно: „Бурундучок и Смерчик“, а?»

«Это когда я тебя Смерчиком называла, ветрило противное??»

«Начни сейчас, Бурундучок.»

«Я тебя в понедельник убью:)», — пообещала я со смехом парню. Смеха он, естественно, не слышал.

«Мне все равно понравилось тебя целовать:) В понедельник, думаю, мы продолжим наше близкое знакомство. Да?»

Я, к сожалению, не расслышала вибрирующего звука последнего сообщения, пришедшего не сразу, а минут через десять. Телефон ласточкой выскользнул на подушку. А я, наконец, провалилась в долгожданный сон, и мне снилось, что какой-то большой орел с гордым клювом то и дело развлекается тем, что превращается в милашку-фею. Она, явственно распространяя вокруг себя клубничный аромат каких-то невиданных мне духов из ягодной амброзии, обкладывает большими спелыми ягодами красного цвета мою постель. Затем, становится орлом, чистящим перышки — чтобы через пару минут вновь трансформироваться в наглоглазую фейку с замашками ехидного гопника.

Потом мне снилось что-то неприличное, а что именно, я так и не смогла вспомнить. Когда проснулась поутру передо мной то и дело возникал знакомый профиль с ямочками на щеках — значит, мне точно снился господин Сморчок собственной невыносимой персоной.

О чем мы вчера переписывались…?

А обладатель этих самых ямочек на щеках, так и не дождавшись ответного сообщения от своего Бурундучка, лежал на теплом полу в своей комнате, свободно раскинув ноги и руки, как Витрувианский человек [2], вписанный в окружность. Окружностью в данном случае стал мягкий ковер, Вернее, не сам ковер, а овал, вычерченный внутри него, мягко квадрата ручной

работы, выполненного из натурального шелка.

Ковер цвета топленого молока можно было считать особым украшением комнаты Дэна. Он устилал середину просторной комнаты с огромным, от пола до потолка французским окном с видом на крутой берег реки, и был подарен Денису мамой несколько лет назад. Текстильное изделие создавали в Иране по ее специальному заказу несколько месяцев, и выглядел он неброско, но очень красиво. По краям чудного ковра глаза радовали многочисленные коричнево-изумрудные узоры. Внутри же, в круге, были вышиты несколько сонетов Петрарки на итальянском языке — как и положено, по 14 строк каждый. В самом центре ковра красовалось изображение девушки, которая, по замыслу мамы Смерча и создателей ковра, должна была олицетворять единственную любовь жизни великого поэта — прекрасную Лауру.

вернуться

2

Витрувианский человек — человек, изображенный в двух наложениях, рукою Леонардо да Винчи с целью изобразить пропорциональное идеальное мужское тело.

Неподходящую в современном мире любовь к итальянской культуре Возрождения темноволосый парень унаследовал, вероятно, от деда. Не зря тот даже собственный клуб назвал в честь великого Данте, и обустроил его в лучших традициях «Божественной комедии».

— Если бы ты не был моим внуком, мальчишка, я бы у тебя этот ковер экспроприировал, — однажды несколько лет назад, смеясь, заметил дед, придя на один из семейных праздников и зайдя в спальню к внуку. — А вкус у тебя имеется, хоть ты еще совсем мальчишка.

— Идиот, — хмыкнул Петр, как только дедушка вышел. Он терпеть не мог, когда тот хвалил кузена. — Тащишься по такой ерунде? А тебя ведь в школе крутым считают. Ты типа эстет? Мамочка подарила ковер, и ты в восторге?

— А ты типа завидуешь? — с улыбкой спросил Денис.

— Кто? Я? Чему? — зло усмехнулся Петр. В подростковом возрасте у него был просто ужасный характер.

— Кто? Кажется, да, кажется, это ты. Чему? Наверное, все же мне, — пожал плечами его двоюродный брат и добавил. — Просто у тебя настолько низкая самооценка, что рядом со мной ты чувствуешь себя… как бы это сказать… немного неуверенно. Так ведь?

— Так ведь.

Темноволосый парень в очках, с такой же улыбкой глядя в глаза Дениса, резко схватил вазу, в которой стояли цветы, и театральным движением вылил воду на дорогой ковер, следом на него полетели и цветы, на которых Петя хорошо потоптался. Денис жутко рассердился.

В общем, братья подрались, и даже гневные окрики вернувшегося деда не смогли их остановить — чтобы разнять парней потребовалась помощь нескольких мужчин.

Кстати, почти никто из друзей, часто бывавших в доме Смерчинских, не придавал большого значения этому светлому ковру, хотя тот был самой дорогой вещью в комнате Дэнни. И одной

из самых дорогих вещей во всей богато обставленной квартире, располагающейся в элитном жилом комплексе.

Когда Черри, который однажды едва ли не прожег сигаретой дыру на шелковом изделии, узнал от Смерча, что едва ли не ежедневно беззаботно топчется по целому миллиону рублей, то некоторое время пребывал в крайнем изумлении. Его он выразил в не совсем приличном выкрике и изогнутых вверх бровях, и с тех пор старался в районе ковра сигареты больше не смолить. А Дэна в шутку стал называть «буржуем экстра класса».

— Ковер по лимону — это ненормально, — заявил панк. — Это дерьмово!

— Нормально, — тут же сказал Ланде, один из немногих друзей Смерча, который разбирался в искусстве и в его произведениях, высоко их оценивая. — Этот ковер прекрасен. Сидя на нем, я попадаю в древнюю Персию.

— Ты в дурку попадаешь, — хмыкнул Черри. — только подумай, Дэнв, а ведь эта неваляшка всегда сидит на полу, когда приходит к тебе. В Персию пытается проникнуть!

— Сам такой, — глубоко оскорбился тогда будущий актер.

— Ну, прямо, не брутальный норвежец, а выходец из детского сада, — расплылся не в самой дружелюбной улыбке Черри. — Алло, гном, у Дэна нет выхода в параллельные миры, прикрытого ковром!

— Брейк, ребятки, — весело расставил руки в стороны хозяин квартиры. Он всегда примирял этих двоих.

Наверное, иногда он сам и Чип выглядят так же, как и Черри с Ланде, когда беззлобно цапаются. Забавно. Обычно девушки на него вешаются, а Чип старательно отталкивает. Вернее, отталкивала. А сегодня с ними что-то случилось.

Смерч еще раз посмотрел на широкий экран телефона. Мария пока что не ответила на его последнее сообщение. Он даже не смог сразу отправить его девушке. А когда отправил, все с тем же волнением ждал от нее ответа.

К тому же долгие поцелуи в парке и около подъезда не прошли даром — сейчас парень желал не только, чтобы светлоглазый «чертенок» отвечал ему, но и находился рядом — на этом же полу, а еще лучше, на кровати.

Смерч посмотрел вверх, на звездный потолок. Звезды, переплетенные в созвездия, слабо светились в темноте. Дэн так часто смотрел вверх, что невольно запомнил не только расположение звезд и созвездий, но и их названия, подписанные рядом с каждым небесным светилом. Парень без труда находил их на ясном небе, удивляя и старых друзей и новых знакомых. Особенно большое впечатление это производило на девушек, с которыми ему посчастливилось оказаться под ночным небом.

Молодой человек вновь перевел взгляд на экран телефона — ответа все не было. То, что девушка не отвечает, слегка напрягало Дениса. Он был очень подвижным и, несмотря на видимое спокойствие, ожидание его невероятно нервировало и тяготило.

Он не выдержал и позвонил Бурундучку — так в последнее время он называл Чипа про себя. Она тупо не брала трубку.

Хотя у Маши часто бывали самые разнообразные проблемы со связью, о том, что они вновь у нее появились, Смерч как-то не подумал. И что она и сейчас просто-напросто не слышит звонка, уснув под одеялом, ему не пришло в голову. Решил, что просто не хочет ему отвечать после той смс-ки.

— Испугалась? — прошептал он, глядя на все тот же экран с изображением смеющейся во весь рот Машки — фото для контакта, чтобы видеть того, кто ему звонит, на экране, он сделал тайно, когда они в очередной раз занимались «миссиями», выслеживая Клару и Ольгу.

— Ты же еще совсем маленькая, — задумчиво сам себе ответил парень, вспоминая поцелуй. Сначала мягкий, неловкий, удивленный, а потом яростный, задорный, как будто бы приправленный адреналином от полета на тарзанке.

Давно он не чувствовал ничего подобного. Даже не так. Он чувствовал подобное только с одной девушкой, с той, которую звали Инна. Но ее очень давно не было рядом.

Парень потер подбородок рукой. Нет, не нужно было писать последнее сообщение. Чип наверняка не так поняла про близкое знакомство. Скорее всего, теперь она его слегка опасается.

Наверное, девочка смутилась, испугалась его напора и решила использовать несвойственную для себя стратегию «укладывания на дно». Ведь он же сам сто раз повторял, что они всего лишь партнеры, друзья по несчастью, спутники по цели, и никакие отношения между ними невозможны! А когда ему захотелось этих самых отношений — к тому же все вокруг считают их парочкой, почему бы и нет? — она спасовала? Или просто поняла, что ошиблась?

Да, к тому же ведь она «в полной зависимости» от этого своего Клары, странного, очень странного типа, который явно ведет какую-то идиотскую игру. Да, насчет него нужно серьезно поговорить с малышкой Ольгой. А ведь он, Дэн, так и знал, что все, что удалось собрать насчет Кларского — не совсем верная информация. Или, скорее, неполная… Аннет, милая карманница и превосходная актриса, явно чего-то испугалась — кого-то из «объектов», и явно не Ольгу. Светловолосую девушку Дэн знал с самой школы, и очень хорошо. Не было причин ее бояться.

А вот с этим Ником все оказалось совсем не просто. Причина явно в нем. Денис не совсем точно смог понять психологический портрет этого парня: да, он консервативен, спокоен внешне, внутри же, напротив, напряжен. Привык производить хорошее впечатление, одевается хоть и строго, но со вкусом, вежлив, привлекателен, обходителен, не скуп, спокоен, хорошо учится, не вступает в конфликты, друзей у него не много — он интроверт, зато все знакомые о нем хорошего мнения.

И при этом любит драться. Или ему пришлось это делать. По крайней мере, недавно точно дрался: костяшки на правой руке все еще сбиты, чуть выше сгиба локтя виднеется из-под длинного рукава глубокий тонкий косой порез, как от ножа. От природы очень наблюдательный Дэн случайно заметил этот порез, когда рукав спутника слегка задрался, в то время, как глупая Мария пялилась на лицо Ника, а Ольга не сводила глаз с самого Смерчинского. Да и с ногой у парня было что-то не то: кажется, он немного прихрамывал пару раз. Интересно, если у него что-то с конечностью, то зачем Никита ходил весь вечер по парку вместе с Олей, которая очень любит всякого рода прогулки и вообще движение? Мужественно терпел боль из-за Князевой? Неужели у него такие сильные чувства к ней или просто не хотел показывать ей, что с ним что-то не в порядке?

Кстати, когда Дэн осторожно расспрашивал знакомого парня из потока Клары, тот сказал, что

видел как-то в раздевалке, что у Никиты на боку рваный шрам от кастета. Мальчик совсем не прост, но о нем Дэн подумает завтра, потому что сегодня его мысли все больше и больше занимает милый Бурундучок с горячими щеками и холодными пальцами, которые он позволил греть у себя на шее.

«Длина ушей составляет одну третью длины лица» — вдруг вспомнилось ему из пропорций, описанных да Винчи в Витрувианском человеке. Он поднял руку вверх, вспоминая с улыбкой уши Марии, в которых она носила забавные сережки в виде цветов с пятью лепестками из серебра, украшенного капельками красного огненного камня, кажется, рубина.

Зачем он вообще к ней полез там, под дождем? Ответ был прост — ему захотелось сделать это, а Смерч привык делать то, что ему хотелось. Даже если это был сиюминутный порыв. А ему хотелось ее целовать и наслаждаться ее теплом в этот холодный вечер, и ее удивлением одновременно. К тому же, рядом с Чипом становилось очень светло, как будто бы она действительно на время умела становиться Клубничной Фей.

Из девчонки в его глазах она как-то слишком быстро превратилась самую настоящую деву, правда, строптивую, но очень привлекательную, так и норовящую самым наглым образом очутиться в его фантазиях. Черт, а она бы точно назвала его фантазии больными, как уже однажды это сделала! Ее напористость и уверенность его чертовски заводила.

Улыбнувшись ярким воспоминаниям, парень еще раз позвонил Марии.

Ее телефон почти беззвучно завибрировал рядом с ее головой, но девушка не расслышала вибрации мобильника, только лишь перевернувшись на другой бок, обняла подушку. В это время ей как раз начали сниться не совсем приличные сны, которые она никак не могла вспомнить на следующее утро. Если бы Дэн знал, что ей снилось, то, наверняка, тут же предложил бы ей сделать сновидение реальностью, мало того, ему бы самому очень бы захотелось сделать это. Но он ничего не знал, уперто продолжая считать, что Машка не берет трубку, потому что просто не знает, как ей себя теперь вести с ним: как с партнером или как с парнем?

Смерч еще несколько раз проверял, есть ли ответ от затаившегося Чипа. Последний — когда только что вышел из душа, в котором долго стоял под струями горячей воды. Но и тогда, почти через полтора часа, темноволосый парень не увидел от нее ответа. Он тряхнул головой, чтобы влажные волосы полукольцами не падали на лоб и не закрывали глаза, потер еще мокрое лицо ладонями, которыми совсем недавно держал лицо объекта своих фантазий, ну, или просто девушки, которая стала ему невероятно нравиться, посмотрел в окно, на темное небо, где мутным желтым пятном выделялась луна. За пару минут как-то внезапно решил, и что делать с Ником, и как вести себя с Бурундуком. Решения всегда приходили к нему быстро, и довольно неожиданно, а потом, с размаху упав на большую низкую кровать, позвонил Черри и еще нескольким друзьям, которые были способны в это время суток отправиться куда-нибудь, где можно было повеселиться.

Парни, естественно, тут же согласились. Денис вызвал такси и принялся переодеваться. Натянув черную футболку, он вдруг заметил на столе томик лучших произведений Возрождения, и вспомнил вдруг, что мать, когда ей что-то хочется узнать, гадает по книге — задает вопрос и открывает книгу на любой странице.

— Ну, маленькая, почему ты мне не отвечаешь? Я ведь тебе нравлюсь, правда? — чтобы отвлечься от смеха, он взял в руки книгу и открыл ее где-то посредине. На светлые страницы

падал свет из окна, смешавшись с тусклыми лунными лучами. Попал Дэн не куда-нибудь, а на сонет Петрарки, посвященный возлюбленной Лауре.

Я вижу лук Любви, что вновь натянут.
Но вряд ли беды новые нагрянут —
Страшнее, чем привычная беда:
Царапины не причинят вреда,
А сердце больше стрелы не достанут.

— Как интересно. Я скоро начну, как и Клара, верить в Судьбу, — стихи явно не могли быть отражением объективной реальности. И парень с улыбкой, полной скепсиса, открыл еще одну страницу. И вновь умудрился попасть на любовный сонет.

Стряхнув с лица челку, он сам для себя, полушепотом, зачитал вслух новое «предсказание».

Влюбленные похожи друг на друга,
Когда в обоих жизненная сила
Обители свои переменила.

Ответ Дэна вновь не впечатлил, он поморщился, досадуя на себя, что поддался женской забаве. Отбросив книгу на кровать, он стремительно вышел из комнаты. Книга, словно бы желая доказать теорию существования Судьбы, злорадно открылась на еще одном сонете Петрарки. Заглянувшая утром в комнату сына мать подумала, что сын вновь увлекся великим поэтом эпохи Возрождения и тихо рассмеялась.

А Смерчинский уже через час находился в одном из лучших клубов города, который, кстати говоря, был главным конкурентом «Алигьери», ни в чем ему не уступая: ни в блеске, ни в ценах.

Ему нужно было освободиться от напряжения — хотя бы с помощью драйва, живущего в ночных заведениях и исходящего от любителей клубной жизни. В потоке цветомузыки и шумных звуков образ Марии умудрялся расплыться, а потом и вовсе исчез.

Они веселись почти до самого утра, отрывались под громкую, бьющую по легким музыку, а потом, когда вся компания подошла к барной стойке, ему все-таки удалось найти среди гостей девушку, которая внешне напоминала Марию: та же тонкая фигура, те же короткие прямые светлые волосы, те же порывистые движения. Только губы совсем другие, не такие, как у Бурундучка, но для пары ночей и эта миловидная девочка ему вполне подойдет. Ведь, кажется, он очень ей понравился.

Утром я встала на удивление с ясной головой, хорошим настроением и привкусом клубники на губах. Странно, перед сном же молоко с медом пила. Распахнула я глаза почти в 7 часов, даже чуть раньше. Встала, потянулась, подошла к окну, и сразу заметила, что вокруг все стало немного другим: цвета ярче, вещи объемнее…

«Доброе утро, планета!», — оказалось, огромный яркий плакат, разноцветные буквы которого вобрали в себя всю палитру радуги, всю ночь бережно готовился заботливыми червячками, ставшими от неясного смутного пока восторга розово-золотистыми, как вон те рассветные облака на ясном светло-голубом небе, что виднеются мне из окна.

Тут же вспомнился вчерашний вечер. Мы не обращали внимания на Ольгу и Никиту, не обращали внимания на дождь, не обращали внимания на ветер и холод, потому что долго-долго

целовались… Как будто бы нам громовым голосом с неба сообщили, что если мы перестанем делать это, то в мире начнется апокалипсис, а если продолжим, вложив в это все свои тщательно скрываемые эмоции и желания, то всюду воцарится счастье. А так как мы все-таки были Чипом и Дэйлом — глупыми спасателями-бурундуками, то нам пришлось выбрать второе. Потому что они «всегда спешат туда где, ждет беда».

Если бы Маринка и Лида пристали ко мне с вопросом: «расскажи, как это было?!» — а они делали это уже не раз — я бы ничего им не сказала. Лишь загадочно бы поухмылялась, как сова, и многозначительно посмотрела бы на подружек.

Я бы промолчала не потому, что стеснялась, а потому что думала, что эти воспоминания могут принадлежать только двум людям — мне и ему. И делить их с кем-то еще в тот момент совершенно не хотелось. Мой Смерчинский, мой поцелуй и мои воспоминания. Всех остальных прошу убрать наглые шаловливые ручонки и выкинуть загребущие намерения из мозга.

Наверное, я бы просто сказала девчонкам, что мы долго целовались, не вдаваясь в подробности. Похвасталась бы, что у Смерча широкие плечи, ловкие и ласковые пальцы и удивительно наглые губы, и что он в этом деле — целовательном — настоящий профи.

Наверное, куда подробнее бы я рассказал о том, как мы бегали по дорожкам парка друг за другом все под тем же дождем, смеялись, дружно ругали недоумевающего Черри, которого Анька отправила вон из парка, как только вернулась с «задания» — она написала его дружку-«помойке», чтобы те резко делали ноги; а еще мы фотографировались на цифровик Смерчинского, который оказался водонепроницаемым.

Как мы до этого додумались? Не знаю. Все произошло как-то спонтанно. Дэн догнал меня у детского розового паровозика, в котором катались совсем уж малыши, и который стоял сейчас неподвижно, обнял одной рукой и уставился на меня каким-то шальным взором. Парень не спешил отпускать меня, смотрел прямо в глаза, а наши носы касались друг друга, как будто мы со Смерчинским оба были эскимосами, решившими попрактиковать свой необычный поцелуй.

— Что? — осторожно спросила я тогда, глядя, то на мелькавшую справа белую молнию, то на него. Губы у Смерча были полуоткрытыми, как у ребенка, увидевшего новую игрушку, которую злая мама долго не покупала ему, а потом раз — и подарила на Новый год.

— Ротик закрой, муха залетит, — не поленилась сказать я, не отпуская его плеч — о да, моя душа добралась до них и заставила пальцы крепко-крепко в них вцепиться.

— Просто смотрю, — отозвался он полушепотом, который я с трудом расслышала из-за шума дождя, бьющего в асфальт тяжелые струи с маниакальным упрямством, и наклонился ко мне.

— В глаза? — спросила я, разглядывая его мокрые ресницы

— В глаза. Хочу запомнить их выражение.

— Ты сможешь их сфотографировать.

— Отличная идея!

Миг, и мое лицо осветилось вспышкой — Дэнни достал фотоаппарат отработанным движением фокусника. Цифровик оказался водонепроницаемым.

Не знаю уж, как это смотрелось со стороны, но мы, мокрые уже едва ли не насквозь,

фотографировали друг друга и фотографировались вместе: серьезные и строящие рожи, довольные и слегка обескураженные друг другом.

Веселье закончилось в тот момент, когда я вдруг достала из кармана телефон, чтобы посмотреть время и увидела с десяток пропущенных звонков от мамы. Пришлось ей перезванивать, выслушивать ее гневные крики, объясняться, врать, говорить, что я бегу домой из библиотеки, косясь при этом на тихо смеющегося Смерча.

— Если я не приду домой в ближайшие полчаса, мама меня убьет, — загробным голосом сказала я ему, когда связь отключилась. Мама обещала меня собственноручно задушить, когда я приду домой. Она, оказывается, звонила мне уже несколько часов и совершенно безрезультатно — у меня был отключен звук.

— Я довезу тебя, Чип, — тут же сказал Дэн. По идее, это должно было звучать, как предложение, но мне показалось, будто бы он просто ставит меня в известность о принятом решении.

— На твоем «Выфере»? — обрадовалась я, тут же вспоминая красно-белого красавца. — А ты ведь обязан мне одну поездку!

— На нем. Раз обязан, то повезу, — согласился парень.

— Какой-то ты странный, — сказала я, решив попереживать из-за гнева мамы непосредственно дома.

— Я? Я обычный. А ты… тебе нравится…

— Мой букет! — перебила я его вдруг. — В кафе мы забыли мой букет! Его сто пудово кто-нибудь да спер!

— Я подарю тебе новый, — он протянул мне руку и сказал. — Побежали до байка, Чип?

И мы действительно побежали.

Дождь неожиданно закончился, как только мы покинули опустевший парк под удивленный взгляд контролера на входе. Просто взял и перестал идти, как будто кто-то на небе вырубил его, нажав на панели «Погода» кнопочку «остановка дождя». Странно, но как только закончился дождь, на улице стало прохладно, и даже мне, которая умудрялась не мерзнуть в двадцатиградусный мороз зимой, захотелось оказаться около какого-нибудь костра или еще лучше камина, с бокалом согревающего красного вина в руках. Наверное, во всем была виновата мокрая одежда, которая противно липла к телу. Я поежилась, уже жалея, что мы так беспечно гуляли во время грозы. И что на нас нашло?

В этот раз Дэн оставил свой байк не на улице, а на платной стоянке, и до нее мы добрались за 5 минут.

— А чего ты попросту его не бросил? Тебе же всегда везет, — несколько глумливо спросила я, когда мы подходили к стоянке, перепрыгивая через лужи. Честно сказать, Дэн через них перешагивал, а вот мне приходилось прыгать. Больше народа на обычно многолюдной улице не было. Только проезжали туда-сюда автомобили со все еще работающими дворниками.

— Тут нигде нельзя оставлять транспорт, вот и все. Черт, холодно, — произнес он, закусывая губу. Его пальцы в моей ладони действительно стали холодными. Я, чуть подумав,

остановилась и с улыбкой запасливого человека, вещи которого, не смотря на всеобщие смешки, все-таки принесли пользу, вытащила из рюкзака на свет любимую оранжевую кофту с высоким горлом, длинными рукавами и металлическим замком. О ней я вспомнила только сейчас.

— Давай, я тебе на плечи накину? Теплее будет, Дэн, — искренне предложила я ему, так как знала, что ему действительно холодно. Пару раз Смерч говорил, что с трудом переносит холод и вообще часто мерзнет (тогда я обозвала его девчонкой, но он не обиделся и сказал, что все равно крут).

Синеглазый очень странно на меня посмотрел, чуть помешкав, взял из моих рук кофту, явно согревая в ней ладони, и скомандовал:

— Я отвернусь, а ты переоденься.

— Чего-чего? — показалось мне, что я ослышалась, и я даже ладонь к уху приложила. С Ветерком явно что-то не то. Может, ему мозг продуло?

— Мы сейчас поедем на скорости, тебя может продуть, заболеешь, — отозвался парень, потирая ладони. — Переоденься. Все равно на улице никого нет.

— Так это тебе же жутко холодно!

— Я могу потерпеть, а вот ты точно заболеешь, — он одарил меня обаятельной улыбкой, огляделся, как воришка на вокзале и поволок меня в арку дома напротив.

— А сам? — сердито спросила я у него.

— У меня хороший иммунитет, — и он склонился ко мне, погладил по щеке и в очередной раз напомнил о своей замечательной удачливости.

Я, почти растаяв от прикосновений, все же заставила его отвернуться и, зорко проследив за тем, чтобы он не подглядывал, переоделась в сухую теплую кофту.

Кажется, он и, правда, не поворачивался в мою сторону, но улыбка у Дэна была шикарная, в смысле, веселая, как у пингвина-хохотуна.

А потом мы поспешили к стоянке. Приехали быстро — почти все дороги были пусты. Зато дождь начался вновь, правда, не такой сильный. Дэн остановился около самого моего подъезда, продолжая глядеть на меня все так же странно — это заставляло меня нервничать. С ним что-то происходило, и я никак не могла понять, что именно. Из-за этого я даже в полной мере не могла наслаждаться нашей поездкой, да и в этот раз парень не спешил набирать скорость — ему явно не нравились скользкие дороги.

— Малыш мой, ты мне обещал кое-что рассказать! — вспомнилось мне, в общем-то, самое главное, когда я снимала шлем и отдавала его в руки Смерчу. — Что еще за тайны мадридского двора, поведаешь?

— Обещание есть обещание, Бурундук, — кивнул он совершенно серьезно, глядя не на меня, а на яркий фонарь.

— Жалеешь? — неожиданно спросила я самым добродушным тоном, но обожгла брюнета яростным взглядом сумасшедшей ревнивицы. Подумать только, и откуда что взялось?

Наверное, мой взгляд говорил Дэну, что если его ответ будет положительным, то кое-кто — и это явно буду не я — вновь станет мерзнуть — только уже в трупохранилище одного из городских моргов.

— Нет, — совершенно спокойно и, как мне кажется, искренне, ответил он. — А ты?

— О чем? — не сразу сообразила я, потому что в душе возликовала — совершенно неожиданно для самой себя.

— О Кларе, о ком еще?

Я посмотрела под ноги, наклонилась к земле, выдернула замызганный и грязный одуванчик, повертела его в руках и ответила, наконец, беспечным тоном.

— Не-а.

— Не-а? — голос Смерча был недоверчивым.

— Не-а.

— Он, кончено, клевый, умный, стильный, красивый, обворожительный и обаятельный — короче, он намного лучше тебя, Сморчок, но сегодня я кое-что поняла.

— И что же? — вежливым тоном спросил мой собеседник и по совместительству личный водитель.

— Кажется, я сдалась, — ответила я и, глядя на несколько растерянное выражение лица Дэнва, пояснила с важным видом психолога. — Ну, не сможем мы быть вместе, и все. Я это сегодня поняла. Я жутко завидую Троллю, что у нее есть возможность быть с Ником, — я вновь повертела цветок в руках. — Но сам посуди, я три года боялась подойти к нему, не предпринимала почти никаких попыток, чтобы быть вместе, лишь следила за Кларским издалека, как маньячка, и вообще вела себя в его присутствии, как настоящая дурочка: цепенела, смущалась… Только сегодня я на удивление вела себя еще более или менее адекватно в его присутствии! В общем, я пораскинула остатками мозга, который ты мне еще не успел выесть, доставала со стажем, и поняла, что между мною и Никитой не может быть никакого будущего, разве что кроме дружеского. Я бы хотела с ним дружить и знать, что у него все хорошо.

Дождь вновь закончился — уже насовсем.

— Вот как? — Смерч мягко взял у меня из рук одуванчик. Я обиженно на него взглянула, покачала головой, а парень вдруг, как всегда, не говоря ни слова, пересек дорогу, отбежал на несколько метров вглубь детской площадки, и уже через полминуты вернулся с красивым здоровым одуванчиком яркого желтого цвета в руках.

— Возьми, мучай его, — радостно произнес он.

— Спасибо, господин Забота. Мне, в общем-то, было хорошо и с тем одуванчиком. Но все равно спасибо. Ты странный, — чуть помедлив сказала я.

— Наверное. Бурундук, обещай, что не будешь ругаться? — спросил он.

— За что? — насторожилась я.

— Просто не будешь и все. Что бы я тебе не сказал сейчас, — он близко-близко приблизился ко мне. А я, совсем забыв, что дома меня ждет собственный «дракон» — мама, подалась вперед. К нему, как будто бы Дэн мысленно приказал мне это сделать.

— Что, — подозрительно уставилась я на брюнета, — осуждаешь меня? Хочешь сказать, что ты от Князя никогда не отступишься, так? Хм, неужели решил наш разнесчастный договор разорвать? Ну, валяй. Не буду злиться, — сказала я сердито.

— М-м-м, — он очень наглым образом провел носом по моим волосам, — Я хочу сказать немного не то. Бурундук, нет, Маша… Мария, Марья…

— Да говори уже!

— Это похоже на детский сад, и я даже не знаю, как правильно тебе объяснить, но, ты знаешь… Ты знаешь, я не люблю Олю. Я немного пошутил, — это было сказано таким милым тоном нашкодившего ребенка, что я сначала остолбенела, явив собой статую «Маша охреневает», а потом ткнула его пальцем в солнечное сплетение.

— Насчет чего ты пошутил, борода драная? — хрипло спросила я.

Улыбка сделалась еще краше, в глазах Дэнни засветились опасные манипуляторские огоньки, замаскированные под детский наивный взгляд. Он виновато взглянул на меня и сказал:

— Маш, я, правда, хотел, чтобы малышка Ольга рассталась с Кларой, но насчет того, что она — моя любовь, я слегка преувеличил, — и он беззащитно и вместе с тем и горько рассмеялся. У моего орла глаза мигом запеленало тьмой, он со злорадным криком спикировал на Дэновскую башку.

— Ммм? Чего? Немного пошутил? Слегка преувеличил?! — отшатнулась я от парня, чувствуя, как от гневного дыхания, заполнившего легкие, грудная клетка просто-таки ходит ходуном! — Да ты меня за нос водил, лягушка безмозглая?!

И с размаху пнула его по колену, так, что, не ожидавший этого, Смерч аж согнулся. И тут же замахнулась на него снова. Не зря, не зря меня брат мучил в детстве, когда приемы показывал! Вот козел! Обманывал меня!

— Эй-эй! Прекрати! — крикнул Смерчинский. — Маша, успокойся! Ты же девочка, а не боксер!

— Я кикбоксер, — попробовала я еще раз достать его ногой, но Смердяк ловко уклонился и одним махом оказался за забором, на территории цветника.

— Нет, ты девочка, милая и умненькая. Прекрати себя так вести!

— А ну, вернись, поганец, — прошипела я ему вслед, злясь и одновременно… и радуясь? — Вернись! Ты мне врал! Я тебя пришью, сукин ты сын!

Сукин сын возвращаться не захотел — мало того, он еще и засмеялся!

— Ты, гном, я тебя поймаю и убью. Я засуну твою харю в мясорубку и сделаю из нее фарш, а потом Князиху заставлю все это съесть! Котлетки из носа одного типа…

— Тихо-тихо, ты не маньяк!

— Я не маньяк. Я серийный убийца, — надвигалась я на Смерча, как зомби, только руки вперед

не выставила. — Ты в каком гробу желаешь быть погребен, придурок?

— Я пока еще хочу жить, — изрек Дэнв, прислонившись к дереву, верхушки которого как раз достигали окна нашей кухни, и добавил лукаво. — Желательно, с милой девушкой.

— Смерть не интересуется у своих клиентов, хотят они на тот свет или не хотят, — надвигалась я на него. Парень бесстрашно следил за моими движениями. Ему до сих пор было весело. А я, как всегда, не вовремя запнувшись за какую-то корягу, остановилась.

Черт возьми! Он не любит ее, зеленую нежить! Нет, лучше так: «Господи, спасибо, что он не любит зеленую нежить!» Я вдруг так обрадовалась этой новости, что все моя злость по поводу того, что Дэнни меня обманывал, испарилась вместе с туманом. Я, обозвав Смерча еще парой нецензурных выражений, вернулась назад и пнула пару раз колеса ни в чем неповинного «Выфера», но добилась только того, что на первом этаже с шумом распахнулось окно, из которого вылезла сонная и очень злая соседка — тетя Клава, заревевшая белугой:

— Наркоманы несчастные! Хватит свои разборки устраивать под моими окнами! Я сейчас милицию вызову, выродки эдакие! Все вокруг своими шприцами закидали! Вон из палисадника. Вон! Ворье, хулиганы, дауны, — обозвала она напоследок нас.

— Мы не такие, что вы, — произнес Смерчинский очень спокойно.

— Такой красивый, статный, здоровый, — сильнее высунулась тетя Клава, — а наркоман! Где совесть-то потерял, парень?

— Ну что вы, я добропорядочный, — отозвался Дэнни. Тетка, глядя на него, орать стала меньше. Видимо, таких интересных нариков давно не встречала.

— Да-а-а?

— Да. Знаете ли, я даже не пью, — серьезно сказал парень. — И не курю. А своей будущей жене верен уже сейчас.

— Ну-ну, неужели?

— Да кого вы слушаете? — не выдержала я. — Да он только что с «зоны» откинулся! Ограбить вас хочет. Медвежатник он.

— Медвежатник… Бурундукова? — пригляделась ко мне тетя Клава. — Матери завтра доложу с кем ты тут шляешься! Совсем уже обнаглела — с преступниками связалась. Ох уж мне эта милицейская семейка!

И она захлопнула окно с шумом не меньшим, с которым его открывала.

— Это про тебя она сказала — «выродки», — злорадно сообщила я Дэну, вернувшемуся ко мне все с тем же виноватым взглядом широко раскрытых глаз. — Ну, ты и сволочь.

— Хорошо, хорошо, пусть про меня, — поднял он руки вверх. — Маш, ты простишь меня, сволочь?

— Нет. Тебя, сволочь, я не буду прощать.

— Я думаю, что да. Сволочи ведь честно раскаиваются. Чип, а у тебя будут проблемы из-за этой женщины?

— Моя мама тетю Клаву не переваривает. Она вечно на Федьку жаловалась… — хмуро отозвалась я. — Эй, не переводи разговор, гном! Вы что, с Ником сговорились надо мной поиздеваться?

— С ума сошла, партнер? Он вообще ничего не знает, — он попытался меня коснуться, но я так грозно на него поглядела исподлобья, что Дэн убрал руку и просто встал рядом со мной.

Я, потерроризировав его еще немного неприличными ругательствами, только тише, потребовала у парня-сволочи объяснений насчет его наглого беспринципного вранья.

— Моей целью было, расставание Ольги и Клары, — вновь повторил он.

— Отлично! А я тебе зачем была нужна в таком случае? — взвилась я.

— Я рассудил, — хмуро сказал он, глядя не на меня, а в темное небо, — что в помощники мне нужна девушка, которая будет бороться. За Ника. Если борешься — есть надежда на успех, если действуешь просто из интереса — ее становится меньше. В бою лучше дерутся не наемные солдаты, атакующие чужие края, а патриоты, обороняющие родную землю. Поэтому мне показалось, что если работать вместе с тобой, то у нас все получится. И мы сделаем так, чтоб ты осталась с Кларским, а он оставил в покое Ольгу.

— Бред какой. Может, ты действительно, наркоман, козел ты с откушенной задницей? — честно высказала я свою точку зрения, но его словам поверила. — Она тебе реально не нравится?

— Ну, она скорее для меня как сестра, — задумчиво отвечал парень.

— Как сестра, вы только подумайте! Хорошо, хоть, что не как брат. Но ведь ты на Князиху иногда… так влюблено смотрел!

— Да? — слабо улыбнулся парень. — Тебе показалось. Она, честно говоря, напоминает мне ту, которую я люблю, любил, вернее. Глагол в прошедшем времени — так будет правильнее.

— А это не Лазурная ли…

— Маш, не спрашивай об этом. Сейчас не спрашивай.

— Но…

— Пожалуйста.

И я не стала задавать этих вопросов — в синих глазах, в темноте кажущихся темно-серыми, виднеется что-то вроде затаенной боли. Буду я Сморчка расспрашивать, а он как заплачет у меня на руках, что я тогда делать буду?

— А зачем ты за все это взялся? Какая тебя нужда заставила «развести» Ольгу и Ника? — угрюмо спросила я.

— Об этом я расскажу тебе потом. Прости, я дал обещание, что все оставлю в тайне, — опять не стал ничего прояснять этот обнаглевший засранец — других слов у меня просто не было.

— Ты меня окончательно вывести решил? — сердито спросила я. Ха! Ну хоть теперь мне Князева не конкурент! Раз ее этот дебил не любит.

mir-knigi.org

— Да, — отозвался Дэн, наклонился ко мне и вновь поцеловал: сначала в висок, потом в нос, затем в щеку, и только потом уже его губы коснулись моих вновь: очень мягко, медленно. Дэн умел делать так, чтобы девчонки рядом с ним таяли. Но я была бы не сама собой, если бы не проследила за тем, чтоб его глаза закрылись первыми!

А еще я жалела, что у меня нет длинных ногтей — чтобы до крови вцепиться в его мерзкие плечи.

— Мне пора, — сказала я через несколько минут, я с явной неохотой отстраняясь. — Мне пора, меня мама ждет.

Он сглотнул, подняв голову вверх (я не сдержалась, пощекотала его под подбородком, как свое котэ), и только кивнул растерянно.

— Что, Смерчинский, я тебе так понравилась? — лукаво глядя на парня, спросила я напоследок.

— Конечно. Но, по-моему, это ты не могла от меня оторваться, — весело отвечал он мне, гладя по волосам — не себя, меня, естественно. Понятно теперь, почему мое котэ любит, когда его по башке гладят…

— Н-да?

— Ага, точно. Я классно целуюсь. Правда? — самоуверенности ему было не занимать. Вот на кого мне надо равняться!

— Неправда. И сегодня я ненавижу тебя куда больше, чем всегда, парень, — сказала я злорадно, взяла его руку и, без стеснения положила прохладную ладонь Дэна чуть выше уровня собственного сердца, припечатав ее сверху своей ладонью. — Чувствуешь, мерзавец, как мое сердце бьется от ненависти?

«Почу-у-увствуй это!», — набросали тут же игривые головастики на большой стене, а орел в подтверждение пару раз покачал головой.

— Чип, а потом ты скажешь, что я тебя лапал.

И он поспешно вырвал руку, а я, захохотала, увидев его большие глаза и тупую улыбку, и смылась в подъезд, на ходу обзывая себя «извращенкой», а его «тупой последней сволочугой». Перед тем, как захлопнуть дверь, крикнула парню все же, что он все-таки редиска и слизняк.

— А ты очень миленькая, — отозвался он и помахал мне.

Я слышала, как быстро он уезжает, словно бы испугавшись чего-то. Не надо было его руку к себе едва ли не на грудь класть. Не думала, что наш Дон Жуан этого так смутится. А это оказывается чертовски приятно — смущать людей!

Вот так вот и прошел тот вечер, насыщенный событиями, как унитаз вредными микробами — это если верить рекламе.

Я осторожно подошла к зеркалу, висящему напротив кровати, и вгляделась в свое отражение: сонная, со взлохмаченными волосами и «рогами» на челке, почему-то бледная, зато с улыбкой на устах, взявшейся непонятно откуда.

Интересно, я нравлюсь Дэну?

Вспомнив о нем, я машинально провела пальцем по губам и сама перед собой засмущалась, как девочка-ромашка. Нет, точно, нравлюсь, чего бы он меня, такую милашку, стал просто так целовать — и не один раз?

«Жизнь прекрасна», — гирляндами загорелись огромные фиолетовые буквы где-то на подкорках сознания. Я расчесала волосы, протерла лицо освежающим тоником и даже намазалась кремом, недавно презентованным мне Настей. Все это время думала о Дэнве, не уставая улыбаться — дремлющее на стуле котэ явно удивилось моему поведению: с утра я обычно бываю злая, как некормленый трое суток дикий кабан.

Потом я вспомнила о нашей переписке и схватила с подушки телефон, попутно заграбастав подаренного мне Денисом синего тигренка. Ого, наш малыш мне пару раз звонил, да и какую смс мне Смерчинский прислал! Я, пару раз прочитав текст сообщения, тут же набрала ему радостный ответ, но, к сожалению, не смогла отправить — оказалось, у меня закончились деньги на счету. От разочарования я даже застонала и пнула кровать.

Ну, как всегда! Я мобильный неудачник, девчонки правы! Ладно, положу деньги, тогда и отвечу ему. Но я хочу пообщаться со Смерчем прямо сейчас…

Может быть, мне удастся отловить парня в «аське»? Я тут же включила комп, однако онлайн Дэна не было, чему я искренне расстроилась. Зевая, я выползла из комнаты, поплелась на кухню, чтобы попить водички, столкнулась с мамой, которая уже с утра пораньше что-то готовила на плите и одновременно слушала радио. Какой-то полудурок-ведущий излишне радовавшийся раннему утру, призывал всех проснуться и «начать жить бодро!»

— Чего-то ты рано встала, — сказала я, с интересом суя нос в кастрюли.

— Мне сегодня нужно много успеть приготовить! — как-то нервно отозвалась мама, одной рукой листая книгу с рецептами, а другой, доставая что-то из холодильника.

— Зачем? — я уселась с ногами на табуретку около открытого окошка, за которым, прячась в зелени цветущих белым и розовым цветом яблонь, чирикали воробышки.

— Как зачем? — оторвалась мама от чтения рецепта. — Сегодня же Настины родители придут!

— Да? — я стащила со стола сыр, который мама хотела потереть в одно из блюд.

— Да, Маша, да. Я же говорила тебе недавно, что сегодня ее семья сегодня придет к нам в гости. — Продолжая рыться в холодильнике, отозвалась родительница. — У меня столько сегодня дел!

— Ну, вы же уже знакомы. — Вспомнилось мне что, действительно, родители как раз недавно говорили о том, что родственники Настасьи придут к нам в это воскресенье. Я тогда, помнится, тут же возжелала познакомиться с ее братом, которого девушка постоянно хвалила.

— Ну и что? — с жаром возразила мама, как стрекоза, летая по небольшому пространству кухни. — Маша, подай мне лук. Нет, этот слишком маленький, другой. А это слишком большой. Свадьба у детей через три недели, а мы все еще не слишком хорошо знакомы. Нужно лучше познакомиться, да и в деталях обговорить бракосочетание. Хорошо еще, что Лина взяла на себя все эти предсвадебные заботы.

mir-knigi.org

Лина Антоновна — мама Насти. Она обещала устроить «грандиозную свадьбу» и очень активно к ней готовилась — куда активнее самой Насти. Родители будущей жены брата были людьми не то, чтобы невероятно богатыми, но довольно обеспеченными, и возможностей у тети Жени было немало. Брат-дуралей настаивал сначала, что свадьбу оплатит он сам, но родители Насти плавно осадили его, сказав, чтобы не рыпался, мол, это вместо приданного у Настасьи будет.

— Кстати, Мария, не забудь, что вечером ты обязана быть дома и присутствовать на вечере, — строго сказала мама.

— Я? Ма-а-а-м, но я же к зачету готовлюсь, — вспомнила я, что вообще-то вечером должна встретиться с Димкой.

— Ничего страшного.

— Мне в библиотеку надо.

Мама критично оглядела меня, поедающую теперь уже нарезанную для салата колбасу, и заявила:

— В библиотеку? Что же. Тогда и иди с утра. А чтобы вечером как штык была дома. Гости в шесть часов прибудут. И перед походом в библиотеку, — мама как-то коварно выделили эти слова особенной интонацией, — дорогая моя, уберись.

— Куда?

— Не куда, а где.

— Где? — трагически прошептала я.

— Везде. Все должно блестеть и сиять. В гости не только родители Насти придут, но и еще несколько их родственников, да и наших тоже.

— Но моя подготовка к зачету… — опять начала я, потому что больше всего ненавидела убираться.

— Думаю, ты вчера уже очень хорошо подготовилась — столько времени в библиотеке проторчать, это же с ума сойти можно! Если что — сегодня ночью подготовишься еще, в том же вечернем отделе, — мама оторвалась от нарезки морковки и посмотрела на меня очень подозрительно. Нет, вы только поглядите на нее! Ей нравится меня мучить!

— Я уберусь, мама… — я скисла. С одной стороны, интересно поглядеть на Настиных родителей, и вкусненького откушать за праздничным столом, а с другой, я же не могу свое слово не сдержать? Как я с Димкой встречусь тогда?

Я постучала пальцами по столу.

— Я возьму твой мобильник, ладно? Мне позвонить надо старосте, чтобы кое-какие изменения узнать, — сказала я маме, выскальзывая из кухни и натыкаясь на братца, щеголяющего в одних домашних шортах, и растрепанную Настю. Они целовались, однако, увидев меня, отпрянули друг от друга. Пуритане!

— Доброе утро, малявка, — небрежно сказал Федор.

— И тебе привет, обезьяна.

— Молчи уж.

— Все ссоритесь? — миролюбиво спросила Настя и поспешила на кухню к маме — помогать. Я тоже честно предложила свою помощь, но поскольку кухня у нас была не слишком большая, и большое количество готовящих только мешало бы друг другу, мама выгнала меня, заставив идти убираться прямо сейчас.

— Пока тебя куда-нибудь не унесло, — сказала она и добавила загадочную фразу. — В объятия к библиотекарю.

— К кому-кому?

— Иди уже, — подтолкнула меня к выходу родительница. — Ой, Настенька, а что твой папа предпочитает из мясных блюд…?

Что ответила ей Настя, я не слышала. Крикнув, что начну уборку, как только позвоню, я поспешила в мамину комнату, нашла там ее телефон и набрала номер Димки.

— Да? — он взял трубку почти сразу, и голос у него был хриплым, чужим.

— Рота, подъем! — рявкнула я басом. Так меня, вернувшись из армии, брат любил будить. — Боевая тревога!!

— Что, Бурундукова, с ума сошла, а сказать некому об этом? — осведомился Димка.

— Ну ты и… А как ты узнал, что это я? — искренне восхитилась я.

— Поверь, я тебя всегда узнаю, — отозвался одногруппник. — Чего тебе не спится, ты же сова?

— Ах, меня разбудили крылья любви. Они у меня на спинке прорезаются. — Отвечала я. — Щекотно.

— Это ты от Смерчинского что ли звонишь? — поинтересовался Димка все тем же хриплым голосом и прокашлялся. Дыхание у него было тяжелым.

— От Хренчинского, — не стала я вдаваться в подробности. — А чего это ты так дышишь часто, друг мой? Занимаешься непристойностями?

— У кого что болит, воистину… Пока ты там сидишь со своим любимым, я, между прочим, на пробежке, — обиженно отозвался парень.

— Ты бегом занимаешься? — искреннее удивилась я. Димка, конечно, не то, чтобы накачанный малый с огромными трицепсами и совершенными бицепсами, но вид у него вполне спортивный, и, честно сказать, он на физ-ре из парней самый лучший на всем потоке. Кстати, пару раз он даже за честь университета вступался на спортивных Олимпиадах, Спартакиадах и на межуниверситетских соревнованиях. В этом они были похожи со Смерчем: оба любили мячики, только если Дэнни, насколько я помнила, увлекался баскетболом и волейболом, то Дмитрий занимался футболом. Еще на первом курсе мы всей группой пару раз ходили поддержать его в составе команды сначала факультета, а потом и университета.

— Занимаюсь и тебе советую, — отозвался Димка тем временем, и я, кажется, услышала, как мимо него проехала машина.

— Ладно, занимайся дальше. Слушай, Дим, у меня форс-мажор, — призналась я. — Ну, из-за

нашей встречи.

— Что, парень не отпускает? — прямо спросил Чащин.

— Какой парень? — сначала не поняла я.

— Денис который. Он же Дэнни, он же Дэн, он же Смерчинский, он же…

— Он же Смердяк, я поняла, кого ты имеешь в виду, — перебила я друга. — Дурак ты, Чащин. Буду я еще о таком своего… парня спрашивать. Дело в другом. У меня сегодня предки встречаются с предками невесты брата, вечером как раз. И я должна присутствовать на этом торжестве. У Федьки, свадьба скоро, — пояснила я. — Вот старшие хотят поближе познакомиться. Поэтому давай встретимся пораньше, часа в два, скажем, идет? У меня дел сегодня много, ужас просто. Я тут за Золушку.

— Идет, — повеселел голос Чащина. — А я-то подумал, ты пожадничала меня угощать, Бурундукова.

— Я щедра, как никогда, — хмыкнула я, рассчитав, что как раз к половине второго убраться я точно успею, съезжу на встречу с Чащиным и вернусь часам к пяти. А в шесть как раз ужин начнется. Потому что, кажется, знаю, что делать с англичанкой… — и я пересказала ему о нашем со Смерчем разговоре относительно сдачи экзамена по иностранному языку. Дмитрий стал еще веселее, и распрощались мы на прекрасной ноте, даже никак не обозвав друг друга.

— Эй, — напоследок сказала я ему, — раз уж я переношу нашу встречу, коллега, давай встретимся где-нибудь в хорошем месте в центре. Лида ходила со своим парнем в кафе «Сырное и ледяное чудо», сказала, что там жесть как круто. Пойдем туда?

— О'кей, коллега, — тут же согласился Чащин. — Если там так круто, как ты говоришь, Бурундук, то пойдем туда. Но название меня пугает.

— Если бы ты стоял рядом, я бы тебе вмазала — за Бурундука, — огрызнулась я.

— Смерчинский тебя так называет — ему что, можно, а мне нет? — возмутился парень на том конце провода.

— Ага, но ты же не Смерчинский. У тебя, надеюсь, таких проблем с левой височной долей нет, как у него, — тут же согласилась я с легкостью.

— Почему с левой? — слегка растерялся Дима.

— Потому что она за память отвечает. Кажется. А Смерчинский постоянно забывает, что меня нужно называть Машей.

После разговора с одногрупником, я, подумав и зачем-то опять похихикав (мама, зачем-то зашедшая в комнату, удивленно на меня посмотрела, но ничего не сказала), набрала и номер Смерчинского. Нечего ему спать в такое прекрасное утро!

В отличие от Чащина, Дэн трубку не брал долго — прошла почти целая минута, пока он соизволил ее поднять.

— Да? — дыша куда чаще, чем Димка, сказал негромко Дэн. Я от неожиданности едва не закашлялась.

— Что? — спросила я. — Ты тоже пробежками занимаешься?

— А? — выдохнул он с недоумением. — Какими пробежками?

— Уличными, Смерчинский. Хотя, кто тебя знает, у тебя, может, и спортивный зал дома есть, — отвечала я. — Там и занимаешься.

— Нет, я не на пробежке, — отвечал Смерч, пытаясь выровнять дыхание. — С чего ты взяла?

— Ты так пыхтишь мне в трубку, что еще мне остается думать? — резонно спросила я. — Хм, а ты там, может, кого-то насилуешь или еще что-то в этом шаловливом духе, а я тебя отвлекаю?

— Чи-и-и-п… — досадливо протянул он. В отличие от Дмитрия, который вроде бы находился на шумной улице, фоном для Смерча была тишина.

— Ладно, ладно. Может, на тренажерах занимаешься? — еще раз с легкой душой предположила я.

— Ага, — хмыкнул вдруг Дэн. — На тренажере. На выносливость. Подожди, я сейчас, — велел он вдруг совершенно другим голосом: более взрослым, без вечных смешинок.

— Чего подождать? — тут же полюбопытствовала я, развалившись на мягкой маминой кровати. На лицо мне падали солнечные лучи, и в душе было щекотно-щекотно, как будто бы все мои мысли-головастики разом решили меня пощекотать своими перепончатыми лапками.

Орел сидел на подоконнике, подставив перышки под прозрачные игривые лучи и наслаждался теплом, а мой ветрило занимался непонятно чем.

— Это я не тебе, — бросил Смерч в это время.

— А кому? — тут же заинтересовалась я.

— Да так… Не важно. Чип, что-то случилось? Ты от кого звонишь? — он все еще не мог отдышаться, да и стал каким-то нервным, что ли.

— От мамы, — сообщила я ему и проявила неслыханную для себя заботу. — Ты не заболел? У тебя голос хриплый.

— Я? Нет. Ты в порядке? — почему-то спросил парень.

— Я в полном порядке. И я вообще в отличном настроении. Только что прочла твое сообщение. Извини, я вчера просто уснула, не успела ответить. Только сейчас прочитала, что ты прислал, но со своего мобильника не ответила, потому что на нем в придачу еще и деньги кончились. А твоя смс-ка повысила мне настроение, Дэн. Странно, никогда не думала, что сообщение от тебя улучшит мне настроение, — болтала я, лежа на спине и закидывая ноги на стену. — Ты сейчас дома?

— Да, только не у себя, — осторожно отвечал парень.

— А у кого? — хотела все знать я.

— У Черри, — негромко отозвался Сморчок. Мне нестерпимо захотелось его увидеть. Ах и ох, ну у него действительно классные губы… Мысли тут же подобрались и поспешно нарисовали на своих вечных плакатах огромные светло-розовые губы, больше напоминающие силиконовые

mir-knigi.org

женские, а не Дэновские мужские.

— Привет этому обалдую, — почему-то мне было радостно слышать о Черри, этом дураке, который вчера помог провалить нашу «операцию».

— Он сейчас немного занят, — задумчиво сказал Дэн, — и отвлечь его я совершенно не в силах, Бурундучок.

— Ну и плевать. Я же тебе звоню, а не ему, — сказала я, совершенно не расстроившись. — Дэнчик, так что ты имел в виду, когда писал мне это свое сообщение, а?

Он замолчал — теперь я не слышала ничего, даже его дыхания.

— Ну-у-у? — протянула я с досадой. — Дэнчик-хренчик?

В клубе они были до самого раннего утра: четверо парней и пять девушек, с которыми ребята познакомились этой ночью. Черри, хотя и угостившийся некоторым количеством алкоголя, оставался почти трезвым и поглядывал на сегодняшний выбор Дэна удивленно: девочка была обычной, хотя, конечно, миленькой, веселой и очень заводной — от нее прямо-таки исходила энергия, но как-то сильно она напоминала зеленоволосому некую Марию Бурундукову, известную ему и его друзьям больше как Чип. Тонкая и подвижная девочка со светленьким каре, блестящей улыбкой и громким смехом, наряженная в легкое изумрудного цвета платье, буквально прилипла к Дэну. Тот же сегодня вел себя на удивление странно: то долго, почти без остановки, танцевал-прыгал на танцполе под пьянящую транс-музыку, то почти неподвижно сидел на мягком диване, заказанном для их компании на балкончике в зоне ВИП, закрыв лицо ладонями, то сосредоточенно выискивал кого-то глазами, хватаясь за сотовый телефон. И только заприметив девочку Нику около девятиметрового бара внизу, познакомившись и очаровав ее за пару минут, успокоился, став прежним Смерчем.

После бешеного отрыва на протяжении шести часов, вся компания загрузилась в огромный семиместный «Джип», принадлежавший одному из друзей Дэна. За руль сел единственный трезвый — то есть, сам Смерчинский, которому, кстати, владелец авто доверял так, что даже дал ему недавно запасные ключи. После недолгих раздумий ребята поехали домой к Черри, объявившему, что в его квартире никого нет. Однако он немного приврал. Дверь веселым и не совсем (вернее, совсем не) трезвым парням и девушкам открыл сонный Ланде в одних длинных, похожих на пляжные шорты, трусах цвета морской волны, на которых были изображены розовые раковины, фиолетовые дельфинчики и зелененькие пальмочки. Волосы парня были собраны в высокий хвост, достающий до плеч кончиками светлых волос, а на лице застыла гримаса королевского презрения.

— Явился, — с неудовольствием покосился полунорвежец на Черри, который умудрился приехать не с одной, а сразу с двумя девушками — они говорили, что являются лучшими подружками и теперь в шутку сражались за внимание зеленоволосого парня, целуя и щекоча его с двух сторон.

— А ты же сказал, тигренок, что у тебя дома никого нет, — захихикала одна из них, поглаживая пальцами его яркую татуировку в виде гротескного чудовища на плече.

— А это и есть никто, — захохотал Черри. — Кристина, Аля, Никто. Знакомьтесь!

— Ну, знаешь ли! — топнув ногой, обутой в объемный красно-белый тапок в виде мутировавшего гриба-мухомора, воскликнул беловолосый. Он явно был не рад гостям в

количестве девяти штук. — Вообще рехнулся! Алкоголик!

— Он все больше и больше похож на твою женушку, которая ждет тебя дома после вечеринок, — расхохотался один из молодых людей, держась за косяк — мир вокруг резво шатался. — Только скалки в руках нет!

— А ты заткнись, — с обидой отозвался Ланде. Все парни ему были хорошо знакомы. — Вы скоро все сопьетесь, идиоты. Денис, ну ты хоть что-то сделай! Чего они сюда все приперлись?

Смерч, оторвавшись от страстного поцелуя с миленькой девушкой Никой, удивлено взглянул на старого друга и ответил:

— А, Ланде, успокойся, все в порядке…

— Он сейчас это сделает, прямо здесь, в прихожей, — оценил степень увлеченности Смерчинского светловолосой леди тот же самый друг. — Эй, вы бы в комнате что ли, уединились, а, Дэнни?

— Можно в его комнате, — тут же ткнул пальцем в тонкокостного Ланде, зеленоволосый. — Там кровать удо-о-обная! Он ее из самой Германии выписывал. До границы с нами ее доставили за пару дней, а по России перли почти три недели. Ну и бушевала же наша промокашка! А теперь она никому не позволяет на нее ложиться. Оберегает.

— Моя кровать специальная, ортопедическая, с определенным дизайном, идиот! — побледнел от гнева Ланде. — И никого я туда не пущу. Боже… Нет, мать вашу, что за рассадник порока в этом доме? И почему я должен это терпеть?

— Потому что ты осел, — беззлобно сказал Черри. — Поехал бы с нами, познакомился бы с герлами…

И парень, пошатываясь (скорее от тяжести двух представительниц прекрасного пола, повисших на его руках, чем от алкоголя), зашел в огромный округлый холл со множеством высоких окон, в который без каких-либо переходов перерастала прихожая. Двухуровневая квартира с балкончиками, колонами и просторной лоджией, заставленной изящными вазами и небольшими скульптурами, произвела впечатление на всех девушек (за исключением Дэновской — ее, видимо, интересовал лишь красивый брюнет), и они тут же, бесцеремонно оттолкнув опешившего от такого нахальства, Ланде, бросились изучать первый этаж.

А тот, вдруг приложив одну руку к самому сердцу совершенно не своим голосом, а твердым резковатым баритоном, процитировал Лермонтова:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

— Мне стыдно, что я тебя знаю, чувак! — заржал один из парней, лениво прохаживаясь от одной стены, занавешенной всякими яркими театральными афишами, к другой, на которой мрачно сияла маска африканского божка.

— Какой забавный, — хихикнула одна из девушек Черри, Кристина, разглядывая вазы. — Можно, я с ним немного побуду?

— Можно, — ухмыльнулся панк. — Если догонишь.

Ланде и впрямь поспешно отступал к витой лестнице с резными золотистыми перилами, ведущую на второй этаж. Смерч, вдруг вновь оторвавшись от новоявленной подруги, вдруг тоже произнес задумчиво:

Спроси, зачем в пороках он живет.
Чтобы служить бесчестью оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?

И рассмеялся — только совсем не весело. Сонеты Шекспира он, сам того не желая, запоминал наизусть сразу же, как только прочитывал.

— Еще один! А вроде бы только вы тут трезвые, — еще громче заржал парень. — Черри, брат, выпивка есть?

— Бухла навалом, — ухмыльнулся тот и жестом гостеприимного хозяина указал на барную стойку.

— Пошли, — сказал в это время Дэнни Нике, проводя тыльной стороной ладони по лицу, — пошли наверх, детка?

— Как скажешь, — заворожено прошептала она и обняла его за пояс.

— Влюбилась, что ли за пару часов? — проводила ее взглядом одна из девушек. — Вот дурочка…

— Что стоим, френды? — весело спросил Черри. — Проходим тоже! Тут есть неплохое мартини — для девочек. Ну и для нас, — она заговорщицки посмотрел на друзей, — здесь что-нибудь найдется. А потом дружно последуем примеру Дэна, комнат много, есть где активно провести время.

Ответом ему был дружный гогот парней.

В чью комнату его занесло, Смерч так и не понял — просто осознал, что через пару минут после того, как попал в квартиру, оказался на просторной кровати, застеленной фиолетовым одеялом, а рядом с ним теплая, живая девушка с очаровательной улыбкой, пирсингом в пупке, горячим дыханием, и к тому же очень похожая на Марию.

— Ты такой… такой… — прошептала она, стягивая с парня футболку.

— Какой? — прижимая ее к себе, спросил Денис между поцелуями.

— Идеальный. Ты такой идеальный… Я боюсь, что ты растаешь, и окажешься только моей иллюзией, — светлые глаза Ники, которая так же, как и Чип, не любила тени и подводки, притворно округлились, и девушка звонко рассмеялась, усаживаясь на Дэна сверху и грациозно наклоняясь к нему.

— Не исчезну, — отозвался он хрипло. — Не бойся, малышка. Иди ко мне.

Их поцелуй настойчиво прервал зазвонивший мобильник парня. Кто-то долго, настойчиво и нудно названивал ему и явно не собирался отступать.

— Кто это? — даже слегка рассердилась девушка. Как и Маша, она была очень эмоциональна. Подсознание — да и сознание — Смерча уже устало вести сравнительный анализ двух девушек — Не бери трубку, Дэн, солнышко, давай дальше…

— Если я не возьму, они будут звонить еще долго, — разумно отвечал Дэнни, который сам был не рад тому, что их увлекательное занятие так беспардонно прерывают. Он убрал правую руку с оголенной спины Ники и достал из кармана джинсов ярко-желтый мобильник. Номер был незнакомый. А с незнакомых номеров ему часто звонили девушки и девочки. Но обычно в 7 утра они этого не делали, предпочитая вечер и ночь, а не ранние часы. В такое нестандартное время обычно Смерчинского тревожили многочисленные друзья, попавшие в неприятности. Людская глупость вообще не знала предела, но знала его телефонный номер.

— Да? — спросил он, часто дыша и закусывая губу, глядя на Нику, положившую голову ему на плечо и проводящую пальчиком по ящерке на шее.

— Что? Ты тоже пробежками занимаешься? — тут же, без приветствий, поинтересовался очень знакомый голос, хоть и искаженный связью.

— А? — выдохнул парень с недоумением. — Какими пробежками?

— Уличными, Смерчинский, — отозвались тут же и самым легкомысленным тоном добавили про какой-то спортзал и тренажеры. Все естественные желания, свойственные парням его возраста, мигом куда-то пропали, как только в трубке послышался этот хамоватый и уверенный голос, принадлежащий Чипу.

— Подожди, я сейчас, — велел парень недовольной Нике, вставая с постели. Та с обидой покосилась на него, но промолчала — и Дэн вдруг почувствовал облегчение от того, что Маша не слышала голоса его очередной милой подружки на пару дней.

— Чип, что-то случилось? Ты от кого звонишь? — он все еще не мог отдышаться, да и нервничать начал. Он — обычно спокойный и уверенный в собственной удаче! С этой девчонкой что-то случилось? Зачем она звонит ему так рано, если любит поспать подольше. Что с ней?

— От мамы, — отвечала Машка и почти что заботливым тоном вдруг поинтересовалась. — Ты не заболел? У тебя голос хриплый.

Дэн был натурой впечатлительной, поэтому тут же умилился словам Чипа, которая, по всей видимости, беспокоилась о нем.

— Я? — Дэн кинул еще один взгляд на Нику и вышел из комнаты. — Нет. Ты в порядке?

Кажется, его тон был сух, но неожиданный звонок так изумил Смерча, что он до сих пор не мог придти в себя.

Машка тут же сообщила ему, что она в отличном настроении и в полном порядке. Дэн сел на пол, откинувшись спиной к стене, и пока слушал своего Бурундучка, вдруг понял, что на плече у него уютно устроилось маленькое клыкастое чудовище по имени Вина. Оно осторожно почесывало задней когтистой лапой длинное острое ухо, касаясь перепончатым крылом волос и щеки мальчика-ветерка.

Чем больше Мария болтала, тем тревожнее становилось Дэну — он по неосознанной и неконтролируемой привычке так сильно прикусил кожу на запястье, что на светлой коже

остался белый след от зубов, моментально покрасневший. Так он познакомился еще и с Тревогой, продолжая почти механически отвечать на вопросы Чипа, он наблюдал как Тревога, в виде грозового сизого облака бесцеремонно подплывает к его голове и злорадно ухмыляется, глядя сверху вниз и готовясь к дождевой атаке.

— Дэнчик, что ты имел в виду, когда писал мне это свое сообщение, а? — а вот этот вопрос, заданный девушкой как-то по особому мягко и по-кошачьему хитро, посвятил явно не плебейскую душу Смерчинского в орден Сомнения.

Он стоял на одном колене, приклонив голову перед Королевой, возглавляющей этот орден и касающейся его плеча острием меча, чтобы посвятить его в рыцари, когда его впервые в жизни назвали Хренчиком.

Он не смог сдержать смеха, и тогда на него, словно веселая огромная собака с белой шерстью и умными синими глазами, заслышавшая зов любимого хозяина, к Денису прибежала Радость, чтобы усесться у его колен и с радостью облизать лицо.

— Маша, хорошо, что ты мне позвонила, — вдруг сказал он в телефон, почти касаясь его губами — так близко придвинул ярко-желтый аппарат к лицу. — Что имел ввиду? Я просто хотел сказать тебе: совершенно не жалею, что мы познакомились. Серьезно, — на мгновение он замолчал, вслушиваясь в тишину, царившую теперь по ту сторону телефона. Дэн, который привык полагаться на интуицию, показалось, что девушка замерла в ожидании его слов.

— М-м-м, — неопределенно промычала Бурундук что-то.

— Мы здорово провели вчера время, правда? Я хочу, — второй раз в жизни этому уверенному внешне молодому человеку было неловко говорить что-то девушке, — я хочу, чтобы у нас была еще одна такая встреча. Как ты на это смотришь, Чип? Мы все же пара в глазах общественности, Ника и Ольги, нам стоит поддерживать имидж.

Его голос становился все увереннее и увереннее. Только что поднявшийся по лестнице и направляющийся в свою комнату невероятно довольный жизнью Черри, на котором по прежнему висели подружки, услышав слова друга, мигом просек ситуацию и мягко развернув девушек назад, вновь потащил их вниз, зажав им, на всякий случай, рты.

— Девочки, тихо, молчим и пьем, — он вручил каждой озадаченной девушке по полному бокалу белого вина, разлитого кем-то заботливым, — Смерч решает жизненно важные проблемки.

— Личного плана? — спросила Кристина,

— Личного, ага.

— Вы чего вернулись? — поинтересовались двое других парней, которым вдруг вздумалось играть со своим спутницами в карты на раздевание. Карты, большие и красочные, они нашли на старинном столике и теперь вовсю их эксплуатировали.

— Смерч проблемы со своей Марьей-искусницей решает. Не стали мешать.

— О-о-о, неужели у Дэнва с ней все серьезно? — протянул один из парней, глотая хорошее чешское пиво прямо из бутылки. В это время его хитрая подружка тут же принялась подсматривать карты.

— Еще бы, — хмыкнул Черри, открывая пиво и себе.

— А я думал, это все прикол… Дэну же не нужны постоянные девушки! Ему нравятся леди на пару дней. Э-э, ночей.

— А я тебе говорил, что не прикол! Им наши ребятки такое представление перед их универом закатили, — тут же заспорил третий парень. — Ты просто там не был, не знаешь.

— Я в другом городе был. А ты был?

— Был. И даже репетировал. Ну и повеселились же мы классно. Народ решил, раз Смерч после Инны наконец-то девочку себе нашел, это надо отпраздновать. Я был одним из сетевых организаторов, — похвастался парень.

— А что за Инна? — тут же влезла Кристина. — Вы же про какую-то Марью болтали?

— А это тебя не касается, моя лапочка, — щелкнул ее по носику Черри. — Тут на первом этаже есть очаровательная комната, может, мы пройдем туда?

Я дождалась его ответа. Святые Апостолы, я ждала его с волнением, как будто бы я вернулась на пару лет назад, скажем к курсу к первому, и меня заставили разговаривать с Ником о французских поцелуях!

— Мы здорово провели вчера время, правда? Я хочу, — да, мне стыдно, но я даже дыхание задержала, когда Смерч говорил мне это по телефону, — я хочу, чтобы у нас была еще одна такая встреча. Как ты на это смотришь, Чип? Мы все же пара в глазах общественности, Ника и Ольги, нам стоит поддерживать имидж.

— Если только имидж, — сказала я, стуча себя по левой стороне грудной клетки — так я подавала сигналы сердцу, чтобы оно прекратило стучаться о ребра, как гротескный пленник о прутья решетки. — Ну, Смерчинский, ты загнул. Прямо вообще.

— Значит — отказ? — осведомился он.

— Не дождешься, — отвечала я. — Давай, валяй, пойдем на твою встречу.

— Я рад, Бурундучок, что ты быстро согласилась.

— Радуйся, что я вообще согласилась.

— Конечно. Но ты бы все равно согласились, — услышала я в ответ довольный голос Смерча. — Я смог бы добиться твоего согласия. Кстати, я думал, что ты вчера меня испугалась.

— Люблю самокритику, — заржала я. — Но не переживай, не надо комплексов, ты не такой страшный, как тебе кажется.

Его смех заставил меня улыбнуться.

— Я о другом: я думал, что ты испугалась наших возможных отношений.

— Ты извращенец?

— Нет, вроде бы.

— Садист?

— Не-а.

— Мазохист?

— Если только глубоко в душе.

— Фетишист? — продолжала я.

— Да нет же, — протянул он. — К чему милая девушка задает такие вопросы?

— Если ты не извращенец, Смерчинский, то чего мне пугаться отношений с тобой? Тем более, как ты верно подметил, все и так думают, что мы пара. Это ты виноват, — не сдержавшись, добавила я.

Мысли-головастики тем временем затеяли новую игру: нарисовали ярко-алый термометр хорошего настроения, уровень которого все повышался и повышался. Орел одобрительно следил за этим действом и, кажется, что-то подсказывал головастикам. Наверняка, ничего дельного.

— Чип, ты меня не поняла. Кстати, а мне все же нравится, как ты целуешься, — заговорщицки прошептал парень, выделив интонацией местоимение.

— Спасибо, — царственно отозвалась я. — Ты тоже неплох.

— Маша! Ты убираться думаешь, или решила всех друзей обзвонить? — появилась на пороге мама. — Я же ясно сказала, что сегодня у нас важный день! Да что же ты за дочь такая?

— Да, мам, я сейчас, — отозвалась я поспешно. — Эй, короче, я согласна. Когда у нас рандеву будет?

— Когда получишь все зачеты, — было мне хитрым ответом. — Не раньше. Видишь, как я за тебя переживаю?

— Ладно-ладно, — заторопилась я. Меня тут зовут… Но от тебя я еще жду исполнение желания и оригами!

— Я все сделаю, Чип. Это же я.

— Вот поэтому я и сомневаюсь… Дианочка, — из-за мамы я переврала его имя.

— Кто? — Поперхнулся он. — Как ты меня назвала?

— Диана. Хорошая ты подруга, Диана.

Мама хмуро на меня покосилась, и мне пришлось, быстренько свернув разговор, выйти из комнаты и браться за дело. В гостиной я убиралась добросовестно: все привела едва ли не в идеальный порядок. Еще бы ведь мама так надзирала за мной, что пришлось это сделать. Как она меня еще и окна мыть не заставила, ума не приложу, хотя протирать мне их стеклоочистителем все же пришлось. От усердия я даже чуть со стула не навернулась, хорошо, брат рядом был и успел поймать. Зато в своей комнате только сделала видимость того, что хорошо убралась, разбросанные вещи кое-как запихала в шкаф, да и пыль протерла только на видных местах…

После того, как я не без помощи все той же Насти (спасибо ей огромное!) закончила

многострадальную уборку, время уже подходило к часу дня.

Мама, сжалившись над нами, решила устроить кратковременный обед. Они с Настей, бегавшей по всему дому, зарабатывая очки одобрения от мамы, решили сделать по какому-то крутому рецепту необыкновенный пирог. Они решили потренироваться на мне и Федьке и состряпали пробную, так сказать, версию, которой мы и отобедали. Впрочем, получилось у них совсем недурно.

— А вы знали, что Машка с двумя парнями одновременно встречается? — не забыл сказать за столом вреднючий брат. Я аж вздрогнула и едва не подавилась пирогом.

— Да-а-а? Ты мне хотя бы имя одного из них скажи! — едва ли не взмолилась мама, у которой после общения с Настасьей настроение очень улучшилось.

— Да врет он все, — медленно прожевывая кусочек «Дамских пальчики», сказала я. — Никого у меня вообще нет. Ни одного парня, ни другого. Я одинока и несчастна.

— Ну-ну, я сама слышала, как ты с утра с двумя парнями разговаривала с моего телефона.

Я промолчала.

Выждав, пока родительница отвернется, брат наклонился ко мне и прошептал, сделав страшные глаза:

— Когда познакомишь-то меня со своим осликом?

Вместо ответа я сунула остатки пирога в рот и быстренько свалила в свою комнату — одеваться. Через полчаса мне следовало быть уже в кафе, а я опять безбожно опаздывала! А Чащин нетерпеливый, ждать не любит и если сейчас приеду с опозданием, он начнет мне нотации шуточные читать и стебать по поводу и без.

Откуда мне было знать, что они сегодня познакомятся, мой брат-обезъян и идиот-Смерч? И не только с Федькой…

Я натянула удлиненную футболку из «Камелота» с изображением развеселого зверя неопределенной породы и к тому же в очках, хотела найти джинсы, но оказалось, что вчерашние были в стирке, а вместе с ними там же оказались и все остальные мои предметы одежды! Естественно, постаралась мама, которая вчера решила устроить генеральную стирку всего, что можно, нужно и нельзя.

— Ма-а-а-м! — завопила я. — Мама!

— Что такое? — с недовольным видом человека, которого оторвали от жутко важных дел, появилась она на пороге. — Чего орешь, Мария?

— Где мои вещи, мам? — большими глазами посмотрела я на нее.

— Там, где ты их оставила, а остальные сушатся. К вечеру высохнут, — невозмутимо отозвалась она.

По-моему, в жизни каждой девушки бывает такой момент, когда она понимает: надеть нечего. Нечего, и все тут! Я тоже оказалась в этой ситуации. И даже растерялась. Как мне идти-то теперь?

— Юбку надень, — тут же велела мне мама. — И блузочку.

— Но мама, какая юбка! Какая юбка? На фиг блузочки!

— Начинается. Ты что, пацанка законченная? Ты же девочка.

— А обувь к юбке? — волком посмотрела я на нее. — Я кеды с ней не надену.

— Так я же тебе босоножки купила, Маша. Те, на высоком каблуке, которые ты отказалась носить, — было мне ответом. Кажется, мамочка моя обрадовалась возможности запихнуть меня в одежду, которая нравилась ей.

Минут пять она и Настя уговаривали меня надеть эту самую юбку, а я рьяно отказывалась. Потом мама вспомнила, что у меня есть «великолепное молодежное платье» — его мы покупали не так давно, специально к свадьбе Федьки. Причем родительница моя так воодушевилась, что потащила меня в модный магазин для всяких там гламурных девиц и заставила перемерить едва ли не целую тонну. В результате мы приобрели целых два наряда: к маминой радости и к моему горю. Они занимали место у меня в шкафу: одно голубое, короткое, коктейльное, второе длинное, изумрудное, элегантное.

— Платье я точно не напялю, — отрезала я, страдая душой и телом. На зловредную маму и Настасью мои уговоры не произвели никакого впечатления.

— Я сейчас его найду, то, голубое, оно как раз не такое торжественное, но очень и очень милое, — полезла, было, мама в шкаф, который и так едва не трещал от количества набитых в него вещей.

— Я сама! — птицей взлетела я с подоконника к многострадальному шкафу. Она его сейчас откроет, и весь хлам на маму и вывалится, придется опять убираться — меня за такую уборку прикончат на месте! Я тогда к Чащину точно не попаду.

— Выйдете, я его надену сама, — хмуро сказала я и, оставшись в одиночестве, не без труда вытащила на свет голубое, как небо, платье. С недовольным видом примерила его и повертелась около зеркала. Вроде бы на мне оно сидело ничего так. Трикотажное, свободного силуэта и с большим округлым вырезом, через которое выглядывало одно плечо и предплечье, оно, казалось, неплохо смотрелось на мне. На спине красовался принт в виде абстрактных черно-синих нотных дорожек, между которыми оказались вышитые излишне пафосные (или просто ни к месту) слова: «Помнить дыхание музыки… помнить тебя», низ был собран на широкую резинку.

Правда, мне не очень нравилась мини-длина, хорошо открывавшая ноги (как я их вовремя в порядок привела, как будто знала об этом ужасе!), но ничего поделать я уже не могла. Мои мучительницы впорхнули в комнату, оглядели меня и остались очень довольными.

— У тебя ножки красивые, а наряд прекрасно фигурку подчеркивает. Ну, ты гламурная бестия прямо, — сказала Настя, приближаясь ко мне со своей большущей косметичкой. — Присядь, я тебе ресницы подкрашу…

— Может, и так сойдет?

— Я быстренько, Маш, за пять минут управлюсь. Я как-то на курсы стилистов и визажистов ходила, еще когда в универе училась…

В результате будущая невестка подкрасила не только ресницы, но и веки, губы, щеки — даже, кажется, кисточкой по лбу махала. Она мне вообще все лицо раскрасила!

Однако результат мне понравился. Я как-то преобразилась — в лучшую сторону, а мама сказала, что я стала «мягче и женственней». Обрядила меня в платье, накрасила и уже рада! Странная она у меня, мама…

Пока, кстати, Настасья меня красила, едва ли не вытащив наружу кончик языка от усердия, мама притащила расчески, фен, новую плойку, лаки и пенки, и попыталась сделать мне прическу.

— У тебя будут легкие волны. Волосы у тебя короткие, как раз нужный объем создадим, — пропела мама, забыв о готовке. — Эта плойка — чудо.

— Мама, не надо!!

— Сиди, и не рыпайся, — строгим «милицейским» голосом велела мне она. — А то вообще никуда не отпущу.

— Но я всего лишь в библиотеку, мама!

— Да-да, и не забудь попрощаться с библиотекой до шести часов вечера, — пригрозила мама, орудуя на моей голове. — Хоть перед родственниками покажешься в нормальном виде, а не в вечных джинсах и вытянутых кофтах.

Задуманного у мамы не получилось в полной мере, но волнистыми волосы у меня стали, это да.

Они не слишком долго мучили меня, а потом заставили обуться, между делом, почему-то перемигиваясь, ловко вдели мне в уши мамины серьги из серебра с белым жемчугом, а на шею повесели цепочку с подвеской из этого же набора. Настя к тому же вытащила из сумочки духи и хорошо меня ими побрызгала.

— Это «Кензо», новая коллекция. Ой, тебе бы еще сумочку какую-то подходящую, Маша…

— У меня белая есть, — вспомнила тут же мама и торжественно вручила мне сумку.

Я, обняв орла и собрав всех головастиков в ладони, чуть не заплакала. И с содроганием всунул ноги в белоснежные босоножки на высоких каблуках, украшенные синими и голубыми стразами. Я сразу же стала выше ростом. Боже мой, как же низко ты пала, дорогая Мария. А Димке — Кондратий обеспечен.

Зато мама едва не прослезилась, увидев меня в таком одеянии, Настя похвалила меня (и себя) за имидж, а котэ — я уверена! — хихикало, усевшись на пороге и задрав полосатый хвост.

Орел чувствовал себя несчастной птицей, на которую некто очень недобросердечный и жестокий напялил кружевной чепчик и розовые панталоны, головастики язвительно обзывали меня «гламурной», «стильной» и даже «модэ-э-эльной», надрывая животики, а когда в переднюю вывалился Федька, то застыл, с интересом обвел меня с ног до головы и присвистнув, сказал:

— Мама родная, роди ее обратно. Что с тобой, Машка? Пошла третьего женишка ловить?

— Отстань от меня. Мог бы и чего-нибудь другое сказать, — рассердилась я, пробуя ходить

туда-сюда на каблуках. Уж не знаю, почему твердят, что многие с непривычки на них ходят с трудом и абы как. Я лично ступала по линолеуму совершенно нормально, не спотыкаясь и не падая с воплями: «держите меня все и сразу!». Хотя, конечно, босоножки не были таким же удобными, как привычные кеды или кроссы — здорово «держали» ногу, не давая ей расслабиться.

— А ты что от меня хотела? Такой реакции? — Федька почесал репу и, воздев руки к потолку, прочувственно и с воющими нотками, возопил. — Боже мой, Боже мой, моя сестренка так повзрослела! Стала такой красавицей! Какая же она женственная и хорошенькая! Я не могу отпустить тебя на улицу одну! Вдруг мужчины начнут приставать к тебе? Я должен защитить свою маленькую сестричку.

— Мам, он меня оскорбляет.

— Федор, замолчи, — погрозила ему та. Я, перекладывая из рюкзака вещи в маленькую прямоугольную сумочку, возрадовалась.

— Милый, ну что ты как маленький? Маша прекрасно выглядит, — улыбнулась мне Настя. Брателло фыркнул, но перед тем, как я вылетела за дверь, все же показал мне большой палец, поднятый вверх.

Я приободрилась, взглянула на модные и, кажется, дорогие наручные часы, которыми меня снабдила щедрая Настя, сняв их с себя, и едва не сказала неприличное слово!

Пять минут, как за пять минут мне добраться до Димки?!

Дэнни, которого короткий разговор с Марией не только приободрил, но и как-то даже охладил, словно он побывал в ледяном душе, вернулся к ждущей его светловолосой девушке, капризно надувшей губы. Сел на кровать, вытянув длинные ноги, успокаивающим жестом погладил Нику по мягким волосам (ему тут же вспомнилось, что у Бурундучка они намного жестче).

— Кто это был, зай? — спросила она.

— Один важный человек, — Ника потянулась к нему, но Дэн, которому вдруг показалось, что Чип, став невидимкой, теперь находится в комнате в компании с клыкастой Совестью и смотрит на него своими озорными светло-карими глазами.

— Да-а-а? А я хочу, чтобы мы с тобой со временем тоже стали немножко важными друг для друга, — Ника игриво подергала парня за ремень.

— Наверное, было бы неплохо, — расплывчато отвечал Дэнни. Теперь ему хотелось не на кровать, чтобы забыться в женских объятиях, а на улицу, под лучи, просыпающегося утреннего солнца. Там монстрик точно растает, оставив после себя лишь облачко темного пара, а глаза Марии перестанут быть насмешливо-презрительными.

Брюнет, откинув волосы, прислушался к своим ощущениям. После разговора с Чипом, тело словно бы сделалось нечувствительным к поцелуям и ласкам привлекательной и проворной Ники, по крайне мере, на какое-то время. И Дэн решил использовать это время с умом.

— Ты знаешь, мне здесь не нравится, — объявил он вдруг подружке, вскакивая с кровати.

— Что-о-о? Зай, ты о чем? Что там тебе такое сказали, что ты… больше не хочешь? — глаза у

Ники тоже были красивыми — миндалевидными, большими, может быть, даже немного непропорционально большими для ее худого лица, с длинными загнутыми ресницами, а цвет радужки имел необыкновенный светло-цианового оттенок, «приправленный» серо-желтыми крапинками вокруг зрачка. Дэн точно знал, что это не линзы: он долго всматривался в глаза сегодняшней спутницы, чтобы понять это.

— Здесь скучно, Ника, очень скучно. Нет, здесь обыденно, — произнес он, послал ей воздушный поцелуй и вышел из комнаты, прихватив футболку, едва слышно проговорив, мысля вслух. — I'm tired of all this. And Den's conscience armed dangerous. Пора становится честным.

Оставив недоумевающую девушку вновь в одиночестве, Дэн вышел из комнаты

— От чего ты устал? — прошептала Ника, которая с английским языком была знакома более чем хорошо, приподнимаясь на колени. На совершенно не ожидала, что он возьмет и уедет после такого многообещающего знакомства. — Что с тобой, Дэн?

Молодой человек, частенько живущий душевными порывами, а не здравым смыслом, ее не слышал. Он, желая оказаться вновь в людном месте, а не наедине с милашкой Никой, подошел к полукруглому окну в конце коридора, распахнул его створки, явно наслаждаясь теплым уличным ветерком, и вновь достал мобильный. Найдя в длинной записной книжке номер какого-то приятеля, позвонил ему.

— Хай, это я. Ты сейчас где? Вновь веселитесь? Да, я знаю это место, мы сейчас подъедем. Нас девять. Да, на машинке. Большой удобной. Я за рулем, — Смерчинский рассмеялся. — Ты же знаешь, что мне нельзя пить. Ждите, ребятки.

Он заглянул в комнату к Нике, которая стоя перед зеркалом, застегивала платье и поправляла растрепанные волосы, и сказал ей таким жизнерадостным тоном, будто бы между ними вообще ничего не было:

— Эй, собирайся. Ника, сейчас мы поедем в одно славное место.

— Куда? — широко раскрыв глаза, спросила девушка. Этот красивый высокий парень притягивал ее, как магнит, хотя и вел себя невероятно странно! — Дэн, да что случилось-то?

— Собирайся-собирайся, — сказал он ей и совершенно искренне добавил. — Ты красивая. Особенно когда у тебя такая хулиганская прическа.

— А? — Ника, уже ничего не понимая, вдруг едва ли не зарделась от комплимента, как маков цвет. — Денис, ты и впрямь…

Но договорить она не успела, потому что Смерчинский уже исчез. Из-за приоткрытой двери подул ветер — Дэн так и не закрыл окно.

Он спустился на первый этаж.

— Ты чего? — подняли на него глаза друзья: один оставался в джинсах, другой только что проиграл и их, а теперь стаскивал с пьяным смехом. Девушки выигрывали.

— Парни, — на лице Дэна появилась загадочная улыбка, — махнули на автопати в «Венеру»?

— Ку-да? — по слогам просили они, прекратив игру.

mir-knigi.org

— Клуб «Венера», — мечтательно прикрыв глаза, тут же сообщила одна из девушек. — Закрытый клуб за городом! Говорят, там всегда работает фонтан из шампанского!

— Нет, — запротестовали дружно его полураздетые друзья. — Нет-нет-нет! Смерч, ты с ума сошел? Какого соленого хрена нам туда тащиться?

— Иди ты со своим автопати, Дэнв! Нам и тут хорошо, правда, леди?

— Неправда, — вдруг сказали представительницы прекрасного пола. — Мы хотим в «Вернеру»! Туда же не попасть!

Дэн рассчитал верно: эти девочки не были в закрытом элитном клубе, слава о котором ходила по всему городу. Лично он туда попасть мог, хотя и посещал «Венеру» очень редко: обычно в этом клубе были в ходу всевозможные виды наркотиков, особенно завсегдатаи любили разноцветные экстази, далее шли марки ЛСД, спид, лед, реже — почему-то теперь реже — кокс. Дэн, естественно, пару раз, еще давно, наркотики пробовал, но особой любви к ним не питал. Вернее, вообще никакой любви не питал. Да и отходил от них куда хуже, чем от того же алкоголя. Может быть, поэтому и не слишком любил закрытый загородный клуб. Зато точно знал, что там постоянно проводятся «вечеринки после вечеринок», после которых приехать домой можно было аж на следующий вечер, а не утром.

После недолгих уговоров (девочки оказались отличным подспорьем) парни согласились ехать в «Венеру» на пати. Компания вновь загрузилась в «Джип» и поехала к выезду из города, по дороге заглянув на бензоколонку. Самым сложным оказалось уговорить ехать бушующего Черри, который ночные клубы терпеть не мог.

— Е… кхм… любил я ваши клубы, — ворчал уже в автомобиле зеленоволосый парень, которого друзья оторвали от весьма занятного дела, — Дэнв, ты тот еще козел! Ты больной мудак. Зачем ехать в это чертово пристанище мажоров?

— Я хочу еще веселья, приятель! — не оборачиваясь, громко, перекрикивая музыку, отвечал Дэнни.

— А почему у меня никто не спросил, чего я хочу? — вызверился парень и стукнул кулаком по прозрачной крышке люка.

— Ты это… поосторожнее с моей тачкой, — заплетающимся языком сказал ему хозяин машины. — Отец за нее убьет…

Смерчинский увеличил громкость.

— Девушка, можно с вами познакомиться?

— Зачем?

— Думаю, вдруг вам одиноко одной?

— Почему мне должно быть одиноко в автобусе? Я ведь просто еду.

— Ну, мало ли. У вас грустное выражение лица.

— У меня-то? Ну, не знаю даже.

— Вы очень привлекательная.

— Кто вам сказал такое?

— Я сам это прекрасно вижу. Так… как ваше имя?

— Кабриолета.

— Как-как?

— Кабриолета я. Нравится?

— Ну да… необычное… имя.

— Ну, это мой псевдоним вообще-то. На самом деле я — Трупнина.

— Трупнина?? Вы что, смеетесь надо мной?

Вообще-то, если быть честно, то да, совсем чуть-чуть.

— Зовут меня Нина, а фамилия моя — Труп. Труп Нина. Что тут непонятного? Да, мои родители пошутили надо мной. Всю жизнь мечтаю поменять фамилию. На красивую и изысканную. А вот у вас какая?

— У меня? Ну, как раз не очень красивая. Это, ладно… приятно было пообщаться, Нина! Пока.

И парень, который только что пытался со мной познакомиться, пересел на другое свободное место. Я торжественно вздохнула и разгладила юбку на коленях. Какой коварной и стервозной я могу быть, если вдруг, если захочу!

От осознания собственной важности, гордый орел горделиво оглядел автобусный салон, не забыв при этом стащить крылом с глаз огромные черные гламурные очки, украшенные не просто стразами, а кристаллами Сваровски. Гордый птиц чувствовал себя превосходно.

А если серьезно, я и не задумывалась никогда о том, что наряд может играть большую роль в жизни современной девушки. Честно сказать, когда я ходила в своей обычной и крайней любимой удобной одежде, со мной пытались иногда познакомиться ребята, да и я сама это делала без стеснения, когда была в компании девчонок. Однако сейчас, выпорхнув из родового гнезда, своего дома то есть, наряженная, как на праздник, мужского внимания я стала получать заметно больше.

Вообще-то сначала я злилась, что вынуждена сегодня выглядеть вот так необычно для себя, да и одежда эта причиняла некоторые неудобства, но потом решила, что из всего нужно получать только положительные эмоции.

Представляю, как Димка удивится, когда меня заприметит в таком одеянии! Может, даже сфотографировать на память захочет! Я, когда пришла на выпускной бал в платье с корсетом и пышной юбке, стала самым популярным человеком на какое-то время: обалдевшие одноклассники то и дело звали меня для участия в фото. Это потому что они меня нарядной и красиво причесанной никогда не видели, и жутко удивились. И посмеялись же мы тогда с ними!

С Чащиным, думаю, тоже вместе поржем, он хоть и изрядный балбес, но «свой» парень.

mir-knigi.org

До Димки, кстати, я добралась быстро — всего-то с опозданием в полчаса. Нет, в 36 минут 48 секунд — это сам Чащин так сказал, когда не вытерпел и позвонил мне. До этого просто каждые пять минут писал смс-сообщения, в которых настойчиво интересовался, где меня черти носят и какие именно. Я, чувствуя свою вину, так же неизменно писала ему, что еду и буду через пару остановок. Когда я написала ему это в четвертый раз, он прислал мне сообщение, в котором вопрошал: «Еще пара остановок? Бурундукова, ты знаешь, что такое „пара“?». Пока я думала, что ему напечатать в ответ и пока беседовала с парнем, он мне и позвонил.

— Ты собираешься приезжать? Ты где вообще? — сердито спросил он у меня. А я как раз стояла около выхода из автобуса, дожидаясь, пока он примчит меня к нужной остановке — нужная, слава Богам, была следующая.

— Сейчас буду, — отозвалась я, глядя на стоящего рядом парня, который зачем-то пялился на мои открытые ноги.

— Что, еще пара остановок? — с явным скепсисом поинтересовался Чащин. Я устал тут, как идиот, сидеть.

— Нет, я уже выхожу. А, чертовы каблуки, — едва не зацепилась я высокими тонкими каблуками за ступеньки, решив сбежать в них также быстро, как я делаю это в кроссах.

— Каблуки? Неужели появились кеды или кроссы с каблуками? — искренне удивился одногруппник.

— Ага. Специально для меня, Димочка. Называются «кроссуки».

— Вечно от тебя маты одни слышны, — проворчал он.

— Это ты не расслышал, озабоченный мой друг. Жди меня, сейчас буду, — я осторожно спустилась на асфальт, проигнорировав протянутую руку какого-то дядьки лет сорока. С ума сойти, что может с окружающими сделать коротенькое платье, умелый макияж и женственная прическа.

«А приятно, блин!», — однозначно решили головастики, став, как и мое платье, лазурными.

А кто спорит-то?

«Сырное и ледяное чудо», то самое кафе, где мы договорились встретиться, находилось не слишком далеко от остановки, но и не совсем близко. Чтобы добраться до него, нужно было пересечь широкий проспект и пройти метров триста-четыреста по тихой, спокойной улочке, вдоль одной стороны которой были высажены яблони, цветущие пышным нежно-розовым цветом, а вдоль другой — белоснежные яблони: вокруг них вся яркая зеленая трава была усыпана белым снегом из лепестков.

Как же здесь здорово, в этом месте! Тут только парочкам гулять нужно, наслаждаясь видами: ведь улица наклонная — она постепенно спускается к набережной, — и стоя на ее высокой части, можно лицезреть серебристую водную гладь реки внизу, и многочисленные деревья, и резные каменные беседки, выстроенные около реки, и даже остров, затаившийся посредине широкой реки, как головастик-мысль у меня в подкорковых структурах мозга.

Я улыбнулась, чувствуя слабый, но приятный и сладкий цветочный аромат, витающий по всей улице. Для меня это яблочное и свежее благоухание и есть истинный символ начала лета,

наравне с цветением сирени.

Заглядевшись на всю эту красоту, я даже остановилась на пару секунд, и, проведя пальцем по тонкой веточке ближайшего дерева с белыми цветами, сорвала себе цветок яблони: попробую им умаслить сердитого Смерчинского… стоп! Какого еще Смерчинского? Я же с Чащиным встречаюсь сегодня. Вот Дэн, прилипала, я так привыкла, что в последнее время так часто с ним вижусь, что мне показалось на пару мгновений, что я спешу к нему, вновь что-то задумавшему относительно «объектов». Кажется, больше мы Ника и Тролля выслеживать не будем. Из-за упоминания о Дэнни, у меня на лице появилась дурацкая улыбка, и двое мальчишек-школьников, идущих мне навстречу со скейтбордами в руках, приветливо заржали, подумав, что улыбка адресована им. Эх, жаль я сегодня, такая милая (так хорошо, наверное, выгляжу, что сама себя за миллион зеленых продам), не увижусь со Смерчем. Он бы точно упал, и еще больше бы захотел «продолжать знакомство», как сам выразился.

Гадство, натуральное! Вот бы он еще меня поревновал. Эх, мечты. Правильно говорят, что в них смысла нет.

И я поспешила дальше, на ходу проверяя, не задрался ли подол совсем уж неприлично высоко. Чем ближе я, стараясь как можно быстрее шагать, приближалась к «Чуду», тем прохладнее становилось — сказывалась близость к реке: я даже слышала, как гудит какой-то пароход. И мне тоже хотелось гудеть так же радостно, потому что сегодняшний день я уже считала отличным!

Вход в нужное кафе, расположенное на первом этаже крепкого пятиэтажного здания, построенного лет тридцать назад, но все еще выглядевшего элегантно, пряталось в тени высоких сиреней, и я, вдохнув теперь уже аромат светло-фиолетовых цветков, ворвалась в помещение подобно урагану. Просторное помещение было декорировано справа в зелено-голубых тонах, а слева — в желто-оранжевых. Как я узнала чуть позже, из слов разговорчивого друга, кафе специализировалось, с одной стороны, на самых разнообразных изделиях, в состав которых входил сыр, а с другой, на самых различных видах мороженого, поэтому и оформлено оно было в двух стилях. К слову сказать, мы с Дмитрием и того заказали, и того…

Я не без труда разглядела за одним из квадратных прозрачных, с темно-изумрудными ножками, столиков Димку. Он сидел на голубой, «холодной», половине, спиной ко мне, заложив ногу за ногу, и недовольно посматривал на телефон, лежащий на столике.

Я, предвкушая его реакцию, на цыпочках подкралась к одногруппнику, ловко опустила белый цветочек на коротко стриженное русое темечко и закрыла лицо парня ладонями. Обожаю так делать! Некорые не могут понять, кто стоит сзади, и мучительно пытаются вспомнить его имя.

— Бурундук? — не дал мне повеселиться Димка, сразу безошибочно отгадав, кто его «беспокоит». — Совсем рехнулась? Ты знаешь, на сколько ты опоздала?

— Приф-фет, — прошептала я, склонившись к Димкиному уху, не отрывая ладоней от его лица, — приф-фет, мой маленький принц-ц-ц. Малыш-ш-ш-ш-ш. Я больше опаздывать не буду.

— А больше и не надо. И убери руки, — тут же отреагировал Чащин. — Пока я не назвал их граблями.

— Прости меня, я, правда, торопилась, — искренне извинилась я, не подчиняясь его словам. — Прощай, давай, а потом уберу.

Он тяжело-тяжело вздохнул, словно сидел около постели умирающей старушки, и осторожно

отняв мои пальцы от собственного лица, повернулся ко мне, задев носом мой собственный нос.

Так мы и встретились взглядами. В моих глазах хороводы водили любопытство, веселье и просьба не злиться, а оценить мой наряд, да и в его глазах тоже читалось любопытство, но его упрямо вытесняли и удивление, и радость, и даже затаенный страх, и что-то еще, мне, глупой, тогда не понятное.

Со стороны мы, наверное, смотрелись странно, уставившись друг на друга, как два голодных таракана, соперничающих за крошку хлеба, но меня это мало волновало. Я хотела сказать Чащину: «Димыч, не злись на меня, я не хотела деньги зажабить! Ты отдал мне тетрадь, я угощаю тебя — все по честному!», но только улыбнулась: никогда еще не видела его лицо так близко от своего. И заметила, что радужки у парня необычные: я всегда думала, что они очень темные, насыщенного кофейного цвета, но, оказывается, в них есть искры — около самых зрачков, и искры эти светлые. Как будто бы кто-то щедрой рукой насыпал в горький горячий шоколад горсть несладкой кокосовой стружки, не успевшей еще полностью стать коричневой, но уже и не белой.

— Что с тобой? — вымолвил Чащин, не отпуская моих рук.

— А с тобой что? — спросила и я.

— Со мной — ничего. А ты… Ты почему сегодня такая… красивая? — продолжал он вглядываться в мое лицо и в волосы, как пират в добытую у недругов, старинную карту сокровищ, совершенно не мигая. На мгновение орлу, хвастающемуся всем вокруг фирменными модными очечками, показалось, что около русоволосого парня с высокими скулами и короткой мужественной прической, мелькнуло что-то, напоминающее полупрозрачную красно-оранжевую искру — искра пропала за спиной Дмитрия, изрядно удивив птицу.

— Что с тобой, Маша? Почему… — повторил он, переводя взгляд на небесно-голубое коротенькое платье и на глубокий вырез, открывающий плечо.

— Я всегда красивая, — торжественно объявила я, вытащила, наконец, руки из его ладоней, хихикнула и села на стул, скромно вытянув ножки, которым порядком надоела новая обувь. Димка, откинувшись на спинку стула и сдвинув брови, оглядывал меня с ног до головы, особенно долго задержав пристальный взгляд как раз именно на ногах. Честно сказать, я неожиданно смутилась от его внимания, и тут же спрятала конечности под стул. От Чащина не укрылось мое изумление, и он неожиданно улыбнулся, как будто бы захотел этим разрядить ситуацию.

— Ого. Ну-ка, встань. — Велел он мне внезапно. Белый цветочек с головы свалился к нему на плечо. Я протянула руку и, взяв его, положила на стол перед едва заметно вздрогнувшим Димкой, сказав:

— Это тебе, в знак примирения. Ну не хотела я опаздывать. Давай уже заказывать что-нибудь!

— Какого примирения? — еще больше обалдел парень, вертя цветок в руках с большой осторожностью, как будто боялся повредить его.

— Нашего. Я думала, ты меня из-за опоздания задушишь, Чащин. Но я не виновата! Серьезно, Дим.

— Маша, я в шоке. Ты, — взгляд его темных глаз сделался подозрительным, — ты так задержалась, потому что прихорашивалась? — видно было, что Димке нелегко выговорить это

слово относительно меня. Я и прихорашивалась: нонсенс!

— Так вышло.

— А… ясно. Ну, встань же, — вновь попросил одногруппник.

— Зачем? — недовольно спросила я.

— Встань-встань.

Я с неохотой поднялась на ноги.

— Ну? Что хотел?

Димка, который вновь напялил на себя маску компанейского парня, дурашливо захлопал в ладони а потом схватился руками за голову, выдав шикарно-ехидно:

— Детка, ты просто космос!

— Чееего? Чащин, допрыгаешься, я тебя в космос без ракеты летать и оправлю, — беззлобно пригрозила ему я, радуясь, что произвела своим внешним видом такой эффект. Правда, космосом-деткой мне быть не улыбалось.

— По-моему, я уже… допрыгался, — трагическим шепотом оповестил он меня. — Боже мой, Бурундукова преобразилась! Бурундукова стала Золушкой! И не в лом ему феей быть?

— Кому ему? — совершенно неграциозно опустилась я вновь на свой стул.

— Смерчу.

— А он-то каким боком здесь? — не поняла я, оглядываясь по сторонам и гадая, почему в кафе так сильно отличается дизайн левой части и правой?

— Ну, он, наверное, тебе сказал так наряжаться, — тонкие губы Димки недовольно изогнулись. — Иначе я даже не знаю, кто или что смогло бы заставить тебя одеться в это!

— Ох, Чащин, думай мозгами, а не пяткой, — вздохнула я жалостливо. — При чем здесь Сморчок, то есть, конечно, мой котеночек Дэнка? Я так оделась, потому что… м-м-м… — мне не хотелось рассказывать ему эпопею о том, что все мои вещи оказались выстираны коварной мамой, — потому что сегодня у нас вечером будет торжественное приветствие родни будущей жены брата. А вообще, — я коварно почесала ему подбородок, нахватавшись всяких глупостей у Дэна, — я от тебя без ума, и нарядилась так ради тебя. Я сегодня принцесса. Называй меня «Ваше Высочество».

— Ничего себе, мне аж страшно стало, — пальцы у Димки затряслись, словно от ужаса. А я засмеялась. — Видишь, у меня тремор. Ваше Высочество, дайте мне свою руку.

— Зачем? — продолжала я буравить парня подозрительным взглядом.

— Хочу поприветствовать Вас, как положено.

Я протянула руку, делая вид, что жутко смущаюсь, а он взял и поцеловал мне ладонь — легонько коснулся ее губами, и впрямь представив себя каким-нибудь герцогом или графом! Я тут же ее выдрала назад со словами:

— Думай, что делаешь, овцебык!

Димка на мои вопли не обратил внимания.

— Обалдеть, Бурундукова… То есть Маша, ты здорово выглядишь! На себя не похожа. Бурундукова, черт, я даже теперь не могу называть тебя Бурундуковой…

— Ваше Высочество все еще остается в силе, Чащин. И чего ты чего на меня так смотришь странно? Переквалифицировался из приматов в людоеды, съесть возжелал бедную меня? — подозрительно спросила я, подвинула стул ближе к Димке и, по-свойски хлопнув его по плечу, сказала. — Заказывай, парень. Все, что душе угодно — но, в пределах разумного, а не безумного.

— Хорошо. Вот меню, — и хотя я предложила ему заказывать, он протянул мне одно из двух ярко-синих меню и даже раскрыл его, прежде чем вручить. — Делай заказ сама. Буду то же, что и ты.

— А если я ничего не буду?

— Дурочка ты, Бурундукова, — покачал он головой. — Я плачу. Пируй. Я-то знаю, как ты любишь поесть. И как в тебя столько вмещается? У тебя, наверное, желудок в трех измерениях существует, да? — попробовал Дима меня подколоть.

— Ты? Совсем того, падре? Кажется, это должна делать я, — я даже возмутилась, забыв за такие слова угостить тумаком. — Платить!

— Я же все-таки мужчина, — величественно отозвался Дима. — Давай, Машка, заказывай, что твоей бурундучковой душе угодно, я вообще-то есть хочу.

— Но я угощаю! — возопила я. — А не ты! Я — твоя должница.

— Да брось ты, — махнул рукой одногруппник. — Мы же друзья.

В результате, немного поприперавшись, мы все же сделали заказ, подозвав прехорошенькую официантку, и я даже совершенно не наглела в выборе кушаний, только спросила у Димки:

— Слушай, а чего ты так расщедрился?

— Я всегда такой, — отвечал он мне, ухмыльнувшись, — щедрый и хороший. С девушками, правда, — уточнил он.

— Да у нас прямо свидание получается, Чащин, — сказала я, поправляя Настины огромные часы на запястье.

— Точно, — согласно кивнул парень. — Хорошее местечко, уютное и даже отчасти романтичное, ты премило одета — да и вообще кажешься лапочкой, я поступаю по-джентельменски…

— Да и ты ничего сегодня выглядишь, — не преминула заметить я. Дмитрий сегодня выглядел и впрямь несколько необычно: надел белую рубашку с вертикальными синими полосами, рукава которой были закатаны чуть ниже локтя, натянул темно-серые джинсы с белым широким ремнем, на ногах его красовались начищенные до блеска ботинки. Ему шел этот стиль — это точно, но я никак не могла взять в толк, зачем ему так наряжаться. Не ради меня

mir-knigi.org

же.

— Спасибо, дорогая, — притворно важно склонил голову Чащин.

— Пожалуйста, милый, — продолжила я игру. — Твоя девушка на нас не обидится?

— А твой парень? — тут же спросил Дима. — Моя — нет. Она даже и не знает ни о чем. Она такая глупая у меня, — с неожиданной горечью добавил он. — Вообще ничего не знает.

— Вот и Смерчинский не догадывается, — ответила я, захихикав. — Совершенно ни о чем. Дома дрыхнет, наверное.

Кто-то едва не сбил официантку около нашего столика, и мы на мгновение прервались, а потом я решила еще раз обрадовать друга новостью об англичанке и билетах на мюзикл. Наверное, только Чащин может понять весь мой восторг по этому поводу! Вот мы и восторгались вдвоем, пока нам не принесли заказ, да и во время трапезы тоже никак не могли успокоиться и не ржать на все кафе.

— Вот блин, — поморщилась вдруг я, прервав наш разговор о том, как здорово мы будем сдавать экзамен по английскому.

— Ты чего?

— Соринка в глаз попала

Димка перегнулся через стол и сказал, приглядевшись к моему глазу.

— Это не соринка, это у тебя в ресницах волос запутался.

— Какая разница, — пыталась я потереть глаз, но всякий раз боязливо одергивала руку, потому что не хотела размазать тушь и тени, — все равно больно, глаз слезиться.

— Давай помогу, — предложил свою помощь сокурсник. Я кивнула. Он встал из-за стола, подошел ко мне и со словами: «Щас я тебе глаз выковырну из глазницы», наклонился, подумал, повернул за подбородок мою голову на свет, падающий от окна, и очень осторожно, по-моему, стараясь даже не дышать, двумя пальцами убрал с ресниц этот проклятый волос. С интересом изучил его, а потом протянул мне.

— Подправь салатик, — предложил Димка-дурак, вспомнив название моего салата, — и будет твой салат не «Полосатый», а «Волосатый».

— Спасибо, что помог, но салат мне и такой нравится, — отозвалась я степенно. — Давай, я лучше плюну тебе в тарелку?

— Красивая одежда, хороший макияж и даже высокие каблуки никогда не прикроют полностью твою грубую зубастую натуру, — со вздохом сказал Дмитрий и предложил, подняв бокал с гранатовым соком, похожим на вино, произнести какой-нибудь тост.

— Какой?

— Давай, — в шутку предложил Чащин, — за нас?

— Давай за успешную сдачу английского! — заговорщицки прошептала я, не расслышав его слов. — Чин-чин!

mir-knigi.org

— Кампай.

— Сам капай, — расхохоталась я, перевирая слово японского происхождения. — Говори как я: чин-чин.

— Чин-чин…

И мы продолжили болтать и ржать на все кафе, постепенно заполняющееся людьми.

— А меня в свою компанию примете? — раздалось через полчаса, а, может и через минут сорок, над нашими головами. Димка резко замолчал

Я подняла взгляд и увидела над собой загадочного Дэна, который умильно взирал на нас сверху вниз.

Орла тотчас отнесло к противоположной стене порывом ветра, и он недовольно забил крыльями.

— Я сейчас ревновать начну и бушевать, если не пригласите к себе, ребята, — предупредил он, лучась счастьем и здоровьем. Эти лучи тотчас достигли рядом стоящего столика, и на Дэнва обернулась девушка лет двадцати шести, сразу же заинтересовавшись парнем.

— Э-э-э… — протянула я в замешательстве, механически перемешивая в вазочке кашицу растаявшего орехово-малинового мороженого, — ты чего тут делаешь, Смерчинский?

— Машенька, как ты здороваешься со своим почти что женихом? — деланно обиженно спросил меня Смерч, медленно, не сводя блестящих глаз, наклонился, чтобы поцеловать и вместо этого получил ложкой по лбу. На слегка растрепанных темных волосах остался светлый след от мороженого.

— Чащин, сваливаем? — серьезно предложила я ни с того, ни с сего онемевшему Димке.

Орел закутался в искру, как в шарф и попытался спастись от негодующего ветра.

Пока Маша и Дмитрий беззаботно болтали, активно жестикулируя и, как всегда, громко смеясь, длинноволосая девушка за столиком около большого панорамного окна на «желтой» территории, негодовала и все больше бледнела от переполняющего ее праведного гнева. С этой девушкой Мария была немного знакома — она до сих пор не могла забыть теплый и радушный сюрприз друзей Смерча, где эта светловолосая была одной из «главнокомандующих».

— Инга, спокойнее, — сказал ей парень в очках, сидящий с ней за столиком. Именно он в тот же день отвечал за техническо-музыкальное сопровождение «дружеской шутки».

— Спокойнее?! — возопила длинноволосая Инга. — Как я могу быть спокойнее?? Ты только посмотри на нее! Распутница! Мерзавка!

— Тише ты, услышит.

— Неверность — самый большой грех любви, — сердито свела у переносицы светлые брови девушка и залпом выпила бокал с молочным прохладным коктейлем, причем не свой, а своего спутника, но он тактично промолчал.

День у Инги начался вполне хорошо: она отлично выспалась, и, пребывая в чудесном

настроении, приехала в любимое кафе «Сырное и ледяное чудо», где встретилась с этим молодым человеком по имени Иван, который ей с недавних времен нравился. Инга во что бы то не стало, решила завоевать флегматичного, но умного Ивана.

Пара сидела за столиком, наслаждалась хорошим кофе и мороженым, болтая о ерунде (вернее, вовсю болтала девушка, Иван ее только внимательно слушал), как вдруг Инга настороженно посмотрела в окно.

— Смотри, это же Мария Чип Бурнудукова! — выпалила она радостно, прилипнув к окну.

— Девушка Дэна, — не спрашивал, а констатировал Иван, видя, как по улице, ведущей к кафе, быстрым, но мелким шагом направляется Маша. Только несколько преображенная — он с трудом узнал в ней избранницу Дэнни — и до ужаса нарядная. Особенно ему понравились ее ножки.

— Ой, какая она миленькая, — воскликнула Инга, когда пассия ее троюродного брата — именно им приходился ей Дэнв, подошла ближе. — Наверняка ей Дэн стиль поменял. У них тут, интересно, свидание?

Как оказалось, у Марии действительно здесь было свидание, да вот только не с Дэном! Когда светловолосая девушка в голубом воздушном платье подошла к одиноко сидящему парню на другой половине кафе и кокетливо (так показалось Инге) закрыла ему глаза руками, длинноволосая сестра Смерчинского только глаза округлила. Чип подсела к миловидному улыбчивому парню в полосатой рубашке, и они принялись довольно мило болтать. По крайне мере, так ей показалось.

— Что это они творят? Это ее новый парень? Она бросила Дэна? Она ему изменяет! — Инга пребывала в шоке.

— Может, это ее брат, или друг, — медленно предположил Иван.

— Ну да, — фыркнула импульсивная Инга, которая только пять минут назад всей душой Марию любила, а теперь хотела ее удушить. — И вообще, Дэну и так тяжело пришлось, чтобы какая-то… какая-то макака в голубом и с напомаженной рожей его обманывала! Он что, не заслуживает счастья? — требовательно спросила она у Ивана.

— Заслуживает, — кивнул тот, вполне искренне так считая.

— Как же она убого поступает! Я была о ней куда лучшего мнения! Профурсетка! Бедный Дэнни, — сокрушалась длинноволосая, продолжая наблюдать за тем, как парень совершенно возмутительно целует Бурундуковой руку.

Понегодовав вволю, Инга решила разведать обстановку детальнее. Троюродная сестра Смерча оставила Ивана, пребывающего все в том же флегматичном спокойствии и даже видимом безразличии, стараясь оставаться незаметной, подошла к столику с Машкой и русоволосым.

Услышанное повергло девушку еще в большее негодование.

— …свидание получается, Чащин, — услышала Инга, стоя за пластмассовой пальмой с голубыми искусственными бананами.

«Свидание, значит?»

— Точно. Хорошее местечко, уютно и даже отчасти романтичное, ты премило одета — да и вообще кажешься лапочкой, я поступаю по-джентельменски…

— Да и ты ничего сегодня выглядишь, — сделала Мария комплимент парню.

«И как можно встречаться с девушкой, у которой уже кто-то есть? То же самое, что… что за кем-то одной и той же зубной щеткой пользоваться! — кипела Инга, — Наверное, он не знает, что эта Бурундукова занята, а то бы не стал встречаться с ней».

Однако, как оказалось, парень все знал.

— Спасибо, дорогая.

— Пожалуйста, милый, — тоном любящей женушки отозвалась Мария. — Твоя девушка на нас не обидится?

— А твой парень? Моя — нет. Она даже и не знает ни о чем. Она такая глупая у меня. Вообще ничего не знает.

«Вот сволочь! Пудрит кому-то мозги!», — ахнула правильная Инга, прячась все за той же пальмой.

— Вот и Смерчинский не догадывается. Совершенно ни о чем. Дома дрыхнет, наверное, — противно захихикала проклятущая Бурундукова.

Инга не выдержала и бросилась в свой конец зала, едва не сбив официанта.

— Девушка, осторожнее! — крикнул тот ей вслед, чудом удержав в руках поднос с блюдами.

— Простите! У меня друга морально убивают! — отозвалась Инга. Минута, и она уже сидела за своим столиком, бледная от гнева. В руке она сжимала мобильный телефон. Иван только молчаливо взирал на свою слегка буйную подругу.

— Алло! Дэн? — зачастила длинноволосая, с трудом дозвонившись до брата. — Дэна, это я! Ах, узнал? Ну, хорошо! — она вздохнула, замерла на мгновение и выдала трещоткой. — Денис, немедленно приезжай в кафе «Сырное и ледяное чудо»! Срочно! Срочно приезжай! Пожалуйста, я тебя прошу! Да нет, просто приезжай, в течение десяти минут! Ах, в течение десяти не сможешь… А в течение сколько сможешь?! Получаса?? Господи, вдруг не успеешь… если что, я их задержу! Дэнчик, братик, как можно быстрее! Ты на машине? Вот и отлично. Ждем!! Приедешь — и узнаешь, что. Это важно!

И она выключила телефон.

— Ты не слишком его… подначила? — осторожно спросил Иван, поражаясь энергии девушки.

— Да нет, нормально, сейчас приедет. Смерч на машине, — довольным голосом сказала Инга.

— А телефон зачем отключила? — все тем же тоном продолжал юноша в очках.

— Чтобы приехал быстрее, — улыбнулась Инга, но ее взгляд снова упал на Машку и ее парня, и тут же ее лицо исказилось от праведной ярости.

— А почему ничего не сказала про его девушку? — недоумевал ее спутник.

— А вдруг бы он мне не поверил, или не пожелал бы ехать? — отозвалась Инга. — У него разные заскоки могут быть. Он же Смерчинский. Они все слегка необычные.

— А ты какую фамилию носишь?

— Светлова. Я по маме Смерчинская. Ух, утопила бы эту Бурундучиху. Врушка и кокетка! — у Инги прочно сложилось в корне неправильное мнение о Маше.

— А у вас что, во всей семье по жилам течет манипуляторская кровь? — осведомился Иван несколько устало.

— Ты еще дедушку Смерча не видел, Данилу Юрьевича, — многозначительно отозвалась Инга. — А мама у Дэна, моя тетя, получается, самая настоящая актриса — столько шарма и блеска в ней. Это мне моя мама рассказывала. Потому что я тетю видела только в глубоком детстве… Хотя, Денис, конечно, просто уникум даже в пределах семьи. Слушай, Иван, а во мне шарм есть?

— Определенно, — согласился молодой человека, добавив про себя: «Очень странный и, порой, шокирующий».

Еще чуть позднее активная Инга не сдержалась и, по шпионски почти незаметно подобравшись к парочке чуть ближе, сделала на мобильный телефон фото, на котором парень в полосатой рубашке подходит к Маше и наклоняется к самому ее лицу. Из-за неудачного угла обозрения, ей плохо было видно, что они там делают, но на какое-то время ей показалось, что эти двое нагло целуются. Про то, что Димка просто-напросто убирает волос с ресниц Маши, ей в голову опять же не пришло.

Только потом Инга уже задавалась про себя вопросами: идиотизм или Судьба двигали ее эмоциональными поступками?

Казалось, что на улице сейчас не солнечное утро, а поздняя-поздняя ночь. По крайней мере, такое ощущение было у тех, кто находился в «Венере». Не успевшие оторваться за ночь, молодые люди продолжали веселиться под громкую электронную музыку и резкие мажущие всполохи световых шаров, похожих на миниатюрные светящиеся планеты, подвешенные под высоким куполообразным потолком. Любители пати, не обращали никакого внимания на тот факт, что в реальном мире, за пределами клуба, давно наступил полдень, а время медленно, но верно приближается к обеду. Многие из этих энергичных любителей клубной жизни не уставали веселиться и желали уехать отсюда только к вечеру.

Дэн тоже не собирался домой, по крайне мере в ближайшие пару часов. Он, как солнечная батарейка, подзарядился на раннем солнце, продолжая быть энергичным и после бессонной ночи. Смерч не покидал танцпол дольше, чем на полчаса, и, казалось, полностью погрузился в атмосферу этого шикарного места, словно был заядлым тусовщиком с впечатляющим стажем.

Он, казалось, забылся настолько, что не обращал внимания на окружающих: и на девушек, пытавшихся потанцевать с ним, и на нетрезвых друзей, и на Нику, которая не без задних мыслей никак не могла надолго утащить его в зарезервированную компанией комнату, и которой уже порядком приелся танцпол. Ребята как раз расположились в небольшой комнате в стиле модного хай-тек, одна из стен которой представляла собой огромное затемненное снаружи окно, выходившее на танцпол и круглую сцену перед ним.

Да, сначала она танцевала вместе с Дэном, все таким же веселым, но уже более отстраненным, а потом, уставшая и раздраженная, уселась на кожаный удобный диван за столик их компании. К тому же она умудрились туфлями натереть ногу, и теперь ей было некомфортно даже просто ходить. Естественно, Ника не подавала виду, что с ней что-то не так, но все равно осталась разочарованной, когда Дэн сквозь грохочущую музыку прокричал девушке, что готов танцевать с ней хоть весь день, но просто сидеть у него сейчас нет никакого желания.

— Или есть другое желание, — усмехнулся один из парней, на несколько секунд оторвавшийся от поцелуя со своей подругой, — которое кое-кто пытается глушить. Ребят, давайте закажем «виски-колу», а?

Черри внимательно посмотрела на друга, похмыкал, как огромный ежик с зелеными колючками в тумане, и авторитетно сказал на это, что у Лаки бывают нехилые завихрения извилин, и на это не стоит обращать внимания. Мол, иногда на парня находит, и он творит всякую чушь. А потом зеленоволосый куда-то удалился вместе со своими подружками-прилипалами, пробурчав в спину уходящему в музыку Дэнву, что он-то, Черри, заменителей никогда не ищет.

— Если я хочу пиво, то пью нормальное пиво, а не покупаю безалкогольное. И мне плевать, что алкоголь вреден, черт возьми. — Чуть заплетающимся языком сказал он, обнимая Кристину. — Но Дэн у нас упертый козел, неделю, даже больше… не пил ни с кем.

— Если только в одиночестве? — подмигнул ему желающий виски-колу.

И парни громко заржали.

Ника проводила трио задумчивым взглядом: девушкам друзей Дэна она слегка завидовала. Сейчас они с парнями, а она в одиночестве. Ее сегодняшний избранник (или это она его избранница?), правда, понял это почти сразу и мило, но крайней своеобразно, позаботился о том, чтобы светловолосая девушка не скучала в одиночестве.

— На танцпол, леди? — весело спросил у нее Дэн, в очередной раз оказавшись в комнате — чтобы глотнуть холодной воды.

Она отрицательно покачала головой, почти не мигая глядела, то на его лицо, то на плечи, которые про себя в шутку прозвала шикарными. Ей хотелось продолжения «банкета», прерванного дома у Черри чьим-то звонком. Так некстати позвонившего утром девушка успела даже пару раз проклясть про себя.

— Ника, какие парни тебе нравятся? — спросил в самом начале странного афтепати Дэн у светловолосой девушки, нависнув над ней и упершись ладонью о стол. Она удивленно взглянула на парня, подумав вдруг, что он опять заигрывает с ней, немного обрадовалась и ответила, надеясь подразнить его.

— Светловолосые и сероглазые. Хотя бы немного выше среднего роста и с хорошей спортивной фигурой!

— Отлично, — отозвался Дэн с улыбкой и исчез в толпе, заставив девушку еще больше изумиться его поведению.

— Милый идиот, — подняв голову, задумчиво сказала своему отражению в зеркальном потолке, его сегодняшняя спутница. То, что она оказалась в закрытом дорогом месте, радовало ее лишь поначалу. Дизайн клуба, конечно, был выше всяческих похвал, но, честно говоря, контингент в

нем был на первый взгляд, абсолютно таким же, как и в остальных прочих ночных заведениях. Да и атмосфера была совершенно обычной для подобных мест — особенной она становилась только лишь тогда, когда Ника видела Смерча.

— Что случилось, почему не танцуешь? — спросила у нее одна из девушек, чей молодой человек заснул, перебрав с алкоголем. С ней у Ники были приятельские отношения. В комнате кроме них троих больше никого не осталось.

— Устала, — отвечала Ника, вертя в руках высокий бокал с соком. Он не слишком любила алкоголь.

— Он тебе понравился? Да?

— Кто?

— Этот Дэн?

— Красивый мальчик, — кивнула подружке Ника.

— Это да! Я никогда не встречала таких, как он! Веселый, душа компании, не грубый, не пьет… Ника, он вообще не пил сегодня! Или умничка, или закодированный, ха-ха-ха! Но он опасный мальчик, — засмеялась она нетрезво.

— Почему же?

— Чувствую. А ты никогда не была разборчива в парнях, — отвечала девушка. — Тебе вечно идиоты попадаются.

— Что ж, знакомиться с плохими мальчиками — моя карма. Знаешь, мы знакомы несколько часов, но он мне безумно нравится, — призналась Ника, наблюдая за танцплощадкой из панорамного окна. Денис стал вызывать в ее душе симпатии едва ли не с первого взгляда, девушка и сама удивлялась себе. Она даже поступилась своими принципами и согласилась поехать с незнакомыми парнями к ним домой — только из-за высокого красивого Дениса, у которого были очень ласковые руки, ресницы, как у девчонки и невероятные глаза. Нет, не из-за цвета, а из-за исходящего от них магнетизма.

— У вас ничего не было?

— Мы… не успели, — тут же рассержено отвечала Ника. — Но, думаю, будет, — самоуверенно добавила она.

Когда дверь открылась и в проеме показалась фигура Дэна, девушка радостно улыбнулась в предвкушении, но ее улыбка стала угасать, когда за спиной парня появился еще один молодой человек.

— Вот, я привел тебе то, что ты заказывала, Ника, — обрадовал опешившую девушку Смерч. — Светловолос, сероглаз и не вылезает из качалки. Хороший парень, мой друг.

Ника закатила глаза. Ее подружка захохотала. В результате именно она отбыла из комнаты под руку с сероглазым, не дождавшись когда же проснется ее перебравший друг. Ника и Дэн остались наедине.

— Дэн, — подошла к парню девушка, не подозревающая, что сегодня она всего лишь

«безалкогольное пиво». — Дэн, ты что, дурак?

— Есть немного, — он так улыбнулся ей, что на миг девушка чуть не потеряла контроль над собой и не обняла парня. Она еще ближе, решив не терять времени, приблизилась к нему, положила одну руку на плечо.

Сейчас в комнате стояла бархатная полутьма, и Дэну на мгновение показалось, что перед ним не миленькая незнакомка, а его глупый Бурундучок, только выряженный в женственное платье. Смерчинскому тут же захотелось увидеть Машу в платье, желательно коротком. Он всегда верил в силу мысли, а она, эта самая сила, зная это, решила обрадовать брюнета, преподнеся ему в скором времени и сюрприз, и осуществление желания в одном флаконе.

— Дэн, почему друзья называли тебя Смерчем? — провела по его груди ладонью Ника. Парень с интересом проследил за ее рукой. Из подполья высунула острый крысиный носик Тревога, которая умело переквалифицировалась в яркое, похожее на звезду, Желание. Орден Сомнения тоже вновь активно заработал.

— Из-за фамилии. Моя фамилия — Смерчинский, — пояснил он любезно

— А, ясно. Красивая фамилия, запоминающаяся. А я — Карлова, фамилия совершенно простая, без изысков… Ты и вправду похож на смерч. Примчался и сорвал мне крышу, — все же поднявшись порыву, обняла его Ника.

— А ты похожа на малину, — серьезно сообщил ей парень, так и продолжая стоять неподвижно.

Ника лукаво взглянула на него снизу вверх, гладя по лицу, а потом и по шее — ее пальцы остановились на ящерке, которая ей безумно нравилась.

— Почему, Дэн?

— У тебя губы малиновые. И ты такая же привлекательная. Думаю, многие были бы не прочь сорвать тебя, — отвечал ей тот задумчиво, все же проведя ей в ответ ладонью по волосам. — Малиновое варенье — неплохая вещь, которое может помочь при болезни.

— Это точно. Так почему же ты не… пробуешь малину?

— Я не люблю ее, — все так же серьезно сказал парень, вновь опуская руку.

— А что же ты любишь? Черешню? — слегка рассердилась девушка. — Клубничку?

— Арбузы, — расхохотался вдруг Дэн. — Честно говоря, они считаются не ягодами, а тыквинами. Ягодообразными тыквинами.

Он подумал, что одной милой особе будет невероятно «приятно», если он ради разнообразия, назовет ее «тыквиной». Он даже представил на мгновение, как раздраженно, но одновременно и с хитринкой Мария взглянет на него, делано презрительно сощурится, по-особому изогнет уголки не накрашенных губ, скорбно покачает головой, как будто бы перед ней стоит душевнобольной, а потом начнет кричать на него, придумывая милые и совершенно необидные ругательства. Эта защитная реакция, грубить или ругаться, казалась Смерчу изюминкой Бурундука, не лишенной своего детского обаяния.

Ника, не слушала парня, а, заметив лишь отстраненность и задумчивость в его лице и

неправильно, в свою пользу, истолковав ее, вдруг решила, что неплохо было бы продолжить прерванный поцелуй. В дальнейших планах у нее было утянуть молодого человека на мягкий кожаный диван.

— Ника, не надо, — уставшему и не спавшему почти сутки Дэну вновь показалось, что перед ним Чип.

— Мне — надо, молчи, — ловко запустила руку ему под футболку девушка, касаясь живота.

— Эй-эй, перестань! — возмутился Дэн. — Я и так сегодня герой! Хватит меня мучить, прекрасная женщина!

— Может быть, и герой, — жарко прошептала ему на ухо девушка, — только сегодня ты — мой герой!

— Ты точно этого хочешь?

— Да.

Вина тут же уютным клубочком устроилась на его плече, дав пять рыцарям ордена Сомнения, и для порядка глухо поворчав на пульсирующее Желание, которое стало таким ярким, что затмило всем присутствующим глаза.

А вот желание светловолосой, внешне так похожей на Марию, почти исполнилось — пара через несколько минут действительно оказалась на диване. В этот раз сверху оказалась не Ника, а Дэн. Девушка видела в нем повелителя самой прекрасной стихии на свете — воздуха и ветра, а он даже с широко открытыми глазами видел Машу.

Желание все же потеснила Судьба.

Дэн всегда считал, что у него мало силы воли, особенно если соперник — милая девушка, поэтому он искренне обрадовался, когда у него зазвонил телефон, заставивший Нику вздрогнуть, а Вину с шипением, достойным дикой кошки, отлететь к потолку.

— Мне нужно ответить на звонок, Ника, подожди… — только и сказал он девушке, вытаскивая надрывающийся мобильник из кармана джинсов и вставая. Она же только беззвучно прошептала не совсем подходящее для уст юной леди ругательство, тоже зачем-то встала и со всей силы вновь бухнулась на диван. Отчего-то у нее горело не лицо, а губы, как будто бы на них кто-то, с явными садистскими наклонностями, небрежно налил обжигающий малиновый сироп, стекающий от них по шее.

Смерчинскому звонила Инга, его дальняя родственница холерического темперамента, которая требовала немедленно приехать к черту на рога со скоростью, равной второй космической.

— Зачем я должен туда приезжать? — спросил Смерч, вздыхая. Троюродная сестра не обращала внимания на то, что ее звонок показался парню странным, и на то, что его частое дыхание — тоже. — Что случилось? Что-то серьезное? Я за городом, в «Венере», за десять минут не успею. Полчаса — 20 минут — это минимум. Я на машине. Да что у тебя случилось, можешь сказать? Эй? Эй?

— Произошло что-то? — спросила с дивана Ника. Ей неожиданно стало смешно от «повторного облома».

mir-knigi.org

— Вероятно, — честно говоря, Дэн ненавидел такие неожиданные звонки, и, наверное, старался помочь звонившим потому, что лишь однажды проигнорировав подобный звонок несколько лет назад, не успел даже попрощаться с одним дорогим человеком. А ведь тогда тоже звонили друзья, а не посторонние люди. Он проигнорировал звонок, потому что отсыпался после шумной вечеринки.

К тому же последний раз с такими же истерическими нотками в голосе Инга звонила ему в прошлом году, когда ее младший брат едва не потерпел фиаско на сдаче ЕГЭ. Учительница, которая должна была решать парню задания по математике, неожиданно сильно заболела ночью, и Дэнни ранним утром (если быть точнее, в 6 часов) пришлось искать человека, знающего предмет, который взялся бы помочь троюродному брату. Такого человека нашли. К тому же щедрый и продвинутый Смерчинский обеспечил родственника микронаушниками, программируемым калькулятором, куда были запиханы многочисленные формулы, и даже миниатюрной камерой, встроенной в наручные часы.

В результате кучи хитрющих манипуляций на экзаменах, младший братишка ЕГЭ все-таки сдал, получив довольно неплохое количество баллов — и это при том, что сам был кем-то, весьма близким к бодрому званию «дегенерата».

Сейчас Дэн понятия не имел, что случилось со слегка сумасбродной Ингой. Понял только, быстро логически прикинув, что она находится в любимом кафе, куда ходит только с хорошими друзьями, и что находится там не одна. Кого сестричка хочет задержать и для каких целей, оставалось загадкой даже для мощного мозга Смерчинского.

Со звонившими ему за помощью могло случиться все, что угодно. Любой абсурд и неприятность: серьезный или смешной.

Черри постоянно ошивался в КПЗ. И не только он, нужно признать. В ближайшее к его дому отделение N 24, Дэнни порой входил, как к себе в квартиру — после звонков Черри, естественно. Хорошо, что деньги многое решали.

Ланде один раз потерялся в лесу около коттеджа с празднующими друзьями, когда решил ночью прогуляться под звездами. Поплутав по лесополосе и попередразнивая птичек, он позвонил Смерчинскому. Тот его нашел.

Парень, которому принадлежал и сегодняшний «Джип», и тот самый коттедж, однажды направился в гордом одиночестве на рыбалку, оседлав велосипед. На озере он непонятным образом сломал не только удочку, но и собственную ногу, и тут же позвонил Смерчу — чтобы тот приехал его спасать. Почему именно другу, а не отцу, финансовому директору одной крупной компании, молодой человек так объяснить и не смог.

Одна из девушек-приятельниц, увидев своего любимого в объятиях другой, вызвала Смерча с целью, чтобы он немного поиграл перед изменщиком роль ее парня.

Друг-барабанщик перед концертом потерял барабанную установку (!), и Дэну пришлось помогать ему искать замену инструмента — опять же после дребезжания мобильника.

Преподаватель по китайскому в университете не нашел нечего умнее, как обратиться к Денису, когда узнал, что пара студентов по обмену из Китая приехали в Россию не совсем легально. Смерч обещал хорошенько их спрятать от суровых представителей миграционной службы, потому что эти студенты были одними из основных докладчиков на Конференции, посвященной стране Восходящего солнца.

Друг, входящий в пятерку самых близких Дэну друзей, находящийся сейчас заграницей и играющей в одной очень популярной рок-группе, приехал в Россию инкогнито с коллегой-музыкантом. И умудрился зимой, в минус тридцать пять, забуксовать посредине дороги из-за сильнейшего снегопада. Эвакуаторы, у которых работы было не меряно, обещали приехать только утром, поэтому Смерчу и Черри пришлось гнать полночи по заснеженным дорогам, чтобы забрать застрявших и замерзших парней. Зато американец по имени Марс вволю насмотрелся на бескрайнее пейзажи России-матушки, ее погодные условия и некоторые национальные особенности, а после заявил, что еще раз приедет в эту страну. Кстати, этот же друг-музыкант в шутку называл Смерча Добрым, почти Безотказным Волшебником, мечтающий глубоко в душе стать Черным Властелином…

Недолго думая, часто немного безрассудный Дэнв, поцеловал Нику в лоб, едва не заставив ее нервно засмеяться, и сказал ей так словно обращался к плюшевому медвежонку:

— Мне нужно ехать, моя сладкая малинка. Не грусти без меня, слышишь? У друзей проблемы.

— А ты-то при чем?

— Должен помочь, они меня ждут. Так, Ника, — произнес он, склонив голову на бок, — отсюда бывает сложновато уехать. Возьми мой номер, и когда соберешься домой, позвони мне, я вызову тебе безопасное, хорошее такси. Вот деньги.

— Не стоит, прекрати, — тут же удивленно отозвалась девушка, поправляя задравшееся изумрудно-зеленое платье. То, что парень не бросает ее просто так, только разозлило — ведь она увидела еще одну положительную черту в облике этого обаятельного синеглазого брюнета! И как она его сможет теперь назвать «сволочью», к примеру?!

— Дэн, а ты едешь в город, да?

— Да, Ника.

— Можно, я поеду с тобой? — вдруг спросила она.

— Конечно, — рассмеялся он, подавая руку, чтобы Ника встала с дивана. — Тогда за мной, у нас мало времени.

Они почти выбежали из комнаты — двигался парень очень быстро и порывисто, как ветер. На ходу Дэн позвонил Черри, выслушал пару непотребных выражений на свой счет, и сообщил, что уезжает на «Джипе», а взамен пришлет чуть позже кого-нибудь с машиной, чтобы та забрала нетрезвых друзей из клуба. Тут же набрал по памяти чей-то номер, и договорился с каким-то парнем об этой услуге. Позвонил второму сегодняшнему другу, сказав, кто приедет за ними и, напомнив о парне, который спал в оставленной ими комнате. Затем сделал дозвон еще на чей-то номер — но там Смерчу так и не ответили.

Ника только поражалась деятельному Дэну. Буквально за пару минут тот умудрился решить сразу несколько проблем.

Уже около входа ее спутник, от которого она тихо млела, жестко ругая себя за это, вдруг пригляделся, без труда пробрался сквозь толпу уезжающих ребят, явно вступивших в близкое знакомство с каким-то веществом, и хлопнул по спине парня чуть ниже его ростом, одетого в модный, но неброский клубный пиджак и черные джинсы.

— Никита? — даже с каким-то задором спросил Дэн. — Какая встреча!

— Здорово, — пожал ему руку тот, удивленно глядя на Смерча. Ника тут же подметила, что вроде бы этот симпатичный парень со светло-русыми волосами и слишком уж равнодушным ко всему сероглазым взглядом, не пьян, как и Дэн, что странно. Он показался ей абсолютно трезвым и вменяемым человеком, от которого просто таки несло каменным спокойствием. Конечно, потом ее мнение резко изменилось, и произошло это очень даже внезапно.

На стоянку, окутанную солнцем, они вышли втроем, где Дэн мельком их познакомил.

— Не ожидал тебя здесь увидеть. Часто зависаешь в «Венере»? — спросил Смерчинский. Он и не думал встретить этого человека здесь. Да и не думал, что этот вежливый и правильный с виду парень будет зависать до двух часов пополудни в клубе. Дэн все больше и больше хотел поговорить с малышкой Ольгой.

— Нет. Не признаю клубы. У друга сегодня была Днюха, пришлось приехать. Я не любитель таких мест, — отвечал Никита. — Вчера мы с Ольгой решили не… беспокоить вас, когда вы остались под дождем. Оля решила, что будет лучше, если мы уйдем. А я не хотел, чтобы она промокла и простудилась.

— Как мило с вашей стороны, — улыбнулся ему Дэн. — Кстати, ты правильно делаешь, что заботишься о ней. Поверь, она того стоит.

— Я знаю. У меня в отношении Оли серьезные намерения.

Смерчинский кивнул в ответ, заметил, как Ник что-то ищет глазами и тут же спросил:

— Подвезти?

— Было бы неплохо, — вымученно улыбнулся парень — Никак не могу дождаться друга. А ты почему уезжаешь?

— Мне позвонили и сказали срочно, — объяснил брюнет. — Случилось, наверное, что-то.

— Помощь нужна? — вдруг предложил Ник. Дэн внимательно посмотрел на него. — Если что, я могу помочь.

— Думаю, я сам справлюсь.

Денни выключил сигнализацию «Джипа», галантно открыл дверь перед Никой, кивнул Нику, чтоб тот садился вперед, пристегнулся и завел автомобиль. Тот плавно двинулся к выезду.

— У тебя есть машина? — спросил Дэн, уже выезжая на пустую трассу.

— Нет, — отозвался Ник с полуулыбкой, — есть только права, машины пока нет. — А это твой зверь?

— Не-а, Ник, я байки больше люблю. Это чужой.

— Хорошая тачка. «Jeep Commander»? — продолжал осматриваться внутри салона в три ряда Никита.

— Ага, точно, прошлого года выпуска, — отвечал Дэн. Ника заметила, что хоть парень и сильно спешил на встречу с неведомыми друзьями, все равно выглядит спокойно и собранно. Его холодный друг тоже был спокойным, но активно Нике не нравился.

mir-knigi.org

— Хороший разгон у машинки. И подвеска мягкая. Всегда думал, что наоборот, жесткая. Сколько здесь литров в двигателе?

— Рабочий объем 5,7, мощная тачка. 326 «лошадок», — вспомнил Смерч слова хвастающегося приятеля, хозяина «Джипа». Совершенно некстати вспомнились «важные» слова друга о том, какое его авто вместительное. — И 15 вариантов размещения пассажиров и багажа.

— Занятно.

— Сиденья быстро расправляются — почти мгновенно. Но если третий ряд расправить — для багажника места почти не будет.

Ника даже уснула ненадолго, пока парни обговаривали все технические характеристики черного авто-гиганта.

— Как у вас с Ольгой вчера прошло, кстати? — осведомился Денис, стоило только Кларскому замолчать.

— Все прошло хорошо, — он только улыбнулся, словно бы подтверждал улыбкой, что у них действительно все было отлично. — А у вас?

— Превосходно. Просто отлично. Романтично, — тут же вспомнились Дэну поцелуи под дождем. Он тогда прошептал Маше о том, что за много лет это первый раз, когда он рад дождю — по-настоящему рад. И он не лгал.

— А почему ночь ты провел не с Марией, а с этой девушкой? — спросил вдруг Ник и пристально взглянул на Дениса. Тот со смехом понял, что Кларский, правильный мальчик, его осуждает. Но совсем ли он правильный мальчик?

— Так вышло. У нас ничего не было. А Ольга, — мелькнула в синих глазах смешинка, — знает, что ты сам всю ночь и утро провел в «Венере»?

— Весьма смутно, — отозвался Ник несколько натянуто. — Давай оставим в тайне от наших девушек то, где мы провели сегодняшнее темное время суток, Дэн? Не скажу, что я делал что-то… предосудительное, но не хочу, чтобы Оля знала. «Венера» — не лучшее местечко.

— Легко, — тут же согласился Смерч. Его персональная крылатая Вина захохотала, захлопав крыльями так громко, что Ника проснулась.

— Что легко? — спросила сонно она с заднего сидения, проснувшись. — Мы скоро подъедем?

— Да, мы уже в черте города, — кивнул Дэнв.

Ник просто промолчал. Он и светловолосая девушка в зеленом платье не обращали друг на друга ровно никакого внимания, даже парой слов не перекинулись, хотя ей вдруг на какое-то мгновение показалось, что это, должно быть, забавно: в машине сидят девушка и парень с похожими именами. Ника никогда не встречала Ников. Никит — да, а вот Ников…

Под разговоры Дэна и Ника все о тех же автомобилях, они подъехали почти к самому кафе — Кларский едва разглядел глупую сине-желтую вывеску через густую сирень. Девушка, впрочем, тоже. Однако спрятанная вывеска не была поводом для того, чтобы в кафе находилось мало посетителей. Напротив, их было очень много, а дорога перед входом была заставлена не только автомобилями, но даже и мотоциклами.

mir-knigi.org

— Ника, сейчас я разберусь с проблемами, и довезу тебя прямо до дома, — пообещал напоследок Дэн. — И тебя, Ник. Ты же на Пристани живешь?

Тот только кивнул.

— И я тоже там живу, — тут же встряла девушка.

— Сидите, ребята. Включите музыку, если что, поколдуйте с кондиционером, — улыбнулся им на прощение Смерчинский, выпрыгивая из огромного внедорожника.

— Может, мы сами доберемся? — спросил Ник вежливо.

— Все в порядке, доставлю вас в лучшем виде, — отозвался Дэн. Ника тут же неосознанно поставила еще один плюсик напротив его образа в голове.

«Я знаю его меньше десяти часов, но он уже кажется идеальным. Это неправильно!», — подумала про себя девушка. На самом деле она мечтала об идеальном принце — как и миллионы других, и ей казалось, что она нашла его, того, с кем сможет быть счастлива.

Безразличный Никита, казалось, поймал ее мысли, и потянулся.

Инга встретила Дэна около самого кафе, взволнованная так, словно единственная знала правду о начале третей мировой войны и о том, где находятся надежные бомбоубежища. Дальний родственник быстрым пружинистым шагом подошел к ней и тут же потребовал объяснений. В его синих глазах, становящихся необычайно яркими на солнце, горели тревожные огоньки.

— Дэнка! Вот ты где! — взвизгнула длинноволосая девушка, чуть не запрыгав вокруг парня. — Быстрее!

— Что случилось? — посмотрел, на стоявшего тут же, Ивана Дэн, обмениваясь с ним рукопожатиями, и тут же стал выслушивать гневные слова Инги о том, что в этом кафе ему, Дэну, «нагло и коварно изменяют»!

— Боже, какой ужас, — хмыкнул молодой человек, поняв, что ничего ужасного не случилось. — Кто посмел?

— Кто? Как кто? Денни, это же твоя Маша сидит и изменяет!

— Чип? Изменяет мне? — засмеялся ее кузен звонко на пол-улицы и даже по колену себя хлопнул. — Инга, ты что? Мой Чип сейчас сидит дома.

— Вы оба считаете, что сидите по домам, — насупилась та. — Сам-то где был? Выглядишь пожеванным.

— В клубах.

— Всю ночь?

— Еще и весь прошедший день.

— Не спал?

— Нет.

— Ну ты и дурак, Дэн. Так… по боку это. Что ты будешь делать с Марией своей? — уперла руки в боки принципиальная девушка.

— Ничего. А она нашла кого-то себе? Какая Чип прыткая, — Дэну не верилось, что Мария действительно «изменяет» ему. Заявление сестрицы его только развеселило.

— Нашла! Это ее одногруппник. Я его узнала, — отозвалась Инга важно. — Иди и разбирайся с ними. Борись за свое счастье!

— Борюсь. Надо же, Чащин активизировался, — потер подбородок парень. — А, пусть дети развлекаются. Слушай, меня люди в тачке ждут, мне пора.

— Она твоя девушка! — воскликнула Инга.

— У нас свободные отношения, — зевнул ее троюродный брат. — Ладно, я пошел.

— Ты куда? — разочарованно возопила Инга. И даже флегматичный Иван вопросительно уставился на друга.

— Пусть Маша развлекается, — устало отозвался тот. — Я думаю, она просто встретилась со своим другом. Не делай из ничего трагедию. — Он мягко улыбнулся сестре, не зная, то ли сердиться на нее за то, что она оторвала его от дела и заставила волноваться из-за какой-то чуши, то ли благодарить как раз за то, что оторвала. — Все хорошо.

— Никакой он ей не друг. Маша твоя для него разрядилась, как на парад!! Ты бы ее видел! Платьице — во, — махнула ребром ладони Инга, обрисовывая в воздухе предполагаемую длину платья Бурундуковой.

— Чип в платье? — расхохотался еще громче Дэн. — Невероятно!

— Не веришь? Вот, смотри, фото, — показала длинноволосая ему не слишком качественное, слегка размазанное фото с изображением Маши и Димки, наклонившегося к ней и закрывающего ее лицо.

— Что это? — вгляделся в экран мобильника парень. — Это вообще кто?

— В голубом — твоя великолепная Машенька. Не признал? Иди, посмотри, она как раз так и одета — в коротенькое платье. А это ее друг. И они целуются! — обличающее произнесла Инга.

Вообще-то Смерч хотел сказать, что может быть, они вовсе и не целуются, может, Дима просто наклонился к Маше, но неожиданно ему на плечо положило когтистую лапу еще оно из его личных чудовищ — Ревность. Безумная полупрозрачная женщина с сумасшедшими взором алых белков без зрачков, худыми ладонями с невероятно длинными когтями, острыми белоснежными клыками и темно-бордовыми губами, светящимися на миловидном бледном лице, слегка коснулась губ Смерча. Поцелуй Ревности — что может быть хуже для человека, который влюбляется по-настоящему?

— Где они сидят? — Спросил он тихо, все никак не желая признавать, что девушка в платье цвета чистого летнего неба — его Бурундучок.

— В кафе, где еще. В «голубой» зоне. Я покажу, Дэн, — засуетилась его троюродная сестра и поежилась: с реки подуло ветром и ногам сразу стало холодно.

mir-knigi.org

— Хорошо. Подожди, — вдруг сообразил парень, что около кафе находится его небольшой компромат — Ника. Он открыл дверь автомобиля, в котором без него царило молчание, улыбнулся Нике и попросил сидевшего там парня вылезти наружу.

— Все в порядке? Помощь нужна? — спросил Ник тут же, оказавшись рядом со Смерчинским.

— Все в порядке, это личное. Сейчас… разберусь. Ник, будь другом, уведи куда-нибудь эту девушку, — попросил самым серьезным тоном Смерч. — Похоже, у меня намечается встреча с моей милой Марией, присутствие Ники будет немного лишним. А мне нужно доставить ее домой, потому что в «Венеру» ее увез я.

Никита, секунду поколебавшись, кивнул. Он не любил быть должником. А то, что Дэн самовольно взвалил на себя ответственность по поводу светловолосой Ники, ему даже пришлось по душе.

— Я отгоню тачку на противоположный конец улицы, мы посидим там. Я присмотрю, чтобы она не помешала тебе, — кивнул Кларский Денису.

— Спасибо, брат, — хлопнул его по спине тот. — Выручаешь!

И, вручив ему ключи от автомобиля, брюнет скрылся в дверях кафе, последовав за молчаливым Иваном и торжествующей Ингой.

Ник только головой покачал. Дэн умел заставить работать на себя всех окружающих, и делал это с непринужденной легкостью и даже шармом — он признавал это, хотя Кларскому и не нравилось, когда им манипулируют.

Он сел на переднее сидение и завел машину. Дэн водил очень плавно, Никита, напротив, резковато.

— А Дэн где? — с беспокойством спросила у него Ника. — Мы куда едем-то?

— Отгоню машину подальше. Он сейчас решит свои проблемы и вернется, — отозвался Никита сухо. Ника ему не то, чтобы не нравилась, но он оставался к ней совершенно равнодушен. Ему вообще редко нравились девушки, но если это все же случалось, тогда он испытывал сильные чувства. Девушка с похожим именем, перелезающая прямо на ходу на переднее сидение и задевшая его пару раз то локтем, то боком, совершенно не цепляла его, скорее несколько нервировала.

Они сидели в автомобиле в совершенном молчании, играла только музыка по радио — минут десять или пятнадцать. Потом Нике надоело это однообразное ожидание. Обычно она была веселой и жизнерадостной, но из-за последних событий стала озлобленной на полмира.

— Включи что-нибудь приличное, — сказала она слегка раздраженным тоном.

— Что? — повернулся к ней парень.

— Что угодно, эта долбежка надоела еще в клубе, — отозвалась Ника.

Никита ткнул в кнопку на панели управления, и в салоне заиграл шансон: печальная песня о тяжелой воровской доле в местах не столь отдаленных.

— Это тоже выключи, — поморщилась девушка тут же. — Эй, парень переключи, слышишь?

mir-knigi.org

— Слышу.

— Я хочу другую музыку. Найди что-нибудь стоящее по радио. Нет, лучше включи диск какой-нибудь?

— Я тебе не прислуга, — огрызнулся Ник, вообще не обращающий внимания на музыку и думающий о чем-то своем. Светловолосая шумно выдохнула и состроила скорбную мину, показывая всем своим видом, что она думает о парне, сидящем сейчас за рулем.

— А я тебя и не называю прислугой. Переключи, пожалуйста, этот тюремно-воровской бред, — твердо сказала она, думая о том, какой же Дэн по сравнению с Ником милый. Пожалуй, ее тон был грубоват, а «пожалуйста» звучало вовсе не вежливо, а насмешливо.

— Тебе надо, ты и переключай, — даже не пошевелился Ник. В отсутствие Дэна он стал еще более холодным и равнодушным, не считая нужным вести себя вежливо при девушке «легкого поведения». А именно такое мнение сложилось у него о спутнице. К тому же она не являлась его одногруппницей или хорошей знакомой, чтобы он вел себя прилично и тактично. Всего лишь была одной из тех, с кем Смерч развлекался этой ночью. Той, кого в народе называли «шалавами».

— Так радио около тебя находится, — Нике же парень казался не только черствым, но и донельзя скучным и высокомерным типом.

— Не мои проблемы.

Ника попробовала перегнуться через недовольного чем-то Ника, только он отстранил ее от себя, сказав:

— Без объятий. Сиди спокойно.

Ника одарила его нелестным взглядом и только фыркнула.

— Ну ты и козел, парень. Я пойду, наверное, к Дэну.

— Сиди, — холодно отвечал ей Ник.

— В смысле — сиди? — тоже придав голосу необходимого льда, спросила Ника. — Мне надоело с тобой сидеть, умник.

Девушка попробовала открыть дверь, но Ник, который прекрасно ориентировался в управлении этой большой машины, заблокировал тут же все двери. Было бы очень интересно посмотреть, как Маша и эта стервочка будут ругаться из-за Смерчинского, если вторая прибежит в кафе, но обещание он нарушать не собирался.

— Дверь мне окрой! — не на шутку рассердилась Ника.

— Нет. Сиди, жди.

— Ты это своей собаке говори, урод, — начала в открытую хамить Ника. Она редко хамила, но этот парень ей очень и очень не нравился.

— Я говорю, дверь открой, ты идиот, что ли?

— Сиди.

— Тупоумием не страдаешь? Открой.

Ника занервничала.

— Разблокируй двери!

— Я же сказал, заткнись, детка, — раздраженно бросил ей Ник. Если бы в эти минуты его видела бы Чип, она бы обрадовалась, что вроде как успела разлюбить кажущегося ей элегантным и вежливым парня до того, как стала свидетельницей этой не совсем приятной сцены.

— Ты кто такой, мальчик, чтобы мне так говорить? — никогда не страдала отсутствием смелости его собеседница.

— Какой я тебе мальчик? — оскалился вдруг Кларский. — Следи за словами.

— Да пошел ты.

И они с каким-то мазохистским удовольствием принялись ругаться. Девушка пригрозила, что вызовет сейчас милицию, а лучше своих крутых друзей, которые ему, слабаку, накостыляют.

Кларский, не выдержав, через пару минут, вдруг развернулся к девушке лицом — от его взгляда она даже замолчала — схватил ее за плечи, резко тряхнул и сквозь зубы произнес слова угрозы, близко наклонившись к ней. Ника тут же поняла, что от парня волнами исходит не только равнодушие, но еще и жесткость:

— Если ты сейчас не закроешь свой очаровательный красный ротик, маленькая дрянь, ты очень пожалеешь. Я тебя… — ему вдруг пришло в голову, что светловолосая будет забавно сопротивляться, если он ее поцелует. Наверняка станет смешно бить его кулачками по плечам и по груди и сжимать до боли зубы. Он наклонился к ней так близко, что она даже его дыхание почувствовала на своей щеке и дернулась в сторону. Какого ему надо?

Третий раз за последние часы телефонный звонок помешал Нике поцелую с парнем, которого она только-только узнала. Только первые два раза она страдала от этого, а третий должна была радоваться, только даже и не поняла, какие мысли кружатся в светло-русой голове симпатичного молодого человека с очень жесткими пальцами, впившимися в ее плечи.

Едва глянув на номер, отобразившийся на экране, Ник очень нехорошо посмотрел на замершую девушку, медленно отпустил ее плечо и сказал ей:

— Если ты хоть слово произнесешь, пока я буду разговаривать по телефону, ты очень пожалеешь. Поняла?

И Ника, испугавшись его взгляда, только кивнула. В душе она несколько раз успела обозвать грубияна нецензурными словами. Ей вдруг пришло в голову, что это вообще очень странно — познакомиться с таким невменяемым кретином в совершенно чужой машине! Поскорее бы Дэн пришел! Спас ее, что ли…

— Привет, милая, — улыбнувшись по-особенному, почти по-доброму, вдруг сказал в трубку Никита, а Ника едва не подавилась от изумления. — Нет, я не дома. Вышел в магазин. Да, конечно. Как твое настроение? Ты не сможешь сегодня? — с грустными нотками в голосе спросил молодой человек, и теперь его невольная соседка по салону авто едва не расхохоталась — она и не думала, что этот гнусный тип может выглядеть печальным. —

Олечка, все в порядке. Я понимаю, что ты готовишься к зачетам. Хорошо, целую, милая, — Кларский даже улыбнулся, услышав ответ звонившей. — До встречи в универе. Ты все сдашь, зайка моя, не переживай. Я знаю, какая ты у меня умная. Пока, я позвоню тебе вечером.

— Какие сюси-пуси, — сказала тихо Ника. Она и не подозревала, что у этого индюка есть девушка, с которой он будет так ласков, этот двуличный поддонок, обозвавший ее дрянью.

— Что ты там промяукала? — склонился к ней Ник. — Я же попросил тебя заткнуться. Помнишь?

— Я говорю, я хочу пить, — соврала вдруг девушка, высматривая Дэна. Его друг — настоящий осел!

— А я хочу в сауну, или массаж, — поднял на нее свои светлые глаза Ник. — Что делать будем?

— Купи мне что-нибудь попить? В машине ничего нет.

— Потерпишь, — не собирался выполнять ее прихоти Ник. Ему вдруг стало приятно мучить светловолосую обладательницу красного ротика.

Она откинулась на спинку сидения и скрестила руки на груди, но спорить больше не решалась.

— Ладно, сиди в тачке. Не уходи, — вдруг сказал ей Никита. — Ну, ты и не уйдешь, — добавил он со смехом, — я тебя здесь закрою.

И он действительно это сделал, вновь напугав девушку, которой вдруг показалось, что ей придется сидеть в этой чужой машине весь день!

Но, честно говоря, Ника оказалась не только пугливой, но и очень мстительной девушкой с уязвленным самолюбием. Как только ее оппонент покинул машину, она схватила его оставленный мобильник, нашла номер последнего входящего звонка, записала его в свой телефон и довольно хмыкнула. Раз он так боится, что драгоценная Олечка, которая продинамила его сегодня со свиданием, узнает, что он находится с другой девушкой, то почему бы не позвонить через пару дней этой Оле и не представиться, к примеру, какой-нибудь подружкой Никиты, раз он ей так нахамил?

Ник, не подозревая о коварных планах девушки, вернулся с двумя банками газированной воды и одну небрежно кинул Нике.

— Что, я тебе нравлюсь? — сама не зная зачем, спросила она. — Даже попить купил.

— Безумно, — вдруг рассмеялся парень, уже не так зло. Видимо, прогулка пошла ему на пользу. — Я люблю другой тип девушек. Шумные, крикливые, капризные — это не мой типаж.

— А я такая? — открыла банку Ника.

— Ага. Только в тебе есть еще и стервозность, девочка. Мне это не нравится. Да, и что-то я не слышу: «Спасибо, Никита» за мою любезность.

— Спасибо, Никита, за твою прекрасную любезность, — послушно повторила она, точно решив позвонить его девушке.

— Тон попроще сделай, — вновь начал сердиться Кларский. — Решила меня еще позлить?

— Спасибо, Никита, — послушно протянула его спутница. — Спа-а-асибо за…

— Это… что? — вдруг вгляделся в лобовое стекло Ник и даже вперед подался. Ника последовала его примеру и перевела глаза в ту же сторону.

— Вау, разборка намечается. — «И без тебя, козел, беги к ним, а то непорядок», добавила про себя она. — Ой… Что это они??

— Хотят повеселиться? — сам у себя спросил Никита.

Из кафе «Ледяное и сырное чудо» медленно и уверенно выходили четверо крепких парней в кожаных косухах с заклепками, шипастых украшениях и тяжелых ботинках. Следом за ними появились Дима, Дэн и еще один парень в очках, похожий на компьютерного зяблика. Лица у всех этих людей были не самыми доброжелательными и, кажется, они обменивались резкими репликами явно готовясь к чему-то более жаркому, чем просто разговоры.

Глаза Никиты еще больше расширились, брови искривились. Он удивленно склонил голову на бок, оценивая ситуацию и участвующих в действе людей. То, что сейчас будет что-то интересное, он нюхом чуял. Иногда ему говорили, что у него есть хорошее чутье на драки.

Кстати, господа Чащин и Смерчинский и их слабый с виду дружок, были не одни. Перепуганной одногруппнице Ольги и Димы по имени Маша, в руку которой вцепилась испуганная белобрысая девица, путь из кафе преграждал еще один здоровый парень с растрепанными волосами, собранными в хвостик. Девушки застыли перед ним, правда при этом, как мог видеть Ник, первая, то есть, Бурундукова, что-то без устали кричит. Позади девушек торчала еще одна представительница женского пола — миниатюрная брюнетка в зеленом. Кто она и кто такая белобрысая, Ник не знал. Ему было, как говорится, фиолетово.

Из служебного входа кафе выбежал охранник — мужичок лет пятидесяти и приблизился, отчаянно махая резиновой дубинкой к парням, но рокеры его быстро нокаутировали, как будто бы только разогреваясь. Кажется, назревал серьезный конфликт, который мужики из вневедомственной охраны решат только через 5-10 минут, в зависимости от того, где сейчас находиться ближайшая машина — если их, конечно, сразу же вызвали официанты. Если же вызвали только ментов, то надо было приготовиться к тому, что ждать их можно бесконечно долго, а патрулей поблизости в этом тихом районе Ник пока не наблюдал.

— Вот черт, и на кого они нарвались? — хлопнул с силой по рулю ошеломленный Никита, чуть подумав, вытащил ключи из зажигания, машинально, а, может быть, и нет, засунул их в карман брюк, выбрался из «Джипа», кинув Нике пару скупых слов, чтобы она оставалась в машине, стянул зачем-то пиджак, случайно кинув его прямо в обалдевшую девушку, и побежал к арене разворачивающихся военных действий.

Четверо на четверых куда справедливее, чем четверо на троих, не так ли?

По крайней мере, так считал сам Кларский. Он видел, как Дэн и Дима продолжают препираться с парнями в брутальном то ли рокерском, толи «металлическом» прикиде. Ник не слишком сильно разбирался в субкультурах, да и вообще не слишком любил их многочисленных представителей. Однако первому по лицу двинули почему-то не им, а скромно молчавшему парню в очках — да так, что он упал на асфальт под вопли девчонок, путь которым до сих пор преграждал еще один парень в кожанке.

На самом деле Никита Кларский с детства ненавидел драки.

Ника во все глаза смотрела на начинающуюся драку. Она уже, было, вылезла из автомобиля, как в светлом салоне «Джипа» зазвонил телефон. Девушка машинально взяла его, не отрывая взора от того, как один из высоченных парней с длинными волосами сцепился с незнакомым ей парнем, вышедшим вместе с Дэном, и как последний тут же, и сам защищаясь от противника, бросился на помощь другу.

— Никки, — раздалось в трубке раздраженное и грубоватое. — Ты где, придурок? Все в «Венере» сделал? Уладил траблы, олень?

— А? — проговорила Ника в трубку. — Вы кто?

— А ты кто? — мигом насторожилась трубка.

— Я — Ника.

— Оу, да хоть Петунья Васильевна, — хохотнул обладатель грубоватого голоса. — Где Ник, девочка-припевочка?

— Драться ушел только что, — честно призналась девушка, видя, как Ник подбегает к компании любителей решать дела при помощи физической силы, и с ходу умудрился повалить одного из рокеров, с ноги ударив другого. Двигался он на удивление грациозно, как тигр, попавший в засаду к охотникам.

— На стрелку что ли? — удивилась трубка и грязно выругалась. — Где?

Ника послушно назвала адрес, глянув на угол ближайшего пятиэтажного здания. Хотя она и сидела в машине, ей все равно было страшно.

— Обалдел малой, уже в центре разборки устраивает, — зло произнес молодой мужчина. — Тут ребята поблизости есть, через пару минут подкатят, подсобят. Эй, девочка, — вдруг позвал он Нику, которая совсем не понимала, что происходит. Голос его стал мягче. А интонации обольстительнее, как у притворившегося котенком тигра.

— Что?

— Ты подружка малого?

— Чья подружка?

— Никки, чья. Он обычно ба… женщинам свой телефон в руки не дает, значит, ты его подруга. Я ведь знаю, что у него в последнее время кто-то появился. Как бы он не скрывал это от меня, — голос даже потеплел от чего-то и показался девушке интересным. — Не бойся, хочу с тобой познакомиться. На неделе организую.

Ника пробовала протестовать, но незнакомец бросил трубку. Она выбралась из машины, не выпуская из пальцев пиджак Ника, громко хлопнула дверью и зачем-то помчалась к месту основных действий, видя на лицах некоторых из участников нежданной драки кровь.

Никита, фаталист с задумчивым взглядом и руками со сбитыми костяшками, хоть и верил в Судьбу, но никак не мог предполагать, что она преподнесет ему один забавный сюрприз. О том, что его старший брат желает познакомиться с его первой официальной избранницей, парень узнал только в тот самый момент, когда этот самый брат привез Нику к ним домой. Произошло это почти через неделю.

— Не ходите за мной, посидите за своим столиком. Я сам во всем разберусь, — сказал Дэнни Инге и Ивану. Девушка, которая хотела пойти обличать подлую Машу вместе с братом, возмутилась, но Иван, глянув на серьезного и немного потерянного друга, взял ее за руку, оттащил за столик и даже заказал ей еще мороженое.

Ревность улыбнулась жутковатой улыбкой и взяла Дэна за руку. Они беззвучно подошли к нужному столику, оставив позади нервную Ингу и нахмурившегося Ивана, которым было действительно жаль друга, и остановились в паре метров от Чипа и Чащина.

А они не видели темноволосого и его полупрозрачную безумную спутницу, болтая о чем-то своем, когда как сам Смерч мог наслаждаться довольно милой картиной. И со стороны они действительно казались парой: парень в стильной одежде и доброй, искренней улыбкой, находившийся напротив веселой симпатичной девушки в лазурно-голубом одеянии, открывающим стройные ноги и точенные, еще не загорелые, плечи.

Маша сидела в полуанфас к Дэну, не замечая его и болтая ложечкой в вазочке с растаявшим мороженом. Косметика, украшения, милая прическа, босоножки — все это Дэн впервые видел на этой взбалмошной девчонке, которая частенько напоминала ему подростка. Она вела себя, как большой ребенок, и он старательно подыгрывал ей, потому что так было намного проще общаться. А как и с кем нужно правильно общаться знал, наверное, не сам Дэн, а его подсознание, или, может быть, гены и ДНК.

Молодой человек, не отрываясь, с внезапно нахлынувшей из солнечного сплетения нежностью, не слишком ему свойственной в последние пару лет, зачарованно смотрел на обладательницу голубого платья. Казалось, новый образ придал девушке изящество, которое раньше можно было принять за спортивность, задорность и в то же время кокетливость. Не явное и пошлое, присущее многим представительницам слабого пола, а то самое, которое так ценил в девушках Дэн: очаровательное, может быть, слегка неумелое, легкое, похожее на касание, взмахивающей крыльями, бабочки.

К тому же цвет платья пробуждал в душе Смерча давние, изумительные воспоминания, которые многие посчитали бы сентиментальным идиотизмом, а сам Денис бережно хранил. Ланде говорил ему, что он похож и на Петрарку, и на Данте — но не умением складывать божественные рифмованные строки, а умением ожесточенно (отдавая всего себя, в первую очередь) любить — умением не модным, не актуальным, практически неприсущим сверстникам парня. Но все же имеющем место даже в нашем мире и в наше время. Лазурный цвет очень о многом говорил Дэну — так уж получилось.

Наверное, в его взгляде было что-то особенное. Бабушка с тремя внуками-близняшками, сидевшая за соседним столиком, только головой покачала, увидев немигающие глаза симпатичного парня с темными волосами, и сообщила невестке, с которой ехидно беседовала по телефону:

— Вот, Карина, послала ты нас с детьми в это твое хорошее кафе, а тут наркоманы. Какие наркоманы? Откуда я знаю, какие. Вероятно, разные. Тот, что передо мной стоит — красивый и молодой. Где остальные наркоманы? Ну, знаешь ли, дорогуша, я за ними не смотрю. Где судьба их разброса… А-а-а, вон они как раз сидят, — заприметила пожилая женщина пятерых шумных молодых людей очень и очень неформального вида, сидевших в дальнем углу синей зоны. — Увидела. Другие, Карина, наркоманы волосатые, в кожаных отвратительных одеждах и мерзкие с виду. Мы сейчас с детьми докушаем и пойдем в музей Естествознания. Хоть бабушка займется их воспитанием. И больше мы в это твое «Чудо» ни ногой.

Дэн не слышал разговор почтенной леди в возрасте со своей невесткой. Он до сих пор не мог заставить себя отвести взгляд от Бурундука. Нет, Чипа. Вернее, Марии. Его девушки, в конце концов! А почему бы и нет? Он постоянно думает о ней, и хочет проводить время с ней, а, не с…, скажем, Никой. К тому же все вокруг, включая собственного деда, думают, что он влюблен в Бурундучка.

Но почему она сегодня так выглядит? Специально для несчастного влюбленного, а это не было огромной тайной для проницательного Смерча? С каких пор девочка одевается, как на лучшую и самую ожидаемую вечеринку в городе ради одногруппника, которого раньше не замечала? А что не замечала — Денис был уверен. Для нее существовал иллюзорный Ник, а потом появился он сам, господин Д.О. Смерчинский, во всей своей красе и вооруженный всем своим харизматическим убойным набором.

Ей совершенно точно нравилось прикасаться к нему (вчера Бурундучок вцепилась ему в плечи так сильно, что Дэнни стало немного больно, но все равно было невообразимо приятно чувствовать ее руки на себе) и нравилось целовать — парень это не просто чувствовал, он знал это. И сейчас бы он был не прочь забрать преобразившуюся девушку с собой и махнуть с ней куда-нибудь: на берег реки, или к нему домой, или в тот же отель. Уж тогда бы он точно не стал отвлекаться на телефон.

Когда Маша звонко рассмеялась, глядя в лицо довольного Димы, а потом ловко засунула ему в рот кусочек пиццы, в собственническом сердце парня что-то оборвалось. Пожилая женщина только пальцем у виска покрутила: мол, стоит тут уже пять или даже десять минут, как столб дорожный, и не моргает почти, даром, что Высшие силы его яркой внешностью наградили, дуб дубом.

Ревность вновь коснулась губ Дэна своими полупрозрачными алыми и невероятно холодными губами, как будто бы перед этим целовала могильную плиту, и в его приоткрытый от удивления рот она с особенной нежностью вдохнула серебряное облачко, представляющее собой опасный коктейль чувств, приготовленных Ревностью на досуге. Обида, злость, непонимание, оскорбление, страх… Все это смешалось в серебристом облачке, которое тут же скользнуло в пищевод, подобно глотку воды, а затем оказавшись в желудке, немедленно всосалось в кровь, делая ее все горячее и заставляя густеть. Вскоре все эти эмоции прочно обосновались в сердце, опутывая его светло-серыми нитями, под каждой из которых немедленно образовывался ожог.

Дэн, естественно, не знал, что происходит внутри него и, по обыкновению, отогнал от себя непонятно откуда взявшуюся злость, и только клыкасто-ушастая Вина, ставшая похожей на помесь совы и летучей мыши с каким-то милым монстриком из адских горнил, видела госпожу Ревность.

А Смерч видел своего глупого Бурундука, внезапно повзрослевшего и еще больше притягивающего его, того, кто и сам был отличным магнитом!

— Иди, — шепнула Ревность ему на ухо и провела когтистой ладонью по его лицу. — Иди.

И он пошел.

Кажется, его появление вызвало за столиком Чащина и Маши настоящий фурор. Они были удивлены — и это слабо сказано! В черных глазах Дмитрия появилась вполне предсказуемая злость, в глазах девушки — опасение.

— Машенька, как ты здороваешься со своим почти что женихом? — сразу обозначил парень

свои права на Чипа и дружелюбно, как старому другу, улыбнулся Димке. Дэн, повинуясь шепоту Ревности, тут же захотел поцеловать глупую девчонку, чтобы еще и действием показать сопернику, что вообще-то тот сидит за столиком с его девушкой и поэтому может ни на что не надеяться.

Однако наклонившийся Смерчинский неожиданно получил ложкой по лбу от самой Машки и вновь замер, теперь уже обалдев сам.

Опасение, спрятавшееся в глазах Бурундука немедленно подтвердилось вербально. Веселым, но напряженным голосом девушка предложила Чащину убегать, а Дэнв привык любое сказанное слово анализировать с точки зрения «в каждой шутке есть лишь доля шутки» и «каждое произнесенная фраза содержит в себе тайные намерения или страхи объекта».

— Маш, ты что несешь? Куда бежать? Лично я — я никого не боюсь, — ответил Дима, не сводя мрачных глаз с незваного гостя.

— Да я так, Чащин. Я просто испугалась, что Дэн ревновать начнет. Но вовремя вспомнила, что у нас отношения… свободные, — смущенно отозвалась она и широко улыбнулась Денису, недоуменно поднесшего пальцы к испачканным неровным прядям челки.

— А они у вас свободные? Ты не шутишь? — изумился Дмитрий, как маленький мальчик, которому добрый маг продемонстрировал самое настоящее волшебство.

— Нет… — Маша перевела виноватый взгляд на Дэнва и сказала осторожно, — Смерчинский, то есть, милый, прости, у меня рука дернулась.

Пока Маша с интересом и все с тем же смущением, прячущимся в уголках светло-карих глаз, глядела на результат собственных действий, то есть на грязные волосы своего «любимого», Димка взял себя в руки, вытащил из салфетницы ярко-синюю бумажную салфетку с логотипом кафе и несколько небрежно протянул ее Дэну. Тот, не растерявшись, протянул руку для рукопожатия, и Димке пришлось спешно положить салфетку назад, для того, чтобы пожать ладонь Денису. А потом вновь подавать этот «дрянной аналог туалетной бумажки», как назвал русоволосый про себя ни в чем не повинную салфетку.

Смерчинский кивнул, уже вполне владея собой, и уселся на один из свободных стульев. Ревность грациозно опустилась рядом, так и не отпустив его руки. Так они и остались сидеть вчетвером.

— Ты здесь откуда? — спросила любопытная Маша. — А?

— Да, — вставил и Димка, — что, следишь за своей девушкой? Не доверяешь? Боишься, что изменит?

— Точно, солнышко, не делай этого. Не изменяй мне. Я расстроюсь и сойду с ума. Тогда твоей доброй душе, котенок, придется действительно быть со мной всю жизнь и кормить с ложечки, — отозвался с дежурной улыбкой «Обаяние N 5» Дэнни.

— Зайка, не называй меня котенком, — кинув смущенный взгляд на Димку, огромными глотками пьющего сок и глядящему в собственную тарелку, произнесла Маша. — Называй меня по имени.

— Было бы круто сказать: хорошо, котенок, но это все же слишком банально. Кстати, я прощу тебя за твою выходку с ложкой только в том случае, если ты подаришь мне поцелуй. Идет?

Смерчинский имел одну очень удобную способность: одновременно говорить и размышлять, анализировать и обдумывать ситуацию или ход действий. К тому же он практические всегда мгновенно принимал решения: какими бы сложными они ни были.

Тут же вспомнился голос, который он слышал в последний раз давным-давно:

«Он такой подвижный! Можно сказать, и телом, и умом! Активный такой, жизнерадостный, и о-о-очень любопытный!».

И второй, который навсегда остался в памяти:

«Я не успеваю за тобой, но все равно люблю. Мне идет это платье?».

Денис тут же отогнал от себя некстати залезшие в голову голоса-воспоминания и полностью переключил внимание на Марию. Совершенно некстати перевел взгляд на ее ножки, мысленно вздохнул и положил руки на стол, чтобы ненароком «случайно» не коснуться ее колен.

— Не идет, — заартачилась девушка в лазурном платье, которую ему хотелось обнять, как и вчера, под дождем.

— Или это сделаешь ты, или это сделает он, этот сопляк, — тут же согласилась Ревность, постукивая когтями по бокалу, в котором плескалась огненная текила.

— Да… Ты сегодня ослепительная, — сказал Дэн, отмахнувшись от Ревности и глядя на Марию с ободрением. — Отличный наряд. Ты и он — гармония. Сама подбирала, Чип?

— С мамой, — покачала она головой, и Дэн теперь убрал руки в сторону, чтобы не коснуться ее волос. Что-то ему подсказывало, что ей не понравится, если он будет портить ее воздушные локоны.

— Скажи своей маме, что у нее замечательный вкус, — только и сказал молодой человек.

— Сам скажешь.

Смерчинский исполнил ее желание этим же вечером. Вера Павловна очень любила комплименты.

— Ты, правда, красивая, как ангел, — Дэн послал Чипу необычный воздушный поцелуй: коснулся губами кончиков своих пальцев, а потом дотронулся ими до ее щеки. Маша, совершенно неожиданно для нервного Димы, тепло улыбнулась Смерчу.

— Сегодня я сравню тебя с радугой над водой: яркая, появляется внезапно и притягивает к себе взгляды не только яркостью своих цветов, но и их отражением в водной глади, — задумчиво произнес Лаки Бой обворожительным бархатным голосом. — Видишь, до чего ты меня довела: не могу оторвать от тебя взгляда, моя маленькая. Я требую поцелуй!

Чащин только фыркнул.

— На, откушай, — угостила Дэна добрая Маша кусочком пиццы под названием «4,5 сыра», на самом деле преследуя цель заткнуть словесный фонтан Смерчинского, который ее немало смущал. И перед Димкой ей отчего-то было неловко, как будто бы он стал свидетелем слишком личной сцены.

— Спасибо. Но думаю, что я сейчас что-нибудь закажу себе, — отказался парень. Проходящая

мимо него девушка-официантка услышала его слова и тут же оказалась рядом. Дэн по памяти (он пару раз бывал в этом кафе) выбрал себе завтрак, удивив в который раз присутствующих, а Маша, пришедшая в себя, наконец, обратила внимание на его слегка помятый внешний вид:

— Чего ты такой уставший, как будто бы мешки с углем таскал всю ночь? И глаза блестят подозрительно, — в голосе ее переплетались интерес и откуда-то взявшаяся абсолютно женская тревога. — Мало спал?

— Много пил? — буркнул Дмитрий, продолжая изучать свою тарелку.

— Он не пьет, — отозвалась Чип тут же, словно в этом была ее личная, бурундуковская, заслуга. — Ну, Смерчинский, алло? Прием!

— Не спал всю ночь, — признался он, глядя на девушку взглядом романтика, понявшего, что он — новый Ромео поколения NEXT.

— И что делал? — удивилась девушка, прищурившись и подозрительно уставившись ему в глаза. Смерчу тут же на ум пришло сравнение Машки и серо-бурого бурундучка, который, заглянув в свою кладовую, обнаружил там в очередной раз пропажу орехов, и теперь обеспокоился — кто же его нагло обворовывает?!

Ревность по-мужски сняла и приподняла элегантную черную шляпку с серебряной вуалью:

— Отличное сравнение с девушкой, которая нравится.

— В клубе был, — взглянул на Марию лукаво Дэнв, подперев рукой подбородок. Рассказывать, как и с кем он провел время, брюнет не собирался. Да и спать ему тоже пока не хотелось. Зато нравилось смотреть на новую Бурундучку, — так, кажется, называла ее Анька.

— Во-о-от оно что-о-о, — эта информация не совсем понравилась Марии. — И что ты там делал, котеночек?

— Танцевал, рыбка.

— С кем, пушистик?

— Один, ангел мой.

— Точно один, моя прелесть?

— Совсем один, принцесса. Но видел тебя рядом с собой, — про то, что он видел в Нике ее образ, парень не лгал.

— Ты? И один? Не смеши мои плюшевые панталоны! — скептически искривив губы, накрашенные хорошей водостойкой помадой, ответила Мария. — Да ты со всеми девк… девушками там зажигал. И не только зажигал! Да, умник?

Смерч хлопнул себя по коленке и засмеялся. И даже Димка заржал. Машины слова про панталоны обоих парней изрядно развеселили.

— К этому наряду больше стринги подходят, — заметили они едва ли не хором.

— Молчите, — велела им Бурундукова, сверкнув глазами, как обиженная на хозяина кошка. Ей не понравилась реакция собеседников, вернее, она немного смущала. — Может, вам их еще и

показать?

Оба молодых человека действительно замолчали, внимательно оглядели Машку, а потом опять захохотали.

— Психи, — шумно выдохнула она, расправляя на платье несуществующее складки.

Какое-то время Дэн с совершенно честными глазами убеждал отчего-то разгневавшуюся Марию в своей честности. Чащин взял тайм-аут и сидел задумчивый, как Бог перед сотворением мира. Затем к ребятам подошла с подносом официантка. Смерч, по традиции, заказал на всех большую, горячую, только что приготовленную пиццу и десерты. Диму это обозлило, но сдержался и не подал вида.

— Приятного аппетита, — улыбнулась работница «Чуда» посетителям и пошла к следующему столику, за который пришли новые посетители: компания девчонок. Чтобы дойти до них, девушке пришлось идти обходными путями. Дело в том, что в углу, у стойки бара, бушевала небольшая, но крайне заметная компания парней-рокеров. Они, размахивали бутылками с пивом и что-то бурно обсуждали не без использования ненормативной лексики. Официантке, которую не слишком трезвые длинноволосые личности успели пару раз хлопнуть пониже спины и отвесить сальные шуточки, не хотелось проходить мимо них вновь.

— Нет, серьезно, как ты тут оказался? — вновь не выдержал Димка. Что-либо есть он отказался, заявив, что сыт.

— А ты как думаешь? — серьезно спросил Дэн и посмотрел на парня, ожидая услышать хоть одну версию.

— Думаю, ты все-таки боишься, что Бурундукова тебя кинет. Да, я так думаю, — с нотками мальчишеского чувства собственного превосходства, произнес Чащин.

— Забавно. А, знаешь, Гаутама Будда, тот самый, который был одним из основателей буддизма, говорил: не доверяйте догадкам. Тем самым, которые фактами не подкреплены, — с удовольствием откусил кусок от пиццы Смерч.

— Да он, наверное, много чего говорил, твой Гаутама, — беззаботно отозвался Димка.

— Много.

— И все не в кассу.

— Может быть.

Чуть помолчав, Дмитрий под моим сердитым взглядом добавил:

— Ну прям как ты, парень. Ты не инкарнация ли этого Гаутамы?

Вместо ответа на эту реплику, Смерчинский по памяти процитировал еще одно древнее индийское высказывание, и делал это с таким непринужденным лицом, будто бы читал стих Пушкина, а не мудреные слова неизвестного восточного философа.

— «Как на куче мусора, выброшенного на большую дорогу, может вырасти лотос, сладко пахнущий и радующий ум, так ученик поистине просветлённого выделяется мудростью среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору». Я в тебя верю, парень, — сказал

mir-knigi.org

Дэн, вспоминая 58–59 строфы Дхаммапады и продолжая свой поздний завтрак. Ревность не ела, а сидела рядом, удерживая его за локоть, и парень время от времени бросал на Чипа странные взгляды. По крайне мере, в процессе разговора он выяснил, что она оделась так не из-за Чащина, а из-за вечернего праздника в семье.

— Ты меня с кучей сравнил что ли? — нахмурился Дмитрий. Ревность с улыбкой заметила, как искра внутри него все больше превращается в четную всепоглощающую Черную дыру.

— Нет, с лотосом, — отозвался Денис. У него зазвонил телефон, и молодой человек, извинившись, встал из-за стола. Он все же не выдержал, подошел сзади к Марии, коварно утаскивающей из его пирожного клубнику, и легко приобняв ее, поцеловал в макушку. Димка чуть не лопнул от злости, но промолчал.

Головастики млели, дружно изображая радугу, и порывались написать дифирамбы Дэну, к которому тянулись всей своей одной общей душой.

Орел недовольно косился куда-то в сторону четвертого пустующего стула, и изредка точно таким же взглядом одаривал синеглазого парня, как будто бы тот был добычей-ящеркой.

А я не знала, злиться мне или радоваться.

Нежданно-негаданно мальчик-ветер порадовал нас своим присутствием. Чуть не довел меня до инфаркта своим, честно признаюсь, эффектным появлением! Он то ли испортил нам дружеские посиделки — по крайней мере, Димыч больше не был таким веселым, то ли, напротив, осчастливил своим присутствием и, конечно же, щедростью. Сердце вроде бы радовалось — вот он, мой личный партнер и все такое, а с другой стороны, я чувствовала, как между ним и Чащиным сгущается атмосфера. Точно также общались в подростковом прошлом Федька и папин крестник, когда мы все были на Дне рождении одной девчонки, которая, по ходу, Федьке нравилась. В конце концов, Федька и этот пацан подрались и «убили» праздничный торт, бухнув его прямо на именинницу.

Странная ситуация у нас складывается. И как меня его дружки тут «выследили»? Неужели случайно заметили и тут же доложили своему «идейному вождю»? Но, мы же, вроде, как ненастоящая пара, значит, Дэн не должен был приезжать сюда. Или он просто и дальше продолжает играть «на публику». С ума сойти, коварный какой. И футболка у него такая прикольная, плечи так мило обтягивает. Я вновь едва заметно улыбнулась. Он даже под дождем умудрялся быть теплым и греть меня, как будто бы это не я была его Клубничной феей, а он моей.

Смерчинкому, гаду, кто-то позвонил, и он смылся от нас. Я облегченно вздохнула. Честно сказать, я чуть не умерла, когда увидела Дэнни над собой. А когда треснула по голове ложкой, у него такой взгляд стал странный, что, на мгновение, мне показалось, будто у него белки глаз покраснели, а лицо, напротив, побледнело.

Зато… как я и недавно хотела, он увидел меня в таком наряде, и стыдно признаваться даже самой себе, мне очень понравилась его реакция! Неужели я, всего лишь напялив другой наряд и накрасившись, выгляжу совсем иначе?

— Мда. Принесло же моего любимого нежданно-негаданно. Маша в ауте. Эй, Чащин, у тебя Интернет есть в мобиле? — спросила я парня.

— Есть, — процедил одногруппник сквозь зубы. Недовольный, как индюк, которому подошла

очередь почтить вниманием суп, так сказать изнутри.

— Дай сюда, будем Смерчинскому мстить. Обнаглел уже в конец своими умными фразочками! Специально их учит, что ли? — и я самым наглым образом отобрала у Димки его сотовый. Залезла в «Гугл» и набрала там что-то вроде «буддистские афоризмы»

— Сейчас что-нибудь умное найдем и тоже покажем, что не лыком шиты. Вот. «Как дождь пронизывает крытый соломой домишко, так и похоть проникает в неразвитый ум», — процитировала я громко одну из найденных фраз. — Запоминай, Димка. Похоть и неразвитый ум — это как раз про нашего общего друга.

— Мне он не друг, Бурундукова, а тебе парень, — по-моему, одногруппник считал, что я занимаюсь не его защитой, а ерундой.

— Не придирайся к словам, — примирительно отвечала я.

— И как я ему должен про похоть сказать? Спросить, не хочет ли он перeп… уединиться с девушкой? — фыркнул парень.

— Ну хоть это спроси. Он ответит «да», а ты ему с умным видом эту фразу скажешь, — отозвалась я.

Димка нагнулся ко мне, посмотрел прямо в глаза и сказал тихо:

— Маша-Маша, глупая ты.

— Наверное, — я пожала плечами, — я просто хотела помочь, потому что Денис иногда тупит и говорит ерунду. А ты, хоть и изрядная мартышка, вроде как мой друг, а я не люблю, когда моих друзей обижают. Это неправильно. Хотя ты тоже виноват, — добавила я ради справедливости. Если что, можешь ему врезать, а то он ведет себя не так дружелюбно, как всегда.

Димка хотел что-то сказать, но в это время вернулся Дэнни, и он только телефон на стол отбросил, и все. Чего-то с ним не то. Люблю всяческие перепалки и все такое, но сегодня мне хотелось, чтобы эти двое сидели тихо-мирно! Какие у меня последние сутки сумасшедшие, однако…

— Так почему вы тут встретились? — через какое-то время начал задавать вопросы брюнет радостным тоном человека, который встретил старинных друзей.

— Просто так, — отозвалась скучающим голосом Маша. — Димка мне очень помог. Принес потерянную мной тетрадь по английскому, где у меня домашка была списа… сделанная. Хм… я ее много часов делала, обложившись словарями.

— Вот как? — поднял задорный взгляд на Димку Дэн. Тот сунул руки в карманы и криво улыбнулся Смерчу. Боже, неужели это еще один человек, кроме меня, на которого обаяние Смерчика не всегда действует?

— Да. Это ему моя благодарность, но раз ты тут, ты и будешь платить, — обрадовала я Смерчинского. Тот только кивнул. Человек-щедрость.

— Я сам заплачу, — поморщился мой однокурсник, ведущий себя крайней вредно. Если бы я точно не знала, что этот парень-приколист никогда мною не заинтересуется, я бы решила, что он ревнует. Но нет, не думаю, что это могло бы когда-нибудь случиться. К тому же у него есть

девушка — кто-то типа Тролля, пушистый и элегантный.

— Давайте чуть позже этот вопрос решим?

— Так как ты тут оказался, Смерч? — поинтересовался вновь одногруппник.

— А мне позвонили друзья и сказали, что мое нежное солнышко мне коварно изменяет. Я приехал. Дим, почему ты выбрал именно это место? — полюбопытствовал Дэн внезапно, оглядывая помещение. При слове «друзья» я аж дернулась. Заранее терпеть не могу всех этих шляпников-шпионов.

— А какая разница? Потому что оно мне нравится, — отозвался Чащин и, подумав, добавил. — Здесь уютно в меру и есть вкусные блюда. Особенно с сыром которые. Маше паста с сыром понравилась, — добавил он зачем-то. Я тут же кивнула. Маше вообще многое нравится. Особенно на халяву. А кафе, кстати, действительно, было милым и, как говорится, «атмосферным». Единственным темным пятном в этом светлом, вене, сине-желтом, месте были радостно вопящие, ржущие и бухающие рокеры. Что их сюда принесло — не знаю. Пошли бы лучше в какой-нибудь кабак, так нет, тоже в цивилизацию хотят. Или кабаки в это время пока закрыты и откроются ночью?

— «Сырное и ледяное чудо»… А ты сыр любишь? — полюбопытствовал Смерч.

— Ну да, а что? Это запрещено, что ли?

Дэн хлопнул Димку по спине и рассмеялся:

— Бурундук, в нашем полку прибыло, — и театральным полушепотом произнес, заинтриговав меня. — Знакомься, Рокфор.

— Кто-кто? — чуть не подавилась я от неожиданности.

— Рокфор. Роки. Усатая австрийская мышь, которая в «Чипе и Дэйле» была без ума от сыра, — тоном, которым можно было бы мультики озвучивать, добавил Денис. — Назван в честь знаменитого сыра с плесенью, воспитан кенгуру, сыр же, кстати, любит безмерно и своего друга Вжика тоже… любит.

Я рассмеялась, но, посмотрев на слегка окаменевшее лицо приятеля, замолчала. Куда он сегодня свое чувство юмора потерял?

— Парень, оборзел? — вроде бы в шутку, но с недобрыми глазами, спросил Чащин-Рокки. Быть «сыроманом» ему, похоже, не улыбалось.

— Ну, сам посуди, Мария — Чип, я — Дэйл…

— Тот самый бурундук-идиот в гавайке, который все портит, — вставил второй парень тут же.

— А ты Рокфор.

— А Гайкой будет Князева, — ляпнула я.

Дмитрий несказанно удивился, как только я произнесла фамилию Гоблинши. Хм, вроде если я не буду претендовать на Ника, я не должна испытывать к ней неприязнь, но, по-моему, от нее мне будет труднее избавиться. Ну не люблю я ее, и все тут!

— А она здесь при чем, Бурундукова?

— Похожи они. Блондинка, волосы длинные. И вообще, она меня еще в мультике раздражала, — отозвалась я тут же. — Чип с Дэйлом за ней бегали постоянно.

— А тебя что, Оля раздражает? — вновь заинтересовался этим животрепещущим фактом Димка.

— Нет, — отрезала я. — Я от нее без ума. Жизнь за нее отдам.

— Она просто ревнует ее ко мне, — спокойно отреагировал на изумление Чащина Сморчок. — Мы с Олей с детства знакомы.

— Даже так? — еще больше поразился Димка.

— Да, а ты, говорят, хорошо знаешь Никиту?

— Какого еще Никиту?

— Кларского, с эконома.

— И что? — слегка напрягся Димка. Я удивленно посмотрела на него

— Как что, — невозмутимо продолжал Дэнни, — Вжиком будет. Мелкой мухой. Вот и команда нам подобралась.

— Слушай, Смерчинский, — непонятно чего обозлился еще больше мой одногруппник, — заткнешься уже?

Мой якобы парень с вызовом посмотрел на приятеля и согласно кивнул головой.

— Вот и отлично. Давай, ешь, и проваливай. Я заплачу. Оставь нас в покое, Смерчинский. Без тебя было куда лучше, — с вызовом произнес Чащин.

Искра окончательно превратилась в Черную дыру.

Орел решил убраться, куда подальше от двух гигантов и очутился на барной стойке. Рядом примостилось полусова-полулетучая мышь. Орел неодобрительно на нее покосился, но гордо промолчал. Летают тут всякие, смотрят, изучают…

— Что ты мне сказал?

— Я сказал…

Я, чтобы разрядить обстановку, решила все же «поблистать» своим знаниями афоризмов и повернулась к Смерчинскому, который, как оказалось, может и психовать: он при словах Димки, который, к слову сказать, недавно кидал свой телефон, так отбросил вилку, что она перелетела через стол и упала на пол с бодрым звоном.

— Смерчик, тебе секса хватает? — выпалила я громко. Какая-то бабка, сидевшая в окружении трех одинаковых на лицо пацанов, только покачала головой и начала тараторить что-то в трубку сотового телефона. Девушки рядом прыснули.

Сейчас он скажет «да» и я ему расскажу про пошлость.

— А что, девочка, — медленно перевел на меня слегка затуманенный взгляд темно-темно синих глаз Дэн, — согласна пойти со мной и изменить дефицит на профицит?

— Эй, не хами! — окликнул его Димка тут же, пока я беззвучно и, вероятно, комично, открывала рот. Нехорошие слова вертелись у меня на языке, но озвучивать я их отчего-то не могла. Хм, другой наряд и все — не могу, как следует за себя постоять. Только ноги в туфлях с непривычки затекли и ноют слегка.

— Это моя девушка. Ты что, запретишь нам…. — Смерчинский, предпоследний подонок (первым все-таки будет кто-нибудь покруче, кто-нибудь из тех, кого Сатана на первом круге ада пожирает, согласно версии Данте) не договорил. А ведь я уже готовилась к активным действиям со своей стороны.

Где-то сзади вновь раздался взрыв смеха — нет, настоящего гогота. Может быть, именно это и спасло меня от просмотра увлекательного кинофильма в режиме онлайн под названием «*Разборка обладателя черного пояса по тэквандо Дэна и мастера айкидо 10-го дана — Дмитрия».* Ехидны-головастики тут же написали это на большом растяжке-плакате.

Но эти пьющие рокеры, сами того не желая, все отменили, заставив пару ушлых головастиков, уже поставивших на победителя, отказаться от ставок. Эти здоровенные парни захохотав, что-то прокричали, и Дэн вдруг оглянулся. Его темно-коричневые брови чуть сдвинулись к переносице, а глаза слегка прищурились. Он зачем-то поднялся с места.

И я, начавшая было читать отповедь, и Димка, говоривший Смерчу что-то нелицеприятное и, может быть даже, матерное, и поэтому, не замечающий ничего вокруг, заткнулись и, молча, уставились на брюнета. А он, медленно махнув нам рукой, мол, подождите, ребята, я сейчас, развернулся, и за пару секунд преодолев едва ли не добрую половину зала. Он оказался около двух сдвинутых столиков, за которыми пировали с пивом и портвейном, вероятно, принесенным самостоятельно, те самые шумные ребята-рокеры, которым даже охранник делал замечания очень вежливо и тактично.

Уж не знаю, что принесло этих парней в такое цивильное место, и что они там праздновали, но нефоры не только ржали на всю округу, но и умудрились поймать за руку миловидную брюнетку лет восемнадцати в летнем зеленом брючном костюме и усадили ее к себе на колени, несмотря на все протестующие и гневные выкрики девушки.

— Кажется, девушка с вами не хочет сидеть, — обратился приятным голосом к рокерам Дэнни, приближаясь к их столику.

— Че ты сказал? — тут же осведомились у него нестройным хором.

Я от ужаса аж застыла. Подозревала, что Дэнни — дурак, но не подозревала, насколько у шикарная шиза властвует над его мозгами. Вероятно, она поссорила его полушария между собой, и теперь он вытворяет такие глупости.

— Парни, это девушка. Думаю, не стоит с ней грубо обращаться, — продолжал он довольно дружеским голосом.

— А как с этой малышкой нужно обращаться, ты, попугай? — зло спросил самый высокий из них, на чьих коленях девушка и имела честь сидеть, вернее, пытаться с них сползти. Вид, если честно, у нее был испуганный. — Объяснишь мне?

— Вот черт, Смерчинский — задница! — вскочил и Димка, увидев эту великолепную картину

маслом.

«Нет!», — истошно завопили письменами на всех языках мира мои головастики. В смысле, они были согласны с тем, что Дэн — совокупность двух отважных полупопий, просто они, как и я, не хотели, чтобы там еще и Димка пострадал!

— Ты-то куда? — вцепилась я ему тут же за пояс сзади. Парень остановился и оглянулся на меня. — Не лезь, пусть его одного побьют! Чащин, эти ребята сейчас ему точно врежут! Ты посмотри на них, — с горящими глазами тараторила я, действительно испугавшись. Вот за брата я никогда не боялась, потому что он действительно сильный, а вот за этих двоих — испугалась. Особенно за Дэна — Димка-то точно хоть пару раз в жизни нормально дрался на улице, а этот подсолнух с шоколадными волосами, взращенный в солнечной теплице, скорее всего, нет! Он ведь говорил, что не любит дела кулаками решать. Не признается же прямо, что слабак!

— Маша, отцепись, — отвечал резковато Димка. Его душа уже была там, около начинающих наезжать на Смерча рокеров. А эти ребята, похоже, имели неплохой опыт в драках — с такими то кровожадными харями! Или они просто выпили лишнего? Чертово кафе! Как этих алкашей вообще сюда пустили? И где охрана?

— Да отцеплюсь-отцеплюсь! Чащин, иди, извинись и уведи Смерчинского оттуда! Сделай что-нибудь. Они его убьют на фиг. Он же на них бросился, как шавка императрицы на стадо боевых слонов… — взмолилась я. — Защити Дэна!

Вот ведь он идиот, надо ведь сначала противников оценивать (это мне еще Федька говорил!), прежде, чем бросаться в его объятия, сломя голову!

— Что шавка — согласен, — было мне ответом от одногруппника. И он все равно свалил. Спасать, наверное…

— Чащин, ты куда поперся? Блин…

Мне не оставалось ничего другого, как тоже броситься за этими двумя рыцарями, не читавшими, наверное, «Дон Кихота» и не знавшими, сколько тот из-за своей доброты натерпелся — мне его в детстве до слез жаль было, между прочим!

Двое из рокеров, облаченных в кожанки с заклепками и шипами на плечах и рукавах, с угрожающими ухмылочками на не совсем трезвых лицах, подошли вразвалочку к Смерчу. Остальные пока что оставались сидеть, развалившись на стульях, словно барин в своей светлице, и глазели на умника, решившего защитить девицу в зеленом костюме. Она кстати, успешно свалила от длинноволосых, внимание которых к себе привлек излишне дерзкий Дэнни. Да… они ему сейчас точно накостыляют.

«Ой, беда, беда. Че делать будем?», — осмелился «пошутить» особенно умный нежно-салатовый в фиолетовую крапинку головастик, но братья-коллеги утащили его куда-то в закрома головы.

Когда я близко подбежала ко всей этой честной компании, на которую уставились едва ли не все посетители и персонал, один из рокеров положил Дэну руку на плечо, а второй что-то ему говорил — опять же очень нецензурное, что в переводе на нормальный язык звучало бы примерно так: «Дорогой господин Хороший. Мы не знакомы ни с вами, ни с вашей достопочтенной матушкой, ни с прочими уважаемыми вашими родственниками, поэтому, будучи посторонним джентльменом, вы не должны вмешиваться в наши сугубо личные дела,

связанные с затейником-амуром и его странным свойством влюблять друг в друга совершено разных людей с первого взгляда. Но если вы не понимаете наших благоразумных доводов, и будете продолжать гнуть свою линию и в дальнейшем, то нам не останется ничего другого, как пожаловаться на вас и ваше самоуправство в местную ратушу, или, в самом крайнем случае, дать вам достойный и невероятно честный отпор на дуэли».

Дэнв, дослушав все это со спокойствием, воистину достойным самого Темного Лорда, довольно-таки резко сбросил руку парня. А затем, склонив голову, тоже что-то заговорил, но Ветерок делал это очень тихо, и что-то он там болтал, я не расслышала, хоть и стояла, взволнованная, с орущим от страха сердцем, прямо за его спиной. Его лица я не видела — однако заметила, с каким неожиданным задором и яростью блеснули глаза Смерча, обернувшегося к сосредоточенному и сердитому Чащину, похожему на готового к прыжку взъерошенного зверя. Все, Димка — оборотень! Оборотень-бобер, например.

Мой одногруппник речь Смерчинского слышал и теперь кивал в подтверждение его слов с нагловатой улыбочкой, которая появлялась у него в моменты злости или сильнейшего раздражения.

Рокера, видимо, насмешливые слова Дэнни и мимика Димы так впечатлили, что он, недолго думая, рванув на себе куртку на манер выпивших слегка десантников (она оказалась расстегнутой), сбросил ее на пол, едва не наступив на шипованый рукав тяжелыми ботинками со шнуровкой, а потом заорал, как оскорбленный ехидным Аидом Зевс-Громовержец:

— Я тебя сейчас укатаю, сука, за твои слова! И твоего дружка в ад пошлю.

— Попробуй, малышка, — отозвался Дэн таким непринужденным тоном, как если бы разговаривал со своей подружкой, проснувшейся с ним утром в одной постели. — Я буду не прочь увидеть это.

— А мне и пробовать нечего, урод Nзапрещено цензуройN, — сделал шаг вперед обозленный длинноволосый парень, подходя вплотную к спокойному Смерчинскому. — Я тебя сейчас Nзапрещено цензуройN, а потом на хрен Nзапрещено цензуройN…

— Эй, — толкнул локтем в бок Смерча Димка, — Nзапрещено цензуройN так девочка наша беседует. Сразу видно, интеллигентная малышка.

— С такой деткой так и хочется уединиться где-нибудь, — не стесняясь, Дэн небрежным жестом ценителя женской красоты, коснулся кончиками пальцев длинных темных волос рокера. Красивые, кстати, волосы, до середины спины, не грязные и не спутанные, как это обычно бывает у парней, решивших выделиться прической, а гладкие и густые, волосок к волоску. И сам парень ничего так… И фигура просто отличная! Злой только очень.

— Я тебе сейчас щи на ноги натяну, Nзапрещено цензуройN тупой! — пообещал оскорбленный парень, крылья носа которого уже раздувались от злости, и этому немало способствовал алкоголь. Было видно, он едва сдерживается, чтобы не ударить Дэна прямо здесь и прямо сейчас. Но пока что он ограничился только тем, что ткнул ему кулаком в солнечное сплетение.

— Сделай его, Скайд, — поддержали парня его друзья.

Персонал и прочие посетители продолжали загадочно отмалчиваться. Парни, что были в «Чуде», делали вид, что жутко заняты, старательно отворачивались (двое мальчишек лет семнадцати, которые сидели, уставившись в ноутбук, даже выскользнули за дверь, решив, что им тут делать нечего), и не спешили помочь разрулить ситуацию. Охранник, щуплый мужик

лет пятидесяти с гаком, маялся около ребят, не решаясь активно встревать в разговор, а его окриков: «Молодые человеки! Молодые человеки, разбирайтеся в другом месте!», никто не слышал. Основной персонал кафе был представлен девушками и женщинами, поэтому от них тоже не ожидалось никакой особой подмоги. Пара из них, кстати, прервала молчание и тоже что-то кричала насчет того, что кафе — не лучшее место для драк. Особенно их кафе.

— Мы милицию вызовем! — пообещала женщина в деловом костюме, вероятно, менеджер заведения. — Молодые люди! Немедленно успокойтесь! Прекратите! Вернитесь на свои места.

Кажется, парням, в эти минуты не было никакого дела до какой-то там полумифической и еще не вызванной милиции. Между ними, беззвучно хохоча, летало взрывоопасное напряжение, готовое от любой вспышки гнева трансформироваться в самую настоящую драку. Теперь уже все парни-рокеры стояли напротив Дэна и Димки, готовые проучить их за дерзость и хамство. Брюнетка в зеленом костюме их уже не интересовала ни каким образом.

Вот черт!

Я стояла, заламывая от бездействия руки — только не трагично, патетично и красиво одновременно, как героиня романтических фильмов, а нервно и с таким выражением лица, словно меня посадили в клетку к тигру. Пятеро на двоих! Металлисты моих дураков растопчут сейчас!

— Смерчинский, не смей драться! Димка, скажи ему! И тоже не смей драться! — попробовала я остановить Дэйла и Чащина-Рокки. Ненавижу чувствовать себя никчемной.

— Маша, уйди, не мешайся, — обернулся на меня Димка. Дэн вообще не расслышал — в этот момент ему не без помощи все тех же матов грозили жестокой физической расправой. К моему удивлению, он отвечал примерно на таком же уровне, только не агрессивным громким тоном, а тоном все того же хорошо воспитанного Темного Властелина, в уме уже убившего противника и приготовившего из него жаркое. Мой Смерч — подумать только! — владел абсцентным словарем на очень приличном уровне. Вот дает!! Надо его остановить…

«Не подходи ближе!!!», — враз стали очень здравомыслящими мои головастики.

Но смелая я не послушалась их и оказалась совсем рядом, с напряженно застывшими парнями, прямо напротив озлобленных и нетрезвых рокеров. Коснувшись предплечья Смерча и почувствовав, как сильно напряжены мышцы его руки, я чуть не взвыла. Сходила в кафе, называется!

— Дэн, успокойтесь, — жалобно произнесла я, когда он машинально обернулся на меня, — пойдемте отсюда! Они же тебя покалечат. Я сама за всех заплачу… Пойдемте! Дим, прекрати на них орать.

— Так, Чип, немедленно отойди, — прошептал мне срывающимся голосом Денис. — Я кому говорю, уходи. Тебе здесь не место. И закрой ушки.

Он наклонился, поцеловал меня в нос и ловко развернул назад.

— Что, вас девка защищает? — заржали парни в кожанках, увидев меня.

— А голубых всегда девки защищают, — тут же кто-то остроумно завопил в ответ. — Эй! Девушка в платьице! Они типа пара? Кто активен, а кто у них за женщину? Лохматый, ты в паре телка, да? Или меняетесь, Nзапрещено цензуройN?

Димка тут же огрызнулся, сообщив, кого из присутствующих он считает лицами нетрадиционной сексуально ориентации, а также является ли это наследственным фактором, который передается по генам каждому второму лицу в родословной некоторых личностей в этом не самом отменном кафе, которое раньше наверняка было не менее отменным борделем…

— А она хорошенькая, смотрите, какие ножки аппетитные, — вдруг обвел меня заинтересованным взглядом парень с выбритыми наголо висками и низким хвостиком, на чьей черной майке был изображен логотип одной очень известной российской рок-готик-группы.

— Гламур-гел, иди к нам, мы тебя… ам-м-м, — разинул пасть он и плотоядно облизнулся, не отрывая от меня все того же внимательного взора, — съедим, птичка!

— Сам себя съешь, ублюдок, — я от злости то ли побледнела, то ли покраснела. Страх немного уменьшился под напором этого нового чувства в моей крови.

— Какая горячая. Мы сейчас твоих Nзапрещено цензуройN проучим, и я возьмусь за тебя. Развлечемся, красавица, — пообещал этот кретин мне, не забыв подмигнуть. Я послала его в краткое пешее паломничество с маршрутом через Ад и на всякий случай спряталась у Дэна за надежной спиной, к которой на напряженность ситуации тут же захотелось прикоснуться, а лучше всего повиснуть.

— Тронешь ее, я тебя убью, — без матов, простыми словами сказал Дэн, отвернувшись от главаря рокеров и повернувшись к парню с выбритыми висками. Тот пьяно засмеялся. Смерчинский, не оборачиваясь, нашел мою ладонь и крепко ее сжал, как будто бы хотел сказать мне, чтобы я не боялась. В ответ я на миг коснулась щекой его спины, чувствуя, как даже в такой ситуации мне хочется прижаться к Денису крепко-крепко и не отпускать. Дэйл вновь обернулся на меня, мимолетом, и в его глазах я заметила растерянность, хотя, с другой стороны, готова была поклясться, что в них была еще и нежность.

Даже в бескрайних просторах Полярного круга орлу было бы тепло, если бы от лютых морозов его защищал один знакомый его смерч…

Димка, который ничего этого не видел, продолжал нагло (и умело) качать права, поняв, видать, что рокеры их все равно побьют, а так хоть пооскорблять противников можно всласть.

Я же вновь, набравшись смелости непонятно из каких внутренних запасников своей пошатнувшийся психики, попыталась утихомирить не слушающих меня Смерча и Чащина. Но мои негодующие крики потонули в мужской ругани, и вся эта сумасшедшая толпа точно бы устроила погром в кафе прямо в эту минуту, потому что Скайд уже замахнулся, было, на Дэна, если бы не эффект неожиданности в лице Инги — той самой клуши, которая организовывала «сюрприз» Дэну.

— Иди и дерись! Покажи им! — вдруг услышала я отдаленно знакомый торжественно-испуганный голос и узрела сбоку высокую длинноволосую девушку похожую на Полоумную Лавгуд. Белобрысая тащила за собой опешившего парня среднего роста и в очках. Миг, — и он, взмахнув руками, оказался в самой гуще сердитых любителей тяжелой музыки, умудрившись заехать кулаком по уху одного из них, а второму, не много не мало, двинул прямо по алкогольной раскрепощенной харе.

— Иван! Молодец! Ты сможешь! Ты же настоящий мужчина! — возопила Инга. — Помоги Смерчику!

Смерчик такой помощи явно не ожидал, он вообще опешил, увидев этого Ивана, и тут же

махнул ему раздраженно рукой, чтобы тот убирался назад. Однако было поздно.

— Очкарик! Твою мать!! Я тебя сейчас прикончу, — прорычал слегка покалеченный длинноволосый рокер, не ожидавший такого коварного нападения со стороны, а второй пострадавший добавил пару непечатных выражений.

— Извините, я не специально, вы…, - сам офигел от произошедшего Иван, — я вовсе не хотел… Давайте мирно разойдемся, мы же культурные лю…

— Ты меня еще дразнить будешь, гаденыш? Культурный пень! — вызверился парень с побитым ухом. — Я по тебе сейчас мирно разойдусь, хорек четырехглазый!

— Еще одна дэ-э-эвушка! Какая кошечка. Кис-кис, иди ко мне, блонди? — Бритые Виски узрел Ингу и нахально ей подмигнул.

— Все, мать вашу, давайте, выйдем, — с кривоватой хмурой улыбкой предложил этот самый Скайд. Его внушительный вид, а особенно глаза — слегка покрасневшие, с большими расширившимися от ярости зрачками, меня пугали. Он явно не сомневался, что победа будет за ним и его крепкими парнями. Я тоже.

— Если дама с такой шикарной прической этого желает… — все никак не мог оставить в покое длинные волосы парня идиот Дэн.

— Желание дамы — закон для любого мужика, — вновь подхватил игру и кретин Димка. Я только по лбу себя ударила от отчаяния.

— На улицу, уроды, — отрывисто отдал приказ своим Скайд, резким движением поднял свою куртку и, с силой оттолкнув Дэна, первым зашагал по направлению к выходу. Обернувшись, он нехорошо посмотрел на будущих противников.

— Я вам щас зад надергаю, малыши.

— Я тебя сам надергаю, — с отвращением произнес Димка. — Пошли, Смерч, — сказал он Дэнву,

— Гоу, — тот уверенно уставился на парня с выбритыми висками. — Поучим кое-кого вежливости и обращению с девушками.

Капец! Он еще и хвастается, что проучит кого-то. Все, Смерчинского похоронят…

— И очкарика я сейчас проучу, — никак не мог успокоиться один из агрессивно настроенных рокеров.

И парни, не забывая на ходу переругиваться и огрызаться друг на друга, как беспризорные псы в уличной стае, двинулись на улицу. Бедный Иван, кстати, невольно был втянут в эту процессию и, кинув прощально-офигевший взгляд на Ингу, поплелся вслед за Смерчинским, как будущий висельник на плаху.

Половина кафе облегченно вздохнула, другая половина уже готовилась бежать к окошкам, чтобы поглазеть на драку оттуда. В ее эпичности мало кто сомневался, даже я. Сейчас обоим обладателям начальной буквы «Д» в именах так настучат по умным репам, что они пару месяцев точно в реанимации проведут.

mir-knigi.org

Орел тоскливо покачал головой, протянул растопыренное крыло куда-то влево, шепнул слова-заклинания и вытащил из-под ткани мироздания серебряный шлем и грозное оружие — остро заточенное копье.

Я, со всхлипывающим сердцем поспешила за парнями, а за мной тут же двинулись, как будто бы на автопилоте, испуганная девушка-жертва с каре и бледная Инга, повторяющая, как заведенная: «Ой, что сейчас будет, что сейчас будет!»

Сейчас будет воистину кровавая бойня. Потому что трое «наших» не смогут противостоять пятерым «чужим», даже если им каждому вручить по лопате.

— Милицию вызывай! — услышала я вновь рявканье тетки в строгом пиджаке. А вот раньше, в самом начале конфликта они не могли додуматься до этого??

— Уже вызываю! — пискнула какая-то девушка-официантка.

— Да не по телефону, дура! Кнопку быстрого реагирования жми! Она под баром!

— Сейчас, Галина Олеговна, сейчас!!

— И почему ты раньше ее не нажала, рядом же стояла! Хорошо, что они хоть не в кафе удумали драться! — возмущалась Галина Олеговна. — Малолетние идиоты с разыгравшимися гормонами… Уважаемые посетители, администрация нашего кафе просит прощения за этот ужасный инцидент. Каждому из посетителей будет предложен специальный подарок в качестве десерта…

— Да какие ж они малолетки? Взрослые парни, совершеннолетние, — тут же высказался какой-то интеллигентного вида мужик, до этого с головой закрывающийся газетой.

— Да рокеры бухие, вот и нарываются…

— Безобразие какое! Средь бела дня!

— Эти субкультуры до добра не доведут!

— А я говорю, что они наркоманы, — вновь вмешалась бабка, сидящая за столиком с внуками-тройняшками. — И подруги их такие же, — бросила она придирчивый взгляд в нашу сторону. — Эй, мальчики, — вдруг упал ее цепкий взгляд на собственных внучков, которые, не стесняясь, подбежали к огромному окну в надежде увидеть драку. Ее пока что не было, потому что парни опять затеяли словесную перебранку. Иногда им нужно так много времени, чтобы действительно начать махаться…

— Это все из-за меня, — потерянно прошептала девчонка в зеленом костюме.

— Естественно, из-за тебя, — не стала с ней спорить я. — Зачем орать надо было за всю округу?

— Потому что я его ненавижу, — выдохнула едва слышно она.

— Мой Иван — убежденный пацифист, он сейчас их разнимет, — не слишком самоуверенно, но излишне пафосно заявила Инга, не отстающая от меня. Я посмотрела на нее с сожалением. Это сейчас ее Ивана на ближайшем дереве распнут.

— Так это ты позвонила Дэну и сказала, что я тут сижу и изменяю? — спросила я у блондинки.

— Не об этом сейчас речь! — первой приблизилась Инга к двери. Однако на улицу мы выйти не смогли.

— Ку-у-уда, девчонки? — спросил парень с выбритыми висками, преграждая нам путь. В последнем слове вместо звука «в» он произнес глумливое свистящее «ф». Лицо у него было смазливое и жесткое одновременно.

— На улицу, — хмуро ответила я.

— Зачем? Вашим малышам уже не помочь, — он вздохнул с притворной жалостью.

— Убери руку, дай нам пройти!!

— Такие красивые девочки и общаются с такими глупыми мальчиками, — с задумчивым видом он провел по моим волосам ладонью, затянутой в кожаную перчатку с отрезанными пальцами, которые в народе называются «митенками». Этот жест заставил меня дернуться и отступить на шаг назад. Я, конечно человек импульсивный, и все такое, но все же сдержалась, чтобы не ударить длинноволосого кретина. Я не Дэн, я понимаю, что мне хватит одного удара этого нетрезвого парня, чтобы упасть.

— Молодой человек, пропустите нас, — величественно произнесла Инга. Больная мадам. Она бы его еще «сударем» назвала.

— А ты больше ничего не желаешь, крошка? — не собирался он убирать руку с косяка.

— Желаю, молодой человек. Скажите своим друзьям, чтобы они успокоились.

— Да, конечно, я обязательно скажу это им, — отвечал ей тут же парень. — Как только они отправят ваших боев в ближайшее отделение Пекла, я обязательно передам им вашу просьбу.

— Какого еще Пекла? — широко раскрыв глаза, посмотрела на него Инга.

Бритые Виски слегка наклонился к ней и дурашливым голосом ответил:

— Адского. Откуда демоны выходят каждое полнолуние.

— Зачем? — явно удивилась беловолосая.

— Чтобы упиться в ноль и отыскать человеческих красавиц. Демоны их с собой в пекло уносят. Делать демонят, кошечка, — и он заржал. Всегда не любила парней с хвостами! Они все или тормозы, или жуткие дауны с извращенными наклонностями.

— Пить меньше надо, молодой человек, — отозвалась Инга, поджав губы. — Знаете, как от вас алкоголем несет?

— Предполагаю, блонди. А у тебя классные духи. Демоны будут в восторге, — он беззаботно щелкнул ее по носу. Инга явно обиделась и отвернулась, что-то там бурча насчет Ивана и его супер способностей, как дипломата.

— Да пропусти ты нас, что тебе нужно, придурок? — не выдержала я, глядя, как рокер глумится над правильной Ингой. — Отойди!

— А ты отодвинь меня, — предложил он. Я только выругалась в ответ. Со стороны наше столпотворение у входа выглядело так, будто бы парень не пускает девушек к дерущимся, дабы

их уберечь. На деле, этот то ли рокер, то ли металлист с выбритыми висками и смазливым лицом просто играл у нас на нервах. Хотя, все внимание посетителей и немногочисленных прохожих было обращено к тому, что происходило за стеклом окон.

А на улице тем временем все же началось веселье. Орел, наперегонки с ухающим от радости монстриком подлетели к окну, мешая друг другу крыльями. И тот, и другой были облачены в неполную экипировку воинов древнеримского легиона.

Вначале, словно разогреваясь, вмазали появившемуся словно бы из ниоткуда охраннику. Не сильно, но обидно. Потом Скайд врезал бедному парню в очках, который, вообще, был абсолютно ни при чем. Ивану просто не повезло, да… Инга и девушка в зеленом, увидев его падение на землю, хором взвизгнули. Рокер с выбритыми висками одобрительно улыбнулся. Похоже, он разрывался: хотел на улицу, но почему-то не желал оставить в покое нас троих.

— Сейчас начнется хорошее месиво. Ваших смелых боев уложат, — уверенно произнес он, — у Скайда черный пояс.

— Судя по длине и ухоженности волос — он у него голубой, — пробурчала и тут же была одарена прелестной фразой, в которой меня невежливо попросили заткнуться. Да я и сама бы замолчала, потому что в это время на бедного Димку, сказавшего что-то нелицеприятное, набросился один из оппонентов, и они почти тут же повалились на землю. Бедняжка Дэн тоже вступил в схватку, и, против моих ожиданий, не улетел тут же в ближайшие кусты, а четко стал парировать удары и даже помог Димке.

А потом в рядах наших парней вдруг появился новый «воин», когда я увидела его, то чуть с ума не сошла, думая, что у меня жесткие галлюцинации. К дерущимся подбежал Никита Кларский! Он умудрился сразу нокаутировать одного из рокеров, и привлек этим внимание Скайда, пнувшего для порядка пару раз начавшего вставать, Ивана.

Я аж присела.

Орел и мутант пробили стекло и бросились на улицу, воинственно что-то клекоча. Они еще никогда не видели схватки титанов.

Да где же милиция! Когда надо, ее нет! А вот прочие гости этого заведения милиции явно не желали. Они наслаждались зрелищем. И даже странно, что никто не стал снимать его на камеру.

— Вот они, это подрастающее поколение! Только бы подраться! Увидели драку и бегут уже!

— Ой, смотрите, еще мальчики в драку лезут, — услышала я возгласы посетителей кафе.

Да, действующих лиц становилось все больше. Из, все того же, запасного выхода появились еще двое парней в форме работников «Сырного и ледяного чуда», которым, по всей видимости, только что сообщили о драке посетителей. Оба, почему-то обрадовано, тут же вступили в схватку, вызвав одобрительные вопли малышни, которых ахающая бабушка с телефоном в руке не могла загнать на место.

Глядя, как Ник умудряется не только парировать удары могучего Скайда, но и наносить ответные, Господин Бритые Виски грязно выругался и поспешил к приятелям на помощь. А мы с девчонками, наконец, оказались на улице. Но что мы могли поделать, кроме как кричать? Ничего. Только наблюдать и ждать патрульных машин. К нам присоединилась еще одна девушка — в ярком зеленом платье, миленькая и испуганная. Я даже подумала на мгновение,

что стоя рядом с двумя девицами в зеленых одеждах. Новенькая с таким священным ужасом взирала на дерущихся, что я тут же причислила ее к подружкам рокеров.

Иван продолжал лежать, а парни трогательно разделились на «пары». Димка дрался с противником равным себе по силам, но превосходившим по росту и объемам. Дэн — тоже. Боже, мой, его еще не убили!! И, оказывается, хоть немного он к драке пригоден. Я с ужасом наблюдала, как он умело ставит блоки, а сам наносит довольно резкие и короткие удары, перенося тяжесть тела на переднюю ногу. И Димка, и Дэн старались бить по болевым точкам противника — мне Федька столько про них рассказывал, что я теоретически знала, где они находятся. Чащин даже пару раз умудрился достать противника ногой и я, мысленно, за него порадовалась, как болельщица на стадионе за любимую футбольную команду, выигравшую кубок Лиги чемпионов УЕФА. А на Дэна я вообще едва ли не молилась. Господи, спасибо, что он умеет драться!! Спасибо, что пока еще его не побили? Может, у Сморчка противник слабый? Да нет вроде… Нормальный, здоровый детина, только с металлическим кастетом, но вроде бы Дэнни кастетом еще не прилетело, да и не шипованый он вроде, кастет-то…

Орел в порыве шальной радости обнял монстрика и прижал к своей орлиной груди. А тот, воинственно тыкая своим копьем во все стороны, ошалело замер, превратившись вдруг в вихрь и радостно засмеялся, теребя теплым ветром волосы всем, кто находился на этой улице, и тревожа изумрудные листья.

Правда, Денис, хоть и хорошо, ловко двигался, но в полную силу все равно не дрался. А еще он умудрялся что-то кричать своему противнику, но его слова тонули в общем хоре громких голосов, в котором мои чуткие уши то и дело улавливали все новые и новые матерные выражении. Вскоре Смерчинский и Димка «отодвинулись» чуть дальше от дороги, к густым деревьям. Ник же и два добровольных помощника из кафе, напротив, переместились ближе к проезжей части, где начала собираться толпа зрителей. И откуда только набежали? Только что никого не было же!!

Никита, кстати, все больше и больше поражал меня. Он взял на себя самого опасного, наверное, противника в этом дурдоме — высоченного «главаря» по кличке Скайд. Блин, я и не знала, что Кларский так классно дерется! И так… жестко. Он ведь элегантный, милый мальчик, моя почти бывшая мечта, откуда он знает приемы уличных нечестных драк, которые я имела честь наблюдать во время полушуточных тренировок Федьки и его друзей? Откуда, спрашивается? Он ведь милый мальчик! Жаль, однако, что его длинноволосый соперник ничуть не уступал Нику — они вскоре вообще отделились ото всех остальных парней и увлеченно пытались нанести друг другу всяческие физические увечья.

Я даже на некоторое время восхищенно замерла, умиляясь Ником, а заодно своими сегодняшними спутниками, заварившими кашу ради этой верещавшей под ухом девчонки в зеленом. Димка и Дэн, которые пятнадцать минут назад доводили друг друга, не обращая внимания на мое присутствие, умудрялись «сражаться» чуть ли не спиной к спине, и вообще выглядели, как лучшие друзья, защищающие друг друга.

Иван с окровавленным лицом (таким, как будто бы ему не один раз вдарили, а стукнули, по крайней мере, раза четыре, хотя всему виной было то, что первый удар пришелся ему по носу, поэтому и крови так много) вновь поднялся на ноги, но тут же был совершено случайно сбит оппонентом Ника, и вновь шлепнулся на землю, успешно имитируя бессознанку, чтобы ему еще кто-нибудь по балде не врезал случайно. Бесстрашная Инга вдруг зажмурилась, вытянула руки вперед и бросилась к Ивану со смелостью жены декабриста.

— Вернись! — крикнула я ей, но перехватить не успела. Вот дура-то, а! Кто в драку лезет на все

парах?

Зря одна из «шляпниц» Смерча кинулась к парню в очках, зря, потому что Господин Бритые Виски, которого оппонент так сильно толкнул в грудь, вдруг отлетел назад и, споткнувшись об эту чокнутую, упал прямо на нее. Хорошо еще, не спиной на Ингу приземлился, а умудрился извернуться. В самых лучших традициях идиотизма, они оказались в весьма пикантной комедийной ситуации: он над ней, оперевшись кулаками о пыльный асфальт и нависая над девушкой так, что его длинные волосы, которые больше не стягивала резинка, закрыли не только его лицо, но и ее.

— Извращенец! — пискнула едва слышно девушка, не найдя ничего более умного, как вцепиться ему в плечи острыми ногтями, не наращенными, а своими.

— А ты милая, киса, — сказал он хрипло, засмеялся, а потом получил хороший удар по затылку и обмяк. Выглядела эта сцена довольно-таки эротично, но оказаться на месте Инги мне не хотелось.

— Мама… мамочки… мальчик, что с тобой? — не нашла вновь лучших слов белобрысая, лежащая под парнем. Мальчик, естественно, молчал.

Я двинулась уже, было, к замершей от ужаса девушке, чтобы помочь ей выбраться из-под потерявшего сознание рокера (это его Боженька покарал за то, что он нам козни строил и приставал!), как нас посетили господа милиционеры. Прошло минут семь, как началась драка, не больше, а они уже прибыли. Тут же, окинув профессиональным взглядом «поле брани» и оттолкнув зевак, люди в серой форме бросались разнимать дерущихся.

Спасибо Скайду и Нику — из-за этих двух «бойцов без правил», оказавшихся ближе всех к патрульным машинам, начавших вдруг оказывать очень бурное сопротивление сотрудникам органов правопорядка, я спаслась от участи посетить местное КПЗ и смерти от руки разъяренной мамочки.

Наверное, из-за того, что мои родители, да и многие родственники служат, так сказать, на благо Отечества, я сначала так обрадовалась прибытию милиции, что тупо хотела броситься к грозным людям в форме. Однако Дэнни, который по молчаливой договоренности со своим уставшим уже соперником, остановился, в момент оценил ситуацию и тут же решил совершить побег.

— Бежим, Чип, — он схватил меня за руку, и кивнул Димке — тот тут же цапнул мою вторую руку, и мы втроем понеслись прочь от разгневанных папиных и маминых коллег, птичками перелетев кусты и ломясь едва ли не через сквозь деревья. Наряд, кстати, пока занимался другими дерущимися и только двое из него стали нас догонять, крича на ходу, чтобы мы немедленно остановились. Кстати, вместе с нами улепетывали бодренькой рысцой еще и двое парней — рокеров, с которыми Чащин и Смерчинский только что имели честь сражаться.

Мы впятером, не сговариваясь, завернули под крики милиционеров за угол ближайшего дома, пересекли пару двориков, заполненных малышней, вбежали в детский сад и, явно напугав местного дворника, пронеслись дальше двинутыми вихрями по аккуратным дорожкам. Погоня вроде бы потеряла нас.

Я, естественно, отставала, бежала медленнее всех, и вообще до сих пор не понимаю, как я умудрилась нестись на каблуках, не сломав ни их, ни своих ног, и не разу не упав, лишь только с десяток раз запнувшись. Наверное, тот факт, что меня за руки тянулись парни, сильно помог.

В садике мы подбежали ко второму выходу, который, к моему счастью, тоже был открытым в этот воскресный день, и оказались в противоположном от «Сырного и ледяного кафе» квартале. Затем пересекли пару дорог и вновь затерялись в тихих дворах.

Наверное, мы смогли смотаться только потому, что с нами был любимчик Фортуны — Смерч.

Успокоилась наша сборная компания только на каком-то тихом школьном дворе, окруженном со всех сторон высокими тополями. На прямоугольной площадке не было ни единого человека, зато высилось много мудреных, нагретых солнцем, турников. Дружно усевшись на один из них, парни, тяжело дыша, расхохотались. Наверное, это они так от эмоций «разряжались».

Я на турник лезть благополучно не стала из-за платья, а скромно присела на низенькую лавочку и, пытаясь отдышаться, стянула порядком надоевшие босоножки, которыми умудрись натереть мозоли.

— Пипец, — выдохнула я. Вообще-то я сказала несколько другое, куда более грубое слово, но будем считать, что сказала именно «пипец». Парни мигом на меня уставились.

— Кому? — сквозь смех спросил Дэн. — Что за плохие словечки, Чип?

— Всем.

— Это твоя девушка? — спросили мигом протрезвевшие после погони рокеры. По иронии судьбы, с нами были те самые ребята, которым бедняжка Иван вмазал по уху и по лицу.

— Точно, моя девушка, — снизу вверх посмотрел на меня Дэнни. Я мрачно чихнула и продолжила изучать собственные ноги. Второй раз я, добропорядочная гражданка, бегаю сломя голову от милиции!! И все из-за этого куска обаяния, блин. Недаром у него волос шоколадный оттенок, это прямо символ какой-то… истиной сущности Сморчка.

— Парень, ты прости, что мы на вас наезжали. — Сказал один из рокеров в кожанке несколько смущенно, словно извиняясь за то, что у него на руке сверкали тяжелые массивные перстни, утяжеляющие при драке удар. — Я тебя не хотел… того… Ну ты ваще молоток, хорошо уклонялся! С защитой у тебя порядок!

— Да, все отлично, — было ему ответом от Смерча. — Нападать и бить первым не люблю, драки недолюбливаю.

— Точно, вы реально нас простите! Мы как выпьем со Скайдом, так нас каждый раз на приключения тянет, — подтвердил второй рокер. — Чего-то мы не в тему к вам приставать стали и к той девчонке в зеленом.

— Но вы вообще оригиналы, чуваки, что за нее вступились. Но мы б ее не обидели. Просто Скайда у нас девчонка бросила, вот он и беситься. Молодцы, что вступились, — вдруг сказал уважительно первый рокер. — Респект вам, мужики, не трухнули. Нас обычно боятся…

— Да чего там, — потер разбитую в кровь губу Димка, которому я тут же молча протянула пачку салфеток, найденных в сумочке. Кстати говоря, среди этих четверых забияк не покалеченным оставалось лицо только у Дэна. Он как будто бы и не дрался вовсе, только прижимал изредка руку к правому боку и едва заметно морщился. А все остальные получились хорошие отметины: к примеру, у противника Димки наливался под глазом крупный фингал. А сам он к тому же хорошо порвал руку о шипы на куртке своего оппонента. У других рокеров, к слову сказать, таких острых и длинных шипов на одежде не было.

— Родион, — вдруг протянул широкую ладонь первый рокер. Чащин и Смерчинский по очереди ее пожали. И что вы думаете, парни начали знакомиться, а через пять минут сидели, чуть ли не в обнимку. Сказать, что я была удивлена, это ничего не сказать. Да у меня орел в горах от изумления в родное гнездо путь забыл!!

Только ведь дрались, можно сказать, калечили друг друга, а теперь сидят и чуть ли не братаются! Я как-то в классе восьмом подралась в школе с одной девчонкой. Хорошо подралась: с синяками, царапинами, под задорные крики мальчишек, дававшим нам всякие идиотские советы. Так мы так друг на друга с этой Оксаной обозлились после драки, что сих пор не здороваемся, хотя живем в домах, находящихся напротив друг друга, и видимся каждую неделю.

А эти же… Воистину, мужчины, как дети. Подрались — помирились. Еще пить вместе пойдут. А, нет, Смерд мой же не пьет. Ну, он за компанию посидит. А потом они вместе еще какую-нибудь дуру хорошенькую спасать попрутся.

Я скептически оглядела умников мужского пола.

Удивительное дело, но сейчас они, выпустив пар, общались вполне прилично! Только на меня мало внимания обращали. А ведь Дима тоже молодец — бросился Смерчинскому помогать, хотя и видел, что силы противника намного превосходят. Классный он все-таки парень. Повезло его девушке, о которой он мне говорил. А мне повезло со Смерчем. Вдруг мы станем настоящей парой?

Я задумчиво посмотрела на Смерча, болтающего с важным Родионом. Кажется, они друг друга хвалили и обсуждали, кто, как и с какой силой кому врезал в драке. Он поймал мой взгляд и тепло улыбнулся. А я невольно улыбнулась в ответ и вспомнила внезапно, как он сжал мне руку в кафе, когда я стояла за его спиной. На меня мигом нахлынули потоки неожиданной нежности, смешанные с осознанием того, что Денис — это тот человек, который защитит меня. Я могу положиться на него. Я пока не знаю, могу ли я ему доверять, но то, что я могу обратиться к нему с абсолютно любой просьбой или просто со словами о защите, и он не откажет в ней — знаю точно. Нет, он сам будет знать, когда меня нужно будет защитить.

Я вздохнула, забыв даже о жгучей назойливой боли на ногах. Мой тупой Дэйл, уставший, с дурной башкой, но все-таки остающийся таким же милым. Из-за повышенного адреналина в крови голова слегка гудела, мысли путались, а эмоции были яркими-яркими, поэтому нежность к нему выросла в несколько раз.

Головастики не успевали писать самые разнообразные плакаты то красными, то оранжевыми, то желтыми, то розовыми, то пурпурными гуашевыми красками:

«Захлебнешься, мать, в потоках-то!»

«Это так здорово!»

«И даже почти эротично!»

«Смерч, спасибо тебе за теплоту.»

Из мыслей меня вывел задумчивый голос Димки:

— А с остальными что случилось? Ну, кто не убежал? Менты повязали? Как думаете?

— Скорее всего. — Согласился Родион. — За Скайда не ручаюсь, он мужик сильный и ловкий, может, смог и смотаться, а вот насчет остальных…

— Дим, у тебя телефон Кларского есть? — Спросил Дэн у моего одногруппника. — Позвони ему на всякий случай.

— Трубку не берет, — объявил тот через две минуты. — А Никитыч вообще откуда взялся? Я его как увидел, чуть от удивления коньки не отбросил! Эй, Бурундукова, ты же видела его? Вы же знакомы вроде с Ником Кларским.

Еще как знакомы.

— Видела, — подтвердила я. — Сама в догадках теряюсь, откуда он взялся. Чащин, у тебя на рубашке кровь…

— Это вы про того парня, который со Скайдом махался? — Оживился Радион. — Отменный тип, хорош был! Он мне так ногой в ребра вдарил, у меня аж перед глазами потемнело.

— Я Никиту встретил и подвозил, — отозвался Дэн, покосившись на меня.

— Вы общаетесь? — недоверчиво уставился на брюнета Дима.

— Нет, просто встретились. Нам было по пути, и я предложил его подвезти.

— Ясно, — протянул одногруппник. — Вы, значит, тоже знакомы.

— Совсем немного, — с улыбкой отвечал Дэн. Если бы Чащин знал, какое у Смерчинского и Кларского знакомство заочно-интересное, он бы очень удивился.

— Скайд и парни тоже трубы не берут. — Сообщили тем временем представители субкультуры. — Точно их, наверное, взяли товарищи в форме, мать их. Вот черт!

— Там же Инга, — хлопнул себя по колену Дэнни. — Маша, я же сказал, чтобы ты держалась подальше, зачем вы с Ингой полезли к нам?

— Твоя Инга чокнутая девушка, — нахмурилась я. — Она полезла к парню в очках, который лежал на земле, а на нее один из них, — я бросила взгляд на рокеров, снявших из-за жары куртки, — бросился. Точнее, он ее не видел и упал. На нее. А ему потом по башке заехали и… короче, Инга твоя там под ним и осталась лежать.

Дэн в это время пытался дозвониться до нее, и, видимо, тоже не смог, потому что помрачнел.

— Инга — моя троюродная сестра, — признался он, — если с ней что-нибудь случиться, ее мама не переживет. Впрочем, я тоже.

— Почему же?

— Тетя повесит меня на ближайшем суку от их дома, — с притворным ужасом отвечал Смерч.

— Ох уж эти младшие сестры, — посочувствовал ему Родион. — И старшие тоже…

— Да что с ней случиться? С такой-то… Но я теперь понимаю, почему она ненормальная. Потому что вы родственники. И дедушка твой с приветом… Один брат как человек выглядел… — проворчала я, — Думаю, с твоей сестрицей все в порядке.

— А с тобой все в прядке, Мария? — спросил Смерчинский.

— Да, Бурундукова, тебе никто не задел? — поинтересовался и Дмитрий. — А то я тебя знаю, с тебя станется… к занятым людям полезть… в разгар дела. Да ты и полезла почти…

— Это ты там занятой был? — Я даже фыркнула. — Кикбоксер несчастный. И я в порядке, ребята. Никто меня не достал.

— Ну, ты же Бурундукова, — слабо улыбнулся Чащин. — Сама кого хочешь, достанешь.

— Мне было страшно, — надулась я. В платье, с макияжем и прической, в компании совсем немаленьких четверых парней, которые только что дрались, я волей-неволей почувствовала себя слабой, хрупкой девочкой. Почти принцессой. У орла было чувство, что он попал в компанию буйных птеродактилей.

— А что тебе было страшно? Мы же рядом были.

— Ага, были… только вон с ними, — кивнула я на рокеров, — махались. А ко мне, между прочим, приставали.

— Кто? — нахмурился Дима.

— Парень с бритыми висками, Чащин. Он нашел меня невероятно привлекательной, — гордо сказала я. — Обещал после вашего избиения хорошо провести со мной время.

— Это наш Эль, — захохотали рокеры дружно. — Он клевый, девушек любит. Очень. Лучший друг Скайда.

— Заметила я, как он любит… Кретин ваш Эль.

— Он к тебе действительно приставал что ли? — осведомился Дима.

— Он что-нибудь тебе сделал? — одновременно с ним спросил и Смерч.

— Нет, но обещал после драки показать все, на что способен, как мужчина. Я так ждала, пока вас отправят в нокдаун, чтобы насладиться — хе-хе — его объятьями, но, увы… — Хихикнула я нервно. Родион и его друг заржали еще громче.

— Испугалась? — ласково спросил Дэн, спрыгнув с турника и закусив губу. Он подошел ко мне, и критически осмотрел, хотя я надеялась, что он обнимет меня и прижмет к себе, но Смерч не стал этого делать. Бросил быстрый взгляд на Чащина, скрестившего ноги, и не стал. Вместо этого вновь улыбнулся мне и сказал, что постарается сделать так, чтобы всех попавших из-за драки в милицию, освободили. Рокеры, на которых его обаяние уже подействовало, услышав эти слова, чуть ли не молиться на Смерча стали. Кажется, они и не подозревали, что парень постарается освободить не только своих друзей, но и их волосатых подельников! Димка, по ходу, этого тоже не ожидал. И Димка тоже повеселел — по-моему, он волновался за Никиту. Потом он тяжело вдохнул, и забарабанил пальцами по турнику.

— К отцу обращаться не буду, — сам себе сказал брюнет, — он мне Черри доставал… Тогда к нему… — И Дэнни набрал номер какого-то парня, по его словам первоклассного юриста и хорошего друга. Наверняка, того самого, кто дурацкий «Бурундук-договор» составлял без моего участия!

mir-knigi.org

— Ребят, надо часик подождать, пока друг вернется, — сказал он после звонка, — и он все утроит.

— Да ты крутой мужик, Смерч! — со всей силы хлопнул его Родион по спине. — Надо нам как-нибудь с вами встретиться и бухнуть не по-детски, то есть отпраздновать встречу!

— Если чего, мы вам, братья, всегда поможем, — вторил его друг, — будут проблемы с байками или тачками, звоните мне, я все мигом сделаю!

Димка только кивнул, продолжая о чем-то размышлять, Дэнни что-то шутливое произнес в ответ.

Нет, мне определенно хочется иметь столько же полезных знакомств, как и Дэнв. Одна проблема — позвонил одному другу, вторая — другому… Сейчас вот с рокерами подружился.

А еще мне хочется положить голову на плечо к этому балбесу! И закрыть глаза.

«О-о-о, плечи!», — загорелись маньяческими огоньками очи моих мыслей…

Почти час мы просто так сидели на школьном дворе, Смерчинскому дозвонилась-таки Инга и взволнованно сообщила ему, что находится в отделении милиции N 24, ей разрешили воспользоваться телефоном, и она тут же попросила поскорее забрать ее из этого «ужасного злачного места», не забыв и про Ивана. Но так как Дэнни сам был потенциальным клиентом в камеру предварительного заключения, или как там назывался «обезьянник», то, естественно, на помощь к ней спешить не мог, и ему оставалось надеяться на взрослого друга-юриста, обещавшего в скорости все устроить и всех отмазать.

Старший брат Никиты Кларского сдержал свои слова. Он, как и говорил Нике, сразу же перезвонил своим людям, чтобы те слегка подсобили его младшему братишке.

— У малого проблемы, разберитесь по-тихому, без шума, если получиться, — обрисовав ситуацию, на прощание бросил родственник Никиты.

— Поняли, все сделаем, — отвечал ему водитель автомобиля «BMW X5», в котором люди Кларского-старшего и сидели, на ходу разворачивая машину и обрывистыми фразами разъясняя спутникам, куда они едут и зачем.

В навороченной машине «БМВ» с черными тонированными стеклами сидело трое парней, коротко стриженных и очень сосредоточенных, младшему на вид можно было дать от силы года двадцать три, а старшему — лет двадцать восемь.

Все они выглядели не то, чтобы устрашающе, но имели крепкую мускулатуру и высокий рост, а на их лицах совсем не было улыбок, глаза же могли порадовать окружающих схожестью с льдинками — они были такими же холодными. Как и брат Ника, эти трое парней посещали одну и ту же спортивную школу айкидо, и до сих пор часто посещали тренажерный зал, поэтому могли при случае похвастаться нехилыми бицепсами и трицепсами, и, как следствие, хорошей физической силой и выносливостью. В различного рода драках они тоже не были последними.

— Куда дальше гнать?

— Направо, — сверившись в GPS-навигатор, сообщил тут же самый младший парень. — И

прямо.

Водитель вновь резко развернул машину и, не потрудившись соблюдать правила дорожного движения, игнорируя красный свет, помчался в нужном направлении. Через пару минут черное авто с визгом затормозило едва ли не перед кафе «Сырное и ледяное чудо». Однако из «БМВ» никто не спешил вылезать наружу. Потому что столкнуться нос с носом с кучей ментов, никто из сидящих в тачке не желал.

Они опоздали всего лишь на минуту или чуть больше, и видели теперь, как Никки, уже спокойного, но с окровавленным лицом, под руки ведут к автомобилю службы быстрого реагирования местного УВД.

— Опоздали, — констатировал один из парней не без использования средств нецензурной лексики. Данная картина не произвела на сидящих в салоне БМВ большого впечатления. Заставила только поморщиться при виде людей в серой форме.

Рядом с Кларским, хватая за рукава сотрудников органов правопорядка и что-то вереща, едва ли не прыгала симпатичная светловолосая девица в зеленом платье. Ник покосился на нее и что-то сказал, а она заговорила еще громче, скорчив уморительную мину. В это время в одну из машин с трудом затолкали высоченного и накаченного длинноволосого парня с перебитым носом. Увидев его, девчонка вновь принялась что-то доказывать милиционерами и тыкать в грудь Ники пальцем.

— Девчонка малого? — спросил водитель с улыбкой. Никиту он знал с самого детства и относился почти по-братски.

Чуть подумав, он перезвонил старшему брату Никиты, обрисовал ситуацию и, выслушав указания, перемешанные с крепкой руганью, обратился к самому младшему парню в авто — Эй, Санек, мы сейчас за ним в гости к ментам двинем, отмазывать будем Никки, а ты разузнаешь, что к чему тут было, с кем у малого стрела забивалась, и что вообще на хрен случилось. Сечешь?

— Все сделаю, брат, — тут же кивнул парень.

Он вылез из машины в тот момент, когда в милицейские автомобили были препровождены все пойманные участники драки. Скайд, Никита, двое рокеров и два безымянных работника кафе, побитые, но счастливых, а также несчастный Иван были «расфасованы» в два автомобиля для задержания преступных элементов. Нику и Ингу, как свидетельниц, тоже заставили сесть в машину, правда, патрульный экипаж. Кстати говоря, брюнетка, из-за которой начался весь сыр-бор умудрилась исчезнуть.

«БМВ» неспешно и почти бесшумно двинулось следом за милицией. Санек же, насвистывая и одновременно осматриваясь, зашагал к кафе, от которого с большим сожалением расходились зеваки. Трое одинаковых пацанов лет шести зачарованно продолжали пялиться вслед уезжающим ментам. Было видно, что драка взрослых дяденек покорила их юные сердца. Бабушка, не видя выражения лиц внуков, стояла рядом и возбужденно вещала в трубку телефона:

— Карина, ты не представляешь! Ты просто не представляешь, что тут было! При чем тут мои внуки? С ними все в порядке. Тут наркоманы устроили драку с… Да не со мной и не с мальчиками. Карина, что ты несешь? — Возмутилась пожилая леди. — Наркоманы устроили драку с наркоманами! Да, я уверена, что они все такие, что ты говоришь? Где-где, прямо в кафе! Отличный пример для моих внуков, нечего сказать. Я недаром говорила, что мне ваш

город не нравится. У вас что здесь, войны наркоманские? Это было просто ужасно, дорогая моя невестка. Ты будто бы знала, что здесь случиться, и отправила меня, больную старую женщину, в это дурацкое кафе… Почему мы не ушли раньше? Потому что мы сделали заказ и кушали. Алло, Карина! Алло, где ты?

Видимо, связь пропала. Санек решил воспользоваться этим и подрулил к громкоголосой и важной с виду бабульке.

— Простите, а что тут случилось? — очень вежливо спросил парень, продолжая осматриваться по сторонам.

— Тут случилась драка, молодой человек. Беспощадная и беспринципная. — Тут же отреагировала пожилая женщина, в которой просто-таки бурлили эмоции.

И она вновь, безжалостно перевирая и добавляя собственные впечатления вперемешку с охами и ахами, стала рассказывать парню о драке под кодовым названием «Наркоманы vs. Наркоманы» или «Как коварная невестка отправила меня в притон».

— А из-за чего все началось-то? — нетерпеливо перебил Санек рассказчицу, поняв только то, что Ники с друзьями оказался в этом гребанном кафе и нарвался на нехилых нефоров.

— Я, конечно, не знаю всей подоплеки случившегося, — вновь начала рассуждать пожилая женщина, — и подозреваю, что виной всему стали разногласия в среде наркокурьеров, но началось все банально. Эти ужасные парни с длинным волосьем стали приставать к девушке.

— К какой девушке? — тут же заинтересовался Санек.

— В зеленом костюме, — встрял внуки, перебивая друг друга, — большой дядька в кожаной куртке посадил ее к себе на коленки, она стала орать и ее прибежал спасть другой дядька.

— Ух, и круто же они махались!

— Мы тоже так хотим! Бабушка, можно мы поиграем в игру «Драка в кафе»?

— Я буду дядькой с длинными волосами!

— Нет, я буду!

— А я его противником. Я вас убью! Бах, ты-дыщ, ки-и-и-ийа! — изобразил удар ногой Никиты один из пацанов. Изобразил очень талантливо и чуть не пнул братца по спине.

— Я тебя сильнее! Я!

— Замолчите, дети, — велели им бабушка. — Никаких драк. Нас ждет невероятно интересное посещение музея… Молодой человек, вы куда? Молодой человек, я вам еще не рассказала, как плохо работает наша милиция! Она половину бездельников-наркоманов не поймала!

А Санек, засунув руки в карманы и не оборачиваясь, зашагал прочь от кафе. Лично он понял, что к девушке Ника, к той самой крошке в зеленом платье, стали приставать какие-то укуренные рокеры, а тот тут же устроил разборки и глупо попался ментам.

То, что вообще-то приставали к посторонней девушке в зеленом костюме, а вовсе не к Нике в платье того же цвета, этот парень уже так никогда и не узнал. Зато его догадки о том, что девчонка, прыгающая рядом с малым, которого уводили менты, и есть его пассия, только

подтвердились.

Санек, довольный собой и своими дедуктивными способностями, перезвонил водителю «БМВ» и пересказал ему то, что узнал. А тот, в свою очередь, почти сразу же связался с Кларским-старшим.

Когда Нику вместе с Никитой выпустили, товарищи на черной машине просто проследили за ней и узнали ее домашний адрес. Не поленились даже сфотографировать. А когда таинственный родственник Кларского захотел увидеться с девушкой братика, он просто отправил за ней других своих людей.

Всех тех, кто попался в руки милиционеров, освободили через час или чуть больше. Правда, не силами Дэнни — когда его друг-юрист поехал в нужное районное отделение милиции, оказалось, что все задержанные уже выпущены, а никакого дела из-за массовой драки никто не собирается заводить. О посещении честной компании местного «обезьянника» говорили только записи в журнале дежурного лейтенанта. Досрочный «выпуск» произошел из-за оперативного вмешательства брата Ника и некоторого количества денежных средств, которые он заботливо отправил вместе с теми, кто улаживал проблему с представителями органов правопорядка.

Однако почти час до освобождения все участники стихийной драки пробыли в «обезьяннике» небольшого районного отделения милиции. До их прибытия в темном небольшом помещении за решетками сидело двое очень скромных бомжей и гражданин-нелегал из солнечной страны, граничащей с Россией на юге. Сидели эти трое очень мирно, можно даже сказать, интеллигентно, слушая нотации словоохотливого дежурного. Когда же привезли участников драки, атмосфера в этом спокойном месте тут же накалилась, и стало очень шумно.

— Открывай «обезьянку», мы тебе гостей привезли, редких мартышек, — хохотнул кто-то из милиционеров, конвоирующий парней.

— Скорее, горилл, — отозвался другой мужчина в форме, который как раз разнимал Ника и Скайда, и которому те едва не заехали по челюсти (в отместку он потом хорошенько приложил обоих парней по ребрам, чтобы не брыкались). — Проходите, ребятки, в гостиничный номер.

— Специально для вас — люкс. Давайте-давайте, по одному…

Миг — и все парни, еще раз получив отнюдь не дружественный тычки от сотрудников органов правопорядка, оказались в зарешеченном «обезьяннике», изрядно потеснив бомжей и нелегала. Девушки, правда, были любезно приглашены на деревянные стулья около стола дежурного милиционера, который одновременно что-то писал и громко разговаривал с коллегами. На его столе в живописном беспорядке лежали личные вещи хулиганов. Особенно выделялась целая горка мобильных телефонов. Рабочее место дежурного располагалось так, что ему видны были все задержанные, а им, в свою очередь, — все пространство слегка обшарпанного бело-голубого кабинета. Заниматься задержанными дежурный не слишком спешил. Оказалось, он больше любит болтать, чем выполнять свою работу.

— Мдэ… Вот вы, девушки, — поднял через некоторое время глаза лейтенант на Ингу и Нику, замерших в абсолютно одинаковых позах и с ужасом таращившихся то на что-то писавших и курящих милиционеров за стеклом слева, то на задержанных шумящих ребят, то на самого дежурного. Ни одна, ни другая не были в подобных местах ни разу в жизни и сейчас растерялись, не зная, что делать и как быть.

— Что мы? — спросила Ника испуганно.

— Вот вы зачем в драку полезли?

— Мы не лезли. — Чуть дрожащим голосом отозвалась она. — Мы… рядом были.

— Это наши парни… дрались.

— Тогда поставим вопрос по-другому, — не растерялся дежурный, — зачем вы с такими плохими парнями дружите? Вот для чего вам эти нетрезвые морды, которые друг друга от нечего делать кулаками разукрашивают? А? Не знаете, что ответить? Эх вы, девушки-девушки. Общаетесь вот с такими дураками, а на нормальных парней не смотрите.

— Смотрим, — сказала Инга, сжимая от волнения кулаки на коленях. — Мой Иван — жутко положительный! Программист, математик, очень интеллигентный…

— Это который из них интеллигентный? — уставился озадаченно милиционер на парней, начавших словесную перебранку, и прикрикнул. — Эй, задержанные! Тише будьте!

— Вон тот, в клетчатой рубашке, — тихонько отозвалась Инга. Дежурный уставился на разбитое окровавленное лицо Ивана, который из-за своей травмы казался одним из самых активных участников потасовки.

— Интеллигентный? — протянул лейтенант скептический. — Ну и запудрил же наш брат вам мозги, девочки… Да это готовый криминальный элемент!

— Почему? — хором спросили девушки.

— По качану. Вы на его морду антисоциальную только взгляните.

— Да его просто избили! — возмутилась Инга, у которой был бзик — бороться за правду. — Он не дрался! Его из-би-ли!

— Ну да, ну да. Это ваш Иван, вероятно, кого-то избил, а потом получил по рылу, — никак не верил светловолосой милиционер.

— Ой, а можно я позвоню по телефону? — сообразила вдруг Инга. У нее и у Ники мобильных не забирали. А вот когда разрешение о звонке попросили парни, работающие в «Сырном и ледяном Чуде» вредный дежурный не совсем законно дал им отворот-поворот.

— Звони, — разрешил молодой мужчина в форме, лояльно настроенный к девушкам. — Как-никак один звонок вам положен.

— Я Дэну позвоню, — тут же сообщила доверительно белобрысая своей спутнице. — Он нас точно вытащит. Ну, ты его не знаешь, это мой брат и друг.

«Знаю», — мрачно подумала Ника, вспоминая теплые руки парня. Ей стало обидно, что вместо классной ночи с понравившимся красавчиком ей достались пара обломов, хамоватый придурок Никита, драка и, как бонус, посещение отделения милиции.

Пока Инга звонила, в помещение привели еще одного задержанного — довольно помятого усатого мужчину с золотыми фиксами и наглым прищуренным взглядом. Из-за того, что единственная камера в этом небольшом и даже по-своему уютном отделении, была слегка переполнена, мужика посадили на стул рядом с девушками.

— Опять ты, Краснозубов, — тут же покачал головой милиционер, вновь что-то принявшийся строчить.

— Опять я, начальник, — согласно кивнул мужик и одарил близко сидящую Нику лучезарным взглядом. Она отодвинулась подальше, а мужик тотчас поинтересовался у нее, почему она одна в таком «нехорошем» месте.

— Негоже молоденьким кискам в ментуре сидеть, — сказал усатый, улыбаясь во все зубы. — И одета так красиво, фигурка у тебя ниче так, и личико.

— А я не одна, — с тихим ужасом в голосе отозвалась девушка. Бедная Ника, которая из всех этих ужасных, злых и, самое главное, чужих, людей была знакома лишь с Кларским, тут же ткнула в его сторону пальцем и прошептала:

— Это мой парень.

— Какой у тебя парень мрачный, — засмеялся усатый, блестят фиксами, оценив Никиту.

— Нормальный он, только злой чуть-чуть, — призналась Ника, бросая отнюдь не хорошие взгляды в сторону хмурого Кларского, старающегося не обращать внимания на слова Скайда, который все никак не мог успокоиться даже в камере.

— И че вам, девки, такие нравятся отморозки? Я-то вот добрый, — поиграл бровями дядька, — теплом любую одарить могу. И тебя.

— Спасибо, не надо, — ничего не хотелось Нике получать от усатого, даже тепла.

В этот момент не совсем трезвый предводитель рокеров неожиданно предпринял еще одну попытку накостылять Никите и вновь бросился на него. Вероятно, этот парень был из тех, кто долго заводиться, и долго потом не может остыть. Лицо Ника перекосилось от ярости, потому что нападения он явно не ожидал, и получил по лицу, впрочем, сам успел нанести удар Скайду прямо по «солнышку». Началась новая борьба. Парни заорали что-то бодрое, типа: «Вперед! Разнесите эту клетку!», а девушки еще больше испугались.

— Прекратите немедленно! — Кинулся с воплями дежурный к камере. К нему на помощь поспешили еще несколько коллег, на ходу ругаясь. — Не, мужики, да вы посмотрите, они прямо тут за свое вновь взялись! Да остановитесь вы, козлы!

В результате новая драка была остановлена, кое-кто получил по шее от милиционеров, а дежурный вытащил из камеры Ника, Ивана и почему-то господина, прозванного Чипом Бритыми Висками. Чтобы новой драки не случилось. Под шумок выпустил и испуганных бомжей с нелегалом, разрешив им шуровать на улицу.

Инга с торжеством сообщила Нике, тут же отдавшей Никите его пиджак, что Дэн обязательно приедет спасать их, и что им теперь бояться нечего, а потом занялась сюсюканьем над нечастным Иваном, который отмахивался от девушки, как от назойливого таракана. Бритые Виски сидел в задумчивости и держался за голову. Серьезно он не пострадал, но голова у него все равно болела.

А Ника теперь оказалась меж двух огней — она сидела между Кларским, так и ни проронившим ни слова и просто сцепившим руки на коленях, и все тем же усатым господином. Последний не замедлил вновь начать заигрывать с девушкой. Предлагал тепло, и ласку, и даже уютную кровать. Никита, услышавший это, неожиданно встал и жестом велел Нике пересесть

на его место. Она дико удивилась, но кивнула ему в знак благодарности и пересела. В отдалении от усатого, закрытая от него Кларским, девушка почувствовала себя в относительной безопасности. С Никитой дядька заигрывать почему-то не стал и обиженно уставился в пол. Один раз он пробовал выглянуть из-за плеча парня и игриво помахать светловолосой, но Ник медленно повернул голову и одарил дяденьку таким взглядом, что тот больше попыток продолжить общение с Никой не делал. Наверное, действительно поверил, что они — пара.

Дежурный закончил писать свои сочинения, вволю поглумился над затихшим Скайдом, и вновь зачем-то стал учить уму-разуму Ингу и Нику.

— Ну, девушки, зачем вам эти дураки? Вот они уже сейчас привлекаются, а что через пару лет будет? Вот сопьются ваши мальчики, и будете вы, как все эти тетки, которые постоянно с заявами на своих благоверных бегают, потому что супруги-алкаши их лупасят. — Оказалось, у дежурного была очень пессимистическая точка зрения на жизнь.

— Вот и я тоже так думаю, — встрял усатый.

— А ты вообще молчи, Краснозубов, тебе думать рано. Кто свою сожительницу рукоприкладствовал?

— Так это ж по пьяному делу, начальник, — стушевался тот сразу.

— А мне какая разница? Ты и по трезвому дурак дураком.

— Не собираемся мы ни за кого замуж, — нервно сказала Инга. — Пока. Да, Иван?

Иван что-то лишь промычал. Он не собирался жениться на ней не сейчас, ни потом. Длинноволосая родственница Смерча порядком ему надоела, и он уже проклинал тот час, когда согласился пойти с ней в кафе. А вот господин Бритые Виски хамовато заявил, что он не прочь взять ее в жены на пару дней. Ну, или хотя бы на ночь.

— Ты такая милая, — соблазняющее улыбнулся он девушке. — А демоны такие голодные… Мечтают тебя съесть прямо на этих скрипучих стульях…

— Не похабствуем в отделении милиции, — тут же встрял дежурный.

— О'кей, шеф, — поднял руки вверх рокер, — попохабствуем в другом месте. Да, блонди?

— Иван, скажи, чтобы он от меня отстал, — потребовала Инга у молодого человека в очках. Тот открыл, было, рот, но, увидев кулак длинноволосого, вновь закрыл его.

— Правильно, Ванечка, молчи, нечего с таким мусором разговаривать, — тут же нашлась сестра Смерча. При слове «мусор» те, кто находился за решеткой, заржали, а лейтенант только скорбно покачал головой.

— Даже я такие слова не говорю в вашем отделении. Выпусти меня, а, начальник? — сказал заискивающе усатый дядька.

— Перетопишься, Краснозубов. — Буркнул дежурный. — Посидишь здесь. Все сидят, и ты сиди. Мне одному скучно. А-а-а, а вот и новый гость!

В отделении притащили задержанного за воровство шин парня в широких спортивных штанах

и очень хитрым выражением лица. Он был посажен на еще один скрипучий стул и, к великому ужасу Ники, стал с ней заигрывать. Парнишка и к Инге приставал, но рокер очень дружелюбно улыбнулся новому гостю этого душного помещения, и тот все свое внимание направил на Нику.

— Не лезь к девушке, Васек, — тут же встрял усатый, который, как оказывается, знал «новенького», — она с серьезным парнем тут. Вишь, как его отделали знатно?

— С кем это красава? — обиженно спросил любитель чужих шин. — Серьезный кадр?

— Вот с ним, — кивнул на Ника дяденька Краснозубов. — Серьезный.

Кларский поднял голову и удивлено спросил:

— Со мной?

— Ну, ты ж ее пацан, — все никак не могу успокоиться Краснозубов.

— Ее?

— Точно! Мой, — расплылась в фальшивой улыбке Ника и заискивающе посмотрела на молодого человека, в душе ругая его последними словами. — Ты же мой парень…

— Размечталась, — резко отозвался тот.

— Хватит шутить, — неожиданно схватила его за руку девушка и прижалась к плечу. — Я — твоя девушка!

— С какой стати? — прошипел он.

— Пожалуйста, — взмолилась светловолосая шепотом. — Они все на меня плохо смотрят.

— Плохо смотрят, значит, заслужила, — попытался освободиться парень от ее захвата. Ника испуганным клещом вцепилась ему в руку со всей силой — как раз в то место, которое до сих пор ныло от сильного захвата Скайда, к тому же раньше именно в этом месте Никита ломал руку целых два раза.

— Отстань от меня, идиотка! — резко стряхнул он девушку, чувствуя, что с удовольствием бы сделал ей больно взамен того, что сейчас Ника доставляла боль ему.

— Милый, я хочу тебя обнимать.

— Я сказал — отлипни от меня!

— Эй, граждане! — постучал ручкой по столу дежурный, явно развлекаясь. — Алло? Видите себя прилично, а то сейчас обоих отправлю за решеточку.

Парень и девушка его не слушали. Они вновь тихо ругались.

— Вот-вот, сейчас ругаются, а через пару лет он ее бить начнет, — картинно вскинув руки, громко сообщил всем лейтенант. — И буду я выслушивать ее жалобы, мол, зачем, гражданин начальник, я за эту свинью замуж пошла… Успокойтесь вы уже! Эй, граждане…! Как ваши фамилии?

— Кларский, — ответил Никита с презрением глядя на свою «подругу».

mir-knigi.org

— Карлова, — одновременно с парнем бросила Ника.

— Как-как? Хе-хе-хе, — захмыкал милиционер и грянул вдруг на всю комнату. — Вы тока подумайте. Парочка сидит: Кларский и Карлова! Прямо Клара и Карл!

— Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет! — скороговоркой пропел зашедший из соседнего помещения мужчина в штатском, держащий в руках кипу исписанных бумаг.

— Романтика! Карл у Клары украл сердечко, а Клара у кла… крар… крала… ура… тьфу на вас с вашими скороговорками. Просто сидите смирно.

— Но он меня обзывает!

— Так и ты его тоже, гражданочка Кларова

— Карлова я. — Разозлилась Ника.

— Какая разница. Пар-р-рочка… — И дежурный вновь стал что-то писать.

Никита почти безэмоционально посмотрел в сторону лейтенанта, но зато обалдевшую Нику одарил таким горячим взглядом, что девушка на пару мгновений пожалела, что при рождении ей не досталась фамилия мамы.

— Вы прямо нашли друг друга, — вставил свои 5 копеек усатый Краснозубов.

— Если не заткнешься, я найду тебя, — пообещал Кларский. С Никой они больше не ругались, сидели тихо, зато больше к девушке никто не приставал.

А потом в отделении слегка засуетились: к дежурному пошли двое сотрудников более высоких званий и какой-то серьезный человек в дорогом пиджаке. Ник тут же узнал в нем одного из адвокатов собственного брата.

Они что-то пообсуждали в уголке, и через минут двадцать все задержанные за драку были отпущены на все четыре стороны. Личные вещи им весьма заботливо вернули и почти по-отечески пожурили за драку.

— Доброго пути! — говорил дежурный. — Не попадайте больше к нам. Хотя, чего ж я так говорю-то? Попадайте, господа, у нас получается взаимовыгодное сотрудничество, хе-хе. Кларский, вещи возьми… Все на месте? «Нокиа» твоя? А твоя Карлова уже на выход пошла, догоняй…

Когда ребят, правда, почему-то по очереди, выпустили из отделения милиции на белый свет, Ника в нерешительности остановилась на крыльце отделения милиции. Честно сказать, она думала, что за ней приедет Дэн, но его не было. Ника ведь не знала, что друг Дэна еще только едет всех «освобождать», и сам Смерчинский на своем, вернее, чужом «Джипе» тоже еще только собирается подъехать к отделению.

«Чертовщина какая. Я что, влюбляюсь? Я этого Дэна знаю только ночь… какое влюбляюсь?»

Неподалеку от растерявшейся в незнакомом месте девушки в помятом нарядном платье, остановился Никита. Он включил свой телефон, увидел пару непринятых звонков от Димы Чащина и тут же перезвони ему.

— Ты где? — вместо приветствия спросил Кларский у приятеля. — Убежали вместе с Смерчинским? Ну, вы даете. Черт, мне не повезло. Найду этого кабана — урою… Да, нас уже… выпустили. Как? Ну, ты же знаешь, мой братишка постарался. Я его адвоката видел у ментов. Только как он про все узнал — не представляю. Не, Димас, не говори никому про него, просто скажи, что у меня родственник… мент, он отмазал. Да. Что там Смерчинский передает? Хорошо, я провожу ее, скажи ему, чтобы не беспокоился. А где белобрысая? А белобрысая свалила куда-то с парнем в очках. Пока.

— Эй, ты, тебя провожу до дома, — отнюдь недобрым голосом окликнул Ник медленно удаляющуюся девушку, которая от усталости едва ли не шаталась.

— Спасибо, не надо, — отказалась она тут же.

— Я сказал, что провожу, значит, провожу. Дэн попросил позаботиться о тебе.

— Дэн? — загорелись глаза Ники восторженным огоньком. — Но…

— Хватит со мной спорить, заткнись. — Рявкнул на нее злой Никита. — Шагай за мной и не отставай.

И он поспешил на остановку быстрым шагом, а девушке пришлось очень постараться, чтобы не отставать.

«Гадина, — думала про себя она, — раскомандовался, хлыщ. Злой, как удод. Ха, наверное, потому что голодный!! Голодный мужик — никчемный мужик». Почему-то это ее рассмешило. Но как только она захихикала в спину Кларского, парень обернулся и сказал:

— Ты понимаешь, что значит слово «заткнись»? Если нет, я куплю скотч, и замотаю твою ротик, принцесска.

Возмущению девушки вообще не было придела. К тому же она отчего-то думала, что этот парень, стоящий из себя крутого мэна, поймает такси или попросит приехать каких-нибудь не менее крутых друзей за ними, но он предпочел поехать на обычном автобусе! Окрестностей, как оказалось, он тоже не знал, и спрашивал дорогу к остановке у каких-то подозрительных личностей, курящих на лавочке. То, как он выглядел после драки, парня явно не волновало. Он закинул пиджак на плечо и просто шел вперед, не обращая ни на что внимание.

На остановке Никита сухим голосом разузнал ее точный адрес и мрачно пообещал доставить Нику домой живой и невредимой. Она тут же подумала, что Кларский (идиотская фамилия!) очень сожалеет, что доставит ее домой именно в таком виде, а не предварительно поиздевавшись.

В автобусе они тоже молчали, усевшись на двойное сидение, стараясь друг друга не касаться. Вернее, старалась девушка — отодвинулась на самый край. Ник вообще не обращал на нее внимания. Уставился в окно и вновь принялся о чем-то думать.

«Голова лопнет, — злорадно сказала по себя Ника, почему-то с замиранием сердца вспоминая, как близко находилось его лицо от ее в машине, — Эх, Дэн-то совсем другой… Нежный и милый, а этот… огрызок общества. Кретин! Ну, ничего, я твоей Оленьке позвоню, поприкалываюсь! Расскажу, как ты он по отделениям шляется».

— Деньги есть? — спросил перед выходом из автобуса Никита у светловолосой спутницы.

mir-knigi.org

— Есть.

— Вот и плати за себя. — Обрадовал он ее и первым направился к выходу.

— Коз-з-зел.

Но Ник сдержал слово — проводил девушку прямо до ее подъезда. Жила она в огромном двенадцатиэтажном панельном доме. А его дом, кстати говоря, находился на соседней улице, совсем недалеко.

Пока они шли к ее дому по длинной дороге, вдоль одной стороны которого располагался двор с кучей новеньких качелей и турников с весившими на них гроздьями бананов весели орущие дети, Ника встретила подружек, с которыми иногда гуляла.

— Это твой парень? — тут же заинтересовались девчонки, глядя на высокого, симпатичного Кларского, выглядевшего после драки не элегантно, а потрепанно и как-то даже по-хулигански, но все же «интересно», по их мнению.

— Это мой конвой, — отшутилась Ника.

— Какой конво-о-ой…

— Не отставай, — бросил ей парень, которого незнакомки, заигрывающие с ним взглядами, раздражали.

Ольга очень отличалась от этого сорта девочек-однодневок. Очень.

— Пока, мы спешим, — распрощалась Ника с подружками и, бросив на спутника сердитый взгляд, пошла дальше.

Около подъезда Карловой они остановились друг напротив друга.

— Топай домой.

— Ага. Спасибо, — отвечала ему Ника, невероятно обрадованная тем фактом, что сейчас, наконец, попадет домой, в свою мягкую кроватку… нет, сначала в горячую душистую ванну с пеной!

— Ты сказала это не искренне.

— Почему?

— Потому что я знаю это.

— Иди на фиг, знающий, — дерзко отвечала Ника, готовясь сбежать в подъезд. Но у нее это не получилось. Кларский перехватил ее за руку и развернул к себе.

— Глупая дешевая девчонка, — он резко взял ее за подборок. Ему просто захотелось немного поглумиться над той, чье имя было похоже на его собственное. К тому же светловолосая обладательница зеленого платья продолжала безмерно его раздражать, — будешь мне дерзить, и я вернусь. И буду не таким добрым.

— Отпусти меня. Я… я не хотела этого говорить, — холодные глаза парня вновь напугали вообще-то смелую девушку.

mir-knigi.org

— Хотела. — Не сомневался Никита, не найдя ничего умнее, как приблизить девушку к себе. — Ты думаешь, проводив тебя, я стал добрее? Ты мне понравилась во время нашего совместного похода в «ментуру»? Я возжелал защищать тебя от каждого придурка? Нет, маленькая моя. Если ты хотя бы на секунду подумала так, прикуси язычок. Боль помогает вернуться в реальность. Меня просто попросил об услуге Смерчинский. А мне нужны хорошие отношения с этим парнем, вот и все.

— Я, правда, не хотела. Отпусти.

— Иди, живее, — резко оттолкнул ее от себя Ник, уже и сам не понимая, почему так «вежливо» обращается с этой глупой пустышкой. Она тут же скрылась за тяжелой дверью, но через минуту вновь разозлила Кларского. Теперь уже точно специально.

— Эй, ты, — заорала в подъездное окно второго этажа Ника. — Ты, окурок!! Это тебе!

Ник сердито обернулся, поднял взгляд, и она, радостно заржав, показала ему сразу два средних пальца, вытянув руки в окно.

— Nзапрещено цензуройN! — бросил в ответ Кларский и с размаху пнул ногой по попавшемуся на его пути камешку. Тот отскочил и ударился о капот припаркованной поблизости оранжевой, явно женской, машины, которая тут же дурным голосом взвыла. — Вот… дура.

— Это тебе!! Чтобы тебя гопники поцеловали, Клара!

— Чтобы я тебя больше не видел, кретинка! — заорал парень Нике, продолжающей с довольной улыбкой торчать в окне и показывать ему не совсем цензурные жесты — только теперь нахально вскинув одну руку через локоть другой.

— Я тебя тоже люблю, олух! — Завопила девушка. — Дебил! Жадный козел!

А Ник, больше не поворачиваясь, быстрым шагом направился по дороге вперед, не замечая, как тихо подъехала к подъезду Карловой хорошо знакомая черная «БМВ» Через некоторое время парни, сидящие там, знали точный адрес Карловой, а также много полезной информации как о ней самой, так и о ее семье. Бабушки во дворе охотно делились информацией. А потом довольный жизнью водитель автомобиля позвонил Кларскому-старшему.

— Привет, мы узнали адрес крошки малого. Записывай…

Пока мы сидели на школьном дворе, разговаривали, нервно смеялись и, конечно же, переживали за тех, кто попал в загребущие руки милиции, всех задержанных отпустили. Об этом сообщила все та же Инга, вновь позвонив Дэну. Тот, кстати сказать, слегка прибалдел. Его друг-юрист еще не успел приехать в отделение, а всех уже выпустили! Даже пары часов для порядка не продержали, не то, чтобы штрафы выписали или еще как-нибудь наказали!

Оказалось, ребят отпустили, потому что какой-то родственник Ника оказался ментом — об этом рассказал уже Димка, когда ему почти в этот же самый момент перезвонил Кларский. Неделю назад это меня, скорее всего, восхитило бы — мои предки ведь тоже в милиции работают, и я подумала бы, что это, так сказать, знак свыше, но теперь я просто обрадовалась, что этот факт помог ему и остальным выйти.

— Попроси его проводить Нику до дома, — попросил Дэн Димку, пока тот разговаривал с

mir-knigi.org

Никитой по телефону. Он кивнул и передал просьбу Кларскому.

— А кто это такая? — мигом заинтересовалась я.

— Да так, знакомая, — поморщился Смерч. — Я их с Ником из клуба вез.

— Вот как? А она больше твоя знакомая или больше знакомая Ника? — нахмурились во мне головастики-собственники.

— Наверное, больше моя. А, хочешь, я тебе цветов куплю? — заговорщицки прошептал парень. — Взамен утерянных?

— Хочу. — Не стала отказываться я, но все же взяла на заметку какую-то там Нику. — Мне на цветы вообще не везет…

— Договорились, Чип.

— А с чего ты такой добренький?

— Я чувствую себя виноватым перед своим мелким Бурундуком, — невинный взгляд устремился на небо. Я подозрительно посмотрела на Смерча, но промолчала.

Рокеры, узнав, что их длинноволосых друзей выпустили (те тоже им звякнули), распрощались с нами, как с родственниками, крепко пожав парням руки и осторожно похлопав меня по спине, и на радостях пошли пить пиво, гогоча на всю округу. Как я поняла, они вновь хотел воссоединиться с «потерянными» друзьями, чтобы вечерком сходить еще куда-нибудь.

Мы вновь остались втроем: я, Димка и Денис. А, да, над нами еще светило солнце, и оно же сопровождало нас до машины Дэна. Почему я приплела сюда солнце? Потому что оно стало моим спутником.

Как известно, если в компании три человека, то двое из них объединяются против третьего. Вот Смерчинский и Чащин умудрились объединиться. Спелись, гады. Они, соблюдая нейтралитет, вели себя довольно спокойно и дружелюбно и дружно подкалывали меня, как будто бы это я только что устроила разборку с рокерами.

Я возмущалась и спорила с ними, но внутри на самом деле была обеспокоена происшедшим в кафе, поэтому роль «третьего лишнего» поддерживала старательно. Пусть уж парни ко мне пристают с шуточками, чем друг ко другу. А то устроят еще и между собой драку, я явно разнимать их не полезу, и, в конце концов, мы все втроем окажемся в том же самом «обезьяннике», откуда только что ускакали Ник и рокеры, выручены родственником Кларского. Хм, интересно, если у него кто-то из родственников — мент, знает ли он моего отца? А, ладно…

— У меня машина припаркована около кафе, — сказал задумчиво Смерч. — Идемте к ней, развезу вас по домам. Не спорь, — вдруг повернулся он к Чащину, — у тебя лицо разбито, и видок не самый лучший. В машине аптечка есть.

— А сам-то как? — кивнув, спросил мой одногруппник.

— Почти порядок.

— Морда целая. — Констатировал Дима с уважением.

— Вот и я в шоке, что целая. Я думала тебя, Смерчинский, прикончат на месте.

— Поэтому ты орала: «не пускай его к ним!», «защити его от них!», — спросил одногруппник тоненьким голоском, даже отдаленно не похожем на мой.

— Какая ты у меня заботливая, — вздохнул Дэн.

— А куда нам идти-то? — оглядывалась я по сторонам, хромая, — я чего-то плохо помню, откуда мы бежали.

— И я плоховато, — согласился Димка.

Дэн посмотрел на высокие деревья, будто на их ветках была развешана подробная карта района, и сказал уверенно:

— Я помню.

И он уверено повел нас через смутно знакомые дворы к «Сырному и чуду». По пути милый Смерч заметил, что я хромаю, и сделал очень заманчивое предложение:

— Больно, Чип? Взять тебя на руки?

— Спасибо, я сама.

— Мы будем нести тебя по очереди, — предложил Дэнни. К моему ужасу, Димка кивнул.

— Тем более, я сама! — вновь пришлось мне отказаться от подобной затеи. К кому-кому, а к Чащину на руки не полезу! Это тоже самое… что с подругой целоваться!

— Серьезно, Бурундук. Я же вижу, что тебе больно. — встрял Чащин.

— За Бурундука я тебя не тресну в репу только потому, что ты и так побитый, Чаща Лесная.

Я старалась не хромать и идти нормально, хотя ногу жгло так, словно бы ее решили поджарить. Чтобы не обращать внимания на мозоль, я болтала.

— А мы в кафе не заплатили вообще, — вдруг вспомнилось мне. От этой мысли я повеселела. — Круто! А-ха-ха-ха-ха! Мы надули кафе, парни!

И я радостно засмеялась.

— Что дурочкам еще для счастья надо? — выразительно посмотрел на меня Дима. — Только это…

— Они умудряется обрести счастье и в малом, — покивал серьезно Смерч и спросил у меня, как заботливый дядюшка у неразумной племяшки. — Да?

— Балда. Хм, — оглядела я ребят. — Мне прямо стыдно с вами идти. Если Дениска просто потрепанный, как после попойки, то ты, Димка, выглядишь эпично.

— Мы такие, потому что были заняты делом, — гордо отозвался на это Чащин.

— С каких это пор драка стала «делом»? Ты что, в конец рехнулся?

mir-knigi.org

— Молчи уже, Машка.

Молчать я не хотела. Меня вообще успокоить сложно, а как нахлынет…

— Хо-хо. Такая милая я и такие стремные вы. Помните мультик «Леди и бродяга»? Про нас его продолжение можно снять: «Леди и бродяги». Нет… «Леди и две бродяжки». Или «Восстание бродяг»? Как вам? А «Властелин Бродяг: два лоха»? «Гарри Поттер и 2 оборванца»? Нет, тогда мне придется быть за Гарри, а я не хочу такого счастья. Тогда так: «Леди Марья и два оборванца». Или лучше «голодранца»? А еще мне нравится вот это: «Белоснежка и 2 гнома». Побитых гнома, а лучше гнума. «Пацанские войны. Эпизод V: Бродяги наносят ответный удар».

— Леди, вы слишком критичны, — в шутку отвесил мне полупоклон Смерч.

— Если не нравится с бродягами, могу предложить еще «В джазе только бомжики».

— Леди не критична, а кретинистична. — Заявил Димка под молчаливое одобрение Дениса. Во-о-от, узнаю старого-доброго Чащина — он в своем амплуа.

— Не, я погорячилась с первыми названиями. Вам куда больше подойдет озвучить самих себя в мультике для взрослых: «Рокки и Дэйл: История одной страсти». Смотрите только на «Б.Г. — ТВ»!

— Что еще за «Б.Г.-ТВ»? — подозрительно покосился на меня переставший ржать Димка.

— Бед Гайс, — ответила я тут же. Вроде бы чушь несу, но, с другой стороны, это помогает разряжаться.

— Так ты у нас не совсем тупенькая, Бурундукова, целых два слова на английском знаешь.

— Меня поражает другое. Откуда наша маленькая Машенька знает о таких скверных каналах кабельного ТВ? Смотрит их тихими вечерами, да? — развеселился и Смерч.

— Машка — та еще извращенка. Она один раз… — Заржал Чащин и в лицах пересказал Смерчу один эпизод из универской жизни, когда наша группа, отмечая «золотую середину», поехала в клуб в полном составе, зарезервировав там кучу мест за столиками. В полночь, когда большая половина наших уже и лыка не вязала, на сцене стали показывать мужской стриптиз. Маринка и Лида оживились, я и рядом сидящий с нами Димка начали дружно ржать.

Трое накаченных и загорелых парней-танцоров, щеголяющих в набедренных повязках леопардовой расцветочки, медленно переместились со сцены в зал и стали выводить девушек в проходы. С ними стриптизеры под общие одобрительные выкрики весьма откровенно танцевали и соблазняли. Одной из таких несчастливых оказалась и я. Высокий парень с черными волосами до пояса, легко вытащил меня за руку и повел следом за собой, решив, что я с ума сойду от счастья, если он начнет танцевать вокруг меня.

Одногруппницы восторженно захлопали, Димка чуть не утоп в стакане с пивом, а я попыталась отпихнуть волосатого придурка, совершенно обалдев от глупости ситуации. Отпихнуть его не получилось и закончилось все тем, что он подхватил меня на руки, покружил для порядка и, надо отдать ему должное, вернул за столик. Подмигнув, танцующей походкой он удалился к своим шестам, откуда пару раз посылал воздушные поцелуи на потеху подругам и приятелям.

В сегодняшней интерпретации Чащина выходило, что я сама зазвала стриптиз-боя к себе и набросилась с объятиями, а тот от меня отбивался. Смерчинский веселился вовсю, Димка

прикалывался, а я молча выслушивала весь этот бред.

А потом, когда они успокоились, нашарила на дне сумочки гость монет и с улыбкой доброго человека протянула их Димке.

— Вот, возьми.

— Зачем?

— У тебя знатный фингал будет на скуле. Приложи, авось полегчает. Ха-ха-ха!

— А зачем так много?

— Боюсь, у тебя лицо фиолетовым все станет.

— Смерчинский, убери ее от меня, — простонал Димка.

Я довольно улыбнулась. Да, пусть уж Димка со мной ругается, чем опять со Смерчем ссорится.

— Чип, — ласково позвал меня Дэнв, — солнышко, что ты несешь? В результате скачка адреналина в крови возбудимость коры головного мозга повысилась?

— Ага… Вас увидела и перевозбудилась…

Так, припираясь, мы и дошли до черного красавца — «Джипа», ожидающего нас неподалеку от кафе. Лаки Бой вытащил ключи, которые, как оказалось, были у него запасными, а после обнаружил, что машина и без того не была закрыта. Впрочем, ничего страшного с ней не случилось — ни один автоугонщик или просто проходящий мимо гопник на шикарную тачку почему-то не позарился.

— Ого, твой конь? — изумленно спросил Чащин.

— Не-а, друга.

— Клевая тачка! Джипарь-командор! Семиместный! — осталась я в восторге, обходя автомобиль. Люблю большие внедорожники такого мощного вида! Женские машинки не люблю, а вот джипы — моя слабость. Федькин, кстати, тоже обожаю, но он не собирается учить меня вождению, говорит, что ему его машина еще дорога.

— Девушкам не положено разбираться в марках машины, Бурундукова. — Наставительно заметил Чащин.

— Так я и не девушка. — Отозвалась я со смешком, проводя рукой по блестящему капоту.

— Ого! А кто? — сделал большие глаза Димка.

— Вечный ребенок, — гордо изрекла я. — Машенька

— Мне считать себя педофилом? — Спросил Дэн, залезая на водительское сидение и пристегиваясь.

— Ага, — радостно подтвердила я, пытаясь отпихнуть Димку и сесть на переднее сидение, но он аккуратно оттеснил меня и сам уселся рядом с водителем. Пришлось посверлить одногруппника гневным взглядом, но идти назад. Впрочем, я тут же уселась посредине

mir-knigi.org

широкого сидения, и моя голова оказалась между передними сидениями.

— Ты точно в порядке? — спросил Дэн у Димки. — Маша, на третьем ряду где-то аптечка должна быть, дай ее сюда.

Я нашла аптечку, всучила ее парням, и пока они колдовали над ней, вытребовала у Смерча денег и сгоняла в магазинчик напротив, купив минералки и сока. Когда вернулась, в салоне пахло перекисью водорода, боевые раны Димки «латать» закончили, и он, прижимая к лицу свинцовую примочку, теперь щеголял пластырем на скуле. Хорошо, что никто серьезно пострадать не успел…

— Красавчик, — залюбовалась я на одногруппника.

— Не приставай, а то я тебя лично высажу, и побежишь за нами, — пригрозил он мне тут же, и мы поехали.

— Хорошо. Пейте, мальчики. Что бы вы без Маши делали?

— Жили бы спокойно, — отозвался Чащин.

— Дорогая, я уже не знаю, что бы без тебя делал, — подмигнул мне в зеркало заднего вида Смерчинский. — Наверное, и правда бы спокойно жил.

Пока мы вновь дружески препирались, у Димки зазвонил телефон. На звонке у него, как и всегда, стоял задорный Noize MC.

Головастики тут же припомнили текст песни, бурно вздохнули и активно принялись писать слова на своих планшетах:

Затянись мной в последний раз
Ткни меня мордой в стекло,
Дави меня, туши мою страсть.
Буду дымить назло.

Орел тоже эту песню хорошо помнил, хотя обычно летать любил больше под аккорды бас-гитар. И очень даже жалел лирического героя

— Да? — Спросил Дима тут же, увидев номер. — Привет. Слушай, я тут занят немного… Что-что? Кто у тебя умер? Собака? Эй, не плачь! Ты что? Успокойся! Одна дома? Все будет в порядке, не плачь. Что с ней случилось? Во-о-от как. Я сейчас не дома. Я занят, с друзьями. Я не могу приехать, — с некоторой запинкой выговорил парень. — Не плачь так, теперь она не мучается зато.

Я уставилась на разговаривающего. Это у кого там собачка умерла? Бедный человек… У меня в детстве тоже собака была, и когда она потерялась, я долго ревела.

Когда Чащин убрал телефон, я тут же поинтересовалась, кто ему позвонил. Мысли-головастики машинально продолжали вспоминать текст песни и угомонились только на словах «но сели честно, во всем виноват я сам». С чем и расползлись по своим норкам.

— Это моя… знакомая. — Нехотя отозвался Димка и нервно забарабанил пальцем по подлокотнику.

mir-knigi.org

— У нее что-то случилось? — поглядел в зеркало заднего вида тактичный Смерч.

— Собака у нее умерла, — вмешалась я. — Ты что, глухой? Дим, это твоя девушка, да? Просто же знакомая не будет звонить и плакать… Да не стесняйся ты, это та девушка?

— Ну, да, та девушка, — вяло откликнулся Чащин. — Плачет, говорит, дома никого нет, а собака… А, черт!

Он резко вытащил телефон из кармана и перезвонил ей.

— Я сейчас буду, — произнес он отрывисто, — я сейчас приеду, только успокойся, хорошо? Дай мне минут пятнадцать, и я приеду. Вот и славно, молодец, утирай слезки. Я что-нибудь придумаю. Пока…

— И почему я должен к ней ехать и жалеть? — выдохнул Чащин, пятерней взлохмачивая волосы. — Так, ладно, Смерч, останови около следующей остановки, пойду успокаивать.

— Говори адрес, довезу до ее дома, — тут же предложил добрый Денис.

— Да она как раз неподалеку живет, — махнул рукой Чащин. — Не нужно. Блин, и что мне теперь делать?

— Купи ей что-нибудь сладкое, — посоветовал сочувственно Дэнни. — Она не захочет его, но сладкое успокаивает.

— Ага.

— Или сделай ей сладкий горячий чай или кофе. — Продолжал Дэн. — Не забудь, что ей сейчас нужно твое крепкое плечо, и просто обними. Не говори ей, чтобы она не плакала, иначе будет рыдать сильнее. А, да, и заставь ее смотреть тебе в глаза.

— Зачем?

— Она быстрее успокоится, серьезно. Сделай так, чтобы девушка не глядела в одну точку — иначе с рыданиями зависнет. Нужен контакт глаза в глаза. И хорошо, что это… всего лишь собака. А не человек.

— Это да. Но пса-то она тоже очень любила. — С горечью произнес второй парень. — Никогда не видел, как она плачет. Я вроде и не при чем — собака у нее старая уже была, но слышу ее плачь и чувствую себя подонком.

— Прерогатива женских слез, — задумчиво отозвался Смерч. — Они уменьшают уровень тестостерона в крови мужчин. Короче, делают нас слабее.

— Или злее. — Возразила я, искренне жалея девушку Димки. — Федька всегда злиться, когда кто-нибудь рядом рыдает.

— Злится, потому что не знает, что делать. Я тоже не знаю. Когда вижу плачущую девушку, хочу смотаться на другой конец города. — Признался Смерчинский.

— Ха, тебе повезло, что я не плачу. А как ее зовут, Дим?

— Кого?

mir-knigi.org

— Твою подругу, которая тебя ждет!

— А-а-а… Это… Вика.

— Не забудь ее потом мне показать. Да, Дмитрий, просто поддержи свою Вику, — подумав, сказала я. — Пожалей. Даже если она гордая, то в глубине души все равно хочет жалости из-за случившегося. Только это… с поцелуями не лезь и всем таким.

— Бурундукова, — устало отозвался бедный Чащин, которому предстояло успокаивать рыдающую девушку, — что за мысли? С первого курса удивляюсь извращенной направленности твоего мозга

В это время Дэнв затормозил около нужной остановки.

— Эй, — похлопала я по плечу Димки, прежде чем он вышел из машины, — ты молодец, что о ней заботишься.

— Да, точно, — болезненными глазами посмотрел на меня он, словно не у его неведомой мне девушки умерла собака, а у меня.

— Ты крутой чувак, — стараясь поддержать приятеля, сказала весело я, — как только к ней придешь, она перестанет плакать!

Он, на прощание пожав руку Дэну и расстроено кивнув мне, молча вылез из машины и убежал, не оглядываясь. А я пересела на переднее сидение, поближе к Дэну.

— А я никогда не видела его девушку, — задумчиво сказала я. — Мне прям интересно, какая она. Он нам ее покажет?

— Не думаю. — Вновь поехал вперед Смерч.

— Почему?

— Тебе точно не покажет. Он не из таких, кто будет заставлять ревновать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ему нравишься, — отозвался Дэнв, перестраиваясь в другой ряд.

— Димке? Очень смешно. — Покачала я головой. Вообще-то это было не очень смешно. Потому что в кафе он вел себя очень странно.

— Я не смеюсь. — Вздохнул Денис. — Я говорю тебе то, что вижу.

— Я немного думала об это, но… Да не правда это! Мы — друзья.

— Это ты его считаешь другом, глупый мой бурундучок, — грустно улыбнувшись, отозвался Дэн.

— Думаешь, я не смогу спросить его об этом прямо? — несколько рассердилась я. Или занервничала?

Орел, вальяжно разлегшийся на крыше машины, недовольно перевернулся, подтянулся и, опустив голову, заглянул в окно, уставившись немигающим взором на нас двоих. Монстрик

повторил его маневр и тоже уставился на нас, высунувшись в противоположное окно. Стекло не было преградой для обоих обладателей крыльев — любопытный клюв и любопытная пасть с легкостью просовывались сквозь него.

— Нет, я серьезно могу у него спросить насчет этого.

— Сможешь, Чип. Ты смелая и порой безрассудная. — Все так же спокойно отозвался брюнет. — Только подумай, к чему это приведет? Ты спросишь, он ответит правду, потому что твой внезапный вопрос его обнадежит. И, в результате, вы не сможете общаться, как прежде.

— Почему? — не слишком-то укладывалось у меня в голове, как могло случилось такое, что я стала нравиться Чащину. Чащину! Тому, кто воровал у меня конспекты, пугал, ржал, обзывал, участвовал вместе со мной в КВН и делал кучу пакостей.

— Потому что он для тебя только друг. — Отозвался Денис. — Он хороший парень, веселый, надежный.

— Я знаю и без тебя, что хороший. А откуда ты знаешь, что он просто друг, может, он мне нравился тоже? А?

— До этого ты любила Кларского и вообще никого вокруг не замечала, Маша.

— А что мне мешает полюбить Димку сейчас? — с вызовом спросила я. Ответ мне понравился до усиления пульсации крови.

— Я.

— Ты всегда мешаешь. Так, все. Завязываем с этими разговорами. Иначе мы поссоримся, — честно предупредила я Смерча.

— Да, как скажешь. — Дэн стал отстраненным, и мне это не понравилось. Чтобы он не обижался, я положила руку на его ладонь, сжимавшую руль, и проговорила не своим голосом.

— Ладно, мешай.

— Ммм?

— Можешь мешать, Смерчинский.

Вместо ответа он склонился к рулю и поцеловал мою ладонь.

— Какой ты все-таки ребенок, Маша.

— Помоги мне повзрослеть, — подмигнула я ему неожиданно для себя. — И это… Я все еще помню про все твои обещания и про то, что ты обещал после зачетов… — Мой взгляд случайно упал на панель приборов, на которой зелеными цифрами высвечивалось время. — Я же опаздываю домой! — возопила я.

— Опаздываешь? Сейчас доставлю тебя домой в лучшем виде, зайка моя, — тут же отозвался Дэн, заметно повеселевший.

— Как ты меня назвал?

— Зайкой.

— Ты же говорил, что тебе не нравится, когда парочка сюсюкается. А сам меня так называешь

— Это шло от сердца, Чип. — Не обиделся Смерч. — Сегодня я хочу тебя называть именно так. Погнали к твоему дому?

— Давай. Буду признательна… Если мама не убьет меня за то, что я опаздываю на встречу с будущими родственничками… Не, она меня точно убьет!

Лучше бы я не соглашалась на его в ту минуту такое привлекательное предложение. Этот безумный день продолжался дальше.

Смерч плавно затормозил около моего дома (удивительно, но как раз одно из мест на обочине дороги перед домом, которую жильцы использовали как «парковку», оказалось свободным!) и, перегнувшись через меня, не забыв чмокнуть в щеку, открыл дверь.

— Какой ты галантный, — засмеялась я польщено, вновь надевая босоножки, которые в салоне снимала.

— Какой есть.

Я поспешно вылезла из автомобиля.

— Стой, — окликнул меня Дэн.

— Что?

— Подожди минуту. — Он тоже вышел из машины и приблизился ко мне. Мы вновь оказались стоящими под фонарем, как и совсем недавно. И вновь также близко друг от друга. — Я тут хотел кое-что получить от тебя, как знак благосклонности.

— Что же? Мне бежать надо…

Денис наклонился ко мне, не глядя в глаза, дотронулся до волос и аккуратно поправил пару прядок.

— Волосы растрепались.

А я в свою очередь заворожено уставилась на его губы.

По фиг на волосы. Чего тормозишь? Давай уже, делай свое наглое смерчинское дело.

«Требуем поцелуя!», — сговорившиеся головастики мигом вытянули вперед огромные плакаты с кривыми сердечками всех цветов радуги.

Да и орел тоже бы не отказался от продолжения банкета, но… не суждено было ему сегодня попировать за богатым столом романтики и отпить из бокала пьянящей нежности.

Монстрик что-то сердито ухнул и забрался под капот.

Дэн наклонился еще ближе. Но едва коснулся моих губ своими, положив одну руку мне талию, а другой осторожно взяв за подбородок (я чуть не испарилась от счастья, словно эфирное масло под ветром), как нам кто-то «очень вовремя» помешал. Какой-то грешный умник, которого объятия влюбленных явно не умиляли, громко просигналил нам пару раз,

mir-knigi.org

остановившись неподалеку.

Дэн вздрогнул. Я пожелала умнику провалиться сквозь землю.

— Эге-гей, оголтелые, — раздался зычный окрик. — Отставить! Не положено!

Я, тут же взяв назад слова о том, чтобы умник провалился, потрясенно замерла, махом убрав руки с плеч парня. Глаза у меня забегали туда-сюда, как у мультяшного провинившегося героя.

Смерч помедлил с поцелуем, которого я так ждала, распахнул глаза (орел тут же плотоядно сравнил его ресницы с лакомыми бабочками), и поднял слегка затуманенный, но сердитый взор на тех, кто ему помешал.

— Что это вы тут делаете, ребятки? — Второй голос, более молодой, чем первый, и до ужаса вкрадчивый, поверг меня еще в больший шок. — Чем это таким вы тут занимаетесь? Кто тут мою сестричку лапает?

Удивленный бедняжка Смерч отпустил меня. Я же в панике оглянулась и отшатнулась от него на пару шагов назад, усиленно делая вид, что стою тут просто так и вообще, вышла на улицу подышать свежим воздухом.

— Здравствуй, Мария. — Степенно кивнул мне один из помешавших.

Я обреченно вздохнула. Ну вот, дедушку Смерча я знаю, а он моего пока нет. Но сейчас у него есть превосходный случай познакомиться с ним. Потому что дед как раз вылез из Федькиного внедорожника и приблизился к нам, изучающее склонив голову на бок.

— Привет, дед, — улыбнулась я подхалимски маминому отцу. — Как дела?

Дед выглядел внушительно даже в преклонном возрасте: высокий, подтянутый, с прямой спиной, абсолютно седыми коротко стриженными волосами и всегда гладко выбритый. Сейчас же величественности ему добавлял военный парадный мундир, в который он облачился по торжественному случаю (дедушка дослужился до звания полковника Ракетных войск и артиллерии и очень этим гордился). Федька, кстати, его точная копия в молодости, стоял тут же. Оба моих родственника выглядели сейчас суровыми-пресуровыми, будто б были разведчиками, ловившими в военное время шпиона около какого-нибудь ГлавШтаба, и, наконец, настигнувшими его.

Видя их лица, я забеспокоилась. Эти двое — не папа. Они сейчас Смерча расчленят морально, а потом еще и маму позовут.

— Уходи, сваливай, — прошептала я Дэну, косясь то на «Джип», то на него. Он, однако, к моим словам не прислушался и продолжал спокойно оставаться на своем месте.

Я перевела взгляд на подозрительно щурившегося дедушку и принялась заискивающе ему улыбаться. Он у нас старик суровый, но прикольный. Поиздевается, может, над Дэнвом, и отпустит его на все четыре стороны.

— Что ты мне улыбаешься, Мария? Доложи-ка лучше, что тут происходит?

— Да так… Тебя Федька привез знакомиться с Настиными родственниками, да? А я вот тоже домой иду, — с натянутой улыбкой вернувшегося пьяного клоуна, отозвалась я.

— Вижу я, как ты идешь. Ты кто таков будешь? — рявкнул дед на Дэна.

Тот не смутился и четко ему представился — совсем как моему папе недавно. Поймал «ритм» деда, так сказать. Братишка за спиной деда только головой покачал туда-сюда.

— Это мой прия… — Хотела сказать я, радуясь, что родственнички не увидели нашего поцелуя во всей его красе.

— Имею честь быть молодым человеком вашей внучки. — Перебил меня Смерч.

— Так вот ты какой, северный олень, — оглядывал с огромным интересом Дэна Федька, словно пришел в зоопарк и впервые в жизни увидел чудное животное. — Вот я тебя и увидел во всей твоей красе!

— Молодой? Человек? Вот оно как. — Заложил руки за спину дед, обходя парня кругом. Он не слушал внука, а пристально рассматривал Смерчинского, но если взгляд Федьки был насмешливо-изучающим, то дедушка больше походил на прапорщика, разглядывающего новобранца. — Жених, значит? Хм… В армии служил, малец? — строго поинтересовался дед вдруг.

— Отстань ты от него, — возмутилась я. — Он и не…

— Марья, когда старшие разговаривают — молчи. — Махнул дедушка на меня рукой. — Ну, служил?

— Нет. — Тут же отозвался Смерчинский довольно бодро, — моя служба еще впереди. Пока учусь в университете.

Я, не смотря на очередную глупую ситуацию, прыснула в кулак, представив Дениску лысым, с автоматом в руках и в форме новобранца каких-нибудь сухопутных войск. Не, его по любому отмажут!

— Какую профессию получаешь? — продолжал допрос дед.

— Переводчика.

— Военного?

— В нашем университете отсутствует военная кафедра, — отозвался Смерч.

— Прискорбно. Нравится учеба?

— Да.

— Сколько еще осталось учиться?

— Год.

— Ну, хорошо… кхм… Денис. — Пробормотал дедушка, явно посмеиваясь про себя. — А я — родной и единственный дед нашей Маши. Полным званием представлять не буду, ни к чему это. Можешь называть меня Павлом Георгиевичем. Сухопутные войска в моем лице, так сказать, открыты для тебя. Круглосуточно и без перерыва на обед. Приходи и выполняй свой долг.

mir-knigi.org

— Машкин старший брат, Федор, — небрежно представился и Федька, скептически продолжая оглядывать бедного Смерчика, которому, наверное, не улыбалось служить в армии, и так пожал ему руку, что у него едва заметно дрогнули уголки губ, но улыбаться он не перестал. Рукопожатие братца не каждый выдержит, честно сказать, если тот постарается.

— Ну, мотоциклист, вот мы с тобой и встретились. Я прям рад. — Хищно проговорил братец, который явно задумал затерроризировать Дэйла. — А мотоцикл, кстати, где? Разбил уже?

— Я сегодня на машине, — похлопал черный «Джип» по блестящему боку Смерчинский. Федька тут же уставился на машину, пожевал губу, прикинул в уме стоимость «Джип» и, кажется, по достоинству ее оценил.

— Богатенького нашла? — прошептал брат мне на ухо. — Ну ты, Машка, даешь. Пусть нас всех обеспечивает. Права-то есть? — повернулся он к Дэнву.

— Обижаешь. Есть. — Улыбнулся тот.

— Отлично, парень, как там тебя? Денис? Эх, ну и хороший же сегодня день, а? Вот я когда к девушке своей приходил, тоже на ее батю наткнулся однажды, но ничего, выдержал, — положил Федька руку на плечо к поскромневшему Смерчу. — И ты выдержишь. Семья у нас славная, дружная, а найти женишка нашей Машке мы уже и не пытались. Но теперь есть ты, и все в ажуре.

— Что ты несешь! Какого женишка? Отпусти Дениса и пусть он уезжает. — Рассердилась я.

— У нас сегодня праздничный ужин намечается. — Пробасил дед тем временем. — Идем с нами, Денис. Представишься семье, так сказать, официально. Расскажешь о своих намерениях касательно нашей девочки.

— Что? — переспросил Дэнни несколько изумленно.

— Точно-точно, — поддержал его и Федька. — Вот и я о намерениях хочу узнать. А мать в каком восторге будет! Так что вперед, за нами, парень.

— Вы что, с ума сошли? — закричала я на весь двор. — Никуда он не пойдет! Дэн, уезжай.

— Дэн, ты — настоящий мужик, не уезжай. Идем с нами, — тут же заговорил Федька, явно наслаждаясь ситуацией. — Мне сегодня тоже с родней невесты общаться, так что ты будешь не одинок.

— Уезжай. Ты же спешишь, да? — подняла я взгляд на Смерча, моля, чтобы он уехал.

— Если твои брат настаивает, — растянулись губы в улыбке у моего якобы парня, — не буду отказываться.

— О, молодец! Наш человек, — закивал довольный Федька.

— Та-а-ак, за мной, рота в два идиота, — отдал приказ дедушка и первым зашагал к подъезду. — Не отстаем.

Орел только крякнул.

А монстрик Смерча решил попасть в квартиру через открытое окно.

mir-knigi.org

— Павел Георгиевич, разрешите сказать, — произнес вдруг мой лжепарень несколько нерешительно, и я уже обрадовалась, что он сейчас скажет, что никуда идти не может — у него, видите ли, дела. Однако, меня ждало громадное разочарование.

— Разрешаю, — замер около подъездной двери дедушка.

— Я не могу пойти к вам…

— Правильно, не ходи! — согласилась я радостно. — У тебя ведь куча дел, да? Друзей с поезда встретить…

— … не купив цветов Машиной маме, — закончил Смерчинский.

Каких еще цветов, идиот! Спасай свою шкуру и беги отсюда! У нас дома такие монстры сидят, что твой монстрик по сравнению с ними просто ничтожен. И вообще! Ты не должен быть таким… идеальным! Покажи себя с плохой стороны, а не будь таким хорошим, ты ведь мне все больше и больше нравишься, тупица!

— Чего не купив? — Обалдел братишка-простофиля, не обремененный особыми манерами.

— Цветов. Или хотя бы конфет. — Серьезно произнес Дэн, незаметно вновь касаясь моей ладони, словно говоря, что все в порядке. — Я не знаком с родителями Маши, и поэтому не могу придти просто так.

— Вежливость — не порок, — кивнул дед, явно оценив своей широкой офицерской душей красивый порыв парня. — Исправлять не будем. Так, Федор, цветочный магазин недалеко. Даю десять минут. И купи цветы теще. Совершенно чокнутая женщина, — подмигнул мне дедушка, вспомнив тетю Лину.

— Мы не опоздаем. Веди к магазину, — посмотрел на Федьку Смерч совершенно спокойно, будто всю жизнь готовился покупать подарки для моей мамы. Я ударила себя по лбу. Вот валенок-самоубийца!

— Ну что же, не думал, что мотоциклисты — такие вежливые парни, — хмыкнул брат, явно удивленный. Они оба под одобрительный взгляд дедушки действительно загрузились в Федькину машину и отъехали. Цветочный магазин располагался совсем недалеко от нас — буквально в пяти минутах ходьбы от дома. Дед тут же засек время на своих командирских часах, подаренных сослуживцами. Противный он. Парни опоздают — хорошенько им потом на уши присядет.

— Деда, что за дела ты устроил? Зачем Дэна позвал с собой? — начала возмущаться я вновь.

— Не хнычь, девочка моя, — улыбнулся мне он. — Надо ж мне знать, кто с тобой тут так бессовестно миловался прямо на дороге.

— Не миловался… Мы просто стояли. А я кто, кстати, если они два идиота? — вспомнила я про роту и идиотов, захихикав.

— А ты — моя любимая внучка. — Захохотал дед, прижал к себе и добавил важно. — Замуж за него пущу только когда в армии отслужит! Так и скажи матери.

— Его матери?

— Своей! Нет. Сам скажу. Та-а-ак, и что на тебе за платье такое? Распутное. Непорядок у тебя с одеждой, Маша, непорядок. Вера совсем тебя распустила.

— Да она меня заставила это одеть! Вот, еще и босоножками ноги натерла…

И я принялась со вкусом жаловать деду на маму, и на брата, и на весь мир. Он слушал и качал головой, посмеиваясь.

А Дэн и Федька вернулись через девять с половиной минут — им об этом сообщил дед, как только автомобиль брата вновь припарковался около подъезда. В руках у обоих были совершенно идентичные, но очень элегантные букеты с яркими герберами, тюльпанами и хризантемами.

Блин, даже моя мама сегодня цветы получит, а я остаюсь в глубоком пролете!

«Жизнь, штука печальная, жизнь — штука несправедливая!», — заныли головастики и картинно зарыдали.

— Почему одинаковые? — поинтересовался дед. Но, раз не критиковал букеты, значит, они и ему по вкусу пришлись.

— Наш Денис сказал, купить одинаковое надо, чтобы ни моя теща, ни его будущая… не разобиделись. — Тут же доложил брат. — А что ты, Машка, так на меня смотришь? Дениска сказал мне, что у него на тебя большие планы! И попробуй только разочаровать его. Если не он, то кто же?

— В смысле, балбес?

— В прямом. Кто же освободит наш дом от твоего гнета? Парень, у тебя квартира есть?

— Есть, — кивнул Дэн.

— Вот и ладушки, — потер руки довольный Федька. — Ну, Денисище, ты скоро моим кумиром станешь! Я тебе даже Машку помогу от нас выкурить.

Я замахнулась на брата, чтоб ударить по плечу, но он увернулся и попросил Дэна «защитить его, бедненького от сестринской тирании». То, что «бедненький» был выше Смерчинского на целую голову и гораздо шире, Федьку не волновало.

Дедушка, прикрикнув на внука, развернулся и царственно кивнул парням.

— Ну, Федор, Денис, в подъезд. Мария, особое приглашение? Нас заждались.

Пришлось шагать вперед.

Брат зашел в подъезд самым последним — явно изображая конвой для Смерчинского, на случай, если тот решит вдруг сбежать. Каждый раз, когда я оглядывалась на Федьку, он начинал мне подмигивать и усердно шевелить бровями, тыкая пальцем в спину поднимающегося впереди него Дэна. Я окидывала Федора жгучим взглядом, в душе обещая свершить над ним жуткую месть, но молчала. Дэнв тоже молчал, покорно шагая и оглядывая исписанные стены подъезда. На одной из них углядел надпись «Все дураки — одна я хорошая!» и потом, уже в универе, сказал мне между делом, что писать на стенах некрасиво — оказалось, он запомнил мой почерк и узнал его.

mir-knigi.org

Мы молчали, а дед же, напротив, разглагольствовал о том, какой приятный нас сегодня ждет вечер. Что греха таить, он действительно оказался приятным.

Дверь нам открыла мама — быстро, едва брат успел надавить пальцем на звонок. Тут же стал слышен смех, музыка и веселый гомон — такой, какой бывает только в праздничные дни, когда в квартире собираются гости.

— Ну что вы так долго? Почти все уже в сборе! — напустилась нарядная и сердитая мама на нас прямо с порога, дирижируя лопаточкой для торта. — Федя, тебя только за смертью посылать! Ой, папа, я не тебя имела в виду. Папа, раздевайся и проходи, пожалуйста. Настенька, выключи, пожалуйста, духовку! — крикнула она почти без перехода, а потом вновь повернулась к нам. — Сынок, Настина мама и родственники уже пришли, ждем только ее отца и брата. Лина отпаривала их за сладким. И зачем? У нас же все есть… Но Лину не переубедишь. Федя, иди к гостям и развлекай их. Папа, и ты иди. Та-а-ак. А где эта девчонка… Маша! Ты тоже здесь? Слава Богу, а то я думала, ты, как всегда, пропала, уже собиралась тебе звонить и… — И тут она заметила Смерча. — Ой, а что это за мальчик с вами? Федя, это твой друг?

— Друг, друг, — гнусно, как мне показалось, ухмыльнулся брат, разуваясь. — Но не мой. Мама, это цветы Лине Антоновне.

— А чей? — не сводила с Дэна мама пристального взгляда, не обращая внимания на цветы. — Папа… это твой что ли друг?

— Вера, — поправляющий перед зеркалом тщательно отглаженную форму дед весьма выразительно посмотрел на нее. — Что ты несешь? Ты понимаешь, что у меня в мои 60 с гаком лет не может быть друзей — ровесников внуков? А Василий Петрович и Игорь Вадимыч не делали пластики, чтобы зелеными юнцами предстать перед тобой и твоими гостями.

— Папа! — Возмутилась мама, но любопытство в ней победило, и она, переведя взгляд на меня, неожиданно изогнула брови и заулыбалась.

— Так ты — Машин друг! — сказала мама так радостно, словно только нашла потерянного сыночка.

— Мама, это Денис, — сказала я, вздыхая. — Парень… мой. Дедушка его позвал к нам в гости, когда увидел нас около подъезда.

Мама засияла — вокруг нее только искры света не летали.

— Твой парень? — впилась она в Дэна взглядом. — Папа, ты совершенно правильно сделал, что его позвал! Совершенно. Здравствуй, Денис!

— Здравствуйте. — Искренне улыбнулся ей Дэн.

— Я Вера Павловна, Машина мама. Какой милый мальчик! Я так хотела тебя увидеть — интересно же, с кем моя дочка встречается — но Маша упорно тебя скрывала. — Маминому воодушевлению не было конца.

— Это вам, — протянул маме цветы Дэнни, и она тут же совсем растаяла, уткнувшись в них носом. Акции Смерчинского на личном фондовом рынке мамы заметно увеличились.

— Какой замечательный букет, Денис. Со вкусом подобран. Так приятно, когда делают такие

неожиданные подарки. — Улыбнулась мама парню, и даже я умилилась — только торчавший в прихожей Федька закатил глаза и удалился в гостиную вслед за смеющимся в кулак дедом.

— Я рад, что вам понравились цветы, — искренне, как мне показалось, произнес Смерч.

— А я рада, что тебе понравилась моя дочка, — рассмеялась мама. — Она у нас девочка хорошая, яркая. И ты такой замечательный. Высокий, красивый, обаятельный.

— Машенька очень похожа на вас. — Опустил глазки в пол Денис. Я ущипнула его в бок — за «Машеньку». — Поэтому она такая милая. И такая красивая.

— Ой, скажешь тоже, — мама даже рукой махнула, но все равно было видно, что она польщена. — Пошлите знакомиться! Денис, вперед, не стесняйся! Чувствуй себя, как дома.

За спиной Смерчинского она принялась мне подмигивать — как будто бы я домой живого Дед Мороза приперла, а не парня!

Сначала мама потащила его в зал — представлять гостям. Там, кстати говоря, уже был накрыт огромный прямоугольный стол, уставленный всевозможными блюдами, сотворенными сегодня умелыми мамиными и Настиными руками. А гости в лице крестных Федьки, дяди, тети и их малолетнего сына, а также незнакомого бородатого мужчины, крохотной бабушки в шляпке и девушки-подростка увлеченно играли в игру мафию под руководством Настиной мамы — Лины Антоновны, или, как она просила называть себя — тети Лины.

— Наши опоздавшие прибыли! — сообщила громко мама. Все тут же прекратили выяснять, кто из толпы играющих и есть зловредная мафия, и уставились на нас с интересом. — Это Машенька, моя младшая дочь, а это — Денис, ее молодой человек. Знакомимся!

Настина мама, тетенька активная, молодящаяся, добрая и восторгающаяся по поводу и без, увидев нас, всплеснула руками.

— Ой, здравствуйте — здравствуйте! — заверещала тетя Лина. — Какая пара красивая!

— Какой видный юноша, — пропела тоненьким надтреснутым голоском старушка в шляпке. Она оказалась Настиной бабушкой.

Прочие были с ней совершенно согласны, и я, смущаясь, выслушивала ото всех присутствующих, что я и Дэн классно смотримся вместе (особенно ехидно это сказал дядя, намекнув, что одна свадьба — хорошо, а две — еще больше водки). Я дико смущалась и нервно долбила носком пол. А Смерч, сволочь, только и делал, что улыбался, и со всеми общался, кивал — только не раскланивался!

— У нас сегодня, так сказать, двойные смотрины, — заявила тетя Лина. — Вера, очень удачно, правда?

— Правда, — согласилась мама. — Ой, Денис, а как вы с Машей познакомились? Муж говорил, будто ты сказал ему, что вы в университете познакомились, в коридоре? Ох, у меня на кухне же дела еще… Ребята, идемте со мной, там мне и расскажете… Я хочу все знать!

Я и Дэн покорно переместились на кухню — вслед за мамой, которая была не в силах оставить без своего общества моего парня, но и кухню на одну Настю оставить тоже не могла. Тетя Лина потащилась сладом за нами. И они вдвоем с мамой принялись над нами кудахтать и между делом подкармливать Смерча бутербродиками, явно считая, что он недоедает. Они

разговорились, что не давали ни слова вставить ни мне, ни Насте (она мне только подмигнула, мол, бедные мы). И даже забыли, что хотели узнать о нашем со Смерчем знакомстве.

— У нас будет очень большая и дружная семья, — вещала Настина мама, — как хорошо, что Настена встретила Феденьку! Он жутко положительный мальчик. И родственники, вы, то есть, еще жутче, то есть, я хотела сказать, еще лучше и положительней.

— И Настенька — очень хорошая девочка, — не оставалась в долгу мама, успевая что-то строгать на досочке, — прямо как вторая дочь мне. Такая помощница…

Их восторги прервал звонок.

— А это, наверное, наш папа и сыночек, — обрадовалась тетя Лина и тут же радостно пояснила нам. — Муж и сыночка поехали в кондитерскую, вот и приподнялись. Машенька, тебе обязательно понравиться мой младшенький сыночек! Его зовут Рафаэль, он умница и красавец. Будет тебе прекрасным братиком. И тебе тоже, Деночка, — обласкала взглядом она и Смерча, после чего ласточкой вылетела в прихожую встречать сына и мужа. Мама и Настя убежали следом за ней.

— Ой, блин, вот дурдом, — вздохнула я, сидя на подоконнике (стула мне, как самой левой, не хватило), и болтая ногами. Смерч сидел за столом, прикрыв слегка покрасневшие глаза. У меня было такое чувство, что он физически устал, хотя и старается не показывать этого. Не спал же всю ночь, дурачина, вот и намаялся… Даже жалко стало… И как он сонный поедет на машине обратно?

— Слушай, прости, что ты… тут оказался. — Сказала я со вздохом. — Я не думала, что ты настолько неудачлив, что встретишь моего деда с Федькой.

— А, может быть, мне стоит расценивать это как удачу? — Смерч открыл глаза. — Все хорошо, Чип. У вас прикольно. Когда к нам приходят гости, у нас все гораздо официальнее, чиннее. А у вас абсолютно неформальная обстановка. Здоровая.

Он встал, потянулся и подошел ко мне с игривым блеском в синих глазах.

— Пока никого нет… Бурундучок, продолжим то, что начали? — предложил он, наклоняясь ко мне, опершись одной рукой о подоконник.

Я внимательно на него посмотрела и, не будь дурой, первой притянула к себе за шею. Может быть, слегка грубовато, но зато мне понравилось касаться его волос. А потом так же резко отодвинула Дэна назад.

Поцелую опять помешали новые действующие лица.

— А вот и ваш новый братик! — влетала в кухню тетя Лина, буксируя за собой высокого парня в кожаном пиджаке и черных джинах, в котором я мгновенно узнала Господина Бритые Виски. Я, не удержавшись, вскочила на ноги, и даже спокойного, как удав, Смерча появление недавнего соперника в моей кухне проняло. Я заметила, как дрогнули у него плечи, и инстинктивно напряглись мышцы рук.

Бритые Виски тут!

У орла, ворующего еду из миски котэ, тут же возникло такое чувство, что его виски тоже кто-то хочет побрить. Насильно и эпилятором. Он даже кормиться перестал.

— Рафаэль, познакомься, это Машенька и Денис, наши будущие родственники. Ребята, вот мой сыночка, он умочка и лапочка, только чуточку застенчив и угрюм. — Не умолкала тетя Лина. — Вот ты все говорил, что тебе будет скучно в гостях будет, дорогуша. Но теперь тебе точно будет весело — тут ведь такие замечательные ребята. Твои ровесники, между прочим. Машенька — сестра Феди, а Денис — ее жених. Ой, Рафаэль, осталось теперь тебе невесту найти, и вы будете семьями дружить! Как же замечательно!

Мама, тоже вернувшаяся на кухню, пожала за спиной Лины Антоновны плечами — та ее слегка замучила своим энтузиазмом.

Бритые Виски, волосы которого сейчас вновь были забраны в низкий хвост, мрачно уставился на мать, держащую его за руку, а потом медленно перевел взгляд на меня. Он удивился, ничего не скажешь. Но все-таки рокер нашел в себе силы и даже подмигнул мне. Правда, без былого огонька в серых глазах.

Но когда он заприметил Смерчинского, глаза у него только что на лоб не полезли.

— Ну, где твои манеры, Рафаэль? Поздоровайся с ребятами! — топнула ногой тетя Лина Антоновна. — Что они о тебе подумают?

— Привет, ребята, — произнес парень с кривой улыбочкой. Нет, он точно был в шоке! И я была в шоке! И Дэнни тоже!

На пару мгновений воцарилось молчание.

— Привет, Рафаэль, — сказала я ему тоном сюсюкающейся с малышами воспитательницы детского садика. Вот блин имечко так имечко! Особенно такому бугаю-неформалу оно подходит!

— И тебе привет, Машенька, — точно таким же тоном отвечал Рафаэль, будто бы видел во мне умственно отсталого ребеночка.

— И с Дэночкой поздоровайся, — не умолкала тетя Лина.

— Мама, — они же не дети! — возмутилась Настя.

— Молчи, дочь. И вообще, бери эти тарелки и пошли за мной! — скомандовала Лина Антоновна.

— Привет, Рафаэль, — протянул длинноволосому руку Дэн, и Настин брат (Боже!! Это чмо оказалось Настиным братом!!!) пожал ее, чем безмерно обрадовав собственную мать. Она удовлетворенно кивнула, и скрылась за углом. Мы остались на кухне втроем. В воздухе трещали слабые электрические молнии.

— Привет, Дэночка. — Сквозь зубы произнес и Рафаэль. — Вот это встреча. Вот это накал страстей.

— Вот это жизненный поворот судьбы. Вот это да. Вот это ты. Прямо передо мною.

— Да и ты недалеко от меня, красавчик. — Расправил плечи умник по имени — вот умора! — Рафаэль.

Эти двое не были сейчас злы и не были настроены на продолжение драки, но напряжение

между ними все еще давало знать о себе. Они мило встали друг напротив друга, как будто бы готовились слиться в объятиях танца, и взгляды парней были подозрительно-настороженными, угрожающими. Никто не собирался начинать конфликт первым, но ни случае готовился дать хороший отпор.

— В следующий раз, когда мы снова встретимся, — почти нежно прошептал длинноволосый на ухо Дэнну, — я лично займусь тобой, приятель.

— В следующий раз тебя не спасет милиция, — так же ласково отозвался Смерч, — мальчик-который-любит-рок будет слегка избит.

— Мальчиком-который-много-говорит? — уточнил Рафаэль.

— Девочкой-которая-требует-уважаения-к-сственному-дому-и-к-твоей-сестре. — Хмуро вмешалась я в их разговор. — Все, брейк, ребята. Не позорьтесь перед нашими предками, Настей и Федькой. А то он вам двоим накостыляет, — добавила я сварливо.

— Хорошо, Машенька, — одарил меня хитрым взглядом Господин Бритые Виски. — А ты оччень хорошенькая. Я ведь тебе говорил?

— Естественно, она хорошенькая. Это ведь моя девушка. — Притянул меня к себе Дэн неожиданно для меня. — Это он к тебе приставал?

— У него это не получалось. — Отозвалась я туманно.

На этом парни успокоились.

— Ну как, общаетесь? — возникла в кухне тетя Лина. — Ребята, пошлите за стол, Верочка всех зовет! Мальчики, вы обязательно подружитесь.

— Конечно, я всю жизнь мечтал иметь такого друга, — с едва заметной ноткой ехидства сказал Смерч.

Рафаэль волком взглянул на него, но из-за матери промолчал. А та увела парней в зал. Я же, покачав головой и подивившись превратностям судьбы, заскочила в мамину комнату — посмотреться в зеркало: оно у мамы огромное, во весь рост, круглое. Все недостатки показывает.

По не выключенному забывчивой мамой небольшому телеку, что висел на стене в родительской спальне, шли новости местного канала: тот самый истеричный корреспондент, которого мы с Дэном видели во время съемок около нелегальной точки с игровым автоматами, довольным тоном сообщал о том, что из-под конвоя, ранив милиционеров, сбежали двое нехороших граждан. Арестованные направлялись в суд, дабы он решил, как их наказать за распространение наркотиков на территории, как нашего города, так и за его пределами.

— Инцидент произошел примерно в 13 часов по местному времени. Вооруженные люди напали на конвой прямо около здания Ленинского районного суда. Неизвестные открыли огонь и, ранив троих сотрудников милиции, скрылись с места происшествия вместе со своими…

— Бла-бла-бла.

Я выключила телевизор, внимательно посмотрелась в зеркало, все-таки для порядка подкрасила губы маминой помадой, повертелась, проверяя, как сидит дурацкое платье и,

оставшись довольной, ускакала в зал.

Там меня уже ждала наша веселая компания. В «мафию» ей играть уже надоело, и она хотела кушать. Гости поглядывали на стол, кто с мечтательными улыбочками, а кто и с вожделением. Дядя так вообще не мог оторвать умильного взора от бутылки с любимым горячительным напитком. А его мелкий сын Сашка, мой братик, по-тихому таскал конфеты и совал пальцы в торт с клубничным кремом, возвышающийся на журнальном столике в углу. Бабуля в шляпке с улыбкой наблюдала за мальчишкой и грозила ему пальцем. По-моему, она сама с трудом сдерживалась, чтобы самой не попробовать тортик на вкус, пока никто не видит.

За стол все мы уселись несколько странновато.

Во главе его находился, естественно, дедушка, слева от него расположились развеселые мама и тетя Лина, между которыми посадили Смерча. Почему его заснули именно туда, оставалось для меня загадкой. По бокам от мам жениха и невесты, ради которых сегодня все и собрались, торчали недовольные Настя и Федька, разлученные друг с другом.

Я же, несколько припозднившись, оказалась на другом конце длинного стола, рядом со старушкой в шляпке, приходившейся Настей бабушкой, и ее дебильным братом Рафаэлем.

— Я умею раздевать глазами, — тут же сказал он, как только я опустилась на стул рядом с ним. — Не боишься моей демонической силы, а?

— Я больше боюсь твоего демонического ай кью, — отозвалась я, недовольная из-за того, что Смерч находиться так далеко от меня.

— Он огромен.

— Он отрицателен.

— Ух, какая ты…

— Отвянь, а?

Я отвернулась от рокера и стала выискивать глазами папу. Его нигде не было, и я даже удивилась. Он, хоть и часто занят по работе, обычно всегда присутствует на праздниках — глава семьи, как-никак!

— Мам, — шепнула я, когда мама проходила мимо меня, забыв что-то важное на кухне, — а папа-то где?

— А, — она только рукой махнула обиженно, — обещал позже приехать. У него неприятности на работе. Двое заключенных сбежали из-под конвоя.

— Ого, ни фига себе! — Присвистнула я. — Это те самые, которых по телеку показывали?

— Не знаю, что там показывали, а что нет. Отец обещал приехать чуть позже. Вот так всегда у него, — с досадой вздохнула мама и поспешила дальше.

— Кого потеряла, крошка? — добродушно спросил Рафаэль, положив ногу на ногу так, что она была параллельно полу — я так не умею. Без мамы он очень осмелел. А без Смерча подобрел. — Своего красавчика?

Я подняла брови и заглянула под стол.

— О, Боже! — Воскликнула я. — Только не это! Нет!

— Чего там? — удивился мой сосед.

— Жесть там… Там мое котэ твое ай кью доедает! — доверительно сообщила я длинноволосому. Он только скривился:

— Вот ты больная. Активно больная.

— Пассивный дебил.

— Следи за речью, — прошипел он мне на ухо, наклонившись. Кажется, начал злиться, — не порть настроение.

— Зато у меня имя… нормальное. — Аккуратно налила я себе в высокий стакан газированной воды. Рафаэль выдернул его и залпом выпил.

— Имя нормальное, а друг — Nзапрещено цензуройN. — И он назвал Дэна нехорошим словом на букву «п», говорящим о том, что сей парень относится к нетрадиционным представителям сексуальной ориентации.

Я рассердилась, но дальнейшую нашу перепалку прекратили.

— Что, ребятки, разговариваете? — подлетела к нам тетя Лина. — Я тут за вами смотрю — вы так общаетесь хорошо, мило. Общие темы, наверное, нашли, да?

И она, потрепав нас, как детей, по макушкам, удалилась. А мы на этом успокоились.

Застолье-знакомство проходило бурно и весело, но совершенно обычно и не экстраординарно. Наши родственники и Настины активно знакомились и общались, вовсю обсуждая предстоящую свадьбу и разные к ней нюансы. Мужчины поднимали тосты, женщины хихикали, я втихую подкармливала котэ, пока оно не заметило Смерча и не перекочевало к нему, бабушка Насти, глуховатая на ухо, все переспрашивала и над всем охала, дядя рассказывал на весь стол какие-то полупошлые байки и бородатые анекдоты, мама на пару с тетей Линой расспрашивали Смерча обо всем на свете, и я только поражалась, как он терпит все их приставания, и вежливо и весело отвечает им.

— Так я все же хотел услышать от тебя, приятель, вот что, — вклинился в разговор и Федька.

— Что же? — дружелюбно спросил Дэн.

— Я парень простой, поэтому и спрошу просто: когда ты Машку заберешь к себе на попечение?

Мужчины за столом, услышав это, захохотали. А дед строго сказал:

— Сначала пусть в армию сходит, сделается настоящим мужиком, а потом берет на попечение хоть Машу, хоть всю нашу семью.

— Спасибо, деда, — буркнула я, готовая лопнуть от злости.

— Пожалуйста, внуча.

— Так когда ты нашу Марию готов к себе взять? — вновь спросил на весь стол Федька.

— Когда она сама захочет, — ловко отмазался Дэн и послал мне воздушный поцелуй. Его ловко перехватил монстрик и с аппетитом схомякал.

Половина стола тут же повернулась ко мне с немым вопросом: «Когда сие случиться?»

«Сие есть неведомо!», — важно написали на древнерусском головастики, щеголяющие, как и я, в голубых одеждах, а еще в шапочках с помпончиками.

— Я не готова к серьезным отношениям, — пришлось сказать мне. Бритые Виски только что не закудахтал от смеха. Кроме того, что у него были явные извращенские наклонности и привычка ко всему приплетать демонов, он оказался парнем забавным, всех передразнивал и постоянно ржал.

— А к каким ты готова, Машенька? — поинтересовалась тетя Лина.

— К обычным, — отрезала я.

— К неприличным, — прошептал Рафаэль.

— Ой, ребятки, а вы давно встречаетесь? Расскажите нам историю свой любви? — любопытствовала она дальше.

— Да, я тоже хочу знать, как ты там мою сестру любишь, парень, — снова встрял Федька, многозначительно глядя на Дэна. На него так же многозначительно глядел Настин папа, но пока еще молчал.

— И не будет ли у нас в семье неожиданного пополнения? — подмигнул Смерчу мой дядя, которому тетя за такие слова тут же дала звонкий подзатыльник.

— Дочь моей сотрудницы родила в 18 лет, — встрял бородатый Настин родственник. — И ничего, учиться не бросила, вышла замуж за паренька…

— А у нас на фирме в 16 лет родила у женщины дочка, — встряла крестная Федьки.

— У кого отвалилась почка? — спросила почему-то у меня бабушка Насти.

— Ни у кого не отвалилась. — Ответила я вежливым тоном.

— А потом сама прикрепилась? — захлопала старушка глазами и даже шляпку сняла.

И я долго объясняла ей, что ни у кого ничего не отваливалось и никуда не прикреплялось. Бабушка осталась недовольна этим фактом, потому как хотела рассказать мне пару душещипательных историй о болезнях почек и о чудесных излечениях.

— Не надо мне внуков от Марии, — запротестовала испуганная мама. А я мигом вспомнила Маринку, которой нагадали ребеночка. — Что вы несете, господа? Денис, расскажи нам всем, как вы познакомились?

— В кровати познакомились, небось? — предположил Рафаэль.

— Как это — познакомил их лосось? — опять недослышала его бабушка. И теперь уже длинноволосый, скорбно вздыхая, объяснял старушке, что хотел сказать.

— У нас пока скромная история любви, — говорил в это время гад Смерч, громко, и в то же

mir-knigi.org

время скромно, и я не могла его прервать из-за старушенции и ее вопросов. — Но, это пока. С Машей мы познакомились в университете совсем недавно. Она сидела на подоконнике, болтала ногами и читала книгу. А я шел по коридору. Увидел ее и решил поболтать. Был покорен ее улыбкой. А потом мы сразу прониклись друг ко другу яркими чувствами. Да, Машенька?

— Ага. Яркими. — Мне вспомнился внезапно бомж Ильич, ласточкой летающий по Торговому центру с букетом Тролля в руках, и я улыбнулась. Ярко, не оспоришь!

— Не знаю почему, но так случилось, что мы стали видеться каждый день. И недавно поняли, что друг без друга нам несколько тяжеловато приходиться.

— Вот как. А что ты к Машке чувствуешь? — серьезно спросил Федька, с едва заметной угрозой: мол, попробуй сказать, что ничего или что-нибудь в таком же духе.

— Маша для меня — как огонь. — Потер задумчиво подбородок Смерч, который ничего и никого не стеснялся. — Мои руки постоянно к нему тянуться. Вам холодно зимой без перчаток? Мне холодно без нее. Когда Маши нет рядом, я ловлю себя на мысли, что у меня мерзнет сердце. Я говорю то, что чувствую. Удовлетворен? — и он кинул взгляд на задумавшегося Федьку.

— Красиво говоришь, — уважительно прогудел дед. — Главное, чтобы дела да поступки от слов не отличались, малец. Умеешь красиво говорить — умей красиво делать.

— Мои слова не расходиться с делами, — уверенно взглянул Смерч на деда, не испугавшись его пытливого взгляда.

— Это точно, — подтвердила я неожиданно сама для себя. Дедушка еще раз одобрительно кивнул, но вновь напомнил про армию. И далась она ему. Что-то неохота мне Дэнчика туда отпускать аж на целый год.

— Пап, не лезь ты со своей армией. Не всем же вояками быть.

— Машка — как огонь? — хмыкнул тем времени Федька. — Да Машка огонь ненавидит.

— Почему же? — удивился Денис и внимательно посмотрел на меня. Я пожала плечами и отвернулась в сторону, сделав вид, как мне интересны настольные часы.

— А, — махнула рукой мама, — когда Маша маленькая была, у нас пожар случился — проводку замкнуло. А она дома была с подружкой, без взрослых. Хорошо, что соседский мальчик помог нам. — Мама только вздохнула, и не стала продолжать разговор на эту тему, и я тут же испытала облегчение. — Ой, какой мы потом ремонт делали в двух комнатах! Вы не представляете… Денис, милый мой мальчик, по-моему, ты мало кушаешь! Не стесняйся, здесь все свои.

Да, больше всего внимания мама уделяла Смерчинскому — он таки прямо стал украшением нашего сегодняшнего стола. Настоящий фурор среди присутствующих он произвел тогда, когда отказался от алкоголя — даже от легкого вина. Бритые Виски, который просто-напросто не мог пить в присутствии своей полусумасшедшей мамы, покосился на Смерча с явным недоумением и даже осуждением, типа, чувак, ты идиот, и не понимаешь своего счастья. Дедушка вновь одобрительно закивал, Настя показала большой палец, а тетя, услышав решительный отказ Дэна от вина, заявила на весь стол:

— Вот молодец Машкин жених! Не то, что некоторые паразиты, — и она ткнула в бок дядю.

— А чего я? — возмутился он.

— А ничего ты. Песни-то, надеюсь, петь не будешь?

— Нет, дорогая, сегодня я вам станцую.

— Главное, хрюкать не начинай.

Я, слушая это, хихикала про себя — бедняги, они просто не знают, что случается со Смерчиком после принятия энной дозы алкоголя. Если бы они увидели Дэнва в кондиции, прыгающего с воплем: «Ты моя бабушка! О-о-оу!» на тетю Лину или признающегося в любви к Настиной бабушке, они бы не думали, что он так хорош. Мама бы вообще запретила мне с ним общаться, а Федька стал бы это контролировать.

— А пусть нам еще Настя и Федя расскажут в подробностях, как они познакомились? — попросил кто-то.

— Да-да! — возопила Лина Антоновна. — Феденька, милый, расскажи нам это! А вот наш Рафаэль еще ни с кем не встречался, хотя ровесник Машеньки и Дэночки. Я вот думаю — найдет ли он когда-нибудь себе невесту? Будут ли у меня внуки?

При этих словах Смерч весьма выразительно посмотрел на Господина Бритые Виски. Тот занервничал и отвернулся — казаться лузером на фоне Дениса ему не улыбалось. Но, я уверена, девушек у этого парня было много, очень много. Просто его странная мама, эта восторженная всем и вся Лина Антоновна, об этом не догадывается. Так же, как и о том, что сегодня ее «сыночка» посещал с важным визитом местный «обезьянник». А сопровождали его важные персоны — собутыльники-дружки.

— Мы познакомились не банально, — вынудили Настю рассказать их с Федькой историю любви, хотя, видит Бог, ей не хотелось этого делать. — А очень глупо. Я пришла на День Рождения к своему приятелю с работы. Немного опоздала. Позвонила в дверь. А на пороге меня встречает высокий молодой человек и орет: «Ты чего так долго? Именинник уже заждался! Раздевайся, давай!». Я ему говорю: «В смысле раздевайся?». А он мне: «В прямом! Пошли в комнату пустую, наведешь там макияжика, а то ты какая-то неяркая, переоденешься. Можешь меня не стесняться!». И, представляете, тянет меня за собой в комнату! А все остальные гости в другой комнате находятся, и музыка громкая, никто ничего не слышит. Я в шоке. А парень — ну, вы поняли, это Федя был, продолжает орать мне на ухо: «Чего ты медлишь? Раздевайся и танцуй! Сколько мы тебе заплатили!?». Я ему кричу: «Не буду раздеваться!» и слышу в ответ: «Ты что, дура? Кто стриптиз танцует в одежде? Ты чего ломаешься?». Короче, я его сумкой огрела по физии… Потом уже разобрались, что к чему. Оказывается, Федька с парнями девушку из клуба мужского заказали, — Настя хихикнула, — чтобы она откровенным эротическим танцем порадовала именинника. А пришла я. Девушка просто запаздывала, и Федя меня за нее принял.

Федька закатил глаза, я заржала громче всех. История о том, как брат перепутал высокую и симпатичную Настю с танцовщицей, была мне известна очень хорошо. Но Настин папа, кажется, был не в курсе о таких подробностях знакомства его дочери с Федором, и только осуждающе головой качал.

— А потом Федя попросил прощения, и пригласил меня в кафе. Вот так мы и стали встречаться. — Скомкано закончила Настя и улыбнулась жениху, словно говоря ему: «не

сердись, милый!»

— Денис, а с кем ты живешь? Кем хочешь работать? А какое у тебя хобби? Милый, кем работают твои родители? — Продолжала наседать мама на брюнета.

Смерчинский отвечал на все вопросы, не забывая при этом шутить и улыбаться. А когда он сказал, что его отец — бизнесмен, мама с такой надеждой глянула на меня, что я только вздохнула. У меня возникало все чаще и чаще такое чувство, что Дэнни устроили самые настоящие смотрины, и хотя главной парой, так сказать, сегодняшнего вечера, должны были стать Настя и Федька, почти все внимание отхватил именно мой Смерчик. Этому, кстати, Федор был несказанно рад — его в основном сегодня терроризировали Настины папа и бородатый дядя, а все остальные «присматривались» к Дэну.

— Денис, милый, а у тебя есть мечта? — умудрились задать Смерчу даже такой странный вопрос родственники.

— Есть.

— Какая же?

— Совершенно простая. — Он сомкнул пальцы в замок. — Хочу быть счастливым человеком.

— Ты очень зрелый мальчик. — Похвалили его тут же, а дядя предложил выпить за мечту. — А наша Маша мечтает о новых кедах.

— Неправда! — возмутилась я. — У меня много желаний и мечтаний тоже.

— Так выпьем же за них за всех! — Пропел счастливый дядя. — И чтобы сбылись они быстрее! И выпьем, люди, за успех! С успехом жить нам веселее!

— Поэ-э-эт, — протянул дед, но бокал поднял.

— Хватить пить, стыдно за тебя, — строго взглянула на него тетя, но ее благоверного это не остановило.

— За мечты моей внучки!

Потом вечер вновь пошел своим чередом. Народ старался веселиться, мои головастики, пригубив вина, танцевали буги-вуги, Сашка капризничал и запускал во всех бумажные самолетики, женщины принялись дружно спорить с мужчинами о превосходстве слабого пола…. Еще чуть позже Дэна заставили говорить тост, и он предложил выпить не просто за любовь и будущих молодоженов, но за их вечную любовь. Мама с тетей и Линой Антоновной чуть не прослезились.

— Я не хочу говорить много слов о любви. Потому что говорить о ней не нужно. Ее нужно чувствовать. — Голос Дениса стал печальным — и я знала, что это, скорее всего, понимаю только я, но сам он улыбался. — Я просто хочу сказать: поднимите эти бокалы за то, чтобы любовь Федора и Анастасии была вечной. Не имеет смысла любить, если не имеешь намерения сделать эту любовь вечной. Плюем на пафос — за любовь в вечности. — Дэн на мгновение запнулся, опустил взгляд и произнес строки из знаменитого романа-завещания Булгакова. — «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты

интересуешься, и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надев свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.» Берегите свои сны, ребята. — И он поднял бокал вверх, словно салютовал им. Остальные немедленно присоединились к Дэну, и комнату наполнил звон соприкасающегося хрусталя.

— Ну, ты и оратор, — присвистнул дядя. — Силен сочинять.

Федька тоже прибалдел — он с литературой как-то не очень дружен. Настя произнесла задумчиво, что «где-то это точно слышала». А я, взглянув на стоящего с абсолютно прямыми плечами Смерча, почувствовала вдруг, что в сердце меня что-то укололо.

«Почему нам его так жа-а-алко?», — грустно спрашивали головастики.

«Дэночка, мы с тобой!», — твердили другие.

«Но это все лишь тост!», — возмущались третьи.

«Ему больно! Ему плохо! Он не зря говорит эти слова!», — наперебой утверждали третьи.

Надо обязательно узнать о прошлом Дэна. Сейчас мне кажется, что его прошлое не такое идеальное, как он сам. И это чувство внезапной жалости, которое вызвано во мне какими-то загадочными субъективными причинами… что оно значит?

— Это Булгаков! — вдруг тоненьким голоском вскричала старушка в шляпке. — Это бессмертное его творение! Это слова Маргариты своему Мастеру! Браво, молодой человек! Браво!

— Ни фига ты, — встрял Бритые Виски, который отнесся ко всему этому, как к чепухе, — такое наизусть помнить? Спецом учил к тосту что ли?

— Нет, само запомнилось, — отозвался Смерч.

— Само? А тогда ты не показался мне таким умным, — расхохотался Рафаэль.

— А вы что, знакомы? — спросила Настя удивленно.

— Слегка, — кивнул ее брат, поняв, что сболтнул глупость. — Не поверите, сегодня виделись.

— Это как? — живо заинтересовалась тетя Лина. — Расскажите нам! Денис, вы, правда, сегодня виделись?

— Ну, можно назвать это и так. — Медленно кивнул Смерч.

И эти два балбеса стали рассказывать какую-то безумную историю, перевратую как только можно и нельзя. Правда, я в этом тоже приняла участие.

— Мы с Марией пошли в кафе, — начал Дэн, откинувшись на спинку стула. — Чтобы немного побыть вдвоем. Маша любит мороженое, а я люблю, когда Маша довольна. А в этом кафе мороженое просто великолепное. Мы сидели с ней за столиком и разговаривали о… вечном.

— А я там тоже был со своим другом, — вклинился Эль. — У него удачно прошла предзащита диплома, и мы решили отпраздновать это двумя-тремя… кусками пиццы.

— Мой Рафаэль не употребляет алкоголь. Вы же видели? — гордо сказала всем Лина Антоновна. Настя только глаза закатила, зато прочее тут же стали хвалить ее сыночка, как недавно Дэна.

— Мы сидели, культурно кушали, обсуждали дев… диплом моего друга. И тут какие-то последние ублюдки начали приставать к девушке, — оказалось, Бритые Виски умеет иронизировать над самим собой. — Кошмарные типы. Я и мой друг Скайд…

— Хороший мальчик! — опять вклинилась тетя Лина не к месту. — Учиться на физика и спортом занимается!

— Так вот, я и мой друг Скайд решили вмешаться и защитить эту девушку. Потому что больше никто из парней в кафе этого делать не хотел. Мы встали и подошли к придуркам, державшим ее на коленях и нагло к ней приставававшим. — Продолжал глумиться Рафаэль, но я его перебила.

— А мы с Дэном видим, как эти придурки говорят Рафаэлю и этому Скайду: «Проваливайте, а то мы вас изобьем!». И тогда они решили посовещаться и отошли. — Выдала я под одобрительный взгляд Дэна, болтающего в своем стакане сок со льдом. — Нет-нет, они не испугались, — запротестовала я бурно, видя, как мужчины за столом удивляются такой реакции. — Рафаэль и его друг Скайд просто отошли подумать, что им делать дальше. Противники-то сильные оказались. Куча… э-э-э… рэпперов пьяных и накаченных. А девушка та чуть ли не плачет. И никто ее не может защитить. И тут мой Денис как встанет и подойдет к ее обидчикам…

— А потом раз — не доходит до них, видит, как эти рэпперы на него плохо смотрят, и к нам подруливает, — перехватил у меня инициативу Господин Бритые Виски, задорно глядя на Смерча. — Говорит нам со Скайдом: «Не надо, мужики, влезать в драку, их много, а вас двое. Двое против шести — это убиться можно, чистой воды идиотизм. И выглядите вы хиленько, неспортивно. А те парни, сразу видно, бойцы!»

Дедушка только брови поднял, поглядев на «неспортивного» Настиного брата.

Я хмыкнула — получилась забавная путница. И Рафаэль умудрился оскорбить Дэна с Димкой вот таким вот образом, переиначив историю. Я тут же вновь влезла:

— Да, Денис им так сказал. И добавил: «Вы сидите и не вмешивайтесь, раз такие хиленькие. Я — сильный, сам с ними разберусь». И, представляете, — я округлила глаза. — Направился к этим злобным рэпперам, чтобы с ними в одиночку разобраться. Один против шестерых!

— Но мы его остановили, — тут же поспешно добавил Бритые Виски. — Говорим: «Парень, они же тебя убьют к чертям собачьим!». И он: «Да, вы правы! Как-то я об этом не подумал даже. Страшно мне как-то». И остался с нами.

— Постоял с ними немного, и я ему кричу: «Денис, разберись с этими недоумками!», — мстительно произнесла я на весь стол. — И он опять пошел к ним защищать девушку.

— А потом опять к нам вернулся и говорит: «Не могу один идти, страшно, парни». — Влез Рафаэль.

— Нет, он пошел.

— Он остался.

— Он пошел драться!!

— Он остался с нами, и драться пошли мы! — Прищурился Рафаэль.

— Он!

— Мы!

— Он!

— Мы!

— Вы идиоты? — спросил Федька бестактно. — Вы что там в кафе делали? Два часа решали, кому не страшно идти к этим рэпперам? Машку в результате послали, что ли?

— Нет, — хором выдали мы.

— Сыночка, ты дрался? — возопила тетя Лина, хватаясь за сердце.

Длинноволосый заткнулся и затравлено взглянул на маму.

— Нет, мама, — печально проговорил он.

— Так я не понял, вы дрались или нет? — Спросил дедушка. Рафаэль замолчал. Я пожала плечами.

А Дэнни все так оставлять не собрался. Он точно подловил момент, когда станет относительно тихо, и сказал громким голосом, который тут же перетянул все внимание окружающих на себя.

— Я предложил Рафаэлю и его уважаемому другу-физику вместе подойти к нетрезвым личностям и попросить оставить в покое девушку.

— И? — хотели все услышать продолжения.

— Мы объединили наши силы. И, собственно, сделали это не зря.

— Почему же? — удивилась мама.

— Мы попросили отпустить девушку, и наши слова возымели эффект. Но оказалось, это была не девушка, а парень. — Смущено улыбнулся Смерч, как будто бы говорил несколько неприличные вещи. Он даже руками развел. — Эти рэпперы, как оказалось, нетрадиционной ориентации, и просто их главарь не хотел отпускать с рук своего любимого, принято всем кафе за девушку. То есть, это был конфликт двух влюбленных людей. Вот и все. Мы с Рафаэлем и его другом не стали вмешиваться и расселись по своим столикам. Конфликт был исчерпан.

Ух, как же обозлился рокер, услышав про нетрадиционную ориентацию. Пообещал тихонько Дэнни «урыть». Вот Смерч дурак, нарывается же еще! Сидит, гладит котэ, а синие глаза его только смеются.

Кстати, мое коте прямо-таки влюбилось в Смерчинского. Сначала, как я заметила, оно просто крутилось у его ног, терлось о них башкой, мурлыкало, а потом и вовсе стало проситься на колени, где с комфортом потом и устроилось на зависть мне. У меня в руках котэ долго не задерживается, убегает.

Да, на Смерча было направлено много внимания. И не все оно пришлось мне по душе. Например, то, какое внимание уделяла ему двоюродная сестра Насти и Рафаэля, мне безумно не нравилось. Нет, оно меня взбесило даже!

Девчонка, рыженькая и тоненькая, как ветка, посмела заигрывать со Смерчем прямо за столом. Звали ее Тоней, и лет ей было пятнадцать-шестнадцать. Личико у нее было миленьким и сияло невинностью, а цепкие, глубоко посаженные глаза, умело подведенные густым черным карандашом, так и пожирали моего, вообще-то, как бы парня! Ну, пусть и не совсем моего, но хотя бы официально принадлежащего моей скромной персоне!

Получилось так, что эта Тоня сидела напротив Дэна, постоянно с ним разговаривала, хихикала и строила глазки. И у меня не было необоснованной паранойи-ревности. Даже Настя заметила это и, кажется, сделала сестричке замечание на ухо, но Тоня не восприняла его и продолжала приставать к Дэну в те моменты, правда, когда он не был занят вниманием моей мамы.

Я злилась и молча ела, а Бритые Виски задумчиво смотрел на меня. Смотрел и смотрел, молчал и молчал, вздыхал и вздыхал.

— Ну что тебе? — не выдержала я, наконец.

— Слушай, — протянул Рафаэль, — это…

— Что?

— А кто эта беловолосая?

— Какая еще беловолосая?

— Что с вами была. Которая из-за очкарика с разбитым рылом переживала. Смешная такая.

— На которую ты упал что ли? Как ты ее только не раздавил! — случайно громко сказанула я. На нас тут же с интересом взглянули ближайшие родственники.

— Тише ты, — прошипел Рафаэль.

— Да ладно. Ты ведь реально на нее упал, — засмеялась я, но голос понизила, и он даже ко мне наклонился, чтобы хорошо слышать, — это так мило смотрелось со стороны… Она еще тебе по спине стучала и говорила: «Мальчик, мальчик, ты живой?» Хе-хе. Эпичная сцена. Брутальный рокер и златовласая дура… то есть дева. А у вас волосы одинаковой длины, да?

— Да ты помешанная женщина, — поморщился парень. Вспоминать эту сцену ему не хотелось. — Ну, так ты знаешь эту кошечку?

— Знаю. Это Инга, — отвечала я. — Сумасшедшая она. Его сестра, между прочим, — кивнула я на Смерча. — Троюродная, правда.

— Его сестра? — натурально опешил Бритые Виски. — Реально?

— Реально. Я сама в шоке от этого факта.

— Выразительный такой фактец получается, — покачал головой он и потер лоб. — Ты ее хорошо знаешь, сестренка? Номерок ее мне не подкинешь?

— Сестренка? — изумилась я, — а днем ты меня по-другому называл. И поразвлечься обещал.

Когда я тебе успела стать сестренкой, братец? Как телефон понадобился этой Инги, так по-другому запел ты.

— А как мне к тебе обращаться, если я хочу, чтобы ты оказала мне услугу? — заржал он. — Главным Демоном? Мисс Бурундукова? Миссис… Денис? Фамилию твоего будущего муженька не знаю, уж прости.

— Он мне не будущий муженек, — прошипела я, наблюдая, как Смерч наливает сок этой Тоне. — Он просто так.

— А из разговоров я понял, что тебя хотят поскорее за него выпихнуть замуж. Ну, — поднял он бокал с газировкой, — давай выпьем за наши новые родственные связи? Мама же сказала, что мы теперь братик и сестричка.

Я стукнула свой бокал — с вином между прочим — о его, и задумчиво сказала:

— За меня. А номер ее я тебе не дам.

— Почему?

— Вы к девушке в кафе приставали. Наверняка с наклонностями садистов и маньяков.

— Во-первых, не я приставал, во-вторых, мы были навеселе, а, в-третьих, ничего бы мы с ней не сделали, — рассердился мой новый братик. — Мы же не конкретные подонки. Она сама начала со Скайдом заигрывать, чтоб ты знала.

— Ну не знаю, Рафаэль. Это смотрелось тупо.

— Зови меня просто Эль, — милостиво разрешил он.

— Заметано, братилло.

— Да, ты права, наверное, это смотрелось тупо со стороны. — Он вздохнул.

— А то, как ты нас не пускал на улицу — еще тупее! — мстительно вспомнила я.

— Вот же ты дура! А ты что, хотела в драку влезть? — мигом рассердился мой сосед по столу. — Я там специально и стоял, чтобы вас не пускать.

— Не верю. — Отрезала я. — Ты хотел над нами поиздеваться.

— Это тоже, — согласился Эль с улыбочкой. — Меня беловолосая мисс заинтересовала.

— Ты что, больной? Ты с ней просто незнаком, вот она тебя и заинтересовала. Она же хуже твоей мамы по энергичности! — покрутила я пальцем у виска, вспомнив «сюрприз» друзей Смерча и его непосредственного организатора — Ингу.

— Да, понравилась она мне, — выдохнул рокер и на мгновение закрыл глаза — как будто бы у него кружилась голова.

— А мне-то что? — пожала я плечами. — Мы сами выбираем свой путь в ад. Но телефон Инги все равно не скажу.

— Скажи, детка, скажи мне телефон.

mir-knigi.org

— Не скажу.

— Скажи.

— Не-а.

— Дай этот телефончик?

— Перетопчешься.

— Дай, говорю, королева демонов, этот телефон!

— Да нет у меня его, нет, — засмеялась я, начиная как-то лучше относиться к будущему родственнику. — Не знаю я ее телефона!

— А узнать сможешь? — опять начал приставать ко мне он.

— Смогу. А что мне с этого будет? — не собиралась я делать этого просто так.

— Я буду тебе должен. Эль всегда держит свое слово, — серьезно сказал парень.

— Ну ладно, — согласилась я. — Попробую завтра узнать. — Давай, номерами обменяемся, кстати.

— Давай, сестренка.

Мы оба вытащили наши мобильники, став через минуту счастливыми обладателями телефонных номеров друг друга. Когда я делал дозвон Элю, почувствовала, что на меня кто-то тяжело смотрит, но когда повернулась, не заметила ни одного взгляда, направленного на меня — все в это время слушали Дэна и его забавный рассказ про дайвинг. Тоня глазела на него с восхищением. Я отвернулась.

— Слушай, тебе же хорошо по башке вдарили. — Задумчиво посмотрела я на Рафаэля-Эля. — А ты выглядишь так, словно и не дрался вообще.

— Ты думаешь, у меня хватит смелости придти в таком виде домой к матери? — Кисло спросил он. — Как только нас выпустили менты, я отправился к другу, себя в порядок привел, как смог. И по лицу меня не задели. Только голова, черт, кружиться.

— Сильно? — посочувствовала я.

— Порядочно.

— Точно, тебе же смачно по ней вдарили, — вспомнилось мне.

— Это да.

— Слушай, а вдруг у тебя сотряс? — спросила я. У меня однажды было такое — ударилась в детстве головой о камень, когда на роликах без шлема гоняла. И заработала легкое сотрясание мозга. Сначала чувствовал себя нормально, а потом началось сильное головокружение.

— Да ну, брось. У меня голова крепкая. — Возразил рокер.

— Как дуб, да?

— Примерно.

— Дуб тоже треснуть может, идиот.

Минут через пятнадцать, когда я хотела выскользнуть из-за стола и как-нибудь пробраться к Смерчу, длинноволосый вдруг дернул меня за руку.

— Слушай, чего-то мне совсем хреново. — Прошептал он. — Голова кружиться.

— Кружись вместе с ней. — Посоветовала я от души. — В ритме вальса. Не хочешь? Скажи матери, и пусть она тебя домой отправит.

— Нет уж, — не пожелал он такого, — кому-кому, а ей я точно не скажу ничего. По крайней мере, сегодня. Иначе она меня тут же к врачу повезет. А завтра лекциями своими замучает, что я ей праздник испортил. И вообще, если она узнает, что я дрался, мне крышак придет…

Взрослый сильный дерзкий рокер боится свою маму? Хм, тетю Лину я бы тоже боялась.

— Тогда, может, тебе полежать? Смотри, они в караоке собираются петь, пошли в мою комнату, полежишь, легче станет? — от всей своей широкой души предложила я. На нас сейчас внимания обращали мало.

— Неплохая идея, — неосмотрительно кивнул Эль, и аж пошатнулся — от рывка у него сильнее закружилась многострадальная дубовая головушка.

— Медленно вставай, дуболом, и идем в мою комнату. — Велела я.

— У тебя кровать удобная?

— У меня диван. Удобный. Тебе понравиться на нем… Да не шатайся ты так, родственничек. Отлично. Спать там круто, короче.

И мы действительно тихонько скрылись от посторонних взглядов в моей комнате.

Оказалось, Бритые Виски был вовсе неплохим парнем. Я даже задумалась над тем, что любой человек, в сущности, каким бы мерзким или глупым не показался тебе при первой встрече, может быть вполне приятным для общения.

Двоюродный братик Чипа по имени Саша, сидевший в это время не где-то, а под столом (ну скучно было пятилетнему ребенку со взрослыми, а к Машиному компьютеру его не пускали), рядом с ногами Марии и Рафаэля, подслушал их разговор и пополз обратно — к ногам Дениса. Этот взрослый дядя Денис оказался совсем неплохим! Сашке даже хотелось залезть к нему на колени, согнав обнаглевшего кошака, но он постеснялся — как-никак уже пять лет! Дядя Денис казался добрым и почему-то понравился вреднючему Сашке. К тому же сделал для него из салфеток, пока никто не видел, маленькую эскадрилью самолетов, которыми ребенок играл до тех пор, пока не разорвал последний.

— Эй, — подергал за джинсы Смерча Сашка, доползя до него, — эй, дядя Денис!

— Что? — наклонился под стол уставший Дэн, которого родственники Маши порядком замучили. Сейчас, они, правда, отвлеклись на караоке, и всей толпой искали микрофоны. Поэтому атаковать Смерчинского осталась одна только Тоня, принявшая изящную, по ее мнению, позу. Молодой человек искал глазами свою подругу, но не нашел ее, и теперь гадал,

куда она убежала из-за стола. Спать ему хотелось все больше.

— Дядя Денис. Мне скучно. — Пожаловался ребенок. — Я хотел подергать волосатого дядьку за волосы, а он ушел.

— Да? — вежливо поинтересовался Смерч. Он разговаривал с Сашкой, как со взрослым, и последний очень этим гордился. — Куда же?

Ребенок со старушечьем кряхтением вылез из-под стола и доложил страшным шепотом:

— Волосатый дядька пошел спать с твоей невестой на ее диване, дядя Денис. Ты мне еще сделаешь самолетиков? У меня все разбились.

— Куда он пошел? — переспросил спокойный с виду Дэнни, чувствуя одновременно, как кто-то ударил ему огромным кулаком под дых.

— Спать. На диван. С Машкой. — Вздохнул Саша. — Дядя Денис, ты что, тупой? Ты не знаешь, чем взрослые занимаются в кровати? Но ты не расстраивайся, дядя Денис. Я тебе потом книжку покажу специальную, ты все поймешь.

И развитый не по годам мальчик с сожалением положил руку на колено Смерча, всем своим видом говоря, что жизнь — штука сложная, но все жизненные проблемы — решаемы.

— Не думала, что дети могут быть полезными, — сказала Ревность, изящно появляясь из воздуха. В ее тонких белых пальцах был зажат мундштук. — Найди ее. Спать с другим мужчиной при живом тебе — весьма забавно, да, мальчик мой? — и красноглазая женщина, рассмеявшись, заботливо выдохнула прозрачный серебряный дым в лицо Смерча.

Все-таки Денис Смерчинский был очень ревнивым к тем, кто ему по-настоящему нравился. Даже если боялся отношений.

Слова не по годам развитого ребенка стали для него последней каплей. Почему? Да потому что госпожа Ревность появилась вовсе не внезапно — для ее появления Дэн сам выдумал причины, и чуть позже, гоня по полупустым вечерним дорогам на «Джипе», сам себя зло и нещадно ругал за это, и ощущал себя последним кретином, и даже обещал никогда больше не поддаваться эмоциям и научиться контролировать их по-настоящему сильно. Особенно он ругал себя за то, что решился в тосте произнести строчки из «Мастера и Маргариты». Нет, парень не волновался из-за того, что может выставить себя романтическим идиотом, погруженным в розовые мечты. На этот счет у него не было никаких комплексов. Он рассердился на себя за порыв высказать свое отношения к чувствам совершенно посторонним и ничего не понимающим в его характере и эмоциях людям и Марии, которая, кажется, не совсем верно истолковала его слова. Она смотрела на него взглядом, который он ни разу не видел. И из-за ее широко раскрытых светло-карих глаз, в кои-то веки украшенных макияжем, он растерялся.

За столом Дэн почти не смотрел на Машу — только изредка кидал на нее короткие взгляды. Но ему и этого хватило, чтобы понять, что основное внимание его «невесты» занимает не он сам, а длинноволосый Рафаэль. Сначала молодой человек не придал этому особенного значения. Эти двое просто сидели рядом и, кажется, переругивались. За то, что рокер станет приставать к Марии, Смерч не волновался — как-никак все они находились в доме родителей Бурундука, полном гостей, к тому же чудак Рафаэль при матери вел себя совершенно по иному. Но потом, внимание Маши к волосатому недоумку резко увеличилось. Когда Дэнни в очередной раз кинул на нее взгляд, заметил, как внимательно она смотрит на Эля. Потом увидел, как

Бурундучок наклоняется к его уху, чтобы сказать что-то.

— Элька у сестры Феди телефончик требует, — сказала чуть позже Тоня Насте, которая проходила около противоположного конца стола, чтобы выйти в коридор, а потом вернулась на свое место. Это заставило Дэна слегка занервничать. А еще позже — даже разозлиться (естественно, незаметно для окружающих), когда Марья и волосатый выпили за что-то, чокнувшись бокалами, и когда обменивались телефонами, и когда над чем-то весело смеялись.

При этом Чип так и продолжала упрямо игнорировать Дэна и крайне смущалась, когда его просили рассказать об их отношениях — он замечал это по плотно стиснутым губам девушки.

То, что Маша злиться на него из-за того, что ему строит глазки прелестная Тоня, он не понимал. Во-первых, многие девушки оказывали ему знаки внимания, и иногда Дэн уже просто не замечал это — так, как мы не замечаем многие привычные вещи, к примеру, не знаем точное количество ступеней на одном лестничном пролете, по которому поднимаемся и спускаемся каждый день. А, во-вторых, сам он не обращал на молоденькую девушку никакого внимания, вернее, общался с ней наравне с остальными гостями.

Кстати говоря, Смерч не чувствовал особого дискомфорта — ему нравилось общаться с этими людьми, и даже усталость ушла на второй план. Он никогда еще не играл роль жениха, а роль официального парня лишь однажды. Сейчас ему нравилось находиться среди родственников Марии, смеяться с ними, поднимать тосты, рассказывать о себе — хотя, с другой стороны, это, конечно, было утомительно. Да и Бурундука от него отсадили — наверняка коварные женщины сделали это специально. Чтобы Марья не мешала им расспрашивать его обо всем на свете. Мамы — самые любопытные существа на свете. Это Смерч запомнил с самого детства…

Разговоры, дружеские тосты, смех, обмен телефонами. Обычно умный Смерч пришел к неожиданному для себя выводу: Рафаэль, никак не желая успокоить свою буйную натуру и игру гормонов, чтобы досадить Дэну решил пофлиртовать с его девушкой. Найти слабое место противника и прожечь его насквозь — неплохой ход.

«Маша — мое слабое место? Бред».

С этими мыслями он резко поднялся на ноги. Котэ с сожалением спрыгнуло с удобных колен Дэна на соседний пустующий пока что стул и почесало ухо.

«Привет», — сказал монстрик котэ. Котэ отвернулось и вздернуло хвост. Еще и птица какая-то наглая на большом ящике, где постоянно разговаривающие картинки крутят, сидит… Навалило, блин, гостей на чужую территорию.

— Дядя Денис, ты куда? А я? — спросил Саша.

— Я сейчас вернусь и сделаю тебе много-много самолетиков, — сказал он Сашке. Тот внимательно кивнул, про себя решив проследить за дядей Денисом.

Смерч, отвязавшись от навязчивой Тони и ее предложения спеть вместе, оглядываясь, вышел в коридор. На него временно не обращали внимания и не останавливали. Комната Чипа, как он помнил из слов Веры Павловны, была чуть дальше — нужно было всего лишь дойти до конца по длинному коридору и завернуть направо. И он пошел в комнату Марии, не веря, естественно, что там она решила уединиться с волосатым, но вполне подозревая, что длинноволосый сможет приставать в Маше.

За ним пополз Сашка, представляющий, что он прикрывает дядю Дениса-шпиона, идущего на

важное задание. Следом кралась и старушка в шляпе. В зале всей толпой, под командование дедушки Бурундуковых устанавливали караоке.

Дэн неслышно приблизился к комнате Чипа. Дверь была полуоткрыта. И первое, что услышал молодой человек, был тихий стон. Ревность опять появилась рядом с ним, но целовать пока не собиралась, а только прислушивалась.

— А-а-а, так хорошо… — с трудом услышал Дэнв голос рокера. Его повторно удалили под дых кулаком-невидимкой.

— Я же говорила, будет хорошо.

— Ага…

— Ложись и лежи, — услышал Дэн властный голос Маши — он у нее всегда таким становился, когда она кому-нибудь помогала или о ком-нибудь заботилась. Хотя и командовать девушка тоже любила. И Дениса это в ней всегда забавляло, и даже привлекало: представительницы слабого пола, умеющие в нужное время повысить голос и придать ему необходимого льда, симпатизировали ему.

— Я и так лежу.

— Ты не правильно лежишь. — Сказала Маша. У Смерча сделался весьма подозрительный взгляд. Где эти двое там лежат? Не друг на друге ли?

— Не трогай меня, сестричка!

— Поговори мне еще, Эль. Тебе там удобно?

— Нормально. — Буркнул парень.

— Глаза закрой. У меня, когда так было, с закрытыми глазами легче становилось.

— Хорошо… Ты нашла?

— Ищу. У меня точно пара штук в столе была. Слушай, может, без их обойдешься?

— Сейчас, — не согласился рокер. — Если есть, то давай, не жлобся. Я тебя в аптеку не заставляю за ними бежать ведь, крошка.

— Ага, я еще бы для тебя в аптеку побежала, — хмыкнула Маша. — Я тебе не матушка Тереза. Блин, найти не могу. Без него придется… А в мамину комнату за этой фигней я не пойду, она меня мигом застукает.

— Она моей расскажет.

Дэн еще более подозрительно взглянул в сторону двери. Он хорошо представлял, за чем конкретно бегают в аптеку оставшиеся наедине парень и девушка.

Ревность плавилась, но продолжала хохотать — как над любимым комедийным фильмом. Жаль, что вместе с ней парень смеяться не мог.

Чем же эти двое там заняты?

mir-knigi.org

Дэна распахнул дверь и тихо вошел в полутемную комнату. Рафаэль лежал на широком расправленном диване, около стеночки, несчастный и с закрытыми глазами. Машка сидела на полу на корточках — от этого коленки ее сильно оголились, и что-то усиленно искала в столе.

— Что делаем, ребята? — Весело спросил Смерч, испытав облегчение. Ничего предрассудительного в комнате не происходило. Но разговор парня заинтриговал. Особенно про аптеку, да.

— Детей. Не видишь, что ли? — буркнул раздраженно Рафаэль. — Иди отсюда, мальчик, не подглядывай. Сейчас весь процесс начнется. И свечедержателей я не люблю.

— Заткнись, — все так же весело бросил ему Дэн и, прошествовав на середину комнаты, спросил у девушки, уставившись на ее спину, соблазнительно, как ему показалось, обтянутую платьем. — Чип, что ты ищешь?

— Анальгин, — отозвалась она, чуть ли не с головой залезая в выдвинутый ящик стола. — У меня где-то в столе был, а где — не помню. У этого умника голова кружится — видать сотрясение мозга у него. Видал, как его хорошо по голове приложили сегодня днем?

— Тогда умнику нужно в больницу, — присел рядом с ним Дэн на диван. Он бы тоже не отказался улечься на него вместо волосатого. Брюнет все сильнее чувствовал, как его клонит в сон. Бурундукова это тоже чувствовала и предложила, продолжая искать в столе таблетки:

— Ложись вместе с ним, Смерч, диван большой.

— Если ты посмеешь лечь рядом, я тебя выброшу из окна, — огрызнулся Бритые Виски. Дэн тут же улегся рядом, положив руки за голову — только из детского чувства противоречия. Ложе своей девушки ему понравилось, и он решил непременно еще раз на нем побывать.

— Вот козел, — проворчал Эль. — Проваливай, а?

— Только если ты попросишь меня искренне, — было ему ответом.

— Пошел ты…

— Это неискренне.

— Еще никогда у меня на диване не было сразу двух парней, — умилилась Машка, и, прежде чем ребята успели среагировать, накрыла их легким покрывалом, ловко вытащив его из набитого, чем попало шкафа, а потом быстренько сфотографировала их на мобильный телефон. — Вот и компромат. Хе-хе-хе. Попались, голубчики.

Парни даже возмутиться не успели.

— Всем руки за голову! — вбежал в комнату Сашка совершенно неожиданно для всех. И резко остановился. — Дядь Денис. Я думал, Машка тут спит вот с ним. А, оказалось, ты с ним спишь. — Ребенок скорбно покачал головой.

— Иди отсюда, мелочь, — шикнула на братика Маша. — Ты чего несешь?

— Почему у тебя в кровати дядьки спят под одеялом? — уставился на нее братик.

— Почему у меня брат такой дурачок? Иди, поиграй в другую комнату.

— Смотри, — по-взрослому сказал мальчик. — Если дяденька любит другого дяденьку, ты так никогда замуж не выйдешь.

— А что вы тут делаете, молодые люди? — поинтересовалась бабушка Эля, вплывая в комнату следом за мальчиком. Ребят ожидало новое легкое нервное потрясение.

— Ба! — скривился Эль, увидев родственницу. — Ничего!

— Почему ты лежишь на диване вместе с другим молодым человеком? — поинтересовалась старушка.

— Мы отдыхаем.

— Как — лежа бухаем?

— Отдыхаем мы! — проорал глуховатой родственнице Рафаэль.

Дэн, все же встав, засмеялся.

— Ты что, болеешь, внучек? — заботливо спросила пожилая женщина.

— Нет, бабушка. — Едва ли не по слогам произнес парень. — Я отдыхаю.

Денис подошел к Маше и, не удержавшись, положил ей руку чуть ниже талии.

— Смерчинский, убери лапку, иначе я отправлю тебя в Преисподнюю, — прошипела Мария.

— Кто ходит по дому в исподнем? — мигом бодренько отозвалась старушенция. — Я хочу-таки посмотреть на этого человека!

— Бабушка, — со стоном поднялся и рокер. — Тебе послышалось. Совсем в сумасшедшую превратилась, — посетовал он в сторону.

— Не ври, милый, я не оголилась, — сердито взглянула на внука старушка.

— Ей совсем плохо…

— Держишь меня за лоха? — оказалось, что бабушка Рафаэля знает современный подростковый жаргон. Она ушла из комнаты и тут же принялась рассказывать родственникам о том, что по дому ходит кто-то без одежды. А Сашка ушел ловить котэ, так и не поняв логику двоюродной сестры.

Маша, с трудом выпроводив старушку и младшего братика за дверь. Однако присутствие Эля продолжало угнетать Дэна. Он кивнул на него своему Чипу и поморщился, а потом оказал два пальца, ткнув ими сначала в себя, а потом в сторону юной хозяйки дома, имея в виду, что желает остаться наедине с девушкой.

— Слушай, иди в комнату к Федьке, полежи там, а? — попросила Рафаэля она. — Тебе будет спокойно, и никто приставать не будет.

Тот поворчал, сказал Дэну загадочное: «при родаках — не дело», но согласился и все с теми же тихими стонами вышел из комнаты вслед за Бурундуком. Она довела его до комнаты брата и вернулась обратно к Смерчу. И они, наконец, остались вдвоем.

mir-knigi.org

Дэн провел рукой по серо-голубым обоям, на которых тоненькой змейкой струились фиолетовые замысловатые узоры.

— Невежды обтирают ладони о занавески или скатерти, а ты их переплюнул — об стены начал. — Засмеялась Машка.

— Я могу переплюнуть любого, Чип. Мне нравится твоя комната.

— Чем она может нравиться? — спросила ее хозяйка, беззаботно плюхаясь на диван. — Здесь всего-то диван, стол, стул, комп да шкаф. И не открывай его, а то оттуда все вывалиться!

— Здесь есть все, что и должно быть в комнате нормального человека. — Отвечал парень. Его внимательный взгляд остановился на квадратных фотообоях на стене, противоположной дивану: на их черном фоне было изображено абстрактное, замысловатое симметричное синее лицо, кажется, принадлежащее девушке, волосы которой весьма своеобразно заменяли синие же ласточки.

— Что это? — Спросил Дэну у Маши, завороженный необычной картиной, от которой словно бы исходило непонятно волшебство.

— Это Нептун. В интерпретации Тома Вудраффа. — Пояснила Чип, тоже глядя на стену. — У него есть целый цикл, называется «Солнечная система». Земля, Сатурн, Плутон — он изобразил все планеты. Вудрафф использует технику двойного лица и изображает планеты вот таким вот образом, абстрактно, с кучей символов, которые нужно долго разглядывать, со знаками… Я нашла в Интернете после одной из лекций по искусству все планеты, и Федька через знакомых сделал мне из них фотообои — 10 штук, по числу картин из цикла. — Продолжала Маша. — Иногда я их меняю — по настроению. Сейчас у меня висит этот Нептун, уже давно. Марина и Лида говорят, что им не нравятся эти картины, а мне он по душе. Волшебные, да?

— Может быть. Нептун — планета иллюзий, — кивнул Дэн, продолжая рассматривать картину.

— И не только. Планета мечтаний, грез, и, по-моему, путешествий. Кстати, я давно хотела поменять ее на картину с изображением Солнца, но все никак не доходят до этого руки, — отозвалась Маша. — А еще, Дэн, если «перевернуть» картину, ты увидишь совершенно другое лицо. Концепция картины словно поменяется. И это классно. Ты знаешь, я считаю, что в каждом человеке есть два лица, две его стороны, и частенько мы видим только одну из них. А Вудрафф точно отразил природу человека — только в планетарных масштабах.

— А ведь ты права. — Сказал парень, глядя в потустороннее лицо духа планеты.

Дэн склонил голову на бок, внимательно вглядываясь в синее лицо, нахмурился, но так и не увидел обещанного «превращения» картины. Потом, не думая, ловко встал на руки, чем рассмешил хозяйку комнаты. Лицо девушки на картине тут же превратилось в не слишком приятного рогатого субъекта, напоминающего Дэнни сатира.

— Клоун, — засмеялась Маша.

— Твой личный, — вернулся в нормальное положение парень. Он улыбался, но глаза у него были задумчивыми.

— Мой личный, — согласилась она. — Ну, как, увидел изменения в лице?

— Да. Впечатляет. Хороший контраст. Я бы не смог повесить это в своей комнате.

Девушка лишь пожала плечами. Дэн на мгновение ею залюбовался — она сидела на диване, подогнув под себя обнаженные ноги, смотрела в окно и ветерок, который из приоткрытых створок врывался в комнату, играл с ее волосами. Смерчу тоже тут же захотелось запустить пальцы ей в волосы. Что он и сделал, оказавшись рядом с задумчивой Машей на диване. Ей такое его поведение понравилось, и девушка закинула руки ему на плечи.

— Устал? — спросила она несвойственным для себя ласковым голосом. — Хочешь спать?

— Есть немного. А ты предлагаешь это сделать с тобой? — невинно посмотрел на нее Смерч.

— Вот дурак, — покачала головой Чип. — Ты помешанный на одном деле.

— Может быть, — никак не мог оставить волосы Марии в покое парень, все приближаясь и приближаясь к ее лицу.

Несчастный голодный орел готовился по взмаху флажка мчаться к столу с яствами. Однако его дисквалифицировали.

В комнату совершенно не вовремя заглянула мама Маши. Дэн чертыхнулся про себя и убрал руки, став скромным и милым.

— Ребята, — лукаво взглянула на них Вера Павловна, — вы куда пропали? Пошлите к нам! Петь вместе будем.

— Мама, — скучным голосом сказала Чип, — видишь, мы разговариваем? Мы не хотим петь.

— Ты за себя говори, — улыбнулась Вера Павловна. — А ты, Денис? Может быть, ты еще голодный? Пойдем к столу, милый?

— Нет-нет, — испугался парень, которого все женщины этого дома всю дорогу подкармливали. — Я ничего не хочу. Хотя вы так вкусно готовите, что отказываться просто грех.

— Ну ладно, — подмигнула незаметно от Дэна дочке довольная вечером Вера Павловна и оставила детей в покое. Как только она ушла, к ним заглянул Федька. Удостоверился, что «наглый красавчег» ничего не делает с его сестренкой, и ушел. После, минуты через три, Машу решила проведать тетя, и минут двадцать болтала с ней о том, «какой сегодня хороший вечер получился». После ее ухода Смерчинский с досадой укусил себя за запястье.

— Ты чего, Дэн? — спросила его Маша и с очаровательной улыбкой протянула ему свою собственную руку. — Кусай, не стесняйся.

— Тебя кусать я не буду, — отказался он мягко. — Но можешь покусать меня. Нет-нет, — он с притворным страхом спрятал руки за спину. — Вдруг я в тебя тогда превращусь?

Маша опять засмеялась. Гости продолжали весело петь в караоке.

— Давай выйдем на улицу? — предложил ей парень. Она легко согласилась и первой вылетела из комнаты, словно на крыльях, не забывая улыбаться. От ее улыбки у него повышалось настроение.

В прихожей босоножки она обувать не стала. Скептически поморщившись, заявила, что у нее

ноги болят до сих пор, поэтому сунула их в голубые кеды.

Дэн нашел это по-детски очаровательным — воздушное лазурное платье и высокие кеды почти того же цвета. И он не отказался бы сейчас оказаться с Марией на ее милом диванчике напротив волшебной картины — с условием, что в ее доме никого не будет — хотя бы пару часов…

— Прошу, Бурундучок, — открыл мне дверь чересчур галантный Смерч.

— Спасибо, Бурундучок. — Отозвалась я едко.

— Почему ты меня так зовешь? — полюбопытствовал парень, спускаясь следом за мной.

— А ты меня почему? Насколько Машина голова помнит, я — Чип, а ты — Дэйл.

— Логично. Эй, стой, подожди меня! Ты должна мне дать руку!

— А ногу не хочешь? — спросила я тут же, но ладонь протянула.

Мы оказались на улице, трогательно взявшись за руки.

На светлом еще небе виднелась светло-желтая, почти белая половинка луны, и мы, не сговариваясь, уставились на нее, и несколько минут смотрели вверх. А потом так же синхронного опустились на забор.

— Маша? — осторожно спросил Смерч. — Маш?

— Что, Дэн?

— Ты согласна продолжить наше общение? На том уровне, который от нас ожидают?

— Ага. — Отозвалась я деланно печально. — А когда ты мне расскажешь про Князеву и Ника? Зачем тебе понадобилось следить за ними, а? И разбивать их пару?

— Я все тебе расскажу. Только чуть позже. — Вновь пообещал Дэнни. — Чип, сейчас я — железо.

— Люблю самокритику, — покивала я, — а с чего ты себя так невзлюбил, железо?

— Просто ты сегодня, как магнит. Меня к тебе тянет. И пока я этого не сделаю, я не оставлю тебя.

— Этого? Чего — этого?

Вместо ответа он положил мне руку на затылок, чуть приподняв мне голову, и передал мне пару тысяч микробов, а вместе с ними желание переделать эти чудесные минуты в столетия.

Орла впервые за весь день покормили. Нет, открыли ему доступ к столу с яствами, и тот, не стал медлить — набросился, бедный и изголодавшийся, на все блюда, и даже чавкать не стеснялся. Монстрик, подумав и почесав перепончатыми лапами с когтями свой насупленный лоб, присоседился к пиршеству.

Когда мы оба, довольные, отстранились друг от друга, наступили сумерки, а золотистая теперь

уже луна оказалась точно над нашими головами. Мы сидели на заборе, касаясь друг друга лбами, и просто молчали.

Потом, уже ночью, в своей уютной постели, когда я долго не могла заснуть, я поняла как-то случайно, что люди не могут жить друг без друга. Без взаимного тепла, улыбок, объятий — без поддержки. А сейчас эту поддержку в самых красивый и тонких ее проявлениях дает мне именно мальчик-ветер. И пусть даже самый великий скептик планеты (скорее всего, это будет мужчина) скажет мне, что я — всего-навсего глупая девчонка, мечтающая о какой-то там нелепо-романтической любви, и верящая россказням женщин о том, что взаимные чувства существуют, я только весело засмеюсь. И пожалею этого человека, если он начнет утверждать, что в нашей жизни нет принцев, и романтики, и взаимности, и прочей «чепухи». Принцы есть — королевские регалии еще никто не отменял. А еще есть такие необыкновенные люди, которым мы смело прощаем недостатки, и которым просто симпатизируем или любим. Для нас они становятся не принцами — настоящими императорами. А мы для них — императрицами. Потому что только взаимность порождает истинные чувства.

В ту же ночь мне пришло в голову, что воинствующие скептики — это люди, которые в какой-то степени потеряли свою жизненную удачу. Они оказались своими стараниями в этом мире одни и не почувствовали той самой необходимой поддержки и человеческого тепла. Прикрылись щитом с надписью «Я знаю, любви не бывает, кретины!» и вооружились сломанным копьем под названием «Я боюсь отношений, но презираю тех, кто их имеет». А, да, у них еще на голове зловредные духи бога Комплексов сидят.

Но все это пришло ко мне в голову только ночью, а сейчас я смотрела на Дэна и просто улыбалась, не забывая проводить рукой по его волосам.

— Ты мне очень нравишься, — шепнул мне Смерч, не отстраняясь, — давай попробуем все серьезно?

— Давай. — Прошептала и я.

— Мне иногда кажется — ты взрослеешь.

— Иногда мне это тоже кажется.

— Мне это нравится. — Он положил руку мне на плечо.

— И мне тоже. Мне нравится понемногу меняться. Это здорово.

— В нас биологически заложена потребность к изменениям, — Дэнни так и не повышал голос, и мне безумно нравилось слышать его шепот. — Это одна из главных потребностей, наряду с потребностью в пище или воде. Если человек живет однообразно, он начинает болеть или хандрить. Ты знала?

— Не-а. Я много чего не знаю, — виновато улыбнулась я.

— Я тоже.

— Нет, ты знаешь много. Очень.

— Хочешь, я научу тебя тому, что знаю? — спросил он внезапно.

— Китайскому языку? — я заулыбалась. — Смерч, скажи мне что-нибудь по-китайски, а?

Скажи? Пожа-а-а-лста!

Минут двадцать я смеялась над тем, что и как произносил Денис, пыталась угадать, что именно он говорит, а он подсказывал мне жестами, что имеет в виду. А потом и я начала попробовала повторять за ним замысловатые фразы на китайском языке с глухими и шипящими звуками, и тогда уже ржал он. Он говорил: «Скажи это слово» или «скажиу эту фразу», я старалась выговорить ее по слогам, а он смеялся и смеялся. Я в шутку обижалась и дулась, а Дэн смешил меня, и даже постарался показать на небе, на котором слабо, но все же светились звезды, какое-то простенькое созвездие. Он рассказал мне, что потолок в его комнате — одна сплошная звездная карта неба, и я тут же захотела ее увидеть и напросилась в гости. А потом, как бы мне не хотелось, ему пришлось уезжать. Мне стало так обидно, что Смерчик покидает меня, но ничего поделать я не могла — ему позвонил отец и потребовал, чтоб Дэн явился домой.

Сытому орлу тоже не хотелось расставаться с новым другом, и он чувствовал себя провожающим, тем самым, что остается в одиночестве на перроне и машет вслед отъезжающему поезду, в котором находится, несомненно, кто-то важный и отдаляющийся.

— До понедельника? — со своей беспечной улыбкой сказал Дэнв.

— До понедельника.

— Ты не только сегодня красивая, — негромко сказал он на прощение, когда уже оказался около дожидающегося его «Джипа».

— Что ты имеешь в виду? — старясь скрыть грусть, спросила я.

«Не уходи, а?», — жалобно накарябали головастики.

— Ты всегда такая. А я только об этом вспомнил. Или только понял. Пока, Чип, обещаю, что приснюсь, — с этими словами Смерчинским сел в автомобиль, больше не оглядываясь, и через минуту тот скрылся в наступающих сумерках. Монстрик прилип к заднему стеклу и таращился на орла. Рядом с ним виднелся еще чей-то дымчатый ирреальный силуэт, принадлежащий довольной леди в шляпке.

А я все стояла и смотрела на дорогу, и не могла заставить себя сдвинуться с места и отправиться домой, словно понимала, что как только я покину улицу, все очарование вечера, собранное нашими совместными усилиями, унесется в прошлое. А пока я стою здесь, это очарование находиться здесь, со мной — в настоящем.

Домой меня позвала мама. Как в детстве — с балкона. Пришлось подниматься в квартиру.

Орел летал над этим местом до самого утра наперегонки с ветром.

А он не наврал — Смерч. Уж не знаю, почему, но этой ночью Дэнни мне действительно приснился. А когда я, наигранно возмущаясь, рассказывала об этом чудесном сновидении Маринке и Лиде, то смущалась, а они только восторженно хохотали.

В переполненном автобусе, который, к сожалению, никак не хотел становиться резиновым и даже отращивать второй этаж не желал, я висела на поручне, изредка кидая на окно замученный взгляд и считая количество остановок до университета. Одной рукой я держалась, а во второй сжимала телефон, на котором большим пальцем набирала сообщения.

Переписывалась с Лидой, парой одногруппниц и, конечно же, со Смерчем. Ему и уделяла основное внимание — общаться этим парнем даже посредством текстовых сообщений мне нравилось все больше и больше. Дэн даже на расстоянии умудрялся передавать мне свою положительную энергию

«Я боюсь, Смерчинский! Я боюсь сдавать этот зачет!!». — Жаловалась я ему, зная, что он меня точно поддержит.

«Называй меня Пушистиком, мои смс изредка читают друзья:) пусть знают, что ты меня любишь. Не бойся, Мария. Ты сдашь все зачеты. Гарантия от Дэна — больше, чем гарантия», — с удивительной быстротой отвечал Дэнни. В отличие от меня, прущейся в субботу на последний, наисложнейший, зачет, он валялся дома в своей уютной постельке, разбуженный моим наглым сообщением.

«Когда ты говорил, что любишь Тролля, ты тоже был убедительным!!»

«Я не отрицаю, что сволочь:) Напиши хотя бы раз смайлик, Чип? Иначе буду дуться и страдать»

«Ладно,):-);) =) 8-}:*), — мигом припомнила я забавные смайлики. А в душе продолжал метаться орел, временно запертый в клетку. — Хватит? Нет, серьезно, Смерчинский, мне страшно! Сейчас я приеду к универу и придется идти на этот зачет!! А если я его не сдам??».

«Тебе нужна мотивация. Помни — ты сдаешь зачеты, и мы пойдем гулять!».

«А если не сдам?».

«Тогда ты идешь на пересдачу, Бурундучок», — правдиво отвечали мне. А я так и видела, как он лежит на животе в своей кровати с белоснежными простынями, в комнате, залитой ярким солнцем, лохматый и зевающий, подперев одной рукой подбородок, сонно щуриться и набирает мне ответы.

«Спасибо, ты такой добрый и чуткий!!».

«Мне положено быть таким=) Кстати, тебе нужен талисман. Есть такие талисманы… подержишь их в руке, и к тебе приходит удача».

«И где я возьму тебе такой талисман, Смерчинский?»

«Уже нигде… Не печалься по пустякам, little chipmunk»

«Все. Я приехала, сейчас пойду на казнь. Спэшл для твоих френдов, читающих чужие смски — КОТЕНОК, мне пора!». — Я нажала на «отправить» и выскочила из автобуса, морально готовясь к зловредному субботнему зачету. Я была готова к нему примерно на процентов 40 из 100, и этот прискорбный факт меня жутко коробил.

Остановка сумела впервые в жизни удивить меня — не фактом своего существования, а наличием на ней одного представителя рода человеческого. Смерч стоял на остановке, чуть поодаль от людей, скрестив руки на груди. На его шее, закрывая ящерку, красовались спущенные фиолетовые наушники, а в руке был зажат кислотно-желтый мобильник. Темно-шоколадные волосы самым наглым способом трепал его родственник — северный ветер. Я остановилась — в меня чуть не врезалась идущая сзади девушка, и озадаченно перевела взгляд с умиротворенного ветром лица Дэна на его спортивный светло-серый короткий пиджак с

капюшоном и широкими манжетами, и обратно.

— Ты? Ты что тут делаешь?? — удивилась я, подбегая к парню. Судя по тому, как Денис улыбнулся, ему понравилась моя реакция. И какого он мне парил мозги, что торчит дома, а я, такая вредная и злая, его разбудила?

— Привет, мой хорошенький Чип, — приблизился Смерч ко мне и обнял за плечи в знак приветствия, на мгновение крепко прижав к себе, — твой талисман прибыл. Бери меня за руку, заряжайся удачей, и пошли в университет.

— Ты, талисман… Ты чего мне врал?

— Я не врал, — возмутился тут же парень, — я готовил тебя к сюрпризу. Давай, пошли, ты и так с опозданием в полтора часа приехала. А мне надоело тут уже тридцать пять минут торчать.

— Почему тридцать пять? — не врубилась я, не стесняясь, беря его за руку. На его указательном пальце мною найдено было металлическое тонкое кольцо, которое я тут же сняла и надела себе на большой палец. Дэн не возражал.

— Потому что я так и подумал, что к началу зачета ты не приедешь, и опоздаешь, но не думал, что на столько, — ответил он мне. Я поймала его взгляд, и внутренне поразилась тому, как он смотрит на меня: таким мой знакомый парень, коллекционирующий старинные монеты, смотрел на сердце своей коллекции, только в синих очах Смерча не было фанатизма.

— А зачем мне приезжать вовремя? — пожала я плечами, втайне радуясь, как ребенок каникулам и все же надеясь, что такие же взгляды я не дарю Дэну. — Я в первой пятерке не иду же отвечать, можно и позже приехать. А ты то тут что делаешь? Тебе ведь в универ сегодня не надо.

— Устраиваю тебе сюрприз, — отозвался он. — Но на самом деле, я захотел увидеть тебя, моя малышка. А-а-а… Вот видишь, видишь?

— Что вижу?

— Мне хочется тебя называть всякими ласкательными словечками. Цени это, Бурундук. Почему у тебя руки холодные?

— Боюсь я, — отозвалась я тоскливо. — Последний зачет, как-никак. И самый трудный. Я вообще вымоталась за неделю.

— Бедная ты моя, — на ходу наклонился ко мне Дэн и потерся носом о щеку.

«Оу-у-у», — дружно выдохнули головастики, мгновенно из серо-буро-малинового превращаясь в золотисто-розовые и загадочно мерцающие.

— Эй! Не наглей, Смерчинский, — смутилась я.

— М-м-м, от твоих волос замечательно пахнет. Я тебя так жалею, — весело откликнулся он.

— Не поверишь, но я себя тоже жалею.

Да, эта неделя подарила мне множество впечатлений, в первую очередь, конечно, связанных с учебным процессом, а также вытянула из меня последние нервы. Честное слово, головастики

не хотели терять их, и тянули нервные окончания в свою сторону, зная, что те не восстанавливаются или делают это крайней медленно. Но окружающий мир решил, что ему мои нервы нужнее, чем мне, и делал все, чтобы я испытывала эмоциональную напряженность. Я, конечно, старалась бодриться и заряжаться оптимизмом, но все равно волновалась и даже слегка истерила временами. Все знают, что такое начало сессии, которая, как всегда, приходит внезапно (ну прямо как зима!), и каким «волнительным» бывает время сдачи зачетов и экзаменов.

Мама, которая активно обеспечивала меня шоколадками и таблеточками для мозгов, говорила вечерами, что это время я еще буду вспоминать с улыбкой, но я только подозрительно на нее смотрела и тяжко вздыхала. Что-что, а нервотрепку со сдачей предметов я вспоминать не буду, это уж точно! Хотя… время, когда мы дружненько, из-за отсутствия лавочек, сидели прямо на полу под дверью кабинета, где проходил зачет\экзамен, и шуршали конспектами, пересказывая друг другу ответы на вопросы, мне явно никогда не забыть! Такое потрясение для детского организма!

Понедельник и вторник у моего организма прошли относительно спокойно. В первый день недели оба зачета я умудрилась списать — не зря полночи заливала в телефон шпоры в электронном формате. На следующий день зачеты были хоть и не простыми, но с преподавателями, явно сочувствующими студентам-разгильдяям, поэтому мне вновь повезло. В среду я с легкостью получила зачет по физкультуре, с которой на зависть девчонкам, у меня никогда не было проблем, и даже дружески поболтала с нашей преподавательницей, гонявшей по нормативам одногруппинков. Зачет по Истории мировой литературы я тоже сдала неплохо — к нему я все же готовилась, кое-как, конечно, но с душой, читать ведь я люблю, да и с вопросами мне повезло, и я все ответила верно, ну, почти верно. В четверг по одному из зачетов я внезапно получила автомат, а потом, в обед, чуть с ума не сошла, когда пришло время сдавать предмет Управление персоналом — для шпор я нашла какие-то совершенно неправильные ответы, и они оказались бесполезными. И я почти весь день, закрыв уши ладонями, сидела в библиотеке, в бешеном темпе читая учебник и конспекты Лиды, стараясь запомнить материал. В конце концов, я пошла сдавать этот предмет едва ли не предпоследней, с трясущимися руками и деревянным лицом, но все же смогла получить зачет, кое-как вспомнив то, что я учила пару часов назад. Преподаватель Управления персоналом, аспирант, симпатичный и молодой, но уже строгий, в конце моего ответа неожиданно мне подмигнул и сказал, что его не стоит так сильно бояться.

— У вас, Мария, выражение лица такое, словно я вас съесть хочу, — говорил он мне, ставя в зачетку свою размашистую подпись — мои глаза внимательно следили за движением руки препода над самой дорогой для студента вещью.

— Мало ли…

— Вот, возьмите, — потянул он мне зачетку, — ваш ответ был хорошим. Вы, наверное, несколько дней готовились, Мария?

— Несколько часов.

— М?

— Да-да, почти всю неделю, — громко ответила я, окидывая взглядом двух оставшихся одногруппников-мучеников, пожелав им удачи и выходя в пустой коридор — время подходило почти к 7-ми часам вечера. Там, на свободной лавочке сидел с наушниками в ушах Дмитрий, погруженный в какие-то свои глубокие мысли. Меня он не видел, закрыв глаза и откинувшись

спиной на стену. Зачет он сдал часа два назад, и, наверное, ждал своих дружков, все еще мучающихся в кабинете.

Как вести себя с ним, я не совсем понимала. Вроде бы он — мой друг и король моих персональных подколов, а с другой стороны, вдруг Смерчинский прав, и я Чащину нравлюсь? Это, конечно, бредовая идея, у него есть девушка, и меня, скорее всего, он воспринимает, как однокурсницу — «своего в доску парня», но чего только не бывает в нашем дурном мире?

К тому же в начале недели Димка вел себя несколько странно — отстраненно и замкнуто, и лишь через пару дней, когда я сама стала активно пытаться общаться с ним, не обращая внимания на его сумрачность, он «ожил», превращаясь из спокойно-серьезного и какого-то чужого мне парня в привычного удобного идиота Чащина. Он даже умудрился сделать мне очередную гадость — прозвал Инфернальным Злом, когда я с парнями-одногруппниками стала от скуки делать ставки, как кто сдаст или не сдаст сессию.

— Привет, чувак! — взъерошила я ему волосы, радостная, что сдала зачет. Из-за музыки он не услышал моего голоса — просто повернулся со словами:

— Слушай, хватит, давай не здесь? Я же сказал…

— Чего не здесь? — удивилась я. — Что ты сказал?

Димка резко снял наушники и, повернувшись, удивленно уставился на меня.

— А, это ты? — выдохну парень.

— А ты кого ожидал увидеть? — я опустилась на лавку рядом с парнем. — Мамонта в юбке?

— Никого. Сдала? — тут же спросил меня Димка.

— Сдала.

— Ну, молодец. Марина сказала, ты в библиотеке весь день сидела и учила?

— Ага… Мои мозги выкипели. Теперь я совсем безмозглая. Бли-и-ин, почему я в течение семестра не училась, а? — Болтала я с легким сердцем. — Нет, я завязываю так учиться. В следующем семестре я все-все выучу уже осенью… И получу кучу автоматов, и прогуливать не буду. И все сдам на «пять». А, я слышала от ребят, ты тоже сдал, да?

— Да.

— Ух ты, ботаник. Классно! Нам осталось только субботу отмучаться, и сдать три экзамена. Я очень жду каникулы. А ты? — Между делом я полезла в рюкзак и достала бутылку с водой — после моего пространного ответа в горле пересохло. Крышка, правда, никак не желала расстаться с горлышком пластиковой бутылки, как бы я не пыталась ее открутить.

— Жду, конечно. Устал уже учиться. Дай мне, — протянул руку Дима, увидев мои бесплодные попытки открыть бутылку, и, выхватил ее, с легкостью тут же открыл и вложил мне в ладонь крышку. Все это проделал молча, без слов о том, как выгодно быть мужчиной (это его наилюбимейшая тема для рассуждений — особенно рядом со мной, мне-то всегда казалось, что быть женщиной куда лучше, и из-за его слов мы всегда начинали спорить)

— Ты сегодня опять странный, — внимательно поглядела я на парня, отпивая подслащенную

mir-knigi.org

воду. — В свои лучшие дни ты бы без зазрения выдул половину, не спрашивая разрешения, а тут… такой галантный. Слушай, ты совершил открытие?

— В смысле? — не понял Чащин.

— Ну, умудрился незаметно пройти этап развития из питекантропа в человека?

— Отстань.

— Да ладно, не злись. Что слушаешь? — дружелюбно спросила я, беря свесившийся на его грудь наушник, которые в народе называют капельками или затычками. Оказалось, слушает ту же песню, что стояла у него на звонке мобильника: в плеере Чащина вообще в плей-листе стояла пара альбомов Нойза. Минут пятнадцать мы сидели и слушали музыку, засунув в уши по одному наушнику. Дима сегодня вновь был спокойным и неразговорчивым, и меня, честно говоря, это напрягало: он менялся, а я не знала, почему. И постоянно думала: а вдруг… вдруг я ему правда нравлюсь?

«Брехня», — устало отвечали головастики огромным плакатом, который занял почти все пространство черепной коробки Бурундуковой М. А.

— Как твоя девушка? — нарушила я молчание, убирая наушник.

— Что? Девушка? — переспросил он, с трудом вырываясь из оков ритмичной, но философско-грустной музыки.

— Неужели у тебя парень, Чащин? На мальчиков тянет? То на стены, то на парней… У тебя воистину разнообразные вкусы!

— Бурундукова, — покачал он головой, — я говорил, что иногда мне кажется, что ты — инфернальное маленькое зло?

— Это ты у нас инфернальный барабашка! — отбила его выпад я. — Так что там с твоей девочкой-припевочкой?

— А что с ней должно быть? — невозмутимо спросил парень.

— Что-что, успокоил ты ее тогда?

— Успокоил, успокоил.

— Эй, Чащин, расскажи мне про ваши отношения.

— Тебе-то зачем? — с великим, явно наигранным подозрением, спросил он.

— Интересно! Ты ж типа мой друг, — я в шутку стукнула его кулаком по плечу. Это Чащину не понравилось.

— Бурундук, поспокойней будь, — задумчиво произнес он.

— Не называй меня так! — мигом рассердилась я. — Ты друг или идиот? Сколько раз я просила!

— И ты меня не называй так! — вспылил и он тоже, совершенно неожиданно для меня. — Хватит! Какой я тебе… черт возьми! — Он с досадой провел рукой по волосам резким нервным

жестом.

— Что? — только и спросила я, исподлобья взглянув на Чащина, — не называть? То есть? Поясни-ка свои слова, парень. Хоть ты та еще задница, я с первого курса считала себя твоим другом, а ты теперь говоришь: «Не называй меня так»? Как? Другом? А ты вообще по…

Димка ловко закрыл мне рот ладонью, и я увидела, какими серьезными и растерянными стали его темные, почти черные глаза, но потом это выражение вновь пропало, уступив место знакомым смешинкам.

— Да тише ты, инфернальное и громкое зло! Что ты так вопишь, Машка? Я ж идиота имел в виду. — Сказал он мне. — Прости, если это прозвучало резко. В последнее время у меня плохое настроение. И, естественно, ты мой друг. Девочкодруг, как в песне у «Мумий Тролля».

— Правда? Ну, смотри, Чащин…

— Ты не злишься? Я нервный в последнее время, — признался он мне. — Прости, не злись, хорошо?

— Хорошо-хорошо. Прости, я и сама нервная. Дим, у тебя что-то случилось? Ты странный в последнее время, после того случая в кафе.

— Ничего не случилось, — поморщился он, — все в порядке, Мария.

— Уверен?

— Да.

— А глаза-то грустные.

— Грустные?

Количество озорных чертинок в темных радужках тут же значительно повысилось. Понабежало их тут…

— Ну, так, слегка. Серьезно, у тебя все нормально?

— Все нормально, мой друг. — Отозвался парень.

Меня так и подмывало спросить: просто друг и ничего больше? Я хотела слышать подтверждение того, что Дима относиться ко мне просто как у другу и не более. Но в лоб серьезно спросить не решалась. Только если в шутку.

— Вдруг ты меня любишь или ненавидишь, а признаться боишься? — пожала я плечами, сердясь теперь не на него, а на себя.

— О да, безумно люблю и прошу выйти за меня замуж, Бурундукова. Кольца из пластиковой пробки уже готовы. — Он подмигнул мне. — Букет из бумажных цветов — тоже.

— Я медовый месяц еще хочу.

— Куда?

— Заграницу.

— Монголия подойдет?

— Туркменистан…

И хотя он повеселел, чему я обрадовалась, я все равно перевела разговор.

— Английский-то как будем сдавать?

Смерч, который, кстати говоря, по поводу зачетов не парился, часто мне звонил, писал и пару раз встречал после универа, сказал, что с английским будет все о'кей — билеты он достал, и за это обещанного желание он мне больше не должен. Кстати говоря, увидев его в понедельник, я думала, что сгорю со стыда за то, что было в воскресенье, но он так искренне улыбнулся мне, что я мигом растеряла свои негативные мысли и эмоции, и тут же вспомнила, как классно он целуется. И даже сниться он умеет так — классно. Как сказала Лида: «мальчик умеет доставить удовольствие даже сном».

— Думаю, нормально, — Димка улыбнулся мне и достал из кармана джинсов три прямоугольных длинных и ярких билета на тот самый мюзикл.

— О, откуда они у тебя? — выхватила я билеты и принялась с любопытством вертеть их в руках. Они оказались очень и очень хорошими.

— Смерчинский дал. — Пояснил Дима.

— А почему тебе, а не мне? — жутко удивилась я. — И вообще, ты что, с ним общаешься что ли?

— Да нет, очень редко. Просто так вышло, — пожал он плечами. И с некоторым трудом, но вполне искренне добавил. — Дэн — хороший парень.

— Он и о тебе также говорил, — вспомнилось мне. — Вы, никак, сдружились тайно?

— Маш, — посмотрел Димка на меня не своим, а словно чужими глазами, в которых, как на миг мне показалось, зажглись теплые искры: яркие, красивые, похожие на падающие на фоне иссиня-черного неба звезды.

— Что, Дим?

— Маша, я… — Он наклонился ко мне и произнес тихо-тихо. — Понимаешь, ты…

Наверняка, Димка сказал бы мне, что я очень хотела от него узнать, но Судьба захотела, чтобы этот цирк продолжался долго, и нам помешали.

— Добрый вечер, — раздался знакомый голос. Перед нами появилась Ольга Князева собственной троллевской персоной. Длинные светлые прямые волосы, тонкая фигура, хорошенькое личико пай-девочки, изящные движения… Хорошая девушка и хорошая ученица. Но моя неприязнь к ней уменьшилось не настолько, чтобы я забыла о ее истиной ипостаси.

— Добрый вечер, — поднял на нее усталый взгляд Димка и отодвинулся поближе ко мне, чтобы одногруппница села на лавочку рядом с нами.

— Привет, — откликнулась и я. — А ты что тут делаешь? Ты же зачет днем уже получила?

— Я досрочно сдавала экзамен по истории изобразительного искусства и архитектуры. —

Отозвалась Гоблинша, усаживаясь рядом с Димкой, глядящим в пол. Но он отодвинулся, и я оказалась посредине между ними.

— Досрочно? — удивилась я.

— Да. Мне нужно пораньше уехать. — Отозвалась Ольга. В университете она выглядела не так броско, как на свиданиях с Ником, но все равно казалось милой и доброй девушкой с мягкими чертами лица и женственной фигуркой.

— Круто. И как сдала? — полюбопытствовала я.

— На пять.

— Вдвойне круто. — Я даже обзавидовалась слегка. Потому что я точно знала — историю архитектуры сдавать будет сложно. Хотя гадалка и сказала, что для меня, Марины и Лиды экзамены пройдут успешно, но… все равно не верилось. Как и то, к примеру, что наша дорогая Маринка станет мамочкой.

— Ты молодец, — произнес и Димка, вновь вернувшись в свое странное слегка отстраненное состояние. — Куда уедешь?

— С мамой к родственникам на море, — ответила Троллиха и с задумчивым видом зачем-то пояснила, как будто бы мне было интересно. — Я каждый год уезжаю на море, но обычно в начале июля, а сейчас придется ехать раньше — в середине июня. У дедушки будет юбилей — 60 лет… Он — крупный ученый-физик.

— А у меня дедушка — военный, — отозвалась я, — сказал Смерчинскому, что меня за него не отдаст, пока он в армии не побывает. Хе-хе.

Одногруппники мигом уставились на меня.

— Смерч уже с твоим дедом общается? — переспросил Димка. О том, как Дэн побывал у меня в гостях, знали только мои подружки, и больше никто.

— Ну, так получилось. — Развела я руками. — Он знает моего дедушку, я — его…

— Даниила Юрьевича? — светлые тонкие брови Ольги поползли вверх. — И… и как он тебе?

— По-моему, он крут. И классно выглядит. Сколько ему лет?

— Думаю, не меньше пятидесяти пяти, — на миг задумалась Князева. — Да. Интересный мужчина, не так ли?

— Это точно, — вспомнился мне этот холеный импозантный мужчина с охраной. — Если в его возрасте Дэн будет выглядеть так же и вести такие же дела, я согласна выйти за него замуж прямо сейчас.

По лбу замечтавшегося орла не больно, но обидно стукнула взявшаяся откуда ни возьмись яркая искра, и тут же умчалась вдаль, обиженно и злобно вспыхивая то красным, то коричневым.

Димка продолжал молчать и слушать наш разговор.

— Я удивлена поведением Дениса, — произнесла Ольга, задумчиво глядя на стену, как будто

бы не могла поверить мне. — У вас куда более серьезные отношения, чем я предполагала. Это кажется мне просто необыкновенным. Или необычным. Раньше у него не было никаких серьезных отношений.

Я подозрительно посмотрела на Князеву. И что, что не было? Какая ей разница? Не ревнует ли наш властелин мостов Смерча к моей скромной персоне?

— А ты знаешь причину этого? — спросила я у Оли.

— Знаю.

— И что же это за причина?

— Если Дэн захочет, он сам тебе все расскажет.

Вот черт, замкнутый круг какой-то! Такое чувство, что каждый идиот в этой истории скрывает от других какую-то свою загадку.

— А если Дэн не захочет? — спросил Димка неожиданно.

— Это его право, Дим.

— Но ведь Машка встречается с ним! — Чащин перегнулся через меня, как будто бы меня и не существовало, и сердито стал вглядываться в светловолосую девушку. — Она должна знать, если он что-то от нее скрывает. Они же встречаются, в конце концов.

— Чащин, ты…

— Молчи, мелкое зло. Я тебе жилеткой не буду, если вдруг из-за каких-то дурацких секретов Смерча ты рыдать будешь в три ручья. — Предупредил меня друг.

— Я никогда не плачу, — отозвалась я. — И не при ком.

Димка махнул на меня рукой.

— Давайте оставим Дениса Смерчинского в покое, — мягко произнесла Оля. — Лучше расскажите, как вы сдавали зачет?

Завязался разговор ни о чем.

— Я домой, а вы, ребятки? — первой поднялась я с лавки, минут десять поучаствовав в общей вялой беседе.

— Я жду парней, — отозвался Чащин. — А они капитально застряли.

— Пошли, — потянула я его за рукав, — хватит тебе тут торчать.

— Рад бы, да не могу. Мы с парнями договорились в одно место сходить.

— Я тоже домой. Ты на остановку, Маш? — вдруг изъявила готовность пойти вместе со мной Ольга.

— Да.

mir-knigi.org

— Пошли вместе? — Поднялась она вслед за мной.

— Давай, — кивнула я, прощаясь с Чащиным.

Раньше мы вместе на остановки не ходили. А теперь пошли, и наверняка со стороны казались подружками. Я старалась поддерживать разговор, и вела себя довольно приветливо, да и Ольга оказалась девушкой коммуникабельной, умеющей, когда нужно, найти общие темы для разговоров. В том числе мы успели осудить и зачетную неделю, и наше «свидание вчетвером», и мои отношения с Дэном (я всячески поддерживала иллюзию того, что мы безумно влюбленная друг в друга пара).

— Дэн говорит, что я — его огонь, — вспомнились мне слова Смерча на нашем семейном празднике. — И что я грею его. А я считаю его своим воздухом — я дышу им.

Трудно сказать, почему я поведала это Ольге. Может быть, хотела таким образом заявить ей свои права на Дэна.

— Дэном… сложно не дышать, — осторожно заметила уже на остановке Мисс Гоблин.

— Что ты имеешь в виду?

— Он красив и умен. Добр. Всегда помогает своим друзьям. Наверное, зря. — Усмехнулась она. — И он очень обаятелен. Иногда мне кажется, что на него девушки устраивают настоящую охоту.

— Охоту? Мой Дэн — не дичь, чтобы на него охотиться. — Хмуро отозвалась я. — Но если это так, то я выступаю в почетной должности лесничего-хранителя леса. А эти девочки не иначе, как браконьеры — охотятся без лицензий на чужой территории. Кстати, за Ником девочки охотятся?

— За Ником? — с каким-то даже глубоко затаенной боязнью переспорила Оля. — Нет. Что ты, Маша. Нет. Ник совсем не похож на дичь, поверь. Никита, скорее, предводитель этих самых браконьеров, — добавила она, задумавшись.

— Так и Дэн не дичь, а царь зверей. — Рассмеялась я. — Поверь.

— Я это и так знаю.

— А тебе очень нравится Ник?

— Ник? А, да, очень.

— Он классный парень, — авторитетно заявила я. Пусть у меня с недавних пор нет к нему сильных чувств, но как человек он продолжает мне нравится.

— Конечно, да, классный, — тряхнула длинной гривой светло-русых волос Князева. — Особенный парень.

— И он тебя так любит. Вы хорошо смотритесь вместе. — сказала я правду. Но они действительно хорошо смотрятся!

— Я знаю, спасибо. А вы с Деном — ярко.

Хорошо, что автобус Ольги быстро приехал и умчал вдаль светловолосую девушку, с которой я

больше ничего вроде бы не делила (надеюсь, к Дэну она равнодушна!), но которая продолжала не шибко мне нравится. Чем? Не знаю.

Эй, зеленокожие! Заберите к себе вашу родственницу! Ну, если не опыты над ней ставить, так замуж за гнома какого-нибудь выдать. Ну хорошо, хорошо, за великолепного вампира… Но все равно — заберите!

В автобусе, в котором я от усталости уснула, Ольга Князева явилась в гости к моему сознанию на крыльях сновидения. Она, одетая во все белое, молчала и медленно ходила вокруг небольшого озера, в котором отражались черное бархатное небо, звезды и пролетающие кометы-искры. Я долго смотрела на девушку, паря где-то в воздухе, а потом приблизилась к озеру и зависла над ним, едва касаясь босым ногами холодной глади воды. В ней, спокойной и неподвижной, отражалось то же небо, те же звезды — только комет не было, но вот отражение Ольги, стоявшей в безмолвности на берегу, было другим. Ольга в озере была облачена в черную одежду, и лицо у нее было белое, и волосы короче,

В это же мгновение во сне откуда ни возьмись, появилось довольное упитанное зеленое существо и, наклонившись к моему уху, доверительно сообщило:

— Следующая остановка — магазин «Восход».

Я тут же проснулась и, протерев глаза, поняла, что подъезжаю к собственному дому.

Кстати, суббота принесла мне еще один сюрприз. Вернее, два. Первым было появление Смерча на остановке, о котором я уже рассказывала, а вторым — появление еще одного человека…

Самое страшное «зачетное» испытание недели ожидало нас именно в этот день, когда я просила у Смерча моральной поддержки по смс, а он встретил меня у остановки. Зачет по эстетико-философских учениям Нового и Новейшего времени начинался в 9 утра, и, судя по всему, должен был проходить едва ли не весь день — препод, по отзывам ребят из параллельной группы, которые уже успели с ним пообщаться ранее, принимал его довольно жестко. К тому же у него был нечеловеческий нюх на самые разные шпоры, а это значило, что списать у него было почти нереально. Нельзя сказать, что этот предмет был безумно трудным: он был даже интересным, но из-за строгости преподавателя даже самый легкий предмет может показаться адским для студента. Поэтому даже мне пришлось учить философия Нового и Новейшего времени очень серьезно: даже ночью я спала пару часов. Именно этот предмет я боялась сдавать в субботу.

Как следует поутешав меня, Смерч пошутил насчет того, что если я не сдам, у меня не будет возможности оценить нашего совместно первого нормального свидания, а затем легко поцеловал меня в губы, заставив скрежетать зубами — сделал на виду у всего университетского двора, заполненного курящим и греющимся на солнышке, народом! Правда, одновременно с моими возмущениями, головастики дружненько подняли вверх листы со словами гимна господину Д.О. Смерчинскому — так они обрадовались этому мимолетному нежному прикосновению его губ.

— Бурундучок, — прошептал он мне после этого, не обращая никакого внимания на то, что на нас уставились первокурсницы-дизайнеры. Я вообще заметила удивительную вещь — да посторонних ему не было никакого дела, как и до их мнения, а вот этим самым посторонним… до него дело было. — Тебе пора.

— Все, иди, — кивнул мне Дэн, доведя до нужно кабинета, около которого уже толпились мои одногруппники. К Смерчу они, кстати, уже привыкли, и всегда приветливо с ним здоровались,

как с лучшим другом, а он же весело с ними общался и шутил. — Ты все сдашь.

— А ты куда сейчас, Дэнни?

— К себе, — кивнул наверх он. — Раз уж я здесь, помогу кое-кому. Да и насчет курсовой хочу с научным руководителем поговорить.

— Что, в курсовой тупишь? — Спросила я, все больше и больше нервничая. Зачет надвигался неотвратимо, как смерть к любому живому существу.

— Разногласия с преподом, — покачал Дэн головой, здороваясь тут же с каким-то парнем. — Все, беги, девочка-радуга.

— Кто-кто?

— Бурундучок в пальто. — Он положил мне на щеки обе ладони, склонился и подул на нос, — все сдашь.

На нас оглядывались проходящие мимо студенты и улыбались, явно умиляясь. Да, Дэну всегда улыбались, и от этого казалось, что мир вокруг прекрасен и позитивен.

— Все, Чип, я пошел. Удачи.

— Спасибо. Я напишу тебе потом. Или позвоню.

— Я буду ждать. Ты все сдашь, ты умная девочка. Кстати, девочка, что за последний смайл ты мне отослала? — спросил он.

— Ктулху. — Мрачно отозвалась я.

Он рассмеялся, двумя пальцами послал воздушный поцелуй, одарил еще одним взглядом жадины, у которого отобрали половину запасов припрятанных вкусняшек (в роли оставшихся в его владениях вкусняшек выступала ваша покорная слуга), и удалился, оставив меня нервничать дальше.

— А-а-а, это всего лишь зачет, но он будет похуже некоторых экзаменов, — долбила я рукой об стену, в ожидании своей очереди, держа в руке тетрадь с чужими конспектами и пытаясь их читать.

— Все будет в порядке, успокойся, сдашь, — твердила мне Лида, которая сама уже вышла из кабинета, получив заветное «зачтено» в числе сдававших в первой пятерке. Подруга уже поставила себе «кирпич» в деканате, и была официально допущена до экзаменов. А ее двоюродная сестра сейчас как раз находилась в кабинете, на зачете.

— Ага, как я сдам? Блин, а что, если пересдача? Ли-и-ида, я боюсь, Лида, что делать? Ли-и-ида, я…

— Лучше не бойся, — посоветовали вдруг сзади, — страх всегда притягивает негативные ситуации.

Мы с Лидой синхронно обернулись и увидели стоящего перед нами Никиту. Он, облаченный, как и всегда, впрочем, в элегантную рубашку с закатанными по локоть рукавами, едва заметно улыбаясь, стоял перед нами, засунув руки в карманы светло-серых брюк. Уверенный, спокойный, собранный. Этакий идеал Маши месячной давности. Правда, слегка еще

попорченный последствиями той знаменательной драки недельной давности. Впрочем, Кларского это не сильно расстраивало. Да и я, глядя на него, еще яснее осознавала (и делала это с радостью!), что все… Все! Все, что я чувствовала к нему раньше — исчезло, осталось в той самой Новогодней ночи, растворившись с падающим снегом и в том дождливом вечере в парке, превратившись в поднятую яростным ветром пыль.

Орлу надоело летать низко в небе, чтобы быть ближе к огромной уютной равнине, и он все же постепенно поднялся далеко в высь, туда, откуда вид на землю был невероятно захватывающим и волшебным. И не беда, что там, высоко, почти под облаками, орла коварно поджидают самые разные опасности. И пусть это будет даже появление смерча, прогнозирование которого до сих пор является почти невозможным делом, орлу все равно не страшно. Ведь у него уже есть собственный смерч, с которым ничего не страшно. При случае, он может опуститься на равнину, казавшуюся до этого безопасной, и, оставляя на ней колоссальные разрушения, повеселиться.

Буквально за пару мгновений, пока Лида что-то говорила Нику, я четко осознала, что без моей полумифической безответной любви, повисшей на спине на манер рюкзака с камнями, жить гораздо легче и проще!

— Я уже и не боюсь, — кивнула я Кларскому. — А ты веришь в силу мысли?

— Конечно. — Серьезно сказал Ник, подходя чуть ближе ко мне.

— Занимаешься всякими визуализациями и медитациями? — поинтересовалась я. Лида с одобрением глядела на меня: они с кузиной полностью поддерживали мои отношения со Смерчинским, а любовь к Нику всегда казалась им детской глупостью маленькой девочки Машеньки, которая сознательно или нет, но искала себе идеала по определенным своим критериям, дабы избавиться от детских страхов или от чего-то еще. Мне так сама Лида говорила, когда я заставила девчонок в прошлом году чуточку последить за Кларским после лент.

— Это несколько личное, — мягко отозвался Никита. — Но тебе все же могу дать положительный ответ.

— Классно! И как, помогает? — тут же поинтересовалась я. — Получалось материализовать желаемое?

— Когда как. — Он пожал плечами. — Зависит от моих ментальных усилий. Ты этим увлекаешься?

— Скорее, интересуюсь. — Ответила я. — Но верю.

А-а-а, как классно говорить с Кларским, как и с обычным парнем!

— А ты к Ольге, да? — спросила я через пару минут разговора.

— К Ольге? — переспросил Никита. — А, нет, я к тебе.

— Чего? — удивленно спросила я.

Лида подозрительно взглянула на него: в ее карих глазах появился тандем «сомнение-удивление», как и у меня, впрочем, тоже. За спиной Ника подруга картинно развела руками.

mir-knigi.org

— Ко мне?

— К тебе, — кивнул Ник, склонив голову на бок и внимательно глядя на меня.

— А зачем? Что-то случилось?

— Нет. Но случиться. — Пообещал парень.

— Что? Эй, что случилось, не пугай меня!

Он засмеялся, увидев мое слегка испуганное лицо.

— Маша, все в порядке. Просто я и Ольга хотели бы прогуляться с тобой и Дэном, вчетвером, как в тот раз. Я хотел спросить у тебя: ты не против?

Лицо у Лиды, стоящей за его спиной, вытянулось. Она и Маринка, конечно, знали, что у нас было такое вот необычное свидание, но ей предложение Ника показалось странным, как и мне.

— Ну, можно, — отвечала я удивленно. — Можно. Я не против.

— Отлично. Вы классные и открытые ребята. — Заявил парень. — Маша, дай свой номер телефона, чтобы я смог с тобой связаться.

— А… хорошо, — с некоторым удивлением я сказала ему свой номер, а он продиктовал мне свой, который я, кстати говоря, и так знала наизусть.

— А Ольга сейчас сдает зачет, — сказала Лида, встревая в разговор. — Будешь ее ждать?

— Я знаю, — кинул он на дверь кабинета, где шел экзамен, взгляд своих светлых спокойных глаз. Кажется, за Тролля он переживал. — Но ждать не буду. Мне нужно уйти. Пока девушки, было приятно пообщаться. Маша, я позвоню. А, да, — он вдруг вновь почти вплотную подошел ко мне — я тут же почувствовала притягательный аромат его терпкого одеколона, — и вручил мне ключи от автомобиля, коснувшись горячими пальцами моей ладони и чуть дольше, чем нужно, задержав их на ней. Перед глазами поскакали счастливые зайцы, которые, однако, быстро растворились. Все-таки влюбленность в этого парня куда-то пропала. Но… Если бы он проделал такой фокус в те счастливые времена, когда я была влюблена в него и ежедневно любовалась на его фото в своем сотовом, я бы сошла с ума от счастья прямо на его глазах! Почему мои желания осуществляются так не вовремя?! Эй, сила мысли? Ты почему работаешь, как попало?

— Передай Дэну. — Сказал Ник, глядя мне в глаза. — Это ключи от того «Джипа». Я никак не могу его поймать и отдать их.

— Хорошо.

— Тогда до скорого.

Он еще раз улыбнулся мне и пошагал по направлению к лестнице. Навстречу ему шел Димка, держа в руках стаканчик с горячим кофе — Чащин, кстати, всегда покупал «летто». Одногруппник несколько обеспокоенно взглянул в мою сторону, заставив меня поднять брови.

Парни встретились, обменялись рукопожатиями, сказали по паре слов друг другу и ушли вместе. Перед этим я все же заметила, как не дошедший до нас Чащин что-то спросил у Ника и вновь кинул в мою сторону обеспокоенный взгляд. Увидел, что я заметила это, и тут же

поспешно улыбнулся мне во весь рот и даже показал рокерскую «козу». Я покрутила пальцем у виска. Кларский пожал плечами, что-то объясняя приятелю, и они ушли

Подруга в великом изумлении уставилась в сторону уходящих Никиты и Димки, потом перевела взгляд на меня, изогнула бровь, что-то обдумывая, после чего за руку оттащила подальше от любопытных одногруппников-сплетников.

— Мне кажется, — жарко зашептала мне на ухо Лида, — мне кажется, или Кларский сейчас к тебе подкатывал, Машка?

— Тебе кажется.

— Нет, мне кажется, что мне не кажется, что, кажется, Кларский подкатывает к тебе. «Маша, дай телефон», «Маша, ты хорошо выглядишь сегодня», — передразнила она парня, изобразив его неспешную манеру произношения. — «Маша, прыгай ко мне в тачку, на заднее сидение, покатаю по городу».

— У него нет тачки! — возмутилась я.

— Да не в этом дело: есть или нет! — Уперлась темноволосая девушка. — Так, Машка, если ты вдруг из-за этого Кларского бросишь Смерча, я тебя линчую через удушье шнурками.

— Спасибо, Лидкоу. Хорошего же ты обо мне мнения! — Честно сказать, я и сама слегка растерялась.

— Хорошего! Просто я же знаю, как ты три года сохла по этому Никите. Маша, он в высшей степени подозрительный тип — можешь поверить мамочке! Чего ему от тебя понадобилось? Ты у нас глупенькая в амурном плане, не понимаешь, может быть, но он не просто так приходил. — Говорила Лида, качая головой и машинально проводя пальцами по длинным распущенным волосам.

— Ну да, я этом плане пень пнем. — Согласилась я с легкостью. — Но, может, он, правда захотел… Блин! Почему он у меня в течение трех лет ни разу телефон не просил? А? А сейчас он ему вдруг понадобился?!

— Вот-вот. Если ему так захотелось вчетвером погулять, мог бы Князеву попросить, чтобы она спросила это у тебя. Или поговорил бы с Дэном, они бы вдвоем устроили вам с Князем отличный вечер… Ладно, вы тогда, как ты говоришь, Олю с ним случайно встретили в парке, и вчетвером гуляли. Это была просто случайность.

Я промолчала — ну, не такая уж и случайность, но мы с Дэнвом всего лишь хотели сделать этим двоим гадость, а не гулять в 4 каски по парку!

— Кстати, странно, что Дэн Князеву знает давно знает, но не будем на этом останавливаться. В общем, Маш, второй раз парню самому предлагать новое свидание вчетвером — это вообще нонсенс! Супер нонсенс. Где ты таких мужиков видела? Какое свидание вчетвером? Он что — романтическая девочка четырнадцати лет, мечтающая о групповой свиданке? Не верю. Я тебе точно говорю, этот Ники…

Ее перебил звонок телефона, громкий и настойчивый, и Лида была вынуждена прерваться и ответить на звонок. Оказалось, звонил ее парень, Женя. Минут на пять он загрузил мою подругу какой-то беседой.

Кстати говоря, мы с Маринкой видели его всего лишь раза два, и он нам не сильно нравился. Вроде бы Женя был очень красивым: действительно, красивым, таким, каким бывают актеры или певцы, статным и высоким, и далеко не глупым — он учился на последнем курсе экономического факультета другого университета, и уже работал в престижной фирме. У Евгения была собственная квартира и хорошее авто. Но было в его характере что-то такое, что заставляло нас с Мариной осторожно относиться к красавчику в деловом костюме: то ли его некоторая надменность, то ли холодность и отстраненность, кажущаяся эгоизмом. Правда, именно парни такого склада характера подружке нравились невероятно сильно — она считала их сильными и целеустремленными личностями.

Обычно сдержанная на чувства Лидия первое время была от Евгения просто в восторге, и хотя сейчас эйфория влюбленности у нее заметно уменьшилась, она все равно продолжала относиться к своему парню очень нежно и трепетно. Кстати, после гадания у набережной она все ворчала, что никуда уезжать не собирается и покидать Женьку — тоже. А Маринка, напротив, ждала своего «творческого» принца с нетерпением. И почему-то требовала его с меня, как будто бы я была начальником отдела Сбыта идеальных мужчина на ГЗПП — Государственном Заводе по Производству Принцев.

— Слушай, Маша, — серьезно уставилась на меня подруга, поговорив со своим молодым человеком, спустя пару минут, — мне Женька звонит и требует срочной встречи.

— Требует? — Удивилась я. Лида не из тех девушек, от которых что-то можно требовать.

— Вернее, ему срочно нужно со мной встретиться. — По лицу подруги прокатилась волна тщательно скрываемой обеспокоенности. — А что случилось — не говорит.

— Что-то серьезное? — спросила я.

— Вроде бы нет. Но Женя о-о-очень срочно хочет поговорить. Понятия не имею, что случилось. Узнал, что я освободилась, и попросил приехать через минут тридцать-сорок в один ресторанчик на соседней улице. — Продолжала Лида задумчиво.

— Ресторанчик? Вот буржуй. Лида, езжай! — тут же решила я за подругу.

— Так я Марину хотела подождать и тебя тоже, — слегка растерялась она. — Мы же договорились после пойти закрытие зачетов в кафешке отметить.

— Не надо ждать! Езжай. Вдруг у него там что-то случилось? Топай, давай, к лесенке, — я взяла подругу за плечи и повела к лестнице. — Мы с Маринкой напишем тебе, как сдали. Ну, я, наверное, не сдам, но все равно напишу. А потом мы как-нибудь соберемся и отметим.

— Да сдашь ты, дуреха. — Улыбнулась все еще озадаченная звонком Лида.

— Ну-ну, не знаю. Короче, мамочка, не забудь сама позвонить, когда выяснишь, чего там твой Женек от тебя хотел. Если сможешь, приезжай к нам с Маринкой, — я хихикнула, — если Женек не затащит тебя к себе в гости на кофе.

— Он не пьет кофе. Только зеленый чай. Тогда ладно, я побежала, доченька. И только попробуй завалить последней зачет! — погрозила мне пальцем Лида.

Лида спешно спустилась по лестнице, очень озадаченная словами Евгения. В ее голове пробегали, один за другим, сценарии поведения парня — голос Жени был, как всегда,

несколько сух, но когда она разговаривал с ней, то Лида явственно уловила в нем нотки волнения и даже раздражения. Это девушке очень не понравилось, и интуитивно она готовилась к чему-то неприятному. Только к чему? Отношения у них были замечательными: именно такими, к каким девушка и стремилась: стабильные, без излишней романтики (ее Лида не слишком уважала), пафосности и карамельности, серьезные и обнадеживающие. Ссор или поводов для расставаний у них не было.

Дорогу от университета она перебегала почти не глядя по сторонам. Красный цвет на светофоре всегда внимательная даже к деталям девушка просто-напросто проигнорировала. За что немедленно поплатилась — ее едва не сбила яркая фиолетовая спортивная «Mazda RX-8». Водитель все же успел затормозить — с визгом колес, — и капот машины едва не задел остолбеневшую Лиду, остановившись в жалкой паре сантиметров от нее. Девушка замерла, мигом сообразив, что чуть с ней не случилось что-то страшное.

Фиолетовая дверь немедленно очень резко распахнулась, и наружу выбрался невысокий молодой человек в темном дорогом льняном фиолетовом, под стать авто, пиджаке, из-под которого виднелся светлый пуловер. На слегка бледном лице с плотно сжатыми губами, чернели затемненные итальянские очки — тоже явно недешевые, как и круглые часы на правой руке и начищенные до педантичного блеска ботинки из натуральной кожи. Парень, которому на вид можно было дать лет двадцать пять-двадцать шесть, снял очки и внимательно уставился на Лиду, как умудренный опытом старый филин на беспечную мышку. Покачал черноволосой, аккуратно подстриженной головой, и, сощурившись, приблизился к девушке.

— Вот блин. — Прошептала перепуганная Лида, сжимая руки в кулаки так, что длинные, яркие, и — вот парадокс! — накрашенные сегодня в фиолетовый цвет ногти впились в ладони. Девушка чувствовала, как пульс сильными толчками бьется в ее пальцах.

— Я бы даже сказал что-нибудь покрепче. И слегка понеприличнее. — Произнес молодой человек сердито, оглядывая едва не пострадавшую в ДТП. — Девушка, вы смертница?

— Нет.

— Уверены?

— Абсолютно уверена. — Тряхнула черными волосами Лидия, разжимая, наконец, ладони. Страх медленно уползал.

— Точно?

— Точно, да. Да…

— Из-за вас я едва не стал преступником, совершившим наезд на пешехода. Хотя дорогу на красный свет переходили именно вы. — Как-то равнодушно попенял молодой человек Лиде. — Радуйтесь, что я успел вовремя затормозить.

— Я радуюсь, — совершенно серьезно произнесла девушка. — Простите, я не знаю, что на меня нашло. Правда, мне очень жаль. Я так спешила на остановку, что не заметила красный свет.

— Наверное, вы обратили внимание на зеленый цвет, предназначенный не пешеходам. Садитесь, я вас подвезу, — все тем же тоном равнодушного, но крайней вежливого человека, предложил водитель фиолетовой «Мазды». — Раз уж я едва не сбил вас.

— Мне неудобно.

— Поверьте, я бы не стал предлагать вам свои услуги, если бы не имел возможности исполнить их, и надеялся бы, что вы откажитесь.

— Но это… Это правда неудобно. — Была слегка поражена реакцией парня в очках Лида. Другой на его месте наорал бы на нее, а потом уехал бы просто-напросто, удостоверившись, что с ней все в порядке.

— Мой брат, — поморщился неожиданно водитель «Мазды», мельком взглянув в сторону здания университета, — говорит, что неудобно спать на потолке, заниматься там же любовью и делать еще некоторое количество вещей, в том числе и совсем неприличных. А мой брат — умный человек, так что… Садитесь, я не насильник, не вор и не дорожный правонарушитель — я ни разу не совершал нарушений на дороге. До происшествия с вами я был идеальным водителем.

— Отлично. Я удачно вас встретила. Еще раз прошу прощения — я была слишком невнимательной. И да, вы можете звать меня Лидией, — не стала больше отказываться брюнетка от заманчивого предложения. К Евгению хотелось приехать как можно скорее и узнать, наконец, чего у него там случилось — по телефону Женя категорически отказался говорить, в чем дело. Девушка приблизилась к автомобилю, сама открыла дверь и первой оказалась в кожаном салоне.

— Хорошо. Я — Петр. — Тут же уселся на водительское место молодой человек и вновь надел темные очки, которых, как успела заметить Лида, оказались с диоптриями. — Говорите адрес, Лидия.

Девушка назвала адрес ресторана, взглянув в лицо новому знакомому, успев заметить, что глаза у парня красивые — не темные, а синие, как будто бы он был в линзах. Когда он был в очках, его радужки казались темными, карими.

— Я знаю, где это. Через десять минут окажемся на месте. — Сказал почти идеальный водитель. — Или даже раньше — если нет заторов.

Оказалось, что небольшие заторы есть, и до места они добиралась минут через двадцать. За это время сидящие в «Мазде» обменялись еще парой десяткой ничего не значащих слов. Потом хозяину машины позвонили.

— Да, — произнес в меру почтительно Петр, включая гарнитуру и выруливая одновременно на другую полосу. — Да, дед, я почти в университете. Все сделаю, как ты сказал. Конечно, я перезвоню тебе. Да, я понял. До вечера.

Лида не слушала водителя, смотрела вдаль и гадала, что же Женьке вдруг понадобилось от нее? Что он там такого мечтает сказать ей? Почему у нее плохое предчувствие цвета воронова крыла?

А водитель изредка посматривал на Лиду и на ее черные тяжелые волосы, которые забавно вились на концах. Как и брату, которого Петр кстати и некстати частенько вспоминал (также часто, как и черта!), ему всегда больше нравились светловолосые и светлоглазые. Что Инна, что эта малышка, совсем еще девчонка с виду, Маша — Денис выбирал такой типаж и в серьезных отношениях, и очень часто — на пару ночей.

И почему им обоим всегда нравились блондинки?

Петр хмыкнул про себя. Из-за первой девочки — голубоглазой натуральной блондиночки со

светлыми ресницами, братики, одному из которых было лет 11, другому — 13, здорово подрались прямо в школе, умудрившись сбить с ног директора и поставив ему фингал прямо под глазом. Тот тут же вызвал их родителей, а так как родители обоих мальчиков уехали, оставив ребят на попечение вечно занятого деда, в школу пришел именно он. После посещения кабинета директора обозленный Даниил Юрьевич так затиранил кузенов, что они на время даже сдружились против деда.

А потом молодящийся и стильный дедушка, которого все и всегда принимали за их отца, долго читал лекции о том, что братья не должны делить одну женщину, и даже дал пару советов, как следует этих самых женщин завоевывать. Мальчишки запомнили их и честно старались завоевать девочку-блондинку — целых два дня. А потом, к удивлению Смерчинских, она выбрала не их, а какого-то задохлика с параллельного класса.

После этого разочарования Петя и Денис в первый раз в жизни напились в компании друзей, едва на разгромив квартиру деда. У обоих была одинаковая реакция на алкоголь: ребята начинали буквально сходить с ума. Дед, увидев, что стало с его квартирой потом вообще едва не убил внуков и больше к себе надолго старался не брать.

Петр молча высадил Лиду у нужного ресторана, кивнул ей на прощание и поехал дальше. Однако через пару метров остановился, открыл окно и крикнул ей вслед:

— Лида!

Она мигом обернулась.

— Лида, переходите дорогу на зеленый цвет. На дороге перед вами может не оказаться такого умелого водителя, как я.

— Спасибо за совет! — крикнула в ответ девушка, а потом поспешила на встречу с Евгением. Он уже ждал ее — его автомобиль был припаркован неподалеку.

Из ресторана Лида вышла через десять минут, с виду такая же спокойная, как и прежде, но внутри совершенно убитая. Пульс бился в кончиках пальцах так же сильно, как и полчаса назад, когда парень на фиолетовой машине едва не сбил ее. Лучше бы сбил.

Лучше бы она прекратила это существование на земле.

Естественно, он ее бросил. Нет, не бросил, а сказал, что их отношения прекрасны и замечательны, и устраивают его более чем. Но он, Женя, зависим от внешних объективных обстоятельств. Лида сначала не поняла, что парень имеет в виду. Тогда молодой человек, не отрывая напряженного взгляда от собственных ладоней, пояснил девушке ситуацию. Его родители настаивают на том, чтобы он, их единственный сын, для пользы семейного дела женился на дочери одного преуспевающего бизнесмена средней руки, которой Евгений очень и очень нравится. Если бы та девушка не испытывала симпатии к Жене, о перспективной свадьбе и речи быть не могло быть, но мать парня недавно узнала о симпатиях этой девушки, и тут же решила, что Евгению следует сблизиться с ней — для заключения выгодного брака.

«Перспективы, мой хороший, вот самое главное в любых твоих отношениях и контактах», — сказала она ему несколько дней назад, ясно дав понять, что его основная обязанность заключается в умножении семейного благосостояния. И даже привела в пример одного своего партнера из соседнего города — очень состоятельную бизнесвумен, которую уважала, хотя и во многом завидовала:

«У Аллы два сына, и пока один из них встречался с дочкой одного значимого человека, владеющего большими капиталами, она умудрилась поднять бизнес в гору еще выше».

Когда парень, сидящий за столиком в ресторане и нервно постукивающий пальцами по бокалу с водой, сообщил это Лиде, то она подумала, что следующими его словами будут слова о том, что он оказался от этого, потому что Лидия его дорога, но вместо этого услышала: «Прости, я не могу поступить по-другому. Я думал весь вечер и всю ночь — даже не спал, смотри, у меня мешки под глазами! — и решил, что я не могу подвести родителей. Лида, я должен это сделать. Но я все равно люблю тебя. Ты всегда будешь моей малышкой».

Почему ее не задавила эта дорогая «Мазда»?

Нет, он не бросил ее, он просто честно предупредил, что после окончания университета жениться на девочке из богатой семьи по желанию родителей. И добавил, что хочет и дальше встречаться с Лидой, потому что ему уютно и комфортно рядом с ней. Он даже сказал, что его будущая жена не слишком красива, балла 4 из 10-ти, а вот Лида — красавица.

Вспомнив это, девушка с темными волосами замедлила шаг и впилась ногтями в сумку — до боли, чтобы не дать волю чувствам прямо на людной улице. Один из темно-фиолетовых аккуратных ноготков сломался — почти под корень, но обычно переживающая по этому поводу девушка лишь равнодушно взглянула на руку и вновь опустила ее, пряча ладонь за широким ремнем сумки на плече. Этой же ладонью девушка хотела как следует отхлестать парня по щекам, но вместо этого мило улыбнулась ему и сказала с ядовитой улыбочкой:

— Прости, Жень, я рада за тебя, но мы не сможем встречаться. Я нашла себе нового парня, и… сам понимаешь. Я стараюсь быть верной девочкой. По крайней мере, теперь. В общем, я хотела сказать тебе, но все боялась сделать это: у меня есть другой.

О да, Евгений удивился, еще как, кажется, даже обозлился, с грохотом поставил чашку с кофе на стол и волком уставился на Лидию.

— Что ты сказала?

— Повторить? Прости, я не хотела делать тебе… больно. Не хотела говорить. — Сквозь зубы произнесла Лида. — Но сегодня ты дал повод для расставания. И я рада, что все прояснилось.

За эти десять минут, что они пробыли вместе, внезапно став из близких людей совсем чужими, он возмущался и даже кричал куда больше, чем Лида. Та, по большей части, молчала, пила сок через длинную трубочку и орала на парня только про себя.

Напоследок темноволосая девушка достала деньги, куда больше, чем нужно было, чтобы расплатиться за сок, и аккуратно положила их около локтя разгневанного Жени со словами и насмешливо-извиняющейся улыбкой на губах:

— Милый, мне мой новый парень не разрешает пользоваться благосклонностями других мужчин. Я сама заплачу за свой сок. Сдачи не надо.

— Лида, стой!

— Прощай.

И она вышла из ресторана, довольная тем, что сумела не унизиться перед бывшим парнем и не заплакать перед ним. Все же актрисой Лида была неплохой, и разыграла почти что отличный

спектакль. Почти что — потому что на самом деле ей было больно, страшно и плохо, а никакого другого парня, не разрешающего ей «пользоваться благосклонностями других мужчин», около Лиды не было.

Девушка машинально села в автобус, мечтая оказаться дома и дать волю эмоциям — тщательно скрываемым, но по-плутониански яркими (Машка всегда говорила, что Плутон — планета сильных глубинных эмоций и не всегда положительных, а часто разрушительных) вновь привез Лиду к стенам родного университета, она поняла, что перепутала маршруты. Раньше с ней такого не случалось.

Лида вышла из автобуса, пару минут постояла в задумчивости, и только потом неспешно двинулась не в сторону университета, и находившихся там подруг, а в сторону парка, расположенного около него. Ей хотелось побыть в одиночестве, там, где не будет людей,

Она медленно, меланхолично стуча каблуками по асфальтированной дороге, двинулась вперед, не замечая ничего и никакого. Ее целью были самые далекие лавочки, притаившиеся за шикарными изумрудными кустами. Там ее точно никто не заметит.

Лучше бы тот парень с фиолетовой тачкой действительно сбил ее.

— И что бы тогда изменилось? — сама у себя мысленно спросила Лида. — Женька все равно женился бы. И только бы я мучалась. Вот козел. Тварь, последняя тварь.

Нет, хорошо, что фиолетовое спортивное авто не причинило ей вреда, и что этот парень в черных очках сдавал экзамены по вождению и получал права, а не покупал их, как это часто делают богатенькие детишки. А в том, что брюнет с умным тонким лицом — его имя Лида благополучно забыла — был представителем куда более высокой социальной прослойки, чем она сама, девушка не сомневалась.

Лида, наконец, набрела на пустую лавочку в тени, которая удобно была огорожена живой изгородью с трех сторон, и опустилась на прохладное дерево, закрыв лицо руками. Она плакала тихо и аккуратно — не потому, что она была особой малоэмоциональной — в ее душе бушевал самый настоящий ураган, а потому что по другому плакать она не умела, да и вообще делала это не часто, в отличие от той же Маринки, к примеру девушки более сентиментальной. Учиться быть истеричкой брюнетка тоже не желала. Сейчас она желала только того, чтобы слова Женьки, которому она доверяла и на которого полагалась, оказались сном, розыгрышем или еще чем-то нереальным.

Девушка ущипнула себе чуть выше колена, сильно, как потом оказалось, до синяка, и почувствовала боль. Она не спит. Евгений не любит розыгрыши — он парень серьезный, да и не стал бы он отпускать ее просто так из ресторана, с болью глядя ей вслед. Он не шутил, он сам нервничал, хотя старался казаться бодрым и деловым. Наверное, ему тоже пришлось несладко. В его семье не приятно было перечить родителям. Сначала Лида бесконечно уважала в нем это качество, и его консерватизм в некоторых вопросах, и стремление к прекрасной карьере и материальной обеспеченности, потому что ей казалось, что все эти качества Женьки в перспективе делают из него прекрасного мужа и хорошего отца. Как оказалось теперь, прекрасным мужем-то он станет, но не ее мужем (хотя девушка замуж совсем не собиралась в ближайшие пять лет, ее все равно посещали мысли об этом) и даже теперь не ее парнем.

От этих мыслей девушка заплакала сильнее, глухо всхлипывая.

Она просидела так минут двадцать, или тридцать, а, может быть, и весь час. Не слышала телефонных звонков Маши, Лиды и Евгения, принявшегося вдруг названивать бывшей

девушке.

Девушка внезапно, словно насытившись собственными агрессивными, подавленными и беспокойными мыслями, отняла от лица мокрые ладони, щурясь от яркого солнечного света, спешно утирая чуть дрожащими пальцами дорожки от слез, стекающие от уголков глаз к самой шее, и вытащила из сумочки зеркало, косметичку и салфетки. Она чуть пришла в себя, и теперь смотрелась в зеркало, утирая потекшую из-за обилия слез тушь. Только когда она все теми же дрожащими пальцами стала подкрашивать и без того темные ресницы, поняла, что за ее спиной сидят люди, которые могли бы стать свидетелями ее срыва.

— Я целую неделю не мог получить от тебя связного ответа. — Произнес молодой человек. — Ты пряталась от меня. Избегала. Зачем?

— Я не знала, как сказать тебе это. — Произнес в ответ женский печальный голос.

— Тебе надо было просто сказать Неважно как. Если тебе было удобно, надо было написать это на бумаге, послать сообщение через аську или смс, нарисовать палочкой на земле. Мне не важен способ того, как ты сообщила бы мне это. В нашем случае содержание перекрывает форму.

— Я знаю, что дура! — Истерично воскликнула девушка. — Знаю! И мне так стыдно! Прости! Я думала только о тебе. Прости!

— Все в порядке. Тебе не нужно просить у меня прощения. Тише, успокойся. О'кей?

Голоса за ее спиной показались Лиде знакомыми. Она резко повернулась и, почти не имея возможности видеть, кто сидит с другой стороны кустарника, прислушалась к ним. От удивления, девушка даже перехотела плакать — на время, правда. За кустами, отделяющими скамьи друг от друга, сидели Дэн Смерчинский и ее одногруппница Ольга Князева. Однозначно, это были они. Она видела их силуэты. По крайней мере, Князева сегодня точно была в розовом костюмчике, и в просветах между ветками и листьями тоже виден розовый…

— Денис, прости.

— Хорошо. Улыбнись — и тогда точно прощу. Умница. Ты просто скажи мне, на что ты надеялась? — Голос парня был не настойчивым, а вполне дружелюбным, но даже подруга Маши почувствовала, что парень несколько рассержен и ему очень важен ответ Ольги. А еще она не сомневалась, что он получит этот ответ.

— Надеялась на то, что он оставит меня в покое, и я буду встречаться с тем, кем хочу. — Чуть резковато отозвалась Ольга. — А еще, Денис, я так и думала, что ты догадаешься. Ты ведь умный мальчик. — С горечью произнесла девушка.

— Я догадался. — Подтвердил Дэн. — Но не мог найти подтверждений. О том, что ты сейчас мне рассказала, никто не знает. Вернее, знает очень ограниченный круг лиц, так?

— Так. Ты же понял, что я сама узнала об этом совершенно случайно. Вот это точно была Судьба, — Ольга вдруг рассмеялась, — хоть я и атеистка и не верю ни во что такое, но… я не могу найти объяснения этой случайности.

— Во что-то верить — очень неплохо, — осторожно заметил парень. Теперь Лида мысленно согласилась с ним.

mir-knigi.org

— Он верит. В Судьбу. Сам мне не раз говорил. И говорил, что наши отношения с ним Судьба. Чокнутый. Ты представляешь, такой как он — верит! — Вновь как-то нервно рассмеялась Оля. — Верит! Мой дед, физик-ядерщик — тоже верит. Говорит, пришел к этому не сразу, но еще в молодости. — Говорит, Вселенная устроена божественным образом. Никак иначе. А вот его друг, известный литературный критик, кстати, защитивший диссертацию на Толстом, не верит.

— И я верю. Если нам есть, во что верить, жить немного интереснее. Так?

— Может быть. Но ты поверь, мне и так сейчас очень интересно живется. Я не могу делать то, что делала раньше. Я скована. Я расстроена. Я в депрессии.

— Из-за него, Ольга?

— Он такой… Я его боюсь. — Четко произнесла девушка. — Боюсь, Денис.

— Почему ты мне не сказала, что он из себя представляет? Почему сразу не сказала? Почему? — с каждым новым «почему» голос Дэна становился все тверже. — Ты мне теперь не доверяешь? Я же сказал тебе, что буду защищать тебя и буду всегда на твоей стороне.

— Я боялась, что ты мне откажешь в помощи, Денис, — Ольга произнесла это тихо, но Лида все равно каким-то чудом расслышала. Она совсем не понимала, о чем эти двое ведут речь, но ей не очень нравилось, что парень ее подруги сидит здесь с Князевой, той, которая умудрилась отобрать у Машки ее ненаглядного Никиту.

— Хорошо, я все понял. Постараюсь исправить ситуацию. Просто знай, Оля — тебе надо было сразу сказать мне все о нем. — Мягко попенял Дэн. — Все-все. Я ведь все равно бы нашел нормальный способ помочь тебе.

— Хорошо. Мне, правда, стыдно, что я не сказала раньше. — В голосе Князевой было раскаяние — Лида чувствовала это так же хорошо, как сегодня чувствовала то, что Нику что-то резко понадобилось от ее Машки, и что он с ней заигрывал — может, не словами, но взглядом и жестами.

— А тот парень? — вдруг нарушил тишину Смерчинский. Лида опять навострила ушки, готовая прямо сейчас сорваться и бежать к Машке, чтобы доложить ей, что ее ненаглядный Смерчик что-то странное обсуждает здесь с Князевой.

— Какой парень?

— Тот, про которого ты говорила, что встречаешься с ним, — припомнил Смерч голосом брата, интересующегося делами сестры.

— А, он, — голос его собеседницы неожиданно потеплел. — Он классный. Нежный, заботливый, похожий на ежика — характером. Я обожаю его. Только он без ума от другой. Инна говорила мне про любовь, много говорила, что это великолепное чувство, ни на что не похожая — разве что только на страсть к мороженому — ты же помнишь, она его безумно любила и все время лопала, но я всегда смеялась над ней, потому что вообще не верила в какие-то там чувства. Мне казалось, что это есть только в книжках и в кино. Пока не встретила тебя. Помнишь, как ты удивился? — с печалью по прошлому, которое уже никогда не вернешь, спросила Ольга.

— Конечно, помню! Я так обрадовался, хотел тебя поцеловать, а ты ударила меня по лицу. Ладно, не будем об этом, — со вздохом отозвался Смерч.

— Да, не надо об этом, мы же договорились не ворошить прошлое… В общем, я полюбила этого парня. Не сразу — вначале он казался мне таким конкретным дураком, но со временем я поняла, как он дорог для меня. Знаешь, Дэн, мы встретились в клубе, когда я была пьяной — совсем пьяной. Я нагрубила ему и смеялась над ним, не помню даже причину этого. А он, когда ко мне стали приставать какие-то левые парни, защитил меня, вызвал такси и увез — правда, не домой, потому что не знал адреса, а к себе. Сказал матери: «Это моя однокурсница, она отравилась алкоголем на вечеринке, потому что не умеет пить, а девчонки хотели над ней приколоться и споили!». И оставил меня у себя. Утром притащил воды и какое-то жуткое лекарство от похмелья, представляешь? Я не знала, рыдать мне или смеяться. Дэн, что делать?

— Иди ко мне, я тебя пожалею, — вдруг сказал парень. Кажется, он обнял девушку. Судя по просвету в густых кустарниках, розовое прильнуло к серому. Лида, которая сразу после разговора с Евгением, готова была создать Общество защиты женщин от измен, рассердилась — за Машку.

— Я его люблю, а он любит другую, — повторила Оля. — Я ненавижу ее, и одновременно себя. Она — хорошая девочка. А я такая дрянь, Дэн.

— Ты не дрянь, ты малышка Князева, — рассмеялся он, — помнишь, как ты злилась, когда тебя так называли парни?

— Помню. Но, Денис, почему я в такой нелепой ситуации? Это ведь забавно, да?

— Это жизнь. — Отозвался Денис, чуть помолчав. — Ты же знаешь, что она забавная женщина.

— Почему это жизнь — именно женщина, а не мужчина? — удивилась светловолосая.

Лида мысленно согласилась с вопросом Ольги.

— Как бы сказал Черри — потому что она нам дает. — Рассмеялся Дэн. — Дает кучу возможностей и кучу проблем. И удовольствие от этих возможностей дает совсем кратковременное. А его хочется еще и еще. Каждый день, и желательно, чтобы оно было долгим. Очень долгим.

— Инна один раз сказала, что Черри великий Пошляк Пошлякович. Но без него было бы дико скучно. — Непонятно к чему произнесла Ольга.

— Она сказала правду. — Согласился Смерч.

— А что Ланде — парень-ромашка. И без него тоже было бы грустно.

— А что она говорила про меня? — поинтересовался горько Смерч.

— А что она могла говорить мне про тебя, кроме того, что любит? Она говорила только это. И ни одного плохого слова.

Они помолчали еще минут пять, и все эти минуты притаившаяся Лидия усиленно думала, о чем же разговаривают эти двое?? Что у них за свои дела? Да, они знакомы с детства, учились в одном классе (Князева что, отстающая, что ли?), возможно, у них была одна компания, но что они имею в виду??

— Так, Ольга, мне пора. Нужно быть в универе.

mir-knigi.org

— Мне тоже. Не хочу… злить Ника и опаздывать. — Отвечала со смешком Ольга. — Иди первым, не хочу, чтобы нас вместе видели.

— Хорошо. Не заблудись в парке, малышка, — весело попрощался с ней парень. — И не беспокойся, у нас ведь все будет хорошо. Не иначе.

— Никак иначе. Я верю тебе. Пока, Денис, спасибо тебе за все. — Отозвалась светловолосая девушка. Когда Дэну ушел, она заплакала. Не громко, но отчаянно, и их каждого ее всхлипа исходила глубоко затаенная боль.

Кусты уже второй раз за этот день стали свидетелями женского плача и понуро пригнули ветки к стволам, так же, как кошки подбирают под себя лапки.

Лида, поняв, что теперь эстафету по обильному слезовыденению в номинации женский Лучший плачь дня из ее рук приняла Ольга, непонятно чему смутилась и даже неожиданно пожалела одногруппницу. Что с ней? Неразделенная серьезная любовь?

Когда взволнованная Лида быстрым шагом уходила из этого места к университету, чтобы встретиться с Машкой и Мариной, ей подумалось, что Оля говорила Денису о нем самом. Наверное, она его любит, а встречаться ей приходиться с Никитой. И история о каком-то там парне в клубе — выдумана полностью: от начала до конца. Князева и клуб? Сомнительно. Князева и алкоголь? Изумительно. Князева и парень, мама которого разрешила притащить домой пьяную девушку? Идиотизм какой-то. А вот Князева и Дэн? Вполне возможно. Ольга заплакала сразу, как только ушел Смерчинский. Она водит его за нос, что-то недоговаривает, а этот парень, хоть и умный и все такое, но не сможет противостоять женскому коварству. Женскому коварству не может противостоять никто. Даже Женя. Та девка правильно рассчитала, что Евгению придутся по душе деньги ее родителей, если у нее внешность на четверочку.

Но, кажется, Дэнни все же не интересуется Ольгой — он просто успокаивающе ее обняла, и он не намерен бросать Марию или изменять ей все с той же Князевой. Он странный, непостоянный, но хороший. Надежный, хотя и не кажется таким с первого взгляда. Как, как такой парень-ветер, парень-собирающий-взгляды-девушек, парень-улыбка может казаться оплотом отношений? Да никак. Абсолютно.

Вот ее Женька казался надежным и верным с самого начала их отношений, а на самом деле смело подкинул свинью любимой девушке, как только ему представилась возможность сделать это ради собственной выгоды. Парень-скала, парень-уверенность-в-завтрашнем-дне, парень-серьезность не оправдал возложенного на него доверия.

Чтобы посмотреть время, Лида достала из сумки мобильник. Оказалось, ей много кто звонил и писал смс. Машка и Маринка писали, что благополучно сдали зачет (особенно радовалась Машка — об этом говорили пятнадцать восклицательных знаков в конце предложения) и получили законные «кирпичи» в зачетки. Звонила мама, и подружки со школы — явно куда-то хотели пригласить. А еще звонил Женя — целых пять раз. И даже прислал одно текстовое сообщение: «Возьми трубку! Я хочу с тобой срочно поговорить! Кто у тебя появился? Ты надо мной так издеваешься?»

— Урод, — с шумом захлопнула крышку раскладушки девушка. — Еще и звонить мне смеешь? Кто у меня появился? Принц матерый у меня появился, черт возьми.

С мыслями о том, как бы можно было казнить проклятого Женьку, Лида пребыла к университету, все меньше и меньше становясь похожей на человека, проплакавшего долгое

время. На крыльце она обнаружила Бурундукову и двоюродную сестру, торчавших в компании смеющегося Смерча, длинноволосой Инги, дерзкого на вид парня с зелеными волосами и кучей цветных татуировок на руках и молодого человека с длинными светлыми, почти белыми волосами, ноги которого были обтянуты узкими багровыми в черную клетку джинсами.

Не успела Лида подойти к ржущей компании, на которую обращали внимание прочие студенты, как ее опередил невысокий молодой человек, кажущийся ей, девушке не слишком низкой и с формами, даже хрупким.

— Денис, — властно позвали Смерчинского по имени. Лида второй раз за день узнала голос и, обернувшись, увидела своего сегодняшнего водителя, которого едва не сделала преступником.

Может быть, с этого дня мне нужно перестать считать себя тупицой? Как-никак, я сдала жуткий зачет без шпор и списываний, мобилизовав все силы своего собственного ума, который перестал на время прикидываться дистрофиком мышления, и проявил себя во всей красе.

Да, я успешно все сдала и из кабинета вылетела в образе Черного Плаща, того самого, из мультика, только не на крыльях ночи, а на крыльях счастья. Орел, хлопая уже своими широкими крыльями, приплясывал то на одной, то на другой ноге под задорно-торжественный гимн Багамских островов. Эта же музыка играла у меня в душе, выводимая сводным оркестром двигательных нервов под управлением маэстро со сложной фамилией — Нервуса Вестибулокохлеариса. То есть нерва, отвечающего за слуховое восприятие.

Головастики выкинули маски уныния, победно вскидывали ручки, сжатые в кулачки под веселенький клубный транс и дружно улыбаясь, выводили цветными маркерами на своих незаменимых плакатах:

«Полная победа! Яхоу-у-у!»

— Ну как, Бурундукова, сдала?

— Сдала!!

— Ну, красавица! Молодчинка! Сложно было? Какие вопросы попались?

Я, сияя, приняла от ребят поздравления (это у нас в группе вещь необходимая и традиционная), была обнята эмоциональной сегодня Маринкой, поделилась впечатлениями от зачета и строгого препода, который, надо отдать ему должное, лично меня не валил, а потом была утащена подругой в столовую.

Уже там, заказав горячее ароматное какао и булочки, послала смс-ки о том, что сдала последний зачет уехавшей Лиде, родителям и наглому Федьке, еще вчера противным голосом уверявшего меня в том, что волноваться не стоит. «Ты, Машка, все равно когда-нибудь этот зачет сдашь, вопрос только в том, в каком семестре: в этом, следующем или через года два», — уверял меня братец. Вот же я на него злилась! И только вмешательство мамы помогло ему обойтись без увечий.

Естественно, я «обрадовала» и своего господина Смерчинского, заявив ему в сообщении, что он обязан теперь вести меня на свидание и выполнить кучу других обещаний, потому что я получила заветное «зачтено». Кажется, он тоже обрадовался этому факту.

«:) Я знал, моя радуга, что ты все сдашь. Я всегда в тебя верил)) — было ответом от него минут

через пять, — Хэй, Бурундук… та-дам. Gala time.»

«Что еще за гала тайм?»

«Торжественный момент. Я официально приглашаю тебя, Мария, на наше первое полноценное свидание, во время которого сделаю все, чтобы ты была без ума от меня», — написал самонадеянно Дэн.

Кажется, в этот момент я неосознанно захихикала от удовольствия.

— Ух ты, — загорелись темные глаза подруги, — какой он романтиш-ш-шный парень! Машка, а почему первое свидание-то? Вы же уже давно встречаетесь?

— Э-э-э, Дэн неудачно пошутил. Он имеет в виду первое после зачетной недели, — ответила я, попивая обжигающее какао.

«Ты мастер оставить человека без ума, — тут же согласилась я, — Гильдия Доставал все еще работает?»

«И не только она, Чип. Я хочу обнять тебя», — как-то не в тему написал он, и мне стало приятно, а на лице сама собой нарисовалась улыбка.

«Хорошо, что только обнять!=)»

«И не только обнять…»

«Ты, типа, неприличный мальчик?»

— Естественно, он неприличный, — со знанием дела сказала тут же Маринка, поглощая булочку, обсыпанную маком и сахаром и беззастенчиво заглядывая в экран моего телефона. — Мамочка знает толк в неприличных мальчиках. Дениска о-о-очень неприличный.

— Маринка! Но… вообще-то есть в нем такое, — задумчиво ответила я.

— И согласись, это классно? — подмигнула мне подружка. — Как только у вас что-то случиться, а я уверена, это будет скоро, ты мне сразу все в подробностях и рассказываешь. О'кей?

Я косо взглянула на нее и покачала головой.

— Я не слышу положительного ответа!

— О'кей! Я тебе даже набор свеч подарить могу! Будешь с ними стоять… — вспомнились мне свечи из «романтического» подарка друзей Дэна, который лежал у меня дома.

— У мамочки они есть, шоколадные, кстати. Что он тебе написал?

Мы вдвоем склонились над моим телефоном, чуть не ударившись лбами.

«Of course», — ответил парень, а дальше в смс следовали непонятные иероглифы.

«Издеваешься, придурок?», — напечатала я, но подруга ловко выхватила у меня из рук телефон.

— Ты как со своим парнем общаешься? — возмутилась она. — Он же обидится! Ни за что ни

про что — и придурок!

— А что мне на это написать? Я же ни фига не понимаю в этих иероглифах!

— Надо быть чуточку помягче с мужиками. — Наставительно сообщила мне Марина. — А то они дуреют от жесткого обращения. Ну, знаешь, как звери. Если с ними жестко обращаться, они будут тебя бояться, но не факт, что любить. Но и добренькой слишком быть нельзя. Иначе сядут на хрупкую женскую шейку и свесят ножки. Нужен баланс.

— Что ты несешь? — поморщилась я. — И что ему написать? «Малыш мой, я не совсем поняла, что ты имеешь в виду своими чудными китайскими буковками, не мог бы ты быть столь любезным, чтобы пояснить мне их значение»? А, да, и подписаться: «твоя сахарная мышка».

— Не утрируй. Мамочка придумает, как написать.

В тот раз я впервые задалась вопросом — почему девушки так мучаются перед тем, как именно напечатать ответ парню, который им нравится, и почему они так долго думают едва ли не над каждой буквой? По мне — писать надо от души, так, как это прозвучало бы в устной речи, без головных напрягов и раздумий: обидит ли его эта смс, или он будет хохотать над нею.

Может быть, я просто не дипломат?

«Что это, Денис?! Как это переводится?», — было решено нами написать Смерчу. Он вновь ответил очень быстро. В своем ярком желтом коммуникаторе он всегда писал сообщения, почти не глядя на экран, но при этом не делая ошибок или опечаток.

«М-м-м… Ты повторяла эту фразу, Чип. Когда мы сидели около твоего дома. Ты сказала ее мне несколько раз=)=)=) Я был счастлив… М-м-м»

«Ну и…?»

«Эта фраза переводится примерно так: „I want you“. Это очень неприличная фраза для китайцев=)», — сознался, наконец, парень. Головастики мигом внесли иероглифы в реестр неприличных выражений и слов у себя в бесконечных каталогах.

«Для китайцев неприличная, а для меня сойдет, идиот? Вообще уже? Я тебя точно убью!!!», — на этот раз я все же его обозвала, хотя осталась в глубине души даже довольной. Марина смеялась и твердила, что Дэн здорово со мной заигрывает.

«Ты наверняка сидишь и злишься, мой Бурундучок. Ты такая милашка, когда злишься *здесь должен быть смайл с издыхающим человечком*. Я приду к универу минут через двадцать. Выходи, и я буду готов пасть от твоей руки. Без шуток»

«Без шуток, так без шуток. Через 20 мин. я тебя уложу!»

«Это был бы восторг. Реальный. Но не при всех)))) Я тебе говорил, что я не экстремал в этом деле:)»

— Он во всем видит пошлость. — Покачала я головой, засмеявшись. — Я его встречу, я его побрею!

— Ну, он парень, — пожала плечами подруга. — Это само собой. И он, между прочим, еще очень галантный и не пошлый. На фоне других.

Я была вынуждена с этим согласиться.

— Эх, когда же я своего зайку встречу? — мечтательно произнесла девушка, потягиваясь. — Я жду-жду, и одни кретины попадаются. Совсем не зайки.

— А кого ты ждешь? — поинтересовалась я.

— Того, от которого сойду с ума. — Серьезно ответила Марина.

Чуть позже, конечно, она действительно почти сошла с ума, и именно из-за молодого человека. И из-за какого…! Вернее, из-за каких. Целых двух. И даже я потом едва ли не лишилась рассудка, потому что и романтически настроенная Маринка, и Лида, девушка с вечным скепсисом в глазах, стали жертвами слов той самой гадалки с черничными глазами, которую мы встретили на набережной. Да и я тоже стала этой жертвой.

«И плечи, и плечи Смерчинского тоже!»

Правда, про плечи была отдельная история…

Еще минут десять посидев в столовой, мы с Мариной отправились к выходу, продолжая болтать.

— Лида куда-то пропала, трубку не берет, — хмурилась я, пытаясь в который раз дозвониться до второй подруги. — Чего ей там ее Женька целую лекцию решил зачитать?

— Да он вообще подозрительный тип. Он может весь день лекции читать. — Кивнула Марина. — Нудный парень, излишне серьезный, хоть и красавчик. По-моему, его только деньжата заботят и собственное благосостояние. На фига он сестренке? Вот скажи мне?

— Просто ей как раз такой тип мужчин нравится. — Вспомнила я слова Лиды. — Тебе зайки, мне — чокнутые, ей — серьезные дебилы. Ну и где Смерчинский? — спросила я, когда мы вышли из университета. Дэна не наблюдалось. Зато наблюдались другие личности.

— Привет, Мария. Привет, Бурундук! — окрикнули меня радостно. Через миг рядом со мной и Маринкой стояли Черри и Ланде. Первый во все глаза оценивающе рассматривал высокую фигурку подружки, второй сонно зевал, скрестив руки на груди. Смотрелись они довольно колоритно — в самом хорошем смысле этого слова. Очень ярко и в какой-то степени эпатажно. Зеленоволосый, несколько брутальный Черри с самодовольной улыбкой стоял перед нами в черной безрукавке, которая открывала цветные тату на руках и плечах, засунув руки в карманы широких штанов цвета хаки, увешанных тяжелыми цепями. Беловолосый, почти как альбинос, Ланде выделялся из толпы узкими бордовыми джинсами в клетку, обтягивающими длинные худые ноги, идеально белоснежными лоферами, вязанной тонкой кофтой с капюшоном и большой абстрактной снежинкой на спине, и броскими браслетами на обеих руках: кожаными и нитяными. Эх, а куда он дел свой длиннющий красный шарф?

— Привет, Вишневый Сад. Привет Ло… Ла… Ланде. — Кивнула я парням, с трудом вспомнив норвежскую фамилию блондина, ставшую ему и кличкой. Черри расхохотался.

— Вишневый Сад? — покачал головой Ланде, скалясь. — Мария, у Чехова случиться сердечный приступ, если он услышит это. Даже несмотря на то, что он уже давно умер.

«Он знает, что написал „Вишневый сад“ О_О»

— Может быть. А вы что тут делаете?

— Дэна ждем, — охотно отозвался Ланде, отходя подальше от своего дружка.

— Да, точно. Ждем. А вы кого ждете? — не переставал глазеть на Марину зеленоволосый. Та тоже игриво, как кошка на соседского кота в мартовскую пору, косилась на парня. Похоже, он ей нравился. Кажется, отчаянно желающий спать Ланде тоже это заметил и только скорбно головой покачал.

— И мы его ждем, — радостно поведала я им.

— Отлично. Будем вместе ждать нашего дружбана. А, это… Чип, не познакомишь? — спросил Черри. — Со своей красивой подругой?

Красивая подруга кокетливо засмеялась. Началось. Теперь Маринка не перестанет заигрывать с этим психованным панком!

— Отчего бы и не познакомить? Это Марина. Моя хорошая подруга. А это Черри и Ланде. Друзья Смерчинского.

— У тебя классное имя, Марина, — заявил тут же Черри, бесцеремонно подошел к девушке, наклонился и нахально уставился ей в глаза. — Ты реально в моем вкусе.

— Ты тоже ничего, — не осталась в долгу та. Они тут же с легкостью обменялись еще парочкой комплиментов и явно остались довольны друг другом.

— Он не может пропустить ни одну симпатичную девушку, — ворчливо заметил Ланде, словно бы ни к кому не обращаясь. — Наверное, у него комплекс. Боязнь остаться одному. Или Комплекс Казановы в действии. — И парень вновь сладко зевнул.

Тут подул ветер, встрепал его прямые, почти белые волосы, и они умудрились залезть Ланде в рот во время зевка. Блондин состроил недовольную рожицу, топнул и убрал волосы назад. Они, однако, вновь моментально растрепались.

— Ты даже ветер раздражаешь, чувак, — радостно изрек Черри, узрев эту картину. — Заткнись, короче. Ну, Марина, детка — ты ведь не против, если я так буду тебя называть, расскажи о себе?

Она стала рассказывать — заигрывать с мальчиками подруга умела, а, главное, любила, и теперь отрывалась на Черри. А Дэн чуть-чуть запаздывал.

Черри, обменявшись телефончиком с моей подругой, на минутку отошел к каким-то своим знакомым, среди которых я увидала затылок Челки и стал смолить сигарету, Ланде кто-то позвонил по телефону и он, вежливо извинившись, отошел.

— Вот это парень, — восхищенно произнесла Марина, глядя на спину Черри, размахивающего руками и что-то кому-то доказывающего. — Просто одно большое зеленое «вау».

— Он дегенерат. — Была я не слишком хорошего мнения о зеленоволосом. Парень-то он интересный, и друг хороший, но явно не создан для нормальных отношений с девушками. Это я тут же и заявила Маринке.

— Нет, он классный. — Задумчиво отозвалась она. — Напористый, решительный. Свободный.

— И реальный такой бабник.

— Я смогу его перевоспитать. Он меня с первого взгляда покорил. А у меня так редко бывает… Маш, а второй что, голубой? — заинтересованно окидывая взглядом уже не Черри, а Ланде, прошептала мне на ухо подруга.

— Кто?

— Беловолосый.

— А, Ладне? Не знаю. Иногда мне так кажется, — я улыбнулась, вспомнив, как беловолосый возмущался у меня в подъезде, когда я задавала ему подобные вопросы.

— Они подозрительно смотрятся вместе. Если беленькому нравятся мальчики, то получается, зеленый — его друг? — И подруга захихикала. — Яой в действии?

— Зеленому вроде нравятся девочки. Ты сама это заметила. А вот про Ланде ничего сказать не могу. — Призналась я, посмотрев на ноги парню. Прикольные у него джинсы. — Но он забавный.

— Забавный. Я таких никогда не встречала. Но Черри — это мегапарень.

— Он тебе что, — широко раскрыла я глаза, — серьезно нравится?

— Он отвязный, и фигура у него прикольная. Веселый и мордочка мужественная. — Любовалась на Черри издали подруга. Я натурально за нее обеспокоилась. Судя по немногочисленным рассказам довольно скрытного на самом деле рассказам Смерча, зеленоволосый тот еще тип. У него из принципа нет серьезных отношений с девушками. Он живет сам по себе и живет одним днем.

— Марина, почему тебе вечно нравятся какие-то нефоры, а? — Вспомнился мне ее прошлый молодой человек, ни много, ни мало, считающий себя готом и выступающий в местной готической рок-индастриал группе.

— Не знаю, Машка. Я просто очень люблю творческих людей. Которые не боятся себя выражать.

— Черри себя выразит, — не сомневалась я. — Через твое потомство.

— С какой стати? — Нахмурилась девушка.

— С такой. Помнишь, что тебе гадалка нагадала?

— Такое не забывается. С одной стороны, она сказала много правды — про тебя и про букву «Д», к примеру, — задумчиво произнесла Марина. — А с другой, какой еще ребенок?? Кстати, пойду и спрошу его настоящее имя. Если на «А» — этот Черри — моя судьба.

И она засмеялась.

— Учти, я требую, если родится девочка, назвать ее в мою честь.

— Бурундукова!! О, белый возвращается. Вот у него имя зайки Черри спрошу. — Решила брюнетка.

— Рехнулась ты совсем, мать.

— Ну и что. Зайку хочу себе! — хищно осклабилась подруга.

— Слушай, — посмотрела тем временем Марина на явно скучающего Ланде, который ей, по видимому, не нравился, потому как с ним Маринка совсем не заигрывала, а общалась нормально.

— Что? — поднял он на нее свои печальные светло-голубые очи.

— Как его зовут? — ткнула она пальцем на беспечно ржущего Черри.

— Этого упыря ты так и можешь звать — упырь. — Поведал ей Ланде и поежился от нового порыва ветра.

— Нет, серьезно, какое у него имя? Черри — ведь это кличка, так? — не отставала темноволосая девушка.

— Так. Совершенно глупая идиотская кличка. — Было видно, что беловолосый сегодня не в духе. — А по имени его называют только дома.

— Ну и какое у него имя? — не отставала Марина. И заулыбалась.

Сейчас выясниться, что какой-нибудь Арнольд или Феофил. Э-э-э… нет. Хм, кажется, же, Черри называл мне свое имя… Тогда, в парке. А не Сашей ли его зовут? Да, точно, Сашей. Александром. Финиш! Его на букву «А» зовут! Сейчас Маринка оккупирует парня!

— Александр. — Мрачно отозвался Ланде. — Назван был так в честь Александра Македонского. Македонскому наверняка плохо, Македонский ругается, Македонский в ужасе, Македонский плюется, у Македонского истерика, но Черри живет с этим именем, и менять не собирается.

— Александр? — прошептала пораженная Марина. Впечатлительная она девушка. — У него имя на «А»?

— Вероятнее всего, — глянул на нее по-эльфийски грустными голубыми глазами блондин.

— А тебя как зовут? — в ступоре поинтересовалась подруга.

— Лиголас, наверное, — не в тему тихонько хихикнула я.

— Мое имя — Микаэль. — Скучным голосом произнес парень, длинным тонким пальцем потирая кончик острого подбородка, но, не смотря на этот скучный голос, представился он артистично, подав себя так, будто бы был, по меньшей мере, аристократом-графом, спустившимся из своего родового замка в долину, где жил простой люд.

— Вот это имечко у тебя, парень, — потрясла головой Марина. — Но оно классное!

И подруга неожиданно улыбнулась личности по имени Микаэль Ланде. Он тоже с улыбкой все того же знатного графа кивнул ей.

— Не Михаил, ни Мишка, а именно Микаэль? — уточнила я. Микаэль, Рафаэль — они с ума сошли? Те, кто так называет детей? Что дети им плохого сделали?

mir-knigi.org

— Да. Точно так. Этим именем назвал меня мой отец. Хотя, мать была против, — с великом достоинством отвечал Ланде.

— О, ничего себе. А я всю жизнь просто Марина. — Рассмеялась девушка.

— Иногда Мариной быть проще, чем Микаэлем.

— Ты имеешь в виду, быть девушкой проще, чем парнем? — удивленно произнесла она.

— Нет. Носить простое имя проще. Оно привлекает меньше внимания. — Поморщился Ланде.

Я в это время увидела вдалеке шагающего к нам Дениса и, сама не зная зачем, побежала к нему. Мне хотелось уткнуться ему носом в грудь и пожаловаться на то, как мне страшно было сдавать идиотский зачет, и похвастаться, что я его все-таки сдала.

— Привет, Дэн! — прокричала я ему на бегу, махая рукой.

— Привет, Марья, — улыбнулся мне парень и, ускорив шаг, вдруг подхватил меня на руки и закружил в воздухе, заставив крепко обнять его за шею, зажмуриться и засмеяться. На нас тут же уставилась добрая половина народа, находящегося около университета. Однако я ко всеобщему нездоровому интересу уже привыкла. И чувствовала себя радостным мячиком, который дети подкидывают вверх — в детстве мне всегда казалось, что мячики очень счастливы, когда ими играют, подбрасывая в воздух.

— Я все сдала! — объявила я, когда Смерч осторожно вернул меня на землю.

— Я рад. И я верил в тебя, Бурундучок. — Отозвался он с крайне серьезным видом. — Значит, завтра, моя дорогая девушка, мы встретимся и чудесно проведем время. Я заеду за тобой в пять часов. Тебе будет удобно?

— Будет. — Улыбнулась я ему. Надо же, я всего-навсего увидела его и обняла, а настроение поднялось так, что его верхняя отметка находится в космосе, где-то в районе Венеры. У орла скоро будет проложена трасса до небес, имени Смерчинского Д., чтобы моя гордая птица могла беспрепятственно подниматься на седьмое небо.

— Кстати, к тебе друзья пришли: панк и мальчик, похожий на гея.

— Знаю. — Кивнул головой Смерчинский. — Кстати, Марья…

— Что?

— Я тут подумал… — Голос Дениса становился все глуше и интимней. — Ты что, капустой увлекаешься?

— В смысле?

— В прямом. — Невозмутимо отозвался парень, пялясь куда-то в область моего солнечного сплетения. Я тут же вспомнила его дружественный совет под окнами библиотеки.

— Ну ты и затупок. — Нахмурилась я и пихнула его в грудь, заставив радостно засмеяться.

— Ты почему такая стеснительная? Я тебе говорил — избавляйся от своих комплексов. Особенно рядом со мной. — Заявил Смерчинский.

— Почему рядом с тобой? Ты что, особенный?

— Слегка особенный, — согласился парень и протянул мне руку, повернутую ладонью вверх, словно приглашая на бал.

— Ты слегка тупой. — Я положила руку поверх его ладони, и он тут же переплел свои пальцы с моими.

— Я слегка не в себе, — прошептал он мне, но ответить ему я не успела — к Смерчу подбежали друзья, и он принялся с ними здороваться. А потом мы подошли к дожидающимся нас Ланде, Черри и Маринке, которая все заигрывала с зеленоволосым, получая от этого огромное удовольствие — улыбка не сходила с ее ярко-розовых губ.

Парни весьма обрадовались приходу их дружка, обменялись с ними традиционными рукопожатиями (иногда мне прям жаль Смерчика — со столькими личностями надо за руку поздороваться, столько чужих микробов на себя перетянуть) и принялись разговаривать о каких-то делах, ведомых им одним. Маринка продолжала тихо млеть. Я, держа за руку Дэна, пробовала вновь дозвониться до Лиды, но безуспешно. Потом увидела знакомую парочку Ник-Ольга вдалеке и даже помахала им. Они ответили мне, а Кларский даже улыбнулся, а потом удалились в сторону остановки. Наверняка пошли на очередное свидание, которые теперь, впрочем, меня не волновали.

— Наш конь положил глаз на девушку, — ворчливо сказал Ланде Смерчу, когда парни решили свои дела, и Черри вновь обратил внимание на мою подругу. Дэйл только кивнул, проследив взглядом за другом и начал приставать ко мне со своими неостроумными шуточками про капусту и ее чудодейственный эффект. По словам моего личного дебила выходило так, что будь его воля, он бы запатентовал всю злосчастную капусту и стал бы единственным властелином этого овоща на всея земли человеческой. А потом бы порадовал по цене героина.

— Кому? — не врубился Ланде. Опять поднялся ветер и растрепал его бело-соломенного цвета волосы. Молодой человек нервно пригладил их. Проходившие мимо девушки с интересом взглянули на него и заулыбались. Микаэль устало отвернулся. Мне такое поведение показалось подозрительным. Может, ему и правда парни нравятся?

— Если захочешь, то и тебе. Но вообще я имел в виду девушек. — Сообщил ему Смерчинский. — Чип была бы моим официальным дилером в это городе. Получала бы капусту бесплатно.

— Это ты сейчас бесплатно получишь фонарь, — мрачно сказала я. — Чтобы освещать себе весь нелегкий путь к богатству. Как ты себя вообще ведешь?

— Рядом с тобой я веду себя, как ребенок, — сообщили мне, а Ланде меланхолично склонив голову на бок, подтвердил это.

— Обычно Дэнни куда более взрослее себя ведет, — задумчиво поглядев на нас, сказал светловолосый. — Наверное, рядом с тобой он просто теряется.

— Эй, — деланно возмутился Смерч. — Не выдавай меня!

Тем временем Черри и Маринка все никак не могли отлипнуть друг от друга.

— Черри?

— Что, крошка? — мигом повернулся к ней парень с улыбочкой.

— Сколько у тебя татуировок? — с интересом изучала его разноцветное предплечье Маринка. — Они такие классные.

— А ты мне нравишься, — с ходу объявил он. — Тату у меня куча. Когда я найду свою единственную, — при этом он развязано подмигнул Марине, — я сделаю на спине огромное тату с первой буквой ее имени.

— Ты что, романтик в душе?

— Романтик? — зеленоволосый глубоко задумался и даже почесал репу. — Очень глубоко внутри.

— Романтика у него на задворках души, — хмыкнул Ланде.

— Усохни, — бросил ему тут же Черри. Интересно, почему они почти всегда вместе и ругаются. На братиков вроде бы не похожи: внешность слишком уж разная. Черри даже загореть уже умудрился где-то, а Микаэль (Боже, что за имечко!) бледный, как пережеванная поганка. Я хотела спросить у Смерча, какие отношения связывают двух этих не слишком друг друга любящих голубков, но мне помешали. Чей-то негромкий, но достаточно уверенный голос окрикнул Смерчинского, назвав его полным именем. К нам медленно приближался невысокий темноволосый парень, которого я видела в клубе вместе с дедом Смерча.

— Кто посетил нашу скромную обитель. Петр, добрый день, — тут же отозвался Дэн, сбегая по ступенькам крыльца к родственнику. Вот с ним он рукопожатием не обменялся.

Да, это был его брат по имени Петр, которого в клубе я окрестила Гарри Поттером местного разлива. Как мне это вообще тогда в голову пришло — не знаю. Таких серьезных и даже жестких с виду Гарри Поттеров с равнодушными глазами не должно существовать не в одном косплее или фанфике, даже категории AU, ну, или только, может быть, все в том же несчастном Челябинске, самом суровом городе России. Поттеры с такими холодными глазами не спасут народ от темных Властелинов вроде глубокоуважаемого Воландеморта. Такие Поттеры сами становятся, всевозможными властелинами.

Деловой, с жесткой линией губ, в черных очках, которые парень вертел в пальцах — таких же длинных, как и у Смерча, хотя ростом он был куда ниже, он напоминал молодого и уже очень успешного бизнесмена. Не то, чтобы мне Петр не нравился, просо я интуитивно побаивалась людей такого типа. А вот, например, Лидке, я в этом почти уверена — такие мужчины точно нравились. Взять хотя бы ее Евгения. Но по сравнению с Женьком брат Дэна хоть и проигрывал во внешности, зато имел чувство стиля, куда большее количество денег и властные глаза, крытые под маской уже упомянутого мною равнодушия.

Вот вам и Гарри Поттер по-русски…

— О-о-о, — явно обрадовался Черри, — кто к нам явился! Господин Большая Шишка! Еще не все деньги на свете заработал, нет? А где твоя охрана?

Зато Ланде появлению Петра искренне обрадовался, первым пожал руку и с улыбкой что-то сказал молодому человеку. Кажется, потом они договорились о встрече на неделе. Это тут же развеселило Маринку, пребывающую в отличном настроении, и она прошептала мне на ухо:

— А, может, беленькому нравится этот серьезный тип в очках?

Я прыснула, представив их в объятиях друг друга.

— Ты здесь зачем? — не слишком любезно спросил Смерч, стоя напротив родственника. От деда им обоим достались одинаковые синие глаза.

— Явно не по тебе соскучился, — отозвался Петр, доставая из внутреннего кармана пиджака широкий белоснежный конверт, и небрежным жестом вручил его брату. — Дед просил передать. Приглашения на Благотворительный бал «Ночь жизни» — Он назвал традиционное мероприятие, проводимое одним известным благотворительным обществом, на котором присутствовала элита всего города. — На двоих. Он состоится в начале июля. Впрочем, все даты указаны в приглашениях. Придешь со своей, — взгляд Петра добрался до меня и, внимательно изучив, вновь переместился на Дэнва, — девушкой. Дед сказал, что хочет видеть вас вместе.

Смерчинский забрал конверт и небрежно засунул его в карман.

— Придем, пусть не беспокоиться. А ты стал посыльным у деда, братишка?

— О, да. Подрабатываю у него курьером.

— Зачем ваш дедушка хочет меня видеть? — поинтересовалась сверху я. Парень с очками в руках вновь повернулся ко мне и улыбнулся, как акула.

— Волнуется за нашего Дениску. Желает, чтобы его невеста была девушкой приличной и хорошей.

Я едва пальцем около виска не покрутила. Какая я еще невеста? Совсем у них полушария перестали работать, как надо? И зачем мне идти на бал? Но все свои возражения я выскажу не при Петре. Не нравится он мне.

— Мария, вы очень нравитесь нашему дедушке. — Возвестил меня черноволосый родственник Смерча. — И он очень хочет встретиться с вами вновь.

— Да? Правда? — Отозвалась я озадаченно. — Он интересный дядька…

Пока братики Смерчинские о чем-то негромко разговаривали, а Ланде и Черри затеяли очередную перепалку, изредка поглядывая вниз, на друга, я и Марина заприметили Лиду, стоящую с несколько удивленным видом неподалеку, около лавочек. Мы тут же оказались рядом с ней.

— Лида! А я все сдала! — Сообщила ей я. — А теперь пойду со Смерчем на свидание. Жизнь прекрасна! А что тебе Женек сказал?

— Почему так быстро вернулась и не отвечала на звонки? — Полюбопытствовала и Марина тут же сообщила. — А мне тот зеленоволосый парень нравится! Хочешь с нами погулять, день такой хороший!

— Алло, Лид!

— А, простите, не слышала. — Отозвалась девушка, с трудом отрывая взгляд от спины одетого в фиолетовый пиджак Петра. Взгляд у нее был слегка отсутствующий. — А с Женей все… нормально. Он просто хотел забрать у меня свою флешку, там важная информация была. А погулять я, наверное, хочу, да. — Теперь она внимательно уставилась на Смерчинского. — Кто

это кстати, такие?

Мы тут же стали во все просвещать опоздавшую Лиду и знакомить ее с парнями. Настроение у меня было преотличное.

— Я с тобой завтра хочу встретиться, кое-что хочу один на один обсудить, — шепнула мне подруга. Я только кивнула.

Перед тем, как уходить, Петр наклонился к самому лицу брата и произнес тихо:

— Мне не доставляет радости быть мальчишкой на посылках у деда, Денис. Но он все же просил передать тебе еще кое-что.

— И что же?

— Он одобрил твою девочку, можешь радоваться. — Сообщил ему Петр. — Но знай, если будешь меня раздражать, я сделаю так, что твоя Машенька станет деду костью в горле. И его либерализм по отношению к твоей невесте в миг превратиться в консерватизм.

Дэн знал, что брат не врет. Оба парня, принадлежащих к младшему поколению Смерчинских, имели лидерские задатки, как и их дед. Только если харизматичный Дэнв был лидером ярко выраженным, умеющим заставить окружающих прислушиваться к его словам, и привлекающий всеобщее внимание, то Петр всегда был серым кардиналом, хитростями добиваясь своих целей.

— Невесте? С чего ты взял, что она моя невеста, малыш? — На мгновение прикрыл глаза Смерч.

— Так думает наш дед. — Злорадно сообщил ему брат. — Особенно после того, как он узнал, что ты был на семейном торжестве предков твоей Машеньки. И в этот же день устроил драку в кафе опять из-за нее же.

— Я? Из-за Машки? И откуда же он это узнал, позволь спросить? — Если Дэн и был разозлен, то внешне оставался совершенно спокойным.

— От меня. — Довольно отвечал Петр. — Он ведь очень беспокоиться за любимого младшего внучка Дениску. Поэтому просил проследить за ним своего другого внучка. А уж как я преподнес ему ваши отношения — это другое дело. Он думает, что ты очень серьезно настроен по отношению к этой девчонке. И то, что ее предки — менты, ему безумно импонирует. Он говорит, со временем, старший братец Машеньки сможет занять в своем государственном ведомстве неплохую должность. А в России бизнес прекрасно строится на родственных связях. Да и проблемы высокопоставленные родственники могут решить влет. Ты же знаешь это, Денис?

На лице у Петра появилась едва заметная неприятная улыбка. Дэн тоже улыбнулся — как всегда, во весь рот, и поманил брата указательным пальцем, склонился к его уху, после чего приглушенно прошептал в ответ:

— Знаю. А еще знаю… Такие чудеса, Петя… Говорят, в «Алигьери» слишком много странной новой наркоты. Дорогой, но доступной и популярной — потому что она не вызывает сильного привыкания. Нужные люди продают ее прямо за стойками.

— Что? — сощурился его кузен.

— Дед будет в восторге. Это ведь происходит за его всеведущей спиной.

— Откуда инфа? — Петр слегка побледнел. Он не стал строить из себя несведущего. Кузен не дурак, все равно уже знает. — Кто? Кто сказал?

— Об этом знают уже очень многие. Если я там не появляюсь, это не значит, что я не знаю о положении дел в клубе. Будь осторожен, братишка. Одно дело, если узнает дед и просто лишит тебя наследства и выгонит подальше к черту из клуба, а другое, если тебя накроет милиция. Допустим, кто-нибудь из родственников моего Чипа… Будет неприятно, не находишь?

Черные брови его брата взметнулись вверх.

— Ты ведь такой правильный. Ты что, не будешь орать, что это незаконно? Что ты против наркоты? Что наркодиллеров нужно казнить? А?

Дэн глубоко вздохнул, как будто бы сдерживаясь, чтобы не ударить брата. Тот тут же заметил, как крепко Смерч сцепил зубы, и как сузились его зрачки, в которых плясали невидимые обычному глазу вихри северных ветров.

— Я могу орать все, что угодно, братишка. Только кто будет это слушать? Я не могу запретить людям делать то, что они хотят. Это их жизнь. А я не всегда могу отвечать даже за жизнь своих близких людей.

— Вот… как.

— Точно. Так. Я не в силах перевернуть мироздание. — Уже совсем спокойно отвечал молодой человек, отстраняясь от кузена. — Знаешь, на что похожи клубы и наркотики?

— На что? На хороший бизнес? — нервно спросил Петр, который проклял в душе все на свете. Денис, этот весельчак, повеса и ветреный дурак, и узнал! Узнал и ничего не стал говорить деду! Будь он, Петр, на его месте, Даниил Юрьевич уже давно бы был в курсе всего.

— На улей с веселящимися плечами, полный меда. Макового, особенного. Хотя бы ты его не пробуй, а просто следи за его производством, — сказал он напоследок брату очень усталым голосом.

— Черт, что же ты такой добрый? — Вдруг сердито произнес Петр. — Аж раздражает.

— Я генератор безумного добра, брат.

— Очень печальный генератор добра, — попытался усмехнуться невысокий парень.

— Какой есть. — Смерч потрепал его по плечу, словно и не сердился. — Ладно, мне пора. Друзья ждут.

— Я тоже спешу. Не забудь придти на этот гребанный благотворительный вечер. Дед — один из соучредителей. — С этими словами парень развернулся, попрощавшись с Дэнни через плечо и сквозь зубы, и очень неспешно двинулся в сторону стоянки. Ему было неловко называть Дениса братом, хотя Петр вдруг и захотел сделать это.

Он медленно, засунув руки в карманы, уходил прочь.

Играть с Марией, этой миловидной и забавной, взрослой лишь с виду девчонкой кузена, ему перехотелось. Ладно, пусть Денис сам с ней разбирается. Теперь его заботили лишь дела в

клубе, а в голове раздраженной стаей ворон носились слова брата. Он типа заботится и беспокоиться? Он предупреждает по дружески? Он хороший? Да, он такой.

Наверное.

И так всегда, с самого детства: Петр чувствовал себя плохим мальчиком, а Дениса воспринимал как героя добра. И всегда завидовал, что именно кузена, а не его самого называют Смерчем — а ведь в детстве и раннем подростковом возрасте у них была общая компания и друзья. Это в последние лет шесть он как-то отдалился от всех, а с кое-кем даже поругался, и поддерживал хорошие отношения лишь с меланхоличным, но добрым и умеющим и развеселить, и успокоить, Ланде. С ним они иногда вместе выпивали или зависали в бильярдном клубе.

Петр оглянулся. Дэн уже стоял рядом с Черри и Ланде. Кажется, веселился, хотя полминуты назад был грустным и усталым от всего на свете, как столетний дед, прошедший войну.

То, что Петр сам поставил между собой и братом границу под названием «хороший-плохой», дошло до второго Смерчинского только сейчас, когда он понял, что Дэн не собирается подставлять его перед дедом.

«На его свадьбу я подарю ему „Бентли“, пусть подавится», — подумал он вдруг и неожиданно ухмыльнулся солнцу.

С этого дня у Петра вообще началась странная жизнь. К примеру, не успел он отойти от братишки, как заприметил свою недавнюю знакомую, стоявшую в компании — вы только подумайте! — с той самой Машей.

— Девушка с дороги, — остановившись, произнес Петр, увидев Лиду, и даже свои модные очки снял, чтобы полюбоваться на слегка бледное лицо симпатичной брюнетки.

— Парень из машины, — слабо улыбнулась ему она.

— Мы вновь встретились. Все хорошо?

— Да, конечно.

— Прекрасно. Мое почтение, будущая невестка, — он вновь улыбнулся Маше, и та лишь кивнула. — Мир тесен, правда, девушки?

— Правда, — отозвалась Мария, изучающее разглядывая его. — Земля квадратная. Приходится встречаться за углом.

Она была права — и еще как права! Петр и не знал, что земля настолько квадратная.

— Он тебе нравится? — Спросила тут же Лиду Маринка, как только та закончила свой рассказ о том, как она встретила Петра, и как он ее довез до Евгения. А мне оставалось лишь удивляться, что брат Смерча, с виду такой холодный, может просто так помочь кому-то. Воистину, чужая душа — потемки.

— Нет, — безразлично отвечала девушка. — Просто хороший парень. Который отлично водит машину. — Помолчав, она добавила. — И который ниже меня.

Маринка захихикала. Знала, что сестрица любит высоких мальчиков.

— Эй, люди женского пола, — подошел к нам походкой вразвалочку Черри, — Дэн блатует всех на увеселительную прогулочку. Вы как?

— Мы только за, — бордо отозвалась Маринка и шепнула сестре. — Он мне нравится! Клевый, да?

— Да, — осторожно кивнула Лида. Обычно она выбор Маринки только критикует почем зря, а сейчас соглашается. Что с ней такое? Однако, что с ней произошло, моя подруга рассказала позже. Только вечером, по аське она написала мне и Маринке, что рассталась со своим идиотским Женей. На наши ошарашенные вопросы в конференции, устроенной нами на троих, мы все доканывали ее, почему она не рассказала этого раньше, но подруга ответила, что не хотела этого делать при парнях, и не хотела заодно портить нам свидание с ними. Вот такая у нас сдержанная, скрытная и очень хорошая Лидия, которая к тому же жутко не переносит, когда ее жалеют. Кажется, она просто-напросто боится, что жалость заставит ее расплакаться при всех. А она девушка гордая…

Мы долго гуляли вшестером и со стороны казались тремя парочками. Черри и Марина шли впереди, оживленно о чем-то разговаривая и явно подбивая друг ко другу клинья. Следом за руку шагали мы с Дэном, о чем-то споря и время от времени перекрикиваясь с остальными (подозреваю, что Смерчинский, гад, просто-напросто разводит меня на споры, а сам наслаждается моей реакцией). Микаэль и Лида замыкали нашу компанию, разговаривая на совершенно нейтральные темы философского содержания. Особенно интереса они друг ко другу не проявили и довольствовались беседой.

Первой сказала, что ей пора, Лидия. Решительно отказавшись от того, чтобы ее проводили, она скрылась по направлению к остановке, засунув в уши наушники от телефона и еще раз сказав мне на ухо, что вечером поговорит со мной об одном очень важном деле.

Уже впятером мы шагали по самому центру города, разговаривая о всякой ерунде и смеясь. Немного пофотографировались на цифровик Ланде. Едва не стали жертвами целой толпы как малолетних, так и вполне уже взрослых неформалов, спешащих то ли на автограф-сессию, то ли на концерт приезжей рок-группы — они нас чуть не затоптали (я уныло посмотрела им вслед, желая оказаться в их нестройных шумных рядах, но Маринка мне только пальцем погрозила). Через полчаса мы забрели в уютное летнее кафе, где и просидели пару часов. Черри был таким вежливым, что не курил в моем присутствии и поэтому посмолить выходил в компании Дэна (одному ему было скучно) каждые полчаса. И тогда нас развлекал Ланде, который нравился мне все больше и больше. Чертовски забавный тип — с интересными плавными жестами, размеренным голосом диктора и добродушным взглядом аристократа, решившего лично в своем имении отменить крепостное право.

Оказывается, он очень много путешествовал и рассказывал нам с Маринкой о разных городах странах. Особенно нравилось ему бывать в державах Латинской Америки, особенно в Колумбии и в Мексике, и Юго-Восточной Азии: в Японии, Южной Корее, Тайване, Вьетнаме. О всех своих путешествиях он рассказывал, закинув ногу на ногу, жестикулируя левой рукой и правой попивая горячий эспрессо. Рассказывал он все интересно, артистично, как будто бы был не Микаэлем, а путешественником Миклухо-Маклаем и древнегреческим оратором Демосфеном в одном лице, и мы с Маринкой буквально заслушивались его речами, мигом захотев взглянуть на величественные пирамиды майа, древние буддийские монастыри, знаменитую цветущую сакуру и водопады Игуасу, расположенные на стыке Аргентины, Бразилии и Парагвая.

А еще блондин подарил нам сплетенные из толстых нитей темно-коричневые браслеты, сняв их с собственных запястий. Сказал, что ему их сплел своими руками его хороший друг из Южной

Кореи, с которым он познакомился в Америке. Маринка похихикала, вновь прошептав мне, что Микаэль, наверное, не той ориентации, но подарок приняла с таким же удовольствием, как и я.

— Это на удачу. Браслеты на удачу. Они делают владельцев счастливыми. — Сказал Ланде, снимая незамысловатые с виду украшения, которые тут же удобно расположились на моем запястье. У головастиков появилось то, чем можно поиграть в скакалочку. И это привело их в детских восторг.

— Спасибо, Микаэль, очень приятно, — улыбнулась ему Марина. Он кивнул, явно довольный собой. — Это так мило…

— А рядом со мной теперь будут два источника удачи, — хмыкнула я, глядя в окно на фигуру Смерча и стоящего рядом с ним курящего Черри и машинально перебирая пальцами по жестким кофейно-коричневым нитям браслета. — Я теперь вообще от счастья, наверное, с ума сойду.

В подтверждении этого радостно зазвонил мой телефон, который я тут же схватила, подумав, что меня беспокоит мама, но, оказалось, мамой там даже и не пахнет. Я большими глазами уставившись на номер звонившего.

Никита.

Что ему надо?

Смерч и его зеленоволосый друг вышли покурить, в очередной раз оставив девушек на попечение Ланде. Уже смеркалось, на небе появились первые звезды, неяркие, теряющиеся на фоне проплывавших над городом двух спутников, но погода на улице только улучшалась.

— Да, кстати. Понравилась эта девушка, Марина? — серьезно спросил Дэн у Черри. Тот закурил, прикрыв широкой ладонью огонек зажигали от ветра, и молча, по старой привычке, протянул пачку сигарет Денису, но тот ладонью отодвинул сигареты от себя, отказываясь.

— Неплохая малышка, — кивнул тот, выдыхая густой дым. — Ножки длинные, сипмотная. Темпераментная, — и он заржал.

— Слушай, друг, — Дэн положил руку на плечо другу, — серьезных отношений ты не хочешь?

— На хрен они мне сдались? — Искренне удивился Черри-Александр, вновь затянулся и сказал задумчиво. — Мне и так неплохо.

— Отлично. — Похлопал его по спине друг. — Тогда для однодневных выбери себе кого-нибудь другого.

— А ты что, на нее тоже запал, чувак? — Вытаращился зеленоволосый парень на Смерча и выдохнул сигаретный дым ему прямо в лицо.

Тот только покачал головой.

— Нет. Дело в другом, Саш. Марина — близкая подруга моего Чипа. И ты ей очень нравишься — я отлично это вижу. — На лице Смерча появилась ехидная, но добродушная улыбка, такая, которой только друзья награждают друг друга. — Ты у нас местный покоритель девичьих хрупких сердец, Марина от тебя в восторге. Поэтому если через неделю ты ее бросишь и

найдешь новую девочку, ей будет весьма плохо. Она начнет жаловаться подругам. Марья тут же станет наседать на меня, чтобы я помог ее подружке наладить отношения с тобой… А у нас ведь все только начинается. Я тебя переубеждать не буду, моя девочка начнет психовать, мы поссоримся. Марина тоже будет не в себе. Ты что, не знаешь этих девчонок, которые ищут долгих отношений?

— Знаю, Дэн, — поморщился свободолюбивый Черри. — Они постоянно усложняют мне жизнь.

— Не только тебе. В общем, будет куда проще для всех нас, если ты не станешь продолжать дальнейшее общение с подругой Чипа. О'кей?

— О'кей, — пожал плечами Саша. — как скажешь. Мне не трудно. Девочка, конечно, красотка, цепляет, но вокруг много других. Слушай, а тебе Бурундучок реально нравится?

— Да. — Коротко, но правдиво ответил Смерчинский.

— Круто. Я думал, ты тогда слил все чувства на хрен, но, оказывается, ты типа, еще живой. Круто, реально круто! — Вдруг расхохотался молодой человек, а потом, став серьезным, сказал искренне:

— Я рад. Я, правда, рад. Ты не такой улетевший, каким кажешься на первый взгляд, приятель.

— Ты тоже ничего так. — Расхохотался Дэн и добавил неожиданно для себя. — Я думал, что не смогу.

— Что ты не сможешь?

— Что не смогу… быть нормальным работодателем.

— Че? Слушай, чего ты иногда несешь? — Струхнул пепел себе на штаны цвета хаки парень, но не заметил этого. — Ты ж не пил. Ты же не пьющий мужик.

— Я думал, — таким же задумчивым голосом продолжал Денис, задрав голову вверх и глядя в темно-синее небо. — Что не смогу подписать договор с кем-то на постоянной основе и буду довольствоваться внештатными сотрудниками… Сотрудницами. Стажерами на пару недель.

— А я говорил, — в шутку прорычал Черри, — я говорил, не общайся с этим олухом Ланде. С ума ведь сойдешь. Хрень какую-то несешь! Натуральную!

— Ты с ним живешь, еще ведь не помер, — улыбнулся Дэн.

— Твой мозг слишком сложный. Твой мозг меня убивает. Ладно, пойдем уже. Я пить хочу. Сотрудницы… договоры… Телку тебе хорошую нужно сегодня… А-а-а, ты ж сейчас верным будешь. Готовый муженек, типа, да? — Денис молчал, только улыбаясь и, казалось, Саша понимал даже молчание друга, потому подозрительно пощурившись, он добавил. — Вот черт побери! Ты знаешь, что писал Пушкин Вяземскому, когда узнал, что Баратынский жениться собрался?

Дэн поднял брови.

— Этого не знаю даже я. А тебе откуда вестимо?

— Откуда, откуда? — затушил сигарету Черри, который неплохо шарил в литературе. — От отца. Короче, Пушкин писал своему другану: «Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за

его ум». А дальше там такой прикол…

Над дальнейшим текстом Смерч хорошо поржал, после чего кивком указал парню на кафе, где их дожидались девушки и Ланде.

Черри все-таки был хорошим другом, потому как к словам Дэна он прислушался и дал себе слово общаться с черноволосой милой Мариной только как с приятельницей и не более. Свое слово Александр сдержал без особенного напряга, но он даже и не думал, что за несколько совместных часов общения Марина начнет чувствовать к нему очень сильную симпатию, подкрепленную уверенностью тем, что он и есть ее «творческая» судьба на букву «А».

Кстати, кое-кто из женского пола, чье имя начиналось на букву «А», все-таки задел и прожжённое тысячами сигарет сердце панка. Уже пару раз он ловил себя на том, что принимал незнакомых худых девиц в красных костюмах за Аладдина, эту сумасшедшую малолетнюю дурочку, доставшую его в парке. А один раз она ему даже снилась — правда, без своей глупой яркой одежды…

Когда парни вернулись в кафе, оказалось, Марина и Ланде болтают о Мексике, а вот Чип сидит в сторонке, покачивая ногой, и разговаривает по телефону. При этом она комично косилась на собственный телефон, как будто бы в нем сидел демон, готовый вот-вот выскочить на нее. Да и говорила негромко. Смерч уселся на свое место, вытянув ноги и тоже вытащил ярко-желтый коммуникатор, отвечая на пару смс-ок, только что присланных от незнакомых друг с друзей, приглашавших его сегодня на разные тусовки.

— Ну, Никита, я не знаю, сможем ли мы встретиться, — проговорила Чип задумчиво-задумчиво, и эта фраза заставила расслабленного до этого Смерча, в пол-уха слушающего рассказ Микаэля о достопримечательностях Мексики, вздрогнуть и резко повернуть голову на светловолосую девушку.

— Пока что у меня сессия, и мне нужно учить кучу всего… — Продолжала она.

— Врушка, — хихикнула Маринка, отвлекшись от разговора с Ланде и Черри, который, как оказалось, в Мексике тоже однажды бывал. Но если первый рассказывал о пирамидах и буйной красоты природы, то второй перебивал приятеля, вставляя фразы о том, какая там классная местная трава. Маринка смеялась и вообще была в восторге от общения с этими двумя разными парнями.

За ту короткую треть секунды, пока Смерч поднимал взгляд на девушку, из него, оглядываясь по сторонам пугающими алыми глазами, выскользнула знакомая летающему неподалеку орлу красивая белокожая госпожа в широкополой элегантной шляпке, полупрозрачной вуалью, и с мундштуком в чуть дрожащих длинных пальцах, облаченных в шелковые перчатки.

Именно она, осторожно, но вместе с тем и ловко, взяла телефон из руки Маши, коснувшись ее горячих пальцев своими ледяными, забыв спросить у нее, хочет ли она прерывать разговор, после чего передала средство связи, ухмыляясь ярко-фиолетовыми губами, Денису.

— Я понимаю, Мария. Я бы очень хотел встречи.

Ревность вновь выдохнула в лицо Дэна прозрачный сладкий дым, прикурив от свечи, появившейся перед этой невероятной то ли женщиной, то ли монстром, из воздуха.

«Мало времени прошло. Она не забыла его. Она пойдет за ним даже на край света. Ты всего

лишь милая кожаная обложка для ее девичьего сердца, а он — настоящие чувства. Соображаешь, малыш?».

Он соображал. Прекрасно соображал. Поэтому и испугался. Наверное, с тех пор Смерч стал понимать, что в нем куда больше негативных эмоций, чем в среднестатическом человеке — только они скрыты где-то далеко в его искривленной душе. И дают себе волю лишь «по праздникам».

— Но после можно будет отметить вместе… — Говорил спокойным и несколько вкрадчивым голосом Никита, не подозревая, что теперь его слушает Дэн.

— Что ты хочешь отметить вместе, Ник? — весело спросил Дэн.

— Эй! — возмутилась Машка, — отдай телефон, дурак Смерчинский, то есть, конечно, милый котик!

Смерч, который теперь стоял, прижимая телефон к уху плечом, поймал руку девушки и легко отвел ее ей же за спину, после чего с той же легкостью усадил обратно на стул, а сам встал над ней, положив руку на плечо, словно желая защитить от нежданного звонка. Ревность танцевала на соседнем столике.

— Ну и ладно, — проворчала Чип. Было видно, что разговор с Никитой Кларским ее напряг и удивил, а вмешательство Дэна обрадовало. Поэтому она больше не просила отдать ей телефон, а сидела спокойно, лишь вопросительно поглядывая на темноволосого парня.

— Кто это? — спросил хрипло Никита. — Кто?

— Это я, — поведал ему Денис, понимая с изумлением, что ему очень трудно сдерживать себя, чтобы не сорваться на крик-рычание, — Машин парень, Дэн.

— А где Мария? — окончательно был сбит с толку Кларский.

— Рядом, я ее обнимаю, — было новым ответом Денни. — Ты приглашал мою девушку на свидание, парень?

— Приглашал, — легко согласился его собеседник. — И не только ее.

— О-о-о, — протянул Смерчинский. Никита рассмеялся, но смех его был напряженным.

— Я хотел вновь встретиться вчетвером: ты, я, девушки. Как тебе мое предложение?

«Я отлучусь», — прошептала госпожа Ревность и скрылась в теле молодого человека за соседним столиком, заподозрившего, что его девушка обманывает его.

— Можно было бы, — согласился Дэн. — После того, как моя зайка сдаст экзамены. Никит, в следующий раз с таким предложением звони лично мне.

— Чтобы не было недопонимания?

— Нет, просто потому что я лучше знаю, как распланировать время, парень, — громко рассмеялся Денис. — Девушки такие эфемерные, с ними трудно договориться.

— Да, кстати, еще предложение — пойти завтра вчетвером на нон-стоп, — вдруг предложил Никита. Дэн только головой покачал, и сильнее сжал плечо Марии, прислушивающийся к его

разговору.

— Прости, это было бы здорово, но завтра вечером у нас занятно. Я забронировал отличный номер в одном местечке, которое очень любят принцессы, — поведал громко и выразительно Смерч самым загадочным своим тоном. Машка дернулась, но парень прикрыл ей рот ладонью, и обычно строптивая девушка не стала возмущаться, поняв, что делать это при Нике не нужно.

Марина и парни заинтересовано подняли головы на Лаки Боя.

— А… — Вот как, — несколько поостыл в своем настойчивом стремлении встретиться Никита. Тут же в его голосе проскользнула то ли усмешка, то ли мужское понимание, то ли неприятное удивление. Даже внимательный и чуткий к чужим голосам и интонациям Денис не смог точно понять, какие эмоции появились в голосе собеседника. — Приятно провести ночь, Дэн. Думаю, с тобой ей будет хорошо.

— Со мной всем хорошо, — невозмутимо отозвался брюнет, задумчиво проводя ладонью по щеке Маши и по ее шее — он бы и дальше вниз руку опустил, но девушка сердито ударила его по пальцам.

Парни обменялись еще парой фраз и попрощались. После чего Дэн вновь оказался за столиком и с видом мальчика-ромашки выпил сок Бурундучка.

— Что вы на меня так смотрите? — спросил он у друзей, не совсем понимающим, что за странный разговор сейчас был у этих двоих.

— Я что-то не догнал, — медленно начал Ланде, — левый парень приглашает твою девушку на свидание в твоем же присутствии, а ты ему заявляешь, что вы в отель пойдете? Ты так благотворно влияешь на людей, дорогой друг, что даже соперники спрашивают у тебя разрешения, можно ли Бурундука пригласить?

— Мария! Я — Маша! — тут же поправила его девушка, сама очень заинтригованная происходящим, но Микаэль вообще не обратил внимания на нее.

— Давай ему темную устроим? — тут же предложил милосердный Черри. — Это ведь тот гламурный перец Никитко? Я ему с удовольствием подправлю нос и челюсть. Отверточку там в бочину оформлю…

Денис ответорчку решительно отверг, как метод совершенно неправильный, и групповое избиение тоже, и даже нападение в масках со спины. Впрочем, драка один на один где-нибудь в подворотне ему тоже пришлась не по вкусу. Он попробовал, сдерживая себя, рассказать правду: о встрече на четыре персоны. Машке казалось, что Смерчик сдерживает себя от смеха, но на самом деле этот парень едва сдерживал себя от того, чтобы не разозлиться при всех. Никита, не самый простой и душевный тип, мало что делал просто так — такие люди, как он, просчитывают едва ли не каждый свой шаг. Если Ольга и была исключением из этого правила, то он, Смерч, и его Мария — и когда девчонка успела стать его? — явно не подходят под категорию людей, с которыми Никита хочет просто так дружить. Ему явно что-то надо: или от Марии, или от самого Дэна.

Когда Дэн на такси провожал счастливую этим вечером светловолосую девушку (Марину взяли на себя развеселившийся после пары бокалов пива Черри и по-рыцарски настроенный Ланде), то едва смог сосредоточиться на теме разговора — такой неприятный осадок оставил на душе звонок Ника. А Мария же, напротив, была весела и рада каждой секунде их общения: громкого, шумного, веселого и до восторга приятного.

Монстрик, до этого сонный и усталый, беспечно расправив перепончатые крылья, летал с орлом, то улепетывая от него, то догоняя: крылатые играли в салочки, как птенцы.

— Не общайся с Ником, — сказал парень на прощение девушке, около подъездной двери, засмотревшись на ее ключицу — губы вмиг пересохли. Стоило опустит глаза вниз, как в поле зрения попали стройные ноги.

— А? — уже явно забыла о Кларском Маша.

— Игнорь его, Бурундучок, игнорь, он тебе не нужен, — попросил ее Денис полушепотом, не дожидаясь ответа, наклонился к девушке, приподнял большим пальцем ее подбородок и коснулся полуоткрытых губ. Магия клубничной феи отлично работала при более тесном контакте. Волшебная пыльца с ее крыльев отлично уничтожала весь негатив — пусть всего лишь на время, но это время можно было считать чудесным и чудодейственным. И в планах Смерча было получить самое мощное волшебство феи… Чтобы забыться на долгое время.

Они не видели, что их ноги нежно опутывает разноцветная тонкая змейка-радуга, поднимающаяся все выше и выше по их телам.

Сегодня Дэн второй раз в жизни целовался с девушкой в подъезде. Потому что на улице, полной знакомого ей народа, она стеснялась это делать (что поделать, она действительно еще малышка) и сама утащила его вслед за собой в прохладу и темноту лестниц, не разжимая пальцев на его запястье. И он послушно последовал за Машей. Все-таки Денису нравилось, когда девушка брала на себя лидерство — естественно, только на время.

А в первый раз в подъезде, зимнем, холодном, в преддверии Нового года, еще подростком, он целовался с Инной, когда провожал ее домой после первого свидания. Он грел ей ладони и неожиданно для самого себя повел себя совсем по-детски: снял с себя шарф, чтобы заботливо обмотать им шею Инны. Сначала они пугались друг друга, а потом привыкли друг ко другу, долго смеялись и рассказывали всякую ерунду, а после снова целовались. И после этого в темноволосой голове Дениса остались стойкая цепь ассоциаций: подъезд — девушка — поцелуй — искренность — скрытое желание — восторг.

Иногда у него были очень странные мысли в голове, у этого парня.

Монстрик, шмыгнув носом, подтвердил это, и, печально вздохнув, вновь нырнул через пространственную дыру в прошлое.

Домой я пришла немного поздновато, счастливая до полного беспредела в голове. Пару месяцев назад я сама бы себя убила за ту радость, которую сейчас испытывала, и сама бы себя прикопала где-нибудь на пустыре, чтобы своим хорошим настроением романтичной девочки, у которой есть милейший на свете мальчик, не портить настроение обычных нормальных людей, хмурых и сердитых из-за отсутствия чего-то хорошего в жизни.

«У него та-а-акие руки», — выдали мне первым делом головастики, как только я распахнула глаза утром следующего дня.

«А плечи-то, плечи», — чуть не разрыдался от умиления фиолетовый головастик, виляя хвостом, будто бы был личным тренером Дэна, тренировавшим его в спортзале для развития плечевой мускулатуры. Я и сама чуть не заплакала, одумалась и захихикала, натянув одеяло до носа. Плечи у Смерча великолепные. Жаль, вчера с него не удалось стянуть футболку. А

счастье было так близко, так возможно.

— А-а-а, о чем я думаю? — сама себе сказала я и вновь рассмеялась, после чего стукнула себя по лбу. Во-о-от, уже начала сама с собой разговоры вести вслух.

— Не знаю, о чем, — сказала мама, входя в комнату неожиданно для меня, — а надо бы об экзаменах. Готовься-ка ты к своему английскому, Маша. И хватит себя так странно вести. Я понимаю, что ты влюблена и что страдаешь по своему Денису, но учеба учебой. Кстати, пусть Денис к нам в гости приходит, мы уже по нему соскучились.

Я мысленно простонала.

— Я ни по кому не страдаю!

— Я вижу. Иди, завтракай и за учебу, — велела добрая мама и удалилась, но из зала прикрикнула. — Попробуй сдать хотя бы одну сессию без троек! Настя вот была отличницей — ее мать до сих пор гордиться ее красным дипломом!

— Обязательно, — сказала я в ответ. Вот только со Смерчинским на свидание схожу, и все буду учить. Тем более, с английским у меня вполне может быть все хорошо.

— Давай-давай, поднимайся! Если тебя отправят на осеннюю пересдачу, я не пущу тебя на свадьбу брата. — Пригрозила мама.

— Все я сдам вовремя… А Рафаэль-то наверняка в ПТУ учиться. Или просто жуткий троечник.

— Поговори еще у меня!

Вчера она пожурила меня за столь длительное пребывание неизвестно где, но так как знала, что вечер я провела не абы с какой шпаной, а вместе со Смерчиком, и он проводил меня домой, то сильно не возникала, не ругалась на свою слегка блудную дочь и даже решила порасспрашивать о наших отношениях. Заикнулась про то, что со временем нам нужно будет сделать отношения серьезными. Серьезными!! Милая моя старомодная мама, эх… Но я только тяжело посмотрела на нее, повздыхала и сбежала в ванную. Оттуда услышала, как папа, в кои-то веки бывший дома, а не на работе, укоризненно заметил:

— Верочка, хватит терроризировать дочь!

— Я? Терроризирую? Это ты меня терроризируешь, — тут же завелась мама. — Ты меня со своей работой уже достал! Ты что, истинный трудоголик? Ты почему постоянно на службе пропадаешь? А как же я, например, как же семья? — Мама никак не могла простить папе, что он так и не появился на воскресном ужине для знакомства с родственниками Насти.

— Ты же понимаешь, что сейчас у нас очень трудное время. — Отмахнулся устало папа. — У нас со службой наркоконтроля совестное мероприятие намечается. Все обдумываем, решаем, с начальством согласовываем… В этих молодежных клубах сейчас черт знает что твориться. Кстати, скажи нашей Машке, чтобы не шлялась по этим заведениям, там сейчас полный беспредел: и наркотики, и проституция, и нелегальные игры…

— А ты что, — язвительно перебила его мама, — решил весь город от бандитов спасти, дорогой? Всех бандитов решил поймать, супермен ты мой, а?

— Нет, конечно. Но эти козлы из Южной Пристани уже всех за… забодали, Вера, беспредел не

устраивают, как в 90-ые, но проблем от них веем хватает. Ладно, давай лучше фильм посмотрим…

— Вот именно, я о твоей работе слышать дома не могу. Я, знаешь ли, тоже в милиции работаю.

Дальнейших их слов я не слышала, занявшись омовением тела и брызганием водой на заснувшее котэ, свернувшееся калачом на моих тапках, оставленных в ванной комнате. Потом пару часов я просидела в аське, узнав о том, что случилось с Лидой, и пытаясь успокоить ее вместе с Маринкой. Но, кажется, подруге слова успокоения не были нужны — она привыкла со своими проблемами справляться сама — так ей было проще. Но, кажется, Лиде было приятно, что мы ее подбадриваем. А после того, как Маринка заявила, печатая быстро, с ошибками и опечатками, что гадалка нагадала ей неизвестного фиолетового, она даже приободрилась.

Потом, не знаю почему: от переизбытков ли чувств или эмоций, я почти сразу провалилась в сон, и, кажется, на лице у меня была улыбка всю ночь. И все утро тоже — а я проснулась лишь в полдень. С Лидой, которая о чем-то хотела поговорить, я так и не списалась ни по смс (у меня вновь кончились деньги! Я — мобильный неудачник!), ни по аське, и не созвонилась, и наш разговор произошел только днем воскресенья.

На связи я оказалась только после того, как добрый и смышленый Смерч просек, что с моим телефоном вновь случилась очередная беда, и положил мне на телефон деньги — крупную такую сумму, что я даже пожалела, что ее нельзя теперь снять с телефонного счета и использовать по собственному усмотрению. А-а-а, все же приятно, когда твой день начинается с сообщения человека, от которого у тебя в голове что-то тает, пусть даже если она будет такого содержания:

«Чип, если ты не проснешься, я приду к тебе в гости!»

Ника в глубокой задумчивости, смешавшейся с великой неприязнью, сидела с ногами на своей мягкой кровати, постукивая пальцами по голубой подушке. Сотовый телефон валялся у ее босых ног, как грустная собачка около жестокой хозяйки, не желающей ее погладить. У Ники ничего не получалось, и она была не в духе.

Он, так обидевший ее, милую и хорошую девушку, так и не познает, что такое женская месть.

Кто он? Естественно, Никита — местный милый даун, которого угораздило родиться с фамилией Кларский.

Девушка вздохнула, глядя на экранчик своего сиреневого слайдера. Не получилось… сделать приятное этому парню… А так хотелось!

Этот кретин, этот козел, этот улетевший придурок со стильно выстриженными светлыми волосами, парень, от которого совесть и ум отделились еще в незапамятные времена и сказали дурному телу: «Пока», в общем, этот во всех смыслах приятный тип никак не мог покинуть мысли Ники. О Никите она думала куда чаще, чем о том же милом, ласковом и красивом Дэне, который, казалось бы, покорил ее хрупкое девичье сердце всего лишь за пару минут. Если второго Карлова вспоминала с нежностью и немым восхищением, к которому всегда приплюсовывавалась досада — из-за того, что совместная ночь так и не удалась, то о первом Ника думала с отвращением и раздражением — как о жирном пауке. И жутко желала отомстить за неуважительное к ней отношение. Она ведь не зря записала номер неведомой Ольги, с которой козел так ласково ворковал в «Джипе».

Выждав три дня, хитрая девушка купила новую симкарту в одном из супермаркетов, сказав распространителю, что забыла паспорт, и, назвав ему ненастоящие паспортные данные, после чего с нового номера позвонила этой самой Ольге с самыми нехорошими намерениями — заставить поревновать Никиту и, по возможности, попортить ему этим кровь. Да-да, девушка по имени Ника Карлова, несмотря на всю кажущуюся легкость своего общительного характера, была довольно злопамятным человеком.

— Здравствуйте, это Ольга? — бодро сказала она, звоня Оле Князевой в первый раз. Страха и неуверенности Ника не чувствовала, ей просто хотелось позлить проклятого Ника.

— Да. А вы кто? — Осторожно спросила девушка на том конце провода.

«Твоя истерика», — злорадно подумала Ника.

— А я подруга Никиты, — весело отозвалась нехорошая девушка-редиска, представляя масштабы скандала.

— Что-что? — переспросила неведомая Оля.

— Я — новая подруга Никиты. Твоего парня, между прочим. — Торжественно сообщила по телефону Ника. Она предвкушала. Ждала или феерической ревности, или бесконечных удивленных расспросов, или долгих криков и визга, или слез. Ждала ледяного деланного хладнокровия и стервозных угроз, обещаний позвонить Нику и все у него разузнать и заодно убить его. Ждала даже суровых слов устроить из-за Никиты разборки с ней, Никой, но совершенное не ожидала того, что Ольга совершенно равнодушно произнесет:

— Да? Ну, поздравляю, — после чего положит трубку.

Всего лишь три слова заставили шутницу слегка опешить. После звонка Ника осталась сидеть на кровати с совершенно обалдевшим видом. Даже ее сиреневый слайдер обалделся и расстроился вместе со своей хозяйкой.

«Они что, успели расстаться??», — подумала Ника отрешенно и еще раз набрала номер Оли.

— Ты не поняла! — выкрикнула она, не дожидаясь слов незнакомой девушки. — Я встречаюсь с твоим Никитой, а ты мне мешаешь быть с ним! Я его люблю!

— И что? — все с тем же равнодушием спросила Оля.

— Как что? Ревнуй, давай. — Велела ей Ника.

— Ревную. Очень ревную. Я безмерно ревную. — Все тем же голосом Мисс Невозмутимости с многолетним стажем отозвалась Ольга, и хотя у нее были ровные интонации, Нике показалось, что над ней как-то особенно изощренно издеваются. Проводят тонкий троллинг.

— Можно я перестану ревновать, а то я тороплюсь.

— Эй! — возмутилась теперь уже Ника. Ей даже слегка обидно стало за Никиту. Что у него за фиговая любимая такая? — Я твоего парня увести хочу! Кричи!

— Зачем же?

— Вот же ты дура, — выругалась Ника и нажала на красную кнопку. — Вот фигня. Идиотизм. Бред какой-то! Даже отомстить нельзя по-человечески этому крысолюду!! Фак…

Казалось бы, что еще могла сделать Ника? Ничего. Но забывать обиду, нанесенную подлым и скупым Никитой, которого острая на язычок Ника прозвала про себя на днях дядей Укропом (у девушки была аллергия на укроп, поэтому даже его один запах вызывал у нее отвращение), светловолосая мстительница не собиралась. А так как была особой не только мстительной, но и упертой, решила перезвонить Князевой еще и в субботу.

— Ольга? — тоном довольной лягушки спросила она под хихиканье лучшей подруги, с которой они вдвоем ночевали, решив отпраздновать удачное окончание сдачи зачетов парой бутылочек женского пива «Редс» и мартини, который развели соком.

— Да, а вы кто? — уже и забыла Оля о том, что с этого номера ее уже беспокоили.

— Блин в пальто, — хмыкнула Ника. — Я тебе уже звонила, Ольга. Помнишь? Я — вторая девушка Никиты. Вернее, вторая — это ты, я первая. Скоро буду первой.

— Хоть двадцать пятой. — Вновь не проявила должного внимания к словам Карловой Оля и бросила трубку.

— У меня дежавю? — сама у себя спросила Карлова, слушая гудки. Вот если бы ей какая-нибудь дура позвонила со словами, что мол, ее, Никин, парень имеет еще одну девушку, Ника бы закатила грандиозный скандал, так бы обозвала соперницу и такого бы ей пожелала и пообещала, что у той наверняка бы отпала охота вновь заигрывать вообще с кем-либо.

Ника, подергав себя за тонкий короткий хвостик, в который небрежно были забраны ее светло-русые прямые волосы, и глотнув мартини, вновь набрала номер Оли Князевой — фамилию ее, она, естественно, не знала. Вернее узнала, но чуть позднее.

— Алло! Эй! Я тут с твоим парнем встречаюсь, а ты и нос не чешешь? — спросила Карлова озадаченно, как только девушка Укропа вновь взяла трубку. — Ты сумасшедшая? Ты что, с Никитой, коз… котенком, рассталась?

— Уймитесь, девушка, — предложила Оля. Голос ее звучал глухо, да и тон довольным назвать было нельзя.

— Я не могу, мне Никита нравится, — пакостно заявила ей Ника. Ее подружка от смеха чуть не опрокинула на пол бутылку «Редс».

— Нравится — забирай, — разрешила Ольга.

— Вот это великодушие, — пробормотала слегка нетрезвая и очень удивленная Ника.

— Забирай и перестань мне звонить, я жду важного звонка. Не беспокой меня больше, — отозвалась Оля резким тоном и опять бросила трубку.

— Нет, ты будешь его ревновать и закатишь ему истерику! — в раже воскликнула Ника. — Я что, зря тебе звоню? Сейчас еще раз поговорим…

— Может, хватит уже ее доставать? Странно как-то получается, — сказала ее подруга. — Ты уже ей сколько раз звонила? Реально ты что ли на ее парня запала? Чего тебе от незнакомой девушки надо, а?

— Нет, конечно! Запала? У меня что, мозги набекрень съехали? Нет! Такого огрызка полюбить… Это же себя не уважать надо. — Огрызнулась Ника. Она перезвонила бедной Ольге

еще через час — в надежде на более продолжительный разговор.

— Алло, — раздался вместо голоса Князевой голос молодого человека лет двадцати. Сначала Ника подумала, что это Ник, стушевалась, но быстро поняла, что ошиблась. Голос принадлежал кому-то более жизнерадостному и куда более вежливому.

— Можно Ольгу? — светским тоном начала Ника, отпивая крохотными глотками из бокала мартини с апельсиновым соком.

— Можно, но не нужно, — весело отозвался голос с несколько мальчишескими веселыми интонациями.

— Почему?

— Она в душе, — после нескольких секунд раздумий сообщил он.

— А ты ведь не Ник, — задумчиво сказала Ника. — Не Никита, не козел. Ага, они все же расстались!

— Почему ты так решила? — удивился парень. Судя по его тону, было бы неплохо, если бы Кларский расстался с Ольгой. Кажется, он знал кое-что о Нике — то, о чем другие даже и не догадывались.

— Фразу про душ должен был говорить Никита, а не ты, — рассмеялась Ника. — Ты ведь не Ник? — на всякий случай еще раз уточнила она.

— К счастью — нет, — задумчиво отозвался незнакомец. — А ты, Ольга говорит, запала на него?

— Ага, — радостно подтвердила Ольга. — И он на меня!

— Да-а-а? Слушай, звони тогда ему, а не Оле, о'кей? — сделал дельное предложение парень.

— Я не знаю его телефона… — Грустно призналась Ника под взглядом подруги, говорящим: «ну ты и дура!». Голос парня был беззаботным, а сам он казался общительным. Нике он заочно даже понравился.

— Я тебе дам его номер, — пообещал друг Оли. — Диктовать?

— Диктуй. — Возможность разыграть обидчика по телефону обрадовала увлекшийся алкоголем разум девушки.

— Но только при одном условии…

— Каком?

— Ты не скажешь Нику, откуда у тебя этот номер. Идет?

— Не скажу. — Серьезно казала Карлова, подняв руку на манер военного, отдающего честь. Ее подруга только головой покачала. Ника постоянно влипала в глупые ситуации. Взять случай с тем хорошеньким парнем по имени Дэн, о котором девушка столько раз рассказывала… И как так могло случиться, что им целых два раза помешали? Не Судьба что ли была им остаться вместе хотя бы на пару часов?

mir-knigi.org

Так Ника стала обладательницей номера телефона самого Никиты Кларского — того номера, который когда-то отслеживал Смерч, вернее, его друг-хакер, но который показался ему слишком неинтересным.

Раздобыв номер Никиты и мило пообщавшись с веселым парнем до тех пор, пока Ольга не забрала решительно у него телефон, Ника хлопнула к удивлению все той же подруги еще один бокал мартини и стала названивать самому Кларскому. Когда она звонила ему в первый раз, девушку обуял дикий смех, и первое, что расслышал не слишком приветливый даже по телефону парень, был женский гогот. Его он долго слушать не стал и сбросил вызов. Ко второму звонку Ника подошла более основательно. Она, просмеявшись, вновь набрала его номер и, зажав пальцами крылья носа, прогнусавила:

— Никита, это вы?

— Это я. А кто вы? — тут же отозвался он.

— А это я. У меня к вам деликатное дело.

— Какое еще?

— Вам ваша девушка изменяет, — сказала мстительница и, подумав, добавила, — с моим парнем.

Сначала молодой человек молчал (Ника почувствовала его напряжение и станцевала мини версию танца маленьких утят), а потом грубовато и несколько хрипло, словно от ярости, спросил:

— Это кто?

— Да говорю же, это я, — отозвалась Карлова весело. — Так, прикинь, засранцы какие — изменяют у меня под носом. Так обидно, так обидно… И ведь на что клюнул мой Витька? На лицо, на фигуру, на характер? Она ведь полный нуль. Нуль!

— Ты кто? Откуда ты знаешь это? — выдохнул Никита. Судя по звукам, он находился дома и смотрел телевизор, кажется, местные новости. На заднем плане слышались еще какие-то мужские сердитые голоса.

— Так видела я, как Оля твоя и мой этот… Витек… миловались… кхм… В подъезде. — Отозвалась девушка. Подруга показала ей большой палец.

— Какой Витек?

— Мой. Мой парень Витек. А ты ведь точно парень Оли, да?

— И что дальше?

— Слушай, сделай что-нибудь, а?

— Что?

— Ты же мужчина, ты должен знать, что.

— Все, не звони, — резко оборвал ее Никита. — Не звони, и не неси чушь, овца.

mir-knigi.org

Он вновь повесил рубку. Взгляд Ники поугас — развести обидчика толком не удалось. Какой-то он железный. И его Оля железная. Железная пара, блин.

— Что? — спросила подруга Ники с интересом, слышавшая весь разговор. — Еще ему звонить будешь?

— Конечно!

— Как-то он тебя привлек, однако, — сощурилась вторая девушка, наливая Нике новый бокал с мартини. Девушки почти убили большую бутылку.

— Я его ненавижу, — честно призналась светловолосая мстительница. — Надо бы с ним еще поговорить.

— Да? — нервно сказал в трубку Ник.

— Балда. — Хмыкнула Ника. — Эта твоя Оля такая свинья! Я, может, за Витька замуж собиралась, уже в загс хотела заявление подавать, а тут…

Парню вновь была поведана душещипательная история о том, какая плохая и неверная у него девушка. Он обозлился еще больше и пообещал найти адрес Ники, чтобы разобраться с ней.

— Во дурень. Тебе девка изменяет, а ты и рад.

— Ты за свои слова отвечаешь? — яростно спросил Кларский. Фоновый шум, состоящий из мужских голосов, усилился.

— Да. А ты — нет. — Не задумываясь, выпалила девушка. Молодой человек выругался и положил трубку.

Двадцать минут смеха — и Ника вновь позвонила ему. Честно говоря, она боялась, что он поставит ее номер в черный список, и нового веселья не получиться, но нет, Кларский не стал этого делать. И ответил он буквально через секунду после ее звонка.

— А твоя Оля изменяет… — Начала, было, зажав нос рукой, Ника.

— Ты, Укропова Зоя Васильевна, — прошипел в трубку Ник. — Я нашел тебя в базе, глупая стерва. И адрес твой тоже.

Именно так глупо Ника и зарегистрировалась при покупке симкарты, и когда парень вслух произнес эту фамилию, она чуть не заплакала от смеха.

— О! И правда номер пробил! — порадовалась Ника своей дальновидности, что приобрела на левое имя симку. — Какой мальчик умный. И так быстро пробить сумел все. Крутой что ли? Дядя Укроп, ты меня поразил.

— Ты, шалава телефонная, как меня назвала? — поинтересовался медленно Никита.

— Дядя Укроп. — Лаконично отозвалась Ника, решив пока не обижаться на шалаву.

— Закрой убогий ротик, дешевка. — Велел ей Никита. Настроение девушки все росло и росло. — Запоминай, кретинка. Запоминай, иначе тебе будет плохо. Если ты мне еще раз позвонишь, слышишь, если еще хоть раз, я найду тебя и засуну твои косточки из пальчиков в твои тазобедренные суставы. — Не слишком вежливо пообещал парень. Оказалось, его легко

можно было вывести себя по телефону, лишь упомянув Ольгу.

— Да ты извращенец, — засмеялась в голос Ника, не испугавшись и забыв зажать нос пальцами.

— Садист. — Прямо ответил Ник.

— И я тоже.

— Ты… Стой. Мне твой голос кажется знакомым, — вдруг произнес парень. — Эй, ты, ты откуда….

Сглотнув от внезапно нахлынувшего страха, от которого по рукам поползли мурашки, девушка только потерла пальцами лоб. Вот же подстава!

— … откуда знаешь мой телефон? — продолжал Кларский. Ответом ему были частые гудки. На этом разговор с Никитой Ника решила прервать, выключила телефон и спрятала симку под подушку, после чего пошла в пятый раз жаловаться подруге на то, что она, Ника, своими собственными руками упустила шанс быть вместе с божественным парнем, внуком самой Афродиты, у которого глаза были синими-синими, как яд.

— Какой яд, Ника? — только вздохнула ее подруга, глотая «Редс». — Может, как море?

— Как яд. Опасный, — распустила хвостик Ника. Ей стало смешно. — Без противоядия. Но, знаешь, у подонка дяди Укропа глаза еще ядистее.

— Ядистее?

— Ядовитее, — поправилась Оля.

— А дядя Укроп — это…?

— Это Никита по фамилии Кларский. Над которым я сейчас прикалывалась. Ох, и мерзкий же он тип, подруга. Он явно озабоченный. Явно. Та-а-ак, а включим как мы музыку? Соседи, скажите «да» клубной музыке и драм энд басу!!

— Вот сумасшедшая, — вздохнула ее подруга, но танцевать в пустой квартире с открытыми окнами захотелось и ей.

А соседи у Ник были очень терпеливые. И деликатно попросили девушек сделать музыку тише только уже в полночь, когда количество гостей в квартире Карловой возросло еще на пару человек.

На следующий день Ника окончательно проснулась только часа в четыре пополудни, когда подруги уже умчались по домам. Побродив с головной болью по пустой квартире (родители уехали на дачу и должны были вернуться поздно вечером), проглотив пару таблеток и напившись кофе, девушка вымыла голову, на которую вчера случайно пролился «Редс». После чего еще с пол часика поотмокала в теплой воде, вылив в нее чуть ли не половину флакона шоколадной пены для ванны. А потом, наскоро высушив волосы феном, из-за неожиданного отсутствия резинок и заколок, воткнула в них длинную оранжевую расческу на манер китайской палочки и принялась убираться в квартире. Хоть вчера гостей было и не слишком много, но намусорить, вернее, насвинячить, умудрились за десятерых человек. Закончив

mir-knigi.org

уборку часов в восемь и напялив спортивный костюм, Ника пошла, мысленно ворча и негодуя, в супермаркет — нужно было приготовить родителям ужин, а дома почти не было нужных продуктов. Как чуть позже решила девушка, лучше бы она вообще никуда не выходила из дома. Всю неделю или даже месяц. А лучше — пару лет.

Прихватив пакет с мусором, Карлова вышла из подъезда в самом хорошем настроении, напевая про себя модную клубную песенку, под которую отрывалась вчера, но прошла всего лишь пару метров, прежде чем это хорошее настроение мгновенно испарилось.

— Привет, малышка, — мягко поприветствовал девушку жутковатый грубый бас. Из черной тонированной «Мицубиси Лансер», припаркованной около детской площадки, неспешно вылезли два типа, весьма бугаистой наружности, облаченные в темные костюмы, которые были, по меньшей мере, на один размер меньше, чем требовалось. Спортивные костюмы пошли бы им куда больше.

— Привет, — отступила назад от неожиданности Ника. Этих парней с хорошо развитой мускулатурой и не слишком привлекательными лицами она видела впервые. А они смотрели на нее с напряженными улыбками и глаз отводить не собирались.

— Садись, — заботливо приоткрыли для девушки заднюю дверь автомобиля парни.

— Куда? Зачем? — непонимающе спросила Ника, считая, что ее с кем-то перепутали.

— В гости поедешь, — отозвался бас. — Доставим в лучшем виде.

— Нет, спасибо, я в магазин лучше пойду. — Решительно отказалась светловолосая девушка.

— Нет уж, прошу в машину. Давай-давай, двигай ножками. — Не согласился с Никой второй молодой мужчина и как-то незаметно оказался за ее спиной, не давай возможности к отступлению. Ей стало страшно, очень страшно, так, что даже дышать на мгновение стало больно.

— Ребят, я вас не знаю. Зачем… мне с вами ехать? — как можно более бодрым голосом спросила Карлова.

— Это точно она? — спросил у баса второй парень, осматривая девушку с ног до головы — как товар.

— Точно, точно, вот же на фото она, братан. Точно она. Прикид только другой. Эй, малышка, тебя Никой кличут? Карловой?

— Да-а-а, — протянула девушка, лихорадочно думая, куда бежать и стоит ли кричать: «Пожар!»?

— Тогда едем. Садись, садись, не стремайся.

— Никуда я с вами не поеду, ребята. — Решительно заявила девушка, готовясь делать ноги. В голове промелькнуло паническое: «Меня сейчас убьют??». И, вдруг увидев патрульную машину, она испытала облегчение — при ментах эти странные парни с явно бандитской внешностью ничего ей не сделают, верно? Но не успела Ника подумать об этом, как парень с басом бесцеремонно схватил ее за локоть и впихнул в свое авто вместе с мусорным мешком, тут же захлопнув дверь. Девушка и пискнуть не успела, не то, чтобы сопротивляться или орать, как «Мицубиси» тронулась с места.

— Вы кто? Вы меня куда?! Что я сделала?! — закричала она в жуткой панике. Про пожар кричать уже было поздно.

— Того и гляди, зашкериться под сидение, — недовольно заметил парень за рулем, не обращая внимания на ее вопли. — Девушка, все путем! Не вопи, не на корабле тонем.

— Точно, все ништяк!

Однако, Ника так не считала. И, как только оказалась в кожаном салоне, в котором пахло терпкими сигаретами и едва уловимым ароматом бренди, смешанным с чьим-то дорогим одеколоном, который никак не вязался с образами парней в костюмах, она попыталась открыть дверь и выпрыгнуть на дорогу. Голубые глаза ее расширились от ужаса, крылья носа трепетали от страха, а желудок сжался в преддверии чего-то нехорошего, неправильного, нежданного. Однако выпрыгнуть не получилось — оказалось, что дверь заблокирована водителем. И сколько светловолосая заложница обстоятельств не дергала ее, чуда не происходило, и она не желала открываться. От чувства жалости к самой себе, Ника шумно выдохнула. Все очень сильно напоминало ту глупую ситуацию, когда на прошлой недели девушку в салоне «Джипа» заблокировал идиотский Никита, он же дядя Укроп.

«А не Укроп ли послал этих людей?!», — промелькнула в голове быстрая полубезумная мысль и вновь скрылась в страхе, жужжащем в голове девушки, как рой ос.

— Куда собралась? — очень вежливым тоном спросил обладатель баса, заметив маневры девушки. Он сидел рядом с ней, на заднем сидении, и улыбка у него была просто очаровательной — растянутые губы показывали окружающим не только все имеющиеся во рту желтоватые зубы, но и десны.

— Верните меня обратно! — вновь суматошно стала дергать ручку двери Ника. — Верните!! Кто вы такие??

— Я — Колян, а водила — Егорыч, — тут же ответили ей.

— Егор я, а не Егорыч. Егор. — Недовольно отозвался парень за рулем. Он так резко гнал новенькую «Мицубиси», будто бы она заправлялась не бензином, а новым суперсверхтоплевом. — Не дергай ты так ручку, сломаешь на хрен. Сиди спокойно.

— Зачем я вам нужна? — Паника прочно поселилась в голове Ники, даже пальцы ее слегка дрожали, когда она старалась незаметно нашарить в штанах своего спортивного костюма мобильник. Увы, его с собой у нее не было… Спеша в магазин на пять минут, девушка не думала, что ей понадобиться телефон. Да и у кого бы не было этой паники, если бы его или ее около собственного дома умыкнули два подозрительных типа, силой посадили в машину и повезли куда-то в сторону набережной, на которой в этом районе города находились кварталы, самые неблагополучные с точки зрения криминальной обстановки?

Район под названием Южная Пристань славился наличием кучи интернациональных криминогенных элементов всех возрастов, которые постоянно вели друг с другом незаконные темные делишки; некоторым количеством агрессивной настроенной молодежи, обожающей драки и недорогую выпивку; любителями чужих телефонов, MP-3 плееров и прочей техники, а также карманных расходов, и многими другим чудными людьми. Кстати, именно на Пристани находился известный всему городу рынок «Южный», где с рук можно было купить все, что угодно. Например, навороченный айфон можно было приобрести за цену, в четыре раза ниже магазинной. Гарантийный талон и чек при этом, естественно, не выдавали.

Это место еще в давние 90-ые прошлого века прославили многочисленные ОПГ — организованные преступные группировки, которые, конечно, существовали и по сей день: только стало их меньше, их деятельность оказалась более скрытной, а их «боссы» вооружились не только нелегальным оружием и «быками», но и грамотными юристами, а также званиями вполне легальных бизнесменов. Однажды Ника подумала, что небезызвестный дон Карлеоне был прав, говоря, что один законник будет куда удачливее в наше время, чем сто бандитов с автоматами.

В отличие от того же центра города, на Пристани старались не гулять по ночам, не ходить по подворотням и темным улочкам в одиночку и избегать некоторые места, в которых собирались низы местного преступного мира под распространенным на всю Россию названием «гопники обыкновенные». Кстати говоря, пристанские пацаны славились не только на весь город, но и на весь регион.

Нет, здесь жили и вполне нормальные люди так называемого «рабочего класса» — и их было большинство: та же Ника Карлова и ее семья являлись вполне законопослушными гражданами, как, впрочем, и почти все ее соседи. Только отец девушки не трудился, как многие другие, живущие здесь, на одном из нескольких крупных заводов, расположенных хоть и за чертой города, но неподалеку от Южной Пристани, а занимал один из ответственных постов в Администрации района.

А Нике, кстати, иногда даже нравилось рассказывать подругам с университета, что порой происходит в их кварталах. Как у них не любят представителей субкультур и что с ними изредка делают при встрече некоторые личности, как прошла очередная драка «стенка на стенку: тридцать на тридцать» на пустыре около замороженной стройки, и почему в местного авторитета Гошу стреляли в летнем кафе три раза, а он выжил и решил отомстить обидчикам.

Естественно, кое-что девушка слегка утрировала или язвительно приукрашала — чтобы слегка нагнать шороху на других и сделать рассказ более ярким. Впрочем, в этом можно было уличить и многих других жителей Южной Пристани. Рассказывать страшилки о собственном районе доверчивым согражданам было местной развлекаловкой общего характера. У местных даже шутка была: если кто-то здесь чему-то возмущался или удивлялся, они ехидно говорили, растягивая гласные: «Юпи!», что переводилось как: «Южная Пристань, Идиот!».

В общем, зная особенности места своего проживания, Ника действительно сильно испугалась. Идиоткой она все же не была.

— Нужна, но не нам, — отозвался парень с басом, — зачем ты нам? Нас тебя просили привести в целости и сохранности. Даже машину выделили. Видала, какая тачка нехилая?

Девушка потрясенно кивнула. Нехилая…

Но кому она нужна?? Может, у этого придурка Никиты подружка Ольга сама какая-нибудь крутая авторитетная чика, как говориться, раз этот грозный перец так ласково с ней болтал в тот день? И вдруг она все-таки отыскала ее, Нику, из-за звонков? Кстати, говорят, есть какая-то в их городе банда чуть ли не полумифическая, где только девчонки состоят… Мало ли…

— А кто… кто вас просил? — с трудом выговорила Ника, чувствуя пульс в собственном горле, все еще наивно надеясь услышать ответ.

— Один хороший человек. — Серьезно ответил бас. — Едем к нему, потому что он желает видеть тебя. Веди себя с ним хорошо и приветливо, поняла? А то потом вдруг он захочет, чтобы мы с Егорычем тебя в лесок повезли в багажнике? — и он хохотнул над собственной плоской

шуткой.

Ника вжалась в кожаное сидение и прикрыла глаза.

Ее похитили, натурально похитили! Средь бела дня, около собственного дома, на виду у целой детской площадки и вблизи патруля! И везут в какое-то подозрительное место к не менее подозрительному типу! Однако ей не угрожали, не били и даже не обзывали — и это Нику настораживало. Что от не хотят? Выкуп от родителей? Развлечений в сауне? Или на органы сдать решили? От этой мысли девушку еще сильнее затрясло.

— А куда меня везете? — с трудом выговорила девушка, чувствуя, что еще немного, и она будет сама сотрясаться в таких же конвульсиях, как ее несчастное сердце.

— Куда сказано, — невнятно ответили ей.

— Кем? Кто вам сказал? Ребята, выпустите меня, а? — Нике опять показалось, что ее выследил Никита.

— Да не боись ты, все ништяк, — широко заулыбался молодой человек. — Сама увидишь, куда подъедем. Э, Егорыч, вруби музончик?

В салоне заиграл шансон, от которого сердце Ники вообще взвыло и заорало благим матом.

— Скоро приедем, и сама все увидишь.

— Да я вам ничего не сделала!! Ничего!

Господин, которому принадлежал шикарный бас, подмигнул девушке.

— Плохо, что не сделала. Такая милашка могла многое бы сделать, а?

— Да не лезь ты к ней, — сказал водитель, имеющий сомнительную честь наблюдать за обескровленным лицом Ники, которая до боли в костяшках сжала кулаки. Он не беспокоился за нервную систему пассажирки, он беспокоился за возможные последствия — вдруг Марту не понравиться, как обошлись с девчонкой? Мало ли зачем она ему понадобилась…

Через минут двадцать-тридцать, которые показались Карловой целыми сутками, «Мицубиси» бодро выехала из города, повернула на трассу, ведущую в соседний городок-спутник, а затем неожиданно для Ники заехала в частный охраняемый поселок с дорогими коттеджами, огороженный по периметру крепким забором. За время поездки девушка так и не узнала, куда и, главное, зачем ее везут, и теперь уже считала себя едва ли не будущей покойницей. И даже слегка с этим смирилась.

Попетляв по чистым мощенным светло-голубой плиткой улицам поселка, на которых важно стояли двух- и трехэтажные особняки, автомобиль затормозил около высокого бетонного забора, за которым высился в тени старых сосен и берез, огромный дом с черепичной крышей. Приехавших долго изучали в видеокамеру, висевшую над входом, и только потом впустили, распахнув широкие ворота. Как только машина оказалась на территории особняка, ворота бесшумно, но быстро закрылись. Ника проводила их воспаленными от затаившихся в уголках слез глазами. Казалось, вместе с воротами закрылась и ее возможность вернуться назад, домой. Все, она точно труп. Пока еще живой.

— Выходи, приехали, — велели Нике. Она, не ощущая своих ног, вышла на улицу, ступив

кроссовками на мощенную аккуратную дорожку, вдоль которой были посажены не успевшие расцвести кустики и цветы. Сразу же почувствовала ни с чем несравненный терпкий и свежий запах смолы — рядом находился сосновый бор. «Моя смерть пахнет деревом, — почти равнодушно заметила про себя девушка, — а выглядит, как дом моей мечты».

Величественный и даже изящный дом, трехэтажный, светлый, фасады которого были отделаны красным рельефным кирпичом, а цоколь — темным естественным камнем, действительно казался домом мечты. Красивый парадный вход в форме шестигранного эркера, к которому вела белоснежная лестница с чугунными витыми перилами, как будто бы приветствовал бедную Нику одним своим видом.

Провожатые девушки стали оглядываться. Чувствовали себя здесь они и сами не слишком комфортно.

— Че-то нет никакого, — озадачился бас. — Где охрана?

— Здесь. Куда прем? Что надо? — как черти из табакерки, вылезли откуда-то двое суровых мужчин, из-под полов черных пиджаков которых виднелись кобуры. Они были постарше тех, кто сопровождали девушку, и казались не такими приветливыми. Тут же чуть в отдалении, около дороги, показались еще двое. Где-то громко залаяла собака, и Ника вздрогнула. «А я так и не отомстила Укропу, не купила то летнее платье в „Маске“, не встретилась с Викой, не помирилась с мамой, не купила подарок папе на День Рождения и не влюбилась, — отстраненно подумала девушка. — И детей у меня не будет теперь… Мужа тоже. И в Италию никогда не съезжу».

— Макс, здорово! Мы к Марту. Просил доставить девочку, — отозвался бас тут уже даже как-то почтительно, отступая назад. — Тачку вот нам велел малого взять, типа наша помята сильно… А девочку надо с ветерком прокатить… С удобствами.

— Сам ты помятый. Давайте, катите отсюда сами, с ветерком, не забывайте о делах в городе. Малой со своими ребятами один не управляется. — Отреагировал Макс. — Мусора лютуют.

— Это ты в цвет сказал, — согласился обладатель баса все так же почтительно. — «Венеру» шмонали нехило на днях…

Этот самый Макс кивнул в ответ. Он был очень нервным и весьма неприятным на вид — не потому, что у него было какое-то страшное лицо, а потому что у него были колючие и злые глаза, почти не моргающие и жестокие.

«Наверное, он меня сейчас и прикопает за кустиками около этого сказочного домика», — подумала Ника вяло, узрев на каменном лице мужика рванный шрам, тянущийся через всю щеку.

— Доставить девочку? Ника, верно? Тебя ждут. Пошли за мной, — тем временем сказал второй владелец личной кобуры и, цепко оглядев девушку, повел ее за собой — но не в дом, а в сад с цветущими яблонями, сиренью и вишней. Неприятный мужик и двое других ее провожатых остались позади, обсуждая что-то непонятное и связанное в клубом «Венерой».

— Не отставай. Марту не дерзи и не смей устраивать истерик, поняла? — без особенных эмоций сказал, не оборачиваясь, проводник Ники. — Не открывай без причины рта, больше слушай и во всем соглашайся. И не говори слова против. Ни единого. Иначе рискуешь лишиться чего-нибудь важного, иначе…

— Иначе что? Радик, братишка, да ты меня монстром просто выставил, — сказал кто-то позади них. Голос был немного грубоватым, глубоким, и хотя и человек, которому он принадлежал говорил плавно и несколько насмешливо, но согласные произносил очень твердо. — Что теперь будет думать обо мне возможно будущая невестка?

Будущая невестка неизвестно кого моментально обернулась. Напротив нее стоял довольно высокий подтянутый светлоглазый блондин лет двадцати семи, с загорелой кожей, коротким волосами и легкой небритостью на слегка впалых щеках. В руках у него была раскрытая книга (кажется, «Бойцовский клуб» Чака Паланика) и очень дорогой сенсорный мобильный телефон с гарнитурой, крепящейся к его уху. На его крепких предплечьях, облаченных в безрукавку, виднелись татуировки — но не цветные и яркие, как, скажем, у Черри, а сине-черные, с «сухими» рисунками: рукой, сжимающей заостренный кинжал, обмотанный проволокой, череп, в котором горела длинная свеча, какие-то надписи из пары букв на латинском; где-то на ключице мелькнула восьмиугольная звезда. Но долго в тату девушка не вглядывалась. Окинув разукрашенные бронзовые плечи любителя Паланика беглым взглядом, она внимательно стала всматриваться в лицо этого человека, пожелавшего встречи, и неожиданно ей показалось, что когда-то она его уже видела. Вот только когда и где?

— Невесткой? — наконец, выдавила девушка. Она перестала понимать, что такое твориться вокруг нее.

— А кем еще? Зная своего брата, я думаю, что он жениться на тебе. — Улыбнулся светловолосый незнакомец с книгой опешившей Нике. — Я — Андрей, но все они зовут меня Мартом. Старший брат твоего друга. Приятно познакомиться, Ника.

— Друга? У меня нет друга. — Отвечала Ника. Сердце, которое взяло пару минут, чтобы передохнуть от нервного потрясения, вновь разрыдалось, одновременно хохоча. Ее парень, с которым они встречались полгода, успешно уехал в другой город, где и нашел себе новую девушку, послав Карловой смс-извинение, а Ника, позлившись и порыдав, уже больше года присматривалась к молодым людям в надежде найти вторую половинку, но, увы, не находила. Единственной ее надеждой был Дэнни, однако, и с ним не получилось, хотя тянуло в тот вечер ее к нему просто со страшной силой. Наверное, во всем были виноваты весна и гормоны.

— Я же сказал, не перечь, — велел ее провожатый, легонько встряхнув за плечи.

— Эй-эй, — сузил глаза Андрей, — не трогай мою Нику. Давай, сделай пару шагов назад и замри. Молодец, брат. Теперь смотри на нее.

— А? — не понял тот, явно удивившись. — Зачем, Март?

— Смотри, Радик. Смотри на нее и запоминай, — Андрей подошел к девушке, осторожно взял за плечи и развернул ее лицом к удивившемуся охраннику, и, проводя рукой вдоль лица замершей Ники, но не касаясь его, произнес мягко-мягко:

— Запоминай. Это — подружка малого. Любимая девочка моего младшего братишки. С ней ты обращаешься нежно и чутко, как с королевой Англии. А если я узнаю, — голос его стал совсем добреньким, — что эту милую девочку обидели нехорошие и злые вы, я проведу с вами длинную воспитательную беседу в подвале этого чертова особнячка. Ясно, брат?

— Ясно, Март, — торопливо отвечал второй мужчина, закивав. — Все ясно. Не кипешись. Я все понял, Март, я скажу об этом братве.

— Будь добр. Иди, оставь нас наедине, — тут же велел ему человек со странным именем

Март. — Ника, прости за представление. Просто я подумал, все эти люди тебя напугали. Напугали ведь?

— Немножко, — соврала девушка. Ей казалось, что если она скажет ему, что ее напугали до дрожи в коленах и до трясучки всех нервных окончаний, Андрей сделать ей что-нибудь неприятное. Или не ей, а тем, кто ее привез сюда.

— Бедная моя девочка, да ты бледная. Они точно не напугали тебя? Ты знаешь, у этих парней трудная работа. Поэтому слово тактичность для них всего лишь пустые звуки. Пройдем к бассейну, там есть очень удобная беседка. — Предложил Андрей с улыбкой человека, который хотел бы научиться извиняться, и находиться в процессе этого обучения. И через минуту нервничающая и все еще испуганная Ника сидела в изящной ажурной беседке за столиком, напротив голубого небольшого квадратного бассейна, обложенного белым и синим кафелем.

«Он меня утопит?», — опять подумала она.

— Так вот как выглядит девушка моего братишки, — продолжал изучать Нику Март, усевшись напротив нее и сложив руки на стол, сцепив в замок. — Ты мила. Очень мила. И какая у тебя интересная заколка. А ты оригинальна.

Ника, встрепенувшись, вытащила из волос оранжевую расческу, про которую совершенно забыла.

— Ой, блин, это нечаянно! — Сглотнув, отозвалась девушка. Испытав так много страха, она не испытала должного волнения из-за какой-то расчески. — Я убиралась и заколола волосы первым, что под руку попалось. — Пояснила она, торопливо разглаживая волосы. Одета она, была, конечно, «элегантно»: спортивный костюм, старые кроссы, расческа в волосах, полное отсутствие украшений — все они остались на полочке в ванной…

— Сама непосредственность, — улыбнулся ей Андрей. — Хочешь пить? Пиво, виски, вино?

— Сок, если можно…

— Не пьешь алкоголь?

— Да, — нагло соврала Ника. Хотя, честно говоря, алкоголь она и правда, не слишком любила. Вчерашний день, скорее, исключением из правил. А все из-за Укропа.

— Отлично. Виноград или апельсин?

— Э-э-э… Виноград.

— Здесь временно нет прислуги, — продолжал Андрей, наливая в высокие стаканы ярко-фиолетовый на солнце виноградный сок. — Мы все делаем сами. А это ведь тяжко, когда куча грубых мужиков пытается следить за всем и даже готовить. Знаешь, почему так, Ника? У нас в гостях два человека, — он заговорил почти шепотом, как будто бы хотела поведать девушке тайну — забавную тайну, — два гостя, которых очень усердно ищут менты. То есть, конечно, доблестные милиционеры.

— А-а-а… за что ищут?

Андрей пожал плечами.

mir-knigi.org

— За побег, — сказал он коротко, как будто бы побег был почти тем же самым, что и воровство кулька конфет на рынке. Больше Ника вопросов решила не задавать. — Ника… Кстати, у тебя отличное имя, девочка, просто отличное. Не зря братишка что-то втирал мне про Судьбу как-то. Встретил ведь девчонку с таким же именем, — Март рассмеялся и пригубил сок из высокого бокала.

— Что, простите? — ничего не поняла его собеседница.

— К чему я это… Ника, я сейчас позвоню малому и скажу, чтобы он приехал. Это будет для него сюрпризом. — Подмигнул ей брат какого-то там неизвестно жениха. — Раз он тебя так любит, обрадуется.

— Любит? Андрей, извините, но произошла какая-то ошибка. У меня правда нет ни друга, ни жениха, — растерянно произнесла она. — Вы ошибаетесь.

— Что?

— Ошибаетесь! Честное слово!

— Ошибаюсь? Я редко ошибаюсь. Это ведь он сказал тебе не признаваться, что ты с ним встречаешься, да? — близко-близко наклонился к Нике Март. От того, что его лицо оказалось так близко с ее, она вдруг почувствовала, что не хочет препираться с этим человеком. У него хоть и не были злыми глаза, как у того типа со шрамом, но он казался еще куда более опасным — как хищный зверь из леса, от которого никто не знал, что ожидать в следующий момент.

— Значит так, Ника, дорогая, я сейчас позвоню братишке, и он примчится. Я уверен — он тут же примчится. Мы культурно посидим втроем. Поговорим за жизнь. А то он децл принаглел — не знакомит меня с тобой и все. Типа нет у него никакой девушки. Неужели чего-то боится? — И Андрей, подмигнув Нике, резким привычным движением схватил со столика мобильный телефон и набрал номер брата.

— Не берет. Возьми трубку, малой, возьми. О, привет, малой. Чем занимаешься? Занят? Ух ты. И чем же, позволь узнать? Не позволишь? — Март понизил голос и доверительно-глумливо сообщил. — А у меня тут гости. Важные гости. И для тебя важные, малыш. Давай, собирайся и дуй куда надо. Ко мне приехала твоя девушка. Так что и ты… Ну что ты так орешь? — он недовольно поморщился и убрал подальше от уха трубку сотового. — Ты меня с ней не знакомил, так я сам ее нашел… Дьявольского и лохматого. Короче, малой, даю час. Приезжай. Посидим по-родственному. Отбой, дебил. Ждем-с. А она хорошенькая.

— Ох уж эти младшие братья, — обратился он к замершей Нике, которая была уверена в том, что уж она-то не является чьей-то там девушкой и что ее с кем-то перепутали. — Все за ними нужен глаз да глаз.

— Это точно, — кивнула она, подумав, что дождется, когда приедет таинственный брат этого ненормального Андрея и все объяснит ему. Тогда ее, Нику, тут же отпустят. Пусть без извинений, но живую и не покалеченную. Содержание страха в ее сердце резко уменьшилось, дышать стало куда свободнее.

— Ну, невестка, рассказывай о себе. — Велел молодой светловолосый мужчина девушке, вновь кого-то ей напоминая. — Где учишься, с кем проживаешь и прочее, я уже знаю — мои ребятки все выяснили. Расскажи, чем увлекаешься и чем живешь, оки? Хобби, мысли, увлечения, мечты…

Ника кивнула. В последние сутки она жила радостью от сдач зачетов, алкогольным весельем, местью, страхом, а теперь еще и надеждой. Настоящий коктейль эмоций.

Звонок брата оказался для Никиты полной неожиданностью. Неприятной. Он спокойно находился дома, сидя на полу в полупустой комнате с тренажерами, босиком и в одних джинсах, и обматывая кулак эластичным боксерским бинтом. Парень был зол и хотел разрядиться на груше, висевшей в тут же, прямо по центру комнаты в квартире на пятнадцатом этаже, где он уже некоторое время жил один. Ник успел намотать ярко-оранжевый бинт только на левую руку, как его побеспокоил телефон. Глянув на экран мобильника, парень поморщился. Брат. Опять ему или что-то надо, или опять он, Никита, что-то накосячил и сейчас будет слушать крики, перемешанные либо с матами, либо с умными словечками. По пустякам Андрей уже давно перестал звонить. Только по делам.

— Хватит трезвонить. Я недоступен. Чтоб тебя… — Да? — недовольно произнес Ник, все же взяв телефон. Родственник самым развеселым и доброжелательным голосом, на который был только способен, позвал парня к себе. У Кларского-младшего чуть ли не глаза на лоб полезли, пихая друг друга локтями. В предчувствии чего-то нехорошего оранжевый бинт упал из его правой руки на пол, а вот сам парень ловко вскочил. Сказал Андрею, что жутко занят и никуда ехать не может, на что тот тут же отвечал все так же добренько:

— Ко мне приехала твоя девушка. Так что и ты…

— Что ты сказал?! — заорал всегда сдержанный Ник на весь дом. — Повтори?

— Ну что ты так орешь? Ты меня с ней не знакомил, так я сам ее нашел. — Объявил Март.

— Какого черта ты ее привез туда? — не на шутку рассердился Никита.

— Дьявольского и лохматого. — В голосе Андрея все же проступило раздражение, но он быстро взял себя в руки, что Нику показалось просто волшебством. — Короче, малой, даю час. Приезжай. Посидим по-родственному.

— Если ты ей что-нибудь сделаешь, я тебя… — Голос у Ника срывался.

— Отбой, дебил. Ждем-с. А она хорошенькая. — И Андрей повесил трубку.

— Я тебя сам убью! — прокричал парень в воздух. — Сам! Вот же Nзапрещено цензуройN!

Никита, ошарашенный новостью о том, что его Ольга, его нежная девочка едва ли не с ангельским нравом, которую он так искал и которую он так обожал целовать и прижимать к себе (да, все же он оказался романтиком, и это парня иногда очень раздражало в самом себе), его личное успокоительное с длинными ножками и тонкой талией, оказалась рядом с его невероятным по чудовищности братцем, пару лет назад откинувшимся с зоны. Это пугало. Очень пугало. До боли в напрягшихся мышцах.

Если Андрей что-нибудь сделает девушке, в этом виноват будет лишь он, Ник. И никто другой. Да, парень старался сделать так, чтобы Андрей не узнал про Олю. Не водил ее к себе домой, хотя очень не прочь был сделать это. Даже при условии, что девушка мигом бы заинтересовалась тем, почему в его квартире такая странная обстановка — стоят только самые необходимые вещи, причем очень дорогие, имеется переоборудованная в домашний спортзал комната, и почему Никита живет совершенно один.

Но как бы не хотел Кларский, его старший брат все равно узнал о том, что у его малого есть девушка, нашел ее и, мало того, притащил к себе во временную «обитель», где кроме Марта находились в зависимости от положения дел, от пяти до двух десятков посторонних и не самых добрых мужиков. Далеко не ангелов. Даже на людей они иногда были похожи мало.

Никита, у которого в городе не было автомобиля — он оставался обычно у брата в гараже (не нужно ему было, чтобы в округе и в университете знали, что у него есть собственные колеса, которые стоят нехилую сумму), резко сорвался с места, на ходу сам себя успокаивая. Он несколько раз глубоко вздохнул, перед тем, как действовать. В спальне нашел какую-то старую футболку, натянул ее на себя и в домашних широких джинсах, наспех закрыв дверь квартиры, бросился на улицу. Поймал водителя на ближайшем перекрестке и, пообещав ему двойную сумму, уселся в такси и помчался по направлению в нужный коттеджный поселок. К несчастью, такси попало в большую пробку, и за это время Никита, наверное, потерял пару тысяч нервных клеток — так беспокоился за любимую. О том, чтобы позвонить ей, он даже и не думал. В словах брата он был уверен — раз тот говорит, что у него во временном доме находиться его, Никиты, девушка, значит, так оно и есть. О том, что там находиться не Ольга, а другой человек, молодой человек даже и не предполагал. В такси у него слегка сдали нервы и он, почти всегда сдержанный, едва не начал угрожать водителю, добродушному усатому дядьке. Чтобы успокоиться, достал из кармана телефон и принялся рассматривать фото Ольги.

С Ольгой он познакомился совершенно случайно и довольно просто — благодаря своему давнему приятелю Диме. В тот прохладный день они вдвоем шагали по улице, направляясь в бар — они давно не виделись и хотели где-нибудь посидеть. Обсуждали новую тачку Ника и, кажется, красивых девушек, и на глаза им совершенно случайно попалась Оля. Она шла навстречу, и ее волосы раздувались под порывами холодного ветра, царившего в тот день на улице. Оля задумчиво оглядывалась по сторонам, словно была тут в первый раз и что-то искала.

Легкая, воздушная, в коротком элегантном и стильном, но не вызывающем пальто темно-серого цвета, с перекинутым назад воздушным шелковым шарфиком, с длинными светлыми волосами и голубыми глазами, которые Кларскому казались воистину ангельскими, она сразу обратила на себя внимание серых глаз Ника.

— Милашка, — сказал он Чащину, кивая на Ольгу. — А ты говоришь, красивых девушек в нашем городе мало.

— Где милашка? А подайте-ка ее мне на обед, — радостно воскликнул Димка, увидел приближающуюся представительницу прекрасного пола и осекся.

— Она? — недоверчиво спросил он сам у себя.

— Кто она?

— А, — махнул рукой друг, — Князева Оля, девчонка с группы.

— У вас все девочки в группе такие милые? — все с большим интересом вглядывался в Ольгу Ник.

— Ага, все, — буркнул Димка и произнес. — Только одна.

— Которая тебе…

— Не при ней, а? — Оборвал его второй парень. — Я не хочу, чтобы кто-то знал.

— Да ладно тебе. — Рассмеялся Никита, продолжая разглядывать девушку, которая определенно ему понравилась с первого взгляда. Она цепляла.

Сокурсница Дмитрия подошла к парням, поздоровалась с одногруппником, приветливо кивнула Нику, спросила у первого, что он тут делает. Голос у нее оказался приятным и чистым.

— Мы с другом в бар, — несколько хмуро ответил он. — А ты?

— А я тут живу недалеко, Дим. — Отозвалась Князева. Новый порыв ветра взметнул ее светло-русые волосы вверх и, как будто играючи, рассыпал по плечам. Никита непонятно чему улыбнулся. Хотя раньше на подобные вещи внимание не обращал.

Оля спросила у Чащина что-то по учебе — они пару минут поговорили, пожелала парням отличного вечера (была суббота) и пошла дальше, напоследок тепло улыбнулась одними уголками светло-розовых губ.

Как потом понял Ник, все улыбки этой девушки были наполнены теплом, которое он так искал уже много лет. Все до единой. И тогда, в ветреный субботний день апреля, Ольга, зацепила Никиту именно умением так улыбаться, не только привлекательной внешностью. До появления в свой жизни этой девушки парень не относился к представительницам женского пола, как к волшебным существам с невидимыми крылышками. Его отношение было противоположным: довольно потребительским и несерьезным. А Оля сумела заставить мягкого лишь снаружи и жесткого внутри Кларского почувствовать трепетное отношение и нежные эмоции. Кажется, он влюбился в нее с первого взгляда, правда осознал это позднее.

— Кто это? — зачарованно провожал тонкую фигурку Ник. Он глядел ей вслед, склонив голову набок, и ветер хлестал его прямо по лицу.

— Моя сокурсница, я же сказал, глухой что ли? — отозвался Димка беспечно. — Ничего особенного. Пошли.

«Ничего особенного» умудрилось сниться всю ночь, пряталось в полутьме и улыбалось во сне так же мило и тепло, как и наяву. И это повторялось каждую ночь с завидной регулярностью. Сначала Ник решил, что сошел с ума и разозлился сам на себя. В любовь он, естественно, не верил. Молодой человек решил для себя, что просто хотел бы затащить эту девушку в постель — поэтому у него такая реакция на нее, а затем как-то быстро, но верно осознал, что все не так-то просто: она ему нравиться. И нравиться очень сильно.

Первое время он наблюдал за ней со стороны, присматривался.

Оля олицетворяла собой как раз тот тип девушек, которые привлекали Ника: девушек, ведущих себя не развязно, а мило и аккуратно, не обделенных ни манерами, ни вкусом. Умеющих выделяться из толпы, но не броских или агрессивно-ярких. Не позиционирующих себя, как вечных детей, распрекрасных стерв или отстраненных от мира особ, погруженных в придуманные миры книг, фильмов или виртуальной реальности. Ольга же для Ника была живой, женственной, волнующей, довольно умной и ведущей себя так, как и подобает вести себя девочке из хорошей семьи. Именно такой, по мнению Кларского, и должна быть постоянная спутница жизни. Остальные годятся только на роль временных развлечений.

Наверное, он, понаблюдав со стороны, в скором времени забыл бы о чудесной девушке с глазами обворожительного ангела (Никита считал, что не в его положении нужно иметь серьезные связи, с него хватит и однодневных отношений с красавицами из клубов), но Судьба,

в которую парень отчего-то верил вслед за интеллигентным дедом-фаталистом, воспитавшем его, еще с детства, вновь заставила их встретиться.

Это было совсем неподалеку от дома Димки, к которому Нику нужно было забежать по одному несрочному, но важному делу. Можно сказать, Чащин был одним из немногих его приятелей, живущих нормальной жизнью и единственным, кто знал о нем, Нике, все — уже много лет, с момента их первой встречи. Ольга вновь шла ему навстречу, с задумчивой полуулыбкой счастливой девушки, глядя в телефон.

— Привет, — остановил ее неожиданно сам для себя Ник.

— Привет. — Подняла на него голубые, совсем лишь слегка подкрашенные глаза, девушка.

— Я друг Дмитрия Чащина. Помнишь меня?

— Помню, — кивнула Ольга и перекинула длинные, блестящие на солнце волосы на плечо. Кларский тогда только сглотнул. — Ты — Никита.

— Да, а ты Оля.

— Точно.

— Куда идешь, Оля?

— На остановку. — Кивнула в сторону дороги девушка. — Я была в гостях у подруги, теперь еду домой.

— Здесь неподалеку Димка живет, кстати, — заметил Ник, удивляясь тому, что встретил эту милашку так неожиданно. «Как будто бы Судьба подводит нас друг ко другу. Бред…», — подумал он, незаметно рассматривая длинные стройные ножки судьбы и изгиб ее бедер и талии. Так близко ее он видел лишь во второй раз, и от этого у него захватило дух — как от хорошего настоящего оружия в руках, попавшего мальчишке.

— Да? Я не знала. Мы не общаемся. — Отозвалась девушка и вновь улыбнулась. Никита едва не ослеп. И тут же предложил:

— Ольга, может быть, вызвать такси?

— Нет, что ты! — тут же отказалась девушка, явно засмущавшись, и парень мысленно усмехнулся: ему нравились такие вот слегка зажатые нежные девочки. А он нравился им. Потому что знал, что выглядит не как мальчишка из неблагополучной семьи, а как модный парень, любящий и умеющий следить за собой и оставаться всегда милым и надежным.

Слово за слово Ник разговорился с Ольгой и все-таки довез ее домой, забыв о том, что собирался придти к другу. Впрочем, в тот же вечер он сообщил удивившемуся Димке, что теперь намерен завоевать эту девушку во что бы то ни стало… Чащин ржал в трубку так долго, что успел достать Кларского. Сказал, что уж с кем-кем, а с Князевой Никите лучше не связываться, потому как она ему точно не подходит.

— Я что, недостаточно хорош для этой девочки, а? — вкрадчиво, не замечая, что изредка копирует братца, поинтересовался Никита. — Поясни-ка свою позицию, друг мой.

— Поясняю, кэп. Это ты для нее слишком хорош. Тебе нужна другая девушка. — Терпеливо

принялся втолковывать Дима, перестав угорать. — Ну не такая она тихоня и лапочка.

— А какая же она?

— Я не знаю. Ник, ты реально в нее влюбился?

— Нет, мне показалось. Мне вообще кажется, что она прекрасно входит в концепцию «Я — твоя Судьба». — В голосе Кларского появился неуверенный смех. — Мне кажется, что ее я встретил ее неслучайно.

— О-о-о, как все запущено. У нас даже Машка Бурундукова такого еще не заявляла.

— Кто это?

— Ну, та самая… Ты, короче, понял.

— А, понял.

— Значит, типа Судьба? Тогда хорошо, — задумчиво произнес молодой человек в трубку. — Тогда пусть так и будет. Вдруг она в тебя втюриться. Хотя, конечно, это нужно умудриться сделать…

— Спасибо за разрешение. Я думаю, скоро она станет моей.

— Привет, Господин Самоуверенность?

— Когда ты перестанешь быть ребенком?

— Когда ты станешь хорошим парнем.

Правда, тогда начались проколы с людьми брата, и некоторое время Нику было просто не до общения с женским полом, но потом все же он сделал так, что ангел с красивым именем Ольга влюбилась в него. Они стали встречаться, и Кларский старательно пытался сделать их встречи романтическими: всюду водил, писал добрые смс, дарил подарки и букеты. Хотя на многие цветы у него была давняя аллергия — слабая, но все же дающая о себе знать. Поэтому перед каждым свиданием он глотал горсть таблеток, а потом чувствовал себя тормозом — лекарства слегка тормозили нервную систему, и это был их второй плюс — парень не взрывался, почти не злился и оставался все тем же спокойным симпатичным малым в со вкусом подобранной одежде. Правда, в тот странный день, когда к нему и к Ольге пристали два, обколотых по ходу, типа с неправильными наклонностями (про себя их Ник называл не слишком хорошим презрительным словом), он был на пределе. Парень уже почти, было, сорвался, и хотел вмазать манерным уродам, так, чтобы они улетели в воду с моста, но Ольга вдруг смело поцеловала его, обняв и прижавшись едва ли не всем телом. Никита почти тут же забыл о кретинах, полностью отдавшись их первому поцелую. А когда они оторвались друг от друга, никого уже не было.

Кстати, однажды он вновь совершенно случайно увидел Ольгу уже в университете и вновь при странных обстоятельствах (тогда они уже начали встречаться). Они уже пару раз успели сходить на свидания, и их отношения, кажется, стали ближе. Во время большой перемены Никита зашел в пустую аудиторию, где хотел перезвонить брату, истерившему и бушевавшему по поводу того, что в «Алигьери» хозяин клуба все еще не соглашается иметь с ними никаких дел, и их приходилось вести через другого человека — управляющего клубом, в том числе и азартные игры — истинную вотчину Марта. У мужика-владельца, видимо, уже были хорошие нужные связи с теми, кто распространял нелегальные вещества в его знаменитом на весь

городе клубе, как же иначе? А брат самонадеянно (как и всегда) хотел влезть в чужие дела.

Разговор со страшим братом тогда не состоялся, потому что в аудитории находились Чащин и Оля. Это стало для Ника не слишком приятным сюрпризом. А сюрпризы и неожиданности парень не шибко любил. Их у Кларского было навалом с самого детства.

Ольга, печальная, как переставшая быть богиней Афродита, стояла так близко от сидевшего на парте Димки, опустившего голову вниз, что Нику даже показалось, что они только что целовались и отстранились друг от друга. Они молчали, и в воздухе вокруг витало явное напряжение.

Никита сузил глаза и непроизвольно сжал кулаки. Его моментально обуяла дикая злоба, та злоба, которую он всегда сдерживал в себе и которую выпускал только на тренировках или в драках — что теперь бывало крайне редко. Девочка, которая ему дорога и, черт побери, друг?! Что они делают тут вместе? Им надоело жить?

— Что вы тут делаете? — едва сдерживаясь от ярости, тихо-тихо, невольно копируя голос брата, спросил он. Девушка, которая ему безумно нравилась, и хороший друг, который уже знал об этом и отговаривал Никиту от идеи завоевать Олю, синхронно вздрогнули и обернулись на него. В глазах светловолосой мелькнула то ли досада, то ли глубоко затаившийся страх. Ник не видел этого, потому как его глаза слегка затуманились.

— Сидим, — спокойно отвечал Димка и спрыгнул с парты. Его черные глаза не выражали вообще ничего. — Я сижу, она стоит. Обсуждаем мировую литературу. Мне сегодня Олька помогла списать по доброте душевной на семинаре. Я чуть не завалил контрольную на аттестацию.

— Да? — спросил все тем же тоном Никита, приближаясь.

— Да.

— Почему вдвоем сидите в пустой аудитории? — спросил он.

— Просто так, Никит, — отвечала Оля осторожно, перебирая в руке мел, оставленный на парте кем-то. — В чем дело? Почему ты так смотришь? Что случилось?

— Да просто так, дорогая, — впервые в жизни назвал ее так Кларский. — Я застаю вас наедине в этом тупом кабинете, а вы делаете удивленные лица и задаете тупые вопросы?

— Это преступно? — подал голос Димка и сердито посмотрел сначала на девушку, потом на парня.

Никита, продолжая сдерживать себя, попросил Олю уйти. Она удивленно посмотрела на него, хотела что-то сказать, но не решилась, и ушла. Димка бесстрашно остался, хотя прекрасно осознавал, что если что, шанса выстоять против сильного приятеля у него не будет. Только около двери Князева остановилась и оглянулась на парней, стоящих теперь друг напротив друга. В аудитории, наполовину освещенной солнцем, вышло так, что Димка стоял в его лучах, а Никита — в тени.

— Может быть…

— Уйди, Оля, уйди. — Сказал молодой человек и добавил. — Пожалуйста.

mir-knigi.org

— Вот именно, иди, — сказал и Димка скучным голосом. — Твой друг слегка не в себе.

И она ушла.

— У вас что-то есть? — Злым голосом спросил Кларский, заложив руку за руку и окидывая друга взглядом тюремщика, выведшего на прогулку опасного преступника.

— Дурак, что ли? — удивленно поднял брови Чащин. — Что у меня с ней может быть? Ты же знаешь, мне другая нравиться.

— Знаю. Но это не повод, чтобы ты не приставал к Ольге. К моей Ольге.

— Ты реально дурак, — печально констатировал Дима. — Я ж тебе сказал, что у меня другая девчонка на примете. Давно. И, чтобы ты знал — я тайно встречаюсь с ней, Машкой, на фига мне твоя Оля?

— Какой Машкой? Той самой, по которой ты сохнешь? — Не желала отступать злость.

— Нет, уже с другой. Естественно, с ней самой, — отвернулся Чащин.

— Что ты лечишь, урод? Если мне память не изменяет, она общается с этим местным клоуном Смерчинским, — отозвался несколько растерянно Никита. В делах амурных он иногда плохо «сек фишку». Но про Дэна Смерча, который его раздражал, Нику было известно. Местная знаменитость вдруг выбрала в свои пассии Марию Бурундукову — девочку, в которую его непутевый друг Чащин был влюблен. Когда вдруг эта Бурундукова ни с того, ни с сего стала встречаться с клоуном, Димка словно с катушек слетел. Щедрый временами Никита от всей души предложил ему прогуляться в отличную сауну к лучшим девочкам, чтобы утешиться, но тот отказался. Кларский терпеть не мог все эти амурные дела, но свое мнение держал при себе. Кстати, мнение о господине Смерчинском он поменял только тогда, когда они пообщались лично — через некоторое время. Да и вообще, кто бы мог подумать, что он, Никки — так его привык называть брат и его «коллеги», решит помочь Дэнву и Димке в драке.

— Поэтому мы и встречаемся тайно, придурок, потому что она вынуждена общаться со Смерчинским. — Отозвался Димка с вызовом.

— Чащин, ты затупок? Что вообще происходит?

Димка устало покачал головой и вновь запрыгнул на парту.

— Ей нужно общаться с Дэном, чтобы его черти в ад забрали на опыты. Поэтому мы встречаемся… тайно.

— Или я не въезжаю в ситуацию, или ты. Почему она с ним встречается и с тобой одновременно?

— Так надо. Это ее секрет. — Упрямо отозвался второй парень. — Короче, она на самом деле не совсем с ним встречается, они больше… друзья. А вокруг них ходит куча слухов. А я все-таки решил ей признаться. Короче, мы ходили на свидание. Она теперь выбирает… между мною и ним. Не спрашивай, а?

Чащин сам не подозревал, что его слова окажутся правдивыми: Маша и Денис на тот момент просто были союзниками в глупой игре под названием «Давай развалим пару». Ник, естественно, этого тоже не подозревал.

— Ты меня убиваешь. Давай надерем задницу этому фраерку и дело с концом? Нет? Ладно. Плевать на это все. Я просто хочу знать, что ты делал с моей женщиной.

— С кем? — прищурился Дима. — Какой женщиной? С Князевой?

— С моей подругой, девочкой, женщиной. Объясняй. Или ты знаешь, что я сделаю с тобой. — Вновь начал злиться Никита.

— Ладно. — Поднял ладони вверх Чащин. — Ладно, черт возьми, на самом деле, твоя Оля сегодня меня просто жалела. Тупо, когда твоя девчонка с другим. Это так тупо, Ник.

Тот почти сразу успокоился и только похлопал Димку по плечу.

Глаза влюбленного человек всегда закрыты на все, что происходит с объектом его симпатий. Кларский, на самом деле человек умный и даже хитрый, попросту «протупил» ситуацию.

Вспоминая все это, Ник приехал к нужному месту, расплатился с таксистом, сунув ему пару крупных купюр, на которые можно было купить бензин, наверное, до самой Москвы, и через минуту оказался за мощным забором (охрана, естественно, мгновенно узнала его и впустила в святая святых брата). Парень огляделся, подобрался и заприметил курящих около входа в дом вечно нервного Макса, приближенного охранника брата, и одного из его друзей-подельников. Он приблизился к ним и спросил громко:

— Где она?

— Кто? А, это ты, малой, — кивнул ему друг брата, — кто она? Март девок не вызывал. Так что успокойся, ха-ха-ха. Или вызывай сам. Как делишки?

Его вопрос Кларский-младший проигнорировал. И вновь задал свой.

— Она? А-а-а, девчонка в спортивном костюме, — скривился Макс, туша сигарету об забор. — Ее час-полтора назад привезли из города. Она с Мартом около бассейна. Малой, правда, эта кукла твоя невеста? Эй, малой, че за манеры? У братца, что ли, набрался?

Не отвечая, Ник тут же побежал по дорожке, ведущей в ту сторону. Двор, да и дом тоже, он знал, как свои пять пальцев. И очень боялся, как бы Андрей чего не сделал Оле. Но, как оказалось, боялся зря.

Подбежав к самой беседке, расположенной около бассейна, и увидев смеющегося над какой-то шуткой старшего брата в компании с девушкой в спортивном костюме, Ник остановился и замер. Удивленно повел головой. Разжал ладонь.

Это была не Ольга.

Рядом с Андреем, попивая виноградный сок и жуя мороженое, сидела выскочка-подружка Смерча, с таким же именем, как и у Кларского-младшего. Ника. Наглая девица с малиновыми губами и замашками клинической идиотки, посмевшая показать ему прямо из окна подъезда средний палец и вообще доводившая его все прошлое воскресенье. Шумная, надоедливая и самовлюбленная дешевка.

— А вот и мой братишка, Никки, мы заждались тебя. Объедаемся мороженым, — сообщил ему старший брат и приветливо помахал парню рукой, не поворачиваясь, впрочем, к родственнику. От этого излишне доброжелательного жеста Никки чуть не рухнул на землю. Брат явно сходил

mir-knigi.org

с ума. Обычно он был не таким добреньким.

— Твоя невеста Ника мне по душе, — сообщил младшему брату Март, все также не оборачиваясь. — Само очарование.

«Господи, спасибо, что это не Ольга», — малодушно подумал про себя Никита, редко обращающийся ко Всевышнему, и вдруг улыбнулся во все зубы. Он тут же сообразил, что девка по фамилии Карлова (спасибо дежурному менту в обезьяннике, что запомнил ее фамилию!) сможет оградить Ольгу от опасного влияние его неуемного брата. Пусть брат считает, что Ника — его девушка.

Ника и Андрей, которого она постепенно переставала бояться, в волю пообсуждали особенности ее характера, отношения с ее родителями и с другими родственниками, жизненную позицию и отношение к чувствам и браку, перешли на фильмы, изобразительное искусство и литературу — оказывается, Андрей очень много читал.

Естественно, она еще нервничала — в таком месте и в таком окружении не нервничал бы только Железный человек. Ника ждала прихода ее таинственного «жениха», чтобы тот прояснил ситуацию и старалась расслабиться. Спорить с Андреем насчет того, что она не та, за которую ее принимают, она не рискнула.

Девушка с опасением заметила, что человек по кличке Март вполне искренне ею интересуется, и хотя этот интерес вряд ли можно было назвать совсем здоровым (ну какая ему разница, сколько она детей хочет в будущем и какая у нее группа крови и резус-фактор??), девушке даже было интересно разговаривать с Андреем. Она немного освоилась, называла его на «ты» — по его просьбе, и рассказывала о том, как в прошлом году ездила в Альпы на Новогодние каникулы, а он, в свою очередь делился своими впечатлениями от Китая, где жили, как он изящно выразился, «его деловые партнеры по сбыту важных штуковин и штучек».

Они дошли до обсуждения будущей работы девушки, как она, услышав, как кто-то пришел, повернулась. Увидела, наконец, своего так называемого «жениха» и едва не упала оземь в конвульсиях, посланных добреньким старичком Кондратием, маячавшим в кустах. Мерзкий тип Кларский стоял перед ней и сдавленно улыбался, глядя прямо в глаза. Бешенство переполняло душу эмоциональной Ники. Это все он подстроил, сукин сын! Это он решил над ней поиздеваться! Чтобы отомстить за телефонные звонки! Решил устроить прикол!!

Пока эти мысли проносились в ее голове бешенными стаями, Андрей что-то сказал брату. И тот даже что-то ответил. А потом Нику прорвало.

— Упырь! — вскочила она тут же с места. — Козел! Ну, дядя Укроп, я тебя сейчас на голову короче сделаю!

— Привет, любимая, — сказал ей Никита голосом человека, которого окунули в ледяную воду. Он подошел к девушке и крепко обнял ее, незаметно сильно — до боли — сжал ее запястья, так, что она перестала верещать.

— Молчать.

— Ты чего удумал, Укроп? — прошипела светловолосая, совсем переставая уже понимать, что происходит. — Скажи своему брату, что мы друг друга не знаем! Немедленно скажи. И отпусти меня! Какая я тебе любимая, фак тебя в нос!

Март с удивлением человека, впервые попавшего в зоопарк, посмотрел на брата и Нику. Но промолчал и отпил сок.

— Солнышко, я тоже скучал, не дерись! — Отозвался кротко парень, мужественно терпя развязное, по его мнению, поведение. Он так прижал ее к себе, что она больно уткнулась носом в его твердое плечо, пахнувшее одеколоном — тем самым, чей аромат заполнил салон «Мицубиси».

У девушки сердце все же упало в обморок, перестав крепиться. Она — солнышко. Солнышко! И это ей говорит этот мерзкий тип с задатками шимпанзе.

— Заткнись, я сказал тебе — заткнись и делай все так, как говорю я, — прошептал ей на ухо едва слышно Ник, крепче сжимая объятия. Ему тут же захотелось провести рукой по прямым волосам и сжать их в кулаке. Это разозлило Никиту еще больше.

А его брату надоело молчать и смотреть. Он заговорил, и тон Марта тут же изменился.

— Ты где так долго был, олень? — обратился к Никите, задумчиво покачивая бокалом с соком, молодой мужчина. — Я обязан тебя ждать целыми сутками? Ладно, на этот раз тебя прощаю. Помирись со своей Никой и идемте в дом. Нас ждет ужин. Детка, Ника, не кричи на него так, — и он подмигнул будущей, как искренне считал, невестке. — Он не такой тупак, каким кажется. Мой братишка почти не тупит. Оу, смотри-ка, на малом тоже оранжевый цвет есть. — И он кинул взгляд на левый кулак братишки, на котором до сих пор был намотан боксерский ярко-оранжевый цвет. — Ну вы даете, детки. Расческа, бинт… Романтика, да, Никки?

— Да. — С трудом выговорил Никита, узрев на столике оранжевую расческу. И тут же принялся стягивать боксерский бинт с руки — оказалось, они были совершенно одинакового тона. — Пошли, дорогая, в дом.

— Отстань от меня! Я не его девушка! — Завопила Ника назло парню, плюнув на все его предупреждения, потому что не понимала, зачем он врет своему опасному брату. Все еще не может перестать прикалываться? А если этот явно бандитский Март рассердиться из-за такой шуточки. Нике не хотелось оставаться в этом местечке где-нибудь под кустом. Ей очень хотелось, чтобы выяснилась правда, и ее отпустили бы домой. Там родители скоро приедут…

— Не его? Совсем-совсем? — сочувственно спросил Андрей.

— Совсем-совсем. Я его один раз в жизни видела! Я вообще его ненавижу!

— Маленькая моя, замолчи, — положил руку на талию девушке Никита. — Прости меня, и давай помиримся.

— Сейчас… — И в это время светловолосая скандалистка почувствовала, как в ее бок уперлось что-то острое и холодное. Она, ни будь дурой, тут же замолчала.

— Еще раз скажешь что-нибудь не то, ты — покойница, — предупредил ее Ник, почти не раскрывая губ и продолжая улыбаться, глядя на вставшего брата, намеренного направиться в дом.

Девушка сразу поняла, что у руках у дяди Укропа нож. Ноги у нее подкосились, сердце вновь заволновалось, как живая рыба в супермаркете, к которой подошел продавец.

— Да, конечно, идем в дом, — согласилась она тихим голоском приличной пай-девочки.

«Господи, за что мне все это? Что я сделала в жизни не так?», — воззвала Ника к Богу мысленно.

— Ты ведь меня простила? — с притворной нежностью поинтересовался у нее Кларский-младший. — Да?

— Да. — Поспешно согласилась вытянувшаяся в струну девушка. Они пошли по мощеной дороже вслед за Мартом, и Никита не убирал своей руки с пояса Карловой. Со стороны казалось, что он мило обнимает свою подружку.

— А что у вас были за траблы? — тут же поинтересовался Андрей. — Девочка моя, он тебя обидел, наш олух?

— Да… — Ник стиснул талию Ники, и она осеклась, — нет. Да нет, не обидел. Просто мы поссорились. Знаешь… вернее, знаешь, как это бывает у влюбленных.

— Нет, — отвечал Андрей, — единственная девочка, которую я любил, не дождалась меня.

— Из армии? — спросила тут же девушка, которая не смотря на свою внешнюю ветреность, была очень верной и тяжело переживала предательство бывшего парня.

— Из армии? Пожалуй. Только это была другая армия. — Было ей насмешливым ответом. — За мной, детки. Сегодня мы заказывали ужин в крутом ресторане.

Вот так Ника и оказалась в доме в доме старшего брата дяди Укропа, в качестве едва ли не невесты последнего. Поскольку ей все еще было страшно (после того, как Никита достал нож, страх вернулся на прежнее место, но теперь девушка не знала, кого больше опасаться из сумасшедших братиков с явными криминальными наклонностями психическими отклонениями), она не замечала богатого убранства особняка, в котором роскошь причудливым образом переплеталась с воистину мужским умением наводить беспорядок. Перед светло-голубыми глазами девушки стояла исключительно то крепкая спина зловещего Укропа, то татуированные плечи его очаровательного братишки. Она не уже не сомневалась, что украшения на коже — не просто художественное тату, а тюремные наколки. Подобные на пару раз видела у соседа дяди Гриши, когда в детстве жила с предками в старой пятиэтажке.

Ника уже просто передвигала ноги, боясь глубоко дышать из-за руки Никиты, и только когда оказалась в столовой, за длинным дубовым столом, кое-где прожженным сигаретами и почему-то поцарапанным чем-то очень острым, была избавлена от объятий ненавистного ей типа — потому что они расположились за разными стулья справа от Андрея, усевшегося во главе стола. Хозяин особняка самолично решил обслужить гостей, не забывая на ходу подкалывать Никиту и рассказывать забавные истории Нике.

— Будешь вино? — спросил он у девушки, доставая бутылку красного сухого. — Или и его ты не пьешь?

Никита едва слышно хмыкнул.

— Не знаю…

— Двести грамм хорошего красного вина за ужином самым чудесным образом влияют на организм, — улыбнулся ей молодой мужчина.

— Налей ей, — разрешил Ник неожиданно сам для себя, подумав, что алкоголь сможет снять

напряженность у этой дурочки.

— Я не у тебя спрашиваю, олень. — Отвечал ему родственник. — А у твоей невесты.

В результате Ника залпом проглотила вино. Никита покачал головой, а Андрей засмеялся.

— Молодец, девочка, налить еще?

У Андрея зазвонил телефон, и, едва глянув на номер, быстрым шагом удалился из столовой. Напоследок бросил:

— Так, голубки, вынужден оставить вас наедине, скоро буду.

Едва он ушел, как Никита встал со своего места, многозначительно глядя на девушку, подошел к ней и, облокотившись о высокую спинку ее стула, наклонился к ней. Он радовался, что на ее месте находиться не его Ольга, но ему было очень любопытно — что Карлова тут делает?

— Ты как здесь оказалась? — грозно поинтересовался парень, нависая над Никой.

— Меня поймали около моего дома и посадили в тачку два мужика. — Ответила она нервно и резко повернулась лицо к парню, едва не ударив его лбом. — Слушай, я не понимаю, в чем у вас тут прикол, Ты так решил отомстить мне за звонки вчерашние, да? Признайся.

— Так это ты мне звонила? — сощурился Ник.

— Ну как бы да. — Тихо призналась она.

— За как бы твои звонки я в следующий раз как бы тебе руку как бы сломаю. — Не по-джентельменски пообещал парень.

«Как бы тебя самого не сломали, в трех местах, урод», — зло подумала решившая храбриться Ника.

— Слушай я правда, испугалась, — тихо призналась она. — Хватит меня разыгрывать вместе со своим братом. Или брат твой ни о чем не догадывается? А он опасный, твой Андрей, он может и рассердиться. Или ты и его разыгрываешь? Слушай, Ук… Никита, отпусти уже меня. Я и клянусь, что больше ты меня никогда не увидишь. И не услышишь.

— Я был бы счастлив, если бы больше не видел тебя, — задумчиво отозвался молодой человек. — Но теперь мы будем встречаться очень часто.

— Ты мне угрожаешь? — встрепенулась Ника, проклиная себя за то, что решила звонить ему и его идиотской Ольге. Что она наделала??

— Нет, я тебя предупреждаю.

— Я серьезно… Если ты меня сейчас отпустишь, я…

— Если — отличное слово. Ты знаешь, что оно значит? Нет? Естественно, не знаешь. Я ведь догадывался, что ты глупая. Но ничего, я просвещу тебя, любительница неприличных жестов. Оно значит неуверенность, неосуществимое или потенциальное условие. Если ты меня отпустишь… Если… Если… А я не хочу отпускать тебя.

Ника дернулась, сжав под столом ладони. Она проклинала парня.

А он, мягким тоном, как брат, произнося эти слова, вновь почувствовал что ему нравиться ощущать страх и неуверенность этой бойкой девицы. Никита как будто бы смог укротить ее, как Петруччо Катарину в «Укрощении Строптивой» и теперь наслаждался состоянием девушки. К тому же, глядя на ее яркие, но не накрашенные губы, ему вновь захотелось коснуться их. Но он сдерживался.

— Я не понимаю, почему я здесь. — Сжала губы Ника, словно поняв мысли парня. — Я не понимаю. Отпусти меня. Отпусти! Это же был просто прикол! А ты разыграл похищение!

— Тише, — прикрыл ей рот ладонью Кларский. — Так и надо, чтобы ты ничего не понимала. Я тоже понимаю далеко не все, куколка. И похищение я тебе не организовывал. Много чести тебе. Девочка, нужны деньги? — неожиданно спросил он, без перехода, и, не меняя интонации, одновременно касаясь щекой ее щеки. В Нику немедленно врезалась молния, и застряла в районе ее грудной клетки, заставив закашляться.

— А? Что?

— Тебе нужны деньги? У меня они есть. Если ты будешь делать то, что я тебе говорю, ты получишь хорошую сумму. — Голос Ника сначала был приветливым, но затем вновь в нем появились нотки угрозы. — Ты будешь притворяться моей девушкой перед братом и перед всеми, и за это я буду тебе платить. Неплохо платить.

Глаза Ники наперегонки полезли на лоб. Она точно уверилась, что Кларский прилетел к ним с Марса и теперь издевается над землянами.

— Такая сумма тебя устроит? — Ник вытащил телефон и набрал на нем несколько чисел. Нику такая сумма очень устраивала. Но еще больше ее устроил бы факт того, что ее с миром отпускают.

— Ну как? Если откажешься, тебе будет плохо. Согласишься — плохо тебе будет совсем немного, а потом ты получишь деньги и никогда меня больше не увидишь.

В столовой повисло молчание. Никита с явным трудом подавил желание поцеловать ненавистную стервочку в висок, на котором пульсировала маленькая светло-синяя жилка. Он только прикрыл глаза, вдохнув едва уловимый аромат горького шоколада, исходивший от волос девушки.

— Мне нужно, чтобы все вокруг, и мой брат в особенности считали тебя моей девушкой. Я не знаю, почему ты находишься здесь, — говорил парень — но раз ты здесь, то делай то, что я велю тебе. А еще… если моему братцу что-то не понравиться, то тебе будет плохо. Очень плохо. Андрей — психопат. Ты ведь это уже поняла?

Он кивнула. Что-то было в Марте такое, что отличало его от многих людей и, кажется, сближало с животными. Но, с другой стороны, он мог быть вполне милым и приятным. Впрочем, и его младший братик мог быть милым.

— Ты согласна? Согласна, Ника? — громко и уверенно спросил Никита, сглатывая.

— Отлично. Я согласна. Согласна, черт побери! — Почти прокричала девушка, потому что понимала, что слишком заигралась, и другого выхода у нее не было.

Наверное, девушка бы и без денег делала все, что скажет несносный Кларский, потому что теперь точно узнала, что страх — это вечный двигатель любого разумного существа. Особенно

страх за свое существование.

— Хорошо. — С облегчением вздохнул парень. — Ты сделала правильный выбор. Умница.

— Правильный выбор? Согласна? На что? Эй, братишка-торопыжка, ты Нике решил сделать предложение? — Раздался развеселый голос Андрея от порога. Ник резко встал, а его девушка дернулась.

— Что молчим, ребятки? Дядя Андрей все узнает, как бы вы от него этого не скрывали. Олень, ты сделал предложение своей подруге в моем доме?

— Типа да. — Не нашелся, что сказать суровому старшему брату Кларский.

— Типа ты дебил? — Передразнил его Март. — Я от тебя в восторге, упыренок. Эй, Ника, девочка, а ты что молчишь? Ты так рада?

Андрей уселся за свое место во главе стола и оглядел обоих «влюбленных» задумчивым взглядом. После чего налил себе бокал вина, поднял его вверх и сказал:

— Горько.

— Что? — Не понял Ник.

— Горько. Горько, Давайте уже, исполняйте старую традицию. — И хозяин особняка, не сводя холодных глаза с этих двоих, медленно и лениво захлопал в ладоши.

Никите ничего не оставалось делать, как за руку поднять опешившую девушку из-за стула, обнять руками за плечи, наклониться к ней, застывшей с широко открытыми глазами и, наконец, поцеловать. Перед этим он шепнул ей:

— Пусть он поверит… Или я тебя убью. Ты ведь знаешь.

Жаль, Ника не знала, что никакого ножа у ее Укропа не было, и за холодное оружие она приняла лишь его ключи. Она не догадывалась об этом и разрешила себя целовать на глазах у расхохотавшегося Андрея. Она думала, что ей будет жутко неприятно — до тошноты, и даже на всякий случай представила на месте Ника недавнего знакомого Дэна, но оказалось, что все не так плохо. Никита делал это умело, хоть и несколько жестковато надавливая на ее губы своими, но именно это вдруг и понравилось девушке. Кажется, от этого давление у нее резко зашкалило (она вновь списала это на весну), а сердце улеглось в большой розовый гроб, обитый кружевным желанием.

Образ Смерча улетел куда-то в сторону и она, сама не осознавая, положила правую ладонь Никите на грудь, а левую — на плечо. Она стала отвечать на его поцелуй даже с долей страсти. Целовать ненавистного и опасного человека ей вдруг понравилось. А ведь фигура у него очень ничего…

Кстати говоря, и парень сначала представил на месте дерзкой дебилки свою нежную Ольгу. Но и ее образ из его головы исчез довольно быстро — слишком разительным оказался поцелуй с Никой. На смену игривому смущению первой пришло покорное бессилие второй, сменившееся неожиданным желанием получить удовольствие от ситуации. Наверное, парень подсознательно понимал — девушка с похожим именем вдруг почувствовала волнение от его прикосновений, и сам вдруг стал получать удовольствие. Его рука скользнула вниз по ее спине и вовремя остановилась на талии. А Ника в неожиданном порыве, преодолев щекочущий нервы

страх, игриво несколько раз поцеловала его подбородок и щеку, и вновь вернулась к губам. Парень вздрогнул и еще крепче прижал девушку к себе.

— Комары, — оборвал их Март, — отпустите друг друга, и будем есть. Я голоден, как волк. Кровь друг у друга сможете попить позже.

Комары послушались, моментально отстранились друг от друга и молча уселись на свои места, делая вид, как будто бы ничего не происходит.

— Хорошо смотритесь. Никки, дурень, ты реально решил на ней жениться? — С удивлением спросил Март у брата. — Что это вообще было?

— Просто так. — Склонил голову к тарелке Никита. Брат его раздражал.

— Мы потом как-нибудь женимся, — встряла Ника, у которой до сих пор от поцелуя часто билось сердце. — Милый просто готовился. Репетировал.

Уже после недолгого, но на удивление вкусного ужина, разговорчивый и не в меру смешливый Андрей, подперев щеку рукой, сказал Никите, не назвав его оленем впервые за последний час:

— Съездишь в «Алигьери». Встретишься с Гарри Поттером. У него большие проблемы.

Наверное, Маше Бурундуковой было бы приятно, что не только она одна нашла сходство Петра с известным книжным и киногероем. А вот если бы узнала, кто именно мыслит так же, как и она, то вообще бы очень сильно удивилась.

В «Алигьери» и еще в пару мест Никита поехал вместе с Никой. Ему нужно было, чтобы все его знакомые и знакомые брата думал, что он встречается с глупой нахалкой. А общие знакомые его и Ольги об этом даже не догадаются — потому что это люди совершенно другого круга. И все это парень делал ради самой Оли Князевой. По крайней мере, он так искренне считал.

В гости Дэн, слава Богу, не пришел — я ведь проснулась и ответила ему по телефону. Мы слегка поприпирались, как и обычно — это веселило нас обоих, он назвал меня красавицей, я разошлась и написала ему, что он мне нравиться, потому что бывает милым. Дэн загордился и сказал, что милым он не бывает — милым он остается всегда, и его второе тайное имя — Pretty Boy. «Петя вой?», — написала я ему глумливо, после чего он тут же мне позвонил, пожурил, как малявку, за издевательства над его персоной, после чего заявил, что у него сегодня прекрасное настроение и он готов поделиться им со мной. Вот так мы и договорились о долгожданном свидании. Дэн пообещал, что оно мне понравиться, и я «go into ecstasies». Я тут же сообщила ему, что мне не нужно устраивать ничего экстраординарного — с меня хватит и катания на байке, к примеру (про цветочки я тактично умолчала, надеюсь, он догадается их принести, как это делал Ник Ольге). На это Смерчинский тут же сказал, что у нас свидание будет очень милым и спокойным, и поэтому мне волноваться не следует.

— Хорошо. — Сказала я на это, подумав, что голос у него подозрительный.

— В шесть часов я буду рядом с твоим подъездом, — напомнил он мне и не отказал себе в удовольствии еще раз назвать меня Бурундуком, после чего положил трубку с чувством выполненного долга, видимо.

А я все же немного волновалась — еще бы, как никак свидание с клеевым парнем, и хотя, получатся, что на них мы были кучу раз, все равно хочется, чтобы все прошло успешно. Предо

мной не возникали ультиматумом вопросы о том, как одеться, чтобы выглядеть классно, как себя вести, какую прическу сделать и какой лак нанести на ногти. Дэн видел меня всякой, и его я воспринимала как человека, которому можно доверять, а значит, рядом с ним, можно не особо париться по поводу того, достаточно ли красиво я выгляжу. Но, естественно, мне хотелось, чтобы Смерч воспринимал меня как симпатичную девочку, а не как оборванца Аньку из парка.

Мои мысли прервала Лида — она позвонила и вновь напомнила, что хотела бы мне кое-что сказать, причем, желательно, лично и перед тем, как я отправлюсь вечером на свидание.

— Что-то случилось? — встревожилась я.

— Я хочу поговорить. — Терпеливо сказала она. — Вживую.

— Ладно, поговорим, раз тебя телефон не устраивает. Кстати, ты почему вчера не сказала сразу про своего кретина Женьку? И вообще, как ты себя чувствуешь?

— Все прекрасно, Маш, спасибо. Но не говори мне про это сейчас, хорошо?

— Хорошо, — мгновенно согласилась я. Если Лида просит, значит, нужно так делать. — Во сколько и где встречаемся, мамочка?

Мы договорились встретиться дома у Марины, которая осталась на целый день одна — ее родители и бабушка уехали на День рождения к родственникам, решившим отпраздновать его на природе с костром и с шашлыками. Маринка, чуть позже написавшая мне смс, пообещала сделать из меня «улетную девочку» для свидания. Я, помня о муках с платьем и каблуками, перезвонила и тут же сказала, чтобы подруга не перестаралась, потому что шпильки я больше не надену ни под каким предлогом — только если на собственную свадьбу.

— Отлично, — воскликнула девушка по телефону. — Доченька, ловлю тебя на слове! На свадьбу я заставлю надеть тебя обувку на огромной шпилище!

— Боюсь, к тому времени, как я соберусь замуж, — отвечала ей я, — я буду страдать ревматизмом, радикулитом и артритом. И не смогу натянуть такие туфельки.

— Вот же ты дурочка! Да ты замуж раньше меня выйдешь и Лидки! Первой в группе, — пообещала мне подруга. У нас пока действительно не было девушек, сковавших себя узами брака, что очень удивляло маму. По ее словам, когда она училась на третьем курсе, у них уже половина девчонок и парней были женатыми людьми.

— Спасибо, утешила. Ладно, жди меня через два часа. — Сказала я Маринке и, добавив, что нам надо будет как-нибудь поразвлекать Лидку, положила трубку. Минут сорок я проторчала в Интернете, а потом начала собираться.

Мама заметила мои маневры и тут же спросила:

— Ты-то куда? А экзамены?

— Я к Маринке. Будем вместе готовиться, — сказала я ей почти правду. — У нее сегодня дома никого нет, а у нас будет шумно, как всегда. Ты же говорила, к нам сегодня твои подруги придут, и, наверное, Настя приедет с Федькой.

— Ну, вообще-то да, — согласилась со мной мама. — Но я могу сказать своим девочкам, чтобы

они не приходили, и тебе никто не будет мешать. Настя и Федор будут вести себя тихо.

— Мама, ну что ты как маленькая! Я же говорю, у Маринки поучу. Вместе учить лучше. — Тут же запротестовала я.

— Знаю я, как ты там учить будешь.

— Что ты меня за маленького ребенка держишь?!

— Хорошо, иди. Я буду тебе звонить, Мария. И попробуй только выкинуть какую-нибудь штуку со своим телефоном. — В ее голосе появилась деланная суровость.

— Ага. Только не очень часто — звонки отвлекают. Ладно, мам, я пошла.

— У тебя деньги есть?

— Чуть-чуть. А ты хочешь мне дать на карманные расходы? — Обрадовалась я. Мама расщедрилась и дала. Видимо, у нее перед приходом старых школьных подруг было очень хорошее настроение.

По дороге на остановку я забежала в небольшой ювелирный магазин, притаившийся между супермаркетом и фитнес-центром, и с интересом уставилась на витрину с серебряными украшениями. Магазинчик хоть и был маленьким, но ассортимент здесь был особенным, отличающимся от прочего в городе — он был рассчитан на молодое поколение и предлагал очень оригинальные, порой даже странноватые вещи из серебра и белого золота. Неформальный народ частенько отоваривался здесь, потому что имел возможность приобрести очень классные и действительно качественные вещи. Самые разные пирсинги, чокеры, браслеты, цепочки, кольца, серьги, которые не продавались больше нигде в городе, — в магазинчике было все, что могло подходить под формат молодежи.

И я тоже хотела кое-что купить. Но не себе, а Дэну. У него ведь я забрала кольцо — то самое, тонкое и красивое, которое теперь с удовольствием таскала на большом пальце, а он по смс сказал мне, что я могу его не возвращать и оставить его у себя. Поэтому мне хотелось купить что-нибудь в подарок Смерчу, что-нибудь взамен. Не знаю уж, почему, но очень хотелось сделать ему приятное — чтобы он улыбнулся.

В кармане лежали не только деньги, выделенные на карманные расходы мамой, а также Федькой, который хоть и был братом-балдой, но каждый месяц подкидывал мне некоторую приятную сумму, но и часть денег, заработанных мною прошлым летом. Получилась вполне хорошая сумма.

Сначала я долго смотрела на подвески — а здесь их было много, а потом все же переключилась на кольца.

«Око за око, кольцо за кольцо, счастье за счастье», — выдал умудренный годами светленький головастик, покачивая непонятно откуда взявшейся белоснежной бородой.

Мужских колец из серебра было много, очень много, и все они были разными: элегантными и готическими, в виде грубых оскаленных черепов и замысловатых фэнтезийных корон, с витыми узорами и кельтскими орнаментами, в форме ангельских крыльев и с рисунком глаз, перстни-флешки и перстни-часы.

Из всего этого шикарного разнообразия меня тут же покорили готические кольца-когти,

кольцо в виде шлема древнегреческого война и в форме головы наглого Чеширского котэ, а потом в верхнем правом углу витрины на глаза мне вдруг попалось оно. Серебряное, широкое черненое кольцо с изображенной на нем стального цвета юркой ящерицей, у которой вместо глаз были угольно-черные блестящие камешки. Ящерица сразу напомнила татушку Дэна и покорила мое сердце. По цене оно тоже вполне подходило.

— Мне нужно вот это кольцо, с ящеркой. — Сказала я тут же продавцу-парню с забранными в хвост волосами. Он, только что выпроводивший каких-то двух готов, мигом оказался около меня и взглянул на витрину.

— Оно мужское, — предупредил он меня весело.

— Я знаю. — Кивнула я. — Покажите его.

— Вот, держите. — Он вытащил кольцо и протянул его мне. Я повертела украшение, которое с каждой секундой казалось мне все более и более привлекательным, и сказала, что хочу купить его.

— Для молодого человека? — уточнил продавец.

— Ага.

— Классная вещь. Хороший выбор. И гравировка прикольная. Кстати, кольцо не из стали и не из титана, а именно серебряное, только серебро специально почернили. С помощью технологии «финифть». А глаза у ящерки сделаны из агата. — Просветили меня. — Вам какой размер нужен?

— Не знаю, — слегка растерялась я, спешно припоминая руку Дэна. — Не помню.

— Вы примерно прикиньте, какой размер. — Посоветовал молодой человек. — Оно не регулируется, размер фиксированный. Или позвоните, спросите, какой.

— Это сюрприз, не могу. А, блин, что делать-то?

— Вообще средний размер мужских колец где-то 20-ый. От 19-го до 22-го. Но сейчас что-нибудь придумаем, — подмигнул продавец. Походу у него часто бывали клиенты, не знающие о размерах колец. Он положил на прилавок свою ладонь. — Смотрите, у меня размер 18, но у меня пальцы тонковаты.

Я склонилась над его худой рукой с узкой ладонью.

— Ага, у него больше и длиннее пальцы.

— Отлично. — Он вышел из-за прилавка и потащил меня к охраннику — брутальному рокеру в косухе, с безразличным видом стоявшему около входа.

— Вадим, дай лапу, — сказал продавец, — девушка не может размер кольца определить.

Бугай Вадим лениво протянул богатырскую руку вперед, растопырив совсем не маленькие пальцы, украшенные грозными рокерскими печатками.

— У Вадима 24 размер, — тут же принялись просвещать слегка обалдевшую от такой заботы меня.

mir-knigi.org

— Тоже не то.

— Ага, — непонятно чему обрадовался длинноволосый продавец. — Эй, парни, — и он, ничуть не тушуясь, позвал трех скейтеров, галдящих около прилавка с женскими украшениями. Их разноцветные скейты возлежали около грозного Вадим. — Парни! Помогите девушке выбрать кольцо своему другу!

Скейтеры оказались ребятами прикольными и понимающими. Они по очереди протягивали мне ладони, чтобы я могла прикинуть, похожи ли их пальцы на пальцы Смерчинского. Уж не знаю, что в этом было смешного, но все мы ржали на весь магазин. Новые покупатели — небольшая компания парней и девчонок, заинтересовавшись нашими манипуляциями, тоже приняла участие в акции «Помоги Маше — подбери кольцо Денису».

И хотя я уже слегка опаздывала к подружкам, я все равно хотела выбрать то, что могло подойти Смерчику. И, в общем, остановилась на размере 20,5.

— Девушка, — сказал один из скейтеров, — не бойтесь, если с размером прокололись, ему хоть на мизинец налезать должно будет!

— Спасибо, — сказала я, засмеявшись. Я буду носить его кольцо на большом пальце, он мое — на мизинце. Черт! У меня же было с собой его кольцо!! А я тут весь магазин заставила на себя работать! Вот же я тупица тупиц! Зато время хорошо провела и заодно помогла одному из скейтеров подобрать кольцо для его девушки, размеры пальцев которой он тоже не знал.

Выйдя из магазина с черной бархатной круглой коробочкой в сумке, перекинутой через плечо, я побежала на остановку и через двадцать минут была в доме у Маринки. Она жила в высоком панельном доме, на девятом этаже и из ее окон открывался чудный вид на старый парк с круглым прудом, в котором плавали утки.

— Приперлась, — покачала головой Марина, открыв мне дверь и беря из моих рук большое ведерко с пломбиром. — Как всегда, с опозданием. Но раз притащила мороженко, мамочка тебя прощает.

— Спасибо, ты такая добрая.

Мы втроем расположились на полукруглом диване в большой комнате трехкомнатной квартиры, попивая холодный кофе с молоком и наслаждаясь малиновым пломбиром. Дверь на балкон по случаю жары была открыта и звуковым сопровождением для нас были крики детишек, гуляющих в парке. Сначала мы с Маринкой насели на Лиду, чтобы она еще раз все нам рассказала по своего подлого Женю, от чего та долго отмахивалась, пожурили ее вновь за то, что она сразу не поделилась своими проблемами с нами, дружно с Мариной придумали кретину, посмевшему бросить нашу подругу, лучшие казни, а потом незаметно перешли на тему Черри и самой Марины. Оказалось, он настолько сильно запал в ее сердце, что она теперь жаждала снова встретиться с ним, и собиралась теперь позвонить ему, чтобы пригласить погулять. Она даже решила сделать это при нас, но, к сожалению, зеленоволосый не взял трубку.

— Ладно, поразвлеклись, и теперь я серьезно хочу поговорить, — сказала вдруг Лида, посмотрев на меня своими темными глазами и нервно постукивая длинными фиолетовыми ногтями по журнальному столику.

— О чем? Я так и не поняла, что ты хочешь.

— Я хочу сказать, что слышала кое-что, что слышала. Я не писала об этом в аське и не говорила по телефону, потому что считаю, что такое нужно говорить в лицо, Маша. — Задумчиво произнесла она. — Я тут вчера слышала один странный разговор в парке. Разговор твоего Дэна и Князевой.

И она поведала нам все, что случайно узнала. У нее была неплохая память, поэтому многие детали она запомнила довольно точно. Мы с Маринкой от ее рассказа слегка обалдели. Что там за странные дела у Смерчинского и Троллихи? Что за Инна, которая знала его друзей, саму Князеву и любила Дэна? В кого там втюрилась Ольга, если не в Никиту? С кем она хочет встречаться и при чем тут Денис? Чем он ей поможет? Что за хрень вообще твориться?? И при чем тут я? При чем здесь Мария Бурундукова?

— Он сказал, что будет всегда ее защищать, и будет на ее стороне. — Продолжала Лида, опасливо косясь на меня. Я откинулась спиной на мягкие подушки и молча слушала все это. С одной стороны, ничего преступного Смерч не совершил, но с другой… Мы же договор подписали, в котором сказали, что не будем ничего друг от друга скрывать! Да и по фиг на договор, обидно, когда ты чего-то не знаешь, что знает куча народа вокруг. Может, я бываю рассеянной и не слишком сообразительной, но я ненавижу чувствовать себя полным, нет, конкретным олухом. Я хочу знать все и быть в курсе вещей, которые касаются меня!

Орел был не то, чтобы в шоке, но здорово разозлился. Он нашел на столике у Маринки фарфоровую утонченную фигурку Аполлона со смазливым личиком, чем-то напоминающего Дэна и методично выклевывал ему правый глаз и ухо. Активисты среди головастиков собирали сородичей на демонстрацию, а иные подталкивали даже на бунт. А я чувствовала, что сегодня Дениска узнает, что такое Маша в гневе.

— Я знала, что Дэн и Тролль с детства знакомы. Вполне возможно, что у них были какие-то общие делишки. — Медленно проговорила я, чуть успокоившись. А ведь Дэн, козлина такая что-то продолжает скрывать от меня — он так и не рассказал, зачем устроил весь этот цирк с тем, чтобы разбить пару «Князева-Кларский». Типа, это не его тайна, и он все расскажет позже.

— Девчонки, а ведь права гадалка, права. Она же сказала, что вокруг Машки куча вранья и загадок, — припомнила встревожено Марина.

— Вот только ее не приплетай, — поморщилась Лида. — Глупости все это. А если не глупости, то я скоро стану тетей. Маш, не думай, что я что-то выдумываю. Я сказала все, что слышала.

— Брось ты. Я доверяю тебе — отмахнулась я. — Знаете, мне надоело быть дурой. Сегодня же заставлю Смерчинского обо всем мне рассказать. У нас ведь типа свидание сегодня. Пусть все рассказывает, интриган чертов.

— Отлично, — решительно закивала головой хозяйка квартиры. — Да, пусть все рассказывает. Ты ведь его девушка, как-никак. Предъявляй ему ультиматум — или он все рассказывает тебе, или… или… ты его наказываешь.

— Бросаешь, — сурово добавила ее кузина. — Пусть испугается паренек. Просто мне показалось, когда Князева его обнимала, что на самом деле она страдает по нему. И все эти слова: мне нравиться один парень, а у него есть другая, она хорошая, а я плохая — всего лишь отмазки, чтобы Смерч не узнал, что Оля по нему сохнет на самом деле. Я так считаю. Когда он ушел, она сильно плакала. Наверное, из-за него.

— Точно, — поддержала ее Маринка. — И я так поняла, что Никита Кларский Князевой,

наверное, не очень нравиться. Это ведь про него она говорила, что его боится? Или про кого? А чего Ника-то бояться? Обычный парень.

— Непонятно, кого она там боится. Сказала только, что он верит в Судьбу.

— Ник верит в это, — подняла я на подруг глаза. — Он верит в это все. Я точно знаю. Это его Троллиха боится? Бред какой-то. Он ее что, силой заставлял встречаться?

— Имен она не произносила. Одни местоимения, — отозвалась Лидия. — Там было только имя Инна.

— Инна. Я ведь слышала уже это имя. Инна, она же какая-то там таинственная Лазурная, она же потеря. И она же сестра Князя. — Вспомнилось мне.

— Я не слышала, что у нее есть сестра.

— Я тоже.

— Никто не слышал. Может, и сама Олечка. Вот же лажа, вообще ничего не понимаю. По ходу дела, Инна — бывшая девушка Дэна. — Размышляла я, еще больше нервничая. Поганца Смерчинского мне ни с кем делить не хотелось. Хватит, Ника с Ольгой уже поделила. — Мне про нее случайно Черри сказал и очень просил это имя не произносить при Дэне. Он же сказал, что Оля и Дэнни просто друзья. Но он ей когда-то нравился.

— Так Черри в курсе всего? — подняла брови Марин. — Маша, Лида, я его точно заставлю пойти на свидание, и попробую что-нибудь выяснить!

— Он вряд ли скажет.

— Меня мальчики любят, — уперлась девушка. — Я его раскручу на откровенность, поверь, Маша.

— На ребенка его не раскрути, — опять фыркнула ее сестра и намекнула на любовь Марины сидеть по 2 часа в ванной комнате. — А то будешь ты играть не в русалочку в ванне, а в мамочку.

— Такое чувство, что Смерчинский — международный шпион. — Покачала головой Марина, наливая нам еще кофе из кофейника.

— Он международный клоун! — Рявкнула я и обозвала парня еще парочкой куда более крепких выражений. Орел оторвался от выклевывания челюсти ни в чем не повинного Аполлона и согласно пару раз кивнул. Ух, и сердит же он был!

— Так, сегодня же разберись с этим. Пусть Смерчинский тебе расскажет, что у него там с этой Князевой. Не такая она и простая мочалка, — наставительно говорили мне подружки.

— Ага. — Я для себя решила, что сегодня же этим и займусь. Вокруг Смерча столько загадок, как будто бы он наша местная Мона Лиза. И я должна, я просто обязана все про него разузнать. Потому что мне он нравиться. И потому что я так хочу. Конечно, этот парень не обязан докладывать мне о каждом своем чихе, но ведь он впутал меня в свою веселую игру для того, чтобы Оля рассталась с Ником, сказал, что делает это ради Князевой, потому что она нужна ему, а потом оказалось, что ничего он к ней и не испытывает, и делал все это непонятно ради чего. Или ради кого? А по словам Лиды, Тролль еще и прощения у него за что-то просила,

а она говорил, что ему нужно было сразу все сказать. Что сказать, мать его, а? Что?

— Машка, тебе смс-ка, — прервала мои размышления Марина. Я вытащила телефон из кармана джинсов и в который раз обалдела.

«Привет. Как у тебя дела? Готовишься к экзамену?» — было написано на экране моего сотового.

— Кто это? — беззастенчиво уставились на мобилу кузены. Прерогатива лучших подруг — всегда читать твои смс совершенно бессовестным образом.

— Это Князева, — обалдела я слегка. — Девки, это Князева! Зачем ей нужно знать, как у меня дела? Какая ей разница?

Маринка и Лидка только руками синхронно развели.

— То к тебе Кларский подкатывает, то Князь, — сказала Лида. — Машка, такое чувство, что им всем от тебя что-то надо! Это ненормально. Князева ведь никогда с тобой раньше не общалась. У нее была только она подруга, Регина и все. А тут она резко стала общаться с тобой что ли?

— Она точно тебя к Смерчику ревнует! — решила и Марина. — Точно! Напиши-ка ей, что ты с ним на свидание идешь. Пусть обзавидуется. По ходу она просто на него присела конкретно, потому что встречаться с ним хочет, вешает ему лапшу на уши, а он тебе про нее не говорит, потому что думает, что ты его бросишь.

— Фигня какая-то, — честно ответила на это я. Но все же не отказала себе в удовольствии ответить Оле, что дела у меня гуд, и что я, конечно же, готовлюсь к экзаменам с огромным прилежанием.

«А я хотела тебя позвать погулять», — написала в ответ одногруппница.

«Прости, у меня вечером свидание с Дэном. Давай в другой раз=)», — Князева слегка настораживала. Как и Никита.

«Может быть, после первого экзамена?»

— Соглашайся, — сказала Лида, глядя на пару с окна. — Выяснишь, что она от тебя хочет.

«Давай. Напомни мне об этом!»

«Договорились, Маш, тогда до среды! Удачи!»

— Без твоей удачи обойдусь. — Отозвалась я сварливо, но написала:

«Тебе тоже!»

«Если понадобятся ответы на какие-то вопросы — пиши».

«Ок».

— Мир теряет корни мироздания. Что со всеми случилось? Ладно, Машка, напиши-ка Смерчу, чтобы он за тобой подъехал сюда, — велела Лида, умеющая все брать в свои цепкие руки. Наше свидание должно было состояться уже через 2 часа. — А ты, Марин, сделай нашей доченьке боевой макияж для свидания. Сегодня Машка порвет Дэна!

mir-knigi.org

— Порву, — мрачно пообещала я. — В этот парк заведу и порву.

«И подарок не подарим этому засранцу», — решительно заявили головастики. Они не были жадинами. Они жаждали справедливости.

Теперь за меня взялась Марина. Она умела обращаться с косметикой, расческой, феном и плойкой, и, главное, любила это делать. А, главное, обладала вкусом. Она, как и Настя с мамой недавно, тут же предложила мне каблуки и платье из своего гардероба, но я отказалась от этого. Тогда она с кузиной, критически осмотрев Марию, решили оставить меня в моих темно-синих джинсах, только закатали их до середины икры, сказав, что так будет круче смотреться с моими кедами, раз я уж ни в какую не желаю их менять на туфли. Девчонки, не переставая обсуждать коварного Смерча и интриганку Князеву, притащили кучу кофточек с разрезами и заставили меня всех их перемерить. В результате чуть ли не со скандалом меня вынудили одеть Маринкин обтягивающий звездно-синий топик без лямок, обнажающий плечи и ключицы. После, сказав, что Смерч будет доволен, хозяйка квартиры принялась за мои волосы — распрямила их и с помощью пенки, специальной воды и стайлера, сделав их гладкими и совершенно прямыми. Ногти она мне выкрасила в темно-синий цвет, и объявила, что сделает мне крутой макияж.

— Оденешь мои новые солнцезащитные очки, будет вообще восторг, — пообещала Марина, закончив выщипывать мне брови так, чтобы они были с заметным изгибом. Боли я почти не чувствовала, но иногда дергалась. — У тебя вид слегка стервозный получиться. Как раз для разговора с Денни. Мужики бояться стерв.

— Машка не стерва, — отозвалась Лида. — Она просто у нас решительная девочка без комплексов.

— Она не переносит на дух сигаретный дым. — Заметила вторая подруга.

— Это не комплекс, дебилка ты, это нелюбовь плюс аллергия. — Тут же возразила Лидия.

— Или скорее фобия, — задумчиво отвечала я, вспомнив детство. — Фобия и аллергия на ее почве. Да.

Об этом я старалась никому не рассказывать — подругам тоже. Зачем вспоминать неприятное? А они и не настаивали на этом. Не потому что были особами понимающими, а потому что с первого курса не могли выпытать у меня причину моей нелюбви к сигаретному дыму.

Прошло еще полчаса, а я все сидела перед большим зеркалом в комнате подруги, в окружении самой разнообразной косметики, то мрачно, то весело взирая на себя в зеркало.

— Я раньше не думала, что мне будет приятно, когда меня красят, — призналась я, пока Марина колдовала надо мной с тенями и тушью, а Лида решала, какие мне духи пойдут из пары флаконов имеющихся. Она считала, что для моего образа якобы нужны терпкие.

А я считала, что Дениске будет плевать, какими духами я буду вонять. Покойникам все равно, чем вокруг них пахнет, правда?

— Просто ты, наконец, познаешь прелести быть женщиной. — Заржали девчонки.

— Ну да, раньше мне казалось, что быть парнем проще. — Отозвалась я.

Смерч приехал вовремя, по-королевски, минута в минуту, и тут же мне позвонил, чтобы

сообщить, что он на «Выфере» ждет меня около подъезда Марины.

— Бурундучок, как ты и хотела, сегодня у нас будет милый, спокойный вечер. — Сказал он мне своим красивым бархатным и одновременно безумно магнетическим голосом, способным расплавить и железо, если потребуется, не только девичью душу.

— Иду, — сказала я ему грозно, предвкушая разговор и одновременно несколько страшась его, и скинула звонок. — Ты мне сейчас все расскажешь, малыш.

Девчонки проводили меня до лифта, вручив напоследок стильную сумку Марины и набрызгав духами, и сказали, что они болеют за меня и будут ждать новостей. Наказали во всем расколоть парня и пригрозить ему всеми возможными карами.

— Смотри, Князева один раз уже, так сказать, увела у тебя Ника, — напоследок произнесла суровая Лида. — Смотри, чтобы она этот же фокус со Смерчинским не провела. Он — твой. А не ее. Мужчины, даже самые умные, никогда не смогут противостоять женскому обаянию.

— Что ты несешь? — напустилась на нее Маринка. — На фига ты это Машке говоришь? Она у нас и так как ребенок.

— Пора взрослеть.

— Я знаю, как себя вести, не бойтесь. Как говорил Высоцкий, «жираф большой, ему виднее», — уже из лифта сказала я подругам, приподняв большие модные черные очки, закрывающие пол-лица, но, кажется, идущие мне. — Пока.

— Удачи, Бурундукова! Наваляй Смерчинскому!

— Покажи ему, кто в доме хозяин.

— Слава Богу, мы вместе не живем.

— Ничего, вдруг у вас скоро свадьба будет? — захихикала Марина.

— Это у тебя лялька родиться. — Тут же стала дразнить ее я. Но створки лифта захлопнулись. И я поехала вниз. Смерчинский, я так тепло к тебе отношусь теперь, и ты, вероятно, догадываешься об этом. Пожалуйста, расскажи мне все. И никогда больше не обманывай.

Орел уже был на улице. Он, кажется, боялся лифтов. А в шахту ему падать вовсе не хотелось. Но он точно знал — одно неверное слово хозяина забавного монстрика, которого орел часто видел в последнее время, и он, гордая птица, точно окажется в этой самой шахте. Без надежды выбраться и взлететь над крышей.

Как только лифт увез Машу вниз, кузины вернулись в пустую квартиру и тут же пошли на балкон. Они увидели около подъезда черно-красный мотоцикл Дениса и его самого, стоявшего рядом, держащего в руке шлем и разговаривающего с кем-то по телефону. Машка через минуту быстрым шагом вылетела из подъезда и целенаправленно подошла к парню, который, склонив голову на бок, что-то ей сказал с улыбкой профи-обаяшки. Он попытался обнять ее, но девушка оттолкнула Дэна. Лида одобрительно покачала головой.

— Ничего себе, у нее походка изменилась и осанка тоже, и даже жесты, — сказала вдруг Марина, наблюдая за подругой и ее парнем. — Ты замечаешь, что стоит ей одеть другую

mir-knigi.org

одежду вместо своей обычной, и она сама меняется?

— Замечаю. Она странная, но прикольная. Наверное, этим Дэну и понравилась. Артистка.

Смерч вновь что-то сказал своему Бурундучку, не забывая улыбаться, а она лишь ткнула его пальцем в грудь. То ли смутилась, то ли еще больше разозлилась. Он зачем-то обошел ее кругом, рассматривая, как восторженный мальчишка новогоднюю елку, наклонился к ее волосам, зарываясь в них носом.

— Умеет обольщать… Что этот красавчик от Машки скрывает?

— Не знаю. Надеюсь, она с ним справиться, все узнает и не разочаруется в нем. И вообще это ненормально, что он такой милый! Какие-то недостатки у него должны же быть!

В это время Дэнни изловчился и чмокнул Марию в щеку. Она отступила на шаг. Выглядело это романтично, но Марина и Лида продолжали с беспокойным интересом наблюдать за парочкой.

А Смерч и Бурундукова разговаривали. Игривость парня уходила. Смерч перестал смеяться, и сестрам показалось, что он стал серьезным. Машка тоже весельем не блистала. Кажется, их подруга действительно была озлоблена на своего парня. Немного поговорив, они направились в сторону парка. Девушка впереди, парень — сзади, идя за ней как бы нехотя, засунув руки в карманы.

— Я хочу, чтобы она в нем не разочаровалась. — Через минуту выговорила Лида, облокотилась о перила и провожая парочку взглядом. Кажется, Машка все делала верно.

— Почему же? — не отрывал от них взгляда и Марина.

— Потому что сама я разочаровалась в том, кого любила. В Жене. Это довольно тяжело. Я не хочу, чтобы у нашей доченьки было так же. Она такие истерики устраивать будет — мама, не горюй. — Очень тихо произнесла Лидия, не забывая шутить при этом.

— Все будет о'кей, сестренка. — Подмигнула кузине Марина, прекрасно понимая, что той тяжело. — Мне кажется, что Смерчинский — хороший парень. У него глаза добрые. А вот ты… тебе же гадалка сказала, что ты себе паренька встретишь еще.

— В шею ее. — У Лиды зазвонил телефон, заиграв известный транс, и она с недовольным лицом уставилась на экран. Опять звонил Евгений. Уже который раз за день. Он зачем-то хотел поговорить, а девушка стоически не отвечала ни на звонки, ни на смс-сообщения. Она все же была гордой особой. Вот Марина не выдержала, ответила бы, стала бы кричать и просить оставить ее в покое, а ее кузина просто игнорировала бывшего парня.

— Опять он?

— Опять он.

— Вот скотина. Все звонит. Хочешь, я ему отвечу?

— Не надо. Пусть звонит. Со временем успокоиться. — Отозвалась Лидия, выключая телефон на время. — Ты бы лучше на свой телефон ответила. Слышишь, в комнате разрывается мобильник?

— О, точно! Кто там меня хочет? — обрадовалась Маринка и ускакала за сотовым. Вернулась

счастливая, как кролик, объевшийся морковки и капусты.

— Это был Черри, — сообщила она сестре. — Сказал, что был занят и не слышал моего звонка. Хм… Странный он какой-то, по-другому себя ведет. Кстати, позвал меня погулять. Так что я тоже сегодня иду на свиданку. Через час. Встречаемся в центре.

— Круто, — улыбнулась Лида, обрадовавшись за влюбчивую Марину. Зеленовлосый ей все же очень приглянулся. На что там повелась Маринка, ей было неведомо: на живописные татуировки ли, дерзкий цвет волос, врожденную наглость, смешанную со смелостью, резкостью и умением магнетически притягивать девиц, беззаботность вкупе с решительностью и талантом влипать в самые разные истории.

— Я хочу надеть новое синее платье, которое мы вместе покупали. Хорошо будет с белой сумочкой и белыми туфлями смотреться, как думаешь?

— Думаю, да. Только браслеты эти с руки сними коричневые, они вообще не в тему. — Посоветовала брюнетка.

— Не-е-е, — обхватила вдруг запястье Марина, — они от Ланде на удачу. Не сниму.

— Ланде? А, этот забавный парень со светлыми волосами? — припомнила ее кузина.

— Да, он. Подарил вчера нам с Машкой браслеты. Прикольно, да?

— Безумно прикольно. Ты временами как Машка — словно дитя малое. Иди, одевайся, я на тебя взгляну.

— Браслеты не сниму.

— Как твоей душе угодно. Но предупреждаю — с твоим миленьким платьицем ни смотреться никак не будут.

— Все равно не сниму.

— Отлично. Давай уже, одевайся!

Пока Марина одевалась в своей комнате, Лида вдруг неожиданно для самой себя достала мобильник, включила его, так и не прочитав сообщения Жени, и перезвонила своей однокласснице Лене. Лена и еще несколько девушек, с которыми Лида училась в школе, сегодня хотели встретиться в каком-нибудь клубе и вспомнить школьные годы. Они предлагали это Лиде еще пару дней назад, но она отказалась, думая, что этот воскресный вечер проведет с Евгением, а теперь вдруг решила, что и ей необходимо проветриться.

— Лен, привет. У вас еще все в силе? Встречаетесь? — спросила Лида у одноклассницы, как только та приняла звонок.

— О, Лидка, здорово! Конечно, не передумали! А ты передумала, похоже? С нами хочешь? — Догадалась девушка.

— Наверное, да.

— Это классно. Мы так давно тебя не видели, а сейчас соберемся все вместе, посидим своей компанией. Короче, в 9 вечера встречаемся около «Алигьери». Знаешь, где это?

mir-knigi.org

— Да, я была там пару раз. — Отозвалась брюнетка. Да, ей нужно развеяться, пока девчонки будут на своих свиданиях. А то мысли о Жене ее точно не доведут до добра.

— Отлично, Лид. Как хорошо, что ты решила с нами пойти! Значит, до вечера.

— До вечера.

— Говорят, там много классных парней, суперские ди-джеи и улетные коктейли. — Хихикнула Лена. — Оторвемся, в общем. Пока!

— Пока. Оторвемся, — согласилась Лида, положив свою раскладушку на стол. — Эй, Марина! Одолжи мне какое-нибудь вечернее платье! Я сегодня пойду в клуб!

— Зачем? — удивилась Марина из другой комнаты.

— Искать свою Судьбу, — ухмыльнулась Лида.

Она действительно ее там нашла. С тех пор девушка зареклась гадать и вообще связываться с теми, кто этим делом промышляет.

— Сон мой, привет. Какая ты сегодня… необыкновенная.

Я молчала.

— Отлично выглядишь. Образ воинствующей леди тебе очень идет.

Я хмурилась.

— Моя разрушительница, ты проглотила язычок? Кто так нарядил тебя? Твоя подруга Марина, не так ли?

Я повела плечом.

Он попытался меня обнять, но я его оттолкнула.

— Ты так рада меня видеть, что не в силах вымолвить не слова? И боишься моих прикосновений? Как мило. — В своем репертуаре интерпретировал он мои действия. Нет, вот это уверенность у человека! — М-м-м, какие духи. Они мне нравятся, — и Дэн — а кто еще мог назвать меня разрушительницей? — обошел вашу непокорную слугу кругом, как новогоднюю елку. Наклонился к моим волосам, на которые Лида недрогнувшей рукой набрызгала едва уловимые терпкие духи и, не скромничая, провел по ним рукой.

Я ткнула его пальцем в грудь, уперла руки в боки, презрительно склонив голову на бок, из-за чего и без того короткий Маринкин топик оголил живот, куда гад Смерчинский с большим и явно нездоровым интересом и уставился.

— У меня там цветов не растет, — это было первое, что я сказала ему этим вечером. Отлично началось «как бы первое официальное свидание», ничего не скажешь.

— Если я тебя туда поцелую, там будет расти пожар, — серьезно сказал мне Дэнни. — Обещаю.

Я рывком стянула с себя не слишком удобные солнцезащитные очки и волком, изогнув шею, глянула на Смерчинского, сузив глаза, ярко подведенные черным карандашом и умело

mir-knigi.org

накрашенные серо-коричневыми тенями. Я чувствовала, что пожар появляется у меня не на теле, а в душе: вот-вот подпалит крылья заметавшегося орла.

Этот парень, смешливый принц лютиков и расчетливый манипулятор одновременно, скрывает от меня кучу всего. Обманывает, недоговаривает, управляет, как хочет, делает из меня посмешище, так еще и издеваться смеет?

— Я так и знал. — Изрек невпопад Смерч, поправляя упавшую на глаза челку. Он изловчился и чмокнул меня в щеку. Мое хмурое лицо, по-видимому, стало совсем уныло-злобным.

— Что ты знал? — слегка удивилась я и нервно сглотнула. И даже никак не обозвала. Почему? Потому что на самом деле мне было страшновато. Если Смерчинский расскажет мне сегодня все свои странные замыслы относительно меня, Тролля и Ника, я, наверное, разочаруюсь в нем. Или пойму, что на самом деле совершенно не нужна идеальному мальчику. Или стану не нужна. Или… еще множество «или». И чтобы избавиться от сомнений, что несут в себе эти три простые буквы, я хочу узнать правду прямо сейчас. Потому что ожидание подобно смерти.

«Мы боимся правды. Мы очень боимся его правды», — согласились головастики, уныло качаясь в такт грустной и напряженной мелодии, взявшись за лапки — чтобы не было так страшно.

— Я так и знал. — Повторил он, задумчиво оглядывая меня с ног до головы. — Мне придется долго делать из тебя взрослую девочку, Маша.

— Взрослую? Да что вы все заладили, что я ребенок? — тихо, но со злостью спросила я. — Ладно, поговорим об этом позже, Смерчинский. А сейчас…

— А сейчас ты разрешишь мне тебя поцеловать? — невинно перебил меня этот охламон. — Я честно скучал. Хочу награды.

— А сейчас мы пойдем в какое-нибудь укромное местечко… к примеру, в тот парк, и ты…

— Почему ты всегда предлагаешь мне уединиться где-нибудь в парке? Я ведь тебе пару раз говорил, что сейчас я не такой экстримал, чтобы делать это в людных местах. У меня дома…

— Заткнись, — звенящим голосом выкрикнула я. — Заткнись и дослушай меня до конца. Сейчас мы идем в парк. И ты расскажешь мне все.

— Что — все? — Дэн продолжал улыбаться своей уже ставшей для меня фирменной «смерчинской» улыбкой: обаятельной, обезоруживающей и широкой. На его, как и всегда, гладко выбритых щеках появились хорошо знакомые милые ямочки, в ярко-синих радужках едва заметно отражались кончики темно-коричневых ресниц, на которых искрились внутренние звезды Дэна. Да, с недавних пор мне казалось, что в Дэне есть звезды, как бы абсурдно это не казалось. У меня разноцветные наглые головастики, у него — яркие, то ли игривые, то ли мудрые звезды, у Димки — искры, то прячущиеся в зрачках, то вдруг цветной взрывной россыпью появляющиеся в уголках его глаз.

— Правду. — Уже совершенно спокойно ответила я, но внутри пожар тревоги только рос, и орел был бы не прочь, если бы кто-нибудь залил его огнетушителем.

— Правду?

— Да.

— Какую же?

— Большую и волосатую, как мое котэ.

— Как котэ… — Он задумчиво, глядя куда-то в небо, набрал полную грудь воздуха.

— Хватит повторять за мной. Пошли в парк, и ты расскажешь мне, зачем ты заставил меня поверить, что ты влюблен в Князеву и почему я должна была вместе с тобой играть в «разлучников». Все, иди за мной.

Он ничего не сказал и пошел следом. А я, когда мы молча подошли к парку, не оборачиваясь, кинула через плечо:

— А, да. Кого там боится наш милый Тролль? И что она тебе не сказала сразу? Часто ты выступаешь для нее нянькой?

— Ого, откуда такие сведения? — чуть помолчав, произнес он, не спеша нагонять меня и продолжая шагать сзади. Во мне проснулось немного злорадства. Он явно удивился. Да-да, малыш, Маша все знает!

— Что вас связывает, Смерч? — Как можно более сухим тоном произнесла я. — Не забудь рассказать мне об этом. И про Инну тоже. Она была твоей девушкой? Любила тебя? Поэтому сейчас ты помогаешь ее сестренке Троллю?

Я впервые видела, как он смотрит на меня без эмоций: то ли равнодушно, то ли так глубоко спрятав вдруг все свои эмоции, что его глаза стали пустыми.

Кажется, легкий ветер резко затих.

— Трехочковый. — Произнес Денис, продолжая пугать меня своим взглядом. — Ты без труда закинула трехочковый, Маша. Только очень долго готовилась.

— Просто его очень трудно забросить, Смерчинский. Но, я, правда, долго готовилась к этому. Но только сегодня мне, наконец, дали мяч в руки. С пустыми руками я не попала бы и в сетку, даже если бы мне пообещали сразу 10 очков. Веришь?

Мне хотелось, чтобы он рассмеялся — как и всегда и сказал, что никакой Инны он не знает и с Ольгой его ничего не связывает, но он этого не сделал и, продолжал быть серьезным, что еще больше меня рассердило.

— Верю.

Мы подошли к свободной лавочке, стоявшей напротив веселого фонтанчика, в котором брызгались два беззаботных ребенка, снявших обувь и шлепающих босыми пятками по воде. Я села, а Дэн встал напротив, засунув руки в карманы темно-синих джинсов и загораживая от меня и фонтан с детьми, и весь обзор, как будто бы хотел оградить от всего мира своей тенью. Он смотрел на меня уже не отстраненно, а спокойно: то ли не чувствуя за собой вины, то ли думая, что ничего особенного не совершил. А я взирала на него, как последний истинный патриот Земли на инопланетного агрессора, уничтожавшего кучу населения.

Я не выдержала и начала первой.

— Смерч, я сейчас очень злая. Или ты рассказываешь мне, в какую хрень и зачем ты меня

mir-knigi.org

втянул, или…

— Или?

— Или я резко перестаю общаться с человеком, который нанес большие повреждения моему носу, — сказала я, еще больше испугавшись его будущих слов и пытаясь неудачно шутить на тему «вождения за нос».

— Мария, — он сел передо мной на корточки и заглянула в глаза снизу вверх.

— Сядь рядом.

— Что с тобой? Кто тебя обидел?

— Ты дурак? Ты меня обидел.

— О-о-о, как все серьезно.

— Сядь, кому сказала, рядом, — вспылила я. — Потому что мой следующий трехочковый попадет тебе в лицо. Не раздражай меня и начинай свой рассказ. Наверняка он будет у тебя долгим, Денис.

Денис пожал плечами

В кармане некстати завибрировал сотовый телефон. Я дернулась. Неужели мама проверяет, как у меня дела с учебой? Но, оказалось, это была вовсе не мама.

— А этому что надо? — перенесла я часть праведного гнева на ни в чем неповинный мобильник.

— Кому? — мигом заинтересовался смс-кой Дэн. — Дмитрию? Ему ты нравишься, так что ничего удивительного, что он оказывает тебе знаки внимания.

— Не Дмитрию. Никите.

Вот тогда Смерч перестал быть равнодушным и «пустым». Надолго. Его взгляд стал другим — злым, беспокойным и совершенно серьезным, как у папы, которому сказали, что его друга ранили в перестрелке. Или как у мамы, узнавшей, что в нашей квартире был пожар. Он резко выхватил у меня телефон, и я даже не успела прочесть, что там мне прислала мой «новый друг» Никита Кларский.

— Эй! Ты чего, совсем рехнулся? — мигом вскочила я на ноги. А Дэн успел удалить сообщение, и я так и не узнала, что там хотел от меня Ник. Как же меня это разозлило!

Орла из горящего задымленного леса мигом перекинуло в холодную ледяную пустыню где-то в районе Северного полюса.

— Я запрещаю тебе реагировать на него. — Голосом, который не допускал возражений, сказал Смерч, совершенно неожиданным образом сжал мне оба запястья, наклонился и, удерживая руки, словно думая, поступать ли ему так или нет, медленно коснулся губами щеки, а потом решительно поцеловал, шепнув перед этим, что он обязательно мне все расскажет.

Бедную птицу вновь вернули на прежнее место обитания — в любимые горы, простирающиеся над прекрасной зеленой солнечной равниной, в которых скоро обещали расцвести розы — в

этом годы в долине появился лучший в мире садовник.

Дэн долго, с упоением целовал Марию. Сначала она для порядка сопротивлялась ему, а потом попыталась взять инициативу в свои тонкие, но весьма сильные рук. Обычно Смерч позволял делать это своим девушкам, и ему даже нравилось это, но в этот раз он хотел быть лидером.

Маша от его настойчивости даже растерялась, она так и стояла, не двигаясь и не касаясь его. И тогда Дэнни, гладящий ее по спине и волосам, просто взял ее руку и положил себе на пояс, не отрываясь от губ своей, как он уже считал, девушки.

Ему хотелось, чтобы поцелуй был долгим, потому что он оттягивал разговор, но это оказалось совершенно невозможным. Все когда-нибудь имеет свойство заканчиваться.

Монстрик с удовольствием подбадривал бы хозяина, вскидывая вверх перепончатые крылья с воплями: «Сделай ее!», но неожиданно сам для себя был облит сверху мстительным орлом, держащим в крыльях ведро ледяной воды. После вероломного обливания он вдруг резко выгнулся дугой, заискрил солнечными лучами и трансформировался в прозрачную копию Дэна — Дэна, попавшего под дождь: грустного, усталого, в промокшей одежде и с мокрыми волосами, по которым на лицо и шею стекали холодные тяжелые капли. Его плечи едва заметно дрожали от холода и пронзительного ветра, надвигающегося откуда-то с Востока, а почти белые, как бумага, ладони, уже устали греть друг друга и безвольно опустились.

Этот прозрачный Денис подошел к такому же прозрачному страшному черному обрыву, где располагалось царство смерчей, и который в этом ирреальном мире начинался совсем недалеко от ног сердитой, как сотня плеч, Марии. Он, не мигая, уселся, едва касаясь ее, на колени, и протянул вперед пустую руку, на которую тот час, не задумываясь, опустился застыдившийся орел. Птица, не совсем поняв, что произошло с ее приятелем крепко, до крови, вцепилась в его руку. Кровь — тоже полупрозрачная, больше похожая на клубничный нектар, побежала по бледной коже парня, смешиваясь в дождем.

В мире Смерчинского в очередной раз шел дождь, который он так ненавидел и которого опасался.

Ладони настоящего Дениса начали мерзнуть — они всегда становились холодными, когда он нервничал. Он сомкнул горячие руки Маши в своих пальцах, заряжаясь их теплом — у Бурундука, которая, кстати говоря, в этот момент попыталась тяпнуть Дэна за язык, кожи была не в пример горячее.

Через несколько минут парень усадил взбешенную девушку, у которой живописно размазалась вишневая помада по лицу, на лавку, и сам сел рядом, не отпуская ее запястий. Маша сегодня вновь поразила его. Каким-то чудесным образом умудрилась перевоплотилась в стильную уверенную дамочку со слегка стервозным характером.

— Просто слушай меня. — Тихо сказал он ей, наблюдая за детьми, веселящимися в фонтане и поднимающими тучу брызг. — Просто слушай. Можешь не прощать.

— Давай, исповедуйся. — Кивнула ему светловолосая девушка. И по ее голосу Дэн тут же понял, что она беспокоится. Нет, правильнее сказать, боится. Девочка ведь влюблена в него — и он это чувствует. Ведь и сам он определенно питает к ней светлые, яркие чувства. И это не просто желание — сначала Смерч и вовсе не видел в ней женщину, предпочитая замечать друга и забавного подростка, с которым можно повеселиться и с которым можно поприкалываться. Все пришло постепенно.

— Хорошо.

— И убери руки.

— Я боюсь их убирать.

— С чего вдруг? — в голосе девушки появилась злость и усталость. Если бы Лаки Бой не привык скрывать своих многих чувств, он бы обязательно ударил сжатым кулаком по дереву лавочки. Куда делось его проклятое везение? Почему он чувствует себя рядом с Бурундуком так хреново? НО он все же признался.

— Вдруг ты не дашь мне больше возможности коснуться их.

— Ты дурак и кретин. Иногда я серьезно хочу тебе вмазать, — вынесла суровый вердикт Мария. — Рассказывай.

Дэн собрался с мыслями, убрал одну руку, чтобы тыльной стороной ладони вытереть помаду девушки с губ, и начал рассказывать.

— Ты ведь знаешь, что Ольга для меня — всего лишь друг. Друг, который попросил меня избавить его, вернее, ее, от назойливого поклонника по имени Никита Кларский. — Он на какое-то мгновение замолчал и тоном человека, которому все на свете уже давно надоело и которому совершенно не зачем жить, добавил. — Поверь, тебе я желал только добра. Честно. Ты сразу мне понравилась, Чип. По идее, ты должна была остаться вместе с Ником. Перетянуть своими чувствами его на себя. Чтобы он освободил Ольгу.

— Дальше.

— Я придумывал все эти глупые ситуации не для того, что Нику вдруг стало стремно перед девушкой. Мне нужно было, чтобы он понял, что она — не его Судьба. Знаешь, нужно было сделать так, чтобы он считал: все против того, чтобы они были вместе. Кстати, поверь, даже такой подонок, как он, способен влюбиться — причем довольно искренне. Но Оля не хотела встречаться с ним и попросила помощи. Я, как смог, проанализировал этого загадочного парня и пришел к выводу, что его, конченного кретина, нужно просто-напросто разубедить, что Ольга — его Судьба. А он именно это вбил себе в голову. Мне нужно было его переубедить. И мне захотелось сделать это вместе с тобой. Потому что ты его любила — я узнал об этом совершенно случайно. Правда, увидел, как ты его фотографируешь. Это было забавно… Подумал, что мы славно поиграем вместе. И ты, Маша, очень помогла мне. Спасибо тебе.

— Даже так? Ну ладно. Дальше. Давай дальше. — Не хотела слышать слов благодарности в свой адрес светловолосая девушка. Смерч прикрыл глаза, призывая госпожу Фортуну помочь ему. Он точно знал, что девушка зла на него из-за всего этого балагана.

Орел, чьи крылья дымились, согласно кивнул — он научился читать мысли молодого человека.

— Я придумывал глупые планы, и мы вместе их осуществляли. Нам помогало куча народу. Я припряг к этому делу всех, кого смог. Мне было очень весело. Рядом с тобой я стал — а, черт, это пафосно, но буду пафосным парнем, — я стал оживать. — Признался вдруг Смерч. В первую очередь самому себе.

— Да ты и так унылым не казался. Ржал, улыбался, занимался тем, чем хотел. Всегда ходил с вечной своей улыбочкой, в окружении свиты, с восхищенными девчонками, — произнесла Маша.

Призрачный Денис попытался подняться с колен, но вновь упал и оперся обеими руками о холодную мокрую землю, от которой стали исходить клочья белого тумана. Они обвивали фигуру молодого человека, и каждое прикосновение зловещего тумана о кожу отзывалось в его теле болью, от которой он вздрагивал.

Дождь не прекращался.

— Весело было, да. — Продолжала Маша. — А знаешь, Смерчинский, я сначала очень обрадовалась, что на самом деле ты не влюблен в Князеву. А теперь резко поняла, что ты просто пользовался мной, как домработница тряпкой и шваброй, чтобы навести чистоту в доме своей хозяйки.

Денис промолчал, поняв, что лучше ему не стоит спорить сейчас с Марией, ставшей серьезной как никогда.

— Мне жаль, что я так поступил. Но если бы я сразу сказал тебе правду, ты бы не стала помогать мне. Мне очень жаль. Маша. Маша, посмотри на меня и не сердись. — Смерч очень хотел, чтобы девушка перестала злиться (но признавал, что это было ее право) и поверила ему — сейчас он был искренен, как никогда. Он знал множество способов, как сейчас заставить девушку перестать злиться, но он понимал, что самой лучшей тактикой будет правда — лучшей, в первую очередь, для него самого. До Смерча, мальчика-который-играет-в-дурные-игры, дошло, что Чипа терять ему совсем не хочется. Она должна быть рядом. Пусть знает правду, раз так хочет. Ведь эта правда не преступная.

Однако парень даже сейчас не осознавал, что его прямой взгляд, жесты, голос и даже едва заметная мимика продолжают тактично манипулировать Бурундуком, заставляют ее простить его и поверить ему. Он не контролировал свою странную способность заставлять людей доверять ему. Дэн просто говорил и делал то, что казалось ему естественным и правильным, не больше.

— Только знаешь, — задумчиво продолжал парень, — по-моему, все наши действия приводили к тому, что я все больше и больше к тебе привыкал. Не знаю, почему, но нас стали считать парой. Это тоже было забавно.

— Премного забавно! — раздраженно отозвалась Бурундукова, вспоминая грандиозную встречу Смерчинского сначала с папой, потом с братом и дедушкой, а затем и со всеми родственниками.

— Да… Не Ник, а я стал попадать в самые глупые ситуации. Нас вместе с тобой сводила Судьба, не что иное. Я не могу рационально объяснить все эти случайности совпадения. Друзья, знакомые, преподаватели, твои родители, мои родственники — все вскоре узнали, что мы встречаемся. Дед рассказал всем о том, что у меня есть милая подружка. Теперь моя мама хочет увидеть тебя.

Кажется, Маша ничьих мам видеть не желала. Она поджала ноги и нахмурилась.

— За это я тебя просто ненавижу! И вообще… Зачем ты заставил меня подписать дурацкий договор, который сам 500 раз нарушил, дебил?

— Просто так. Ты ведь маленькая. Мне хотелось с тобой поиграть. Иногда я — человек порывов, делаю то, что взбредет в голову. — Обезоруживающе, но очень грустно улыбнулся парень. — А еще я не хотел, чтобы о нашей договоренности кто-нибудь узнал. А ведь ты верна своему слову. Ты никому ничего не сказала.

— Естественно. В отличие от тебя. — Сердитый взгляд девушки, в котором зло заботливо прятало страх и обиду, обжег парня.

Невидимый девушке дождь пошел сильнее — он одновременно с клочьями тумана хлестал второго, полупрозрачного, Дэна по спине и по рукам, как плетка Ревности, которую она вытаскивала лишь в самых крайних случаях.

— Я такой, прости меня. Ланде и Черри — помнишь, я говорил, что они одни из самых моих близких друзей? — узнали о том, что готовят ребята, подумали, что если все будут думать, будто мы пара, у нас ничего не получиться с нашим планом. Но… несколько случайностей и вообще весь университет стал в курсе наших как бы отношений. И постепенно я…

— Если ты хочешь сказать, что постепенно ты понял, какая я офигенная герл, то лучше молчи. Молчи, Смерчинский. — Предупредила его слегка срывающимся голосом Маша.

— Хорошо. Но ты знай это.

— Зачем мне это знать?

— Потому что ты мне дорога.

— Да?

— Да. Блин, ты такой… такой… такой дурак. Очень интересная точка зрения, Сморчок. Только меня интересует еще один вопрос. Почему ты называешь Кларского подонком? Что, продолжаешь ревновать к Олечке? — вновь разомкнула все еще накрашенные темной помадой губы Маша. Помада подруги оказалась очень стойкой.

— Нет. Какая ревность? — в подтверждение этих слов красноглазая госпожа с мундштуком и в шляпке с вуалью, на пару мгновений выглянула из белого липкого тумана и согласно кивнула.

— Обыкновенная. К Ольге. Но если не ревность, то почему ты его так называешь, подонком?

— Потому что он подонок, — пожал широкими плечами парень. — Сейчас я скажу тебе одну вещь. Но я скажу ее тебе только потому, что ты больше не бегаешь за ним и не будешь потом из-за этого сильно переживать. Представь его медалью, Маша, медалью, которую носят на шее. Внешняя сторона медали — золотая. Никита — хороший парень. Спокойный и добросовестный студент престижного факультета. Не имеет нареканий, хорошо учиться, не прогуливает универ, элегантно и стильно, но не броско одевается, вежливо общается с народом и не влезает в дурные истории. Хороший мальчик с умным лицом и понимающим взглядом, так? Таким он был для тебя?

— Таким. Таким и остается. — Упрямо, наверное, чтобы подзадорить Смерча, сказала девушка. — Ник — хороший. Мне не нравятся плохие парни.

— Отлично. Так и должно быть. Он — хороший. Просто эта стороны остается золотой для всех. Но мы переворачиваем медаль. И что видим? Золота больше нет, осталась одна потрескавшаяся медь. Сторона медали, которая находиться ближе к сердцу — более правдивая, поверь. На самом деле он из тех парней, которых называют плохими, а не хорошими. Если бы ты знала всю подноготную Ника Кларского, он бы не понравился тебе, Чип. Не-е-ет, он не простой гопник, отжимающий мобилы в темном переходе у школьников. Он куда более опасный парень. Младший брат одного из местных авторитетов. Входит в ОПГ, занимается незаконными делишками.

— Какими? Смерчинский, ты что курил перед нашей встречей? Как называются эти вещества? — Светловолосая девушка явно находилась в замешательстве. Хотела услышать одно, услышала другое!

Дэн горько усмехнулся.

— Не думай, я не осуждаю его. Мой брат занимается кое-чем похожим, и я не имею права на то, чтобы осуждать других людей в чем-то. Да и сам я не идеал. Просто слушай и верь мне. Брат Ника занимается незаконными делами: наркотики, игровой бизнес, возможно, проституция, что-то еще. Сначала Ольга не говорила мне о его подноготной, испугавшись, что в таком случае я не буду ей помогать. Но через кое-какое время я сам узнал об этом, кое-что сопоставив.

— Ты об это говорил Князевой в парке около универа вчера? Почему она раньше тебе правду не рассказала? — задумчиво спросила Маша.

— Да. Откуда знаешь? Кто-то услышал это? Кто-то из твоих подруг сообщил? Не Чащин же? — Мигом догадался парень. Если бы это услышала сама Мария, она бы устроила разборки прямо там, а не ждала бы следующего дня. Если бы это был Димка, он сам бы тут же захотел поговорить на тему того, что Бурундукову обманывать некрасиво и подло. Попытался бы врезать Смерчу — это точно. А вот ее подруги бы просто рассказали девушке все, что услышали. Если бы это были просто знакомые, они бы вообще ничего не поняли. Смерч уже не поражался тому, какие странные случайности опутывают его и его отношения с Машей.

— Какая разница, кто? Просто я все знаю. — Одарила Дэна подозрительным взглядом светло-карьих глаз девушка.

— Ладно. Оля, действительно, ничего мне не говорила, испугавшись, что я не буду помогать ей. А я узнал. Знаешь, почему та девочка-карманница, Анька, не стала в тот раз обчищать Ника, а смылась куда подальше? Просто она узнала его. — Смерчинский хмыкнул, вспомнив забавную воровку в ярко-красном костюме, а потом и недовольного зеленоволосого друга, которого Анька оставила в крайнем раздражении. Черри очень интересовался номером телефона загадочной девушки и возжелал встретиться с ней еще раз. Однако, карманница словно сквозь землю провалилась — Черри это крайней взбесило. Дэну даже показалось, что друга зеленоглазая Аннет заинтересовала, но Черри, услышав это, огрызнулся и заявил, что его интересуют шикарные телки, а не «малолетние тупые девочки в обгрызенных вещах».

— Узнала Никиту, испугалась и свалила? — уголки губ девушки приподнялись. Она явно не верила Смерчу.

— Да. Именно так, Маша. Она одна из немногих, кто знает вторую сторону медали по имени Никита. Но она хотя бы предупредила нас, как смогла. Аня — умная девочка. То, кем Кларский казался тебе все эти три года — всего лишь игра твоих иллюзий и света на золоте внешней стоны его медали, которое тебя ослепляло, — изящно выразился парень. — Знаешь, почему Ольга попросила меня помочь ей? Малышка Князева — это ее детское прозвище — случайно узнала, кто он такой. И ей стало страшно встречаться с таким человеком. А отказать ему было еще страшнее. Если бы она отвергла его, ей было бы… трудновато. К тому же у нее есть человек, которого она любит. Она боится за него. Боится, что Кларский узнает о ее парне.

— Что ты несешь? — тихо, но очень мрачно спросила Маша. — Решил очернить Ника что ли? Мог бы придумать что-нибудь более правдоподобное. Кларский — первый бандит на районе. Интеллигентный главарь гопников. Авторитет в пиджаке, рубашке и в начищенных ботинках.

Очень смешно. Ха-ха.

Дэн невесело рассмеялся. Однако его прозрачный двойник не издал ни звука — он продолжал сидеть на холодной земле, и даже Орлу на какое-то время стало жаль его. Однако из-за клубов дыма он не мог подлететь ближе и сесть к нему на спину.

— Я вовсе не хочу его очернить. Поверь, Чип, если бы я этого хотел, я бы сделал… Ладно. Просто прими это к сведению — я говорю правду.

— А откуда Князь вдруг узнала, что Никита — опасный тип с криминальными наклонностями? — хмыкнула неожиданно Маша. Чего-чего, а такого она явно не ожидала услышать, и Дэн хорошо понимал это — видел по ее растерянным глазам. — Она что, сама промышляет? Говорят, где-то в Южной Пристани есть женская банда. Не оттуда ли твоя подружка? Черт, ненавижу Князеву. — Вдруг выдала Машка невпопад.

«Я не одна, — раздался в голове Дэна хорошо знакомый голос госпожи Ревности, — у меня много подруг. Они заставляют ревновать и ее».

— Ее мать — адвокат. Хороший, с приличной практикой. Правда, некоторые говорят, черный адвокат, поскольку часто защищает людей заведомо виновных. Тех же бандитов, к примеру. Она работает в одной из лучших контор города и почти все дела выигрывает, кстати. В своей профессии она талантлива.

— При чем здесь это? — нетерпеливо спросила Маша.

— Все просто, девочка моя.

— Не твоя.

— Не моя, хорошо. Но все просто. — Дэн вновь стал почти безэмоционально, как робот, рассказывать историю дальше — Ольгиной матери пришлось защищать в суде несколько человек, занимающих особенное положение в иерархии Пристанской группировки, в которой брат Ника занимает одну из… м-м-м… «руководящих должностей». Их поймали во время облав игровых заведений — а в первую очередь Пристанские «специализируются» на этом. У Ольгиной мамы не получалось кого-то подмазать: то ли судью, то ли одного из тех, кто служил в Управления по борьбе с экономическими преступлениями, и у нее возникли проблемы. Большие проблемы.

— И?

— Из-за этих проблем к ее матери пришли. Чтобы разобраться. И когда Ольга приехала в офис матери, по делу, она случайно столкнулась с прибывшими туда Ником, его братом — по-моему, его кличка Март — и несколькими другими неприятными типами. Дело было поздним вечером, других клиентов уже не было. Они не видели малышку Князеву, а вот она хорошо их видела и слышала. Март, по ее словам, был в бешенстве, сломал пару столов, технику и заявил не в самой приятной форме, что кончит всех представителей этой адвокатской конторы, если его дружки окажутся на зоне. Ник был вместе с братом, правда, вел себя спокойно и даже остановил его, когда тот хотел вмазать секретарю Ольгиной матери. Но Оля все равно испугалась — она Кларского откуда-то знала с универа… Думала, что он приличный парень, а он оказался связанным с криминалом и с такими личностями. Ребятки вскоре ушли из офиса, не заметив ее. А когда мать Оли увидела дочь, то тут же велела ей уходить домой и вообще больше не показываться на ее работе. Сказала, что ее «клиенты» бушуют, а они опасные люди, и не нужно, чтобы они случайно столкнулись с Олей. Мало ли что они могут сделать красивой

девочке? Особенно Март и его младший брат — они ведь одного поля ягодки. Вот так Ольга и узнала о том, кто такой настоящий Кларский. А он, не подозревая этого, начал клеиться к ней. Ольга ему реально понравилась. Князева думала, что если пошлет его, у нее будут большие неприятности. И решила избавиться от него с помощью меня. А дальше ты знаешь, Маша. Все знаешь.

— Димка с ним общается с первого курса, — вдруг подняла глаза на Дэна Маша. — Он что, тоже…? Такой же?

— Нет, твой Димка — нормальный парень. Просто ему с другом не повезло. — Ответил Денис уверенно.

— Как много нового я узнала. — Задумчиво произнесла девушка. — Март… Где-то я слышала это… Март, Март… Эй! Тот самый Март, который один из авторитетов Пристанских?? Мне папа про него рассказывал! Ты шутишь, Смерчинский? Никита его брат? Нет, скажи мне, что ты опять меня обманываешь!

— Нет. Никита Кларский — младший брат Андрея Марта. — Подтвердил Денис.

— Ты удалил смс-сообщение от Ника, потому что он такой плохой малый? — спросила Бурундукова.

— Да. Я не хочу, чтобы ты с ним общалась.

— Вот же ты… Что он написал? — Маша положила руку на плечо Дэну. — Что он мне написал.

— Хотел с тобой встретиться. — Мрачно сказал Смерчинский. — довольна?

— Вполне. — Рука девушки потянулась к его волосам, но остановилась в нерешительности. По ее мнению парень не заслуживал того, чтобы она касалась его волос.

— Что, хочешь, встретиться с ним, да, Машенька? — ласково спросил молодой человек, глядя на играющих в фонтане детей.

— Как ты меня назвал? Машенькой?

Полупрозрачный Дэн все же поднялся с колен на ноги — не без помощи госпожи Ревности, несмотря на боль, причиняемую туманом и дождем, и оглянулся на сидящих на лавочке.

— Да. А что?

— Ничего. Ты меня так еще не называл. Машенька… Как противно звучит-то!

С этой минуты Маша знала, что если Смерчинский называет ее уменьшительно-ласкательным именем, это значит, что он слегка не в себе — либо пьян, либо в гневе. Но так как он старался вообще не употреблять алкоголь, зная последствия, то чаще всего выходило второе. Денис был крайней зол, хотя его лицо не говорило об этом.

— Но я, в отличие от тебя, враль, скажу правду — с Ником я не хотела бы встретиться. Потому что время никообожания прошло. И это очень странно, даже невероятно, что он пишет мне такие сообщения! Да и вообще! Это все чистой воды дурдом. А почему ты задаешь мне такие вопросы про Ника, а?

— Потому что я не хочу видеть вас вместе. Представь себе, я тебя иногда чуть-чуть ревную. —

Отвернулся от нее раздраженный парень.

— Бред, какой бред! — Гнев и обида Маш поутихли — еще бы, она узнала такое! К тому же ей вдруг стало приятно, что Смерчинский ее ревнует. — Может, у Князя крышак поехал? Или она все выдумала?

— Ольга, правда, хорошая девушка. Ей незачем заниматься такими глупостями. — Помотал головой Смерч. Он испытал некоторое облегчение от того, что рассказал это Марье.

— Н-да? Тролли не производят хорошего впечатления. — Процедила девушка. — А в кого она там втюрилась?

— Она не сказала.

— Хочешь, — чуть ближе наклонилась к нему Маша вдруг, — я скажу тебе, в кого она втюрилась, м?

— В кого?

— В тебя. — Это звучало, как обвинение.

— Я так и знал, что ты это скажешь. — Вполне спокойно отреагировал на эти слова парень.

— Да-а-а?

— Да. Будь уверена, мы друг друга не интересуем.

Маша прищурила ярко накрашенные глаза, которые делали ее на пару лет старше, превращая из подростка во взрослую девушку. Дэн вдруг понял, что девушка просто не хочет быть взрослой. Может, но не хочет, цепляется за детство, как он — за прошлое. И он поспешил сказать воинственно настроенной Бурундуковой.

— Она относиться ко мне так же, как ты к Дмитрию.

— Он — хороший друг. — Кивнула Маша, с теплотой вспомнив одногруппника.

— Она — хороший друг. Тоже.

— А почему ты раньше не говорил, что вы с ней друзья? Почему об этом никто в универе не знает? — продолжала допрос девушка.

— Знают только некоторые. — Отозвался парень. — Мы не слишком афишируем наше давнее знакомство. Есть причины.

— Какие? Не ее ли сестренка Инна?

Смерч замолчал.

На его невидимом небе тучи стали совсем почти черными — одного цвета с бездной, перед которой сидел полупрозрачный, замерший Денис. Послышались раскаты грохота, на небе свернула темно-бронзовая молния. Орел неодобрительно покачал головой и раскрыл зонт.

— Ну, что там за Инна? — спросила после пары минут молчания светловолосая, которую Дэну сегодня хотелось назвать бестией.

mir-knigi.org

— Девушка.

— Да я подозревала, что это не парень. — Тихо и подозрительно спокойно выговорила немногословная сегодня Маша. Когда она молчала, поджав губы, это беспокоило парня. Когда она говорила таким тоном и таким тихим голосом, это пугало его еще больше. Он вновь подумал, что, наверняка мог бы довольно быстро найти способ, как сделать так, чтобы девушка перестала расспрашивать его об Инне, но сегодня его держала невидимая честность, принявшая облик Марии. Только сама совесть не знала, на кого она похоже — она не видела сама себя.

— Инна — человек, который очень многое для меня значил. — Несколько туманно ответил Денис.

— Подробнее.

— Инна — это прошлое.

— Это ведь она та таинственная Лазурная, Смерчинский? Про нее гадалка говорила?

— Да, — просто ответил парень. — Она. И я не знаю, почему эта гадалка сказала так. Не знаю, откуда она знала, что Инну я называл именно так.

— Она была твоей девушкой? — продолжала Маша допрос.

— Да, Инна была девушкой, в которую я был влюблен. Очень сильно. Чип, я был влюблен в нее до безумия, — он отвел взгляд в сторону. А когда заговорил, его голос становился все тверже и громче, хотя парень этого и не осознавал. — Я все готов для нее был сделать. Достать все что угодно, оберегать от всего. Умереть, убить ради нее, сойти с ума.

— Да ты чокнутый. — Выговорила Маша, тоже начиная злиться. — Ты псих, Смерчинский. Конкретный такой. Что за придыхание в голосе? И она, Инна — сестра Князя?

Дэн кивнул.

— Две Князевы — это слишком. А ты… Сейчас ты с ней встречаешься? — осторожно спросила Маша. Она вновь неосознанно начинала ревновать, только не знала, кому больше: к Ольге или к загадочной Инне?

— Нет. Сейчас я с ней не встречаюсь. — Чуть помедлив, ответил Денис. — Уже несколько лет. И с Ольгой я не встречаюсь. На данный момент я хочу встречаться я с тобой. Несмотря на то, что ты сейчас обижена на меня, хочешь ударить, и ведешь себя, как ребенок.

— Нормально. Ты виноват, а теперь делаешь виновной меня, так, что ли?

— Нет. Нет! — Он закричал вдруг, и девушка даже вздрогнула. — Я не хотел тебя обманывать. — Смерч замолчал и повторил эту фразу вновь, только уже едва слышно. — Я не хотел тебя обманывать. Я не люблю ложь. Я… я должен был помочь Ольге, потому что я должен ее защищать.

— Чего? Что, до сих пор так любишь свою Инну?

— Я не могу ее забыть. — Признался он.

— Вот как.

— Да. Помоги мне забыть Инну. Ты ведь можешь это сделать. — Теперь он говорил едва слышным шепотом. Ты мне небезразлична.

— Уверен?

— Да, это правда.

— О, да. «Я никогда не лгу». Не ты ли это говорил, Мастер Честности? — вспомнила я его слова, сказанные, казалось, когда-то давным-давно.

Над прозрачным Дэном вновь пошел дождь, и он, подняв голову и глянув в черное грозовое небо, тихо засмеялся. Опустился на колени уже во второй раз. Его ослабленная протянутая вперед ладонь, поймав тяжелые капли, сжала пальцы и темно-бордовая, почти черная вода, в которую превратился дождь, стала неспешно стекать меж его пальцами на землю, от чего туман начал шипеть.

— У тебя что, хобби врать? — наседала на него Маша. — Нет-нет, по-моему, это твоя физиологическая потребность, Смерчинский. Как в еде, воде и размножению.

— Особенно, к последнему. Ты меня простишь?

— Нет.

Несмотря на это слово, дождь над полупрозрачным Денисом вдруг стал мелким, грибным. Небо слегка разгладилось.

«Да, если докажешь свою честность», — говорил взгляд орла, опустившегося на плечо к Смерчу.

— Нет… Это «нет» звучит категорично… Что мне для сделать, чтобы «нет» превратилось хотя бы в «я подумаю»?

— Я могла бы сказать, что ничего, и послать тебя на три далеких буквы. Но я вроде как эгоистка, и хочу получит от тебя все. Ты обещал мне кучу всего, в том числе и это свидание. — В Машином голосе проснулась веселость. — Сделай так, чтобы я тебе поверила. Поверю — может быть, со временем прощу тебя, так и быть. Но я хочу видеть твою искренность, господин Ящерица. — И она сама, не зная, зачем, коснулась его татуировки на шее большим пальцем, на котором сияло его кольцо. — Ты мне нравишься, и ты знаешь это.

— Знаю. Я от тебя без ума. И ты тоже должна об этом догадываться.

— Я не слишком догадлива, но я это подозревала, Смерчинский.

Он прикрыл глаза, наслаждаясь ее прикосновением, чувствуя, что не против был бы вновь обнять ее и поцеловать, но понимал, что так быстро не стоит этого делать. Он вообще был бы не против и кое-чего другого, хотя, наверное, Марья не согласилась бы на это. Пока не согласилась бы.

Дождь закончился. Туман исчез. Пропасть затягивалась землей, исчезала из виду вместе со своим леденящим кожу потусторонним холодом.

— Это хорошо. — Он говорил эти слова шепотом. — Это просто отлично. Так ты согласна на это свидание?

— Ну да. Забрасывать трехочковые я хочу тебе и дальше, дьяволенок-баскетболист. Только, если ты еще раз попробуешь меня надуть, я тебя точно никогда не прощу. Я тебя убью прямо во время нашего матча. — Проговорила Маша, глядя на успокоившегося вдруг Смерча взглядом человека, привыкшего выполнять свои слова.

Орел дернулся, крылья его подернулись светло-вишневой дымкой, в грудь ударил солнечный луч, хохолок встрепал порыв ветра, и он вновь совершенно случайно трансформировался в клубничную фею: большеглазую, с крылышками и в платье с розовыми яркими клубничками. Фея беззвучно позвала Дэна, и тот услышал и оглянулся, слабо улыбнувшись обескровленными губами волшебному существу. Фея приблизилась изящной походкой приблизилась к замученному парню с мокрыми волосами и с порезами на спине, руках и лице, нанесенными острыми струями дождя, и подала ему руку — чтобы помочь подняться. Чтобы он больше никогда не сидел на этой холодной могильной земле.

Пару минут они просто смотрели друг на друга, как будто заново знакомясь, узнавая и понимая. Каждый как будто гипнотизировал другого, не желая одновременно с этим вырваться из плена чужого взгляда. И потревожили влюбленных только детские веселые крики и теплая фонтанная вода.

— Извините, мы случайно! Мы не хотели! — заорали игравшие в фонтане мальчик и девочка, теперь принявшиеся бегать друг за другом с бутылками, в которых была набрана вода. Они брызгались ею и вопили, явно решив заранее справить праздник Ивана Купалы.

Девочка убегала от мальчика, обзывая его дурачком, тот гнался за нею, но запнулся около лавочки с молодыми людьми, и добрая половина содержимого его бутылки попала на спину и правое плечо Дэна, потому что он успел заслонить собой свою девушку. Реакция у него всегда была отменная.

— Совсем с ума сошли? — мигом вскочила Машка, но дети не испугались ее и с интересом уставились на возмущавшегося Чипа. Вроде как она сама виновата, что сидела там, где они играли.

— Мы случайно, простите нас! — хором выдали малыши, впрочем, ни капли ни сожалея о содеянном.

— Случайно с бутылками не бегают. — Одарила их нехорошим взглядом Маша. — Вот ведь мелкие засранцы. Играйте где-нибудь в другом месте. Ты в порядке? Эй, Дэнни, а это тебя высшие силы покарали, да. За то, что ты меня за нос водил.

— Конечно. Высшие силы совсем как дети. Им только дай кого-нибудь обрызгать. Самая лучшая кара.

— Тебя не обрызгали, на тебя вылили полбутылки. Может быть, ты совсем стал неудачником?

Смерч только засмеялся, стряхнул капли воды с волос и стянул с себя мокрую футболку.

Для Машки это было слегка неожиданно, как и для проходивших мимо девчонок лет семнадцати, которые мигом оглянулись на парня с хорошей фигурой и захихикали. А Мария замолчала.

И все-таки правильный разворот его плеч и их форма к тому же в обнаженном виде очень нравились девушке. Она немедленно захотела обнять Дениса, пока он не натянул одежду вновь. Но, взглянув на него, только улыбнулась очень задорно, а потом вытащила мобильник.

— Смерчинский, стой смирно, я тебя буду запечатлевать на память. — Скомандовала она, нажимая на кнопку телефона.

Дэн не стал долго позировать для фотографий, а решил вдруг, что было бы неплохо вновь кое-кого обрадовать умелым поцелуем.

Она обрадовалась, правда, вначале застыла, и только через минуту несмело обняла его за плечи и сильнее прижалась к Дэну.

Кажется, они помирились или просто делали вид, что у них все хорошо.

Нет, все же они были искренни.

— Фу, взрослые целуются, — сказала девочка мальчику через пару минут, глядя на облитого парня и его девушку из кустов. — Фу, противно.

— Противно. — Согласился мальчик, тоже зорко следя за парочкой с великим подозрением. — Если я на тебе женюсь, как мама говорит, я тебя целовать не буду. Ясно?

— Ну и не надо. Целуются только дебилы. Ты дебил! — и малышка пулей вылетела из кустов. Мальчик, он же ее будущий жених, он же дебил, погнался за ней со злобной рожицей. Дебилом он быть не хотел и все же в тайне наделся, что когда-нибудь станет, как этот взрослый парень, обнимать какую-нибудь красивую девушку, а не эту писклявую дуру с косичками. И плечи у него будут такие же крутые. И машина будет классной.

— Спасибо, — прошептал Смерч мне на ухо, и я кивнула в ответ, не отпуская его плеч.

Да, у него были действительно шикарные плечи, классные руки и чувственные губы. И аура — или как еще можно назвать то незримое вокруг него, что притягивало к себе со страшной силой? — была коктейлем из самой нежности, смешанной с молоком, тропическими фруктами и неясным пока желанием чего-то большего и яркого.

И как бы мне не хотелось говорить это, рядом с Дэном я чувствовала замирающий от любых прикосновений чудесный восторг, особенно тогда, когда имела шикарный шанс чувствовать его тело. Кажется, даже простая футболка может быть настоящей преградой для проявления новых искренних чувств.

«Плечеманка», — закричали головастики и попытались раствориться в радуге, прочно поселившейся в моей голове.

Ну да, точно. Пусть так.

Я медленно провела рукой по темно-шоколадным волосам и снова опустила руку на шею парня, заметив, как на ней бьется голубоватая жилка. Мне захотелось на нее подуть.

Дэн глубоко вздохнул. А я едва слышно и облегченно.

Хоть и слегка сейчас и ненавидела его, и готова была и убить, и пожалеть, и успокоить, и сказать обидные слова, но, кажется, мне пора признаться кое в чем — не ему, себе.

Я, кажется, обожаю этого Дьяволенка. Несмотря на все его закидоны, поступки и вечного «бурундука».

— Хэй? — позвал он меня тихо, наверное, догадываясь о моих чувствах — он ведь умный, должен… — Почему ты молчишь?

Мы соприкоснулись лбами.

— Не знаю. Но, Денис. — Мой голос звучал негромко, как со сна, и, мне показалось, он немного дрожал — то ли от поцелуя, то ли от того, что я сейчас услышала, — не делай больше глупостей. Маша — не Железный Дровосек.

— Ммм? — он отстранился и с печальной нежностью, от которой головастики дружно умилились, молитвенно сложив перепончатые лапки вместе, и оперным голосом воспели: «Аллилуйя!», посмотрел на меня.

— У меня сердце не железное. Начнешь кидать его, сразу же разобьешь.

— Я обещаю, что буду держать твое сердце очень аккуратно, — пообещал он серьезно. — К тому же моим рукам нужно обо что-то греться, помнишь? И, правда, прости меня. Не оставляй, хорошо? Хорошо? И, знаешь, Маш, Инна…

— Не хочу ничего про нее слышать, — резковато оборвала я его. — Инна — это прошлое?

— Да, — уверенно кивнул он, — теперь — да. Прошлое.

— Отлично. Тогда не будем вспоминать о прошлом, и будем жить… — Я сделала паузу.

— Настоящим? — тут же спросил Дэн.

— Сам живи настоящим. Я в вашем всеобщем представлении — ребенок, так что буду жить будущим. Но, в принципе, давай жить настоящим. Пока что оно очень прикольное. Пойдем уже из этого парка? Идиотские дети. Видел, они теперь на нас из кустов пялятся? В шпионах, видать, играют.

— Глупая.

— А теперь опять куда-то бегут.

— Хочешь, я за тобой тоже побегаю? — вежливо спросил Смерч, как бы невзначай беря меня за руку.

— Нет.

— А ты помнишь, я говорил тебе одну важную вещь?

— Какую же?

— Ты сегодня новая и необыкновенная. Умеешь быть разной, и мне это очень нравиться. — Слова Смерча согрели тысячу маленьких сердечек моих мыслей. — Колючий подросток, девочка-свой-парень, фея, дарящая тепло, романтическая принцесса, стервозная леди. Я сделаю все, чтобы ты меня точно-точно простила. Веришь?

— Верю, — я хотела проворчать эти слова, но, вспомнив, что я вроде как еще и якобы стервозная леди, с независимым видом надела стильные черные очки и сказала это слово довольно-таки ехидно.

mir-knigi.org

Уже около выхода из парка, когда мы почти дошли до брошенного байка, Смерч вдруг задал глупый вопрос:

— А если бы я предложил жить не настоящим, а будущим, что бы ты тогда сказала?

— Сказала бы, что будущим живут только коммунисты, а мы должны жить настоящим. — Было ему ответом. — Короче, Смерч, давай уже просто жить?

— Давай. — Согласился он, подпрыгнул на ходу и сорвал с близ растущей цветущей сирени светло-фиолетовую пышную веточку.

Мелкие знакомые олухи, которые облили нас, вернее, Дэна (спасибо, милые детки! Если я узнаю ваши имена, то обязательно назову в честь вас своих сына или дочку, честно-честно!) уже бегали вокруг соседнего дерева.

— Если найдешь не четыре, а пять лепестков на сирени, — важно вещала девочка парнишке, — загадай желание и съешь его — тогда желание исполниться!

— Точно?

— Точно-точно. — С видом независимого эксперта покивала головой девочка с косичками, активно просматривая ветки сирени. —

— О, кстати, тема, — вспомнилась мне тут же детская забава. — Я тоже искала раньше сирень с пятью лепестками!

Дэн задумался, пригляделся к своей веточке, что держал в пальцах, вдруг улыбнулся и, осторожно сорвав цветочек с пресловутыми пятью лепестками, протянул его мне.

— Ешь.

— Эй! Как ты умудрился найти его так быстро? — жутко удивилась я. — Они же очень редкие!!

— На сцене Лаки бой, Чип, — подмигнул Денис и умудрился одним движением запихать мне цветочек в рот, взял за руку и повел за собой, довольный-предовольный. Он даже что-то там проговорил насчет того, что таким образом в меня можно будет и капусту впихивать.

Возмутиться я не успела. Потому что лихорадочно загадывала желание, и потому что вслед нам пронеслось:

— Егор, Марта, немедленно домой! Быстро!!

Шальных детей усиленно искала девушка-подросток с африканскими косичками. А теперь они дружно сбегали от нее.

«Ну-у-у, теперь ты знаешь, как назвать своих детей?», — ехидно сообщили мне головастики, фиксируя этот памятный момент в своих рукописях. Чтобы потомки могли прочесть об этом.

Дав себе установку весело провести время, я все время улыбалась, смеялась и шутила. Дэнни вел себя очень мило и нежно. Ничего необычного он, слава Богу, не затеял, хоть и обещал сделать свидание особенным. Но на самом деле с ним было бы прикольно проводить время даже сидя в подвале.

Сначала мы гуляли и ждали, когда его многострадальная футболка высохнет. Смерч хотел

купить себе новую (как раз на пути нам попался нехилый мужской бутик), но я не разрешила — под предлогом того, что транжирить деньги — не дело. А на деле все время на него пялилась, как озабоченный сталкер на жертву.

Потом он долго катал меня на «Выфере», по которому я уже соскучилась, все время следя за тем, чтобы я была в шлеме. Мы изредка останавливались около наших местных достопримечательностей, обнимались, или смеялись, или покупали что-нибудь, или разговаривали обо всем на свете, и фотографировались вместе. Пару раз Дениса встречали дружки и знакомые, они весло приветствовали его и махали мне. А около открытого скейтпарка, в котором гремела громкая задорная музыка, и собиралось множество народа (тут мы оказались совершенно случайно), я сама встретила сегодняшнего случайного знакомого.

— Привет! — приземлился около меня парень, в котором я тут же узнала одного из тех, кого я видела сегодня в магазине украшений. — Ну что, подошло?

— О, привет! Не знаю. — Кольцо Смерчу я еще не вручила. Сначала злилась и вообще хотела выкинуть, а потом забыла.

— Это кто? — тут же спросил Дэн, желающий быть в курсе всего. Глядел он на молодого человека доброжелательно, но его рука тут же оказались у меня на талии и даже как-то слегка подвинула меня назад. Вроде как он здесь главный, а не я.

— Знакомый, — застеснялась я — не самого парня, и не факта наше встречи, а того, что покупала Смерчу подарок.

— А-а-а, ты ее парень, да? — скейтер был человеком с открытой душой и совсем без комплексов. Поэтом и задавал дурацкие вопросы. Он хлопнул Дэна по плечу и заявил:

— У тебя клевая девчонка!

— Я знаю. А ты имеешь на нее планы?

— Не-а! Это она на меня сегодня их имела. — Выдал парень.

— Ты сегодня его имела, Маша? — задумчиво спросил у меня Смерчинский, со зловещим видом наклоняясь к моему лицу, и его пальцы чуть сильнее сжали меня, — да ты никак можешь быть очень плохой девочкой?

— Сам ты плохой мальчик. Кто о чем, а вшивый…

— Она сегодня полмагазина заставила перемерить кольца, — заржал в голос парень со скейтом. — Пришла покупать своему чуваку кольцо, а размер не знала! Вот все и мерили. И я тоже. Тебе оно понравилось?

— А я его еще не видел. Так ты купила мне подарок? Как мило, — звонко расхохотался Дэн, оглядел меня, понял, что в карманах у меня подарка нет (для верности он еще и нагло залез в них, заслужив от меня недобрый взгляд), а потом залез и в сумку, где в два счета нашел коробочку с кольцом.

— Маша, — тут же заявил он, заглянув в нее и улыбнувшись, — я, так и быть, женюсь на тебе. Надень сама? — и протянул мне ладонь.

— Умник, я замуж не хочу, — покачала я головой, но была «уломана» его просящим взглядом и

наигранно закушенной губой, и кольцо на его палец все же надела, правда, на указательный. Оно подошло идеально. Не зря я так старалась в магазине вместе с продавцом…

— Когда женятся, то на безымянный надевают, — заметил скейтер тут же, хотя его никто не спрашивал. — Ну вы, ребята, улетные!

Дэн согласился, что мы такие и мигом переодел серебряный подарок на безымянный палец, взял меня ладонями за щеки и тихим шепотом поблагодарил.

— Откуда ты знала, как сделать мне приятное, а? Читала мои мысли? Ты нашла кольцо с ящеркой, ты просто плутовка. — Он коснулся губами моего носа. — Спасибо. Бурундучок подарила мне пару лишних тысяч тонн хорошего настроения. Да… У меня для тебя тоже кое-что есть. Ты просила это давно, а я сделал только сейчас. — С этими словами он очень аккуратно достал из рюкзака, перекинутого сейчас за плечи, а не оставленного на байке, небольшого пегаса из плотной светло-розовой бумаги.

Скейтер присвистнул.

Ничего особенного, но на миг у меня перехватило дыхание, к тому же еще я знала, что губы у меня слегка приоткрылись, а между бровей появилась морщинка — потому что я стала серьезной, польщенной и удивленной одновременно, а мимика не замедлил сообщить об этом всему свету.

— Это мне? Пегасик? Денис, спасибо, какой он прикольный, — я обрадовалась не меньше, чем он. Оригами в виде крылатого гордого коня пришлось мне по сердцу и поселилось там, наверное, навечно. Кажется, у орла появилась мечта — купить упряжку или открытую карету. Чтобы впрясть в нее бумажного красавца и взлететь в небо уже без помощи своих крыльев. Ведь в мире орла пегас был вовсе не бумажным и неподвижным, а настоящим, резвым и очень красивым волшебным конем.

— Ты — чудо, — сказали мы вдруг и сами удивились того, что одни и те же слова сорвались с наших губ почти одновременно. А потом так же вместе засмеялись.

— Черт, я аж умилен! Я умилен, держите меня семеро и убирайте прочь всех красивых девушек! — испортил романтику весельчак-скейтер, все еще крутивший рядом и разговаривая, по-моему, со всеми подряд. А людей вокруг, кстати, становилось все больше и больше, особенно подростков: старшеклассников и студентов в неформальной одежде, хотя были тут и те, кому можно было дать под тридцатник и даже больше, и компании глазастых любопытных пацанов по лет десять. Все они спешили к скейпарку, создавая кучу шума. У многих были скейты.

Я закатила глаза.

— О, кстати, у нас сегодня кульный контест скоро начнется, хотите посмотреть? — предложил вдруг компанейский скейтер,

— Crash June Jam? — заинтересовался вдруг Дэн, явно что-то знавший о мире скейтбордистов. Как потом оказалось, один из его тех самых близких друзей, отсутствующих в городе, увлекался именно скейтбордом.

— Он самый. Последний этап. — Подтвердил наш новый назойливый знакомый.

— Отлично. Чип, желаешь взглянуть?

mir-knigi.org

Чип желала.

— А я в джэме участвую, — хвастливо заявил скейтер. — Болейте за меня, и я стану про! Когда-нибудь… Но точно! И, да, меня зовут Джимми!

Он вскочил на ярко-красную доску и, оглядываясь на нас, повел к месту проведения соревнований. Crash June Jam являлся самым крупным состязанием скейткультуры не только в городе, но и в округе. Его финансировали какие-то крутые компании-спонсоры. Как сказал Джимми, Crash June Jam — предвестник летнего фестиваля неформальной музыки Crash-bym, который в этом году, совсем скоро, пройдет около нашего города.

Мы болели, как и просил господин Джимми, и еще добрых полтора часа смотрели на джэм-сессию — первую дисциплину соревнований, в которой скейтеров разбили на группу по 4 человека. По расчерченной граффити площадке катались настоящие профи, у которых доска явно была третей ногой, а не спортивным инвентарем. Я не знала, как называются все эти трюки, что они выполняли под громкий панк-рок, но была в восторге. Свидание в скейтпарке, на лучших соревнованиях года, в ореоле заряда позитива, драйва, веселья и желания победы во что бы то ни стало — что может быть круче? Вообще-то много чего, но в это время я так не думала. Просто наслаждалась моментом, стоя около радостного идиота, подарившего мне что-то вроде любви.

Джимми, непонятно с чего решивший, что я и Дэн стали его лучшими друзьями, занял в джэме второе место, набрал какие-то там баллы в личном рейтинге и, кажется, в рейтинге своей команды, и был счастливым-престчастливым. После оглашения результатов вдоволь пообнимался со всеми друзьями, с Дэном, дал пять мне и пригласил нас «на мега-пати», обменявшись аськами и телефонами, и исчез в неизвестном направлении — смотреть дальше вторую дисциплину, где участвовали его друзья. Я тоже хотела смотреть дальше, к тому же должны были выступать и девчонки, но Смерчинский уверенно увел меня из скейтпарка. Иногда он посматривал на часы и поднимал голову вверх, как будто бы ждал оттуда падения гуманитарной помощи.

— Я тоже теперь хочу скейт! — восторженно блестели у меня глаза. — Я буду кататься!

— Да ни за что. — Спокойно ответил Денис. — Я тебе не разрешаю.

— А я тебя и не спрашиваю. — Мигом рассердилась я.

— Боюсь, после того, как ты захотела за меня выйти и вручила кольцо, мне придется о тебе заботиться с большой силой. По-моему, ты из тех людей, которые влипают в неприятности, Чип, да?

— Балда. Ты у меня сам его забрал, кольцо! Эй, может быть, еще вернемся туда, еще посмотрим? — и я кивнула в сторону скейтпарка, где по-прежнему бушевала музыка и вопли зрителей.

Денис, сегодня решивший явно стать самым ласковым (вина, наверное, давала о себе знать), обнял меня, чмокнул в щеку и, отстранившись, посмотрел картинно на часы.

— Знаешь, кажется, пора по домам.

— Что? — не поверила я, потому что время было далеко еще не позднее, а расставаться с парнем я не планировала ближайшие несколько часов. — Уже??

— Ну да.

— И это все наше свидание, про которое ты говорил, что оно запомниться мне на всю жизнь? Не, скейтпарк — это, конечно, классно, очень классно, но нас туда вообще случайно позвали…

— Ага. А не ты ли просила меня по телефону ничего экстраординарного не предпринимать? — невозмутимость с лица Смерча никак не хотела убираться, а глаза нагло ржали — будь у них ноги, они бы ими от смеха точно задрыгали! — Или ты все-таки хочешь что-нибудь необычное?

— Ну да. Было бы неплохо. Ты и банальность — вещи несовместимые.

— Прости, я ничего не придумал. Я отвезу тебя домой. — И парень подал мне шлем.

— Не хочу домой. — Надулась я и сложила руки на груди.

— Уже поздно, скоро начнет темнеть. — Тоном заботливой мамочки сообщил Смерчик.

— И что? Или ты забыл о том, что вообще-то я на тебя злюсь?

— Ах, точно, — хлопнул парень себя по лбу. — Ладно. Ты меня уговорила. Чип, тебе все равно придется ехать со мной, так что надевай, — и он все равно вручил мне черный интеграл. — Приедем как раз к назначенному времени.

— Что еще за назначенное время? Куда мы?

— Это сюрприз. Садись и крепко держись.

Следующие пару часов головастики дружно восклицали «яххххоу!» и больше ничего не могли вымолвить от восторга.

Мы вновь оказались на мотоцикле (держаться за человека, который тебе небезразличен — это клево, нереально клево! Потому что знаешь, что сейчас держаться за него нужно не только в фигуральном психологическом смысле — чтобы не потерять, но и в физическом — чтобы не грохнуться наземь!) и уехали за город, туда, где, оказывается, располагался частный аэродром. Я не знаю, откуда Дэн брал свои гениальные идеи о том, как сделать свидание необычными, но у его задумки всегда получались яркими. Воистину, у него котелок варит не так, как у большинства.

Когда мы оказались на территории аэродрома, где то и дело слышался в отдалении шум моторов то ли вертолетов, то ли самолетов, я только головой вертела, не понимая, что задумал парень. Увидела ветроуказатель и заулыбалась — так было приятно и неожиданно.

— Мы что, с парашютом будем прыгать? — спросила я, глядя на диспетчерскую будку. С парашютом я не прыгала никогда, только хотела и знала, что когда-нибудь я сделаю это. Точно также я с детства мечтала прыгнуть с тарзанки, и моя мечта исполнилась — между прочим, прошлой осенью. Мы с одногруппниками специально поехали ее исполнять в один из парков, в котором был специальный кран, располагающийся над небольшим водоемом. Лида прыгать отказалась, но согласилась Маринка, и после этого стала сильно бояться высоты. Димка тоже прыгал, а потом, кажется, еще пару раз ездил в это место с какими-то друзьями. Меня с собой брать отказывался, балбес, хотя я была бы не прочь еще раз совершить это маленькое безумство… Да, прыжок с тарзанки в 35 метров — мой единственный экстремальный поступок, который заставил мои надпочечники выработать годовую норму адреналина за несколько минут.

— Нет, — отозвался Дэн. — Не с парашютами прыгать.

— Без них? Извини, парень, я еще не настолько безумно влюбилась в тебя, чтобы совершить совместное самоубийство в знак нашей вечных неземных чувств. — Тут же отказалась я. — Ну, так что мы будем делать?

— Сейчас узнаешь, Чип. Потерпи, девочка.

И мы пошли дальше вслед за улыбчивыми сотрудниками аэродрома.

«Что он задумал??», — строчил на пергаменте салатовый в крапинку головастик, страдающий избыточным любопытством. Его собратья лишь пожимали плечами. Они пока только догадывались.

Оказалось, Дэн заказал вертолет для обзорной экскурсии над городом и озерами. Когда я узнала это, мне захотелось отдать ему все, что у меня было, включая одежду и волосы.

— Это что? — задала я очень глупый вопрос, когда издалека увидела аэродром, с которого в небо взлетала компактная желто-синяя машина.

— Вертолет. — Выступил в роли кэпа Дэнв.

— Какой?

— «Робинсон R-44».

— Ты что, пилотом будешь? — разинула я пасть от неожиданности.

— Нет, — зачарованно глядя на вертолет, отозвался Смерч. — Я не умею пилотировать.

— Не умеешь? Бог мой, ты хоть что-то не умеешь! — Обрадовалась я. — Да ты не идеальный!

— Это моя небольшая мечта — научиться управлять им. — Признался брюнет, и его друг ветер тут же встрепал ему волосы, мне, впрочем, тоже.

— Маша сейчас отдаст Богу душу. Маша в восторге…

Вежливые, доброжелательные дяденьки, сопровождающие нас, с улыбкой посмотрели на счастливые рожи дурачков Чипа и Дэйла. Наша реакция им явно нравилась. Для них мы явно выступали в роли психбольных, которых впервые вывели на прогулку и показали настоящее дерево.

После вертолетной прогулки это стало и моей мечтой тоже… Скейт, вертолет и Смерч — что может быть хуже для такой милой барышни, как я?

Головастики ответа не знали, а у орла спросить не могли по причине его отсутствия.

Через полчаса, пройдя обязательный предполетный инструктаж, на котором рассказывали, как нужно правильно застегивать ремень безопасности и что не нужно делать во время полета, чтобы вдруг «случайно не выпасть куда-нибудь в лес» (это так пилот пошутил), мы оказались на самой вертолетной площадке. И вдвоем с одинаковым интересом уставились на черного с белой полосой посредине красавца, который издали смотрелся, как игрушка, а вблизи оказался мощной машиной, как потом выяснилось, очень маневренной и комфортабельной.

mir-knigi.org

— Прошу, молодые люди, — пригласил нас на борт своего железного воздушного коня пилот — крепкий с виду коренастый мужчина с басовитым уверенным голосом. — Закат увидим. Так что ждите ярких впечатлений!

— Дэн у нас как раз по ярким впечатлениям спец, — с замиранием сердца произнесла я.

— Так, застегивайте ремни, надевайте наушники и удобно устраивайтесь. — Продолжал пилот и еще раз напомнил. — Как вы уже знаете, экскурсия займет около получаса в одну сторону. Полет будет выполняться по левому берегу реки, далее мы направимся по руслу на юго-запад, пролетим заповедник и, — пилот назвал пару населенных пунктов и достопримечательностей, — а потом рванем покружить над озерами. Приземлимся на аэродроме «Озерный», там вас будет ждать глинтвейн и вечерняя прогулка.

Если бы в это время рядом оказался орел, он бы потирал крылышки, готовясь к полету, а монстрик приплясывал от нетерпения, похлопывая перепончатыми крыльями по бокам, но, увы, никого из них рядом не было. Кажется, полупрозрачный Дэн и протянувшая ему тонкую, но надежную руку помощи фея остались где-то в небе, словно заранее знали, что Маша и Денни поднимутся туда.

Мы оба, предвкушая полет, расположились позади пилота (между передними и задними сидениями не было перегородки). Места в вертолете было мало, и мы сидели вплотную друг ко другу, крепко застегнутые на ремни безопасности, которые просто-таки приклеивали к сидению. Сердце замирало от того, что сейчас мы прорвемся через силу притяжения и окажемся в обители ветров.

— Боишься? — спросил Смерч, перед тем, как мы взлетели. Его голос непривычно раздался в закрытых наушниках, защищающих уши от гула двигателя и создающих полнейшую тишину.

— Нет, конечно. Ты же рядом, сверхчеловек, спасешь, если что. — Ответила я, все же волнуясь, как перед праздником.

— Точно. — Он улыбнулся.

— Готовы? — весело спросил пилот. — Поехали!

Я думала, взлет будет долгим, но всего лишь пара секунд — и мы оказались на высоте, постепенно набирая и набирая ее, и, кажется, все ближе приближаясь к небу, начинающему играть предзакатными цветами и прощающемуся с солнцем.

Город все уменьшался и уменьшался, и выглядел аккуратной игрушкой, которую хотелось взять в руки — мы поднялись на высоту 100 метров, а потом и еще выше. Кварталы, парки, дороги, река, мост МВД, корпуса родного университета — все проносилось над нами очень быстро, и все казалось необычным, словно я увидела свой город в первый раз!

Скорость тоже все увеличивалась, и через пару минут мне показалось, что мы летим со скоростью света, но голос пилота, раздавшийся в наушниках, тут же любезно сообщил, что со скоростью 200 км\час.

Смерч кайфовал. Я видела в его глазах едва ли не экстаз, и была рада, что ему хорошо.

А я восторженно глядела вниз, замирая от пейзажей, на которых железная дорога казалась игрушечной, поля — совершенно бескрайними, уходящими за горизонт, а город и расположенные на нашем пути населенные пункты — ненастоящими.

mir-knigi.org

Дэн был восхищен не меньше, и на его красивом лице, на которое почему-то то и дело попадали последние косые лучи бронзового солнца, как будто бы оно было обрадовано появлением этого парня на небе, вблизи своих владений, появлялись то восторг, то удивление, то наслаждение от полета и от увиденных красот.

— Свобода! — прокричал он, уже устав фотографировать.

Тут же раздался голос пилота, который, кстати говоря, почти все время тоном профессионального экскурсовода рассказывал интересные факты о местных достопримечательностях:

— Дело говоришь! Небо — это свобода. И если ты человек воздуха — то сможешь расслабиться только тогда, когда покинешь тяжелую землю!

Как оказалось, дяденька увлекался эзотерическими представлениями о стихиях.

Я, на секунду убрав мобильник, на котором тоже делала фотографии, чтобы не забыть потом об этом прекрасном полете, вновь внимательно посмотрела на Смерча. А ведь действительно, на «Робинсоне» он спокоен и расслаблен, как будто бы груз его пока что неведомых мне проблем, остался где-то на земле.

— Точно, — прокричала я в микрофон, — Дэн у нас человек воздуха. Он к нам прямо с неба свалился!

Пилот засмеялся:

— А крылья прячет что ли, раз с неба упал?

Смерчинский ничего нам не ответил, только улыбнулся счастливо, и я погладила его по щеке.

— А я кто? — спросила я разговорчивого пилота веселым тоном, — я ведь не человек воздуха, хотя в воздухе мне круто!

— Ты, наверное, огненная леди, — тут же сказал наш небесный водитель, — огонь и воздух — родственные стихии, поэтому тебе хорошо в небе! Воздух разжигает тебя и дает кислород! Смотри только, чтобы воздуха не было много — под его напором иногда огонь еще и угасает.

— Спасибо за совет, — отозвалась я. — А мне что, чтобы почувствовать себя свободной, нужно к жерлу вулкана опуститься?

— Не думаю. Просто дать волю своему внутреннему огню, — было мне ответом.

И мы продолжали лететь дальше.

Закат, который я увидела в этот день, был самым памятным за всю мою жизнь. Потому что он был не надо мной, а передо мной: яркий, играющий сначала голубыми, перламутровыми и розовыми цветами, а потом фиолетовыми, золотистыми и темно-синими с вкраплениями брызг бордо. С земли закаты не казались такими красивыми. И это чувство было сродни тому, если бы ты всю жизнь смотрел спектакли в театре откуда-нибудь с галерки, а потом резко оказался в ложе.

— Я бы пару дней подряд смотрела на этот закат. — Сказала я, не отрывая взгляда от величественного неба. — Жаль, топлива не хватит.

mir-knigi.org

— Ничего, — весело отозвался пилот, — если что, сгоняем до бензоколонки, заправимся и опять рванем в небо, ребята!

— В смысле в бензоколонке?

— «Робинсон» может заправляться простым Аи-95, на заправке, — тут же пояснил Дэнни и добавил что-то про двигатели и карбюратор, удивив пилота.

Через полчаса мы подлетали к озерам, расположенным в километрах шестидесяти от города. С неба они казались синими блюдцами с ровными краями, вокруг которых располагались поселки, домики для отдыхающих, санатории, пока еще пустующие пляжи, готовых через неделю-две, когда вода совсем прогреется, принимать первых туристов.

Мы довольно плавно приземлились на небольшом местном аэродроме и, оставаясь под впечатлением от вертолетной экскурсии, были препровождены в местное кафе. Оно располагалось около большого, чьи берега не было видно, бархатного спокойного озера. Там нам, слегка замерзшим от полета, подали вкусный горячий глинтвейн и горячий шоколад. Сначала бармен думал, что шоколад предназначается для меня, а глинтвейн — для Смерча, и изрядно удивился, когда выяснилось, что шоколад заказал Дэнни.

Я и Дэн пили горячие ароматные напитки, грея о бокалы ладони, и болтали. Хотя, в основном это делала я, потому что во мне после полета проснулось столько эмоций и впечатлений, умолчать о которых было для меня чревато разрывом мозга. Я говорила, Дэн слушал, кивал мне и вновь улыбался, только не своей широкой улыбкой, а уголками губ, спокойно и с пониманием.

Затем оказалось, что до обратно отлета в нашем распоряжении есть еще полчаса, и Смерч повел меня на пристань к озеру, около которого находилось наше кафе. Там нас ждала двухместная темно-коричневая прогулочная лодка с веслами.

Головастики совсем обалдели и начали писать благодарственное письмо своим коллегам, проживающим в голове Дениса. Правда, ее обитатели для головастиков были сродни загадочным инопланетянам. Но разноцветные мысли все равно жутко желали познакомиться с ними.

Писцом назначили ярко-сиреневого, с бабочкой-галстуком и отменных каллиграфическим почерком. Этот головастик имел слегка дурной характер, и никак не желал учить Марию умению красиво писать — оттого ее подчерк был неразборчивым и неровным, зато этот парень от всего сердца одарил девушку подозрительностью и любовью перечить.

Сиреневому диктовали, а он писал на дорогой гербовой надушенной бумаге.

«Добросердечные милорды!»

а не слишком ли это пафосно, друже?

— Садись, Маша, — сказал мне Сморчок, помог взобраться на лодку, и через пять минут мы были довольно далеко от берега. Я теперь молчала. Я была поражена. Я пару часов назад хотела разорвать его на куски — от злости и обиды, теперь тоже хочу это сделать — от подаренного счастья.

пиши дальше, балбес!

да кто из нас балбес! Пишите сами!

«Спешим поприветствовать вас, как истинных джентльменов, и желаем представиться вам…»

— Ты сам все это придумал? — спросила я, гладя на воду. В этих местах была пару раз, но давно. Теперь просто наслаждалась, устав удивляться. Водная гладь вокруг казалась спокойной, и только круги от весел нашей лодки беспокоили ее. Мне даже стало страшновато на открытом водном пространстве.

— Конечно, — улыбнулся он и перестал грести, опустил весла и потянулся.

— Ух ты, ну у тебя и голова. Ты нереальный тип. Ты с Плутона! — выдала я.

— Я с Урана. А ты с Юпитера.

«Вы показали себя с воистину самой прекрасной вашей стороны, разрушив все наши стереотипы о современных юношах…»

Я еще никого с Урана не встречал, Боже правый… Я его боюсь!

Пиши, умник!! Не расстраивай хозяйку!

— Да-а-а? — протянула я с приятнейшей улыбкой санитара, который манил пальчиком сбежавшего больного. — Ну, не знаю… насчет тебя я и не сомневалась. У тебя явно какие-то инопланетные гены есть, Дэн. И у родственников твоих тоже. — Мне вспомнился супермолодящийся крутой дедушка, владелец ночного клуба, утонченно-жесткий Гарри в дорогом костюме и сумасбродная Инга. — А вот я с Земли — это точно. Короче, придумать такое… Не каждому дано. Тебе бы организатором вечеринок быть и праздников. Смерчинский, ты готовая тамада. Что ты смеешься? Ты, правда, классный.

— Не хочу быть тамадой. Мне это неинтересно. — Отказался он от моего предложение. — Одно дело — готовить что-то для близкого человека, а другое — для посторонних личностей.

— То есть, ты все делаешь… как это говориться, по вдохновению?

— Да. И только тогда, когда я этого действительно хочу. — Признался он.

— А я для тебя — близкий человек? — спросила я, затаив на всякий случай дыхание.

— Мне трудно это признать — но да. — Ответил он уже с печальным взглядом умудренного взглядом главврача все той же клиники, у которого на приеме сидели не менее печальные родственники больного, готовящиеся услышать печальную правду. Дэну только очков на носу не хватало. — А я для тебя?

— Ты так неожиданно вломился в мою жизнь и привнес в нее сколько глупостей и шума, что, пожалуй, я могу читать тебя близким, — отозвалась я, опуская руку в прохладную воду. Только те, кто нам дороги могут сделать нашу жизнь чокнутой.

— Отлично. — Непонятно зачем сказал он. — А я чокнутый?

— Есть в тебе такое качество, Смерч.

«Вы, благородные судари…»

зачеркни, дурак, мы придерживаемся английской традиции!

«…милорды, доставили нам массу удивительных мгновений, которые навечно останутся в нашей памяти…»

— Я рад этому. Однажды я слышал поговорку: «в шторм — любая гавань — спасение». Это про тебя.

— Когда это я стала тебе гаванью? — подняла я взгляд на его сосредоточенное лицо.

— Когда я назвал тебя другом.

— Понятно. Ты отличный друг. И тебя эксплуатируют по полной.

— Нет, кажется, я эксплуатирую всех.

Мы замолчали.

«И если когда-нибудь наша подопечная в той или иной форме приносила вам беспокойство, мы самым искренним образом просим у вас прощения и кланяемся…»

я не буду кланяться! Чего этот вдруг мне… Эй, отдайте мне перо!! Да буду, буду я кланяться, видите??

«…бьем челобитную…»

неправдоподобно.

«…встаем на колени…»

хорошо-хорошо, я не буду подлизываться, остановлюсь просто на «кланяемся»!

«… ибо, если вы нас не простите, не будет нам покаяния…вечного никакого покаяния не будет»

— А когда я стал тебе другом? — Спросил зачем-то Дэн.

— Ну, как же, в тот самый момент, когда я превратилась в гавань Смерчинского, я и стала его другом. А если спросить, когда я успела стать гаванью, ты вновь ответишь, что тогда, когда ты назвал меня другом. Получается круговорот дружбы между бурундуками. Забавно, не находишь?

— Нахожу, — серьезно кивнул он. — Но ты ведь знаешь, что я не дружбы хочу.

— Да и тоже не хочу просто дружбы. Раз ты случайно стал моим парнем, значит, им и останешься, — я рассмеялась.

mir-knigi.org

— Да.

«За сим прощаемся с вами, и будем ждать вашего ответа, как соловей лета, с большим смирением и нетерпением!»

а можно я подпишу «о, наши божественные господа? Нет? Я так и думал.

Отлично! Не страшно. Ведь у него было столько девушек, наверное, с самого детства!!

— Во сколько лет у тебя был первый поцелуй? — вдруг спросила я у парня, вновь начавшего грести.

— В 11 или в 12, около того, — признался он, не смущаясь и не спрашивая, почему я это спросила. — С милой девочкой из параллельного класса. Я до сих пор помню, что от нее пахло горькими духами ее старшей сестры. Это было очень мило, — и он беззаботно рассмеялся. — Мы как бы поцеловались, а потом ели шоколад. Я не знаю, на что эта попытка поцелуя была похоже, но без смеха не могу вспомнить. А у тебя как с этим обстояли дела, Чип? Во сколько лет и с кем? Порадуй меня и скажи, что я был первым. Или я буду первым в чем-нибудь другом, а?

Нет, от извращенских наклонностей парней не избавит даже волшебство. Ну, на самом деле, Дэн-то еще приличный, а есть такие типы, просто держись!

— Первая всегда я, а не ты. В 13, с дебилом из лагеря. — Отвечала я. — Вообще мне нравился другой мальчик, но он предложил дружбу моей соседке по комнате, и мне ничего не оставалось делать, как принять точно такое же предложение от его дружка. Ух, и бесил же он меня! Я ему в конце смены даже врезала.

— Почему?

— Потому что он не умел держать руки около собственного тела, — хмыкнула я.

— Вот как? — понимающе улыбнулся Смерч. Видимо, у него руки тоже шебутные были и жили своей жизнью в подростковом возрасте, да и сейчас тоже.

Я сделала страшные глаза:

— Ну, ты понял, он начал конкретно приставать, а моя нежная детская…

— Бурундуковская… — вставил парень.

— …психика не выдержала этого. Эй! Прекрати уже! Я выйду замуж и поменяю эту идиотскую фамилию на нормальную. Это Федьке всю жизнь мучиться. И Насте теперь.

— Думаешь, он комплексует по поводу фамилии? — засмеялся Смерч.

— Кажется, нет. По-моему, парни просто без ума от своих фамилий, даже если она звучит совсем дерьмово, — мрачно отозвалась я. — Ваши фамилии вам всегда нравятся, и вы даже не думаете о том, чтобы их поменять.

— Маш, да мы вообще не дураки, — отвечал он мне чересчур вежливо, явно взяв на себя обязанность сказать веское слово за всех своих собратьев по несчастью, то есть по полу. —

Знаешь, нежность у меня всегда ассоциировалась у меня с глупостью.

— В смысле?

— В прямом. Девушки очень нежные, но слегка глуповатые. Спорим, ты в своем лагере продолжала встречаться с пареньком, который тебе не нравился, потому что тебе не хотелось отставать от других девчонок в отряде?

— Какой ты умный. Это естественное желание, между прочим. У мужиков оно тоже встречается, если ты не заметил, — не отставать от других и показывать свою крутость. Что, скажешь, это не так?

— Есть такие, — согласился Дэн. — Значит, он распускал руки и не нравился тебе этим?

— Не совсем. Он не то, чтобы был страшным или противным, просто я понимала, что это — не мое. Не мое и все. И целоваться с ним было как-то не ахти. Или мне просто встречались такие, с которыми целоваться было не очень.

— Я лучше их, правда?

— Неправда. Ну ладно, ладно, не строй такое лицо, ты классный. — Я тряхнула волосами. — Давай, приедем сюда в июле?

— В середине или ближе к концу, — чуть подумав, ответил Дэн. — В начале июля не смогу, Бурундучок, прочти.

— Поедешь куда-то? — спросила я ревниво.

— В Галаз.

— В Галаз? Городок на Черном море? — вспомнилось мне. Галаз — курортное известное местечко с греческим названием, который сократили, как могли, на русский манер, располагающийся в субтропиках.

— Да. Улечу в конце июня, у нас билеты на 26-ое, — отозвался задумчиво Смерчинский.

— А у нас сессия только 30-го закончиться, будет последний экзамен. — Вспомнилось мне. — А с кем летишь?

— Один. Может быть, с мамой, — сказал мне Дэн.

— И когда прилетишь обратно?

— Через неделю, точно не знаю. У нас там родственники, и у одного из них намечается юбилей. Но знай уже сейчас, — синие глаза посмотрели на меня внимательно, — я буду скучать.

— Знаю. Везет тебе, увидишь море. — Вздохнула я. Смерча не хотелось куда-то там отпускать уже сейчас.

— Не хочу его видеть. Слушай, я еще раз хочу попросить у тебя прощения, Маша, — сказал Дэн, вмиг посерьезнев, — за то, что сделал.

— А я еще раз скажу тебе, что подумаю над твоим прощением. Хотя, если окунешься в озеро

mir-knigi.org

прямо сейчас, я вообще никогда в жизни этого не вспомню, — я все же захотела подколоть Смерчинского, вспомнив вновь его обман. — Слабо?

А он опять решил меня поразить и напугать заодно.

Кажется, мужчины, даже самые умные, не ненавидят быть слабаками в глазах женщин.

„Готовые помочь и подсобить в чем бы то ни было, кроме преступных незаконных действ, искренне ваши, господа Машины Головастики.“

ребята, че он делает? Он зачем раздевается?

А он крутой чувак!

Господа, Денис, что, в лодке хочет ЭТО сделать?

Спасайте хозяйку! Включайте рефлексы!!

Дебилы, ох, дебилы, лучше мозг включите и мыслительный процесс ее ускорьте! Он же прыгнуть хочет!

— Дэн, ты что делаешь? — во все глаза глядела я на то, как он стягивает футболку. — Эй! Перестань!

— Я прыгну, если просишь. — Он улыбнулся мне и принялся расшнуровывать кеды. Не так все понял! Идиотизм какой-то, а не жизнь!!

— Не смей! Ты меня вместе с лодкой на фиг перевернешь! — закричала я сердито.

— Я же сказал, что сделаю все, что попросишь, Чип. Я не переверну лодку, не бойся, хорошо?

— Дурак, что ли? А если я попрошу с ума сойти??

Его улыбка стала чокнутой. Я не на шутку перепугалась.

— Денис Смерчинский! Хватит строить из себя героя! Прошу, — тихо добавила я, испугавшись. — Не надо, пожалуйста. Прекрати. Если ты это сделаешь, мне будет плохо. Денис, перестань, иначе я…

Он остановился. Так я поняла, как в нем проявляются его упрямство, чудно замаскированное улыбкой, и верность своим словам.

— Что?

— Я прыгну за тобой, и утону. Не надо. Слышишь?

Он вздохнул.

— Точно?

— Точно. И не пугай меня так больше, истерик. Если ты не заметил, я слегка на водных пространствах теряюсь. — Призналась я, с облегчением, видя, что Смерч и впрямь остановился и сидит спокойный, с довольной-предовольной улыбкой заправского ежика-игруна.

mir-knigi.org

— Ты — супер, — заявил он мне. — Тогда к берегу?

— Да.

— Там с тебя поцелуй.

— Если ты только футболку не наденешь. — Нашлась я.

— Я могу вообще все снять с себя. — Бессовестно предложил парень.

— Все, молчи!!

Только там, на безопасном берегу, я поняла, что нужно иногда думать, прежде, чем говорить — и не только в этой ситуации, а вообще всегда. Кажется, слова, сказанные вскользь, могут обидеть или ранить, даже если я не буду этого хотеть. Зато моя способность искать плюсы во всем все же заявила о себе — я вновь увидела его плечи и умилилась до дрожи в коленях. Ну и что со мной такое? Почему я все время хочу его касаться? Когда я была влюблена в Ника, в мечтах мне, конечно же, хотелось обнять его или поцеловать, но тогда я об этом просто мечтала, а теперь, находясь рядом с Денисом, знала, каково это — быть с ним и чувствовать его тепло в реальности. И это было похоже на самую настоящую зависимость — хотелось испытывать это еще и еще.

— Слушай, кажется, я не могу назвать тебя Смерчем. — Поделилась я вдруг своими мыслями с парнем, глядя на озерную воду. У того берега на лодке плавала другая парочка, и он с любопытством поглядывал на них.

— Почему? Теперь тебе не нравиться и моя фамилия? — Спросил Дэн.

— А чего она мне должна была нравиться? — фыркнула я и вновь серьезным голосом, на который трудновато было решиться, проговорила. — Просто для меня Смерч значит сметающий все на своем пути, большой, холодный и быстрый, Дэн — компанейский, дружелюбный и веселый, Дэнни — милый и плюшевый, Смерчинский — озабоченный и наглый, Лаки Бой — это уже неактуально, — тут я хмыкнула, вспомнив некоторые „удачливые“ моменты из биографии парня, — Дэнв звучит как-то по-мальчишески, это больше подходит для обращения к другу. Дэйл — вообще тупой бурундук в гавайской рубашке, а-а-а, терпеть не могу это слово! Короче, не знаю я, как называть тебя.

— Называй Денисом, — пожал плечами он, но посмотрел на меня с огромным интересом, как будто бы случайно нашел в антиквариатом шкафу хитрый потайной отдел с секретом, в котором хранилась пара старинных драгоценностей.

— А Денис пока для меня кто-то взрослый и неизвестный. — Призналась я.

— И как же ты будешь меня называть? „Эй, ты“? — полюбопытствовал молодой человек, — или „эй, парень“»?

— Как вести себя будешь, так и буду звать.

— А каким-нибудь нежным словом? — Поинтересовался он

— Это слюняво. Но если хочешь, я буду называть тебя моим милым? — Я захихикала при этом.

— Хочу. Почему бы нет? Это лучше, чем «эй, ты», правда? — рассудил брюнет. До пристани

оставалось совсем чуть-чуть. Пилот вертолета уже ждал нас там — я видела его коренастую фигуру.

— А не ты ли говорил, что все эти ласковые словечки банальны?

— Я. И что?

— А теперь соглашаешься. — Надулась я.

— С девушками желательно соглашаться во всем, — задумчиво потерев подбородок, на минуту отпустив весла, произнес Денис. — Но на самом деле я хочу от тебя нежности. Это даже для меня неожиданно.

— Тогда я буду думать над тем, как к тебе обращаться, Денис, — подмигнула я ему.

— Хорошо. — И он, пару секунд промолчал, прежде чем добавить:

— Маша.

Он хотел называть меня по имени.

Когда мы подплывали к берегу, то в озере уже отражались первые звезды.

Невидимые Дэн и девушка, похожая на фею, но все больше и больше приобретающая Машины черты, появились на точно такой же лодке прямо посредине огромного озера, касаясь руками глади воды там, и оставались там до тех пор, пока в ней не стали хорошо-хорошо видны бледно-желтая луна и серебряные звезды.

До аэродрома мы долетели немного быстрее, чем до озер — вертолет летел прямо и меньше кружил над местностью, зато покружил над полуночным городом, освещенным парой-другой миллионов огней. Дэн сказал мне, что мои глаза горят также ярко, как эти огни. А я впервые в жизни поцеловала руку человека — коснулась губами его запястья, мысленно благодаря за все. Кажется, он понял меня и молча кивнул.

Я и Смерч были умиротворены, как коты, которым в лапы достался молочный комбинат, а когда оказались на земле, то, кажется, даже устали от впечатлений, особенно я. Вроде ничего особенного не делали, летали и плавали, любовались красотами, разговаривали и целовались, но… мне хотелось забраться в постель и укрыться одеялом.

— Вызвать такси или на байке до дома? — спросил меня Смерч уже около диспетчерской. Я зевнула.

— А на автобусе можно? — Я подумала вдруг, что вести мотоцикл ему может быть трудновато, а на такси опять придется потратиться.

— Нет, Маша. Ладно, на байке. — Сам принял он решение. — Устала, да? Какая ты милая, когда усталая, молчишь, не дергаешься. — Дэнв сделал вид, что умилен сверх меры и сказал мне взять его под руку.

— Дэн, спасибо тебе за этот день, — пробормотала я, крепко в него вцепившись.

— Это тебе спасибо, глупая. Пошли.

Милая, глупая… подозрительно. Чего он на прилагательные перешел? А где его любимый бурундук?

Я плохо помнила, как он привез меня домой. В голове осталось лишь чувство удовлетворения от того, что я с ним, наглым Дэном, опять обнимаю его, чтобы не упасть с мотоцикла. А еще я опять наслаждалась скоростью его «Выфера», чувствую ее прикосновения по коже и наслаждаясь ими. Смерчинский, видя, что я засыпаю, не стал стоять со мной на улице, а, привычно взяв за руку, потащил в подъезд, зачем-то хорошенько оглядевшись, и довел до самой квартиры. Кажется, его синие глаза был немного чем-то обеспокоены. Но я уже не стала задавать никаких вопросов.

— Иди спать, маленькая, — сказал парень мне, отбирая ключи и самолично открывая дверь. — И будь осторожна. Пока, я уже скучаю.

И умчался со скоростью света, не забыв о прощальном коротком поцелуе.

Ни он, ни Маша не обратили внимания на черную тонированную машину, припарковавшуюся неподалеку от подъезда девушки. Теперь в ней находилось два человека: девушка и парень.

— Зачем тебе это надо? — спросила она с недоумением. — Ну, следить?

— Надо. — Молодой человек, крепко держащий руль, ударил по нему рукой. Объясняться он не должен был, но ему вдруг захотелось это сделать. Однако парень не успел и рта раскрыть.

— Я его знаю! — удивлено вдруг прищурилась девушка, наблюдая за Денисом. — Я его знаю! Это же Денис, и ты тоже ведь с ним общаешься!! Зачем ты за ним следишь?

— Замолкни, иначе он услышит твои крики, этот клоун. Сиди тихо. Я слежу не за ним, а за его подружкой.

Я вошла в квартиру, тихо захлопнула дверь (родители, кажется, заснули, они почти всегда засыпают рано) и прислонилась к стене.

— Зачем, зачем ты сделал мне такое идеальное свидание? — тихо спросила я вслух сама у себя, понимая, что глаза слипаются. — Ты что, и, правда, такой идеальный? Ведь таких не бывает.

Я разулась и вышла на балкон.

— Докажи мне, что ты придурок, — почти не слыша себя, сказала я, глядя на звездное небо. В городе воздух был другим, нежели на озерах. Грязным, удушливым. — Докажи, что ты распоследний идиот, иначе мне будет тяжело.

Поздняя птаха чирикнула мне в ответ.

— А цветы-то он мне все же не подарил. — Вновь сказала я сама себе, а потом постучала легонько по лбу, — тупица, он и так тебе устроил мега свидание!!

С этими словами я вошла в комнату, где на глаза тут же попался босой Федька в одних шортах, шлепающий на кухню с котэ на руках. Глаза котэ зловеще сверкнули в темноте.

— А, это ты, — окинул меня веселым взглядом брат и включил свет. — Что, со своим Дениской отжигала?

mir-knigi.org

— Ага. — Я в изнеможении опустилась в кресло.

— Я так и знал. И только одна мама думала, что ты у подружки занимаешься. Кстати, она рано заснула, а отец опять на очередном выезде. Везучая ты. Смотри, Машка, я тебя прикрываю только потому, что Дэн — смертник.

— В смысле? — я опустилась на пуфик рядом с зеркалом и вытянула ноги.

— Раз связался с тобой, то смертник. И только он сможет забрать тебя из этого дома, сестричка. Очень надеюсь.

— Как ты мне надоел….

— Да ладно, Машка. Я же шутя. Та какая-то не такая сегодня. Обидел он тебя что ли? — широкие брови брата сдвинулись к переносице.

— Нет, говорю же, устала я.

— Точно? — Федька иногда бывал хорошим, но тщательно это скрывал.

— Точно!

— Ну, смотри, если что, свисни своему великому брату-супегерою Федору Сильному, и я, так и быть, тебя защищу. А, да, а ты знаешь, почему я понял, что вы были вместе? — продолжал докапываться брат. Котэ дернуло ушами.

— И почему? — я уже собиралась идти спать.

— Потому что тебе тут цветы прислали пару часов назад. В записке сказано, что это Денис твой. Мать не видела, можешь не дрожать. — И старший брат, ухмыляясь, всучил мне белоснежную открытку

«Я думал, что если подарю их тебе во время нашей прогулки, они завянут, или усохнут, или ты их потеряешь, или с ними произойдет еще что-нибудь. Поэтому отправил тебе их домой. Надеюсь, тебе все понравиться. Д. С.»

Я вздохнула.

— Твой С.Д. - мега чувак. Я тут на работе узнавал про его родственные связи…

— Что сделал? — удивилась я. — Тебе что, заняться нечем?

— Ну, надо же знать, кто там к моей сестренке-дурочке клеиться. Короче, папаша этого твоего Дэна — бизнесмен, мама, — брат сделал акцент на последней «а», — бывшая модель, он, поди, в нее такой красавчик, — дед, дяди, братья — они все обеспеченные личности. Сечешь фишку?

— Какую?

— Денис Смерчинский — идеальный жених, — подмигнул мне Федька.

— Ага. Отстань.

— Только не думай, что у вас будут серьезные отношения, как у меня с Настей, к примеру, — сказал довольно-таки серьезным тоном он.

— В смысле?

— Замуж за него хочешь? — задал глупый вопрос брат.

— Я замуж вообще не хочу.

— А-а-а, ну ладно…

Только потом, через некоторое время, брат в порыве откровенности, хряпнув пиваса, заявил мне, что когда узнал о том, что представляет из себя мой парень и его родственники, то подумал: «Деньги идут к деньгам, богатые к богатым, богатенький мальчик не станет строить планов на простую девочку с самым обыкновенным именем и без состояния в кармане». Он даже готовился, в случае, если Смерч меня обидит, устроить ему «темную». Странные они, эти родственники. То до колик доводят, то стоят планы о защите…

— А, тут тебя сегодня еще двое домогались, — вдруг выдал Федька.

— В смысле?

— Некто Никита и Дмитрий. А еще тебе звонила девушка по имени Ольга. Кто весь этот народ? Что ты им сделала?

— Ничего! — я тут же вытащила телефон — я же его отключила перед полетом! Что твориться? Что им, в реале-то, нужно?

Но думать мне не хотелось, а хотелось спать. И я, наскоро почистив зубы и умывшись, поплелась в постель. А, по фигу на всех них, на всех, кроме Дэна.

Я заснула очень быстро, а рядом с моим боком примостилось котэ. Оно помурлыкало для приличия («хозяйка, я типа, тебя люблю»), потянулось и тоже уплыло в объятия Морфея.

«…Я люблю тебя, Денис…» *зачеркнуто много раз*

Лиде было скучно. Очень скучно. Не смотря на то, что находилась она в «Раю» — в одном из трех залов хорошего клуба с отличной музыкой и оригинальной световой иллюминацией, то и дело касающейся ее невозмутимого лица разноцветными лучами. Ей было не слишком комфортно и весело, хотя она сидела не в одиночестве, а за столиком со старыми подружками, с которыми давным-давно училась в школе. Девчонки веселились, расспрашивали друг друга обо всем на свете, хвастались, что-то рассказывали о себе, делились планами — в общем вели себя так, как и положено было вести себя бывшим и давно не видевшимся одноклассницам, чьи дорожки после выпуска разбежались. Все-таки общение в социальных сетях не давало полноценного общения. Все выросли, повзрослели, кто-то похорошел, а кто-то подурнел, одним словом, все изменились.

Вот, к примеру, Лена, девчонка, с которой Лида сидела за одной партой, из миленькой веселой обаятельной болтушки превратилась в глэм-герл-тусовщицу и знатока всех клубов города. Именно Ленка и провела девчонок в «Алигьери» без особенных проблем и долго хихикала над одной из них, которая не знала, что в клубе расплачиваются не деньгами, а через карточки, покупающиеся посетителями этого заведения на входе, после фэйс-контроля. Такая Лена Лиде нравилась куда меньше, чем прежняя. Ей вообще мало кто сейчас нравился из людей.

mir-knigi.org

— А я скоро замуж выхожу, — объявила одна из одноклассниц громко, и ее тут же начали терзать расспросами о том, каков ее будущий муж, чем занимается, и как они познакомились. После этого разговор плавно перетек на личные отношения каждой из девушек. Теперь Лиде стало не просто скучно — ее начало все раздражать. Она уже и не рада была, что поехала в клуб, надев Маринкино открытое розовое платье на лямочках, прекрасно открывающее длинные ноги высокой девушки. Никакой Судьбы, естественно, она отыскать не могла. А веселиться не получалось. Как она не старалась, почти все время думала о проклятом Жене. А он еще к тому же постоянно напоминал о себе: звонил и звонил. Только-только успокоился.

— Лид, а у тебя что на личном фронте? Почему молчишь? — пристала к темноволосой девушке, задумчиво потягивающей слабоалкогольный коктейль.

Рассказывать девчонкам о том, что ее недавно кинул любимый парень, в котором она, Лида, была уверена на все сто процентов, не хотелось. И поэтому девушка, светски улыбнувшись, произнесла:

— Мои старые отношения недавно закончились, но я только что познакомилась с обаятельным молодым человеком. Надеюсь, у нас все получиться.

— А ты, как и всегда, загадочная сеньора! — рассмеялась Ленка.

— Ага, — кивнула Лида.

— А твой сеньор, он какой?

— Лучший, — не задумываясь, ответила темноволосая девушка.

— Ого! А подробнее? Как выглядит, чем занимается?

— Это секрет, но, поверь, он классный.

— Богатенький?

— Нормальный. — Врать Лиде не хотелось, и рассказывать небылицы — тоже. Поэтому она замолчала. Пусть думают, что хотят.

Будущая невеста принялась рассказывать о том, какой она планирует сделать свадьбу и в какое агентство хочет обратиться. Лиде стало еще скучнее, и она так же молча сидела, нервно покачивая ногой.

— Слушай, — наклонилась к ее уху Лена, — мне надоело слушать это! Давай на танцпол рванем? Слышишь, у них ди-джей клевый какой?

— Ну, пошли.

Однако желания танцевать у Лиды было не слишком много. Минут пятнадцать, и она, отбившись от нетрезвого кавалера с лицом «позитивчика», ушла с танцпола. Лена нехотя последовала за ней.

— Лида, ты какая-то вялая, — констатировала Ленка, внимательно глядя на одноклассницу. В школе та была веселее и задорней, а сегодня казалась невозмутимой до безобразия — и то в классном-то клубе! — Слушай, может, тебе энергетика тяпнуть?

— Чего тяпнуть? — не расслышала из-за громкой музыки Лида.

mir-knigi.org

— Энергетика! Или… — Ленка хитро оглянулась и потащила старую подругу в угол, к диванчикам, на которых сидели целующиеся парочки.

— Или что?

— Слушай, у меня тут друг есть, — заговорила, как можно тише Лена, — он продает напитки, от которых хочется жить.

— Живую воду, что ли? — с улыбкой поинтересовалась Лида. За этой улыбкой она, как могла, скрывала свои эмоции. Ей до сих пор было больно из-за того, как с ней поступил мальчик ее мечты.

— Ага, живительную! Это особенные коктейли, их не каждый может достать, — заговорщицки подмигнула девушке Ленка. — А я могу, потому что я тут завсегдатая чикса, — и она рассмеялась. — Это классная вещь. От нее хочется летать.

— Наркота? — Тут же поняла Лида и передернула плечиками, — нет уж, спасибо, милая. Я как-нибудь обойдусь.

— Очень слабая, да и не совсем наркота, — туманно пояснила ее отвязная подружка. — Это классная вещь, попробуй! Все проблемы решатся.

— Ты дура, Лена? — тяжело посмотрела на девушку Лида, — какие проблемы решатся? Если хочешь расслабиться, накидайся алкоголем, здесь бар не плохой.

— Как хочешь, мое дело предложить, Лидок. Но это действенная вещь.

— Сама-то не увлекайся. — Серьезно посоветовала брюнетка, думая, что все же зря она притащилась сегодня сюда. Не надо было равняться на Машку, которая сейчас веселиться с Дэном, и на Маринку, которую обхаживает зеленоволосый панк. Она надеялась, у ее подруг все хорошо. У них должно быть все хорошо.

— Да это все безвредно, — расхохоталась Ленка и помахала своей карточкой. — Какая ты бояшка. Боишься всякой ерунды… Ладно, давай тогда, просто что-нибудь закажем?

И девушки пошли к стеклянной барменской стойке — она была покрыта особенной флюоресцирующей серебряной краской и словно сверкала в темноте, привлекая к себе людей. «Рай» вообще был оформлен довольно оригинально.

С высокого потолка на гостей клуба смотрела огромная черно-белая репродукция картины-иллюстрации, который изобразил все семь сфер небесного рая, описанного Данте в «Божественной комедии». Рисунок, из-за которого казалось, что потолок зала куполообразный, подсвечивали множество матовых огней, придающих залу загадочность и даже нежность.

Пол был абсолютно белый, а на стенах изображены были кружевные облака, с которыми играли лазерные лучи всех цветов радуги.

Световое оборудование, генераторы тумана и лазерные установки были потрясающими («самыми кульными» по словам Ленки, знающей о клубах все!) и превращали пространство для танцев в настоящую небесную сферу, по которой на особых летающих конструкциях-лоджиях передвигался ди-джей со своим оборудованием.

Лида задумчиво смотрела вверх, на лазурно-синюю лоджию, откуда ди-джей «рулил балом»,

играя то транс, то смешивая его изредка с европопом, хаусом и даже с психоделикой. Она не понимала, что забыла в «Раю», самом дорогом зале «Алигьери», где тусовались клаберы и представители «золотой молодежи», но, кажется, ее подсознание, имеющее от сознания свои секреты, точно знало, что Лида должна оказаться именно в этом месте и именно в этот час.

— Милашка? — пихнула ее локтем в бок веселая Ленка, увидев бармена.

— Ничего так! — прокричала ей в самое ухо Лида — как раз заиграл низкочастотный бас, резко сменивший плавную мелодичную мелодию и заглушающий все звуки.

— Самый лучший бармен в зале!

Бармен в белоснежном одеянии, похожий на ангела не только шикарными крыльями, прикрепленными к его спине, но и приятной внешностью, обаятельно улыбнулся девушкам и предложил им по коктейлю «Загар Ангела». Ленка начала шутить и рассказывать анекдоты. К тому же девушками заинтересовались двое неплохо выглядевших молодых парней лет двадцати пяти. Настроение Лиды, чуть-чуть подумав, все же поползло вверх. Медленно и осторожно.

А потом, совершенно уже не думая, грохнулось вниз.

Девушку ждал неприятный сюрприз. Неприятный до боли в сердце — не в фигуральном, а в самом прямом значении. Когда чуть позже Лидия размышляла, почему это случилось, она так и не пришла к однозначному выводу. То ли это что-то вроде фатума, о котором говорила цыганка, то ли жуткое невезение-насмешка.

— Сегодня в «Алигьери» мальчики здоровские! Смотри, вон там тоже парень офигенный! В моем вкусе и богатенький! — проорала ей на ухо Ленка, совсем развеселившаяся из-за коктейлей. Их кавалеры пока заказывали новые напитки и не слышали девчонок.

— Где? — стала вглядываться в зону со столиками темноволосая девушка, поправляя норовившее все больше и больше оголить ноги розовое платье. Маринка была ниже сестры и таких неудобств не испытывала.

— Да вон он, высокий, темненький. За тем столом. — Кивнула Лена влево, и Лида к своему ужасу увидела там Евгения. Не одного, а в компании друзей. Ее парень, нет, ее бывший парень, смеялся вместе с другими молодыми людьми и пил виски-колу, поднимая свой бокал в честь какого-то тоста.

«Что он тут делает?», — чувствуя острую внезапную боль в сердце, подумала отчаянно Лида, стараясь, чтобы выражении ее лица оставалось прежним. Версию того, что Женя, как истинный принц, раскаялся и прибыл за ней, принцессой, девушка отмела сразу. Но что он тут делает? У него и его компании какой-то праздник? И зачем он ей звонил? Кстати говоря, трубку она один раз все же взяла, не выдержала его настойчивости. Услышав знакомый до паники голос Евгения, закусила губу, чтобы не расплакаться, и тут же заявила, что ее новый парень жутко ревнив и не хочет, чтобы с ней общались другие мужчины. Лида вежливо попросила бывшего больше ее не беспокоить ни по телефону, ни лично. Женю это, похоже, вывело из себя. Он что-то начал кричать, просить о встрече, но она уже положила трубку.

— Ну как он тебе?

— Ничего так. — Пожала плечами Лидия. — Не в моем вкусе.

mir-knigi.org

— Ясно. А, жаль, не один, — искренне огорчилась Ленка. К Жене, смеясь, со стороны танцпола подбежала невысокая миленькая девушка с длинными волнистыми волосами и уселась к нему на колени. Парень нежно поцеловал ее в лоб.

«Подонок!», — с этой мыслью в темноволосой голове девушке словно что-то взорвалось. Что-то, состоящее из обиды, ревности, ненависти, отчаяния и непоказанных никому слез.

Лида резко поставила на светящуюся стойку свой бокал и, крепко сжав зубы, последний раз взглянула на Евгения, обнимающего девушку, запомнив его веселым, красивым и, кажется, счастливым.

В сердце вновь появилась боль — уже не ноющая, а острая. Кто-то, без сомнения, добрый, явно издеваясь, с силой воткнул в ее сердце тупую гнутую вилку. И вилка эта медленно, но верно входила в самую главную мышцу тела, умудрившись разодрать и кожу, и плоть.

И он еще смеет звонить ей?

Тупая тварь.

Все. Его время вышло. Она, Лида, не позволит портить себе кровь и полоть мозги граблями лжи. Ей хватит и одной железной тупой вилки.

Девушка, собираясь с духом, глубоко вдохнула.

«Иди Nзапрещено цензуройN, милый мальчик-надежность. И пребывай там вечно. Вместе со своей длинноволосой крошкой».

На танцпол медленно стали выпускать мыльные пузыри, и «Рай» огласили радостные крики. Но никто вокруг не понимал, что твориться в мыслях темноволосой девушки в розовом платье. Внешне Лида оставалась улыбчивой и спокойной, хотя внутри было неимоверно больно — вилка постаралась на славу.

А Женька не видел ее, не поворачивался в ее сторону, занятый поцелуем со своей новой девушкой или уже невестой. Ему было и невдомек, что Лида здесь.

— Классный мальчик. Здесь та-а-ак много классных мальчиков. И кач сегодня ничего так! — Твердила Ленка.

— Ночью в «Раю» будет адская жара! — поддержал ее один из вернувшихся парней и подмигнул Лиде. А та понимала, что еще чуть-чуть, и она не сможет контролировать свои эмоции. Даст им редкую возможность вырваться наружу. Это будет паршиво. Очень паршиво. Никто не должен знать, что у нее там на душе — кроме близких. Она не должна проявлять слабость и рыдать на людях.

— Точно! Адская! Ну пойдем танцевать, а? Лиииид, — Разнылась ее одноклассница.

— Сейчас, — решительно произнесла брюнетка, понимая, что ей нужно прямо сейчас, не медля, что-то сделать, чтобы не устроить истерику, и дать себе возможность отвлечься от пакостных мыслей, черных лентой обволакивающих ее голову. Решение пришло мгновенно — алкоголь. Он должен помочь.

— Сейчас, Лен, пойдем. Я кое-что только закажу себе. Бармен, — позвала Лида юношу-ангела, и тот тут же уставился на нее своими большими бирюзовыми глазами, обрамленными длинным

светлыми ресницами.

— Да, что вы желаете еще? — улыбаясь, спросил он.

— Дайте мне что-нибудь такого, чтобы меня сразу же унесло, — прямо сказала Лида. Она безумно хотела забыться — из-за Евгения и его пассии. — Можете предложить что-нибудь улетное?

Блондин окинул ее заинтересованным взглядом.

— Конечно. Как вы относитесь к абсенту?

— Никак. Но если от него будет нужный эффект, то давайте.

— О'кей, секундочку.

И он ловко приготовил ей коктейль: вначале налил в широкий, сужающийся к низу бокал сам абсент, потом положил на бокал специальную перфорированную ложечку с дырочками, а на нее — кусочек сахара, после чего поджег его, растапливая. Когда сахар полностью расплавился и тягучими тяжелыми каплями стек вниз, бармен добавил в бокал ледяной воды, а после размешал полученное. Абсент, смешиваясь со сладким сиропом, почти тут же стал зелено-желтым.

— «Фея Гипно», — все так же ангельски улыбаясь, прокричал бармен. — Пейте без спешки! Фея поднимет ваше настроение, главное, расслабитесь.

Лида засмеялась и попробовала напиток на вкус. Коктейль оказался горьким, очень горьким для нее и напоминал по вкусу подслащенную настойку полыни. Она пила ярко-зеленый абсент маленькими глоточками под ободрительные взгляд Лены, которая, как только Лидия, все еще продолжавшая чувствовать в груди вилку, но рыдать уже расхотевшая, вновь потащила ее танцевать.

Такого девушке еще пробовать не доводилось. «Фея» действительно заставляла «улетать» без крыльев. Первые минут двадцать темноволосая девушка почти ничего не чувствовала. И даже разочаровалась в выборе милашки-бармена. Но потом ситуация изменилась: ей едва ли не в миг стало очень радостно и спокойно вместе с тем, как будто бы все ее проблемы вмиг решились. Евгения больше не существовало, его новой пассии — тоже. Проблемы превратились в перья и были унесены куда-то в небо, к ангелам, смотрящим на людей с диковинного потолка. Плохое настроение было рассеяно в лазерных и неоновых огнях, блуждающих по залу и по человеческим телам. Повеселевшая Лидия вместе с Ленкой отрывалась на танцполе, ловя кончиками пальцев мыльные пузыри, которых становилась все больше и больше.

Почти все они казались Лиде зелеными и игривыми. Кажется, пара из пузырьков даже улыбнулась ей, а, может быть, это была игра света или, что вернее, игра абсента, попавшего в кровь.

Девушка не помнила, что она делала на танцполе, с кем и как танцевала, с кем общалась, почему и куда улетала, сколько времени прошло, и более-менее пришла в себя вновь около барной стойки, вроде бы усталая и мокрая из-за жары, но с другой — не чувствующая своего тела. Ее одноклассница сидела рядом на высоком стуле и болтала, размахивая руками:

— Правильно, что согласилась! Сейчас мы это выпьем и станет еще лучше! А девчонки уже

свалили, мы вдвоем остались, вот они дуры, да? С такого улетного рейва убежали! Вот так и приводи народ в лучший клуб! Короче, Лидок, не бойся, это не фен и не колеса, просто коктейли для одиноких душ, таких, как мы! Дорогая, ты меня слышишь?

— А? Да. — Слабо улыбнулась Лида. Теперь ей было не радостно — ее окутало равнодушие. — Да, слышу.

И она положила голову на слабую руку, лежащую на стойке.

Все тот же блондин-бармен, который для опьяненного взора Лидии стал уже самым настоящим ангелом, у которого над белокурой головой светился нимб, нежно улыбнулся ей и негромко обратился к Елене:

— Мисс, сделал, что ты заказывала. Расплачиваешься наличкой, не карточкой.

— Я все помню, я же твоя постоянная клиента, — подмигнула ему Ленка, — знаю правила.

И она незаметно отдала ему несколько крупных купюр, сделав вид, что передает бокал. Парень вновь ласково улыбнулся Лиде.

— Ангел. — С трудом подняла она вторую руку, желая коснуться его плеча, но не дотянулась. — За стойкой ангел.

Лена расхохоталась.

— «Дымка». Версия 1.2. — Весело объявила она, получив от бармена два небольших бокала с новыми коктейлями. — Не чувствуешь алкоголя, но ноги тебе отрывает в момент. Для веселья самое то. Или споить кого-нибудь — тоже. «Дымка» — мне. А тебе «Карри». Как ты и просила — самое тяжелое. Сносит крышу надолго.

Лида не помнила, что она что-то там просила. Она просто хотела сидеть так, уронив голову на руку и смотреть на ангела.

— А? «Карри»? — спросила она не своим голосом и по-детски улыбнулась. Маша или Марина, увидь сейчас подругу, не узнали бы ее.

— Хорошая штучка, с коксом. Я тебя угощаю. Сегодня у меня много денег. Пей, Лидок, пей. Я хочу, чтобы ты была веселая! Я тебя обожаю! — И Лена заботливо подвинула коктейль с кокетливой бело-зеленой трубочкой однокласснице. Темноволосая девушка, чьи зрачки и так были расширены, провела по прохладному стеклу бокала фиолетовым ногтем. Ей не хотелось пить, она хотела летать. Он вновь уронила голову на барную стойку, и ее темные волосы разметались по ней.

— Когда я как-то пила «Карри», у меня сразу после пятницы наступило воскресенье, — подбадривала ее Лена, попивая свой «Дымок». — Солнце, ты супербармен.

— Я не предлагаю плохих вещей.

— Ты не предлагаешь, ты только их делаешь, — раздался очень мрачный голос. Ангелоподобный бармен в белоснежной одежде с крыльями развернулся и со смесью удивлению и тревоги увидел не кого-то, а самого владельца клуба.

— Петр, здравствуй, — кивнул он черноволосому молодому человеку в дорогих очках с тонкой

mir-knigi.org

оправой. — Что ты тут… делаешь?

— Да так, решил заглянуть на огонек.

Лена с недоумением уставилась на молодого человека — она узнала молодого хозяина «Алигьери» и теперь с немым восхищением смотрела на него. Ей хотелось одного: закадрить этого непробиваемого ничем парня с жестким характером и большими деньгами. Она тут же закинул ногу на ногу и, соблазнительно улыбаясь, стала очень медленно потягивать коктейль, не отрывая от молодого человека томного взгляда. Многие девушки здесь же, узнавшие Петра, редко спускавшегося в залы, немедленно последовали примеру Елены. Однако все внимание худощавого брюнета занимал лишь один бармен и никто более.

— Э-э-э… да так?

— Точно. Хочу немного пообщаться с тобой, мой дорогой друг, — тонко улыбнулся ему Петр. За его спиной стояли двое охранников в черных строгих костюмах и с абсолютно непроницаемыми лицами.

— В смысле? — не понял бармен, но машинально слишком сильно сжал стеклянный бокал из-под виски. Петр тут же это заметил и остался доволен реакцией бармена. Он наклонился, опершись локтями о стойку и, не мигая, глядя своими синими глазами в лицо парню, произнес:

— Тут до меня доходят странные вести. Будто бы в нашем заповедном закрытом лесу среди волков и диких кабанов завелась одна нехорошая зверушка.

— Что? Что за зверушка?

— Обычная. Правда, про нее забыли упомянуть в Библии, когда рассказывали о Ноевом ковчеге. Я думаю, она забыла поблагодарить Ноя за спасение, и он обиделся на нее. — Поведал Петр бармену. — Но о ней все знают.

— Слушай, друг, что за бред? Что за зверушка-то? — Сглотнув, спросил беловолосый парень.

— Очень неблагодарная. Скотина. — Улыбнулся ему Петр, сказал что-то еще, но его голос был заглушен ударной дозой музыки.

Бармен дернулся.

— Иди за мной. Иначе они, — короткий взгляд на мощных охранников, — тебе помогут. Но в таком случае я не уверен, что у тебя будут целыми все кости.

— Да ты что-то путаешь, этого не было. — Старался оставаться спокойным бармен. — А если я уйду, кто вместо меня будет за стойкой?

— Он, — кивнул в сторону Петр, и из-за его спины появился другой бармен. Тоже светловолосый с точно такими же бирюзовыми глазами: оказывается, линзы входили в униформу барменов-ангелов «Рая».

— Лена-а-а? — очнулась в это время Лида. — Что это? Новый коктейль?

— Пей, дурочка, — обернулась на нее одноклассница. — Пей, тебе станет хорошо, и ты опять будет танцевать.

Лида приподнялась, сжала бокал ладонью и с интересом понюхала содержимое.

— Вкусно пахнет! — неожиданно громко объявила она. Музыка в это время на пару секунд почти затихла. — Карам… карамелькой!

На ее крик совершено случайно обернулся Петр.

Синие глаза сразу зацепили розовое платье и черные длинные волосы.

Он сразу узнал ее, странную девушку с серьезными глазами, которая чуть не попала под колеса его машины. Сейчас она, облаченная в розовое коротенькое платье, не слишком трезвая, разбитая, сидела за стойкой, около бокала с «Карри», коктейля жесткого, «отрывного», смешанного не с самыми слабыми наркотическими веществами. По сравнению с ним «Дымок» был почти безобидной газировкой.

Петр прищурился: хоть девушка и едва не попала под авто, но на наркоманку она не была похожа — он знал, как выглядят те, кто что-либо употребляет. Эта Лида явно была нормальной. А теперь сидела рядом с таким убойным коктейлем и называла его «карамелькой».

— Пей, детка, — говорила ее подружка, одновременно стоящая ему глазки. — И пойдем на танцпол. Нас там ждут мальчишки. Давай, допивая, милая.

Она явно подзадоривала темноволосую. Может быть, была одной из тех, кто бесплатно угощает знакомых и друзей запрещенными веществами, говоря об их безобидности, чтобы «приучить» их к наркоте, чтобы после самой бесплатно получать дозу. Может быть, просто хотела, чтобы подружка весело провела эту ночь. Может быть, считала, что по-другому в клубе веселиться никак нельзя.

— Хорошо, — медленно согласилась Лида.

— Возьмите его под руки, и проводите ко мне. Без лишнего шума, — сказал охране Петр, которому бармен уже порядок надоел. Этот парень-ангел продавал из-под полы не только самый разный алкоголь, но и наркотики, и, как сегодня от проверенных лиц узнал Петр, делился далеко не всей «нелегальной» выручкой, а проворачивал какие-то свои левые операции. Это Смерчинскому очень не понравилось, и он возжелал поговорить с идиотом по душам в своем кабинете и даже лично пришел за ним, хотя не любил спускаться вниз, в этот раздражающий шум, сплетенный из электронной музыки и криков полудурков, решивших хорошо оттянуться в «Алигьери». К тому же у молодого человека возникли реальные проблемы, намного покруче этой — кое-кто из своих стукнул, что менты начали копать под клуб. С «Венерой» они уже разделались — а ведь там тоже почти всю наркоту поставляли Пристанские. Петр «работал» именно с ними: и через азартные игры, и через запрещенные вещества. Поэтому в этот вечер парень был очень зол. И хотел разрядки. Воспитание бармена-кретина как раз обещало стать хорошей разрядкой.

Лида поднесла бокал к губам со слегка размазанной помадой и сделала первый глоток.

— Хм, жженная карамелька. — Произнесла она.

Нет, она точно не наркоманка.

И тут Петр сделал вещь, которая его самого потрясла до глубины души. Он подошел к девушке, отобрал у нее бокал и, держа наркотическо-энергетический напиток, сказал ей громко:

— Здравствуй, Лида.

Она медленно повернула на него голову и рассмеялась.

— Привет! Ты кто?

— Ты меня не узнала?

— Не-а. А-а-аа, ты тот, — Лидина рука коснулась рукава его льняного пиджака — теперь уже другого, темно-зеленого, и выдала. — Тот, кто хотел меня убить.

Все, кто сумел расслышать эту фразу, тут же повернули голову в сторону Петра. Тот поморщился. Девочка явно уже была «в кондиции».

— Можно считать и так.

Лида засмеялась, закрыв лицо руками.

— Но не убил. Ты довез меня до ре… ресто… рана. Да?

— Да.

У Лены вытянулось лицо. Она не могла поверить, что ее одноклассница знакома с самим Петром Смерчинским, владельцем этого заведения. И ездит с ним по ресторанам!

— Пойдем, — протянул черноволосой руку Петр. — Вставай и пойдем.

Ему почему-то не хотелось, чтобы эта высокая брюнетка влюбилась в те эмоции, которые дарили подобные напитки, заставляющие пробовать их вновь, и вновь, и вновь, со временем заставляя перейти уже на более сильные вещи, типа амфетаминов. Те, кто придумывали «наркотические забавы», умели делать хорошие деньги на одной из самых тяжких пагубных привычек человечества.

— Пойдем со мной, — вновь сказал ей Петр, собственно, не понимая, на фига ему нужна какая-то там странная высоченная девица, с которой он совершено случайно познакомился.

— Пойдем, — вдруг согласилась Лида и с трудом встала, держась за руку молодого человека в очках. — Отдай? — попросила она, глядя на коктейль. — Он вкусный.

— Пойдем со мной, и там отдам, — серьезно пообещал Петр ей и чуть насмешливо сказал ее подружке. — Девушка, вы бы получше следили за своей подругой. Ей не стоит пить это.

— А? Да… Она сама хотела… А вы хорошо знакомы с Лидочкой, да?

— Да. — Сказал неправду Смерчинский. — Ну, Лида, пошли.

Она была выше его, и ему неожиданно понравилось это, хотя раньше он предпочитал девушек ниже его ростом, маленьких и хрупких.

Петр аккуратно обнял ее за талию и, уже было, повел за собой, беспомощную и беззащитную.

«Дебил, ты что творишь? Ты думаешь, это умный поступок? Безумно умный. Эта черноволосая мисс могла бы стать одной из тех, кто приносит тебе деньги. А ты отбираешь у нее „Карри“. Или ты стал меценатом и добрых дел дядюшкой? Какая тебе разница, пусть пробует, что угодно и пусть будет кем угодно. Ты просто должен делать деньги. Не согласен? Вот же последний кретин», — издевающимся тоном говорил ему внутренний голос. Но Петр

mir-knigi.org

отмахнулся от него. Касаться этой девушки было чертовски приятно. Особенно зная, что, несмотря на то, что она выше, ты — сильнее.

В это же время бывший парень Лидии решил заказать пару коктейлей и вместе с другом, смеясь над чем-то, направился к барной стойке. Лиду, с трудом стоявшую на ногах в объятиях какого-то не слишком высокого скользкого типа-мажора Женя узнал сразу. Он никогда еще не видел свою девушку — черт, свою бывшую девушку, в таком состоянии, и был порядком удивлен, а потом даже испугался за нее. Она никогда не была такой пьяной. Да и не позволяла левым парням прикасаться к тебе. А в том, что Петр был левым, Евгений был уверен. Он не верил Лиде, что у нее кто-то там есть. Она была ему верна — сто процентов.

— Эй, Лида! — закричал Женя. Его невеста, длинноволосая малышка, которую навязали пару месяцев назад родители, сейчас была на танцполе с подружками и не могла его видеть или слышать.

Лида обернулась. Евгения она тут же признала и, поскольку находилась под властью абсента, не стала скрывать свои эмоции. Она глазами больной собаки посмотрела на бывшего и нецензурно его обозвала. Воспоминания начали толчками возвращаться к ней.

— Ты почему трубку не берешь? Ты зачем напилась? С ума сошла? Эй, а ты кто? Эй, отвечай, — выкрикнул он и перевел злой взгляд (когда Женя пил, он всегда становился злым) на Петра. Тот все больше и больше изумлялся. «Эй» говорили ему только собственный дедушка и брат-идиот, который недавно вздумал читать ему лекции.

— Я кто? — спросил хозяин клуба «Алигьери». — Ну, в общем-то, человек.

— Эй, человек, ты зачем ее споил? — тут же предъявил Женя необоснованные обвинения Петру. — Охренел что ли? Решил напоить и попользоваться?

Лида, которую все еще удерживал Петр, прижимая к себе, сквозь подступающие пьяные слезы рассмеялась.

— Да, именно так. Верно. — Отчеканил Петр.

— Отдай ее мне, — вдруг понял Женя, что Лида все же ему очень дорога, и он не хочет, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Сейчас, — чисто из чувства врожденной вредности отозвался молодой человек в очках. — Только свистни мне, друг. И сразу отдам.

— Твою мать, ты вообще в курсе, кто я? Что ты несешь, Nзапрещено цензуройN? Ты ей кто?

— Он мой парень, — неожиданно твердым голосом сказала девушка, слабою рукой обнимая Смерчинского за шею. — Он мой парень, и я тебе с ним изменяла. Да, зайка?

Зайка с подозрением посмотрел на Лиду. Ничьим парнем он себя не считал и считать не собирался.

— Он меня любит, — покачиваясь и не падая только из-за в общем-то крепких рук Петра, произнесла Лида. — Оч… очень. И не хочет, чтобы его девушка обща… общалась с другими мужчинами, да? — она повернула к хозяину клуба голову, в которой сейчас играл целый оркестр, состоящий из тумана, головокружения и легкости.

mir-knigi.org

Вообще-то она попала в точку. Петр был собственником. Не смотря на кажущуюся джентльменскую учтивость и мягкость при общении со слабым полом, он мог быть воистину тираном.

— Не хочешь ведь, зайка?

— Ну как бы да, — ухмыляясь, поведал Смерчинский окружающим. Ситуация его забавляла все больше. Он даже сам себе пообещал придти в свой кабинет с этой Лидой и воспользоваться тем, что она сейчас пьяна. Решил, что с удовольствием посмотрит на ее истерику завтра утром, когда она проснется и обнаружит, к примеру, себя раздетой на его диване, укрытой лишь его пиджаком.

— Так ты про него говорила? — спросил злой, как черт, Евгений. Он вдруг понял, что бывшая девушка не лгала.

— Да-а-аа, мы давно встречаемся… Я тебя тоже обманывала, — Лидия рассмеялась. Лена только глаза шире раскрывала.

— Больше не будете! — Рявкнул вдруг Женя. — Слушай, человек, не знаю, кто ты такой, но отдай ее мне по-хорошему и проваливай. Ясно, урод?

— Что-что-что? — склонил на бок голову Смерчинский.

Из собственного клуба Петру еще никто не говорил проваливать, даже намеки не делал, ну, кроме, опять же собственного дедушки, а уродом его даже и Даниил Юрьевич не называл. Гордость парня была задета.

— Что слышал, козел. — Обычно спокойный Женя становился все агрессивней. А голос бывшего, но, бесспорно, любимого до сих пор парня Лиды, заставлял вилку в сердце все сильнее и сильнее разрывать его.

— Да я, собственно, не козел. Это ты у нас мачо с рогами. — Улыбнулся Евгению, как лучшему другу, Петр. До него дошло, что это бывший черноволосой.

Внутри у Лиды начала плавиться лава, но она все продолжала плавным и сонным голосом:

— Он дарит мне все, что я хочу…

— Вот невезуха, — пробормотала Ленка. Ей стало понятно, почему одноклассница молчала о том, какой у нее друг — сам владелец этого нехилого местечка. В таком случае и она бы молчала. А сначала она, Лена, подумала, что у Лиды вообще никого нет, и она, как всегда, старается просто показать себя в выгодном свете, болтая, будто бы несвободна.

— Он без ума от меня, — продолжала с легкой улыбочкой Лида. — Сладко-сладко меня целует. И это… нежно обнимает.

Петр фыркнул. Он не припоминал за собой такого. Нет, в своем кабинете он точно с ней что-нибудь сделает. И совсем не нежно.

— Так, отдавай ее мне, — прокричал, едва ли не перекрывая музыку, Женя. — Лида, не будь дурой!

— А что мне быть дурой? — вдруг трезвым голосом сказала она. Действие «Феи» стремительно

улетучивалось, и девушка все отчетливее и отчетливее осознавала реальность. Правда, у нее жутко начинала болеть голова. — Ты меня бросил, а он носит меня на руках.

— Носит на руках? — бровь Жени взметнулась вверх, а в голосе появился сарказм. — Этот недомерок? А поднимет? Ростом-то не вышел девушек на руках носить.

Вот тут Петр не на шутку вскипел. Он резким движением поставил коктейль на барную стойку и усадил Лиду на стул обратно. Девушка-администратор, стоявшая тут же, и еще один охранник «Алигьери» переглянулись. Не самый добрый и милосердный нрав мстительного и расчетливого Петра Смерчинского знал весь персонал, а также его коллеги, партнеры, знакомые и малочисленные друзья.

— Малыш мой, ты понимаешь, что ты несешь? Скажи мне «прости», и я, так и быть, забуду этот инцидент, — процедил сквозь зубы хозяин клуба. Любые упоминания о том, что он не так высок, как ему хотелось бы, бесили.

— Иди ты, — послал его Женя, кстати говоря, парень достаточно высокий, и этим в свое время и сразу привлекший внимание Лидии. — А ты понимаешь, с кем ты разговариваешь, гномик? Ты знаешь, кто я и что я и мои друзья тебе сейчас сделаем? За то, что ты позарился на чужую девушку.

Молчаливый приятель Евгения только кивнул. Они сегодня собрались большой компанией, и парней было много. Ребята ничего не боялись.

Обстановка накалялась. Петр не на шутку разозлился — его унизили на глазах гостей самого привилегированного зала «Алигьери» и персонала.

— Значит так, — обернулся он к охраннику, — зови коллег и пусть они препроводят этого доброго молодца, скажем, в подвал. А ее, — кивнул Петр на Лиду, — доставь в мой кабинет. Ясно?

— Да, Петр Андреевич. — Кивнул охранник и вызвал по внутренней связи «коллег». Те явились уже через минуту. А за это время ничего не понявший Женя уже не без помощи друга еще пару раз намекнул Смерчинскому-младшему о росте, сказал пару-другую крепких ругательств и попробовал забрать ослабшую Лиду с собой. Она, зачем-то схватив все тот же злополучный коктейль «Карри», даже и не пробовала сопротивляться.

— Детка, верни девочку обратно, — предупреди его злой Петр.

— Ты мне сказал «детка»? — не выдержал обозленный вконец Евгений, начавший вдруг дико ревновать девушку к этому наглому типу, передал брюнетку другу и ударил Петра в лицо. Удар получился хорошим, и Смерчинский едва не упал. Из носа тут же пошла кровь.

Почти сразу же Евгения схватила прибывшая охрана и отконвоировала вместе все с тем же другом куда-то вниз. Его друзья, которые не пребывали на танцполе, попробовали вступиться за молодого человека, не поняв, что происходит, но один их охранников, мужчина бритоголовый и с абсолютно пустым взглядом, вытащил на свет пистолет и тем самым остановил вполне возможную драку между гостями клуба и его персоналом. Внешне спокойный Петр, бешенными от ярости глазами окинул высокую крепкую фигуру Евгения и утер кулаком кровь из носа. Он взглянул на ошарашенную и до сих пор пьяную Лиду, кивнул оставшемуся охраннику, чтобы тот притащил ее в кабинет, и пошел следом за остальными секьюрити. На его губах играла неприятная, воистину змеиная улыбка.

mir-knigi.org

— Девушка, пойдемте в кабинет босса, — легко поднял Лиду накаченный охранник.

— А? Чего? Ага… — Она не отпускала коктейль, словно он был ее последней надеждой на разрешение всех вопросов.

— А я можно с вами? — встрепенулась ошарашенная Ленка. — Попасть в кабинет хозяина клуба — это ли не круто?? — Я ее подруга. Я очень беспокоюсь за Лиду! Видите, ей плохо и нужна моя помощь!

— Идемте, — помедлив, согласился охранник. Особенным умом он не блистал.

Последнее, что хорошо слышала Лида, был знакомый голос, в котором слышалась жесткое веселье:

— Нехило он ему зарядил. Совсем нехило.

— А кто это? — на место Лиды уселась светловолосая девушка, которая сначала вдруг напомнила ей Машку Бурундукову, и она даже прищурилась, потому что подумала отстраненно, что это ее подружка. Но нет, девушка лишь была похожа на Машу: ростом, фигурой с несколько широковатыми плечами, тонкой талией и узкими бедрами и светлыми прямыми волосами до плеч.

— Тот, к кому мы пришли. Представляю, как он злиться. — И парень, который показался Лиде знакомым, очень знакомым, расхохотался. Охранник уносил ее прочь, рядом семенила Лена, довольная, как злая ведьма из пряничного домика, заманившая к себе детишек, а черноволосая девушка все вглядывалась в знакомую фигуру и прическу — парень стоял к ней спиной. Но вот он повернулся, и во вспышке прожектора Лида тут же узнала в нем Никиту Кларского.

И он здесь… Все веселятся.

Через несколько минут она уже была в шикарном кабинете Петра Смерчинского, который располагался над одним из танцполов — самым большим, «Адом», и имел стеклянную стену, через которую можно было наблюдать за все, что твориться в этом зале.

Лида сидела на диван, чувствуя, как раскалывается ее голова, не слушая щебетания Ленки, из любопытства трогающей то шикарные картины, украшающие стены, то стол из дуба, то вещи, на нем лежавшие. Она, понимала, что проблемы-перья попав вверх, туда, к картине с ангелами, падают на нее обратно. Лицо Жени стояло перед ее глазами, и она с трудом закрыла их. И сразу же попала в странное состояние то ли сна, то ли транса, то ли покоя. В кабинете было тихо — музыка не доносилась сюда — он был звукоизолирован, и тишина давила на уши Лиды со всей своей подавляющей силой.

Какая она дура. Пила… ничего не помнила… веселилась… встретила его здесь… встретила кого-то еще… в голове гремит гром…

— Ты в порядке? — вновь нарушил тишину голос довольной Лены.

— Да…

— Слушай, а он реально твой парень? Я в шоке! И ты скрывала, что хозяин «Алигьери» — твой мальчик! Я в тройном шоке! Ну ты и вероломная женщина! Теперь твоя прямая обязанность — познакомить старую подружку с каким-нибудь его богатеньким дружком и обустроить ей, то

есть, мне, личную жизнь. Мой нынешний чувак дает мне мало денег.

Лида молчала. Ее полет заканчивался.

Зачем она сюда пошла?? Опозориться перед бывшим и этим парнем из фиолетовой машины?

Лучше забыться… Жаль, что действие «Феи» не вечно.

Петр вернулся через минут двадцать, в сопровождении пары охранников, уже без пиджака, в рубашке с закатанным рукавами, потирая отбитые костяшки левой руки — он был левшой, поэтому и бил левой рукой. Бил хорошо, с силой, вымещая всю свою злость и нервное напряжение. Психологи говорили, что свою агрессию и недовольство можно выместить на подушке, а Петр вместо подушки использовал человека. Только что его парни там, в подвале, держали обнаглевшего скота, пытающегося вырваться, а он его бил, ничуть не переживая, что их много, а противник — один. Петру было все равно. Главное, он добился своей цели: хорошенько врезал недоумку, оскорбившему его. И заодно его другу — но уже не сильно. А потом велел выставить этих двоих вон из «Алигьери» и проследить, чтобы их никогда сюда не пускали. Он видел, как около стоянки девчонка этого умника кричала, что нужно вызвать скорую, а тот успокаивал ее и друзей и говорил, что все хорошо. Этот излишне смелый тип не будет вызывать ментов и не будет никуда жаловаться. Его хорошенько припугнули.

Петр вновь взглянул на свои ободранные костяшки и довольно улыбнулся, поправив очки. Да, многие моральные принципы были далеки от этого славного представителя семьи Смерчинских. Зато он здорово набил морду полудурку, посмевшему что-то сказать ему, Петру. И удовлетворил собственную злость вкупе со мстительностью. Теперь хотел заняться Лидой. Кажется, она очень мила.

— Пошла вон, — кинул он злой взгляд на обрадовавшуюся, было, Ленку, усевшуюся прямо на ручку одного из бархатных кофейного цвета кресел, и вновь закинувшую ногу на ногу, так, чтобы разрез ее юбки был хорошо виден молодому человеку.

— Что? Но я…

— Вон, я сказал. — Даже не взглянул на нее Петр и, видя, что побледневшая Ленка не двигается, кинул охране, — уберите ее. Кто ее впустил? Ты? Я что, неясно сказал, чтобы ты препроводил в мой кабинет только ее? — теперь он кивнул на ни на что не реагирующую Лиду.

— Ясно, Петр Андреевич, — отозвался растерянно секьюрити, — но она сказала, что подруга вашей девушки.

Смерчинский хлопнул ладонью по столу. Они что, все поголовно тут дегенераты? Действительно приняли эту высокую начинающую алкоголичку за его девушку?

— Она сказала? Она тебе платит? Нет? Ну тогда и убери ее. Раз она ее подруга, а не босс, — синие глаза парня вновь посмотрели на Лиду, полулежащую на мягком диване, — препроводите ее в приятное место. В кальянную. Или еще куда-нибудь еще. Проваливайте! Все вон.

Да, его характер был не самым сахарным. Хотя иногда молодой человек в дорогих очках был очень вежливым и казался даже интеллигентным.

Лену выпроводили. Она, зло оглянувшись на одноклассницу, покинула шикарный кабинет. А Петр медленным шагом подошел к Лиде, прикидывая в уме, что ему с ней сделать. Сел рядом с

ней, внимательно посмотрел в лицо с закрытыми глазами, на шею, обнаженные плечи, опустил взгляд ниже, неизвестно почему хмыкнул. Изучив Лидию вдоволь, он осторожно взял ее за подбородок и повернул неподвижное бледное лицо к себе. Ему понравился изгиб ее губ и парень улыбнувшись, провел по ним указательным пальцем, едва касаясь. Красноватые непонятно от чего глаза с темно-коричневыми радужками распахнулись и уставились на молодого человека.

— Еще раз привет, Лида. — Без особенной доброты улыбнулся Петр ей. Он наклонился еще ниже и, прищурившись, глядел в ее усталые глаза, уже собираясь поцеловать, точно зная, что не остановится, даже если она будет вырываться. Наклонился еще ниже. И еще. Он уже прикидывал, как поудобнее заломить ей руки при необходимости, как девушка вдруг подняла ладонь и, коснувшись его щеки пальцами, на которой еще виднелась плохо стертая кровь, произнесла тихо-тихо:

— Больно?

Он остановился и замер. Не от звуков ее голоса, и не от ее неожиданно нежного жеста, а от того, что она, правда, беспокоилась за него. Ложь Петр умел чувствовать на расстоянии, впрочем, как и искренность.

— Тебе больно? — опять спросила Лида и добавила. — Мне тоже. У меня очень болит сердце.

Он молчал и больше ничего не делал, просто смотрел на девушку, как на привидение, и все. А она печально глядела на него, не убирая руки с его щеки.

— Ты красивый, — вдруг шепотом сказала Лида. — И спасибо, что помог.

Планы того, как поудобнее заломить руки девушки отъехали в сторону, и теперь на лбу парня субтитрами бежали строки: «Вот черт! Что за хрень? Что с ней?»

— Не за что, Лида, — в который раз дико смеясь сам над собой, Петр очень медленно и аккуратно коснулся губами ее виска и прикрыл глаза. — Ты в порядке?

— Не совсем… Спасибо, правда, спасибо. — Она тут же отстранилась от парня.

— Тихо, тихо, — теперь ему захотелось поцеловать ее щеку или провести губами по скуле. — Тихо, Лида, не говори ничего.

Девушка только тяжело вздохнула и успела шепнуть:

— Ты хороший.

— Яаа? Ну, может быть. — Пожал плечами Петр, не понимая, куда делась решимость от его прежних намерений. — Иногда. Почему тебе больно? Этот парень, он что-то сделал тебе?

— Подарил вилку, — не разжимая губ, улыбнулась Лида.

— Что-что?

На этом их разговор прервался.

В кабинет, без труда минуя охрану, широкой походкой вошел Никки и его новая подружка. Он, как и всегда, и не подумал постучаться и теперь стоял на пороге с едва заметной ухмылочкой, которую легко можно было принять за дружескую улыбку. Этот парень умел оставаться

внешне приличным и даже интеллигентным, не соблюдая элементарных правил вежливости. Как и сам Петр. И парень в очках всегда ценил это в Никите Кларском. Хорошая актерская игра всегда прекрасна, не смотря на то, сколько зрителей вокруг наблюдают за нею: целый театр или всего лишь один человек.

Никита первым зашел в кабинет. Ника молча шла за ним, посматривая на парня снизу вверх и посылая разнообразнейшие проклятья ему в спину. Как только он оборачивался на нее, на лице девушки начинала тут же цвести улыбка. Она тут же угасала, когда он отворачивался, и уступала место злобному взгляду из-под челки.

Ник не видел перемен в ее лице, но понимал, что Карлова (и нужно же было родиться с такой фамилией в пику его!) пребывает не в самом радужном настроении.

Да и сам он был не слишком весел. Недавно переписывался с Олей, просил прощения, что не смог сводить ее на свидание. Хорошо, что у нее был легкий характер, и ангел всегда прощала его.

— Нам точно сюда? — шепотом спросила Ника.

— Точно.

Кажется, они пришли слегка не вовремя — хозяин клуба был занят девочкой. И явно не хотел, чтобы его отвлекали.

— Помешал? Прошу прощения, — сказал Никита без особенного сожаления в голосе, оглядывая внимательными серыми глазами полулежащую на диване брюнетку в розовом платье и склонившегося к ней Петра.

Ника за плечом Кларского несмело улыбнулась. Она-то хорошо понимала, что их приход явно помешал присутствующим. Она сама еще слишком хорошо помнила, как ее обломали с милым Дэном Смерчем. Правда, сейчас об этом вспомнила как-то машинально, нехотя — слишком много всего с ней произошло за последнее время, чтобы думать о неудаче с милашкой Денисом.

— Думаю, тебе нет разницы, помешал ли ты мне или нет, — отозвался задумчиво Петр, но в голосе его не было злости. Молодой хозяин «Алигьери» нехотя оторвался от мигом подобравшейся Лиды и встал, чтобы рукопожатием поприветствовать Ника.

— Как жизнь?

— Сам знаешь — не самым лучшим образом. — Скучным тоном отозвался Петр. — Я тебя ждал, но думал, ты будешь позднее. Кто с тобой?

— Это моя девушка, Ника, — равнодушно отозвался Кларский. — Ника, это… мой хороший друг Петр. Он владелец «Алигьери».

— Привет, — помахала ему рукой Карлова. — У тебя классный клуб.

— Спасибо. — При виде девушек в Петре всегда просыпалась галантность, и он улыбнулся Нике. — Я…

— Он знает, — расхохотался Ник, — он знает, что у него самый лучший и выгодный клуб.

Лида, мельком взглянув на парня и услышав его голос, аж вздрогнула и сильнее отвернулась. Она сразу узнала Кларского — после трех лет Машкиного поклонения этому типу, его невозможно было не узнать! И, не желая, чтобы молодой человек узнал и ее, отвернулась, сделав вид, что спит. Хотя она была еще не совсем в себе, но осознавала, что не хочет, чтобы знакомые видели ее в таком ужасном состоянии. Например, тот же Кларский.

А Ник не сильно обращал внимания на девушку на диване. Мало ли с кем веселиться этой ночью Петр в своем собственном кабинете?

— Спасибо, Ника, за столь лестный отзыв о моем небольшом заведении, — улыбнулся подруге Никиты Петр. — Не стой, садись, — и он указал ей на одно их шикарных кресел. — Может быть, хочешь выпить? Как-нибудь развлечься?

— Она ничего не хочет, — ответил Никита за девушку. — Да?

Светловолосая послушно кивнула. Видевшая ее мельком Лида вновь отметила ее некоторое сходство с Машкой и еще раз подивилась.

— Ты читаешь ее мысли? Девушки всегда чего-то хотят. Иногда мне кажется, что «хочу» — глагол женской сути. Да, Ника, дорогая? — Вежливость в Петре зашкаливала. Ника кивнула — ей показалось, что этот черноволосый субъект — неплохой человек. В отличие от дяди Укропа — так она мысленно продолжала обзывать Никиту. А самому дяде Укропу вдруг стало слегка злобно — ему показалось, что партнер и «коллега» по нелегальному бизнесу то ли заигрывает с его дурочкой Никой, то ли пытается разозлить его, Никиту. То ли просто по привычке пытается казаться хорошим перед незнакомками. Но это все равно бесило. Как же хорошо, что с ним сейчас не Ольга, а эта Карлова. Хорошо, что люди брата ошиблись и привезли не Олю.

— Читаю. Она же моя девушка, — выделил оба местоимения интонацией Кларский, положив руку на плечо Ники, усевшейся в кресло. Она едва заметно вздрогнула, но тут же широко улыбнулась. В ее воображении Ник давно был инвалидом, а после поцелуя — ходячим трупом.

— Когда вы успели познакомиться? Почему я ничего не знаю о любимой моего хорошего друга? — продолжал Смерчинский тоном вежливого хозяина. Он стоял около своего стола, опершись руками о его край, и с интересом разглядывал гостей. Кажется, влюбленный Никки был для него в новинку.

— Давно. — Отозвался Ник. — А знакомить свое сокровище с тобой, парень, — не самая лучшая идея.

— Ну, может быть, — рассудительно отвечал Петр.

Он что-то хотел добавить, но Клаоский со все той же улыбочкой, с которой зашел в кабинет, перехватил инициативу в задавании вопросов:

— Охранник сказал, что ты уединился здесь со своей подругой. Что-то и я не припомню, чтобы ты меня с кем-то знакомил. Непорядок.

— Непорядок, — согласился его собеседник, проигнорировав слова про подругу, и Лиде, которой все больше и больше не хотелось, чтобы Кларский узнал ее, захотелось отчего-то спрятаться в самом диване. Ей решительно не нравилась эта ситуация. Что такое с милым университетским Мистером Я-Милый-и-Очень-Вежливый-парень? Откуда он знаком с парнем из фиолетовой тачки, ставшей на пару минут ее якобы другом?

— Непорядок, — повторил Смерчинский. — Я потом вас познакомлю, так и быть. Моя, — он посмотрел на Лиду и хмыкнул, — подруга изволит спать.

— Это ты с ней изволишь делать что-то другое. Ладно, оставим это. Так, у нас проблемки, нам бы их обсудить наедине. Сечешь фишку, брат? — Голос Никиты казался Лиде властным и одновременно чужим — так молодой человек в стенах университета явно не разговаривал. И вообще, дошло вдруг до нее, у Кларского ведь девушка — это Ольга Князева! А тут он сидит с какой-то там Никой! Они что, поссорились, и он так быстро нашел себе новую подружку?? Как хорошо, что ее Машка не с ним!

— С ментами? — недовольно спросил Петр. Ника тут же с любопытством на него уставилась.

— Ну явно не с министерством энергетики и регионального развития, — отозвался Ник серьезным тоном ученика-отличника. — А с кем еще? Эту проблемку нам бы и надо разрулить. И, да, Март просил тебе кое-что передать. Насчет решения проблемки. Сказал, у нас есть крыса, которая сливает всю инфу малышам в форме.

Уши Лиды чуть не превратились в большой вопросительный знак. Что несет их местный примерный мальчик??

— Отлично. Тогда пройдем сюда, прошу, — хозяин кабинета гостеприимным жестом открыл незаметную дверь, ведущую в соседнее помещение, которое Петр называл в шутку «комнатой для отдыха».

— Ника, ты моя гостья, я бы даже сказал, почетная гостья — делай все, что тебе угодно. В твоем распоряжении весь мой бар. — Сказал напоследок Смерчинский

Парни скрылись в комнате, чтобы обговорить свою «проблемку» наедине, без лишних ушей, и последнее, что слышали обе девушки, были слова Петра, что про «крысу он осведомлен более, чем», и ему хочется знать, как Март собирается решать проблему с клубом — «Алигьери» не нужны неприятности с представителями закона.

Ника и Лида остались в комнате одни. В ней было совершенно тихо, хотя за стеклянной стеной бесновался народ, отрывающийся под очередной задорный электронный трек.

Ника продолжала сидеть на своем кресле, задумчиво оглядывая кабинетом взглядом светлых голубых глаз и сжимая в руке мобильный телефон, который ей было страшно выпускать из рук. А Лида медленно, чувствуя, как у нее кружится голова, привстала. Полет прекратился полностью. Теперь только жутко болела голова.

— Привет, — дружелюбно кивнула ей Ника.

— Привет.

— Я думала, ты спишь. Меня зовут Ника, а тебя?

— Лида. Это твой парень, Никита? — полюбопытствовала тут же Лида и поморщилась от боли.

— Э-э-э… да. — Отозвалась светловолосая девушка, помня, что играет роль подружки Укропа. О том, что Лида знает Ника и его настоящую герлфренд — Ольгу Князеву, она и не догадывалась. — Да, точно, мой парень.

— И… давно вы встречаетесь?

— Давно, — уверенно отозвалась Ника. — Три месяца.

Она говорила все, что сказал говорить всем вокруг Укроп, и была довольна собою.

Лида пребывала в шоке. Может, у Никиты есть брат близнец? Но довольно ехидный-таки внутренний голос тут же спросил: «Ага, брат-близнец, и тоже Никита? Оригинальные родители. Эх ты, алкашка, надралась дряни какой-то, вот и несешь фигню».

— А что? — подняла светлые тонкие изогнутые брови на Лиду Ника. — Что-то не так?

— Да нет, все так… Просто… неожиданно, что у м-м-м… Никиты есть девушка.

— А, он не хотел, чтобы все знали о наших отношениях. — Карлова подумала, что Лида и Ник давно знакомы — если она подружка черноволосого парня в очках. Раз они знакомы, то она, Ника, должна играть и перед ней роль влюбленной.

— Вот как… Ясно.

— Но я его это, очень люблю, — не преминула заметить Карлова.

С одной стороны, Лида начала вдруг чувствовать страх — такой, какой чувствуют путники, идущие по карте в незнакомой местности, смутно понимающие, что карта-то неправильная, но еще не осознавшие того, что заблудились окончательно. Поэтому девушка, несмотря на плохое самочувствие, хотела сбежать отсюда как можно дальше. Но с другой стороны, ей стало жутко любопытно: что же такое с Кларским и в чем он замешен? К тому же хозяин клуба, который вдруг показался ей красивым, нереально красивым, притягивал к себе Лидию, переживающую личную трагедию. Рассудительная всегда брюнетка, знавшая точно, что ей делать, пребывала в замешательстве.

«Разузнаю про Кларского и сбегу», — приняла она решение сквозь давящую головную боль и подступающую тошноту. Никита стал проявлять повышенное внимание к Машке, и Лида, как преданная подруга, хотела разобраться в ситуации. Не дай Бог, этот вечный ребенок, ее доченька, ради Клары бросит своего супер идеального Смерча (ну да, и он не без греха, но он куда лучше и перспективнее Никиты!).

— Слушай, а ты девушка хозяина этого местечка? — спросила Ника Лиду. Ей хотелось слышать хоть чей-то голос, даже этой незнакомой девушки, потому что она продолжала бояться, хотя и храбрилась назло Нику.

Лида неуверенно кивнула и взглянула в сторону двери, за которой скрылись парни.

— Слушай, Ника…

— Что?

— Мне надо знать, о чем эти двое разговаривают. — Прошептала девушка.

— Зачем??

— Надо. Очень надо. Я боюсь… боюсь, что мой м-м-м… парень изменяет мне.

— С Ук… с Никитой? — вытаращилась на Лидию Ника.

— Да нет! С девушкой одной. Короче, мне надо подслушать, о чем там эти двое говорят, чтобы

понять, изменяет ли он мне, или нет, — невнятно выдавила из себя Лида, чувствуя себя выжатой половой тряпкой. Ей становилось все хуже и хуже. Ее кровеносной системе явно не полюбился вкус абсента. Хотя и выпила она его всего ничего…

— А что ты от меня хочешь? — устало спросила Ника.

— Мне надо подслушать их разговор. Вдруг они там обсуждают, что поедут в сауну с девочками? Или в массажный салон к ним же… Мой парень с Никитой любит в такие места ездить, — сочиняла черноволосая девушка. В ее лице было столько муки, что Карлова даже пожалела дурочку, которая беспокоиться из-за такой ерунды. Она не знала, что Лиде просто нехорошо после алкоголя.

— Ну подслушай. Так и быть, не скажу никому. Да, я, пожалуй, тоже к тебе присоединюсь. Вдруг и мой Никита тоже в какую-нибудь сауну захочет поехать, — вдруг решила Ника, подумав, что ей следует как можно больше знать о враге, запугивающим ее. К тому же она заметила, что дверь к комнату, куда удалились молодые люди, прикрыта не совсем плотно. Видимо, Петр и Ник не боялись, что девчонки вздумают подслушать их «деловой» разговор.

А они решились: одна от отчаяния, вторая из-за чувства ответственности за подругу. Голоса молодых людей раздавались не слишком громко, но разобрать слова было вполне возможно — девушкам даже не пришлось приоткрывать дверь еще.

Чем больше Лида узнавала о Петре и Нике, тем меньше чувствовала в сердце застрявшую вилку. Она как-то резко забыла о Евгении и о том, как он поступил, она даже перестала изнывать от желания узнать, что там сделала с ним охрана Петра и почему у хозяина клуба были сбиты костяшки. Она забыла, что сдуру назвала Петра хорошим и красивым, хотя сделала это искренне. Забыла о том, зачем вообще решилась подслушать этот разговор. Даже о собственной боли и тошноте не помнила!

Ника, которая и так подозревала Никиту в чем-то подобном, была шокирована меньше, хотя неприятный осадок (или даже осадочище) оставались и в ее душе.

Девушки не вникли во все тонкости разговора двух парней, но поняли, что молодые люди связаны с распространением наркотиков в клубе: Петр, так сказать, был «официальным дистрибьютором» Пристанской группировки, которая в свою очередь «заведовала» не только банальными таблетками и порошком, но и «поставляла» особенные ингредиенты для запрещенных коктейлей — синтетических наркотиков, продаваемым под видом алкогольных энергетиков проверенным людям. Петр «заведовал» продажей всего этого в «Алигьери», получая нехилую выручку.

Ник отрывисто говорил о том, что менты прознали о новом виде наркотиков, и даже умудрились взять тех, кто распространял их в крутом загородном клубе «Венера». Он даже поржал слегка над тем, что ему самому повезло, что не взяли и его — Никита по просьбе брата как раз посещал «Венеру» перед тем, как ее накрыли, и его очень удачно увез оттуда «один знакомый клоун». Кларскому пока было невдомек, что Петр и Дэн — кузены.

Они говорили что-то и про азартные подпольные игры, в том числе не только про банальную рулетку, но и про закрытые бои без правил. Парни, не стесняясь в выражениях, обсуждали много чего — Петр был уверен, что его кабинет никем не прослушивается — его постоянно проверяли на предмет «жучков» хорошие специалисты. Он не думал, что его банально могут подслушать. У славного представителя семьи Смерчинских случился неплохой промах. Впрочем, Петр мог бы и не переживать по этому поводу, ведь, к примеру, из-за пренебрежения

к мелочам когда-то давно был посажен за решетку и знаменитый Аль Капоне, кучу лет успешно скрывающийся от властей и попавшийся за какую-то там неуплату налогов.

— Что-то не то они обсуждают, — прошептала, на цыпочках отдалившись от приоткрытой двери Ника. Лида уже вновь сидела на своем диване, обхватив себя за колени и покачиваясь из стороны в сторону. И она, и Лида были перепуганы — еще бы, они ведь услышали то, что по идее, не полагалось слышать посторонним вообще! Бледные, но старательно делающие вид, что все хорошо, девицы, вернулись к креслам.

— Он не поедет в сауну, — не своим голосом произнесла Лида. — Я ошиблась.

— Ага, — поддакнула ей Карлова. — И Никита тоже не поедет… да.

— Ну вот, а я боялась, что он мне изменяет.

— Ну да, зря, — почувствовала, как пересохло у нее во рту вторая девушка.

— А они просто дела обсуждали… Слушай, — скривилась вдруг Лида, — мне что-то после одного коктейля плохо совсем… Я выйду на пару минут, ладно?

Ника посмотрела на совсем белую девушку, у которой были совершенно больные глаза, и кивнула.

— Может, ты со мной? — предложила вдруг брюнетка, держась обеими руками за виски. Девчонка вновь напомнила ей Машку, и ей стало жаль Нику. Ведь Лида искренне стала считать ее подружкой этого урода Кларского!

— Не могу, — закусила губу ее светловолосая подруга по несчастью, — Никита сказал здесь сидеть… Его ждать.

«К тому же, если я уйду сейчас, то я не смогу заставить себя вернуться, — добавила про себя Ника, — и тогда гребанный Укроп точно поймет, что я подслушала их разговор. Это тебе хорошо, ты ведь наверняка знала, чем твой очкарик занимается… А я вообще заложница ситуации».

— Ну как хочешь. Если спросят — я в туалете.

Лида с трудом улыбнулась Нике и, еще раз сказав, что скоро вернется, выскользнула из кабинета. Она прошла мимо охранников, и те даже не взглянули в ее сторону. Только проводили ленивым взглядом.

Девушка облегченно выдохнула. Они не схватили ее! Не помчались за ней с криками: «Вернись!». Она ушла. Господи, во что она вляпалась?? Хорошо еще, что Кларский ее не узнал…

Лида, не расставаясь со все возрастающей болью, поняла, что у нее открылось второе дыхание и побежала, запинаясь, ко входу. Она вновь окунулась в мир громкой электронной музыки и танцевального драйва, царившего во всех трех залах «Алигьери», но присоединяться к веселящимся не желала, теперь девушка побыстрее спешила покинуть это место с такими страшными людьми.

Ника, не без труда приветливо улыбнувшаяся уходящей Лиде вслед, встала с кресла и еще раз

окинула дорого обставленный кабинет обреченным взглядом, а потом прилипла к прозрачной стене, внизу за которой зажигали ди-джеи и танцевал развеселый народ. Ей не хотелось вниз, как раньше, ей хотелось домой, к маме, которая вместе с папой сейчас, все еще пребывали на даче. Об этом они сообщили ей по телефону, когда она и проклятый Укроп, который, как вдруг выяснилось, оказался местным нарокбороном (вашу мать, не просто гопником — реальным пацаном, а бандитом, настоящим бандитом!), заехали к ней домой.

Девушка прикрыла глаза, вспоминая.

Вторая часть их общих злоключений началась с того момента, когда они с дядей Укропом, который нагло обнимал ее за плечи, покинули владения Андрея. Только после того, как Ника и Ник вышли из его особняка, девушка вздохнула с облегчением. В этот месте, в котором было множество мутных личностей с явным криминальным прошлым, криминальным настоящим и еще более криминальным будущем, ей было не по себе. А Андрей… хоть он и был милым и тактичным, разговаривая с Никой, все равно внушал ей определенные опасения. Особенно после того, как его младший брат заставил ее претворяться перед Мартом его девушкой. И еще этот поцелуй…

Ника, вспомнив его, передернулась, как от холода.

Никита опустил руку только после того, как они оказались рядом с большим гаражом, где было припарковано несколько дорогих авто, и, ни слова не говоря, кивнул ей на ту самую черную «Мицубиси» с тонированными стеклами, в котором Ника приехала в охраняемый поселок. Он сел за руль, а Карлова вновь оказалась на заднем сидение, на том же месте, где и ехала прежде. Кларский-младший, увидев это, тут же велел ей пересаживаться вперед, рядом с ним.

— Это твоя машина? — спросила Ника, садясь рядом и застегиваясь. На парня она старалась не смотреть.

— Моя. Черт! Кто брал мою тачку? Откуда здесь мусор? Вот уроды. — Взбешенным холодным голосом произнес он, оглянувшись и увидев на заднем сидении черный мусорный пакет — именно его и хотела выкинуть Ника, перед тем как ее самым возмутительным образом похитили.

Признаваться, что это вообще-то ее пакет, девушка не стала, только нервно засмеялась, когда смотрела, как Ник вновь встает, берет пакет и, не слишком славно выражаясь, тащит его куда-то, чтобы выбросить.

«Правильно, убирайся за мной, раб», — сказала она про себя молодому человеку.

Ник вернулся, злой и явно с кем-то поругавшийся, резко повернул ключ зажигания, завел автомобиль, и вскоре они уже ехали по направлению в город. Парень что-то долгое время обдумывал, а потом заявил Нике.

— Эй, слушай меня.

— Я не эй, — по привычке возмутилась девушка.

— Какая разница. Слушай и не перебивай, иначе я высажу тебя в этом лесочке, — и он кивнул на зеленые густые насаждения, видневшиеся на холмах вдалеке. — Как мы и договорились, я плачу тебе деньги за то, чтобы ты исполняла роль моей девушки. Ты будешь делать это ровно столько, сколько это понадобиться мне. Твоя цель — убедить людей, а, самое главное, моего брата, что мы — пара. Запоминай, Ника, мы общаемся с тобой два месяца. Очень друг друга

любим. Раньше я не хотел знакомить тебя со своими приятелями, потому что я тебя, скажем, ревную. Не веди себя слишком развязно, не смейся много, не смей кокетничать и строить глазки, и делай все, что я тебе скажу.

— Я и так никому не строю глазки.

— Особенно ты не строила их Дэну, — вспомнилось наблюдательному Нику, как эта овечка смотрела на Смерчинского в машине. Готова была расплавиться ради него. И почему вокруг таких недоумков всегда вьются стаи девиц? Смерч — парень толковый, но ему не помешало бы врезать только из-за Димки.

— Он — хороший. — Сказала упрямо светловолосая девушка.

— А я плохой? — парень хрипловато рассмеялся. — Не отвечай, я знаю, что да. Короче, принцесска, ты поняла свою функцию? Веди себя прилично. Сегодня тебя увидят важные люди. Деньги, половину, я отдам тебе завтра. Вторую половину — когда мы закончим. Ясно?

— Но зачем тебе это? Почему твой брат подумал, что я твоя невеста?

— Принял за другую. Ошибся. Но Андрей не признает ошибок. Короче, хватит вопросов. Ты будешь…

— Но я не поняла! — воскликнула Ника нервно. — Что за фигня твориться?!

— Я же сказал, чтобы ты меня не перебивала. Почему ты такая тупая?

«Почему ты такой козел? Сдохни».

— Сейчас мы съездим в пару мест. После отправимся в ночной клуб. Там я должен встретиться с одним важным человеком. Все усекла?

— Все. А… в клуб мне идти в этом? — ткнула пальцем в спортивную куртку девушка.

— А что, проблемы?

— Если ты хочешь, чтобы все вокруг считали, что твоя девушка — убожество, то ничего.

— В смысле?

— Для клуба мне нужно переодеться.

— Чертовы бабские штучки! И что мне делать? Ехать и покупать тебе одежку, куколка?

— У меня своя есть, дома, — отчеканила в ответ Ника. — Завези меня домой, и я переоденусь.

«И я позвоню в милицию. Или расскажу все родителям!! Они спасут меня от этого кретина!».

Ник нехотя согласился и довез ее до дома. Адрес помнил до сих пор.

— Я быстро, — сказала ему девушка, спешно открывая дверь машины. Вид родного двора прямо-таки ей уверенность, что все закончиться хорошо — как дурной сон, и Дядя Укроп, быть может, скажет, что все это была шутка, уедет восвояси ко своей ненормальной Ольге.

— Естественно быстро. Я это проконтролирую. — Вылез из «Мицубиси» и Кларский.

mir-knigi.org

— А у меня дома родители, — растерялась Ника, не ожидавшая, что он попрется за ней. И как ей теперь спасаться?

— Не страшно. — Ничуть не смутился молодой человек. — Я же твой парень. Заодно и познакомишь. Мы ведь играем так, чтобы нам верили все, — с этими словами он подмигнул опешившей и разозленной Нике и кивнул на дверь подъезда. Уже там он сказал ей как-то глумливо, в манере своего брата: «Актерам всегда тяжело, крошка». Ника от его слов споткнулась и едва не ударилась лбом о стену.

Сволочь обнаглел до такой степени, что поднялся с ней в квартиру! Но родители обязательно что-нибудь сделают… Может, ей и нужны деньги, но быть коллегой каких-то там уголовников ей совсем не хочется.

Однако Карлову ждало разочарование — Карловых-старших дома не оказалось. Они еще не вернулись со своей дачи. На мобильник, который Ника оставила дома на столике в коридоре, а также на домашний телефон мама и папа звонили уже кучу раз — молчание дочери их явно обеспокоило. Когда девушка перезвонила им, родители пожурили за то, что она ушла и забыла взять с собой сотовый, а потом сообщили, что у них сломалась машина.

— Как?! — выдохнула от неожиданности Ника. Никита, слышавший ее разговор с предками, едва заметно улыбнулся — он стоял совсем рядом, а связь была довольно громкой. Казалось, он понимал, что испытывает его «девушка». И он не хотел давать ей возможность оставить его.

— Как так?

— Вот так, — грустно отозвался папа Ники. — Приедем только завтра, на электричке. А машину привезут на эвакуаторе. Так что ты, доченька, до завтра опять остаешься одна. Не грусти уж без нас.

— Э-э-э… ага…

— Не переживай ты так, Николетта, — неправильно понял причину ее вздохов папа.

— Да я и не переживаю…

— Мама тут спрашивает, есть ли у тебя покушать. Ты хорошо питаешься? Горяченькое ешь? — Забеспокоился заботливый Карлов-старший. Ника топнула ножкой. Ее родители были иногда чересчур заботливыми.

— Все есть, и все я ем. — Буркнула Ника.

Кларский хмыкнул. Как заботятся о стервочке ее родители, прямо загляденье.

— Точно?

— Точно.

— Смотри, не сиди голодной. Тебе нужно беречь желудок. — Строго сказал отец. — Тут еще мать спрашивает, хорошо ли ты запираешь квартиру на ночь. Помни, в нашем районе повышенная преступность. Эти наркоманы совсем уже обнаглели, того и гляди тебя из собственной квартиры ссохатят! — И он принялся рассказывать дочери историю из жизни его приятеля Петрова, к которому любители легкой наживы умудрились забраться на третий этаж едва ли не по стене. А потом надавал кучу советов о том, как в случае чего защититься от

mir-knigi.org

местных хулиганов. Кларский слышал и это. Улыбался, как довольная куропатка.

— И не пересчитывай мелочь на улице, эти придурки могут выхватить ее, слышишь, Николетта?

— Ага…

— Перед тем, как открыть дверь, обязательно спроси, кто это. А если они представятся милиционерами…

Несчастная Ника скосила голубые глаза на Никиту. Тот стоял напротив нее, скрестив руки на груди, продолжал слушать и одновременно рассматривал картины-пейзажи на стене за спиной девушки. Картин было много по всему ее дому — больших, в тяжелых рамах, с изображением бескрайних полей, неба, лесов, рощ, воды.

Кларский смотрел на эти пейзажи, и ему вспомнился вдруг один разговор с Ольгой, очень хорошо разбирающейся в живописи. Ему вообще нравилось разговаривать с ней, действительно достаточной умной, разбирающейся во многих вещах и понимающей многое девушкой-ангелом. Ему нравилось даже просто слушать ее.

Тогда он тоже почти все время слушал ее, в тот странный день, когда они с ней впервые поцеловались — на мосту. Оля рассказывала о выставке современного искусства, на которой недавно побывала. А Нику было все равно, о чем она говорит — ему хотелось слышать негромкий красивый голос девушки, изредка тревожно посматривающей на парня — Кларский всегда принимал это за ее некоторое смущение.

— Я люблю живопись, Никит. Странно, да? Картины меня успокаивают, даже подбадривают. Они как молчаливые собеседники, вроде бы молчат, но одновременно и всегда так много могут рассказать.

— О чем рассказать? — не понял парень. Все его внимание занимали ее легкие блестящие волосы.

— Обо всем. В первую очередь — о художнике.

— А ты сама рисуешь?

— Я не умею. Я могу только оценивать картины, но не создавать их. Я совсем не сенсорик… Эстет.

Тогда он засмеялся и подумал, что хорошо бы было поцеловать эту малышку, желательно внезапно, и потом его желание осуществилось — только Ольга сама поцеловала его, в тот момент, когда он готов уже был убить этих чертовых Nзапрещено цензуройN, смевших приставать к нему на мосту. Один из представителей нетрадиционной сексуально ориентации, помниться, даже назвал его Никки — а так парня называли только брат и «его команда». И отец — он первым придумал это дурацкое прозвище.

А эта больная Ника назвала его еще похлеще — Укропом. Привлекательная психованная девка из когорты «бейби для всех».

— Да, папа, — не подозревая о мыслях парня, говорила Ника. — Я поняла, папа. Хорошо, пап. До завтра.

— Закончила, Николетта? — хмуро посмотрел на нее Никита. — Папочка заботиться о тебе?

— Заботиться.

— А обо мне не заботился.

— Почему? — на самом деле девушке было безразлично, почему.

— Он, знаешь ли, в тюрьме сидит, — с удовольствием объяснил ей Ник.

«Да и брат твой уголовник… И тебе недалеко до зоны, сволочь», — недовольно посмотрела на него снизу вверх Ника. Но она только спросила:

— А мама?

Парень смерил Нику тяжелым взглядом.

— Не упоминай ее при мне.

— Маму?

— Я же сказал тебе. Закрой ротик. — Рявкнул на бедную Нику Кларский. А потом вдруг негромко добавил:

— Да, ее. Интересно, почему? Я ведь знаю, что тебе интересно. Она бросила меня и свалила куда-то с каким-то мужиком. Отец через пару лет попал к ментам, сел по 210-ой статье. — Он нехотя усмехнулся. — Вокруг все здраво кудахтали, отец умел казаться окружающим совершенно другим. Никто и не думал, что он замешен в таких веселых делишках, как организация преступного сообщества. Его считали едва ли не интеллигентом. Соседи — старикан и старуха были понятыми при его задержании, они всем разнесли чудную весть — Кирилл Кларский — отпетый бандит и рэкетир.

— А что стало с тобой? — спросила Ника, вдруг подумав, что парня отправили в приют.

— Я остался с дедом и бабушкой. У Андрея была другая мать. Они жили отдельно. По-моему в их квартире было несколько картин. Не помню. Мать Андрея заботилась о нем, пока не умерла. — Сказал Никита самым обычным своим голосом: спокойным и размеренным, глядя не на девушку, а на картину с изображением светло-зеленого лиственного леса и высоких гор, над которыми высились тонкие белые, кое-где чуть розоватые пористые облака. — Потом откинулся с зоны отец, забрал нас к себе. — Его глаза смерили молчавшую от удивления девушку подозрительным взглядом. — И это я тебе говорю, не потому что мне хочется пожаловаться, а потому что ты должна знать мою биографию. Ясно, детка-конфетка?

— Да…

— Собирайся в темпе, и поедем.

— Да, хорошо, сейчас. — Ника направилась в свою комнату, со смесью страха, ненависти и нагрянувшей жалости взглянув на парня. А он аккуратно изъял у нее мобильный телефон.

— Не вздумай меня надуть. Наш договор уже в силе. Завтра будут деньги — Сказал Кларский ей. — Даю тебе десять минут.

— Как все бесит, — пробурчала Карлова. Ник сделал вид, что не слышит. Девушка скрылась в

своей комнате, плотно заперев дверь. А Никита продолжал ходить по квартире с задумчивым видом, все разглядывая картины, которые издалека выглядели, как настоящие фотографии, наполненные неяркими пастельными оттенками. В его доме никогда не было картин. И не будет.

Около двери, ведущей в комнату, в которой заперлась дурочка, парень остановился и вдруг неожиданно улыбнулся, и в его голове появились мысли, которые в присутствии Ольги он старательно подавлял.

Ник потер переносицу.

Они были только вдвоем в этой уютной квартире со светлыми обоями и белоснежными потолками, и он был намного сильнее ее. А сейчас Ника наверняка натягивает на себя какое-нибудь коротенькое платье, обнажающее плечи и ножки. Или подкрашивает малиновые капризные губы. Она все-таки ничего…

Парень вновь потер лицо, заставив себя не думать о таких глупостях.

— Быстрее! — прикрикнул он.

— Сейчас! — отозвалась из-за двери Ника.

— Минута или я войду. Выламывать двери я умею. — Сказал он просто из вредности. — Засекаю время.

Кажется, она выкрикнула что-то нецензурное.

Ровно через сорок секунд из комнаты вылетела юная хозяйка квартиры в обтягивающих новеньких голубых джинсах и яркой, насыщенной теплыми оттенками, многоцветной тунике из легкого материала. В одной руке у нее была косметичка, в другой — утюжок для распрямления волос. Выглядела Ника нарядно, но открытых плеч и ног не демонстрировала.

— Я почти все, — косясь на Никиту, как озлобленная гиена, прошипела девушка, — подожди немного! Мне нужно прическу подправить. Ну, пожалуйста, — добавила она, видя, как он качает головой.

— Три минуты. У тебя дома много картин. — Вдруг сказал он, наблюдая за тем, как девушка распрямляет волосы. — Зачем?

— Просто так, — устало откликнулась она, кляня себя на чем свет стоит, что решила хорошо выглядеть для своего «парня». Дядя Укроп раздражал все сильнее.

— Вежливее отвечай, — сжал он пальцы на ее локте тут же.

— Для красоты. — Выдавила Ника, чуть не уронив ему на ногу утюжок. — Отпусти меня.

— Больно?

— Да.

Он ослабил хватку.

— Картины — это совсем неплохо. Надо бы тоже прикупить парочку. Где ты их берешь?

— Нигде.

— Я не понял, ты мне опять хамишь?

«Вот мерзавец уродский!»

— Нет. Я тебе отвечаю: я не покупаю их. — Увидев его удивленно-скептический взгляд, девушка добавила. — Я их рисую.

— Ты и рисуешь? — явно не поверил ей Никита и совсем отпустил ее локоть. Такие как она, не могут рисовать так красиво.

— Рисую. — Стала перед зеркалом подводить розовым блеском губы Ника.

— Надо же. Ты — и рисуешь. А ты не так безнадежна, — отозвался Кларский. — Откуда ты умеешь рисовать?

— Просто умею, и все.

— Моя подруга учиться на факультете искусствоведения и многое знает о искусстве. Разбирается в художниках и в направлениях. Обожает живопись и может говорить о ней часами. Ты можешь так?

— Нет. — Исподлобья глянула на него Карлова.

— Тогда почему ты умеешь рисовать, а она нет?

— Я с детства часто рисую! — нервно проговорила хозяйка квартиры. — Люблю и все! Люблю, поэтому и рисую, а не изучаю теорию.

— Вот как. Забавно. Сотри, — велел внезапно Никита, глядя на розовые губы ее отражения в зеркале, резко меняя тему разговора.

— Что? Зачем?!

— Мне не нравится. Стирай. — Естественный цвет ее губ, малиновый, нравился ему куда больше.

— Не буду.

— Мне сделать это самому? Не забывай, ты играешь мою девушку. — Напомнил Ник. — А я плачу тебе за это деньги.

— Может тебя еще боссом называть? — огрызнулась Ника, направляясь ко входной двери. Парень промолчал. Ладно, черт с ней, с ее помадой. Он последний раз оглянулся на картины, и они покинули уютную квартиру Карловых.

Когда молодые люди спускались вниз, Никита взглянул в окно, из которого совсем недавно Ника показывала ему совсем неприличные жесты, совершенно не думая, что делает и, неожиданно для самого себя (а уж какой это новый шок был для Ники!), взял ее за запястье и притянул к себе.

— Помнишь, как ты высовывалась в окно и орала? — припомнил он события прошлой недели. — Мне это очень не понравилось. Здесь всего лишь два этажа, — она посмотрела на него

расширенными глазами, — но если я выброшу тебя отсюда, тебе будет чуть-чуть больно.

Ника нервно взглянула на парня. Думала, что он вновь поцелует ее — как дома у брата.

— Ты болен? — прошептала она. — Что ты все время лезешь ко мне?

— Просто я ненавижу таких распущенных девочек, как ты. Никогда не смей себя больше так вести, — отозвался парень, глядя на девушку, не мигая. — Тебе не кажется, что хорошая девочка не должна себя так вести?

— А я не хорошая девочка! Отстань от меня!!

— Иди, — подтолкнул ее вперед Никита. — Иди, нам действительно пора.

Все-таки он был недоволен, что она оделась так закрыто. А еще был удивлен: она рисует и рисует красиво. Но вел себя так же, как и обычно, не показывая искренних чувств.

Когда они подходили к машине, Ника проворно забралась на сидение и быстро закрыла дверь: увидела, как на нее удивленно смотрит компания из местных девчонок и парней, с которыми девушка с детства общалась. Похоже, они решили, что это ее парень, и, кажется, хотели к ней подойти, чтобы поздороваться и все поподробнее разузнать, а ей совсем не хотелось, чтобы они знакомились с Укропом, к которому явно обозлившаяся на нее за что-то госпожа Жизнь решила приклеить суперклеем.

Ник посмотрел на сидящую с воистину каменным лицом девушку и на пару секунд подумал вдруг, что поступает как-то не совсем благородно. Это хамка вроде и не сделала ему ничего плохого. Она не сделала, и он не сделает. Она просто помогает ему за деньги, не более. Ник улыбнулся, глядя на дорогу. Ника заметила это и чуть не закашлялась — с чего бы этому опрокинутому маньяку улыбаться? Совсем рехнулся?

Эти двое съездили в пару мест, в том числе в какой-то плохо освещенный прокуренный бар, находящийся в подвальчике старого дома. В баре гремела неясная музыка, народ был не совсем трезв, а воздух заменял сигаретный терпкий дым.

Никита целеустремленным шагом направился к какой-то лестнице, оставив свою спутницу одну ровно на минуту. Ему нужно было встретиться с кем-то по просьбе брата и что-то у него забрать (если бы Ника знала, что, она бы точно испарилась — в прямом смысле этого слова). Молодой человек ушел, к Нике тут же умудрился подкатить какой-то высоченный худой тип с блестящими ненормальными глазами и развязными манерами.

— Приветики. Какая задорная чика, — положил ей руку на плечо тип без стеснения, — пошли со мной.

— Эй! Убери руки! — возмутилась смелая, где не надо, девушка. — Никуда я не пойду.

— Ну чего ты такая? Оу?

— Отстань.

— Тебе понравится, — заверили ее.

«Почему меня всегда домогаются кретины и наркоманы??».

— Нет, не думаю.

mir-knigi.org

— Чего это?

— Заточка у тебя противная, — ляпнула девушка, имея в виду скуластое лицо парня. — И сам ты не айс.

Блестящие глаза сощурились. И агрессии в них тут же заметно добавилось. Кажется, он хотел ударить ее.

— Че ты сказала? Вот крыса! Да ты знаешь, кому ты хамишь?

Его следующих слов девушка не слышала — подоспел Кларский, загородил ее собой (девушке сразу вспомнился милицейский участок, где Ник сел между нею и противным старым мужиком Краснозубовым) и немигающим взглядом уставился на скуластого парня. Ника тут же схватила Никиту за руку, и только потом, когда парень легонько сжал ее ладонь, словно успокаивая, поняла, что конкретно ступила. Но руку не вырвала, поняла вдруг, что Кларский — ее спасение.

— Она — моя, — произнес всего лишь два слова Ник, и молодой господин с блестящими глазами отвалил от светловолосой. Сказал только заплетающимся языком напоследок:

— Никки, друг, это че, твоя телка? Никки, в натуре, прости, я не прогнал фишку. Сегодня дурь позорная, вообще вырубает мосх. Прости, слышь? — Парень от переизбытка эмоций даже замахал худыми руками со вздувшимися венами.

— Да, вали уже.

— Все-все-все, ухожу, вот Nзапрещено цензуройN! Никки! Твоя девчонка — это святое!

И он исчез. Девушка облегченно вздохнула.

— Не тронул? — спросил Никита у Ники. Та отрицательно помотала головой.

— Тебя одну оставить даже на минуту нельзя. Не можешь никак прекратить строить глазки мужикам? — специально грубоватым голосом спросил девушку Никита и, наконец, отпустил ее ладонь. Правда, подумав, велел взять его под руку — чтобы все вокруг поняли, что она — его подруга. Она послушалась и, вместо того, чтобы мысленно ругаться, подумала с чего-то, что у этого парня сильные руки, правда, не демонстративно накаченные, а вполне обычные, правда, довольно ухоженные, с выступающими сухожилиями, но очень сильные.

Эти двое, все так же не разговаривая, вышли на улицу, на которой все больше и больше темнело, съездили домой к какому-то человеку — ему Ник отдал то, что взял в прокуренном баре, а затем его черная «Мицубиси» объехала едва ли не весь город, чтобы притормозить около пятиэтажного дома в спальном районе, окруженного с трех сторон деревьями и кустарниками. Свет в салоне Кларский предусмотрительно погасил.

Было уже начало двенадцатого. Ника занервничала — в клуб Никита пока не собирался.

— Что мы ждем? — спросила она, глядя на пустую детскую площадку.

— С моря погоды. Его, — неожиданно кивнул в сторону парень и довольно улыбнулся.

К подъезду, напротив которого они остановились, подъехал черно-красный дорогой мотоцикл, на котором сидели двое: парень и девушка.

— Так я и знал, что она с ним. — Сам себе сказал Ник, внимательно наблюдая за этими двоими. — Эх, девочка, я же звонил тебе, звал погулять, почему ты меня проигнорировала?

Ника прищурившись, смотрела на парочку — а она не сомневалась в том, что эти двое пара: высокий, смутно знакомый брюнет с хорошей фигурой и широкими плечами и светловолосая девушка с фигурой, как у самой Ники.

— Сейчас он смоется, она подойдет к подъезду, я догоню ее и поговорю кое о чем. А ты будешь сидеть в тачке. Уйдешь — найду и отвезу в тот самый лесок, на прокорм волкам, — быстро отозвался Никита, готовый в любую секунду открыть дверь машины. — Все ясно?

— Все.

«А еще то, что ты — ското-бой в последней инстанции», — подумала злобно Ника. Раньше бы она высказала эти мысли вслух, но теперь просто-напросто не решалась сделать этого.

А Кларскому не повезло — и он неприлично выругался. Парень на байке не уехал, а пошел провожать свою девушку прямо до квартиры. При этом он вдруг оглянулся, и Нике показалось, что он внимательно посмотрел в их сторону, как будто бы видел автомобиль насквозь. К тому же она вновь явно поняла, что где-то брюнета уже видела.

— Зачем тебе это надо? — спросила она с недоумением Никиту. — Ну, следить?

Тот, естественно, не ответил. А девушка вдруг поняла, кто это там, в темноте! Дэн! Смерч! Денис Смерчинский! Тут милашка из клуба, в которого она мимолетом почти что влюбилась за пару часов общения и который едва не свел ее с ума своими поцелуями!

Что он тут делает? Кто это такая с ним? И, главное, почему Укроп за ними следит? Они ведь вроде как с Дэном приятели!!

— Он все время с ней, следит за ней? — не обращаясь к Нике, прошипел Кларский, и девушка подумала, а вдруг это и есть его обожаемая Ольга?

Оказалось, что нет. Это совсем не Ольга.

— Мы теперь в клуб, да? — несмело спросила Ника. Про Дэна Никита отказался разговаривать и даже велел девушке заткнуться. Вся чисто женская жалость к нему и пара-другая теплых чувств, которые зародились в ее душе после поцелуя и держания за руку мигом стали ветхим серым прахом.

— Да. — Парень повернулся к Нике, оставив без внимания двор и подъезд. — А тебе ведь он очень понравился, мой знакомый клоун?

— Кто?

— Смерч.

— Да. — Твердо сказала она, вспомнив его теплые руки и немигающие синие глаза. И почему, интересно, Дэнчик познакомился с ней, Никой, тогда, а не с кем-то другим?

— Почему? — вдруг решил выяснить это Кларский.

— Потому что он…

— Красивый?

— Не то.

— Джентльмен?

— Не в этом дело.

— Богат?

— Нет.

— Обаятельный?

— Потому что он дает возможность почувствовать себя девушкой, — выдала Ника и сама себя похвалила за умную мысль.

— Вот как? — Никита сделал умное лицо. — Хочешь, я тоже тебе дам возможность…

Закончить фразу он не успел. В окно машины постучали. И от этого Ник, вздрогнув, резко отодвинулся от девушки, не знавшей уже, каких еще пакостей ей ожидать от дяди Укропа. Чуть позже Ника не раз замечала, что от резких звуков Ник вздрагивает.

— Что за… — пробормотал Кларский. Не часто кто-то ломился в его дорогое мрачное авто. Он сначала даже подумал, что это местная гопота решила вежливо попросить поделиться его магнитолой, и уже готовился послать их далеко и надолго, после чего двинуть в клуб к Петру. Не смотря на то, что иногда Ник выглядел совсем не внушающее, он мало чего боялся.

Парень опустил стекло в окне и слегка обалдел. Зря он переключил свое внимание на Нику — упустил момент, когда кое-кто вышел из подъезда и стремительно приблизился к его «Мицубиси».

— О, привет, — склонился к окну Смерч, в упор глядя на Кларского, как на лучшего друга, живущего в Австралии и только что прилетевшего на родину. — Давненько не виделись.

Ника замерла от бархатных звуков его голоса.

Первые пару секунд Кларский тоже только молчал. Потом все же взял себя в руки.

— Привет, Дэн. Чего тебе надо? — спросил он вежливо-вежливо. Девушке, сидящей рядом, одними губами шепнул, чтобы она молчала.

— Ничего, заметил тебя, решил поздороваться. Ты тут не один?

— Не один, да. — Вежливо согласился Никита, точно зная, что темноволосый клоун обо всем догадался.

— Прости, что помешал вашему с девушкой уединению. Клевая машинка, — похлопал ласково черное авто по двери Смерч со знанием дела, явно оценив стоимость этого средства передвижения. — А ты говорил, что у тебя тачки нет.

— Появилась.

— Внезапно? — чуть насмешливо спросил Дэнни. Ника едва слышно хихикнула.

— Да.

— Материальные вещи они вообще такие… внезапные. То появляются, то исчезают.

— Прямо как люди. — Неожиданно Никита почувствовал, что присутствие Смерча заставляет его нервничать. И Ника, которую Смерч не узнавал в темноте, тоже.

— Люди вообще не вечны, ты прав. Все, кроме гениев. Ладно, оставим вечность экзистенциалистам. Выйди, поговорим, — поманил Ника пальцем Дэн. Тот заметил, что, не смотря на кажущуюся веселость, его глаза серьезные — слишком серьезные, чтобы принадлежать двадцатилетнему парню — или сколько там ему лет?

— О чем? Я, знаешь ли, занят слегка. Тороплюсь. — Никита настороженно глядел в его эти серьезные глаза, обдумывая, что же ему предпринять в случае чего.

— Ничего, я займу у тебя немного времени. — Смерч лучился дружелюбием. — Наверное. Вылезай наружу, парень. Поболтаем. — Теперь в его голосе слышались властные нотки, и Ник не вовремя вспомнил, что частенько таким тоном говорит Петр, хозяин «Алигьери»,

— Думаю, я вынужден уехать.

«Прямо разговор двух светских лебедей, а маты-то где, маты? — подумала Ника, не совсем понимая, что происходит между этими двумя, — а-а-а, какой Денис красивый!! Не узнаёт меня в темонте?».

Кларский действительно уже хотел завести машину, но Дэнни не дал ему этого сделать. Этот парень всегда знал, что, кому и когда следует сказать, чтобы повернуть ситуацию в свою сторону.

— Я должен решить с тобой две проблемки. — Решительным тоном заявил Смерч, не переставая улыбаться. — Первая — оставь в покое Ольгу.

Чего-чего, а этих слов от Дэна Никита явно не ожидал. Он ждал совсем другое.

— Что сделать? — переспросил он.

— Оставь Олю в покое. Ты, наверное, в курсах, что я — ее друг детства. Хороший друг. И мне не нравится, что такой мудак, как ты, общается с ней. — Жизнерадостно заявил ему Дэн. — Малышка Князева — девочка хорошая. И мальчик ей нужен соответствующий.

Как и всегда, Дэн попал в яблочко. На данный момент это было самой болевой точкой Кларского. И это нехило его взбесило. Не зря же они с Андреем Мартом были братьями: у них была не только похожая внешность, но и умение загораться и приходить в ярость. Только Андрей не слишком мог себя контролировать — да и не хотел, а вот Никита умел держать себя в руках. Срывался только иногда. Вот и сейчас готов был сорваться, хотя понимал, что Денис — полезный человек, который во многом мог быть полезен. Но из-за порыва злости Кларский подзабыл об этом.

— Сукина ты дочь, Смерч. — Ник медленно вышел из машины, точно зная, что он сильнее Смерчинского. Естественно, он не будет устраивать драки перед домом, он просто хорошенько ему вмажет, неожиданно, чтобы попортит смазливое лицо. Чтобы не смел больше упоминать Ольгу — его Ольгу.

mir-knigi.org

Парни оказались лицом друг ко другу, уже не улыбаясь. Роста они были примерно одинакового, и ехидство внутри Ники спросило само себя: «неужто поцелуются?». Увы, нет. Они чуть было не подрались.

— Что ты там говорил про мою девушку? — Ткнул Дэну в грудь кулаком Никита.

— С этого дня она не твоя девушка. — Отозвался Смерчинский, уверенно сбрасывая его руку.

— Ты понимаешь, что себе смертный приговор подписываешь, козел? — прошипел светловолосый.

Смерчу не жить. Ему точно не жить!

— А ты понимаешь, что теперь ты оставляешь ее в покое, парень? — он положил руку Кларскому на плечо, близко-близко наклонился к его лицу и прошептал:

— Забудь о ней. И я обо всем забуду.

— Смерчинский, не зли меня, ты не знаешь, какие неприятности у тебя будут, — достаточно честно предупредил Дэна Никита.

— Я думал над этим.

— Сейчас ты не будешь думать ни о чем, — пообещал светловолосый.

Еще бы пара секунд и Смерч точно бы упал от неожиданного сильного удара озлобленного и напрягшегося Ника, но Кларский не успел ничего сделать. Против четверых он бы точно не выстоял.

— А вот и мои друзья. — Сказал Денис, тоже отлично это понимая.

Никита только поморщился и отошел от парня, едва касаясь своей машины, в которой в очередной раз ругала судьбу Ника — она понимала, что молодые люди что-то не поделили, и не знала, что ей делать.

А со стороны пятиэтажного дома к Дэну подходили еще трое парней: зеленоволосый тип панковского вида с развеселой ухмылкой, мощный чел в бандане и парень с развязной походкой, в бриджах и куртке цвета хаки.

— Кто это? — Не понравились новые действующие лица Кларскому.

— Я же сказал. Друзья. Боятся за меня. Не хотят, чтобы я один ходил по переулкам.

Зеленоволосый услышал это и заржал.

— А-а-а, — протянул Ник, — устроите мне темную, мужики?

— Вообще-то я хотел тебе надрать задницу, — оскалился в улыбке панк. — Но Смерч решил цивилизованно с тобой поболтать. За жизнь.

— Как все серьезно. Думаю, ты не из тех, кто будет нападать на одного вчетвером, — посмотрел на Дэна Никита. Но последующая реакция клоуна только удивила его.

— Не будем, я тебя и один уделаю, — тут же отозвался зеленоволосый, разминая шею.

А Денис на эти слова только пожал плечами.

— Ты благородный. Да, Смерч? — Кларский временно раздумал бить противника и сдерживал эмоции.

— Да не особенно. Я скорее расчетливый. — Отозвался задумчиво Денис. — Благородный я к девушкам и к своим друзьям. А, — словно вспомнилось ему, — еще к людям, попавшим в беду. Но ты не кажешься таким — бедствующим. Ты не мой друг, и тем более не девушка. Не девушка ведь?

— Естественно, — скрипнул зубами Ник, которого сравнение с представительницами прекрасного пола слегка покоробило.

— Вообще отлично! Так что быть благородным к тебе — это не моя тема. Проблемка номер два. Переходим к ней. Но сначала я тут хотел узнать… Какого, — дружелюбный голос Дэна стал вдруг злым, резким, очень взрослым, — черта мне нужно быть благородным по отношению к тебе, выродок? Один я с тобой не справлюсь, я ведь видел тебя в бою, знаю, насколько ты силен. Поэтому и позвал с собой парней. На всякий случай. В следующий раз нас будет больше, а тебе будет очень больно. Фак, мне плевать на благородство.

— Это все из-за Ольги? — едва сдерживал себя Кларский, но понимал, что против четверых мало что сможет сделать. Еще и в клуб ему попасть сегодня очень нужно, и эта дура рядом сидит, едва дышит.

— Не только. — Голос Дэна стал еще более злым, и он медленно, едва ли не по слогам произнес. — Оставь в покое мою девушку.

— Твою девушку? Машу Бурундукову? Почему ты решил, что дело в ней? — без особенного страха переспросил Никита. Он оставался спокойным, но только внешне, внутри он был собран и мысленно просчитывал, что делать, если все три парня нападут на него. Тогда ему придется хреново. Дэн силен и у него хорошая скорость и быстрая реакция, панк явно поднаторел в уличных драках, будет бить жестко, два других типа по ходу занимаются боксом или борьбой — у одного нос перебит двух местах, у третьего даже через толстовку видны хорошие мышцы.

— Да. Ее. Чтобы я больше не видел тебя около ее дома, Кларский. Или рядом с ней. Иначе я тебя убью.

— Так ты уверен, что дело в ней?

— Уверен.

— Разговорчивый чувак, — заметил один из друзей Смерча. — В нокаут хочет, пятой точкой чую, в ноакут.

— Так ты так уверен, что мне нужна твоя подружка, а, скажем, не ты сам? — продолжал Никита.

— Ну как бы уверен, дружок. Узнал случайно, что ее отец ведет дело над приятелями твоего старшего брата Андрея Марта, — отозвался Денни уже менее агрессивным тоном. — Игровые автоматы в наши дни — штука опасная.

Никита рассмеялся.

mir-knigi.org

— А наркотики — еще опасней. — Продолжал уже другим, смешливым и невинным голосом Смерч. И Ник невпопад подумал, что этот парень — тоже прекрасный актер. Говорит беззаботно, улыбается, держит руки в карманах, а на деле в уголках его глазах бушует целый ураган злых эмоций. Он беспокоится за свою девчонку. Он почему-то защищает его девушку, Ольгу, да, они же точно друзья детства… Но… Его мать, какого огурца он должен бросать своего любимого ангела?

— И брат твой в розыске находится, правда? А вот если бы ты вдруг вскружил голову единственной дочурке подполковника экономической полиции, глядишь, дело об игровых автоматах закрылось бы… ну, само собой, да?

— А ты догадливый, — хрипло отвечал Никита. Ника же в салоне машины решила, что либо она уже совсем с ума сошла, либо с Укропом нелады… куда ему столько девушек: Ольга, какая-то Маша, она сама. Идиотизм. Но она продолжала молчать.

— Ты умный.

— А то. Так ты меня понял, Кларский? Никогда не появляйся около моей девушки. Через нее тебе своего брата не спасти, ищи другие пути.

Никита усмехнулся про себя. Спасти брата? О да, спасти. Спасти, отмыть от грязи, свести наколки и отправить в рай. Смерчинский весельчак. Да брат сам сказал ему сделать это — покружить голову Бурундуковой, когда Ник вдруг узнал случайно, кто ее папочка, и сдуру сообщил об этом Андрею. Тот быстро загорелся очередной тупой идеей. Против слов брата-психа Никита идти не мог, хотя и не хотел связываться с Марией вообще. Понимал, что поступает плохо — плохо в первую очередь по отношению к единственному своему нормальному другу — к Димке. Чащин ведь любит, идиот, эту светленькую и шумную девчонку, так похожую на глупышку Нику. А он, Кларский, должен был поступать так: вскружить ей голову ради брата. Его бесило это, ведь одновременно он предавал и друга, и свою Ольгу, и должен был быть неискренним по отношению к ничего не сделавшей ему Маше. Чащин, кажется, что-то начал подозревать, когда увидел его, Никиту, рядом с Бурундуковой в универе, тогда он отозвал в сторонку и прямым текстом заявил, чтобы Кларский не приближался к Марии.

— Ты мой друг, Ник, и я доверяю тебе. Но не трогай ее, идет? — Сказал тогда Дима, сжимая свой стаканчик с обжигающим «летто».

— С чего ты решил, что мне есть до нее дело? — Несколько нервно переспросил Кларский, чувствуя себя кем-то вроде стопроцентного подонка. — Все в порядке, Димыч. Она просто хорошая знакомая.

— О чем ты с ней разговаривал сейчас?

— Ольга хочет двойного свидания, — отвечал Кларский.

Чащин только головой покачал, всем своим видом показывая, как подозрительно он относится к подобного рода забавам.

— Все нормально, не беспокойся ни о чем.

— Отлично. Второго конкурента я не выдержу, — произнес Дима.

— В смысле? — для Никиты так и осталось тайной то, что Маша Бурундукова была по-детски

наивно, но в то же время совсем неслабо влюблена в него целых три года.

— Будешь еще одним, кто этой дурочке голову заморочит, — отозвался его друг и сделал большой глоток кофе, явно обжег им язык, но не подал и виду. Они так сидели вдвоем на перилах, одинаково поджав ноги, смотрели вперед, на кажущийся бесконечным зеленый парк, и молчали. Пару раз Чащин что-то хотел сказать, но всякий раз замолкал, едва смотрел на Кларского. А тот чувствовал себя зверским предателем.

Попрощались они почти не говоря друг другу слов, но неожиданно тепло и крепко пожав руки, словно чувствуя виноватыми перед друг другом.

В тот день Ник долго в ярости долго бил дома свою боксерскую грушу. Приказ Марта все же победил. Светловолосый человек все же самоуверенно решился действовать через Машу, решив для начала подружиться с ней и со Смерчем.

Но Смерчинский обо всем узнал — Никита недооценил его. Точно так же, как и сам Дэнв недооценил Кларского в самом начале всей этой истории, посчитав его за обычного парня — «правильного мальчика» в подобранной со вкусом одежде хорошими оценками.

Может быть, поэтому они сейчас оба и были злы.

— Забудь об Ольге. Если я не сломаю тебя один, мне помогут в этом друзья. Пусть это будет неблагородно — десять на одного, но я заставлю тебя оставить в покое Машу. — Дэн указательным пальцем коснулся лба противника, коротким прикосновением подтверждая свои слова, в которых была завуалирована угроза.

— Запоминай мои слова. Сохрани их в своей башке. Когда речь идет о тех, кто мне дорог, я перестаю играть в благородного мальчика. Не трогай мою девушку. Забудь о ней. Не звони ей. Не приглашай никуда. Не подходи и не говори с ней. Забудь о моей сестренке Ольге. Она не любит тебя. Затаись где-нибудь, пока тебя не посадили. Статья 228 это не пересечение двойной сплошной. «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». Задумайся, кретин.

— О-па, опять по памяти шпарит, — заржал зеленоволосый.

— Задумайся о том, что твои слова могут иметь последствия.

— Последствия скорее наступят ля тебя, Nзапрещено цензуройN, — злобно сказал ему парень в бандане.

— Я предупреждаю, Дэн.

— Я понял. Я тоже предупреждаю тебя. Все. Fuck off! — Процедил сквозь зубы Дэн, без страха глядя на Никиту — тот его даже слегка зауважал за это. Так же хорошо Уголовный Кодекс РФ на его память знал только Март и один мужик, который смело мог считаться рецидивистом из рецидивистов. — Проваливай. Get a fuck out of here!

Кларский вернулся в машину и, ни слова не говоря совсем уже обалдевшей Нике, завел авто. Уехал быстро, видя в зеркало заднего вида четыре немаленькие фигуры. Кажется, клоун не шутил. Люди с такими глазами не шутят. А ведь Дэн был в ярости. И как только он заметил его

тачку? Тупой умник.

— Да что это такое было? Ук… Никита, что ты делаешь, чем занимаешься? — влезла обеспокоенная Ника. — О чем Дэн говорил?

— Молчи. — Предупредил ее парень. — Молчи. Пока мы не придем в гребанный «Алигьери», молчи.

И Ника послушала его. Только подняла руки кверху, словно говоря, что и не хочет ничего говорить.

— Ты пожалеешь, скотина, — шептал Ник — от гнева крылья его носа трепетали, а глаза были сужены. — Ты же нарвешься на крупные неприятности. Ты уже нарвался. А через твою девку я многого добьюсь. Падла, еще и Ольгу приплел. Нет, тебе точно не жить, фраер.

Ника, слыша его тон и слова, приправленные изредка крепкими выражениями, только вздыхала и глубже вжималась в сидение. Ей опять было страшно, и девушка не старалась смотреть на Кларского. Ну что, что она такого сделала…? Лучше бы тут старикан Редкозубов сидел или противный Илья из соседнего подъезда, хамоватый шрек с мордой обкурившегося осла, который давно к ней подкатывал…

Кларский успокоился — не сразу, а только тогда, когда они оказались в «Алигьери»: там он вновь вошел в образ спокойного мальчика с уверенным взглядом. Вновь заставил Нику взять себя под руку, купил карты для входа в клуб и повел в «Рай», где они первым делом увидели небольшую драку…

И вот теперь она, Ника, находилась в кабинете того темноволосого человека в дорогих очках, которого ударили в челюсть. Что за странности?

Все эти воспоминания пронеслись в светловолосой голове буквально за минуту. Девушка вновь сглотнула, чувствуя сухость во рту. Во что она ввязалась? Проклятый Дядя Укроп! Уродский гопник. Как это вообще случилось, что ей приходиться общаться с этим чокнутым белобрысым хомяком, притворяться его девушкой да еще и деньги за это получать? Деньги — это хорошо, но Никита пугает. И даже тот факт, что целуется он клево, не радует. И брат у него дурной… И Дэн что-то про наркоту говорил.

От воспоминаний о небольшой, но очень эмоциональной разборке между принцем ее мечты и демоном ее реальности, Ника сглотнула. Как оказалось, горло у нее пересохло от волнения, и девушка очень сильно хотела пить.

Она окинула взглядом бар с кучей бутылок, но увидела только алкогольные напитки: в основном это были дорогие вина и коньяки большой выдержки. В общем, очень недешевые вещи. Там же, на стойке стоял симпатичный бокал со светло-желтым коктейлем. Соков или просто воды девушка не нашла.

— Оно стоит ого-го, — вслух произнесла Карлова, рассматривая бутылку с сухим красным вином, изготовленным на лучших винодельнях юга Франции. — Буржуи…

Но Ника понимала, что сейчас она не в том состоянии, чтобы напиваться, и вообще она вдруг решила, что никогда не будет ничего пить, поэтому она соблазнилась коктейлем. Он пах карамелью и чем-то еще, сладким и терпким одновременно. Алкоголем он не пах совершенно, и на вкус (девушка осторожно отпила маленький глоточек) был больше похож на молочно-фруктовый напиток с добавлением каких-то вязковато-горьких трав.

— Ничего так…

Петр сказал, что она может делать в его кабинете все, что угодно, ничего не случиться, если она выпьет эту штуку.

Правда, осилила девушка лишь две трети или чуть больше — к сожалению, у вкусного на первый взгляд светло-желтого напитка послевкусие оказалось омерзительным, таким, словно какой-то умник растворил в нем горький анальгин.

Но девушке хватило и того, что она выпила. Через минут десять мир стал для нее одной сплошной сюрреалистичной картиной: то расплывчатой, то становящейся настолько резкой, что ей было больно смотреть на яркие предметы. Чувства ее обострились и, кажется, стали чужими — настолько несвойственны они были для Карловой, которая раньше никогда не провала никаких наркотических веществ. Ей хотелось смеяться, потому что вдруг она поняла, что мир, вобщем-то — штука преотличная, даже забавная, нет, скорее смешная. А те, кого она ненавидела и терпеть не могла — ангелы…

Когда Петр и Ник, видимо, пришедшие к какому-то консенсусу, вышли из своего кабинета, Ника была уже «готова». Она прекратила смеяться и застыла, прислушиваясь к неизвестно откуда доносившейся до нее музыки.

Сначала Кларский не заметил этого. Он что-то продолжал настойчиво говорить Петру, доказывая свою точку зрения:

— Делаем, как сказал Март — ляжем на дно на время. Менты могут в скором времени и сюда приехать, не забыв захватить гребанный ОМОН. Март за пару недель все уладит, и продажи возобновятся.

— Продажи возобновятся, — повторил за ним представитель семьи Смерчинских, — ты говоришь, как менеджер среднего звена, а не как…

— Гопник? — весело закончил Ник. — Эй, мужик, я просто очень образованный гопник. Будущий экономист и все такое.

— Как интересно. Экономист, говоришь? Я тоже экономист, специализировался на мировой экономике. Да и Март наверняка, — голос Петра стал насмешливо-серьезным, — получал высшее образование.

— Он учился на ветеринара, прежде чем ему дали первую ходку, — серьезно ответил Ник.

— Да-а-а? — поправил очки на переносице Петр. — Он мечтал лечить пони от глистов и прививать попугайчиков?

— Естественно, нет, — грубовато откликнулся Никита, мысленно давший сам себе подзатыльник за порыв совершенно лишней откровенности о брате. Он окликнул Нику.

— Эй, пошли. Эй, девочка, ты что, спишь?

Девушка никак не отреагировала, и молодой человек наклонился к ней.

— Алло, принцесса. Пошли.

— Раздевайся, — вдруг велела ему Карлова, как робот поднимая лицо к его лицу. — Раздевайся,

любимый. Ты — мой ангел.

И Ника крепко обняла слегка ошалевшего Никиту, а после принялась как-то лихорадочно целовать. Кларский не совсем врубился в ситуацию — ему и в голову не могло придти, что его лже-подружка умудрится «накидаться» в таком месте, как кабинет Петра. Он машинально ответил ей на поцелуй, а потом тут же отпрянул от нее, почувствовав на ее жадных губах смутно знакомый вкус.

Петр, стоящий сзади и пьющий сок (оказывается, безалкогольные напитки и десерты были в другой комнате), видя все это, закашлялся от неожиданности.

— У нас есть номера для пар, — как бы вскользь заметил он. Никита одарил его злобным взглядом, пытаясь отделаться от девушки. У него это получалось весьма плохо.

— Тут стоял «Карри», а теперь я наблюдаю лишь пустой стакан, — спокойно заметил парень в очках. — Твоя малышка выпила его.

Ника счастливо засмеялась и ее ладонь легонько ударила парня по щеке. Ник чертыхнулся. Что такое «Карри» он прекрасно знал.

— А где моя подруга? — вдруг понял Петр, что Лида куда-то исчезла.

— А он ушла, — вдруг повернулась к нему лицом Ника, у которой больше не было видно голубой радужки — такими широкими стали ее зрачки. — Ее унесло.

— Я сейчас тебя унесу! — заорал Ник. — Дура, ты что выпила? Идиотка!

— Я тебя люблю, — упрямо заявила ему девушка, обнимая за шею. — Я хочу быть с тобой.

— Да что за день паршивый! Мать вашу. Ну-ка приди в себя! — И он, как следует, встряхнул девушку.

Петр осуждающе покачал головой.

— Как-то ты неаккуратно со своей подружкой. Так куда унесло мою Лидочку? Ммм?

— К ангелам, наверное, за дверку, — замерла Ника и, неестественно рассмеявшись, как кошка потерлась головой о плечо Кларского, после чего вскочила и подбежала к прозрачной стене, прислонив ладони к стеклу.

— Хочу туда, танцевать, — заявила она громко. — Эй, пиратик, потанцуй со мной? Танцевать! Танцевать!

— Иди лучше ко мне, — схватил ее за руку Никита. — Иди, иди. Эй, тупица… Больная стерва… Не лезь ко мне так. Убери руки! — Карлова, не контролируя себя, вновь начала приставать к молодому человеку. — Эй, умник, что мне с ней делать?

— Раздевайся, ты такой милый без одежды, я знаю, — прошептала девушка восторженно, и Кларкий почувствовал, что ему нравится, когда она так крепко прижимается к нему — пусть даже в таком состоянии. Вот уж эта Карлова!

— Что делать? Осуществи ее желание. — Бросил Смерчинский раздраженно, глядя на то, как преданно смотрит на Никиту светленькая глупышка, выпившая не тот напиток, и как она гладит его по волосам и по спине, стремясь поцеловать в плотно сжатые губы, а Ник

отворачивается от нее, пытаясь заломить руки и успокоить. — Я, так и быть, не буду вам мешать и временно покину кабинет. Я же вижу, ты этого хочешь, приятель.

С этими словами Петр, спешным шагом покинув кабинет, направился к охране, стоявшей снаружи: Лида не должна была покинуть «Алигьери» до того, как он не познакомился с нею поближе. Она очень сильно заинтриговала его.

Однако ему не повезло — девушка, как сквозь землю испарилась. В клубе ее уже не было, и, судя по тому, что заснял наружные камеры наблюдения — она спешно выскочила из здания «Алигьери», очень быстро поймала таксиста-частника, номера которого удалось зафиксировать, и уехала в неизвестном направлении.

Таксиста найти тоже не удалось. Расспросы многочисленных работников ночного заведения ничего не дали — только удивили их. Молодой хозяин еще никогда с таким упорством чуть ли не полночи искал какую-то постороннюю девушку.

Петр упустил свою высокую брюнетку и хотел уже, было, рассердится, но подумал неожиданно, что все не так плохо — он всегда сможет найти ее через девчонку брата, они ведь учатся вместе.

— Я тебя все равно найду, глупая, — сам себе сказал молодой человек, поправляя очки на переносице, порядком удивив двух охранников, сидевших за мониторами, появившегося откуда-то арт-директора в компании с начальником службы безопасности и все ту же администратора, что сопровождала его. — Найду, и мы пообщаемся. Хм, и чего она вдруг решила убежать? Захотела поиграть в Золушку? Ну что же, твой принц тебя найдет. Только не жалуйся потом на то, что принц черный.

И молодой человек засмеялся, довольный своей шуткой. Остальные присутствующие только лишь переглянулись. Спрашивать о том, кто такая эта Лидия, они благоразумно не стали.

Стоит заметить, что не только двоюродный братишка Петра пал когда-то жертвой сплетен, второй Смерчинский-младший тоже в некотором роде стал жертвой домыслов. Среди работников клуба поползли слухи, что их хозяин нашел себе кого-то вроде постоянной девушки. Уединился с ней в своем кабинете. Нес туда чуть ли не на руках. Даже подрался из-за нее с одним парнем. На всякий случай арт-директор, сокурсник Петра, парень с чувством юмора, раздобыл более-менее хороший снимок Лиды, полученный из одной достаточно качественной видеозаписи, и показал его всему персоналу, объявив, что это возможно, герлфрэнд господина хозяина. И если ее кто-то увидит около «Алигьери», пусть немедленно пропускает в клуб просто так, с улыбками на лице и почтением во взоре, а еще лучше — пусть сразу ведет в кабинет Петра. Слово «возможно» было многими просто не расслышано.

Кстати, и Даниил Юрьевич через какое-то время тоже уже был в курсе, что его второй внук нашел себе некую загадочную девушку, которую он всюду ищет и из-за которой вступает в драки. По этому поводу он даже позвонил Денису, порядком удивив его, а потом поехал к своему сыну — отцу Петра, и вместе они решили, не без участия очень либерального родителя Дениса, что пока дело не дошло до серьезных официальных отношений, вмешиваться в личную жизнь Петьки они не станут — пусть их всегда нервный и отстраненный мальчишка-меланхолик с задатками высокомерного кретина поживет, как его душе угодно.

Меланхолик-кретин о решении старших, естественно, не знал, и о слухах не догадывался, но Лидию твердо решил найти — на днях. А пока что вновь занялся своими проблемами, которые требовали немедленного решения. Молодой человек поразмыслил над словами Ника и утром

встретился с Мартом, чтобы окончательно придти к общему решению. Они, не торопясь, пару часов за хорошим коньяком обговаривали все детали и возможные последствия, а также способы отмывания денег. Идея отмыть деньги с помощью Благотворительного вечера «Ночь жизни» пришлась Андрею Кларскому по душе.

Вместо того, чтобы нормально провести эту ночь — а нормально для Ника имелось в виду, прежде всего, спокойно поспать положенные восемь часов, он вынужден был терпеть рядом свою неуправляемую подружку, впервые в жизни попробовавшую наркотическое вещество. Ее не отпускало часов 5. Первые часа два она была весела, энергична и бешено игрива, все время порывалась кого-нибудь обнять и поцеловать: сначала самого Никиту, которому только не проходящая злость на Смерчинского и раздражение из-за проблем с клубом и товаром не давали возможность расслабиться и действительно распустить руки. Девчонка с малиновыми теплыми губами все-таки заводила его. Правда, минут через двадцать она прекратила приставать к молодому человеку и перестала громко кричать ему: «Раздевайся». Теперь Карлова стала испытывать необъяснимую любовь едва ли не ко всем и все порывалась танцевать под заводную электронную музыку. Никита, естественно, от себя никуда ее не отпускал. Ее поведение его злило. А еще больше раздражало то, что симпатии светловолосой девушки перекинулись на всех мимо проходящих парней.

— Ты такой милый, — вырвавшись в очередной раз из рук Никиты, с восторгом сообщила Ника пареньку лет восемнадцати, который пару минут назад вернулся с танцпола и сейчас жадно пил пиво. Сами Ник и Ника только что покинули кабинет Петра, и теперь Кларский, отчитавшийся по телефону брату, вел лже-подружку по направлению к выходу, желая удушить в машине. Он прекрасно знал, что ближайшие пару часов она не сможет успокоится и решил увезти куда-нибудь подальше.

— Я? — тут же во все зубы улыбнулся паренек подвижной симпатичной девушке с расширенными зрачками.

— Ага, ты. Ты офигительный тип, — прокричала Ника.

— И ты ничего! Пойдем танцевать?

— Пойдем, — согласно кивнул Никита, появившись за спиной девушки, и хватая ее за локоть. — Любишь танцы втроем, парень?

— Э-э-э, нет.

— Тогда исчезни. — Тихо предложил ему Кларский и проговорил в лицо обиженной девушки. — Черт, ты опять чуть кого-то не подцепила, вот же ты… Иди спокойно!

— Мой пушистик, — заявила ему тут же Ника и попыталась повиснуть у него на руках. — Я хочу танцевать!!

Парень молча прикрыл глаза, успокаиваясь, взял девушку за плечи и повел дальше, к выходу. Он не без труда довел ее до машины и запихнул на заднее сидение. Все дорогу до дома она смеялась, высовывалась чуть ли не по пояс в окно, радостно махала всем мимо проезжающим авто и один раз чуть не вывалилась на дорогу. А еще один раз, хохоча, как заводная обезьянка, закрыла парню глаза ладоням — и он едва не врезался в припаркованный у обочины автомобиль. Ник резко вдарил по тормозам, остановился, пересадил пребывающую в нездоровой эйфории девушку на переднее сидение, плотно застегнул на ремень безопасности, а руки ей перетянул ее собственным ремешком. Это у него получилось не с первого раза —

оставаться обездвиженной Нике совсем не хотелось, и она всячески отбивалась от молодого человека, под воздействием наркотика совершенно перестав его бояться и забыв об их договоре.

— Не трогай меня, я хочу танцевать, — верещала она. — Отста-а-ань!

— Заткнись! Дай руки. Дай мне свои руки. Вот дрянь, еще и кусаться вздумала! И почему я должен с тобой возиться?

— Потому что ты мой парень, — обрадовала его Ника, все на свете перепутав. От такого заявления молодой человек стукнул ладонью по рулю.

— Размечталась.

— А на тебе комар сидит. Он пьет твою укропскую кровушку. Волшебный комар.

— Ника, дай мне свои руки. — Чувствуя, как ненавидит эту девицу все больше и больше, произнес Кларский. Он решил пойти на хитрость.

— За-а-а-че-е-ем?

— Затем. Я кое-что хочу тебе сделать. Ну же, обними меня? Ты ведь хотела этого? Обними. — Кажется, девушка впервые слышала такой ласковый тон из уст этого человека. И она, поверив этому тону, доверчиво потянулась к парню, закрыв блестящие от ярких новых эмоций глаза.

— Умница.

Парню пришлось пойти на уловку. Отвлекать Нику он стал ни чем иным, как довольно долгим поцелуем, который из простого прикосновения его губ к ее щеке перерос в продолжительный и, как ни странно, довольно страстный. Во время него она прекратила сопротивляться, стала беззащитной и слабой, и Никита, все же поймав ее непослушные руки, кое-как смог перетянуть ей запястья ремнем.

Напоследок он мстительно слегка прикусил ей губу, небрежно провел по растрепанным светлым волосам рукой и рассмеялся, увидев ее большие жалобные глаза и, довольный собой, поехал дальше.

— Эй, ты меня обманул, — ныла всю оставшуюся дорогу девушка. — Мальчик, эй, мальчик! Поцелуй меня еще раз, а?

— Перетопчешься.

— Зачем ты завязал мне эти… как их, руки?

— Чтобы ты сидела спокойно, дура.

— Дядя Укроп, ты…. Того… целуешься плохо. Дэн лучше, и мой бывший тоже лучше. — Засмеялась Карлова по-детски громко. — М-м-м, у тебя такие губы жесткие. А-а-а, там огни горят, смотри!!

— Чертова кукла. Закрой пасть. — Повернул по направлению к собственному дому Никита. Сначала он хотел заехать к ней в квартиру и оставить там, но подумав, решил, что она обязательно что-нибудь сделает если не с квартирой, так с собой, и тогда у него больше не будет подружки, покрывающей Ольгу. Поэтому, скрепя сердце, повез к себе.

mir-knigi.org

— Ой, смотри, стая изумрудных бабочек, — вдруг уставилась вперед Ника.

— Где?

— Они сидят у тебя на стекле. Много. Серебряного цвет. Искрятся.

— Просто прелестно. Передавай им привет от меня.

«Глюки начались. Скоро успокоится», — довольно подумал про себя Никита. «Карри» славился тем, что от него частенько ловили какие-нибудь клевые галлюцинации.

— Так они серебряные или изумрудные? — вежливо поинтересовался водитель.

— Золотые. Теперь золотые. — Зрачки девушки метались из стороны в сторону, словно она наблюдала за чьим-то полетом.

— Отлично, это просто… Nзапрещено цензуройN, — отреагировал парень.

Золотистые бабочки сопровождали Нику еще долго — она играла с ними, пробовала поймать, без устали танцевала для них и даже разговаривала и пела им. Еще, кажется, она видела пролетевших в небе полупрозрачного молодого человека, похожего на Дэнчика, обнимающего красивую особу с искрящимися крыльями. В воздухе сразу же запахло клубникой.

Но бабочки все равно были круче. Они были повсюду.

Так Карлова веселилась еще полночи — уже в квартире Никиты. Он мрачно восседал на полу, скрестив ноги и тупо пялясь в телек, а она летала по полупустым комнатам и ловила кайф от общения с собственными галлюцинациями. Пока уставший парень не видел, умудрилась на холодильнике нарисовать ему маркером милую парочку: девушку и парня, державшихся за руки, и нетвердыми пальцами подрисовала между ними большое сердце с усевшимся на него купидоном-хитрюгой. А потом вновь сбежала в гостиную, где, чувствуя, как учащенно бьется ее сердце, а в теле начинают появляться какие-то странные иголочки, по которым пропускают слабый электрический ток, уселась около парня и принялась усердно, покачиваясь из стороны в сторону, знакомить с каждой бабочкой.

После знакомства уснувшего и даже во сне нахмуренного Ника с тридцать шестым прекрасным золотым насекомым, светловолосая почти пришла в себя. Постепенно ее тело все больше деревенело, хорошие мысли и ультра-позитив уходили, бабочки одна за другой растворились. Медленными толчками пришло осознание кошмара, в котором она оказалась.

Следующие 3 или 4 часа Нике было откровенно плохо: девушка побледнела, ее слегка трясло и тошнило. Она продолжала нетрезво воспринимать реальность, а дыхание и сердцебиение ее стали еще более частыми. К тому же она стала плакать: невероятная воздушная эйфория проходили, и Ника возвращалась назад, в жесткую реальность, где не было места волшебным золотым бабочкам.

Поняв это, она зарыдала во весь голос, заставив Никиту проснуться.

— Опять ты… Отменная реакция, — покачал он головой, увидев к девушку беспомощной, разбитой и усталой. Успокаивать идиотку, проглотившую коктейль, он не собирался, и просто-напросто ушел в другую комнату. Правда через час, когда за окном было уже светло, и на полу играли первые солнечные лучики, все же вернулся. Парень так и не уснул вновь, просто провалявшись на жестком диване в комнате, и слушая приглушенные всхлипы Ники. А

вернулся потому, что его гостья за стеной подозрительно замолчала, заставив его занервничать — мало ли что она решила вытворить еще? Или вдруг ей там плохо сало? Загнется еще в его квартире…

Не загнулась.

— Ну? — встав в дверном проеме, спросил Никита.

— Мне плохо. — Прошептала девушка, отнимая заплаканное лицо от рук и не глядя на парня.

— Физически? От «Карри» нет плохого отходняка, как от спидов или винта. Хотя, кому как, — философски заметил Никита.

— Душевно, — едва слышно прошептала Ника, почти пришедшая в себя. Все ее лицо было мокрым от слез, и шея тоже, и ладони. Ее продолжало трясти.

— Немудрено. Уровень серотонина уменьшился. — Со знанием дела произнес Никита и сел напротив девушки — тоже на пол. Сонный, помятый, в одних джинсах, но отчего-то уже не злой, а просто уставший.

— Иди спать. — Внимательно посмотрел он на Нику. — Хочешь ведь?

— Хочу, я не могу уснуть, — не поднимала на него глаз та. — Это… это ведь из-за коктейля случилось, который я выпила?

— Да. Ты молодец, тащишь в рот, что попало.

— А что… что за состав у этого коктейля? — испуганно произнесла девушка.

— Я не химик, я не знаю. Считай, что ты выпила жидкое экстази, разбавленное еще кое-чем. — Не стал вдаваться в подробности хозяин квартиры. Он понял следующий вопрос гостьи и добавил:

— Не бойся, не будет у тебя с первого раза зависимости, идиотка. И прекрати рыдать. Но запомни, пока ты считаешься моей девчонкой, ты не употребляешь ничего такого. — Голос Ника стал жестким. — Алкоголь, трава, любые виды наркотиков — все под запретом. Поняла меня, кукла?

— Поняла. Я не хотела, правда. — Подняла на него покрасневшие глаза девушка. — Я не думала, что выйдет так! Прости…

— Что ты сказала? — поднес ладонь к уху Кларский.

— Прости меня.

Он ничего не ответил, и пару минут они сидели молча. Потом молодому человеку надоело изучать Нику, и он, рывком встав, распахнул балконную дверь, позволив еще прохладному утреннему ветерку ворваться в комнату.

— Я, правда, не могу заснуть, — сквозь все еще катящиеся слезы произнесла светловолосая девушка.

— Я знаю. Это нормально. Иди за мной. — Никита вдруг стал почти добрым — таким, каким его знали в университете. Та же Маша Бурундукова, к примеру.

mir-knigi.org

Они прошли на кухню: здесь, в отличие от всего остального дома, наблюдалось довольно много мебели, и она опять же явно была дорогой и новой: огромный двухстворчатый холодильник, самые современные микроволновая печь и посудомоечная машина, элегантный и в то же время простой сине-белый кухонный гарнитур с барной стойкой, небольшой круглый столик под стать гарнитуру и два стула с высокими спинками. К тому же здесь было очень уютно и чисто. То ли хозяин квартиры появлялся в этих комнатах очень редко, то и просто умел следить за чистотой и порядком.

«Уютно», — с удивлением подумала девушка сквозь неприятное головокружение.

— Садись. — Сказал Ник, а его взгляд упал на разрисованный холодильник. Он уставился на влюбленных девушку и парня, взирающих на него с дверок самого главного кухонного предмета мебели в любом доме, и задумчиво потер шею.

— Я тебя убью, — только и сказал он. — Ты придешь в себя, и я тебя убью.

— За что?? — в упор не помнила Ника, как рисовала на кухне маркером.

— За это.

— Но это не я!

— А кто, черт возьми, я? Я, по-твоему, рисую у себя в доме такие чудные картинки?

— Я не помню, чтобы я рисовала у тебя на холодильнике.

Хозяин дома поднял бровь и посмотрела на правую ладонь Ники, на которой остались следы маркера. Она поймала его взгляд, посмотрела на свою испачканную руку и виновато отвернулась, как нашкодивший щенок.

— Ты это ототрешь.

— Я не помню, чтобы я рисовала это. Я мало что помню! Но… прости. Прости. Я все приведу в порядок. Прости! — Уже в который раз извинилась перепуганная девушка, обхватив себя руками и часто дыша. Спать она, правда, очень хотела, очень хотела домой. Забыв обо всем.

— Прощу. Когда все будет чисто. Дай руку, — без перехода потребовал Никита.

— Зачем? — рефлекторно спрятала руку девушка. Мало ли что Дядя Укропу в голову придет? Сейчас как вколет что-нибудь нехорошее. Может, он из-за холодильника обозлился так?

— Затем. Руку. Быстро. Я не нянька, упрашивать тебя не буду.

Ника все же протянула вперед руку, с опаской и недоверием косясь на Кларского. А тот ничего плохого ей не сделал — всего лишь сжал пальцы на ее бледном запястье, прикрыл глаза и посчитал пульс. Он заметил, что девушка часто дышит и подумал, что, скорее всего, у нее повышенное сердцебиение — один из симптомов отходняка после приема наркотиков.

Пульс, как он и ожидал, оказался повышенным, и парень, подумав немного, достал аптечку, вытащив обычный «Корвалол». Накапал довольно много в высокий стакан, подлил немного сока и протянул Нике.

— Пей.

mir-knigi.org

— Что это?

— Лекарство. Думаю, для тебя это лучше, чем закинуться кодеином или напиться, или опять догнаться.

Ника не поняла его слов, но послушно выпила противное на вкус «лекарство».

— Молодец. А теперь иди в ванну, тебе нужно принять холодный душ. И поесть. Потом ты выпьешь еще немного лекарства и попытаешься заснуть. — Раздал инструкции Никита. — Ясно?

— Да… но…

— Я знаю, что нужно делать, чтобы придти в норму после наркоты. Слушай меня. Иди за мной.

И парень повел Нику в ванную комнату, обставленную по последнему слову техники, кивнул ей, без слов говоря, чтобы девушка поспешила. Там же дал ей чистую белоснежную майку, которая доходила Нике почти до колена.

Девушка осторожно переступила порог и непослушными пальцами закрыла дверь на замок, повернув круглую ручку, и, перед тем, как снять с себя одежду, спросила задумчиво через дверь, точно знаю, что Ник еще не ушел, а стоит за стеной:

— А ты… ты это когда-нибудь пробовал?

— Что? — Никита, действительно, не ушел.

— Наркотики.

— Нет. Нет. — Чуть помедлив, он добавил. — Я же не дурак.

Ну да, все правильно. Он их только распространяет. Зачем Никите их пробовать? Он ведь и, правда, не дурак.

Ника посмотрела на себя в зеркало, поразившись своей бледности и усталым видом. Вот это да — она стоит в душе неприятного ей типа, и смотрится в зеркало, в которое каждое утро смотрится он сам.

— Я тоже никогда не пробовала. И больше не хочу. Я не знаю, как это вышло. — Произнесла она, беря в руки бутылку дорогого освежающего мужского геля для душа, и улыбнулась — надо же, Укроп пользуется такими штучками, хоть и мегагопник.

— Если бы у меня была нормальная семья, я бы был идеальным сыном. — Сказал неожиданно Ник, не понимая, почему рядом с этой нахалкой его тянет на откровенность. — Послушным, приветливым и примерным

— Я верю. — Со вздохом отозвалась Ника, желая, чтобы одеревеневшее тело вновь стало нормальным, а печальные депрессивные мысли, главным образом посвященные ее неполноценности, как члена общества, вылетели из головы, оставив, наконец, в покое.

— Мне бы не приходилось скрывать от любимой девушки, кто я есть. Ни от кого бы не приходилось. Я бы был самим собой.

Девушка стащила с себя джинсы, мысленно согласившись с парнем. Да, наверное, он прав,

этот странный дебил с замашками садиста. С таким-то братом, как у Кларского нормальным и не станешь. А если их отец был кем-то похлеще, чем господин Март, то детство и юность у Ника — вообще красота.

— Я буду ждать тебя в кухне. Надеюсь, ты вспомнишь все, что делала этой ночью. — Вновь стал «плохим» Никита. — И раскаешься.

— А что я делала? — в который раз перепугалась Карлова. Многого она не помнила — только какие-то отрывки: с яркими цветами и громкой музыкой. И еще каких-то бабочек, много бабочек, золотого цвета.

— Старательно взращивала в себе нимфоманку. И раздражала меня. А, да, — он все же решил подразнить ее, — тебя отличные ножки. И не только ножки.

— У нас что-то было?! — тут же высунулась за дверь полураздетая Ника. Она вдруг вспомнила, как Ник стаскивал с нее ремень. От нехороших мыслей она еще больше побледнела и подумала, что сейчас грохнется в обморок.

— Благодари меня, что нет. — Самодовольно ответил Кларский, окинул девушку заинтересованным взглядом.

— Вот блин, — тут же спряталась она вновь. — Точно?

— Я же сказал, что не дурак. — Рявкнул ее собеседник, который, действительно, приложил много сил к тому, чтобы «ничего не было». — Быстрее там. Я ждать вечность не буду. — И, покачав головой, он ушел.

Зато все-таки увидел ее ножки. И остался довольным.

А Ника только кулаком по стене, обложенной зеленым кафелем, хлопнула. Ну что за жизнь? Что она сделала такого, что с ней происходит весь этот безумный водоворот событий?

После прохладного душа ей действительно стало намного лучше: голова стала немного яснее, покалывание во всем теле проходило, да и дыхание стало не таким учащенным. Ника даже смогла немного поесть, преодолевая тошноту, — подозрительно спокойный хозяин квартиры на некоторое время стал поваром и приготовил ей овсяную кашу, а еще заставил выпить вновь «лекарство» и много воды, после чего отправил спать в комнату, по которой продолжал гулять освежающий ветерок. Парень был так любезен, что сказал Нике:

— Спокойного дня.

— Спасибо, — слегка растерялась она. — И тебе.

Девушка улеглась на диван, прижавшись щекой к подушке, от которой слабо пахло одеколоном — таким же, как и в салоне «Мицубиси». Заснула она достаточно быстро — под внимательным взглядом Никиты, который остался в этой же комнате, все так же сидя на полу, но уже с ноутом на коленях.

Ему было спокойнее в этой квартире, когда рядом кто-то был: порой даже неважно кто. Жаль, что сюда почти никто не приходил, и не будет приходить. Да, кажется, пришло время признаться самому себе, что он устал от одиночества. Хорошо, что есть Ольга. Только, он так давно не видел ее, и сегодня вновь они не встретятся.

mir-knigi.org

Никита смотрел на заснувшую Нику и думал, а сняться ли сны глупой Нике? И какие они? Встал, накрыл гостью своей рубашкой — зачем, и сам не понял, полазил немного по мировой паутине, а потом и сам незаметно уснул.

А сны ей снились: черно-белые вместо обычных цветных, тревожные, плохие, но совершенно незапоминающиеся. Может быть, потому что Нике снился Никита, а, может, потому что она слишком сильно устала.

Проснулась девушка часа в три пополудни. От жажды, все еще слабая, с легким головокружением, но с совершенно чистым сознанием и ровно бьющимся сердцем. Действие коктейля прошло почти полностью. Ника приподнялась и огляделась, поняв, что лежит на боку, в белой широкой футболке, на чужом расправленном диване, накрытая мужской серо-голубой рубашкой. Сначала Карлова испугалась, откинула рубашку, замещающую ей покрывало, от себя, а потом вспомнила, где и у кого находится в гостях. Она еще раз медленно огляделась. Светлая большая комната, чьи стены были выкрашены в палево-белый цвет с помощью декоративной штукатурки, а пол устлан белым ковром с тонкими абрикосовыми и льняными абстрактными рисунками. Минимум мебели: диван из белой кожи, огромный плазменный телевизор на стене напротив, миниатюрный прозрачный столик на колесиках. Зато много солнечного света, падающего из открытого окна на пол и стены и делающего помещение визуально светлее.

Около окна, вернее, под ним, сидел спящий Никита, склонив голову к правому плечу и опустив руки на пол. Рядом лежал раскрытый ноутбук, от которого к розетке тянулся шнур зарядного устройства.

«Милый, когда спит, не такой гад, как обычно, — с сожалением подумала про себя Ника, глядя на парня с дивана, — и фигура у него все-таки ничего. — Она улеглась на живот и с интересом продолжала разглядывать его. — Только шрамов многовато. Бедный, где он их столько нахватался? Зачем я его бедным называю, вот овца. Бедный он, ага. Бедняжка».

Она опять уставилась на парня. Кажется, вчера она к нему конкретно приставала… Девушке стало стыдно: ну что же на нее нашло, что она стала вести себя так вызывающе и ужасно? Проклятый коктейль в проклятом кабинете проклятого чувака в очках! «Бери все!». Вот она и взяла! Да он специально решил ее развести. Или Укроп подговорил своего крутого приятеля поиздеваться над нею?

Она вновь перевела прищуренные голубые глаза на спящего. Кажется, ему снилось что-то неспокойное — Ник во сне закусил губу, а пальцы его рук непроизвольно сжались в кулак. Он что-то неразборчиво произнес во сне, и его голова резко повернулась к другому плечу, словно от удара. Никита вновь что-то едва слышно прошептал.

Девушка заволновалась, слезла с дивана и осторожно и тихо ступая, подошла к Кларскому. Как только она приблизилась к нему, светловолосый парень моментально проснулся: резко открыл глаза и с недоумением взглянул на гостью, вначале явно не поняв, что Ника забыла в его квартире, в которую он, кстати говоря, девушек не приводил. Даже Ольгу.

— Ты в порядке? — спросила его Ника настороженно. — Тебе что-то плохое снилось?

— Ты! Как ты сюда… А, моя милая наркоманка. Хорошо догналась вчера? — Никита встал и оказался напротив нее. — Нормальное самочувствие?

— А, да… Вроде.

— Точно?

— Кажется, — Ника, как маленькая девочка, подергала себя за край его майки, что была надета на ней.

— Тогда вали домой. — Велел Никита

— Что?

— Одевайся и уходи. Ты мне надоела.

От злости Нику едва не затрясло. Что он о себе возомнил? Совсем у него мозги через невидимые отверстия в черепе вытекли?

— Не беспокойся, я уйду. — Сухо отозвалась девушка.

— Нет, стой. — Вдруг сказал Ник.

— Что еще?

— Умеешь готовить?

— Умею.

— Останься и сделай мне завтрак, — как о чем-то самом собой разумеющимся сказал Никита. — Как благодарность за то, что я вчера от тебя натерпелся.

Карлова косо взглянула на парня, глядящего в пол, и медленно кивнула.

— Ты все-таки моя девушка, как-никак, должна же ты меня покормить после совместной ночи, — пожал он плечами. — И, так и быть, я довезу тебя до дома.

— А универ… Тебе туда не нужно?

— Нет. Я примерный мальчик. Учусь хорошо и получаю автоматы. — Он улыбнулся краешком губ. — Но вообще сегодня воскресенье. А по воскресеньям я привык отдыхать от учебы.

«Хорошо учусь. Получаю автоматы. По воскресеньям отдыхаю от учебы. И торгую наркотой», — мысленно добавила про себя Ника, которая училась кое-как и автоматов почти не получала. Но завтрак ему приготовить она все же решилась: совсем простой, без излишеств, так, как умела. Но, кажется, завтрак получился вкусным. По крайней мере, Никита не высказывал претензий по поводу его вкусовых качеств. Он больше не возникал, просто сидел за кухонным столом, сложив на него локти, и наблюдал за действиями Ники, как охотник за дичью — с тем только условием, что дичь эта находилась под защитой зоопарка. Изредка светловолосая девушка оборачивалась на хозяина квартиры и понимала, что взгляд у него все-таки странный: он смотрел не только пристально, но и с интересом, словно давным-давно не видел женщину, занятую приготовлением еды. Карлова готовила — благо, продуктов у него в холодильнике было много, правда, большинство из них — полуфабрикаты, а он молчал.

— Приятного аппетита, — хмуро сказала ему наконец Ника, накрыв на стол и чувствуя себя то ли рабыней, то ли его супругой.

— Скажи с улыбкой, — велел ей Кларский.

mir-knigi.org

«А пантомиму тебе не показать, Укроп занюханный?», — прошипела про себя она, но все же улыбнулась и еще раз пожелала ему приятного аппетита. Затем скромно села на стул около подоконника, сложив руки на коленях. Удивительно, но в его майке было удобно.

«Мне только фартука не хватает еще для полноты ощущений…»

— Отравила? — задал глупый, по мнению девушки, вопрос, Ник неожиданно.

— В смысле?

— Нет? Тогда ешь тоже, — кивнул он ей на стол. — Давай, не стесняйся.

Ника не стеснялась, Ника опасалась, но спорить с недругом не желала, поэтому послушно села за стол напротив него. Именно там она, глядя на руки парня, вдруг вспомнила кое-что из вчерашних событий в клубе. От обрывочных воспоминаний ее спина и руки покрылись противными мурашками, а лицо то ли побледнело, то ли покраснело.

Кажется, она его домогалась! Вот это позор! Приставала к Кларскому, как сумасшедшая, обнимала, пыталась поцеловать, а он… он ведь ничего с ней не сделал в том кабинете? Да еще и бабочки какие-то вспоминаются.

На самом деле Ника ненавидела насекомых, даже бабочек.

— Почему нервничаешь? — словно прочитал ее мысли Никита, временно отложив вилку и печатая сообщение и изредка поглядывая на гостью.

— Просто так… Скажи, а вчера… Я к тебе… То есть когда я — и я этого не хотела! Я тебя… В общем, ты не делал ничего? — Очень запутанно спросила девушка, залпом выпивая стакан воды.

— Ты о чем вообще? — с интересом взглянул на нее Кларский. — Тебе еще плохо, да?

— У нас что-нибудь было? — собравшись с духом, выпалила девушка.

— Было. Веселая ночь. Бессонная.

— Как???

— Ты вчера меня задолбала. — Он поймал взгляд ее расширившихся голубых глаз, понял ход ее мыслей и, терпко улыбнувшись, добавил. — Успокойся. Ты мне не нужна. Ничего у нас не было, твои мечты не исполнились.

— Не мечтаю я ни о чем таком.

— А вчера ночью ты так не думала. Мне стоило бы только распахнуть объятия и сказать: «Ладно, давай», как ты бы меня оседлала. — Ник усмехнулся. — Ты и рисуешь, и умеешь готовить, и иногда так активно… хочешь общаться.

— Этого не я хотела!

— А кто? — и парень рассмеялся.

А потом он был так удивительно добр, что довез девушку до дома.

В этот день они больше не ссорились. А на следующий Ник действительно дал ей обещанные деньги: специально открыл счет для свой так называемой подруги с малиновыми губами и небрежно вручил ей пластиковую банковскую карточку при встрече, сообщив пароль. А в последующие дни Ника стала опасаться Никиту чуть меньше, чем обычно, и когда парень звонил ей на мобильник, перестала вздрагивать или злобно смотреть на экран телефона. Девушка даже случайно обозвала его дядей Укропом однажды. И тут же испугалась, что Кларский за это хорошенько двинет ей по челюсти или по печени, но он только покачал головой, провел пальцами по ее шее, вроде как с намеком и на виду у кучи народа — знакомых его брата, перед которыми они вновь играли пару, — поцеловал ее: не нежно, конечно, а властно и немного жестковато, чуть сильнее, чем нужно сжав свои руки на ее талии.

Для нее стало вполне обычным делом тот факт, что он ее целует.

Ника вообще решила, что ко всему (и ко всем) со временем можно привыкнуть. Никита решил то же самое. И даже подумал, что все уж и не так плохо, как могло бы быть.

Я, сонная и злая, в понедельник притащилась в университет к десяти часам — на консультацию перед будущим экзаменом. Пол воскресенья мне пришлось проучить билеты, сегодня и завтра я планировала делать тоже самое, чтобы в четверг преподаватель не отправил меня пинком на пересдачу. Билетов же было грандиозное множество — 78.

Первой, кого я встретила в универе, была Марина. Доброй и радостной я ее назвать не могла, поэтому, поздоровавшись с ней, осведомилась:

— Что, до сих пор переживаешь?

— Я чувствую себя неполноценной, — с легкой грустью отозвалась Марина. Хитринки из ее глаз куда-то делись, желание смеяться и улыбаться — тоже.

— В смысле?

— Ну почему он так со мной обошелся?

Я только вздохнула. Моя темноволосая подруга переживала из-за субботнего свидания с зеленоволосым тупицей по имени Господин Вишенка. А ведь я ее предупреждала, что он — отменный псих, но она стояла на своем и утверждала, что Черри — классный.

Этот классный в субботу вечером, когда я ушла со Смерчем, как оказалось, пригласил Марину на свидание. Она, естественно, возрадовалась, красиво оделась, мило накрасилась, надушилась вкусными дорогими духами, привезенными дядей из Парижа, и, нацепив на личико одну из самых своих обаятельнейших улыбок, поскакала на встречу. Черри ведь не на шутку ей понравился, и она уже представляла, по ходу дела, каким будет их первый поцелуй и все такое. Однако подружка чуть не рехнулась, когда поняла, что Александр позвал ее не на уединенную романтическую встречу, а на увеселительную прогулку с друзьями-подругами очень и очень неформальной наружности, которые всей своей веселой толпой, громко угорая и хохоча и изредка напевая песни Цоя, пошли смотреть соревнования скейтеров.

— О, я тоже там была! — воскликнула я, едва услышав это.

— А ты-то там что забыла? Смерч на дурака не похож ведь, чтобы со своей девушкой тащиться в скейтпарк… И вы же вроде на вертолете катались? — округлила тогда глаза Маринка, которая к этому времени уже была в курсе нашей романтической встречи. Слыша мой рассказ,

она только ахала и охала, а потом заявила, что мне с Дэнни дико повезло.

— Да мы туда случайно попали. — Вспомнила я наше субботнее свидание. — Но там было весело!

— Я так и подумала, что ты бы с ума от счастья сошла, если бы тебя на этот Crash June Jam пустили бы. — Хмуро посмотрела на меня подруга и припомнила. — Говорят, кстати, скоро и рок-фест состоится, Crash-bum, там хэдлайнерами твои любимые «На краю» будут… Боже, пообщаешься, с неформалами, все их новости знаешь.

— Кто?! — загорелись у меня глаза, едва я услышала про любимую группу. — Кто-кто-кто? «На краю»? Шутишь? А-а-а, как круто! Я мечтала на их концерте побывать! — Но, увидев грустное лицо Маринки, которая по неформальным группам как-то совсем не убивалась, я с трудом успокоилась и сказала, откашлявшись:

— Так что там дальше у вас с Вишневым Садом было?

Марина вздохнула и продолжила свою грустную историю. Черри притащил слегка прифигевшую девушку в скейтпарк, все вместе проведенное время относился к ней, как к хорошей приятельнице и не больше, комплименты не отвешивал, как в их первую встречу, не обнимал, не заигрывал и вообще, приставал к какой-то посторонней девчонке с африканскими косичками. Зато к Марине подбивал клинья друг Черри с ирокезом, который мою подругу дико раздражал. А зеленоволосый в конце этого сумасшедшего свидания заявил во всеуслышание, что он и Марина — хорошие друзья, и что она — «своя в доску герла». Романтические надежды Маринки рухнули в пропасть.

— С чего это вдруг я стала ему подругой? — возмущалась моя подруга в воскресенье. — Дурак! Я в него влюбилась почти! Да он — моя судьба на букву «А»! Александр, недаром же я его встретила. Но… что он за странное поведение демонстрирует? То заигрывал, то вдруг позвал черти знает куда и сказал, что мы — друзья! Какие, блин, друзья? Он вообще, адекватный?

— Неадекватный, забудь его. — Погладила я Марину по волосам с сожалением. Тупой Черри! Решил с ней поиграть что ли? Обрить налысо его мало. — Другого себе найдешь на букву «А». Много их…

— Не могу. Маш, он — моя судьба. Я в этом уверена. — Сцепив руки на коленях, произнесла подружка. — Я встретила его после гадалки, и его зовут на букву «А», как она и говорила. И седьмым чувством ощущаю, что он — мой. Рядом с ним даже чувствую себя особенно.

— Особенно? Как это?

— Ну-у-у… Как ты себя рядом с Дэном чувствуешь?

Я на миг задумалась. Головастики мигом стали подсказывать, как. И я послушно повторила за ним.

— Сейчас — счастливой.

— Ну вот, и я тоже рядом с Черри чувствую себя так. Почти счастливой.

— Мамочка, ты рехнулась?

— Нет. Мне нравится Саша. А он вдруг стал называть меня своим другом. — Маринка была

упрямой, как никогда. — Бред какой-то. Но, знаешь, я все равно его завоюю.

— Чего?

— Того. — Она улыбнулась мне. — Этот парень мне нужен. Короче, Мария, я стала как ты, когда ты была влюблена в Кларского.

— Отлично, поздравляю, ты стала дурой… — Только и сказала я Марине тогда. Я еще долго переубеждала ее в том, что Черри — не вариант для отношений, но куда там. Что она вбила в голову, было невозможно достать обратно. Этот панк понадобился ей и все, она сделает все возможное, чтобы он ней был.

— Почему он резко стал таким? — вновь спросила Маринка сердито, когда мы подходили к аудитории, где должна была состояться консультации. Сесть решили в самом конце кабинета, около открытого окошка.

— Идиот потому что. — Вздохнула я. — Не переживай из-за какого-то там деградата.

— Спроси у своего Смерча, что с Черри? — вдруг подняла на меня грустные кареглазая подруга.

— Хм. Спрошу. — Я тут же вытащила телефон и выполнила ее просьбу. Ответ от Смерча пришел едва ли не вмиг:

«Поговорим на эту тему потом, милая, хорошо? Я немного занят. Но все равно целую)»

Я украдкой написала ему: «И я», не поставив не единого знака препинания или смайла — как-то застеснялась собственных чувств. А чуть позже он перезвонил мне и сказал, что сам просил Черри не заигрывать с Мариной — потому что через неделю-другую он обычно девушек кидает, а Дэнву не хочется, чтобы зеленоволосый поступил так же с моей подругой. А поскольку Маринка никак не желала оставлять Вишню в покое, он решил показать ей, что относится просто по-дружески и никак больше, для чего и позвал погулять вместе со своей компанией, чтобы показать ей это.

— Скажи своей подруге, чтобы забыла о нем, хорошо, Чип? — произнес Денис. — Всем будет лучше.

Я согласилась с ним, подумав, что он, не смотря ни на что, очень близко к понятию «идеала мужского пола».

Маринке, правда, я говорить ничего не стала.

— А Лида не придет сегодня? Ей до сих пор плохо? — спросила я у нее сейчас.

В ночь с субботы на воскресенье эта лиса Лидка знатно погуляла в каком-то клубе и, кажется, слегка отравилась. По крайней мере, так она сказала по телефону. Вот что делают эти парни с бедными девушками. Пошла из-за Жени своего тупого пить и перебрала.

— Кажется, уже нормально, но так как у нее автомат, она не придет. — Отвечала Марина, машинально вертя браслеты, подаренные нам милахой Ланде.

— Ясненько.

— Клевые браслеты, да? — задумчиво спросила она.

— Да. И сам он ничего. — Вспомнился мне блондин. Жалко, я его больше в шарфе не видела. Такое зрелище…

Мимо нас прошел Димка. Опять невеселый, о чем-то задумавшийся, отгородившийся от всего мира наушниками и солнцезащитными очками. Я тронула его за локоть и улыбнулась. Он снял очки и выключил музыку, после чего кивнул мне, немного подумал и уселся рядом за длинную, рассчитанную на четверых, парту.

— Как дела, Чаща Дремучая? — тут же спросила я его радостно. — Ты мне в субботу звонил, да? А у меня телефон был отключен, и я была не дома.

— Я понял, Бурундукова, не отсталый. А за Чащу в следующий раз получишь, — отозвался он, снимая кофту с длинными рукавами и капюшоном и оставаясь в одной зеленой футболке с белыми надписями. — Почему не перезвонила?

— Я перезванивала в воскресенье! — обиделась я. — Ты не отвечал.

— Никто мне не звонил. — Отозвался он слегка сердито.

— Я звонила. — Рассердилась мигом и я. Я ведь правда ему звонила, а он все не брал и не брал трубку!

Маринка покосилась на Чащина, но ничего не сказала, положила руки на стол, на них опустила голову и сказала, что собирается спать. Все-таки переживает из-за Черри.

— Не звонила ты мне. Хотя… Странно, почему ты у меня в черном списке стоишь? — удивленно спросил Дима, рассматривая с недоумением мобильник.

— Как это? — тут же влезла я к нему в телефон. — Эй. Димитрий, чего я вам плохого сделала, что ты меня в черный список поместил, а?

— Да не я это, — поморщился он, — может парни прикололись? Вот кому-то набью я жало. Дебилы.

— Классно сказал, про жало. — Рассмеялась я, все так же глядя в его телефон, в список входящих звонков. — Ой, а кто такая Милая? Это твоя девушка, да?

— Кто? — опешил, по-моему, парень. — Милая? Что еще за Милая?

Я лукаво взглянула на Чащина.

— Тебе лучше знать, что там у тебя за Милая.

— Блин, она сама себя что ли переименовала? — с некоторым раздражением спросил сам у себя Димка и быстро начал переименовывать таинственную Милую на другое имя. Сначала его пальцы нерешительно зависли над клавиатурой, а потом он уверенно напечатал «Виктория».

— Да ладно тебе, — сказала я. — Подумаешь, ты свою девушку зовешь Милая. Это же прикольно. Ты точно милый, — я улыбнулась другу, а потом вспомнила, что вроде бы как, по словам Смерчинского я ему, Димке, небезразлична. Это заставило меня нервно откинуться на спинку стула. Нет, все-таки он — мой друг, мой хороший и надежный приятель-балбес с замашками десятилетнего пацана. Хотя, конечно, в кафе «Чудо» он был хорош — хорош и взросл. Да и его последующие поведение заставило меня немного по-другому взглянуть на

mir-knigi.org

одногруппника. Я оглядела русоволосого парня внимательным взглядом: а все-таки он хорош собой, симпатичен, в меру высок, спортивен, может и постоять и за себя, и за девушку, а может и рассмешить и помочь в критической ситуации. Не зря же он после звонка его Вики сорвался с места и поспешил ее успокаивать из-за собаки. Димка — добрый. Добрый и веселый. И, мне кажется, очень заботливый. Все-таки его девушке Виктории повезло.

— Я — милый? — с невольной улыбкой, вдруг заигравшей на его губах, переспросил Чащин, — ты тоже милая. — Потом он словно взял себя в руки и дурашливым голосом добавил. — Временами. Когда твое инфернальное зло засыпает, а в душе расцветают ромашки. И вообще, я вчера виделся с Викой, и она сама себя переименовала на Милую.

— И это она занесла меня в черный список? — поинтересовалась я. Добрая Вика, однако.

— Ну не знаю. Но это точно не я, Маша. На фига мне это делать? Тем более, я хотел поговорить с тобой. Может быть, — его черные глаза стали растерянными, — она нечаянно?

— Ага, нечаянно. Может, она ревнует?

— Чего к тебе ревновать-то? — захохотал парень. — Это же ты!

— А это ты, — волком уставилась я на него. — Как она вообще с тобой, идиотом, встречается, ума не приложу!

— Э-э-э, не гони на меня, Бурундук! Она от меня без ума.

— Вот именно, она из-за тебя безумная. Вот если ты мне при встрече мозг умудряешься выпить, то что ты со своей герлфренд делаешь, я вообще молчу. — Наигранно оскорблено произнесла я.

— Со своей девушкой я джентльмен. — Гордо отозвался одногруппник.

Честно сказать, тогда, в кафе он и правда был похож на джентльмена. И вместе со Смерчем полез защищать незнакомую девушку…

— А почему не со мной джентльмен, Чаща? — я даже возмутилась.

Димка с сомнением посмотрел мне в глаза.

— Потому что ты — это ты. И я, правда, не заносил тебя в этот чертов список.

— Да ладно — забей на это все, — посоветовала я парню, как-то засмущавшись. А если предположить, что я ему нравлюсь, что он сейчас чувствует ко мне? Ему неприятно находится рядом со мной? Или, напротив, приятно? Я рядом с Ником с ума сходила и дико смущалась. А рядом со Смерчем, напротив, чувствую себя уверенно. Но нет, у Димки все-таки есть девушка, и он, думаю, любит ее. Этот парень не из таких, кто будет серьезно встречаться без полного отсутствия чувств. — А о чем ты хотел поговорить?

— Да так. Спросить по экзу одному кое-что хотел. И…

— И…

— Бурундук, — склонился ко мне вдруг Димка. — Ты в последнее время с Никитой Кларским не общаешься?

— А что? — я удивлено посмотрел на молодого человека.

— Тебе не нужно с ним общаться, — вдруг сказал одногруппник очень серьезно.

— И ты туда же?

— Куда?

— Никуда. Дэн тоже говорит с ним не общаться. — Ответила я.

— Он прав, твой Дэн. — Вздохнул парень, взъерошив короткие волосы. — Понятия не имею, откуда он кое-что может знать, но он прав.

— Дим?

— Ммм?

— Дим, а он, правда, немного не тот, за кого выдает себя? — тихим шепотом спросила я у Чащина, близко наклонившись к его уху. Не хотела, чтобы нас слышали все пребывающие и пребывающие сокурсники.

— Что ты имеешь в виду? — как-то напрягся он.

— Кое-кто сказал мне, что Никита не совсем чист на руку. И что он — опасный тип. — Зашептала я ему на ухо совсем тихо, касаясь щекой его щеки. Дима отпрянул от меня, словно я ударила его током.

— Не так близко, Бурундук, соблюдай дистанцию, — вдруг нервно сказал он мне.

— В смысле?? — не совсем поняла я. Он грустно улыбнулся мне.

— В самом прямом. Не надо так… близко. И да, ты права. Насчет Никиты. Маша, прошу тебя, как здравомыслящего человека — не общайся с Никки, то есть, с Никитой. Пообещай? Я не могу тебе всего сказать, но у меня есть определенные подозрения насчет него. — Димка коснулся моего плеча и, не сводя с меня совершенно невеселых глаз (а для этого весельчака это был очень и очень нехарактерный немигающий взгляд, которым я прониклась за пару секунд!), произнес. — Маша, пообещай? Даже если, — он на пару секунд даже замолчал, — даже если тебя буде к нему тянуть или он тебе… Ладно, просто пообещай, что не будешь с ним связываться?

Я медленно кивнула, но ничего сказать не успела. Потому что нас самым возмутительным образом приврали. Я и убедилась уже в который раз, что когда ты обсуждаешь человека, он, сволочь, не икает! И даже уши у него не горят.

— О чем болтаем? — раздался над нами голос Кларского так неожиданно, что мы с Димой вздрогнули и синхронно посмотрели вверх. Около нашей парты стоял Никита, а чуть позади него — Ольга, к моему удивлению, одетая для себя очень необычно — всего лишь в простые прямого покроя джинсы синего цвета и в спортивную футболку. Украшений на ней не наблюдалось почти никаких — только серьги. Ну прямо как я сегодня.

— О тебе сплетничаем, — рассмеялся хрипло Димка, встал и пожал руку другу, мимолетом серьезным взглядом посмотрев на меня. А я, приветственно кивнув, с огромадным интересом уставилась на Никиту, оценивая его совершенно по-новому. Мне до сих пор не верилось, что

это — младший братишка главы преступной группировки. Кажется, Ник Кларский не смотря ни на что. Останется для меня тем, кем был прежде.

Так я поняла, что первая любовь, невзаимная, я имею в виду, — это как неудавшийся рисунок, выполненный шариковой ручкой, которую держит в пальцах начинающий художник. И этот рисунок никогда уже не стереть. Либо оставить его на память, чтобы потом накладывать сверху уже красками или фломастерами другие чувства — новые, уже взаимные, то есть смириться Либо взять в руки острую бритву и вручную стирать пасту ею, сдирая вместе с ручкой и тонкие слои бумаги; это может быть больно и существует опасность вообще разодрать лезвием бумагу — а тогда уже с трудом можно будет нарисовать на этом листе другой рисунок.

Никита останется Никитой. Даже если он натуральный козел в душе. И… и не могу его осуждать.

— Пошли, я хочу с тобой кое-что обсудить, — внимательно посмотрев на меня, сказал другу Ник.

Но вот его взгляды меня настораживают.

— Какой ты деловой. Пошли.

— До встречи, Ольга, я позвоню тебе, хорошо? — тепло улыбнулся Кларский молчавшей Оле. Судя по всему, она не слишком боится его — глаза у нее не круглые от испуга, рот не перекошен, руки не дрожат, зубы не щелкают. Или просто она — отличная актриса? — Пока, Марья. А, да, передавай привет Дэну.

— Конечно, передам. — Кивнула я.

— Скажи, что я отдам ему долг.

— Какой? — естественно, не была я в курсе. Димка посмотрел на приятеля так задумчиво, будто бы был волшебником Гендельфом, решавшим, что ему делать с Кольцом Всевластья. У Чащина определенно, крышак поехал вниз и вправо.

— Он поймет. — Рассмеялся Никита. — Он классный парень. И очень умный.

— Я передам. — еще раз произнесла я. — Только когда вы успели увидеться-то?

— Да вот, на днях, Маша. А, да, скажи, что в следующий раз тоже будет пять и один, но только пять будет от меня. — Загадочно произнес Никита таким тоном, словно рассказывал ученому совету о своей научной работе.

— Я тебя совсем не поняла, но передам, — спокойно кивнула я молодому человеку. Хм, опять он одет так элегантно, неброско, но стильно: как и обычно, идеально выглаженная рубашка с длинными рукавами и стоячим воротом, черные брюки, на руках — дорогие большие часы. Опрятен. прекрасно причесан, с расправленными плечами, в меру надушен одеколоном, совершенно спокоен. Князь в простой одежде без «романтично-кружавчатых» прибамбасов и стильных, не кричащих украшений совсем рядом с ним не смотрится.

Ник еще раз тепло попрощался с задумчивой родственницей любителей жизни под мостами, а она в ответ громко рассмеялась и сказала небрежное «гудбай». Никита поднял брови, но ничего не сказал, Димка недовольно взглянул на Князеву, словно хорошо ее понимал, и парни скрылись, наконец, за дверями аудитории.

— Я сяду к тебе, Маша, — улыбнулась мне невинно Тролль и, дождавшись моего кивка, села рядом на место Димки. Проснувшаяся через пару минут Маринка была слегка удивлена соседством светловолосой отличницы, которую, как подруга знала, я терпеть не могла. Чащин, вернувшись сразу после того, как в аудиторию залетела преподаватель, тоже слегка удивился Оле, но в его взгляде было больше недовольства, чем удивления.

«Что ты делаешь?», — словно спрашивали его взгляды, которые он пару раз кинул на Тролля (кстати, вышло так, что она оказалась между мной и одногруппником, поэтому и спрашивать про Ника больше не могла, а мои записки он просто-напросто нагло игнорировал). А эта дура только улыбалась: широко, так, что у нее напрягались мышцы на шее, да и вообще вела себя не совсем обычно: более громко, более шумно и менее вежливо, чем обычно.

«Подозрительно», — сообщили мне головастики дружным хором чуть позже, когда длинная нужная консультация кончилась, и я, пообщавшись с сокурсниками, в том числе и с повеселевшей Ольгой, направлялась к остановке.

Подозрительно, согласилась я, вспоминая, как Князь дружелюбно положила мне руку на плечо, когда мы шумной толпой стояли в коридоре.

Орел с этим не соглашался, но и не отрицал, он вообще не высказывал никакого мнения — по причине длительного отсутствия. Где его носило, головастик не могли понять, и только парочка из них, самых догадливых, говорили, что орел уже не орел, и орлом не будет, и вообще он в компании с полупрозрачной очаровашкой.

Нет. Наш Гоблин стала сама не своя. Может, ее Ник совсем запугал? Да ну. Он же ее вроде как действительно любит. Чего ему зеленую нежить запугивать?

Мотивацию Ольги я поняла только спустя несколько дней, когда она вконец меня замотала. Поняла, и, по-моему, возненавидела свою одногруппницу еще больше, чем в те славные времена, когда была без ума от Никиты и узнала, что она с ним встречается.

«Я сяду к тебе, Маша», — с этих простых слов началась моя князефобия и князененависть. Почему? Да потому что с этого момента Олечка решила вдруг стать не кем-нибудь, а моей подругой (к ужасу Лиды и Марины) и начала меня едва ли не преследовать.

Она отправляла мне дружелюбные смс-сообщения, писала что-то в Интернете, звала погулять, постоянно разговаривала со мной, шутила, рассказывала какие-то истории, смеялась над всеми моими — даже очень неудачными — шуточками.

С ней случилось что-то странное: из девочки-ангела со стажем, она превращалась в самую простую девчонку, одевавшую постоянно джинсы и удобные кеды или кроссовки. Она почти перестала краситься, и ее плавные жесты и хорошие манеры профессиональной леди постепенно пропадали. Даже подруга Князя — Регина, была в некотором шоке, что тут уж говорить обо мне?

В среду, сразу после экзамена, Оля, сдав его к удивлению всей группы на тройбан (я тоже сдала его на три, но, правда, никто совершенно не удивился, а ее оценку обсуждали все, кто только мог), влилась в нашу с Лидкой и Маринкой компанию, и мы вынуждены были идти вместе с ней в кино, а потом и в уличное кафе.

Девчонки, погруженные в свои проблемы, и так были невеселы. А из-за появления нежелательного элемента, стали еще более недовольными и скучными. Правда, Маринка чуть оживилась, когда узнала, что Князь знает Черри — чуть ли не с самого детства. Ольга, к

нашему тройному удивлению, купила себе пиво и, осторожно потягивая его, рассказывала о зеленоволосом. С ее слов, Александр был веселым и компанейским, но непостоянным и слегка нервным. Узнав, что он понравился Марине, Тролль вдруг своим обычным голосом сказала, словно озвучивая мысль Смерчинского:

— Знаешь, тебе, правда, лучше быть с ним просто друзьями. У него новые девчонки каждую неделю.

«Что с этой тетей??», — убивались родные головастики.

— Но он мне нравится, — вздохнула Марина. — Я сама уже от себя в шоке.

— Саша хороший, но он не создан для длительных отношений. — Вздохнула Оля.

Лида, улучив момент, поинтересовалась страшным шепотом:

— Что ей от нас надо?

— Понятия не имею!

— Точнее, я не так поставила вопрос: что ей от тебя надо? — продолжала подозрительная подруга. — Князева рехнулась? Я ее вообще не понимаю. То Денису твоему жаловалась, называла себя едва ли не демоном, то рыдала непонятно из-за чего, то к нам пристала.

Я только плечами пожала, украдкой глядя на то, как Гоблин пьет свой хмельной напиток — уже второй большущий бокал по счету. Наша милашка одногруппница и пиво — это ведь две несовместимые вещи! Что с ней произошло?

Лидия тоже только головой покачала.

— Маш, а ты пиво не любишь? — громким голосом спросила у меня Оля.

— Э-э-э, нет. — Отвечала я, глядя на Князя исподлобья.

— Тогда и я тоже его пить не буду.

— Ну не пей…

Эта дура почти совсем не опьянела, зато зачем-то позвонила Нику и попросила его ее забрать. Он прибыл в течение двадцати минут на такси, явно оторванный от какого-то дела, большими глазами оглядел всех нас, и задержался взглядом на Князевой, словно не веря своим глазам.

— Что случилось. Оля? — спросил он, кивком поздоровавшись с нами. Вот это темпы у парня!

— Отвези меня домой, — сказала Князева.

— А… Хорошо. Поехали. Точно ничего не случилось? — Спросил обеспокоенный Ник уже у меня. — Вас никто не обидел?

— Жизнь нас обидела, — сказала мою любимую фразу Ольга. — Я сегодня на три сдала экзамен. Мой красный диплом улетел к чертям, Никит.

Парень обнял ее за плечи, явно не понимая, почему вместо всегда распущенных ухоженных волос на голове его подруги теперь не слишком непрезентабельный простой хвостик.

mir-knigi.org

— Ничего страшного, не переживай, солнце. — Мягко отозвался он.

— Да, я тоже так думаю. — Кивнула девушка. — Ты знаешь, мои многие взгляды на жизнь, в том числе и на учебу, в последнее время меняются.

— Пойдем в машину, и там ты все мне расскажешь, хорошо? Тебе не холодно? — заботливо спросил он Князеву.

— Нормально мне. Ладно, пока, девочки!

— Пока, — хором откликнулись мы втроем.

— Ты интересная, — сказала мне Оля на прощание, прежде, чем выйти из кафе. — С тобой можно легко общаться.

— Ты тоже ничего, — медленно отозвалась я, разделяя удивление ее парня, почувствовавшего, что от Тролля слегка несет пивом. Кажется, с такой стороны он еще свою любимую не наблюдал. Да и я тоже.

— Капец, — только и сказала Лида, когда слегка растерянный Никита и ржущая над чем-то Тролль уехали.

— Она вроде нормальная, — была благодарна ей за рассказ о Черри Маринка, — но… с ней что-то странное творится, это факт. Я никогда Князя такой еще не видела.

— И я. — Произнесла я задумчиво. Тогда у меня стали появляться первые подозрения.

Да и вообще с этих пор я активно стала побаиваться Князя. Ко мне еще никогда с такой силой никто не набивался в подруги и не менялся прямо на глазах в явно худшую сторону. Конечно, Ольга не то, чтобы изменилась полностью, кардинально и радикально, просто она стала менее вежливой, воспитанной и элегантной, чем раньше. Иногда она становилась прежней самой собой, а иногда с ней явно творился легкий неадекват.

«Маньячина она», — на черном фоне кровавыми буквами написали головастики.

— Князь с ума сходит, — сказала я в четверг Дэну, который приехал ко мне на своем «Выфере». На этой неделе его жутко загрузили в универе — и не по учебе, с учебой у этого умника все было в полном порядке, а загрузили его в связи с проведением у нас каких-то студенческих всероссийских Универсиад, куда его отправили участвовать, как самого умного. А еще он вместе с командой по баскетболу отстаивал честь нашего университета на каких-то крупных соревнованиях, куда приехали команды из самых крупных городов России. Я даже ходила болеть за него — с доброй половиной его многочисленных сумасшедших друзей и искренне радовалась, когда он забрасывал мячи. Особенно круто у Смерчинского получилось вырвать победу у противника за 3 минуты до конца игры, когда он, стремительно перехватив мяч у нападающего соперников, вышел в быстрый прорыв и забил трехочковый. Болельщики были в восторге, а коллеги по команде едва не расцеловали Дэна, уставшего, мокрого, но довольного.

По-моему, наш физрук, тот, кто называл Дениса Дьяволенком, а также его коллеги, едва не плакали от умиления и от осознания того, что их любимец с факультета иностранных языков смог бы стать действительно крутым спортсменом, однако делать этого не собирается и вообще непонятно для чего учится на переводчика, когда у него пропадают такие перспективы в баскетболе.

Тогда я стояла и смотрела на него с трибуны, понимая, что, кажется, счастье может заключаться даже в том, что этот темноволосый парень помахал мне, узнав среди прочих болельщиков. А я помахала в ответ под смех его друзей, которые, по-моему, считали уже и меня своей закадычной подруженцией.

Да, сейчас Дэнни постоянно куда-то ездил, что-то делал и в чем-то участвовал, и у него, правда, было очень мало свободного времени. Не скажу, что я была от этого в восторге, но искренне радовалась за него. Мне казалось, что вся эта июньская суматоха, начавшаяся одновременно с сессией, отвлекает его от многих грустных мыслей. Все-таки личностью он был непростой, и никто, кроме него самого не знал, что творится в его голове с повышенным содержанием такой полезной штуки, как IQ.

В четверг же вечером у господина Смерчинского выдалась свободная минутка, и он примчался ко мне, сделав маленький сюрприз и написав смс с требованием немедленного выхода на улицу. Я, естественно, тут же выглянула в окно, заметила брюнетика с приветиком и, обрадовавшись, выбежала к нему. Федька только вслед мне поржал и просил передавать Дэну пламенный братский привет.

— С ума сходит? — переспросил Лаки Бой, обнимая меня и слегка покачиваясь из стороны в сторону. Глаза у него при этом были прикрыты. От его уютных рук хотелось растаять, а потом возродиться и вновь растаять.

— Да. — Я чуть-чуть отстранилась от парня и посмотрела ему в лицо. — Она посеяла свой мозг. Нет, правда. Стала вести себя… как-то развязано, что ли. Одевается… блин. Ну как я она одевается.

Денис нехотя открыл свои чудесные синие глаза и с улыбкой посмотрел на меня:

— Ты плохо одеваешься? — он провел рукой по моим волосам и коснулся губами виска.

— Ну, скажем так, не гламурно и не стильно. У меня свободный молодежный стиль, — гордо отозвалась я. — Короче, в глазах клубных кисок я не зеленый цвет для моды.

— Меня устраивает в тебе все. — Заявил Дэн, медленно перемещал свою наглую лапу с талии вниз, и мне пришлось шлепнуть его по руке. Он только вздохнул и сказал, что его жизнь монаха — тяжела и несправедлива.

— Руки, мальчик мой, нужно держать на месте. Вот увидит мой брат нас и расстроится, что его сестричку лапают прямо под окном, — мстительно захихикала я. Напоминание о моем немаленьком братце Дэну как-то не особенно понравилось. Он стал слегка поспокойнее.

— Да и не обо мне речь, — продолжила я разговор, — а о ней. Князь перестала носить свои чудесные платья, не менее чудесные туфельки и волшебные заколочки и прочие наряды. — И я со вкусом описала ему то, во что теперь наша общая знакомая наряжается.

— Сколько раз ты видела ее в такой одежде? — спросил меня молодой человек.

— Три.

— Три — это не всегда.

— Она шумно ведет себя. — Продолжала я.

— И что? У нее, может быть, хорошее настроение, Чип. — Не понимал меня Смерч.

— Она пила пиво! Князева и пиво! Прикинь?

— Много?

— Два стакана.

— Ого, это безумно много. Да она настоящая алкоголичка, — насмешливо сказал мне Дэнв, вновь крепко прижимая к себе. — Ма-а-аша, прекрати.

— Она все время мне пишет, куда-то зовет и хочет общаться!

— Может, ты ей нравишься? — рассмеялся он.

— Ну конечно. Ей явно что-то от меня надо. И она меня раздражает, понимаешь?

— Понимаю. — Дэн ни с того ни с сего подхватил меня на руки и закружил в воздухе. Я заорала, потому что испугалась, и поэтому как перепуганная кошка, которую поволокли мыть, прижалась к нему, вцепившись в плечи.

«Оу, плечи», — плотоядно облизнулись головастики.

— А-а-а, ты такая смешная! — Прокричал весело Дэн. — Я тебя обожаю!

Он аккуратно поставил меня на землю, взял за руку и потащил на детскую площадку. Там он усадил меня на качели и начал раскачивать, заставив своими забавными выходками смеяться. А потом, к восторгу нашей местной детворы и кучки мамочек, выгуливающих своих чад, решил подтянуться на высоком турнике, слегка размяться и проделать на нем пару упражнений. Он предложил поучить всему этому и меня, но я отказалась, сказав, что пока на глазах всего двора позориться не желаю.

— Не обращай внимания ни на кого, Маша. Делай то, что тебе хочется. — Чуть нахмурившись, сказал мне молодой человек, на которого восхищенно уставились четверо мальчишек, оккупировавших соседний турник. Он повис на турнике, прогнув спину и скрестив ноги, и начал подтягиваться, почти полностью выпрямляя руки и касаясь перекладины грудью.

Ва-а-а, он все-таки такой сильный.

«О_О», — выложили головастики символ удивления собственными телами. Они хотели и слов подтверждения от орла, но его все еще не было. Монстрика с красными глазами, кожистыми крыльями и перепончатыми лапами, впрочем, тоже.

— Я стараюсь, Денис, — отозвалась я.

— Ты не старайся, ты просто делай это, Чип. Как только ты будешь готова полностью раскрыться перед этим миром, мир раскроется перед тобой и предложит на выбор все свои ресурсы. — Выдал этот философ загадочную умную фразу. — Поверь, их очень много.

С этими словами он вновь подтянулся на руках, перевернулся и повис на железной перекладине головой вниз, как летучая мышь на жердочке, уставившись на меня. А я в свою очередь уставилась на его живот, с которого сползла майка.

— Ты хранишь моего пегаса? — Спросил Дэн, продолжая висеть.

— А? Да.

Смерч взял меня за руку и поцеловал запястье. В ответ я наклонилась к его лицу и чмокнула его в щеку. Опять она гладко выбритая…

— Он — особенный. Когда будет плохо — поговори с ним.

— Поговорю, — я улыбнулась и залюбовалась им: какой же он все-таки красивый. И с каждым днем нашего необычного знакомства и истории любви, Денис становится для меня все красивее и красивее.

— И запомни, что он любит загадки.

— Что? — не поняла я, зато заинтересовалась ящеркой на его шее и погладила ее. Я себе тоже тату хочу…

— Просто помни это, Бурундучок.

— А, кстати, тебе привет от Ника. — Вспомнилось мне.

— Что? — чуть не навернулся он с турника. Дэнни тотчас спрыгнул и внимательно уставился на меня. — Какой еще привет?

— Обычный. — Подивилась я его реакции. — Кларский тут недавно сказал, что в следующий раз — пять с него, а с тебя — один. Или что-то в таком духе. Я уже забыла точно, прости. Что у вас там с ним за дела? Сам говоришь мне не общаться с ним, а сам…

— Он к тебе подходил? — отпустил меня резко Дэн. Почти мгновенно его добрый, расслабленный взгляд переменился. Стал незнакомым, ожесточенным. Но потом мой ветерок вновь взял себя в руки и его взгляд, кажется, вновь стал прежним.

— Ну не то, чтобы ко мне… — Отозвалась я. Просто Ник зашел в аудиторию, вместе с Князевой, и увидел меня. Эй, ну ты чего?

— Все в порядке, Чип, все в порядке.

— Это аутотренинг?

— Ага, самогипноз. Ты ведь помнишь, что он — опасный парень, да?

— Помню. Еще бы не помнить. Но… только я все равно его не боюсь. — Призналась я.

— А вот это плохо. — Потер переносицу Дэнни.

— Почему же?

— Потому что только тот, кто испытывает страх, может быть идеально осторожным. — Медленно проговорил он.

— А пятеро и один — это что? — я смахнула с его голов маленький зеленый листик, игривым ветерком принесенный на его коричнево-шоколадные волосы и запутавшийся в них.

— А, это так, Бурундучок, прикол, Никита любит пошутить. — Обворожительно улыбнулся мне Дэн. — Шутник.

mir-knigi.org

Нас перебила мелодия моей любимой группы «На краю», зазвучавшая совсем рядом со мной. Как оказалось — в кармане джинсов Смерчинского.

— А, нет, отец, — глядя на яркий коммуникатор, вздохнул парень и ответил на звонок. — Да. Хорошо. Я понял, скоро буду. Да, ждите.

— Уезжаешь? — печально спросила я.

— Да, прости, отец просил помочь дома. — Со вздохом отозвался Дэн. — Не могу отказать. А я так хотел побыть с тобой подольше, мой Бурундучок.

— Мне уже даже возмущаться надоело. Ты прямо неуловимый какой-то. — Ткнула я его пальцем в щеку. — И что ты тянешь ко мне свои лапки?

— Иди ко мне.

— Зачем это?

— Хочу. — прошептал она мне на ухо.

Мы расстались только спустя пятнадцать минут. Думаете, легко прекратить целовать человека, которого любишь?

Это ведь как отдать свою прелес-с-сть какому-то наглому хоббиту.

Он, правда, становился мне все ближе и ближе.

И не только он. Кажется, Ольга Князева решила не просто общаться со мной. Госпожа Я-Тролль, кажется, начала копировать меня. И это первой заметила даже не я, а Лида, в субботний день консультации перед адовым экзаменом по английскому языку, и Марина согласилась с ней.

Сумасшедшая Князева во многом копировала у меня не только стиль одежды, незамысловатый, полуспортивный-полунеформальный, со всей моей любовью к кедам, кроссам, простым и удобным штанам и бриджам, к футболкам и флискам, но она также стала словно невольно копировать и не совсем правильную, иногда невежливую манеру общаться со сверстниками и не только, мою мимику, наверное, еще не совсем взрослую и слишком эмоциональную, некоторые движения, слегка отрывистую речь, быструю походку. Если она делала это с целью показать мне, что я выгляжу неженственной хамкой с уровнем развития обезьяны, то у нее получилось это сделать. Я серьезно задумалась над тем, что самой изменится на 180 градусов.

Но на самом деле… на самом деле наш милый зеленый друг преследовала совсем другую цель. Куда более печальную.

Последней каплей моего уже воистину ангельского терпения стало то, что произошло в понедельник, в день предпоследнего нашего экзамена — экзамена по английскому языку.

В воскресенье я лишь поздно вечером вернулась с родителями с дачи деда — они утащили меня туда в субботу, под предлогом помочь дедушке, и я не могла отказать, поэтому мне пришлось торчать на свежем воздухе почти два дня, в отдалении от остальных (но только не от Князя, которая изредка посылала мне сообщения). Зато все выходные к своему ужасу, я скучала по Денису. Кажется, он по мне — тоже. Ночь с субботы на воскресенье мы проболтали до шести утра. Я сидела на веранде и встречала рассвет, прижимая горячий уже мобильный

mir-knigi.org

телефон плечом к уху, и смотрела на оранжево-розовый восход, ярко окрашивающий восточный кусок небосвода и небрежными мазками задевавший и серо-голубую середину неба. А Дэн, по его словам, сидел на своем пушистом белоснежном ковре и глядел в окно — он тоже смотрел на восход. Заявил, что в городе он не такой красивый, и заставил меня описывать восход дачный.

В ту ночь мы, кажется, поговорили обо всем на свете: и о серьезном, и о глупостях, о нашем отношении ко многим вещам, о себе, своих предпочтениях и страхах. Чем больше я узнавала этого человека, тем более интересным он казался мне, и тем больше я в него влюблялась — уже не только за яркую внешность, отвязно-манипуляторское поведение и необыкновенную харизму, но и за душевные качества, и за мысли, и за мировоззрение, которого он придерживался. Дэн, казалось, с легкостью понимал меня, а я — его, и это нас обоих одинаково удивляло, а его еще и умиляло. К тому же, рассуждая о многих вопросах, он вновь показал человеком уверенным, со своей стойкой системой убеждений, сложившейся не на пустом месте.

— Спасибо, что не легла спать, — в конце нашего многочасового разговора сказал Смерч. Казалось, он находится совсем рядом — его голос раздавался так отчетливо.

— Всегда пожалуйста. — Тихо проговорила я, жалея, что сейчас не имею возможности подойти к нему и обнять.

— В следующий раз я скажу наоборот, — добавил сдавленным голосом.

— Как же? — заподозрила я подвох.

— Спасибо, что легла спать. Со мной, — сквозь смех заявил он.

— Вот же ты дурак, Смерчинский, — машинально ответила я, сладко зевая.

— Не без этого. Просто ты правда стала мне дорога, глупая. Ну все, Чип, иди спать. Иди, я чувствую, что у тебя слипаются глазки. — Ласково сказал парень. — Красивых тебе снов. — Не сдержавшись, он опять добавил. — Со мной.

— Спокойной ночи, Денис. — Прошептала я, видя, как солнце медленно встает из-за горизонта. Отчего-то захотелось плакать — от осознания того, что вроде бы все хорошо, несмотря на Князеву, Ника, прошлое Смерча.

— Решила называть меня Денисом? — спросил он на том конце провода задумчиво.

— Я думаю, ты все же не заслуживаешь банальное «эй».

— Я счастлив.

— Опять начал подкалывать?

— Я сказал это совершенно серьезно, — судя по звукам, он встал с пола. — В понедельник увидимся?

— Хочешь назначить мне свидание?

— Да. Но только после того, как ты закроешь сессию, хорошо? Тебе ведь осталось совсем немного: английский и история изобразительного искусства, — как оказалось, Дэн прекрасно

mir-knigi.org

знает мое расписание.

— Ты прав.

— Вот черт! — воскликнул он внезапно с сожалением. — Мне ведь придется уехать 26-го!

— А, в Галаз, на юг? — припомнила я, опять зевая. — Тогда приедешь и поведешь меня на свидание, да?

— Да, Все, спи. Я буду с тобой во сне, Маша. — Он сказал мне это таким тоном, что я тут же послушно поплелась спать, и поняла, что подчиняюсь ему только тогда, когда моя голова коснулась подушки, а я начала проваливаться в Царство Морфея.

А голос Дэна говорил уже там: «Я буду с тобой во сне. Я буду защищать тебя ото всех даже во сне. Я — с тобой». Дедушка, кстати говоря, утром неодобрительно на меня косился и сказал, что разговаривать во сне — признак крайне дурной.

— И что я говорила? — протирая сонные глаза, спросила я у него. — А, деда?

Он посмотрел на меня с хитринкой и грянул:

— Я тоже буду с тобой! Я тоже буду тебя защищать! Князь — скотина. Вот что ты под утро говорила, внучка моя дорогая. Ладно, не буду я спрашивать, с кем ты там хочешь быть, и кого собралась защищать, но что за Князь-то? Твоего мальца Денисом кличут, по отцу Олеговичем, если меня память не подводит, а фамилия у него — Смерчинский.

— Дедушка, — слегка позеленела я от того, что болтала во сне. — Это же сон, откуда я знаю, что во сне говорю.

— Все ты знаешь, — погрозил он мне, посмеиваясь. — Ладно, иди, мать тебя с веранды зовет.

Я ушла, озадаченная функционированием и логикой своего собственного мозга, а также слухом деда.

С дачи уехали мы только вечером. Английский я нагло не учила, надеясь на удачу с билетами на мюзикл, и Димка, судя по смс, которыми мы с ним перекидывались, — тоже. Я почему-то была уверена в плане Смерча, и в универ утром прилетела, как стрекоза на крыльях. Увы, в стенах родного высшего учебного заведения меня ждала подлянка. Естественно, от нее, чокнутой Ольги.

Князева явилась в универ не только в похожей на мою одежде и с рюкзаком за плечами, но и с точно такой же прической, как у меня. Теперь светлое прямое каре чуть выше плеч было у нас одно на двоих. И меня это жутко взбесило. Я начала подозревать, что эта засранка хочет отобрать у меня мою личность, ну, как в том фильме: «Шлепни ее, она француженка».

Я ее сначала даже не узнала и прошла мимо, не поздоровавшись.

— Маша! — окликнул меня знакомый голос, и я, пьющая на ходу минералку, подавилась ею. Передо мной стояла Князева: в белых бриджах, бело-голубых высоких кедах «Конверс» и синей футболе с изображением развеселого Спанч-Боба. Через плечо у нее была перекинута сумка на длинном ремне, на руке появился простой черный напульсник. А волосы… волосы стали точно такими же, как и у меня, только у меня они были чуть темнее, а оттенок приближался скорее не к пепельному, а ближе к медовому.

— Э-э-э… Оля? — только и сказала я.

— Да. — Она улыбнулась. — Привет, Маша.

Я молча еще раз ее оглядела. Нет, это определенно, сударыня Князева. Явила-таки она, наконец, последнюю инстанцию своей мутной троллевской душонки! Вконец оборзела. Может, у меня уже что-то не в порядке с головой, и у меня начал развиваться мания преследования, но она точно меня копирует!!

— Как твои дела? Готова к инязу? — то ли не замечала, то ли не хотела замечать моего замешательства, граничащего с помешательством, эта змея.

— Готова к инязу, — эхом отозвалась я.

— Молодец. А я подстриглась. Давно этого хотела. Мне идет? — и она, засмеявшись, запустила пальцы в свои некогда длинные прямые волосы. Черт, она опять выигрывала! Если сегодня я была слегка растрепана, потому как сильно торопилась в универ, едва не проспав, то ее волосы лежали идеально — волосок к волоску.

— Идет? — чувствуя и обиду, и гнев, и сильнейшее недопонимание, вновь переспросила я. — Да-а-а, Оля, очень идет.

Головастики внутри меня выросли раза в четыре каждый, превратившись, наверное, в полноценных глистов, и запрыгали от злости — поэтому у меня от ярости и затряслись кончики пальцев.

— Мне, правда, идет? — улыбнулась мне своей старой обаятельной улыбкой лапочки Троллиха.

— Правда, — только и сказала я не слишком дружелюбно. — Это… Оля… а зачем ты так кардинально стиль-то поменяла?

Ее красивые голубые глаза в упор посмотрели на меня.

— Так нужно, Маша, — сказала она мне.

— Кому?

— Мне. — И словно опомнившись, Князева добавила. — Жарко очень с длинными. Я вообще давно хотела подстричься, но все никак не решалась. А теперь подружилась с тобой, и решилась почти мигом. Ты действительно, классная.

— Я? Ну что ты, Оля, я совсем не классная. — Отвечала я и уже хотела добавить много чего нелестного, что накипело у меня за неделю, но в это время нас нагнали три одногруппницы, которые тут же принялись восхищаться прической этого рогатого трупоеда, то есть Князевой, и я не стала при них ничего говорить.

— Ой, а у вас с Машкой прически ну просто один в один, — вдруг заметила одна из девчонок.

— Ага, точно! Прикольно!

Мне прикольно не было, и я, пробурчав, что мне пора на английский, почти что побежала к нужной аудитории. Там меня уже ждал Чащин, довольный, как стая гиен, которым подарили мясокомбинат. Рядом тусовались еще несколько человек из нашей языковой подгруппы в обнимку со словарями и конспектами.

— Ну что, Инфернальный Бурундук, будем сегодня давать взятку? Я тут подумал, что…

— Отстань. Будем. — Отрывисто произнесла я. Настроение улетело в тартарары.

— Эй, что с тобой? — заметил одногруппник мое выражение лица.

— Ничего, — с размаху уселась я на лавку.

— Кому ты это говоришь? — тут же сел Дима рядом. — Марья, давай, колись, что случилось, что за бешенный вид?

— Эта сучка, — не выдержала я, — это сучка меня копирует!

— Чего? Ты о чем? Это кого ты так не любишь? — удивился он.

— Эту гребанную Князеву, кого еще! Ты видел ее сегодня? Ты видел ее? — закричала я. — Видел?

— Нет. А что с ней? — поднял брови явно удивленный парень и пятерней потер лоб.

— У нее такая же прическа теперь, как у меня! Она все делает, как я! Она всю неделю меня доставала! А теперь еще и подстриглась! У нее такое же Nзапрещено цензуройN каре. — Нажаловалась я Димке.

— Успокойся, — впервые в жизни ласково погладил меня по голове Димка. — И не говори таких слов, ты же девочка.

— И что дальше?

— Ничего. Маша, ты фигню какую-то несешь. Зачем Ольге тебя копировать?

— Зачем?

— Зачем? А затем… — Я замолчала на полуслове.

И только тогда я точно поняла — она копирует меня, потому что неравнодушна к Смерчу и пытается его таким способом заполучить в свои цепкие когтистые лапки. Она видит, что между нами начинают завязываться серьезные отношения. Наверняка завидует. И думает, что если будет похожа на меня, он обратит на нее, тупую высушенную жабу, внимание. Да она до сих пор неравнодушна к Дэну, и только прикрывается тем, что они — друзья детства, а ее сестричка Инна с ним встречалась. Наверняка, она завидовала и сестричке! Куда только та сейчас делась?

Все это я выдала слегка озадаченному Дмитрию.

— Маша, — выслушав меня, сказал он спокойно, — брось, зачем Ольге тебя копировать? Ради Смерча? Ты совсем ребенок. И с манией величия. Прогрессирующей. Думаешь, она станет похожей на тебя, и он тут же начнет ею интересоваться, как девушкой? По-моему, ты многое на себя берешь.

Теперь я обозлилась и на него. Просто до колик в собственных головастиках, у которых вдруг еще и зубы острые выросли.

— По-твоему, Чащин, — тихо произнесла я, — если кто-то будет похож на меня, то парней это

не привлекать не будет? Только отталкивать, да?

— Ты не так поняла, — все так же спокойно заявил он. — Бурундукова, почему ты в последнее время все в штыки воспринимаешь? Ты в норме?

— Нет, не в норме, — прошипела я. — ПМС у меня, знаешь ли.

— И зачем мне это знать? — закатил он глаза, а потом издевательски заржал. — Ты мне еще этот… ну, что вы там ведете обычно… календарик предоставь. Чтобы я вообще все про тебя знал.

— Идиот. — Обалдела я от такой наглости. А ожидала-то поддержки!

— Бурундук, перестань нервничать.

— Не называй меня так.

Зубы головастиков начали щелкать друг о друга с железным лязгом.

— Бурундук. — Улыбнулся мне Дима, и я сощурилась. — Всеобщий лесной любимчик, послушай. Ольга — симпатичная девушка, если бы ей надо было, она Смерча и так захомутала. И без того, чтобы притворятся тобой. Она просто сменила имидж, ей это идет даже, а ты бесишься.

— Если ты еще раз так скажешь, я тебя ударю. — Честно предупредила я его.

— Охотно верю, Бурундук, — на миг мне показалось, что Димка вдруг решил вызвать весь мой гнев на себя, и это меня распалило еще больше. Защищает Князеву? Ну и прекрасно.

— Чаща, ты нарываешься! — Заорала я, напугав сокурсников, мигом с интересом на нас уставившихся.

— Нет, говорю праву. У тебя паранойя. Боишься, как бы кто Смерча не увел, вот и бесишься. Успокойся уже. — Отведя взгляд, сказал мне друг.

Друг? Хорош у меня друг!

— Я тебя, правда, ударю.

— Попробуй. — Равнодушно сообщил Дима мне.

Я молча ударила его по лицу, вроде бы не кулаком, а ладонью. Метила, кажется, по губам, а попала ребром ладони по носу, и у Димки отчего-то тут же носом пошла кровь.

Я остолбенела. Он, похоже, тоже удивился и, медленно проведя указательным и средним пальцами под носом, поднес руку к глазам, словно не веря, что на его загорелой коже появились алые разводы.

— Ни фига, ты даешь, Бурундукова, — только и вымолвил он, зажимая нос. — Ну в тебе и силы.

— Дима… — Большими глазами уставилась я на парня.

Огонь злости мгновенно потух, головастики тоже моментом уменьшились до нормальных размеров, потеряли где-то свои клыки, раскаивающиеся посерели и дружно стали писать

mir-knigi.org

извинительные записки.

Молодой человек запрокинул голову вверх.

— Дима, прости, я не хотела. — Я тут же полезла в сумку за влажными салфетками. — Дима, ты в порядке? Вот, возьми. Дима… Тебе больно?

— Ты так говоришь, будто бы меня переехала тачкой, а теперь не знаешь, в реанимацию меня везти или в морг, — заметил он спокойно приглушенным голосом. Ребята из подгруппы подошли к нам и, с опаской глядя то на меня, то на парня, зажимающего нос, то на салфетку с красными пятнами, поинтересовались, что случилось. Похоже, они не видели, что я ударила Чащина. Он понял это и сказал им с болезненной улыбкой:

— Фигня какая-то. Кровь носом идет. Нервы по ходу, сдают. Из-за экзаменов.

— Англичанка нервы последние вытянет, — согласно кивнули ему.

— Димыч, с тобой точно все в порядке? Может, тебе домой, а не на экзамен? — Спросил один из парней.

— Да нормально все. Уже проходит. Не, реально все о'кей. Не смотрите на меня, как на инвалида. — Даже заржал Дима, и ребята, успокоившись, отошли от нас.

Я расстроенная до ненависти к самой себе, медленно села на лавку рядом с ним и закрыла лицо руками. И что я в очередной раз сделала?

— Бурундукова?

— Что? — побоялась повернуться я к Чащину.

— Ну чего ты? — ткнул шутливо меня вбок парень. — У меня уже все нормально.

— Я дура. Правда, прости меня.

— Все в порядке. — Русоволосый молодой человек вздохнул. — Нет, правда, у меня реально сосуды слабые в носу.

— Дим, я не хотела. — Мне, правда, было невероятно стыдно. Я вообще, в себе?

— Да знаю я, что не хотела. Эй, Бурундук, можно я теперь тебя буду так называть? Типа в знак компенсации? — в его звонком голосе появились обычные задорные нотки.

Я всего лишь кивнула. Моя покорность еще больше шокировала Чащина.

— Когда ты так себя ведешь, я чувствую себя полным идиотом. Бурун… Я тебе даже не могу называть так теперь! Маша, да хватит, ты же не хотела и все такое. Маша? Маша, Маша! — прокричал он мне почти на ухо. Я повернулась к нему. Кажется, у меня глаза до сих пор были не только большие, но еще и красные. Плакать, я естественно, не собиралась — это я делаю очень редко, и только в одиночестве. Но было почему-то и обидно, и стыдно одновременно. И эта Князева… За неделю она, правда, умудрилась достать меня, хотя и я очень сдерживалась и старалась не обращать внимания.

И еще — Димка был прав. Смерча у меня может увести кто угодно, та же Князева, ведь я до сих пор считаю, что она влюблена в Дэна, поэтому и занимается такой ерундой, как

mir-knigi.org

копирование меня. А Денис не знает о ее чувствах. Думает, она влюблена в кого-то, а Ника боится. Он верит своим друзьям — тем, кому таковым считает.

«Но захочет ли он, чтобы его уводили от тебя?», — сказал смутно знакомый голос в глубине меня и головастики заявили, что это им, видите ли, передал некий полупрозрачный Дэнни. Я только отмахнулась от этих мыслей.

— Маша, да что ты? — Беспомощно посмотрел на меня Димка. — Ты плакать собралась?

— Нет. — Сказала я, глядя в пол, ногтями впиваясь в ладони — самый лучший способ от слез, эксплуатируемый мною с детства.

Он внезапно обнял меня одной рукой, очень осторожно, что было не похоже на него, прижав к себе.

— Бурундучатина, ну чего ты такая глупая? Все в порядке. Правда.

— Нет.

— Маша, да прекрати, все хорошо.

— Не хорошо.

Одногруппники на нас опять подозрительно взглянули. А я положила ему голову на плечо и только вздохнула. Вот же я дура!

Так мы просидели пару минут, пока я не почти совсем внешне не успокоилась. С Димкой было удобно. Ведь мы так давно друг друга знали и воспринимали друг друга такими, какими были. На миг я даже подумала, а что если бы Смерч не появился в моей жизни, смогла бы я обратить внимание на Чащина, ну, при условии, что Дэн прав, и я ему реально нравлюсь? Ведь любить Ника всю жизнь я бы не смогла — теперь я отлично понимаю, что это мои чувства к нему — максималистское подростковое проявление симпатии к несуществующему идеалу.

А еще… Его тоже зовут на букву «Д». Вдруг не Смерч, а он — моя так называемая Судьба?

— Ты точно в порядке? — Спросила я Димку, отстраняясь от него.

— Да. Кровь не идет. И вообще ее мало было же. Так, чуть-чуть. Поэтому забудь, хорошо?

— Хорошо.

— Вот и отлично. Дай минералочки, кстати, — попросил он, увидев на лавке мою бутылку.

— Там вода кончилась. Хочешь, я тебе другую, холодненькую куплю? — тут же спросила я, желая хоть как-то загладить свою вину.

— Хочу, — невольно улыбнулся парень.

— Что? — тут же вскочила я.

— Можно делать заказ? — Рассмеялся Чащин. Я кивнула. — Тогда «Спрайт».

— Сейчас исполню! — с этим криком я умчалась по направлению к буфету, вспомнила, что забыла сумку с деньгами, вернулась за не ней и все тем же галопом ускакала назад. Перед

этим парнем мне никогда еще не было так стыдно.

— Маша, прости, — одними губами произнес Дима вслед обескураженной и чувствующей себя виноватой девушке — а это было заметно по ее глазам и уголкам опущенных бледных губ. К тому же он видел, как она ногтями впивалась в кожу ладоней, и прекрасно понимал, зачем Мария это делает. Не хотела заплакать при нем.

Она и вправду, очень расстроилась, что не сдержалась и ударила его. А он тоже расстроился — из-за того, что девушка, которая ему нравилась, да куда там — которую он любил, огорчилась.

И куда она так побежала? Сейчас опять грохнется, как она это любит делать, где-нибудь на лестнице и разобьет коленки. Глупая Бурундукова!

На миг Димке подумалось, что если бы каждый раз после того, как Маша награждала его ударом, разрешала бы обнимать себя, то он бы позволял себя бить кучу раз за день. И куда сильнее, чем сейчас это сделала она. Он ведь, правда, почти ничего не почувствовал. Может Бурундукова и спортивная девочка, хорошо бегает, отлично сдает нормативы и радует преподов по физ-ре, но рука у нее все равно женская, слабая, нетренированная для ударов.

Почему него пошла кровь в таком случае, Димка и сам не понял.

Он вздохнул и машинально вытащил из рюкзака билеты на премьеру для англичанки, которая вот-вот должна была придти. Смерч — молоток, все смог сделать, чтобы его девчонка без проблем сдала чертов английский. А билеты он отдал Димке не потому что вдруг проникся к нему всепоглощающей любовью, а потому что не хотел подставлять Машу.

— Королевой билеты отдашь ты, хорошо? — серьезно сказал ему Смерч в тот день. — То есть ты невзначай намекнешь, что вы дарите ей крутые билеты на премьеру мюзикла, а она вам — хорошие оценки. Сделаешь?

— Сделаю. — Кивнул Чащин. — А почему не Машке отдаешь?

— Ну, она же девчонка, а они, сам знаешь, глупые, — рассмеялся Смерчинский, а потом его тон стал доверительным. — На самом деле я отдаю их тебе, потому что не хочу, чтобы в случае чего Королева обозлилась на Чипа. Если вдруг у нее не прокатит с таким подарком.

— А что, может не прокатить? — поинтересовался второй молодой человек, облокотившись о стену университетского коридора.

— Прокатить должно, но всякое бывает. — Пожал плечами Денис. — Дим, сделай все ты. Тебе я доверяю.

— А, может быть, зря мне доверяешь, а, Дэнв? — улыбнулся Дмитрий.

— Я людей чувствую. Ты — свой парень. Я на тебя надеюсь.

Димка только кивнул, пряча билеты во внутреннем кармане рюкзака.

— А твоя девушка… Спасибо, что тогда поехал ее утешать, — улыбнулся ему неожиданно, как брату, Смерч. — Она очень любила свою собаку.

— Что? О чем ты? — замер Чащин. — Кто она?

— Сам знаешь. Да знаю я, с кем ты иногда встречаешься. — Поднял слегка сочувствующий взгляд на собеседника Смерчинский.

— Откуда? Она сказала? — поинтересовался со вздохом русоволосый парень.

— Не-а, видел вас вместе. Смотрите, чтобы это кое-кто еще не увидел, — с явным намеком произнес Дэнни и похлопал Димку по плечу. Уже тогда Лаки Бой начал кое-кто подозревать об одном интересном парне.

— Да уж постараюсь. — Хмуро отозвался одногруппник Маши, пиная носком кроссовка ножку лавки.

— Отлично. Если будут какие-то проблемы, обращайся ко мне.

— Заметано.

— И не обижай свою Викторию, ладно? — напоследок попросил Смерч Диму. — Я понимаю, что она сама заинтересована в ваших отношениях, и что тебе нравится Маша, но постарайся не делать ей больно. Эти девчонки такие ранимые.

— А про Машу откуда знаешь? Нашептал кто? — будничным тоном поинтересовался Дима. Длинный беловолосый друг Смерча, похожий на девчонку и стоящий в паре метров от них, внимательно посмотрел на него, с сочувствием.

«Да пошел ты», — мысленно послал его за это Дима. Сочувствие ему было не нужно.

— Сам понимаю. — Задумчиво отозвался Дэн.

— Раз понимаешь, тогда заткнись, и не будем об этом говорить, — свел брови к переносице одногруппник Чипа.

— Как скажешь, — поднял руки вверх парень.

Тогда Смерчинский уехал вместе со своим белобрысым другом, оставив Чащина наедине со своими заботами и думами.

Димка засунул яркие билеты обратно. И почему он, кретин, попал в такую нелепую ситуацию?

Машки все не было. Англичанки, впрочем, тоже.

«Вот я дурак», — подумал парень с сожалением.

А ведь Бурундучок была права — он пытался сделать так, чтобы девушка рассердилась и выплеснула свой гнев на него, а не на Ольгу Князеву. За годы совместного обучения он выучил Машкин характер, и знал, что когда ее что-либо злило, она была похожа на порох, готовый взорваться от любого источника огня, то есть по любому поводу. Выплеснув эмоции, она на время становилась спокойной. Не зря она напоминала ему огонь. Вернее, ласковый огонек ночного костра, трещавшего в лесу, под темно-синим небом и звездами.

А еще, потому что он точно знал, зачем вдруг Ольга Князева решила начать копировать свою одногруппницу, к которой всегда относилась с самым обычным безразличием. А сказать об этой причине Димка Марии не мог, хотя и очень хотел. Трудно что-то недоговаривать близкому человеку и видеть, как он мучается.

mir-knigi.org

А еще труднее в это же время иногда быть с одной, нелюбимой, но испытывающей к нему искренние чувства, а любить совершенно другую, равнодушную. Эту глупую и ничего не замечающую Машку.

Я притащила «Спрайт» Димке, отстояв бесконечную очередь в буфете. Он, кажется, ей обрадовался, а, может быть, обрадовался мне, но не успел сделать и пары глотков под моим немигающим взглядом провинившегося котэ, нашкодившего в ботинки, как нелегкая принесла нашу преподавательницу по английскому. Она поздоровалась с нами, явно пребывая не в духе, зашла в аудиторию первой и кивнула нам, чтобы и мы входили. Я, настороженно глядя то на нее, то на Чащина, у которого была наша палочка-выручалочка, вернее, билеты, уселась на самую последнюю парту. Димка взял букет цветов у девчонок, на который мы складывались недавно, и, улыбаясь, как Леонардо ди Каприо в лучшие годы, подошел к преподавательнице.

— Что это? — хмуро взглянула на него англичанка сквозь нацепленные на нос очки, доставая из сумки ведомости и какие-то еще бумаги.

— Это вам. — Проговорил Дима. — Чтобы перед экзаменом вам настроение поднять.

— Чтоб вы стали добрее, — выкрикнул кто-то из ребят.

— Чтобы оценки нам хорошие поставили! — добавил кто-то еще.

Взгляд преподавательницы, которым она окинула аудиторию, явно говорил: «Не дождетесь», но женщина только промолчала, улыбнувшись краешком накрашенных яркой бордовой помадой губ. Кажется, она предвкушала пересдачу 80-ти процентов студентов своей группы.

«Страшно-то как», — нацарапали гвоздем по стеклу головастики,

— Так, убираем все с парт, все, кроме зачеток. — Велели нам. — И словарей. Надеюсь, вы помните, что я их вам разрешила приносить еще на консультации. И сейчас я вам… А это что еще? — недовольным голосом спросила она, узрев рядом с букетом билеты на мюзикл. — Чащин, это ты забыл?

— Что я забыл?

— Вот это, — помахала билетами англичанка. Она явно была раздражена.

— Не-а, это не я забыл. Это тоже вам для настроения, — отвечал Димка. — Вдруг вам скучно будет, и вы сходите на мюзикл, чтобы повеселиться.

Одногруппники с удивлением глянули в его сторону.

— Чащин, что за глупости? Ты что, не готов к экзамену? — прямо спросила Королёва.

Естественно, он был не готов, да и я тоже!

— Ну что вы, — потупил взгляд парень, — конечно же, я готовился всю неделю.

— Вот сейчас и проверим, как ты готовился, — сказала преподавательница довольным взглядом и все же более внимательно посмотрела на то, что ей преподнес Чащин.

— «Разгневанный царь»? — Широко распахнула глаза за стеклами очков преподавательница. — Портер? Первый ряд? Сегодня в семь?

Кажется, она была удивлена, так же, как бывают удивлены коллекционеры, которым кто-то совершенно случайно безвозмездно подарил редкую штуку для их коллекции.

— Это мне? — почти с придыханием спросила театроманка.

— Вам. — И Чащин опять улыбнулся, подмигнув мне.

— Дима, иди на место. — Слабым голосом сказала препод.

— А это… Вы, нам не хотели бы… — Начал, было, он,

— Дима, огромное спасибо за такой подарок, но я попросила бы тебя сесть на свое место. У нас как-никак, экзамен. — Взяла себя в руки женщина. — Надеюсь, вы все к нему готовы, потому что на пересдаче я на балл оценку снижаю. — Она все еще глядела на билеты, но сумела взять себя в руки. Я похолодела? Не прокатило?!

Димка, пожав плечами, сел передо мной, загораживая спиной. Блин, да что такое?

— Не получилось? — повернулся он ко мне. Темные глаза парня были обеспокоены, а мои, кажется, напуганы. Привет, пересдача! Я, наверное, теперь точно не попаду на свадьбу собственного братца…

— Ты ведь не готова, Бурундукова? — прошептал Димка, пока англичанка лично каждому раздавала задания. Экзамен должен был состоять из двух частей: письменной, заключающейся в решении длинного теста и ответа на теоретический вопрос по грамматике, и устной, то есть, в пересказе одной из тем по искусствоведению, которые по идее мы должны были выучить дома.

— Нет.

«Нам хана», — сжались головастики, и я, обхватила голову руками. Неужели план гениального Смерчинского оказался провальным? Лучше бы мы с Димкой купили этой англичанке коньяк и шоколад. Нет, лучше бы я училась прилично в течение всех этих трех лет! А она ведь честно предупреждала меня, что экзамен не сдавать будет ох как непросто! А я… Ну это же я, тупица Бурундукова!

— Ну, я тоже. Пока я перед тобой сижу, можешь попытаться списать, закрою, — сказал мне в это время Чащин и, подумав, протянул мне свой мобильный со словами, — у меня есть встроенный словарь. И, если что, сможешь в Инет зайти. Держи.

Я помотала головой, и мне показалось, что в его взгляде я вновь увидела знакомые искры. Димка — человек-искра! И чего только в стрессовой ситуации в голову не приблудиться…

«А мы любим фейерверки…», — задумчиво сообщили мне головастики.

— Сам пользуйся. Я на пересдачу. И не надо быть со мной таким добрым.

— С тобой добрым не будешь, — проворчал Дмитрий, — то на том свете это за грех зачтут. А я все-таки лелею надежду попасть в рай.

«А мы лелеяли надежду попасть хотя бы на свадьбу собственного брата», — высказал свое мнение тот самый смелый и нагловатый головастик, что писал дружественнее письмо обитателям головы Смерча на озере.

— Сам списывай, — прошептала я Димке. Нам раздали задания, и я с видом святой мученицы посмотрела на него. Зря только Смерчик на билеты потратился.

— «Разгневанный царь», надо же… Премьера… А вы знаете, — обвела вдруг нас медленным и слегка обалделым взглядом англичанка, вернувшись на свое место, — я тут подумала… мы же три года вместе, с первого курса, и я вас всех, как облупленных знаю… то есть, конечно, хочу сказать, знаю уровень каждого из вас. Я тут подумала, а не поставить ли мне вам автоматы?

Студенты зашумели, как советский пылесос 60-го года выпуска, и гул этот нельзя было назвать печальным. Скорее, дико радостным. У меня у самой вдруг за спиной выросли крылья надежды, напоминающие собой смесь крыльев орлиных и ангельских.

— Поставьте!! — мигом сориентировались студенты самой слабой группы по английскому языку на всем потоке. У них вдруг появилась надежда на безболезненное проведение экзамена, к которому они были очень и очень плохо готовы.

— Да, думаю, поставлю, — медленно, удивляясь сама себе, кивнула Королёва. — В самом деле, я же знаю, на какую оценку каждый из вас английский знает, — она посмотрела в нашу с Димкой сторону, — или не знает.

— А это Бурундукова билеты доставала, — не нашел ничего лучшего, чем крикнуть англичанке Чащин. Я ткнула ему в спину кулаком. — Она через каких-то знакомых за ними неделю охотилась!

— Надо же, — удивилась преподавательница. — Спасибо, очень приятно. Я даже не ожидала, право. Ладно, с автоматическими оценками все согласны?

— Все! — тут же подтвердил нестройный хор тех, кто начинал верить в чудеса.

— Тогда хорошо, — отозвалась она, все еще сжимая в пальцах заветные билеты на мюзикл, и добавила с чувством. — Маша, а я и не думала, что вы такая заботливая студентка.

— А?

— Вы прямо-таки осуществили мою мини-мечту. На «Царя» же билеты не купить просто так… А тут премьера, да еще и портер… Спасибо вам, Маша. Не зря мы три года мучали… — Она поправилась. — Изучали английский. Так?

— Так, — выглянув из-за Димкиной спины, кивнула я, улыбаясь.

Спустя двадцать минут мы покинули аудиторию с зачетками, в которых английский был закрыт. Покидали ее шумно, с улыбками и сдвоенными чувствами: вроде бы все три года так мучились из-за энглиша, конечно же, по студенческому обыкновению, обвиняя во всем препода, а тут она, эта самая зловредная препод, заставила нас переоценить себя, как личность, совершив такой классный поступок! По-моему, до конца своих дней наша подгруппа будет вспоминать ее, как доброжелательную милую женщину и настоящего, серьезного преподавателя одновременно. Все пришедшие студенты стали счастливыми обладателями «автоматов»: пятерок, конечно, не было, но и троек было мало. Я и Чащин получили, к нашему обоюдному счастью, четверки, и чуть так же дружно не померли от счастья. То, что я нечаянно до крови врезала ему, одногруппник, кажется, уже благополучно забыл и, как всегда, светился беззаботным мальчишеским оптимизмом. Он же, кстати, растрезвонил всем остальным, что благодарить нашей подгруппе по английскому надо господина Смерчинского — это он достал билет. И наши парни и девчонки, посовещавшись, решили стать очередными Шляпниками в

mir-knigi.org

окружении Дэна. С веселыми рожами они подошли ко мне и спросили, как бы им отблагодарить Смерча за идею с билетами и ее удачную реализацию?

— Да не надо никак. — Прижимала я зачетку к груди с совершенно наисчастливейшим выражением лица, совсем позабыв про дрянного Тролля.

— А что он любит? Что ему нравится? — не отставали сокурсники. — Что ему в ответ хорошего сделать?

— А я-то откуда знаю? — Слегка прибалдела я от таких расспросов.

— Ты же его девушка, ты должна знать! — заныли ребята. А, ну да, точно. И в их глазах — уже давно так…

— Сладкое он любит. И людей доканывать, — объявила я, чуть подумав, вспомнив, с каким постоянством Дэн покупает что-нибудь вкусное. Тогда, в кино, еще и поп-корн велел прихватить…

— Давайте ему сюрприз устроим? — вдруг предложил кто-то. — Подарим ему что-нибудь классное за то, что он нам халяву с английским устроил!

Это предложение устроило, всех, кроме меня.

— Э, нет, — замахала я руками в шоке от того, как народ любит моего почти настоящего парня, хотя, признаю, за дело, — не надо ему никаких сюрпризов!

— Надо! — заверещали девочки. — Смерч нас спас от осенней пересдачи!!

— И от гнева Королёвой!

— Давайте ему торт подарим огромный?

— Со стриптезершой? — заржал Димка на пол коридора.

— И в роли стриптизерши будешь ты, — кинула я на него косой взгляд. Остановить этих беспредельщиков я уже не могла. Они, видите ли, хотели отблагодарить Лаки Боя, и баста! Только им не повезло — сегодня его в универе не было — Дэнва вновь увезли на какие-то спортивные мероприятия. Поэтому новоиспеченные отморозки всей толпой припереться и «отблагодарить» спасителя завтра, когда он появиться. К тому же у всего нашего потока в этот день стояла еще одна консультация.

Они не собирались закатывать ничего такого сверх грандиозного, как друзья-шляпники Смерчинского (их веселье входом в наше учебное заведение я никогда не забуду), а просто от души по-человечески отблагодарить. С меня взяли твердое слово, что я тоже приду — вроде как буду «главная благодарствующая». Представляю, как он начнет ржать.

— Ребята, вы дебилы? — спросила я устало.

— Мы просто рады, что с английским так вышло, — признался кто-то из одногруппников. — Я и не думал, что у меня будет четверка. Смерч — офигенский мужик!

Да-да, их коллективное мнение в том, что Денни — парень, что надо, только упрочнилось. Глядишь, еще немного, и они начнут ему поклоняться. Объявят богом, а я примажусь и стану богиней. Создадим мы секту и будем жить припеваючи…

Проторчав в универе еще пару часиков, морально поддержав подруг, тоже сдающих английский со своей подгруппой и, слава Богу, больше не встретив Князя, я зашагала довольная на остановку вместе с Димкой. Выглядел он радостно — до тех пор, пока ему не позвонила его Виктория. Он о чем-то тихо побеседовал со своей девушкой, тяжело вздохнул и сказал, что приедет.

— А когда ты мне ее покажешь? — спросила я с любопытством, когда Чащин прекратил разговор.

— Кого тебе показать?

— Себя, раздетого. — Закатила я глаза.

— Приходи, покажу, — пожал он плечами.

— Ой, а можно? — Хихикнула я, наклоняя голову к плечу, глядя на него большими глазами невинного лемура и накручивая прядь волос на палец.

— Можно, — он внезапно наклонился к моему уху и шепнул. — Маша,

— Что? — от неожиданности я вздрогнула.

— Маша, — я почувствовала его дыхание на своей коже, и это меня слегка напугало. — Я буду ждать.

— Чего ждать? — таким же шепотом переспросила я, забыв нахамить по привычке.

— Теб…Того. Через лет 8 обращайся, вырастешь уже, наверное. Тогда и поговорим. — Был в своем репертуаре Чащин.

— Вот козел!

Мы, как и всегда, какое-то время препирались на остановке, не уставая улыбаться и придумывать друг другу мелкие обидные прозвища.

— Мой автобус, — вздохнул парень, — пока, Бурундукова. До дома то без приключений доберешься?

— Ага. Дим, тебе точно не больно? — напоследок спросила я.

— Все в порядке. — Нахмурился он. — Машка, замучила уже этим вопросом.

Одногруппник осторожно хлопнул меня по предплечью, прокричал: «Будь здорова!» и уехал в автобусе. Сел в маршрут, который ехал не к нему домой — точно, поехал к своей Вике, которая от нечего делать запихала меня в черный список в мобильнике Чащина.

А я через пару минут села в свой, поскучала, подумала о сложившейся ситуации с Ольгой и позвонила Дэнни. Нажаловалась ему на Тролля — хорошо, что я больше ее не видела в универе, а то бы точно начала выяснение отношений прямо там. Зачем, зачем, зачем она так подстриглась? Что она от меня хочет? Она совсем оборзела?

— Чип, забудь ты про Ольгу. Мало ли что она сделала с собой, — посоветовал мне по телефону парень. — Давай-давай, забывай.

mir-knigi.org

— Не могу. Меня это, видишь ли, выводит из себя. Оччень.

— Успокойся. Не обращай внимания на малышку Князеву.

— Не обращать? А если бы тебя какой-нибудь даун пробовал бы копировать? Что бы ты чувствовал?

— Меня невероятно трудно копировать. — Заявил мой Нарцисс без зазрения совести. — Я бы чувствовал, как мне смешно от этого. Как думаешь, меня смогли бы заменить, Бурундучок?

— Незаменимых людей не бывает.

— Но есть такие, замена которых чревата, — мигом нашел, что ответить, Дэн.

— Смерч, послушай, твоя малышка Князь…, - я не выдержала и добавила обычное, — Гоблинов меня копирует, потому что…

— Потому что? — подбодрил меня парень. — Потому что?

— Потому что любит тебя, — как на духу, выложила я. Дэн сначала замолчал — в телефоне я услышала лишь его тихий вздох, а потом он набрал воздух в грудь и весело засмеялся. Сказал, что я настоящая сочинительница. Добавил, что мне нужно думать не о таких глупостях, а о стоящих вещах. Например, о нем. Говорить, что я и так о нем постоянно думаю с недавних пор, я не стала. Но то, что Смерч так резко отверг мое предположение, которое вот-вот грозило выльется в правдивую реальность, меня насторожило. Почему он так верит словам Оли? Может быть, тогда, в парке, мне не стоило поступать так опрометчиво и следовало бы послушать его рассказ о прошлом с этой сестричкой Князя, Инной, которая меня раздражает сейчас почему-то не меньше, чем одногруппница.

Но нет, жалеть о прошлом — не мое!

«Я не хочу быть одноглазым», — сообщил уныло головастик, отвечающий за прошлое. Когда остальные припомнили поговорку о том, что тот, кто припомнит прошлое, благополучно лишиться ока.

— Лучше расскажи про английский. Я ведь волновался. — Укоризненно добавил тем временем молодой человек.

Я вяло рассказала об «автомате» и билетах, не понимая, почему и Сморочок защищает эту идиотку с зеленой кожей, и злясь.

— О, да. Это сработало. Мой Бурундукчок получил автоматом четверку? — обрадовался на том конце провода Дэн. — Да ты умница. Правда, умница. Ну-ка подтверди, что ты умница? Давай-давай, раскрывай свой прелестный ротик и говори: я — умница.

— Ага, я умница. Умница… Это ведь ты помог, вот я и сдала. И не только я. — Я хотела рассказать ему про сюрприз, запланированный на завтра, но промолчала. Денис такой замотанный в последнее время, что сюрприз ему не повредит. Мне кажется, что все же приятные неожиданности он любит — есть у него в душе что-то этакое, что постоянно требует экстравагантности и веселья. Это заставляет его переставать думать о своих тайных, мало кому ведомых проблемах. Хотя, мало кто замечает в нем усталость — все, очаровываясь Смерчем, прежде всего, видят в нем задорность и обаятельную жизнерадостность. Они не обращают внимания на усталый взгляд синих глаз. Они замечают их необыкновенный редкий цвет,

миндалевидную форму, длинные ресницы, а самые внимательные — едва заметные морщинки-лучики, сбегающие от уголков глаз — такие часто бывают у тех, кто много и часто смеется.

Что же он все-таки прячет в самых потаенных уголках своих зрачков?

— Я передал часть своей удачи тебе. Правда, иногда мне кажется, что ты насильно забрала ее у меня. Но я рад за тебя. — Его голос стал плохо слышен из-за рева двигателя где-то у него на заднем плане, и мне пришлось сделать связь громче — на самый максимум.

— Дэн, спасибо, мы все благодаря тебе спасены! Ну, хочешь, я тебя даже зайчиком назову? Прелесть моя карамельная, — засюсюкала я.

— С тебя сто поцелуев, малышка. — Не остался он в долгу.

— А двести не хочешь? — я рассмеялась. После общения с этим парнем настроение мое повышалось. Люди в автобусе то и дело косились на веселящуюся меня. А мне было все равно.

— Хочу. Серьезно?

— Дай подумать… Знаешь, ради тебя — согласна, Смерчинский. — Отозвалась я, уже скучая по его пальцам. Проклятье! Когда я была влюблена в Ника, по его пальцам я не скучала — потому что они никогда не держали мою ладонь и не касались моего лица. Все это досталось наседке Олечке. А теперь эта же курочка решила заполучить еще и Дениса.

«Ага, щас», — единодушно решили головастики и зловеще переменили цвет с благодушного зеленого на темно-бордовый.

— Точно согласна?

— Да.

— Двести поцелуев приравнивается к одной совместной ночи, — невозмутимо отозвался молодой человек. — Так что, Чип, готовься.

— Это кто такое тебе сказал? — возмутилась я. — Что у тебя за мысли однобокие все время?

— Очень здоровые мысли, моя фея. Нет, правда, что плохого в том, что заложено во мне природой и подкрепляется моими чувствами? — и тут этот начинающий извращенец принялся распространяться на тему того, какими должны быть отношения между парнем и девушкой, которые действительно доверяют друг другу. Порою он произносил очень даже откровенные слова и фразы — как само собой разумеющееся.

— Дэн, давай потом об этом поговорим. — Чуть ли не взмолилась я, пытаясь все это время сделать связь вновь тише, но мобильник конкретно заглючило. Звук соединения продолжал оставаться неприлично громким, а голос Смерча — отчетливым. Он продолжал объяснять мне, что даже на дефицит капусты в детстве и подростковом возрасте, я вроде как уже не девочка, а почти что леди — очаровательная леди. На мои укоризненные замечания говорить тише Дэнка в лучшей своей эгоистично-пофигистичной манере не реагировал.

— Заткнись ты уже! — не выдержала я, наконец.

— Какие эмоции. Ты что, меня боишься? Эй, Бурундучок, ты же мне доверяешь? — мягким голосом профессиональной лисы спросил он меня.

— Доверяю. — Отозвалась я деланно мрачно, потому что видела, как половина автобуса наслаждается речами парня. Нажимать на кнопку, регулирующую звук связи, я уже устала.

— Тогда, — Сморчок на секунду замолчал, а потом продолжил еще более очаровательным и манящим голосом, — после того, как ты закроешь сессию, и я приеду с моря, съездим в одно хорошее местечко в горах? Снег и цветы — это потрясно, ты увидишь это и согласишься. А я постараюсь показать тебе настоящее доверие. — Он рассмеялся, и вместе с ним негромко заржали рядом сидящие парни лет двадцати пяти. Они были одними из тех, кто все слышал.

— Доверие? После этаких доверительных бесед девицы обычно родителям новую заботу в дом приносят, — грянула на вес автобус какая-то бабулька с кульками в руках, которой, между прочим, по всем законам этой Вселенной, полагалось быть глуховатой, а не иметь уши-локаторы! Те, кто не обращал на меня внимания, тут же обернулись. Кое-кто со скуки заинтересовался происходящим, и бабка стала все так же громко объяснять: мол, той девице, да-да, той, в зеленой рубашке, звонит парень и… приглашает ее на доверительные беседы интимного характера. Куда? Да на альпинистские луга. Какие? Ну, где снег и цветы, что, не видели по телевизору? Вот там и будут они друг другу того… доверять.

Таким заинтересовался даже мрачный парень-кондуктор, до этого прожигающий взглядом окно.

— Денис! — сказала я, понимая, что раз опозорилась, мне уже бояться нечего. Но в горы все равно хотела. Хотя бы для того, чтобы посмотреть на эти самые альпийские луга нашего местного разлива.

— Что?

— Ты совсем уже? — я тяжело вздохнула. Парни рядом кивали головой, мол, сделай чуваку счастье, соглашайся!

Пришлось отвернулась.

— В смысле совсем? — не понял Смерч. — Я просто хочу, чтобы ты поняла, что такое настоящие отношения.

— Спасибо, я поняла. И люди рядом со мною — тоже, — отозвалась я.

— Какие люди? — все-таки удивился он.

— Я в автобусе еду, и ты так орешь в трубку, что о твоих намерениях знают все. — С долей мстительности произнесла я. — И про горы, и про чувства.

Девушки рядом захихикали.

— И смеются. — Тут же добавила я. — А у меня, между прочим, сотовый заглючил, и я не могу сделать связь тише. Все слышно. Понимаешь, ты, дебил поеденный??

— А-а-аа, ты все-таки чудесна! — в восторге прокричал мне Денис в ухо. Нет, я никогда понять его не смогу. Другой бы на его месте засмущался, а он только обрадовался. — Эй, пусть все слышат, что ты моя! Эта девушка — моя. И вы не представляете, что она со мной делает. Особенно когда сердитая. Маша, из-за тебя уже не могу думать!

Парни уставились на меня сначала подозрительно, а потом с великим одобрением. Девушки

mir-knigi.org

переглянулись, тетка в шляпе захихикала, два мужика со спортивными сумками задумчиво осмотрели меня с ног до головы, а бабка показала большой палец

— Я тебя убью, гад. — Только и прошипела я.

На этом батарея телефона села, связь отключилась и цирк закончился. Народ в автобусе погрустнел, а я новый спектакль устраивать не стала, чтобы их развеселить и выбежала через две остановки — потому что мои глаза узрели одно знакомое местечко под названием «Дерзкий шарм». Решение мое было импульсивным и, наверное, детским. Но уж очень мне не нравилось то, что Князева хочет походить на меня.

Я вышла, решив, что с сегодняшнего дня я перестану чего-либо стыдиться, после такого-то дурного инцидента. Меня молчаливо проводили, и только бабка вслед мне прокричала, высунувшись едва ли не по пояс в открытое окно:

— Девка! Не упускай парня! Меня в твои годы специально для этого никто в горы не звал! В альпинистские-то луга!

Пассажиры заражали, а я уже бодро шагала по направлению к своей цели, изредка касаясь кольца Смерча.

Ну, детка, поиграем с сумасбродною Машей в игру под названием «Смена имиджа»?

На следующий день в универ я пришла довольная-предовольная, изредка касаясь кончиками пальцев волос. Настроение у меня было превосходное, и даже вчерашний скандал с мамой, который я выдержала на «отлично», не помешал мне с улыбкой смотреть вперед. Шелест пока еще ярко-зеленых молодых листьев провожал меня от самой остановки до стен университета. Солнце радостно светило в макушку, явно шепчась с мыслями-головастиками. Ветер ласково трепал волосы и складки яркого длинного, до щиколоток, сарафана на бретелях. Сшит он был из тонкой белой ткани, украшенной большими синими и голубыми узорами, и приятно холодил кожу в жаркий день.

В университете я, все такая же счастливая, произвела почти что фурор — в пределах своей группы, правда. Хотя внимания я на себе испытала немало — многие ведь знали меня как девушку нашего местного Принца-гения, и им было очень интересно посмотреть на меня и лишний раз зачем-то мне улыбнуться или сказать что-нибудь типа: «Привет, это клево», «Ярко, здорово» или «Ух ты! Модно. Кстати, привет Смерчу!».

Первыми, кто мне встретился, был и Чащин и его друзья. Ребята сидели прямо на лестнице, недалеко от кабинета, и обсуждали что-то, гогоча на весь этаж.

— Привет, парни! — свойски поздоровалась я с одногруппниками.

— Привет, Машка, — машинально отвечали они мне, а потом заткнулись и молча уставились.

— Ого, Бурундукова, ты у нас что, эпатажная дива? — спросил один из них, оглядывая с интересом мою голову.

— Ну кто-то вроде. Ну как, круто вышло? — тряхнула я волосами. Непривычно, когда их стало на треть меньше. Или даже больше, чем на треть.

— Кру-у-ууто, — протянул молодой человек. Остальные заулыбались и закивали согласно. Кое-

кто особенно умный попросил меня с ним сфотаться. А Дмитрий встал со ступенек и, подняв бровь, подошел ко мне.

— Чего? — спросила я. — Эй, Чаща, мне идет? Я вчера к подруге в салон красоты заходила.

Вместо ответа он, все так же подозрительно глядя на меня, протянул руку с закатанным рукавом расстегнутой рубашки, под которой виднелась черная майка, и коснулся кончиков моих волос.

— Чаща, ты заставляешь меня бояться. Ну, мне идет?

— Ты что с собой сделала, сумасшедшая? — оглядел меня еще одним нехорошим взглядом Димка и как закричал. — Бурундукова, немедленно перекрасься!

— А что? — спросила я и захохотала. Зато я опять индивидуальность, и Князь похожа не на меня, а на старую меня. Если хватит смелости — пусть сделает то же самое. Черт, а ведь она меня еще вчера по Инету доставала — все писала, вроде как ненавязчиво, интересовалась, что я люблю: какие фильмы, музыку, книги. Я с трудом общалась ней, предвкушая ее удивление.

— Да так, ничего. — Рассерженно произнес Дима, отходя на пару шагов. — Дура ты, испортила себе волосы! Бурундуковая, ты как… от тебя не знаешь, что ожидать можно!

— Не нравиться? — я ничуть не расстроилась.

— Нет, госпожа Апельсин.

— Господин Идиот. Нос то не болит больше?

— Вчера по телефону ты задала мне этот вопрос раз двести. — Отрывисто отозвался парень, не отрывая глаз то от моих волос, то от лица. Черные глаза почему-то были злы, словно я совершила преступление. — И все двести раз я говорил, что со мной все в порядке. И да, — предупреждая мой следующий, уже традиционный вопрос, заявил он, — я не злюсь на тебя за вчерашнее! Но сегодня ты… Машка, вот ты дура. Зачем тебе это?

— Князева, — коротко, но с достоинством отвечала я ему. К нам подоспели другие одногруппники и пришлось вливаться в компанию.

Следом подоспели кузины. Да, и они были удивлены сменой моего имиджа, и хотя я предупреждала их вчера, что подстриглась и покрасилась, их удивление от этого меньше не стало.

— Ни фига себе! — оглядела меня Маринка. — Доченька, ты что, неформалом заделалась?

— Нет. Я просто хочу быть яркой. — Надулась я.

— Поверь, это у тебя и без краски на голове получается, — отозвалась Лида, — тебе, Мари, только рот стоить открыть и все, пошло-поехало.

— Мне хоть идет?

— Классно, — проговорила с большим сомнением консервативная, но в меру дипломатичная подруга. — Но сарафан красив. И тебе идет.

— Мама заставила надеть, — призналась я.

— Она все пытается сделать из тебя девочку? Что она тебе сказала? Из дома не выгнала? — поинтересовались подружки, хихикая.

— Не-а. — Помотала я весело головой. — Я сказала ей, что это не специально вышло.

— И она поверила??

— Ну да, — гордо отозвалась я. — У меня все продумано было. Я сказала ей, что зашла к Ирке, ну, к моей сестре троюродной, которая в салоне красоты работает «Дерзкий шарм», и захотела подстричься и чуть-чуть осветлить волосы, но краска оказалась плохой и этот цвет случайно получился на волосах. Типа краска плохая.

— Как в салоне может быть настолько плохая краска? — покачала головой Лида. Маринка зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос.

— Вот так.

— И она, правда, поверила?

— Говорю же, поверила. Правда, не сразу. — Я вспомнила, какими глазами на меня посмотрели родители, когда я пришла домой с новой прической. По моему, они решили, что я вконец рехнулась.

Честно сказать, я даже и рта не успела открыть, чтобы объяснить маме свой внешний вид, следуя заготовленной легенде, как она начала на меня орать. По ее словам выходило так, что я специально делаю все ей на зло и стараюсь выглядеть не как приличный человек, а как кикимора с уклоном в идиотизм.

— Какой идиотизм, мама? — спросила я растерянно, потому что не думала, что у нее будет такая реакция. Я думала, она похвалит меня за четверку по энглишу, а не начнет вопить вот так сразу. Я ведь домой не с тату пришла и не с пирсингом в языке. — Какой уклон?

— Какой уклон? Нет, не это уклон, Марья, — гневно заявила мне мама. — Идиотизм — твоя религия! Как ты могла? Перед свадьбой брата! Что ты себе позволяешь! На кого ты похожа?

— На морковку-переростка. — сурово сказал папа.

И началось… Котэ, торчащее на полке шкафа и усердно мнущее своим телом лежащую там одежду, с беспокойством, нервно подергивая правой лапой, смотрело на нас сверху, явно желая, чтобы в доме вновь стало тихо-мирно.

— Мария! Ты безответственная нахалка! Как тебе не стыдно только!

— Мам, но я это нечаянно…

— Не перебивай мать! Нечаянно она! Решила вконец мне все нервы вытянуть?

Папа ее едва успокоил, и спустя почти час я очень тихим голосом все же объяснила родительнице якобы причину своего яркого внешнего вида.

— А Денис твой…?

Я думала, мама скажет: «куда смотрел?», только она меня обломала:

— … как должен общаться с такой кошмарной девушкой, как ты? Бедный парень! Он ведь такой утонченный. Интеллигентный, а ты такая хабалка, можно подумать, тебя в пещере воспитывали, а не в приличной семье!

Смерч опять вышел хорошим, а я — плохой! И это я слышу от мамы?

— Мамочка, прости, я не думала, что так ярко выйдет, — в конце сказала я тоном, переполненным покаяния. — Я просто хотела красивую прическу.

— Хотела она… Я тоже много чего хочу, знаешь ли. И отец твой тоже, — она взглянула на спокойного, как удава, папу, который свое мнение, конечно, ясно высказал, но после заявил, что теперь ничего не поделаешь, а «после драки кулаками не машут».

— В общем, девчонки, мама потом успокоилась, и сказала, что через недели две или сама перекрасит меня, или отведет в нормальный салон. — Вздохнула я. — А брат потом пол вечера надо мною ржал. Господи, когда он уже переедет?

— Скучать будешь, — сказала Маринка, трогая меня за пряди. — Нет, Машка, все-таки хоть и ярко, но классно!

Ей моя новая прическа понравилось гораздо больше, чем Лидии и Чащину. Этот дебил вообще меня ядерным грибом обозвал, между прочим. Меня его реакция вообще порадовала, да и дивный взгляд той, ради которой, собственной, я и перекрасилась в оранжевый, принес положительные эмоции и некоторое удовлетворение.

— Привет, — подошла вскоре к нам Троллиха собственной князевской персоной, и я поняла, что сейчас в моей душе начнется «час пик».

Подружки с ней поздоровались и уставились на меня, зная причину моих внешних изменений.

— А где Маша? — не признала меня сначала Ольга.

— А вот Маша, — помахала я ей рукой, на которых до сих пор болтались браслеты Ланде.

— Э-э-э, Маша? — удивленным, очень удивленным взглядом окинула меня светловолосая девушка.

— Она самая. — Удовлетворенно кивнула я. Да-да, ты продолжаешь меня копировать: с моей прической, без косметики и украшений, используя мой стиль одежды, а теперь посмотри: я другая!

Надеюсь, я выглядела задорно.

Вчера я выскочила из зловредного автобуса, потому что увидела салон красоты, где работает моя родственница. Решение поменяться назло Ольге пришло мгновенно, само собой, словно было послано непонятно каким ментальным существом мне в мозг, и уже через пару часов Ира сделала мне невероятную причесочку. Наверное, невероятную, по глупости, но я все равно была рада, хотя сама Ира после всех манипуляций стала бояться, что тетя Вера, то есть, моя мама, «ее прикончит».

— Ну, что ты хочешь, Мария? — спросила меня Ира, усаживая в кресло перед огромным зеркалом. Мне повезло, и у нее пока что не было клиентов — кто-то из них не смог придти, хотя вообще в салон «Дерзкий шик» обычно попадали только по записи.

mir-knigi.org

— Сделай мне что-нибудь крутое? — попросила я сестру.

— Имидж решила поменять?

— Вроде того, — согласно кивнула я. — Я хочу что-нибудь очень крутое. Оформи, а, Ир?

— На лысо подстригу, будет круто? — засмеялась она, проводя рукой по моим волосам.

— Не-а, не будет.

— Тогда говори, что ты хочешь. — Потребовала парикмахер.

— Я хочу что-то такое, что заставит людей оборачиваться на меня. Что-нибудь смелое. Хочу заметные волосы. — На глаза мне совершенно случайно попался постер с изображением красивой девушки с ярко-розовыми волосами. Я склонила голову, рассматривая модель. А ничего так смотрится. Розовые, голубые, фиолетовые волосы — это кайф! Смотрю на Келлу из «На краю», и просто восхищаюсь им: его волосы всегда — истинный рок-панк восторг. А у Черри волосы зеленые, темно-зеленые, смотрится улетно.

— О, ты знаешь, я хочу необычного. Хочу фиолетовый цвет волос! — обрадовалась я. — Или розовый.

— Так радикально? Не пойдет тебе розовый, — покачала головой Ира. — У тебя кожа теплая, а не холодная, лучше что-то оранжевое или огненно-красное там.

Я немного подумала (наверное, я думала копчиком), и мы остановились на оранжевом цвете. Ярком, теплом и кричащем — радостно кричащем.

— Смотри, Маша, ты точно решила? — уточнила Ира, со скепсисом рассматривая мой затылок. — Будет ярко.

— Да. Я хочу яркости. У меня одна молодость, когда я еще смогу сотворить с собой такое? — я сама себя успокоила. — А еще… сделай мне стрижку. Короткое каре. Чтобы боковые пряди были длиннее остальных, — я, как смогла, объяснила Ирке жестами, что мне хочется.

— А, каре с углом, — поняла она меня. — Хорошо, Маша, все сделаю.

— И челку хочу.

— Маш, каре всегда с челкой. Это боб без челки. Так что челку я тебе гарантирую. — Пообещала родственница.

— Давай, — согласилась я, предвкушая результат. — Чего уж там. Я хочу челку до бровей. Пойдет?

— Думаю, да. К тому же у тебя волосы хорошие, прямые, все укладываться будет отлично. — И Ира начала свои парикмахерские манипуляции.

Результат превзошел все мои тайные ожидания. Когда я смотрелась в зеркало, то улыбалась во весь рот, одновременно понимая, что ходить с ярко-оранжевыми волосами, обрамляющими лицо длинными, до середины шеи прядями, которые ближе к затылку укорачиваются почти в полтора раза — это, по меньшей мере, странновато. Но очень экстравагантно!

Князева смотрела на меня сейчас, и тоже это осознавала. Кажется, мы отличались осознанием

степени собственной свободы, и меня это радовало.

«Ха-ха-ха!», — ментальными листовками с таким вот незамысловатым текстом закидали Ольгу мои разноцветные полусумасшедшее мысли.

— Ты тоже поменяла прическу? — осторожно спросила Оля.

— Ага.

— Тебе идет, — искренне сказала она и неожиданно улыбнулась, заставив меня скрипнуть зубами. — Правда, так ярко — ты ведь и сама яркая, тебе идет.

— Правда?

— Да. Вышло здорово. — Она, взлохматив свои теперь уже тоже короткие волосы, и рассмеялась.

Маринка и Лида переглянулись. Они сами не понимали, в чем тут подвох. Но подвох все же чувствовали.

— Тебе тоже, Оля, идет и новая прическа, и вообще, этот стиль. Мой стиль. — Сообщила я Князю, наконец.

— Твой стиль?

— Мой стиль.

— У тебя хороший стиль, Маш, — и она опять мне улыбнулась! — Удобный, я даже не думала… А, кстати, спасибо, что посоветовала мне «Король и шут» послушать. Классная группа.

Еще бы. Одна из моих любимых!

— Мне еще «Papa Roach», «Red Lords» и «На краю» понравились. — Продолжала она спокойно перечислять другие группы в стиле рок, которые я сама все время слушала! Не зря она вчера выпытывал мои интересы!!

— Правда? Ты такое слушаешь? — удивилась Лида. Она мои музыкальные интересы не разделяла — слушала электронную музыку. Маринка так вообще любила обыкновенную попсу, хотя изредка баловалась и классикой.

— Ну да. Агрессивная музыка повышает адреналин. Вообще, уровень жизни в крови. Это как в песне у…

— У «На краю», знаю, — перебила я девушку и даже продолжила строчку из песни. — «Уровень жизни в крови завышен — ты живешь, ты летишь все выше и выше. Уровень жизни к нулю стремиться — ты падаешь вниз, как подбитая птица».

— Я эту песню все утро напевала. Я тут MP-3 плеер себе купила, — вытащила из сумки дорогой плеер с огромной памятью Оля. — Смотри, Маш, я туда закачала все альбомы…

— Стоп. — Перебила я ее, игнорируя ее плеер, между прочим, очень хороший.

Она удивленно подняла бровь, но замолчала.

mir-knigi.org

— Послушай, Оля, — сказала я, в упор глядя на Князеву, — что тебе от меня нужно?

— В смысле? — она даже растерялась и опустила протянутую руку.

— В прямом. Что ты хочешь? — Не выдержала я.

— Ничего. — Растерянность ее увеличилась. — Маша, что с тобой?

— Да так, ничего. — Голос мой становился все напряженнее, да и в воздухе между нами повисла и так летающая все эти дни атмосфера грозы, готовой вот-вот разразиться. — Только ты не замечала в последнее время, что стала меня копировать?

— Копировать? Нет, Маша, ты что?

— Оля, я серьезно.

— И я тоже. И мне, правда, нравится, твой стиль и одежды, и жизни. — Она провела рукой по ремню перекинутой через плечо сумки.

— Думаешь, это смешно? Это уже бесит! — выкрикнула я, понимая, что этой лисичке с честными голубыми глазами меня не провести. Она делает это все ради Дэна.

— Я просто хотела с тобой подружиться. — Медленно, с достоинством отвечала девушка, засовывая руки в карманы широких джинсов. Сегодня ее волосы вновь были собраны в простой высокий хвост.

— Эй! — осадила я Олю громким голосом — не заметила, как он повысился сам по себе. — Неправда, Князева!

— Думай, что хочешь, — ее пальцы замерли у самого плеча и вновь опустились вниз вдоль ремня. — Но про подружиться — это правда.

— Маша, не кричи. Оля, отвечай прямо, ладно? — сказала Лида, беря на себя миссию дипломата. — Мы ведь взрослые люди. Давайте просто разберемся, чтобы не было конфликтов. Оль, это несколько глупо отрицать, но в последнее время ты постоянно общаешься с нашей Марией, и многое делаешь так же, как и она. Оль, зачем ты это делаешь? — Негромко спросила Лида. Марина пока молчала. — Ты ведь никогда с Машкой не хотела общаться. Вы ведь совершено разные.

Оля большими глазами взглянула на черноволосую девушку. Та, правда, ничуть не смутилась. Честно сказать, она — девушка сильная, взгляды какого-то там Тролля переживет в легкую, раз уж даже почти внешне не беспокоиться по поводу расставания с Женей. Хотя, кто знает, что на самом деле она, скрытная до мозга костей, чувствует? Я и Марина можем только догадываться.

— Разные, ты права, Лида. Я… я просто хотела найти подругу. Подруг… чтобы общаться. — В словах Ольги было столько правдивости, что мы втроем на миг почувствовали себя свиньями, которые не желают знаться с прекрасной и милой девушкой, отчаянно ищущих друзей.

Или она отличная актриса, или она не врет.

Но ее поведение и, правда, странное!

— Оля, — мягко сказала Лида, — ты хорошая и интересная девушка…

— И нам нравиться с тобой общаться, — поддакнула хитрюга Марина.

— Но… ты немного напориста в своей дружбе. — Продолжала ее сестра аккуратно. — Создается впечатление, что ты все-таки что-то хочешь от Маши. Может быть, что-то случилось, и ты хочешь, чтобы она и я с Мариной тебе помогли?

Оля покачала головой.

— Спасибо за заботу, но я не понимаю, что криминального вы здесь видите. Правда. Я хотела стать похожей на Машу. Ты мне всегда нравилась, как человек, — слабо улыбнулась мне Оля, и я не знала, что на это ответить. — Общаться свободно с людьми. Не бояться показывать истинную себя. Научиться…

Чему там Князева хотела научиться у меня, мы так и не узнали. Нам помешал Димка и несколько сокурсников, что получили вчера «автоматы» по английскому.

— Машка.

— Пойдем Дэна благодарить, — сказали они мне. А Димка, кивнув настороженно Князю, спросил у Марины:

— Чего вы тут такие серьезные?

— Секретами делимся, Дмитрий. Меняй пол и вступай к нам в кружок любителей женских штучек, — подмигнула она ему. — О, кстати, Димка, говорят, у тебя герлфренд есть?

— Кто говорит? — не понял тот. — У кого длинный язык? Бурундукова, это ты сплетничаешь без устали?

— Я. — Отозвалась я, злясь на то, что так и ничего не узнала от Оли. Что-то мне слабо вериться в то, что я и мои душевные качества дико ей нравятся. К людям, которые нравились мне, кстати говоря, я всегда подходила без стеснения и пыталась подружиться, узнать получше, а не копировать их. Вот нравится мне Димка — он отличный парень, так что же мне теперь перенять на себя весь его гардероб и в футбол начать играть с пацанами??

— Двухметровый язык, — покачал Чащин головой.

— Лось метр семьдесят пять в холке, — вспомнился мне рост одногруппника.

— Так что, Дим, есть, да? Говорят, ее Викой зовут? — не отставала Марина от парня, и он даже перестал со мной спорить. Ольга подняла заинтересованный взгляд на Чащина, но ничего не сказала. Кажется, уголки ее губ слегка дрогнули. Я тоже молчала. Не хотелось выяснять отношения при нем и одногруппниках.

— Да, есть, — устало отозвался парень.

— А когда ты ее нам покажешь? — встряли и парни. — Красотка ведь?

— Красотка. Отстаньте от меня, — отозвался мой приятель.

— Стесняется, — захихикала Лида. — Димка стесняется. Не лезьте в его личную жизнь!

Угрюмый вид Димы мне не понравился, и я решила подбодрить его. Хлопнула по спине по-свойски и заявила на пол коридора:

mir-knigi.org

— Не лезьте к нему. Он свою девчонку только мне покажет, да?

— Нет. — Еще больше рассердился он, — тебе точно не покажу. Ладно, Бурундук, пошли уже, твой парень сейчас придет. Скажем ему групповое «спасибо». Как и хотели.

— Пошли. — Кивнула я, толкая за «бурундука».

— Мы с вами, — мигом схватили меня под руки кузины. Им было интересно. Кстати, сами они экзамен по английскому сдали на «отлично».

Парни, так и не отставая от Чащина и подкалывая его, пошли вслед за нами. А Ольга так осталась стоять около большого окна, продолжая глядеть в пол. Мне стало совестно — а вдруг я обидела ее просто так, оттолкнула, накричала, а она нуждается в помощи?

Но вернуться к ней я уже так и не смогла.

Через минут десять я, наслушавшись сомнительных комплиментов от одногруппников, приготовивших Смерчу пару коробок с какими-то сладостями (нет, вот же дебилы в последней стадии развития!), с замирание сердца увидела Дениса. Тут же захотелось обнять его, и не отпускать — так я по нему успела соскучиться. Общение по смс и телефону — это одно, а вот вживую — совсем другое…

По-моему, Смерчинский был в шоке, слабом, конечно, не в таком, как в прошлый раз, когда к нему набежала толпа народа, но все же он удивился. Наверное, подумал, что мои сокурснички его украсть хотят. Но, поняв, что его всего лишь хотят отблагодарить, засмеялся, как знаменитый писатель, к которому родители нерадивых школьников хотели устроить своих чад на обучение писательскому мастерству.

А потом он увидел меня. Подошел, встал рядом, оценивающе поглядел и даже обошел кругом. Народ заржал.

— Ты что с собой сделала? — зачарованно глядя на мои ярко-оранжевые волосы, спросил Дэнни. — Маша, почему тебя волосы цвета тыквы?

— А где привет? — возмутилась и все-таки обняла парня, прижавшись щекой к его груди.

— Это типа намек? — слабо пошутил он, обнимая в ответ одной рукой. — Чакра Свадхистхана имеет оранжевый цвет.

— Что еще за чакра?

— Ты называешь это веским понятием «извращенская». Ну все, Чип, снимай парик.

— Не могу.

— Снимай-снимай.

— Правда, не могу.

— Почему? — полюбопытствовал он удивленно. Кто-то сзади умилился, сказав, что «мы так хорошо смотримся вместе». Я аж улыбнулась — теперь меня это не бесило, когда про нас так говорили, а радовало.

— Потому. — Я вдруг подумала, что он не выглядит радостным от того, что лицезреет новый

цвет моих распрекрасных волос, и попробовала к нему примазаться. — Ты такой теплый сегодня.

Смерчинский поцеловал меня в нос, заставив умереть и возродиться.

— Маша, снимай это, я уже понял твои намеки. Мне безумно нравятся твои прежние волосы. — Это Денис уже прошептал мне на ухо.

— Это не парик. — Призналась я, глядя на него снизу вверх глазами нашкодившего енота. Рядом со Смерчем стало так уютно, что мне тут же захотелось уснуть. Желательно на нем.

— А что же это?

— Это и есть мои волосы. Блин, Смерчинский, ты такой гад, что я рядом с тобой сейчас мяукать начну. Так и быть, буду называть тебя «милый».

— Я не понял, — проигнорировал парень мои слова. — Это сейчас твои волосы? — Его тон был мягким-мягким, как у детского платного стоматолога, спрятавшего за спиной шприц.

— Да, мои, я покрасилась. — Призналась я с осторожной улыбкой. Сокурсники и некоторое количество прочих студентов продолжала на нас глазеть. Кажется, мы нравилось наблюдать за нашим, как им казалось, «щебетанием».

— Не понял.

— Я покрасилась.

— Повтори?

— Покрасилась я, глухой что ли?

— Ты что, с ума сошла? — вдруг рассерженно прокричал он мне на ухо, подумав, наверное, что глухая — я. А я, не ожидая такой реакции, только помотала головой и краем глаза заметила, как на улице появилась Князева. Она, не спеша, вышла на крыльцо, заметила нас, остановилась на ступеньках и скрестила руки на груди.

— Не сошла. А тебе что, не нравится? — глядя на нее, спросила я у Дэна.

Ответа, однако, не дождалась.

— Пойдем, — схватил меня за руку Смерч чуть выше запястья. — Пойдем-пойдем.

— Куда?! — я совсем не поняла резкой перемены в его словах и действиях.

— Туда, — лаконично кивнул головой Дэн на парковку с автомобилями.

— Да зачем же? Зачем? — не понимала я. — Отпусти ты меня, идиот! Куда?

— Возвращать твоим волосам свой первоначальный вид, — отозвался он. — Давай, Бурундучок, иди.

Я мигом уперлась всеми четырьмя конечностями.

— Да не за что в жизни!

mir-knigi.org

— Иди-иди, — Дэн оказался намного сильнее меня. — Не устраивай сцен на глазах у всего универа. Так зачем ты это сделала?

— Я хотела тебе понравиться! — огрызнулась я, не желая переставлять ноги.

— Ты и так.

— Что и так?

— Ты мне и так очень нравилась. — Рассерженно сказал парень, и, кажется, понял, зачем я сотворила этот оранжевый кошмар с собственной головой. Он оглянулся на меня и добавил негромко своим потрясающим по серьезности взрослым голосом так, чтобы это слышала только я, — и не только своим внешним видом, Маша. Тебя не заменить, поверь мне.

«Вера — двигатель дебилов, а мы не дебилы. Но верим», — написали мигом ало-оранжевыми буквами противные головастики.

И я поверила. Я не знаю, как Смерч добился такого эффекта всего лишь парой слов, но я поверила. Перестала упираться, позволив ему вести себя вперед, и даже стала ловить кайф и от того, что этот парень сейчас рядом, и даже от того, что он мило рассержен на меня из-за глупости.

И дебилом себя не считаю!

Я все же не удержалась и торжествующе обернулась на так и стоящую сзади, на крыльце, Князеву. А Оля вдруг улыбнулась, поймав мой взгляд. Она выглядела так, словно не могла сдержать смеха: то и дело закусывала губу, чтобы не рассмеяться вслух, и старалась не смотреть на Дэна. Ситуация ее явно забавляла.

Эй, ты что, еще и глумишься надо мной, дочь космических гоблинов? Я развалила твой план «Как стать Машей за пару дней», и Дэна ты у меня не отберешь. Забавляйся дальше с Ником и своим парнем-кретином, которого ты так любишь, что боишься, что о нем узнает Кларский.

Серебристое авто с чересчур тонированными окнами остановилось недалеко от университета, но водитель не спешил парковаться на стояке, да и мотор машины не стихал, словно те, кто находились в ней, собирались в ближайшие минуты уезжать.

— Поняли, кто? — хмуро спросил Никита Кларский.

— Поняли, — кивнул ему скуластый худой парень в красной кепке по кличке Гера. Именно он в состоянии небольшого наркотического опьянения приставал не так давно к Нике в прокуренном баре. Сейчас этот парень соображал куда лучше, чем в прошлую встречу с Кларским, да и выглядел отличнее, хотя его красные, часто моргающие глаза оставались все такими же блестящими и ненормальными. Он сидел за рулем и, то и дело, проводил по кожаному рулю рукой со вздутыми венами, слушая приказ Никки. На заднем сидении расположились еще двое парней в спортивных костюмах. Они смотрели на Кларского, как на вождя народов. По крайней мере, в их взглядах было должное уважение и даже некоторая боязнь. Про Ники, брата Марта, они часто слышали, но ни разу не видели его — Ники вообще мало кто видел. А ведь он, как и Март, был правильным здравым пацаном, да и говорили, что он был мужиком нехилым, за раз мог уложить кучу народа.

— Отлично. Не забудь проследить, чтобы он был один, а вас — пятеро. — Никита перевел

взгляд на Дэна, который только что припарковался неподалеку и, сняв шлем-интеграл, направлялся теперь к университету.

— Ты четкую постанову задвинул. Таких, как это лох, — явно не понравился Смерч парню в красной кепке, — валить надо конкретно, да. Но эта, слышь, Никки, зачем пятеро, мы и втроем его увалить сможет. Да я и сам этого мутного сделаю, без мазы… — Красноватые прищуренные глаза уставились на Кларского. — Слышь, Никки, а он вроде не бедный, может его развести грамотно и на счетчик? Мотик у него — ништячок. — Пригляделся к дорогому байку Дэнва парень. — О-о-очень такой конкретный ништяк.

Никита тяжело глянул на водителя.

— Делаешь то, что я тебе сказал. Мотоцикл не трогаешь. Его найдут быстро, а тебя вместе с ним. Ты хочешь к ментам? — Он ласково, неосознанно копируя брата, взглянул на парня в кепке. — Я так и знал, что не хочешь. Выполняешь мою маленькую просьбу и можешь взять всю наличку, трубу, еще что по мелочи. Понял?

— Понял, Никки, понял, — поднял руки вверх Гера. — Все четко понял!

— Следите за ним. Клоуна нелегко выловить в одиночку. — С этими словами Никита вышел из авто, с силой хлопнув дверью. Это вышло у него случайно, просто он был зол, а когда был зол, не всегда мог рассчитывать силу. Сейчас он был не только зол, но и расстроен. В последнее время к проблемам с клубами ему достались неприятности с Никой: приходилось время от времени с ней встречаться, потому что брат не должен был заподозрить обмана. А, самое главное, теперь ему, Никите, приходилось почти не встречаться с Ольгой — опять же из-за Марта. К тому же гребанный Смерч явно что-то сделал — вести себя девушка стала странно. Так, как Кларский больше всего ненавидел. То ли Дэн промыл ей мозги, то ли сделал что-то еще, но образ идеальной девушки разрушался на глазах. Никита пробовал узнать у Оли, все ли у нее нормально и не случилось ли чего, а она только улыбалась ему (совсем как Маша Бурундукова) и говорила, что нет, все нормально, просто она по-новому чувствует жизнь. А еще Март злился, что у младшего брата ничего не получилось с этой девчонкой, Машей, чей отец вел дела людей Андрея, попавшихся с нелегальными азартными играми и подпольными казино

— Что, олень, даже девочку очаровать не можешь? — обратился к нему пару дней назад Март, когда Никита приехал к нему в загородный дом.

— Проблемы с этим. У нее парень есть. — Обронил молодой человек. Ему вдруг подумалось в очередной раз, что он не хочет, чтобы его руки и спина были украшены тюремными татуировками.

— Твое дело сделать так, чтобы его не было, — нежно улыбнулся ему Март и с силой ударил под дых, так, что Ник, даже не ожидавший удара, согнулся. — Иначе я сделаю так, чтобы не было тебя, Никитос. Давай, давай, вставай, не смотри на меня взглядом волчонка. Мои друзья в беде, и им нужно помочь. Папа этой малышки может помочь. Я же сказал тебе с ней сблизиться? А-а-аа, — Андрей насмешливо протянул, — ты, наверное, не помнишь, но я повторю тебе еще раз: через эту девку я могу повлиять на ее папочку, нашего милого и неподкупного мента. И мне не важно, есть ли у девочки… как там ее, Машенька? Есть ли у девочки Машеньки мальчик или нет. Можешь избавиться от него. Можешь заарканить ее. Просто возьми ее в оборот.

— Я понял, я сделаю. — Отозвался, до сих пор хватая воздух ртом, Никита. Голос него был глухим.

mir-knigi.org

Но он уже не знал, что ему делать. У него не просто не выходило заполучить Машу Бурундукову. Он все-таки отчаянно не хотел этого. Во-первых, из-за своего друга Димы. Этот дурак все-таки был влюблен в нее. Да и вообще… Марту может придти в голову множество идей, если он вдруг встретиться с этой девчонкой. Бурундуковой вообще повезло, что Март пока остерегается «пообщаться» с ней напрямую — все-таки опасается ее отца. Да и родственники почти все ее работают в ментуре — некоторые на нехилых постах.

А еще Нику стремно было играть с чужой девушкой, пусть даже девушкой местного Арлекино — Дэна Смерча. Ему бы конечно, злопамятный Кларский с удовольствием сломал бы ему пару ребер и вправил бы челюсть, чтобы тот не был таким умником, но не более.

Последней и самой главной причиной была Ольга. Он и так обманывал ее — ради ее же собственного блага. Нику видел чаще, чем любимую девушку. А его ангел явно была достойна куда большего, чем Ник мог ей дать. Так, по крайней мере, считал он сам. Иногда ему казалось, что она ведет себя не так, как всегда, потому что что-то чувствует. Например, присутствие Карловой в его жизни.

— Сделаешь? Ну, сделай. Не будь никчемным. — Благосклонно отозвался Андрей, улыбнулся брату и вернулся в беседку — дочитывать очередную книгу Паланика.

— Nзапрещенно цензуройN, — прошипел Кларский-младший от бессилия.

— Еще раз услышу — зубы выбью, — тут же прокричал ему радостно старший брат, на пару мгновений превратившись, действительно, в брата.

А Никита, грохнув кулаком по стене, уехал домой.

Жизнь никогда не казалось ему несправедливой. Он попросту считал ее черно-серым дерьмом.

— Это Никки, да, в натуре, он? — как только ушел Кларский, заговорили одновременно парни на заднем сидении.

— Никки, Никки, — отозвался, тут же резко срываясь с места, Гера. Он решил остановиться с другой стороны университета, где хорошо просматривались вход-выход. Около крыльца стоял их «объект», не спешащий заходить внутрь — ярко-синяя майка и высокий рост Дэна позволяли этим ребятам не терять его из виду.

— Выглядит Никки как мажор с дэнса, мля. — Один из них все удивлялся тому, что выглядит братишка Марта не так, как ему положено бы было выглядеть.

— Зато взгляд у чувака четкий! — не согласился его друг. — Мне даже голимо стало, когда он на меня посмотрел.

— Ты просто еще Марта не видел, — усмехнулся водитель и закурил — при Никите не решался. — Слышали, пацаны, что он нам сказал? Ловим того лоха, отделываем, вскрываем табло, отжимаем, все что можно, кроме байка, и сматываемся.

— Слышали… А я не всек, зачем пятеро на одного? Мы его и втроем прессанем, а? — озадаченно произнес один из парней в спортивном костюме. — Это лох с мотика чего, боксер что ли?

— А я откуда знаю, баран? Может и боксер. — Нервно отозвался парень в красной кепке. —

Делаем, как Никки сказал и все. Пятеро, значит, пятеро. Мужики сейчас еще подъедут на своей тачиле.

— Не-е-е, Никки крут, под студентика косит, — протянул все тот же любопытный парень. Ему вдруг вспомнилось кое-что, услышанное от одной шебутной наглой девицы. — Это, мне про него Аладдин, ну эта, малая, которая по карманам хорошо шныряет, рассказывала, что он крут. Пищала, что хорошенький. Да-а-а, телок у Никки много должно быть. Это факт.

Красная кепка Гера только хмыкнул. Вспомнил, как недавно он неудачно приставал к девчонке Кларского в одном местечке. Она его взбесила, и парню захотелось ей хорошенько вмазать — чтоб уважала. Но вовремя появился Никита. И это хорошо. О том, что было, если бы девчонка получила по смазливой мордаше, водитель даже и думать не хотел. Никки бы его за это повесил. А перед этим отрезал что-нибудь жизненно важное.

— Да он крут, по любасу. А эту девку, Аладдина, не напоминай! — третий парень свел к переносице густые темные брови.

— А чего так?

— Эта мышь шальная у меня семки сперла и зажигалку фирменную. Мне ее моя Жанка подарила, потом долго возникала, что я ее потерял.

— Так она же тебя кинула, твоя Жанка?

— Вот поэтому и не напоминай Аладдина! — заорал несчастный влюбленный.

— Харе орать, — поморщился Гера, безостановочно барабаня пальцами по рулю. — А Аладдин зашухерилась куда-то. Интересненько…

— Да хватит про нее, мужик, — возмутился опять второй парень. — Мелкая чмыриха! Увижу, убью.

— Молчим, задушу своими руками.

На какое-то время в салоне воцарилась тишина — лишь тихо играло радио, неся на своих волнах старую заводную песню из далеких 90-ых.

— Э, гляньте, мужики, а чего к нашему лошку народ подвалил? — вгляделся вперед парень, которого из-за Аньки Аладдина бросила некая Жанна. К Смерчинскому внезапно подкатили человек пятнадцать, держа в руках какие-то коробки. Вся компания столпилась вокруг парня, почти закрыв его.

«Приятели» Кларского с изумлением, очень отчетливо отразившимся на их, вобщем-то не слишком добродушных и интеллигентных лицах, уставились на окруживших «лошка». Эти парни явно не понимали, что происходит вокруг Дэна, и что за подарки ему там презентуют.

— Че это?

— Подозрительный тип.

— Мутный сильно. Торец наглый больно.

— Ему чего, дань вручают что ли в коробках? — почесал затылок обиженный девочкой Аладдином.

— Бабло что ли? Прямо на улке?

— А чего?

— Я понял! Этот пацан поди весь универ ихний держит, типа авторитета, вот вокруг него столько народа! — выдвинул поистине гениальную идею один из парней на заднем сидении. — Никки и решил ему показать, кто хозяин.

— Точняк! К нему постоянно народ подходит. Он стопудово еще и толкает им вещества. Отвечаю, толкает.

— Он типа смотрящий универа? А чего, круто.

— Идиоты, — покачал головой Гера, наблюдая, как Денис обнимает какую-то девчонку с яркими оранжевыми волосами, а потом разговаривая о чем-то с ней. — Хрень какую-то несете. Ну-ка, гляньте, он куда-то девку свою оранжевую потащил! Они по ходу сейчас уедут на мотике.

— Опачки, за ним?

— За ним.

— Никки сказал, чтобы не палиться.

— Поверь, братишка, я умею не палиться. — Улыбнулся скуластый парень в кепке. — А если чего, у дома его подождем. Адрес знаю. Погнали.

Эти трое точно решили дождаться того момента, когда смогут выполнить приказ Никиты Кларского: хорошенько избить Дениса Смерчинского в тот момент, когда он будет один.

— Смердяк, это что? — спросила я, с некоторой опаской глядя на огромное модное сооружение в стиле «суровый модерн и много-много металла и стекла». Это невысокое здание было похоже на блестящий куб, и явно содержало в себе кучу безжалостного пафоса, суровую охрану и безумно вежливых администраторов. Мы только что притормозили неподалеку от этого местечка, проскочив все пробки и заторы на дороге. Дэн, как и всегда, беспечно бросил своего железного бело-красного коня на уличной стоянке и преувеличенно заботливо, за руку, привел меня сюда. Ругаться с ним не было смысла — с дураками вообще лучше не связываться.

— Отвечай мне!

Смерч повернулся, мимолетом коснулся носом моего носа, аккуратно взял мое лицо в ладони и повернул его в сторону входа в здание. Все это проделал молча. Я еще раз внимательно вгляделась в здание. Над его входом значились огромные переливающиеся серебром на солнце буквы: «Имидж-агенство „Bella ragazza“.»

— Белла Рагазза?

— Белла Рагацца, — поправил меня Дэн с незнакомым мне акцентом — наверняка итальянским.

— Дэн, тебя что, перекрыло?

Если из универа я уехала с радостью — пусть госпожа Князь посмотрит, какие у нас со

Смерчем отношения, то слезать с «Выфера» брюнет заставил меня силой.

— Перекрыло? Не-е-ет, маленькая моя, это тебя перекрыло. — Отвечал он мне, все так же крепко держа за руку, то ли потому что ему это нравилось, то ли для того, чтобы я не убежала. — Будем исправлять. Будем лечить чердак и перекрывать черепицу. Не люблю цветную.

— Чего? — не поняла я. — Да иди ты. Сам себе чердак лечи. И хоть вообще без черепицы ходи. Понял?

— Не упрямься, Чип. Сейчас здесь тебе вернут прежний вид, — зловеще прошептал мне на ухо парень, не отпуская ладоней.

— А чем тебе этот вид не устроил? — не «воткнулась» я в проблему.

— Я не сразу научу себя называть тебя Тыквой, а не Бурундуком. Мой условный рефлекс трудно будет переборoть.

— Смерчинский! Что за детский сад! — топнула я от злости ногой. — Не пойду никуда!

— Пойдешь! Никуда не денешься. Я хотя бы в старшей группе, а ты явно посещаешь ясли, Чип. Не волнуйся. Это хороший салон, — смеясь, сказал Смерч. Хоть тон его был смешливым, но вот слегка прищуренные глаза — серьезными.

— Откуда ты знаешь?

— Я все знаю.

— Круто завернул! Что, по салонам шляешься, когда свободные минутки выделяются? — хмуро поинтересовалась я. — Метросексуал, типа?

— Просто сексуальный.

— Просто больной. Отпусти меня! Не буду перекрашиваться!

— Пойдем. Give Peace a Chance, my honey chipmunk.

Его фразы я не поняла — лишь только озлобленно взглянула на Дэна снизу вверх, и поэтому продолжила возмущаться дальше.

— Волосы нельзя красить на следующий же день! Я облысею на фиг, — прокричала я. — Отцепись с глупостями!

— Черри красил, все нормально было. — Отозвался парень беспечно.

— Да мне до твоего Черри, как до Эйфелевой башни.

— Не волнуйся, Чип, сначала я проконсультируюсь со специалистами. — И Дэн решительно повел меня ко входу в имидж-агенство.

— Ты, а не мы?

— Я, а не мы, — подтвердил он, — ты сейчас недееспособна. Машенька, мне нравится, когда ты проявляешь инициативу — это заводит. Но мне нравится твоя инициативность только когда я

mir-knigi.org

хочу быть ведомым. Так что слушайся, идем. А, да…

Я не успела ничего сказать и возмутиться, как он ловко повернул меня к себе, вновь наклонился и коснулся моих губ своими, слегка щекоча их дыханием.

— Ма-ша, — по слогам сказал он голосом рыжей хитрюги из леса. Меня сейчас точно перекроет — от наплыва нежности.

— Че-го? — я не сдержалась и легонько укусила его за нижнюю губу. Он в ответ сильно сжал свои руки на моей талии и прижал к себе, продолжая идти спиной вперед. Я, не думая, двигалась вслед за ним.

— Хочу, — прошептал он мне и медленно, нежно поцеловал, а потом неспешно попятился, продолжая удерживать меня и не забывая о том, что мы, в общем-то, целуемся.

Мы так и шли, медленно, не отрываясь друг от друга: он задом наперед, не отпуская и ведя меня по дороге, я за ним, не разжимая рук на его плечах. Было забавно невероятно романтично — почти так же, как и тогда, на озере в горах. Наверное, в горы с ним стоит съездить. Хотя бы для того, чтобы полюбоваться на сочетание снега и цветов.

«Возьмем Федькин фотоаппарат тогда», — не совсем так поняли меня мои простодушные цветные друзья в башке. Глупенькие, хе-хе-хе.

Очнулась я только тогда, когда оказалась у самого входа в эту кретинистическую имидж-студию. Кажется, Дэнни умело устроил мне ловушку. А я поддалась на простейшую провокацию. Вот блин!

— Входи, — заботливо запихнул меня Смерч в дверь салона, резко прервав поцелуй. Мы оказались в светло-голубом холле, и меня тут же окутал аромат приятной свежести, переплетенный с мелодичной музыкой. Здесь было прохладно и гламурно-уютно. Наверняка в этой имидж-студии с итальянским названием работают классные мастера, но пользоваться их услугами я совсем не желала.

— Эй! Да ты вообще обнаглел!! — я легонько ударила смеющегося парня по плечу — но после объятий руки были на удивление слабыми, и ему было совсем не больно, а вот мне — обидно.

— Веди себя прилично, — сказал он мне, смеясь и явно гордясь своим мастерством обманывать приличных девушек.

— Прилично? Смерчинский, ну ты придурок. Ты же слышал! Я не буду перекрашиваться.

— Мастер хороший, это мой друг, — явно не слышал меня парень.

— Еще один, да?

— Ага. Передвигай свои лапки проворнее. — И Смерч беззаботно положил руку мне на плечо и попытался потащить за собой. Во мне разгорелся огонь упрямства и непослушания. Нет, ну сейчас у нас точно сцена «война и немцы» начнется. Я не выдержала и сказала ему непечатное короткое существительное вкупе с личным местоимением в дательном падеже — довольно громко и звонко. Молчать я не хотела. И не собиралась. Люди вокруг тут же стали оглядываться.

— Маша, перестань. Маша. У меня проблема. Большая. — Ни с того, ни с сего произнес Дэн,

поняв, что я сейчас открою рот, и закрыть его не смогу еще долго.

— Какая? — от неожиданности я даже слегка испугалась.

— У меня девушка дурочка. И меня не слушается. Что делать?

Я чуть не позеленела от злости, а к нам из-за стойки подоспела администратор — высоченная девица с внешностью профессиональной модели.

— Добрый день. — Миру показались белоснежные зубы. — Приятно видеть вас, Денис Олегович.

Дениса Олеговича где только не приятно видеть! В психушке тоже, видимо! Совсем обнаглел! Даже в салонах уже засветился.

— Извините, мы не туда зашли, — хмуро сказала ей я, намереваясь уйти.

— Мы туда зашли. Добрый день, — Дэн кинул быстрый взгляд на бэйджик красавицы, — Валентина. Проведи нас к свободному мастеру.

— Да-да, конечно. Сейчас будет свободен Павел. — Согласно кивнула Валентина. — Очень приятно, что вы запомнили мое имя в тот раз… А мастер нужен вам или вашей спутнице?

— Спутнице. Чип, сейчас мы…

— Смерчинский, никаких мастеров, — не прельщала меня перспектива оставаться без волос. — Иди ты!

Он попытался взять меня на руки, но я, злобно захохотав, смогла убежать и даже спряталась за спину удивленной администратору, а потом передислоцировалась на ее место за стойку, стоявшую посредине огромного светло-голубого холла. Надеялась, что за такое поведение нас под белы рученьки уведет охрана, но охрана и не думала показывать нос.

— Маша! Немедленно иди сюда! — кажется, я все-таки слегка вывела Дэна из себя, и это тут же повысило мне настроение.

— Да ни за что. — Нагло отвечала я из-за стойки.

Он попытался обойти ее с одной стороны, но я попросту выбежала с другой. Подмигнула. Злость улетучилась, и меня посетило игривое настроение. А вот взгляд парня сделался печальным.

— Мария Бурундукова, — поманил он меня пальцем, — двигай ко мне. Прошу в последний раз.

Я аккуратно подула на ладонь, посылая ему воздушный поцелуй, и покачала головой.

— Уверена?

Я с видом триумфатора кивнула ему.

— Но что происходит? Денис Олегович…? — явно была в огромном недоумении девушка Валентина и еще несколько других работниц имидж-студии, привлеченных шумом. Прочие посетители, еще не попавшие к своим мастерам или на свои услуги, тоже смотрели с недоумением.

mir-knigi.org

— Ловля непослушных зверьков, — отозвался Смерч. И ловко перепрыгнул через стойку, мигом оказавшись около меня. Этого я от него не ожидала.

«Ва-а-а, человек-паук! — захлопали мысли, — человек-ящерица!»

— Попалась, — сказал Смерчинский мне с улыбочкой Главного Негодяя Земли, усаживая в кресло администратора.

— Это ты попал. — Я пыталась встать, а он удерживал меня.

— Глупый мой зверек. Совсем глупый. Хватит играть, пошли же.

— Не хочу.

— Хочешь.

— Не хочу.

— А я хочу. Хочу, чтобы ты была прежней. Гоу.

Он пощекотал меня под подбородком, а я громко заявила, что он — изощренная у тупизме ослина. За это Дэнни подул мне в ухо, и не думая отпускать: глаза его по-охотничьи блестели, а вот мои блестели злобненько.

Наверное, мы бы еще долго веселили народ, но нам не позволили этого сделать.

— Дэнси, ты что делаешь с девушкой? — раздался женский спокойный и очень мелодичный, как у какой-нибудь певицы, голос. Мы со Смерчем мигом оглянулись назад. На нас с неподдельным интересом смотрела женщина. Выглядела она, мягко говоря, очень хорошо. Красивое, без преувеличения, и ухоженное лицо, отличная фигура, облаченное в ультрамариновое длинное платье из легкой ткани, уложенная прическа, длинные серьги с блестящими прозрачными камнями. Это еще кто такая?

— Совсем ничего. Мы играем. — Отозвался молодой человек. — И привет, мама. Ты уже вернулась из поездки? Я думал, ты будешь завтра.

Кто?! Мама? Почему мы встретили ее здесь?

У меня чуть не случился обморок.

— Привет, малыш, привет. Вернулась, как видишь. — И она рассмеялась. — Пришлось вернуться сегодня.

Малыш! Сморчок — малыш!

Я тоже захихикала, а Денис, улучив момент, вытащил меня из кресла, увел за стойку, и теперь мы стояли напротив его мамы. Вот же неудача! Кого-кого, а матушку Смерчинского мне сейчас меньше всего хотелось видеть. К тому же она наверняка имела честь наблюдать за нашим детским садом вокруг стойки. Что она о нас подумает?

— Как у тебя дела? — спросила женщина. — Все в порядке? Ты так редко бываешь дома, что я беспокоюсь. — И она задала любимый вопрос всех мам. — Ты нормально кушаешь?

— Жрет он, не переставая, — едва слышно прошептала я.

mir-knigi.org

— Все отлично. — Улыбнулся ей сын и заметил укоризненно. — Какая ты сегодня красавица.

Он присмотрелся к ее тонкому лицу, которое обрамляли платиновые крупные кудри.

— Ага! У тебя новая прическа? Нет, ты, правда, удивляешь меня с каждым днем все больше и больше, мам! Тебе идет.

Женщина звонко расхохоталась и потрепала его по волосам.

— Галантный ты мой. Дэнси, а что это за обворожительная девушка рядом с тобой? С которой вы так… забавно играли? — вгляделась она в меня большими любопытными темными глазами. У Дэна они были синими, а у нее — карими. Не смотря на то, что и мать, и сын были красивы, что даже дух захватывало, они совершенно не были похожи друг на друга: ни цветом глаз, ни их разрезом, ни прочими чертами лица. Наверное, Дэн пошел в своего папу. А удивительным цветом глаз — в дедушку, тоже, кстати говоря, человека очень красивого и ухоженного.

— Мама, это моя девушка, — совсем не смутился Денис, как было, между прочим, положено парню, представляющему свою герлфренд родителям. Напротив, он лучился радостью, как негритенок из Африки, познавший вдруг прелести компьютерных игр. — Ее зовут Маша, и она мне очень дорога. А это моя мама.

— Здравствуйте, — несмело, но твердо сказала я.

Женщина в аквамариновом платье аккуратно кивнула мне, разглядывая не только с любопытством, но и с искренним интересом, а потом неожиданно протянула мне руку, с унизанными на изящные пальцы кольцами, — для рукопожатия. Оно получилось теплым.

— Очень приятно познакомиться с тобой, Маша, — серьезно сказала мне мать Смерча. — Можешь называть меня Лерой.

— И мне с вами приятно познакомиться, — искренне отозвалась я, пожимая ее прохладную ладонь. А потом простодушно добавила. — Вы такая классная!

— Спасибо, — женщина вновь звонко расхохоталась, — и зови меня на «ты», идет?

Я только кивнула. Ни фига себе, у Дэна мама! Я теперь понимаю, почему он такой! Если его воспитывала такая либеральная и офигенная женщина, он не мог быть другим.

Как я чуть позже поняла, мать Дэна была не похожа ни на чьих других мам, которых я встречала. Мало того, что она выглядела лет на тридцать максимум, носила дорогие брендовые вещи и с достоинством умела себя подать, так она оказалась самой настоящей моделью. Валерия сразу же покорила меня: высокая, почти одного роста со своим сыном, красивая — с утонченной нежной красотой холеной женщины, знающей себе цену, длинноногая, улыбчивая, очень обаятельная и, как ни странно, добрая.

— А что вы тут делаете? — с интересом спросила его Лера.

— Ее хотим перекрасить, — улыбнулся парень широкой улыбкой. — Маша неудачно покрасилась.

— Отчего же неудачно? Оранжевый — цвет радости и оптимизма, — рассмеялась высокая женщина. — Цвет здорового юношества. Маше очень идет.

Я тут же улыбнулась ей. Блин, она будет моим кумиром!

— Раньше было лучше, — гнул свою линию ее сыночка. — Мы все равно хотим попасть к мастеру.

— А почему в таком случае Маша от тебя убегала? — полюбопытствовала Лера. Ее глаза смеялись.

— Она стесняется. Да, золотко? — вкрадчиво спросил меня Сморчок. — Идти к мастеру.

— Не стесняюсь я, — проговорила я тихо.

— Да? Ну, тогда могу устроить встречу с нашим лучшим специалистом. Маша, не желаешь познакомиться с гордостью «Bella ragazza»? Его время расписано по секундам, но он с удовольствием примет тебя, — тут же предложила Лера. Оказалось, что она была не просто какой-то там обеспеченной клиенткой, а совладелицей этой имидж-студии. Поэтому персонал и знал Дениса, а охрана не спешила нас прогнать.

— Как тебе мое предложение?

Я с огромной неохотой согласилась. Не хотелось перед Лерой выглядеть капризной истеричкой. Но довольному Смерчу я все же показала кулак, а он, пока мать не видела, поймал меня за руку и поцеловал пальцы.

Перекрашивать меня не решились. Даже хваленный имидж-специалист — невысокий, худощавый и до ужаса чванливый мужик со стильной бородкой и полным отсутствием волос на голове, который покосился на мою яркую прическу с явным одобрением. Он и его помощники, не переставая улыбаться величественной хозяйке салона, а заодно и мне, сообщили, что с радостью примут меня через недельку-две и тогда сделают с моими волосами все, что я пожелаю. Зато прямо сейчас предложили кучу других услуг: не только для волос, но и для кожи — а их здесь было немало. Я бы даже сказала очень немало. Мне пришлось поспешно от всего отказаться.

— Через две недели я сам тебя приведу сюда, Бурундучок, — шепнул мне Смерч после того, как мы оказались на улице. — Не хочу подружку-тыкву.

— Фиг тебе. — Отозвалась я. — Я же не прошу тебя тату свести.

К его ящерке на шее я успела привязаться. А еще ее было очень здорово касаться губами.

— Ну, она же тебе нравится, — резонно, вобщем-то, заметил он. — А вот если я наколю на руку обнаженную прекрасную женщину, то…

— Я тебя убью, — сразу же сказала я.

— Вот ты и провела аналогию. — Коснулся он моего локтя. — Я чувствую тоже.

— Пройдоха, — прошептала я, все еще пребывая в легко шоке из-за встречи с его матерью.

— У меня отличная идея. Ребята, вы сильно заняты? — обернулась на нас Лера, идущая впереди — ее до самого выхода провожала едва ли не все работники «Беллы Рогацци», или как там назывался этот салон.

— А что такое? — поинтересовался Денис.

— Предлагаю совместный ужин. — Улыбнулась его мать. — Чтобы нам с Машей ближе познакомиться. Хочу с ней поболтать.

— Да как-то не надо, я занята, — пробурчала я, а мой умник, картинно положив мне руку на плечо и выставив ногу вперед, заявил:

— Да, неплохая идея, мам. Маша еще не была у нас в гостях.

— Тогда, — Лера обвела нас хитрым взглядом, — поедем к нам домой. Я сама приготовлю ужин.

— Нет, спасибо, у меня там, это… дела, и все такое, я там должна кое-что сделать… — как-то занервничала я. Домой к Смерчинкому попасть хотелось, но не вместе с его мамой!

— Маша будет рада, — еще крепче сжал свою ладонь на моем плече Дэнни. — Мы согласны, мам.

— Тогда отлично. — Обрадовалась Лера. — Дэнси, поехали со мной на моей машине — оставь уже свой мотоцикл в покое.

— Да у меня куча дел, — стала открещиваться я от ужина. Блииин!

— Каких?

— Всяких там… этих, экзамен последний скоро и все такое…

— Я потом помогу тебе с делами, милая. И к экзамену подготовиться помогу. — Сказал Денис, забыв, что в общем-то, мы учимся на очень разных специальностях, и он не должен лучше меня знать, к примеру, историю архитектуры и живописи. Однако Дэнв думал иначе.

Лера вопросительно взглянула на меня умело накрашенными, но кажущимися абсолютно естественными глазами, и мне пришлось соглашаться и садиться в ее дорогое ярко-красное авто и терпеть всю дорогу приставания доставучки Дэнни, который пользовался тем, что мать ничего не видит. Впрочем, терпеть — сильно сказано. На самом деле я больше притворялась, будто бы он меня раздражает. И просто млела от осознания того, что я сейчас просто сижу рядом с человеком, который как будто бы невзначай дарит мне радость и желание быть счастливой — такой же счастливой, какой я всегда была в детстве.

И я не думала раньше, что сжимать пальцы, на одном из которых блестит кольцо, подаренное и надетое мною самой, — синоним этого непонятного и абстрактного, в общем-то, счастья. Зато я знала точно, что счастье — это неуловимая штука, юркая и проворная, как ящерка, и наслаждаться им нужно, пока есть возможность держать его, счастье-ящерку, за хвост. Пока он не отвалиться, и ящерица не сбежит.

«У Дэна на шее есть счастье», — подумал кто-то жутко философский, и с ним согласились. А тот самый противный головастик, что писал как-то письмо обитателя головы Смерчинского, заметил:

«У Дэна на шее есть и ты».

Может, я для него — тоже счастье?

Денис, глядя мне в глаза, неожиданно кивнул, словно точно знал, о чем сейчас я сейчас

думаю, и коснулся серебряного кольца. Я улыбнулась ему в ответ одними губами и тоже коснулась кольца — своего, на большом пальце.

Он склонил голову набок, потер костяшками губы и достал коммуникатор из кармана. Набрал что-то на нем и протянул его мне — чтобы я прочла текст.

«Вечность есть совокупность коротких мгновений. Давай их ловить? И копить. Чтобы у нас была своя общая вечность»

Я большими глазами посмотрела на парня. Что с ним?

«Давай. У меня уже накоплено много=)»

«У меня тоже. Спасибо, что со мной».

От чего-то у меня защемило сердце — как будто бы я на пару мгновений окунулась в душу Дениса.

«Не грусти, Машка с тобой!», — напечатала я.

«Не буду».

Я и не знала, что над нами, где-то в молочных облаках все еще летают прозрачный Дэн со своей феей — или, моей феей? Феей, которая раньше была шебутным орлом. Феей, которая была мной.

Я посмотрела в глаза, обрамленные густыми ресницами, которым я всегда завидовала.

Я защищу тебя, Денис. Теперь ты просто верь мне. Свою часть нашего договора я исполню.

А он почему-то оглянулся и долго смотрел назад.

Мы ехали по одной из центральных улиц города, вернее, тащились в пробке, как у Леры, весело щебетавшей до этого, зазвонил телефон, и она, переговорив с кем-то, сказала:

— Маша, Дэнси, я совсем забыла, мне нужно к подруге заехать, кое-что отдать ей. Не будете против, если мы завернем в ее медицинский центр?

Если честно, нам надо было быть активно быть против, но тогда мы со Сморчком явно не осознавали того, какие мы неудачники. Или, наоборот, какие мы везучие, везучие настолько, что впору падать на спину и крылья от счастья.

Оказалось то, что должна была передать подруге-доктору Лера, было достаточно тяжелым и объемным — это была темная коробка, внутри которой лежал какой-то крутой запатентованный косметический аппарат из Швейцарии, предназначенный делать кожу женщин воистину волшебной — возвращать ее на десять лет назад.

Дэн, увидев в багажнике красного авто эту коробку, тут же вызвался помочь матери перенести ее, заявив, что сам отлично может утащить все, что угодно, поэтому охрану медицинского центра звать не надо. Этот парень вообще оказался заботливым сыном — не маменькиным сыночком и не зависимым от каждого ее слова и действа слюнтяем, а действительно хорошим, если так можно выразиться, ребенком, который, судя по всему, к семье относился очень серьезно. Не зря он заявил после веселья в «Алигьери», что пьяным домой не пойдет — из-за мамы. Отношения, как я поняла, у них были достаточно либеральными и теплыми — по

крайней мере, на мой первый взгляд.

Лера и Денис вышли из машины, а я, естественно, одна в ней сидеть не захотела и поскакала вслед за мамой и сынком Смерчинскими. Правда, меня несколько смутило название центра: «Женская диагностическая клиника». К тому же прямо перед нами из ее стеклянных дверей вышла девушка в положении — приличном таком положении, которой наш супервежливый Смерч придержал дверь. Его взгляд задержался на мгновение на беременной, и глаза стали задумчивыми — по-моему, Дэнни стало интересно, как чувствует себя будущая мать и как она воспринимает мир. Его врожденная привычка изучать самых разнообразных людей не давала забывать о себе.

Я нахмурилась, глядя на название центра, а Дэну до названия откровенно не было никакого дела — по-моему, он вообще никогда и ничего не смущается, эта обаятельная пальма.

Из больницы мы вышли через полчаса. Подруга его мамы, женщина с тысячью пластических операций, встретила нас в холле, дружески обняла Леру, расцеловала Дэна и долго выспрашивала обо мне. Она долго звала нас к себе в кабинет, но Лера мило улыбаясь, отказалась, сказав, что мы очень спешим. Глава клиники отпустила нас неохотно и на прощание сказала мне, что Денис — хороший мальчик и королевский одуванчик в одном лице, и если бы она сама скинула лет так двадцать, то у меня появилась опасная соперница. Меня это не смутило, а скорее, напрягло, но Дэн сказал какую-то шутку, и это моментально меня развеселило.

Над чем-то втроем смеясь, мы вновь прошли к автомобилю Леры — она, щебеча с кем-то по телефону, шла впереди. Пока шагали к авто, я заприметила вывеску рок-джаз-бара «Сияние», где не была уже сто лет. В последний раз я ходила туда вместе с Димкой и одногруппниками.

— О, рок-джаз-бар! — загорелись мои глаза, — Дэн, давай зайдем как-нибудь?

— Зайдем, — отозвался он задумчиво. — Ты так любишь музыку?

— Обожаю, — призналась я. — Скоро рок-фест будет, моя любимая группа выступает, пойдем вместе?

— Что ж, пойдем.

— Правда?

— Да, — серьезно пообещал парень.

— Точно?

— Обещаю. Садись в машину. — Открыл мне дверь Дэн, оглядываясь.

— Чего ты все врем по сторонам головой вертишь?

— Показалось, что одну и ту же тачку несколько раз видел, — хмуро отозвался он. — Около универа еще. А сейчас ее вроде бы не вижу. Так, ладно, все о'кей. Мне уже мерещиться. Бурундук, садись.

Он тряхнул волосами, и маска обеспокоенности мигом слетела, уступив место маске под названием «Я обаятельная и крышесносная личность»

mir-knigi.org

— Почему он все время палит по сторонам? Заприметил? — занервничал один из парней в серебристом авто с тонированными стеклами. Теперь в машне их было пятеро. Они стояли недалеко от мажорского салона красоты, около которого было припарковано куча дорогих тачил.

— Точно. Палево! — подхватил его друг, видя как их «объект» частенько оборачивается, хотя водитель вел свою машину очень аккуратно, как профессиональный шпион, и нигде особо не светился.

— А лошок наш непрост, — весело сказал Гера. — Заприметил по ходу дела. Так, гоним к его дому. Будем там ждать. Никки говорил, что он живет в крутом домике с охраной. Надо будет ловить его за периметром территории домика.

— Поймаем! Че мы, лошары что ли конкретные? А он до-о-обрый дебил, раз такой крутой мотик просто так бросил, — увидел один из парней Санек, как Денис пересаживается в красную тачку, забыв о мотоцикле. Куда он поехал дальше, молодые люди не видели — уехали, боясь, что Смерчинский заметит их.

— Это тебе не наша Пристань, — усмехнулся сквозь легкую пульсирующую боль во всем теле парень по кличке Дикий. — Это центр города. Тут цивильно. N3апрещено цензуройN! — неожиданно вскрикнул он.

— Ты чего?! — вытаращились на него приятели в спортивных костюмах.

— Ничего. — Сквозь зубы выговорил парень. Его по-тихому начало «ломать». Вены на руках от этого стали еще более видными, вздутыми. Если Гера употреблял умерено, зная, когда свою меру, то этот парень, случайно попавший к команду, был наркоманом.

Когда Дэн со своей девушкой и мамой поехал в клинику, серебряное авто направилось прямиком к его дому. Эти ребята умели ждать. И умели делать то, что говорили им «старшие».

Рок-джаз-бар «Сияние» был известен тем, что в нем почти ежедневно выступали местные группы вышеозвученных музыкальных направлений. Выступления, естественно, были живыми и обычно публику больше радовали, нежели огорчали. Поэтому в этом месте всегда было немало посетителей. Да и располагался бар в оживленном районе почти в самом центре города.

Сегодняшней группой, которая должна была своим звучанием взбодрить посетителей «Сияния», была та самая панк-рок банда, чьим солистом являлся черноволосый парень с длинной челкой, тот самый, который совсем недавно вместе с Машей немного пошутил над Дэном в клубе, а потом оставил девушку вместе с пьяным другом, так как заприметил грозного деда Смерчинского.

Молодой человек, нисколько не сожалевший о содеянном, сейчас сидел в закрытом пока еще баре около самого окна, закинув длинные ноги в черных узких джинсах на соседний стул, и настраивал гитару.

Он совершенно случайно бросил взгляд в окно, и тут же из сосредоточенных его глаза стали удивленными. Он даже челку, падающую на них, отбросил, чтобы убедиться, что не ошибается. Из больницы «Женская диагностическая клиника» выходили Смерч, его веселая подружка и, в довершении всего — мать. Выражение лица Дэна счастливым назвать никак было нельзя: он не улыбался и вроде бы как растерянно оглядывался по сторонам. Музыкант тут же подумал, что

если бы он выходил из такой больнички со своей девчонкой и матерью, то вообще помер бы. Становиться… папой в таком возрасте Челка очень не хотел. А что еще он мог подумать, видя, как его друг со своей любимой выходят из такого места?

— Смерч, твои ромашки, вляпался! — хлопнул себя по ноге впечатлительный музыкант.

Насколько он помнил, Дэнв тоже не горел подобным желанием — заиметь детишек, но, по ходу, встрял. Не хило встрял, раз мать знает!

Челка проводил слегка обалделым взглядом красную тачку, в которую все трое сели и уехали, а потом потянулся к телефону и перезвонил Черри.

— Здорово.

— Ага, привет. Чего надо? — не слишком дружелюбно поинтересовался тот.

— О-о-о, какой голос злой. Ты что там, с девчонкой зависаешь? — поинтересовался Челка.

— Я в «Контру» рублюсь. — Отрывисто отозвался Черри. — Чего ты хотел, давай в темпе говори.

— Это… у Дэна все… кхм… в порядке? — деликатно начал музыкант.

— Нет, не все. Голова плохо срабатывает, замыкает в ней что-то. — Отозвался зеленоволосый. — Это все, что ты хотел?

— Не-е-е. А девчонка его… Машка, с ней тоже все в порядке?

— Да она просто чокнутая. Слушай, перетри эту темку сам с ними, дай уровень пройти спокойно, а? — и Черри уже собирался отключить связь, однако следующая фраза его остановила.

— А она случайно не залетела? — голосом невинной пташки поинтересовался Челка. Черри тут же передумал отключаться.

— Кто? — даже растерялся он. — Бурундук что ли?

А после заливисто расхохотался.

— Ну да, она. — Подтвердил его черноволосый приятель.

— Идиот что ли?

— Да нет.

— Кто тебе такое сказал? — Черри всегда был в курсе истинных отношений Смерча и его Бурундука Чипа.

— А я видел только что Дэнва, его мать и Машу, выходящих из клиники, ну, этой, — слегка засмущался парень, — женской. Для этих… беременных.

Черри тут же перестал ржать.

— Что ты сказал, мужик? — удивилась трубка его голосом. — Откуда они выходили?

mir-knigi.org

— Оттуда.

Челка в подробностях рассказал все, что видел. Его приятель впечатлился: очень и очень. «Контра» перестала его интересовать почти мгновенно.

— Ни хрена себе, вот это Nзапрещено цензуройN, — медленно проговорил зеленоволосый. — Кондратий нервной системы. Я такого еще не знал. NЗапрещено цензуройN, вот подстава для Дэна. И когда они успели-то…? Как они вообще ребенка сделали??

— Ну явно не пальцем, — философски рассудил музыкант, вокруг которого уже собрались его «коллеги» по банде. Их уши росли и цвели.

— Слушай, друг, не трепись об этом? Я сам с Дэнвом переговорю, узнаю, что да как. — Решил Черри.

— Ноу проблемс. Ты, главное, узнай, можно ли будет на его свадьбе поиграть нам с парнями? — дурацкая улыбка все никак не покидала лица черноволосого. А вдруг эта милашка-Машка воспользовалась Смерчем тогда, что он был пьяным? Эта мысль музыканта-шутника развеселила. Чипу он симпатизировал. Забавная герл. А потом парень загрустил — подумал, что после такой подставы ему не жить: Смерчинский заставит его стать папой сразу трех десятков очаровательных карапузов.

— О'кей. Вот же Дэн дает, — никак не мог поверить в произошедшее Черри, который обычно был в курсе всего, что происходило с Дэнвом.

Парни, поговорив еще немного, попрощались.

Саша и правда никому не рассказывал об этом, только Ланде, который в этот момент сидел рядом с ним и сосредоточенно мастерил что-то из бумаги — именно он когда-то научил Смерча искусству оригами. Весть о том, что их лучший друг якобы скоро станет счастливым папочкой, беловолосого парня не впечатлила.

— Все мы когда-нибудь обзаведемся детьми, — сказал он, убирая оригами и беря в руки листы с речью из современной лже-исторической драматической постановки, в которой участвовал. — Вопрос лишь во времени.

— В идиотизме будущего неудачника-папаши, — отозвался Черри, хмуро глядя на замысловатую тату на предплечье — парень сидел без майки, в одних лишь бриджах. — Ну чего делать теперь будем? Это уже не игрушки.

— А что ты сделаешь? — взросло и даже чуть-чуть высокомерно (это всегда выводило Александра из себя) взглянул на него Ланде. — Он уже большой, знаешь ли, и сам сделал выбор, раз поехал со своим Бурундуком и мамой в больницу. Смирись, что в твоей «загул-тусовке» станет на одного меньше. Остепенись.

— Ох, мангуст белый, как ты достал меня за эти восемь лет, кто бы знал. Я пошел к себе, а ты мычи тут дальше. — Покачал рассерженно головой зеленоволосый и вышел, а через секунд десять вернулся с рыком:

— Это моя комната! Эй ты, русалка, чего ты все время путаешься у меня под ногами?? Иди вон!

— Невежливая тупица, — и с места не сдвинулся Ланде, продолжая читать строки из своей роли, а потом громким, совершенно чужим голосом — высоким и визгливым, чуть

срывающимся, продекларировал, сверяясь с бумажкой:

— Плешивый идиот! Изыди вон, коли не уразумишь пакость свою.

— N3апрещенно цензуройN! Заткнись!! — заорал нервный Черри. — Пошел вон! Ненормальный ушлепок!

— Ухожу, так и быть — отозвался Ланде, деланно надувшись.

— Болван. Точно ненормальный.

На это молодой человек, легонько касаясь тонкими почти по-девичьи пальцами левого плеча, произнес с явным намеком строки из монолога Чацкого:

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож.

— Ты еще карету попроси, — в конец окрысился зеленоволосый, который все-таки был подкован в драматических произведениях не меньше своего оппонента. — Задрал!! Вон!

— Я Сашенька, и я — дуралей, — голосом самого Черри, который был воспроизведен довольно-таки точно, произнес беловолосый Ланде, после чего позволил себе едва заметно улыбнуться, и направился к выходу из комнаты. В это же время на нотубук Черри пришло новое сообщение по аське. Парень прочитал его и поморщился.

— Вот же черт! — Выругался он. — Как меня эта герла достала! Я ж ей ясно дал понять, что она мне просто приятельница! Я ей не интересуюсь. А она все пишет и пишет! Чего она хочет? Какого рогатого всем этим телкам нужны со мной отношения? У меня на лбу написано что я — гребанный принц с благородным рылом и…? Ну и что там еще за скотина наяривает?! — теперь злость взрывного парня перенеслась на громко зазвонивший сотовый телефон. — Где эта хрень орет? Что это вообще?

На тонком бледном лице еще не ушедшего Ланде вновь скользнула улыбочка. По всей комнате разносилась мелодия всем известной задорной «Хавы Нагилы».

— Это у тебя телефон играет. Вон он, справа лежит от ноута, Саша. — Милым голосом сказал второй парень. Обычно у Черри на звонке стояла песня одной известной западной панк-рок команды, поэтому он и не признал, что мобильник звонит у него, и озирался по сторонам со злобным взглядом, разыскивая источник шума.

На Микаэля Ланде зеленоволосый часто злился не просто так. Тот иногда бывал, и правда, несколько противным и втихую менял Черри пароли, аватары или ставил какую-нибудь фигню на звонок его дорогущего, но полураздолбанного мобильника, подаренного заботливым отцом-режиссером. Иногда там же менял язык настроек, приветствие и даже переименовывал контакты. Апофеозом этого стало нецензурное сообщение с недвусмысленными угрозами, отправленное Черри своему дружку, но полученное в результате отцом. Тот как раз находился на званом ужине у губернатора, и едва сдержался, чтобы не перезвонить хамевшему сыночку.

— Опять поменял звонок! Ты, щенок, я же тебя урою! — прорычал эмоциональный Черри, схватил телефон, нажал на кнопку принятия вызова и удалился вон, не забыв прегромко хлопнуть дверью.

Ланде пожал плечами, явно радуясь, что его пакость удалась, и задумчиво посмотрел на

монитор ноутбука, который показывал окно «аськи». Девушка Черри писала не первый раз.

Марина J: Черри, привет=)

Марина J: Как поживает мой друг?:)

Марина J: Че-е-е-е-е-е-рри? Ты здесь?

Марина J: Как ты, я волнуюсь за тебя. Все хорошо?…)

Марина J: Саш, мне без тебя скучно. Поверишь?

Да, Марина была упорной девочкой и продолжала атаковать Черри, надеясь на то, что парень падет под градом ее настойчивого обаяния. Его «нет» она явно не приняла за ответ. Этот резкий, но веселый и активный парень с яркими волосами и кучей тату понравился ей невероятно, и она желала заполучить его в свое личное пользование. «Раз говоришь, что ты — мой друг, то я буду твоим другом. Пока. Всячески буду демонстрировать свои дружеские чувства к тебе. А потом, когда вотрусь к тебе в доверие, ты уже сам не захочешь, чтобы наши отношения были только дружескими».

Она вообще не желала отступать — и в этом была очень похожа на свою кузину. Только вот Черри мыслил несколько по-другому, вернее, не по-женски, и не понимал, что Марина хочет быть просто другом. Он как-то вообще не очень верил в дружбу между мужчиной и женщиной. Парень продолжал пребывать в уверенности, что Марина с ним заигрывает. А подводить Дэнва он не собирался — дал слово не «трогать» подружку его Машки. Сам ведь знал, что дольше, чем на неделю его не хватит. А вот Ланде в это верил. А еще он иногда совершал несколько иррациональные поступки, идя на поводу у своих чувств. Марину, эту веселую девушку с блестящими глазами, ему стало жаль. И он, сев перед ноутом, стоявшем на полу, и скрестив ноги по-турецки, напечатал ей ответ, не глядя на клавиатуру: «Хай, Марина! Прости, солнце, я был занят».

То, что ник, с которого отправлялись сообщения Ланде значился как «Черри», беловолосого парня не слишком волновало.

А Марина ответила достаточно быстро, как будто бы терпеливо ждала сообщения от парня.

Марина J: Ничего страшного) Чем ты занят?

Черри: Нервирую окружающих)))

Марина J: Правда?

Черри: Аха

Черри: Правда)

Марина J: Так у тебя все нормально? Не могу дозвониться до тебя…

Черри: Телефон сломан. А так все отлично! Был немного занят с братом. Этот гренадер достал меня по самые гланды.

Черри: Ты как? Окейно?

Она принялась печатать ответ.

Ланде, ожидая его, забрал ноут с роутером в свою комнату и продолжил достаточно увлеченно переписываться с Мариной. Он отлично мог подделывать стиль Черри. Ему, правда, было слегка неловко за то, что симпатичную и милую девушку с чуть задранным кверху носиком все время игнорирует зеленоволосый «олух». Одновременно с перепиской парень думал о том, что случилось с Денисом, но звонить пока не решался — если с другом случилось… то, о чем говорил вечно пьяный идиот Челка, то ему явно не до друзей.

Надо заметить, больше о Дэне Ланде и Черри никому не говорили.

А Челка поведал обо всем лишь подошедшим друзьям-одногруппникам, которые, справедливости ради надо заметить, и так подслушали половину разговора.

— И чего теперь он будет делать? — спросил кто-то из музыкантов.

— Жениться, — с отвращением ответили ему. — Или алименты платить.

— Так это еще доказать надо, что чилдрен — его. Анализы, все такое…

— Чилдрен — это не один ребенок, это несколько. Сплюнте! Дэнву такое не надо! — тут же сказал со ржачем кто-то, явно хорошо знакомый с английским языком.

— Он же Лаки Бой, его пронесет, — возразили ему.

— А может он сам захочет в загс валить?

— Точно, — заржал вдруг Челка, что у него на телефоне осталось то самое видео из «Алигьери», и его видели еще не все друзья-приятели. — Гляньте сюда, смотрите, какой Смерчуга клевый был, когда предложение по пьяни Машке делал! Это мы в «Чистилище» тусили. Весь народ угорал.

Парни тут же с интересом уставились в экран его мобильника.

— Только не базарьте про Дэна никому, — предупредил музыкантов Челка после того, как они, славно поржав, посмотрели то самое видео и поскачивали его к себе на телефоны через Блютуз. Ребята, словно болванчики, закивали и пообещали держать рты на замках.

Как ни трудно догадаться, обо всем случившимся довольно быстро стало известно большому количеству народа. Как это произошло, история вновь вынуждена умолчать. Но среди народа стали ходить самые интересные слухи, жаль, что до Смерча они так и не дошли.

Мы провели вместе неплохой день и вечер. Лера, которая, как оказалась, воистину была идеальной женщиной, сама приготовила вкусный ужин. Я вызвалась ей помогать, и мы, как подружки, проболтали на кухне обо всем на свете, к изумлению своего сыночка. А он, кстати, не просто так болтался на кухне, как это, к примеру, делает мой братец обычно, а тоже помогал, причем его помощь была куда более значимей, чем моя. А еще он не ныл и не канючил традиционные для голодных мужчин фразы: «Когда же будет еда-а-аа? Я голодный, сейчас умру. Чего вы там так долго возитесь?!». И этим заслужил мое молчаливое одобрение, хотя я видела, что его синие глаза явно были голодными. Умеет он все-таки скрывать свои

чувства. А еще умеет убалтывать. За время, проведенное в компании его и его матери, я наслушалась кучу забавных историй, так, что забыла о времени и от души насмеялась.

Лера, красиво сервировав стол, усадила нас с Дэном за него в большой комнате с камином, именуемой у них в доме столовой. Не смотря на то, что та женщина была вроде как женой состоятельного мужчины, она умела отлично готовить (как оказалось после, для этого даже проходила специальные курсы).

— К сожалению, наш папа в отлете, — объявила грустно Лера. — Этот его вечный бизнес, сделки, партнеры отнимают у него кучу времени, да, Денис?

Тот кивнул, отодвигая мне стул. Он вообще был галантным и куда-то далеко запрятал свои извращенско-лапательские наклонности и просто улыбался мне, а один раз, когда решил убрать с моих волос непонятно как попавший туда кусочек зеленого салата, коснулся мимоходом губами щеки, правда, не забыл при этом шепотом добавить:

— Тыква.

А Лера продолжала:

— Поэтому мы будем ужинать втроем. А вот, кстати, и наш папа. Смотри, Маша.

— Где? — удивилась я.

— На стене, на портрете, — рассмеялся Дэн, открывая по просьбе матери бутылку красного полусухого вина.

Я глянула на стену и уставилась на большой семейный портрет в тонкой золоченной раме. Маслом на нем были изображены Лера, такая же красивая, как и сейчас, только с куда более длинными волосами; щеголяющий своими ямочками на щеках от улыбки Денис в возрасте лет двенадцати — в это время он был уже красавчиком, и взгляд у него был озорной-озорной; а третьим человеком, изображенным рукой неизвестного, но крайне умелого мастера, был мужчина в деловом костюме и совершенно обычной, но приятной, даже, может быть, благородной внешности: кажется, высокий, крепкий, русоволосый, с небольшими залысинами и орлиным носом.

Мама, папа и их сын. Изображены во весь рост, сидя. Два поворота головы в три четверти и один анфас. Лера — счастливая, Денис — радостный, его отец — умиротворенный. Все они сидели на кожаном диване под открытым окном, из которого вырывались солнечные лучи, освещающие пространство и делающие лица членов семьи Смерчинских оживленными и светлыми. Казалось, что их семья — некий символ гармонии.

Я вновь перевела взгляд на лицо отца. Нет, все-таки, Дэнка пошел не в папу — это факт. Но и на мать он не похож. Может, он пошел в Даниила Юрьевича?

— Отличный портрет! — я решила щегольнуть своим образованием и выдала им все, что пришло мне в голову насчет работы: и про то, что внешнее сходство есть, и про то, что внутренний мир, характер похоже, переданы прекрасно, и про удачный фон, и про то, что мне вдруг этот портрет напомнил работы Ван Дэйка.

Мать и сын переглянулись и дружно рассмеялись, а после чего Лера предложила начать трапезу. Она же первой подняла бокал с темно-рубиновым вином, я последовала ее примеру, и мы выпили, как изящно выразилась женщина, за «огненноволосое чудо Дениса», то есть за

меня. От этого я даже смутилась. А Сморчок, поддержавший маму, довольствовался виноградным соком и лыбился, как конь из сказки про Алешу Поповича.

И как он только в тот раз с моими родственниками столько за столом просидел?

В конце ужина Дэн оставил нас одних на пару минут. Правда, я уже так привыкла к его матери, что воспринимала ее, как подружку. Иногда мне казалось, что и с сыном она старается общаться на равных.

— А ты мне нравишься, — дружелюбно глядя на меня, сказала Лера. — Очень милая. Очень. Я тебя не смущаю? Иногда, когда я выпью вина, я становлюсь очень общительной и говорю много. От шампанского и коктейлей такого эффекта нет, только от вина. Не знаю даже, почему. — Тебе понравилось у нас?

— Да. А еще вы… ты очень красивая! — честно сказала я ей. — И общаться с тобой здорово. Я бы не подумала, что у тебя есть такой взрослый сын.

Хозяйка дома кивнула.

— Спасибо, Маша, это хорошо. Чтобы быть женой обеспеченного и уважаемого человека из хорошей семьи, нужно приложить немало усилий, — слегка невесело отвечала она. — Я должна всегда быть на уровне. В наших кругах зачастую бывает так, что мужчин оценивают по толщине их бумажника, а женщин — по внешнему виду и умению эффектно подать себя. Приходиться стараться, детка. Чтобы быть на уровне, мне пришлось даже учить языки: английский и французский. Тогда Денис был еще маленьким, ему было лет девять или меньше, и мы начинали учиться у репетитора вместе. Было весело. Французскому нас учил настоящий парижанин. Наш папа его «выписал» его к нам. Мне тогда казалось даже, что мы живем в каком-нибудь XIX веке, в усадьбе.

Она улыбнулась, вспомнив что-то забавное.

— Ого, он уже тогда хотел выучить языки? — удивилась я, а мои головастик мигом нашли умельца-художника, который парой небрежных мазков изобразил мелкого Дэна, этакого хорошенького веснушчатого ботана с жутко умным лицом и в круглых очках. Я в 9 лет хотела только мультики смотреть и гулять с друзьями.

— Да, — кивнула его мама. — У него идея фикс была прямо. Денис всегда был умненьким. На собраниях никогда не краснела за него, хотя нет, краснела — когда его перехваливали. А это случалось очень часто. Но, знаешь, Маша, Денис никогда не зазнавался и не гордился. Ни своим положением, ни оценками, ни внешностью — да-да, я думаю, ты будешь согласна со мной, что он — красивый мальчик. — Она отпила глоток рубинового вина. — Мне кажется, иногда ему тяжело. С ним общается столько людей, и многие — я уверена — из-за его положения.

— Согласна. Согласна, что он красивый. — Сказала я, непонятно от чего занервничав, словно была ученым и пыталась доказать простые истины другому исследователю, не такому искушенному, как я. — И что вокруг него столько людей — тоже. Но, ты знаешь, твой сын — очень хороший человек. И люди его любят не за то, что он богат и щедр, и за то, что у него есть байк «Выфер», и крутой телефон, и ВИП-карта в лучший клуб города. Ну, за это тоже, любят, но больше — за его особенность. Дэн — особенный.

— Даже так?

— Так. — Сказала я сердито, потому что вовсе и не желала описывать Лере достоинства ее сыночка.

Она выпила немного вина.

— Хорошо, что ты так думаешь. Я хочу, чтобы Денис был счастлив. Знаешь, я, кажется, была не самой лучшей матерью, и им всегда занимались больше другие, чем я, — это факт. Но я, правда, хочу, чтобы мой мальчик был счастлив. Он ведь только внешне у меня такой сильный. — В ее голосе послышалась и нежность, и теплота, и даже легкая непонятная горечь, — но он ранимый, Маша, очень ранимый. Его жизнь не такая легкая, как может казаться со стороны. Знаешь, я часто посещала психоаналитика — одно время это было модно в наших кругах, а потом я поняла, что психоанализ мне и правда помогает. — Она отпила еще немного вина, помолчала и продолжила. — И как-то мой психоаналитик заметил, что веселые, активные люди, которым не сидится на одном месте, которые вечно чего-то ищут-ищут-ищут, с кем-то всегда общаются, излучают кучу энергии, участвуют в куче авантюр, люди, способные поднять настроение всему миру — зачастую очень несчастные. И их стремление быть яркими, окружать себя друзьями и подругами — всего лишь внутренняя игра. Замысловатая. Которая заглушает боль внутри и пустоту. Не дает возвращаться в себя. Дает возможность отвлечься от своих проблем.

Я машинально перевела взгляд на стул Смерча. К чему она клонит?

— Виктор Иванович — мой психоаналитик сказал это, когда был у нас дома — на званом вечере. — Продолжала мать моего любимого парня. — Когда увидел моего сына. Виктор Иванович уже довольно пожилой человек, профессор в университете, имеет ученую степень, миллион рекомендаций и кучу лет практики, проницателен до невозможности и умен. Я доверяю ему. Но я не знаю, как он это определил. Он просто смотрел на смеющегося Дэнси и говорил задумчиво мне эти слова. Сначала я рассердилась, а потом пришла к выводу, что Виктор Иванович прав. Дэнси, кажется, правда, такой — одинокий. Ищущий. Мечущийся. Поэтому я хочу сказать тебе, Маша, если он решил допустить тебя к себе так близко, что представил тебя родственникам как свою девушку — а Даниил Юрьевич вообще считает тебя едва ли не невестой — то ты должна быть по отношению к Дэнси честной. Хорошо?

— Я и так честная. Я никогда не вру и не обманываю. Ну, по-крупному, — вспомнилась мне моя собственная мама и ее наивная вера в то, что я случайно покрасила волосы в оранжевый, или в то, что я недавно якобы занималась в библиотеке. — Я могу обидеть людей своими резкими словами, я иногда несу чушь, — призналась я в порыве откровенности к этой женщине, задумчиво теребящей дорогую серьгу, — но я не предам.

— Хорошо. Наверное, я слишком рано завела этот разговор, но мое беспокойство о сыне — всегда со мной. Да и это вино… Да, психоаналитик был прав, Дэнси одинок, сам в себе запутался, и старается не думать о себе, чтобы заглушить все, что лежит на душе. Насколько вы близки? Он никогда не рассказывал тебе о…

Дальнейшее узнать в этот день мне было не сужено — нашему разговору помешал сам Денис. Он вернулся в столовую. Лера приложил палец к губам и шепнула:

— Потом.

Я кивнула, переваривая информацию. Вроде бы простые слова, но за душу задели. И что хотела рассказать мне хозяйка дома? Может быть, о тех самых двух потерях своего сына? И почему при Смерче нельзя? Блииин… Тролль и Черри не стали мне ничего рассказывать, а когда об

этом хотел сказать Дэн — я отказалась его слушать, послав его прошлое к Васе на бороду.

— Сплетничаете? — громко спросил Денни с напускной грозностью.

— Сплетничаем, — согласились мы хором.

— Обо мне? — уселся он на свое место — во главе стола.

«Типа, крутой», — сказали объевшиеся головастики.

— О тебе, ты же ужасно важная фигура. И о твоей подруге. Маша, Дэнси так давно девчонок домой не приводил. — Лера бросила слегка обеспокоенный взгляд на сына, — вернее, не приводил тех, с кем у его серьезные отношения. Потому я очень рада, что ты сегодня была с нами.

Я тоже была рада. И мне вовсе не хотелось уходить из дома Смерчинских — двухуровневого, огромного, элегантного, как и его хозяйка, и богатого — как хозяин, отец Дэна. Но уйти все же пришлось — не вовремя позвонила моя любимая мама, и потребовала, чтобы я немедленно шла домой. Лера с трудом отпустила нас — Дэн, естественно, вызвался меня проводить, и сказала на прощание, что будем рада видеть меня еще. Я буду тоже рада видеть ее.

В этот вечер я видела Дениса в последний раз, перед тем, как впасть в кому поганых чувств. И целовала с легкой душей — тоже. Зато в первый раз, около своего подъезда сказала ему веское: «Ты — мой».

Он согласился.

Нам было так хорошо в тот вечер, что я не стала расспрашивать его о прошлом — я эгоистично забыла про это.

Они ждали его с нетерпением. Все пятеро следили за входом в комплекс, где жил Денис Смерчинский. Он вышел оттуда в десятом часу и тут же сел в такси вместе со своей оранжевлаской.

Территория огромного современного жилого пятнадцатиэтажного элитного комплекса, в котором жил Смерч вместе со своими родителями, была обнесена по периметру двухметровым забором, напичканным камерами наружного и внутреннего наблюдения. Внутри комплекс охранялся, поэтому жильцы с чистой душой оставляли свой транспорт не только в подземной стоянке, но и на улице, не боясь, что с ним что-то случиться. Но вот за воротами этого дома было уже и не так безопасно, хотя район, где жили Смерчинские, считался одним из самых благополучных в городе. И Дениса нужно было поймать тогда, когда он будет за воротами и, желательно, подальше от них и камер наблюдения.

— Поперся на такси провожать свою оранжевую деваху, — неодобрительно качая головой, сказал Санек. — Девка — дура, без мазы.

— Ничего, фраерок наш вернется, тогда и поговорим. Будьте наготове, пацаны. — Сверкая влажными глазами, сказал Дикийи несколько раз чихнул и вновь стал кутаться в куртку. У него явно поднималась температура. Гера очень нехорошо на него взглянул, но промолчал. Никки просил просто избить фраерка, поэтому он набирал команду из левых парней. Дикого надо было не брать. Что-то с ним совсем плохо.

— Заболел? — сочувствием спросил у него приятель, чья любовная жизнь жала трещину после проделки Аньки. Дикий с плохо скрываемым раздражением посмотрел на него, но промолчал, грея ладони друг о друга, хотя на улице было достаточно тепло. Зато другой парень толкнул спрашивающего в бок:

— Идиот, ломка у него начинается. Не видишь что ли? Не лезь к нему, пока не снимется, злой будет.

— А чего он не примет ничего?

— А я-то откуда знаю, тля? Спроси. И долго нам фраера ждать? А если он сразу домой попрется, как приедет? Как мы его ловить будем?

— Эй, вы, — подал голос Дикий, — уроды, заткнитесь.

И он потер виски. Его тело начинало ломить именно с височной области.

— Если ты сейчас накосячишь, бабло не получишь, — вызверился Гера. — Понял?? И ширялово будешь брать где хочешь.

— Да все нормально, че ты… Все хорошо.

— Все хорошо у негра в заднице. Вот идиоты, — уже жалел Красная кепка, что связался с этими дебилами. Но Никки обещал хорошо заплатить, если это будет команда непрофессионалов. Кажись, он очень хотел, чтобы фраерок с «Выфером» подольше повалялся в больничке, но без особо серьезных травм.

— Дэнси, ты уже проводил свою девушку? — спросила на том конце провода Лера, позвонив сыну почти через 2 часа, после того, как тот ушел провожать свою апельсиноволосую подружку. Она пребывала в хорошем настроении, только что приняла ванну с маслами, созвонилась с мужем, который обещался скоро вернуться, включила легкую музыку и допивала вино, заедая его молочным шоколадом, хотя и не любила его.

— Да, мама. Почти дома. — Уже подъезжал к дому на такси Смерчинский. «Выфер» он попросил забрать Черри — тот как раз жил неподалеку в их общей с Ланде квартире.

— А она хорошая девушка. — Отозвалась Валерия. — Как ребенок еще, но искренняя. А ты ведь заешь, я хорошо чувствую людей. Маша тебе, правда, нравится?

— А ты сомневаешься?

— Нет, — рассмеялась женщина. — Иначе бы я не предложила ее позвать к нам. Жаль, отец не видел ее.

— Зато дед видел. — Невесело рассмеялся парень. Вспомнил, как через день Даниил Юрьевич перезвонил ему и долго расспрашивал про Бурундучка.

— Ах, это ее он видел? Твой брат говорил, что Даниил Юрьевич дал добро.

— Я без его «добра» делал бы все, что хотел.

— Я знаю. Это хорошо, что ты нашел себе хорошую девочку. Забыл Инну? — сама не зная, зачем, спросила Лера.

— Мама, — поморщился парень, глядя в темно-синее небо, на которое откуда ни возьмись, наплыл целый полк облаков, — давай не будем об этом?

— Я же за тебя беспокоюсь. И, кстати, может быть, тебе не стоит возвращаться в прошлое и ехать в этом году на…

Но сын перебил ее.

— Мам, послушай меня внимательно: я поеду, не нужно меня отговаривать, хорошо? Это, в первую очередь, уважение, а не возврат к прошлому. И я сам буду решать, что мне делать, ладно?

Ему явно не нравился этот разговор. Его мать это понимала и только вздохнула. Решила поговорить с ним об этом дома, с глазу на глаз.

— Ну ладно, малыш, не дуйся, — примирительно произнесла женщина и решила перевести тему. — Слушай, ты не мог бы купить мне шоколад? Горький весь кончился. А я так хочу именно горький шоколад… Я уже приняла ванну, и мне совсем не хочется выходить на улицу. Ты ведь еще на улице?

— На улице, — отозвался Денис, выходя из такси, молча расплачиваясь с усталым водителем и знаком показывая ему, что сдачи не надо. — Тебе твой любимый купить? Я сгоняю в супермаркет.

— Какой у меня сын зайка! — явно обрадовалась Лера. — Да, купи, ты же знаешь, какой именно я люблю. Купишь?

— Куплю, конечно.

— А Маша — все-таки милая девочка, — еще раз сказала сыну женщина. — Пусть почаще к нам приходит. И волосы у нее такие чудные, оранжевые. Такая «девочковая» девочка.

— Да, она невероятная. — Согласился Дэн. У него до сих пор чесались руки — так хотелось перекрасить глупого Чипа обратно.

Если бы Валерия знала, что ее маленькая просьба сможет навредит ее сыну, она никогда бы не попросила его купить шоколад, она сама бы выбежала на улицу, чтобы защитить. Жаль, что у нее так не появилось за эти годы таинственное, но часто правдивое материнское чутье.

А Денис, нисколько не ленясь, выполнил просьбу матери: пошел в ближайший гипермаркет. Надев большие мощные фиолетовые наушники и засунув руки в карманы он погрузился в мир музыки, созданный одним из его ближайших друзей. Этот друг находился сейчас где-то в своей студии в США, а Дэн шагал вперед, по тускло освещенной аллее, глядя вперед и не разрешая себе окунаться в какие-либо воспоминания: пятилетней ли давности они были, или пятнадцатилетней. У воспоминаний нет срока давности. Денис это ясно усвоил. Шоколад он купил быстро: и себе, и матери. И что-то еще купил, зачем — и сам не понял. Просто прогуливался по огромному магазину, вдоль полок, бросал что-то в тележку, ловил на себе восхищенные взгляды девушек, встретил приятеля из какой-то тусовки, мигом позвавшего его на очередную вечеринку 'сегодня в полночь'. Раньше, наверное, Дэн, не раздумывая, согласился на веселье — у него была необъяснимая потребность в ярких впечатлениях и знакомствах с новыми людьми. Но сегодня решил отказаться.

mir-knigi.org

— Зря отказываешься! Туса будет мега-гига-бест, — сказал ему с разочарованием знакомый, чья тележка была забита самым разнообразным алкоголем. — И телок много клеевых будет.

— Я — пас, — покачал головой Смерч, — сегодня я — пас. Удачной ночи, приятель. Гарантия от меня — она удастся.

И Дэн ушел в другую сторону. Настроение у него сейчас было не самым лучшим. Со Смерчем что-то происходило, уже довольно давно, — что-то глубокое и сильное, как мощное землетрясение. Видимо, подсознательно его внутреннее 'я' стремилось к чему-то новому, и для этого разрушало старое, чтобы очистить площадку для постройки этого самого неведомого нового. Может быть, из-за этого у Дениса и произошел сбой интуиции — а, может быть, специально для этого. Может быть, его удача на время сделала ноги, а, может быть, именно она стала инициатором произошедшего, чтобы вернуть своего подопечного-любимчика на правильный путь, предназначенный ему свыше. Молодой человек понял, что за ними сегодня все-таки следили, только когда уже шел обратно домой, по той же слабо освещенной аллейке, уже значительно опустевшей — было уже около полуночи. Зато теперь на ее территории ощутимо ощущался какой-то приятный горьковатый аромат ночного растения, и он вместе с темнотой умудрялся создавать атмосферу загадки.

Почему-то Дэн, полной грудью вдохнувший этот непонятный ночной аромат, почти сразу понял, что их пятеро. Ник же обещал: пять. Пять и один. На одного. А своих слов он на ветер не бросает.

Началось все вполне обычно. Совсем недалеко от неширокой дороги, по которой в это время суток мало кто ездил, под задумчивым фонарем, все никак не желавшим признать, что свет звезд более ярок, чем его собственный.

— Эй, тля, парень, есть прикурить? — гнусаво поинтересовались у Дэна. Из кустов, в которых пряталась деревянная резная лавочка, вышел слегка сутулый и совсем еще молодой парень в спортивном костюме. Смутные очертания фигур еще четверых тут же были замечены синими проницательными глазами

— Конечно, — дружелюбно улыбнулся Смерч, прекрасно понимая, что, скорее всего, как бы 'антигероично' это не звучало, но ему с ними не справиться. Пятеро на одного — не вариант для драки. Даже если этот один — боксер. Лучший выход в этой ситуации — убегать. Быстро и проворно.

— Вам зажигалку или спички? — все так же дружелюбно спросил Денис. — У меня есть линза, можем подождать солнца. Или, может быть, поищем кремний, чтобы высечь огонь?

— А? Че…? — растерялся парень от такого ответа и выдал. — Э, я не понял, ты чего такой дерзкий, а?

— Характер плохой, — сказал Денис, прекрасно осознавая, к чему приводят такие вот фразы. И тут же почти без размаха, ударил незнакомого парня кулаком в лицо. Не дожидаясь, пока соперник сообразит, что произошло, добавил правой в «солнечное» сплетение. Тот, не ожидавший подобной прыти от жертвы, упал, задохнувшись от боли.

'Кто первым вмазал по морде — тот почти победитель', - любил говорить самоуверенный Черри, во время дружеских спаррингов с Дэнвом в далеком подростковом возрасте.

Еще один резкий и хороший удар — и противник, начавший с матами подниматься, вновь оказался на земле. Пнув, для верности его еще раз, Смерч развернулся лицом к кустам, откуда

ломились на помощь выведенному из строя товарищу еще трое.

Четвертый, парень к красной кепке, на которого как раз падал слабый свет уличного тонкого фонаря, стоял за их спинами, засунув руки в карманы кожаной куртки.

Убегать всегда рациональный Дэнв не стал. Почему? Этого он не знал и сам. Хотя сначала планировал именно это. Да это было глупостью, но глупостью иррациональной, не поддающейся логическому осмыслению. Он остался, зная, что сегодня победителем не выйдет. Стоял, подобравшись, словно одинокий волк, угодивший в облаву, и смотрел на встретивших его на пустой аллее загонщиков: без страха, спокойно, принимая неизбежность того, что вот-вот случится, сосредоточившись только на одном желании: не позволить им морально сломать себя. Смерч не боялся боли и умел терпеть, да и болевой порог у него достаточно высок. Он не боялся показаться слабаком ни в глазах этих парней, ни и в глазах других людей. Денис боялся потерять самоуважение. Боялся увидеть в себе что-то, что заставит его принять поражение от самого себя, и заставит окунуться вновь в воспоминания. Наверное, поэтому и не сбежал. А еще на мгновение представил вдруг, что с ним, к примеру, сейчас оказалась бы девушка — Маша. Свалил ли бы он тогда? Конечно, нет! Это было бы просто невозможно, и он сделал бы все, лишь бы защитить ее от этих уродов. То, что сейчас Дэн один — не слишком важно, и чтобы ни сделали с ним эти пятеро, он обязан показать им свое морально превосходство.

Наверное, психоаналитик его матери был прав — Денис Смерчинский оказался чересчур сложной натурой. Возможно, ему надоело собственное существование, и он желал что-либо поменять в нем. Возможно, вдруг раскрылась природная черта — совершать неожиданные для других и для самого себя поступки, а, возможно, в его поступке были сокрыты еще какие-то тайные психологические мотивы, более глубокие, нежели возможность доказать свою мужскую крутость в драке.

Или он просто был идиотом.

Как бы то ни было, однако возможность убежать он глупо проигнорировал и остался.

— Ну ты встрял, придурок чертов, — ухмыляясь, поведал Смерчу один из парней, одетый в серую олимпийку с накинутым на голову капюшоном. Он был самым агрессивным, а глаза его странно блестели на заостренном бледном лице.

— Думаешь? — от избытка адреналина сердце Дэна застучало сильнее, словно в предвкушении новых ярких эмоций.

— Уверен.

— А я уверен, что встрял ты с дружками.

— Заткнись.

— Ну, поцик! Ты реально конкретненько так встрял, — подхватил его товарищ, помогая подняться побитому. — Ты, Nзапрещено цензуройN, щас землю жрать у меня будешь.

— Не буду, поверь, — уверенно отозвался Смерчинский. Он оценивающе оглядывал противников, выстаивая в уме схему защиты на первые пару минут нападения.

Женщина в вуали набросила на него прозрачную тонкую сеть полного сосредоточения. И его тело словно бы начало жить своей собственной жизнью. Подбородок слегка опущен. Ноги на ширине плеч и чуть согнуты в коленях. Отступ правой ногой на полшага назад, для удержания

равновесия. Руки на уровне середины груди.

«Ну что же, — появилась из ночной глади окутанная дымкой красноглазая госпожа в своей неизменной шляпке с вуалью, — повеселись. Ты ведь уже устал, не так ли? Доказывай».

Взмах ее тонкой белой руки — и перед Дэном появилась полупрозрачная красноватая линия: вертикальная и словно делящая его тело пополам.

«Твоя центральная линия, мальчик, дерзай».

«Отлично».

Они напали не так благородно, как в кино — не по одному, а все вместе, действуя вполне слаженно и грамотно.

Сместившись корпусом вправо, Денис ушел от первого удара, парировал второй, и следом осчастливил ближайшего противника парой хороших ударов по корпусу и животу. Не задерживаясь на хватавшем воздух гопнике, он подсечкой уронил на землю настырного «любителя покурить». Однако в этот момент в драку вступило новое лицо — парень в серой олипиийке. Видимо, решив, что столь резвую жертву надо немного стреножить, он со спины обхватил Дениса руками, сильно сдавив шею. Прорычав что-то неразборчивое, Дэн одновременно нанес удары задником кроссовка по голени гопника, возомнившего себя Голиафом, и затылком — в лицо нападавшего. Объятия разом ослабли, это позволило Дэну добавить удар локтями по корпусу «Голиафа», и теперь тот корчился, рыча и матерясь. На него напал четвертый парень, но он проигрывал молодому человеку в скорости, как и его вновь активизировавшийся товарищ в олимпийке.

Еще в начале драки Денис понял, что лидером в этой команде был скуластый парень в красной кепке и с болезненными слезящимися глазами, который участие в драке принимать не спешил. Знал — чтобы прекратить все происходящее необходимо как-то добраться до него и вырубить. Причем сделать это надо быстро, потому что долго ему, Дэну, не продержаться. Приняв решение, он ринулся в атаку. В отчаянном рывке он все же добрался до «красной кепки» и даже успел нанести тому серию ударов.

Однако в этот момент удача изменила ему. Его снова схватили — на этот уже двое. Тут же на лицо и корпус обрушился шквал ударов. В глазах потемнело от боли. Во рту он почувствовал знакомый вкус крови. Она всегда казалась Смерчу не железной, а сладкой, словно ванильной — и за это он терпеть не мог ваниль.

— Сссука, — раздалось над его ухом. — Не рыпайся!

— Привет тебе от Никки.

— Пошел… он… и вы…

Видя, что нога одного из противников приближается к его колену, Денис лишь успел инстинктивно дернуться в руках удерживающих его гопников, изменив этим самым положение тела, и удар пришелся в область голени, которая тут же взорвалась дикой болью. Это привело в ярость противников, и через секунду он получил неслабый удар под дых. Водитель авто делал все в точности, как хотел Никки. Этот лох должен оказаться где-нибудь в больничке, на пару недель, но без супер серьезных травм и повреждений.

— Держите урода, сейчас еще вломим, — прокричал кто-то.

Что произошло в голове Смерчинского в этот момент не понятно, но удары вызвали немного не тот эффект, на который рассчитывали «курьеры» привета от Кларского.

Денис вскинул голову и, жадно хватая ртом воздух, вдруг глухо, но эффектно расхохотался. Парни оцепенели. От неожиданности бить его перестали, а те двое, что удерживали его, и вовсе отпустили. По их мнению, Смерчинский обязан был упасть, но он удержался на ногах, а внезапно ставшие черными, глаза, медленно, как будто бы запоминая, внимательно вглядывались в лица парней.

— Че палишь? Мало вломили, Nзапрещено цензуройN? — спросил молодой человек в серой опимпийке. Наверное, он был самым злобным среди 'коллег' — ему достался от Смерча удар ногой в пах, хоть и совсем несильный, но крайне болезненный и на какое-то время выведший его из игры. — Иди сюда, милашка, иди. Я тебя закопаю.

— А вы не боитесь меня, мужики? — вытирая с губ кровь кулаком, спросил Денис. — Откуда вы знаете, кто я? И не будет ли вам потом плохо?

Он откровенно блефовал, и даже начал получать удовольствие от того, что в глазах противником появилось осторожное недоумение. Непонятно кого Никки не будет 'заказывать'.

— А кто ты? — спросил один из умников, сделавших невероятное по глупости утверждение, что Дэн — 'смотрящий' университета.

— Тот, из-за кого у вас будет куча неприятностей, — резко отозвался озлобленный Денис. — Я найду вас. Я запомнил каждого.

— Да пошел ты, — неуверенно начал один из молодых людей, не замечая, как делает шаг назад. Они избили его — а тот козел еще и выставляется? Что за мега гон? Почему он не боится, что они его сейчас уроют на фиг? Кто он, черт возьми?

— Завтра встретимся, — пообещал Смерч и, морщась от боли, произнес нараспев номер серебряного авто.

Парни дружно офигели.

— Раздражаешь, — сквозь зубы сказал обладатель красной кепки, выходя вперед. Он единственный не поддался на провокацию. — Скотина. Умный, типа? Запомнил каждого? Запомнил номер? А вот это ты зря.

— Точно, зря, — прошипел обладатель олимпийки — Дикий.

Его продолжало ломать, и, кажется, каждая кость разламывалась на части, глаза слезились, а от этого молодой человек все видел через пелену, искажавшую реальность.

— Никки — твой дружок? — все еще тяжело дыша, но улыбаясь, спросил Денис, — передай ему, что мы поговорим, как следует. Тебе ведь будет не в первой работать передастом, чувак?

— Передам. Передам, твою мать. Передам. А я это… запомнил твою подружку. Найду твою девчонку, поиграю с ней. Повеселюсь с этой кошечкой… А я знаю, кто ты. Знаю.

Его болезненное, искаженное наркотиками, воображение вдруг представило окровавленного, но несломленного Дениса в виде таинственного врага, готового изощренно убивать. Иногда этому парню казалось, что за ним тайно наблюдают, хотят что-то с ним сделать, убить,

mir-knigi.org

сломить, пытать. И в эту минуту, после своих слов о номере тачки, Дэн стал для него олицетворением этого самого тайного врага.

Вместе с ломкой костей Дикий, еще пару часов назад бывший совершенно нормальным человеком, почувствовал прилив животного страха, неудержимо заставляющего бежать. Или яростно защищаться, чтобы выжить. Инстинкты молодого человека, перепуганные неправильным восприятием реальности, кричали: «Убей его! Убей его. Иначе он убьет тебя!».

Парень медленно надвигался на Смерча, засунув руку в карман и не сводя с него больших глаз с покрасневшими белками глаз.

— Давно за мной следишь, падаль? — прошипел он. Теперь ему казалось, что все они находятся не на полутемной городской аллее, где утром и днем гуляют дети, мамочки с колясками и парочки, а где-то наверху, на волшебных грозных облаках, в окружении божественного сурового пейзажа компьютерных игр. На Дэне были черные латы и черный шлем с едва горящим числом '666', а на нем самом — белые с серебряным сиянием доспехи.

Дикий полностью перестал воспринимать реальность — его организм слишком сильно требовал новую дозу наркотиков, и центральная нервная система ничего не могла сделать с этими отчаянными требованиями. Ее нейроны были множество раз жестко обмануты молекулами морфия, прикидывающимися нейромедиаторами.

— Ненавижу тебя, — прошептал парень, сбрасывая капюшн олимпийки с головы — ему казалось, что он откинул свое белоснежное забрало.

Нож в руке был принят им за благословенное копье.

— Эй! Не надо! — попытался перехватить его руку один из гопников, понявший, что приятель желает сделать, но у него это не получилось.

— Пошел вон, не мешай мне!! — заорал наркоман, яростно размахивая ножом — и парни отскочили от него. — Все пошли вон! Вы не понимаете, ослы, кто он!!

— N3апрещено цензуройN! Остановите его!!

— Ты чего творишь!! Стой, твою мать!

Парень с высокими скулами никого не слушал, а подходил к Дэну, которому некуда было бежать.

Удар.

Смерч увернулся, и нож лишь слегка задел его плечо.

Еще удар.

Второй раз ему тоже повезло — лезвие черкануло по боку, порвав ткань и распоров кожу.

«Рана не глубокая, но кровоточить будет сильно», — мелькнула мысль. — «А, не страшно…».

Третий удар.

Однако, несмотря на все мистическое счастье числа «три», именно в этот третий раз Дэна покинули последние остатки удачи. Он и сам не понял, как лезвие ножа примерно наполовину

погрузилось в его тело.

Вероятно, четвертый удар поставил бы последнюю точку в жизни Дэна, но парни все же скрутили обладателя ножа. Кто-то вырвал оружие из его рук, на которых вены грозились вот-вот разорваться. Кто-то склонился озадаченно над упавшим на бок Дэном, находившимся еще в сознании. Он молчал. Сквозь пальцы бледной ладони, зажимающей рану на животе, сочилась кровь.

'Молчи, терпи', - сказала неподвижному Денису, которому казалось, что он сейчас вот-вот от жгущей боли потеряет сознание, элегантная женщина в шляпке. Ее красные глаза поблескивали. Она наклонилась к парню и выдохнула на него густой серебряный дым, в котором поблескивали миниатюрные блестки.

'Скоро все закончится, — женщина поладила его по лицу, — не смей никого вспоминать'.

И она погрозила тонким пальцем с длинным острым ногтем хохочущему Дикому. Тот явственно увидел перед собой эту величественную женщину в черном бархатном платье, и, если бы его не удерживали друзья, упал на землю.

— Ты… кто? — хрипло спросил он у нее. — Ты кто такая?

Женщина тонко улыбнулась ему и, пожав плечами, облизала раздвоенным языком красивые полные губы. Дикий закричал.

— Пацаны, у него глюки поперли!! Сумасшедший кретин!!

— Ты че наделал?! Да ты его порешил, дура ты тупая!! — заорал один из перепуганных парней в спортивном костюме на обмякшего вмиг любителя наркотиков.

— Никки сказал же, чтоб мы его просто избили, а не пришили! Чего делать-то? — вновь взял роль командира на себя офигевший Гера. — Так, пацаны, делаем ноги. Быстро!

— А бабло и мобила?

— Да по хрену на них! Сваливаем!

— Так может, 'скорую' ему вызвать? — спросил один из молодых людей, с ужасом и сочувствием глядя прямо в глаза Дэна, полные боли. Он не мог отвести взгляд от этих синих глаз.

— N3апрещено цензуройN, какую скорую?? Сваливаем! Все, быстро, сваливаем! Пока свидетелей и ментов нет! Саня, козел, отойди от него, сматываемся!

— Не ходи за мной, не ходи!! — почти завизжал наркоман, еще больше перепугав тащивших его друзей, не забывших прихватить с собой нож и его кепку — чтобы не оставлять следов. — Не смей ходить за мной! Я тебя убью! Как его, так и тебя! Всех вас убью!

Денис закрыл глаза. Сознание, наконец, померкло.

Женщина, откинув вуаль, поцеловала его в лоб: то ли холодный, то ли горячий.

Маша, проснувшаяся вдруг в своей комнате, испуганно вздрогнула — ей показалось, что случилось что-то плохое. Она помахала лохматой головой и уставилась в окно — луна

mir-knigi.org

показалась ей какой-то особенно злой и красноой, словно обрызганной кровью. Девушка с глухо бьющимся сердцем, перевернулась на другой бок, подумала немного и послала зачем-то Денису сообщение:

'Сморчок, чем занимаешься? С тобой все хорошо?'.

Он не ответил, и обеспокоенная Маша позвонила ему, словно кто-то нашептывал ей сделать это. Фея, сидевшая на подоконнике, облегченно вздохнула сквозь пахнущие ванилью слезы.

Она точно знала, что ваниль для Дениса — символ красного цвета.

Петр на своей фиолетовой спортивной машине быстро подъезжал к дому Смерчинских. Ему необходимо было прямо сейчас забрать кое-какие документы, что оставил ему дядя, отец Дэна, и отвезти их деду. Даниил Юрьевич должен был вот-вот появиться в городе, и ему эти документы требовались невероятно срочно — решался какой-то важный вопрос о партнерстве с крупной забугорной компанией.

— Возьмешь и срочно вези ко мне. — Говорил Даниил Юрьевич по телефону грозным и деловитым одновременно голосом. — Лера знает, где они лежат, и отдаст их тебе. Я ей уже перезвонил. Возьмешь и срочно вези ко мне. Это важные данные. Потеряешь или опоздаешь — я исключу тебя из списка наследников. Я не шучу, мальчик мой. Все уяснил? Ты и так много косяков в последнее время сделал

— Я все сделаю, не беспокойся. — Сказал ему внук и почти сразу же сел в машину.

Молодой человек в очках решил совместить приятное с полезным. Он заберет не только документы, но и поговорит со своим братцем, чтобы найти беглянку по имени Лидия, которая так его заинтересовала. До этого у Петра были большие напряги как с Даниилом Юрьевичем, так и с Мартом, и времени на девушку совсем не было. Эта пугливая малышка Лида, назвавшая его красивым и хорошим, ведь, кажется, учиться вместе с его Марией. Раз так, то Денис сможет найти ему, Петру, адресок и телефончик высокой брюнетки. Честно говоря, парню в очках не слишком хотелось просить о помощи двоюродного брата, но ему было в лом да и некогда приезжать в университет и выяснять данные всех одногруппников или подруг Маши Бурундуковой. Через Дэна все должно было получиться гораздо быстрее.

Да, он точно отыщет глупую Лиду. Пока что он не торопится — он вообще выдержан и спокоен, к тому же эта девчонка от него больше не убежит. Из города она никуда не денется, и для нее будет большим сюрпризом увидеть его у себя на пороге.

Петр все еще очень хотел, чтобы она, высокая и кажущаяся сильной, но такая слабая и беспомощная, оказалась рядом с ним (а лучше — под) на удобном диванчике в его кабинете.

Молодой человек осторожно, из-за лежачего полицейского, повернул на пустую дорогу, ведущую к комплексу, где жили брат и дядя. Он был вполне доволен жизнью, пока около небольшой темной аллейки ему наперерез через проезжую часть не кинулся какой-то парень. Смерчинский едва сумел затормозить перед ним.

— Самоубийца? — открыл окно Петр, окидывая злобным взглядом идиота в спортивном костюме, лохматого, худощавого, с рассеченной губой и широко открытыми глазами, под одним из которых наливался синяк. Этот парень тотчас напомнил ему молодого гопника из подворотни. Петр оказался недалек от истины — это был один из тех пятерых людей, что должны были по приказу Ника избить Дэна. Именно он попросил у Смерча закурить, и был

отправлен им в нокаут. Тот молодой человек был самым младшим в компании, и, наверное, самым неиспорченным. Он не смог бросить умирающего человека и вернулся.

— Проваливай с дороги, — велел Петр, держа себя в руках. — Или я сейчас выйду, и тебе будет несладко.

Парень его не послушал. Наоборот, пристал с глупой просьбой.

— Слушай, брат, помоги, там человеку плохо, его того… избили. Надо бы 'скорую' вызвать, а у меня мобила села!

— Прости, я тороплюсь. — Сказал Петр равнодушно. — Пока.

Ему было безразлично на какие-то там местные разборки гопарей, побитых кретинов и даже бездомных собачек, и он завел мотор автомобиля.

— Стой! А если бы там твой брат был или отец! — заорал парень вслед автомобилю. — Ты придурок! Вызови «скорую» и проваливай!

Петр услышал эту фразу, вновь остановился, проехав пару метров, и высунулся в окно.

— Ты меня развести хочешь? Мальчик, не зарывайся.

— Да там, правда, парень раненный, — ткнул рукой в сторону аллейки парень. — Сходи, посмотри, раз не веришь! Или просто вызови 'скорую'!

Смерчинский-младший потом несколько раз думал, что едва не попал в ситуацию, в которой был небезызвестный человек-паук, не спасший собственного дядю, и при этом каждый раз ухмылялся, как сытый сыч, потому что его все же подобное миновало.

Вообще-то он действительно по доброте душевной и великой собирался вызвать парнишке 'скорую' и свалить подальше, как его привлекла знакомая мелодия телефонного звонка. Где-то вдалеке, едва слышно, заиграла песня рок-группы «На краю»: песня ритмичная, динамичная, яростная. У Петра и Дениса музыкальные вкусы, как ни удивительно, совпадали, и тот тоже слушал и метал, и индастраил, и рок, и даже бесбашенный панк.

То, что сейчас играло, стояло и на звонке у его сумасшедшего кузена. А Лера, которой вежливый Петр как раз недавно звонил, предупреждая о том, что заедет, обмолвилась, что ее сыночек поперся в супермаркет. Ближайший супермаркет находился как раз за этой драной аллейкой.

В умной голове Петра тут же простроилась нехитрая логическая цепочка. Недолго думая, он вылез из тачки и, ошарашив своим поведением просящего помощи парня, побежал по направлению к аллейке. Тот кинулся следом за ним.

Смерча они нашли почти сразу.

Это, и правда, играл его телефон: прямо-таки захлебывался звуками тяжелого рока и сильным голосом солиста, скримом кричащего что-то о ярости и злости богов. А сам Дэн лежал недалеко от дороги, около кустов, на боку, не реагируя ни на что.

Петр похолодел. Поправил очки на переносице. Окликнул родственника. Да, это, действительно, был его долбаный брат! Помешанная скотина, которую иногда хотелось

mir-knigi.org

удушить собственными руками! Сволочь, забравшая в свои лапы всю семейную удачу и так и норовившая выпендриться. Тварь, в которой текла та же кровь, что и в нем самом.

Молодой человек опустился на колени рядом с Дэнвом.

— Эй, Денис, — коснулся плеча неподвижно лежащего брата Петр, понимая, что у него от ужаса едва заметно дрожат пальцы. А раньше он считал себя вполне хладнокровным. — Эй! Хватит притворяться и вставай. Вставай. — Его голос стал еще более обеспокоенным. Кузен не поднимался. Мало того, он даже не двигался и глаз не отрывал.

— Да он в отключке, — встрял парень, от нетерпения пританцовывая и все время оглядываясь.

— Заткнись.

Петр взял руку Дениса в свою, проверяя пульс — он был слабым, но все-таки был, и осторожно повернул темноволосую голову брата к себе. В слабом свете уличных фонарей молодой человек заметил, что Дэн как-то подозрительно бледен, а темно-серая тень от длинных ресниц его закрытых глаз только подчеркивает бледность лица.

— Я же сказал, его…

— Я же сказал: заткнись.

Петр перевел взгляд ниже. На ярко-оранжевой футболке виднелись темно-алые пятна. Эти пятна имели и продолжение — блестели под фонарем на асфальте. Они же были и на ладони Дэна, зажимавшего рану на животе.

— Если ты подохнешь раньше меня, я тебя убью, — сказал второй Смерчинский, не осознавая глупости своей фразы и сжимая пальцы на запястье руки Дениса, словно это могло ему помочь. — Вот же ты дебил. Всегда был дебилом.

Петр одной рукой достал телефон и кинул его перепуганному парню в спортивном костюме, стоящему сзади.

— Вызывай 'скорую', придурок. Быстрее вызывай! Нет, отдай мне, я сам вызову! Эй, ты, держись. Денис, держись. У деда большое наследство, ты же хочешь получить его часть? Держись.

До того Петя никогда не думал о том, что кто-то из его близких может умереть раньше него самого.

Кажется, это было совсем не прикольно.

«Скорая» приехала удивительно быстро — пара минут, и вдалеке послышалась встревоженная серена. Петр облегченно вздохнул. Спустя уже несколько секунд после звонка, где в приказном тоне он сообщил оператору, чтобы тот немедленно присылал карету скорой помощи на ножевое ранение, Смерчинскому показалось, что лучше надо было самому везти брата на тачке в больницу. Но он не был так эрудирован, как Денис, и не знал, вернее, никогда и не интересовался, что делать с людьми, раненными в живот и валяющимися в бессознанке. И боялся навредить своими действиями.

— Как там тебя? — обратился он глухо к гопнику, маячившему рядом.

mir-knigi.org

— Саня.

— Саня, приведи их сюда, живо, — сказал Петр перепуганному парнишке, поняв, что «скорая» совсем недалеко.

Тот мигом кинулся исполнять приказ-просьбу. К тому же он был перепуган — боялся, что чувак, которого они с пацанами хотели избить, откинет копыта прямо здесь и прямо сейчас. А убийцей юный гопник становиться не хотел. Даже подумал — зачем он вообще связался с Герой? Тот вчера с вечерка собрал пару мужиков, чтобы выполнить указание Никки — отделать лоха. Позвал и его. Парень по кличке Дикий случайно попал в эту компанию, был чьим-то хорошим корешом. И оказался бешенным нариком. Стал ловить глюки и воткнул нож в чувака! Гера был в бешенстве, остальные тоже оказались не рады такому поворотцу. Когда запрыгнули в тачку, грозились белого, как мел, Дикого, отпинать или даже утопить, а тот только ржал и показывал куда-то пальцем. Типа, за ним идет какая-то телка. Сам же Саня был напуган. Парня-то бросили умирать, если он еще не загнулся!

Они проехали пару остановок, и Саня попросил остановиться — сказал пацанам, что здесь живет друган. Они поверили, и Гера отпустил его, приказав отсидеться у другана. Им просто-напросто было плевать, и единственное, что их беспокоило — как не запалиться и получше спрятаться. Он вышел и бегом бросился обратно к скверу. По дороге дрожащими пальцами стал звонить в «скорую», а его мобила села. Поэтому и стал ловить машины — пара из них проехали мимо, поэтому к спортивной «Мазде» он бросился наперерез, как будто бы его кто-то подтолкнул на это.

Сейчас Саня, отчего-то изредка касаясь рукой с отбитыми костяшками до груди, где под спортивным костюмом прятался маленький серебряный крестик, подаренный в далеком детстве заботливой бабушкой, вновь оказался около дороги. Он увидел карету скорой помощи и привел деловитых людей в белых халатах к месту происшествия. Парень из крутой «Mazda RX-8» — Саня мечтал о такой машинке, поэтому и узнал ее влет — до сих пор сидел рядом с раненым и что-то очень тихо говорил ему.

— Ну, где там чего? — первым подала голос женщина-врач. — А, вижу-вижу. Так, молодой человек, отойдите подальше. Мне его осмотреть нужно.

Петр послушался, поднялся и отошел. Лишних вопросов не задавал, только пристально наблюдал за действиями медиков.

Врач склонилась на Дэном, быстрыми движениями проверила пульс, реакцию зрачков на свет, внимательно осмотрела рану, покачала головой, но сказала, что реанимация не нужна, но «парня надо срочно доставить в хирургическое отделение». Она что-то тихо сказала двум молчаливым сосредоточенным фельдшерам, те что-то ответили.

— Хорошо… Грузим его, ребята, — сказала врач двум молчаливым фельдшерам, — осторожнее, это вам не кусок колбасы.

Петр внимательно следил за действиями работников скорой помощи.

— Я с вами, — тоном, не терпящим возражения, сказал он. — Этой мой родственник. Брат.

— В кабину.

— Куда едем?

— БСМП, — коротко отвечала врач, — как раз близко.

Неподвижного Дениса осторожно подняли на носилки.

— Я пойду? — спросил Саня, теребя рукава спортивного костюма. Ему было неуютно.

— Проваливай, — сквозь зубы выдавил Петр, которому не было дело до незнакомца, однако прежде, чем скрыться в «скорой», он вручил парню, обалдевшему от такого количества событий, свою визитку. — Позвони завтра. Отблагодарю.

— Ага… Вы, правда, братаны? — спросил тот, хлопая глазами.

— Нет, мы веселые сестрички. — С этими словами Петр залез в автомобиль. Дэн лежал там, на спине, очень бледный, с посеревшими полуоткрытыми губами, с почти не вздымающейся грудью.

«Черт, дед теперь меня точно наследства лишит», — подумал про себя отстраненно Петр, вспомнив, что забыл эти самые важные документы, которые следовало бы забрать. Он перевел взгляд со своей перепачканной кровью одежды на брата, над которым склонилась врач. Взгляд ее и без того усталых глаз становился все более и более обеспокоенным.

— В хирургию? — вновь коротко спросил Смерчинский.

— Да. И на переливание его, срочно.

«Вот козел же ты, Денис, воистину козел и никто более. Держись, и я тебе это лично скажу».

Саня проводил машину с мигалкой облегченным взглядом, сжимая одной рукой визитку, а другой, даже не замечая этого, касаясь груди — того места кофты, под которым был спрятан крестик. Серебро на коже словно накалилось, обжигая ее — всего лишь на пару мгновений, зато ощутимо.

Кажется, он все сделал правильно.

На огромном широкоформатном экране в темном зале кинотеатра показывали внеплановый фильм: сначала он был черно-белым, изображение его рябило и изредка пропадало куда-то, а звук шипел и не всегда был понятным. Но ситуация менялась. Чем ближе Денис приближался к экрану, тем более ярким и цветным становилось изображение, четче и громче слышался звук. Когда молодой человек, не сводящий глаз с происходящего на экране, оказался на первом ряду, то изображение стало объемным, словно он надел 3D-очки, а звуковая дорожка плавно и нежно, словно морская волна, переместилась в его голову.

Дэн остался сидеть на первом ряду и, слегка запрокинув голову, жадными большими глазами невыросшего ребенка смотрел вперед, как любитель хорошего кино на редкие, никому не известные кадры самого Хичкока. Правда то, что показывал этот кинотеатр не имело ничего с фильмами «короля ужасов», а скорее походило на романтическую красивую ленту.

Бело-голубая комната, очень светлая и большая, с огромными открытыми окнами, выходящими на чудное лазурное море и зависшее над ним небо с белоснежными забавными облаками, похожими на причудливые узоры зубной пасты, которую какой-то шутник выдавил из тюбика прямо на небо. Посредине комнаты возвышалась кровать с высоким пологом — и тонкие прозрачные шторки цвета светло-лилового лотоса, обрамляющие кровать у изголовья и в ногах,

колыхались в такт южному приветливому ветру. Под ними, дружно вдыхая морской свежий аромат и запах друг друга, находились двое, еще не самодовольные взрослые, но уже и не беспечные дети. Им было лет шестнадцать-семнадцать, не больше: темноволосый без преувеличения красивый парень лет с голым торсом и светловолосая девушка с обнаженными плечами, закутавшаяся в легкую белую простыню. Он лежал на животе, подперев подбородок руками, и болтал в воздухе ногами, а она полусидела рядом, повернувшись к нему лицом, и расчесывала влажные после душа волосы.

— Инн?

— Ммм?

— Ты не жалеешь?

— О чем это? — большие голубые глаза ожившей куклы-модницы со смехом посмотрели на молодого человека.

— О нас.

— Нет. А надо?

— Не надо. — Парень резво поднялся и сел рядом. — Хочу на море. В воду. Пойдем?

— Пойдем, подожди немного. А! Я хотела спросить. Мой мишка…

— Что? — подался вперед с живым интересом собеседник светловолосой девушки.

— Мне всегда было интересно…

Она провела тонким загорелым пальчиком по его шее, на которой была вытатуирована замысловатая черно-зеленая верткая ящерица, и улыбалась.

— Откуда это у тебя?

— Не помню точно, — честно признался парень, ласково глядя на девушк. — В прошлом году Черри решил прикольнуться и напоил меня. Сильно. Нереально сильно. А потом, кажется, мы оказались в тату-салоне. Втроем, с нами еще Ланде был. У Черри появились новые tattoo на руке, у меня, — он мимолетом коснулся своей шеи указательным пальцем, — здесь, а у Ланде… У Ланде… — Парень замолчал и, не выдержав, задорно засмеялся. Словно вспомнил неприлично-забавное.

— Где? — потрясла его за плечо девушка. — Я не видела у него тату! Где? Ну, где? Скажиии, Смерчик!

— Ты и не должна видеть ее, — в голос расхохотался парень. — А если бы видела, — тут он близко наклонился к ее лицу и сузил синие, как то самое море, глаза, — если бы видела, я бы тут же принялся тебя ревновать к нему!

— Вот как? Ну где у него татуировка? — играя, надула губки девушка. — Ну ска-а-ажи! Скажи мне!

— Что сказать?

— Где?

— Давай, я лучше скажу «как»?

— Что «как»? — не поняла она.

— Как сильно я тебя люблю? — лукаво предложил темноволосый, притягивая девушку к себе. — Что ты хочешь услышать больше? То, где у Ланде тату или мои слова о любви.

Инна, конечно, выбрала последнее.

— Пошли на море, пошли, — поторопил девушку синеглазый. — Иначе придут твои родители или сестренка. Малышка Князь опять начнет…

— Эй, не называй так мою близняшку, — хлопнула его по плечу девушка. — Она обижается!

— Ладно, ладно, не буду. Даю слово, Инна. Правда.

— Ну хорошо, я верю. А, Смерчик, Олька сказала, что она с твоим братом ходила на свидание вчера. И сегодня он ее позвал. А еще ее и Черри позвал.

— Вау, а она не теряется, — рассмеялся парень. — По секрету, на нее еще Ланде заглядывается. А, по-моему, ей просто нравится с парнями играть, твое сестре. Без обид только. Просто вы такие разные. Одинаковые и разные.

— Оля такая, какая есть. Но Микаэля мне жалко. Он такой хороший. Скажи ему, что Оля… не для него. — Вздохнула Инна. — Денис, почему у меня в голове туман, когда ты рядом?

— Потому что я крут? У меня тоже туман — во всем теле. И я уже не хочу на море. Моя Лазурная. — Прошептал юноша и обнял девушку. А она первой поцеловала своего любимого. Ей всегда казалось, что его губы имеют ванильный привкус. Поэтому она всегда выбирала ванильные духи.

Дэн, сидящий сейчас в зале, помнил это, но никогда не говорил своей первой девушке о том, что ненавидит этот запах. Он сидел и, не мигая и сцепив до боли пальцы рук, глядел на экран: на нее, на себя. На них.

Камера сместилась вправо — к распахнутому окну, небо в котором начинало озаряться пока еще бледными мазками красно-оранжевого заката, а потом быстро ушла вниз. И последним, что видел Смерч, была белая простыня, плавно упавшая на пол.

После этого кто-то нажал на «стоп-кадр» и изображение остановилось.

— Эй, верните фильм! — крикнул Смерч в пустоту, и его голос эхом отразился в зале. — Включите его вновь!

— Зачем тебе возвращать его, Денис? — спросил приглушенный девичий голос рядом, слева. Такой же, как в романтическом фильме, только куда более печальный. Парень вздрогнул и перевел взгляд в ту сторону. Через пару кресел от него сидела высокая тонкая девушка с длинными, по пояс, светлыми волосами. Одета она была в белое простое подвенечное платье, на голове красовался простой венок и ромашек.

— Ты…? — прошептал Денис, больше не чувствуя сердца, и вскочил. — Ты… это ты?! Ты пришла ко мне? Инна!

В его голосе слышались и давняя глубокая, как Марианская впадина, боль, и животный страх,

и дикая ненависть к себе, и ярая нежность, и испуганное непонимание, и огромная обида. Он не понимал, то ли спит, то ли находится в сознании, но в другой реальности. Но точно знал, что, возможно, это последний шанс увидеться с ней. Все объяснить, попросить прощения, запомнить ее лицо.

— Я скучал по тебе. — Дэнни сделал пару шагов. Белки его глаз покрыла тонкая красная сеточка, и от этого синева радужек стала более заметной. — Мне так плохо было без тебя. Девочка моя… Прости меня.

— Я тоже… скучаю. И мне плохо. Я по всем скучала. Но не подходи ко мне. — Решительно сказала девушка, сама едва сдерживаясь от слез и неожиданных действий. — Ты не можешь ко мне подойти. Сядь обратно. А лучше всего выходи отсюда. Из… кинотеатра.

— Я тебя не оставлю!! Выходи вместе со мной!

— Я могу уйти, но только не туда, куда нужно идти тебе. — Шепнула Инна печально.

Дэн не послушал ее и попробовал обнять, но между ними словно выросла невидимая, но плотная стена.

— Ты все такой же, — с любовью сказала она. — Ничуть не вырос. Глупый.

— Эй! Так несправедливо! Я хочу к тебе! — закричал он на весь зал, пытаясь преодолеть препятствие. — Возьми меня с собой! Не уходи! Я там устал.

— Уверен?

— Я… Не знаю. — Кажется, Смерч растерялся.

— Есть то, что тебя держит. И это хорошо.

— Хорошо, — эхом раздался шепот Дениса. Его, действительно, кое-что держало.

После этих слов застывший экран вновь ожил, и на нем появилась яркая весенняя зелень, а потом и темно-коричневое здание с рядом высоких окон. Около одного из них стоял Дэн и с любопытством смотрел вверх — на девушку в джинсах, сидевшую на подоконнике. Кажется, она готовилась спрыгнуть вниз, но чего-то боялась и сердито выговаривала Дэну.

— Давай быстрее, Бурундук. Нам много всего нужно обсудить.

— Сейчас я спущусь и убью тебя.

Веселый парень помог спуститься девушке.

— Какая-то ты худая.

— Разве это плохо?

— Вообще-то хорошо, только там, где у женщин по идее должны быть округлые формы, у тебя почти ничего нет.

— Ты! Совсем обнаглел?

— А я здесь причем? Капусты ешь больше — так вроде в народе говорят… А, если хочешь, могу

познакомить тебя с классным женским тренером, чтобы он тебе для увеличения, где нужно, упражнения подобрал. А еще есть одежда специальная…

Лицо светленькой девушки стало озлобленным и от этого милым одновременно. Ее живая непосредственная мимика всегда заставляла его улыбаться.

Денис, не выдержал, и вдруг тихо засмеялся. Он специально дразнил тогда эту мелкую дурочку. Это было так здорово — заигрывать с ней так. А потом вдруг неожиданно оказалось, что Марья — тоже девушка, а не просто партнер и «свой парень». Она вполне интересная девушка, которая умеет быть и женственной, и властной, и милой, и ласковой, и вызывающей желание. И волосы она так забавно покрасила. В оранжевый. Маленькая глупышка.

Ее бы еще надо перекрасить. Сама-то не догадается. И в горы ее так никто не отвезет. И защитить от Ника будет некому. Малышка… Его собственная и неповторимая, которая вот-вот вырастет. И ей в этом нужно немного помочь.

Сердце парня вновь наполнилось нежностью — новой, ясной, чувственной, очень тонкой, как утонченный аромат дорогих духов на запястье красивой женщины. Но тут же все пропало — он вновь увидел невероятно голубые сейчас глаза Инны.

— Подумай хорошенько. — Тихо сказала девушка в платье невесты, которое вдруг начало темнеть и приобрело нежно-аквамариновый оттенок. — Я многого не успела сделать. Ты тоже. Ты будешь жалеть об этом.

— Хочу к тебе.

— Я тоже. Но нельзя. Нельзя.

— Я виноват, девочка моя, я виноват перед тобой. — Денис замолчал, судорожно вдыхая воздух.

— Нет.

— Виноват. И я боюсь тебя предать. Опять оказаться виноватым. — Отозвался он едва слышно и сжатым кулаком ударил по одному из кресел. — Я чувствую себя скотом. Когда она, — Денис кивнул на вновь застывший экран с изображением Марии, — рядом, я чувствую что могу предать тебя. Так что ли… Да, так. И одновременно ее — чувствами к тебе. А ее я не хочу обижать. Невероятно, но она стала мне дорога. Прости меня. И возьми меня с собой. Я устал.

— Я знаю. Я вижу это. Что она дорога тебе. И это очень хорошо, что ты встретил ее, Денис, — отозвалась девушка, расправляя складки на подвенечном платье, которое теперь стало нежно-голубым. — Проверь, все хорошо. Здесь все по-другому. У нас все воспринимается по-другому. Мы были вместе — но это изначально было неправильно. Ты устал? Ты отдохни, милый, просто отдохни немного и вновь продолжай жить.

— Я боюсь. Запутался. Помоги мне, моя Лазурная.

— Ты все правильно делаешь, мой Смерчик, — сказала девушка. — Так и должно было быть. Думаешь, несправедливо? Каждый из нас в этой жизни отрабатывает долги прошлой. То, что произошло, было закономерностью прошлого. Я получила по заслугам. А ты должен… Ты сам знаешь, что должен сделать.

Ее наряд менял цвет, и теперь больше не походил на свадебное платье. Скорее на летнее

mir-knigi.org

легкое одеяние. Как только оно стало насыщенного лазурного цвета, девушка вдруг вздрогнула и стала медленно растворяться в воздухе.

— Последних три вопроса, — едва шевеля почти синими губами, произнес Дэн. Понял, что она сейчас исчезнет.

— Давай. Говори.

— Ты меня любила?

— Конечно.

Он кивнул, собираясь с мыслями.

— И я тебя. Я… так поступил. Но я не хотел.

— Знаю. — Она ласково улыбнулась. — Не вини себя.

— Но это вновь был виноват я. — Он с трудом выдохнул.

— Нет, не ты. Последний вопрос.

— А она… ты ее видела?

Невеста мгновенно поняла, о ком говорит Денис. И кивнула.

— Она на меня злиться? Почему ее нет, если есть ты? Она не захотела приходить? Она винит? — его глаза стали еще краснее, а в голосе появилась беспомощность.

— Это уже не три вопроса. А она — это другое. Я смогла придти, а она — нет. И она не злиться. Конечно, нет. И просит сказать, что ты ни в чем не виноват. — Почти прозрачная уже Инна печально, с любовью, улыбнулась. — Прощай. Мне пора.

— Не уходи так быстро!! Ответь, пожалуйста! — у него по щеке медленно покатилась первая слеза, прозрачная, крупная, а почти сразу за ней — вторая. И третья, и четвертая…

— Мне пора. Я очень тебя люблю. И она. И она — тоже, больше всех, — кивнула в сторону экрана с Машиным изображением светловолосая. — Прощай. Не переживай. Не мучайся. В следующей жизни мы еще раз встретимся. Я специально проверю, счастлив ли ты.

И девушка в лазурном коктейльном платье полностью растворилась в воздухе, оставив Смерча одного. Экран начал показ одного из фильмов Хичкока в ускоренно перемотке. Резко запахло ванилью и чем-то жженым, а затем в этот клубок ароматов добавился еще и запах железа. На заднем плане кто-то громко истерично захохотал. Где-то наверху запел чистыми голосами прекрасный хор. Изображение стало рябить. И Дэн, не выдержав давящей атмосферы, закричал и, удерживая зачем-то в голове образ Марии и зажмурив глаза, побежал по проходу наверх, к светящемуся серебром выходу. Он очень хотел добраться до двери, хотел всем сердцем, словно ждал. Что за нею отыщет спасение, но как только коснулся дверной ручки — проснулся.

— Почему у него слезы на глазах? Ему что, больно? — недовольно спросил Петр, внимательно рассматривая лежащего без сознания брата. Дэнва недавно привезли из операционной, и сейчас он лежал на кровати в одноместном комфортном боксе. И хотя кровотечение уже было

остановлено, а рана зашита, он все еще оставался бледным. Рядом с изголовьем его кровати стояла высокая капельница, и от нее к молодому человеку тянулись длинные прозрачные трубки.

Даниил Юрьевич, которого Петр любезно проинформировал о случившемся, сделал так, чтобы внуку было оказано лучшее лечение. На деньги не поскупился. В данный момент, переговорив с хирургом, удалился куда-то с представителями милиции, которые приехали на ножевое. Смерчинский-старший был зол, как глава Гильдии Демонов. Во-первых, Петр не привез документы, и сделка сорвалась, а, во-вторых, явно волновался за Дениса.

— Хорошо, что ты там ехал, — сказал он второму внуку, приехав и узнав, в чем дело, — невероятное везение.

— Да, это так.

Вдруг синие глаза мужчины стали подозрительными и он прямо спросил у Петра:

— А не ты ли братика ножом… угостил в живот? Остолоп, если ты в этом замешен, признавайся сразу. Я тебя, естественно, наследства лишу, но хотя бы от ментов отмажу. Ты понимаешь, что дело серьезное?

Черноволосый парень так озлобленно-высокомерно глянул на деда, что тот только изумленно вскинул брови.

— Поверь, если бы мне захотелось лишить жизни твоего любимого внука, ты бы никогда не узнал, что это сделал я. — Бросил тихо Петр.

— Даже так? — насмешливо спросил Даниил Юрьевич, с которым тот обычно был вежливым и спокойным. — Показываешь клыки, сопляк?

— Скорее, просто улыбаюсь, — отозвался молодой человек, невидящим взглядом глядя на бурое пятно на рукаве рубашке — кровь Дэнни. Дед увидел его тоже и добавил вдруг задумчиво:

— Ты все-таки молодец. Помог ему. Даже не знаю, зачем я вчера именно тебя отправил к ним домой, а не кого-то еще. И ты наткнулся на своего глупого братца. Черт с ними, документами, с договором. Лишится одного из наследников куда печальнее, чем контракта. Контрактов у меня много, а вот наследников — всего два. Жаль, правда, что они — полнейшие кретины. — И мужчина похлопал Петра по плечу. — И я знаю, что если бы ты захотел убрать братишку, у тебя бы это получилось сразу. И без лишнего шума. Ты идиот, но в меру. Прочие вокруг нас — первостепенные кретины.

Петр улыбнулся про себя. Дед хвалил не часто, запутанно, так, что и не поймешь сразу, что это похвала, но его ободрительные слова многого стоили.

— А клубом ты управляешь хреново, друг мой, — тут же подмешал ложку дегтя в бочку меда Даниил Юрьевич, — я все ждал, пока ты мне сообщишь, что у нас левый поток наркоты пошел, а ты все молчал-молчал. Не заметил, что ли?

— Что?

— Что слышал.

Петр сцепил зубы, но внешне оставался спокойным. А его молодящийся родственник, которого вначале в больнице приняли за отца Дениса, продолжал:

— Думаю, наш нелегальный поток прекратится. Я нашел виновного. Твой зам будет слегка наказан за то, что проворачивал у меня за спиной. И у тебя.

Черноволосый парень улыбнулся. Внутри все восторжествовало. Дед попался на его уловку. Пару дней назад стратег Петр умело подставил своего зама, одного из директоров, решившего вдруг, что «Алигьери» — резиновый, и начавшего поставлять совершенно посторонние наркотические вещества. Смерчинский-младший сделал так, что люди деда узнал об этом, а также о том, будто бы и наркотики, поставляемые Пристанскими, контролировались в клубе именно им, замом. Когда как он, Петр, ничего и знать не знал. Пусть дед думает, что он глупый.

— Да, дед, я тупой. Не видел. — Отозвался он, смиренно опустив голову вниз.

— За спасение братика даю еще один шанс. Последний. Иначе потеряешь не только клуб, — жестко сказал ему Даниил Юрьевич и быстрым шагом ушел вместе с представителями закона. Петр остался вместе с медсестрой, теперь сидевшей рядом с Дэном. А вскоре пришел и его лечащий врач. Еще раз осмотревший раненого.

— Так почему он плачет? — повторил свой вопрос Петр, глядя на иглу в вене брата. — Ему больно?

— Не должно быть больно, анестезия, — покачал головой пожилой уже, но статный, как какой-то величавый князь, врач с седыми усами. — Знаете, молодой человек, жизнь — странная штука, а человеки, — он так и сказал — «человеки», — они вообще необъяснимые существа. У вашего родственника может быть много причин заплакать в таком вот сне, в пограничном состоянии.

— Да неужели? Ни разу не видел, чтобы он рыдал. — Отозвался Петр, глядя с огромным удивлением на то, как по бледным щекам брата катятся крупные слезы. Так в детстве плакала Инга, троюродная сестричка Дэна, когда ее обижали. Петр любил ее обижать, а Дэн защищал, и это был еще один повод для того, чтобы подраться. Они не могли жить мирно.

— Не видели? Ну, посмотрите теперь, — рассеянно отозвался доктор и потер подбородок. — А, вы знаете, этот парень — везунчик.

Петр знал.

— У него проникающее ранение брюшной полости. Но! Не задеты ни внутренние органы, ни крупные сосуды. Не у многих такие «счастливые» раны, поверьте. Процентов 80 моих пациентов с ножевыми ранениями так легко не отделываются. Или даже все 90. Ваш брат потерял много крови, да, к тому же за счет порезов была кровопотеря, но, думаю… — На этом доктор замолчал, потому что увидел, как его пациент медленно открывает глаза. Правда, он почти тут же закрыл их вновь. Но потом опять распахнул, слово боролся сам с собой.

— А вот и пришел в себя наш друг, — весело сказал врач. — Добро пожаловать, Денис Олегович.

Парень едва заметно улыбнулся. Выглядел он очень плохо. Но ямочки со щек никуда не исчезли.

mir-knigi.org

— Я где?

— В больнице, где еще. Вас прооперировали. — Любезно сообщил ему доктор.

— Я весь вымазался в твоей крови. — Сказал ему Петр злобно. — Ты идиот. На кого ты там нарвался? Кому поаплодировать?

— Просто… подрался, — сухими, как песок, губами произнес очень тихо Дэн, понимая, что комната кружится вокруг него совершено самостоятельно, а во всем теле царит невероятная тяжесть.

— Просто ты кретин! — заорал вдруг его кузен, давая выход эмоциям. А это он позволял себя очень редко. — Ты что, скотина, решил, что ты всемогущий? Решил умереть и воскреснуть, как Лазарь? Ну, с кем ты там подрался? Кто это был? Кто тебя так уделал?

— Гопники, — прошептал Денис, чувствуя, что его тошнит.

— Которые даже вещей твоих не взяли?

— Молодой человек, успокойтесь, пожалуйста. — Вмешался доктор. — Я понимаю, что вы за брата волнуетесь, но…

— Не волнуюсь я за него. — Отозвался сердито Петр. — Ну, Дениска, ты опять добился, что вокруг тебя все будут стоять на ушах.

— Ага… Петь, я сейчас сдохну. — Произнес Лаки Бой. — Почему я здесь, а?

— Потому что я тебя нашел, — фыркнул его брат. — Если бы не я, ты бы загнулся от потери крови. Кстати, твой отец бросает все на фиг и прилетает завтра. Дед уже вовсю носится по больнице. Лера увидела тебя без сознания сразу после операции, и у нее началась истерика. Она отдыхает сейчас в соседней палате, ей успокоительное вкололи.

— А остальные?

— Твоим друзьям я не звонил. Эта больница не такая огромная, чтобы всех их вместить. Впрочем, могу набрать Микаэля. Он со своим зеленым уродцем приедет и пожалеет тебя. — Никогда не любил Черри Петр.

— А Маша? — вдруг спросил Дэн, понимая, что его сознание уплывает за горизонт.

— Маша? А, твоя невеста? — Сообразил Петр. — Она не знает. Что? Позвонить ей? Ты считаешь, что я — твоя секретарша?

— Нет, не звони ей, не говори ничего, я… сам. — С еще большим трудом произнес Лаки Бой.

— Все, с разговорами заканчиваем. Денису Олеговичу нужен отдых как-никак. — Решительно произнес доктор.

— Никому больше не говори, что со мной, — едва шевеля пересохшими губами, попросил Смерч брата. Тот нехотя кивнул. Дэнв закрыл глаза.

На этом Петр удалился из палаты, встретился с дедом, дождался, сам себе удивляясь, прибывших едва ли не мгновенно Ланде и Черри, и только потом уехал домой, чтобы вернуться сюда на следующий день. У сегодня у него были еще дела в клубе, да и с Никки нужно было

переговорить.

Котэ положило лапу мне на руку и игриво укусило за указательный палец. Котэ было недовольно тем, что я не обращаю на него внимания и хотело меня развеселить. Я отмахнулось от него, и оно спрыгнуло вниз, обиженно мяукнув.

Я сидела на окне, прижав колени к себе, и злым взглядом пялилась в одну точку в небе. Смерч мне так и не перезвонил, мало того, его мобильник вообще отключился. Дома у него не трубку не брали, до Черри и Ланде я тоже не могла дозвониться. Инга просто не знала, где ее троюродный братишка. А времени было почти три часа по полудню.

— Ну где ты, сволочь редкая?

Котэ, обнюхивающее собственный хвост, повернулось и сверкнуло зелеными глазами, явно думая, что эти слова посвящены ему. Глупое животное. Я наклонилась и погладила его.

— Ты хорошее котэ, — ласково сказала я животному, — не тебе я это говорю, ему… Ну где же ты, Денис?

А мне было тревожно за него. До безумия. Почему — не знаю. Сегодня я плохо спала, вскакивала пару раз из-за резкой боли в животе, которая моментально проходила, и засыпала вновь. И всю ночь мне снились кошмары. Сначала мне казалось, что я стою около большого здания из черного мрамора. Высокая лестница, ведущая в него, усыпана лепестками роз. На мраморе нет ни единого блика. Вокруг ни души. Окон у здания не было, вывесок — тоже, и оно казалось огромной пугающей махиной с искусно высеченной резьбой на мрачном фасаде. Но я точно знала, что это какой-то особенный кинотеатр, куда просто так попасть было нельзя. И еще знала, что мне нужно найти Дениса. А я не могла сделать этого, и от этого в груди вместо сердца бился страх.

Небо надо мной было темным, с едва заметными алыми прожилками, и вокруг было тихо-тихо, как в пустующей заброшенной церкви. Я ходила вокруг черного здания, осматривала его, прикасалась к его холодным стенам, точно зная, что мне нужно попасть в туда, потому что там происходит нечто ужасное, связанное с любимым человеком. Имеющее силу преломить мою жизнь надвое. «До» и «после»…

А потом я услышала искаженный голос Дэна и поняла, что он находится внутри, за этими мраморными стенами. И ему нужна моя помощь. Бросилась по скользким ступеням лестницы ко входу, падала, поднималась, цеплялась руками за поручни и холодные, как лед, ступени, снова падала… Голос Дэна становился все тише, а мне делалось все страшнее. Вдруг я не смогу попасть в проклятый кинотеатр и не сумею помочь ему?

От жуткого страха за него я проснулась в первый раз.

— Идиот, я же тебя люблю, ну где ты… — прошептала я со слезами на глазах, машинально проверила свой телефон и снова провалилась в тревожный сон.

Опять сновидение, связанное с Денисом. Теперь мне снился отрывок из нашей жизни — первая встреча, та самая, теперь для меня незабываемая. Вот мой Лаки Бой нагло садится со мной на подоконник, скидывая мой рюкзак и неся милые глупости. Вот заставляет прыгать в окно библиотеки и опускает свою идиотские «капустные» шуточки. Вот сажает меня впервые за свой «Выфер», и мы мчимся вперед разлучать Ольгу и Никиту. Наша Миссию N 1, Миссия N 2… Парк и встреча со старыми добрыми Троллем и Кларой.

Я наблюдала за этими картинками со стороны, и мне захотелось вдруг, чтобы и Смерч увидел их, чтобы помнил обо мне и не забывал. Никогда. Потому что я его не забуду.

Как только я подумала об этом, в багрово-серой туманной дымке появилось его измученное, почти белое лицо, и я вскрикнув, вновь проснулась, не понимая, что же это такое??

Я отдышалась, сходила в кухню за водой, постояла на балконе, еще раз позвонила ему и вновь вернулась к себе. А кошмары меня не оставляли. Теперь мне снилась девушка-невеста, от которой пахло холодом, и чьего лица я не видела. Сначала она стояла около Дэна, и мне вдруг захотелось кричать от ревности и беспричинной паники. Они разговаривали, но я не слышала о чем. Кричала ему: «Денис, не уходи с ней! Денис, вернись! Денис, иди сюда!». А он меня, кажется, не слышал. А потом он внезапно исчез в белоснежном свете, и мы остались с этой девушкой вдвоем. Фон резко переменился. Мы с девушкой, платье которой теперь стало голубым-голубым, стояли друг напротив друга, разделенные звездным темно-синим озером, и, хотя расстояние между нами было большое, я хорошо видела ее, а она — меня.

— Эй! Хочешь забрать его? — мысленно спросила я вдруг у незнакомки, и она услышала.

— Я не хотела его забирать. — Сказала она ментально. Я словно слышала ее голос у себя в голове. — Я хотела только помочь. Я и она. Мы помогаем всегда. Только она не смогла придти. Ее не пустили.

— Кто она?

— Потом узнаешь. Все узнаешь. Главное, что он останется здесь. Еще очень на долго. — Девушка в лазурном платье словно имел в виду что-то особенное.

— А ты… ты кто такая? — спросила я, чувствуя, что сейчас начнется гроза. Звезды в неподвижной озерной глади налились светом. — Кто ты?

Ее лицо тут же стало видно просто превосходно, и я, вздрогнув попятилась назад. На меня в упор смотрело лицо Ольги Князевой, красивое, но белое, неживое, грустное, и я опять проснулась. Последней фразой, что я слышала от нее, было:

— В следующей жизни он встретит вновь свою Судьбу, Маша. Как и в этой. Заслужил давным-давно. И в этой он уже ее встретил. Тебя. А меня… меня ждет моя Судьба. Я просто родилась раньше. Лет через 20 мы встретимся. И, говорят, у него будет красивое имя — Лео. А Ольга всегда хотела дочку, похожую на нее. Прощай…

Жаль, эти слова наутро я так и не смогла вспомнить, хотя в душе с тех пор поселилась почти незаметная уверенность в том, что все будет хорошо. Со временем.

После этого я не засыпала больше, а почти все время сидела на подоконнике, ждала звонка идиота Смерча, размышляла о своей ненормальности, истерила по-тихому, обещая Дэнва прихлопнуть, и сама себя раздражала. А также раздражала котэ и маму, взявшую на сегодня отгул, чтобы вместе с отцом съездить к деду и на рынок. А тот вдруг в полдень взял и смотался, с кем-то переговорив. Сказал, что его срочно вызывают на работу. Мама была готова папу съесть, но поделать ничего не могла.

— Я буду скоро, — напоследок сказал он и уехал, чтобы вернуться поздно ночью.

А Сморчок все же перезвонил мне, почти в шесть вечера, и я готова была его уже не убить, а растерзать, а остатки прижать к себе.

— Привет, Бурундук. — Его голос был далеким, слабым, но смешинки и уверенность из него так и не пропали.

«Облегчение, вашу редиску!», — написали тут же головастики, облаченные в военную форму и готовые к любой атаке врагов или защите своих границ и родины.

На меня хлынула волна радости от того, что я слышу родной голос, и тут же во мне разжегся костер гнева.

— Я тебе сейчас устрою привет!! — закричала я, спрыгивая с окна. — Ты где, Сморчок? Что с тобой?!

— В смысле? — удивился он. — Маша, ты…

— Я тебе всю ночь, все утро и весь день звонила, дебил! — Продолжала кричать я под удивленные взгляды котэ, вылизывающего вытянутую заднюю лапу, — а ты не брал трубку и не перезванивал! Да как ты вообще посмел! Козел!

— Маша, Маша, стоп! Зачем тебе понадобилось искать меня ночью?

— Затем! Потому что… Я волновалась за тебя, — тихо отозвалась я. — Ты ушел, и я сразу заснула. Мне приснилось, что тебе плохо, и я… глупо, да, Дэн, но мне было так страшно, что я места себе не находила. Мне снились кошмары, Денис. Давай встретимся сегодня?

— Маленькая моя, — мне показалось, или в его голосе послышалась нежность? — Прости. Прости, хорошо?

— За что?

— Я не могу.

— Почему?

— Маша, я уехал, уже уехал. — Проговорил Смерч тихо.

— Куда это ты уже уехал? — расширились у меня зрачки.

— На море. В Галаз. Как и хотел. — Он тяжело вздохнул. — Только на неделю раньше, не 26-го. Пришлось вчера вылетать срочно.

— Тебя уже нет в городе? — разочарованно выдохнула я. И от негодования я даже по косяку окна долбанула.

— Да, маленькая. И я забыл зарядное, поэтому телефон разрядился. Сегодня же куплю.

Чуть позже я думала, что мой Дэн — прирожденный мастер обманывать. Все это он говорил таким непринужденным убедительным голосом, что ему нельзя было не поверить!

— Вот же черт. — Я нехило расстроилась. — Почему ты называешь меня «маленькой»?

— Потому что хочу так называть тебя. Малышка моя, — он рассмеялся, но смех у него был недолгим и болезненным.

— Ты уехал и не сказал мне? Ну ты и свинья, Смерчинский. Настоящая.

mir-knigi.org

— Прости, Чип.

— Что у тебя с голосом? — не собиралась я его прощать.

— Все в порядке. Маша, ну Маша…

Он извинялся, а я высказывала ему все, что я о нем думаю. Но, в конце концов, Дэн умудрился успокоить меня, сказал, что отныне будет называть меня крошкой и попрощался, словно не мог долго разговаривать по телефону. Но ничего, он обещал звонить каждый день, да и приедет он скоро, в начале июля, и я опять увижу своего любимого недоумка. Сейчас только сдам экзамены и погуляю на долгожданной свадьбе Федьки 1-го июля.

Котэ, кстати, меня все же развеселило — нагадило под дверью и смылось в неизвестном направлении…

Маша не знала, что в это время Дэн находится не около моря, на южном курорте Галаз, а в больнице, в их родном городе. Что он пришел в себя после ножевого ранения, по счастливой случайности избежав осложнений. Что успел поговорить обо всем случившемся с дедом, милицией и даже с ее отцом. Что служба экономической безопасности и федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков при участии Даниила Юрьевича разработали совместный план операции по захвату Андрея Марта и его организованной преступной группировки.

Она не знала, что с этих пор около ее квартиры находилась неприметная машина, в которой сидели двое милиционеров, призванных в случае чего защитить ее от людей Марта. Не была в курсе того, что в другой машине рядышком находятся специально обученные люди из охранного агентства, готовые следовать за нею по пятам. Не догадывалась, что ее телефон на всякий случай прослушивается, а в подъезде стоят миниатюрные камеры наблюдения. Она была бы в шоке, узнай все это, а также то, что за короткое время ее отец умудрился познакомиться со всеми представителями семьи Смерчинских.

Маша просто скучала по своему Денису и желала, чтобы он быстрее к ней вернулся. Впрочем, он тоже по ней скучал.

Дэн отключил сотовый и еще почти минуту слушал тишину. Она… почувствовала, что с ним случилась беда? Почему Бурундучок так волновалась, ведь она ничего не должна была знать. И голос у нее был не только злобный, но и обеспокоенный — парень отлично чувствовал любые проявления эмоций у Марьи. И сны ей снились плохие… С чем это связано? Почему ее интуиция вдруг стала такой яркой? Потому что она действительно любит его? Не смотря на то, что он такой идиот? Бесцеремонный, ветреный, слишком самостоятельный и катастрофически внезапный?

Дэн прикрыл глаза. Голова все еще слегка кружилась после наркоза. Анестезия прошла, и теперь он чувствовал довольно ощутимую тягучую боль в животе. Она усиливалась от любого движения. Поэтому даже дышать парень старался тихо и медленно. А когда разговаривал с Машей, не удержался и засмеялся, услышав ее милый голос, и от этого боль стала сильной, но он терпел. Его девочка не должна узнать, что с ним что-то не так. Ей незачем волноваться. Она должна быть ограждена от неприятностей и проблем. Она — его девушка. Теперь точно его. Одну когда-то он защитить не смог. Но эту защитит точно. Ник решил показать свою силу во всей красе? О'кей, Дэн тоже не будет шутить. Он дал шанс Кларскому отойти в сторону. А тот пошел вперед, напролом.

От злости Смерч сжал руку в кулак. Прекрасно понимал, что от Бурундуковой Никита не отстанет. И его братец — тоже. С ними не договориться. Их нужно устранить.

Поэтому он и сделал то, что сделал. Решил, что это будет самым правильным вариантом. Лера, ушедшая проводить Евгения Борисовича, тоже полностью поддержала его. И отец по телефону — тоже.

Дэн припряг к Машиной и своей охране не только влиятельного деда, но и близкого друга Игоря, владельца частного охранного предприятия, — того, самого парня, который привозил ему как-то антипохмельные средства, а также правоохранительные органы. Отца Марии в том числе. Он, как подполковник отдела экономической безопасности, занимающийся делом ОПГ Пристанских и их подпольными казино и игровыми залами, был самым заинтересованным лицом. Как только Дэн пришел в себя окончательно, он, почти мгновенно взвесив все за и против, переговорил наедине с дедом. Сказал Даниилу Юрьевичу, что нападавшие были людьми Марта. Тот, естественно, пребывал в шоке. Андрея Марта он, мягко говоря, не очень любил. Сначала подумал, что тот решил запугать его, Смерчинского, чтобы тот согласился с ним работать. Вызверился и заявил, что сделает все, что только может и не может, но «ублюдка достанет». Когда Дэн сказал ему, что дело не в этом, несколько успокоился.

— Март хочет достать не меня, а мою девушку, дед. Через своего братишку. Я мешаю ему, — сказал он Даниилу Юрьевичу совершенно серьезно. — Ее отец ведет дело Пристанских.

— Я знаю, что ее отец ведет дело дружков Марта. И только потому что она из семьи ментов, я разрешаю тебе на ней жениться, — вдруг выдал глава Смерчинских.

— Она мне даже еще не невеста. — Отозвался со слабой болезненной улыбкой Дэн, которому медсестра ставила новую капельницу. Пока ему было не больно — анестезия все еще действовала. — С чего взял?

— Думаешь, я тебя не знаю? — прищурился мужчина. — Я знаю о тебе больше, чем ты мог бы думать, мальчишка. Если ты стал с ней встречаться, с этой Машей, то у тебя снова все серьезно. Да ты простой, как колодец, Денис. Но вот то, что ты умудрился сам по себе перейти дорогу Марту, впечатляет. Теперь ты, дружок, никуда не едешь, ни в какой Галаз. Будешь сидеть здесь, в больнице с охраной. А твоей подружке…

— Я позвоню ее отцу и все расскажу. А ты, — вдруг очень упрямо и даже жестко сказал Дэн деду, — а ты поможешь ему.

— Рехнулся? С какой стати я буду помогать ментам, внучок?

— Тебе самому будет выгодно избавиться от Марта. — Отозвался молодой человек. — Ты ведь знаешь, что он свободно хозяйничает в «Алигьери».

— Я-то знаю. А ты откуда знаешь?

— Ребята рассказывали, — не собирался выдавать кузена Дэн. — Сначала твой клуб для него всего лишь новая точка продажи наркоты. А потом твой клуб медленно становится его. А Машкин отец и его коллеги помогут тебе избавиться от Марта навсегда.

— Ну ты умен, конечно, мальчик мой, — потер подбородок Даниил Юрьевич, все еще находясь в холодном бешенстве. — И что ты предлагаешь?

— Пока что предлагаю просто позвонить ее отцу. И… дед, помоги мне, хорошо?

— Видимо, придется. — Отозвался тот. — Думаю, я смогу помочь тебе и твоей девушке.

И Дэн позвонил. Евгений Борисович его выслушал не перебивая, сразу понял всю серьезность ситуации и быстро приехал к нему вместе со своими сотрудниками. Им очень хотелось прижать Марта.

Чуть позднее отдел по борьбе с распространением наркотиков и экономическая полиция провели совместное оперативное совещание, на котором разработали план захвата ОПГ Пристанских. Если говорить вкратце, отец Марии и еще несколько его людей сделают вид, что согласны «сотрудничать» с Мартом и брать от него взятки. Они даже отпустят одного из его дружков, чтобы усыпить его бдительность. И проведут еще ряд действий, направленных на то же самое. По расчетам правоохранительных органов это должно отвлечь внимание от Маши.

После в игру включится Даниил Юрьевич. Как оказалось, оперативники узнали, что на благотворительном балу, одним из учредителей которого Смерчинский-старший и является, Март с подельником собрался отмыть деньги, полученные за продажу наркотиков. Даниил Юрьевич об этом и не догадывался и поэтому очень рассердился. Он должен пригласить Андрея на вечер, чтобы якобы обсудить возможности их будущего сотрудничества. С некоторых пор глава ОПГ, понимая, что милиция у него на хвосте, постоянно менял свое местонахождение, и его трудно было поймать. А Смерчинский мог выманить его из своего убежища. Во время вечера должен был произойти захват Пристанских одновременно в нескольких точках города.

Даниил Юрьевич, кстати говоря, был самым недовольным из всех, потому что, во-первых, он терпеть не мог сотрудников правоохранительных органов в принципе, во-вторых, был взбешен тем фактом, что он, как хозяин клуба, может оказаться виноватым в распространении наркотиков. Естественно, милиции он заявил, что в его клубе наркотикам места нет и никогда не будет, и те сделали вид, что поверили ему. В-третьих, господин Смерчинский был озабочен состоянием Дениса, а также срывом крупной сделки.

Имя Марта его вообще взбесило.

— Возомнивший Богом черт, — сказал он сердито Евгению Борисовичу чуть позже. — Сумасшедший. Умный, хитрый, опасный, но сумасшедший. А я не работаю с психами.

Конечно, как оказалось позже, он знал, что в «Алигьери» есть левый завоз наркотиков, только кто именно стоял за этим, Даниил Юрьевич не догадывался. Вернее, думал на одного из директоров, которого ловко подставил его собственный внук, а не на самого Петра. О деятельности парня и о его связях с Мартом он узнал от все тех же сотрудников службы по наркоконтролю. Услышав печальную правду о внуке, тотчас успокоился и холодно заявил, что участвовать ни в чем не собирается, Дениса защитит как-нибудь сам, благо, связи и возможности у него и его семьи нехилые, и этим самым едва не сломал всю операцию. Однако Машин отец постарался сгладить ее.

Один из высокопоставленных офицеров долго разговаривал со Смерчинским-старшим один на один, и в результате, они пришли к неофициальному соглашению. Даниил Юрьевич все же согласился помочь, но со следующим условием: его внук Петр никак не будет замешан в этой истории и по делу пойдет только как свидетель — в случае крайней необходимости. Правда, на него он обозлился и решил преподать взорвавшемуся мальчишке урок. Уже после того, как пройдет благотворительный бал. Какой урок — никому не сказал, даже отцу Петра, своему сыну, он только загадочно усмехнулся. Правда, с другой стороны, Даниил Юрьевич был даже несколько удивлен способностями Петра зарабатывать деньги и промышлять у него, человека

умного и подозрительного, под носом. И вполне успешно промышлять!

Марье решили ничего не говорить и о случившимся, и о предстоящем, а ее отец вообще хотел отправить дочку в другой город, от греха подальше, однако было решено, что она все же останется здесь, поскольку ее внезапное исчезновение может Марта и его друзей несколько насторожить. И тогда операцию по захвату его преступной группировки провалиться ко всем адовым чертям. К тому же Евгений Борисович и Денис, которые, как оказалось, неплохо поладили, подумали, что Маша — девочка импульсивная, сама может натворить дел, если узнает правду. Пусть лучше она сидит дома, оставаясь в неведении, готовится к экзаменам и ждет свадьбу брата. Ее будут охранять на расстоянии — на всякий случай. Жене, чтобы не расстраивать ее, Евгений Борисович тоже ничего не сказал, сообщил обо всем только старшему сыну. Тот, кстати, тоже быстро понял серьезность ситуации, быстро запрятал куда подальше вспыхнувшую злость по поводу того, что его сестричке желают навредить, и обещал присматривать за Машкой. Не оставлять ее одну и ограничивать перемещение.

А сам Смерч должен позвонить виновнице переполоха и сказать ей, будто бы уже уехал в Галаз. Вместе с родителями. Кстати, о том, что он в больнице знали лишь его родственники и Ланде с Черри. Последний тут же предложил начистить морду Нику, но этого ему сделать не разрешили. Никита, кстати, узнал о том, что Дэн в больнице — видимо, от кого-то из дружков из той самой пятерки, и был так добр, что позвонил Смерчу через пару дней, когда тот чувствовал себя куда более лучше. Он вообще, по словам врачей, феноменально быстро восстанавливался. А Лера, слыша это, облегченно улыбалась и говорила, что ее сын и в детстве не умел долго болеть.

— Денис, я же сказал тебе не играть со мной, — произнес в трубку Кларский. — Надеюсь, ты быстро оклемаешься. А, да, можешь не беспокоиться за свою Машу. Она мне больше не нужна. Пока, выздоравливай. И… — Он что-то хотела сказать, но оборвал сам себя и добавил как-то равнодушно:

— И не смей приближаться к Ольге. Она — моя. Понял?

Смерч не произнес в трубку ни единого слова, но когда связь оборвалась, облегченно улыбнулся — кажется, подействовало. Март все же повелся на игры отца Машки.

Но это было уже через несколько дней, а сейчас Дэнни просто лежал в кровати и думал о Марии, пытаясь не обращать внимание на противную ноющую боль в животе. Иногда вдруг его мысли перескакивали на Инну, его первую девушку, которую он любил так, как только это может делать подросток, но прежней тревоги и грызущего беспокойства и вины отчего-то в его душе стало намного меньше, чем раньше. Будто бы что-то произошло, что-то, сумевшее заставить его прекратить думать, что, общаясь с Машей, он предает Инну. Друзья часто говорили ему, еще давно, когда только прошли ее похороны, что Инне сейчас все равно, а он должен продолжать жить дальше. И он, и Ольга, ее сестра-близняшка, и их мать, и отец. И они все пытались это делать. Но вот только в не такой уж и длинной жизни Дениса смерть близкого человека была уже не первой. И в обоих трагедиях-потерях Смерч винил себя. Только себя.

Но после операции ему стало лучше. Гораздо лучше. Словно кто-то очень хороший сказал, что в случившемся нет его, Дэна, вины. Да, он не помнил своего странного сна и кинотеатра тоже не помнил, и даже девушку в одеянии невесты, которая и была Инной, а единственное, что врезалось ему в память, была сценка около окон университетской библиотеки, где он и Чип забавно препирались. Знал ли он тогда, что она станет для него близким человеком, да еще и за такой короткий срок?

Денис вновь поморщился от боли. Ему казалось, что у него болит и ноет все тело. Все-таки били его неслабо, хотя серьезных повреждений и не нанесли и переломов у него тоже не было.

Она его любит? Он ее — точно да. Зачем ей нужен тот, кто является полной противоположностью ее Никите Кларскому? Даже при всех его многочисленных плюсах? Не во внешнем же виде дело? К тому же рядом с Чипом всегда и ее верный друг Дмитрий. Он куда больше подходит Маше, чем сам Денис.

«А ты как думал? Любит, да. Сердце женщины — сплошной лабиринт загадок», — отозвалась невидимой в солнечном свете женщина в вуали и засмеялась.

От этих мыслей сердце его тут же опуталось тонкой белоснежной сетью глупой нежности. Одновременно с этим взыграл гормон «Моя собственность».

«А если мисс Тыква станет… черт возьми, третьей потерей?», — думал он, чувствуя, что его медленно затягивает в сон. Тогда гадалка порядком удивила его, сказав про потери, и про Лазурную, и про черный цвет на его душе. Да, потерь было две.

«Не станет. Я окончательно уйду 26-го числа, Денис, — вдруг сказала красноглазая леди, — сейчас все пойдет, как задумано. Больше не увидимся. Эти две порядком меня достали своими просьбами. А гадалка неплохо сказала о них: лазурная и черная. В точку, правда, малыш? Лазурное так и останется лазурным, цвета моря, как и твои воспоминания, а вот черное-то пора менять на белое…»

Дэнв не без труда заснул. А обеспокоенная Лера вскоре вернулась, увидела, что он вновь спит, села рядом, погладила по волосам, взяла за свесившуюся с кровати руку и несколько часов, пока парень не проснулся, не отпускала его ладони. Все это время молчала и о чем-то думала, думала, думала.

— Наташа, прости, — проговорила она лишь однажды, глядя в большое окно.

Лучи заходящего солнца все так же тепло светили. Они же светили и в окно комнаты Маши, а сама она валялась на кровати в обнимку с игрушкой, подаренной ей Смерчем и напевала что-то радостное.

— Денис, Денис, — проговорила она почти счастливо — от того, что с ним все хорошо. Кажется.

— Денис-редис. Ха-ха-ха. Вот ты кто, мой зайчик, — нехороший человек.

Мама Маши, вновь случайно это услышавшая, только улыбнулась и погрозила кулаком Федору, который тоже оказался свидетелем слов сестры, чтобы тот не смел ржать и дразнить Марью. Тот печально вздохнул и вышел на балкон — проверить, где стоят машины с Машкиными «охранниками». Кажется, Март должен будет потерять интерес к их семье, ведь отец все делает правильно. И не только он.

Петр, только что вошедший в палату братца, скептически оглядел его. Он пока что оставался не в курсе всего того, что планировала милиция и Даниил Юрьевич. Его решили оставить в счастливом неведении, чтобы тот сгоряча что-нибудь не сорвал. Как, впрочем, и Марию.

— Здорово, братишка, — увидел его Дэн, выключая музыку в наушниках. Он находился в больнице уже второй день. Когда мог, переписывался со своей девушкой по смс. Только что

сумел избавиться от назойливых Черри и Ланде. Первый шутки ради притащил ему взрослый мужской и очень содержательный журнал, который случайно нашла Лера и отец Дэна, второй — аромолампу и ароматические масла для успокоения. Их ему, правда, не разрешили зажечь. Лера и отец тоже ушли совсем недавно, но мать обещала вернуться через пару часов, хотя Дэн был против. Хотел, чтобы она отдохнула дома.

— И тебе не хворать, а-а-а… забыл, ты же уже хвораешь. — Отозвался кузен довольно-таки ехидно. — Кстати, где толпы твоих друзей и поклонников?

— Никто ничего не знает. — Отозвался Смерч.

— Вот как? — Брюнет в очках посмотрел на него с усмешкой. — Больно?

— Нормально.

— Ты мужик и терпишь, да? Что там с ментами? Нашли твоих гопников?

Смерч покачал головой.

— Пока нет. Дед сказал, что все равно обязательно найдет.

— Если он сказал, то сделает. — Хмыкнул Петр. — Кстати, дай мне номерок телефона твоей Маши.

— Зачем? — насторожился Смерч.

— Хочу узнать телефончик ее подружки с прекрасным именем Лидия.

— Я сам тебе могу его дать. — Отозвался Денис. — Для чего он тебе?

— Понравилась. Пересеклись как-то, — не стал вдаваться в подробности его кузен. Он уселся напротив Дэна и смерил его веселым взглядом из-под очередных модных очков. Смерч пару секунд подумал и по памяти сказал мобильный номер Лиды, который как-то раз видел в телефоне Марши. Петр даже не удивился этому.

— И что же ты раньше его не достал? — спросил Денис.

— Мне было лень искать.

— Ты не из ленивых. Если бы захотел, нашел бы ее и без меня. Боишься?

— Бесишь. Чего я боюсь, идиот?

— Видимо того, что Лида тебе так понравилась, что ты решил ее найти. За тобой я раньше такого не замечал. Признайся, ты наверняка взращиваешь в себе чувство пренебрежения к ней? Чтобы заменить ими симпатии.

— А ты, типа, психолог? — с деланным презрением спросила Петр.

— Ага. — Согласно кивнул Смерч. — Я же знаю тебя. Ты боишься любых чувств и симпатий. Боишься привязанности.

— Началось. Ты пытаешься развести меня, чтобы я излил тебе душу, Дениска?

mir-knigi.org

— Не-а. Тебе ведь страшно делать это, да, братишка? — снизу вверх глянул на него Смерч. — Тебе нелегко говорить «люблю» и «спасибо», поздравлять с Днями рождения и произносить тосты. Высказывать свои симпатии. Даже своей матери. Так? Ты ненавидишь петь при людях и никогда никому не показывал стихи, что ты писал раньше.

Петр напрягся, но почти спокойным голосом спросил:

— Читал?

Когда-то давно он и правда писал стихи. К слову сказать, получались они довольно-таки неплохими.

— Нет, не читал. Просто видел, как ты пишешь. И эта надпись на первой странице твоего тайного дневника — «Всякий прочитавший будет проклят» меня напугала, — хмыкнул Дэн.

— Ну ты и дерьмо. — Петр немного помолчал, снял очки и, держа их за фиолетовые дужки, продолжил задумчиво. — Но ты во многом прав. Я кажусь себе слабаком при проявлениях эмоций. Прав, ты прав, Дениска. Говоришь, на эту девчонку у меня такая реакция? Может быть. А, может, я правда был занят и не мог найти времени поиграть с ней. В любом случае, было приятно пообщаться, инвалид. Спасибо за телефончик. — Молодой человек встал.

— Спасибо, что помог мне выжить.

— Пожалуйста. Но… Все равно ты козел, — обернулся напоследок Петр, которому подсознание вновь подсунуло картинку, где брат лежал без сознания и в крови.

— Не спорю. Приходи еще. Пока! Ауфидерзейн… хер Петр! — вдруг вспомнилась Дэнву детская обзываловка, которой они с братом дразнили друг друга в детстве. Говорили не «герр», как положено, а именно так: «хер», с нехорошим намеком.

— А ты за 10 лет так и не изменился. Все такой же дурак, хер Денис.

Больше Петр не поворачивался, а когда вышел — рассмеялся негромко.

Дэнни тоже улыбнулся — смеяться ему все же было очень больно. Вновь надел наушники и набрал очередное сообщение Марии. Она спрашивала, как ему отдыхается на море. Поверила, глупая.

«Я скучаю по тебе, Марья…;)», — послал он новое сообщение.

С ней обязательно все будет хорошо. Он ее защитит.

И они оба это знали.

С Дэном мы каждый день разговаривали по телефону, правда, не так долго, как бы мне хотелось, но ведь он находился далеко от меня. Больше мы переписывались по аське и по смс. Особенно романтичным это казалось мне тогда, когда на небе показывались звезды, и когда он говорил мне, что скучает. Я очень ждала, когда он приедет. И он обещал приехать где-то после свадьбы Федьки и Насти, в начале июля.

— Значит, мы не пойдем на концерт «На краю»? — грустно спросила я Смерча, выходя из такси вместе с мамой и Настей. У будущей невестки перед свадьбой было дел невпроворот, и она крутилась, как белка в колесе. Сегодня вот она должна была поехать в свадебный салон, чтобы

забрать платье и фату, которые ей шили на заказ, и Настасья попросила меня и маму съездить вместе с ней. Чтобы мы оценили платье. Ездить с собственной мамой ей не хотелось (еще бы!), а ее подруги сегодня не могли — работали. После примерки мы должны были поехать в фирму, организовывающую свадьбу, чтобы кое-что еще уточнить. А потом еще в пару мест: посмотреть банкетный зал в клубе, где должно было проходить торжество, уточнить насчет украшений в нем, заскочить в цветочный салон… Все эти хлопоты помогали отвлечься от назойливой мысли, что Смерчика рядом нет, поэтому я с радостью поехала с Настей и мамой, хотя последняя настоятельно советовала мне оставаться дома и готовиться к последнему экзамену. Но не смотря на то, что этот экзамен топором висел надо мной весьма угрожающе, я надеялась, что без труда сдам его. Все-таки готовилась. Старалась. В меру своих сил. А Дэн меня по телефону подбадривал.

— Нам сюда, — сказала Настя, кивая на кремово-нежную вывеску «Свадебный салон Ариэль», — что-то я беспокоюсь… Вдруг мне платье запороли? На той примерке какие-то проблемы были…

— Настя, все в порядке будет, — тут же успокоила ее мама, довольная-предовольная. Свадьбу она и тетя Лина, Настина мазер, ждали больше всех, видимо.

И они скрылись в салоне. Я, кивнув им, что, мол, сейчас подойду, продолжила разговор с моим Смерчиком-Дэнчиком, который где-то далеко от меня мог наслаждаться морем и золотым песочком. И чего его только вместе с предками, как он сказал, понесло в этот занюханный Галаз?

— Я хочу на концерт «На краю», — протянула я капризно.

— Бурундучок, я попробую успеть до того, как будет фест, — отозвался Смерч задумчиво и одновременно виновато. — Да, я должен успеть. В этот же день будет благотворительный бал.

— А, тот самый, на который нас твой дед позвал, «Ночь жизни»? — вдруг вспомнилось мне.

— Да, только… Я уже не думаю, что мы туда пойдем.

— Почему? — Я была бы не прочь там побывать. — Ты не приедешь что ли к этому времени?

— Нет, потому что тебе больше понравится на концерте «На краю», — прошептал он мне. У меня тут же в глазах загорелись алые огоньки — захотелось обнять его и потискать за щеки. Что со мной??

«Одурела, видимо!», — сообщили мне головастики.

— Малыш мой, мне пора. — Стал резко прощаться со мной Дэнв. Где-то на заднем фоне я услышала незнакомые голоса. — Я позвоню тебе вечером. Будешь ждать?

— Конечно, буду. А мы точно пойдем на фестиваль? — уточнила я, вздыхая потому что очень сильно уже соскучилась по Смерчу. А еще мне очень сильно хотелось назвать его как-нибудь нежно-нежно, но как только я открывала рот, чтобы называть парня «милым» или «котенком», начинала хихикать.

— Да. Пока, my sun princess, слушайся маму и не перечь папе. — И он отключился. Я опять вздохнула.

— Маша, — выглянула мама из дверей салона, — сколько тебя можно ждать? Давай быстрее,

нам еще насчет лимузина договариваться надо и ехать в тысячу мест. Боже мой, какая же это морока — свадьбы справлять!

Я еще раз вздохнула и вошла в салон, не слыша, как меня окликает малознакомый девичий голос. Мои глаза углядели шикарнейшую фату в руках Насти.

А у меня когда-нибудь будет свадьба?

Рыжий парень, тот самый главный координатор проекта «Romantic surprise», который был когда-то устроен в честь Дэна и Марьи, гулял с одной из девушек, чьего внимания он добивался долго и упорно. Отношения между ними только начали завязываться и рыжий напряженно думал, как бы половчее взять девушку за руку в первый раз. Он рассказывал ей какую-то забавную историю из жизни, она смеялась и все было отлично, пока они не увидели около свадебного салона «Ариэль» хорошо знакомую им подружку их Смерча.

— О, смотри, это же Маша Бурундукова! — подняла брови девушка. — Да? Только волосы у нее оранжевые. Ух ты, — она хихикнула, — а круто смотрится. Так выделяется из толпы.

— А, точно, она, — всмотрелся вперед молодой человек, правда у него было другое мнение насчет таких ярких волос. И как только Дэн разрешил своей подруге такое? — А что это она делает около свадебного салона?

— Э-э-э, не знаю. Окрикнем ее? Маша! — заорала его спутница. — Маша! Мария! Бурундук!!

Девушка не слышала. Она зашла в салон, не оглянувшись.

— Что там она забыла все-таки? А ты слышал слухи по поводу того, что она беременна?

— Ну как бы да. Но, думаю, это все бред.

— А я еще и видео интересное видела… Где Смерч ей руку и сердце предлагает. Слушай, а если это не слухи, а?

— Думаешь, эта Маша реально беременна от Смерча и у них будет свадьба? Он же сейчас на море вроде.

— Слушай, пойдем у Маши прямо спросим? — вдруг предложила девушка и сама схватила парня за руку, потащив за собой. Она была хорошей подругой Инги, и чем-то была похожа на нее характером.

Рыжеволосый, довольный, что они, как-никак, держаться за руки, с удовольствием пошел за девушкой. Ребята, так и не отпуская ладоней друг друга, остановились напротив салона и в большом, украшенном искусственными цветами окне-витрине увидели, как Мария с немалым интересом примеряет длинную фату.

— Вау. — Сказала девушка, мгновенно подумав, что Маша точно собирается замуж. Настя, к слову, в это время находилась в примерочной, где надевала свое свадебное платье. — Наверное, мы даже спрашивать не будем.

— Я тоже думаю, что это будет лишним. Только… почему Смерч никого на свадьбу не приглашает? Обидно, блин. — Отозвался рыжий, наблюдая, как Чип крутится вокруг зеркала в фате, а после к ней подходит какая-то женщина, похожая на нее, и что-то говорит. Кажется,

это была ее мама.

— Может, не успел еще? — предположила девушка. — И вообще, его же в городе нет. Приедет и пригласит. Даже Инга ничего не знает о свадьбе и ребенке. А я, между прочим, у нее спрашивала. Может, Смерч хочет сюрприз устроить?

— Ну, может быть. В конце концов, это дело Дэнва. Ладно, пошли дальше?

— Пошли. — Они не видели, как Машина мама едва ли не срывает с головы дочки фату Настасьи и не слышали, как гневно кричит, что «чужую фату примерять — к несчастью!».

Эти двое почти не размыкали рук больше, и этот же день у них был и первый поцелуй. Очень красивый и чувственный. А Маша стала в глазах общественности уже настоящей невестой. Ожидающей ребенка. Ну, в ребенка верила где-то половина знакомых и друзей Дэна, вторая все же еще сомневалась. Но на свадьбу хотели многие. Это же свадьба не кого попало, а Смерча!

Но только Мария, ради интереса примерявшая фату Насти, об этом не догадывалась. Ей просто было любопытно в свадебном салоне, где она была впервые в жизни, и хотелось все потрогать и даже померить. Особенно свадебные платья. Жаль, мама не разрешала. И вдруг сказала, что замуж разрешит выходить только после того, как та закончит университет. Даже если женихи окажется такой хороший мальчик, как Денис. Маша повозмущалась, сказала, что замуж не выйдет никогда и ни за кого, если, конечно, женихом не будет ее какой-нибудь любимый музыканта, например, Кей из «На краю» или Рэн, а потом как-то задумалась. А дома делала вид, что доучивает последние билеты к экзаменам, а сама долго о чем-то думала и хихикала при этом.

Сегодня, 30-го числа этого почти что благословенного июня мы с Лидой и Маринкой, сдав последний экзамен, собрались у Лиды дома. Отмечать официальное закрытие сессии. Сегодняшний экзамен по истории архитектуры мы благополучно сдали Ивану Давыдовичу, хотя жутко переживали. Он, кстати, на экзамене поинтересовался у меня, как обстоят амурные дела с Денисом Смерчинским. Пришлось сказать ему, что у нас все хорошо. Иван Давыдович сложил ладошки на груди и полчаса распинался о том, что такое истинная любовь. В это время все, кто был в аудитории, умудрились списать. В том числе и Дмитрий — он меня потом долго благодарил в своей шуточной манере. Мол, спасибо тебе и Смерчу за вашу прекрасную любовь, она помогла ему сдать экзамен.

После экзамена мы поставили печать в деканате и пошли всей группой в кафе неподалеку от университета. Как оказалось, почти все наши умудрились без каких-либо особых проблем сдать все экзамены и зачеты и теперь радовались тому, что два месяца можно будет отдыхать. Димка был сегодня веселый-превеселый и умудрился надо мной пошутить столько раз, что под вечер я готова была залепить ему в нос. Однако себя сдерживала, помня, как однажды мило его ударила.

— Ты меня достал, Чащин, — сказала я ему на прощание, когда мы вдвоем вышли из кафе. Остальные пока что находились внутри. — Достал!

— Отлично, маленькое инфернальное зло Бурундукова, тогда моя миссия выполнена. Слушай, — его голос стал серьезным. — Слушай, Маш, а Никита Кларский, он больше к тебе не клеится?

— Клеится? Да он никогда и не клеился. Хотя… А, короче, в последнее время он вообще куда-

то пропал, я не вижу его. И не слышу.

— Ну, это хорошо… — Тихо произнес парень, облегченно вздохнув. — У него проблемы.

— Какие? — встревожилась я.

— Семейные, кажется. Он сессию закрыл досрочно, вот и не появляется.

— Ой, он прямо как Князева, — всплеснула я руками. — Она ведь тоже досрочно. И уехала. Два сапога пара. Нет, серьезно, они друг другу подходят.

Димка как-то странно на меня взглянул. И виновато, и сердито, и устало.

— Маша, я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

Дима приблизился ко мне, внимательно посмотрел в глаза, хотел что-то сказать, но в это время у него не вовремя зазвонил телефон, а пока он скупо отвечал на звонок, из кафе вышли все наши одногруппники. Разговора не получилось. Он состоялся у нас чуть позже.

После кафе расставаться нам с Лидой и Маринкой не хотелось, мы забежали в супермаркет и пошли к Лиде. У нее как раз никого не должно было быть дома. Не спали мы почти до четырех утра, слушали музыку, смотрели забавные видео, ржали и развлекали себя, как только могли. Марина отыскала у предков Лиды настоящий ром и решила, что неплохо бы нам приготовить какой-нибудь коктейль. Лида, правда, наотрез отказалась, а вот мы с Маринкой решили смешать ради интереса колу, ром и что-то еще. Вышло невкусно, зато возымело моментальный эффект — нас пробило на такой смех, что Лида испугалась за наше психическое здоровье.

— Дуры вы, — сказала нам она, отбирая бутылку с ромом. — Адекватность свою верните.

Мы возвращать ничего не желали и продолжали шутить и смеяться аки кобылы. Одновременно шарились в Интернете в поисках забавных видео и приколов с башорга. Лучше бы не шарились. Мои нервы целее бы были.

— Ой, смотрите, популярное видео «Как парень признавался в любви девушке и просил выйти за него, а весь клуб ему помогал», — с восторгом прочла Маринка. Название должно было меня сразу напугать, но я ступила и сказала:

— Давайте посмотрим?

— Давайте, — согласилась Лида. — Ой, сколько много у него просмотров, а видео популярное! Прикольное, значит.

И она включила его. Видео промоталось вперед и началось…

— Когда я вижу тебя, мое сердце меня предает, — сказал молодой человек, глядя на девушку глазами воистину влюбленного. Из-за громкой музыки его было слышно плохо, но все же мы могли разобрать слова.

— Это что?! — заорала я, глядя в широкий экран монитора. — Это как?! Смерчинский, сволочь! Придушу его! И всех его дружков!!

В видео с не слишком хорошим разрешением были видны темноволосый парень и

светловолосая девушка, удивительно похожая на меня. Эти двое находились в каком-то шумном клубе, около барной стойки. Где-то рядышком мелькала знакомая черная челка.

Головастики дружно упали в обморок, а потом пол под ними разверзся, и по какому-то туннелю они оказались где-то в районе сердца. Уцепились, дико вереща, за него, и уже вместе с сердцем ухнули в пятки.

— Машка, это ты!! Это ты с Дэном! — прокричала обескураженная Марина. — Боже, вот это да! Ах, просто ах.

— Просто ох, — вторила ей Лидия, — а, судя по нашей доченьке — даже ух!

И это мягко сказано! Дэн на видео обнял меня и положил голову мне на плечо. Я, находящаяся в комнате подружки, схватилась за волосы. Что это?! Как это?

А Маринка с Лидкой, переглянувшись, захохотали. Видео выключить они мне не позволили, и мы смотрели его минут 10: они со ржачем, а я с обезумевшими от такого сюрприза глазами. Тот, кто выложил видео, обрезал некоторые моменты, например те, в которых присутствовали фразы о том, что Дэн — невменяем пьян, мои ехидства или выкрики Челки, чтобы Пашка снимал лучше, левее там и правее. И от этого все происходящее на экране казалось безумно романтичным. Красивый парень обворожительно, признавался девушке в любви и просил ее руку и сердце. А остальные его поддерживают. Ух, пьяные морды, как же знатно они тогда орали!

— У меня нет кольца, прости, Морская Королева, но здесь, здесь есть искренняя любовь. Прими ее и стань моей. Я сделаю для тебя все, что смогу, и что не смогу — тоже. Я даже сердце переплавлю, если ты мне это прикажешь. Ты выйдешь за меня? — нежно спросил Дэн.

Я грохнула кулаком по стене.

Маринка от восторга чуть ли не завизжала.

— Боже, Машка, это супер просто!! У тебя такая рожа удивленная! Милаха ты! А Смерч… Вот то он отмочил корку!

У Лиды уже не было сил смеяться, а когда она услышала крики идиотов: «Ма-ша, согласись! Ма-ша, не ломайся!», она чуть не сползла вниз по стулу. Головастики бились головами о сердце, которое все еще торчало в пятках.

— Ну, козззел, — прошипела я, ощущая вместо этого самого сердца теперь пустоту позора. — Вот же… Nзапрещено цензуройN! Да как он посмел!!

Смех был мне ответом.

— Мамочка в шоке. — Честно призналась Маринка, прокручивая ленту комментариев, которых, надо сказать, было немало. — Ого… Девчонки! Вы только почитайте!!

Лучше бы я не читала ничего. Неведение круче, чем стыдоба.

Но мы уставились на комментарии. Их было довольно много, и все они были примерно такими, то есть гнусными, неправдивыми и тупыми:

«Блин, как мило-то!!!»

«Романтично… Т_Т»

«Kakoj mal'chik, Bozhe, kakoj mal'chik!»

«Это мой друг Дэн делает предложение своей невесте! ДАВАЙ, ЧУВАК, ВПЕРЕД!»

«О-о-оо! Это же Дэнни!!! Реально! Он что, женится?»

«Ахха, он. Точно, женится! Говорят, она от него залетела!»

«Zaletela?! Budut mini Smerchiki?!»

«Нехило, ребята, а я и не знал! Когда свадебко будет? =)»

«Super!!!»

«Этот чувак — он везде может засветиться! Дэнв, ну ты крут!»

«Музыкантам +1000 Так подсобили парню!»

«Бугага! Она не хотела меня. Вот отстой!
А я эту детку люблю!
А, может, у Маши есть кто-то другой?
Тогда его на хрен убью!»

«Ой, это же наш город… Клуб „Алигьери“! Я этих двоих как-то в парке видела! Да, девочка беременная была, а мальчик у нее такой хороший. Заботился о ней…:) Я такого же хочу…»

«Кава-а-ай…»

«Прикольно, слушайте, а ребята в клубе молодцы, что помогали парню!»

«Смерч, ты что ль? Ну ты отжег! Пьяный, что ль?»

— Да, он был пьяным!! — завопила я. — Пьяным! Он был пьяным, потому что мы с Челкой его напоили! А пить ему нельзя! Он дебилом становится! Отменным!

Девчонки с трудом меня успокоили — теперь уже Лида притащила коньяк и заставил меня немного выпить, чтобы я, по ее словам, угомонилась. А от злости мне хотелось крушить все вокруг.

— А почему они решили, что ты… м-м-м… залетела? — спросила меня хозяйка квартиры, пока я сдуру глотала этот дурацкий коньяк. От ее слов я подавилась и слегка обожгла горло. У Лиды, конечно, хватило ума мне его предложить. Я потом реально неадекватной стала.

— Ой, — захихикала Маринка, — а вы разве со Смерчиком уже… того?

— Ну пора бы, — рассудительно сказала Лида. — Марин, Машка совсем какая-то скрытая стала. Помнишь, как наша доченька не желала признаваться, что стала со Смерчем встречаться?

— Ага, помню. Маш, а вы что, правда с ним…?

mir-knigi.org

Она недоговорила, потому что я подавилась уже второй раз — на этот раз уже соком, которым запивала невкусный горький коньяк.

— Дуры что ли? — затравленно посмотрела я на идиоток. — Вы что… что, с ума сошли, как и эти недоумки? Какое залетела, какая невеста, какая свадьба? Да вы что, опухли?!

Они опять захихикали. Им вообще было смешно до чесотки в попе, а мне — обидно. До этой же самой чесотки.

Я успокоилась. Через часа два. Сначала бесилась, что из-за кое-кого опозорилась на весь Рунет, ругалась, порывалась отыскать Челку и засунуть ему в горло его тупой мобильник с камерой, и затем вытащить его через ухо. Я злилась почему-то и на Дэна, словно бы его напоила тогда не я, а он сам себя напоил до такой не кондиции. И на весь клуб я тоже была невероятно зла. Стыд в принципе отлично двигает вперед отрицательные эмоции. А потом мне самой стало смешно. Блин, в этом вся я, в этом моя карма — ну кто еще может попасть в подобного рода переделку? Ну, естественно, Бурундукова. К тому же я поняла, что сердиться бесполезно, реальность от этого уже не изменится. А если изменить реальность я не могу, мне остается ее принять, не так ли?

— Так у вас точно ничего такого не было? — вернулись подружки к важнейшему вопросу.

— Нет!!

— Ты еще скажи, что не будет, до свадьбы, — посоветовала Маринка, хитро блестя темными глазами.

Я волком на нее взглянула.

— Кто бы говорил. Что-то я не помню, что мне гадалка говорила что-то про свадьбу. А вот про тебя и ребеночка я кое-что слышала.

Подружка мигом перестала хохотать и надулась.

— А ведь гадалка была права, — задумчиво сказала Лидия, — я ведь рассталась с Женей… И невеста у него — блондинка. Миленькая.

Ее кузина как-то побледнела, а потом рассмеялась.

— Совпадение! Ты своего фиолетового же не встретила.

Тут побледнела, по-моему, Лидия.

— И не думаю, что встречу, — отозвалась она.

— А Черри ведь на «А» зовут — Александром. — Сказала я задумчиво. — И про букву «Д» та тетка была права…

Я ведь тогда и предположить не могла, что полюблю Дениса, ведь я с ума сходила по другому парню.

— А что там у вас с Черри? — полюбопытствовала Лида у сестры. — По-моему, ты с ним каждый день часов по 5 переписываешься.

— Ой, мы еще и по телефону разговариваем, — сообщила тут же со счастливой влюбленной

улыбкой девушка нам. — Он такой… такой… Короче, он не такой, каким кажется на первый взгляд.

— Это в смысле? Он еще хуже, развязнее и наглее? — спросила я.

— Нет! Напротив! Он очень милый, очень. Он очень заботливый и может так нежно что-то написать, что мне кажется, что у меня после прочтения его сообщений подкашиваются ноги. — Призналась Марина. Лида за ее спиной покрутила пальцем у виска. — И голос его по телефону немного не такой, каким был раньше. Эх, Сашенька — чудо, мое зелененькое чудо. А какие у него тату… Оу.

— А, по-моему, его друг, Ланде, намного лучше, — сказала Лида, вспомнив нашу совместную прогулку. — Хороший парень. По моему, один из немногих, кто способен быть преданным, — по ее губам мимолетом пробежала едва уловимая печаль, а в уголках глаз мелькнула тоска. Я коснулась ее ладони своей, мысленно говоря, что все хорошо. Кажется, Лида поняла меня.

— Ну он тоже классный, не спорю, но Черри… Просто ангел. Теперь я окончательно в него влюбилась. Жаль, у него нет времени на встречу, — печально сказала Маринка.

— Влюбилась? — едва ли не хором спросили мы.

Марина кивнула. Миг — и на ее хитрой мордашке расцвела мечтательная улыбочка.

— Сначала он мне просто нравился, а когда мы стали общаться по аське и по телефону, я в него, кажется, влюбилась. Знаете, это такое чувство необычное… когда знаешь, что там, за другим монитором, сидит человек, который может понять и который дает мне знать, что я ему нужна. Так приятно.

Ее кузина вздохнула.

— Мне все равно Черри не нравится. Знаю я такой типаж парней. Ланде — куда лучше. Хоть и странноватый.

— А, кстати, Ланде — как его зовут, Микаэль, так? — он не показался вам, ну, немного женственным? — спросила я, с улыбкой вспомнив тощего и изящного парня с длинными белыми волосами. Эх, увидеть его бы еще раз в красном шарфе. Обаяшка!

А в голове у меня приятно шумело. Коньяк в тандеме с ромом действовали забавно.

— Показался, — кивнули сестрички. А Маринка добавила:

— Я как-то спросила у Черри, той ли ориентации Ланде.

— И что он ответил? — заинтересовались мы тут же.

— Сейчас, покажу

Маринка вытащила телефон, вошла в архив аськи и нашла ответ Саши на этот воистину животрепещущий вопрос.

Черри: Марин, он — не гей! Микаэль вполне нормален и ему нравятся девушки, — написал парень, — даже странно, что ты подумала такое про него!!!

Ой, надо же, Черри защищает Ланде, а я думала, что они терпеть друг друга не могут. Правда, все время почти вместе. Мне как-то даже казалось, что они типа пара.

Marina J: Но, как я поняла, девушки у него нет, и он все время рядом с тобой. Как будто бы вы — одно целое=) Не обижайся, я не хотела обидеть твоего друга!

Черри: Он мне не друг, — явно обиделся парень.

Marina J: А кто?

Черри: Враг…

Marina J: Как пафосно, Саш)))))) А вы ведь живете вместе? — похоже, Маринке было очень любопытно.

Черри: Да, приходится. Уже много лет он мешает мне существовать. И он не гей!

Marina J: Да-да, я поняла… Не злись, зайка, ладно?:)

Черри: На тебя невозможно злиться, — сделал изящный комплимент парень. Ну Черри дает! И зайкой разрешает себя называть!

Marina J: А когда мы встретимся?

Черри: Скоро, девочка моя, скоро…

Дальше прочитать мы с Лидой не успели. Маринка отобрала мобильник, заявив, что потом там будет слишком личное. И мы продолжили веселиться.

— А знаете что? — медленно спросила я через полчасика, не злая, а чересчур веселая из-за рома, который вновь специально для меня смешали с газировкой. Чтобы я еще больше успокоилась. Ну, и сессия нуждалась в обмывке, да.

— Что еще, Бурундукова?

— Позвоню-ка я ему. — Сказала я, вскочила с дивана, на котором валялась. Едва не споткнулась о ногу Маринки, но все-таки удержалась на ногах. Из сердца головастики перебрались к мозгу и теперь крутили и вертели его в разные стороны. У этих умников тоже было веселье — еще бы, сессия кончилась!

— Кому? — хором спросили меня подруги.

— Дэну.

mir-knigi.org

— Зачем еще? — не поняли они. — Давай лучше музыку послушаем, потанцуем?

— Рассказать о видео. — Заявила я. — А то он, по ходу, не знает. Пусть узнает и рыдает. Отомщу ему за все мои страдания! И мы потом потанцуем! Да?

— А, может, не надо? — нахмурилась Лида, которая в этот вечер не пила ничего из принципа.

— Надо. — Покачала я головой, не зная, что совершу грандиозную ошибку. Я после этого случая даже у братика на свадьбе только два бокала шампанского выпила. Боялась еще что-нибудь такое вытворить.

Я набрала Дэна, но он почему-то не отвечал. Тогда подумала своим слабым мозгом, который головастики теперь, видимо, дружно пинали, и решила, что могу позвонить ему на другой номер — пару раз он звонил с какого-то незнакомого, когда еще не купил зарядное устройство. Так как из-за коньяка и рома, которых я выпила мало, но которые умудрились как-то чудно перемешаться в моем голодном желудке, моей дурости не было придела. И, хотя я и не ощущала себя пьяной, но по любому, мыслила немного… необыкновенно. И я, тупица, набрала этот второй номер. А девчонки меня не останавливали.

— Да, — взял трубку этого мобильника сразу Денис. Правда, его голос был несколько другим, более глубоким и размеренным, но так как связь была не очень хорошей, я не предала этому значения. — Алло, да?

— Балда, — не стерпела я, предвкушая, как расстроится моя парень, узнав о видео и о том, что он без вины стал папочкой.

— Что, простите? — не понял Дэнни.

— Смерчинский? — уточнила я на всякий случай. Может, не он?

— Э-э-э, да, Смерчинский, — отозвался его голос. Я обрадовалась и под смех подруг выдала ему со злостью:

— Смерчинский, поздравляю, ты дебил. — Выдала я очень торжественно.

— Неужели? — несколько удивился он.

— О, да.

— Как пожелаете. Это все, что вы хотите сказать?

— Ты еще и олух. — Обрадовала я любимого, ничего не подозревая. Мне хотелось назвать его еще и как-нибудь ласково, потому что я скучала даже тогда, когда была не трезвой, поэтому я противным голосом добавила, — мой этот… котенок.

Я думала, он хотя бы мяукнет, а Смерч взял и повесил трубку. Я моментально разозлилась вновь. Я даже ему еще всего не высказала, а он! Я тут по нему скучаю, жду не дождусь нашей встречи, хочу это… поцеловать его или даже того… раздеть!

И я набрала его номер во второй раз.

— Да? — теперь в его голосе было раздражение.

— Смерчинский, гад, ты вообще охренел в конец? Трубку бросать вздумал?

— Девушка, или мы на разных волнах, — задумчиво отозвался Денис, — или…

Я перебила его.

— Или ты козел.

Лида покрутила пальцем у виска, типа, как ты со своим парнем разговариваешь-то?

— Даже так? Знаете, милая барышня, мне, конечно, приятно, что вы мною интересуетесь, но у меня нет времени на подобного рода глупости. — Кажется, его голос стал немного рассерженным. Связь все равно продолжала оставаться не самой лучшей, и временами Дэнва становилось почти не слышно.

— А ты знаешь, что вытворили твои дружки? — спросила я противным голосом истерички со стажем, вновь вспомнив видео в Интернете.

— И что же, боюсь спросить?

— Опозорили меня!!

— В смысле? — не понял он. Мне в этот момент нужно было уже о чем-то догадаться, но я тупила.

— В прямом, Дениска, в прямом. Теперь все знают, что я от тебя беременна и у нас скоро свадебка. Об этом даже в Интернете знают. Это твои друзья всем рассказали! И видео выложили. — Заявила я громко. Девчонки опять стали хихикать. Я тоже.

— Что-что-что? — закашлялся как-то не по-Дэновски голос. — Это что значит? Девушка! Вы кому звоните? Моему сыну что ли?

— А?

Как выяснилось, я просто не знала, что голоса Дэна и его отца очень и очень похожи. Да еще эта плохая связь… И отсутствие моего мозга.

— Вы Денису звоните? Девушка… вы же Мария? — вдруг догадался отец Смерча. — Маша, вы от него ребенка ждете? Маша, не молчите. Маша? Маша, вы действительно в положении? Это крайне серьезно! Лера! Иди сюда! Лера, этот паршивец раньше положенного сделал тебя бабушкой! — и тот, кого я приняла за Дэна, вдруг рассмеялся. — Маша, вы еще здесь?

«Ее нет, она в дурдодоме», — сообщил ярко-зеленый головастик.

А я просто-напросто повесила трубку, отключила на фиг телефон, просто-напросто вытащив батарейку, а потом беззвучно опустилась на пол, скрестив ноги и закрыла лицо руками. По-моему, почти мгновенно мое сознание стало ясным. Смерч пару раз звонил мне от отца, а я… что я наделала?

— Что стряслось? — не поняли всей драмы подруги.

— Я конченая дура. Я звонила его отцу. — Прошептала я едва слышно и очень жалобно.

По-моему, у кузин сегодня был передоз смеха, и жить они будут лет 120, не меньше. А мне было невероятно стыдно.

Правда, конечно, через полчаса Смерч, до которого дозвонилась Лида по его обычному телефону, и которая все ему рассказала, разрулил этот вопрос, сказав отцу, что это он попросил подружку прикольнуться над ним, но мне стало еще хуже, чем было. На лбу каждого из головастиков теперь сияла блестящая надпись: «Я — идиот».

И я еще обвиняла Дэна, что он ведет себя неадекватно, когда выпьет, а сама-то!

— Милая, зачем ты решила позвонить моему отцу? — спросил у меня Смерч после всего этого балагана.

— Я думала, что это ты, — отвечала я грустно.

— Голоса у нас с отцом, конечно, похожи, но не настолько, чтобы… Эй, Бурундук! Ты что там, пила что-то? — вдруг догадался он.

— Ну, было дело. — Созналась я. — Закрытие сессии отмечалось и…

— Отлично! Она еще и пьет. Приеду, и мы с тобой поговорим, — пригрозил мне Дэн тут же. — Я серьезно. Поняла меня? Ты же, как-никак, — его голос стал подозрительно мягким и заботливым, — ждешь от меня ребенка, моя звездочка. Да?

Я хотела на него поругаться, но не смогла. Просто сказала усталым голосом, что скучаю, а он пообещал вернуться как можно скорее. И добавил, что мне не стоит расстраиваться. Его отец любит шутки. А я ответила, что поняла это, когда услышала, что он стал звать Леру.

Дэн, как и всегда, сумел найти те самые слова, которые заставили меня забыть и про видео, и про звонок, и про все на свете. И даже заставил меня стать тихой и, как ни странно, ласковой. Да, блин, я все-таки назвала его «своим мальчиком». Так и сказала: «Дэнчик, ты — мой мальчик». Кажется, он искренне обрадовался, а я… Я в свою очередь обрадовалась этому. Кажется, когда любимый человек счастлив хоть пару секунд, ты счастлив вместе с ним — только в два раза дольше. Или больше. А когда ему плохо — тебе хуже раза в четыре. Это я осознала уже позже, почти в самом конце всего этого.

Заснула я утром, у Лиды на кухне, с мобильным в руках. И мне снились плечи этого негодяя, а еще… Впрочем, что мне снилось еще — мое личное дело.

«Оу, да, у Смерчика не только плечики классные», — тут же выдал меня зеленый в крапинку умник.

Девчонки от Лиды ушли только часа в четыре. Обе счастливые и выспавшиеся. Лохматая Машка почти забыла про вчерашнее и то и дело мило улыбалась непонятно чему. Ей все время звонили то мама, то брат, то отец, и, по идее, она должна была злиться от того, что ее то и дело зовут домой, но она оставалась подозрительно спокойной. Маринка переписывалась с утра пораньше со своим Сашенькой. Спала она часа два от силы, и глаза у нее от напряжения были красными, как будто бы зареванными, только выражение их было счастливым.

Когда подруги уходили, осторожно огибая лужи — сегодня было дождливо и прохладно, Лида смотрела на них с балкона и думала, что все-таки хорошо, что у Машки есть ее крутой Смерч, он ведь так сильно за короткое время повлиял на нее, и что у Маринки не все так плохо с Черри, хоть он и дебил. Лида действительно была рада за подругу и сестру. Искренне. Вот только боль из-за расставания с Женей все никак ее не покидала. Вилка оставалась в сердце. После того случая в «Алигьери» он не звонил ей больше, и не писал, и вообще никак не

беспокоил. От общего знакомого Лида совершенно случайно узнала, что у Евгения через 2 месяца состоится свадьба, и, говорят, она будет шикарной. А после молодожены отправятся в свадебное путешествие на Мальдивы. Мечту Лиды исполнит кто-то другой. Вернее, другая.

А еще ей часто вспоминался тот молодой человек из клуба: симпатичный, черноволосый, синеглазый, в модных очках, дорого и со вкусом одетый, элегантный, спокойный внешне, и не слишком высокий — ниже ее ростом! Правда, не смотря на это, он оказался очень милым, уверенным и решительным, да и объятия у него были крепкими. Внешнее спокойствие было всего лишь напускным. Жаль, конечно, что этот милый с виду Петр оказался самым что ни на есть настоящим бандитом. И Никита Кларский, по ходу, тоже! Лида тогда так перепугалась — особенно того, что Ник увидит ее и узнает, что сбежала со скоростью света. О случившемся никому не рассказывала: ни Маринке, не Машке. И хорошо, что этот Никита в последнее время вроде как перестал клеиться к Бурундуковой. Машке в парнях, нечистый на руку парень совершенно не нужен. Ольге Князевой девушка тоже ничего не говорила. Жаль, конечно, что Кларский ей с той Никой изменяет, и причем они встречаются несколько месяцев, но Оля пусть сама разбирается. К тому же ей самой что-то нужно от Машки, раз она ее даже копировать начала. А недругов своих друзей Лида считала своими недругами.

Что вообще происходит? Раньше все жили спокойно, а сейчас словно сошли с ума. Все разом решили поиграть во взрослых?

Чтобы отвлечься от плохих мыслей, она включила телевизор. Там не было ничего интересного. По одним каналам показывали скучные фильмы, по другим — неинтересные программы, по третьим — новости. Новостные программы ничем особенным порадовать не могли и говорили об одном и том же. Или сообщали о прибытии в страну с официальным визитом королевской особы, или передавали вновь и вновь сообщение о потерпевшем крушении самолете. Об этом с числа 26-го говорили новости и федеральные, и региональные, городские, потому что самолет принадлежал местной авиакомпании и должен был лететь на юг, к морю. Разбился же всего лишь в ста километрах от места назначения. Лиде погибших было безумно жалко — счастливые люди летели на море, и тут такое… Чтобы не получать лишнюю долю негатива, она выключила телевизор и рухнула на диван. Ей сразу же вспомнился кожаный диван в кабинете Петре, и сам он в опасной близости от нее, глядящий немигающим взглядом прямо в глаза. Когда он наклонился к девушке, она вдруг подумала, что у него очень мило расстегнут ворот рубашки и это придает ему какой-то шарм. Ей захотелось тогда коснуться кончиками пальцев его шеи, но она сдержала себя. Следующим ее порывом стало желание прижаться к парню, спрятать голову у него на груди и почувствовать, что его руки обнимают ее вновь, но она просто сказала Петру, что он красивый и добрый. Сказала искренне. А он, кажется, изумился.

Жаль, что он, кажется, совсем и не добрый. И хорошо, что она никогда не встретиться с ним. Город большой, а в клуб «Алигьери» Лида больше никогда не пойдет. К тому же — от этой мысли девушка вдруг захихикала — он ниже ее ростом, и это очень забавно. А еще он так мило злился, когда Евгений что-то там говорил по этому поводу.

Она перевернулась на живот и обняла большую диванную подушку. Когда-то так она обнимала Женю, а он…

— Все! Стоп. Хватит о нем думать, не будь слабохарактерной, — приказала сама себе Лида вслух. — Этот подонок не заслуживает мыслей о тебе.

И девушка самым решительным образом попыталась вытолкнуть образ проклятого бывшего из головы. И незаметно уснула под стук по-осеннему меланхоличного дождя. А проснулась неожиданно, от настойчивого звонка в дверь.

«Девчонки что-то забыли?», — подумала она, поднимаясь с дивана. Взгляд тут же упал на Машкину зеленую кофту с длинными рукавами.

«Точно, Бурундукова за кофтой вернулась», — подумала сонная Лида и, зевая, как крокодил, открыла дверь, даже не спрашивая, кто там. А сделано это было зря. За дверью стоял тот, кого Лида не желала больше встречать. Не кто иной, как сам Петр.

— Добрый день, — сказал он ей, светски улыбнувшись. — Ты одна?

Лидия растеряно поглядела на свой то ли кошмар, то ли прозрачную еще мечту и поняла, что ей сейчас станет плохо.

«Как он узнал? Зачем он меня нашел? Что ему надо?!», — лихорадочным потоком стали проноситься в голове мысли одна неприятнее другой.

— Удивлена? — спросил черноволосый молодой человек в очках. — Пригласишь меня к себе?

— А, да, конечно, проходи, — медленно, едва ли не по слогам произнесла хозяйка квартиры, ошеломленная визитом Петра. Однако она старалась не показывать того, что чувствовала на самом деле. Даже задрожавшие, как ей показалось, пальцы рук спрятала в карманах халатика. Он же, ничуть не смущаясь, прошел в зал, сел на кресло, закинув ногу на ногу и уставился на девушку. Очень изучающее.

— А что, собственно, случилось? — села на соседнее кресло она. Петр изучающее оглядел ее и вкрадчиво улыбнулся.

— Ты ведь помнишь меня?

— Да, помню, — знала, что нет смысла врать, Лида.

— Отлично. Просто замечательно. Я звонил тебе, но ты не отвечала. Поэтому решил приехать к тебе. Лида, ответь мне на один вопрос. Зачем же ты убежала? — мягко, но очень укоризненно спросил молодой человек.

— Мама позвонила, сказала, чтобы я приехала домой, — не моргнув глазом, соврала девушка. Признаваться в том, что подслушала страшный разговор Петра и Кларского, она не спешила. Если он узнает об этом, ей, кажется, будет несдобровать.

— Значит, ты послушная дочка? — с улыбкой спросил черноволосый гость.

— Ну не то, чтобы послушная… просто не люблю расстраивать маму. А зачем ты приехал? — с тревогой просила она.

— За тобой. Ты мне очень понравилась. — Признался он. — Ты, к моему удивлению, настолько прочно засела в моей голове, что я захотел встретиться с тобой еще раз.

— А-а-а… — Больше не смогла ничего сказать Лида, глядя себе на ноги. Она вдруг поняла, что выглядит она, мягко говоря, не айс. Короткий самый простой халатик с запахом, растрепанные волосы, собранные «крабиком», облезлый маникюр на ногтях, полное отсутствие косметики на лице, бледня кожа. Как она смотрится в его глазах?? Наверняка, не слишком хорошо. Но и пусть. Значит, уедет быстрее.

— Твой прекрасный гигант тебя больше не беспокоит?

— Кто-кто, прости? — не поняла Лида.

— Твой высокий парень.

«А-а-а, Женя же его тогда оскорбил… А ведь этот Петр тогда мне все-таки помог… А он даже ничего, — решила она вдруг, — жаль, что ниже меня и занимается какой-то уголовщиной».

— А, нет. Да у него свадьба скоро, зачем ему я, — пожала плечами девушка. — Нет, серьезно, зачем ты меня нашел?

— Я же сказал, ты мне понравилась. К тому же ты прилюдно назвала меня своим парнем. Помнишь? — Он склонил голову набок. Казалось, ему нравится наблюдать за нею.

— Я была пьяна! Прости. Не хотела тебя смущать. Мне очень неловко.

— Поверь, меня очень трудно смутить. — Самодовольно отозвался Смерчинский. — Я, так понимаю, ты закрыла сессию?

— Ну да. — Не поняла Лида, откуда он это знает. Хотя… догадаться не трудно, конец июня. — А что?

— Собирайся, — велел Петр.

— Куда? — занервничала Лида еще больше прежнего.

— К примеру, в ресторан, — отозвался парень.

— Да-а-а? — Протянула она. — В какой еще ресторан?

— Ну, скажем, в «Афины», — назвал один из самых дорогих заведений города парень. Мелочиться он не любил.

— В «Афины»? Думаю, у меня как раз хватит денег там на стакан воды и кусок хлеба, — с умным видом покивала головой Лидия, лихорадочно размышляя, что ей делать.

— Вообще-то, плачу я, — парень встал со своего кресла, подошел к хозяйке квартиры и неспешно, но уверенно протянул ей руку. — Вставай, я, правда, хочу пригласить тебя в ресторан.

— С какой стати? — не спешила дотрагиваться до него Лидия. Зато тут же отметила, что у него приятные руки, красивые и ухоженные ногти, а перстень на указательном пальце не вызывающ, хотя и явно дорог.

— Это свидание, моя милая. Хочешь пойти со мной на свидание?

«Ага, он все-таки не знает, что я все тогда слышала!», — обрадовалась черноволосая девушка. Стало как-то поспокойнее. Но идти с ним куда-то?

— Извини. Нет.

— Нет?

— Нет.

mir-knigi.org

— Почему же? — изрядно удивился Смерчинский. Ему редко отказывали. Кажется, даже никогда не отказывали.

— Ты ниже меня ростом, — отозвалась Лида.

— И-и-и? — протянул он, подняв правую бровь.

— Мы будем смотреться, как идиоты.

«К тому же я тебя побаиваюсь, ты — плохой мальчик, не нужно с тобой общаться», — подумала она про себя несколько затравленно. Петр нахмурился, сам взял ее за руку и, потянув к себе, заставил подняться. Все-таки он был достаточно сильным и точно знал, что удержать эту высокую брюнетку сможет, если ему в голову вдруг придут мысли о том, чтобы немного с ней развлечься. Насильно поцеловать, к примеру. Правда, ему вспомнилось, что в тот раз, в клубе, он поцеловать ее так и не смог. По крайней мере, без ее согласия на это.

Теперь они оказались друг напротив друга. Лида сглотнула и почему-то подумала, что и сегодня этот парень элегантно одет: светло-фисташковая рубашка, в гамму ей очки в темно-травяной пластиковой оправе, черные прямые брюки и черный удлиненный пиджак, дорогие часы на руках… И пахнет от него чем-то свежим, мягким, приятным, не похожим на эти простые и резкие многочисленные мужские одеколоны.

— Так волнует мнение людей? — задумчиво проговорил молодой человек. — Поверь, в «Афинах» самое правильное мнение у того, кто имеет больше долларов или евро в кармане или на кредитке.

— Но…

— Собирайся. Я хочу, чтобы у нас было свидание, и у нас будет свидание. Пока что я прошу тебя очень по-хорошему, идем. — Голос Петр стал ледяным, но тут же он мило улыбнулся и погладил Лиду по щеке. Тот факт, что она смотрела на него сверху вниз, его не смущал. Она была ему интересна, едва ли не мистически притягивала и заставляла думать о себе. А этого эффекта добивались очень и очень немногие представительницы прекрасного пола. Безуспешно.

— Ты, правда, мне понравилась. — Теперь очень мягко произнес он. — И это даже странно. Одевайся, ну же? У меня была трудная неделя, тысяча проблем, и я хочу приятно провести время с той, которая почему-то запала мне в душу, милая.

— Ну, если ты настаиваешь, — Согласилась вдруг девушка, чувствуя что от его слов по сердцу разливается что-то теплое и, кажется, мурлыкающе. — Подожди, я быстро. Хочешь что-нибудь?

— Нет, спасибо. Просто собирайся и поедем. В моей машине ты была, на моем диване, — он обвел синими глазами ее фигуру, — тоже. Называла меня своим парнем. Так что тебе нечего боятся.

«Ну да, точно»

Она неожиданно улыбнулась ему. А он опять поймал волну ее искренности и заинтересованности, хотя почему-то уловил в ее глазах и испуг.

«А все-таки Дэн прав, — подумал молодой человек, когда Лидия покинула комнату, — меня действительно к ней тянет. А это очень сложно признать. Девочка, думаешь, то, что ты выше,

меня испугает? Отнюдь-отнюдь. Я люблю покорять вершины. Нет, все-таки тебя надо было найти раньше».

Лида скрылась в своей комнате и прислонилась к стене спиной. Сердцебиение у нее участилось. Этот опасный тип умудрился найти ее, заявляет своим уверенным голосом, что она ему нравится и приглашает на свидание. Его даже не смущает тот факт, что, во-первых, она выставила себя самой настоящей дурой в клубе и привязалась к нему в пьяном виде, а Женя опять же из-за нее ударил Петра по лицу. А, во-вторых, ему что, действительно безразлично, что она выше его? И выше не на 3 или 5 сантиметров, а как-то побольше.

Девушка потерла лицо руками. Зачем она согласилась? С одной стороны она все еще пребывала в славном изумлении, с другой — побаивалась отказать дружку Никиты Кларского. Кажется, он настроен серьезно. Не шутит. Если Лида сейчас скажет, что никуда не поедет, то он найдет способ заставить ее выполнить его желания.

А еще — еще ей все же, как и любой девушке, было очень приятно. Она так понравилась парню, что он даже ее адрес нашел.

«Ладно, одно свидание — это не страшно. Он поймет, что мы смотримся глупо и оставит меня в покое. Да и в „Афинах“ я никогда не была. О'кей, все будет хорошо. Я со всем справлюсь».

Она в рекордные сроки собралась: расчесалась, уложила волосы, подкрасила глаза и губы, стерла на ногтях лак и покрыла их прозрачным быстросохнущим, отыскала к своему изумлению коктейльное легкое платье почти такого же светлого фисташкового оттенка, как рубашка Петра.

«Под цвет», — подумала она, все еще слегка дрожащими пальцами ища в шкатулке кольцо с малахитом. Лида нашла кольцо, надела его, и тут ей вновь вспомнились слова гадалки:

«Фиолетовый. По этому цвету его узнаешь, девочка моя. Ох, ну и упрямая же ты, сильная, с виду холодная. Да и он не сахар. Такой же. Сойдетесь».

У Петра фиолетовая машина, да и когда они встретились, он был в фиолетовом пиджаке! Это точно, потому что она подумала, что ее ногти прямо ему под цвет!

«Ах, да, не увлекайся, Лидия тем, что тебе настойчиво предлагать будут. Зависимая ты сильно… Тебя жизнь немного поучит и все успокоится. Фиолетовый тебе поможет, если ты его не оттолкнешь».

Этого не может быть! Он ведь тогда не дал ей выпить эту наркотическую дрянь! Едва ли не вырвал из рук. Да и характер Петра явно не из слабых, и с виду он холодный… только дыхание у него горячее. Там, в его кабинете, когда у нее все плыло перед глазами, Лида явственно ощутила, какое горячее дыхание было у этого слегка надменного, но показавшегося ей тогда милым и добрым, молодого человека. Горячее, почти что обжигающее, хоть и мимолетное.

Лида отогнала воспоминания — она в принципе их не любила, потому что они имели нехорошую тенденцию понижать ей настроение. Она еще раз подивилась словам гадалки, отогнала от себя мысль, что она права (не может быть! Никакой магии не существует, по крайней мере, на набережной их города), и что Петр — ее якобы как бы судьба.

Лидия вышла из комнаты, улыбнулась молодому человеку, в ожидании рассматривающему развешанные по стенам фото с Лидой и ее семьей, и незаметно сжала руки в кулачки — на счастье. Этот опасный Петр все-таки умел притягивать к себе.

— Отлично выглядишь, — кивнул он ей, явно оценив то, что она надела платье именно того цвета. — Очень хорошо. Теперь пошли. Сегодня вечером ты будешь моей леди.

— А ты моим джентльменом? — уточнила девушка.

— Конечно, — улыбнулся молодой человек. — Я буду очень галантным и крайне вежливым. Не забудь накинуть что-нибудь сверху, на улице прохладно.

Ей пришлось взять с собой летний легкий плащ. А вот обувь она предусмотрительно выбрала почти без каблуков. Благо, что пара таких туфель вообще у нее была.

Он по-хозяйски открыл ей дверь, пропуская вперед. Дверь в автомобиль он тоже открыл, улыбнувшись, глядя, как высокая девушка садится в его машину. Открывал и тогда, когда они прибыли к ресторану «Афины», куда могли попасть далеко не все даже обеспеченные жители города. С тех пор он всегда и везде пропускал ее вперед. Ну, конечно, за исключением тех случаев, когда ему самому нужно было идти первым, чтобы ее защитить. Или в тех случаях, когда, следуя ресторанному этикету, шел впереди, держа ее за руку, чтобы указать путь и выбрать столик.

Через минут сорок они сидели в ресторане, около самого окна, большого и круглого, которое выходило на набережную. Поскольку Петр и Лида находились на последнем этаже самого высокого небоскреба, гордо возвышающегося в центре города, то вид им открывался превосходный. Самые разнообразные дома, складывающиеся в проспекты, улицы и переулки; парки, площади и асфальтовые вены дорог; бархатно-синяя река, плывущие по ней лодки и даже пароходы; темно-зеленые от обилия хвойных деревьев горы вдалеке, по которым скользили последние, но все еще очень яркие солнечные лучи. Дождь кончился, на время уступив место заходящему солнцу.

Предупредительный официант только что ушел от них с заказом. Сначала парень и девушка долго изучали меню: он критично, она с удивлением от цен. Однако Лиде пришлось отказаться от слов «я буду все, что будешь ты», и выбирать блюда самой, потому что эти слова сказал Петр, внимательно глядя на свою спутницу. Правда потом, когда девушка озвучила официанту свой выбор, молодой человек сказал, что пошутил и сделал свой заказ. Лиде оставалось только сердито на него посмотреть: этот умник занятно смог заставить забыть о ценах. Правда, сердилась она лишь внешне. Внутри стало приятно-приятно от его заботы. Необычный он все же…

После официанта к паре подошел улыбчивый сомелье: импозантный мужчина лет пятидесяти в сюртуке, который подробно рассказал о винах «Афин». Петр изучив винную карту и выслушав мужчину, выбрал дорогой и, кажется, какой-то коллекционный французский напиток. Официант тут же притащил это вино в специальной корзинке. И неспешный сомелье, как в фильме, продемонстрировав красивую бутылку из темного стекла с этикеткой на французском, сказал ее название и год. После он открыл ее, налил совсем немного красно-пурпурного вина в свой бокал, держа его за ножку — как потом пояснил Петр Лиде, чтобы вино не нагревалось от тепла его ладоней, затем поднял на уровень глаз, держа бокал против света, покрутил его по кругу и, вдохнув тонкий винный аромат, попробовал на вкус. Сказал, что все отлично. И тогда Петр тоже продегустировал вино, медленно кивнул, сказав, что «букет хорош, и послевкусие отличное». Услышав это и улыбнувшись, словно он сам выращивал виноград для этого напитка, господин сомелье осторожно разлил вино по бокалам: сначала Лиде, затем Петру. И, пожелав приятного вечера, удалился.

— Выпьем за тебя, — предложил Смерчинский, поднимая бокал.

— Как скажешь.

Девушка отпила пару очень маленьких глоточков. Вино ее приятно поразило — оно не было похожим на то, что она пробовала раньше. Густой, яркий фруктовый вкус действительно оставлял элегантное послевкусие, с миндальными нотками.

Она старалась не смотреть на Петра, и все внимание ее карих глаз было направлено на собственные ногти и кольцо с малахитом или на красивый вид из окна, а вот он не мог оторвать от Лиды пристального взгляда. Даже очки снял и держал их за дужки, поставив локти на стол.

— Тебе здесь нравится, милая? — спросил Петр.

— Да.

Лида лгала, ей было несколько неуютно. От его взгляда. И от того, что в таких дорогих местах она еще не разу не бывала. Не пробовала такого дорогого красного полусладкого вина, не слышала, как играют неспешно и мелодично профессиональные и невозмутимые музыканты на сцене, не видела такого безгранично уважительного отношения официантов и прочего персонала в униформе.

Она даже почувствовала себя какой-то дворняжкой среди породистых собак на графской псарне, правда, старалась оставаться невозмутимой и даже пыталась шутить. Но только Петр, однако, уловил это в ее поведении и тут же попытался исправить ситуацию. Отвлек Лиду от плохих мыслей забавной историей.

— Леди, леди, улыбнись. Ты же со мной, — сказал он ей укоризненно, чувствуя, что ей все равно неуютно. Почти без перехода спросил. — Любишь танцевать?

— А что?

— Хочу пригласить тебя на танец.

— Но здесь же никто не танцует, — рассмеялась она.

— Я люблю быть первым. — Задумчиво отпил вино Смерчинский. — Ну как тебе мое предложение?

— Нет, прости, я не очень хорошо танцую, — отказалась поспешно брюнетка. — А ты всегда такой вежливый? — спросила она.

— Нет, конечно, нет. Только с девушками. С нормальными девушками. На другое поведение с вами мужчина не имеет право. А на самом деле я не такой хороший, каким могу тебе показаться, — сказал с легкой улыбкой Петр. Он не догадывался, что Лида точно знает: он действительно плохой мальчик.

— Я подозреваю это, — пробормотала девушка.

— Да? — поднял он и так изогнутые брови. — Я что, кажусь таким плохим?

— Нет, — слегка напряглась Лидия, подумав, что сболтнула лишнего, — просто я точно знаю, что людей без недостатков не бывает.

— Согласен. — Девушка сцепила пальцы под подбородком и положила на них подбородок. К сожалению, Петр все больше и больше ее очаровывал. Каким-то внутренним особым темным

обаянием.

Кстати, буквально через полчаса он показал ей, что бывает хорошим и вправду не со всеми девушками. Он почти уговорил ее станцевать с ним, как им помешали.

— Привет, дорогой, — подошла к их столику девушка, очень красивая, светловолосая, действительно дорого одетая, с дорогим колье и под стать ему красивых серьгах. Девушка наклонилась к молодому человеку и коснулась губами его щеки, оставив на его щеке, как всегда, идеально выбритой, коралловый отпечаток губ. Разговор прервался на полуслове. Лида была смерена недовольным и даже высокомерным взглядом. И сама с хорошо скрываемой яростью посмотрела на незнакомку.

— Здравствуй, — кивнул незнакомке Петр, — а теперь оттирай свою помаду и проваливай.

— Что? — не поняла та.

— Я сколько раз тебе говорил, чтобы ты не подходила ко мне, когда я занят? — спросил без улыбки и намека на вежливость он. — Считаешь, сколько?

— Я просто соскучилась, — помертвевшим голосом сказала девушка.

— Оттирай. — Вновь сказал ей молодой человек.

— Ну же. Мы ждем.

— Но…

— Я занят.

И к изумлению Лиды, девушка взяла в руки салфетку и старательно оттерла свою губную помаду с его щеки. Глаза ее при этом были огромные.

— А теперь можешь идти, — благосклонно кивнул ей парень. — А, да, сначала извинись перед девушкой.

— За что? — длиннющие ресницы девушки почти касались ее бровей — глаза ее открылись еще шире.

— За то, что нарушила ее покой. — Бесстрастно произнес Смерчинский.

— Извини. — Как-то покорно сказала незваная гостью Лиде и умчалась, хоть и была на шпильках.

— Что это было? — проводила ее ошарашенным взглядом брюнетка.

— Ничего, недоразумение, — дружелюбно улыбнулся ей парень. — Леди, может быть, выпьем еще за что-нибудь? Почему ты почти не притронулась к своему бокалу? Не нравится? Не может быть, это отличное вино. А-а-а, — протянул он понятливо, — после того случая в моем клубе ты стараешься ничего не пить? Не бойся, это хорошее вино. Можно даже сказать, отличное. За что ты хочешь выпить, Лида?

— За меня мы пили. Может быть, за тебя?

— Как скажешь. — Согласился он. — Расскажи о себе? — вдруг попросил парень. — Я хочу

знать о тебе многое.

— Петя, ты… В смысле…

— В смысле? — он даже подался вперед. И в его глазах зажегся зеленоватый огонек интереса — под стать оправе очков.

— Я назвала тебя Петей… Но… почему тебя всегда и все так официально зовут — Петр? — спросила Лида внезапно.

— Не знаю. — Пожал он плечами и добавил, — может быть, мне не подходит быть просто Петей. Меня так даже в детстве почти никто не звал.

— Иногда мне хочется назвать тебя Петей, но я боюсь, что ты станешь Халком. — Засмеялась она.

— Вполне возможно, — потер подбородок парень. — Ну, если тебе вдруг захочется назвать меня Петей — дерзай. Что ты имела в виду, когда говорила «в смысле»?

— Я хотела спросить, зачем тебе что-то обо мне знать? Ты внезапно появился после того, как спас меня в клубе, позвал на свидание в это место, а теперь ждешь, что я буду рассказывать тебе что-то. Это не слишком самонадеянно?

— Какая разница? Я просто хочу знать о тебе то, чего не знаю. А не знаю я очень многого.

Они незаметно друг для друга действительно разговорились. Сначала она говорила о себе, нехотя, общими фразами, но внимание Петра и его наводящие вопросы заставляли Лиду словно невзначай раскрываться. Интересы, характер, жизненные ценности, желания — его интересовало именно это, а не просто перечисление простых фактов ее жизни. Когда до Лиды дошло, что разговаривает больше она, чем он, девушка замолчала, перевела взгляд на глаза спутника и сказала:

— Знаешь, а о тебе я тоже много чего хочу узнать.

— Да?

— Да.

«Идиотина, зачем тебе о нем что-то знать? И хватит болтать о себе, хватит!» — закричало чувство самосохранения, но мигом получило по голове зарождающимся кирпичом романтики.

— А что ты хочешь знать обо мне? — мягко, но несколько отстраненно спросил Петр.

— Многое, — пожала плечами Лида. — Око за око? Возвращай долг.

Он налил ей второй бокал вина. Брюнетка протянула руку к бокалу, и парень узрел ее колечко.

— Люблю малахит, — сказал он, разглядывая ладонь спутницы, держа ее за кончики пальцев. Она удивленно взглянула на Смерчинского, который как и кузен, имел удивительную возможность располагать к себе. Только если к Дэну тянулись фактически все, то к Петру тянулись только тогда, когда он сам этого хотел.

— Малахит? — подняла брови девушка. — Тебе больше подходит любить… Даже не знаю — бриллианты?

— Они лучшие друзья девушек, а не мои, — было ей ответом. — Я люблю полудрагоценные камни. Потому что если подобрать им правильную огранку, они будут куда ярче и привлекательнее. У тебя красивые руки, — без перехода добавил он.

— Умеешь определять характер людей по их рукам? — в шутку спросила Лида. А Петр серьезно ответил, что да. Их разговор продолжался. Они продолжали болтать, оба находя я в этом удовольствие.

Разговаривали тогда, когда им принесли блюда, которые девушке показались волшебными, общались и после трапезы, и на прогулке — после ресторана Лида умудрилась уговорить Петра просто погулять с ней по вечерним улицам. Они шагали по городу, на который вдруг опустилась легкая прохлада, и продолжали беседовать. Смерчинский оказался парнем умным, достаточно начитанным, слегка ироничным и порою даже саркастически настроенным. Как оказалось, во многом их с Лидой совпадали, хотя он был куда более жестким человеком, чем она. Если бы Лида услышала, как Машка называет его Гарри Поттером, только недовольно поморщилась бы.

А еще ей до сих пор казался забавным тот факт, что она — выше его, хотя и без каблуков. До нее стало доходить, что смотрятся они вдвоем, судя по всему не смешно, а интересно. Или даже, как это ни странно, — дорого.

Молодой человек и девушка неспешно шагали по широкому проспекту с мокрым асфальтом, над которым вовсю правил бал серо-синий вечер, и весьма походили на парочку, хотя и не держалась за руки или под руки. Петр выглядел весьма и весьма достойно. Хоть он и был ниже, но был эффектным — на все 100 процентов. В расстегнутом черном длинном пиджаке, с расправленными плечами, с твердой походкой, со взглядом уверенного в себе человека, который осторожно рассматривал мир из-за стекол очков.

«А есть что-то в нет такое зловещее», — подумала Лида, с удовольствием слушая его рассказ о том, каким забавным у него было детство со Смерчем. И пусть он будет позже едва ли не проклинать себя за то, что умудрился за один вечер раскрыться перед этой серьезной брюнеткой больше, чем перед кем-либо за год, и смог так сильно ее заинтересовать, но в этот вечер он чувствовал себя превосходно. Даже забыл обо всех проблемах.

На многолюдном проспекте на них часто оглядывались, и когда парни смотрели на симпатичную высокую девушку, похожую на модель, Петра это понемногу раздражало. Когда на него самого засматривались девчонки, уже хмурилась мысленно Лидия. Но внешне они одинаково были спокойными, словно все шло так, как и должно было быть.

Гуляли они долго, часов до двенадцати, и позже, уже в машине, когда Петр вез Лиду домой, признался, что еще ни одна девушка не заставляла его так долго бесцельно шататься по улицам. Она только пожала плечами и поймала себя на мысли, что все то время, пока была со Смерчинским, ни разу не вспомнила Женю.

Они попрощались, девушка вышла из спортивной фиолетовой «Мазды» и, помахав парню, направилась к дверям своего подъезда. Радовалась, что он не полез к ней с объятиями и поцелуями. Думать о том, что теперь ей делать, если он позвонит вновь, она решила завтра.

— Лида? — позвал Петр ее вдруг задумчиво через открытое окно автомобиля.

— Что? — обернулась девушка, доставая из сумочки ключи.

— Я хотел тебе кое-что сказать, — все таким же задумчивым голосом произнес молодой

человек. — Кое-что весьма забавное.

— Что же? — не поняла Лида, но отчего-то заинтересовалась. Парень поманил ее пальцем. Девушка пожала плечами, но вернулась к автомобилю и даже наклонилась к окну.

— Что? — повторила она, хотела, было, сказать что-то еще, но он неожиданно взял ее рукой за подбородок и достаточно властно поцеловал. Лида, чуть стормозив, отшатнулась лишь через несколько секунд. Дышать ей резко захотелось глубоко и часто-часто. У его губ был дерзкий вкус красного вина, которое они пили в «Афинах». Лида резким, даже нервным движением прикоснулась тыльной стороной ладони ко рту, желая стереть ею вкус вина, но не стала этого делать.

— Эй, ты что, с ума сошел? — сдвинула она сердито брови. Он все испортил!

Парень задумчиво облизнул губы, и его глаза странно блеснули из-под стекол очков в свете слабо горящих фонарей.

— Мило, не находишь?

— Не нахожу.

— Не считаешь нужными поцелуи на перовом свидании? — вкрадчиво поинтересовался Петр.

— Не считаю. Все, пока. Пока! — Сердито отозвалась девушка и, развернувшись, направилась к подъезду. Пока нервно открывала подъездную дверь ключом, молодой человек, неслышно ступая, вышел из своей фиолетовой «Мазды» и также неслышно зашел вслед за рассерженной девушкой в подъезд. Их обоих окутала темнота — лампочки на первых двух этажах, как это часто бывало, не горели, и были видны лишь силуэты и смутные очертания предметов. Невысокие каблуки Лиды застучали по ступенькам, и Петру понравился этот звук. Задорный и очень женственный.

— Лида, — позвал он высокую брюнетку осторожно. Она, не знавшая, что парень тоже в подъезде, вздрогнула от неожиданности. Стук каблучков прекратился.

— Ты? Ты здесь? Зачем ты пошел за мной? — сердито спросила девушка, подумав, что происходящее может закончиться для нее весьма плачевно. Он совсем? Зачем он за ней поперся? Чего хочет от нее в темном подъезде поздним безлюдным вечером?

Ей вновь вспомнился его разговор с Кларским. Вот же она дура! Этот Петр, хоть и родственник Смерча, — бандит, а она повелась на его галантность, вежливость и романтический настрой! Он наверняка не без задней мысли позвал ее в дорогущий ресторан — богатые плохие парни не приглашают просто так куда-то простых девочек, пусть даже и хорошеньких. Лидия вполне отчетливо поняла, что в таком случае хочет получить от нее этот симпатичный брюнет, который не смотря на то, что ниже ростом, заставляет ее чувствовать в нем настоящего защитника.

— Зачем пошел? Хотел кое-что сказать еще.

Парень оказался рядом с ней. Мимолетом проведя рукой по ее замершим пальцам, держащимся за перила, поднялся на ступеньку вверх и оказался на одном уровне с девушкой. Положил ей руку на талию, притянул к себе и прошептал на ухо, щекоча его дыханием — таким же горячим, как и тогда, в клубе:

mir-knigi.org

— Ты все-таки очень нравишься мне, Лида.

Она отпрянула, но он с легкостью удержал ее и засмеялся.

— Ты боишься меня? — прошептал он вновь, с удовольствием гладя ее по спине и по густым прямым волосам. — Боишься? Леди, прекрати. Я же сказал, что с тобой буду джентльменом.

Он, и правда, чувствовал ее страх. Странно — они провели вместе несколько часов, а его эмпатия по отношению к ней увеличилась. Как будто бы он стал лучше понимать ее.

— Я не боюсь, — почти без дрожи в голосе отозвалась Лида, понимая неожиданно, что наслаждается ситуацией, несмотря на то, что он может быть опасен. — Отпусти меня, это лишнее.

— Нет, — теперь он дотронулся губами до ее щеки. — Мне приятно быть с тобой. Нет, увы. Не отпущу.

Его дыхание переместилось на ее висок.

— Или ты вновь будешь иметь что-то против моего роста? — спросил Петр, еще сильнее прижимая девушку к себе. — Прекрати ставить себе проблемы там, где им не место. Хорошо?

Теперь она чувствовала тепло его дыхания на шее, и, что самое жуткое, ее сердце тоже чувствовало это тепло. После слов Смерчинского страх почти ушел, оставив место новоявленному доверию. Лида закусила губу, повернулась к Петру, как робот положила руки ему на плечи, вздохнула едва слышно и уже сама поцеловала его. Коротко, но со всем отчаянием девушки, которой было плохо одной. А затем отстранилась. Посмотрела ему в глаза. Прочла в них почти что восторг и улыбнулась.

— Хорошая девочка, — едва слышно проговорил парень, запуская пальцы руки в ее волосы. — Не бойся. Я ведь ничего тебе не сделаю. Ладно? Ответь. Ну же?

Лида только кивнула и вновь потянулась к его лицу. Вкус вина никуда не исчезал, и, кажется, даже усиливался. Как и ее сердцебиение. И, как Петр с печалью отметил чуть позже, — и его сердцебиение тоже.

«А он нежнее, чем Женя, — мимолетом подумала девушка, касаясь его предплечий, — хоть его губы и жестче».

У нее слегка закружилась голова — от резкого скачка эйфории в душе.

Они простояли в подъезде почти час, а, может, и больше. «Разговаривали». В темноте наслаждались друг другом. Лида больше не вспоминала бывшего парня, а Петр действительно оставался почти джентльменом.

Наверное, эти двое смогли пробыть там в объятиях друг друга и больше, только Петр вовремя понял, что уже не в силах сдерживаться и, пообещав девушке, что заедет за ней завтра, фактически сбежал в свою машину. Быстро уселся на место водителя, завел свою фиолетовую красавицу, которую нежно любил куда сильнее большинства людей, и едва ли не с места разогнавшись, поехал подальше от этого места. Через пару кварталов остановился, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он все еще чувствовал эту девчонку и ее прохладные пальцы, и слегка горькие, почти не ощутимые духи, и даже вкус ее помады, которой на губах Лиды, впрочем, не осталось. У него до сих пор оставалось послевкусие после долгих поцелуев.

Довольно необычное и приятное. Заставляющее не просто попробовать новое блюдо, а полностью съесть его.

«Да ты вконец обесценился в моих глазах, братец. Надо было тащить ее к себе, и ты великолепно провел бы с девочкой ночь. Не мучился бы сейчас», — сказал внутренний голос раздраженно.

Самому себе приказав заткнуться и более-менее успокоившись, молодой человек надел гарнитуру, завел машину и, чуть подумав, набрал номер Ланде. Судя по всему этот жаворонок уже видел десятый сон, но Петру было совсем не в лом разбудить друга. Вежливым он действительно был только с девушками. И еще с родственниками, например, с Даниилом Юрьевичем, отцом и дядей.

— Да, слушаю, — на удивление быстро взял Ланде трубку.

— Спишь? — спросил Петр, аккуратно останавливаясь на красный. В некоторых вещах он был пунктуальным, например, в вождении машины. И Лида, недавно едва не сделавшая из него участника ДТП с наездом, была виновата и сегодня — из-за нее от так резко газанул со двора. Чтобы уехать прочь.

— Нет, — голос у Микаэля был слегка уставшим, каким-то отстраненным — еще больше, чем обычно, но каким-то радостным.

— Нет? Ты же всегда ложился рано, — удивился молодой человек в очках. — Что заставило тебя не спать сейчас? Твой мудак мешает?

— Нет, Черри вообще дома нет, — сразу понял, о ком идет речь, Ланде. — Он где-то зависает у друзей. В компании алкоголя и девочек.

— Ну, идиотов не переделать. Поможет только трансплантация личности, — философски рассудил Петр. — Так почему же ты не спишь?

— Переписываюсь с девушкой, — отозвался Ланде, и действительно, хозяин «Мазды» услышал, как пальцы друга быстро стучат по клавиатуре.

— Нашел себе девушку? — полюбопытствовал Петр. Насколько ему было известно с детства, милаха Микаэль у девчонок пользовался бешеной популярностью, только обычно сторонился их. И не из-за комплексов или из-за вечной и всегда верной любви к неизвестной богине, нет. Просто из-за девиц у парня частенько возникали какие-то наиглупейшие ситуации.

Давным-давно, в детском лагере около моря девчонки-сестренки из старшего отряда, которым Ланде безумно нравился, воровали у него вещи, мазали пастой, всячески лезли и обзывались и доводили мальчишку до настоящих истерик. После одной из которых мать вынуждена была забрать его из лагеря. Чуть позже одноклассница, без памяти влюбившаяся в добродушного интересного парня, решила из-за него резать вены, и даже написала записку, где говорила, что жить не может без Микаэля, но просила никого не винить в ее смерти, тем более его. С ней, конечно же, ничего не случилось, но разборки между его родителями, ее предками, а также школой и даже милицией получились крутые. Как-то раз в университете целых три одногруппницы устроили из-за беловолосого настоящую драку, и их едва разняли парни. Опять вышел громкий скандал.

Последней такой забавной ситуацией была феерическая разборка с бывшим дружком одной из девушек, которая вдруг опять-таки влюбилась в Ланде и решила с ним встречаться. Микаэль

тоже заинтересовался ею, и они даже сходили на пару свиданий, таких же романтичных и милых, как и сам он. Только вот потом бывший молодой человек девушки прознал про то, что подруга бросила его из-за беловолосого парня, и подкараулил его во дворе собственного дома. Избивать его не решился, потому что вокруг было много народу, только лишь двинул пару раз по челюсти и позвал на стрелку, раз кое-кто «такой крутой перец, и отбивает чужих девчонок безнаказанно». Ланде на стрелку ни в какую идти не желал. Тогда парень начал серьезно угрожать ему по телефону. На свое несчастье коварно брошенный однажды наткнулся на сонного Черри и, как-то сдуру перепутав того с Микаэлем, еще раз в матерных выражениях пригласил на стрелку. Черри оскорбился до глубины души, пообещал придти, и не один, а потом стряс с Ланде правду о происходящем.

— Твою мать, почему я должен тебя всегда защищать?! — орал он часа два на весь дом. — Какого косого хрена ты вечно притягиваешь неприятности? И какого бубна я обязан валить из-за тебя на разборку с каким-то тупыми ошметками мяса?

— Не ходи никуда, — надулся Ланде тогда, с ногами взобравшись на диван. Он учил очередную роль, и ему, честно говоря, было не до бывшего своей девушки. Он ко всему относился философски. И на этого сумасшедшего, что названивал ему, Микаэлю было плевать.

— Нет уж! — разорялся зеленоволосый парень. — Нет, я пойду! Я этому уроду уши на задницу натяну с мочками! И вообще, ты почему мне сразу не сказал, что у тебя проблемы?

Ланде поднял на него голубые глаза со светлыми ресницами и пожал плечами:

— Зачем я буду тебя беспокоить?

— Терпеть тебя не могу, умник, — процедил сквозь зубы Саша, натягивая кожаную куртку и туго зашнуровывая высокие ботинки на толстой подошве. Ему нужно было спешить. Естественно, на разборку из-за проклятого Ланде.

На стрелку он, а также куча его очень неслабеньких друзей приехали быстро, в компании с кастетами, битами и идиотом-оператором, роль которого исполнял вечно веселый Челка. Драка получилась приличной, и все ее участники оказались в местном отделении милиции. Вызволял Черри, почти как и всегда, Дэн, а Ланде приехал вместе со Смерчем, и всю дорогу в своем привычном почти незаметном ехидном тоне размышлял о том, что так часто встревать в глупые драки — это нонсенс и абсурд. Черри крепился-крепился, а потом все-таки вмазал умнику. Удар пришелся тому по скуле, смазанным, но если бы не рука быстрого Смерча, то Ланде щеголял бы с подбитым фиолетовым глазом.

История, кстати, имела продолжение. Бывший девушки не успокоился и через месяц решил подкараулить Ланде и накостылять ему где-нибудь в темном переулочке. Однако Микаэль по переулкам ночью не шлялся, и его соперник решил достать его около клуба «Алигьери», куда Ланде приехал к Петру поздним вечером, чтобы вместе отправиться в боулинг-центр. Естественно, Смерчинскому не понравилось, что их окружили какие-то идиоты-качки, и он, не долго думая, звякнул своей суровой охране. Та появилась почти мгновенно и уладили ситуацию. Ланде вновь вышел из истории совершенно сухим. С девушкой той он достаточно быстро расстался, потому как понял, что они совершенно не подходят друг ко другу, и сосредоточился на творчестве, учебе, путешествиях и выведении из себя Черри-Александра.

Вобщем, женский пол продолжал его активно доставать, но Микаэль пока что, как сам говорил, не нашел даму сердца и довольствовался одиночеством.

— Это не совсем девушка, — проговорил Ланде, отвечая на вопрос Петра.

— Наполовину парень? Понравились трансвеститы?

— Нет! Почему все вечно думают, что я — гей? Я что, похож на гея? — огрызнулся обычно спокойный Ланде. Смерчинский удивился. Злобненького Микаэля он почти не знал.

— А ты пораскинь мозгами, — посоветовал ему добрый Петр. — Вспомни, как ты выглядишь и как себя ведешь. Если что — похож. Но можешь и забить на это. Живи, как тебе нравится. Ты, впрочем, так и делаешь. Так что у тебя за девушка?

— Мы с ней просто переписываемся и разговариваем по телефону, — отозвался Микаэль. — Но не встречаемся.

— Она так страшна? — полюбопытствовал Смерчинский.

— Напротив. Красива.

— У тебя интернет-роман? Скучно.

— Это тебе скучно. А мне нет. Я видел ее в реале. Она очень милая и… — Ланде отвлекся, что-то увлеченно печатая, видимо, в ответ девушке.

— И?

— И она мне очень нравится. Хотя все началось с банальной жалости, — признался Ланде, — но….

Он опять замолчал, и парень в очках вновь услышал стук его пальцев по клавиатуре.

— Что «но»?

— Она — как морской бриз. — Мечтательно проговорил Микаэль. — Когда мы общаемся с ней, мне кажется, что я стою около моря, босыми ногами на песке и чувствую, как этот бриз обдувает меня. Мятный бриз.

Петр поморщился, но свои ехидные слова говорить не стал. Ланде — человек творческий, а у них в голове действительно какой-то свой особенный ветер. Сам Смерчинский был скорее технарем, расчетливым и умеющим многое просчитывать человеком, которому многие душевные порывы Ланде были абсолютно чужды. Но именно с ним он дружил с самого детства, именно с ним многое узнавали и понимали, именно они вместе когда-то дрались против Черри и его наглого дружка, что сейчас умудрился стать музыкантом. Микаэль и Петр были непохожи совершенно, но эта непохожесть заставляла их общаться.

— Бриз? Ну-ну, пусть будет бриз. И не уходи в просторы Интернета вслед за своим бризом. Тебя все-таки ждет реальность, — напомнил Петр Ланде. — Давно переписываешься со своей девчонкой?

— Прилично. Говорю же, мы еще и разговариваем. М-м-м, с ней можно общаться даже ни о чем, и все равно кажется, что я знаю ее уже сто тысяч лет. Как будто тысячу лет уже стою на этом пляже, и она вокруг меня. — Голос Ланде еще больше потеплел, и Петр даже улыбнулся этому. — Везде. Ощущение, как при медитации…

И он пустился в долгое рассуждение, из которого Смерчинский понял, что его друг таки встрял.

Минут через десять, когда он уже подъезжал к своему дому, Петр перебил Микаэля.

— Слушай, ты же у нас эксперт в области чувств, — за насмешкой в его голосе пряталось любопытство. — Ответь мне на один вопрос.

— Какой же? — полюбопытствовал Ланде.

— Если есть три таких составляющих: мне плевать на ее социальное положение, на ее высокий рост, и я не могу сделать ей что-то против ее воли. Значит ли это, что, она мне нравится? — выдал очень неспешно Петр, потому что боялся, что сможет, как глупый подросток, протараторить эту волнующую его проблему.

— Тебе, вероятно, — да, — не слишком удивился такому вопросу беловолосый парень. — М-м-м… А я всегда говорил, что, в конце концов, твоим последним выбором будет девушка высокого роста. У тебя комплекс, дорогой друг. Наполеона комплекс.

«Дорогой друг» тут же поморщился. Зря он сказал об этом Ланде. Идиот.

— Ладно. Пока. — Отрывисто сказал он.

— Подожди, ты что, нашел себе кого-то? — всполошился друг по телефону.

— Нет. — Сказал ему Петр и отключил мобильник. Он заехал в подземную стоянку дома и припарковал авто. Вновь откинулся на спину удобного сидения и провел пальцем по губам. Странно, но послевкусие все еще оставалось. Впрочем, как и у Лиды, бесстрашно сидевший в это время на перилах балкона. Оно напоминало ей то самое вино, что они пили в ресторане, и, кажется, имело легкий, едва уловимый приятный привкус миндаля и винограда. И чего-то еще весьма необычного. Поцелуи с Женей никакого послевкусия не имели. А Петр вообще не придавал им особенного значения, считая всего лишь прелюдией. Он поднялся на лифте в свою квартиру и долго стоял под холодным душем, а Ланде в это время торчал в своей квартире, сидя на барной стойке с ногами, наслаждаясь одиночеством, и разговаривал по мобильному телефону голосом Черри. Марина и правда напоминала ему мятный бриз, вот только как сказать ей о том, что с ней все это время общался не Сашка, Микаэль не знал.

За пару дней до самых грандиозных событий этого года, а, может быть, и десятилетия: свадьбы брата и Насти и концерта моей любимой группы, случился акт разбивания моего сердца. Ну, тот самый, когда сердце разрывается на куски, или разламывается на тысячу осколков, а ты ходишь грустный и понурый, про себя все время повторяя: «Почему все так? За что? Почему именно со мной?». Со стороны на такого человека смотреть даже забавно. А вот чувствовать себя им — не очень. Очень не очень. Мега паршиво.

Это случилось днем, солнечным ужасным днем, когда я приехала в университетскую библиотеку — сдать, наконец, учебники. Предки, которые в последнее время слегка сошли с ума и после ночевки у Лиды не хотели меня никуда отпускать под самыми разными предлогами, сказали, что, мол, учебники я сдам как-нибудь потом. Например, осенью. Но я пригрозила им, что в таком случае мне влепят веселенький штрафик, а в следующем учебном году и вовсе не выдадут книг. Тогда папа самолично вызвался отвезти меня в университет. Я расселась на заднем сидении его служебной машине, балдея от того, что еду в универ не учиться. Жевала жвачку, болтала с отцом и по смс я переписывалась с подругами. Они обе у меня рехнулись — почти как и я.

Лидка вдруг ни с того ни с сего стала встречаться с двоюродным братом Смерча, тем самым

Петром-Гарри. Они уже были на паре свиданий, и, как я смогла вытянуть из нашей Мисс Скрытность, часто и долго целовались. А Маринка все продолжала оставаться в восторге от своего Сашеньки. Конечно, я не знаю, как у нее язык повернулся назвать этого здорового чувака с пирсами и тату на руках Сашенькой, но факт оставался фактом. Маринка все больше в него влюблялась и выглядела восторженной дурой. Правда, они пока так и не встретились, но ей, по-моему, было достаточно просто разговаривать и переписываться с ним. Кстати, его фото, слегка измененное в фотошопе, стояло у меня на заставке. У улыбающегося Дэнчика моими стараниями появилась косая черная бородка, усики, как у д'Артаньяна, витые рожки и красные радужки. Сбоку картинки я старательно приписала огненными буковками: «Дьяволенок».

— Опять ты с телефоном не расстаешься, — сказал неодобрительно папа. — С Денисом переписываешься?

— Не-а, он отдыхает пока. — Весело отозвалась я. — Это я с девчонками. Слушай, пап, а он тебе нравится? Ну, Дэнка?

Папа внимательно посмотрел на меня через зеркало заднего вида.

— Маша, ты не представляешь, как.

— Без сарказма!

— А это и не сарказм, — вздохнул он, поворачивая руль. В последнее время папа какой-то усталый. Оно и понятно: все время на работе. А у них там что-то грандиозное будет скоро. Даже маме уже интересно, что там такое у него случилось, что он пару раз целыми сутками на работе торчал. Я даже слышала сквозь сон, как недовольная мама, которая пошла в отпуск, ждала его до трех утра и выговаривала:

— Женечка, ну сколько уже можно? Ты что, всех бандитов решил переловить? Или ты один за весь отдел работаешь? — тут голос ее стал подозрительным, — или ты на мужа Семеновой насмотрелся?

— А что муж Семеновой? — поинтересовался тогда папа и я тоже — только мысленно.

— Ничего! Он перед тем, как к другой уйти, тоже на работе сидел сутками. — Вспылила мама.

— Вера, ну ты скажешь, конечно, — отвечал тогда папа раздраженно. Но на следующий день приехал домой не так поздно и купил маме цветы, а мне — торт. Тогда у нас дома случилась чуть ли не целая трагедия — маме показалось, что папа какой-то подозрительный, и она два дня обсуждала с какой-то своей подругой по телефону, что «Женька стал какой-то подозрительный, как будто бы вину заглаживает, зачем ему еще подарки мне неожиданно дарить?». Маме только через пару дней успокоилась, когда у нас в гостях побывал дядя Гоша, тот самый папин коллега. Он что-то сказал маме, и она стала поспокойнее.

— Пап, тебе он правда нравится? — спросила я еще раз.

— Твой Денис — очень хороший парень. Я рад, что ты нашла себе достойного молодого человека. — Отозвался родитель, качая задумчиво головой.

— Правда?

Я зажмурилась от удовольствия. То, что Смерч нравится моим родителям, было для меня очень важно.

mir-knigi.org

— Чего я буду тебе врать? Я людей умею чувствовать. Когда еще я вас встретил в мае, он мне понравился. Есть что-то в нем, Маша, что заставляет людей ему доверять. А он не использует это против них.

— Ну, когда как, — вспомнила я тут же его хитрость насчет того, что он якобы любит Ольгу. Кстати, а ведь Дэнв был прав — если бы он сказал, что он просто хочет помочь своей старинной подружке, потому что та боится встречаться с Ником и хочет его от себя отвадить. Да я бы в жизни не поверила ему, что Кларский — бандит, и что тот просто так хочет помочь Князю. А так для меня был веский аргумент: Смерчинский, как и я, — несчастный влюбленный. Вот же он стратег.

«Ура, у нас есть свой стратег! Аве стратегу!», — тут же начали строчить головастики.

— Он хороший защитник. А это главное в мужчине — уметь защитить свою жен… девушку.

— Да?

— Да.

— Ну дерется он прикольно. — Отозвалась я, вспомнив сценку около кафе. — Правда я сначала думала, что он слабенький и хиленький, но он просто открытого насилия не любит.

— А Денис дрался? — удивился отец. — Когда? Зачем?

— Э-э-ээ, ну я так, дружеский спарринг, — решила я не портить впечатления о моем парне. А то предок подумает еще, что Дэнка только и делает, как шатается по улицам и дерется со всеми без разбора.

Папа на меня посмотрел и только улыбнулся. Изредка он оглядывался или смотрел в зеркала заднего вида, словно ожидал увидеть на дороге позади нас кого-то, и, по-моему, был удовлетворен тем, что видел. Он довез меня до универа, высадил и хотел пойти вместе со мной под предлогом того, что ему скучно будет меня ждать и что он понесет учебники, но я заартачилась, и он остался в автомобиле. Сказал, чтобы я управилась быстро, мол, отвезет меня домой, а потом вновь поедет на работу.

В университете было невероятно тихо. Студенты, как класс, отсутствовали. Преподавателей почти не было видно. И только в библиотеке было достаточно оживленно. Сдавать книги приехало довольно много человек, и они даже выстроились в очередь. Я встала в хвост очереди, а через минуту ко мне подошла одногруппница — Регина, подруга Троллихи, на время скрывшаяся из моей жизни. Она, как и я, приехала сдать учебники. Очередь продвигалась медленно, и от нечего делать мы разговорились. Регина сначала поинтересовалась как бы невзначай, как у меня дела и не выхожу ли я замуж этим летом. Я конечно, ответила, что нет, и соберусь сделать это лет эдак через 46, а после призвала ее не верить глупым слухам.

— А еще я слышала, что ты беременна, — ляпнула одногруппница. Это услышало сразу несколько человек, и мне тут же предложили мне пройти в самое начало очереди. А кто-то заметил не вовремя, что там, в зеленой футболке — девчонка с видео, ну, та самая, которая Смерчинского.

У меня непроизвольно дернулся правый уголок губ.

— Я не беременная, — прошептала я. — Я нормальная. Нормальная! Как все люди!

Видимо взгляд у меня был соответствующий, и Регинка понимающе кивнула мне. Вроде бы поверила. Остальные попялились немного и отвернулись.

Хэй, Смерч, сделай что-нибудь, но пусть они прекратят считать меня… такой!

Прозрачный Дэн, который с каждым днем все более и более материальным и ярким и его прекрасная фея услышали это, находясь где-то далеко, за чертой горизонта, и засмеялись. Они были не против детей. Лет через десять.

Я перевела разговор на более нейтральную тему. На летнее времяпровождение.

— Эх, этим летом никуда не поеду, наверное, — пожаловалась Регина. — Может, только на озера с друзьями, и то — не факт.

— А я тоже никуда не поеду, — вздохнула я. — Хотя… Меня обещали в горы взять. Там тоже, кстати, озера есть.

— А да, там классно. Я была в прошлом году: и снег, и цветы, и зелень, и высота. Дух захватывает, — тут же стала хвалить это местечко Регина. — Но я планировала на юг поехать, а похоже меня ждет облом. Эх, повезло Ольке, она уже сколько в Галазе около Черного моря отдыхает!

— Ага, повезло. Я бы то… — Я внезапно прервалась. Зрачки у меня расширились от изумления, сердце сжалось в плохом предчувствии, и я переспросила. — Где-где Князева отдыхает?

— В Галазе. — повторила Регина.

— Где???

— В Галазе, Маша, — вновь ответила одногруппница, удивленная моей реакцией. — Это очень хороший курортный городок, я видела фотки у нее оттуда — она туда часто ездите, и они…

Я едва не уронила пакет с книгами и перебила девушку.

— В Галазе?! Князева в Галазе? Постой, ты… уверена? Уверена в этом?

Регина посмотрела на меня, как на ненормальную.

— Ну да. Маш, ты чего? Естественно, я знаю, куда моя подруга уехала. Она сдала же последний экзамен уже и…

Мне опять пришлось невежливо перебить одногруппницу:

— Я знаю. Спасибо, что сказала. Вот же черт! — я с силой, не обращая внимания на взгляды людей, долбанула ногой по стене. Кто-то тут же сказал, что беременные — всегда нервные.

— Да не за что, — вообще не понимала меня Регина. — Маша, ты что? Что случилось?

— Да так, ничего. Ничего!

Получается, Троллиха сейчас тоже в Галазе, как и мой Смерч? Они там вдвоем?

Тягучая, как молочный коктейль, ревность, тут же взяла в тиски мое сердце и разум. Они что там вместе?!

mir-knigi.org

— Ничего? Может, тебе хотелось с Олей встреться? Вы вроде в последнее время много общались.

— Регина, мне нужно позвонить, — отрывисто сказала я девушке и скорым шагом, раза три чуть не запнувшись, скрылась за углом. Остановилась около читательского зала и набрала номер Смерчинского, чтобы выяснить все прямо сейчас. Однако он не брал трубку. Я выругалась, и опустилась на корточки, закрыв голову руками, злая, как невменяемый демон. Он меня опять обманул?! Почему он в Галазе вместе с этой девкой из-под моста? Мало того, что сначала она увела у меня из под носа Ника — и по фиг, что она его боится, все равно ведь Князь как-то умудрилась ему понравиться, а теперь взялась за моего Смерчинского?! Не потерплю! Я ее уничтожу! Что они там забыли в две каски?

Какой-то нерадивый головастик, окрашенный в огненный цвет, подсунул мне яркую картинку: пляж, закат, морские волны, песочек, а на нем сидят Тролль и Сморчок, слившиеся в объятиях.

Меня передернуло от отвращения и бессильной злобы.

— Сейчас вывернет наизнанку, — прошептала я, сжав кулаки и прижав их к груди.

— Только, пожалуйста, не под дверью моего читального зала, — раздался смутно знакомый бас сверху. Я подняла голову. Надо мной нависла грузная Василиса Петровна, лучший, по словам Дэна, библиотекарь в мире.

— До туалета недалеко, могу путь показать, — продолжала она хмуро, но увидела мое лицо и осеклась. — Но могу и… А, это ты, подруга Дениса?

— Меня Маша зовут, — резко встала я на ноги. — Здравствуйте.

— Здравствуй, — кивнула она мне царственно. — Тошнит?

Мимо прошли парни и девушки из библиотеки, те самые, что предлагали мне пройти в начало очереди. Они услышали ее фразу и вновь вылупились на меня. Кто-то прошептал: «Токсикоз, бедняжка». Вашу мать, да что это? Я отвернулась. Совсем обнаглели! Я что, колоссальная неудачница? Похоже, что так.

— Нет, не тошнит. — Отозвалась я хмуро.

— Как скажешь. Книги пришла сдавать, — внимательно оглядела меня властительница библиотеке.

— Ага.

— Много вас там, припозднившихся со сдачей. Ладно. Давай, без очереди проведу. Раз ты — девушка Дениски. — Сказано все это было великим одолжительным тоном.

Я не стала отказываться от такой возможности и поплелась следом за Василисой Петровной.

— Как поживает Денис? — спросила она. — Не видно его давно. Команда по баскетболу уехала на финал без него.

Ага, знаю. И замечательно продула. Говорят, ректор был злобен, а декан иняза стенал. Ну конечно, Дениска же у нас отдыхает на курорте, со своей подружкой! Ненавижу его!

— Нормально он. Кажется. Вместе с родителями отдыхает в Галазе, — ответила я ей нехотя. И

еще вместе с Князем по ходу. Ненавижу и ее! Она ведь реально в него влюблена! Сначала пыталась сделать так, чтоб он якобы помог ей отделаться от Ника, потом стала копировать меня, и вообще наверняка узнала, когда этот урод поедет на отдых с предками и взяла билеты примерно на то же число, чтобы на море в бикини красоваться перед Дэном. Перед моим Дэном! Они ведь наверняка встретились в Галазе. Блин, блин, я реально его ревную!

— В Галазе? Может, Денисочка и отдыхает в Галазе, но его отец и мать в городе находятся, вчера я их из машины видела, — сообщила между тем Василиса Петровна мне тоном: «Я знаю лучше».

— В смысле? — кто-то принялся тупым ножом распиливать мне сердце. Головастики храбро отбирали нож, бесстрашно погибая в неравной борьбе.

— Видела я его родителей вчера. И Леру и Олега, вернее, Олега Даниловича. Я его еще студентом помню, таким мальчиком хорошим был, прямо как Дениска, — пустилась в воспоминания женщина. Ей бас стал нежным, словно она говорила о сыне и внуке.

У меня опять глаза полезли на лоб, обгоняя друг друга. Если чертов Смерч звонил мне с мобилы отца, который, как выяснилось, в городе, то и сам он тоже в городе. Или у них волшебная сим-карта, которая перемещается в пространстве? Да, конечно же, нет!

Злость во мне, смешанная с непониманием и обидой, вспыхнула вновь. Он опять меня обманывает? Денис же обещал мне! Он ведь тогда так искренне просил прощения! Он… подлец? Да кто он вообще такой? Почему меня вечно обманывает со своей красивой улыбочкой на устах? Думает, что за обворожительные ямочки на щеках я прощу ему все? Нет!

Василиса Петровна, что-то важно продолжая вещать, повела меня к кабинету, где принимали книги. И по дороге я ухватила за руку и Регину, чтобы она не стояла долго в очереди. Оказалось, что по знакомству все делается куда более быстрее. Учебники мы сдали в момент и уже через минут пять стояли в холле университета. Одногруппница поблагодарила меня и насыпала на мою душу новую порцию крысиной отравы. Она все никак не могла заткнуться насчет Князевой.

— Хорошо, что Ольга уехала отдыхать, а то она в последнее время стала грустной. Я за нее переживаю. — Говорила Регина. — Ты же ведь тоже с ней дружишь сейчас, заметила? А, знаешь, она очень хотела на тебя походить… Ты стала ее так интересовать. Честно сказать, я даже удивилась. И, по-моему, ты на нее как-то повлияла. Оля в последнее время нервная, скрытная, да и собака у нее умерла недавно любимая, она знаешь как переживала?

— У нее умерла собака? — я от переизбытка эмоций обоими руками схватилась за лоб и неожиданно засмеялась: не из-за того, что мне было смешно — потеря домашнего друга всегда тяжела! А из-за того, что я вдруг вспомнила — неизвестная мне девушка Димки по имени Виктория тоже недавно перенесла подобную утрату. — Нет! Нет! Это было бы уже слишком! Только не он!

Не дай Бог, не дай Бог она заарканила моего Димку! Если она еще и Чащину неприятности доставит, я ее убью! Он — один из самых лучших ребят, которых я знаю, а знаю я их много, и я не позволю, чтобы Троллиха мучила моего друга!

— В смысле? — вновь вытаращилась на меня Регина. — А-а-а, ты что, не знала, что у нее собака умерла? Ой, ее пес такой классный был. Игривый, милый. Я видела его, он хоть и не породистый, зато добрый и очень ласковый! Симпатяжка. А еще и защитить может при случае. Олечка рассказывала, как он однажды ее и ее сестру еще в детстве защитил от грабителей.

— Какую сестру? Она одна в семье! — заорала я. Почему-то вдруг этот пес, которого я никогда в жизни не видела, напомнил мне Дмитрия.

— Я тоже это спрашивала, Оля сказала, что двоюродную. — Покивала головой Регина. — Маша, ты чего такая нервная? Так из-за собаки расстроилась? Да она старенькая уже была.

— Ну да. Это… извини, я на эмоциях живу сегодня. Просто кое-что случилось и меня клинит. А собака у нее давно умерла?

Регина, чуть подумав, назвала тот самый день, когда произошла драка в кафе и Димка из «Джипа» друга Смерча убежал успокаивать свою девушку. Все сходится. А как он о ней отзывался?

«Она — милая девушка, хорошенькая. Вежливая, спокойная, с женственными движениями. Не похожая на тебя, короче».

Мне стало даже обидно: тогда он назвал меня ННН — невоспитанная нервная нахалка. И это при том, что Денис утверждал, что я Чащину якобы нравлюсь. А о ней говорил так мило… Только почему они ото всех свои отношения скрывают? Из-за… Никиты что ли? Или из-за Дэна? Капец! Дурдом! Понятно теперь, почему Димка защищал Князеву. Ведь именно потому, что я разозлилась на него по этой причине, я случайно ударила его. Вот же я больная тупица!

У Регины заиграла мелодия из популярной лирической песенки, и она, прервавшись на полуслове, вытащила из сумочки мобильник.

— Ой, мне Ольга написала, — вдруг улыбнулась девушка. — Она вчера прилетела с отдыха!

— Чего? — я почувствовала себя мадемуазель даун.

— Она вчера прилетела. Теперь хочет встретиться со мной, соскучилась. Маш, хочешь, мы втроем погуляем, вы же подружились в последнее время. — От всей души предложила Регина.

— Нет!!! Не хочу! — закричала я, чувствуя, как на лоб накладывает кто-то незримой рукой новую повязку лжи. Головоломка сама собой стала складываться в моей голове. Дэн вернулся вместе с отцом и Лерой — поэтому их вчера видела Василиса Петровна, хотя сам говорит мне, что приедет еще через несколько дней. Князь вчера тоже прилетела в город. Они действительно вместе были в Галазе, вместе вернулись и теперь он опять, опять мне врет! Зачем? Чтобы у него была возможность провести времечко со своим Троллем? Да, точно! Он ведь иногда раньше так нежно на нее смотрел, что мне становилось противно до щекотки в пятках. Вдруг его слова о том, что он ничего не чувствует к Троллихе — всего лишь очередная ложь? И на самом деле Лазурная — это сама Князева?

— Почему не хочешь? Вы ведь общались! — поразилась Регина. По-моему, она стала считать меня психически неуравновешенной.

— Я сама сегодня уезжаю. — Соврала я. — Потом с ней встречусь, потом. Сделаю ей… сюрприз.

— Ага… Тогда ладно, — поверила мне одногруппница. — Слушай, тут с Ольгой ужас что было! Да ты знаешь, наверное.

— Что еще с ней было? — резко спросила я. Какого она считает меня подружайкой Князя? Разорвала бы ее на куски. Жаль, посадят.

— Как что? — Регина покачала головой. — Она чуть не погибла!

— Че-го? — по слогам спросила я. — Как??

— Как? Ты не знаешь?! А я думала, знаешь, а то бы стразу рассказала. Олька должна была ехать в свой Галаз вместе с родителями 26-го числа, тем самым рейсом, что взорвался, слышала ведь? — затараторила девушка. Я только ошарашено кивнула. — Они планировали именно в этот день поехать, но уже в кассе — они за две недели покупали билеты, все-таки взяли билеты на 25-ое. Ольга говорила по телефону, когда она уже в Галазе была, что они с родителями в шоке просто с тех пор, как узнали, что рейс с нашего города упал около моря. Бр-р-р, страшно даже.

Я была согласна с ней. Страшно и жалко — до слез жалко всех, что безвинно погибает. Не только в авиакатастрофах.

— А почему они купили все же на 25-ое? — переваривая поток информации, который даже умудрился заглушить мою ярость, спросила я.

— Ольга сказала, что билеты покупала мама. Она вроде как просто так захотела резко купить именно на это число. — Регина пожала плечами. По ней было видно, что она и правда волнуется за подругу.

— Ни фига себе… Они — везунчики, — пробормотала я. — Ладно, Регина, мне пора. Меня папа ждет в машине. Тебя довезти до куда-нибудь?

— А, нет, спасибо, меня друг тоже в машине ждет, — отказалась девушка.

— У тебя друг есть?

— Ну, недавно познакомились. Оля, кстати, познакомила. Милый такой, прикольный. Компьютерщик. И зовут так мило — Иваном.

Я уже не сильно уже удивилась, когда мы вышли из универа, и разговорчивая одногруппница, попрощавшись со мной, подошла к машине, около которой стоял немного знакомый мне Иван, тот самый, из кафе, которому ни за что, ни про что вмазали рокеры.

— Что так долго? — недовольно спросил папа, когда я поплелась к машине.

— Да очередь там была…

— Да не очередь была, а с подружкой ты там болтала. Так, сейчас я тебя домой отвезу. И не ходи сегодня никуда, — добавил он, — видишь, дождь собирается?

— Угу.

— Что это у тебя за вид смурный? Подружка что-то не то сказала?

— Да нет, просто голова болит.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, и молчала всю дорогу, порядком удивив папу. Все вспоминала и вспоминала проклятого Смерча. Его голос, улыбку, слова…

— Папа, — нарушила я молчание лишь однажды. — Ты знаешь такой город — Галаз?

mir-knigi.org

— Знаю конечно. Там твой Денис сейчас отдыхает? — осторожно спросил он.

— Да. Там… А ты ведь говорил, что как-то давно был там?

— Был. С мамой твоей, еще много лет назад, до Федькиного рождения. Где-то дома и фотографии есть оттуда, но мало. А что?

— Расскажи, там красиво? Хорошо?

— Хорошо, конечно. На Черном море почти везде хорошо, Маша. Галаз — место прекрасное. Старинное. С отменным климатом. Сначала это местечко было древнегреческой колонией Причерноморья. Там море голубое-голубое. До невероятности. Когда я там был, рассказывали, — пустился в воспоминания папа, — что название города — Галаз произошло от древне-греческого слова «галазио», что значит лазурный.

— Да? — мрачно спросила я, всеми фибрами души проклиная этот ни в чем не повинный, в общем-то, цвет. А папа продолжал:

— В легенде о создании города говорится, что в шестом, по-моему, веке, когда колония, собственно, была основана греческими выходцами, ойкист — то есть, предводитель колонистов, а затем и правитель, назвал так город по просьбе любимой жены. У них там вообще была интересная история, — папа, видя мое мрачное лицо, пытался меня развеселить. — Ойкист был без ума от своей молодой и красивой жены Дионисии, а она влюбилась в другого. В парня из черни. Он, как водится, влюбился в нее. Эти двое стали тайно встречаться. Сестра Дионисии помогала парочке. Правитель, естественно, вскоре прознал про то, что его жена ему изменяет. И послал своего брата-близнеца найти и убить соперника. Тот нашел. Однако Дионисия бросилась ему под ноги и умоляла, чтобы тот не трогал ее любимого, а лучше убил бы ее саму. Тот подумал-подумал и рассказал все брату. Ойкист обозлился такому поведению жены, поймал ее любимого и медленно убил его на ее глазах. А на следующий день нашел супругу мертвой. Потом и сам умер. Одни говорят, не вынес разлуки с женой и сбросился со скалы. Другие — что его убила мать Дионисии, отомстив за смерть дочери. Хотя, многие историки утверждают, что Ойкиста просто-напросто устранила недовольная знать. Хотя, кто знает? После его смерти править городом стал его брат-близнец, взяв в жены сестру Дионисии. Но и он недолго оставался на свете. Погиб вместе с молодой женой во время набега каких-то то ли кочевников, то ли еще кого… Не помню. В общем, эта милая история — достояние Галаза. В городе есть куча скульптур всем этим персонажам, фрески. Площади в честь них названы и какие-то улочки. А Дионисия и Филимон стали этаким символом настоящей любви. С их изображением чего только там не продают. И картины, и талисманы, и одежду даже…

— Филимон? — еще более мрачно спросила я, понимая, что даже у бедняг в сказочной Древней Греции настоящей любви не было. На душе стало совсем пасмурно, словно я услышала любимую сказку, в которой вместо привычного счастливого конца главные герои умерли в жутких корчах. — Что за имя такое?

— Вот ты вся в маму, — отозвался папа весело, — она тоже, когда услышала эту историю, спросила, что это за имя такое дурацкое и на греческое непохожее, а потом полдня ходила по Галазу печальная. Ей, видите ли история в душу запала. Жалко стало их. В результате я оказался виноватым.

Я закрыла глаза. Лазурный курорт, Лазурная девушка Инна, какая-то там идиотская жена идиотского правителя идиотского города. Ненавижу лазурь!! Смерчинский, тебе бы шею свернуть… И Троллю — тоже.

Дома воспоминания продолжались, а скука по предателю Дэнву достигла едва ли не своего пика. Мне просто физически хотелось коснуться хотя бы кончиков его пальцев. Но, увы, он решил, что с Князем ему будет куда лучше. Уехал с ней, приехал с ней. Побить бы его с силой, словно он резиновый! Увижу — так и сделаю.

Я молча, даже не отреагировав на приветственное «мяу» котэ, завалилась в свою постель, наблюдая за крупными каплями дождя на потемневшей улице, небо над которой плотно закрылось тучами. Меня распирало от желания сделать хоть что-нибудь, чтобы узнать правду, и от стойкого нежелания закрыться головой с одеялом. С одеялом на голове я посидела минут пять, не больше. После чего вскочила и вновь позвонила Смерчинскому. Увы, он с кем-то болтал, потому что у него было занято. Дома вновь никто не брал трубку. А его отцу звонить я не желала. Мрачно поскребя ногтями стену и вновь пыша гневом, я позвонила Князевой. Оператор сообщила, что она находится вне зоны доступа. Я решила дозвониться хотя бы до Димки — у него просто никто не брал чертову трубку! Они меня игнорируют что ли все?! Я, не долго думая, позвонила Смерчинским домой — ноль результата. Димки, козла, дома не было. Тогда я демоническим блеском в глазах отрыла домашний телефон Олечки, и только тогда мне повезло. Ну, как сказать, повезло?

— Можно Ольгу? — спросила я громко.

— А ее нет, — отозвался надтреснутый голос пожилой женщины, чуть позже я узнала, что это была бабушка Тролля. — Олечка ушла.

— Куда?

— К Денису Олечка ушла. Сказала, что пошла к Денису, — заговорила моя собеседница. — Вот только вчера приехала, а сегодня уже дома нет с утра. Убежала

У меня, по-моему, едва не помутился рассудок. К кому ушла Олечка-Троллечка? К Денису? Ну, Олечка, ну Денис, я вас найду и… вы повторите судьбу древнегреческих Дионисии и Филимона.

— К Смерчинскому? — спросила я с трудом.

— Да-да, к Денису Смерчинскому, именно. А вы кто, Олечкина подруга? — спросила добрая бабушка.

— Ага. Подруга.

И, возможно, будущая убийца.

— Тогда приходите к нам в гости, если подружка, — обрадовалась Князева-старшая, — у Оли так мало подруг. Одна только Региночка. Да и та редко бывает. А как вас зовут?

— Маша меня зовут.

— Я тогда скажу Олечке, что ей звонила Маша.

— Спасибо, — поблагодарила я бабушку. — И скажите ей, что я очень хочу с ней поговорить.

— Непременно, Маша, непременно скажу.

— Спасибо.

Мы распрощались.

mir-knigi.org

— Значит, реально развлекаешься с Князевой, сукин ты сын? — прорычала я. — Развлекайся! Хоть всю свою жизнь!

И под ливнем эмоций написала ему сообщение:

«Смерчинский. С этого дня забудь, пожалуйста, мой номер телефона, адрес, имя и внешность. Ты для меня больше не существуешь. Я думаю, ты знаешь причины. Я ненавижу ложь, и тебя, как ее приложение!».

Послав смс, я, глубоко и часто дыша, заблокировала его номер телефона на своем мобильнике. Подумала, и в настройках запретила все сообщения и звонки с любых номеров кроме самых нужных, что были в записной книжке. Еще немного подумала и заблокировала его номерок в домашнем телефоне. Поставила в игнор в Интернете. Решил предать? Предавай! Гуляй хоть с Инной, хоть с Ольгой, хоть со своими друзьями и их девками! Я за него так переживала, я едва ли не молиться на него начала, я влюбилась в него, а он… А он оказался мудаком с большой буквы. Сэр Мудак, здравствуйте! Думаете, я буду плакать из-за вас? Фиг вам! Это вы будете плакать из-за меня.

Позлившись еще немного и сдуру ножницами разодрав подаренного Смердяком музыкального тигренка с надписью «Люблю все сердцем» на кучу мелких тигрят, я завалилась спать и к удивлению мамы проснулась только утром. Мне всю ночь снилось теплое море, ветер, зелень, чей-то женский смех и мужской красивый голос, что-то шепчущий на непонятном языке, а после в сновидении появилось огромное зеркало, с которого на меня смотрел большими миндалевидными карими глазами красивый юноша с оливковым загаром и темными волнистыми волосами.

— Вообще-то, если я смотрю в зеркало, там должна быть я, — наставительно сказала я чужому отражению. Парень пожал плечами, прикоснулся со своей стороны к поверхности зеркала, заставив меня проделать то же самое, улыбнулся грустно и исчез.

Странные мне сны в последнее время сняться. Весьма странные.

На следующий день мои страдания продолжались. Они продолжались и через день, и через два, и через три. Вместо того, чтобы радоваться приближению концерта «На краю» и свадьбе брата, я грустила, хотя старалась выглядеть улыбчивой, как и всегда. Впервые в жизни я потеряла интерес к жизни. Я ждала, что Дэн все-таки сумеет достать меня, позвонит или придет и все объяснит, но этого не происходило. Его не было. А я скучала и бесилась. Решила сходить в какую-нибудь парикмахерскую, сказала об этом маме и она, явно обрадовавшись моему решению, потащила меня туда едва ли не за руку. В результате прическа у меня осталась та же, а вот цвет волос поменялся — почти на тот же, что и был, только теперь я стала немного более светлой, чем была. Мама обрадовалась, я сделала вид, что тоже. Волосы вроде не выпали, правда, стали жестче, но, кажется, это не страшно.

Теперь уже ничего не страшно.

В этот день мне все, совершенно все, напоминало о Смерчинском. Я сняла с большого пальца его кольцо и кинула на стол. Оно со звонким стуком прокатилось по нему и упало куда-то на пол. Я не стала подбирать его. Катись, сволочь, катись.

Злобно осмотрела останки растерзанного тигренка, выбросила на фиг идиотский набор для влюбленных, нашла оригами, что Дэн делал своими пакостными руками. Захотела смять их, но, к сожалению, не смогла. Просто с перекошенной, кажется, харей, смотрела на бумажные фигурки. Вот эту он делал специально для меня, потому что я попросила, а эту смастерил в

«эльфятском» кафе, чтобы передать его вместе с вином якобы от поклонника Князевой, чтобы позлить Ника. Блин! И на что я только тратила свою жизнь? На то, чтобы разлучить двух кретинов.

Я машинально разворачивала податливую бумагу и вдруг замерла, разглядывая бумажного павлина. А что это за надписи он все же тогда сделал? Я думала, их пара штук, а их на развернутой бумаге подозрительно много, написаны в строку его ровным красивым подчерком. Зачем Смерчинский тогда это вообще писал? Я внимательно вгляделась в эти непонятные закорючки вперемешку с латинскими буквами алфавита.

«C m]/hg;z,u/c l,iuol iujukuamghe2+»

«l gb,kuvm ih nlku

Tgm'mnbc,hn b miile m,u/u b,hi,vpu#

M jukub,hi. Tau gub,m bu/c,hy 1 gl]gkh[he jkuaizz bu/c»

Что это? Что за бред бредовый? Тайное послание или ему скучно было?

Исследовать бумажку дальше мне помешал брат и его друг, с которым они вместе заперлись домой и, как ни в чем не бывало, зашли в мою комнату, напугав скрипом двери.

Друг, кстати говоря, оказался Федькиным свидетелем на его свадьбе. Парень этот, хоть и работал с братом в серьезной организации, был на самом деле таким же разгильдяем и идиотом. Они учились вместе и вместе пошли работать — уж не знаю, кто кого за собой потянул. Наверное, Марк Федьку — у него папа занимал начальственную должность в их закрытой организации.

— А-а-а, это ты, — увидел меня брат.

— А кто еще может быть в моей комнате? — пожала я плечами, отодвигая оригами в сторону. — Привет, кстати.

— Здравствуй, Мария, — поздоровался со мной будущий свидетель. Когда-то, когда мне было лет 14, этот парень мне даже нравился — еще бы, взрослый друг брата с классным лицом и широкими плечами — не хуже, чем у Смерча (фигуры у них, кстати, похожи, да и рост тоже). Марк надо мною, как брат, не глумился, и казался почти богом. Он даже мне как-то пару раз мороженое покупал и шоколадки. Потом чувство симпатии все же прошло, наверное, после того, как я услышала случайно его разглагольствования по поводу того, что «нормальному парню иметь трех девчонок одновременно — норм дело». Хорошо, что хоть Федька спорил с ним и говорил, что, в общем-то, должна быть одна. Хоть что-то в нем хорошее есть.

— Чего вам надо? — спросила я недовольно.

— Мне твой комп нужен. Освободи на пару минут. В мой домашний ноут вирусы прорвались, ему хана. — Отозвался деловито брат.

— А рабочий?

— А рабочий на работе. Давай, Машка, поделись компом. Мы быстро.

Я кивнула и слезла со стула, уступив место брату.

— А чего это у тебя? — спросил любопытный Марк, разглядывая оригами Дэна, предназначенное для Ольги, пока Федор что-то перекидывал с компьютера на флешку.

— Просто так. — Не стала я ничего объяснять. У меня не было настроения. Его вообще из-за Смерча никогда не будет!!

— А это код, — беспечно вертя бумажку в руках, заявил Марк, — мы таким же баловались.

— Что за код? — оторопела я.

— А, простой, его с помощью раскладки клавиатуры делают. — Пояснил Федькин друг со знанием дела. — Через букву или через две пишут. Смотри, ты, допустим, хочешь написать закодированную букву «А», а сама нажимаешь клавишу, к примеру, на соседнюю: вправо или влево. И получается вместо буквы «А» буква «Р». Хочешь ввести слово «мама», а получаешь «ипип». Можно вводить те символы, которые будут через 2 клавиши вместо «мама» тогда будет «тртр». А если раскладку русскую поменять на английскую, тогда получиться в таком же случае «bgb». Вот тут как раз английская. Помочь разгадать?

Я медленно кивнула. А Федька только спросил:

— Откуда такие познания в кодах, Марк?

— Ты забыл, моя Танька — криптограф, — напомнил о собственной сестре Марк. — Она просто слегка чокнутая, всяческие коды любит чуть ли не с детства.

Влияние сестры, занимающейся криптографией, действительно, было велико, и Марк буквально через пару минут перевел мне послание на нормальный язык. И я даже поняла его нехитрые объяснения.

— Э-э-э, странное что-то, но вот, держи, Марья.

— Спасибо, — я вцепилась в бумажку с текстом, написанным прямым мелким подчерком Марка. Жутко занятой Федька как раз закончил свои манипуляции с флешкой, стал со стула и поманил друга за собой.

— Поехали, у нас еще дел по горло.

— Пока, до встречи на свадьбе, — улыбнулся Марк мне и парни ушли. А я судорожно стала читать и перечитывать написанное. И как только тогда Смерч умудрился написать, не глядя ни на какую клавиатуру Троллю целое послание??

Я избавлю тебя от него, не переживай=)

До встречи на море.

Увидимся там с Инной, и тебе станет лучше!

И перестань уже вести себя так — возвращай себя прежнюю.

Смерчинский, я тебя ненавижу!! Ты что еще и с Инной встречался в своем тупом Галазе?

Я едва ли не с рычанием разорвала павлина, схватилась за нежно-розового пегаса, надорвала его, но остановилась. Подумав: а вдруг и на нем есть послание? Уже для меня. И оно было.

«Niu yhau,bc c g;z/;uiccc

Jklb,m ub;m l/m'u;»

С горем пополам я «перевела» и его. Стиснула зубы. Почти каждая мышца в руках, держащих листочек, напряглась.

Мне кажется я влюблен…

Прости если обидел.

— Да что это такое? Что это такое? — прошептала я, сдвинув брови к переносице. — Да что ты со мной делаешь, Денис?

Прижав бумажки к груди, я уселась на кровать. В кого ты влюблен? В меня, в Ольгу, в Инну? В какую-то там третью потерю? В себя самого?

Я взяла мобильник и посмотрела на заставку — слегка переделанное лицо Смерча. Дотронулась указательным пальцем до его щеки и тут же резко выключила мобильник. Видеть его не желаю. Предатель.

«Д»… Глупая буква «Д». Денис. Ведь все было хорошо, что случилось теперь? Он ли моя судьба? В моем окружении не только имя Смердяка начинается на эту букву. У Чащина, например, тоже. Димка. Хотя, даже если я ему и нравлюсь, все равно у него есть девушка, и скорее всего, его девушка — ну кто бы мог подумать, гребанная Князева! И везде от нее проблемы. Эта Князева всюду! Она как царь Мидас, к чему не прикоснется, все превращается… не-е-е-т, не в золото. В пепел и разруху.

Вновь не зная, что делать, я почти побежала в комнату брата, где, к недоумению мамы, с глухими криками била его боксерскую грушу, висящую в углу. Всего лишь полчаса — и физическая замотанность победила желание утопать в собственной злобе.

— Что с тобой, Маша? — с недоумением спросила у меня мама, заглядывая в комнату.

— Все хорошо, просто тренируюсь, — сообщила я маме с улыбкой.

Я улыбалась, а уставшие несчастные головастики хором выли.

— Тебе, кстати, по домашнему телефону Дмитрий, твой одногруппник, звонит, — уведомила меня мама. — И, Марья, ты девочка, хватит колотить грушу брата, как заправский боксер.

— А если у меня нервы не выдерживают?

— Бей посуду, — раздраженно бросила она в ответ, — и подойди уже к телефону, не заставляй мальчика ждать.

— Не заставлю, — пообещала я, утерла со лба капельки пота и направилась к телефону.

mir-knigi.org

— Дим, привет, — устало поздоровалась я.

— Привет, Бурундук, — отозвался его голос, довольно веселый. — Сегодня ты часто дышишь. От чего я тебя оторвал, ммм? От чего-то неприличного?

— Ни от чего, — отозвалась я, не обратив никакого внимания на его шуточку. Димка по моему тону сразу понял, что я совершенно не в настроении и спросил:

— Что случилось? Ты вчера мне несколько раз звонила и писала.

— Вчера бы и ответил. Тогда бы и узнал, что — буркнула я. Вчера мне, честно сказать, очень захотелось увидеть его. Мне так хотелось, чтобы меня кто-нибудь поддержал, но такого человека рядом не было. Маме я про свою личную жизнь не хочу пока, другим родственникам — тоже. Маринка и Лида вчера были на дне рождения какой-то общей родственницы, да и не хочу я напрягать их, у них своих забот куча, успею еще поплакаться на их плечах.

А, может, вчера мне хотелось, чтобы меня пожалел именно Чащин, ведь я все же верила в то, что нравлюсь ему, и подсознательно ждала, что он защитит меня от всего того, что причинил мне Смерчинский. Тогда, когда в университете он обнимал меня, мне было очень тепло и уютно.

— Я был занят. Прости, — отозвался Димка с сожалением в голосе.

— Чем? — захотелось мне выяснить.

— Ну так, делами. Моя девушка приехала, — сознался он, наконец.

— А я думала, Князева вчера со Смерчинским была. А она для всех время находит, — отозвалась я, хмурясь. — И силы.

— При чем тут Князева? — сделал вид, что не понял, Димка.

— Ты ведь с Князевой встречаешься? — в лоб спросила я, позабыв про такт.

— Чего? — обалдел он.

— Чащин, у тебя с Князевой что-то есть?

— Что за вопросы? — рассерженно спросил парень.

— Обычные. Это она твоя «подружка Виктория»? — продолжала напирать я.

— Маша, ты… Давай встретимся? — предложил он вдруг.

— Давай. — Я легко согласилась на это. Я хочу знать, что его связывает с Троллем, девушкой его, в общем-то, друга. — Когда, Дим? Где?

— Я приду к твоему подъезду, Маша, ты не против? Я буду через час. — Предложил Чащин. — Я тебе давно хочу кое-что сказать.

— Хорошо. — Отозвалась я. — И… у тебя что-то случилось?

— Случилось все уже давно. — Не своим голосом проговорил Дима и добавил грустно. — Я хочу видеть тебя. Через час, ладно? Ты ведь придешь?

— Приду. Ты хочешь видеть меня, как ты там говорил, ННН: наглую нахалку, а не свою милую и добрую подружку? — спросила я с непонятной горечью.

— Я хочу видеть тебя, просто тебя. — Было мне ответом, и Дмитрий положил трубку. А вдруг, правда, это он — моя так называемая Судьба? Раз Смерч меня обманул… Может быть тогда Димка?

Я только вздохнула. Ну почему у них обоих имя начинается на букву «Д»?

Из квартиры я вышла раньше — за двадцать минут до назначенного времени, с большим клетчатым зонтом в руках и натянув любимые старые кеды, кофту с капюшоном и улыбку. На улице было прохладно, ветрено и уже вторые сутки продолжал идти назойливый дождь. Земля привыкла к нему, и деревья вокруг, и крыши домов, и дороги — тоже, а я все не могла. Я уже возненавидела его, потому что каждый раз, когда я видела тяжелые водные капли в окне или слышала звук, с которыми они ударялись о поверхности или падали в непрозрачные лужи, я вспоминала наш с Дэном первый поцелуй. Тогда я была в таком восторге, что вовсе не обращала внимания на дождь. И, касаясь мокрого лица Смерча, его влажных плеч и предплечий, желала только, чтобы он никогда не отпускал меня.

И теперь, кажется, мне придется помнить этот поцелуй всю свою жизнь. А я не хочу этого!! Не хочу. Эй, кто-нибудь наверху, уменьшите баланс на эквалайзере «Уровень боли»? Пожалуйста.

Я, тряхнув головой, быстро побежала по ступенькам вниз. Димка ждал меня около подъезда, под козырьком, промокший, натянув на голову черный капюшон, засунув руки в карманы темно-синих широких джинсов. Он стоял ко мне спиной, скрестив ноги, и не видел меня. В ушах у него были наушники, поэтому он меня и не услышал.

Я сделала еще более веселое лицо, чем всегда, и хотела уже подойти к нему с приветствием типа «привет, чума в капюшоне», но не стала этого делать, потому как Димка неожиданно закурил от простой черной зажигалки, прикрывая сигарету ладонью от ветра. Это меня насторожило. Нет, это меня расстроило и напугало!

Я подошла к нему и несмело тронула за плечо. Димка сразу же обернулся, окинул меня теплым, мягким, но жадным взглядом, таким, каким родные люди смотрят на друг друга после разлуки, вытащил свободную руку из кармана и осторожно коснулся пряди моих уже белых волос.

— Беленькая, — произнес он без приветствия. — Когда успела?

— Сегодня утром, — призналась я, глядя ему в лицо, по которому все еще стекали стеклянные капельки дождя. Почему он без зонта? Почему его черные глаза такие обеспокоенные? Почему я хочу пожалеть его и обнять?

— Ну да, я с ней встречаюсь. — Сказал он мне теперь уже без объяснений, вновь затягиваясь сигаретой, держа ее двумя пальцами. Раньше я не видела, чтобы наш спортсмен курил. Я без слов взяла сигарету и, хорошо замахнувшись, выкинула ее.

Дымящаяся сигарета утонула в холодной пузырящейся от дождя луже.

— А, прости, забыл, что ты ненавидишь запах дыма, — произнес Дима, глядя на эту лужу, — прости. Прости.

— Дурак, я не поэтому выкинула. Не надо тебе курить, — отозвалась я, чувствуя виноватой

почему-то себя. — Не надо. Понял меня?

Мой голос был не похож на мой обычный, поэтому я добавила:

— Прекращай курить, ясно, Чаща дубовая? Это опасно. Деревья горят долго.

Он кивнул, а я, заметив в кармане его джинсов целую пачку сигарет, потянулась за ними. Димка поймал меня за запястье и мягко отстранил от себя мою руку.

— Не надо, Маша. Не надо.

Он не хочет, чтобы я касалась его? Черт! Ну ему-то я что сделала?

— Почему? Тебе не надо курить. — Упрямо сказала я, сжала губы до боли и продолжала. — Зачем тебе это? Трудно будет бросить, если привыкнешь. Не кури, отдай мне.

— Ты будешь курить? — он поднял брови.

— Если тебе это поможет — буду.

Парень рассмеялся, но пачку все же протянул. Я спрятала ее в кармане. Не дам ему курить. Пусть не портит здоровье. Идиот!

— Так что там у тебя с Князем? — спросила я, растерянная из-за его поведения.

— Я же сказал, мы встречались. — Пожал Дима плечами. Помолчал и все же спросил. — Откуда узнала?

— Просто взяла и узнала. Почему ты это скрывал? Что такого в том, что ты с ней встречаешься? Это из-за Ника? Из-за Ника вы скрываете свои отношения? — выпалила я.

— Нет. Хотя, может быть, и из-за этого тоже. Я уродский друг. — Парень замолчал, явно собираясь с мыслями. — С Ольгой мы… встречаемся давно, еще с февраля. И еще тогда я сказал, что не хочу афишировать наши отношения.

— А почему ты сказал ей сохранить ваши отношения в тайне? — с трудом спросила я.

— Я — скот. Я проводил с ней время, развлекался. А хотел получить другую девчонку.

— Кого? — сказала я, зная ответ.

Он улыбнулся — если эту легкую гримасу можно было назвать улыбкой, и склонил голову, прикрыв костяшками пальцев губы. Мы молчали полминуты, не меньше.

— Тебя, — наконец сказал он, — тебя, Маша. Прости меня.

— За что? — широко раскрыла я глаза.

Может быть, это он все же моя Судьба на букву «Д»? Ну пожалуйста, может быть, это он? Или…

— За то, что я такой тормоз, — прошептал Димка, и я едва расслышала его голос из-за шума дождя, — прости за это. Я люблю тебя, и не смог заставить тебя обратить на себя внимание. Зови меня кретином.

mir-knigi.org

Он влюбился в нее не сразу и не с первого взгляда, конечно же. С первого взгляда она показалась ему самой обычной девчонкой, в меру наглой и веселой. Прикольной, забавной, но никак не самой-самой.

Из всех будущих сокурсников именно с Машей Дима познакомился первой еще при поступлении в университет. Они стояли рядом, задрав головы вверх и касаясь друг друга плечами, около списков с теми счастливчиками, кто был зачислен на специальность «реклама» факультета искусствоведения и культурологи.

— Я поступила, я крута! — возопила она ему едва ли не на ухо. — Парень, я поступила!

— И я тоже, — не верил своему частью молодой человек. Он только что нашел свою фамилию в числе поступивших.

— И ты крут, — великодушно уступила ему часть своей крутости светловолосая девушка. Тогда волосы у Бурундуковой были короткие, как у мальчишки, с длинными боковыми прядями выстриженной полукругом челки, которые доставали до ложбинки на шее.

Они вышли из возбужденной толпы абитуриентов и уставились друг на друга.

— Ты на какой специальности? — спросила его девчонка, улыбаясь.

— Реклама, а ты?

— О! И я! Так мы будем вместе учиться, — обрадовалась она. — Я — Маша, а тебя как зовут?

— Дмитрий.

— Как официально, Дмитрий, — захихикала Маша. — Пойдем во двор, там лавки прикольные. Я когда относила документы в приемную комиссию, видела, как студенты там вечно сидят. Я теперь тоже хочу.

— Пошли, — был не против Дима. Его разбивал восторг. Он поступил!

Они двинулись на выход по пока еще почти незнакомым коридорам университета, она — звоня маме, а он печатая ей же смс. Мать Димы работала хирургом, и скорее всего, в это время у нее шла очередная операция, поэтому проще всего было отослать ей сообщение. Она, кстати, хотела, чтобы единственный сын тоже стал доктором, но Димка был против. Ему хотелось творческого, креативного образования. Химия, биология и медицина явно были не для него.

Когда парень и девушка оказались около самого входа, в здание завалилась целая толпа веселых студентов, почему-то еще находящихся не на каникулах. Парни были в баскетбольной форме. Девчонки — в коротких юбочках и топиках в цвет формы. В самом центре ребят шел высокий красивый парень (даже Димка, которому мужская красота была вообще как-то параллельна, понял это) с темными волосами, широкоплечий, с тату на шее. С двух сторон его за руки схватили симпатичные девчонки. Сам он что-то громко и задорно говорил, и прочие слушали его едва ли не с открытыми ртами.

Машка, самозабвенно и очень громко разговаривающая с мамой и вертящая в пальцах длинную тонкую прядь челки, совершенно случайно столкнулась с этим парнем, который как раз отвернулся к какому-то другу, шедшему следом за ним. От неожиданного столкновения девушка отлетела в сторону.

mir-knigi.org

— Эй, куда прешься? — хмуро крикнула темноволосому красавчику Машка, вместо того, чтобы, как положено, растаять от вида его внешности. Парень обернулся, посмотрел на нее очень веселыми синими глазами, на которые падала растрепанная челка.

— Ну, прости, — отозвался он, склонив голову. — Я не видел тебя.

На самом деле виновата была Машка, но молодой человек оказался воспитанным. Бурундукова только вздернула нос, кивнула ему и без стеснения потянула за руку Димку. Тот усмехнулся про себя и поспешил за девушкой. Сценка ему понравилась, как и растерявшийся ровно на пару секунд красавчик, еще раз оглянувшийся на них.

— Вот дурак, — сказала тогда девушка про местную знаменитость. — Глаза на пятках у него что ли?

Кажется, ни Мария, ни Дэн не помнили этого столкновения, и друг друга тоже не помнили, но Судьбе было угодно, чтобы они неожиданно стали встречаться через три года. Почему так произошло, Димка не знал. Вернее, узнал от Ольги чуть позднее, и ему оставалось только сжимать кулаки от бессилия. Обвинять во всем Ника он не мог. Тогда уж обвинять придется и его сумасшедшего братца, нет, тех, кто сделал его таким.

С тех пор Дмитрий вообще престал многое понимать в этой жизни. Он часто думал наедине с собой — а, может быть, это была Судьба, решившая заочно познакомить его любимую девочку и Смерча? Но тогда какая Судьба у него, Димы?

А в тот день они с Машей почти два часа сидели под августовским, но палящим солнцем на лавочке, как самые настоящие студенты, и просто так болтали. Обо всем. Оказалось, у них одинаковые интересы, и оба будущих сокурсника — люди веселые, позитивные, одинаково мыслящие и добрые.

Вот так просто они и познакомились. И на первом курсе продолжили общаться. Часто препирались и даже ссорились, но и веселиться вместе Маша и Димка тоже хорошо умели. Бурундукову можно было легко вывести из себя, и Чащину это нравилось. Она становилась злой и забавной, несла всякую чушь и обещала прибить. Иногда даже носилась за ним по всему универу. А еще ему импонировало чисто по-человечески и то, что Машка умела постоять за себя и развеселить народ, хотя и не была задирой или заводилой. Через какое-то время Дима понял, что Бурундукова — мировой человек.

На втором курсе они еще больше сдружились, часто и о многом общались, пару раз ездили вместе с группой в походы и в клубы, гуляли в общей компании. Общение с Бурундуковой Дмитрию все больше нравилось своей легкостью, задорностью и некоторой игривостью. Маша умело моментально повышать настроение, редко когда чего стеснялась и боялась, а еще помогала своим друзьям. Как-то, еще на первом курсе, сумела отмазать от праведного гнева декана всю группу, которая случайно из-за невнимательности старосты прогуляла в полном составе пару физкультуры. Не стремалась участвовать в КВНах, чтобы защитить честь факультета. Вступилась за подругу Марину, когда на нее вдруг стали наезжать две неформалки-четверокурсницы с журфака — за то, что та якобы увела парня одной их них.

И в середине же второго года совместного обучения Чащин начал замечать, что Бурундукова, в общем-то не только неплоха, как товарищ, но она — еще и симпатичная девушка, которая умеет быть беззащитной и милой. Как и положено быть девушке. В конце второго курса он точно это понял.

Это был совершенно простой эпизод, который, скорее всего, был забыт Марией, как и ее мимолетная встреча с Денисом Смерчинским, и в нем не было ничего героического или романтического. Но именно он стал отправной точкой в отсчете чувств Дмитрия. Китайская народная мудрость права: всего одна рисинка может перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Всего лишь один миг может стать решающим.

В тот майский и очень теплый день, год назад, он опаздывал на английский, в котором не то, чтобы не разбирался, а который попросту не любил, а поэтому и не учил. Парень, не слишком торопясь на нудную пару, приблизился к кабинету и увидел Машку. Бурундукова сидела, по своему обыкновению, на подоконнике, сложив на колени, обтянутые сине-зеленой потертой джинсовой тканью, свой рюкзак и о чем-то явно размышляла.

— О, Бурундукова, здорово! — Поприветствовал ее он.

— И тебе привет, — кивнула одногруппница, болтая ногами в воздухе. Черно-красные кеды только и мелькали в воздухе. Женственно одеваться эта девчонка не любила.

— Почему не идешь на английский? — поинтересовался Чащин, усаживаясь рядом.

— Потому что я не готова к контрольной. А ты готов?

— Не-а, я списать хотел.

— Я тоже хотела, только мне списать неоткуда. — Призналась Машка и неожиданно предложила. — А, может, прогуляем, а, Чащин?

— Какое заманчивое предложение, — не хотелось тому сидеть две пары на нелюбимом предмете. — Даже не знаю… Ну-у-у, ладно, — решил он неожиданно, — пошли. Я все равно ничего дельного не напишу. Куда двинем?

— Просто погуляем. — Тут же соскочила Машка с подоконника.

И они пошли гулять. Вдвоем шатались по окрестностям, препирались, ржали, фотографировали висящий на электропроводе непонятно как попавший туда кроссовок. Маша жаловалась, что ее достал парень-физик, который настойчиво зовет ее на свидание и который ее бесит, рассказывала, что купила какую-то крутую игрушку на компьютер, смеялась над смешными историями Димки, которые он рассказывал. После они сходили в кино на комедию и донимали весь зал своими шуточками относительно героев фильма. Заскочили в какое-то кафе, снова бродили по окрестностям и даже покормили голубей. В общем, провели вместе весь день. Потом, ближе к вечеру, даже уже позднему вечеру, Димка сказал, что, как честный человек должен проводить Машку до дома, «а то встретятся ей на пути гопники», и они поехали к ней. В автобусе долго и, кажется, громко, глумились над целующейся влюбленной парочкой.

— Пасиба, что прогулял вместе со мной. — Сказала Маша на прощание перед своим домом, пряча ладони в длинные рукава полосатой черно-белой ветровки. Кажется, слегка замерзла.

— Да не за что, Бурундукова. — Улыбнулся он ей. Время они провели очень неплохо. А английский, как потом сказали ребята, вообще был сорван — у препода дома случился потоп, и ее вызвал домой муж через полчаса после начала пары.

— На самом деле ты мне помог. — Вдруг тихим голосом призналась Маша.

— В смысле? — не понял Дима.

mir-knigi.org

— Да папа у меня в больнице, он же у меня мент, в смысле милиционер, на задержании в него выстрелили. Страшно так было, когда нам дядя Гоша, ну, его коллега, — призналась девушка, и Димка заметил вдруг, что у нее большие напуганные глаза, — позвонил и сказал, что такое случилось. Мама сейчас с папой, в больнице, врачи сказали, что все хорошо будет, брата дома нет, он на работе. А мне не хотелось дома одной сидеть. Страшно как-то. Так что спасибо, что погулял со мной.

Дима положил ей руку на спину, неловко похлопал — так бы он успокаивал, к примеру, Ника, при условии, что ему это понадобилось бы, конечно. А потом неожиданно для себя он обнял девушку, по-дружески, чтобы успокоить, и прижал к груди. Она, оказывается сильная. У нее в семье несчастье, а Маша и вида не показывала, хотя сильно переживала. Боялась оставаться дома одна, глупая.

Чувство того, что к нему щекой прижимается кто-то милый и беззащитный, Диме необычайно понравилось — парень едва ли не впервые в жизни почувствовал к кому-то такую нежность. И когда он убрал руки с плеч девушки, оказалось, что он уже не может смотреть на нее прежними глазами. Дружескими.

На небе мелькнула почти белая застенчивая молния, и я, проводив ее мимолетным взглядом, отступила на шаг от Димки. Откуда мне было знать, что он… Любит меня? Да, в последнее время я подозревала что-то подобное, ну хорошо, я понимала, что нравлюсь ему, чувствовала его ревность, удивлялась кое-какому его поведению, но не думала, что это так серьезно!

— Но почему ты не предпринимал чего-то? — тихо спросила я. — Чтобы я была с тобой, чтобы заметила тебя?

— Предпринимал. — Сердито сдвинул брови парень, вновь засовывая руки в карманы. — Звал погулять, в кино, съездить куда-нибудь вдвоем. Помнишь? Маша, а что делала ты? Говорила: «О, круто, позовем еще людей и пойдем все вместе!». Или спрашивала: «А кто будет с нами еще? В две каски — скучно». Или просила разрешение позвать Лиду и Марину. Или просто отказывалась. Или начинала спрашивать: «Чаща, когда же ты, наконец, себе девушку заведешь, чтобы она с тобою ходила всюду?». Маша, я был для тебя другом, не более. Ведь два года я тоже считал себя твоим приятелем. И ты даже не понимала, что я влюбился. Дурное слово «влюбился», да?

Его пальцы сами по себе сжались. Я сцепила зубы и медленно кивнула. Я была согласна, что слово дурное. Не просто дурное — отвратное! На душе стало гадко и пустынно, словно вторая мелькнувшая молния попала мне прямо в душу и выжгла все, что в ней было позитивного.

Головастики с отчаянием ощупывали обгоревшие волосы и лысины.

— Дима, ты… Но почему ты прямо мне не сказал, что я тебе нравлюсь? — проговорила я, с опаской глядя на одногруппника.

— Да? Чтобы ты меня отшила? — почти выкрикнул он, замолчал и следующую фразу произнес тихо, горько, хрипловато. Я слышала его голос, словно из трубки телефона. — Чтобы сразу послала меня? Чтобы у меня вообще не было никакой надежды? Без нее паршиво, Маша, поверь, без нее так паршиво.

— Оттуда ты знаешь, что я тебя бы отшила? — топнула я ногой. Да если бы он… раньше сказал мне о своих чувствах, год назад, я бы… А что бы я сделала? Оттолкнула бы Чащина или решила встречаться с ним?

«А не зря все говорят, что дружбы между мужчинами и женщинами не бывает?», — заявил в полной тишине самый наглый и самый рассудительный головастик с подпаленной башкой, и в него тут же полетело куриное яйцо.

— Почему, Дима?

— А ты разве не по Кларскому сходила с ума? — резонно спросил парень.

— Сходила… Но откуда ты-то знаешь?! Откуда? — широко раскрылись у меня глаза. Как он узнал??

— Слышал. — Отозвался Димка. — Я же не такой дурак, каким ты меня видишь.

— Ты для меня не дурак! Ты для меня — один из лучших людей на свете, — сердито и одновременно нежно ответила я ему. Я говорила правду.

— Один из лучших, но не любимый, так ведь, Маша? — в его голосе не было обиды, одна лишь констатация факта. Я ничего не смогла ответить. Но если… если я постараюсь, он сможет стать любимым? Ведь и в Дэна я влюбилась не сразу, думала, что сильнее моих детских чувств к Никите ничего не может быть. А вдруг с Димой будет такая же ситуация? Он хороший, он не предаст, как Смерч, развлекающийся с Ольгой, он будет меня оберегать и любить, пусть без феерии Дэна, но по-своему нежно. Может быть, его плечи видела гадалка с черничными прищуренными глазами, когда гадала мне на набережной?

Я посмотрела на плечи парня, перевела взгляд на его усталое лицо, не знаю зачем, коснулась его ладони, в знак утешения. А он вздрогнул и вновь убрал руку в карман. Ну почему он не хочет, чтобы я касалась его? Ведь сказал, что любит, а сам…

Димка повернул на меня голову, улыбнулся вновь, и у меня все внутри сжалось от его улыбки. Лучше бы он кричал, обижался, бил руками по стене, чем улыбался так… страшно.

«Маленький мой», — сжались тысячи разноцветных сердец.

— Так как ты узнал о Никите? — почти шепотом спросила я. Когда-то я так боялась, что кто-нибудь узнает о моих чувствах, а теперь все равно. Наверное потому что искренних чувств не стыдишься, а надуманных, тех самых, того самого красивого сверкающего розового цвета — да. Потому что подсознательно понимаешь, что они фальшивы.

— Случайно. — Он на мгновение прикрыл ладонями лицо и устало потер пальцами внутренние уголки глаз.

Почти через неделю поле того, как Димка сделал неожиданный вывод, что влюблен в Марию, он решился на отчаянный шаг — признаться ей. Сказать, что она ему нравиться и предложить встречаться. Быть честным по отношению к ней и к себе. Дима вообще был одним из тех, кто обоими руками цеплялся за честность и прямоту. Он не подозревал, что совсем скоро ему придется столько всего и ото всех скрывать. Да, он боялся реакции Машки, но ему было бы легче выслушать от нее, что он для нее ничего не значит, чем страдать по ней в неведении — а вдруг он ей все же небезразличен? А вдруг…? Вдруг? Димка ненавидел это слово.

Близились экзамены, шла зачетная неделя, весь их курс бегал, как сумасшедший, от одного препода к другому, запоздало сдавал контрольные, лабораторные, рефераты, курсаки, делал набеги на библиотеки и пристава к студентам старших курсов, выпрашивая у тех конспекты и лекции. Наверное, это было не самое лучшее время для признаний в любви. Но Димке было так

фигово, что ждать он больше не хотел. Решил — значит сделает.

Поговорить с Машкой решил после сдачи последнего зачета, кстати, по все тому же зловредному английскому. По этому предмету они оба в зачетках получили желанное «зачтено» только лишь со второй попытки. Машка вышла из кабинета первая, со счастливой улыбкой — наконец-то получит «кирпич» и будет допущена к экзаменам! Он — через полчаса после нее. Димка знал, что еще некоторое время девушка будет торчать в университете. А это значит, что он сможет поймать ее и все рассказать, оставшись наедине. Чащин долго готовился к этому дню, не знал, как лучше сказать девушке, что чувствует к ней, нужно ли при этом шутить или оставаться серьезным, заигрывать или просто подойти и без слов обнять, ошарашить Машу. Остановился на том, что скажет ей прямо: «Ты мне нравишься, хочешь быть со мной?». Ночью перед этим днем Дмитрий почти не спал, и снился ему полнейший идиотизм. В ярком, красочном сне он участвовал в какой-то передаче, снимающейся где-то на небесах — вокруг, справа и слева, внизу и наверху, было бесконечное синее небо и белоснежные молочные облака. Перед ним стояли три девушки в красивых кремовых платьях: Маша, первая девушка Димки, с которой они расстались давным-давно и смутно знакомая девчонка, стриженная под мальчика, чье лицо было спрятано тенью облаков. Ему нужно было выбрать для себя кого-то из них. Зачем — загадка. Но это было очень важно. И он, не колеблясь, сделал выбор.

— Маша, — сказал Дима, и его голос, как будто усиленный мегафоном, разносится по всему небосводу.

— Ответ неверный, — спокойно произнесли облака, и над Машиной головой зажигается красный крест. Над бывшей девушкой — тоже. Коротко остриженная, чье лицо он так и не видел, сделала шаг вперед, взяла за руку опешившего парня и кивнула солнцу. Они вдвоем стали падать, касаясь телами мягких облаков, а потом он проснулся, отчего-то злой. Больше так и не заснул.

После зачета Дима нашел Машку неожиданно быстро и совершенно случайно. Он шел по коридору, набивая ей смс-ку по мобиле, и совершенно случайно услышал ее голос. Улыбнулся. Пошел на него, как зачарованный. И даже подумал, что это удача — встретить ее.

Машка в компании с подругами сидела на партах в небольшой пустой аудитории с распахнутой дверью. Они о чем-то жарко спорили. Чащин хотел подойти к девушкам, успел даже придумать очередную шуточку для Марьи, но внезапно услышал возглас Марины, который заставил его замереть около самой двери.

— Хватит сохнуть по этому Кларскому, Машка! Хватит!

— Тише! Прекрати орать его имя, — расстроено произнес голос его любимой девушки.

Почему-то в первые секунды Димка сразу и не подумал на друга. Для него это было как-то немыслимо. Такого ведь не бывает: чтобы твоя девчонка влюбилась в твоего приятеля? Это только в сериалах.

— Да кто услышит-то? — раздался голос другой Димкиной одногруппницы — Лиды.

— Мало ли. Я вам сто раз говорила, что не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что он мне нравится.

— И чтобы сам Никита это знал — тоже. Признайся уже ему. Что любишь. — Сказала Лида.

Дима прекрасно слышал и это, и его взгляд становился все более и более стеклянным. От

испуганного разочарования. Рука, держащая мобильник с недописанным сообщением, сама по себе медленно опустилась вниз.

Что? Она любит другого? Чушь! Или… нет?

Да, Марья влюблена в другого парня, и ей никто больше не нужен. Все это парень понял также быстро, как и то, что эта девчонка безумно ему нравится.

— Не могу признаться, — голос Бурундуковой был грустным-грустным. Не своим, всегда задорным и громким, а потерянным. — Не могу. Как? А если я ему не нравлюсь? А если он пошлет меня?

— Машка, да ты чего? С чего он должен тебя посылать? Ты — веселая милаха. И вообще, ты сама тупишь… Вчера мы стояли рядом с ним сколько времени во дворе! А ты даже не заговорила с ним, дурочка, — продолжала Марина.

— Да понимаю я все. Мне просто страшно, — вздохнула Бурундукова. — Я рядом с ним теряюсь. Мне никогда в жизни так страшно с парнями не было, как с Никитой.

— Ох уж этот твой Кларский! — продолжала выговаривать Лида Машке. — Что ты в нем нашла? Да, он очень симпатичный и высокий, и очень вежливый и умный, но вокруг много таких парней.

— Вот именно, — поддакнула Маринка.

— Чья бы корова мычала, — тут же попеняла ей сестра, — кому нравятся эти странные личности с длинными волосами и татушками?

— Они нормальные, — мигом надулась ее кузина. А Лида продолжала:

— Ты ведь его не знаешь, как ты можешь его так сильно любить, Маша?

— Могу. И все. Сама не знаю, почему, но могу. Он — лучший, мой Никита. А-а-аа, как мне хреново, девчонки, я идиотка, — судя по звуку, Машка ударилась лбом о парту. А Дима, понимая, что подслушивание — занятие, в общем-то, низкое, не мог заставить себя двинуться с места. Как это? Маша влюбилась в Ника? В того, кто почти не замечал девчонок, усиленно притворялся хорошим парнем и мог уложить в драке кучу народа? И для Машки он — самый лучший. Какого черта?!

— По-моему, тот же Димка куда лучше, чем Кларский. — вдруг сказала Лида.

— Ну, Чащин — классный, это точно, — согласилась Бурундукова, и в сердце Дмитрия тут же проникла голубыми искрами Ее Высочество Надежда. А вдруг она скажет сейчас… Что он нравится ей?

— А ты бы хотела с ним встречаться? — спросила с любопытством Маринка, словно бы услышала мысли Чащина, стоявшего за полуоткрытой дверью.

— Нет. Конечно, нет. Он же мой друг. — Сказала светловолосая девушка, и ее слова вызвали у молодого человека кривую улыбку. Нет, она же ясно сказала, что любит Никитоса, а это значит, что остальные Марье по боку! И он тоже. Он тупо просто друг.

Искры стали темно-коричневыми, почти как радужки Димки, и навсегда поселились в его

глазах. Он ушел с ними вместе, почти убежал, хотя ноги были деревянными, словно он весь день качал их в тренажерке после годовалого перерыва. Странно, но в сердце были те же самые ощущения. И первое время они усиливались, как только Дима видел Ника или Машу, словно эти двое были мощными тренажерами.

Он еще ускорил шаг, а потом и вовсе побежал, как будто сдавал кросс на скорость. По дороге едва не врезался в неспешно идущую по коридору Ольгу Князеву и ее подругу Регину, извинился и помчался дальше. В тот день он первый раз в жизни сильно напился с недоумевающими друзьями, и пару дней не ходил в универ.

Молний стало больше, дождь еще больше усилился, и только грома еще не было слышно, как будто бы он запаздывал, но обещал скоро быть.

— Я никому не рассказал про Ника, не бойся, — сказал Димка мне. — Это ведь твоя тайна, Маша.

— Спасибо. — Я не знала, что делать. Переминалась с ноги на ногу.

— Я вел себя также, как и раньше. И с тобой. И с ним. А ведь Ник — мой друг, хотя дружба у нас странная. Но всегда была крепкой. А тут я начинал изредка ненавидеть его за то, что он украл тебя у меня. А это нелегко, Nзапрещено цензуройN, это очень нелегко.

Чащин хлопнул себя по лбу, заставив меня вздрогнуть.

— Что я несу, вот придурок.

— Дим, ты решил встречаться с Олей, чтобы отомстить Нику? — спросила я внезапно.

— Нет. Нет, я не такая падаль, чтобы так поступать. — Парень даже испугался этих моих слов, и мне стало стыдно. — Я стал общаться с Олей еще до того, как он с ней познакомился. В феврале. А он увидел ее в начале апреля. Я сам познакомил их. Мы гуляли с Ником, и случайно встретили Олю. Она ему тут же понравилась. А меня это тогда только развеселило… Кретин. И почти сразу Никита стал оказывать ей знаки внимания. Потом он встретил ее еще раз — когда без предупреждения шел ко мне, а она возвращалась от меня. Увидел пару раз в универе. В общем, подумал, что Оля — его Судьба, гребанный фаталист. Никита не знал, что мы… общаемся. Никто не знал.

— Ну почему, почему, Димка?

— Я надеялся, что смогу быть с тобой. — Признался одногруппник. — Если бы у меня появилась девушка, ты бы вообще не взглянула на меня. Никогда. Ведь когда ты подумала, что у меня есть девчонка, ты только прикалывалась надо мной. Когда я захотел, чтобы ты поревновала — ну, в шутку, ты просто смеялась. — Он вновь с болью улыбнулся. — Так обидно было.

А я тут же вспомнила, что говорила ему тогда.

— Сегодня я иду на свидание.

— С кем это? С кем, с кем, с кем?

— Не твое дело.

— Кто на тебя клюнул, Чащин? Она что, тупая? Или слепая?

— Я не хотела, — прошептала я, чувствуя невероятный стыд за свои слова. Боже, ну я и сволочь! Как я могла сказать Димке такое? Ведь я, правда, была рада за друга, что он нашел вторую половинку!

— Я знаю, что не хотела, — кивнул он, не глядел на меня — смотрел, не мигая, на лужи, где все продолжали тонуть косые холодные капли дождя. — Ты — самая лучшая девушка. Просто два года это до меня доходило. А когда дошло, оказалось, я опоздал. Про то, что ты лучшая, пронюхал другой.

— Почему вы с Князевой стали… общаться так близко? Как это случилось?

Он пожал плечами.

— Очень просто. Я приехал в клуб с ребятами, чтобы отпраздновать День рождения Женьки, и встретил ее там.

Той февральской ветреной ночью Димка не сразу узнал в яркой красиво извивающейся посредине танцпола девчонке свою спокойную и даже скромную неразговорчивую одногруппницу Ольгу Князеву. Одета она была не так, как обычно, а в минимум одежды: юбка, топик, шпильки, и сверкала в свете прожекторов не хуже самой настоящей звезды. Тонкая гибкая фигурка, распушенные волосы, рассыпанные по плечам, кокетливый зазывной взгляд, уверенные грациозные движения — все это делало Ольгу похожей на раскрепощенную танцовщицу, а не на студентку факультета искусствоведения. Сначала ее одногруппники просто прошли мимо, весело перекинувшись парой слов по поводу внешности и танца «прикольной девчонки в супер мини». Они почему-то подумали, что эта герла — подружка или мажора или какого-то крутого типа. Ребята не признали в красотке Князеву — к тому же в клубе наступила загадочная полутьма, скрывшая ее лицо. Они прошли мимо, немного потусовались на танцполе, над которым разрывался громкий и ломанный драм-энд-бэйс. Кто-то тут же нашел себе девчонок и свалил куда-то с ними, кто-то был порабощен ритмом музыки и продолжил танцевать, а именинник Женя и Димка отправились к барной стойке. Первый как-то быстро накидался до «синего» состояния и был не совсем вменяем, второй пить не любил, потому как алкоголь заставлял Чащина погружаться в свои невеселые в последнее время мысли. Например, в мысли о том, что Машка влюблена в его друга. Ник об этом даже и не догадывался — на девчонок ему было как-то плевать. Димка даже как-то даже спросил у Никиты, нравится ли ему «вон та» девчонка, показав на стоявшую в конце коридора Марию Бурундукову. Она смеялась над чем-то с совершенно беззаботным видом. Не видела их.

— Нет, не нравится. — Сказал тогда Кларский, присмотревшись к ней — Не мой тип. И громкая очень. Девушка должна быть женственной и нежной. А не выглядеть пацанкой. И так ржать. Зачем спрашиваешь?

— Просто так. Не могу понять, то ли тебе девчонки вообще не нравятся в принципе, то ли какие-то особенные, — отшутился Чащин.

— Особенные, — серьезно ответил Никита. — Пошли, скоро лекции начнутся.

Дмитрий кивнул. Марью он как раз и считал особенной. И то, как друг назвал ее, ему не понравилось. Очень не понравилось. Хотя, с другой стороны, он был рад, что Кларкий не заинтересован в Бурундуковой. Он сам себя презирал за то, что иногда начинал испытывать к

Нику темное, тягучее, как горячая карамель, неприятное чувство скрываемой ревности и злости: «Почему он, почему этот урод нравится Маше?». Чувство это быстро проходило, но парень осознавал, что оно прочно сидит в глубине его сердца. И ничего не мог поделать. Нику, конечно же, ничего про чувства Машки не говорил, а с ней продолжал общаться, как и прежде, скрепя сердце. Оставался просто другом. Димка научил себя радоваться таким мелочам, как просто прикосновение к ее рукам мимолетом, или дружеские объятия, когда он имел возможность почувствовать ее тепло и запах волос. Да и просто слышать голос Маши было очень приятно.

С такими мыслями Дима сидел за барной стойкой, облокотившись на нее обоими локтями, и изредка потягивая пиво из высокого стакана, в гранях которого играли всполохи разноцветных огней создаваемого зеркальным шаром беззаботного летающего снега.

— Эй, мальчик, не угостишь девушку коктейлем? — раздался над его ухом смутно знакомый развязный из-за алкоголя голос. Чащин обернулся и увидел, как рядом с ним и уже спящим именинником, уселась, закинув ногу на ногу, та самая прикольная девчонка с танцпола. Димка хмыкнул.

— И что ты хочешь?

— Я хочу… думаешь, я хочу «Пину Коладу»? — вдруг спросил она.

— Вполне возможно.

«Тебе уже хватит, дура», — подумал он. Кажется, длинноволосая леди уже накачалась алкоголем сегодня.

— Нет, зайка, я хочу «Хиросиму». Пусть «Пину Коладу» глотают гламурные девочки с большими губами и длинными ресницами.

Димка вновь ухмыльнулся — девчонка его забавляла, и наклонился к ней поближе, чтобы что-то сказать. В это время ее лицо хорошо осветила очередная вспышка света, и он вдруг понял, что красотка выглядит невероятно знакомо.

— Оля? — спросил с недоумением парень. Девушка дернула обнаженным плечиком. В ее голубых глазах, кажущихся сейчас темными, появилась злость и удивление.

— Оттуда… А-а-а, вот Nзапрещено цензуройN, я приняла идиота-одногруппника за клевого парня. Невезуха. Не заказывай мне ничего, как тебя… Дмитрий. Я обозналась. Ты ведь не из тех, кто может позволить себе исполнить капризы такой, как я, — Ольга рассмеялась и ткнула Димку пальцем в грудь. — И как я так лопухнулась, а?

— Ужасно лопухнулась, — спокойно отозвался Чащин. — Ты сильно пьяна.

— Не пьяна, — заспорила Князев громко. — Ты не знаешь, сколько мне нужно, чтобы опьянеть, как следует. Хэй, бармен, — закричала она так, что на нее обернулись многие, — бармен, «Хиросиму»!

Тот кивнул и принялся смешивать коктейль.

— Не пей больше, — сказал Дима. Ему стало жаль эту дурочку. Напилась и ведет себя, как дама с большой дороги.

— Пошел ты, — мило улыбнулась ему Ольга.

— А в универе ты не такая.

Это почему-то взбесило девушку. Алкоголь в ее крови вскипел.

— Неудачник. Да что ты знаешь, какая я? Нет, ты не обижайся, но таких, как ты, я всегда считала неудачниками. — Она похлопала парня по напрягшимся плечам. — Вот чего ты достиг, Чащин? О, Боже, у тебя даже фамилия глупая. А ничего. Ты занимаешься ерундой, играешь в КВНе, увлекаешься футболом, но никогда не станешь профи, учишься кое-как, общаешься с такими же недоумками, как и ты. Ты не перспективный. Ты не красавчик. Ты не гений. Ты — никто. Незаметная вещь. Без будущего. У тебя даже девушки нет. И тачки. А ты ведь знаешь, что девочки клюют на тачки?

— Да ты просто психолог, — отозвался молодой человек все тем же спокойным тоном. Внутри у Димы все почернело от ярости, но на лице его была все та же беспечная улыбка. «Она пьяна, она не понимает, что говорит, не слушай ее», — кричали ему искры, заставляя успокоиться разбушевавшееся сердце.

— Психолог, о, это так, — отозвалась Ольга. — Скажи, я красивая?

— Ну, красивая. И?

— Внешность — это так важно. И это такая игрушка, — коснулась своей ключицы девушка. — С ее помощью можно прожить две жизни. И, кстати, Чащин, — нет, все же твоя фамилия меня убивает, — Чащин, если начнешь распространять слухи обо мне в своей компании весельчаков, тебе несдобровать.

Она всплеснула руками, вытянула вперед длинные стройные ноги, которые были обуты в дорогущие туфельки со шпильками, и просто перестала замечать Димку. Тот перевел взгляд на стеклянную стойку бара, закусил губу, сам себе приказав не реагировать на хамку.

— А-а-а, где нормальные парни в этом клубе? Один ширпотреб. Бармен, когда будет моя «Хиросима»?

Димка встал, кинул на стойку крупную купюру и кинул бармену:

— За коктейль девушки. Сдачи не надо.

Тут с уважением кивнул. Слышал разговор этих двух и мысленно прикинул, что парень — молодец, достойно ответил зарвавшейся малышки с повадками стервы с плохим прошлым. А Оля уже переключилась на другого молодого человека — очень симпатичного, и, кажется, обеспеченного. По крайней мере, бриллиантовая серьга в его ухе и дорогие часы на запястье говорили это яснее ясного.

Чащин не оглядываясь, но слыша смех Князевой, ушел к друзьям, отдыхающим на диванчике, потерпел немного флирт какой-то девушки, потанцевал с ней, выпил еще немного пива с парнями, и когда уже собирался ехать домой с проснувшимся именинником Женей, стал свидетелем сцены, которая перевернула жизнь пары человек.

Около холла, ведущего к выходу, под ярый, но приглушенный стенами брейкбит, произошла короткая, но выразительная сцена. Дима и его нетрезвый приятель, которого он вынужден был поддерживать, чтобы тот не упал, стали свидетелями того, как к Оле Князевой стали

приставать два высоких мощных парня, тоже нетрезвых.

— А ты хорошенькая. Эй, киска, пошли с нами, — поманил ее один из молодых людей.

— Развлечемся! — добавил второй и подмигнул Ольге.

— Мне уроды не нравятся, — рассмеялась девушка, тряхнув волосами. Ее шатало при ходьбе.

«Вот дура, на фиг она на них-то нарывается?», — подумал Дмитрий, глядя на мгновенно обозлившихся парней.

— Как ты нас назвала, сучка?

— Уроды. — Повторила девушка. — Вы реально страшные. А я ценю эстетику. У меня строгий внутренний… а-а-а, как его… фэйссс… фэйсконтроль.

— Эй, не надо, крошка, не нарывайся, — сказал поспешно Князевой ее молодой человек с серьгой в ухе. — Все хорошо! Парни, она пьяна, простите, а?

Его тут же послали на Марс чистить инопланетные горшки.

— А ты смелый, — кинула на него презрительный взгляд Ольга. — Козел.

— Твоя девка уже нарвалась, — прорычал обиженный парень. — А ну пошли с нами, малышка. Просить прощения будешь! Всю ночь.

И он, заржав, добавил еще пару непечатных выражений. А его приятель больно схватил Олю за руку. Девушка тут же закричала и попыталась вырваться, но тщетно. Ей грубо ответили и попросили заткнуться. Парень с серьгой моментально испарился, словно был волшебником с шапкой-неведимкой подмышкой. Ольга вновь что-то крикнула. На нее косились гости клуба, но никто не спешил помочь девушке. Многие проходили мимо. Кто-то отводил глаза, а кто-то и вовсе не замечал происходящего.

Димка, чувствуя себя главой всех кретинов на земле, оставил нетрезвого друга около стеночки и, глубоко вздохнув, отправился выручать Ольгу. Справедливость и защита женщин и детей были слабостью Чащина. Ну, или составной его характера. Он просто не мог видеть, как кого-то унижают или обижают, а о последствиях думал задним числом. Он бросился спасать ту, которая пару часов назад нагло нахамила ему. Через полгода он так же кинулся помогать незнакомке в кафе вместе со Смерчем. Просто потому что по-другому не мог. Так был воспитан матерью.

— Эй, мужики! Отпустите девушку! — крикнул он смело двум бугаям. Они остановились. — Она с вами не хочет идти.

Ольга большими глазами посмотрела на него. Ей не стоило сегодня так много пить. Но даже сквозь пелену алкоголя она чувствовала бешеную опасность.

— А ты еще кто, дятел развеселый?

— Еще один дружок этой шалавы?

— Я сказал, отпустите ее, — приблизился к Оле Дима и смело взял ее за другую руку, показывая всем своим видом, что отступать не намерен. Ее все же нехотя отпустили, и Чащин кивком заставил ее уйти себе за спину. Сердце у него бешено колотилось, а над головой застыл

ореол ярости. Он чувствовал, что сейчас будет драка. Жесткая. По крайней мере, для него. А друзья на помощь не придут — они на танцполе, далеко.

— Тебе скучно, что ли? — нахмурился один из парней. — Приключений ищешь? Сейчас получишь, Nзапрещено цензуройN! А потом мы с твоей девкой поразвлечемся. Ты ведь хочешь этого, детка?

Оля только выдохнула, яростно стрельнула глазами на обидчиков, но промолчала. Да, ей нельзя было пить. Алкоголь делал ее агрессивной до невозможности. А она должна была оставаться милой и хорошей. Как сестра.

— Пошли, выйдем, поговорим, сопляк! Хрена ты тут выставляешься со своей телкой? Да ты знаешь, кто мы? — зарычал второй. Обстановка накалялась. А люди вокруг только смотрели.

— Пошли, — согласился Димка сквозь зубы, — давай, вали к выходу. Поговорим.

Дело не закончилось дракой, вернее, реальным избиением, только потому, что вдруг, откуда ни возьмись, вынырнула охрана клуба и увела нетрезвых бугаев с собой, не тронув Диму и Ольгу, так и стоявшую у него за спиной. Как только в холле утихомирились, народ стал расходиться. Шоу закончилось.

— Я вызвал такси, идем с нами, довезем, — не оборачиваясь, сказал девушке Чащин и подошел к другу-имениннику, который весьма плохо воспринимал действительность и базарил сам с собой. — Давай, Жэка, пошли.

— Нет, спасибо, — отказалась Ольга. — Я сама.

— Давай уже не ломайся, Князева, — устало отозвался Дима. — Они тебя опять увидят, и защитить тебя уже будет некому. А такси ждет около самого входа в клуб. А если ты такая гордая, что тебе западло со мной, неудачником, ездить в одной тачке, то ты дура. И у тебя нет инстинкта самосохранения.

Оля все же согласилась поехать с ними. И почти моментально вырубилась на заднем сидении такси, рядом с другим своим пьяным однокурсником — Димка сидел на переднем сидении рядом с водителем.

Сначала домой завезли Женю. Передав его с рук на руки недовольным родителям, которые, судя по всему, завтра решили устроить сыну прекрасное утро, Чащин попытался выяснить адрес у Ольги, но не добился от нее ни слова и, чуть подумав, повез к себе домой. Не бросать же ему было эту глупую притворщицу на улице?

В квартире, правда, была мама, которая очень удивилась, увидев на пороге единственного сына с девушкой на руках, и Дима, жутко стесняясь, сказал ей, что Оля — его одногруппница, которая пошла с ними в клуб на День Рождения Жени, а ее в шутку споили.

— Короче, мама, я не знаю, где она живет, поэтому привез с собой. Прости, что разбудил. Но я, правда, не знал, куда ее деть.

Елена Вячеславовна, которая была человеком спокойным и достаточно широких взглядов — может быть, на это повлияло то, что по профессии она была хирургом, лишь улыбнулась сыну.

— Ну хотя бы не бросил где-нибудь, — рассудила она. — Уложи девушку на диван в зале, я сейчас постелю. Конечно, юной девочке так пить не нужно, но всякое в жизни случается.

Ольгу они положили на диван — она что-то бормотала во сне, то ли разговаривала с сестрой, то ли еще с кем, и проснулась она поздно, разбитая и молчаливая. Мать рано ушла на дежурство в больницу, где работала, а Димка тогда так и не заснул. Сидел на своей кровати с ногами, не раздевшись и прислонившись спиной к стене, слыша за окнами завывания ветра и наблюдая за хлопьями снега, падавшими в отчаянии с темного набухшего неба.

Когда Оля открыла глаза, то был уже почти полдень. Сонный Димка сидел рядом, в кресле, с наушниками в ушах и с мобильным телефоном в руках.

— Доброе утро, — просто сказал он ей, увидев, как девушка медленно садится, держась руками за виски. Волосы у нее были спутаны, под глазами залегли синяки, в радужках плескалось болезненное недоумение.

— Доброе… утро. Где я? — резко спросила Князева. — А-а-а, голова…

— Пить надо меньше. А ты у меня дома. Я не знал, куда тебя увезти вчера ночью, привез к себе.

Ольга злобно посмотрела на парня и каким-то диким движением откинула от себя одеяло. Елена Вячеславовна была так добра, что переодела «глупую девчонку», как она сказала, в ночную рубашку. А так как она была невысокой женщиной — ниже Оли почти на голову, то ее ночнушка едва прикрывала бедра девушки.

— Ты что со мной сделал? — прошипела змеей светловолосая, дрожащей рукой потянувшись к своей одежде, аккуратно висевшей рядом. — Охренел, Чащин? Решил воспользоваться ситуацией, ублюдок? Да я на тебя ментам заявлю.

— Какой ситуацией? — закатил он глаза, прекрасно поняв, что та имеет в виду. — Нужна ты мне, идиотка. Мать моя тебя переодела. Не веришь, можешь дождаться ее и спросить.

Оля застыла. Глаза ее расширились еще больше.

— Я просто тебя привез к себе. Ты ведь в такси отрубилась. — Продолжал Дмитрий. — Ты вообще помнишь, что произошло в клубе, истеричка? Кстати, на столике рядом лекарство. Выпей. Тебе ведь сейчас после стольких коктейлей плохо, верно?

Оля помнила. Она взглянула зачарованно на парня, послушно выпила лекарство, как робот, подхватила одежду, скрылась в соседней комнате, спешно переоделась и, не смотря на противную тошноту и головную боль, быстро собралась и молча ушла из квартиры Чащиных. Не смотря на то, что она много выпила вчера, она прекрасно все помнила. И как целенаправленно унижала этого странного парня — да, ей доставляло удовольствие видеть скрытую боль в его глазах, и как он единственный решился защитить ее от тех мерзавцев, поверивших в свою вседозволенность.

— Тебя проводить? — спросил Димка.

— Не надо. Я сама доберусь до дома.

— И не пей столько, Князева, — напутствовал ее парень. Оля лишь кивнула, не решившись ему что-то сказать.

— Я никому про тебя не скажу, — сказал ей в спину Чащин, когда девушка вызывала лифт. — То, как ты живешь вне универа — не мое дело. Тебя точно не нужно проводить?

— Нет. — Она вдруг развернулась, взяла его за руку и сказала тихо-тихо:

— Спасибо. Спасибо, что помог. И прости меня. За то, что я тебе наговорила.

— Ты права, — улыбнулся парень беззлобно, — я, и правда, неудачник.

— Не говори так.

Подошел лифт, и девушка нырнула в него, заставив Чащина обалдело посмотреть ей в след.

В университете она делал вид, что ничего не произошло. Это же делал и он сам. Все было, как обычно. Но Дмитрий не знал, что с тех пор Оля начала меняться. Лишь позже она призналась ему в этом, и в том, что впервые в жизни так сильно заинтересовалась парнем, что даже не знала, что ей сказать. Ее поразило его поведение в клубе и то, что он, как большинство парней, не воспользовался удобной ситуацией, когда он была полураздета и беспомощно спала. Узнав это, Димка, конечно же, сказал ей, что он — нормальный, и быть с пьяной девчонкой его вовсе и не прикалывает. А если Оле встречались такие парни раньше, то ему ее жаль.

Ольга пришла к нему через неделю, сама, без звонка и без предупреждения, тогда, когда он был один дома: играл в приставку, сидя на полу перед большим плоским экраном. Чащин не ожидал, что одногруппница вновь окажется в его квартире, да еще и так неожиданно, под вечер.

— Зачем ты пришла? — удивленно спросил он, открыв дверь квартиры и увидев на пороге светловолосую девушку.

— Я соскучилась по тебе, — ошарашила его Оля. Она выглядела очень прилично, одета была мило и элегантно, но в ее лице и движениях появились кокетство и даже некоторая загадочность.

— С чего вдруг? — хмыкнул Дима, жестом приглашая гостью в квартиру. — Оля, что с тобой? Снова выпила? А-а-а, хочешь еще раз попросить, чтобы я не рассказывал никому о твоем втором «я»? Не бойся, никто не узнает. Я же сказал.

— Я верю в твою честность и надежность, — сказала Ольга тихо. — Я пришла из-за другого.

— И из-за чего? — скрестил руки на груди парень. Ответ заставил его скептически улыбнуться.

— Давай встречаться? Я хочу, чтобы ты был моим парнем, — вдруг сказала Ольга, не мигая и глядя своими большими голубыми глазами на него.

— Ого, — протянул парень и внезапно улыбнулся. — Тебя опять чем-то накрыло, Оль?

— Я серьезно. Давай попробуем быть вместе? — сердито сказала девушка. — И я сейчас в полном порядке. И говорю вполне серьезно. Хочешь быть со мной?

— Нет. — Тут же отказался парень, и хотя осознавал, что его ответ может быть несколько резким. Но встречаться с Князевой ему не хотелось. Конечно, она довольно милая и соблазнительная, да и оказалась не такой правильной и хорошей девочкой, какой всегда выглядела на протяжении двух с половиной лет, но он, Дима, влюблен в Марью Бурундукову, и ему никто не нужен.

— Почему? Ты же видел, я умею быть красивой. — Сощурилась Оля.

— Во-первых, у меня уже есть девушка, с которой я бы хотел встречаться, а, во-вторых, я неудачник и лузер, как ты сказала. Ты понимаешь, что несешь?

Услышав это, гордая Оля просто развернулась и ушла. Димка думал, что Князева перебесится и отстанет от него, но она через пару дней вновь решила поговорить с ним — уже в универе, в своем привычном обличье хорошей милой девочки. Она специально увела его перед парами в укромный уголок на первом этаже и вновь сказала, что Дима ей нравится.

— Зачем тебе я? — спросил он, совершенно не понимая логики этой девчонки. Ответ получил удивительный.

— Не знаю. Я почти никогда не замечала тебя, а когда все же замечала, то считала веселым идиотом, — честно призналась Князева, глядя на безупречные ногти с неброским французским маникюром — ну, из когорты вечных весельчаков, таких, как твои дружки, Бурундукова, Ларина, — девушка назвала еще пару фамилий одногрупников и одногруппниц. А потом я узнала тебя с другой стороны.

— И?

Оля сердито посмотрела на Димку. И холодно ответила.

— И пропала.

Пока парень переваривал эту информацию, она вдруг встала на цыпочки, коснувшись ладонью его груди, и поцеловала его — не в губы, в щеку, закрыв глаза на миг. Дима тут же отошел на шаг назад.

— Ты мне нравишься. — Тихо произнесла Ольга. — Пожалуйста, подумай над этим. И мое предложение — оно все еще в силе. Давай попробуем повстречаться?

— Оля, ты хорошая и реально красивая, но мне нравится другая. Прости, нет.

— Кто она? Она лучше меня? Что мне сделать, чтобы я нравилась тебе больше?

— Ничего. И не делай так больше, — он коснулся своей щеки, — та девушка учится с нами на потоке, и я не хочу, чтобы она думала, что между нами что-то есть.

— Я раньше ревновала только сестру — за внимание родителей, — вдруг призналась Ольга. — А теперь…

— Я тебя боюсь, — шутливо поднял руки кверху парень, пряча за деланным весельем недоверие и непонимание ситуации. Что ей от него опять надо?? Ну, сделал он доброе дело, и что теперь? Она будет бегать за ним, как оголтелая?

— Я тоже теперь себя боюсь, — не разделила его веселье девушка и вновь ушла первой. Димка только головой покачал. Решил оставить все, как есть. Словам этой особы он не очень то и верил. Но только вначале, потому как Оля словно с ума сошла. Опять же с ее слов через пару месяцев — она по-настоящему влюбилась в него. А такого с ней никогда не бывало: влюблялись обычно в нее.

Оля оказалась настойчивой девушкой и хорошей актрисой. Она плавно, потихоньку, почти ненавязчиво сделала так, что Дима привык к ней. Чтобы он не разозлился на нее, в универе не показывала своих симпатий к нему, хотя сама отчаянно искала ту, в которую парень был

влюблен. Сначала почему-то думала, что это Марина — высокая симпатичная и улыбчивая брюнетка, потом поняла, что это кто-то другой. Оля мучилась, старалась отвыкнуть от Димы, убедить себя в том, что он не тот, кто ей нужен, но ее с неимоверной силой тянуло к нему. Кажется, и она ему, в принципе, нравилась, хотя его любовь к Маше перебивала это чувство. Ведь все же не зря Ольге удалось в один из февральских дней соблазнить Диму в его квартире. Она все-таки была умна и знала, что может хотеть парень в двадцать лет кроме какой-то там платонической красивой любви. С тех пор они часто проводили вместе ночи: потому что она, правда, любила его, а он нуждался в чьем-то тепле и в чьем-то ласковом голосе. Нет, Дима не хотел использовать девушку, он сразу честно сказал ей, что вместе они все равно быть не смогут — вернее, он не сможет, но Оля, лежа в постели, закутавшись в простынь, сказала негромко, что ее устраивают и такие отношения — главное, что она хотя бы изредка сможет быть с ним. И она согласна никому не рассказывать про их странные отношения.

— Просто поцелуй меня, — попросила она Диму тогда, скидывая простынь, — хорошо? И забудься на время.

И он забывался. Ненавидел себя, но ничего не могу же поделать.

А потом в их отношения невольно вмешался Никита Кларский. Друг, которому Димка привык доверять, стал тем, кто украл у него ту, в которую он случайно влюбился.

Сначала Димка злился. Почему именно Никита? Что, других парней вокруг нет? Да, он кажется девчонкам хорошеньким и интеллигентным, но он ведь тот еще паршивец. Знала бы Машка, кто его брат и чем Кларский занимается, она бы и не посмотрела на него. А тут он еще вдруг умудрился встретить Князеву и мешает ей жить. Оля, испугавшись, что Никита, узнав, что на самом деле она влюблена в его приятеля и тайно встречается с ним, тайно ото всех обратилась за помощью к Смерчу. Она наивно думала, что Димке ничего не известно о Кларском. Девушка просто боялась Ника, а еще больше — за Диму. Боялась и того, что Дэн, узнав истинную сущность Кларского, откажется помогать, поэтому соврала и ему тоже. Перед Никитой успешно притворялась, играла роль влюбленной девочки, чтобы он ничего не заподозрил. Ей нужно было, чтобы парень сам отказался от нее, поверив, что им не Судьба быть вместе. Оля мечтала, чтобы Ник обратил внимание на Машу Бурундукову, влюбленную в него. О том, что как раз в эту чертову Машку влюблен и ее Димка, она узнала как-то поздно, тогда, когда Дэн уже начал свою игру. И узнала она это совершенно случайно. Тогда, когда Дима во второй раз решил признаться Марье в своих чувствах — уже этой весной, когда все вокруг начали говорить о том, что Бурундукова вроде бы встречается с Дэном Смерчем. Сначала Димка в это не верил в это. Машка не такая, чтобы вдруг влюбиться в местного красавчика, по которому сохло и так немало девиц с первого по пятый курсы. А потом даже обрадовался. Может, Маша забыла Никиту? Тогда у него есть шанс. Наверное, Маша даже и не помнила того дня, когда он хотел подойти к ней, подарить цветы и во всем признаться. Только тогда она опоздала, да и вообще в тот день была самая настоящая суматоха — дружки Смерча решили устроить веселье под окнами университета.

Димка стоял с цветами за спиной, с нетерпением ожидая Бурундукову, как услышал разговор длинноволосой девицы по имени Инга и каких-то ее подружек. Одна из них рассказывала, что видела Дэна и его Машу около кафе для влюбленных и около моста МВД, куда ходят парочки. Она доказывала, что Дэнв просто безумно влюблен в эту светленькую девчонку с искусствоведения. Да и она его тоже обожает. И смотрятся они вместе круто, романтично, и вовсе не пафосно, как это бывает часто у красивых пар.

Девчонки скрылись, а слышавший все это Дима с долбанными розами в руках только от досады стенку пнул.

— Вот же проклятый Смерчинский. Чтобы тебя… Скотина. Увел ее… — Прошипел он, не зная, что его слова слышат.

Маша всегда мечтала получить цветы от парня, и исполнение ее желания было близко, однако цветы так и остались в его ладонях. Он наделся, что они простоят долго и будут радовать эту сумасшедшую милашку, а они завяли в этот же день. На чужом столе.

— Маше Бурундуковой цветы? Ей? — спросила Ольга почти безэмоционально, появившись из-за спины Димки. Он вздрогнул от звука ее тихого голоса.

— Ей. — Признался он нехотя.

— Значит та, в которую ты влюблен, это — Бурундукова из нашей группы. — Оля не спрашивала. Она констатировала факт.

— Она. Ты права.

— Так я и думала. Ты всегда около нее крутился. А ей нравится Никита. А я — ему. — В ее спокойном голосе зазвенел грустных смех. — Как забавно эта самая Судьба играет.

— Невероятно забавно. Может быть, перестанем встречаться? — спросил Димка. — Зачем тебе это нужно? Пара встреч в неделю у тебя или у меня. Я не даю тебе того, что хочешь ты, только беру то, что хочу я.

— Нет, Дима, не отталкивай меня. Пожалуйста. — Ольга испуганно обняла парня и уткнулась носом ему в теплую грудь. Только рядом с ним она почему-то была самой собой и не притворялась хорошей девушкой или кукольной танц-стервой. — Дима, не надо. Ты мне нужен. Пусть я тебе не нужна.

Он лишь машинально погладил ее по волосам.

— Хорошо, Оля, хорошо. И вообще, давай поговорим позже не эту тему. Но ведь ты видишь — я признаю, что недостоин тебя. Как парень я ничего для тебя не делаю. И, наверное, не смогу делать. Все, прекрати, отойди. А мне пока их, — он почти с ненавистью глянул на розы, — надо выкинуть. Похоже, у нее серьезно с этим типом.

Оля знала, что Дэн и Машка всего лишь играют свои роли, но говорить об этом Димке не стала. Сильно ревновала. А он узнал об этом очень поздно, когда отношения между Чипом и Дэйлом действительно стали настоящими и крепкими.

— Отдай их мне? — попросила вдруг Князева совершенно спокойно, отстранившись. — Я сделаю вид, словно ты подарил мне их. Мне будет очень приятно. И это будет выглядеть так, как будто бы мы — пара.

— Нет, прости, они не нужны тебе, — отрезал излишне грубовато Дима. Он подумал вдруг, что для Оли это будет несколько унизительно. Лучше он купит ей другие цветы, специально для нее. Надо только заставить себя поверить в то, что эта странная девчонка, говорящая, что влюблена в него, действительно нравится ему. Хотя бы наполовину также, как Машка. — Оля, прости, мне нужно уйти сейчас. Пока, звони. Или я сам позвоню.

Он просто-напросто выбросил букет в ближайшую мусорку и ушел к своим одногруппникам, чтобы уже через какое-то время делать вид, что все окей и участвовать в глупом розыгрыше Марии и Дениса.

— Пока, Дима, — сказала Князева и, почти не моргая, долго глядела вслед уходящему парню. По мере его удаления, ее спокойный, даже равнодушный к неприятностям взгляд медленно менялся. Постепенно в светлых радужках в прозрачном облаке слез стали проявляться и нежность, и боль, и желание, и благодарность, и отчаяние. Если бы Дима обернулся, он бы не узнал выражение лица Оли. Поразился бы ему и, наверное, тотчас вернулся обратно. Жаль, но он не посмотрел назад.

Да, эта девушка была великолепной актрисой. Умела скрывать свои истинные эмоции не хуже Ника, и верно играть совершенно другие, даже чуждые ей. В этом эти двое были очень похожи. Не зря же вначале Ольга поступала на актерское отделение, и думала даже стать актрисой. Ей с детства нравилось находиться в центре внимания, быть яркой, веселой, немного капризной и даже развязной.

А сейчас Ольга осторожно достала потрепанный букет и, убрав шуршащую излишне нарядную обертку, взяла в руки стебли. Шипы кололи ей пальцы, но Оля не чувствовала боли. Она просто смотрела на полураскрывшиеся розовые бутоны. Именно на них и упала ее первая, едва сдерживаемая слезинка, которую никто не видел. За то время, пока она общалась с Дмитрием, она все же изменилась: как-то резко и неожиданно. Хотя никто этого и не замечал, даже ее собственная и вечно занятая мама-адвокат.

Вот как оно все было.

Наконец-то прогремел взрывной гром. Но я не обратила на него внимания. Потому что, услышав все это, я почти минуту ничего не говорила. Только стояла и смотрела на Диму. А он — опять куда-то в сторону. Словно мечтал раствориться в непрекращающемся дожде, а я ему мешала.

Я тоже хотела раствориться: мне было тяжело и стыдно одновременно. Перед собой. Перед Димкой. Перед Олей — никогда не думала, что назову ее так! Я, идиотка, все это время считала, что Князева хочет украсть моего Смерча и поэтому желает быть похожей на меня. А на самом деле я, это я нечаянно украла ее любовь, еще давно, самым наглым образом, и сама даже не подозревала этого!

«Вот задница!», — взвыли головастики в отчаянии. А я, чтобы хоть как-то разрушить деревянное напряжение между нами, задала глупый вопрос:

— Поэтому Ольга и хотела быть похожей на меня? Чтобы привлечь тебя к себе?

— Не думаю, что поэтому. Она очень хотела избавиться от Ника. Подумала, что раз все ухищрения Смерча не помогают, то ей самой нужно как-то его оттолкнуть. — Ответил он мне безэмоционально. А у меня вновь сердце сложилось пополам от жалости и нежности к нему.

— А зачем ты тогда сказал мне, что она такая… двуличная? Ну, тогда, когда мы возвращались домой. — Спросила вновь я. Я до сих пор была потрясена.

— Не знаю. Просто захотелось сказать тебе, что она не такая, какой кажется. — Было мне ответом. — Ты тогда еще подумала, что у меня есть девушка, похожая на Князеву, и мне стало так стремно, что ты узнаешь правду о нас с ней, поэтому я и сказал, что с такой, как она, встречаться не буду. Чтобы ты не догадалась. Знаешь что?

— Что?

— Я недоносок.

— Заткнись. — Дрогнул у меня голос. — Не смей так говорить о себе. Я же сказала, что ты — один из лучших парней, которых я знаю. Понял?

— Да. Только вот зря ты так говоришь. Маша? — позвал он вдруг меня по имени.

— Что?

— Выполни одно мое желание.

— Какое? — я готова была выполнить тысячу желаний этого человека, чтобы только он вновь стал улыбаться, как и прежде.

— Поцелуй меня. — Сказал он и, наконец, взглянул мне в глаза. — Хочу знать, каково это — целовать любимого человека?

Это прекрасно. Это необыкновенно. Это…

Дима, не дожидаясь моего ответа, быстро подошел ко мне, несколько неловко обнял обеими руками за предплечья, наклонился и поцеловал. Не смотря на то, что он промок под дождем, губы у него были совершенно сухими, а дыхание — прерывистое.

Опять прозвучал гром — казалось, прямо над нашими головами. И я непонятно чего испугалась, хотя никогда не боялась грозы.

Это продолжалось не более полминуты, но за эти 30 секунд я поняла, что Димка, может быть, даже лучший парень на свете, но, к сожалению, не любимый. Не тот, рядом с которым хочется быть каждую секунду этой тупой жизни.

Я не вырывалась и не возмущалась — не хотела обижать Диму, я просто мягко отстранилась от него, взяла за руки и, внимательно посмотрев в глаза, сказала, тяжело дыша от передоза эмоций:

— Дима, ты невероятный. Но… ты, правда, мой друг. Как Лида или Марина. Или брат. Как Федька. А целовать брата или подруг — это противоестественно. Я не могу, просто не могу, понимаешь?

В моем голосе послышались истерично-извиняющиеся нотки. От пронзительного северо-восточного ветра стало очень холодно.

— Понимаю.

— Мне жаль, Дима, мне очень жаль. Все, что я могу предложить — моя искренняя дружба. — И я обняла его так же, как обняла бы брата или подругу. Так же, как Дэна обнять Чащина я не смогла. Поцелуй с любимым — это еще и волшебно. Только рядом с Димкой я не чувствовала этого волшебства. Все волшебство забрал Денис. Кажется, все-таки моя судьба на букву «Д» очень сильно напоминает ветер, а не искры.

— Дима, прости меня, я во всем виновата, — прошептала я, положив голову парню на плечо, — я не хотела, чтобы ты страдал или мучился.

— Не говори ерунды. Это я виноват. Я просто не могу больше молчать. Я столько всего и ото всех скрывал, что все… Это был предел.

Мы стояли, обнявшись, минут пять, и не слышали, как один из автомобилей, припаркованных около двора, спешно уехал прочь.

Маша и Дима не знали, что в те минуты, когда он вдруг решил рассказать ей все о своих чувствах, и когда они стояли под козырьком подъезда, в одной из машин напротив них сидел Дэн вместе со своим близким другом Игорем, организовавшим охрану Маше. Денис чувствовал себя почти что хорошо, его организм быстро восстанавливался, удивляя врачей и его самого, правда, из больницы парня еще не выпустили — дед велел до последнего держать там своего энергичного внучка. Но этим вечером Дэн все же на время умудрился сбежать из палаты. Причиной этому была его дорогая возлюбленная, которая ни с того, ни с сего написала вдруг на мобильный гневное сообщение о том, что видеть и слышать Дэна больше не желает. Когда парень читал это смс, его пальцы едва заметно стали дрожать, а и без того бледная кожа лица побледнела. Сидящая с сыном Лера заметила, что ясный взгляд ее Дэнси вдруг померк, а рука, на сгибе которой виднелись еще синяки от иголок, безвольно опустилась на постель.

— Денис! — прокричала она, испугавшись, — Денис, тебе больно?

— А? Больно? Нет, мама, — слабо улыбнулся тот, — просто я тут кое-что забыл сделать. А сейчас вспомнил. Не волнуйся.

— Ты точно в порядке? Позвать врача? — все равно волновалась женщина. — Милый, не пугай меня так. Давай-ка, убирай мобильник и просто полежи, хорошо?

— Нет, мам, прости, мне надо срочно кое с кем поговорить. — И Денис тут же начал звонить Маше. Однако она заблокировала свой сотовый от нежелательных звонков и сообщений, перестала появляться в Интернете и вообще пропала. Конечно, от ее отца Денис знал, что его Чип находится дома и что она в безопасности, но легче ему от этого не стало. Он не совсем понимал, какую ложь имеет в виду Марья, и почему она его, Смерча ненавидит? Успокоив свою разгоревшуюся черным пламенем красноглазую леди, Дэнв спустя некоторое время проанализировал ситуацию и предположил, что или Бурундукова узнала правду о том, что он в больнице и обиделась, что он не сказал ей правды об этом, или что-то неправильно поняла и приняла за ложь с его стороны. Но что конкретно — до парня не доходило. О том, что он пребывал в больнице, до сих пор знали только Черри, Ланде, Игорь, родители, дед, Петр и отец Машки со своими сослуживцами. Ах, да, знал друг-музыкант, но он точно не мог быть замешен в этой глупой истории. И все эти люди не рассказали бы светловолосой девушке правды, пока не состоялся бы захват Пристанских на благотворительном балу. Значит, Маша что-то навыдумывала себе.

Решив это, Дэнни обманными путями сегодняшним дождливым пасмурным днем выбрался из больницы, сел в машину дожидавшегося его Игоря, и парни поехали к дому Бурундучка. Приехали аккурат к тому моменту, когда Димка заканчивал рассказывать ей о себе и Ольге. Конечно, парни в авто не слышали, что Чащин там говорил Машке и просто наблюдали за ними. С Машей Денис хотел пообщаться наедине, без Димки, и ждал, когда тот свалит. Он смотрел на девушку и улыбался. Она сама перекрасилась в нормальный цвет. И теперь выглядит еще милее обычного. Интересно, а насколько она сильно соскучилась? Он — до невозможности сильно. Когда совсем скоро все это закончится, они пойдут на концерт «На краю», а потом он точно повезет ее в горы, потому что ей точно пора… взрослеть! И только с ним, естественно. Подумав об этом, Смерч почти счастливо улыбнулся: еще немного и все будет просто отлично.

— Вот видишь вон ту темно-синюю тачку слева? — спросил Дениса Игорь. — Там мои ребята из

агентства. Охраняют твою подружку. А вон там, через две тачки от них — менты сидят. В общем, организовали любимой твоей классную охрану, все на уровне, Дэн. Только никто на нее не зарится, все спокойно. А вот что это за хмырь к ней подкатил — непонятно. Но если он что-то ей попытается сделать, поверь, его тут же возьмут мои ребята. Хотя, если и менты не чешутся, значит, этот парнишка входит в круг лиц, с которыми девочке можно коммуницировать. Ее отец специально такой составлял.

— Это ее одногруппник. — Спокойно отозвался Денис. Но тут же его спокойствие и горячее ожидание встречи и объяснения, которое он продумал от и до, были, как ветром сдуты. Чащин поцеловал Машу. А та и не сопротивлялась. Кажется, не сопротивлялась.

На заднем сидении автомобиля почти мгновенно появилась смеющаяся, словно над старой комедией Чаплина, элегантная, как и всегда, Ревность в новом шикарном платье и в удивительно ярком колье, свет которого ослеплял.

У Дэна, для которого на мгновение перестали существовать все звуки, включая шум навязчивого дождя, непроизвольно сжались кулаки, а по лицу заходили желваки. Где-то в небе полупрозрачного Дениса резко отбросило от его феи прочь, так, что он долго не мог найти ее.

— Ого! А она точно твоя подружка? — кивнул Игорь на девушку, застывшую в объятиях парня в капюшоне. — Ого, да она сама верность. Да?

Смерч откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Ему было трудно смотреть на то, как его девушка целует или обнимает другого. Так трудно, что он в первый раз в жизни прокусил себе кожу на тыльной стороне запястья до крови.

«Хочешь бесплатный совет? Выйди и убей его, мальчик мой, поменяй ход своей жизни», — прошептала госпожа Ревность, вдруг переместившись и оказавшись сидящей на коленях Дениса. Она нежно обняла его и прижалась к парню.

— Поехали, — сказал он только, сдерживая одно из самых темных желаний человечества. — Поехали отсюда, Игорь.

— В больницу? — не стал тот подкалывать друга, видя его моральное состояние.

— Просто езжай прямо. Ненавижу дождь. Холодная мокрая скотина. — Дэн подул на холодные ладони, а Игорь торопливо включил печку, хотя никогда не делал этого летом.

Наверное, когда-нибудь потом он узнает, что заставило этих двоих целоваться.

А кровь на запястье продолжала сочиться и замарала длинный рукав его бело-голубой кофты с капюшоном.

— Маша! Маша! — услышала я, когда подходила к двери подъезда. Мы говорили еще не меньше часа и, кажется, оба чуть-чуть успокоились.

Я, со все еще колотящимся от пережитого сердцем, остановилась и оглянулась на Димку, стоящего уже через дорогу от меня. Он сбросил с головы капюшон и крикнул громко, перекрикивая шум грозы:

— Маша! А тетрадку… тетрадку по энглишу тогда не я нашел! Ее Смерч принес, а я просто передал ее тебе! Прости, что врал!

— Дурак! — крикнула я ему в ответ так же громко, заставляя себя улыбаться. — Чащин, ты… Идиот! И не смей грустить! Я буду проверять!

Он отвернулся, напоследок махнув мне рукой, а я так и не поняла, отчего его лицо мокрое.

А дома я просто я свернула калачиком на диване рядом с мамой, подложив ладони, сложенные лодочкой, под щеку. Она смотрела телевизор и ела клубнику — от нее я отказалась, потому что есть не хотелось совершенно. Да и вообще ничего делать не хотелось. Хотелось в другой мир, туда, где у Дэна не было тайн, где он не врал, где не страдал Димка, не было никакой Лазурной и Черной, а Ольга Князева была взаимно влюблена в какого-нибудь хорошего парня.

— Маша, ну что такое с тобой? — спросила мама обеспокоенно. — Что случилось?

— Да нет, все хорошо. — Я взяла на руки проходящего мимо важного, как и всегда, котэ Ириску и прижала к себе, словно игрушку. Животное недовольно повело носом, мявкнуло что-то неразборчивое, но вырываться не стало.

— Но я же вижу, что не хорошо. Машенька, ну что, что у тебя за горе? С Денисом поссорилась?

— Ну так… немного. Мам, не спрашивай меня об этом, а?

Да, не спрашивай, иначе я буду психовать, а ведь я только что успокоилась.

— Хорошо-хорошо, — грустно улыбнулась мама, — не буду спрашивать. Вы молодые, у вас все самой собой разрешится. И не переживай ты так, у всех пару бывают ссоры. Возьми клубнику. Только руки вымой.

— Не хочу.

— Возьми-возьми, скоро отойдет уже, ешь, пока свежая.

Я вздохнула, прошлепала к раковине, вымыла руки и послушно взяла большую красно-розовую ягоду и засунула в рот. И тут же почувствовала ее сладкий и слегка кисловатый вкус. А он заставил меня вспомнить Смерча. Глупая клубничная фея, р-р-р! Придумала же на свою голову! Блин, зачем Сморчку-козлу Князева, если она Димку любит? Или Оля всего лишь та, которая помогает соединить сердца Дэна и своей близняшки Лазурной, с которой Дэн расстался. Я тут же со злости запихала в рот еще целых три ягоды. И опять клубника заставила меня вспомнить объятия Смерчинского.

— Мама, почему наша жизнь не такая, как клубника? — вдруг спросила я.

— М? В смысле?

— Почему она не такая сладкая? И почему жизнь, как клубнику, нельзя заморозить в холодильнике, чтобы она застыла на счастливом моменте?

Да, я бы остановила свою жизнь там, где была счастлива с Дэном, и наслаждалась бы все отведенное мне время его лживыми губами и наглыми руками.

— Глупая же ты у меня. Ничего еще в жизни не понимаешь. Садись, я тебя расчешу, — сказала мама. Когда я была маленькой, она часто расчесывала меня, чтобы я успокоилась и прекратила вертеться и бегать.

Я села маме в ноги и закрыла глаза. А она, как в детстве расчесывала мои светлые опять

волосы большой деревянной старой расческой. Это, и правда, успокаивало. Как и тиканье часов, и звуки радио, и привычный шум телевизора, по которому начались новости. Мама что-то рассказывала мне, явно желая успокоить, диктор рассказывала о главных событиях недели, а я просто поджала под себя ноги и думала, думала, думала. А еще очень скучала. По Смерчу, конечно же. А потом в новостях вновь заговорили о разбившемся 26 числа рейсе на юг страны, около Галаза, и я, напугав маму, вдруг вскочила на ноги.

«Улечу в конце июня, у нас билеты на 26-ое», — сказал беззаботный голос Дэна мне на ухо.

— Ты чего, Мария? — натуральным образом обалдела она.

— Мама! — прокричала я, — мама, он чуть не погиб!!

— Кто? — запаниковала она. — Ты о чем? Маша? Маша! Тебе что, успокоительное давать уже? Совсем с ума сошла?

— Нет, мама, не надо! Просто он жив! — не могла я сдерживать эмоций. И едва не зарыдав, обессилено упала на диван и сжала пальцами края подушки. Оля должна была ехать в Галаз 25 числа, а Денис — 26. Но он уехал раньше. Непонятно по каким причинам. А если бы не уехал — точно погиб бы! И он, и его родители!!

И пусть он даже уехал из-за Ольги, из-за кого угодно, пусть даже из-за этой неведомой мне Инны, главное, что с ним ничего не случилось, он жив, сейчас он дышит, и его имени нет в черных списках погибших.

Господи, спасибо, что он не летел тем самым рейсом! Пусть я ему не нужна, и пусть он врал мне о чем угодно — главное, он жив и будет еще долго жить. Спасибо! Спасибо!

Даже если ты безразличен любимому человеку до омерзения, его благополучие и его жизнь остаются для тебя величайшей драгоценностью.

Госпожа в шляпке с вуалью была полностью согласна с обессиленной Машей. Она сидела на крыше ее дома и смотрела то на горизонт, то на длинные бордовые ногти, в которых отражалось звездное августовское небо и Млечный Путь, хотя здесь небеса были затянуты дождевыми тучам. Ревность была лишь одной из ее многих ипостасей.

«Всего лишь какой-то удар ножом вместо смерти в авиакатастрофе — не это ли есть большая удача? Вы обе, как вас там он называет, Лазурная Черная, я выполнила уговор, подарила мальчишке достаточно удачи, чтобы ему не только завидовали, но и восхищались», — подумала прекрасная женщина, теперь уставившись только лишь на свой простой серебряный перстень с выгравированной буквой «С» на черном камне без бликов. Больше рядом с Дэном она не появлялась.

То ли смерть, то ли судьба, то ли незримое и неделимое единство этого.

Следующие пару дней были одними из самых прекрасных в моей жизни. Я никогда еще столько не валялась на своем диване, делая вид, что у меня болит голова, и что я сплю. Родители очень косо на меня смотрели, мама постоянно пихала какие-то таблеточки и противную валерианку, папа, в те редкие часы, когда он находился дома, хмурился и даже сказал мне вдруг, что не мешало бы позвонить Денису. Это же сказал и Федька, у которого предстоящая свадьба окончательно выела весь оставшийся мозг в черепушке. А я, правда,

хотела ему позвонить. И потому что соскучилась, и потому что продолжала бояться за него — вдруг со Сморчком что-то еще случиться, а я не буду в курсе? Но позвонить ему и тем более сказать, что я счастлива до полубезумия, что он жив, я не могла. Потому что он лгал мне. Хорошо, первый раз, когда мы стали партнерами Чипом и Дэйлом, он лгал, потому что хотел помочь Ольге, да и ложь эта была незначительная. К тому же он сам вскоре сознался, что не любит Тролля, но не рассказывал о том, что это она просила его о помощи только потому, что дал ей слово все сохранить в секрете. Да и прав Дэн был — если бы тогда, в тот майский день он подкатил бы ко мне и рассказал правду, я бы никогда не поверила, что Никита, мой на тот момент, идеал, — преступник и отменный козел. Да я бы послала Смерчинского и, может быть даже, набралась бы смелости и пошла к Нику, чтобы рассказать о том, что Лаки Бой его оклеветал и наверняка задумал что-то плохое. Все-таки Смерчинский тонкий психолог, он все рассчитал верно, быстро поняв мой характер. В авантюры такие, как я, ввязываются легко, особенно если уже готов план действий. Ведь я считаю, что жизнь все же нужно прожить весело, и именно поэтому слезы — это табу.

Но почему же Смерч не рассказал, что в Галазе был вместе с Князевой, и что они приехали вместе? Почему он делал вид, что все еще на Черном море? Зачем ему понадобилось это? Я что, совсем для него не значу для него?!

От этих мыслей я злилась, головастики в голове превращались в мутировавших пираний и грызлись, а по телу прокатывала холодная волна негодования, ярости и обиды. Самый эпицентр этого холода находился в солнечном сплетении, и, кажется, покрывал сердца морозными узорами.

А потом я вновь понимала, что то, что Дэн жив — это главное.

Я не знаю, что связывает его с Ольгой, ее сестренкой Инной-Лазурной, какими-то потерями, черноморским Галазом, построенным давным-давно древними греками. Не могу понять, что он чувствует ко мне, знаю лишь, что я люблю его и не могу прекратить делать это. Не понимаю, зачем ему нужна была я, какая-то там совершенно простая девчонка с глупым характером, и чувствовал ли он что-то ко мне на самом деле, когда катал на своем байке, возил на шикарное небесное свидание и целовал, нежно шепча моя имя. Наверное, это навсегда останется для меня тайной. Потому что звонить ему я не собираюсь. Нельзя! Если бы хотел — приехал бы, раз не может связаться со мной через телефон и Интернет.

Все, надо забыть его. Счастье, конечно, бывает, но не бывает долгим. И время моего счастья с Дэном уже прошло. Пусть он и не стал моим парнем по-настоящему, но он стал тем, кого я никогда не забуду. Пусть даже если он и сволочь.

Да и сама я такая же. Долгое время едва ли не проклинала Князеву, а на самом деле это она должна была ненавидеть меня. Из-за Димки. Я ревновала Ольгу к Дэну, а на самом деле, на самом деле все было наоборот — если судить объективно. Она ревновала меня к Димке, но старалась не показывать этого. Она даже решила подружиться со мной, чтобы отвлечь внимание Никиты, чтобы в его глазах измениться и оттолкнуть хотя бы таким образом. А Димка… Как она умудрилась в него влюбиться?! Она, конечно, двуличная дура и идиотка, но, кажется, правда любит Чащина. Потому что она ради него сломала свою гордость. Согласна была довольствоваться подачками его внимания и редкими встречами, только чтобы просто быть рядом с ним.

Если я люблю Дениса, то я должна делать то же самое? Я должна плюнуть на все и позвонить или приехать к нему? Сказать, что для того, чтобы быть рядом с ним, я готова на все?

Кажется, пока что я не могу. Нет, дело было не в гордости, а в смелости. У Оли хватило смелости сказать обо всем Диме и согласиться на все его условия. А я боюсь этого делать.

Чтобы не погрязнуть в пучине своих мыслей, я решила, что себя надо как-то веселить и не давать себе возможности думать о Дэне. Я позвонила подружкам и позвала их к себе, рассказала им все, и мне сделалось как-то легче. Марина и Лида были не то, чтобы в культурном шоке, но я смогла их очень удивить. А вот когда они решили меня пожалеть, я твердо заявила, что этого делать не нужно. Иначе я точно не выдержу. И звонить Смерчу не нужно. Если захочет — сам объявиться и во всем признается.

Я не давала себе свободного времени для мыслей. Потому что все они, кажется, навеки, были посвящены только Денису.

На следующий день я устроила с мамой и приехавшим к нам дедом кулинарную войну и вместе с ними готовила вкусности. На удивление родителей, устроила едва ли не генеральную уборку — сначала у себя в комнате, а потом и во всей квартире. Правда, маме моя чересчур бешеная деятельность не понравилась, потому что кое-где я кое-что разбила, кое-что поломала, кое-что испачкала и переставляла некоторые вещи так, что их долго не могли найти.

А еще я занималась физическими упражнениями или просто била грушу брата, пересмотрела кучу фильмов и прочла пару толстых книг. Спать ночью зачастую я не могла — видимо из-за стресса, и чтобы забить голову посторонними мыслями, погружалась в миры фэнтези или в миры кино. Правда, о любви смотреть фильмы я не могла, поэтому с садистским упорством скачивала триллеры, мистику и ужастики.

С Настей и ее свидетельницей объездила кучу мест — подготовка к приближающейся свадьбе шла полным ходом. И эта предсвадебная суматоха заряжала меня энергией. Правда, нет-нет, но в голове все же появлялся червячок сомнения — а все ли я делаю правильно? Или… что-то упускаю.

Вечером, перед девичником Насти, на который я тоже собралась идти, несмотря на то, что папа почему-то был против того, чтобы я уходила надолго из дома, ко мне подошел Федька, загадочный, как фокусник. Без стука ввалился ко мне в комнату, выключил фильм, идущий по компьютеру и уселся рядом на диван.

— Эй! Ты чего? Включи немедленно! — рассердилась тут же я.

— Подожди. Мелкий демон, ты мне вообще благодарна?

— В смысле?

— Кто тебя от матери покрывал, когда ты со своим Дэнчиком шлялась всюду по ночам в дождь?

— Не шлялась я нигде, — отозвалась я тут же. Воспоминание о Смерче ножом коснулось сердца и еще, кажется, легких — дышать стало труднее.

— Это ты маме рассказывай, — явно не поверил мне наглый брат. — Короче, ты у меня в долгу. И пока не сделаешь, что я скажу, будешь моим рабом.

— Началось… И чего это я должна сделать? — с подозрением взглянула я на Федьку. — Ходить и поклоняться тебе? Орать: «Аве, Федорка! Федора идет, уступите ему дорогу! Дорогу Императору!»?

— Нет. — Заржал он, — но было бы неплохо. Ты пойдешь на девичник к Насте? Пойдешь, — сам себе ответил старший брат.

— И что?

— Кое-что там сделаешь.

— Да что же? Буду следить за Настей, чтобы она стриптизера не заказала? Или чтобы как Наташа Ростова с Анатолем Курагиным не сбежала от Балконского?

— Нет. Подложишь кое-что. — Покачал головой он.

— Тараканов им в коктейли? Нет. Федя, перестань. Не буду я Насте праздник портить. У нее через три дня свадьба.

— Ты и не будешь портить. Ты поменяешь кольца. — Выдал братик.

Я, как мультяшка, покосилась сначала влево, потом вправо и, искривив губы в хихикающей усмешке, покачала головой. Мол, тебе надо, сам и меняй, а я еще с ума не сошла.

— Хватит рожи корчить. Машка. Вот, смотри, — и брат осторожно вытащил из кармана небольшую коробочку, обитую нежно-сапфировым бархатом. Открыл ее со внезапно появившейся улыбкой и протянул мне. В коробочке лежало, сверкая под косыми лучами солнечного света, красивое элегантное, благородное и одновременно очень нежное женское колечко. Россыпь камней искрилась всеми цветами радуги,

Я тут же его натянула к нему руку, схватила и напялила на средний палец. Камни на нем завораживали — были похожи на маленькие звезды.

— Ух ты, какое красивое!

— Ой, дура ты. Оно же обручальное. Его на безымянный палец надевают. — Наставительно сказал Федька. — Только сама не надевай на безымянный. Это Настино кольцо, а тебе еще в невесты рано. Малышня.

Я пропустила оскорбление своего явно взрослого уже достоинства мимо ушей.

— Но у Насти же есть кольцо! Вы же вместе покупали, одинаковые. — Удивилась я, проводя пальцем по прохладному белому золоту. Как я уже говорила, Настина сумасшедшая мама, тетя Лина, хотела справить шикарную свадьбу и против воли молодоженов, особенно моего старшего брата, оплачивала большую часть расходов. Кольца Федька, не смотря на упорные уговоры этой шебутной и крайне щедрой женщины, категорически решил покупать сам и на свои деньги.

— Это не то. — Поморщился брат. — Нам пришлось купить те кольца, а Настасья на самом деле хотела это кольцо.

— А почему ты сразу это не купил? — не поняла я.

— Дорогое оно сильно было. — Признался брат и назвал мне цену.

— Ни фига себе! — воскликнула я, едва услышав ее. — За что столько денег?!

— Лучшие друзья вообще дорого стоят. — Откинулся на спинку дивана Федор.

— В смысле друзья?

— Вот сразу видно, что ты совсем еще мелкая. — Почти что с любовью сказал он. — Лучшие друзья девушек, разумеется. Бриллианты.

— Это бриллианты? — пристально изучала я искрящиеся камни.

— Да. Ну а цена… Белое золото, россыпь брюликов. — Пожал он мощными плечами. — Нормальная цена для такого колечка. Настя ее тогда увидела и сказала, что ей и те кольца вполне нравятся. А я захотел сделать ей сюрприз, — разоткровенничался Федор. — Ты на девичнике поменяешь это кольцо на то, она потом откроет коробочку, а тем лежит то, что она хотела. Я бы и сам поменял, но меня на девичник не пустят. А завтра днем будет кое-что важное, и я буду занят.

— О-о-о, да ты крут! А деньги где на такое дорогое кольцо взял? — я перемерила красивое колечко уже на все пальцы рук.

— Украл. Машка, где я мог взять деньги? Заработал.

— Взятки что ли брал?

— Я тебя сейчас возьму и выброшу в окно, — рассвирепел брат. — Что ты несешь? Единственный раз захотел поговорить с тобой по взрослому, а ты чушь говоришь.

— Да ладно тебе. Поменяю я кольца. Кстати, а почему ваши кольца храниться у нее, а не у тебя?

— Настя сказала, что я потеряю, — признался Федька, а я заржала. — Или мои сумасшедшие друзья с ним что-нибудь сделают. А это у тебя что за колечко? — заприметил кольцо Смерча Федька, которое я продолжала таскать на большом пальце. Все-таки подобрала его с пола. Мне было жаль его, валяющееся в темном углу.

— Просто так. — Не стала я говорить, а брат не стал допрашивать меня и ушел, внимательно посмотрев в глаза и покачав головой, словно что-то знал, но не говорил мне.

Его просьбу я выполнила. Еще бы, попробовала бы я этого не сделать! Федька напоминал мне о моей миссии до того самого счастливого момента, как я не оказалась в квартире у Насти, где, собственно, девичник и проводился. У Федьки тоже обещался состояться мальчишник с его друзьями-психами, в каком-то баре. А бракосочетание, которого все так ждали, должно было состояться через день.

Девичник проходил весело и громко. Гостей у Насти было немного — только лишь близкие подруги и сестры. И все были одеты в белые майки с большими синими надписями типа «Я — невеста», «Лучшая подруга невесты», «Кузина невесты» и т. д. Майка «Следующая в очереди на свадьбу» ждала своего часа — Настя собиралась кидать букет не только на самой свадьбе, но и на девичнике. А на мне красовалась и вовсе презабавное: «Мини-свекровь».

А еще там был злобный Эль, который, как оказалось, находился в своей комнате, с ногами сидел на диване и слушал тяжелый метал, качая длинноволосой головой в ритм ярой музыке. Сумасшедшая тетя Лина заставила его остаться в квартире, дабы тот присматривал за сестренкой и ее гостьями. Увидев Рафаэля в квартире у невесты, я расхохоталась и долго не могла успокоиться. А когда на полу я увидела смятую футболку с надписью «Младший братик невесты», я от смеха чуть не упала и попыталась натянуть ее на парня. Эль сердился, просил

меня замолчать, оставить его в покое и переписывался с друзьями-рокерами, которые сейчас находились в спорт-баре в компании девушек и пива.

— А как же Инга? — вспомнилась мне троюродная сестрица Смерча. Я уселась на стул напротив Эля и с интересом рассматривала его темную, с кучей постеров и минимумом мебели, комнату, в которой царил творческий беспорядок. На потолке слабо мерцал нарисованный фосфорирующей краской скалящийся череп, в углу гордо возвышалась зачехленная гитара, на столе находился целый склад шипованных браслетов, ремней и прочих рокерских украшений, а под диваном валялись журналы и диски. На мой закономерный вопрос, а не видела ли его мамочка содержимое этих самых журнальчиков, рокер только хмыкнул и заявил, что под кровать мать не заглядывает. Потому что свою комнату он убирает сам. Я тут же заметила, вертя в руках большого игрушечного паука с клыками, что, видимо, комнату он убирает очень редко. Раза два в году.

— Так что там у вас с Ингой-то?

— Ингой? — хищно осклабился парень, откинув со лба прядь длинных волос. — Мой Ангелок неплохо.

— Твой?

— Ну да. Ты же дала мне ее телефончик. Теперь мы общаемся. Правда, она никак не соглашается сходить со мной на свиданку второй раз. — Пожаловался он мне. — Прямо беда какая-то.

— Наверное, она тебя просто боится?

— А чего меня боятся? — расправил Эль широкие плечи. — Демоны. Может я был напористым в тот раз?

— В смысле?

— Да мы погуляли и на прощание я ее поцеловал. Только она чего-то отбиваться стала, и пришлось ей руки слегка заломить. — Признался Бритые Виски.

— Ну, ты и даун, — покачала я головой. — Естественно, ты ее напугал!

— То-то она мне врезала, — засмеялся он. — Но кошечке это реально нравилось, она…

— Рафаэльчик! — влетели в комнату развеселые приятельницы Насти, которые просто балдели от ее младшего братика и все время пытались потискать или подергать за волосы. Для них он не был брутальным рокером, а так и остался младшим братцем подружки. — Рафаэлочка! Пойдем с нами танцевать?

— Не пойду никуда, — исподлобья посмотрел на них Бритые Виски. — Закройте двери.

— На-а-аасть, твой братик такой сердитый! Прелесть просто! — сообщили девчонки. Рафаэль с трудом их выставил, и они опять умотали в гостиную, где гремела танцевальная музыка, был накрыт стол, и находились «женские» алкогольные запасы: вино, шампанское и мартини. Девушки и невеста веселились вовсю. Сейчас, по-моему, танцевали, а до этого громко и бурно вспоминали всю юность Насти, ее первую любовь, дружбу с каким-то мальчиком и фееричное знакомство с Федькой.

mir-knigi.org

Пока все они развлекались, я успешно выполнила задание брата. Это оказалось проще просто — я всего-то навсего прокралась в комнату Настасьи под прикрытием Рафаэля, нашла на прикроватной тумбочке заветную коробочку с обручальными кольцами и подменила Настино старое на новое, с бриллиантовой россыпью. Представляю, в каком она шоке будет, когда, к примеру, решит примерить колечко еще раз, а там будет эта сияющая красота из белого золота.

— Все? — спросил стоящий на стреме Эль. Ему кольцо тоже понравилось, и, по-моему, брата моего он даже больше зауважал.

— Ага. Сейчас только записку туда вложу, Федька просил.

— А что там написано? — заинтересовался парень.

— А я откуда знаю? Читать чужие записки — дело плохое. — Отвечала я важно. И уже через десять секунд мы, едва не столкнувшись лбами друг о друга, читали послание Федора Насте. А, узрев содержание, в унисон поржали: брат просто написал невесте, что любит ее и готов ради их счастья на все.

Правда, посмеявшись, мы оба задумались. Уж не знаю, о чем там или о ком думал Бритые Виски, а я, как и всегда, — о Смерче. Правда, как и всегда, я тут же попыталась выгнать мысли о нем, к тому же девчонки устроили гадания, и я вновь отвлеклась. Думать о Дэне мне было нельзя — иначе я сошла бы с ума. Правда.

А потом, уже поздно вечером, когда за окнами стало темно, мне позвонила Ольга Князева. Звонок телефона я услышала совершенно случайно. Оказалось, Тролль звонила мне уже давным-давно, но я из-за громкой музыки и воплей девчонок, я ничего не слышала.

Звонок Ольги меня не то, чтобы удивил — он меня шокировал и даже напугал. И сразу же захотелось закричав, спросить у нее — что с Дэном? Почему он мне ничего не сказал? Зачем ты уезжала вместе с ним? Что связывает его и твою сестру? Но я с огромным трудом себя сдержала.

Хорошо, что ее телефон я не поставляла в черный список игнорируемых.

— Маша, ты? Узнала? — без приветствий, отрывисто спросила меня Оля.

— Узнала. Что хотела? — тихо проговорила я. Она продолжала не нравиться мне, но после того, что я узнала о Князевой — другой Князевой — от Димки, мне стало жаль ее, а еще и стыдно — за то, что я сделала ее несчастной.

— Прости, если побеспокоила. — В ее тоне не было и намека на извинение. — Но мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

— О чем?

— Это не телефонный разговор.

— Да ну?

— Я бы позвонила тебе раньше. Но я обо всем узнала только сегодня. — Так же отрывисто говорила девушка и вдруг сердито заявила. — Не делай глупостей. Прекрати вести себя, как идиотка. Ты даже не понимаешь, что делаешь.

— Ты о чем, Князева? Или говори, в чем дело, или клади трубку. — Ее тон меня напрягал, а спросить о Смерчинском хотелось все больше и больше.

— Девочка моя милая, — голос Ольги был не таким милым и учтивым, как всегда. Видимо, я только что познакомилась с ее второй стороной, стервозной, той, что зажигала в клубах и умела пить. — Тебе уже очень много годиков, а ты все как маленькая. Я звоню из-за Дениса. Ты что, решила ему Апокалипсис устроить? Знай, Машенька, Дэн мне очень дорог. Потому что он мой друг, пусть мы и мало общаемся. Но я доверяю ему и отношусь, как к брату. И не позволю, чтобы ты играла на его чувствах.

— Знаешь что? — вскипела я, — я Димку тоже люблю, как брата. И тоже не позволю портить ему нервы. Поняла?

Ольга хмыкнула.

— Давай встретимся и поговорим.

— Хорошо. Завтра. Завтра днем. — Решила я. — Мне есть, что сказать.

— Отлично. И мне есть. — Согласилась Оля. — Я приеду к тебе утром. В 12.

— Идет.

И мы, не прощаясь, одновременно бросили трубки.

— На-а-астя! Поздравляем!! — закричали девчонки где-то за стеной. А я опустилась на пол, сжимая телефон в руках. Ну что же, будем ждать завтрашнего утра, Ольга.

И это утро пришло очень быстро.

Она пришла, как и обещала, ровно в полдень. Я уже ждала Князя, и мама даже сначала подумала, что я жду Дэна — с таким нетерпением я ходила около двери. Я не могла понять, что она хочет от меня и почему Оля заговорила о Смерчинском. Но для себя я решила, что вытяну из одногруппницы о Дэне все, что только смогу. И сделаю внушение насчет Димки.

Раздался протяжный звонок в дверь, и я резко распахнула ее.

— Проходи.

— И тебе здравствуй. — Отозвалась Оля и вошла, оглядываясь. Она, с аккуратным хвостиком, без макияжа, в белоснежном простом коротком сарафанчике, в модных сандалиях являла собой образец хорошей приличной девочки. Только вот лицо ее было серьезным, а губы поджаты.

— Иди за мной, — вновь отдала я ей короткий приказ и повела в свою комнату. Князева прошла за мной и тут же уставилась на картину на стене.

— «Плутон» Тома Вудраффа. — Тут же узнала она работу. — А моя любимая — «Сатурн».

— Ты захотела придти, чтобы рассказать мне о своих вкусах? — поинтересовалась и плюхнулась на диван. — Оля, что ты хотела? Поверь, у меня сегодня много дел. Послезавтра свадьба у брата. Говори, что тебе надо.

Она подошла ко мне, в упор глядя своими большими голубыми глазами мне в лицо, словно

изучая.

— Я никогда тебя не понимала. — Сказала она мне, наконец, и села рядом, скрестив ноги.

— Отлично. Я тебя тоже, правильная девочка. — Сердито отозвалась я.

— Не сердись. — Мягко сказала Оля. — Я говорю тебе правду. И теперь просто выслушай меня, раз у тебя так мало времени.

Я хмуро кивнула.

— Хорошо. Я никогда не понимала веселых, беззаботных, доброжелательных с виду людей. Я была уверена, что они просто-напросто притворяются, а в душе они не такие добренькие. Я не понимала громких, ярких и смешливых, ведущих себя, словно дети. Я считала с полной уверенностью, что вести себя нужно так, как этого требует возраст. И никак иначе. В общем, я недолюбливала таких, как ты. Таких, как Дима. Ты ведь знаешь о нас? — она больше не спрашивала, она скорее утверждала.

Я вновь кивнула. Знаю.

— Но… как бы не было это удивительно, ты оказалась не такой уж и плохой, Маша. — Продолжала она. — Наверное, мы бы никогда не подружились, но обстоятельства вынудили меня присмотреться к тебе. И в тебе я нашла много всего хорошего. Серьезно. И да, ты была права — я целенаправленно копировала тебя. Но не из-за Смерча. Совсем по другому поводу. Я совсем отчаялась и хотела, чтобы Ник прекратил думать, что я ангел. И чтобы он оставил меня. Маш, Никита, и правда, страшный человек. Со своим братом он не сравниться, конечно, но… Ты же слышала об Андрее Марте? Слышала. Пару лет назад он вышел из тюрьмы и теперь возглавляет банду Пристанских. О них ты тоже слышала. Март — чудовище. А Никита… не такой, конечно, но все равно жесткий мальчик. Очень жесткий и очень сильный. И властный. Не такой, каким мы видим его в университете. Я не знаю, чем я так привлекла его. Сначала, конечно, мне это льстило — но ровно до той минуты, пока я не узнала, кто он на самом деле. И тогда мне стало очень страшно. — Голос Ольги становился все тише.

Странно, но я верила каждому ее слову.

Тем апрельским холодным и очень ветреным вечером Ольга возвращалась от Димы в странном настроении: одновременно романтичном и очень грустном. Он всегда предлагал проводить ее до дома, но девушка постоянно отказывалась от этого, хотя, к ее удивлению, каждая минута, проведенная рядом с Чащиным, приносила ей маленький кусочек счастья.

Ольга плотнее запахнула элегантно повязанный нежно-розовый шарф. Пальцы ее от ветра были озябшими, и даже тонкие перчатки не могли защитить их от холода, зато сердцу было хорошо и тепло — ведь она почти целые выходные провела с Димой. Его мама улетела на какой-то симпозиум, и он остался в квартире полноправным хозяином до вторника.

Ольга была в восторге, хотя знала, что это всего лишь кратковременное счастье. Зато она была с Дмитрием почти постоянно. А он, понимая, что виноват перед Олей за то, что не может дать ей всего того, что она хочет, вел себя как истинный джентльмен. Он вообще всегда был нежен и заботлив. И его единственным недостатком было то, что Дима был влюблен в другую девушку. Кажется, безнадежно. Но Оля смирилась с этим и просто наслаждалась тем, что могла получить в данный момент. Забыв о былой гордости.

В эти выходные они вместе завтракали, обедали и ужинали — готовили, кстати, тоже вместе. Вместе спали в его кровати, накрывшись одним теплым одеялом. Вместе, обнявшись, смотрели разные фильмы. И часто разговаривали обо всем на свете, вместе сидя на лоджии то под солнечными, еще пока едва теплыми лучами, то под далекими, едва видными звездами и тонким полумесяцем.

Они даже вместе ходили в ближайший супермаркет, и, как самая настоящая пара, вдвоем выбирали покупки. Димка взял тележку и катил ее вперед, а Ольга постоянно останавливалась, дергала его за рукав и долго выбирала что-нибудь, спрашивая совета парня. Ей не было важно, что купить. Ей просто нравился сам процесс.

— Я тебя не узнаю, — шепнул ей Дмитрий на ухо около самой кассы. Ольге показалось, что он посмотрел на нее почти с любовью, и она еще крепче прижалась к его руке, вызвав завистливый взгляд у двух стоявших позади девушек, видимо, принявших их за настоящих влюбленных. Почему-то именно этот момент запомнился ей наиболее отчетливо. И именно его Князева вспоминала, направляясь к месту работы матери. В этот понедельник у них стояла всего одна пара, и молодые люди решили ее прогулять — вернее, это решила Ольга и умудрилась сделать так, что и Дима захотел этого. И уехала она от него поздно.

К матери, вечно занятой в своей адвокатской конторе, девушка шла из-за того, что, как оказалось, забыла в другой сумке ключи от дома, и не могла туда попасть. Поэтому хотела взять у матери ее ключи. Именно из-за такой мелочи Оля и встретила в офисе Никиту Кларского.

Она зашла в помещение и сразу же удивилась тому, как напряжен охранник на входе, а один из коллег матери нервно что-то ищет в вестибюле, явно опасаясь заходить в ее кабинет, из которого доносились агрессивные мужские голоса.

Ольга решила пока не заходить в кабинет, подождать, когда откуда выйдут громкие посетители матери, и осторожно прошла в соседнее небольшое помещение, называемое здесь кухней — тут стояли диванчики для отдыха и стол, микроволновка, холодильник и потрясающая кофеварка.

Девушка села на диванчик, вспоминая теплые губы Димы, но почти тут же подскочила на месте — в кабинете матери что-то грохнуло. Как оказалось позже, это бешеный Март перевернул ее стол с компьютером, потому что ему не понравился тон адвоката, защищавшего интересы его друзей, попавшихся недавно в руки милиции. После он перевернул еще что-то, кажется, шкаф, ударил одного из коллег матери, нагрубил ей самой и, с силой распахнув дверь ногой — так, что она с шумом ударилась о стену, первым вышел в коридор. В коридоре Андрей громко, в самых нецензурных выражениях сообщил работникам конторы, что если его друзья в скором времени не окажутся на свободе, кое-кто лишится не только адвокатской лицензии, но и самого ценного — жизни.

Вместо двери на офисной кухне была арка, поэтому, Ольге все, что творилось в коридоре, было замечательно видно. И увиденное — высокие, крепкие ребята с явно уголовной наружностью, и их агрессивный предводитель, ее пугало. Но еще больше ее потрясло то, что среди бандитов был Никита Кларский. Тот самый приятель ее Димы, который ей так тепло улыбался. Только его теплая улыбка теперь куда-то исчезла, а лицо было суровым.

— Последний раз говорю, сука. Или ты делаешь свою работу на отлично или сама знаешь, что будет. — Процедил Март — молодой симпатичный мужчина, глядя волчьими глазами на перепуганную, бледную, но все еще старающуюся держать себя в руках мать Ольги. Сама перепуганная Оля, видя это, не знала, что ей делать: бежать на помощь или вызывать

милицию? Она вскочила, прижав руки к губам, но Князева-старшая заметила дочь и, пока, Андрей не видел, только головой покачала: мол, сиди там и не высовывайся. И Оля послушалась.

— Андрей Михайлович, мы все уладим. — Тихо произнесла женщина. — Мы почти договорились с важняком, который ведет дело…

— Заткнись, — прервал ее Март. — Раздражает, Nзапрещено цензуройN.

Он ударил по шкафчику в коридоре, и удар его был такой силы, что деревянная дверка оказалась разломанной. А он продолжал:

— Нет, ну ты сама понимаешь, что не по понятиям как-то получится, если мои братки на зону пойдут? Сечешь ведь? Сечешь. Давай, госпожа адвокат, старайся, я жду результатов. А ты что на меня смотришь, Nзапрещено цензуройN?! — вдруг почти без перехода прорычал он на молодого человека в строгом костюме — помощника Князевой-старшей, скромно находящегося рядом с ней в коридоре.

— Я? Я ничего, вам показалось, — пробормотал тот, но Март, отчего-то еще сильнее взбесившись, схватил его за грудки, улыбнулся, как милому щенку и вмазал по челюсти под гогот своих соратников. Тот упал на пол, но почти тут же поднялся на ноги, испуганно глядя на Андрея. Испуг явно притягивал Марта. Он вновь собрался ударить молодого юриста.

— Тихо-тихо, хватит, — вовремя перехватил во второй раз занесенную тяжелую руку брата Никита. — Он не при чем.

— Защищаешь, малыш? — внимательно посмотрел на него Андрей, но бить больше никого не стал. — Бесит. Как все бесит. Все, все на выход, малыши. Пусть господа адвокаты работают.

И тут Март заметил перепуганную, стоявшую в сторонке рыжеволосую элегантную девушку-секретаршу. Она его тоже заинтересовала. А, может быть, к нему ее притянул ее страх, затаившийся в глазах.

— Ох, прости, — кивнул ей мужчина и близко-близко подошел к девушке. — Сорвался. Ты испугалась меня?

Она молчала и не шевелилась. А он осторожно наклонился к ней, убрал прядь темно-рыжих с бледного лица и медленно дважды поцеловал в щеку — от этого у нее подкосились ноги.

— Я тебе нравлюсь? — шепотом спросил он у девушки, гладя по лицу. Его дружки стали делать недвусмысленные пошлые намеки. Мать Оли напряглась, как и другие находящиеся здесь люди. Предугадать действия Марта ни она, ни они не могли.

А рыжеволосая секретарь могла только несмело кивнуть в ответ Андрею. Что еще она могла сделать? Сказать, что, не смотря на симпатичное жесткое лицо и крепкую сухощавую фигуру, он совсем-совсем не нравится ей?

— Какая хорошая девочка. А я ведь редко кому нравлюсь. — Март осторожно взял ее руку и приложил к своей груди. — Поехали со мной?

Глаза рыжеволосой стали размером с блюдца. Ехать куда-то с этим опасным типом ей не хотелось.

mir-knigi.org

— Почему молчишь? Соглашайся. Госпожа адвокат, почему ваша помощница мне не отвечает? — весело обратился он вдруг к Князевой. То, что Андрей вдруг стал называть ее на «вы» еще больше испугало мать Ольги, да и всех прочих присутствующих — кроме, конечно, друзей и подчиненных Марта.

— Она стесняется, — ответила женщина осторожно. — Вашего внимания.

— Вот как? Стесняешься? — Март продолжал гладить рыжеволосую по тыльной стороне ладони, которая все еще лежала на его груди. Убрать руку девушка не решалась.

Положение спас его младший брат.

— Все, поехали, не лезь к ней, — вновь сказал бесстрашно Никита. — У нас еще дела, Андрей. Оставь девчонку.

— Заткнись, олень. — Бросил ему Март, но, чуть подумав, протянул. — Хотяяя, ты прав. У нас дела. По тачкам, братва! Я к тебе, девочка, я приеду чуть позже. Договорились? Жди. — И он вновь поцеловал оторопевшую девушку, только теперь уже в губы — грубовато, быстро, но весьма умело. Ник поморщился. Происходящее ему не нравилось.

А через минуту представители славной преступной группировки Пристанских уехали — с улицы донесся только шум моторов их дорогих машин.

— О, Господи, — выдохнула Князева-старшая. — Они точно ушли… Вот же козлы! Да я адвокат его дружков, что он себе позволяет? Соня, ты в порядке? — обратилась она к секретарше, закрывшей ладонью губы. — Сонечка, давай-ка ты себе отпуск возьмешь, а? Приедет же… Нет, вот скотина! Урка! Устроил представление! Он же знает ситуацию! Да там в прокуратуре… — Она замолчала и тяжело вздохнула.

Все ее сотрудники были в шоке. В ступоре была и сама Оля.

— Мама, кто это был? — спросила она у матери чуть позже, когда работник конторы немного успокоились.

— Никто. — Отозвалась та твердо. Рассказывать дочери о бандитах ей совершенно не хотелось. — Оля, уезжай отсюда прямо сейчас. Прямо сейчас. Не дай Бог, этот урод вернется. И вообще, — сорвалась женщина на крик, — ты зачем пришла сюда? Что ты тут забыла?

— За ключами. Свои забыла. — Никак не могла поверить Оля, что только что видела Ника Кларского.

— А свои куда дела? Вот, возьми их. И уходи, хорошо? Ты же видела, что тут было… Николай, проводи мою дочь, будь добр. Посади на такси, — обратилась Князева к одному из коллег. Тот нехотя согласился и увел Ольгу.

Уже от него, стоя на улице в ожидании такси, она выяснила, что их офис навещал некий Андрей Март, тот, кто, как поговаривают, возглавляет группировку Пристанских. Не просто бандит, а еще и псих.

— А кто был слева от него, светло-русый высокий парень? — тихо спросила Оля у Николая.

— Брат его младший, — поморщился мужчина. — Видала, как они похожи? Что старший, что младший, зверь и звереныш. С ума сойти, этот чокнутый Март к нам явился! А ведь я говорил

Тане, — назвал по имени мать Ольги он, — не надо связываться с Пристанскими, не надо! От них одни проблемы.

И Оля была согласна с этими словами. От Кларского были лишь неприятности. Крупные и мутные. Из-за того, что Никита вторгся в ее жизнь, у нее появились одни проблемы. Серьезные. Через знакомых парней, с которыми она иногда вместе зависала в клубе, девушка подробнее узнала о том, кто такие Пристанские и Март, а также его младший брат. Последнего — его, кстати, называли Никки — мало кто видел, но слухи о нем ходили самые разные, но мало кто его видел. А университетский Никита Кларский, внешне все тот же вежливый и благополучный мальчик, все продолжал оказывать ей знаки внимания и даже пригласил на свидание и в шутку намекнул, что не потерпит конкурентов. Он сказал это в шутку, а Ольга реально перепугалась. Поняла, что если он узнает о том, что она встречается тайно с его другом, он что-нибудь с Димой сделает. К тому же она считала, что Чащин ничего не знает о двойной жизни приятеля. Она просто решила защитить любимого и остаться с ним вместе. Поэтому и попросила Смерча об услуге. Поэтому и завертелась это веселая игра, в которую то и дело вмешивались совпадения и случайности.

— Чем больше я с тобой общалась и наблюдала, тем больше чувствовала свою вину перед тобой Маша. Ты реально хорошая девушка. — Произнесла Князева. Кажется, она что-то вспоминала.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя сволочью. — Отозвалась я, отвернувшись. — Оля, ты пришла рассказать мне о том, что ты ко мне чувствуешь что ли? Если так, я тебя прерву. И спрошу кое-что другое. Что за наезды были вчера по телефону? Что ты имела в виду?

— Я имела в виду Дениса.

— Что, хорошо потусили в своем Галазе? — зло спросила я, вновь начиная ревновать. — Развлеклись? Вот только я не могу понять, если ты любишь Димку, что тебе надо от Смерча? Что?

— Мне ничего не надо от него. Я же сказала, он мне, как брат.

— А-а-а, — протянула я задумчиво, — ну точно. По нему тащится твоя сестренка-близняшка.

— Ты права. Они любили друг друга.

Во мне что-то вспыхнуло, и оно же готово было взорваться фейерверком эмоций.

— Она находится в Галазе, да?

— Да.

Я стиснула зубы. А что, если Смерч вернулся вместе с этой загадочной Инной, поэтому и забыл про меня? Даже если он сначала и правда что-то чувствовал ко мне, то после того, как вновь встретил свою Лазурную Инну, с которой когда-то расстался, забыл меня. И теперь находится где-то там, с ней, обнимая и целуя, как прежде меня.

«Не надо так, пожалуйста, не надо», — взмолились головастики.

— Отлично. — Я медленно вздохнула и так же медленно выдохнула. — Денис сейчас с ней?

— К счастью, нет. — Ее ответ прозвучал загадочно.

mir-knigi.org

— Почему же они не вместе, а? Они ведь так любили друг друга!

— Маша, они не могут быть вместе.

— И почему же?

— Инна умерла, — все тем же очень ровным голосом произнесла Оля. Я остолбенела. Кажется, даже дышать перестала на несколько секунд.

— Что?

— Маша. Я и Денис каждый год ездим в Галаз только по одной простой причине — там находится могила моей сестры. — Ее голос так и не дрогнул, словно Князева говорила о чем-то обыденном, но ее руки, лежащие на коленях, сжались в два кулака.

А вот мои руки покрылись холодными мурашками.

— Умерла? — спросила я почти что шепотом. Все другие звуки пропали — все, кроме подозрительно спокойного голоса Князевой. Я даже себя не слышала.

— Умерла. — Повторила девушка. И Дэн считает, что умерла она из-за него. — В голосе Ольги прозвенели печаль и горечь, которые вот-вот должны были разбиться о поверхность реальности. — Он винит в этом себя. За то, что она навсегда осталась в море.

Фейерверк все же взорвался, и меня накрыло черной стеклянной волной.

Этот день был таким же жарким и веселым, как и все остальные. Только ветер с моря дул особенный — вроде бы и ласковый, остужающий, но словно чужой, опасный, несущий в себе глубоко затаенную угрозу.

— По ощущениям этот ветер напоминает мне сирокко, — произнесла Ольга, стоя на балкончике и глядя на утреннее обманчиво спокойное море. Яркий дерзкий рассвет они с Дэном уже встретили пару часов назад. — Когда мы были на севере Сицилии — ну, тогда, в прошлом году, дул этот самый сирокко, и у меня появилось это же чувство.

— Какое? — приподнялся на локте чуть сонный и растрепанный Дэн.

Они с Инной не спали почти всю ночь. А о сирокко — сухом горячем итальянском ветре, он пока что знал только из книг и чужих рассказов. Сам молодой человек пока еще на острове Сицилия не был, хотя саму Италию несколько раз посещал. Эта страна вообще ему очень нравилась, как и его деду. А еще их обоих увлекала античность — и римская, и греческая. Поэтому и в Галазе, как в одной из старинных древнегреческих колоний на берегу Черного моря, Смерчу неимоверно нравилось бывать почти каждое лето. Это место притягивало его своей неуловимой атмосферой безмятежного отдыха и прикосновения к древностям, и не раз Дэну казалось, что когда-то он уже не раз здесь бывал. Когда-то очень давно, и, может быть, даже во сне.

— Ну же, какое чувство?

— Когда дул сирокко, мне становилось не по себе, — отозвалась Инна медленно. — И сейчас эти же ощущения… Из-за ветра в голове поселилось чувство обреченности. Или вины. Или безысходности. Не знаю даже. А еще почему-то ревности, Денис. Глупо так.

mir-knigi.org

— Ты меня, наверное, ревнуешь? — подмигнул начавшей впадать в меланхолию девушке Дэн. Он встал с кровати, подошел к своей любимой и обнял ее за плечи. Несмотря на жару, ее кожа в тот день казалась неожиданно холодной, а в глазах плескалось обреченность. Как потом вспоминала Оля, у Инны даже ресницы стали в тот день другими — в какой-то момент, за завтраком, они напомнили ей закрывающиеся лепестки увядающего цветка.

— Тебя? Тебя всегда ревную, — призналась Инна, откинув голову ему на грудь, и в глазах у нее действительно мелькнул привычный страх потерять фактически идеального парня. — Нет, на самом деле. Очень сильно ревную. Ты у нас вон какой мальчик видный. Даже странно, что тебя другие девушки не интересуют, — в голосе светловолосой девушки послышался страх.

— Дело не в количестве, а в качестве, — отозвался игриво Смерчинский. — Ты — самая. Поняла?

Инна только вздохнула.

— Эй! — поймал ее настрой парень, — ты чего такая хмурая? Девочка моя, встряхнись! Встряхнись, я сказал! У нас еще почти целый месяц рая!

Откуда ему было знать, что впереди ад?

И Дэн, ничего не подозревая, предложил Инне развеяться на яхте, на которой должно было состояться празднование Дня Рождения девушки Игоря.

— Давай, маленькая моя, прогулка по морю — это круто. — Шептал он ей на ухо соблазняющее. — Игорь зафрахтовал яхту. Он их обожает. Ну, поедем? Будет весело. Там будут только свои.

— Любимый, я не хочу. Ты же знаешь, я не люблю воду, — поморщилась Инна. — Мне нравится на нее смотреть, а не быть в ней.

— Будем лечить твой страх. Давай, покатаемся, м? — на самом деле Дэн сам предложил Игорю справить День Рождения его подруги на небольшом комфортабельном судне. Игорь, кстати, был одним из пяти его друзей, входящих в «близкий круг доверия». Надо сказать, в будущем он тоже ощущал вину — в первую очередь перед Смерчем. И когда тому нужна была помощь, всегда помогал. К примеру, организовал охрану одного очень важного Дэну человечка.

— Да не хочу я, милый. Давай, ты один пойдешь в море?

— Без тебя? Не-е-е-т, Инн, без тебя не пойду, — пощекотал девушку под подбородком Дэнв. — Только с тобой. Что я буду там делать один? Ну, соглашайся. Яхта — классная. Море — спокойное. Я — с тобой.

После долгих уговоров ему, наконец, удалось уговорить Инну на морскую прогулку. И через пару часов они, не выпускающие рук друг друга, довольный Игорь с подругой — миловидной брюнеткой с волнистыми волосами ниже талии, а также еще несколько веселых молодых людей с подругами поднялись на палубу двенадцатиметровой парусной яхты. Игорь расщедрился и заказал шикарную красавицу с просторной белоснежной палубой и с крытым кокпитом, в котором находился и обеденный стол. Увеселительная прогулка должна была продолжаться до позднего вечера, после чего вся компания планировала отправиться в клуб.

Сначала Инна чувствовала себя несколько неловко и с тревогой в голубых глазах наблюдала за тем, как яхта с гордыми парусами отдаляется от берегов. А потом спокойное море, едва

виднеющаяся полоска берега и вид безмятежный темных горчично-серых скал стали ее успокаивать. Она сидела на палубе в обнимку с веселым Смерчем, которого неимоверно радовал морской соленый ветер, нежно бьющий прямо в лицо, и любовалась пейзажами. Чуть позже Инне отчего-то захотелось побыть в одиночестве, и после часового общения она, не привлекая к себе внимания, перешла на корму. Вид спокойного сказочного моря ее завораживал, и ей казалось, что там, под водой, на которой вольготно расположились блики июльского солнца, находится настоящее сказочное царство — с невероятной морской столицей и королевским дворцом, с русалками и тритонами, с говорящими рыбами и смеющимися осьминогами. Там, под водой все, как в любимом мультфильме «Русалочка». Кстати, принц Эрик с детства напоминал Инне Дениса. Поскольку их матери были знакомы с молодости — вместе учились, то в далеком детстве Инна, Ольга и Денис, вместе с которым частенько оставляли и Петю, постоянно общались и играли. Обычно игры выливались в то, что Денис и Инна начинали сражаться против Пети и Ольги, однако иногда все проходило мирно и спокойно, почти без драк и слез. Когда ребятам исполнилось лет по 10, родители сестер-близняшек переехали в столицу из-за работы отца, и общение на несколько лет прекратилось. Сестры Князевы вернулись в родной город, когда им было уже почти по 16. Мать очень сильно хотела увидеться со старой подругой, и, узнав, что та с сыном отдыхает в Галазе, взяла дочерей и тоже поехала туда.

Именно в Галазе — что очень символично, девочки вновь встретились с Денисом, который, как оказалось, вырос и стал самым обворожительным парнем, каких только Инна встречала в жизни. Общение продолжилось — наверное, больше по инициативе Оли, потому как к Смерчу она продолжала относиться, как к другу, но зато заинтересовалась его многочисленными друзьями, среди которых были просто обалденные милашки, а еще Ольге одно время очень нравился Петр, ставший самодостаточным, независимым и гордым молодым человеком. Правда, у них ничего не получилось, и Оля меняла мальчиков, как перчатки, правда, близко к себе подпускала их редко, все больше играла. А вот Инна по-настоящему влюбилась в друга детства — в Дэна, ставшего вдруг живым воплощением прекрасного принца Эрика. Да и он сам внезапно открыл в ней свою «русалочку». И не смотря на то, что вокруг него были много, очень много девушек, он вдруг осознал, что его тянет к Инне, как маленький гвоздь к магниту. Он, естественно, страдать на расстоянии не стал и сделал все, чтобы они с замкнутой, несколько меланхоличной, но нежной Инной стали встречаться. За месяц совместного отдыха они стали очень близкими людьми. Сейчас в Галазе Инна и Дэн были уже во второй раз — они отдыхали перед началом первого учебного года в университете. Он подал документы на иностранные языки, а она — на искусствоведение. Ольга же, как прирожденная актриса, поступила в театральный.

Инна вдохнула соленый воздух, не переставая глядеть на скалы и спокойное королевского синего цвета море. Ей казалось, что наступила невероятная тишина — почти что гробовая, и даже ветер куда-то пропал. Из-за этого умиротворения в ее голове вдруг мелькнула мысль: а хорошо, наверное, навсегда остаться здесь, в этом красочном месте, любоваться на небо и воду, плавать по подводному царству, разговаривать с рыбами…

Денис, находящийся, как и всегда, в центре внимания, увидел, что его любимая девушка грустит в сторонке и тут же поспешил к ней, обнял и сказал, что не отпустит. Правда, наедине они с Инной не остались. Потому как народ самым непонятным образом потянулся следом за Дэном, и грустившая Инна вновь оказалась среди людей. А они все больше и больше напрягали светловолосую девушку, потому как ей очень эгоистично (так она считала) хотелось побыть вдвоем только со своим парнем. Последние часы жизни она ловила себя на том, что ей все больше и больше хочется смотреть в лицо Дениса, а Игорь чуть позже говорил, что Инна тогда была очень странная и отрешенная и всматривалась в лицо Смерча так, как будто видит его

последний раз — словно знала, что подарит ей вскоре все больше и больше волнующееся море.

Телефон Дэна настойчиво кричал, а он не обращал на него внимания — он сначала был занят окружающим пейзажем и окружающими людьми, потом — своей девушкой и громкой музыкой. Звук сотового телефона так надоел парню, что он просто-напросто выключил его.

А звонил ему кое-кто из местных друзей, не понаслышке знакомый с играми водной стихии, чтобы сказать о том, что сегодня выходить в море не стоит — к вечеру обещают хороший шторм, а с Черным морем шутки плохи — оно обманчиво и лишь с виду кажется ласковой и нежной гладью, но часто. Смерч проигнорировал этот звонок и продолжал веселье. Позже он очень жалел об этом.

Капитан судна также был предупрежден, что ближе к вечеру ветер очень усилится, и он предложил Игорю вернуться обратно. Но поскольку девушке Игоря не хотелось прерывать праздника на борту такой комфортабельной и дорогой яхты-красотки, она уговорила молодого человека на то, чтобы остаться в море, как и планировали, до позднего вечера. Мол, ничего страшного не случиться: яхта большая, море пока еще почти спокойное, а капитан опытен.

Денис, пробегавший в тот момент мимо, услышал кусок разговора и тут же, не думая, поддержал именинницу, крикнув Игорю:

— Эй, устрой своей девушке праздник! И нам не порть! Не будь кретином. Давай встретим закат на яхте!

Он не знал, о чем идет речь, и думал, что Игорь просто так хочет свернуть такую потрясающую прогулку по водной глади. Для Смерчинского это стало еще одним поводом упрекать себя в случившемся. Ведь Игорь всегда прислушивался к мнению друга.

Капитан нехотя согласился. Он не был тверд в своих намерениях и решениях настолько, насколько должен быть тверд в них человек, управляющий судном с живыми людьми и берущий за них ответственность. К тому же политика его компании заключалась в том, чтобы удовлетворить все желания своих небедных клиентов. Слово обеспеченного клиента — закон, почти что непреложная истина, и капитан яхты давно уже это усвоил.

Прогулка по чересчур спокойному глянцево-синему морю продолжалась и дальше.

Начинало темнеть, а закат оказался какой-то серо-багровый, вялый, совсем неинтересный. Инна прижалась к Дэну, и ее пальцы цепко сжимали его ладонь. Она продолжала смотреть вперед, на красивые приближающиеся скалы — ей казалось, что в них солнце отражается куда более красочнее, чем в потемневшей воде.

— Это Скала Злосчастного мужа. — Вдруг сказала одна из загорелых девушек, беспечно сидевшая рядом с Инной на корме. Их парни, в том числе и Дэн, отправились за напитками. Прочие танцевали на палубе — над ней разлетались мощные электронные звуки

— Кого? — не поняла Инна сначала.

— Ну, этого… Ты же наверняка слышала легенду и Дионисии и Филимоне? Дионисия, жена первого правителя Галаза влюбилась в раба Филимона, муж узнал об этом и убил его на ее глазах, а наутро нашел Дионисию мертвой.

— Знаю, конечно. — Кивнула Инна. Ей стало неуютно. Тишина давила на уши.

— В общем, это скала названа в честь того парня-грека, который был мужем Дионисии и первым правителем Галаза, — пояснила еще одна девушка. — Судя по легенде, он оттуда сбросился, когда нашел женушку мертвой.

— Да это не он сам, это мать Дионисии его столкнула со скалы — мстила за мертвую дочь, — встряла первая девушка.

— А мне он нравился, — вдруг сказала с горечью Инна, глядя на скалу. — Он ведь ни в чем не виноват, его жена сама ему изменяла с каким-то там рабом. Если они были супругами, она не имела права ему изменять.

Ветер неожиданным порывом встрепал ей длинные волосы и тихонько прошептал что-то на ухо. Что-то вроде «Пора прощаться».

— Ну не знаю. Дионисия его не любила, а любила раба. Если муж ее так любил, то мог бы и отпустить, хотя, кончено, это Древняя Греция, там такого нельзя, наверное, было делать. Но, по крайней мере, он мог бы не убивать Филимона жестко на глазах Дионисии! Это садизм уже какой-то!

— Эх, красивая это все-таки история любви. — Согласилась и вторая девушка. — Ох, что-то море совсем беспокойное стало…

А Инна лишь пожала плечами — ей неожиданно стало жаль того древнего правителя, основавшего столь прекрасный город. И опять у нее в сердце поселилось чувство обреченности. Она издали смотрела на Дениса, остановившегося на пару минут около парней, и понимала все яснее и яснее, что если бы он разлюбил ее и нашел бы другую, она не пережила бы этого и, может быть, обезумела бы и поступила так же — убила бы соперницу.

А ветер все больше и больше усиливался, как, впрочем, и темнота — давящая и ярая. Казалось, потемнело все — и небо, и вода, и даже воздух вокруг. К тому же начался и дождь.

— Инна, что-то неладно твориться, — подлетел к девушке обеспокоенный происходящим Смерч, не отрывая взгляда от пенистых шипящих волн. — Не отходи от меня, — и он, схватив подругу за руку, увел ее подальше от бортов.

— Денис, ты меня любишь? — спросила она у него минут за десять до своего финального вздоха. Грозно завывал ветер и хлестал упругий дождь.

— Люблю, — не раздумывая, согласился Смерч, оглядывая небо. — Черт, дождь.

— И я тебя.

— Не бойся, все будет хорошо, — поцеловал ее в щеку Денис. — Веришь?

— Ага…

Он в последний раз погладил ее по мягким, струящимся волосам.

— Мы съездим в Италию, — пообещал напоследок ей Дэн зачем-то, чувствуя зыбкий холод. — Хочу увидеть сирокко. Необычное слово и необычный ветер, да?

У Инны в глазах защипали непрошеные слезы, и она еще сильнее вцепилась в ладонь парня, не замечая, что ее ногти впиваются в его кожу почти до крови.

Когда капитан все же принял решение возвращаться обратно на берег, было уже поздно — на яхту стали одна за другой накатывать мощные волны. Вскоре поднялись трехметровые волны, судно было в пятидесяти метрах от берега, и у него неожиданно отказал двигатель. Из-за сильного течения яхта, подхваченная огромной волной, налетела на скалы и разбилась.

В грозной темноте и ревущем шуме моря столкновение произошло совершенно внезапно — не смотря на то, что яхту мотало из стороны в сторону, капитан сумел подать сигнал бедствия, извинился за причиненные неудобства, словно являлся самим владыкой моря, и даже успокоил гостей, что все будет нормально — сейчас им на подмогу придут спасатели. Опасаться совершенно нечего — нужно просто насладиться необычной морской прогулкой.

Однако все это оказалось неправдой — и страшной силы удар корпусом о скалы доказал это. Стихия в очередной раз показала свое преимущество перед людьми и их глупыми изобретениями.

Наверное, те, кто жил под водой услышали мысли Инны — и решили показать ей свое подводное царство. Когда яхта переворачивалась, рука Инны выскользнула из пальцев Дэна, девушка плашмя упала о воду и потеряла сознание. Последнее, что она видела, было не лицо ошарашенного любимого Дэна, а хмурая скала Злосчастного Мужа — она словно приветствовала девушку. А когда Инна уже полностью была погружена в бушующие волны, то, засыпая насовсем, увидела внутренним взором, как на нее смотрит высокий мужчина с жесткими чертами лица и печальными складками около губ, облаченный в греческую тунику, подпоясанный хитон и шикарный плащ. Он протянул ей руку, и Инне показалось, что они стали одним целым.

Жаль, что человеческие тела не могут долго обходиться без кислорода.

Конечно, к терпящим бедствие почти вовремя подоспела служба спасения, и фактически всех смогли вытащить из мутной, ставшей злой, воды. Из двадцати двух человек семнадцать отправили в больницу. Восемь их них получили серьезные ранения. Трое же погибли — молодой парень, капитан и Инна. Ее тело нашли последним, через несколько дней, когда море стало таким же красивым и волшебным, как на картинке в журнале о путешествиях. Хоронили ее в закрытом гробу, в платье невесты на местном кладбище.

Денис не получил сильных ранений — лишь пару ссадин и сильнейший стресс, а вот в душе у него окончательно что-то сломалось. Теперь он винил себя в смерти уже двух любимых женщин. То, что творилось в его душе, можно было считать целым ураганом эмоций и чувств, которые разрывали Смерча на куски.

Когда на берегу он узнал, что Инны нет среди тех девятнадцати человек, которые были спасены, то у него в голове взорвалось три тонны тротила. Несчастный парень, весь мокрый и дрожащий от холода, сразу понял, что ее больше нет в живых. Надежд «а вдруг она выплыла в другом месте!» и «я не чувствую, что ее нет в живых, а, значит, это неправда!» у него не было. В тот страшный момент, когда яхта перевернулась, Дэн пытался добраться до Инны, но его все время отбрасывало назад, а потом девушка и вовсе исчезла из вида. Плавать она практически не умела. И, скорее всего, не смогла бы хрупкая тоненькая девушка противостоять силе удара грозной водной стихии. Волны забрали себе на дно еще одну будущую русалку.

С берега он никуда не хотел уходить, ничего не говорил — просто смотрел вперед и впивался пальцами в грязь, и врачам пришлось вколоть парню снотворное и увезти в больницу.

Потом Смерч часто приходил на это место и молча сидел на грязном морском берегу, обхватив

себя за колени, медленно раскачиваясь взад-вперед и неотрывно глядя на линию горизонта, словно надеялся, что там, где-то за ней, его все еще ждет Инна, хотя и понимал бессмысленность этого. Он винил себя за то, что позвал любимую девушку на эту Nзапрещено цензуройN прогулку. Казнил за то, что так опрометчиво посоветовал Игорю остаться в море, и не брал чертов телефон. Ненавидел за то, что его пальцы выпустили руки Инны, когда они оказались в воде.

Он сидел так очень долго, под не прекращающимся противным холодным дождем, несколько часов подряд и все смотрел и смотрел на море, и прибывшим медикам с трудом удалось уговорить его покинуть это место.

Так на свет и появился полупрозрачный Денис, одинокий и скрытный, вечно находящийся под струями дождя горечи от потерь. И сидящий около своей персональной вины. Иногда даже красноглазой даме в шляпке было жаль его, такого превосходного и прекрасного с виду. Почему-то часто люди, видя лишь внешнюю оболочку, судят лишь по ней. Дениса считали идеальным парнем, не задумываясь о том, что на самом деле представляет его измученная душа.

Вокруг нас валялись осколки черной хрустальной волны, и мы обе боялись наступить на них — кажется, они были ядовитыми.

Я, выслушав страшный рассказ Ольги Князевой, которую мне как-то резко расхотелось называть Троллем или еще как, отвернулась к окну, стараясь не закричать от боли в сердце. А стена между нами стала из бетонной просто кирпичной, даже с небольшим окошечком. Я и не представляла, что любимая девушка Дениса погибла! И так страшно погибла! И что он, он винит себя в ее гибели! И как же живет теперь сама Ольга — без сестры-близнеца?

— Денис винит себя в ее смерти. — Продолжала говорить Оля мне, не осознавая, что она крепко сжимает в длинных тонких пальцах лежащую рядом плюшевую игрушку. — Нет, это не он виноват. Это не в коем случае не он. Ему все это говорили — и я, и мама, и отец, и все остальные. То, что яхта разбилась — вина некомпетентного капитана — да ведь и его Бог наказал, но… Но на Дениса наши слова не очень-то и действовали. Я не знаю, как он это пережил.

Я тоже этого не знала, но лишь на минуту поставил себя на его место, душа у меня содрогнулась, словно пребыла в адские чертоги, и я тут же поняла, насколько он сильный духовно человек. Винить себя в гибели любимого, знать, что он погиб по твоей вине — что может быть мучительнее?

А Ольга продолжала, откинув прядь волос со лба, на котором появились горизонтальные уставшие морщинки очень взрослой женщины.

— Это так тяжело, Маша, терять близкого человека. А Денису вдвойне было тяжело — он считал, что все это произошло по его вине. До начала учебы в университете он закрылся ото всех, ни с кем не общался, никого не хотел видеть. Я, правда, приходила к нему, но от вида меня ему становилось совсем хреново. Денис видел меня и вспоминал Инну, потому что мы очень похожи. Одно лицо на двоих, правда, характеры у нас были разные. Она — хорошая, я — плохая. Она — ангел, я — стерва. Нет, у нас отношения были замечательные, мы прекрасно друг друга дополняли и вообще — Инка была самым близким человеком, словно второю мной. Я чувствовала, когда ей было плохо, а когда хорошо. Когда, — от воспоминаний Оля вдруг улыбнулась, — у нее был первый раз с Дэном, я наутро перезвонила ей и ехидно

поинтересовалась, понравилось ли ей, а она испугалась и спросила: «Как ты догадалась?». А я сказала, что почувствовала ее эмоции ночью, так же, как когда-то она год назад почувствовала, что я сломала руку.

— Дэн что, влюбился в тебя? — тихо спросила я, чувствуя, что ничем не могу помочь Ольге, хотя очень хочу сделать это.

— Нет, что ты. Он просто видел во мне любимую девушку, но прекрасно понимал, что я лишь ее копия. Плохая копия. А я не могла видеть то, что он винит себя. И мы, чтобы не портить друг другу нервы, решили не общаться, но продолжали считать себя друзьями или даже кем-то вроде брата и сестры. Когда я поступила в университет, наше общение все еще оставалось на нуле, потому что так было легче нам обоим. Потом стало легче — время ведь многое сглаживает. А когда мне потребовалась помощь, я обратилась к Дэну, и он тут же согласился помочь. Он обещал всегда мне помогать, несмотря на то, что мы не общаемся. Это сложно понять, и это кажется диким, но… так все оно и есть.

— Я пытаюсь понять, — отозвалась я. — Это и правда, страшно.

— Да, никому никогда не желала такого. Но я все это пережила, и он тоже. Кажется. А сейчас, сейчас он боится потерять тебя, дурочка.

— Меня? — выдохнула я.

— Да, тебя. Именно тебя! Ты вообще знаешь, что он никуда не уезжал, глупая Маша? Он хотел, но не смог, и его родители не полетели без него. И хорошо, что не полетели… В общем, поверь мне. Я одна улетала на могилу Инны. К тому же у нашего деда-физика — он живет в Галазе, был юбилей, пришлось задержаться… И все я узнала вчера, от Игоря. Маша, послушай меня внимательно. Дэна ранили в драке. Он лежал в больнице. Не хотел тебя расстраивать, сказал, что уехал. И никто об этом не знал, кроме родителей и пары друзей. Игорь сказал, что мне было запрещено говорить тебе что-либо.

— Почему? — мозг медленно переваривал информацию.

— Не знаю, — отвела Оля глаза и продолжила. — А ты! Навыдумывала ерунды!

Ерунды… И… Дэна… что? Ранили?! Смысл ею сказанного окончательно дошел до моего сознания. Меня словно облили — нет, не холодной водой — кипятком, и каждый сантиметр кожи тут же отозвался дикой болью. Только бы с ним все было в порядке! Только бы все с ним было хорошо!! Он избежал смерти в авиакатастрофе только для того, чтобы пострадать в драке?

«Или выжить из-за драки и не попасть в авиакатастрофу», — печально отозвался один из головастиков.

— Что с ним?! — вскочила я на ноги, понимая, что от испуга меня начинает трясти. — Дэн в порядке?? Отвечай, что с ним?! Оля, Олечка, как он себя чувствует?

— Сядь, — приказала мне Оля, она сама встала и усадила меня обратно на диван. — Сядь же, Маша! Сейчас уже Денис в порядке. Не волнуйся. Да успокойся ты. Боже, как ребенок, только не заплачь.

Я никогда не плачу при людях!

mir-knigi.org

— Он точно в порядке? Оля, ты не шутишь? Он жив? Он ведь жив?

— Да! Денис жив и чувствует себя отлично.

Теперь меня облило ледяной водой облегчения, и от этого внезапно закружилась голова, а в руках появилась слабость. И почти тут же я схватила мобильник и стала набирать его номер, чтобы лично удостовериться, что с ним все в порядке. Кажется, кровь у меня бурлила не хуже того самого штормового моря, что поглотило несчастную Инну. Дэн! Прости меня, Дэн! Я… и впрямь малолетняя дура! Но я, правда, тебя люблю! Люблю так сильно, что готова ради тебя и твоего счастья сделать все, что угодно. Я отказалась от тебя, потому что злилась и потому что думала, что рядом с другой девушкой ты будешь счастливее, чем со мной. Прости меня за то, что я такая идиотка, прости, прости, пожалуйста!

Я не смогла дозвониться до него ни по мобильному, ни по домашнему, и, вдруг так же, как и он, укусила себя за запястье от отчаяния.

— Где он, Оля? Ты не знаешь, где Дэн?

— Не знаю, — покачала она головой. — Я не знаю. Говорю же, я после поездки еще не видела Дениса. И даже не разговаривала с ним. Я случайно встретила Игоря, и он мне все рассказал.

— Черт… Что же делать-то? Слушай, я думала, он или с тобой, или с твоей сестрой — прости, если я плохо про нее сказала, я бы знала, зашила себе рот, Оля! — закричала я от нахлынувшего потока эмоций, словно просыпаясь от спячки, в которую сама себя нагнала, думая, что больше не нужна любимому человеку. — Прости!

— Успокойся. Дениса мы найдем. Он, видимо, занят пока чем-то. — Сказала мне гостья. — Сейчас я буду звонить всем и спрашивать, где он, а потом ты поедешь к нему и попросишь прощения. Он мой друг, и я хочу, чтобы он был счастлив. Поняла? Но сначала ты мне рассказывай, как додумалась до таких оригинальных выводов, что он тебя бросил?

Я и, сжимая кулаки от бессилия, рассказала. Девушка только головой качала.

— … И потом твоя бабушка по телефону сказала, что ты с Денисом. Закончила я, вновь и вновь набирая телефон Смерчинского. Результата не было. И это настораживало.

— Что? С Денисом? Да я не видела его еще после возвращения. — Даже растерялась Князева. — А-а-а, я поняла. Я ушла к Диме, а сама сказала ей, что иду к Смерчинским, чтобы бабушка с вопросами не приставала. — Поняла вдруг Ольга и кривовато улыбнулась. — Маша, ты — жертва обстоятельств. Ты все неверно поняла.

И она при мне стала обзванивать кучу народа. Заняло это достаточно времени, однако, результат этого всего был печальным. Его просто не было.

— Никто не знает, где он, — отозвалась Ольга удивленно. — Странно. Что с ним? Даже отец его не в курсе. Или, может, просто не говорит?

Я ударила себя кулаком по бедру, но промолчала. Князева тоже.

Повисла звенящая тишина.

«Что я сделала, что ты сделала, что мы сделали?!», — стали появляться то тут, то там надписи, оставляемые плачущими головастиками.

mir-knigi.org

— Почему он называл ее Лазурная? — спросила я глухо и напряженно, чтобы разрушить проклятую тишину, понимая, что бесполезно уже набирать номер его телефона.

— Потому что она влюбился в нее в городе Галаз — когда мы приехали туда, а название это с древнегреческого переводится примерно так — Лазурный. А еще лазурный был любимым цветом Оли. У нее было много одежды этого цвета. И, кажется, их с Денисом первый поцелуй произошел тогда, когда на ней было лазурного цвета пляжное платье. — Ответила мне Оля. — Ну, это все вопросы, или есть еще?

— Есть. Самый главный. Где сейчас Дэн? Оля, где он может быть?

— Я не знаю, — покачала она головой. — Подожди, я еще Игорю позвоню, про него как-то забыла.

Она набрала и номер этого загадочного друга Смерча и разговаривала с ним минут 10, а ее обычно равнодушные глаза становились все удивленнее и печальнее. В это время к нам заглянула мама и принесла фрукты и что-то к чаю, но ни я, ни Князева, сколько бы я не предлагала ей что-нибудь съесть, не притронулись к еде.

— Ну, что? — постоянно спрашивала я девушку, а она только отмахивалась от меня.

— Маша, Игорь не знает, где Дэн. По его словам, он должен быть дома, но… Там никто не берет трубку.

Я закрыла лицо руками. Моя последняя надежда…

— Зря я написала ему то проклятое сообщение. Он наверняка обиделся и не хочет меня теперь видеть.

— Ну вообще, — вдруг сказала девушка, словно раздумывая, говорить ли мне это или нет, — вообще… он видел тебя с Димкой.

— Что-о-о? — еще одно потрясение обрушилось на мою голову. Видел? Меня? С Димкой? В тот страшный дождливый день?

«Нет!!!», — пугливый хор головастиков заложил уши.

— Подъехал к твоему дому вместе с Игорем — хотел с тобой лично поговорить из-за смски, даже сбежал из больницы, приехал к твоему дому, но увидел, как ты с Димой целуешься, и… И все.

— О, Боже, — отвела я глаза из-за дикой неловкости и стыда. — Я… это я виновата. Не стала отталкивать его.

— Все в порядке, не оправдывайся, — прервала меня Ольга. — Сейчас тебе главное — найти Дениса. Хорошо? Мне нужно идти, но я буду искать его по телефону и дальше. Может быть, дозвонюсь до Леры — у нее телефон выключен пока что. А ты съезди к нему домой, вдруг он действительно там и просто не берет трубку? Хочешь, я съезжу с тобой, кстати?

— Нет, — ту же отказалась я. — Спасибо за помощь, ты и так сильно помогла мне. Я сама все сделаю!

— Тогда созвонимся через часа два?

mir-knigi.org

— Да, хорошо.

— Если я что-то узнаю, я позвоню раньше.

Она встала с дивана, неожиданно смутившись, а я сделала вид, что не замечаю этого.

— Оля? — окликнула я девушку, когда она подходила к двери моей комнаты, на пару секунд задержавшись у картины «Плутон».

— Что?

— Ты сказала, что не знаешь, как Денис это пережил. А как ты это пережила? — спросила я тихо. Она замерла.

— Хочешь знать, как? — с тоской спросила она. Мне захотелось обнять ее, потому что мне вдруг почудился темный океан эмоций Оли.

— Хочу.

— Зачем?

Я подошла к ней и без слов осторожно обняла за плечи. И через секунду поняла, что она плачет — беззвучно, с минимумом слез, но так горько, что у меня защемилось сердце. Я погладила ее по спине, чувствуя, как она беззвучно вздрагивает. Она плакала, а я молчала.

— Как? — Вновь спросила я жалобно чуть позже.

— Просто. У меня не стало ровно половины того, что верующие люди называют душой. — Прошептала она. — Я так скучаю по ней.

Она неловко отстранилась от меня, пряча мокрые глаза и щеки. Я усадила гостью на диван.

— Знаешь, Маш, когда сестры не стало, я пыталась стать ею. — Вдруг сказала Оля, и ее голос был хриплым и обессиленным. — Чтобы сохранить ее в себе. Пыталась стать такой же хорошей, перенимала многие ее привычки, манеру поведения и общения. Родители только диву давались. Я всегда хотела короткую стильную прическу, но Инна не стригла волосы, и я тоже не делала этого. Сестренка хотела поступить на искусствоведа, на нашу специальность, и я поступила туда вместо нее. Она была послушной дочерью и успешной ученицей, и я стала такой, какой хотела быть она. Правда, все это случилось не сразу.

Я вновь молча погладила ее — теперь уже по волосам. Мне самой хотелось рыдать и кричать при этом, но я понимала, что если я начну это делать, мы вдвоем захлебнемся в слезах, а мама вызовет нам бригаду скорой помощи.

А Ольга все никак не могла остановиться — видимо, ей нужно было выговориться, выпустить в форме слов свою боль из себя. Она, глотая слезы, все говорила и говорила:

— Первые два года после смерти Инки я просто не могла ничего делать, и мать отвезла меня заграницу, чтобы я там полечила нервы. Я пыталась быть такой же, как сестра. Очень. Правда, моя истинное «я» — а оно стервозно и эгоистично, прорывалось время от времени, и я зависала в клубах и на вечеринках. Откровенно одевалась, глотала экстази или пила алкоголь, отрывалась в компании с альфа-самцам, становилась грубой и наглой девкой. Я не понимала и до сих пор не понимаю, что со мной происходит. Только после того, как я познакомилась с

Димой, я стала многое осознавать, Маша, — она судорожно вздохнула, сдерживая рвущийся наружу всхлип. И она зашептала дальше. — А он как раз увидел меня в «неправильном» образе. Повел себя, как рыцарь. Довез до дома, не приставал, забыл мои ужасные слова. Он меня этим всем поразил. И я стала к нему тянуться, потому что он теплый, очень теплый, умеющий согреть. Правда, Дима сказал, что не может встречаться со мной, потому что любит другую девушку. Я не знала даже, что это ты. И я сказала: «Тогда, может быть, мы будем встречаться тайно? Просто постель и ничего больше». И… уломала его. Это так глупо, когда ты радуешься всем подачкам внимания любимого человека.

— Я знаю, — вдруг вспомнился мне Никита. Я радовалась даже просто тому факту, что видела его вдалеке. — Я знаю, Оля. Но я всегда думала, что ты очень гордая. У тебя есть гордость, Оля?

— Гордость? Что значит гордость? — усмехнулась она, вытирая новую дорожку слез, а я делала вид, что не замечаю этого. — Ты знаешь, какой я гордой была раньше? Какой высокомерной, заносчивой. Меня не зря многие называли просто сукой. И они были правы. А потом… Иногда мне кажется, что жизнь постоянно чему-то учит меня. Словно я когда-то что-то неправильно совершила, а теперь расплачиваюсь за это. Когда умерла Инка, во мне что-то сломалось. Осталась только гордость. А когда я встретила Диму, ушла и гордость.

— А ты пробовала стать самой собою? — спросила я.

— А я и не хотела. Мама пыталась как-то отправить меня к психологу, но я наотрез отказывалась от такого. И Денис отказывался от любой помощи, хотя Лера — ты ведь знаешь его мать? — за него переживала жутко. Внешне он смог оправиться и вновь стать самим собой уже к началу учебного года, но я точно знаю, что это было и остается всего лишь маской. Ему пришлось сделать это. Чтобы выглядеть хорошо в глазах семьи, не беспокоить мать, отца, деда и всех своих друзей — он всегда о нас заботился. — Ее голос почти перестал дрожать. — То, что ты пробудила в нем какие-то чувства — это чудо. Поэтому, пожалуйста, Маша, не оставляй его, ладно?

Я несмело кивнула, чувствуя, что она постепенно успокаивается. У людей столько всего произошло, а я волновалась о собственном благополучии и о своей взаимной любви, проклятая эгоистка. И еще так трусливо отказалась от любимого человека.

— Инки больше нет, хотя она иногда мне сниться в своем красивом платье около какого-то озера. И иногда мне сниться, что когда-то давно мы были братьями, — грустно улыбнулась Оля — я не видела этого, а чувствовала. И она говорит, что нужно жить дальше. И ты живи дальше. Не верю, что это говорю я. И все-таки рядом с тобой, и правда, тепло — ты горячая такая. А мы с Дэном все время мерзнем. И Димка горячий… Очень.

Мне пришлось вновь кивнуть.

— Я пойду. Спасибо, Маша.

— Это… Прости, что так вышло из-за Димки. Он мне хороший друг и не больше, — сказала я на прощание Оле очень смущенно. Вышло все как-то тупо… — И я хочу, чтобы он был счастлив. Мне кажется, вы друг другу подходите.

Она отошла на пару шагов от меня, кивнула серьезно и не произнесла больше ни слова — только негромкое «пока», когда уходила из квартиры.

Но ее взгляд меня радовал: он перестал быть каким-то безнадежным и чужим, взглядом

«правильной девочки», и в нем пока еще очень слабо, но зажглись две звезды, излучающие такой же свет, как и искры глаз Димки. Только у него свет был импульсивным, резковатым, а у нее — мягким и женственно-приглушенным. Если Димка разглядит в Ольге Князевой что-то большее, чем просто девушку на ночь, то они и вправду будут отличной парой.

— Маша, это твоя новая подруга приходила? — спросила мама, выглядывая из своей комнаты. Там она живо обсуждала что-то «свадебное» с тетей Линой — мамой Насти.

— Ну-у-у, может быть, когда-нибудь мы и станем подругами, — туманно отозвалась я.

— Что-что? — не расслышала она.

— Да, подруга, — громко отозвалась я. — Мам, мне сейчас уйти надо срочно!

— Куда это еще? — неожиданно появился в прихожей братец — он по случаю собственной свадьбы и приближающегося медового месяца пошел в отпуск. Как и Настя, вчера он устроил себе мальчишник — по крайней мере, его не было ночью дома, а утром он пришел не выспавшийся, злобный и голодный, но, правда, трезвый, как стекло.

— Надо мне!

— Куда тебе все время надо? — рассердился он.

— Куда надо, туда надо, громила.

— Никуда ты не поедешь, — заявил Федька.

— И почему?

— Тебе одной нельзя, — вдруг заявил он и, поняв, что что-то не то ляпнул, добавил шутливо, — ты людей распугиваешь.

Я только головой покачала и побежала в свою комнату одеваться. В мозгах засела только одна-единственная тревожная противная мысль — найти Дэна и сказать ему «прости». И эта мысль громко тикала — как бомба замедленного действия, грозя в само ближайшем будущем взорваться и убить идиотку Чипа. И… вдруг он не простит меня из-за этого внезапного поцелуя с Димкой и из-за того, что я оскорбила Дениса своим никчемным поведением?

В результате брат почему-то не возжелал отпускать меня никуда одну, словно мне было три года, и повез меня к дому Смерчинских на своей машине. Мне очень хотелось, чтобы мой Дэн или хотя бы его мать были дома. Очень. Очень-очень.

Ну пожалуйста! Я очень прошу, Господи!

Ольга вышла из дома Маши в совершено смешанных чувствах. И зачем она выложила этой шумной Бурундуковой все на свете, да еще и не сдержала слез, хотя так крепко запечатала их где-то глубоко еще давным-давно? Правда, стало внезапно легче, как будто бы она, Оля, общалась не с шумной смешливой одногруппницей, а с какой-то феей, забравшей у нее едва ли не половину боли.

Раньше так умела делать только Инка — оттягивать на себя чувства, но ее не было рядом с Олей уже 4 года.

К тому же Бурундукова оказалась не такой уж и дурой — мигом просекла, что виновата перед Денисом, и бросилась его искать. Ольга и правда понятия не имела, где сейчас Смерчинский. И никто из друзей не знал этого, и даже отец — номер его мобильного у Князевой был. Светловолосая девушка понятия не имела, куда вдруг подевался не переносящий одиночества Денис, и что с ним сейчас. Последним его видел все тот же Игорь. По телефону он сказал Ольге, что со Смерчем он общался как раз в тот день, когда тот засек свою Марью в компании с Димой.

— Он увидел, как эти двое целуются и рассердился. Мы уехали на другую улицу. Ох, и злой он был. Черт возьми, Олька, давно я не видел его таким. Дэнка ничего не бил и не ругался, но выглядел, как маньяк — сам себя так цапнул, что кровь по руке потекла. Придурок! Потом вроде бы взял себя в руки и попросил отвезти до хаты. В больницу Дэнв возвращаться не захотел. Я довез его, передал из рук в руки явно офигевшим предкам и торчавшему там старику Юрьичу, — Игорь весьма фривольно назвал степенного и величественного Даниила Юрьевича по отчеству. — И все, больше не видел. Правда, звонил ему несколько раз, отчитывался, как там и что с безопасностью его девчонки, и спрашивал, что с ним, а он говорил, что все в порядке, он отдыхает дома. И ничьих рож видеть не желает. А, Ольк, он еще заявил, что вскоре кое-что сделает, что нужно было сделать давно, а что — не признался. Он у нас не суицидник случаем? У него башню сорвало окончательно.

— Не думаю, — отозвалась Оля, и на этом их разговор закончился.

Ольга не сказала Марье: Денис не признавался в случившемся с ним, потому как ее отец не хотел, чтобы девушка знала, что едва уже не попала в лапы серьезных ребят из группировки Пристанских, по приказу Марта в любой момент могущих похитить ее и сейчас, чтобы надавить на отца-мента. Или чтобы необдуманными действиями Маша случайно не сорвала операцию по захвату бандитов. И чтобы просто не беспокоилась ни о чем, живя с счастливом детском неведении. А Бурундукова навыдумывала себе непонятно чего! Да и Денис хорош! Куда он подевался? Неужели и впрямь заперся в доме? Это так на него не похоже… И что он там решил сделать? О плохом Оля старалась не думать. Ведь не настолько он слаб, чтобы наложить на себя руки? Хотя, если после того, как он увидел свою сумасшедшую любимую, целующуюся с другим, в нем может лопнуть последняя струна, держащая его тут, Денис может сделать что-то страшное.

«Нет, он слишком любит жизнь, — сама себя оборвала девушка, — идиотка, о чем ты думаешь?»

Взгляд раздумывающей обо всех этих невеселых вещах Ольги привлекла небольшая, слегка облезлая бирюзовая вывеска, на которой аляповатыми желтыми буквами значилось: «Парикмахерская Красавица».

Ольга остановилась. Она думала не больше тридцати секунд, после решительно подошла к дверям, распахнула их и вошла в помещение. Еще через минуту она уже сидела в кресле пред большим зеркалом — посетителей в парикмахерской не было.

— Что желаете? — спросила парикмахер — необъятная тетенька с добрыми и простыми глазами черничного цвета.

— Сделайте короткую стрижку, — сказала Оля.

— Насколько короткую?

— Под мальчика.

— Не жалко под мальчика-то? Вам бы, девушка, лучше волосы отрастить длинные, до пояса, — поцокала языком парикмахер.

— Уже были такие, стригите под мальчика. Чем короче, тем лучше.

— Да жалко же! — возмутилась тетенька. — Чего хорошую стрижку портить-то?

— Я тороплюсь, пожалуйста, сделайте то, что я сказала. — Отозвалась отрывисто Оля.

— Хозяин — барин. — Пожала плечами женщина. — Раз просите — сделаю.

И она действительно сделала все, как просила клиентка — умело и быстро. Некогда длинные и женственные светло-русые волосы превратились в короткие мальчишеские.

— Случилось что? — вдруг спросила парикмахер, когда Оля уже рассчитывалась с ней.

— Нет.

— Да вижу я, что случилось, — не поверила та. — Ну в общем-то, ты правильно сделала, что обстриглась. Сестра у меня есть, она у нас от бабки дар переняла, дар будущее видеть может, так вот, она говорит, что вместе с остриженными волосами и плохое уходит.

— Да? — не лишком верила во все необъяснимо-мистическое Оля. Она разглядывала себя в зеркале, трогая пальцами волосы, и неожиданно дерзкая короткая мальчишеская прическа ей понравилась. Сейчас Князева перестала быть похожей на Бурундукову. И даже на Инну.

— Что тебя тревожит? — не отставала тетенька. — Парень? Поссорилась с ним? Или любовь несчастная? Или с деньгами туго? Слушай, а хочешь, я тебе того… погадаю, а? Чуть-чуть умею.

И она без спросу взяла руку удивленной Оли, повсматривалась в мелкие узоры на ладони и выдала:

— Ох, как-то сейчас все печально у тебя в любви-то, да и не только в ней. Тебя как будто две, — черничные глаза прищурились. — А как будто бы и одна. Да уж. Не знаю, как это, только ты меня понимаешь, видать. Вон как у тебя пальцы дрогнули. Но это… ты крепись. Сильная же. Если выдержишь — все у тебя нормально будет. Вот сестра бы точно сказала, что да как, а я могу сказать только, что муж у тебя будет — не скоро, да, но будет. И дочка будет. И все у тебя будет. Главное — сейчас не сломаться. — Она выпустила руку девушки и широко улыбнулась ей. — Иди с Богом, девочка.

— Э-э-э, спасибо, — ответила Оля, подумав, что все-таки надо было идти в хороший салон, а не в местную дешевую парикмахерскую со странной женщиной, вдруг вздумавшей ей погадать. Однако в глубине души у Князевой стало как-то поспокойней, и она была даже благодарна парикмахерше за ее слова-утешения, пусть и глупые.

Из парикмахерской Ольга выходила с куда более свободной душой, словно отдав волосы, отдала куда-то и свою тяжесть с плеч, и неправильное желание быть для родителей хорошей девочкой, такой, какой была Инна, и страдания из-за первой в ее жизни любви. Кажется, даже объем легких увеличился, и дышать стало свободнее. В детстве строгая мама не разрешала близняшкам подстригать волосы, а сейчас Оля подумала, что будь у нее дочка, она бы разрешала ей делать с прической все, что она только пожелает. Потому что это ее дело и ее жизнь.

mir-knigi.org

Девушка шагала по мокрому, но быстросохнущему асфальту и, время от времени трогая короткий ежик на голове, смотрела по сторонам, как будто в первый раз попала на улицу. Когда из-за туч выглянуло солнце, она села на лавочку — чтобы позвонить матери и сказать, что она все же будет присутствовать на благотворительном балу, устраиваемом дедом Дениса. Мать очень хотела видеть там дочку, а Ольга никуда не желала идти.

На соседней лавочке болтали весело две взрослые девушки с колясками — красной и синей, в которых сидели два очаровательных карапуза, переговаривающихся между собою. Оля почему-то засмотрелась на детей, а они по очереди улыбнулись ей. Девочка из красной коляски даже потянула к ней ручки, что-то забавно угукнув. Ее мама тут же повернулась к Князевой и тоже улыбнулась.

— Какие они милые, — сказала Оля внезапно, потому что смутилась от того, что смотрит на чужих детей, а ее на этом поймали.

— Спасибо, — сказала девушка. И у них завязался небольшой десятиминутный разговор, довольно приятный и забавный. Попрощавшись с молодыми мамами и даже помахав детям, Ольга зашагала к остановке. Настроение у нее не улучшилось — если только чуть-чуть, а вот что-то пока едва заметное, но очень важное в мировоззрение стремительно менялось. Почему-то Князевой казалось, что этот день и эти странные чувства, что она испытывает сейчас, никогда не забудутся, хоть и кажутся маловажными и неяркими.

«Я тебя все равно люблю…», — внезапно, на ходу написала она Диме, с трудом сдержавшись, чтобы не позвонить ему — так хотелось услышать ставший неожиданно родным голос. С ним что-то случилось недавно — наверняка это было связано с его встречей с Марией, и Дима сказал, что в их странных отношениях нужно сделать перерыв, чтобы подумать и осмыслить то, что между ними двумя происходит. Ольга с тщательно запрятанной болью согласилась на это, хотя больше всего на свете боялась, что парень окончательно оттолкнет ее от себя.

«Оля, прости меня!», — написал ей Димка, увидев, что ему пришло сообщение, и даже обрадовавшись ему. Правда, он не отправил его, а внезапно стер, включил на мобильнике какую-то музыку и просто валялся на кровати, думая о том, что ему делать с Ольгой, Ником и самим собой.

К дому Дениса мы подъехали быстро, правда, Федька долго не мог понять, что мне тут понадобилось. Он вообще тупил всю дорогу, потому что был счастливым до неприличия. Как оказалось, Настя уже увидела другое кольцо, позвонила ему и жутко ругалась, но, видимо, ругалась она как-то по-особенному, потому что братец был в превосходном настроении. А еще постоянно оглядывался и лыбился, что слегка раздражало.

К тому же, как я поняла из короткого телефонного разговора Федора с кем-то неизвестным, завтра должна была состояться финальная часть какой-то важной операции по захвату какой-то преступной группировки, и братца очень радовал еще и этот факт.

— Так зачем мы сюда? — спросил он, паркуясь. Красное удостоверение работника силовых структур пропускало Федьку всюду, даже за забор элитного дома, где жил мой любимый. Раньше я думала, что называть кого-то любимым — стремно и смешно, а теперь это казалось мне совершенно правильным. Называть Дениса любимым — так же естественно, как называть маму мамой. Это ведь просто констатация факта.

— Это дом твоего бедняги Дениски, так? — уточнила брат.

— Так. Я его ищу. — Отозвалась я, оглядывая уютный обустроенный двор, словно Смерч мог находиться там. Например, прятаться в детском домике, сидеть, взобравшись на турники или притаиться под высокой детской горкой.

— Да я понял, что ты его ищешь. А он разве… не на отдыхе?

— Уже приехал, — не стала я ничего объяснять Феде. — И мне надо понять, дома ли он или нет. Там никто на звонки не отвечает. И по мобиле он не отвечает.

— О как. Ну что ж, пошли, Машка, будешь искать его. — Не стал задавать вопросов старший брат, за что я была ему благодарна.

И через пару минут мы оказались в зеркальном лифте подъезда, где проживали Смерчинские. Красное удостоверение опять помогло попасть нам внутрь, минуя мрачных секьюрити.

— Ты иди к нему, а я буду ждать тебя на улице, в тачке, — сказал мне Федор, сопроводив едва ли не до квартиры Дэна. — Если у тебя с Дэном серьезный разговор состоится, я мешать буду. — И он добавил таинственную фразу. — А с тобой здесь ничего случиться не должно.

Моя голова чисто механически кивнула. Брат вновь скрылся в лифте, а я дрожащим пальцем нажала на звонок. Меня, кажется, некоторое время изучали в видеодомофон, а потом дверь распахнула слегка удивленная Лера. Она была одета в очередное элегантное, на этот раз рубинового цвета платье с глубоким вырезом.

— Машенька? — удивленно сказала мама Дениса. Кажется, она обрадовалась моему приходу. — А что ты тут делаешь? Как прошла мимо охраны внизу? И вообще… что-то случилось? Ты почему такая бледная? Милая, проходи. Проходи, не стесняйся. Я только что вернулась от косметолога — сегодня будет благотворительный вечер у свекра, надо выглядеть на все сто, и я снова пока что одна дома. Олег на работе. Так что ты сейчас составишь мне компании. Давай-давай, не стесняйся.

Одна дома? Одна дома… Значит, Дэна здесь нет? Вот же неудача!

— Лера, — не спешила я разуваться, — Лера, я ищу Дениса, где он? Он ведь не в больнице? Или…? — тут мне в голову пришло, что Дэну стало плохо из-за ранения, и он вновь оказался в клинике. Я тут же запаниковала еще сильнее. Лера тут же это заметила.

— Маша, — твердо сказала женщина. — Проходи, и мы с тобой поговорим. С ним все в порядке. Сын звонил мне недавно, не сообщил, где он, но сказал, что с ним все в порядке. А еще сказал, что ему о многом нужно подумать, — голос ее дрогнул. — А в больницу он возвращаться не хочет. Машенька, а откуда ты знаешь про больницу?

— Рассказали… — Не стала я выдавать Ольгу.

— Так-так, а это уже интересно. Маша, девочка, вы поссорились с Денисом?

Я склонила голову. Если я расскажу ей, что случилось, что я потеряю?

— Я обидела его. — Тихонько сказала я. — Сказала, что он для меня никто, и я не хочу его больше видеть. А потом он увидел меня с другим парнем, но это была ошибка, — поспешно поправилась я.

— Как все запутанно, — покачала головой Лера. — Проходи, поговорим.

Через десять минут мы сидели на мягком диванчике, с чашками вкусного крепкого кофе в руках, и я сбивчиво, кое-как ворочая языком, рассказывала обо всем матери любимого парня, отчего-то не стесняясь ее, а женщина лишь внимательно слушала и кивала. Я надеялась, что она поможет отыскать мне Дениса. Может, хотя бы ей он скажет, где находиться? Она ведь его мать!

— Вижу, ты многое уже знаешь, Мария. — Сказала Лера, когда выслушала меня. — А теперь послушай, что я тебе теперь расскажу. Только, ради Бога, не пугайся и не делай глупостей. Я знаю, что ты сильная девочка, но все же… Слушай внимательно, Маша, хорошо? И не смей расстраиваться. Я была с самого начала против этой затеи — но разве мужчин переубедишь? — она пожала плечами. — А твоему папе я сразу сказала, что ты уже не маленькая девочка, и все должна знать.

— Вы… ты знакома с моим папой?! — потрясенно воскликнула я. — Откуда?! Как? Он мне ничего не говорил!

«Полноправный писец, тебе сюда», — очень медленно, вывели обалдевшие головастики на огромной прямоугольной вывеске, указывающей путь в моему мозгу.

Лера с трудом успокоила меня и, к моему счастью, все-все рассказала. Чем больше она говорила, тем сильнее стучалось мое сердце, и тем хуже я чувствовала собственное тело. Вот это дела! Именно от Леры я узнала про операцию милиции, которая должна была не без помощи моего собственного отца и Даниила Юрьевича ликвидировать команду Пристанских, возглавляемых братцем Никиты Кларского. Мать Смерча осторожно поведала мне и про то, почему я заинтересовала Ника, и отчего вдруг он стал внимательным ко мне. Андрею Марту всего лишь нужно было надавить на моего принципиального отца. А папа… он тоже хорош! Решил не пугать свою маленькую дочурку и провернуть все за моей спиной! И Федька тоже — он-то наверняка все знает, а так как беспокоиться, решил отвезти меня к дому Смерчинских на машине. А еще я узнала, что, оказывается, за мной постоянно наблюдали и, видимо, наблюдает моя персональная охрана. Наверное, Машу месячной, а еще может быть и недельной давности это задело бы за живое и взбесило, но я оставалась почти что спокойной.

Да, я была под жутким впечатлением от всего этого, но сейчас мне не было страшно. И было все равно на Никиту и его брата, да на всех бандитов планеты мне было плевать, потому что главное, что для меня оставалось — это мой Денис, который непонятно куда исчез. А я хотела к нему, очень хотела, и боялась только того, что он оставит меня, забудет, решит вычеркнуть из своей жизни за мою глупость и недоверие к нему.

— Сегодня в десять состоится этот благотворительный бал. Так что не бойся, этих всех бандитов задержат именно сегодня.

Я кивнула.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила меня обеспокоенно Лера. — Маша, я понимаю, что это тяжелая информация, но ты должна принять ее. И понять отца и Дениса. Для них ты — слабая девочка, тебе нельзя знать о таких вещах.

— Я хорошо себя чувствую. — Упрямо сказала я. — Мне просто нужно найти Дэна. Очень нужно.

— Понимаю. Как только он позвонит мне, я попытаюсь узнать еще раз, где он. Жаль, что он отключил телефон — он, видите ли, мешает ему думать. Не грусти, Маша. Не будет же он прятаться вечность. И к тому же я точно знаю, как ты ему нужна. Кстати, а хочешь взглянуть

на его комнату? — сказала мне вдруг Лера.

Я хотела, очень хотела, и когда мы поднялись на второй уровень и подошли к двери, ведущей в его комнату, на какое-то время мне почудилось, что мой Дэн сейчас сидит там, в своей комнате, ждет меня, а я войду и увижу его, подбегу и обниму. А он закружит меня в воздухе и поцелует. Увы, Смерча там не было. И впервые я побывала в его спальне в его отсутствие.

— А вот и комната нашего Дэнси, — сказала Лера, открывая дверь. Она явно хотела утешить меня, поэтому и повела сюда.

Я не без опаски шагнула в большое светлое помещение с огромным французским окном, словно в святая святых. Мне чудилось, что комната Смерча расскажет о нем многое, очень многое, то, что он скрывал от меня и ото всех. Кажется, я не ошиблась. Его спальня мне очень понравилась и немного по-новому раскрыла сердце Дениса.

— Как тут классно, — произнесла я, осторожно ступая по дорогущему мягкому нежно-персиковому ковру с коричнево-зелеными узорами по краям и овалом посредине, в котором были вышиты какие-то надписи и лицо красивой девушки. Ковер был такой мягкий, что мне казалось, будто я иду по облакам. Дэнв ходил здесь каждый день? Везунчик.

Мебели тут было не слишком много: кровать, стол со стулом и компьютерной техникой, элегантный стеллаж с книгами, уходящий под самый потолок, огромный, во всю стену, шкаф. Но все это было одного светлого оттенка и очень гармонировало друг с другом. Беспорядка тут не наблюдалось. Да и не мудрено, Смерчик ведь лежал в больнице, не жил тут.

— Да, у нашего Дэнси неплохой вкус, — улыбнулась Лера. Она остановилась около окна, из которого открывался потрясающий вид на парк, город и крутой берег реки. Где-то там, вон за теми далекими холмами, располагался и наш университет.

— Ага…

— И на девушек тоже. — Подмигнула она мне.

Я вздохнула и стала изучать звездный потолок. Он был единственным, что дисгармонировало со всем остальным дизайном. И неужели Дэн знает все эти звезды и паутины-сплетения созвездий? Он ведь такой умный мальчик. Не то, что я. Я даже не смогла понять, что с ним.

Мы с Лерой опустились на кровать Дэна. Мягкая, удобная, приятная на ощупь, аккуратно застеленная… Интересно, а сколько девушек оказывались здесь, на этой чудесной огромной кровати?

— Дэн никогда не знакомил меня со своими девушками, ни с кем, кроме Инны, — словно услышав мой голос, сказала Лера и провела рукой по покрывалу. — Только тебя. Так что, Маша, задумайся над этим. Денис относится к тебе по-особому.

— Но почему он пропал? Почему прячется? — с горечью спросила я.

— Мне он сказал, что думает над чем-то. Олег в ярости и Даниил Юрьевич тоже — потому что Денис просто-напросто испарился подальше ото всех. Поверь, они тоже не могут его найти, — она вздохнула. Кажется, за сына беспокоилась куда больше, чем я предполагала.

— Лера, а ты, как мама, чувствуешь, где он, и что делает? — с тоской спросила я.

mir-knigi.org

— Как бы я этого хотела — иметь материнскую интуицию, — вздохнула Смерчинская. — Увы, Машенька, ее у меня нет.

— Совсем? — провела я пальцем по томику Петрарки. Недавно эту книгу читал Денис, книга здесь, а его нет. Милый, ну где ты? Вернись. Я буду называть тебя так, как ты захочешь, всеми ласковыми словами и никогда больше не скажу, что ты Сморчок и козел. В глазах у меня защипало.

— Совсем. Маша, — невесело улыбнулась в это время Лера, — я не родная мать Дениса. Я люблю его, но не всегда понимаю, что с ним и что он чувствует. В общем, как мать — я никакая. Не смогла я стать правильной мамой.

— В смысле? — не поняла я. Еще один крутой поворот из жизни любимого парня сбил меня с ног.

— Он мой пасынок. Терпеть не могу это слово. — Поморщилась белокурая женщина и на скрещенных коленях переплела пальцы в крепкий замок, словно заволновалась. — Никогда не использую его. Дэнси — мой сын, и точка. Пасынки и падчерицы — у злых мачех.

Я моргнула, переставая понимать все происходящее.

— Но как так? — вымолвила я с трудом. Почему-то этот факт потряс

— Обыкновенно, Маша. — Она вновь вздохнула — вроде бы едва слышно, но как-то тяжело, словно ей вспомнилось что-то гадкое. — Я вышла замуж за Олега тогда, когда Денису уже исполнилось 6 лет. Его биологическая мать — другая женщина. Ее звали Натальей. Наташей. Когда-то мы были подругами.

— Она что, бросила сына? — прошептала я, понимая, что меня вновь переполняет жалость к Смерчу. Если мое сердце можно было сравнить с огромным хрустальным сосудом, а жалость — с белым вином, то сосуд давно уже был переполнен напитком сострадания, и его содержимое грозило вот-вот выплеснуться наружу.

— Можно сказать и так, — кивнула Лера, резко расцепила руки, встала с кровати и подошла к окну.

— Она умерла. — Не сразу сказала женщина. — Когда Денису было три с половиной годика, он играл во дворе и внезапно выбежал на дорогу. Из-за поворота на него вылетело авто с пьяным водителем за рулем. Водитель говорил потом, что не замечал ребенка, поэтому и не тормозил… А мальчик увидел машину, испугался и замер. Наташа поступила, как настоящая мать. Она все же успела оттолкнуть Дэнси в сторону, но сама попала под колеса. — Лера поежилась, как от холода. — Состояние крайней степени тяжести. Три дня в реанимации. Она не выжила. Ужасные травмы. А Денис, слава Богу, не слишком сильно пострадал, хотя тоже лежал в больнице. Ему сначала не говорили, что мамы нет — сперва для него она была в больнице, потом уехала далеко-далеко, а потом мы сказали, что она смотрит на него со звезд. И со временем он начал называть мамой меня.

Я замерла и боялась дышать. Так я узнала о второй потере Дэна — потерю черного цвета. О его настоящей матери.

Шестилетний Денис Смерчинский был умненьким, вежливым и очень хорошим мальчиком. Мечтой любых родителей, бабушек и дедушек. Он никогда не был проблемным ребенком, рано

научился читать и считать, превосходно вел себя в детском саду, проявляя уже в детстве явные лидерские качества и заставляя других детей тянуться к себе.

До четырех лет Денис не помнил отчего-то практически ничего, и свою настоящую маму — тоже, поэтому мамой привык называть тетю Леру, которая часто была рядом с ним. Мама Наташа смутно отпечаталась в его памяти. Те несколько воспоминаний о ней, которые иногда всплывали в голове уже у взрослого Смерча, были связаны с ярким солнцем и теплыми белокожими руками какой-то очень хорошей женщины без лица, но с темными, шоколадными, густыми волосами — точно такими же, как и у него самого. Денис вообще был очень похож на свою родную мать и ее родственников, и именно от нее унаследовал свою благородную красоту, взяв от родни по отцовской линии только цвет глаз — яркий, насыщенный синий, передающийся самым загадочным образом через поколение. Такие же глаза имели его двоюродный брат Петр и дед Даниил Юрьевич.

А еще он помнил голос мамы — спокойный, мягкий, очень добрый, поющий ему колыбельные песни и песенки из мультиков. Особенно часто голос мамы Наташи напевал колыбельную про Серенького Волчка, который то и дело кусал за бочок неспящих деток, и смешную песенку из мультфильма про будундуков Чипа и Дэйла. Иногда Денису вспоминалась еще и какая-то желтая машина, но как бы он не напрягался, никак не мог понять, что это за машина, и как она связана с его мамой. Детская психика, как смогла, защитила ребенка, убрав воспоминания.

Да, больше Денис ничего не помнил из раннего детства, и о маме Наташе мало что знал. Видел только несколько фотографий. Папа говорил, что она была хорошей и красивой, Лера добавляла, что еще очень доброй, и сейчас наблюдает за Денисом с небес. Естественно, мальчик спрашивал, почему умерла мама Наташа, но ему отвечали просто — ее забрал Бог, а потом кто-то обмолвился, что ее сбила машина.

О том, что он виновен в смерти матери, Денис узнал тогда, когда ему уже было шесть лет — почти через три года после гибели мамы Наташи. И узнал обо всем от собственной бабушки по материнской линии. Эвелина Николаевна, деловая роскошная женщина с черными короткими волосами и с неизменной ниткой черного жемчуга на шее, пришла в этот день в квартиру Олега, потому как узнала о том, что он вновь собирается жениться. До этого она крайней редко посещала зятя или внука — первого откровенно не могла терпеть, второму дарила с безразличным видом подарки на Новый год и на Дни Рождения, а после быстро уходила. Потерю единственной и любимой дочери (остальные ее двое детей были сыновьями) Эвелина Николаевна переживала очень тяжело — даже лежала в больнице с сердцем, которое прихватило у нее во время похорон. А после, не смотря на больное сердце, стала злоупотреблять алкоголем. В таком состоянии она частенько обвиняла в гибели Наташи семью Смерчинских, которых много лет уже недолюбливала, хотя сначала была не против брака дочери и Олега Смерчинского, потому как считала, что он, сточки зрения расчета, — идеален.

И Наталья и Олег были детьми из очень обеспеченных семей — в советские времена их родители занимали очень высокие должности в партийном руководстве города, а после перестройки смогли стать прекрасными бизнесменами. Даниил Юрьевич и Эвелина Николаевна были крайне рады, что их дети женятся на ком-то из своего круга. Правда, на самом деле Олег и Наташа решились на супружество только потому что действительно полюбили друг друга, случайно познакомившись на Дне рождении общего друга. Кстати, свидетельницей на их свадьбе была мама Оли Князевой. Она, Лера и Наталья дружили с первого курса университета, и когда Наташа погибла, Лера, как крестная Дениса, часто оставалась со все время рыдающим мальчиком и очень помогла его убитому горем отцу. Олег со временем очень привык к улыбчивой красивой девушке, заботящейся о его сыне, и где-то года через полтора они начали встречаться. Сначала отношения их были осторожными,

пугливыми, но когда Денис вдруг ни с того, ни с сего назвал Леру мамой, Олег Даниилович решил жениться на девушке — она безумно нравилась мужчине, да и Денис сильно привык к ней. Даниил Юрьевич тоже был согласен на это, и в этот вечер должен был приехать вместе с сыном к тому домой, чтобы получше познакомиться с Лерой. А ей, кстати, кроме Дениса спихнули на день еще и недовольного всем на свете Петю.

Эвелина Николаевна успела приехать несколько раньше мужчин, и ошибкой Леры было лишь то, что она от растерянности открыла дверь разгневанной матери Натальи, вместе с которой приехали оба ее сына. То, что Олег вновь жениться, да еще и на Наташенькиной подружке, взбесило родственников Натальи — ее они безмерно обожали. И ее мать, женщина крутого нрава, устроила настоящую истерику. К тому же она была нетрезвой и не совсем понимала, что делает. Даже всесильный Даниил Юрьевич не смог чуть позже остановить ее.

— Вы? — растеряно оглядела уставшая от двух постоянно дерущихся детей Лера разгневанную женщину и ее молчавших сыновей. — Что-то случилось?

— Я. Случилось. Паршивка, — внезапно ударила Эвелина Леру по щеке. — Решила Наташенькиного мужа увести?! Да? А я всегда знала, что ты такая! Шалава!

Она ударила растерянную молодую женщину вновь, и если бы один из сыновей не перехватил ее руки с длинными бордовыми ногтями, двумя ударами по щекам Лера не отделалась бы. Она отступила на шаг, явно испугавшись разъяренной женщины. В Олега она действительно влюбилась, но только после того, как произошло несчастье с ее подругой — лучшей подругой, надо заметить. Да и к Денису относилась всегда очень хорошо, а в последнее время, когда узнала, что детей иметь не сможет, бессознательно стала считать родным сыном.

Брызгая слюной, Эвелина поливала остолбеневшую Леру грязью. Дети — Петя и Денис испуганно застыли на пороге гостиной, не понимая, что случилось. Накричавшись всласть, женщина попыталась вновь ударить не знающую, что делать, Леру.

— Не трогайте маму! — смело бросился Денис на защиту той, кого искренне считал второй матерью. — Бабушка, не трогайте маму Леру!

То, что мальчик называет «проклятую девку» мамой еще больше взбесило женщину. У нее от злости затряслись руки, и весь свой гнев она направила на ребенка.

— Ах ты, маленькая тварь! Другую маму уже нашел! Такой же, как и все эти уроды Смерчинские! А ведь это ты, это ты виноват! — уже в истерике, не контролируя себя, закричала она.

— Мама, — одернул ее один из сыновей. — Мама, ну не при ребенке же…

— Пусть знает! Эй, маленький Смерчинский! Маленький волчонок! Из-за тебя моя дочка умерла!

Синие-синие глаза Дениса тут же стали темными — от переполнивших их слез. Губы его скривились, и он заплакал.

— Что вы несете? — начала несмело Лера и взяла Дениса за трясущиеся плечи. — Прекра…

Но Эвелина Николаевна перебила ее воистину диким озлобленными воплями, в которых явно слышалась горечь от того, что ее дочери любимой и такой молодой и красивой, больше нет на свете!

— Убийца! Убил свою мать! Ненавижу тебя! И твоего папочку! И деда проклятого! И эту Nзапрещено цензуройN!

— Не кричите на моего брата, — насупившись, сказал Петр, заступаясь за Дениса. Он был на 2 года старше и чувствовал ответственность за глупого братишку, которого порою просто терпеть не мог. — Не кричите на него, он еще маленький.

— О, еще один из клана Смерчинских! — всплеснула руками пьяная женщина. — Еще один маленький ублюдок! А ты-то свою мать не убил? Нет?

Денис заплакал в голос, Петя взял брата за руку и исподлобья уставился на злую тетку. Ему тоже было очень страшно.

— Перестаньте! — взмолилась Лера, загораживая детей. — Уходите!

— Моя дочка бросилась под машину, чтобы спасти этого гаденыша! Умерла, а он выжил! А он теперь матерью любовницу Nзапрещено цензуройN Олежки называет! Неблагодарный! Ты, — вдруг рванула на себе жемчужные бусы Эвелина, глядя расширенными от гнева глазами на Дениса, — ты, запомни, убийцы, даже такие детки, как ты, не живут счастливо!

Черные матовые шарики с мелодичным перезвоном, словно разговаривая между собой, попадали на пол и подкатились к ногам ревущего мальчика.

В это время в квартиру, дверь которой так и оставалась открытой, зашел Даниил Юрьевич. Он с порога услышал крики Эвелины Николаевны и мигом оценил ситуацию.

— Маленький убийца! — продолжала она, не замечая, что ее бусы порвались.

— Что тут происходит? Ты что несешь? — закричал мужчина, забыв о вежливости и закрывая плачущему навзрыд внуку уши руками. — Дура! Убирайся отсюда! Убирайся!

— О, еще один Смерчинский. Главная крыса. — Расхохоталась ему в лицо женщина.

— Эвелина. Пошла. Прочь. — Процедил сквозь зубы Даниил Юрьевич, излучая гнев. — Не зли меня. Ты ведь знаешь, что я тебе устрою.

Он и подоспевший Олег, который задержался около машины, смогли увести бьющуюся едва ли не в припадке Эвелину Николаевну и ее сыновей прочь из квартиры. А та долго еще кричала жуткие вещи, обещаю зятю отомстить за то, что он якобы сам подстроил смерть ее любимой доченьки, а теперь решил жениться на «уродской твари Лерочке».

После ее ухода Лера долго отходила от произошедшего — Олег даже отпаивал ее вином. Петя тоже сильно испугался и долгое время вообще не подходил к темноволосым женщинам — даже в юности он испытывал к ним неприязнь, хотя и не помнил, почему, и Лида стала настоящим исключением из правил. А у Дениса был шок — всю ночь он не мог заснуть и только плакал, безутешно, все так же навзрыд, и никто не мог понять, почему у маленького мальчика не кончаются слезы, и несколько дней он и вовсе не говорил ни слова — молчал или плакал. Слова бабушки пробудили в нем некоторые воспоминания, и теперь шестилетний ребенок винил в смерти мамы себя. И как бы ему не объясняли, как не утверждали, что его вины нет ни в чем, он не понимал этого. Даниил Юрьевич позаботился, чтобы с внуком работал детский психолог, но моральная травма мальчика была настолько велика или работа психолога не так глубока, но осознание того, что он, Денис Смерчинский, виновен в смерти матери, не проходило, а на долгие годы засело в его сердце.

Эвелину Николаевну он больше никогда не видел. Она умерла через несколько лет — то, что свое горе женщина заливала крепким алкоголем, не довело ее до добра. Ее сыновья и их дети не общались со Смерчинскими — они перебрались в северную столицу, где открыли какое-то прибыльное дело, и о Денисе не вспоминали. А вот он навсегда запомнил тот жуткий для него день и злые лица бабушки и дядь. И множество рассыпанных по полу черных, зловеще поблескивающих бусин.

Поскольку Дэн был заботливым мальчиком и очень чутко чувствующим, он понимал, что когда он расстроен, и это видят родственник, то и они тоже начинают расстраиваться, поэтому делал вид, что ему очень весело и плакал только тогда, когда мама и папа этого не видели — к тому времени Лера и Олег уже поженились.

А еще через два года мальчик нашел то, что изменило его жизнь. Он случайно обнаружил в кабинете отца дневник его матери. Все-таки Олег Даниилович скучал по любимой жене и время от времени пересматривал фотографии с ней и листал дневник, который Наталья вела при жизни. Правда, ему достался лишь один из дневников жены — самый последний, а все остальные забрала безутешная Эвелина Николаевна.

По какой-то случайности Олег оставил дневник на столе, а любопытный Денис, поняв, что это вещь его родной мамы, забрал дневник с собой, чтобы узнать, что она писала. Вдруг она что-нибудь писала и о нем?

Когда маленький Дэн нашел дневник Наташи, он уже вполне прилично умел читать, а его память уже и тогда был отменной — все прочитанное при желании он мог запомнить бы с первого раза. Что, собственно, и сделал.

Почерк у Натальи был ровным, красивым, прямым и очень разборчивым — буквы не были соединены между собой и читались легко. Для восьмилетнего Дениса было несколько трудновато читать эти строки, но он упрямо перелистывал пронумерованные страницы толстой, но заполненной лишь на восьмую часть, тетради на пружинках. Пара страничек, правда, отсутствовали, но это не пугало развитого не по годам мальчика.

Дневник произвел на него сильнейшее впечатление, но больше всего на него повлияла самая последняя запись, сделанная за день до смерти мамы и расписанная на несколько страниц.

страница 11

Пока еще мой сын совсем маленький (3 годика и почти 4 месяца!), и, к слову сказать, такой миленький, что иногда мне хочется взять его на руки и крепко-крепко прижать к себе, чтобы никогда больше не отпускать от своей груди… А иногда я хочу потискать его, как маминого сенбернара Бома. У него такие ямочки очаровательные на щечках. И когда мой сынок вырастет, я, наверное, буду продолжать тискать его и щипать за щеки. Представляю, ему будет 20 лет — к тому времени я стану уже… скажем так, совсем взрослой — и буду тискать его за щечки. Мне кажется, он вырастет милашкой. Нет, он вырастет красивым! Вокруг него будет очень много девочек — я просто уверена. Олег со мной согласен, кстати.

Кстати, сегодня мы обзавелись невестой. Настоящей! Я уже рассказывала по телефону маме, она очень смеялась. На прогулке мы с Денисом встретили маленькую чудесную девочку — ей было годика полтора, не больше. Такая хорошенькая девочка — сама светленькая, а глаза…

страница 13

Сейчас Денис спит, прижав к щеке игрушечную мягкую зеленую ящерицу — увидел ее вчера и потребовал немедленно купить. Отпускать ее не желает ни в какую. Бом (мама оставила его у нас) не отходит от его кровати и иногда встает на задние лапы, чтобы заглянуть в кровать. Это так забавно! Я сфотографировала эту сценку. Когда проявлю фото, обязательно покажу их Олегу и маме.

Денис, расти уже быстрее, мама хочет увидеть тебя взрослым и сильным мальчиком.

Да, Денчик еще мал, но я уже столько для него хочу! Уже сейчас я начинаю планировать его будущее, хотя понимаю, что пока еще слишком рано. Но я все равно представляю, каким он будет в 5 лет, в 10, в 16, в 22… Наверное, после его рождения я стала по-настоящему взрослой и рассудительной, забыла глупости, которые вертелись у меня в голове, все старые заботы. Главное теперь — сын и муж. Моя семья.

страница 14

Кстати, пока нет Олега и без него как-то скучно и чуть-чуть грустно, мне в голову пришла идея составить список того, каким должен быть Денис в будущем (и я знаю, что он будет таким, это ведь мой сыночек!). Итак, Денчик пока что спит, а я напишу, каким вижу его… в 20 лет.

Мой сын…

— Всегда счастлив.

— Очень любит меня и свою семью.

— Добр, отзывчив, милосерден и весел.

— У него нет вредных привычек.

— Душа компании…

— Умная умница и лучший ученик в школе и в университете

— Знает много языков!!!

— Силен, но миролюбив и уважителен.

— Часто улыбается и смеется, у Дениски хорошее чувство юмора.

— Не кричит, не спорит по пустякам и не унижает слабых. Он сильный, и он помогает другим

— Любит (ВЗАИМНО!) прекрасную, скромную девушку из хорошей семьи.

страница 15

— У него тысяча друзей!

— Он занимается спортом (только не боксом и не борьбой, хотя ему, как мальчику, конечно, важно знать силовые приемы, чтобы он мог защитить себя и своих близких при необходимости!)

mir-knigi.org

— Уважительно обращается со старшими, ласково — с детьми.

— Любит животных и детишек, а они — его. Для меня это показатель доброты.

— Еще он свободолюбив и делает то, что хочет. Но не во вред другим.

— И у него хороший вкус. И отличная память (это я уже замечаю, между прочим!)

— Всегда помнит меня, потому что я всегда помню его. Или это эгоистично, или это называется материнской любовью? Или все же эгоистично?

— В общем, мой сын прекрасен и идеален, и все его любят…..

На этом последняя запись Натальи обрывалась и больше листиков Денис не нашел, как не пытался, хотя по идее, еще должна была быть и 16 страница. Он обыскал весь кабинет отца, но это не принесло успеха. Некоторые листики пропали с концами.

И потом, раз за разом перечитывая эти строки, все сильнее и сильнее он хотел плакать. Потому что был виноват в том, что рядом с ним не было мамы. И в том, что ему уже 8 лет, а прекрасным и идеальным он не стал. Денис проплакал почти весь день, прячась в свой комнате, а потом твердо решил для себя, что будет идеальным мальчиком.

Специально для мамы. Чтобы она видела с небес, каким он растет — таким, как хотела она, и не сердиться на него за то, что он сделал…

Если бы Олег Даниилович или Лера узнали, что твориться в голове их сына, то они бы обязательно что-нибудь сделали для него, попытались бы помочь Денису вырваться из гнета собственных чувств, наняли бы детского психолога и сами бы сделали для него все, что угодно. Но ни он, ни она этого не понимали, и разглядеть истинные эмоции и мысли ребенка оказались не в состоянии. Хотя, конечно очень любили его. Зато оба всегда очень гордились успехами Дэнси — так стала ласково звать мальчика Лера, и когда их ребенка называли идеальным, то только с улыбками на губах кивали — их сын просто не мог быть другим. Он действительно… идеален. Идеальным Денис был в школе и в университете, в учебе и в спорте, среди парней и девушек, родственников и друзей, и даже в глазах малознакомых людей очень часто выглядел совершенством. Он старался изо всех сил — благо, природа одарила его и умом, и внешностью. Конечно, не все давалось Дэну легко, и много он буквально заставлял себя делать — например, изучать языки или играть в баскетбол. Его знания иностранных языков поражали, но никто не знал, что ему приходилось тратить на их изучение порою много часов подряд — особенно в детстве. И он до изнеможения несколько лет тренировался в игре в волейбол и баскетбол, потому как поначалу у Смерча с этими видами спорта совсем ничего и не получалось. Только его терпение, усердие и, самое главное, — желание помогли парню сделать из себя идеального человека, соответствующего написанному его матерью.

Себя, конечно же, он идеальным не считал, и даже нормальным человеком зачастую в глубине души не признавал — нормальные люди не виноваты в том, что их матери умирают. А когда к этому приплюсовалась и трагическая ситуация с Инной, то Денис едва не сошел с ума от проклятого чувства вины. Первая потеря — родная мама, для него стала олицетворением черного цвета, а вторая, Инна, — лазурного. Постепенно, с возрастом, парень осознавал, что маленький ребенок не мог быть тем, кто убил собственную мать — ведь она спасала его, рискуя своей жизнью, но в подсознании все равно засело глубокое чувство вины.

А еще ему до сих пор, раз в год, снилась мертвая бабушка, кричащая яростно: «Убийца!

Убийца!», рвущая на себе жемчужные черные бусы и тыкающая в него пальцем с острыми бордовыми ногтями, которые стремительно превращались в когти. Мать ему не снилась ни разу, а Инна — только тогда, когда он был без сознания из-за потери крови.

И еще Денис, внезапно привязавшийся к «бурундучке» Маше, чувствовал, что не переживет, если она станет его третьей потерей.

Мария, слушая историю Смерча в правдивом изложении Леры, которая, стараясь не срываться, тихим голосом рассказывала обо всем этом, больше всего на свете хотела обнять Дэна, крепко и даже чуть больно, заплакать и сказать ему, что никогда и не за что она не станет его третьей потерей. Что она всегда будет с ним и будет защищать его. И что ему нельзя винить себя ни в чем, потому что она, Маша, точно знает, что его мама умерла не зря — она защищала своего ребенка. И что в смерти Инны его вины нет — ее жизнь унесла на дно морская стихия, а не его руки.

Некогда непонятные, мутные слова черничноглазой гадалки с набережной стали для Чипа ясны, как утренний южный солнечный свет, пробивающийся сквозь тонкий хрусталь.

Теперь девушка точно знала, что ее судьба на «Д» — это Денис Смерчинский и никто иной. И отдавать его никому она не собирается, и терять тоже.

А еще ей вновь очень хотелось рыдать — от внезапно нахлынувших чувств сострадания и сочувствия к тому, кого она внезапно полюбила. Маша и не знала, что Денис столько всего перенес в своей пока что еще не очень длинной жизни. А она еще и добавила толику мучений в его персональную копилку страхов, написав то идиотское сообщение и не оттолкнув от себя вовремя Димку.

Слезы на ее светло-карие глаза наворачивались и от неожиданного осознания того, что ее Денис — сильный человек, мощный духом и твердый характером, не умеющий отступать от самого сильного противника — от собственных страхов. Ведь именно поэтому он вел с ними бой с самого своего детства. Старался быть идеальным во всех смыслах. А, может быть, он уже родился таким, и все его трагедии были призваны для того, чтобы он развил в себе лучшие свои черты, — кто знает?

Да, Дэн — невероятный. И это не потому что он внешне красив, обаятелен, умен, обеспечен, весел. А потому что он смог с достоинством перенести случившееся и стать тем, кем стал.

На сидящую без единого движения девушку — а это было очень несвойственно подвижной и переполняемой энергией Марии — опустилась дымка гордости за Дениса, в которой алела рубинами боль за него и мерцала кораллами женская жалость. Он действительно — смерч, самый настоящий, сильный, стремительный, даже грандиозный, только на своем пути он сметает не людей — их он подхватывает и игриво кружит, играет и бодрит — а сметающий самого себя.

Девушка почувствовала неожиданное тепло в ладонях и в солнечном сплетении. Подобные чувства Мария испытывала лишь однажды: когда совершенно случайно, от скуки, прочитала года два назад книгу Сент Экзюпери «Планета людей» — книгу, в которой была описана вся красота и сила человеческого духа перед лицом опасности.

Особенно тогда ее впечатлила история о летчике, потерпевшим крушение в горах и неделю фактически ползущим по снегу и морозу вперед. У него были обморожены руки и ноги, у него не было еды и пить ему приходилось снег, он был на последнем издыхании, но все же выбрался

из ледяного ада и выжил. Вперед его гнала мысль о том, что его ждет любимая жена.

Дэн Смерчинский, наряду с этим летчиком, настоящим восхитительным образцом жажды жизни, теперь стал для Маши олицетворением силы духа. С полной уверенностью девушка осознала за какое-то краткое мгновение, что даже если она и будет называть теперь парня Дэном, Смерчем, Лаки Боем или Дэйлом, то для нее он всегда уже будет Денисом. Тем самым взрослым человеком, которого она так долго не понимала. Того, который прятался от всех за рядом ярких масок: идеального парня, отличного друга, прекрасного сына, великолепного спортсмена, сексапильного мальчика, души компании.

У Машки, как и тогда, при прочтении книги Сент Экзюпери, от печального рассказа Леры по коже побежали мурашки — это отряд головастиков трансформировался в них, показывая своей подопечной ее же собственные чувства. Она обязательно найдет его и неважно, любит ли он ее или нет, и скажет ему все, что накипело у нее на душе. Успокоит его и признается в любви.

— Бедный Дэн, — сказала я, глядя на его звездный потолок, смаргивая непрошеную слезинку. — Как он вообще жил? Лера, как?

— Маша-Маша, не знаю. Я ведь сказала, что стала плохой матерью, — криво улыбнулась женщина, — и не догадывалась, что там у него на душе, только в последнее время стала осознавать, что с нашим мальчиком происходит. Началось это, когда наш Денис учился курсе на втором. Друзья привели его домой совершенно нетрезвого — ну, ты знаешь, как это бывает у парней. Отмечали что-то в каком-то клубе, Дэнси что-то сдуру выпил, и понеслось.

Я кивнула — знала, как у парней это бывает. Федьку пару раз тоже так притаскивали в подростковом возрасте его друзья едва стоящего на ногах. Мама жутко ругалась, а папа сначала веселился, особенно когда у старшего братика начиналось похмелье, а потом устраивал ему бурю в стакане.

— Ты, наверное, знаешь, что Денису пить противопоказано. Это у них семейное: у него, отца, дяди реакция на алкоголь очень плохая. А он зачем-то выпил. Саша и еще несколько ребят затащили Дениса домой посредине ночи. По-моему, — Лера вымученно улыбнулась, — они сами с ним замучались. Он казался абсолютно трезвым, но нес жуткую ерунду. А потом, когда мальчики ушли, посмотрел на меня глазами большого ребенка, сел на пол и начал наизусть зачитывать строки из дневника Наташи. Оказывается, когда был маленьким, стянул его у Олега со стола и прочитал. Я, наверное, дура. Не сразу поняла, что он, как по пунктам выполнял и выполняет все слова Наташи. Только со временем догадалась… Я не думаю, что она писала все это всерьез. Маша! — вдруг воскликнула Лера. — Маша! Она была молодая и писала все это от скуки, но это слишком сильно запало Дэнси в голову. Будь неладна эта Эвелина — и пусть земля ей будет пухом. Обвинила ребенка в смерти родной матери! Знаешь, — вдруг пытливо посмотрела Лера на меня, — Денис хоть и не мой родной сын, но если бы передо мной стал выбор: умереть мне или ему, я бы предпочла умереть сама. Только ради того, чтобы мой ребенок жил, понимаешь?

— Да.

Наверное, моя мама сделала бы точно также.

— И я уверена, что Наташа думала точно так же, как и я. Там, на небесах, — взглянула мимолетом на небо женщина, и в ее глазах тоже появились едва заметные слезы, — она ни о чем не жалеет. Ладно. Пойдем вниз, Маша? Пойдем. Я тебе еще кое-что покажу.

И она повела меня вниз, во вторую, совсем небольшую гостиную с уютной лоджией и изящным камином, где остановилась около стены с несколькими большими фотографиями в серебряных рамках. Первым я увидела черно-белое фото шестилетнего мальчика с большими глазами, длиннющими ресницами и ямочками на пухлых щечках, смеющегося в компании еще двух малышей. Оба они показались мне знакомыми: и хохочущий пухленький мальчик с круглым личиком и сердито надутый светленький карапуз с двумя конфетами в руке.

— Это Дэнка, ему тут почти пять лет. — Пояснила с улыбкой Лера. — Узнала? Рядом Саша и Мика — Микаэль. Если что, Мика — тот, который с леденцами. А Сашка в детстве был кругленьким, как воздушный шарик. Это сейчас он здоровый бугай с татуировками и зелеными волосами. Кстати, в детстве Мика был сильнее и все время обижал Сашку. Видишь, даже тут у него в руке два конфеты — отобрал у братика и не хотел отдавать. А сейчас Саша куда брутальнее и сам все время защищает нашего Мику. Забавные они.

— Забавные, — согласилась я, разглядывая детей. И во что они превратились сейчас из таких вот очаровательных малышей?

— Вот Дэнси с Петей, — кинула на следующее фото Лера, и я тут же узнала в черноволосом худом мальчике со стрижкой под пажа Петра, сейчас невозмутимого и даже надменного. На снимке он сидел рядом с Дэном на диване и покровительственно держал братика за плечи.

— Здесь ему уже шесть. А теперь посмотри на эту фотографию. Здесь Денису семь лет. Перед первым сентября.

Я окинула тревожным взглядом третье фото. На нем был уже слегка повзрослевший Дэн в черном костюмчике с галстуком стоял около здания школы. В одной руке — новенький ранец, в другой — букет желтых роз. Лицо серьезное, почти неживое и без положенной маленькому мальчику улыбки. И глаза у него были абсолютно пустые и смотрели не на фотографа, а куда-то чуть в сторону и вниз.

— Замечаешь, как он изменился? — спросила Лера внезапно. — На всех фото после того, как Эвелина устроила тот страшный скандал, он больше не улыбался. Мы с Олегом тогда думали, что Дэнси просто боится идти в школу, и я позже только поняла, что это не страх школы. Это что-то совсем иное, Маша. Он ничего не хотел. Никуда не ходил и мало с кем разговаривал. Плохо учился и не делал уроки. Не смеялся, когда смотрел мультки. — Она вздохнула. — Так повлияли на него слова бабушки. Только когда нашему сыну исполнилось девять лет — то есть после того, как он нашел Наташин дневник, он внезапно стал меняться — становиться таким, каким был в детстве: подвижным, активным, веселым, общительным. Резко стал одним из лучших учеников не только класса, но и школы. Захотел вдруг учить языки, начал ходить в спортивные секции, на танцы, пропадал на баскетбольных площадках или у друзей. Мы думали, что ему помог детский психолог, но… Машенька? — позвала она меня.

— Что?

— Мы его найдем. — Ободряюще улыбнулась мне Лера. — Прятаться не в его правилах. А сдаваться, думаю, — не в твоих.

Мать Дениса еще несколько раз пыталась дозвониться до сына, но у нее ничего не выходило. Телефон все так же был отключен. Она, как и я, волновалась, сердилась, даже ругалась, звонила мужу и свекру — они тоже не могли найти Дениса, его друзьям, одногруппникам, знакомым, но все без толку.

Ольга Князева тоже мне звонила — наверное, Смерч был ей дорог так же, как и мне — Димка,

и она искренне пыталась помочь найти его. Однако, и у нее ничего не получалось.

Еще через час безуспешных поисков, я с Лерой, а вместе с нами и мой назойливый брат, не желающий оставлять меня одну, на двух машинах стали ездить по многочисленным друзьям Смерчинского и местам, где он теоретически мог бы быть. Я безумно надеялась, что еще немного — и мы найдем его, но с каждой новой неудачей надежда таяла.

— Нехорошо было от меня скрывать про идиота Кларского, — по дороге в одно из любимых кафе Дениса сказала я брату укоризненно, но в меру спокойно. Я сильно устала и никак не могла понять, почему же и куда пропал мой, а, может уже не мой, Дэн. Это было самым важным. Остальное почти не имело значения.

— О-о-о, ты знаешь? — невероятно удивился Федька, следуя за красным автомобилем Леры.

— Угу.

— И откуда узнала-то? — осторожно поинтересовался он.

— Ясновидящей стала. Добрые люди рассказали. А мне что, и впрямь, так опасно было, что ко мне аж охрану приставили? — мрачно спросила я, оглядываясь назад

— Не знаю, — не захотел отвечать брат. Он затормозил перед светофором рядом с машиной Леры. — Отец так решил. Я его поддержал. Твой Смерчинский согласился. А что ему еще было делать? — брат по-доброму усмехнулся. — Он валялся на кровати с дырой в животе и еще и избитый. Отец нам сразу сказал: «Машке ничего говорить не позволю, она еще ребенок». Кстати, чего вертишься? А-а-а, — догадался Федор. — «Охрану» свою высмотреть пытаешься что ли, у нас на хвосте? Серая «девятка» и черная «Хонда». В «Хонде» — люди дружка Дэна из агентства охранного. А вообще Смерчинский твой молодец. — С уважением сказал брат — а таким тоном он говорил крайней редко. — Сразу о тебе подумал и грамотно поступил — рассказал обо всем своем крутому деду и нашему отцу. Сам бы то он тебя при всей своей крутизне защитить от Пристанских не смог. А сегодня ночкой их аккуратно возьмут прямо на благотворительном вечере. Не без помощи деда Дениса. Возьмут аккуратно, быстро и — самое главное, Машка, — вместе с Мартом, главарем. Этот урод прямо-таки неуловимым стал в последнее время. Как только Пристанских сильнее прижали, пропал куда-то. И все его приближенные быки затаились. Даже через брата — некого Никиту Кларского — на Марта выйти нельзя. А на этого мелкого ублюдка ничего нет официально — взять и посадить не за что. Тоже осторожничает. — Горячился брат. — Но сегодня точно Андрейка вылезет, приедет на вечер к деду Дениса, и его тут же возьмут дяди с автоматами под белы рученьки и увезут с почетом в райский курорт КПЗ. С невероятно вежливой обслугой в форме и королевскими яствами.

Он хмыкнул.

— А этот Андрей Март не поймет, что его ждет великая подстава?

— Откуда? Все секретно. Отец и несколько других сотрудников делают вид, что сотрудничают с ним. Даниил Юрьевич тоже успешно делает вид, что согласен работать с Мартом — поэтому и ждет его, чтобы все детали по сбыту наркоты обсудить. Андрей думает, что в безопасности. К тому же на вечере он должен с одним человеком там встретиться, они через благотворительный фонд хотят деньжата обмыть, — поведал мне еще одну деталь сегодняшнего действа Федор. — Март чувствует себя хозяином положения. И его стукачи в прокуратуре ему ложную информацию донесли, что, мол, все на мази. Там такая операция разработана, Машка, что переживать не надо — его точно возьмут.

— Это ты меня утешаешь? — спросила я со вздохом. Не хотелось, чтобы Ника арестовывали. Он все равно казался мне хорошим парнем. Мне его даже жалко стало. Никита реально любит Ольгу — а она его нет, да еще и боится. По телефону сегодня я сказала Князевой, чтобы она просто связалась с ним и рассказала все, как есть. Она ответила, что ей все уже жутко надоело, и она так бы и сделала, но Ник пропал куда-то. Понятно — отсиживается с братом.

— Утешаю. Тебе что, не страшно? Это же не игрушки, Маша, — ответил Федор. — Это реальная жесткая сторона жизни. И ты с ней впервые столкнулась. — Он, правда, тут же добавил, как и всегда, шутливым голосом, — а вообще, разревешься сейчас от страха, как раньше, что я делать буду?

— Я не рыдала раньше!

— А кто в пять лет поранил коленку и устроил истерику на весь двор? А в семь из-за двойки кто орал на весь дом? А потом еще когда кое-кто подрался с каким-то дебилом в первом классе, кто рыдал, как слон? — тут же стал вдаваться в подробности прошлого братец. — Мне, между прочим, тогда из-за тебя тоже влетело, — сварливо добавил он, заворачивая в наш двор.

— Когда ты пошел разбираться с этим мальчишкой? — вспомнила я внезапно, как действительно умудрилась подраться с дураком-третьеклашкой из-за булки в столовой, а после нажаловалась Федьке, учащемуся со мной в одной школе. Он, не долго думая, взял друзей и пошел разбираться с моим обидчиком. Брат всего лишь с ним поговорил, даже щелбана не поставил, а после долго еще сидел в кабинете у директора, типа он маленьких обижает.

— Черт, куда твой парень делся? Мне осточертело кататься по всему городу и искать его. И ребятам тоже, — кивнул брат назад, намекая на мою охрану. — И действительно не бойся. Сегодня Марта и Пристанских возьмут. Там такая операция разработана, что никто не уйдет.

И я верила ему.

Мы продолжали искать Дэна и, по-моему, уже не только мы одни, но и Инга, и его друзья, но Смерча словно и след простыл. Его нигде не было. А потом, как выяснилось, кое-кто, конечно, знал, где он был, но старательно молчал об этом. А кого-то даже и не спрашивали. Не думали, что этот человек может знать об этом.

Почти в восемь Лера нас оставила — к ней должен был приехать парикмахер, чтобы сделать укладку на вечер, вернее, на ночь. Надо же, а Смерч должен был взять меня с собой на этот вечер — не зря его кузен приносил тогда билеты и даже называл меня невестой Дениса.

— Может быть, Дэн будет там? — с тоской спросила я брата и Леру.

— Будет, не будет, а ты там точно не появишься, — заявил Федька уверенно. — Там начнутся серьезные дела, а ты помешать можешь.

— Маша, если Дэнси там вдруг появиться, я сразу сообщу тебе, — пообещала Лера мне. Она была согласна с братом. — Но вряд ли появится. Он никогда не любил такие официальные мероприятия. И согласился пойти только с тобой. И хотя Даниил Юрьевич будет злиться, не думаю, что Денис придет.

Я уныло кивнула.

— Заедем в супермаркет? Я пить хочу. — Сказал брат по дороге домой.

— Давай. Я в машине посижу, хорошо?

— Хорошо. Я быстро. — И он остановил внедорожник около обочины оживленной в это время суток дороги. Где-то впереди была авария, поэтому образовалась пробка. Я в ожидании сидела и смотрела в окно, на едва ползущие машины. В крайнем ряду, совсем близко от меня, стояла дорогая черная красавица «Ауди» с номером «666» и блестящими тонированными стеклами, в которых отражались оранжевые июльские лучи заходящего солнца.

Я засмотрелась на классную машину, и в это время ее заднее стекло плавно опустилось вниз. Сидевший в авто парень лет двадцати шести в черном костюме и с очень жестким худым лицом, на котором отчетливо просматривались скулы, лениво выкинул окурок сигареты. Он высунулся в окно и недовольным взглядом оглядел образовавшуюся впереди пробку. А после посмотрел в мою сторону. Мы встретились с ним глазами, и мне показалось, что этот светловолосый человек на кого-то очень смутно похож.

Он резким жестом приставил к виску указательный и средний пальцы левой руки, явно показывая мне, что сейчас застрелиться из-за пробки, и рассмеялся. Забавный тип. Только глаза недобрые. Я пожала плечами и провела пальцем около горла, соглашаясь, что и мне пробка надоела. Он опять рассмеялся, махнул мне рукой и закрыл окно. Последнее, что я видела, это то, как около молодого человека мелькнули рыжие волнистые волосы, словно бы ему на плечо легла женская голова. И что это было?

Черная «Ауди» плавно поехала вперед, и больше я ее не видела.

Вскоре появился братишка, купивший не только воду, но еще и пиво и что-то сладкое, бросил весело, что капкан почти захлопнулся, и Март едет на благотворительный вечер, и мы поехали домой. Прибыли туда часов в десять.

Уже в подъезде брат сказал: «Ни слова матери, а то она упадет», открыл дверь и — о, ужас! — первой пропустил меня в квартиру. Я совсем немного посидела за кухонным столом с мамой, Федором и постоянно голодным котэ (папа, конечно же, был на задержании), а после, сходив в душ и подхватив на руки свое домашнее животное по имени Ириска, пошла спать. Из-за того, что сегодня должен был состояться захват банды Пристанских, мне было не очень-то и страшно. Если только за папу — не случилось бы с ним ничего. Но, как пояснил брат, содержание проводить должны были не сотрудники службы экономической безопасности, а ОМОН.

Я была нервная, опустошенная, с больной головой и соскучившаяся по Смерчу. А еще очень волнующаяся за него. Ну вдруг, вдруг с ним что-то случилось?! Вдруг ему плохо, а никто не может помочь? Или… вдруг он решил что-то с собой сделать? Или вдруг проклятый Март или его банда поймали его?? Об этом я старалась не думать, потому как только об одной мысли о том, что Денис мог или может как-то еще пострадать — физически или морально, приводила меня в такой ужас, словно я оказалась в кошмаре наяву. Я никогда и ни за кого так сильно не волновалась, как за него. Только, наверное, за папу, когда тот лежал в больнице в прошлом году. Но тогда я хотя бы знала, где он и что ему оказана вся необходимая помощь, а сейчас впереди — полнейшая безызвестность.

К тому же рядом тогда был Димка, невероятно поддержавший меня просто своим присутствием и шутками, а сейчас обратиться к нему я не могла. Да ему самому сейчас, наверное, плохо! Что я. Не понимаю, что такое эта самая неразделенная любовь?

Перед тем, как улечься в постель, я долго изучала себя в зеркале и думала-думала.

Почему я так поступила — замкнулась и прекратила бороться за Дэна? Потому что я испугалась. И думала, что если он выбрал другую девушку, значит, счастливее он будет с ней, а не со мною.

«С мертвыми не бывают счастливы» — назидательно сказал почтенный головастик с шикарной белой бородой.

«С мертвыми бывают счастливы только мертвые. А Денис Олегович пока еще здравствует на этом свете — вопреки всему», — поддержал его такой же пожилой и крайне сморщенный, как курага, коллега с седыми волосами и глубокими залысинами.

Я кивнула сама себе и вдруг в ярком электрическом свете увидела на голове первый в своей жизни седой волос. Однако, трогать его не стала. Откуда он у меня?

— Феерично. — Покачала я головой и обратилась к невидимому никому Дэну. — Смерчинский, до чего ты меня довел. Видишь? Еще чуть-чуть и я сойду с ума.

«Не позволю сойти тебе с ума, дурочка, — отозвался невидимый Дэн, застывший около моего окна, — иди спать, маленькая, ты так устала. Прости, что не могу накрыть тебя одеялом».

— Спокойной ночи.

«Приятных тебе снов. Даже если на утро ты не будешь помнить, я обязательно тебе приснюсь. Ты ведь моя малышка, и хотя бы во сне я обязан быть с тобою».

Вот же… Совсем я с ума сошла. Сама с собой разговариваю.

С этими мыслями я уснула, обняв подушку, и всю ночь мне казалось, что я обнимаю своего Дэна. Мне показалось, что меня кто-то поцеловал в висок.

— Добрый вечер. Ваш пригласительный? — с вежливой улыбкой спросил один из многочисленных представителей армии секьюрити, которые в тот вечер охранили ресторанный комплекс «Золотой лотос», в котором должен был состояться благотворительный вечер «Ночь жизни». Среди приглашенных были официальные лица, политики, бизнесмены, представители местного бомонда и культуры, поэтому надежная охрана была делом чести организаторов проекта.

— Да, конечно, вот, — Князева-старшая протянула небрежным жестом два пригласительных, отливающих на ярком электрическом свету золотом. Охранник внимательно изучил их, вновь улыбнулся и сказал почтительно:

— Прошу вас, дамы, проходите, пожалуйста. Приятного вам вечера.

Ольга и ее мама, которая на эти слова только царственно кивнула, прошли в холл трехэтажного роскошного комплекса, где их тут же встретили и вежливо препроводили за свой столик в огромный, ярко освещенный зал, где, собственно, и должен был проходить благотворительный вечер.

Девушка все-таки решила придти на благотворительный бал «Ночь жизни». Не потому что она хотела развлечься — для этого она отправилась бы, как и всегда, в хороший клуб или бы просто напилась (правда, сейчас ей этого совершенно не хотелось), и не потому что желала порадовать своим поступком маму. А просто потому, что Оля понимала: ей нужно что-то

делать, как-то двигаться, получать новые эмоции и впечатления — пусть даже самые мизерные, в общем, ей нужно не застывать ледяной шахматной фигурой на черно-белом клетчатом поле своих проблеме. Благотворительны бал — крохотный повод отвлечься от грустных мыслей хоть на несколько часов. Или хотя бы на час. Ведь не думать о плохом целый час — это отличный результат.

Плохое сейчас для девушки, прежде всего, было связано с Димой и с его решением. Ольга понимала, что он чувствует, и ее интуиция, которую светловолосая девушка никогда не признавала, подсказывала, что любимый парень мечется и не знает, что ему сейчас делать. И единственное, что может ему сейчас помочь — это время. Или, быть может, что-то необычное, резкое, что подтолкнут его к действиям. Ольга давала Чащину это время, и сама пыталась сделать так, чтобы все эти дни ожидания пролетели быстрее.

Князева оглядывалась по сторонам в поисках знакомых лиц. Людей вокруг было уже достаточно: все красивые, элегантные, ухоженные, с бокалами искрящегося шампанского в руках и с дорогими украшениями на шеях, пальцах, запястьях, в ушах. И добрые восемьдесят процентов этих украшений, к слову сказать, составляли бриллианты самых разных огранок, оттенков и карат.

В ушах у Ольги тоже были бриллианты — не слишком большие и вызывающие, как, к примеру, у ее матери, направо и налево посылающей слова приветствия и кивки, а по-девичьи скромные и очень милые. Раньше эти серьги принадлежали Инне — подарок родителей на шестнадцатилетние (Ольга тогда затребовала какую-то невообразимую фирменную сумочку). Вместе с серьгами Инне подарили точно такое же колечко, и оно было на ее указательном пальце в ту самую роковую поездку по морю. С этим кольцом она погибла, и с ним же ее и похоронили. А Ольга берегла серьги, считая, что раз одна часть целого комплекта у нее, а вторая — у сестренки, значит, между ними есть еще какая-то материальная связь. Надевала она их очень редко, всего лишь раза три-четыре за все эти годы, и каждый раз после того, как бриллиантики Инны оказывались в ее ушах, Ольга чувствовала, что ее близняшка где-то совсем близко — за какой-то невидимой гранью. Хоть она и считала себя атеистом, и ни в какую загробную жизнь не верила, но чувство это было вполне реальным. Да и сны потом ей снились странные — опять же о сестре. В таких снах Инна всегда утешала Олю и улыбалась ей. Но в конце сновидения ее всегда смывало гигантской волной лазурной волны, и Ольга дико пугалась. Сердце ее начинало биться точно так же, как и в ту проклятую невероятно звездную ночь, когда ей позвонили и сказали, что Инны больше нет в живых. Услышав это, Оля, которая уже около двух часов без остановки рыдала без причины (Петр, который был в это время рядом с ней и с которым она целовалась, думал, что она точно наглоталась экстази), упала без чувств.

От странного эффекта ношения серьг Ольге было и страшно, и прекрасно одновременно. По сестре она, как и говорила Маше, конечно же, дико скучала, но осознавать вновь и вновь, хоть и во сне, о том, что больше Инны рядом нет, и уже никогда не будет — не хотелось. Было очень больно.

— Задумалась? — отвлекла Ольгу от мыслей мать. — Кстати, дорогая, вечер устраивает Даниил Юрьевич. Где-то должен быть и Денис с родителями. Понимаешь, к чему я клоню.

— Прости, я же тебе миллион раз говорила, что не хочу и не могу с ним встречаться. — Спокойно отозвалась девушка. Да, мать раньше особенно очень хотела, чтобы ее единственная дочка связала себя узами брака с сыном ее подруги Леры. Иметь Смерчинских в родственниках — очень даже неплохо! Вернее, очень хорошо. Правда, Ольга активно сопротивлялась этому, и Князева-старшая сдалась, уже просто хотела, чтоб та нашла себе хорошего перспективного молодого человека. И, кажется, опять начала…

— Да я понимаю, Оля, — отозвалась женщина, поднося к губа бокал с шампанским. — Просто Денис может тебя познакомить с хорошими молодыми людьми из своего круга. Жаль, что тебе Петр Смерчинский не по душе.

— Какими, мам? — насмешливо спросила Ольга. — Микаэлем и Сашей?

— Только не с первым, — решительно воспротивилась ее мать. — Саша еще в далеком подростковом возрасте перешел все границы разумного. И куда только Ангелина и Павел смотрят? — Назвала она по имени родителей Черри и Ланде. — Кстати, вон и они. Так, я подойду к Ангелине, нужно поздороваться.

Ольга кивнула. Она сама уже увидела красивую и несколько импозантную Ангелину Борг — мать Ланде, которая была довольно известной и талантливой актрисой и примой городского драматического театра. На своего сына высокая, роскошная дама с россыпью медово-русых кудрей, выглядевшая лет на тридцать, не слишком была похожа. Микаэль, видимо, больше походил на своего норвежского отца. Он, кстати, на вечере не присутствовал. Зато около Ангелины стоял злой, как триста демонов, Черри. Он был одет в смокинг и белоснежную рубашку. Правда, бабочки на нем не было. Ольга невольно улыбнулась — черный смокинг, начищенные ботинки и зеленые волосы смотрели, мягко говоря, необычно. Черри, кажется, тоже это понимал. Он мрачно смотрел на своего статного отца-режиссера, в чьих темных волосах проскальзывало серебро седины, и который своей легкой хромотой всегда напоминал девушке самого Байрона. Павел Аскольдович ходил, заложив руки, перед сыном и что-то ему нудно говорил.

— Нотации читает, — почти злорадно сказала мама Ольги, тоже глядя на эту картину. — Ну-ну. Не помогут они его сыночку. Оля, я к ним. А ты присмотри себе тут молодого человека. Вон тот, например, в темно-сером костюме-тройке, тебе как? Твой ровесник, кажется. — И мать кивнула на стоявшего неподалеку парня с хорошей фигурой, длинными ногами и короткими светло-русыми волосами.

— У него очень одухотворенное лицо, — заговорщицки прошептала она дочери. Оля лениво посмотрела на парня и чуть не вскрикнула — это был ни кто иной, как Ник Кларский!

Девушка тут же отвернулась. Не дай Бог он ее увидит!

— Подумай. Он, кажется, одинок. — С этими словами мать ушла к Ангелине и Павлу, оставив дочь одну. Князева-старшая просто-напросто не узнала, элегантно одетого брата ее «любимого» клиента Андрея Марта. Лицо парня показалось ей знакомым, но женщина подумала, что видела его раньше на каких-нибудь светских тусовках, которые ей приходилось изредка посещать.

А Ольга тут же осторожно, настороженно оглядываясь на парня и боясь, как бы он повернулся и не заметил ее, отошла за колонну — чтобы Никита не видел ее. Какого черта он тут делает? Он же писал ей, что уехал. Следит за ней? Заподозрил что-то насчет Димы? Но как он узнал?

По позвоночнику девушки медленно, цепляясь друг за друга, поползли мурашки, но она почти тут же вспомнила, что, судя по расплывчатым рассказам Игоря, сегодня на «Вечере жизни» вроде бы будут брать Андрея Марта — старшего брата Ника. Игорь, рассказывая давней подруге обо всем этом, даже и не предполагал, что Князева знакома с братишкой Марта. Он случайно упомянул об этом, когда рассказывал о Смерче и обо всем, что с ним случилось, в то числе и об охране Маши Бурундуковой.

«Наверное, Ник встретиться тут с братом, — подумала отстраненно Ольга. — А мне что делать?

Прятаться, чтобы он меня не увидел?»

Раздумывая, она провела ладонью по шероховатой поверхности колонны. Подумать только, еще недавно за подобной колонной в Торговом центре прятались, как дети, Смерч и его Чип, следя за ней и Никитой, а теперь она сама занимается «слежкой». А это даже забавно — прятаться от кого-то, пусть даже и в одиночестве. Машинально потрогав прохладный камень в одной из бриллиантовых серьг, Ольга вновь осторожно выглянула из-за колоны. К ее огромному удивлению, которое быстро переросло в восхищение, к Нику подошла облаченная в черное маленькое платье девушка со светленьким прямым каре, которое раньше таскала Маша и сама Ольга, решившая ее копировать. Никита покровительственно взял ее под руку.

«Его сестра? — подумала Оля отрешенно, наблюдая за Кларским и его девушкой. — Тоже светловолосая. Но вроде бы они непохожи».

Никита тем временем доказал Ольге, что девушка в черном платье — вовсе и не его сестренка. Потому как совершил совершенно не братский поступок. Он наклонился к ней и неспешно поцеловал — просто коснулся губ губами — ничего особенного не делал, а после обнял за плечи, но Ольге хватило и этого. В ее голове ритмично застучали отбойные молоточки — вот она, удача! Она увидела Никиту Кларского с другой!! Он — с другой! Значит она, Оля, больше ему не нужна! И ей больше не стоит опасаться Ника, изобретать всевозможные способы расставания с ним, бояться, что он что-то сделает с ее любимым парнем — Димой. Все, этому конец! Кларский нашел другую жертву!

Конечно, ее женское самолюбие в какой-то степени потерпело крах — ведь Ник так часто говорил, что любит ее, отвешивал изящные комплементы, дарил подарки и вообще, делал для нее все, что она просила (даже не приставал ни разу все это время, потому как Ольга намекнула Никите, что не потерпит такого!). И, получается, врал. Но, с другой стороны, Оля чувствовала себя, как крестьянин древней Руси, узнавший, что зловредное Иго больше не будет собирать с него непосильную дань.

Решение проблемы само собой пришло в светловолосую голову — словно кто-то шепнул его прямо Ольге в уши. Она, выдохнув, вышла из-за колонны, моля весь свой актерский дар о том, чтобы он верно и правдиво сыграть ей очередную роль. Наверное, одну из самых главных в ее жизни.

Никита, не отпуская плеч девушки, продолжал стоять в том же месте. Изредка он поглядывал на часы, словно что-то ждал. Девушка в черном платье молчала и с немым восхищением осматривала все вокруг. Кажется, в подобном месте она была впервые.

«Прости, девочка, но я должна буду это сделать», — подумала Ольга, сочувствуя незнакомке. И что она нашла в этом бандите? Неужто влюбилась? Или сама такая же? Но как бы то ни было, Ольга решила до последнего бороться за свое счастье — счастье с Димой. А для этого ей нужно было избавиться от Никиты, которого девушка продолжала бояться.

«Проклятый Укроп», — думала Ника, ступая на высоченных шпильках следом за Никитой. Сегодня он одет был в строгий модный костюм-тройку и не походил внешне на тупого хама с бандитскими замашками. Напротив, он так преобразился, что казался интеллигентным симпатичным мальчиком с мажорскими замашками. Возможно, если бы Ника не знала истинное нутро Кларского, в этом элегантно-дорогом, но не кричащем обличие она приняла бы его за одного из лучших представителей сильного пола. По крайней мере, в радиусе пары километров. Но девушка прекрасно знала, что Никита собой представляет. Да, она до сих пор

соблюдала условия их контракта — притворялась его девушкой. Ника, правда, не совсем понимала, зачем Укропу понадобился этакий цирк, но пойти на попятную уже не могла. Ник бы не позволил этого сделать. Все-таки он был достаточно жестким мальчиком.

— Никит, можно чуть-чуть помедленнее? — взмолилась она, не поспевая за длинноногим парнем. Он, как и почти всегда, держал ее за руку. Чтобы точно было понятно, что они — пара.

— Одни проблемы, — процедил тот сквозь зубы, но шаг убавил.

Он в очередной раз заставил Нику пойти вместе с ним. Правда, не в клуб и не в очередной идиотский бар, а в крутой ресторан на вечер для богатеньких. Зачем им туда нужно было идти, и как Никита достал пригласительные на это торжество, Ника понятия не имела. Лишние вопросы она ему старалась не задавать. Девушка поняла, что рядом с этим мрачным светловолосым типом лучше всего молчать, как бы сложно это не было, и все, что она могла себе позволить — это шептать внутренним голосом посвященные Кларскому ехидства и проклятия, которые изредка складывались в ее голове в стихотворные формы. Например, в такие: «Наш Никитка злиться, чтоб тебя, тупица!» или такие: «Как с тобой я уже заканалась, чтоб тебе ведьма в герлы досталась». Иногда она строила в спину Нику злобные рожицы или показывала неприличные жесты — как тогда, когда высунулась в окно подъездного пролета. Однажды он едва не заметил один из таких характерных жестов, правда, Ника вовремя сделала вид, что чешет шею, и Никита, прищурено на нее посмотрев, отвернулся. Ей показалось, что его плечи дрогнули, словно он сдерживал смех, но девушка подумала, что Укроп, если бы реально увидел это, он бы ей вмазал, а не ржал бы.

А еще пару раз Ника, скуки ради, рисовала всякие миниатюрные и смешные шаржи, посвященные Никите. На плотных листах бумаги он выглядел то якобы саркастически ухмыляющимся бабуином с огромными бицепсами и трицепсами, на которых росли редкие длиннющие волосы, то скособоченным сморчком со впалыми щеками и поучительно поднятым верх указательным узловатым пальцем, то большемордым уродцем с кривыми ножками и густой россыпью прыщей всех цветов и размеров, на мощных плечах которого виднелись золотые купола. На удивление, в каждом таком миниатюрном рисунке Нике удавалось верно передать некоторые черты лица Никиты или его жесты. И рисуя очередного маленького Никиточку, Ника только злобно ухмылялась, припоминая тот или другой его плохой поступок.

Сегодня утром девушка, отдыхающая от учебы, но пребывающая в постоянно напряжении из-за странной связи с Кларским, сидела на полу в своей комнате и цветными мелками рисовала на плотном куске ватмана еще одного Никиту — в виде собаки-улыбайки с его лицом, старательно гадящей под шикарный зеленый куст роз. В последнее время этот дурень куда-то пропал, не звонил и не говорил командным голосом, куда они с ним пойдут в очередной раз, и девушка поймала себя на мысли, что ей чего-то не хватает. Вернее, кого-то. Наверное, именно поэтому Карлова и стала рисовать эту картинку. Дома никого не было — родители вновь уехали на дачу и обещались быть вечером.

Ника почти закончила рисовать последнюю розу на кусте, как затрезвонил ее мобильный телефон. Девушка тут же легко вскочила на ноги, думая, что это звонит ей ее давняя подруга, которая должна была пригласить Нику на шашлыки. К шашлыкам прилагалась хорошая компания, на одну треть состоящая из незнакомых Нике парней, которые, по словам подруги, были прикольными. Это действительно была подруга.

— Ник, мы за тобой подъедем к двум часам. Будь готова. — Сообщила она девушке. — Парни на двух тачках будут. Они у нас хорошие, все сами закупили, так что повеселимся. Тут один такой милый есть, он тебе точно понравиться!

— Да? Правда? — оживилась Ника, и с воодушевлением стала собираться на природу. Правда, нет-нет, она все же вспоминала о дяде Укропе, но все мысли о нем старательно отгоняла прочь.

В два часа она уже стояла около собственного подъезда, в коротких джинсовых шортах, ярко-оранжевом топике с вышитым на нем солнцем и белых кроссовках, а в четыре со смехом любовалась красотами местной природы с высокого берега, на котором ребята решили остановиться. Ника вдыхала запах жарящегося на костре мяса и смотрела на быструю, широкую и полную сил реку цвета перванш — казалось, ее серо-голубая вода впитала в себя едва заметный сиреневый оттенок неба. Изредка она переводила взгляд на высокие ели близлежащего леса или на домики дачного поселка, располагающегося на другом берегу в отдалении. Отсюда домики казались ей крохотными.

Девушке безумно здесь нравилось — чистый воздух заставлял ее забыть обо всех проблемах: больших и малых, и просто жить, наслаждаясь каждым вдохом и выдохом. К тому же один из парней: высокий, симпатичный, с милыми темными кудряшками и действительно милый и смешной — не то, что некоторые, явно положил на Нику глаз и не отходил от нее ни на шаг.

— Тебе тут нравиться? — Спросил ее новый знакомый. Ника ничего не успела ответить ему, потому как ей помешал сотовый.

— Да? — сказала Ника скучным голосом, поняв, что ей звонит его высочество Никита Укроп Наглый. Ага! Ему опять от нее что-то надо!

— Ой, подожди… брат звонит, — удивлено сказала светловолосая девушка и нажала на зеленую кнопку.

— Ты дома? — без приветствия спросил парень.

«На помойке», — подумала тут же девушка не без злорадства.

— Нет, — почти злорадно сказала Карлова.

— И где же?

— В лесу. — Ее взгляд упал на ели.

— Маньячить пошла? — поинтересовался парень и, не дожидаясь ее ответа, добавил. — Чтобы через час была дома. Я приеду за тобой, и мы поедем в одно место, где нам стоит показаться вместе. Усекла?

— Усечь-то я усекла, но я же сказала, что я не в городе. Я не смогу приехать, — терпеливо пояснила девушка, улыбаясь во весь рот.

Ник выругался, но тут же взял себя в руки.

— Ну и где ты, красотка? Я приеду за тобой.

— Не надо за мной приезжать, — запротестовала Карлова. — Я с друзьями на шашлыках.

— Шашлыков отведать захотелось? — поинтересовался Никита. — Быстро говори, где ты. Ну, где?

— Я не знаю, где я, — вдруг растерялась Ника.

mir-knigi.org

— Эй, Ника, — не вовремя встрял молодой человек. — Зайка, смотри, лодка…

— Кто это? — настороженно спросил Ник, услышав его голос.

«А тебе какое дело, обезьяна облезлая?», — подумала с удовольствием девушка, но вежливо ответила:

— Знакомый.

— Я же сказал, чтобы около тебя не было никаких знакомых, — вызверился Кларский неожиданно.

— Давай, я объясню, как сюда подъехать? — от всей души предложил кудрявый парень, в это время, думая, что Нике действительно звонит ее брат. Он, взяв телефон, обстоятельно объяснил злому Кларскому, где находиться их компания. Тот пообещал приехать через полчаса и бросил трубку, явно своим поведением озадачив молодого человека.

Авто Никиты затормозило около машин ребят в то самое время, когда Ника, думавшая, что Укроп никуда не приедет, ворковала с кудрявым молодым человеком и с предвкушением смотрела на почти готовый шашлык. То, что Кларский действительно приехал за ней, Нику почти что потрясло. Остальные парни и девушки тут же обернулись на остановившуюся около них недешевую машину, из которой вылез ее подтянутый водитель со светло-русыми волосами и в черных очках.

— Это кто? — удивилась одна из подруг Ники. А вторая вдруг засмеялась:

— Это же парень нашей Ники! Помнишь, мы их вместе видели?

— Точно!

Карлова только зубы плотнее сжала. Укроп приехал! Да чтоб его!

— Всем привет, — сообщил Кларский громко, нашел взглядом Нику, подошел к ней, почти ласково улыбнулся, по привычке схватил ее за руку и поволок к машине, не забыв обернуться и добавить. — И пока.

— Отпусти меня! — попробовала вырваться из его хватки девушка.

— Эй, — не выдержал обладатель кудрей, понявший, что Ник никакой не брат, — эй, брат, да опусти ты ее!

— Пошел ты… — послал Никита парня очень далеко. Тот поморщился, но спор продолжить не решился.

Ника вдруг подумала, что было бы круто, если бы из-за нее Ник подрался бы с кем-нибудь, но увы, этого не случилось.

— Ой, вы ведь нашей Ники друг? — встряли ее подружки.

— Ага, — кривовато улыбнулся Никита. — Друг. Забираю свою подругу ее к себе. Дорогая, пошли. Вы ведь не против?

Девушки захихикали — они против не были. А парни не вмешивались. Только кудрявый обиженно сказал:

mir-knigi.org

— А я думал, у тебя никого нет.

— Я у нее есть, — спокойно, но твердо произнес Ник, глядя на малиновые губы Ники. Странно, почему у нее такие губы? Пользуется какой-то особенно помадой что ли?

Через минуту молодые люди оказались в автомобиле.

— И зачем ты за мной приехал? — обижено спросила девушка, с тоской думая о шашлыке.

— Сегодня идем в ресторан. На благотворительный вечер. — Сказал, как отрезал парень, гоня по пустой трассе со скоростью сто восемьдесят. — Сейчас заедем к тебе, и ты выберешь подходящую одежду. Потом ко мне — за пригласительными.

— Но зачем?

— Все за тем же. Встретимся с моим братом. Для него ты по-прежнему, — тут Никита на пару секунд замолчал, — моя невеста.

«Всю жизнь хотела быть невестой такого мегагопника, как ты», — гневно фыркнула про себя девушка, но лишь согласно кивнула. Наверное, она все-таки мазохистка, но определенно соскучилась по этому гоблину. Его нарочитая грубоватость почему-то начинала Нике нравиться. После того, как Ника побывала у него дома, попробовав наркотический напиток, она как-то по-другому стала относиться к парню.

— На вечере веди себя хорошо. Помни, что ты леди, а не шалава. — Сказал Никита. И девушка тут же обозлилась. Его очарование вмиг рассеялось. Вообще он охренел? Укропа что, дядей Хреном теперь называть?

На самом деле Ник не хотел идти в это буржуйское лоснящееся внешним шиком место, в последнее время он был на нервах — слишком много проблем взвалилось на парня. Но сегодня нужно было встретиться с Андреем.

— Придешь со своей крошкой Никой. Пришла пора тебе посветиться в высшем обществе, олень, — сказал он Никите по телефону, — сегодня все наши проблемы разрешаться.

— Понял. Буду. А без нее можно?

— Можно, но не нужно. Хочу увидеться с невесткой, — отозвался старший брат. — И с тобой ради разнообразия. Для тебя есть дело, выполнишь. Пригласительные тебе привезут домой в восемь. В десять будь на месте. Проследи за прикидом. Чтобы было на уровне. Все понятно объясняю? В одиннадцать я тебя найду, пообщаемся, братишка.

Из-за этого разговора Никита нервничал еще больше, поэтому молчал — чтобы не сорваться окончательно на сидящей рядом с ним девчонке, изредка поглядывающей на него недовольными голубыми глазами.

Они приехали домой к Нике, но в квартире, по которой витал игривый аромат свежевыпеченных булочек, и парня, и девушку ожидал сюрприз — неожиданно вернувшиеся Карловы-старшие. Едва ничего не подозревающие Ники переступили порог ее квартиры, как в лоб парню чуть не попал старый стоптанный ботинок, выпавший из рук стоявшего на табуретке невысокого пухленького субъекта с бородкой и залысинами. Он явно пытался найти что-то на антресолях, но, кажется, его поиски были неудачными.

Только отменная реакция спасла опешившего Кларского от синяка или других повреждений лица.

— Упс, прошу прощения, — сказал мужнина, с пыхтением слезая с табуретки. В руках его был зажат второй ботинок — точный близнец того, что едва не ударил Никиту. Еще несколько пар разнокалиберной обуви и какие-то выпавшие сверху коробки в живописном порядке валялись на полу. Видимо, мужчина был очень «ловким».

— Папа?! — удивлено выкрикнула не ожидавшая увидеть отца дома Ника. — А вы разве не на даче должны быть?

— Должны. Но нам позвонили Орловы и позвали завтра на рыбалку. Теперь я ищу свой спиннинг, чтоб его. — Добродушно ответил мужчина. — Молодой человек, я вас там не покалечил? Я боевой малый, могу ударить и не заметить, — и папа Ники громогласно расхохотался. Он был ниже Ника головы на полторы и шире раза в два.

— Не покалечили, — отозвался Никита, взглядом спрашивая у девушки, кто это? Она, правда, и рта не успела раскрыть, как ее папа важно спросил:

— А вы рыбалку любите? Я вот очень. А друг мой, Иван Игнатьич Орлов — мы его графом Орловым зовем между собой — просто обожает. И меня приучил к ней.

И тут последовала целая история о том, кто такой Иван Игнатьич Орлов, с каких лет он увлекается таким интересным делом, как рыбалка, и почему рыбалка — самый лучший в мире отдых, как с точки зрения папы Ники, так и с точки зрения Орлова.

У Никиты в глазах застыло безмолвное изумление. Субъект с залысинами и бородкой болтал, как заводной, и даже умудрился заставить молодых людей разуться и пройти в гостиную. Когда же он решил выяснить, кого же, собственно, привела его дочка домой, из соседней комнаты к ним выплыла худая высокая женщина в очках.

— Вова, опять ты в коридоре устроил… Ой, Ника! — всплеснула руками она и ту же стала пристально изучать Никиту. — Это твой друг?

— Да, — пришлось сказать девушке. — Это… Никита. А это моя мама и папа. Ну, ты понял.

— Приятно познакомиться, — ответил Кларский, чувствуя себя не в своей тарелке. С родителями девчонки он знакомиться никак не планировал!

— И мне приятно. Ну-ка, улыбнитесь, — сказала вдруг Карлова-старшая парню.

— Зачем? — не понял тот.

— Давайте-давайте. Улыбнитесь. — Скомандовала вновь женщина, и ему пришлось раздвинуть губы в настороженному улыбке.

— Хорошие зубы, — вынесла она свой вердикт, — отличные, я бы сказала. И выглядишь очень здоровым мальчиком. Наверное, в детстве много кальция кушал?

— Ну-у-у, может быть. — Растерялся вдруг Никита.

— Мама! Не лезь к нему! — прикрикнула на мать Ника, а ему не без дрожи в голосе пояснила. — Мама — стоматолог.

mir-knigi.org

— И причем отличный стоматолог, — подмигнула хозяйка дома парню. — Так, Ника, бери своего Никиту, и идите в ванную мыть руки. Ужинать будем, — пояснила она парочке.

— Но, мам, мы спешим!

— Не уйдете из дома, пока не поедите, — отрезала та и добавила. — И с молодым человеком я хочу пообщаться. Никита, вы же не против?

— Конечно, он не против, Людочка, — встрял Никин папа. — И я не против, и Николетта. Посидим все вместе, вам историю про то, как мы карася с Орловым ловили, расскажу…

— Уймись ты уже со своей рыбалкой и со своим Орловым, — повелительно махнула в сторону супруга женщина. — Дети, я вас жду на кухне.

Никита, которого «дитем» называли в последний раз очень давно, только бровь поднял, а Ника едва не прыснула. Им пришлось идти в ванную и мыть руки, а потом еще час или больше сидеть на кухне, за уютным квадратным столиком, скоро накрытым Карловой-старшей на 4 персоны. Мать девушки, Людмила Григорьевна, словно знала, что к ним придет гость, и после того, как приехала с дачи, приготовила обильный ужин. Она много болтала, поучала своего мужа-растяпу, обо все расспрашивала Никиту (узнала, что у него нет родителей и долго охала, вполне искренне переживая за парня), ругалась на Нику за то, что она не убралась в своей комнате, умудрялась болтать по телефону, бегать от плиты к столу, всем всего подкладывать в тарелки и подливать в высокие хрустальные бокалы с красно-оранжевой каемочкой посредине.

Никита наблюдал за ней, как замученное тоской животное за посетительницей, принесший ему совершенно бескорыстно кучу сладостей. Он был молчалив и вежлив и показался Карловым «приличным мальчиком». Ника, которая поначалу злилась, теперь глядела на парня и хотела смеяться.

Василий Егорович затянул какую-то крайне мутную, затянутую, понятную и кажущуюся веселой ему одному историю о ловле судака и очередных невероятных похождения рыбака Орлова. Его жена только головой качала, а Ника лениво ковырялась в своей тарелке вилкой. А Никита обводил взглядом светло-розовую кухню. Ему не слишком часто доводилось бывать в нормальных квартирах с нормальными семьями и — как бы странно это не звучало — нормальными кухнями. Исключением, наверное, был только дом Димки Чащина.

А здесь вкусно пахло домашней едой, на стене тикали часы с кукушкой — таких Ник еще никогда не видел, а в открытой деревянной хлебнице лежал белый свежий хлеб. Простые вещи, знакомые каждому с детства, казались Кларскому необычными. А еще странным было то, что Ника отлично вписывалась в этот интерьер.

— И с тобой мы тоже обязательно съездим на судака, Никита. Тебе понравиться! — закончил, наконец, свою непонятную и крайне запутанную историю со множеством главных и второстепенных действующих лиц Владимир Артемович. Его супруга в который раз покачала головой и принесла сладкое — только что выпеченные ею самой булочки с маком и корицей.

Никита пил горячий чай с молоком, слушал спор родителей Ники и с тоской поглядел на часы. Стрелки медленно двигались вперед — время никогда не останавливало свой ход в те моменты, которые вдруг становились Никите важными или приятными. Куда охотнее время останавливалось тогда, когда ему было плохо.

Время все же поджимало. Они с Никой должны были уже ехать к нему — за пригласительными. Понимая, что никуда уезжать ему не хочется, Никки осторожно опустил

руку под стол и коснулся колена девушки. Она тут же одернула ногу, машинально ударила парня по руке, и только потом до нее дошло, чего он от нее хотел — наверное, по его гневному взгляду. Парень не совершенно ожидал, что Карлова треснет его по руке.

— Мама, мы с Никитой должны уехать, — ловя на себе предупреждающий взгляд Ника, произнесла девушка. — Спасибо за ужин! Я сейчас переоденусь, и мы уедем.

— Куда это? — насторожилась ее мать.

— В ресторан, — сказал Никита, улыбнувшись. — Отпустите Нику со мной?

— Даже если я ее не отпущу, она все равно сбежит, — пожала плечами Людмила Григорьевна. — Ника наша однажды в 14 лет из окна вылезла и убежала на какой-то концерт. Мы, правда, тогда на первом этаже жили. Дочка, если вы торопитесь, иди уже переодеваться, копуша.

Ника выдохнула, увидев улыбочку Никиты, но, ничего не сказав, убежала переодеваться, а ее родители еще минут двадцать вдвоем терроризировали парня вопросами и историями — преимущественно, о детстве Ники.

— Опять она собираться будет три года, — видя, что дочери все еще нет, а Ник уже в который раз смотрит на часы, покачала головой женщина. — Никит, поторопи ее.

— А вы не боитесь отпускать Нику со мной? — вдруг спросил он.

— У тебя зубы хорошие, — рассмеялась она. — Нет. А на самом деле, у меня прекрасная интуиция. Ты мне сразу показался надежным, Никита. К тому же если Николетта выбрала тебя, значит, она сделала это не зря.

— Я сам ее выбрал, — зачем-то сказал парень, и вновь начавший болтать Карлов-старший проводил его к комнате дочери.

— Дочка, мы к тебе! — постучался он в дверь. И, лишь услышав ее приглушенное «входите», открыл дверь перед Никитой, после чего удалился обратно к супруге и булочкам.

— Ты все? — вошел в ее комнату парень.

— Все. — Захватила по дороге с собой новенький клатч девушка. Он очень шел к ее черному милому платью.

— Что это? — поднял с пола давешний рисунок парень, с интересом изучая розовый куст и пакостящую под него собаку-улыбайку с человеческими голубыми глазами. Ника испугалась — узнает же на них себя! Девушка быстрым движением вырвала у Ника из руки рисунок и спрятала в ящике стола.

— Все, пошли, — сказала она нервно. — Прости, что родители отвлекли.

— Прощу. — Он последовал за девушкой, успевшей за то время собраться и накраситься.

В прихожей, освещенной неярким электрическим светом, Ник поймал себя на мысли, что Карлова — хорошенькая, особенно в своем черном коротком платье и на высоких каблуках.

Либеральные родители Ники, вышедшие провожать дочь и ее друга, увидев взгляд Ника только переглянулись и захихикали. А напоследок неугомонный Карлов-старший сказал весело —

когда уже закрывал дверь за гостем и дочерью:

— Никита! Вы помните, я еще не готов стать дедушкой!

От такой перспективы Ник едва заметно побледнел, но нашел в себе силы дерзко сказать:

— Я очень постараюсь. До свидания! Было очень приятно с вами пообщаться.

— У вас всегда так? — спросил ее молчащую и переваривающую все произошедшее Нику уже в машине, по дороге в его квартиру.

— Как?

— Неважно. Еще раз напомню: веди себя достойно. — С слегка нервно Ник, вспоминая Ольгу. Ему стало интересно: а у нее дома какая кухня?

Приглашения он успешно взял у человека брата — тот вместе с ними принес и две небольшие коробки, обитые бархатом. В одной из них лежали часы из белого золота известной во всем мире марки — для Никиты, а в другой — изящное колье с бриллиантами под стать часам — для Ники. Март позаботился о том, чтобы его брат выглядел соответствующе.

На благотворительном вечере таких масштабов девушка никогда не была, поэтому с любопытством непосредственного ребенка крутила головой. То, что на ее шее кожу холодило дорогое красивое колье, ее сначала пугало, а сейчас смущало.

— Богатых парней высматриваешь? — спросил Никита, видя любопытство в ее глазах.

— Ага. Миллионеров. Слушай, а я тебе нравлюсь? — вдруг спросила Ника ни с того, ни с сего. Просто увидела в зеркале напротив свое и его отражение, и поняла, что с они похожи на влюбленную парочку.

— Безумно. — Отозвался парень. — Поедем после этого чертова вечера ко мне, и я покажу тебе всю степень своей страсти.

«Дурак», — хмыкнула она про себя, подумав — и тут же испугавшись этой мысли, — что у Ника отличная фигура и, наверное, к его плечу тепло прижиматься ночью, лежа с этим парнем в одной постели под одним одеялом.

— Спасибо. Не надо. Никита? — позвала она его через полминуты молчания.

— Что?

— А почему тогда, когда я наглоталась этого идиотского наркотического коктейля и приставала к тебе, ты ничего не сделал со мной? — поинтересовалась она тихо. Этот вопрос ее очень мучил.

— Потому что ты страшная.

— Что-о-о? — вскрикнула девушка тут же. Ее разозленный вид позабавил Ника, и он впервые за несколько дней искренне улыбнулся. — Потому что я нормальный мужик, а не извращенец.

— Да большая половина, как ты сказал, нормальных мужиков, не долго думала бы, что делать! — возразила Ника с жаром.

— Значит, я отношусь к их меньшей половине. — Отозвался Никита. Девушка облизала малиновые губы, пересохшие от того, что Ник находился рядом, он увидел это, и ему тут же вздумалось поцеловать их. Наверное, он зря сделал это, и сколько бы потом Ник не рефлексировал по этому поводу, он все больше и больше понимал, что то, что он натворил, было угодно самой Судьбе. В нее молодой человек не переставал верить несмотря ни на что. Наверное, ему и Ольге было не суждено быть вместе. Иначе, почему та, которую он любил, считал ангелом и защищал даже от собственного брата, так внезапно появилась в этом месте?

Никита, ни слова не говоря, коснулся малиновых губ своей лже-подруги, думая, что если бы сейчас она начала приставать к нему, как в тот вечер и ту ночь, он бы не удержался. Ника вздохнула, приказывая себе стоять на месте и не двигаться: ни отталкивать парня, ни льнуть. Ей показалось, что ее персональный мучитель расстроен, и девушке стало жалко Никиту. Дядя Укроп хоть и мерзкий дурак, но все равно вроде бы как человек, и жить ему, кажется, ой, как не просто. Она не заметила, как в порыве чувств все же погладила парня по ладони. А он вновь едва заметно улыбнулся, отошел на пару шагов и взял у официанта два высоких бокала с шампанским, один из которых залпом высушил. Зато Нике велел пить мелкими глоточками. Она, естественно, недовольно фыркнула про себя, но ослушаться не решилась.

Теперь они не касались друг друга, а просто стояли рядом и думали каждый о своем. Карлова все никак не могла понять, как она ввязалась в эту историю, а Кларский размышлял о том, когда ему удастся встретиться с братом. Сейчас Андрей скрывался, но пребывал в приподнятом настроении и говорил, что у него все под контролем. А еще был уверен, что сегодняшний вечер поможет решить кое-какие проблемы, чтобы менты оставили его и Пристанскую братву в покое.

— Главное — деньги, — говорил как-то недавно Март Никите, покровительственно хлопая того по щеке. Иногда он любил пофилософствовать. — Деньги решают все, мой маленький глупый братик. Любые проблемы. Менты — это те же люди. И им тоже нужны деньги. Чем больше у тебя проблемы, тем больше денег им надо. Если мент не берет денег, это значит только одно — ты мало ему предлагаешь. Удвой ставку. Утрой при необходимости. И он исполнит твое желание. Отец нашей девочки Маши не устоял перед определенной суммой. И молодец, что не устоял.

— Почему же? — спросил тогда, внутренне напрягшись, Никита.

— Потому что запомни еще одну вещь, — отозвался брат. — Главнее денег может быть только… Что?

— Деньги? — спросил вяло Ник и тут же получил затрещину от брата. Тот не рассчитал силу, и Никита едва не упал, чем неимоверно рассмешил Андрея — он даже небрежно потрепал младшего брата по волосам.

— Деньги сильнее денег? — весело переспросил молодой мужчина. — Молодец. Умен-умен. Учеба в университете не прошла даром. Дурак. Это же самое, что и олень тупее оленя. Я всегда говорил — развивай в себе логику, малыш. Запоминай. Главнее денег — боль.

— В смысле?

— Кнут и пряник. — Коротко отвечал Март, потирая идеально выбритый подбородок. — Пряник — деньги. Кнут — боль. Только этими двумя способами возможно управлять человеком. Если не действует одно — подействует другое. Если бы господин Бурундуков не согласился бы на мои условия, ты бы похитил его драгоценную дочурку. Не зря же я заставлял тебя ее

обхаживать, олень. — Андрей расхохотался. — Узнай наш мент, что я хочу сделать с девочкой, тут же бы на все согласился.

— А почему ты не сделал этого раньше? — тихо спросил Никита, спрашивая у самого себя, смог бы выполнить этот приказ брата или нет? Он отлично понимал, что Март или его братки могли бы сделать.

— Это сопряжено с рядом трудностей. — Пожал плечами, на которых виднелись тюремные наколки, Март. — Похищение человечка, знаешь ли — не шутка. Деньгами договориться проще. С ментами «кнут» использовать надо редко, но метко. Они все повязаны, и это может быть чревато, если все точно не рассчитать. А вот с теми, кто тебе подчиняется или считается друзьями, лучше использовать «кнут».

— А со мной ты что используешь? — процедил сквозь зубы Никита.

— С тобой? — широкие изломанные брови Марта еще больше изогнулись из-за улыбки, и из-за нее же около глаз появились веселые морщинки-полоски, не слишком вяжущиеся с жесткой складкой, идущей от крыльев носа к кончикам сухих тонких губ. — Ты олень. Что с тобой использовать? Кстати, как экзамены, дружок? Ты у нас все еще отличник сессионного труда?

— Я перенес часть сессии на осень, — отозвался тихо Никита. Из-за всех проблем, окруживших его и его брата, учиться он не мог чисто физически. Хотя вообще учеба ему нравилась. Очень. Как и университет. Если бы он мог, после окончания поступил бы в аспирантуру. В университете ему хорошо удавалось играть роль «хорошего парня». А вот в школе у него не получалось скрывать, кто он на самом деле. Все и все про него знали. В начальной школе на нем было клеймо «мальчик без мамы», и с тех пор Никита ненавидел, когда его жалели — почти так же сильно, как и ту, которая посмела бросить его и оставить с отцом.

В средней клеймо стало другим — «сын уголовника». Тогда было очень весело. Нет, старшие, учителя, например, его не обижали, скорее, жалели, а вот некоторые ровесники решили, что неплохо бы, если Кларский станет мальчиком для битья. И тогда он начал учиться драться. Сам, закаляясь в уличных боях, не бегая по секциям бокса или дзюдо, как его более благополучные одноклассники, правда, делали они это скорее для того, чтобы прихвастнуть при случае, чем они занимаются и где. Ник же учился драться на совесть. Чтобы просто жить. Да и характер у внешне спокойного милого мальчика закалился. Даже если в бою соперник был в три раза сильнее его, Никита никогда не сдавался. Несколько раз было так, что его избивали так сильно, что все лицо у него было в крови, и дышать почти было невозможно от боли, а он вновь поднимался на ноги — из последних сил. О том, кто его брат и отец, он не говорил никому. После таких драк он умудрился попасть в одну из «гоп-компаний» и постоянно ходил на модные тогда стрелки со стенкой на стенку.

В старшей школе Кларский стал «плохим мальчиком», и с ним боялись связываться. К тому же «вовремя» откинулся с зоны Март и взял Ника под свою опеку. В это же время умерли воспитывающие парня бабушка и дед. Сначала дед — его сбил на машине какой-то недоумок, которого отпустили под подписку о невыезде, и обозлившийся Андрей не нашел ничего лучше, как свершить правосудие — он так избил горе-водителя, что тот оказался в реанимации. Андрея снова посадили. Правда, ненадолго — уже через два года он умудрился выйти на свободу и продолжил «дело отца». Как ни странно, у него это отлично получилось, и ОПГ Пристанских буквально возродилось, набирая в свои ряды отличных бойцов с улиц. Таких же, как и Никита. Дед к тому времени уже умер — не выдержал разлуки с бабушкой. Март, непонятно откуда научившийся читать традиции, до сих пор посещал их могилы, правда, редко, но все же не забывал о родственниках. И брата заставлял это делать, правда, в своей

странновато-сумасшедшей манере. У него ведь действительно были некоторые психические отклонения. Наверное, в этом было виновато детство Марта. Его мать умерла, когда ему было 14, его взяли к себе дед с бабушкой, и уже через год Андрей попал в колонию для несовершеннолетних. Вроде бы как ранил ножом мальчика из класса в драке. Дед с горечью сто раз говорил еще маленькому Нику, что Андрей виноват в этом не был, что с ножом приходил другой паренек — богатый одноклассник Андрея, привыкший ко вседозволенности, и что его родители подкупили следователя, чтобы тот отмазал их сыночка. Как было на самом деле, Ник не знал. Но когда его брат вернулся домой — уже совершенно другой, с такими вот уже волчьими глазами, он отомстил за себя тому самому богатому парню, со временем ставшим гламурной моделью. А что может быть страшнее для истинной модели, чем потерять красоту своего лица и красивую походку?

А еще дед братьев подозревал, что во многом была виновата травма головы, полученная Андреем лет в 13, тогда, когда он решил помочь выбраться из огня двум совсем маленьким девочкам-соседкам.

Голова этого человека была устроена, мягко сказать, очень необычно, и Никита не знал, в чем кроется первопричина тех или иных поступков Андрея.

— Перенес на осень. — Повторил Никита, нахмурившись, так как брат замолчал.

— Что? — мягко, как мамочка трехлетнего сына, переспросил Андрей, вставая со своего места — книга Ирвина Уэлша упала с его колен. — Что-что? Ты решил бросить университет, олень? Охренел?

Никита тут же узнал знакомый блеск в глазах Андрея и инстинктивно приготовился закрывать голову. На самом деле он зря это делал. Его брат знал, как надо бить, чтобы не повредить кости или внутренние органы и чтобы от его кулаков почти не оставалось следов.

Никита не проронил ни звука, чувствуя боль в теле.

Правда, через минуту Март остыл — в его «покои» двое молчаливых охранников привели тоненькую девушку с огненно-рыжыми длинными волосами, и она, увидев то, чем занимается Андрей, вскрикнула. Тот как будто пришел в себя, втянул тонкими ноздрями воздух, успокаиваясь, помог сцепившему зубы Никите подняться на ноги и улыбнулся свое гостье.

— Испугалась? — ласково спросил он у рыжеволосой девушки. — Прости. Олень, проваливай, — велел он Никите. — У меня гости. Кстати, запомни ее.

— Зачем? — мрачно спросил парень, ощущая тупую боль едва ли не во всем теле.

— Повежливее, хамло. — Сдвинул брови вместе Март. — Просто запомни. Ее зовут Настя. — И он обратился к глядевшей на него несколько испуганно девушке. — А этой мой брат. Никита. Когда он молчит, он мил. Все, олень, иди. Делай, что я сказал. И если осенью ты не сдашь экзамены, твоим новым погонялом будет Фарш.

Кларский-младший только кивнул и вышел из комнаты. Девушку ему откровенно было жаль. Кажется, это была та самая девчонка из адвокатской конторы. Март все же нашел ее. Жаль, она выглядит очень мило.

Все-таки он не был таким плохим, каким казался. Иногда ему хотелось быть лучше. И это было его главное отличие от Петра. Тому нравилось развлекаться и играть иногда роль хорошего мальчика, а Нику нужно было играть роль плохого, хотя он отчаянно пытался вырваться из

mir-knigi.org

«черного» мира. А Петр Смерчинский хотел попасть туда из «белого» — из-за желания доказать деду, что он — лучше.

Актеры собственного театра…

Когда Никита оказался дома и просто отлеживался на своем диване, игнорируя тупое бормотание телевизора и обдумывая слова Андрея, он отчетливо понял, что Машу Бурундукову на растерзание к брату точно не повел бы. Да и вообще любую девушку — со своим «кнутом» тот явно перегнул палку. Впрочем, Ник давно уже знал, что его старший брат — чокнутый. Он умный и расчетливый, но иногда жестокость перемыкает в нем все его прочие качества. Напрочь, беспощадно. Кстати говоря, как бы не было это парадоксально, именно из-за этой жестокости брата Никита нашел людей, чтобы те хорошенько избили Смерча. Не до смерти, конечно, а так, чтобы тому пришлось отлеживаться. Первой причиной была, конечно, злость и желание отомстить зазнавшемуся клоуну. Но второй и главной причиной было нечто иное. Узнав, что у Ника не получается сделать так, чтобы Маша Бурундукова начала контактировать с ним, забыв своего парня, Март разозлился. А после того, как младший брат сказал ему, что девчонка очень уж сильно любит другого и никто ей больше не нужен, Март заявил Никите, что в таком случае проще устранить его «соперника», раз девчонка его так любит. Мол, река в свои воды принимает всех и вся. Любитель психологических игр, он сказал Нику, что в случае потери своего так называемого любимого, дочка мента явно будет нуждаться в утешении. И тогда придет и звездный час Кларского. Он станет жилеткой для горюющей девушки, и ее можно будет контролировать. А через нее — и ее папочку. Никита обдумал слова брата и решил одним ударом убить двух зайцев — отомстить Смерчу за Ольгу и на какое-то время просто убрать из игры — положить в больничку, чтобы тот не светился перед братом. Если ему стукнет в голову, он ведь действительно может устранить Дэна. Правда, потом Март узнал, что Дэн — внук его будущего компаньона, Даниила Юрьевича Смерчинского, и решил, что трогать его себе дороже…

Никита тряхнул головой, отгоняя невеселые воспоминания, и словно по-новому оглядел залитый электричеством зал ресторана, незнакомых, в большинстве своем чопорных людей и Нику, косившуюся на всех них с некоторым подозрением. Девушка явно не понимала, что они тут делают, но молчала.

— Доброго вечера! — внезапно раздался веселый хамоватый голос, и воспоминания Ника улетели вовсе. — Девушка, вы свободны?

— Что? — не поняла Ника, откуда около них взялся, мягко говоря, странноватый тип в смокинге, в ушах и на задорном лице которого виднелись проколы, а волосы были выкрашены в яркий зеленый цвет.

Зеленоволосый хрипловато рассмеялся, поедая девушку взглядом.

— Вы такая очаровательная, что я не могу оторвать от вас взора. Давайте знакомиться. Я — Александр. Назван так в честь Александра Македонского. А он крутой тип, между прочим.

— Э-э-э, правда? — спросила удивленная Карлова. Такие молодые люди с ней еще не знакомились.

— Так вы свободны? — парень быстро перевел темно-карие живые глаза на недовольного Никиту, — или этот человек — ваш спутник и вы заняты им?

— Да, это мой спутник, — кивнула Ника. — И я… это… занята.

— М-м-м, какая печаль. А я так хотел познакомиться с вами. — Заухмылялся Черри — а это был именно он.

— Господин Ходячая Хохма, — слегка угрожающе сказал собственник Никита, чуть загораживая собою свою спутницу. — Это моя девушка. Можете шагать дальше.

— Вот же… Не повезло. Опять красивая девушка занята, — покорно поднял руки вверх Черри и, глумливо попрощавшись, смылся прочь. Он делал все, как просила его малышка Князева. Она была подругой его детства и почти что первой любовью, поэтому отказывать Ольге Саша не стал.

Сама она появилась довольно быстро, как только убрался Черри.

— Опять строишь глазки всем подряд? — как-то ревниво спросил Кларский девушку. Ответить возмущенная от такого заявления Ника не успела. Только она открыла рот, как ее перебили.

— Вот как? Девушка, значит? — раздался за спиной Никиты звенящий февральским холодом знакомый голос. Он вздрогнул от неожиданности и тут же убрал свою руку от Ники. Потому что позади него стояла Ольга. Молодой человек медленно к ней повернулся. Оля, коротко-коротко подстриженная, бледная, но с горящим глазами, полными слез, смотрела на него с едва сдерживаемой яростью.

— Ольга? — сглотнул парень. Его нелегко было потрясти, но Князевой удалось это сделать. — А ты… Что ты здесь делаешь? Ты подстриглась? Зачем?

— Затем, Никита. Затем. Нашел мне замену? — холодно переспросила его девушка. — Молодец. А я-то думала, что ты и впрямь уехал. Скучала. Плакала. Посылала смски.

— Оля, ты… — Ник замолчал, понимая, что все это выглядит глупо. Как ему сейчас оправдываться?

— Никит, это кто? — спросила в недоумении и Ника, а парень только мельком глянул на Карлову, явно приказывая ей молчать, но вслух ничего не сказал.

— Уже никто, — улыбнулась Ольга второй девушке, невольно сравнивая себя и ее. Победила, естественно, она сама. — Его бывшая девушка.

— Оля, — проговорил тихо, но с чувством молодой человек. — Ты не так поняла.

— А что тут непонятного? — закричала она внезапно. — Я все видела. Все! Сначала ты ее обнимаешь, потом целуешь, затем называешь своей девушкой! Сволочь! Ненавижу тебя. Все, дорогой. Прощай. Я не терплю измен.

Девушка вырвала из руки обалдевшей Ники бокал с недопитым шампанским и плеснула в лицо Никите.

— Эй, ты чего? — испугалась Ника, что за такой поступок тот сейчас ударит наглую девчонку, но парень оставался стоять неподвижно, и даже глаза свои не поднимал на ту, что назвалась его бывшей. По его неподвижному лицу стекали сладкие капли, и Ника с неожиданной болью подумала, что они похожи на слезы.

Люди вокруг зашептались, увидев эту сценку. Но Кларскому, казалось, было все равно.

— А я тебе верила, — бросила на прощание Ольга и, громко цокая каблуками, удалилась прочь. Никита некоторое время просто не мог заставить себя посмотреть ей вслед — он потерянно глядел в мраморный пол. А когда смог все-таки смог поднять глаза на удаляющуюся спину свою любимой, то окрикнул ее хриплым от едва заметного волнения голосом.

— Оля! Стой.

Она сделала милость и обернулась, дернула плечом, перевела взор на Нику, скромно стоящую в сторонке, а потом так уничтожающе посмотрела на парня, словно он действительно изменял ей. Изменял, а не защищал!

— А я тебе верила, — просто сказала она.

После девушка отвернулась и почти побежала к выходу.

Последнее, что видел Никита — большие голубые глаза его бывшего уже ангела, которые казались светлее обычного из-за застилающих их слез. На миг парню показалось, что губы девушки дрогнули в улыбке, но он понял, что ему померещилось — на самом деле она просто пыталась не разрыдаться. Никита почувствовал себя последним подонком. А потом в нем что-то начало ломаться. Правда одновременно с этим в нем росло и еще одно чувство. Похожее на трещину в скале, которая постепенно все увеличивалась и увеличивалась в размерах. Это была слабая ярость, приправленная щепотками искреннего недоумения и острой обиды. Нет, даже не обиды — оскорбления. Как она смеет так себя вести? Да она знает, что ему пришлось сделать, чтобы защитить? И какого… тогда?

Никита сжал челюсти так, что в деснах появилась легкая давящая боль.

Почему Ольга так поступила? Разве он раньше давал ей повод сомневаться в нем? Да он все для нее делал, Nзапрещено цензуройN! Ее сложно было просто выслушать его? Просто выслушать, а не истерить. Истерить должны такие девочки-принцессски, как Карлова, а она-то стоит спокойно!

— Что это было? — спросила Ника, не совсем въезжая в ситуацию. Поняла только, что эта Оля вроде бы как и есть та самая любимая герла Укропа. Девушка не то, чтобы ей не понравилась, скорее, насторожила своим поведением. Интуиция Карловой нашептывала ей, что что-то в девице с мальчишеской стрижкой не так. — Слушай, очнись, а?

— Молчи, — приказал ей Ник злым голосом, провожая взглядом Ольгину фигуру, облаченную в серебристое платье без бретелек. Ее выходки он терпел! Даже пьяную домой утаскивал! И ни слова не сказал против! И какого она подстриглась, как девчонка из бедного приюта?

— Но…

— Я сказал тебе — заткнись. Заткнись и веди себя так, как будто тебя нет. — Его накопившаяся злость-усталость стала выливаться на ни в чем неповинную девушку. Та от обиды пару раз прокляла умника про себя, но смолчала. Уже выучила, что когда у Ника такой взгляд — лучше всего молчать. А еще лучше — отойти куда-нибудь в сторонку, пусть беситься сам с собой, козлоногий скорпион.

Никита еще минуты две или три стоял просто так. Сам он не двигался, менялись только его глаза. Когда в них появились упрямство и жесткость, он как-то резко пришел в себя.

— Быстро за мной. — Он больно схватил Нику за руку и потащил за собой. Ему вдруг пришло в

голову, что ему необходимо поговорить с Ольгой и попытаться все ей объяснить. И… черт возьми! Да какого она не дала ему объясниться?

И эта сумасшедшая Ника в придачу рядом. Только тормозит его, идиотка. Никита, не контролируя свою силу, еще больнее сжал запястье девушки, и она чуть слышно вскрикнула.

— Больно!

— Потерпишь.

— Мне больно! Отпусти!

— Я же сказал, заткнись, — рявкнул на нее Никита. Он почти выбежал из ресторана, в котором вот-вот должно было состояться открытие благотворительного вечера — уже заиграл оркестр. Парень огляделся по сторонам внимательными глазами, ища Ольгу, и, все так же таща за собой вяло сопротивляющуюся Нику, быстро направился к стоянке.

Добравшись до нее, в метрах тридцати от себя он увидел Ольгу. Она как раз садилась в такси — мелькнул кусочек ее серебряного платья, дверь авто хлопнула, и светло-желтая «Хонда Фит» тут же газанула вперед.

Никита не растерялся, подбежал к машине, на которой приехал (благо, припаркована она была неподалеку), молниеносно вытащил брелок от сигнализации, нажал на кнопку и залез на водительское сидение.

— Назад, — кивнул он Нике.

— Может, я не поеду? — жалобно сказала она, теребя черный клатч в руках. Запястье той руки, за которую ее схватил Никита, болело.

— Может, ты все-таки закроешь свой очаровательный ротик? Назад. И молчи. Ника, сядь назад.

Карлова послушно села назад, и Ник, забыв пристегнуться, погнал вперед за «Хондой», в которой ехала его Ольга. По дороге он молчал, все так же крепко сжимая зубы, и произнес только пару слов — и то, только тогда, когда ему позвонил брат.

— Оле-е-ень, — протянул он веселым голосом, — ты где, олененок?

— Скоро буду. — Сквозь зубы выдал всего лишь два слова парень. И их хватило, чтобы разозлить Марта.

— Ты, — проговорил он, едва сдерживая ярость — не иначе рядом с ним кто-то находился. — Ты что удумал? Я же тебе сказал — будь на вечере. Я хочу тебя увидеть.

— Я сказал же, что скоро буду, — ответил вполне уже спокойно Ник. — У меня проблемки.

— Если не появишься в течение получаса, тебе будет плохо. — Точно таким же спокойным голосом предупредил Андрей. Интонации в его голосе менялись почти мгновенно, как и настроение. — И я не шучу.

— Я появлюсь.

— Никита. — Вдруг совершенно обыденным голосом сказал его брат. — Это типа светское

общество. Высшее звено сегодняшней социальной эволюции. Ты ведь не хочешь оставаться приматом до конца своих дней? Давай, поднимайся с низшей ступни на высшую. Ты должен светиться на таких тусовках. Это такая же необходимость, как и твое образование.

— А ты на какой ступени?

— А я вообще не человек, — рассмеялся в ответ Март действительно каким-то волчьим смехом, в котором, однако, скользнула печаль. — Полчаса, щенок. Полчаса — и ты должен быть здесь. Представлю тебя людям. В дальнейшем ты будешь возглавлять наш официальный бизнес, — вновь его голос стал человеческим — таким, каким и должен быть голос старшего брата, пекущегося о младшем.

— В смысле? — коротко спросил Ник. Все его мысли были заняты только Ольгой.

— Отец сдох на зоне. А из тебя я все-таки сделаю человека, олень. Чтобы ты сдох от старости в окружении заботливых родственников на пуховой перинке. Жду. — И Март положил трубку.

Никита отбросил мобильник на второе переднее кресло, не отрывая взгляда от дороги. «Хонда Фит» неслась по знакомому пути прямо к дому Ольги. Брат порядком удивил молодого человека. Что опять щелкнуло в его ненормально башке? Какой затвор? Ладно, об этом обо всем они поговорят после.

Ника, которой был слышен не только голос Кларского, но и Андрея, тоже слегка прифигела, но опять промолчала.

«Укропный чел, как ты меня достал. Ненормальный, — с тоской подумала она. — Хотя немудрено, что ты стал таким — с братцем-психом другим и не станешь».

Она злым взглядом уставилась на его плечи — Нике тут же захотелось положить на них голову, а потом пустить в эти самые плечи пару пуль. Рука ее продолжала саднить, а гнев смешался с усталостью.

«Вот же ты тварь, — вновь подумала девушка. — Задрал! Хватит меня мучать!»

Никита словно почувствовал, что Ника прожигает в нем дыру взглядом и развернулся к ней. Их злые взгляды встретились: голубые глаза против серых. Первой не выдержала и отвернулась Ника — взгляд Никиты был уж очень тяжелым, как у гипнотизера.

Светло-желтое такси с Ольгой в салоне подъехало к ее дому — здесь Кларский был много раз и прекрасно знал окрестности. Свою любимую девушку он всегда провожал до самой квартиры, но в гостях у нее ни разу не был — как, впрочем, и она у него. На подъезде ко двору Ник ловко обогнал «Хонду» и первым затормозил около подъезда Оли. Хотел догнать ее, как только она выйдет из машины, чтобы девушка не убежала от него в подъезд. Однако его ждал необыкновенный сюрприз. Около подъезда Ольги на заборе сидел Димка, одетый в черный спортивный костюм. Неподалеку от него стоял красно-черный мотоцикл.

Думать о том, как его друг отказался здесь, и что ему тут понадобилось, Кларский не стал. Он молча наблюдал за тем, что Оля выходит из авто, видит Диму и почти бежит к нему, чтобы обнять. Тот в ответ гладит ее по спине, они о чем-то говорят, а после целуются.

— Сука. — Только и сказал Никита, откидываясь назад и складывая руки на груди. Нике стало страшно. Вроде бы он сказал это слово совершенно спокойным тоном, но всего от четырех букв мороз по коже!

Кларский небрежным жестом открыл бардачок и вытащил на свет железный кастет. Ника думала, что сейчас он откроет дверь и ломанется к этим двоим, но парень спокойно надел кастет на пальцы.

Выходить никуда он не спешил. Явно пока что наблюдал за парочкой. Ника тоже наблюдала, предчувствуя что-то плохое. Правда, говорить что бы то ни было Нику она боялась. Мало ли что ему в голову взбредет, идиоту.

Светловолосая девушка глядела на Кларского, а он молча смотрел на них сквозь лобовое стекло. Он был обманчиво спокойным, но девушка явственно чувствовала его искреннюю ярость. Да и сама она была возмущена. Эта Оля не успел только бросить Ника, как уже сама целуется с каким-то типом!

— Это… та, которая, — все ж произнесла девушка вслух. — Она тебе нравится, короче, да?

— Да.

— Это… ты выйдешь к ним? — осторожно спросила она, поглядывая на кастет. По ходу, Укроп сейчас не в адеквате. Если выйдет с этим кастетом на того парня, тому, наверное, придется «скорую» вызывать. А, судя по застывшей на веках Никиты прозрачно-туманной корочки злости — катафалк.

— Выйду. — В тоне парня не было сомнений.

— А почему не сейчас?

— Потому что я жду. — Было ей ответом.

— Чего?

— Развязки. Завязывай с вопросами. — Отозвался Никита.

В салоне повисло тягостное молчание.

— Ну, скот. Ты сам себе подписал смертельный приговор, — проговорил тоном беспристрастного судьи Никита.

— Да брось ты. Слушай, зачем его бить? Поехали, а? — попросила Ника, понимая, что ее слова все равно не помогут.

Она потрогала своего спутника за локоть, призывая успокоиться.

Молодой человек перевел взгляд на слегка припухшее и покрасневшее запястье девушки, на легкую боль в которой она уже не обращала внимания. От изумления он даже тряхнул головой. Когда они были в ресторане, на руке Карловой ничего не было, а это значит, что… Это он так сильно сжал ее хрупкое запястье? Вот же черт!

— Руку, — коротко сказал Никита.

— Ммм?

— Руку дай. — И, не дожидаясь, пока Ника выполнит его просьбу, он сам взял руку девушки.

— Это я сделал? — внимательно изучая кожу, спросил парень.

mir-knigi.org

— Ну как бы да. — Кивнула Ника.

— Прости. Я не заметил.

— Что? — не понял она.

— Я, правда, не хотел делать тебе больно. — Тихо проговорил Никита, проводя пальцами по девичьему запястью. Он никогда не поднимал руку на женщин.

— Что? — снова переспросила Карлова с недоумением.

— Глухая? — неожиданно рявкнул парень, чувствуя себя неловко и небрежно опуская ее запястье.

— Нет. Просто ты… извинился! — Почти с восторгом произнесла девушка. Она до сих пор продолжала злиться на Ника — не только из-за руки, но и из-за много другого, но сейчас на минуточку почти простила.

— Если тебе не понравились мои извинения, беру свои слова назад. — Мрачно сказал Кларский и опять стал смотреть сквозь лобовое стекло на Ольгу и Диму. Его бесил тот факт, что рядом с Чащиным ангел улыбалась так счастливо, как никогда прежде.

— Слушай, ты понял, какая твоя девушка дрянь. Запомни это, и больше не встречайся с такими. Может, поедем? — спросила Ника, нервничая и вновь потирая запястье.

Никита прищурился. Парень в спортивном костюме наклонился к Оле и поцеловал ее в лоб, после чего вновь обнял и стал осторожно покачивать из стороны в сторону в своих объятиях.

— Это мой друг. — Сказал он зачем-то Нике. — Дима.

Раньше бы она мысленно очень ехидно удивилась: «О-о-о, у тебя еще и друзья есть?», а теперь только вздохнула.

— Сиди здесь. Будет неприятно смотреть — отворачивайся. — Велел зачем-то парень.

И Никита, поигрывая кастетом, вышел из машины. На лице его застала свирепая улыбка, собранная из осколков предательства и отчаяния. В Ольге он нашел ту тонкую, едва светящуюся серебро нить, которая соединяла его с нормальным «белым» миром. Князева стала для Ника символом того, что однажды он вырвется из «черного» мира Марта и станет таким, как и все. Сможет закончить универ, поступить в аспирантуру, найти хорошую работу, жениться, завести никому не нужных детей, в конце концов. Но на самом деле никакой ниточки в помине не было. Нет, она была, но неожиданно ее обрезали острыми ножницами, и теперь Никите не за что было больше держаться. Волшебство серебряной нити пропало. И за что ему держаться теперь? Даже Ника, которая подсознательно была определена Никитой в его «черный» мир, оказалась куда лучше, чем милый ангел. Да и друг… мягко говоря, подвел. А ведь с Димкой Ник был знаком еще класса с девятого. Они познакомились осенью, тогда, когда вся землю была застлана багряно-золотистыми сухими листьями, если можно так сказать, на какой-то дворовой стрелке, где парни-школьники бились стенка на стенку. Никита и Димка оказались в противоположных командах, правда, между собой не дрались, но так получилось, что когда-то кто-то шибко умный, увидев драку малолеток, вызвал ментов, Димка и Никки вместе смогли убежать куда-то далеко за гаражи. Почти всех остальных участников драки сотрудники правоохранительных органов сумели поймать, а их двоих — нет. Уже за гаражами, когда мальчишки, тяжело дышавшие от быстрого бега, Чащин увидел, как на только

что порванном рукаве светлой, тонкой, явно не по погоде, куртки Ника появляется пятно крови — кто-то полоснул по его руке ножом и глубоко поранил. Никита, увидев кровь, только недовольно фыркнул. Тяжело вздохнув, Димка внезапно предложил пойти к нему домой. Его мать-хирург была дома — у нее был отгул, и рассеченное предплечье «друга» своего сына она зашила быстро, не задавая лишних вопросов, но быстро поняв, что милый с виду мальчишка с холодными светлыми глазами явно не из самой благополучной семьи. Она, пожалев отстраненного от всего на свете Никиту, накормила его и сына вкусным ужином, слегка отругала за то, что они участвовали в драке (не понять этого женщина явно не могла) и пригласила Ника приходить в гости еще. Тот пришел. А Дима был очень даже не против этого. Никита учил его драться, а Димка помогал ему с математикой и еще с кучей вещей.

Вот так вот они и стали общаться — два совершенно разных мальчика. Постепенно Дима узнавал о новом друге все новее и новые факты, но они не отталкивали его от Кларского, потому что в первую очередь Чащин всегда ценил кое-что другое. Человеческие качества, и этому его с детства учила мать. А Никита ценил то, что ценят его самого.

Сейчас, правда, Ник больше всего на свете хотел убить урода Чащина. Да и Ольгу заодно. Сделать так, чтобы им обоим было дико больно. Он собирался устроить этим двоим два маленьких персональных ада. Ника видела, как он что-то сказал Оле, они со своим парнем синхронно обернулись. Кажется, увидеть Кларского они здесь совершенно и не ожидали. Димка резко отпустил девушку, и, как только он сделал это, Никита буквально швырнул его на землю и наступил ему ногой на грудь.

Двор в это время был совершенно пустым, и никто не мог помешать Нику Кларскому.

Ольга быстрым нервным шагом покинула ресторанный комплекс и подлетела к первому же такси. Быстро уселась на заднее сидение и, не спрашивая цены, назвала свой адрес. Водитель оказался понятливым, кивнул и быстро отъехал прочь от этого места. Только в машине Оля позволила себе расслабиться и прекратить «играть» роль узнавшей правду о своем парне девушки. Водитель был весьма удивлен, увидев, что миленькая девушка с жутко расстроенным лицом, по которому едва не катились слезы отчаяния, вдруг за минуту успокоилась и стала сосредоточенной и спокойной. Еще больше он удивился, увидев на лице пассажирки победную улыбку. Словно она только что выиграла сражение. Важное, но трудное. Водитель, конечно, промолчал, но подумал, что девушка явно или не в себе, или покурила травки. Но он, конечно же, промолчал.

Светло-желтое такси отъехало с парковки как раз в тот момент, когда к ней подбежал Никита, тащивший за собой Нику, но Князева этого уже не видела. Она набирала ослабевшими пальцами номер телефона Димки, который знала наизусть — из-за Ника она не решалась хранить его в записной книжке мобильника.

Чащин, кажется, совершенно не ждал звонка Ольги, но трубку взял быстро. Он был на школьном совершенно пустом стадионе, где бежал уже который круг. Физические нагрузки всегда помогали ему морально расслабиться и забыть не некоторое время о проблемах.

— Ты? — удивился парень, ведь они договорились какое-то время не общаться. Оля слышала его тяжелое дыхание, и от этого ей внезапно захотелось обнять его, и чтобы дыхание Димы щекотало ей шею и плечи.

— Дима, привет, — торопливо сказала девушка. — Слушай, тут кое-что произошло.

— Что же?

— Никита. Я с ним порвала. — Коротко объяснила она.

— Что? — удивился Чащин. — Как? Ты, наконец, просто подошла к нему и сказала, что хочешь расстаться с ним? Но где ты его нашла?

Он, зная, что Ольга боится Никиту, давно предлагал ей этот вариант. Понимал, что любимой девушке его друг ничего не сделает, даже если она ударит его. При всех своих недостатках Кларский — не садист, как его брат. А еще Дмитрий несколько раз предлагал самому все объяснить Никите ситуацию. Только Оля, слыша это, начинала жутко нервничать — боялась, что Ник что-нибудь сделает Диме. Он, кстати, тоже это знал, правда, это его мало пугало. Отношения с Ольгой он скрывал из-за Маши. Все надеялся, что если будет свободен, она когда-нибудь обратит на него свое внимание. А то, что его друг вклинился в их с Ольгой сложные дурацкие отношения — было виной самого Кларского и его идиотской концепции Судьбы. И все это как-то переплелось между собой, что Чащин просто-напросто запутался. И с каждым днем дамоклов узел над ним становился все туже и туже.

— Нет, там другое. В общем, я встретила его с другой. На вечере.

— С другой? — Димка не знал о том, что Никита общается с Никой в целях защитить Ольгу от собственного брата. — И на каком еще вечере? Брось, тебе показалось. Он реально от тебя… без ума.

— Он просто безумный, — отозвалась Оля. — Дим?

— Что? — все еще пребывал под впечатлением тот. Она решила проблему с Ником? Как? И что еще у него за другая? Кларский реально с ума сошел? А как же его песни о Судьбе?

— Что? — спросил он.

— Дим, пожалуйста, давай встретимся? Я обо всем тебе расскажу. — Вдруг попросила Оля, чувствуя холод дующего через приоткрытое окно ветерка. Сразу же вспомнились горячие руки и предплечья парня. Атомный генератор ее личного тепла мощностью в пару тысяч тераватт.

— Оля, зачем? — устало спросил он, усаживаясь на турник, прижав мобильник плечом к уху. Димка так и ничего еще не решил. Точно знал, что с Машей ему не быть, хотя и помнил вкус ее губ — никогда не думал, что будет, как мальчишка из любовных фильмов вспоминать какой-то поцелуй, но нет же! Вкус ее губ, горьковатый и чем-то напоминающий привкус кедровых орехов, запечатлелся у него в том отделе головного мозга, который отвечал за память. Чащин тут же попытался вспомнить вкус губ Ольги, и как-то внезапно осознал, что у нее губы совершенно другие. Не хуже, не лучше, а просто — совершенно другие. А еще они — привычнее. Она вся привычнее: и губы, и руки, и тело, и даже голос. Привычная, но нелюбимая? Так что ли? А что такое любовь? И что такое привычка?

— Дима! — позвала его девушка, и в голосе ее парень уловил если не мольбу, то настойчивую просьбу. — Мне плохо без тебя.

Ему тоже было плохо. Только вот без кого? Без нее? Без Маши? Без Маши-то он привык быть всегда. Если, конечно, не считать того, что ни с ней — друзья.

— Дима, я уехала оттуда. Я буду дома, одна. Ну давай встретимся? Поговорим.

— Хорошо, — решился он. — Поговорим. Но если все закончиться так, как и всегда, я буду думать, что ты хотела только этого.

Он знал, о чем говорит. Почти каждая их встреча заканчивалась тем, что они засыпали вместе. За парой исключений. Раза два в его квартиру кто-то совершенно не вовремя приходил. Тогда, когда у Ольги умерла собака, и Дима приехал к ней после звонка, у них ничего не было.

Почему она тогда позвонила именно ему, девушка и сама не знала. Наверное, интуитивно искала защиты у Чащина. А где ее искать, как не у любимого человека? К тому же Дима стал ей действительно близким. Рядом с ним девушка чувствовала себя комфортно, и ей не хотелось быть кем-то, кроме как самою собой. То же самое чувствовал и Денис, когда находился рядом с Машей — он как-то обронил пару слов об этом это при Князевой, а она запомнила эти слова, потому что рядом с Чащиным чувствовала себя именно так — свободно, легко и как-то по-особенному вдохновенно, как художник рядом с любимой картиной. Нет, вернее, как созданное художником изящное и беззащитное творение, полностью зависящее от создателя и безмерно любящее его и принимающее таким, каков он есть.

А еще с Димой можно было говорить и даже философствовать на любые темы. И сам Чащин мог быть как и прекрасным слушателем, так и хорошим рассказчиком — он знал кучу анекдотов и забавных случаев, вел себя весело, раскованно, но не по-хамски, и довольно-таки артистично — не зря постоянно участвовал в КВНах.

Впервые за пару лет Ольга именно с ним поиграла в давно забытые детские догонялки, и это принесло ей массу удовольствия, хотя она и вела себя, как ребенок, подумать только! Тогда Дима носился за ней по всей квартире, делал вид, что не может поймать, разрешал убегать, а чуть позже все же поймав, легонько укусил за Олю щеку, поцеловал в нос и долго щекотал, заставив девушку не просто смеяться, а хохотать и вновь пытаться сбежать от него. Тем же вечером, когда за окном было совсем темно, а на небе повисла замечательный мечтательный полумесяц, похожий на лимонную дольку, окутанную туманом, по детской площадке уже сама Ольга гонялась за смеющимся парнем — он нагло украл у нее мобильный телефон. Конечно, минут через десять он поддался, и Оля поймала Диму и тут же обняла. В качестве наказания он усадил ее на один из турников, подтянувшись, с легкостью уселся рядом, и они долго-долго болтали — просто так, обо всем.

Это было всего лишь за пару дней, как умерла любимая Олина собака. Она, найдя бездыханное тело пса в коридоре и заплакав от неожиданности, потери и страха перед смертью, еще блуждающей где-то по квартире, тут же позвонила Чащину. Не подругам с универа, не Дэну, не родственникам, а именно Диме. А он бросил все и помчался к Ольге, не смотря на то, что рядом находилась Маша, которую наедине со Смерчинским ему ой как не хотелось оставлять. Но по-другому парень поступить просто не мог — и ревность была через силу смята им, как листок бумаги, и выкинута в ближайшую мусорку.

Ольга встретила Диму на пороге, заплаканная, растрепанная и почему-то невероятно хорошенькая, и Чащин, не испугавшись женских слез, уже совершенно привычно обнял ее, стал шептать слова утешения и сумел найти такие, которые действительно смогли Олю немного успокоить.

Отец девушки был в длительном отъезде, вечно занятая мама не стала бы заморачиваться и вызвала бы специальную службу, бабушка гостила у родственницы, а сама она была не в силах даже смотреть на неподвижное тело любимца. Поэтому заснувшую вечным сном собаку они похоронили вместе, за городом, на невысоком холме, который со стороны трассы выглядел, словно обитый зеленым бархатом — такая мягкая, густая и ровная трава росла на нем.

Дима обо всем позаботился сам. Попросил у двоюродного брата машину — тот приехал и отдал ключи, и вместе парни перенесли мертвую овчарку в багажник. После Чащин сел в авто,

заехал к себе домой за лопатой и за чем-то еще, затем в магазин, а потом повез вновь заплакавшую девушку за город. Там, на опаленном солнцем холме, под сенью единственного на нем дерева, непонятно как попавшего в это место, сам выкопал яму, осторожно положил в нее собаку, и забросал ее землей. Овчарку Князевых он видел всего лишь несколько раз, но успел к ней привыкнуть, да и вообще парень любил животных. Ольга нарвала какие-то совсем простенькие светлые цветы и положила их на основание маленького холмик, на который падала тень большого дерева. Молча они долго еще сидели на траве — Димка обнял Олю одной рукой, а второй то гладил ее по руке, то играл с ее мягкими волосами, то просто показывал в небо на очередное красивое облако. Кстати именно тогда Ольга, вдруг возревновавшая его к Маше, занесла ее номер в черный список его сотового телефона. Она и сама понимала, что поступает глупо, но ей так хотелось, чтобы Дима был только ее!

Глядя на Олю в последнее время, Димка все больше и больше понимал, что своим отношением обижает ее больше и больше. И не только ее — все-таки он предает своего друга, хорошего друга, нужно сказать, старого, проверено, правда, не такого хорошего, каким он казался всем остальным. Диме нужно было время, чтобы подумать, как вести себя дальше, но ничего дельного в голову ему не приходило. Он просто-напросто замкнулся в сложной ситуации, выжидая, что все рассосется само собой, но при этом понимая, что совершает неправильный поступок.

— Я, правда, очень хочу тебя видеть. — Сказала девушка, поднося микрофон телефона близко к губам — так, что они касались их.

— Хорошо, я скоро буду. Подъеду к твоему дому минут через десять. Друг одолжил байк. — С этими словами Чащин положил трубку. Он не сказал, что тоже очень хотел увидеть девушку.

Когда Ольга оказалась около своего подъезда, не подозревая о том, кто аккуратно едет следом за ней, Дима уже ждал ее, сидя на заборе, облаченный в спортивный костюм — не иначе, как снова бегал. Из-за переизбытка чувств девушка, дико скучавшая по любимому человеку, почти подбежала к нему и не спрашивая, можно или нет, обняла. Не обнять ее в ответ парень не смог. Наверное, это получилось бы по-свински, а Чащин и так чувствовал себя реальной свиньей.

— Ди-и-има, — прошептала Оля и пару раз легонько ударила его по груди ладонью, сжатой в кулак. Ее переполняла непонятная радость.

— Оль, что случилось? Ты зачем подстриглась? — растеряно спросил он у девушки, гладя по спине и оглядывая ее прическу.

— Просто так. — Почти счастливо улыбнулась она. — Тебе не нравится?

— Нравится… Просто непривычно. Я тебя не понимаю.

— Я так по тебе соскучилась. — Прошептала она и потерлась носом о его щеку. — Без тебя плохо. Дим, — Оля подняла голову, — Дим, я свободна от Никиты.

И она быстро рассказала парню суть того, что произошло буквально полчаса назад. Голубые глаза ее горели восторгом, а вот темные глаза Димы все больше и больше расширялись. Он не понимал логики и действий друга.

— Ты так изменилась. — Произнес парень растерянно. — Где та нетрезвая мажорка, которую я встретил в клубе?

— Пропала. — Рассмеялась Ольга, вновь и вновь гладя его по щеке. — Хотя нет. Изменилась. Невероятно — но факт. Знаешь, раньше я ценила красоту, а потом стала ценить душу.

— Ты так тонко намекаешь, что я урод? — с невеселым смехом спросил Димка

— Нет, ты симпатичный, очень, — она дотронулась до его плеча, как до самого величайшего сокровища мира.

— А твои волосы? Зачем так коротко, Оль? — Димке вдруг вспомнился его сон, и от неожиданности он вздрогнул, проведя по короткому ежику ладонью. — Ты всегда любила свои волосы. Считала их красивыми.

— Теперь мне безразлично. Я же сказала тебе: мне все равно на внешнюю эстетику. Когда я подстриглась, я поняла кое-что. Я никогда не могла рисовать картин, потому что я не видела их сущности.

— Оля, ты ненормальная. А я слабак. Не знаю, зачем ты со мной общаешься. — Прошептал он, чувствуя стыд — нет, даже утопическую вину — за все происходящее.

— Не говори так. — Вдруг смело подняла глаза на парня Оля. — Я впервые поняла свою сестру. И ее чувства к Денису. Хотя считала их большой совместной иллюзией. Но, оказывается, Инна была права — эта глупая любовь существует. Понимаешь, существует! — Она отошла от Чащина на шаг, закрыла глаза и сказала твердо. — Я люблю тебя…. Я люблю тебя. Я люблю тебя!

— Оля.

— Сколько раз мне надо повторить тебе это, чтоб ты поверил мне? Сколько? Я не могу без тебя. Без тебя холодно, поверишь? Нет. Пусть. Ладно, не верь.

— Верю я. — Парень привлек девушку к себе, поцеловал в лоб, и опять крепко обнял. Дима так и не мог сказать ей, что им лучше всего вообще больше не видеться. Чтобы не мучить друг друга.

— Я люблю тебя, — как какое-то древнее заклинание, повторила девушка, тая в его руках — от его близости даже голова кружилась. И почему она его раньше не замечала? Те годы, пока они вместе учились? Почему, как и Машу Бурундукову, считала обычным неперспективным дураком?

— Я люблю тебя. Как трогательно. Если бы я был пастырем, я бы обязательно вас обвенчал. Прямо на месте. — Раздалось внезапно за их спинами, и Дима с Олей почти одновременно повернулись назад. На них, прищурившись, смотрел Никита. Сейчас даже элегантный костюм и часы из белого золота на руке не делали внезапно появившегося тут Кларского похожим на воспитанного и хорошего мальчика. Его истинное лицо проявилось настолько четко, что Оля за пару секунд ощутила, что и Никита умеет играть свою роль также хорошо, как и она сама. Правда, эти мысли в ее голове тут же перекрылись железной планкой страха. Тайное — то тайное, что она так яро скрывала — стало явным!

Чащин резко отпустил девушку и загородил ее спиной. От ужаса у Оли сдавило виски. Откуда этот монстр здесь? Что ему надо?!

— Не ждали? — хмуро спросил Ник.

— Не ждали, — смело отозвался Димка, засовывая руки в карманы. — Что хотел?

— Что хотел? — срывающимся от ярости голосом спросил Кларский. — Мимо просто так проходил. Хамишь, сученок?

— По делу спрашиваю.

Этого ответа Никита не выдержал и резко ударил друга в лицо рукой, на которой не было кастета, а после бросил на землю. Это оказалось легко — Дима не сопротивлялся. Ник с силой поставил ногу ему на грудь, так, что Чащин закашлялся, и наклонился к нему, яростно осклабившись. Он, наконец, дал волю своим эмоциям. Трещина на гранитной темно-бордовой с синими прожилками скале, носящей его имя, умудрилась расколоть ее на две части. Посредине теперь мерцала тусклым темно-янтарным огнем сердцевина скалы, до этого ранее бережно хранимая гранитными твердынями.

— Да ты настоящий друг, Nзапрещено цензуройN, — прошипел Никита. — Ты знаешь, что я с тобой сделаю сейчас?

— Знаю, — сдавленно ответил Димка. Он, действительно, знал. Знал, но не боялся. Ник убрал ногу, давай возможность Чащину подняться. Поверженных противников ему бить не нравилось. Парень поднялся на ноги, понимая, что с трудом может совершать глубокие вдохи и выдохи, и что в районе его солнечного сплетения пульсирует тупая, пока еще приглушенная боль, готовая вот-вот взорваться болевым взрывом, и тут же получил еще пару ударов: по лицу и по корпусу. Блокировать смог только один — такая хорошая реакция и скорость была у его противника. За многие годы Кларский действительно научился прекрасно драться. Оля от новой порции ужаса — в этот момент ее мог понять только тот, кто видел своими глазами, как его близкому человеку причиняют боль — закрыла рот руками. Ника, сидевшая в машине, и точно с таким же ужасом наблюдавшая за происходящим, хватилась за волосы. Парня ей было жалко, но больше всего она боялась, что Укроп сейчас натворит таких дел, о которых в последствии будет жалеть!

— И давно вы вместе? — взял Димку за волосы Никита.

— Давно. Мы познакомились раньше, дебил, — хрипло отвечал тот, чувствуя холодный металл крови во рту.

Ник выругался. Дима попытался пару раз ударить его в лицо, но удары вышли по боковой, смазанными, не в полную силу. А Кларский словно вообще их не замечал. Миг — и Чащин снова оказался на земле, сплевывая кровь.

— Падаль! Поднимайся! Давай, поднимайся! Опробуем кастет. — Усмехнулся Ник, и никто не увидел в этой усмешке боль от предательства. И друг, и девушка. Красиво все провернули за его спиной!

Он почти с удовольствием занес руку над Димой.

— Никита! Не трогай его! Не надо! — вдруг кинулась ему наперерез Ольга, закрывая собой Диму.

И Ник едва не ударил девушку, но вовремя смог остановиться, хотя, если честно, в какой-то момент ему хотелось проломить ей голову — ей, а не другу.

— Пошла вон, — грубо велел ей он, тяжело дыша от гнева и обиды. — Пошла вон, Nзапрещено

цензуройN. Пошла, я сказал!

— Не трогай его, пожалуйста, — по-настоящему заплакала Ольга, и ее слезы, которых Никита прежде никогда не видел, охладили его пыл. Он совсем опустил руку.

— Оля, отойди! — крикнул Дима сквозь боль, понимая, что в порыве злости его друг (или уже бывший друг?) может навредить девушке. — Пожалуйста, отойди!

Ольга отходить не желала. Она, напротив, близко подошла к Никите, глядя глазами, переполненными слезами в его жесткие глаза и вцепилась пальцами в рукав его пиджака.

— Не надо, не трогай Диму, не надо, не надо, — дрожащим голосом говорила она. — Прошу тебя, ради Бога, отпусти его.

— Я его сейчас убью. — Пообещал Ник почти радостно. Пусть страдает, дура. Ей полезно.

— Эй! Успокойся уже! — раздался пугливый женский голос. Это Ника все-таки выбежала следом за Никитой. И теперь перед парнем стояли уже две девушки, со страхом на него взирающие. Как будто бы он был каким-то чудовищем. Чудовищем! А не вершил правосудие!

— Никита, — дрожащим голосом проговорила Ника, — успокойся, ладно?

Ник с легкостью оттолкнул испуганную Нику и безмолвно плачущую Ольгу и вновь подошел к Диме.

— Готов к смерти, придурок. Две бабы тебя защищают. Хреново, да? Может, ты и сам баба?

Тот просто послал друга, за что получил ногой по животу.

Ника, беря за руку рыдающую от ужаса Ольгу — на этот раз она не смогла закрыть свои эмоции на замок, только судорожно вздохнула.

А Никита наклонился к Чащину и зашептал:

— Твоего дружка Смерчинского отделывали сразу пятеро. А я уделаю тебя один. А потом уделю немного внимания и твоей Машеньке. — Ник специально сказал это, чтобы позлить своего поверженного друга-врага, хотя и обещал Димке, что не станет ничего делать его любимой девочке.

— Скотина! Ты же сказал, что не будешь ее трогать! — закричал сквозь новую порцию боли Димка. Он словно зарядившись алой энергией агрессии, вновь поднялся и двинулся на Ника со сжатыми кулаками.

— Молодец, — подбодрил его Ник. — И не только Машеньку. Наша общая девочка, — теперь он кивнул на Князеву, — по имени Оленька тоже получит немного моего внимания. И не только моего. У Марта много быков, которым бывает скучно.

Дима, услышав это и словно поймав едва уловимое второе дыхание, дерзко обругал Ника. Сдаваться он не был намерен — хотя бы ради Маши и Оли. Парень понимал, что Никита не шутит. И может сделать все, что угодно.

— Эй, перестань! — едва ли не повисла на Димке осмелевшая Ника. — Ребята, вы чего?! Да перестаньте, я реально сейчас милицию вызову! Хватит!

От расправы Ника Димку спас телефонный звонок. Мобильник Никиты в кармане его элегантного темно-серого пиджака дерзко разрывался. Такая мелодия в его телефоне могла играть только тогда, когда звонил «любимый» старший брат. Видать, не дождался. Прагматика подсказывала Нику, что если он не ответит сейчас, Андрей будет очень недоволен. К тому же чисто психологически ему все же было сложно причинять боль тому, кого Кларский считал другом много лет.

— Чер-р-рт, как не вовремя. Подожди. — Велел Никита Димке. — Подожди. Я сделаю из тебя инвалида через минуту.

— Попытайся, — ухмыльнулся Дима, вытирая кровь с разбитой губы. Искры в его глазах словно забыли о страхе, они неторопливо пританцовывали из стороны в сторону, не смотря на то, что половина из них уже вышла из строя и лежала где-то за зрачками.

— Дима, пожалуйста, давай я вызову милицию, — зашептала Ольга ему на ухо, с ужасом глядя на его кровь — с таким же ужасом Ника смотрела на кровь Димы, оставшуюся на костяшках пальцев Никиты. — Дима, он тебя убьет! Никита, пожалуйста! — крикнула она почти без перехода. — Не трогай его!

— А ты замолчи! — Рявкнул на нее Кларский, доставая телефон. — Заткнитесь все! Да? — раздраженно проговорил он в трубку. — Да, я тебя слушаю!

— Олень, — раздался хриплый, срывающийся полушепот Андрея. — Олень, ты меня слышишь?

— Слышу. — Отозвался Никита, не сводя прищуренного взгляда с соперника. Димка тоже не отрывал глаз от него, и по его сосредоточенному лицу и сжатым кулакам было видно, что этот парень будет стоять на ногах до последнего.

— Хорошо, что слышишь. Сваливай из города, — велел Март тем временем все тем же странным срывающимся полушепотом. — Сваливай и… И делай все так, как я тебе говорил. Ты помнишь? Помнишь?

— Что произошло? — спросил озлобленно Ник. Он никогда не слышал такого голоса у старшего брата. Он пьяный? Наркотой стал баловаться? Или что с этим психом еще случилось на этом гребанном вечере?

— Ты все мои указания помнишь, щенок? — не торопился отвечать на вопросы парня Андрей. Его голос становился все тише и тише.

— Ты объяснишь мне, что за проблема?

— Ты помнишь?! — закричал вдруг торопливо Андрей, правда, его крик был похож больше на охрипший стон. — Ты помнишь?

— Помню! Что ты орешь? Что происходит?! — закричал и его брат, чувствуя кожей, что случилось что-то плохое.

— Менты, суки, чуть не взяли. На Nзапрещено цензуройN балу. — Прерывисто дыша, словно из-за боли, проговорил Март вновь очень тихо. — Серого с Ирбисом нет, а меня да… Очередь и до них дойдет… Крыса… Появилась крыса и сдала всех. Убирайся из города и делай все, чему я тебя учил. Понял меня?

— Понял.

— Ну, пока… братишка, может, свидимся, — отозвался Андрей с большим трудом — его голос почти пропал.

— Эй! Ты где? Ты ранен? — неожиданно забыл о Димке и Ольге Ник. До него только что дошел смысл сказанного. — Говори где ты, я приеду за тобой! Ты в том ресторане? Там? Ты еще там?

Ответ Андрея он расслышал с трудом.

— Приедешь — убью. Делай… из города… ноги, брат. Пережди и проваливай.

— Андрей! — закричал вновь Никита. — Андрей, твою мать, что с тобой?

Тот больше ему не отвечал. В телефоне неожиданно послышался шум, треск чьи-то суровые выкрики, протяжный стон и маты, а потом связь и вовсе прервалась. Никита, не мигая, глядел на свой аппарат сотовой связи, а потом резко вытащил из него сим-карту, разломил надвое и выбросил под ноги. Чтобы менты не смогли отследить, где он находиться.

— Тебе повезло, — бросил он Диме. — Молись за меня, скотина.

— Что случилось? — спросил Чащин, с опаской подходя ближе. Он хромал, но не обращал на это никакого внимания, как и на кровь на лице. — С твоим братом что-то?

За несколько лет дружбы Чащин успел изучить друга довольно хорошо, и, не смотря ни на что, тревожился за Никиту. В глубине души он всегда знал, что рано или поздно и Никита, и Андрей Март попадутся. И, кажется, его опасения были не напрасными. Что-то случилось. Только что.

— Менты взяли. — Коротко сообщил Кларский. — Сейчас и моя очередь. Рад?

— Нет.

— Рад. Рад.

Он замолчал, словно впервые в жизни разглядывая свой кастет. Так и не ударил им Чащина. А ведь тот заслужил того, чтобы этим кастетом ему раздробили челюсть!

Парень вновь сжал свое простое, но грозное оружие.

— Не время выяснять отношения, придурок! — крикнул Дима Нику, чувствуя, что боль в ребрах становиться все сильнее и сильнее. — Потом убьешь меня! Сваливай из города! Возьми мой байк.

И он кивнул в сторону красно-черного гордого красавца, в котором Оля тут же признала железного коня Смерча.

— Денис общался с тобой? — широко открыла глаза Оля, узнав «Выфер». — А где он сейчас?

— Уехал. Оля, давай сейчас не будем говорить о нем, хорошо? — Дима вновь обратился к другу. — Ник, да, признаю, я скотина и урод, и я от тебя заслуживаю много чего. Но сейчас просто сматывайся. Сваливай из города! — проговорил Дима и закашлялся от боли, а Князева с тревогой на него посмотрела. Она, испуганно косясь на Кларского, держалась за руку Димки и стоя чуть позади него. Слезы непроизвольно текли по ее лицу уже вместе с тушью. Даже Ника чувствовала себя погано — ее мучитель так серьезно влип, что даже прекратил драку??

mir-knigi.org

Никита же молча глядел на Чащина. Он не верил, что Андрея взяли. Да как это вообще возможно? У него все было просчитано. У него везде свои люди. У него деньги. Это возможно, если только его кто-то подставил. Но кто это сделал? Какая тварь? Кто крыса?

— Бери байк и сваливай, — велел Нику Димка, пытаясь дышать ровно, и кинул тому ключи от «Выфера» — тот ловко поймал их одной рукой. — Свою тачку не свети. Тебе есть куда уехать?

— Есть. — Медленно кивнул Никита, все еще не веря в происходящее. Март — почти всемогущий! Он не могу так глупо попасться! — Мне надо выбраться из города и попасть к человеку брата. У него поддельные документы и еще… кое-что.

— Тогда ты поезжай, — решительно сказал Димка. — А твою машину я перегоню в другое место.

— Не могу. Менты наверняка объявили «Перехват», — отозвался Кларский. — Надо переждать. А, ну да. Ты же будешь рад, урод, если я попадусь им.

— У меня засветишься. — Поморщился вновь от боли Чащин, словно не слыша слов Ника. — У друзей — тоже. Домой тебе соваться не стоит.

— Без тебя найду, где переждать. — Огрызнулся Ник — он неожиданно, как по щелчку пальцев, пришел в себя. Гранитная скала начала восстанавливаться. — Не делай вид, что беспокоишься, урод.

На миг у Дмитрия окаменело лицо — словно Кларский вновь ударил его. Терять дружбу с этим придурком парню было страшно. Может быть, эта была еще одна причина того, что Дима предпочитал все сохранить в тайне. Он боялся не самого Никиту, а его реакции.

— Я знаю, где тебе можно спрятаться, — вмешалась вдруг бледная Ника, доставая из клатча связку ключей. — Подруга бабушки уехала в Сочи к дочери, я захожу к ней иногда поливать цветы. Так что ее квартира свободна. Никита, поехали туда, а? Никита? Никита!

Она вдруг правда озаботилась тем, чтобы Укропа не поймали. Ей совсем не хотелось, чтобы он очутился в тюрьме, даже если Никита и заслужил это! А тот словно почувствовал это, внимательно посмотрел на девушку и едва заметно вздохнул. Опять он ее куда-то впутывает. Но Ника сама предложила помощь, а он не в том положении, чтобы отказываться.

— Езжай, придурок, — сказал Дима. — Езжай. У тебя деньги есть?

— Есть. И я же сказал — хватит делать вид, что заботишься.

— Я не делаю вид. Давай ключи от своей тачки, перегоню.

— Не думай, что я буду твоим должником, ублюдок, — ответил Никита, кидая теперь ключи Чащину, и повернулся к Нике. — Хорошо. Поехали. Говори адрес.

Когда уже они оказались на мотоцикле, Никита повернулся к Димке и сказал медленно, без злобы или ярости, скорее для формы:

— Я с тобой еще расплачусь.

— Звони, кретин. — Отмахнулся тот. — Звони и говори, что с тобой и где ты.

— Не дождешься. — Хмыкнул Никки, глядя то на друга, то на бывшую любимую девушку. В

отличие от брата он мало смыслил в психологии, особенно в женской, а сейчас поймал себя на мысли, что Оля смотрит на Димку по-особенному — не так, как на него самого. Он снова выругался про себя, помянув дьявола.

Ольга ничего не сказала, а спряталась за спиной своего любимого. Она не хотела видеть лицо Кларского, к тому же ей было дико стыдно перед ним и перед Димой. И даже перед этой посторонней девчонкой в черном платье, хотя ее Князева видела впервые в жизни.

Парень завел мотоцикл и, велев Нике крепко держаться, без оглядки уехал в темноту.

Ольга молча поцеловала Димку в щеку, не боясь запачкаться в его еще не застывшей крови, размазанной по лицу, а тот молча погладил ее по коротким волосам. Они оба очень сильно устали, у нее дико болела голова, а у парня, кажется, было сломано ребро. Но сейчас и он, и она отчетливо осознали, что, кажется, все позади. Вот только того, что ждет их впереди, они не знали.

Парень и девушка посмотрели друг на друга и одновременно сказали:

— Спасибо.

А после рассмеялись, и вместе с нервным смехом их них уходила вся тяжесть от происходящего. Димка, как и обещал, перегнал машину Никиты, которую наши той же ночью, и только потом поехал в медпункт — боль в ребрах стала невыносимой, да и дышать становилось все сложнее. Оля была вместе с ним и по большей части молчала. Этим ранним утром она все-таки познакомилась с матерью Димы.

Когда Ник и Ника быстро приехали в нужную квартиру, не попавшись по пути в руки милиции, он тут же включил телевизор — местные новости. И, как оказалось, не просто так — корреспондент, тот самый, которого как-то раз видели Маша и Дэн, с важным индюшачьим видом сообщал о том, что совместными действиями несколько подразделений милиции удалось захватить почти всю верхушку организованной преступной группировки Пристанских, включая ее главаря — Андрея Кузнецова, известного под кличкой Март, который уже месяц как находился в федеральном розыске.

— Бойцы спецназа проводили задержание преступников во время благотворительного вечера «Ночь жизни», куда Март и его ближайшие помощники и охрана прибыли с неизвестной целью. В результате операции силовики обезвредили более десяти подозреваемых в совершении серьезных преступлений. В том числе, в организации подпольного игрового бизнеса, распространении наркотиков и причастности к заказным убийствам. — Вещал корреспондент на фоне освещенного тысячами огней ресторанного комплекса. — Благодаря их слаженным действиям никто из гостей вечера не пострадал. Трое сотрудников милиции получили легкие ранения, а сам Кузнецов и один из его охранников были доставлены в больницу в состоянии крайней степени тяжести.

Ник на мгновение прикрыл глаза. Он только сейчас оценил поступок Андрея: когда брат звонил ему, он уже был ранен, но все же звонил — чтобы предупредить.

Кстати, насчет плана «Перехват» Кларский-младший оказался прав — несколько друзей-подельников Марта, находящегося сейчас реанимации и под охраной, сумели сбежать.

— Не присутствовавшим на вечере ближайшим помощникам Андрея Марта — Владимиру Дальниченко и Анатолию Лехнеру, в криминальном мире известным также, как Крот и Немец,

удалось скрыться в неизвестном направлении. В городе объявлен план «Перехват». Также в розыске находятся еще несколько преступников, в том числе, младший брат лидера Пристанских. Напомним, что Дальниченко и Лехнер лишь недавно были освобождены из-под стражи из-за нехватки доказательств, а…

— И долго пробыли на воле? — покачал головой Ник. Именно из-за них Андрей прессовал отца Марии. Нике, понявшей теперь совершенно точно, что Никиту действительно ищут, показалось, что ее сердце ударилось обо что-то острое и обмазанное медленнодействующим ядом.

А ведущий все торжественнее и торжественнее продолжал:

— Организаторы приняли решение продолжать благотворительный вечер, поскольку деньги, собранные во время него, будут перенаправлены детским домам и… — на этом парень выключил телевизор, подошел к окну и долго смотрел на длинную пустую улицу с неработающими фонарями. Только где-то вдалеке каким-то чудом работал один-единственный фонарь.

Ника не решалась подойти к нему — так и сидела на диване, глядя в пустой экран. Ей казалось, что прямо сейчас спецназ начнет ломиться в дверь.

— Хозяйки долго не будет? — спросил Кларский, наконец. То, как он переживал за брата, видно не было, по крайней мере, внешне парень оставался совершенно спокойным. Но если бы кто-то догадался заглянуть ему в душу, то поразился тем черным краскам, которыми она была измазана — словно несмышленый ребенок сажей.

— Долго… А что?

— Не знаю, сколько мне здесь надо будет оставаться. — Ответил Никита и ушел на кухню, где долго и жадно пил холодную воду. Нике было жутковато находиться вместе с ним под одной крышей, но о своем решении помочь девушка не жалела. Она только боялась, что их все-таки найдут — вот прямо сейчас возьмут и найдут! Ника даже у Кларского спросила робко — может ли это случиться, на что он невесело сказал, что случиться может все, что угодно.

— Позвони домой и скажи родителям, что ночью тебя не будет. — Велел он ей. Никите неожиданно вспомнился ее забавный папа-рыбак и энергичная мама-стоматолог. И их уютная кухня.

Девушка покорно кивнула.

Чуть позже Ник почти мгновенно заснул на диване, а она сидела на полу рядом с ним, скрестив ноги, и рисовала его портрет простым карандашом на тетрадном листочке в клеточку. Выходило плохо, и у Ники получилось несколько вариантов спящего Никиты. Спал он на спине, заложив одну руку за голову, и казалось, что в любой момент может резко подняться. Только на последнем портрете девушке показалось, что он сумела предать это на бумаге. Как и уставшее выражение каменного лица, которое все равно казалось симпатичным.

«Спи-спи. Блин, не хочу, чтобы он уезжал», — с тоской подумала она, откладывая в сторону карандаш и листы. Ника все отчетливее понимала, что ей не хочется, чтобы ее персональный Укроп куда-то там уезжал. Нет, он, конечно, точно преступник — ни много, ни мало, брат главы Пристанских, и занимался темными делишками, той же наркотой, но все равно, это так странно. И страшно. Ник выглядит обыкновенным парнем! Нет, даже милым.

Он вновь взглянула в его лицо. Спал парень бесшумно, словно не дышал.

«Ну и для чего ты сломал себе жизнь?», — подумала отстраненно девушка и нанесла еще пару штрихов к последнему варианту его портрета.

Сфотографировать его она не додумалась, за что потом долго ругала себя, потому как с тех пор могла смотреть только на собственноручные портреты Никиты. Общих фото у них, естественно, не было, и быть не могло. А на социальных сетях парень не регистрировался. Конечно, Никита хорошо запечатлелся и в ее памяти, но снимков все равно не хватало. А еще больше — не хватало его самого.

Девушка вырвала из тетрадки еще один листок и все тем же карандашом скоро и умело набросала свой собственный автопортрет.

«Надеюсь, не выбросишь, Укроп! =)», — написала она на уголке бумаги и, подумав, приписала внизу свой номер телефона. Чтобы не забыл. Бумагу со своим автопортретом и номером телефона девушка положила Нику в кожаную барсетку, лежащую на стуле рядом с кастетом.

Чуть подумав, она наклонилась к спящему парню и поднесла к его губам и носу пальцы. Нике захотелось узнать, какое у Укропа его почти неслышное дыхание — горячее или холодное?

— Я еще не умер, — отозвался тут же молодой человек, недовольно открыв глаза и резко поднявшись. Ника отшатнулась. А Ник стал скидывать с себя рубашку — ему стало жарко.

— Не надейся, девочка.

— Дурак, что ли? — тут же обиделась она. Смерти Никите она не желала совершенно. Хотя он, конечно, заслуживал того, чтобы его пару раз хорошенько приложили по ребрам за хамство.

— Спи. — Приказал он ей.

— Не хочу. — Ника внимательно изучала его обнаженный торс, на котором виднелось достаточное количество шрамов. Ей опять стало его жалко.

— Мне что, тебе колыбельные петь? — спросил Кларский у Ники сердито.

— Да.

— Что ты там сказала?

— Я ложусь спать. — Торопливо сказала она.

Он выключил свет и заставил лечь ее на диван, на расстоянии от себя, а в двенадцать дня вновь распахнул покрасневшие от усталости и беспокойных снов глаза от того, что наглая девчонка обняла его и уткнулась носом в плечо.

«Достала», — подумал Ник.

На ангела Ника не походила ни на йоту. Скорее на ведьму с малиновыми губами. Парень, сам не зная, зачем он это делает, коснулся их большим пальцем. И почему у женщин такие мягкие губы?

Теперь видящая сновидения Ника лежала рядом с ним — в отличие от парня разбудить ее было крайне сложно — и тихо сопела. Никита редко видел рядом с собой спящих людей,

предпочитая, чтобы и его предающегося снам никто не видел. Спящий — значит беззащитный. Март часто говорил так. Он все же не зря прошел зону. А теперь ему нравилось просто лежать на диване и смотреть на Нику, чьи глаза были закрыты.

Налюбовавшись на девушку вдоволь, Никита встал, потянулся, разминая затекшие мышцы, и неожиданно наткнулся на собственные портреты, валяющиеся на полу — аккуратностью Ника никогда не страдала.

Через некоторое время парень, воспользовавшись домашним телефоном, позвонил одному из проверенных людей Марта, работающих в милиции. Тот тут же торопливо сказал, что за ночь поймали всех тех, ради кого, собственно, устраивали «Перехват», и посоветовал скрыться из города немедленно. Ника к этому времени тоже уже проснулась — Ник разбудил ее своим голосом.

Девушка мгновенно поняла, что он сейчас уедет, и, как только увидела парня, вместо «Доброго утра» выпалила совершенно другое:

— Никит, возьми меня с собой!

— Заткнись. — Тут же сказал он. Скорее по привычке. Но глаза его стали из сосредоточенных растерянными. — Ты хотя бы иногда думай, что говоришь.

Кларский вышел из комнаты, а когда через пару минут вернулся, девушка снова пристала к нему.

— Никита.

— Что еще?

— Ты мне нравишься. — Скороговоркой Ника, как будто бы готовилась сказать эту фразу всю ночь. Парень, услышав это, расхохотался, правда, совсем невесело.

— Чего смешного? — закричала она тут же, топнув ногой. Ника все еще боялась, что сейчас к ним ворвутся люди с автоматами.

— Совсем ничего. Иди сюда, маленькая стервочка, — притянул к себе девушку Никита, внезапно захотевший ласки и тепла. — Иди ко мне. Иди.

Он жестко, требовательно и как-то совсем не романтично и не нежно поцеловал ее, чувствуя, что она не сопротивляется и даже боязливо отвечает на поцелуй, и так же внезапно отпустил — даже оттолкнул. Потому как понял, что если поцелуй затянется, он долго еще не выйдет из этой квартиры. Ник боялся, что не сможет себя контролировать.

— Это очень смешно. — Кивнул он. — Поверь. Очень. Деньги, что обещал, я перечислил все. И добавил немного. Купи себе что-нибудь стоящее.

Как оказалось позже — добавил Ник вовсе не немного…

— Ну не уезжай, — почти с мольбой сказала Ника, глядя, как загипнотизированная, на его губы.

— Почему?

— Без тебя… скучно будет.

— Да уж, некому будет лечить тебя после наркоты, так?

— Вот же ты…! Жалко.

— Что? — Не понял парень, одеваясь и совершенно не смущаясь Ники.

— Не что, а кого. Меня. — Девушка всхлипнула.

— Чего? — переспросил он, думая, что если она разревется — он ее точно убьет. Чтобы не мучилась.

— Тебя мне жалко. — Печально сказала девушка. — Ты не такой плохой, каким хочешь казаться.

— Да ну? — прищурился Никита. Что-то в нем требовательно кричало: «Скажи, скажи еще, какой я хороший! Хотя бы ты скажи!».

— Мне не хочется тебя отпускать. — Сжала губы Ника.

— Я вернусь к тебе, раз не хочется, — было ей ответом.

— Нет, правда.

— Правда, вернусь.

— Ну, Укроп! — выпалила девушка, едва сдерживая слезы. Никита, натянувший уже пиджак, сделал вид, что рассердился.

— Как ты меня назвала?

— Никак. Никита, с тобой все будет хорошо?

Парень внимательно посмотрел на едва не плачущую девушку и только головой покачал. За время их диалога он собрался полностью и теперь был готов выбежать на улицу, чтобы оседлать «Выфер» — «Выфер» клоуна Смерча! — и уехать из города.

— Я с тобой!

— Нет.

— Я с тобой!

— Куда ты со мной? — не выдержал Ник. Глупость он ненавидел. — Ты вообще понимаешь, что происходит? Меня ищут менты, Карлова! Да ты действительно дура! Ты знаешь, чем я занимаюсь? Кто я такой? Что делаю?

— Догадываюсь, — хмуро отвечала девушка.

— Плохо догадываешься! Зачем такого, как я, ты покрываешь? А? Из жалости? Да засунь ты ее, эту жалость, куда подальше, глупая! — вспылил Никита.

— Раньше же с тобой общалась. — Упрямо сказала Ника.

— Я заставлял тебя. А теперь ты сама мне предлагаешь помощь!

mir-knigi.org

— А ты что, такой гордый и не можешь ее принять? — прокричала девушка. — Тогда сам засунуть свою гордость куда подальше!

— Замолчи. Не зли меня. — Он уже был в коридоре. Нику хотелось скорее покинуть это место, вернее, эту девушку. Он не может остаться! И взять ее с собой — тоже! Не Судьба… Ни с Олей, ни с Никой. Да и не рассматривал он никогда Карлову в таком ракурсе — только сейчас ему пришло в голову, что возможно, именно она — та самая, которая станет его путеводной нитью в «белый» мир. Только уже слишком поздно.

— Я тебя все равно не боюсь, — соврала она, сдерживаясь, чтобы не схватит его за руку.

— Отлично. Все, я ухожу. Не выходи на улицу. Спасибо тебе. За все. Пока, — сказал отрывисто Никита, беря в руки шлем-интеграл.

— Ну и пока. — Ответила девушка с болью в голосе. Она ненавидела прощания. С детства ей казалось, что когда-то кто-то уезжает, в ее жизни рушиться что-то важное. А сейчас это чувство просто-таки зашкаливало за все вообразимые пределы.

Никита Кларский вышел из квартиры, лишь один раз оглянувшись, а после аккуратно захлопнул дверь за собой. Ну вот и все. Теперь он не станет под угрозами навязывать ей свое дурацкое скучное общество. Не будет таскать за собой по всяким идиотским местам. Ее не утащат больше никуда какие-то там бандиты-гопники, а его страшный брат больше не станет интересоваться, готова ли Ника выйди за Никиту замуж. Теперь все станет, как и прежде, и можно будет ходить гулять с подружками, и веселиться в клубах, и знакомиться с парнями, и не переживать по поводу того, что вот-вот ей вновь нужно будет встретиться с Укропом, а при встрече контролировать свои слова. Ничего это уже не будет и… Эй! Так нечестно! Пусть это будет!

— До встречи! — вдруг прокричала Нику вслед девушка, понимая, что упустила из рук что-то важное, хоть и острое и ранящее до крови. — До встречи, идиот! Идиот! Свинья набитая!

Может, он сквозь стены услышит ее обидные слова и вернется, чтобы, как всегда, припугнуть и нагрубить? Если даже Ник и слышал что-то, он не вернулся. В квартире повисла пустота.

— До встречи, Никита. — Проговорила Ника тихо совершенно другим голосом, чувствуя в горле кирпичный ком.

Она вернулась в комнату, вспоминая их мимолетный поцелуй, и от неожиданности вскрикнула — Ник забыл барсетку. Она так и осталась лежать на стуле. Кровь толчками стала раскачивать сердце, а в душе воцарилась паника. Нет, стой, вернись! Никита! Ты ведь забыл!!

В груди девушки неожиданно птичкой забилась надежда. Надо отдать Нику барсетку. Если она догонит его сейчас, то все будет хорошо потом. Если она успеет, она обязательно скажет, что он хоть и козел, но она от него без ума! Нет, она уговорит его уехать вместе с ним! Она его не бросит, не оставит, потому что если ему и нравится эта странная Ольга, Ника точно знает — Никита Кларский принадлежит ей, а не какой-то другой девушке. Они не зря познакомились, совсем не зря! Их почти одинаково зовут, у них даже фамилии подходят друг другу.

«Никита, подожди, пожалуйста, подожди, не уезжай без меня», — взмолилась про себя Ника.

Она схватила барсетку и понеслась вниз по лестнице, даже не заперев дверь квартиры. Каждая новая ступенька все больше и больше обнадеживала Нику, словно по ним только что спускался не Ник, а царица царства сбывшихся надежд. Он не должен уехать. Она обязательно успеет.

«Подожди! Я сейчас!». Ника продолжала бежать по ступенькам вниз. Скорость ей придало внезапно наступившее чувство того, что если она сейчас догонит его, то случиться чудо для них обоих! Обязательно!

Ника вылетела из подъезда, и сумасшедший блеск в ее глазах мгновенно погас, как будто кто-то нажал в ее душе на кнопку «выкл.».

Никиты и черно-красного байка во дворе уже не было. Только где-то в отдалении слышался еще пару секунд звук мчащегося куда-то мотоцикла.

Ника поняла, что не успела. И что чуда никакого не случиться. Скорее всего, он получит поддельные документы и уедет. Далеко. Может быть, даже в другую страну. И она никогда уже не увидит его.

Девушка тяжело опустилась на покосившуюся старенькую лавочку, притаившуюся между двумя тополями и окруженную тополиным пухом, похожим на искусственный снег из кинофильма. Не успела. Вот дура. Укроп уехал и не вернется. Да и кто она ему, чтобы он вернулся? Вот если бы она была той девчонкой с короткими волосами, Ник бы еще подумал, а так…

В барсетке Ника обнаружила кроме своего портрета, совсем простую зажигалку и автоматическую ручку.

Ника не знала, что с вечера Никита переложил деньги и документы в карман пиджака.

Она, сидя уже на корточках, жгла пух вокруг себя — он мгновенно сгорал — и изредка вытирала покрасневшие глаза. Колье из белого золота жгло ей шею куда сильнее, чем огонь.

А Никита гнал вперед по дороге, сосредоточенно глядя по сторонам. Попасться в руки правоохранительных органов ему совершенно не улыбалось. Да, парню хотелось остаться — из-за Марта, лежащего в больнице, из-за кучи незавершенных дел, из-за идиотской Ники, в конце концов — кто будет учить ее манерам, если не он? Да и не нужно, чтобы вокруг нее крутились такие типы, как тот кудрявый урод с реки, раздевающий ее глазами. Но нарушить слово, данное брату, Никита не мог.

Впервые в жизни он так волновался об Андрее, да и не только о нем одном. Он чувствовал себя братом потерявшего дружину раненного князя, скорбящему по этому горькому поводу, но получившему свободу от нелюбимого воинского ремесла. Ну почему так все вышло? Это что, тоже Судьбе чертовой было удобно? Тоже ей? Ей что, удобно, чтобы он, Никита Кларский, всю жизнь страдал, так что ли? Да что за дела, вашу мать!

Вскоре Ник уже был за городом и встретился с нужным человеком, а еще через пару часов в кармане его лежали новые документы на имя Филатова Игоря Владимировича. Ни на одном посту милиции его не остановили, и парень беспрепятственно сделал все то, чему учил его Андрей. Март предусмотрел многое — в том числе несколько путей отступа. Для себя и для младшего брата. Деньги для Кларского тоже не были проблемой. Ему оставалось доехать до соседнего города и сесть на поезд, чтобы после оказаться на борту международного авиарейса.

А расстроенная Ника, вцепившись в подушку и проплакав на диване, где совсем недавно лежал Ник, так и не нашла оставленный им на кухне листок, на котором были криво нарисованы угловатые мальчик и девочка — этакая карикатура на рисунок, сделанный девушкой на холодильнике в квартире Кларского. Ник начертил их за пару минут до того, как проснулась

Ника, когда увидел собственные портреты, лежащие на полу. Парень повертел их в руках, еще раз поняв, что Ника все же очень неплохо рисует, после погладил ее по волосам и нарисовал этот рисунок.

«Жди, я тебя запомнил», — написал Ник на обратной стороне листочка и прикрепил его магнитом к холодильнику.

Петр галантно открыл дверь своей фиолетовой «Мазды» перед Лидой, и она, поблагодарив парня кивком, села внутрь на переднее сидение. Он наклонился к ней и поцеловал в щеку, а после сам застегнул на девушке ремень безопасности и нежно улыбнулся. Правда, тут же послал свою нежность далеко к адовой всеобщей прабабушке и с самым независимым видом уселся за руль. Нежность с его лица пропала, вернее, тщательно замаскировалась в темно-синих глазах и для верности еще укрылась за густыми черными ресницами, как за шторками. По неизвестной причине и на зависть девушкам и женщинам у обоих кузенов Смерчинских ресницы были просто превосходные и отличались только цветом.

— Ты ведь сегодня свободна, — утвердительно сказал Петр.

— Скорее да, чем нет, — согласилась она.

— Поэтому мы с тобой съездим в одно местечко. Нет, бессовестно тебе лгу. В два. — Сообщил девушке молодой человек.

— Да? — Лида улыбнулась ему. Ей безумно нравились его уверенность — и самоуверенность тоже, спокойствие и расчетливость, а еще — желание и умение быть лидером. Ей ведь как раз и нужен был сильный и смелый человек рядом, который мог взять ее за руку и вести вперед, принимая все удары на себя, а не подставляя под них ее. Петр казался девушке именно таким, и тот факт, что он занимается какими-то нечистыми делишками уже мало ее волновал, вернее, пугал. Потому что с некоторых пор Лида была уверена в Смерчинском — конечно, еще не так, как в самой себе или в своих родных, но знала, что когда-нибудь Петя станет ей одним из самых близких людей в мире. И этот процесс уже начался.

Именно сегодня Лида впервые побывала в доме Петра: черноволосая девушка приехала к нему поздно вечером после совместной прогулки по темному городу — она обожала гулять тогда, когда улицы погружались в темноту, плавно, одна за другой, включая освещение и неон. Перед тем, как просто гулять по городу, взявшись за руки, они ужинали в очередном дорогом ресторане, где играла восхитительная юная скрипачка, чем-то неуловимо похожая на Ванессу Мэй, а после на час заехали в клуб «Алигьери» — Петру позвонил арт-директор и сказал, что его присутствие необходимо, чтобы разрешить какую-то проблему.

— Ты не будешь против, если мы съездим в клуб? — вежливо поинтересовался Петр, поправляя очки. — А после мы обязательно погуляем — как ты и хотела.

— Конечно, не против, — кивнула Лидия, подумав, что Женя не спрашивал у нее, против она будет или нет. Если бы ему нужно было, он бы уехал сразу, и, наверное, даже без нее. Все-таки зря она так сильно идеализировала его, дура.

— Тогда отлично.

Петр оплатил счет, оставив официанту, обслуживающему их столик приличные чаевые, взял Лиду за руку, и через двадцать минут она уже находилась в знаменитом клубе, который еще только готовился к тому, чтобы открыть все свои танцполы для вечернего и ночного

музыкального безумства. Смерчинский уверенно вел ее за собой по коридорам и лестницам, а все, кто встречался им по пути, приветливо улыбались и здоровались с ними обоими, словно давным-давно уже знали не только Петра, но и Лиду. Глядя на нее сотрудники еще и многозначительно улыбались, чем раздражали Петра и приводили в тупик недоумение девушку. Она и не догадывалась, что тогда, когда сбежала из клуба в день ее знакомства с Петей, он усиленно искал ее, так, что даже сделал ее фото из видеозаписи одной из камер.

— Тебе нравится это место? — спросил Петр у Лиды, когда они дошли до небольшого конференц-зала, где его, собственно, и ожидали для решения проблемы.

— Конечно. — Ответила она, не задумываясь. — Здесь классно. Так забавно переплетены современность и Средневековье, роскошь и андеграунд, классика и минимализм.

Петр хмыкнул.

— Заходи. И никого не бойся. Все эти люди подчиняются мне. — Сказал он девушке, и через пару секунд она очутилась в официально-деловом конференц-зале

— О, пропажа! — завопил непосредственный, как ребенок, арт-директор «Алигьери», едва заметив пару в дверном проеме. — Хозяин с хозяйкой!

Несколько мужчин, сидевших за круглым столом около огромного проектора, тут же обернулись на вошедших и долго, но с учтивыми улыбками изучали «хозяйку», чье фото уже пару раз видели.

— Добрый день. — С места в карьер начал Смерчинский, не любивший попросту терять время. — Это моя девушка, и мы очень заняты. И поскольку у меня мало времени, то прошу вас изложить проблему в рекордно короткие сроки.

— Петр, — басом отозвался один из мужчин, развалившийся в кресле и сложивший руки на животе, — ну это же бизнес, какие короткие сроки? Побойся Бога!

— Валентин, — точно таким же тоном начал Смерчинский, — побойся Даниила Юрьевича. Я ведь знаю, что это ты напортачил с бизнес-планом. Так?

— Не я один! — побурел от возмущения мужчина, который оказался координатором клуба. — И вообще, давай до конца решим накладки с бюджетом, перед тем как Даниил Юрьевич увидит бизнес-план. И решим, сколько мы дадим ему, — кинул косой взгляд на арт-директора он. Координатор и арт-директор друг друга терпеть не могли.

— Петр, брат, он меня ущемляет! — воскликнул последний, чувствуя, что координатор может урезать бюджет на его следующее мероприятие. — Ты ведь управляющий, реши что-нибудь!

— Сейчас все решим. — Отозвался Петр, которому эти двое слегка поднадоели. — Лида, я сглупил, позвав тебя сюда, — негромко сказал он девушке. — Тебе здесь делать совершенно нечего. Мне нужно просмотреть кое-какие документы и поставить на место зарвавшихся дураков. Проведешь время в моем кабинете, милая? — он не любил показывать на людях свои истинные чувства, поэтому вместо покровительственного поцелуя, к которым уже привык, просто коснулся ее пальцев.

— Хорошо, как скажешь, — согласилась она.

— Делай там все, что захочешь. Только не пей, хорошо? Проводи ее до моего кабинета, —

кинул Петр охраннику, который появился за их спинами сразу, как только они вошли в «Алигьери». К слову сказать, это был не простой охранник, а глава службы безопасности клуба, преданный своим хозяевам и своему делу. Он почтительно кивнул и увел Лиду наверх. Последним, что она слышала, было:

— Я тут гениальную концепцию вечеринок разработал, между прочим, осталось только с промоутерами обсудить! Кстати, они, поганцы…

— Потом это решим. — Твердо прервал его Петр. — Что у нас с…

Дверь закрылась, заглушая звуки голосов.

Во второй раз оказавшись в шикарном кабинете Петра, девушка вновь села на кожаный диван и провела по нему руками. Ей до сих пор плохо верилось, что она встречается с таким парнем, как он. Во-первых, ее смущал его рост — сейчас, конечно уже, это прошло, просто раньше Лида даже и не обращала внимания на мужчин, ниже себя, считая подсознательно, что раз они ниже ее, значит, в их паре лидировать будет она, а ей, как и обычной девушке, хотелось быть ведомой и защищенной. Во-вторых, явная связь Смерчинского с наркотиками и криминальным миром — это не просто настораживало, это реально пугало. Но девушка начала влюбляться в Петра, и чувствам было наплевать, чем он там занимается. А, в-третьих, Лида до сих пор не могла поверить, что ее парень, человек, который старается встречаться с ней почти ежедневно, постоянно всюду сопровождает и звонит, чтобы просто узнать, как ей спалось, и не хочет ли она куда-нибудь с ним сходить (глупыми нежностями Петр, к радости Лиды, не увлекался, и бессмысленными глупыми разговорами — тоже), что такой парень еще и очень обеспечен. Очень и очень.

«Может быть, это все для того, чтобы сломать меня и мою бдительность, попользоваться и бросить, а потом найти новую жертву?», — иногда думала она и от этих мыслей жутко мучилась. Сейчас, сидя на диване, — тоже. Правда, одновременно испытывала и какой-то детский восторг по поводу того, что встречается с Петром и чувствует его заботу о ней. Около часа она просто шаталась по огромному кабинету, с интересом изучая обстановку: везде было очень аккуратно и чисто, расставлено по полочкам — даже бутылки в баре гордо стояли по величине. Лида, сама ценившая порядок, в отличие от тех же Маши и Марины, все сильнее понимала, что Петр — ее идеальный мужчина. А рост… что ж, то, что он ниже не делает ее менее счастливой. И когда она обнимает его, ей кажется, что он сможет защитить ее от всего на свете.

На одном из танцполов, на который выходило огромное окно из кабинета Петра, зажглось освещение — вот-вот на него должен был хлынуть людской поток желающих бордо и отлично отдохнуть. Девушка некоторое время смотрела сверху вниз на танцпол, а потом вновь вернулась на диван, где, не переставая думать на тему «Петя и Женя: сравнение», уснула. Смерчинский в ее голове победил Евгения с огромным перевесом.

— Скучаешь? — вырвал ее из плена сна Петр, присев рядом и аккуратно погладив по плечу. Его не было почти два часа, и выглядел он утомленным. Девушка распахнула глаза и, как кошка, потянулась, выгнув спину. Она сделала это случайно, а Петр тут же окинул ее фигуру заинтересованным взглядом. Сердце у него забилось быстрее.

— Я скажу глупость, но ты так подходишь этому дивану, девочка моя.

— Правда? — сонно спросила она и протянула к нему руки — чтобы ее обняли. Настроение у нее и впрямь стало как у кошки — игривое.

— Конечно.

Он вновь, как и в прошлый раз, оказался над ней, только теперь Лида была в себе, а не под действием наркотика, и то, что парень делал, ей очень нравилось — до «перехвата» дыхания. Лида вдруг подумала, что если сегодня проведет с ним ночь, то потом точно будет знать, зачем она нужна была Пете — для игр и одного раза, или потому что она действительно ему нравится.

Их поцелую самым наглым образом помешал телефонный звонок.

— Подожди, милая, подожди, — остановил девушку Петр, нехотя встал с дивана, нехотя взял мобильник со стола и прошипел:

— Что еще за козел?

Он пару раз глубоко вздохнул, выравнивая дыхание, и нажал и ответил на звонок.

— Да, слушаю.

Молодой человек вернулся на диван, и Лида тут же положила голову ему на колени, а он машинально гладил ее по волосам, играя с черными прядями.

«Или я сейчас растаю, или превращусь в лужицу воды», — подумала девушка. Этот кратковременный момент жизни — когда ее голова покоилась на коленях Пети, а он осторожно, но собственнически касался пальцами ее волос, разговаривая по телефону, настолько поразил девушку, что она поймала себя на мысли о том, что счастлива. Ей безумно нравится смотреть на Петра снизу вверх и улыбаться ему.

— Да, я вас слушаю, — повторил парень. В трубке телефона раздался смутно знакомый мужской не слишком уверенный голос — как оказалось, это звонил Саня, тот самый парень, что вернулся за раненым Дэном и остановил автомобиль Петра.

— А-а-а, это ты. Почему ты не позвонил раньше? — вальяжным тоном поинтересовался он у молодого человека. Он, действительно, хотел отблагодарить парня.

— Не хотел мешать. — Отрывисто отозвался тот. Позвонить Смерчинскому было для него непростым решением, и парень нервничал.

— Очень зря, — поправил очки на переносице Петр, и Лиде очень понравился этот его жест. — Я же четко дал тебе понять, что ты заслужил моего расположения, парень. Я дам тебе адрес, и ты приедешь ко мне. — Начал раздавать команды Смерчинский. — Приедешь завтра. И получишь вознаграждение.

— Стой, я хотел о другом поговорить, — отозвался Саня.

— Обсудить сумму денег? — деловито уточнил Петр.

— Да не-е-е… У меня с работой проблемы. — Признался второй парень. — Короче, работа мне нужна очень. Я… завязал. Не могу я так… Ну, короче… Ты понял.

— То есть в качестве вознаграждения ты хочешь найти работу? Я правильно тебя понял?

— Да.

— Вот как? Удивленно сказал Петр. Он мигом решил проблему. — Хорошо. Приезжай через час в клуб «Алигьери». Знаешь, где это?

— Вроде да.

— Хорошо. Подходи ко входу для работников заведения — он прямо за стоянкой. Тебя встретят.

Лида не выдержала и стянула с Петра очки в очередной дорогой терракотового цвета оправе, он погрозил ей пальцем. А в ответ она слегка укусила его за запястье. Чуть позже, когда они уже были у него дома, он подумал, что если бы кто-то другой позволили себе стянуть с него очки, этому человеку пришлось бы не очень сладко.

А девушка только беззвучно рассмеялась — без очков Петр казался не таким серьезным и взрослым, и больше начинал походить на Дэна Смерча.

Петр что-то еще сказал Сане и пообещал, что о работе тот может не беспокоиться — у этого представителя семейства Смерчинских имелся свой кодекс чести. Избить несопротивляющегося соперника, которого держит охрана, как это было в случае с Евгением, для Петра было нормальным явлением. Так он показывал свою силу и мощь. А вот не сдержать слово, данное человеку, которому был должен — и должен целую жизнь, пусть не свою — он не мог.

— А тот парень, ну, которого ножом пырнули, с ним чего? — спросил Саня с беспокойством в голосе. Видимо, этот вопрос не давал ему покоя уж очень давно.

— Живой. — Коротко отозвался Петр. — Все с ним в порядке. И спасибо тебе, что помог тогда. Теперь моя очередь помогать тебе. Ну, давай.

— Покедова, то есть до свидания, — поправился торопливо парень. — Я приду через час!

Попросив у заскучавшей и не понимающей, о чем идет разговор, Лиды прощения, он вновь поднялся на ноги и вызвал в кабинет менеджера по персоналу.

— Через час встреть парня. Его зовут Александр, и он будет ждать тебя около второго входа. Посмотришь на него и устроишь в клуб. Ясно?

— А какое у него хоть образование-то? — с тоской спросил менеджер.

— Не знаю, — пожал плечами Петр. — Может быть, никакого. И ты, друг мой, подберешь ему хорошую вакансию, не смотря на это. Да, кстати, передашь ему это, — и Петр передел менеджеру плотный конверт, куда только что вложил деньги.

— А если он совсем дуб дерево? — страдая, уточнил менеджер, лихорадочно обдумывая, куда запихать какого-то левого парня — а ведь управляющему клубом не откажешь!

— Но ведь ты не совсем дуб дерево, — хлопнул его по спине Смерчинский. — Найдешь, куда. Или охрана, или помощник администратора, или технический персонал.

— Все будет сделано, — криво улыбнулся его собеседник, с интересом поглядывая в сторону Лидии. Надо же, у этого молокососа-сухаря появилась девчонка! И как она его только терпит?

Менеджер по персоналу, обговорив еще какие-то детали, покинул кабинет Петра, и, как и должен был, через час встретил Саню около входа для персонала. Как оказалось, в своем

mir-knigi.org

родном маленьком городке он закончил профессионально-техническое училище, где получил профессию повара, поэтому уже на следующий день был устроен поваром в ресторан «Амброзия», располагающийся на первом этаже клуба. К слову сказать, дальнейшая жизнь этого молодого человека сложилась очень даже удачно. Как оказалось, готовить у Сани получалось куда лучше, чем драться, и если сначала шеф-повар был не слишком доволен новым работником, то потом с изумлением понял, что паренек хоть и не опытен, прекрасно разбирается в еде и в ингредиентах. Через несколько лет Саша — Саней тогда его уже никто не называл — закончил Торговый университет по специальности «технология продуктов общественного питания» и при протекции шеф-повара «Амброзии» отправился на стажировку в Италию, а после, еще через пару лет, сам стал шеф-поваром в новом итальянском ресторане Олега Смерчинского, ставшим известным на весь город.

Саша часто думал потом, особенно в те моменты, когда находился в небе, сидя у иллюминатора очередного самолета и глядя на облака, похожие в зависимости от погоды то на белоснежный воздушный крем в «Эклере», то на кремовую прокладку в «Наполеоне», что его жизнь изменили всего лишь пара минут и собственный выбор: остаться в машине с испуганными и озлобленными друзьями-гопниками, едва успокоившими наркомана, или уйти назад, чтобы помочь раненому парню, оставшемуся в парке. Он сделал то, что подсказывало ему сердце, и взамен на свой поступок получил шанс изменить свою жизнь к лучшему. Встреча с Петром и Дэном Смерчинским была самой большой его удачей в жизни.

Петр и Лида вскоре тоже поняли, что все человеческие поступки имеют не только причины, но и следствия.

— Теперь ты свободен? — улыбнулась ему девушка, глядя на начавшееся веселье на танцполе.

— Да. Свободен.

— Включи музыку? — попросила девушка.

— Зачем?

— Я хочу потанцевать с тобой.

Его черная бровь выгнулась в недоумении.

— Ты же говорила, что не любишь танцевать, милая.

— Мало ли что я говорила. Петя, я, правда, хочу танцевать с тобой. — Подошла к нему близко Лида и взяла за руку.

— Хорошо, — кивнул он, и вскоре по всему его кабинету зазвучала спокойная красивая мелодия Прокофьева «Утро» из балета «Ромео и Джульетта» в исполнении Ванессы Мэй. Вместе с музыкой в кабинет ворвалась приятная полутьма, окутывавшая их обоих плавно качающаяся в ритме музыки.

Петр, как истинный кавалер, предложил Лиде руку — и она с улыбкой вложила свою ладонь в его, чувствуя себя девушкой в кисейном платье с лентами и корсетом из времен Наташи Ростовой и Андрея Балконского, попавшая на свой первый бал. И не важно, что здесь не было торжественного оркестра и пышной обстановки дворца, и не кружились в танце другие пары вокруг, Лидии хватало того, что рядом с ней был Петр, осторожно держащий ее.

— Узнаешь мелодию? — спросил негромко он.

mir-knigi.org

— Я слышала ее. — Осторожно отвечала девушка, позволяя медленно кружить себя. — Но я не знаю, кто написал ее.

— Прокофьев. Балет «Ромео и Джульетта». — Отозвался Петр и пояснил. — Я заканчивал музыкальную школу. И это единственный мой плюс в подростковом возрасте перед Денисом. Знаешь, милая, я мог стать пианистом.

— Но не стал?

— Нет, я не творец, — сказал молодой человек. — Мне не дано творить, а только лишь исполнять. И посредственно — еще одним Даниилом Крамером или Денисом Мацуевым мне не стать. А меня не устраивает такая роль. Наверное, я слишком горд и хочу заниматься тем, где я буду одним из лучших.

— Бизнес? — спросила Лида.

— Пусть это будет бизнес. — Спокойно отозвался молодой человек, наслаждаясь танцем и мелодией, которую он так давно не слышал.

— Красивая музыка, Петь… Только вот «Ромео и Джульетта» — они всегда вызывали у меня слезы. — Призналась девушка.

— Тогда ты должен кое-что знать, милая. — Он улыбнулся. — Ты знаешь, что еще в 1935 году Прокофьев написал особенный вариант «Ромео и Джульетты»? Вариант со счастливым финалом. Джульетта проснулась раньше, чем Ромео выпил яд, и они остались живыми. Но он побоялся, что этот вариант не понравится Сталину, и переписал первую версию партитуры. Второй вариант не нравился ему самому, и, наверное, в глубине души, Прокофьев не принимал такой трагичный конец. Поэтому, слушая эту мелодию, и ты можешь считать вслед за ним, что Ромео и Джульетта не погибли, а остались вместе, пройдя испытания.

Лида рассмеялась.

— А в глубине души ты все-таки романтичен.

— Конечно, — серьезно согласился Петр, неспешно продолжая танец и изучая ее лицо. В присутствии этой брюнетки его настроение всегда становилось миролюбивым, и оказывалось, что где-то в тайниках его сердца, над которым иногда прекращал брать верх аналитический мозг, все же есть запасы нежности. — Безумно.

Вскоре они покинули клуб, и долго бродили по темным улицам, а потом поехали к нему домой, в большую квартиру, выполненную в стиле «перетекающего пространства», то есть представляющую собой одну огромную комнату, разделенную перегородками, ширмами, отделочными материалами, арками или трансформирующейся мебелью на несколько зон: холл, гостиную, спальню, кабинет, кухню.

Лида не была таким ребенком, как Мария и не вела себя так беззаботно, как Марина, поэтому прекрасно понимала зачем она, на ночь глядя едет к парню домой, в его пустую квартиру. Однако к ее огромному изумлению и даже к каком-то недовольству, никаких активных действий Петр не принимал — спокойно пил кофе, неотрывно глядя на девушку, что-то ей рассказывая и совсем мало реагируя на ее поцелуи, и вскоре она прекратила касаться его, усевшись в угол широкого кресла, больше похожего на маленький диван, и гадая, что случилось с Петей.

— Я поеду домой? — нерешительно спросила она, не понимая, в чем дело. Может быть, она надоела Смерчинскому?

— Если хочешь.

— А ты этого хочешь? — с нажимом спросила Лида.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я считаю тебя своей. — Отозвался он. — Но ты не поверишь: я не могу заставлять тебя делать то, что я хочу. Поэтому я жду, что ты сама скажешь мне, чего ты хочешь. Боюсь обидеть тебя, — добавил он слегка растерянно. — Никогда никого не боялся обидеть словами или действиями, а тебя боюсь. Мне кажется, что в чем-то ты мне до сих пор не доверяешь.

Лида мгновенно вспомнила свои страхи о том, нужна ли она на самом деле человеку не из своего социального круга, и что он хочет от нее. А потом вспомнила музыку из балета Прокофьева, и решилась.

— Пошли, — она встала и впервые сама взяла его за руку. — Пошли.

— Куда?

— В твою спальню. Ты мне ее еще не показывал. — Тихо сказала она.

— Ты уверена?

— Нет, я шучу, — рассержено сказала она, провела рукой по его шее и расстегнула первую пуговицу.

Они ушли и вновь оказались в полумраке — в темную комнату падал лишь темно-желтый свет нескольких горящих окон из соседних домов напротив, просачиваясь сквозь полупрозрачные шторы. У Петра получилось сделать так, чтобы девушка сама захотела продолжить их отношения, правда дыхание его участилось не от радости победы, а от ее простых и поначалу неуверенных прикосновений.

— Ты такая красивая, — шептал он ей на ухо, чтобы утром пообещать убить себя за все те слова, что он говорил Лиде этой ночью — поначалу ему тяжело давалось открыться ей, хотя другим он не открывался вообще.

— Я забыла сказать тебе, — прошептала перед тем, как уснуть, почти обессилевшая Лида, как в детстве, подогнув ноги и свернувшись калачиком рядом с парнем, подложившим свое предплечье под ее голову, — совсем забыла.

— О чем же?

— То, что ты заканчивал музыкальную школу — это не единственное твое преимущество перед Денисом Смерчинским — для меня ты лучше всех.

— Спи, — Едва заметно улыбнулся молодой человек. — Уже поздно. А завтра я разбужу тебя рано, Лида.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Ты все-таки такой душка. — И Лида опять разулыбалась, глядя в высокий потолок, думая, что все-таки жизнь прекрасна, а Петя — кто бы и что о нем не думал — прекрасный человек.

Утром они вместе позавтракали — Смерчинский, как и обещал, разбудил Лиду, а она с трудом проснулась и долго, правда, деланно хмурилась, но оттаяла, когда ее силой утащили к столу, а после Петр посадил ее в свою фиолетовую машину.

— Так куда мы поедем? — поинтересовалась Лида, с улыбкой восторга глядя на молодого человека.

— Сначала в магазин. Я хочу купить тебе кое-что. А потом на вечер. — Сказала он ей и, действительно, привез в крупный, но дорогой бутик, где сам, по своему вкусу, выбрал девушке вечерний наряд — длинное платье благородного синего цвета из тафты и на бретелях и полуоткрытой спиной. Ему пришлось выдержать целый бой — Лида ни в какую не хотела получать от него дорогих подарков, а платье стоило не очень дешево.

— Ты как будто меня покупаешь, — сказала она сердито.

— Я покупаю платье. На тебя у меня денег не хватит. — Отозвался Смерчинский, и повез ее за обувью и украшениями. Сегодня он хотел представить девушку деду и отцу, и хотел, чтобы его красавица выглядела ослепительно — не потому что он считал Лиду недостаточно красивой или обеспеченной, она умудрилась стать для него просто лучшей женщиной, а потому что знал, что его противному деду важно будет не только содержание, но и форма.

Увы, в этот день он так и не представил Лидию своим ближайшим родственникам. Когда они ехали на благотворительный вечер «Ночь Жизни» — в это время Марина как раз писала сообщение сестре и Маше о том, что она сейчас вместе с Петром, — в их машину, плавно едущую по не слишком пустой дороге в центре города, врезалась чья-то «Волга», а в нее, в свою очередь врезался «Лексус». Петр только чудом сделал так, чтобы его «Мазда» не поцеловала багажник едущего впереди «Пежо». Смерчинский мгновенно вскипел, едва взял себя в руки и выбрался из тачки, чтобы разобраться с криворуким бугаем из «Лексуса», который лениво смотрел на выбежавшего дяденьку из «Волги» и не думал чувствовать себя виноватым.

— Петя, не связывайся с ним, подождем милицию. — Произнесла Лида, глядя на машины сзади.

— Милая, ты еще не запомнила? — улыбнулся покровительственно ей Петр. — Это он пуст со мной не связывается. Посиди здесь, я сейчас вернусь. Ты сильно испугалась? Нет, — он не удержался и погладил ее по щеке, — ну и хорошо.

Из-за тройной аварии на дороге случился затор. Где-то впереди через полчаса вновь произошла авария, на этот раз серьезная, с участием пассажирского автобуса, и дорога превратилась в одну сплошную пробку. Петр в совершенно никчемной компании из испуганного дядьки разбирался с накаченным лысым умником из «Лексуса», около которого торчала тоненькая хрупая девушка, время от времени пищавшая:

— Женечка, прекрати, Женечка, перестань, Женечка, это ведь ты виноват, не ругайся!

Это происшествие вызвало в Смерчинском сильнейшее раздражение — на благотворительный

вечер он опаздывать не должен был — из-за идиота-деда и из-за встречи с Мартом, а тут попал в аварию! Впервые в жизни! Правда, уже через час он оценил свою удачу — видимо его очаровательный кузен Денис забрал при рождении не все дары госпожи Фортуны их семьи.

Когда, наконец, злой Петр ехал по направлению в ресторанному комплексу, где должен был проходить вечер, ему вдруг позвонил арт-директор «Алигьери», тоже присутствующий там.

— Петр, дружище! — заорал он радостно. — Ты где? Тут такая заваруха! Спецназ, менты, бандиты! Короче, на меня нахлынуло вдохновение, и я точно знаю, какую тематическую вечеринку нам замутить, чтобы…

— Стоп! — решительно перебил слегка нетрезвого приятеля Петр и посмотрел на наручные часы. — Стоп, дорогой. Я еще не приехал. Что там случилось? Открытие уже было?

— Не знаю, мы в баре пили, — обрадовано сообщил арт-директор, — как раз в том зале, где заваруха началась. Короче, сидим мы, набиваемся кто вискарем, кто коньячком, и тут в зал вламываются парни с автоматами и в масках и подваливают к одному из столов, где сидит крутой тип с телкой, а за соседним столом — его охрана. И тут, короче, пальба начинается! Прикинь, это Пристанских брали…

— Кого? — Вновь перебил его слегка побледневший Петр. Он плавно притормозил у обочины. — Кого? Повтори.

— Да Пристанскую братву! Короче, почти всех взяли, народ просто от страха лежал на полу. По ходу пьесы, Даниил Юрьевич зло-о-о-й. Так ты чего еще не приехал-то? Или ты приехал?

Смерчинский отключил телефон и скоро перезвонил кому-то и что-то кратко обговорил. Слова арт-директора подтвердились серьезными людьми, и лицо молодого человека окаменело, глаза стали собранными, даже злыми, а движения — более порывистыми. Затихшая Лидия боялась спросить, что случилось, и просто нервно смотрела то в окно, то на Петра. После того, как он переговорил с кем-то, парень устало повернулся к девушке, сам снял очки и потер глаза.

— Мне было с тобой очень хорошо, — сказал он ей медленно. — Прости, но никуда мы не едем. Я дам тебе денег, и на такси ты вернешься домой.

— Что случилось?

— Мне… мне придется уехать, леди. На очень долгое время. Я бы не сказал этого так просто, но обстоятельства изменились — в общем, знай, что ты за короткое время стала самой дорогой женщиной на этой земле. — Он смотрел на Лиду, запоминая ее лицо, как будто бы в последний раз, а она не верила его словам и сначала думала, что Петя ее разыгрывает. — Вчерашняя ночь была невероятной. Ты во всех смыслах прекрасная и, думаю, забыть тебя будет очень тяжело. Я уеду, и не думай, что ты что-то должна мне. Найди себе хорошего парня, — он подчеркнул интонацией слово «хорошего», только не ошибись в выборе, как с твоим бывшим. Меня рядом, чтобы помочь, больше не будет. И никогда не смей пробовать что-то тяжелее шампанского, вина или пива. Да, осторожно переходи дорогу — только на «зеленый».

Он первым вылез из фиолетовой «Мазды», похлопал ее по капоту, словно прощаясь и с ней, и открыл дверь Лиде, которая не могла произнеси ни слова от неожиданности.

— Выходи, милая, — сказал он ей, — пожалуйста, выходи. Вот, возьми деньги, и прости, что так вышло. Слышишь меня? Лида. Лида! Я не могу здесь находиться, мне нужно уезжать. Лида! — он рывком вытащил высокую девушку из салона автомобиля.

— За что ты так со мной? — тихо спросила она. Неужели тот, кому она поверила на все 100 %, таким оригинальным образом избавляется от нее? Неужели она была права, и Петр просто хотел заполучить ее в собственное пользование?

— Только не плачь. Не плачь, пожалуйста! — ненавидел женские слезы Смерчинский, беря ее за руку и вкладывая в ее пальцы несколько самых крупных купюр. Обнимать ее или целовать парень не хотел — слишком больно будет отрываться от нее, а ему нужно спешить — если взяли Марта, то и за ним скоро придут. Пока есть возможность, нужно бежать. Бежать без оглядки и очень далеко. А ведь так все хорошо получалось… А, самое главное, он встретил ее. Правда, как-то совсем не вовремя.

— Просто бери такси и уезжай. Лида!

Она молча глядела на него, а деньги выпали из ее пальцев на дорогу. Ветерок подхватил легкие бумажки и понес в сторону. Ни девушка, ни парень, кстати говоря, оба ценящие материальный достаток, не обратили сейчас никакого внимания на купюры.

— Девочка моя, ну зачем ты так на меня смотришь? — не выдержал Петр, резким жестом взлохмачивая волосы. — Глупая! Я не бросаю тебя! Но если я сейчас не уеду, ближайшие десять лет мир для меня будет в решеточку. Лида, меня посадят, если я сейчас не уеду. У меня нет времени. Тебе не повезло, и ты связалась с таким, как я. Прости, что не говорил тебе, чем я занимаюсь. Прости меня. Прощай.

И он, не оглядываясь, пошел прочь, на ходу ловя машину.

— Я знала, — проговорила она ему в спину. — Я слышала твой разговор с Ником. Я знаю, чем ты занимаешься. Петя, я знаю! Я знаю! Я все про тебя знаю! Я все равно хочу быть с тобой!

Он не оборачивался, а шел вперед, склонив голову, с черными волосами которой играл ветерок, а плечи его не были такими прямыми, как обычно. Только когда он так неожиданно понял, что потерял, он оценил всю прелесть их недолгих отношений. Да и вообще понял, что потерял многое. Переоценка ценностей произошла почти мгновенно — и не из-за страха попасть в тюрьму и пробыть там много лет подряд, а из-за осознания того, чего он лишился в результате своих игр в крутого парня, желания доказать деду, что он — лучше и умнее и его, и Дениса, и собственных отца и дяди.

Лида пустыми глазами, в которых застыли слезы, глядела ему вслед. Петру улыбнулась удача, и он поймал машину.

Совершенно некстати девушка вспомнила слова гадалки, сказанные когда-то давно, словно в прошлой жизни:

«Он изменит тебя, ты — его. Будешь счастлива с ним, хотя тебя ожидает много испытаний. Ты верная, уйдешь с ним…»

Решение пришло к ней почти мгновенно, и девушка, бегом бросилась следом за молодым человеком, чувствуя то же самое, что чувствовала следующим утром Ника — если она сейчас догонит Петра, то все будет хорошо, все обязательно будет хорошо, главное, не потерять его, потому что, потеряв его, она потеряет и себя. А если не побежит следом и не останется вместе с ним, то всю жизнь будет казнить себя за то, чего она не сделала. А это куда хуже, чем винить себя в том, что ты сделал.

— Подожди! Я уеду с тобой! Я хочу уехать! Возьми меня с собой! Петя, пожалуйста! —

прокричала Лидия, глядя, как Петр садится в белую машину. Он не оглянулся и захлопнул за собой дверь. Автомобиль резво тронулся вперед. Девушка отчаянно закричала и продолжала бежать, хотя в туфлях это получалось плохо. Увы, машина, почти бесшумно скользившая по асфальту, оказалась быстрее ее длинных ног. Еще чуть-чуть, и авто скрылось за поворотом.

Ноги девушки в буквальном смысле подкосились, и она в своем красивом вечернем наряде уселась прямо на дорогу, закрыла лицо руками. То, что случилось за эти десять минут — нет, даже за пять — подкосили ее и принесли куда больше горя, чем расставание с каким-то там Женей — а ведь тогда она так переживала, плакала, пока никто не видит… И чего переживала, дура?! Да сдался ей этот меркантильный бабник, которого она, как думала, любила. Плакать надо сейчас — потому что тот, ради которого хотелось жить, оставил ее, и оставил не по своей вине!

Отложенная куда-то вилка, что с некоторой периодичностью впивалось в ее сердце, вновь коснулась его острыми зубчиками. Утратить то, что казалось тебе настоящим счастье еще несколько минут назад — не это ли есть одна из величайших потерь на земле?

— Ты с ума сошла, сидеть в нем на земле? — раздался над девушкой голос Петра. — Вставай, Лида. Вставай!

Она медленно отняла руки от лица и посмотрела вверх. Вилка разломалась на множество кусочков. Перед ней стоял ее Петя. Он вернулся! Вернулся за ней!

Молодой человек протянул Лиде руку, и она поднялась на ноги, чувствуя во всем теле дрожь.

— Ты хочешь со мной? Да? — спросил срывающимся голосом парень.

— Да! Хочу! Хочу!

— Ты будешь жалеть.

— Не буду.

— Тогда пойдем. — И они уже вдвоем оказались в салоне белоснежной машины. Водитель равнодушно посмотрел на них и завел мотор.

— У тебя есть загранпаспорт?

— Да.

— Тогда сначала заедем к тебе, и ты возьмешь его, милая. И все документы. — И Смерчинский назвал адрес Лиды.

— А у тебя… у тебя все есть?

— Есть. Мои документы всегда со мной. Лида, Лида, ну не плачь, — он вдруг заметил крупные редкие слезы на ее щеках. — Я не хотел, чтобы ты во все это ввязывалась. Это только мои проблемы. Пока мы едем к тебе, подумай, хочешь ли ты действительно бросить все и уехать со мной. Я не смогу многого тебе дать.

— Я никогда не думала, что скажу это, но мне нужен только ты. Я всегда считала девчонок, которые так говорят, слабохарактерными курицами, но… я правда так считаю.

Он ничего не сказал, просто обнял ее. Петр не смог выдержать ее слов и того, с каким

mir-knigi.org

отчаянным лицом Лида бежала следом за машиной.

— Петя! — спросила Лида, прижимаясь к нему. — Петя! Ты ведь родился в середине зимы?

— В январе. — Кивнул он

— Просто так… Наверное, под восходящим Сатурном…

— Ммм?

— Нет, я просто. Не бросай меня. Я свой выбор сделала.

«…Вы далеко уедете, будут у вас неприятности. Но недолго. Главное — выдержать и не расставаться. Он темноволос, и внешне не в твоем вкусе…».

Крупные купюры еще долго летели по дороге, пока не попали в руки к одинокому и не слишком ухоженному длинноволосому подростку в неформальной мешковатой одежде, мечтающему сходить на фестиваль, что должен был состояться завтра, но не знающему, где достать деньги на это удовольствие… Подросток сидел в траве около заправочной станции, наблюдая за двигающимися туда-сюда, как на конвейере, машинами всех марок и расцветок.

Проблемы была решена совершенно внезапно — деньги сами нашли его.

— Ничего себе, — прошептал подросток, хватая ловкими тонкими пальцами, словно смеющиеся купюры, — чье это?

Увы, людей, которым могли принадлежать эти деньги, нигде не было. И то ли юноша, то ли молодая девушка — пол подростка в одежде стиля унисекс разобрать было невозможно — уже этим вечером купил билеты на рок-фестиваль, чтобы побывать на концерте любимой группы, чье изображение: падающий вниз человек с крыльями, был изображен на его (или ее) черной длинной вытянутой футболке.

Могла ли то быть снова воля судьбы? Ведь там, на концерте, подростку предстояло познакомиться с человеком, изменившим его мир до неузнаваемости.

Колесо жизни и случайностей никогда не прекращает крутиться.

Этой ночью спала я плохо, потому что уже чисто физически скучала без Дэна, и сама себе напоминала наркомана, которому не дали дозы самого волшебного наркотика на свете.

Папа приехал под утро, уставший, как собака, но довольный и почти сразу завалился спать, а чуть позже я узнала, что все прошло отлично — фактически всех Пристанских задержали: всю верхушку группировки, включая самого Марта. Папа, кстати, не знал, что я в курсе всего, поэтому обо всем мне рассказывал Федька.

По его словам, операция чуть не провалилась. У Андрея в который раз сработало его поистине звериное чутье на опасность. Он решил отказаться от ВИП-кабинета, который, кстати говоря, предложил ему Даниила Юрьевич, и в котором не было выходов для отступления. Март остался в общем зале, рядом со своими людьми. Кстати, вместе с Мартом и его персональной охраной была и какая-то рыжеволосая девушка — совершенно обычная, без криминального прошлого и настоящего, видимо, его подруга. То время, пока сидели вместе, они просто общались и молодой мужчина дважды довольно жестко поцеловал ее, перегнувшись через

стол, что немало удивило сотрудников милиции, наблюдающих за происходящим.

Когда было принято решение о начале захвата и перед Мартом появились люди в масках и с оружием в руках, он все-таки умудрился сбежать. Его прикрыла собственная охрана, начавшая пальбу, но, к счастью, никто не пострадал, кроме двух сотрудников правопорядка, верного охранника Марта и самого Андрея — один из зарядов попал ему в бок и в руку. И именно поэтому ему не удалось убежать далеко. Кстати говоря, вместо того, чтобы убегать, он затаился в одном из туалетов и позвонил своему брату, предупредив того об опасности. Поэтому Никиту до сих пор так и не нашли, хотя, конечно, его искали с куда меньшим усердием, чем ближайших подельников его опасного брата — их обнаружили ночью в результате операции «Перехват». А Марта отправили не в камеру предварительного заключения, а в больницу, вместе с охраной — чтобы не сбежал, когда придет в себя — и если, конечно, придет.

Еще брат сказал, что рыжеволосая девушка, находящаяся с Андреем, от происходящего потеряла сознание, а когда очнулась и узнала, что Марта поймали, он сейчас находится в реанимобиле, то долго плакала навзрыд. Когда ошеломленные милиционеры поинтересовались, зачем она связалась с Андреем Мартом, она резко замолчала и сказала, что это не их дело.

— Дура, короче, — подвел итог этому Федька. Он почему-то горячился, словно рыжая была его родственницей. — Вот нормальная вроде девчонка, красивая, с образованием, — кстати, из адвокатской конторы, куда Март обращался, — но нет же! Обычные мужики ей не нужны — подавайте бандита-психа со смазливым лицом! Машка, это что, мода?

Я только плечами прижала. Откуда я знаю? Может, и мода. Некоторым современным девушкам нравятся порою странные типы. А, может, она и правда что-то чувствовала к этому Андрею Марту. Любимых не выбирают — так же, как и родителей. Я имею в виду настоящих любимых людей.

Кстати, дед Дениса умудрился сделать так, что подозрения в «предательстве» не пали на него, и перед Андреем Мартом он остался чистым, аки младенец, и не просто чистым, а еще и якобы пострадавшим от действий ментов. А пальбу и прочее представил в самом выгодном свете перед своими перепуганными высокопоставленными гостями, и, как потом писали газеты, благотворительный бал «Ночь жизни» получился грандиозным, показывая самим своим существованием протест против всего антисоциального и античеловеческого в обществе.

— А брат этого Марта? Его тоже поймали? — спросила я у Федора, отчего-то все равно переживая за Никиту. Ну не хотела я, чтобы он оказался в тюрьме, даже если он подонок. У него вся жизнь была впереди, а теперь будет разрушена. И зачем он только слушал своего братца? Хотя… был ли у него выбор?

— А его брата — нет, — покачал головой Федор. — Ушел, козел. Рано смылся из ресторана. Почему — непонятно. Но ничего, не уйдет далеко. Зеленый еще. Вот если бы Март ушел — не нашли бы, а этого найдут.

«Свободу попугаям!!», — пожалели Ника и головастики.

— А я не хочу.

— Чего-чего?

— Да ничего. И что теперь грозит Марту и его подельникам?

— Много чего, Машка. Шикарный букет статей. Незаконный игорный бизнес, вымогательства, взятки, наркота, убийства. Хороший срок будет у мудака и его команды. — Жестко отозвался брат. — Так что можешь не переживать. Теперь тебе ничего не грозит.

Да, единственное, что мне грозит — умереть от разрыва сердца — его тянули в разные стороны несчастные головастики, глаза которых были полны искренних слез.

Ведь утром Денис тоже не объявился. А ведь в голове у меня все еще жила призрачная надежда, что он сдержит свое общение — вместе со мной пойдет на фестиваль рок-музыки, где будут выступать мои любимые «На краю» и еще куча здоровских групп. Я от дурости своей писала Денису сообщения и звонила ему, но все это были тщетные попытки связаться с ним. В полдень мне позвонила слегка растерянная Лера и сказала, что Денис вновь связался с ней и вновь сказал, что с ним все хорошо, и сейчас он не в городе, поэтому приехать домой не может, но, наверное, скоро будет.

Я, естественно, облегченно вздохнула — он хотя бы жив и с ним ничего не случилось. И только за это стоит благодарить Бога! А потом на меня напала дикая тоска и ужас — почему он так старательно игнорирует меня?! Возненавидел за мои слова? Решил, что я недостойна его? Больше не вспоминает? Вот же я, неисправимая тупица. Сама себе разрушила жизнь. Но так мне и надо. Я не имела права говорить Дэну не единого плохого слова.

Мой внутренний самоуничтожительный монолог прервал звонок мобильника. Я тут же схватила его, надеясь на то, что это Денис, но нет, это оказалась Марина. Она, как и Лида, была в курсе всех моих несчастий и всячески поддерживала.

— Привет.

— Привет! Хорош киснуть! — неожиданно весело сообщила мне Маринка. — Давай-ка, фея моя, собирайся и приезжай вечером на открытие фестиваля. Ну, этого, «Крэш Бум». Ты же так туда хотела!

— Чего? Куда? Не-е-ет.

Я так долго ждала приезда «На краю», но теперь я туда не собиралась. Мне нужно было продолжать искать Дениса. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Хорошо, что хотя бы можно было не переживать, что в его исчезновении виноваты пристанские ребятки.

— Почему?!

— Не поеду, извини. — Отказалась я со вздохом.

— Черри по большому секрету сказал, что, возможно, Дэн там будет, — сообщила мне Марина тут же.

— Что?! Но он же сказал, что не знает, где Смерчинский! — прокричала я в негодовании. Что за детский сад-то?

— Это он тебе так сказал. А мне удалось выяснить от него, что Дэн приедет туда, — сказала спокойно подруга. — Ты же знаешь, когда мне надо, я все могу выяснить. Короче, сегодня в шесть встречаемся и едем на фестиваль — искать твоего милаху. Поняла? И на своих «На краю» посмотришь заодно. На этого, Кая…

mir-knigi.org

— Кея! Солиста зовут Кей.

— Да хоть Ванек Мумкин, Маш, или Витя Носочкин. Главное, что ты сможешь найти Дэна и, наконец, все сказать ему.

Я нервно выдохнула. Вот оно как! Дэн без меня пойдет на концерт… Так обиделся? Ему так больно? Черт, я должна извиниться перед ним тысячу раз. Пусть даже он не простит меня с первой попытки, теперь то я точно не оставлю его!

Я стала потихоньку оживать. Головастики, отвечающие за разжигание огня в душе, потихоньку ожили, и стали вновь колдовать над пламенем.

— Но как я найду его?

— Обыкновенно. Поедешь с нами: со мной, Черри и его друзьями. Хотя… Черри не согласиться. Потому что Денис велел держать в тайне все… — Подруга с сожалением вздохнула.

— Вот же козел! Начистить бы ему морду арматуриной!

— Тише-тише, доченька. Слушай, давай ты приедешь на фест, а я, как увижу Смерча, напишу тебе быстренько, где он и что с ним. — Обрадовала меня Маринка. — Ты найдешь его и скажешь, что ты — дура, и попросишь прощения.

Если понадобиться — я попрошу его на коленях. Ольга была права, когда сказала, что в любви гордости не место. Иначе можно кончить так же плохо, как гордячка Рада из рассказа Горького «Макар Чудра». А я не хочу так! Я хочу быть с тем, кого люблю. А если он не хочет — хотя бы сказать ему все, что накипело на душе, а потом бороться за его любовь!

— Думаешь, сработает? — спросила я, уже всею душой находясь на открытии фестиваля. Вторая половина моей души взращивала огромные капканы для Дениса.

— Конечно! Ты применишь этот… эффект внезапности. И сомневаюсь, что в таком случае Смерч от тебя отмажется, — рассмеялась девушка.

— Хорошо, Марин. Я пойду! И спасибо тебе за помощь!!

— Не за что, — счастливо рассмеялась та. — А я, наконец, встречусь с моим Черриком!

— Да, правда?

— Да! — счастье в ее голосе зашкаливало за пределы разумного. — Ма-а-аш, мы так долго с ним просто переписывались и изредка болтали по телефону, что мне не терпится увидеть его! Знаешь, сначала он казался мне одним человеком, а потом, когда мы стали вот так вот общаться — совершенно другим. Он может быть таким ласковым, ты не поверишь, — девушка захихикала, и я тоже — так радостно стало мне за Маринку. А еще то, что я, возможно, увижу сегодня Дениса, здорового и невредимого, давало невероятно много эмоций.

— Он называет меня принцессой. А я все время хочу назвать его ангелом, — призналась она вдруг, — а Сашка не разрешает себя так называть. Я пишу в аське: «Ты мой ангел», а он дуется. Ма-а-аш, он такой классный!

— Ну-у-у, раз ты так говоришь, то и вправду классный, — согласилась я. Конечно, зеленоволосый Черри на ангела тянул только в детстве — на той самой черно-белой

фотографии рядом с Дэном и Ланде, отобравшим у него конфету, а сейчас был скорее похож на энергичного и заводного чертенка, но если подруге будет хорошо рядом с ним, то я буду только рада!

— Ладно, оставим в покое моего мальчика. Поговорим о твоем. Короче, слушай и запоминай, Маша. — Продолжала Маринка. — Открытие феста в семь вечера — на Сцене N 1. Вот где-то около нее Черри и Дэн встретятся. Где конкретно, я тебе напишу позже, но, наверное, они встретятся до открытия, часов в шесть. Поэтому к шести и приезжай. И жди от меня звонка или сообщения.

— Слушай, Марин, а ведь на фест билет нужен! — вспомнила я, хлопнув себя по лбу. — Где мне его купить?!

— М-м-м, — задумалась на миг Марина. — Саша говорил, что у них это… лишний есть билет, кто-то из его друзей не сможет пойти, сломал эту… ногу. Слушай, я выпрошу этот билет и отдам тебе?

— Отлично! — едва не запрыгала я от эмоций. — Когда?

— Не знаю. Маша, подожди пару минут, я ему позвоню.

Подруга позвонила мне через несколько минут, которые показались мне вечностью. Я с большими, как у испуганной антилопы, глазами, уставилась на котэ, а оно ни с того, ни с сего, стало кусать меня за руку, обхватив передними лапками и забавно пиная задними — Ириске явно было скучно.

Когда Марина позвонила, я так резко схватила мобильник, что котэ несколько секунд висело на моей руке, ухватившись нахальными серыми лапами за запястье, и только потом упало на пол и затаилось под диваном.

— Проблема решена, — заявила мне хитро Маринка. — Саша сказал, что лишний билет есть, он и его друзья заедут за мной через часа два, и завезут этот билет. Я оставлю его дома, а ты заедешь ко мне и заберешь у моих предков. Ну, как тебе план? Кстати, билет Черри отдает бесплатно.

— Отличный план! — взволнованно вмиг пересохшими губами ответила я, не веря, что я увижу своего Дэна. Одновременно я мечтала убить Черри — за то, что он оказался настолько хорошим другом, что тайну Смерча не рассказал, сволочь, никому!

— Кстати, добираться знаешь как? — спросила Марина. — Или на автобусе или на электричке. Я тебе сейчас в аську ссылку скину на сайт феста, там расписания все висят. Мы на машине поедем, наверное. Блин, жалко, что тебя взять с нами не получиться…

— Все нормально. Я приеду к шести. — Скороговоркой сказала я.

— А, кстати, — вдруг спросила меня Марина. — Тебе Лидка звонила или присылала какие-нибудь странные сообщения?

— Присылала, вот, совсем недавно. Я пыталась до нее дозвониться, но не смогла. Это прикол какой-то? Она мне написала, что ей неожиданно срочно нужно улетать.

— Я тоже думала, что он так шутит, — мрачно ответила подруга. — Да только вот дядя с тетей ее весь день ищут и не могут найти. Она с документами и некоторыми вещами просто-напросто

mir-knigi.org

куда-то свалила. Позвонила матери на дачу и сказала, что будет в конце лета. Типа она уехала куда-то со своим парнем, Петром. Тетя, знаешь, в каком шоке? Ужас просто! И дядя тоже. Он так орал, что найдет их, и этого Петра повесит! И вовсе не за шею… — Марина хихикнула, но ее голос опять стал серьезным. — Только фиг он их найдет, они по ходу заграницу улетели. Не зря же Лида забрала с собой загранпаспорт.

— Э-э-э… Типа они так с Гарри Поттером развлечься решили? — спросила я изумленно.

— Может. Ладно, будем надеяться, что с нашей дурочкой все хорошо.

— Да уж… Не ожидала я от нее такого! Лида из нас троих самая рассудительная, и с бухты-барахты сбежала с каким-то левым типом! Слушай, а ведь ей гадалка говорила, — вспомнилась мне в который раз та таинственная женщина, — что она куда-то с парнем своим сбежит!

— Ужас. Но… Тогда я верю, что Черри станет моим. А Дэн — твоим!

— Марин, ты ведь мне не врешь, не утешаешь меня? Ну, что Дэн будет на фестивале, — вдруг заподозрила я неладное.

— Ну ты совсем с ума сошла, — обиделась подруга. — Я еще не настолько сдвинулась полушариями вправо или влево, чтобы давать тебе надежду просто так. — Все, через два часа ко мне, я предупрежу маму — она отдаст тебе билет, и ты сразу же садись на автобус или на электричку, мамочка будет тебя ждать. И не смей расстраиваться!

Мы скоро распрощались, и я на секунду замерла, зажмурившись — так хотелось мне увидеть Смерчинского, а потом с радостными воплями побежала вон из своей комнаты. Противное котэ, подумав, что я так с ним играю, кинулось на мои ноги из-под дивана и покусало за щиколотку сразу в трех местах. Я подхватила свое игривое животное на руки, потискала и полетела в гостиную. Котэ Ириска с трудом удрало из моих цепких объятий и затаилось на шкафу, в открытом шкафчике, чтобы чуть позже спикировать на плечо Федьке.

Моя надежда не давала мне покоя — она тормошила меня в разные стороны и орала в самое ухо: «У вас с ним все будет хорошо!».

Да. Точно.

Денис, я найду тебя!!!

«Ты от нас не убежишь!», — появился самая огромная и монументальная в истории головастиков надпись, выложенная искрящимся чуть голубоватым волшебным снегом, не таящим даже в самую знойную пору.

Огонь разгорался все сильнее. Пламя становилось все ярче и ярче. Оно плясало незамысловатый танец ожидания в глазах радостно-возбужденных головастиков.

— Ты куда собралась? — подозрительно посмотрела на меня мама, когда я носилась по всему дому с радостной улыбкой в поисках того, чего бы мне одеть и чего взять с собой.

— Мне очень надо, — ушла от ответа я.

— У брата завтра свадьба! Ты в семь утра на ногах должна быть и в девять — на выкупе невесты! Мария, что еще за дела? Ты куда-то намылилась! — возмущалась она, бегая следом за мной — я как раз искала джинсовые бриджи.

— Мама, да пусть идет, — отозвался Федька, довольный, как говорящая колбаса. Он, кстати, тоже куда-то собирался. Мама заметила это и переключила все свое возмущение на него. Мол, завтра у Федора свадьба (вы только подумайте, собственная свадьба!!!), а он вздумал куда-то свалить!

— Безответственный мальчишка! Ты останешься дома!

— Мама, — не выдержал он, — мне не пять лет! У меня даже мальчишника не было, дай мне напоследок с парнями посидеть в баре!

— Федор! — заорала родительница. — Какой еще бар! Какие парни! Немедленно прекратить! Маша! Быстро раздевайся!

— Нет! — в один голос почти хором выдали мы. Теперь я устроила бардак в собственном шкафу, потому что никак не могла понять, какую футболку или кофту лучше надеть к темно-синим обтягивающим бриджам, а брат, уже собранный, стоял около двери.

— Нет? Я вам сейчас обоим покажу «нет». Что один, что другая — одного поля ягодки!

И у нас начался грандиозный скандал. Правда, впервые в жизни мы с братом объединились против мамы, а потом нам помог неожиданно приехавший дедушка.

— Отставить споры! Вера, — сказал он, поглядев на нас с братом странным жалостливым взглядом, — дочь моя дорогая. Ты чего к ним привязалась? Пусть идут, куда вздумалось, не дети же они. И вообще, кто в 19 лет на неделю уехал из дома со своим Женей на море? — дед, честно сказать, не шибко сильно жаловал папу, особенно в юности. — Я, помнится, тоже тебе тогда никуда уезжать не разрешал.

— Да ты всю жизнь меня в черном теле держал, — топнула мама ногой.

— Ничего себе черное тело! Я тебя в конец разбаловал! — загромыхал дед и припомнил ей еще несколько грехов юности, о которых мы с братом и знать не знали, а узнав, только заржали.

Маме ответить было нечего. Она страшно обиделась на нас троих и отправилась жаловаться по телефону папе. Тот, по всей видимости, был сильно занят, так как мама, поговорив с ним пару минут, положила трубку, а потом принялась звонить тете Лине и жаловаться уже ей на нас четверых, попутно уточняя что-то насчет выкупа и поездки в загс.

Короче, из дома мы с Федькой выкатились одновременно, с большим трудом отвоевав право покинуть родные пенаты хотя бы на пару часов. Брат довез меня до Маринкиного дома. Ему я, естественно, про «Крэш Бум» не сказала — не отпустил бы, а так подумав, что я иду к подружке, еще и денег дал — на мороженое типа. Правда, при этом приказал пиво не покупать. Я неприветливо на него посмотрела и скучным голосом протянула, что пиво не пью, в отличие от некоторых. После чего унеслась в Маринкин подъезд. Там ее мама быстро выдала мне билет, и продолжила громко и с чувством обсуждать с какой-то родственницей побег Лиды по телефону. А я поехала к вокзалу, чтобы успеть на электричку, отбывающую в нужном направлении. Ведь к половине шестого я должна была прибыть к месту проведения рок-феста. Я чувствовала себя чуть-чуть безумной, а адреналин во мне плескался, как лягушонок в болотце. Как маленький ребенок ждет Нового Года, отчитывая месяцы и дни до его наступления, так и я ждала встречи с Денисом, только вот не знала, будут ли мне отданы моим персональным волшебником долгожданные подарки, или же я останусь ни с чем. Но, как бы то ни было, я безумно жаждала увидеть Дэна и волновалась, волновалась, волновалась… Как никогда в жизни. Даже на экзаменах волнение не было и вполовину таким сильным, как это

чувство, что сейчас железным обручем сковывало мою грудь.

От внутреннего напряжения у меня тряслись руки. Они тряслись и тогда, когда я забирала билеты; и когда ехала на автобусе; и когда ждала свою электричку на платформе, ведь «Crash-bym» должен был проходить за городом, неподалеку от берега реки и леса; и около железнодорожной станции; и когда сидела в вагоне на деревянной лавке, глядя на проносящиеся мимо дома, поля, леса, предгорья… Быстро меняющийся вид за окном успокаивал мои нервы, а шум, гам и смех людей, стремящихся, как и я попасть на фестиваль, заряжал таким же радостным предвкушением, заставляя забыть тревожащие меня мысли.

Народа на фестивале ожидалось много. Очень много. Первоначально — около 80–90 тысяч человек. Но после того, как «На краю» и несколько других весьма популярных рок-команд, в том числе старая культовая группа, образовавшаяся еще в «совке», и американский панк-рок коллектив дали свое официальное согласие на участие, прогнозировалось прибытие более ста тридцати тысяч поклонников различных стилей и направлений современной тяжелой музыки не только со всей страны, но и из-за рубежа: как близкого, так и дальнего. К тому же выступления приглашенных групп должны были транслироваться по Интернету в режиме онлайн, чтобы те, кто по какой-либо причине не смогут попасть на фест, могли так же наслаждаться им в сети.

Большинство желающих насладиться музыкой, прибыло заранее. Они уже успели разбить целый палаточный городок в особой зоне, находящейся в отдалении от сцен. Этих сцен было целых три, и располагались они так, что звучание на них не мешало друг другу. Кроме сцен, палаточного городка и огромной автостоянки на территории фестиваля находилось множество других зон: ВИП-зоны, куда, понятное дело, нужно было специальное приглашение, но там также были обалденные условия для существования; игровая зона, в которой проходили всевозможные конкурсы (я сама видела чуть позже, как одна из девчонок-фанаток выиграла автографы от всех членов группы «На краю»!), и на небольшой сцене которой выступали классные КВН-команды; спортивная зона, где тусовались скейтеры, роллеры, веллеры и прочая экстремальная братия, чьи лучшие представители показывали свои нехилые трюки простому люду; торговая зона, в которой можно было купить не только еду и напитки, но и безделушки с атрибутикой феста: наклейки, флаги, в том числе и телескопические, украшения, а также диски, футболки, значки, рюкзаки, браслеты и прочие самые разные вещи с символикой приглашенных групп. Пресс-центр, детская площадка, информационные пункты и еще куча всего располагалось на территории этого нехилого open-air'a.

Люди продолжали прибывать на «Крэш бум» на машинах, поездах и электричках, а также на автобусах — правительство города специально для фестиваля выделило дополнительные маршруты. Оно же настояло на увеличении числа сотрудников милиции, которые, прежде чем пропускать внутрь, устраивали самый настоящий обыск, изымая запрещенные продукты, алкоголь и любое оружие.

Эмоции во мне зашкаливали — головастики бились друг о друга лбами и искрились молниями — ведь я не только ехала к любимому человеку, я была одной из тех, кто мог попасть на фестиваль! И я едва сдерживалась в ожидании предвкушения того, что смогу сейчас попасть на рок-концерт — оплот энергии, драйва и просто чистого звукового удовольствия. Только это спасало меня от того гнетущего мерзкого чувства, что Дэна сейчас нет рядом и что я сильно обидела его.

В переполненной электричке мне удалось сесть на свободное место в самом конце вагона, рядом с бледной длинноволосой брюнеткой в полосатой бело-синей тунике, оголяющей одно плечо, и в обтягивающих простых джинсах. На коленях у нее была небольшая дорожная сумка,

и длинные пальцы девушки беспокойно перебирали ее ручки. Сама она смотрела в одну точку, явно напряженно о чем-то думая. Когда на телефоне брюнетки заиграла Лунная соната, она не сразу ее услышала и нервно дернула коленом. Мобильник, черный тонкий и по ходу, дорогущий слайдер, упал на дребезжащий пол электрички и укатился мне под ноги. Я, с интересом наблюдающая за соседкой, тут же достала его и протянула ей. Девушка взяла его, улыбнулась и быстро поблагодарила, а после ответила на звонок.

— Привет. Да, я еще в пути. Конечно… Да, он меня ждет! Да, обещал. Папа! Я же не виновата, что ты сломал ногу и не можешь никуда поехать! Ну да. Что-что ты сделал? Нарисовал Чуне… кого?! Верную супругу-тотема? Слушай, вы там все без меня коллективно рехнулись? — На ее хорошеньком лице появилась улыбка. Видимо, по телефону ей подтвердили, что все рехнулись, поэтому девушка рассмеялась, снова привлекая мое внимание.

— Хорошо, я сделаю много фотографий и покажу тебе. Съездишь на фестиваль в следующем году! И нет, я не буду пить. Что ты несешь? Отлично…

Девушка распрощалась со своим явно странноватым папой и сказала задумчиво сама себе:

— Ну сколько же тебе лет, чтобы ты хотел поехать на рок-фестиваль, а?

— Что? — переспросила я ее, не поняв, мне это она или нет?

— Ой, — смутилась брюнетка, — я это сказала вслух?

— Ага, — радостно подтвердила я. Сейчас мне очень хотелось общаться. Одиночество как-то угнетало и заставляло думать меня о том, что с Денисом мне помириться не удастся.

— Просто мой папа… он чудак, — пояснила незнакомка в бело-синей тунике, убирая длинные темные волосы с вьющимися концами за спину. — Очень хотел приехать на «Крэш Бум» вместе с друзьями-байкерами, но сломал ногу и теперь сидит дома. Дуется на всех и вся.

— Ого, прикольный у тебя папа! Если бы фазер захотел на рок-фест приехать, — засмеялась я, не представляя своего консервативного и всегда занятого отца в отглаженной форме, тусующегося среди любителей тяжелой музыки где-нибудь около сцены, где играли бы «Король и Шут», — я бы, наверное, от смеха легла и долго не вставала.

Девушка только улыбнулась. Кажется, своего предка около сцены она представить вполне могла.

— Просто у тебя нормальный взрослый отец, а не вечный подросток. И это на самом деле классно.

Я пожала плечами, и мы, остались каждая при своем мнении.

— А ты тоже едешь на фестиваль? — спросила девушка дружелюбно.

— На него, — радостно ответила я.

— А ты из этого города, да?

— Ага, а ты? Из другого? — удивилась я.

Девушка назвала ближайший к нам крупный город-миллионник и добавила вполне искренне:

mir-knigi.org

— У вас, красивый город. Я прилетела сегодня днем и, пока ждала электричку, немного погуляла по центральной части и фотографировала. У вас много старинных особняков и церквей, набережная великолепная — вся в зелени и вид отличный, а мощенная площадь с памятником основателю и собор в готическом стиле рядом напомнил старую Европу: и видом, и духом. В общем, у вас здорово.

— Ну уж не знаю, — рассмеялась я. Город наш и вправду казался мне распрекрасным. — А реально красивый он у нас по ночам. Когда после заката один за другим включаются фонари. Особенно классно тогда на набережной. Есть пара местечек, от куда весь город как на ладони, а огни на воде кажутся разноцветными полосками.

— Классно! Я бы хотела побывать там и сделать пару фото!

— Фотографировать любишь?

— Немного, — кивнула девушка и похлопала по своей сумке, — фотоаппарат часто с собой.

— Профессиональный, наверное?

Ей бы пошло быть фотографом.

— Да. Но это не мой, — улыбнулась брюнетка чуть грустно. — На время отдал один человек.

— Понятно. А у вас в городе тоже круто, я была там с предками пару лет назад, ранней осенью. Нам очень понравилось. Я помню, даже желание загадала около греческого бога с лирой, — вспомнилось мне.

— Около Аполлона, — догадалась девушка. — Я тоже как-то загадывала. И как, оно сбылось?

— К удивлению — да, — кивнула я, чувствуя, что разговор меня бодрит. — А у тебя?

— Да. И очень быстро, — отозвалась девушка и сама себе улыбнулась.

— Так, если что, я к вам приеду загадывать желание, — приободрилась я. — Кстати, а «На краю» из вашего города, да? — вспомнилась мне туманная биография Кея и всех остальных парней.

— «На краю»? — словно впервые услышала девушка название популярной рок-группы. — А-а-а, «На краю». Да, кажется, из нашего.

— По-моему, это будет самая крутая группа на фесте, — рассмеялась я, в нетерпении потирая руки, на обоих запястьях которых были надеты напульсники. — Обожаю ее. А тебе нравится?

— Ну-у-у, — замялась брюнетка, — ну да. Только у солиста тексты… странные.

— Да ну, классные! — не согласилась я. Боже, мои любимчики все же решились дать концерт в России. Вот бы получить автограф хоть кого-нибудь из них! В идеале — автограф Кея, только для того, чтобы это сделать, нужно выдержать целое сражение с его фанатами. К тому же, и сам он не часто общается с поклонниками.

— Всем нравятся их тексты, — не согласилась я. — у них все круто: тексты, вокал, музыка, сама их драйвовая энергетика. Мой друг Димка был на их концерте года два назад, он до сих пор помнит его. Говорит, что там было круто, и эмоции потом у всех были нереальные. Наверное, «На краю» даже если будут частушки матерные исполнять лучшими останутся. А Кей вообще

mir-knigi.org

офигенный тип. Эх… Кстати, я — Маша, — вспомнила я, что не назвала своего имени.

— А я Катя, — представилась девушка, вновь убирая темные тяжелые волосы назад. — Очень приятно.

— И мне. Ты не похожа на неформалку, — улыбнулась ей я, — ну даже просто на любительницу тяжелой музыки.

Для этого она действительно была очень милой.

Катя только пожала плечами и улыбнулась в ответ. Улыбка у нее была мягкая, очень женственная, да и сама Катя мне очень нравилась. Даже странно, что такая девушка одна в электричке — да еще и из другого города.

— Почему едешь одна? — спросила я у нее, едва подумав про это.

— А ты?

— Я на фесте с друзьями встречаюсь, — вздохнула я, потому что хотела встретиться не с друзьями, а с Дэном. Он ведь обещал, что возьмет меня на концерт «На краю». Во что бы то ни стало, обещал.

— И я, — ответила Катя, — должна встретиться кое с кем.

— С парнем?

— Да, с ним. Он меня ждет на фестивале. Еще вчера приехал. — Катя, вспомнив своего друга, опять улыбнулась. Мне показалось, что она скучает по нему. И, кажется, так же сильно, как я по Дэну.

— Он что, музыкант? — искренне восхитилась я. Многие группы приехали уже вчера.

— Нет, — рассмеялась девушка. — Он техник одной из команд. А тебя тоже парень будет ждать? Или только друзья?

— Ну-у-у, может быть… и парень. На самом деле мне нужно найти там человека, которого я очень сильно обидела, и попросить у него прощения. А я не знаю где его искать, вернее, мне, наверное, скажет моя подруга, но все равно как-то стремно… — призналась я. Во мне включился «эффект попутчика», и я многое просто так взяла и выложила Кате. Она внимательно меня слушала и только кивала, слушая мой рассказ — очень сокращенный, но крайне эмоциональный.

А потом у нее опять зазвонил мобильник, и девушка вновь была вынуждена ответить на звонок. Только если первый раз, когда болтала с отцом, Катя говорила весело, то теперь ее голос изменился.

— Здравствуй. — Тихо, но как-то нежно сказала она, и я сразу подумала, что длинноволосая брюнетка разговаривает со своим парнем, тем, который ждет ее на фестивале. — Я тоже… Очень. Потерпи еще немного. Нет, не нужно меня встречать, я же сказала, что сама доберусь! Сама! Хорошо. Я скоро буду. И да, я по тебе тоже скучаю. Очень сильно. До встречи.

Она спрятала мобильник в кармане джинсов и еще сильнее сжала ручки сумки — как будто бы ожидание встречи сейчас взяло вверх над всеми другими ее эмоциями.

mir-knigi.org

— Ждет? — только и спросила я.

— Да. Ждет. Знаешь, Маша, я никогда не думала, что мой парень будет… м-м-м… сумасшедшим, — вдруг сказала она, машинально поглаживая длинным указательным пальцем черный слайдер.

— Я тоже! — излишне радостно ответила я. — Честно, я думала, он будет нормальным, а не первым психом на деревне!

— Что? — в ее темно-ореховых глазах мелькнул смех. — Тоже неадекватен?

— Еще как! Такое иногда придумает, что хоть стой, хоть падай. А друзья у него вообще чокнутые.

— У моего тоже друзья не промах, — с пониманием кивнула мне Катя. — Иногда я думаю, что такими людьми нельзя стать — ими можно только родиться. Такими… совершенно без адеквата в черепе!

— Точно-точно! — поддержала я ее с пылом, некстати вспомнив шляпников Дэна и их сплетни. — Вроде с виду люди, а на деле — стадо обезьян.

— Верно заметила, Маша! У моего друга почти все друзья связаны с музыкой, а в мире музыки бывают люди только двух категорий: либо во всю крышу сорванные, либо наполовину.

— О да, музыканты — это прямо-таки демоны, — припомнила я и Челку. — А ты где со своим парнем познакомилась?

— В университете. Мы учились в одной группе. А ты?

— Мы тоже в университете! Только он меня на два года старше.

Кажется, мы с ней нашли друг друга! И всю оставшуюся дорогу весело и непринужденно проболтали. Основной темой разговора, естественно, стали парни. Еще она показывал свой дорогущий профессиональный фотоаппарат — и даже пару раз сфотала меня, а я еще раз предложила устроить Кате и ее парню прогулку по городу и показать самые классные места — если они вдруг останутся у нас на несколько дней. А потом, глядя на часы и понимая, что мы скоро приедем, я пожаловалась ей, что не представляю, куда идти на фесте. Катя сказала задумчиво, что если что, ее парень-техник проводит меня до нужного места, чтобы я не опоздала, — для этого она написала ему пару смс, и он, видимо, согласился, что меня дико обрадовало. Я очень боялась не успеть!

После мы вместе с большим количеством желающих попасть на фестиваль, вышли из замершей в испуге электрички и вдвоем застыли в бурном потоке людей. Огромная территория «Крэш Бума», обнесенная забором, находилась в минутах десяти от переполненной станции, а отзвуки громкой музыки и оживленная атмосфера праздника и отдыха вперемешку витали даже здесь, заставляя испытывать радостное возбуждение. Правда, лично у меня это возбуждение перемешивалось время от времени с диким страхом, связанным с Денисом, но я вновь и вновь внушала себе, что не должна думать о плохом. Не должна!

— Так, Маша, мой друг сказал, что нам нужно не к основным входам — там долго кордоны с милицией проходить надо, а к ВИП-входу, — сказала Катя.

— Но там же специальные билеты нужны, ВИП, а у меня обычный, — растерялась я, проверяя,

на месте ли мое бумажное сокровище.

— Он сказал, что все будет в порядке, он поможет пройти, — отозвалась Катя, — пошли?

Я согласна кивнула, и мы не меньше получаса искали по всей территории этот самый ВИП-вход. Маринка в это время сообщила мне, что Дэн и Черри еще не встретились, а потом написала грустно, что Черри почему-то приехать не смог, и вместо себя послал Ланде, и она теперь она находится с ним и еще с парой человек.

«Я не знаю, почему он не приехал, Ма-а-аашка, я так хочу его увидеть!» — жаловалась она, а я набивала ей успокаивающие смски и искала вместе с Катей этот идиотский ВИП-вход, надеясь, что ее парень проведет нас по нему на фест без проблем.

— Маша, нам туда! — потянула меня за руку Катя.

— Думаешь?

— Уверена, пошли.

И мы, увернувшись от каких-то, кажется, не совсем трезвых ржущих рокеров с длинными волосами и рюкзаками за спинами, зашагали влево, мимо парковки. Слава Богу, около ВИП-входа была не слишком много людей, которых сотрудники ОМОНа удивительно быстро и корректно досматривали.

Катин друг — высокий подтянутый парень в кепке с длинным козырьком и в темно-серой кофте-худи с капюшоном, натянутым на голову, встретил нас около самого входа. Он без слов обнял Катю и с ходу стал настойчиво целовать, запустив одну руку в ее густые, чуть вьющиеся темные волосы, а другой крепко прижимая к себе. По-моему, Кате стало неловко, что он вот так открыто ее целует, и она попыталась отстраниться от парня, но тот не позволил ей этого сделать и умудрился поцеловать ее еще и в шею. После он что-то тихо сказал — расслышать из-за шума, естественно, это было невозможно — и, проведя губами по ее щеке, вновь начал прерванный поцелуй. Кате ничего не оставалось делать, как обнять его вновь.

А-а-а, какие прикольные! Я на этих двоих прямо залюбовалась, а еще и обзавидовалась. Потому что от Кати и ее парня волнами исходило то самое известное всем таинственное и сильное обаяние влюбленных — по-настоящему влюбленных, а не испытывающих просто страсть или мимоходную симпатию. И это обаяние заставляло оборачиваться на них проходящих мимо и с улыбкой смотреть вслед.

Пока головастики писали черными маркерами на ядовито-желтых и лиловых стикерах «Я тоже хочу так!!» и «Даешь каждой Маше по Денису!», мне позвонила Маринка, вроде бы уже повеселевшая — как оказалось, ее там вовсю развлекал Ланде.

— Ты нашла вход? — прокричала она. Из-за шума нас обеих было плохо слышно.

— Нашла! Тут такая толпа, что я не знаю, куда идти! Но сейчас разберусь и буду около первой Сцены! — пообещала я. — Ждите меня! А Дэн… Дэн уже пришел? Или… — меня кольнула острием неприятная мысль. — Если Черри нет, то и Дэна тоже не будет?!

— Будет он, будет! С Ланде и другими парнями встретится. Так, Машка, иди к Сцене N 2, а не к первой, — велела мне Марина вдруг. — Поняла?

— В смысле?? На первой же открытие будет! А вторая позже откроется, — удивилась я, глядя

на большой плотный, но очень веселый поток людей самых разных возрастов, который за забором, по чьему периметру стояли бойцы ОМОНа, стремился куда-то влево, видимо к Сцене N 1, где должно было состояться открытие феста.

— Мальчишки и Дэн встретятся именно около второй! Иди туда. Ладно, давай, мы ждем тебя, доченька!

— Хорошо! Я сейчас буду! — выкрикнула я.

Ко мне в это время подошла Катя со своим парнем. Фигура у него была классная, хотя одет он был просто: в худи, на котором висел пропуск светло-золотистого цвета, и в обычные джинсы с черными кроссовками. Видимо это был какой-то особенный пропуск, позволяющий парню проходить во все закрытые зоны фестиваля. А вот его лицо и волосы были закрыты капюшоном, козырьком кепки и большими черными очками, в стеклах которых отражались я, Катя, а еще огромный кусок ярко-синего неба с белоснежным кучевым облаком.

— Маша, прости, что мы чуть-чуть задержались, — мило улыбнулась мне Катя. Они с молодым человеком очень крепко держались за руки, а ее глаза сияли.

— Да ничего! Привет, — поздоровалась я с парнем.

— Привет. Это тебе, с ним можешь ходить, куда угодно, только не снимай до окончания, — сразу же сказал он, протягивая мне золотого цвета браслет. Проверяющие меняли билеты именно на такие вот браслеты, которые в зависимости от их стоимости могли быть сапфировыми, серебряными или золотыми и имели определенные привилегии, а также позволяли свободно выходить с территории фестиваля и возвращаться обратно.

У Кати на руке уже виднелся такой же браслет, тоже золотой, который, кстати говоря, выдавался только на ВИП-входе по особенным билетам, очень недешевым, надо сказать. А прикольно, когда у тебя парень такой и с такими возможностями!

— Спасибо тебе большое! — ловко натянула я браслет на руку, подумав, что мне жутко повезло, а ее друг красивым негромким голосом продолжал:

— Катя сказала, что тебе нужно в какое-то определенное место на фесте. Так?

— Ага. Мне срочно нужно ко второй сцене. А я тут запуталась, — беспомощно поглядела я на огромное количество людей, машин, возвышающиеся неподалеку трибуны Сцены N 1 и на пока еще едва заметный отсюда палаточный городок.

Да, мне очень нужно увидеть моего Дэнку! И я боюсь не успеть!

— Отлично. Вторая сцена недалеко. Я доведу, — чуть улыбнулся он мне, не отпуская руки своей Кати, словно не видел ее года три или четыре. Она, по-моему, тоже соскучилась по нему — это было видно по туману, играющему в ее глазах с серебряными искрами.

— Идемте.

И мы зашагали следом за ним, очень быстро, без очереди, прошли милицейский контроль — из-за светло-золотого пропуска Катиного парня и наших золотых браслетов, нас даже не осматривали, почти без слов пропустили вперед по коридору, один из молоденьких парней в форме подмигнул мне, а его коллега улыбнулся Кате и сказал ей весело:

— Что такая милая девочка на рок-фестивале забыла, а?

Глаз Катиного друга из-за солнцезащитных очков видно не было, но мне показалось, что даже сквозь темное стекло он умудрился так посмотреть на ОМОНовца, что тот что-то почувствовал и воздержался от любых дальнейших вопросов.

И вот мы оказались на заполненной людьми территории «Крэш Бума». Жизнь здесь кипела и бурлила, как ведьмовское варево в ее котле под полной луной, а звуки музыки жизнеутверждающе били по ушам. Кажется, на Сцене N 1 уже появились ведущие. Я большими глазами смотрела в ее сторону, не веря, что оказалась на этом фесте, среди стотысячной толпы других любителей рока.

«Верь!», — заявила мне здоровенная надпись белым мелом в голове.

Катя что-то радостно говорила мне, своему другу, я кивала головой, а он улыбался — правда ровно до того момента, как у него не зазвонил мобильник.

— Да, иду я, — отрывисто бросил парень. — Десять минут, и я буду на месте. Девушки, нам нужно чуть поторопиться, хорошо? Кстати, вторая сцена сейчас будет. Откроется в восемь выступлением «Санатория».

— А где и когда «На краю» будут выступать? — спросила я тут же. Раз он техник и все тут знает — почему бы и не спросить?

— Ровно в одиннадцать, сцена первая, основная. Закрывают первый день «Crash-bym», — отозвался высокий парень без запинки. Катя покачала головой, и мне показалось, что она едва заметно улыбнулась.

Сцена N 2 оказалась не так далеко, как я думала. И мы добрались бы сюда гораздо быстрее, если бы не множество людей, которых приходилось обходить и иногда даже перешагивать.

Около нужной мне второй сцены внимание мое сразу же привлекла сидящая на одной из трибун огромная компания развеселых панков с ирокезами, цветными волосами и с гитарами в руках. Они орали какую-то крайне разухабистую песенку, и к их хору самым неожиданным образом присоседились совершенно незнакомые парни и девушки с рюкзаками, то ли идущие, то ли уже возвращающиеся из палаточного городка. Как оказалось на рок-фесте люди легко знакомятся и так же легко общаются. Социальные границы здесь зачастую стирались, уступая место хорошему отношению друг ко другу.

— Пришли, — сказал мой проводник. — Тебе сюда. Но до ее открытия еще не скоро.

— Знаю, — не переставал я оглядываться.

— Найдешь своих? — спросила Катя.

— Найду, конечно. Слушай, дай свой номер телефона? — попросила я у нее напоследок. — А то, как я вам экскурсию устрою?

— Эм-м-м, я его наизусть не помню, — растерялась брюнетка и взглянула на свой слайдер. — А мобильник только что разрядился… Так бы я тебе позвонила, Маша.

— Я помню, — тут же живо отозвался ее парень. — Детка, у тебя есть бумага и что-нибудь пишущее?

mir-knigi.org

— Есть, — отозвалась его девушка, вытащила из сумки малиновый маркер и блокнот, и молодой человек в черных очках молниеносно написал ее номер мобильного телефона.

— Держи, — вручил он мне его и так же быстро записал мой номер для своей Кати. — Все, нам пора. Меня ждут. Катя, пошли. Пока, Маша!

— Пока! — помахала мне Катя. — Надеюсь, мы встретимся!

— Я тоже! Счастливо! Я тебе позвоню!

Парень вновь поцеловал ее, и потащил за собой, уверенно пробираясь сквозь толпу. Рук они так ни разу и не расцепили.

Я повертела в руках бумажку с ее номером телефона. Блин, надо было в телефон сразу забить, а то я эту бумажку потеряю. На всякий случай я запихала ее поглубже в карман джинсовых бридж.

Мне кажется, тот парень в капюшоне — классный чувак, и с ним, наверное, интересно общаться. Эх, жаль, имени его так я и не узнала его имени. Повезло Катьке. Но мне повезло больше. У меня есть Дэн. По крайней мере, я надеюсь, что он у меня еще есть. Во что бы то ни стало, я должна сейчас найти его и попытаться вернуть. Почему-то концерт «На краю» казался мне неким рубежом — или я сегодня найду Дениса и все ему объясню, или мы навсегда потеряем друг друга.

Около Сцены N 2, к самому ограждению фан-зоны которой я со своим почти всемогущим золотым браслетом пробралась без проблем, народа было не слишком много — основная масса спешила к первой сцене, где вот-вот должно было начаться грандиозное открытие фестиваля. Вторая сцена, сияющая логотипом фестиваля, действительно была пока еще относительно пуста. Музыкантов никаких не было, и по ней изредка ходили техники.

Я обеспокоенно вертела головой, ища отчаянным взглядом Марину, Ланде и их компанию. Но никого, даже отдаленно похожих на них, не наблюдалось. Рядом стояли какие-то парни с пивом, а ближе всех ко мне — худой подросток лет шестнадцати в балахоне с символикой «На краю», как и я, напряженно тыкающий длинным пальцем в мобильник, и я даже не смогла понять, парень это или девушка. Но это точно была не Маринка. И куда она только пропала?

Я пробовала дозвониться до подруги, но, увы, мне это не удалось — ее телефон оказался то ли выключенным, то ли вне зоны действия. Это заставило меня дико нервничать. Когда я набрала номер Ланде, то занервничала еще больше — у него мобильник тоже не отзывался. И я, совсем не выдержав, набрала Дэна, уже в который раз, чтобы вновь послушать механический голос автоответчика.

Я застыла у ограждения, перекрывающего вход на сцену, и мои губы сами по себе тоскливо скривились. И что делать? Бежать к первой сцене? К выходу? Где искать моего Смерча? Где?!

— О! Это чего еще такое? — вдруг спросил один из парней, глушащий неподалеку банку пива.

— Чего? Ты о чем? — не понял его друг.

— Вроде открытие на Сцене N 1 через полчаса, а на второй тоже уже музыканты появляются. Офигеть!

— Так может, техники?

— Ага, с инструментами. Техники-гитаристы. Ты такой умный, — заржал парень с пивом и вдруг подавился, забрызгав напитком друга. — Млин, ты глянь! Глянь, да это «На краю»!

Я и подросток рядом встрепенулись, как охотничьи собаки, почуявшие добычу. Да и все остальные стали с огромным изумлением глядеть в сторону сцены.

На мгновение у меня кровь застыла в жилах и превратилась в жидкий металл, затем в ванильное молоко, а потом и вовсе в радиоактивный цветочный воздух.

Почему? Да потому что на сцене появился Кей с гитарой наперевес. А следом за ним — остальные музыканты «На краю», совершенно не обращающие внимания на то, что сцена в общем-то пока что еще не должна «использоваться по назначению».

— Ломать-копать, — выдохнул парень с пивом, — вот это тема! Это, типа, сюрприз?

— Это, типа, концерт! Вот чуваки чего вытворяют! Сейчас Кей зажжет воздух! Кей! Давай!

Я в удивлении уставилась вперед, не понимая, почему музыканты появились на сцене, а ко мне совершенно неожиданно подошел незнакомый парень, симпатичный и с красными дредами, сверился с фото в руках и спросил без всякого стеснения, вогнав меня в густую чащу дикого ступора:

— А тебя и искать долго не надо! Ты Маша Бурундукова?

— А?

Меня тут же посетило чувство потрясающего по силе дежа вю.

— Бурундук — это ты? — уточнил еще раз молодой человек. Подросток рядом удивленно глянул в нашу сторону. По-моему, он очень хотел бы быть Машей Бурундуковой.

— Я, — меня словно пыльным мешком по голове огрели. И я уже совсем не обижалась на это дурное прозвище. — Да, я. А что? Что случилось??

— Меня тут один человечек послал, — весьма туманно выразился парень. — Короче, пошли за ограждение, Маша.

— Зачем???

— Затем! Пошли! Давай, времени мало.

«Иди! Дуреха, иди! Его послал Денис!!», — с космической скоростью сообщили мне головастики, которых уже трясло из-за нервов так же сильно, как и мои пальцы, которые, несмотря на жару и солнце стали холодными.

— Ну, ты идешь? — кинул короткий взгляд парень с красными дредами в сторону сцены и подергал себя за светло-золотой пропуск, болтающийся на его груди — точно такой же, как у парня Кати. — Да не бойся ты, ничего я тебе не сделаю.

Мы под настороженными, но не агрессивными взглядами охраняющих сцену ребят в форме, прошли за ограждение и оказались в непосредственной близи от музыкантов. Каким-то расчудесным образом за нами следом просочился и подросток в балахоне. На него никто не обращал внимания, и он был жутко доволен.

mir-knigi.org

— Да что такое? — ошарашенно спросила я у парня с дредами. Это что, чудо?

— Ничего, — ухмыльнулся он. — Смотри на сцену, Маша. И внимательно слушай.

— Да в чем дело-то?!

— В тебе, видимо, — невозмутимо отозвался парень.

Беловолосый солист «На краю», облаченный в темную мрачную одежду — штаны с цепями и заклепками и черную футболку с рукавами до локтей и пугающим кровавым рисунком на спине, остановился посредине сцены, напротив микрофона. Он внимательно оглядел нежно-салатовыми — это я уже потом разглядела — пугающими глазами людей, столпившихся у ограждения. Затем его взгляд остановился на нас. Кажется, он остался доволен.

— Это песня для девушки моего друга, — неспешно сказал музыкант в микрофон, обхватив его обеими руками. — Я надеюсь, что она слышит меня.

Я навострила ушки. Надо же, кому-то повезло — сам Кей будет кому-то петь песню, вот бы мне так…

«Дура разэдакая, это и так тебе!», — заорал самый умный головастик, и я прикрыла губы ладонью. Если это то, о чем я думаю — это просто невероятно!!

— Ее зовут Маша, — продолжал неспешно Кей, осторожно касаясь пальцами струн своей гитары. — И мой друг любит называть ее Чипом или Бурундучком. Он говорил мне вчера, что без ума от нее. Давно не видел ее и сильно скучает. Романтика — это такая лажа, ребята, но если в сердце запустит свою когтистую лапу штука по имени «любовь», будет фигово. «Люблю» — куда сильнее, чем «хочу». Это тройное «хочу» — хочу не только тело, а еще и разум, и душу. И да, еще одно «хочу». Хочу, чтобы второй человек так же сильно желал обладать мною и всеми моими тремя составляющими. А еще «люблю» — это бесконечное самопожертвование и прощение. Если любишь — реально любишь — ты простишь. Не сможешь простить — любовь была больной. Маша, подумай.

Уверенный, сильный голос Кея громко разносился по воздуху, и когда он говорил о любви, моих пальцев коснулся волшебный холод, словно меня за руку взял Князь льдов и морозов, и, распространяясь от запястий к предплечьям, холод далее заскользил по плечам, шее, спине, животу и даже по ногам. Он коснулся легких, и дышать мне стало немного тяжело, однако тяжесть эта была не смертельная, а приятная, предвещающая что-то новое и очень важное.

Подросток, пол которого я так и не определила, стоял рядом, вцепившись тонкими пальцами одной руки за запястье другой и большими глазами продолжал смотреть на фронтмэна «На краю». Явно какой-то фанат!

— Я понимаю своего друга, — говорил и дальше Кей, склонив голову на бок. — По-моему, он загибается без своей девушки. Они ведь умеют делать так, чтобы мы сходили с ума.

Мужские громкие голоса все больше увеличивающейся толпы поклонников рок-музыки тут же поддержали его. Музыкант только кивнул им, словно благодаря за поддержку. А Келла, синеволосый барабанщик группы, торчащий рядом с ударной установкой, кажется, засмеялся — он был полностью согласен с коллегой.

Парень с красными дредами, стоявший рядом со мной, хмыкнул и пробормотал:

— Да тебе вообще не повезло, чувачелло.

— Я слышал где-то, что якобы наши чувства в шесть раз менее сильные, чем у женщин. Увы, ученые сделали лажовый вывод. У меня с накалом чувств все о'кей, — Кей указал большим пальцем на себя, а потом вытянул руку вперед, — у вас — тоже. И у моего друга Дэна так же! Подруга Дэна, ты же слышишь мои слова? — и он уставился прямо на меня.

Я оторопело кивнула, чувствуя, что по коже снова и снова пробегают волны мороза, а внутри все сильнее разгорается огонь.

— Слышишь? Тогда просто знай, что он сожалеет и страдает. Да, страдать — не мужское занятие, но это факт. И я это видел. В общем, Мария, я знаю, что ты тут. Лови песню. Для тебя. От него. Он сказал, что это твоя любимая.

В голове у меня что-то взорвалось.

— Это тебе, — выступил в роли капитана Очевидности парень с дредами. — Круто, да?

«Спасибо, Кэп!», — отозвался слабенькой надписью не упавший еще в обморок головастик с ирокезом.

— Ага, — с трудом разлепила я губы, не чувствуя ног. Во-первых, Кей вышел на сцену и обращается ко мне, а во-вторых, он говорит о Дэне! О моем Дэне! Который страдает из-за меня и просит прощения! Который не бросил меня! Которому я все-таки нужна!

И под визг и крики тех, кто подоспел к Сцене N 2, «На краю» начали исполнять одну из моих самых любимых песен этого мира — «Оригами». Звучание оказалось отличным, акустика — невероятно объемной, а исполнение музыкантов — мощным.

Первой заиграла хрустальная и по-особенному мягкая, как шаги подкрадывающегося хищного зверя, бас-гитара Арина, к ней присоединились почти одновременно спокойные, чуть осторожные, пока что набирающие силу барабаны Келлы и задающие такт всей композиции гитара и ритм-гитара Фила и Рэна. Мелодия «Оригами» казалась обманчиво легкой, с грустными нотками, и напоминала горную прозрачную, чистую речку, бегущую вниз, по склонам гор, а потом и вдоль равнин, куда-то на северо-восток, чтобы соединиться с куда более мощной и полноводной рекой.

Вдумчивый и плавный, чуть хрипловатый голос Кея вплелся в мелодию так гармонично, что, казалось, был предназначен для того, чтобы звучать именно в этой песни.

Ворох тонкой бумаги на сердце пылиться
Облепляет она тонким слоем все лица
Я бессилен понять: кто ты? Имя забыто.
Человек или демон — бумагой все скрыто.
Я бумагу срываю, только сам я срываюсь.
Ты — моя или нет? Все понять я пытаюсь.
За твой образ в цветах я хватаюсь руками.
Я тебя разгадал. Ты — мое оригами.

Голос его от куплета к куплету становился все громче и громче, передавая целую гамму эмоций, а бас-гитара и ударные — яростнее и тяжелее — и на втором куплете, когда голос солиста «На краю» зазвучал мощно и громко, песня-речка соединилась большой рекой.

А я, слушая слова песни, тут же вспомнила Дэна и его оригами — светло-розового пегаса, подаренного мне, и сама не понимала, как мои губы раскрываются и подпевают знакомые слова, как, впрочем, и все те, кто собрался на трибунах и около сцены. Может быть, Денис — и есть мое оригами? А у Кея его личное оригами есть? А я могу быть оригами Дениса?

Последний припев — и голос певца, тонна эмоций, что он передавал им, звучание ударных и всех гитар достигли своего апогея.

Бурная река впала в Северный Ледовитый океан и растворилась в его холодных водах так же, как эмоции музыкантов в наших замерших сердцах.

Закончив играть, Кей рывком снял гитару и спустился вниз, прямо ко мне и к парню с дредами. Людей, услышавших музыку «На краю», становилось все больше и больше — их количество росло с геометрической воистину волшебной прогрессией, и когда солист группы оказался рядом с ограждением, приехавшие на фестиваль громко и радостно заорали, приветствуя его. Кей поднял в приветствии обе руки, и его красивое лицо с правильными чертами лица, которое сегодня обошлось без грима, осветилось искренней улыбкой. Я сама едва ли не стала кланяться ему в пояс и кричать: «Аве, Кей!», но поскольку до сих пор была под впечатлением от происходящего, только слегка попятилась, большими глазами глядя на своего любимчика. Нет, серьезно, его голос — просто божественен! А энергетика у него дикая и сильная, как у римского императора!

Увидев меня близко, Кей удивленно изогнул бровь, по-моему, попытался не улыбнуться и произнес спокойно:

— Это ведь ты, да? Ты — Маша, девушка Дэна?

— Я… — прошептала я, чувствуя, что концентрация кислорода в воздухе резко увеличилась — у меня закружилась голова. У бесполого подростка, по ходу, тоже. А когда с ним заговорил гитарист группы — черноволосый Рэн, он (или она) по-моему, вообще едва не рухнул в обморок. Я тоже была близка к этому.

— Как… забавно. Пошли, — сказал мне Кей. — Тебя кое-кто ждет.

Мне! Мой кумир! Сказал! Идти! За ним! И он говорил о Дэне! Они знакомы?!

— Куда?

— За мной, — вполне резонно отозвался он. И пока другие музыканты «На краю», спустившиеся следом за своим лидером, общались с возбужденными поклонниками, требовавшими едва ли не в истеричной форме еще одну песню, Кей повел меня следом за собой куда-то за сцену, на закрытую простому люду территорию, предназначенную только для избранных, где народу было очень и очень не мало: звукорежиссеры, техники, работники сцены… Все они суетились, что-то делали и куда-то с чем-то бегали, таскали кучу проводов. На Кея пялились, но не все решались к нему подойти. Видимо, эти люди были предупреждены о внезапном коротком представлении, потому как звук был просто на высоте — и в этом я убедилась еще и вечером.

— Здорово, Кей! У вас что, захват сцены был? — улыбнулся музыканту какой-то лысый тип с пивным животиком и с бородкой. — С руководством феста обговорили хоть?

— Да, — кивнул тот ему и пошел дальше, попутно здороваясь с людьми.

А я шла за музыкантом, с трудом переставляя ноги, и думала, что сейчас я точно вознесусь к Боженьке.

— Кей… это… скажите… скажите, мы куда? — спросила я вновь взволнованно, когда мы проходили мимо палаток приехавших музыкантов, которые служили им гримерками. — Что-то случилось? Откуда вы знаете моего Дениса?

— Сейчас сама все увидишь. Не отставай, Маша. — отозвался он, заворачивая вправо, к здоровенной темно-синей палатке, около которой стоял здоровый микроавтобус. На палатке виднелся большой листок белой, чуть потрепанной бумаги, где кто-то страдающий весьма специфическим чувством юмора написал: «Клуб жертвоприношений „На краю“. Первый вошедший автоматически становится первой жертвой и одновременно едой. Заходите, пожалуйста. Мы вас ждем. Очень хотим кушать. Всегда ваши, „На краю“.»

— Туда, — кивнул он на палатку и быстро обвел своим невероятным взглядом округу. — Заходи.

— Я не хочу быть жертвой, — заупрямилась я. Кей оглядел бумажку скептическим взглядом, покачал головой, повернулся ко мне и сказал:

— Не бойся, мы уже поели. Заходи.

В палатке меня есть не собирались — других музыкантов «На краю» там не было, и мы с Кеем остались вдвоем.

— Хорошо. Но… Почему вы говорили, что я должна простить Смерча, то есть Дениса?

— Потому что он раскаивается. За все, что сделал. Простишь его? Кстати, можешь не прощать, — насмешливо сказал вдруг музыкант, — ты мне понравилась, весьма-весьма. Хочешь со мной встречаться? Можешь выбирать: я или он.

Что Кей несет?! У меня в голове поселилась большая наглая сорока, которая стала пытаться склевать моих разноцветных головастиков. Они с верещанием разбежались в стороны. Я сплю?

— Чего? — спросила я, с трудом размыкая губы.

— Я серьезно, — невозмутимо произнес Кей, задумчиво поправляя белые шикарные волосы, — Денис говорил мне, что я нравлюсь тебе. И моя группа — тоже. Ну, как тебе мое предложение?

Я осторожно отошла от солиста «На краю» подальше. Нет, он классный, красивый, талантливый, жутко популярный и все такое, но… Он просто мой кумир, а не мой любимый!!

— Наверное, никак, — отозвалась я тихонько, боясь обидеть этого человека. — Вы действительно лучший в мире певец, один из самых талантливых, и музыка у вас невероятная, но это… Мне Денис нужен.

— Правда?

— Да. Да! А вас я это… на расстоянии любить буду! И слушать все ваши песни, но мне, правда, нужен Денис.

— Да я пошутил, — невозмутимо отозвался Кей, вновь подвергая несчастную Машу в шок. Ни фига себе, шуточки! Как с ним, например, его бедная девушка общается, с таким-то шутником? А, говорят, у него действительно вроде бы есть подруга, и ее, гипотетическую девушку Кея,

жутко не любят многие его сумасшедшие фанатки. А я столько раз по глупости, слушая треки «На краю» представляла себя девушкой Кея, и никогда не подозревала, что у Судьбы хватит фантазии сделать мне такое предложение — встречаться с этим невероятным человеком!

— Значит, он? — уточнил Кей на всякий случай.

— Он, — ничуть не сомневалась я.

— Глупый Бурундучок, — раздался хорошо знакомый, нет, уже родной голос сзади меня, и пока я тупила, меня обняли и спиной прижали к груди. В глазах тут же потемнело от неожиданности.

— Какая ты хорошая, — прошептали мне на ухо, — я тебе нужен, да?

Кей только весело рассмеялся. Он явно не сожалел о том, что я выбрала Смерчика, который появился словно из-под земли.

— Денис! — вскрикнула я, вырываясь из объятий и оборачиваясь. Это действительно был мой Смерч! Мой самый лучший и самый любимый парень на свете! И он сейчас стоял передо мной, в джинсовых бриджах и в простой черной майке без рукавов, подчеркивающей его широкие плечи, которых так приятно было касаться. На голове его была повязана темно-синяя бандана, из-под которой выбивались не слишком послушные коричнево-шоколадные волосы. За эти дни он успел загореть и выглядел еще красивее и задорнее, чем всегда. А его улыбка, дающая возможность ямочкам вновь покрасоваться на веселом лице, в который раз свела меня с ума и на минуту перевернула мироздание с ног на голову.

— Ты ждала меня? — он пытался улыбаться, но я-то точно видела тревогу в глазах Дэна, и это меня радовало.

— Да… — прошептала я.

«Наша пре-е-е-е-лесть!», — возликовало все внутри меня. Любовь, нежность, злость, обида и огромное облегчение, которое стало естественным последствием моей надежды, перемешались в целый ядерный коктейль чувств.

— Дэн!! Ты где так долго был?! Где ты был? Где ты был? — закричала я громко, одной рукой обнимая его — чтобы не вздумал вновь убежать, а другой с силой ударяя Дениса по загорелому плечу. Противоречивые чувства меня прямо-таки разрывали на части. И глаза нежданно-негаданно налились слезами. Холод на коже неожиданно сменился нарастающим жаром.

Мой милый, как же я по тебе скучала.

Потом до меня дошло, что бить по плечу его не надо — мой мальчик недавно же выписался из больницы, и я тут же остановилась, замерла и закричала во весь голос.

— Что с тобой?! Ты в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь? Денис! Как ты мог меня оставить! Как?! Я так за тебя переживала!!

— Чип, успокойся, — Смерчинский умудрился поймать меня за запястья, а после наклонился и легко-легко и так привычно поцеловал: сначала в нос, потом в щеку, а затем уже и в губы. Не ответить ему я не смогла — так сильно соскучилась. И чем дольше мои губы касались его губ, а руки — плеч, предплечий и спины, тем сильнее я понимала, что я — самый счастливый человек на свете!

— Я, правда, скучал по тебе, — шептал Дэн мне на ухо, то крепко обнимая, то ласково гладя по лицу, — прости меня, прости, девочка моя. Я все-все тебе объясню. Ты такая беленькая теперь, такая красивая.

— Мне не надо ничего объяснять, я уже и так все знаю, — всхлипнула я, неожиданно для самой себя, срывая с него бандану и запуская пальцы в его волосы и чуть сжимая их. Дэн на миг прикрыл глаза, а я с трудом отогнала от себя непрошеные теплые слезы.

— Я, кажется, здесь лишний, — отозвался Кей, наблюдая за нами глазами умного экспериментатора. Я вдруг вспомнила, что мы с Дэном тут не одни, а в компании со знаменитостью, между прочим, и слегка притормозила со своими поцелуями и объятиями. Смерч тут же понял, что меня смущает и тоже остановился. Он вообще понимал меня с полуслова. Нет, с полумысли.

— Еще раз спасибо за помощь, — оторвался от меня Дэнв, однако рук не разжал, продолжая гладить по волосам.

Я слушала стук его сердца, прижавшись щекой к груди своего личного Смерчика. Казалось, там и правда бушует набирающий силу настоящий ураган. Его воронка изредка показывалась и в темно-синих глазах Смерчинского.

— Если бы я не был должен твоему другу, — негромко, но очень четко сказал Кей Дэну, глядя ему в глаза своими пугающими светло-салатовыми радужками, — я бы никогда не сделал этого. Я не сваха. Но в должниках ходить не люблю.

— Я понял это. А ты любишь играть с людьми, — сказал Денис Кею с улыбкой. Тот пожал плечами. А я захотела обоих этих парней превратить в своих личных кукол, начинающих двигаться и говорить только по моему личному желанию, и запаковать их в красивые бархатные коробочки, перевязанные алыми ленточками.

— Я просто решил помочь твоей Маше самой себе доказать, что ты ей нужен. И ты ей реально нужен, — отозвался музыкант тем временем. — Думаю, сейчас вам хочется остаться наедине. Могу проводить, отсюда вас без моего пропуска все равно не выпустят, — он вытащил из кармана своих классных штанов светло-золотой бэйджик — такой же, как у парня Кати и обладателя красных дред.

— Давай, веди, — кивнул Денис, обнял меня за плечи, и мы с ним пошли следом за моим музыкальным кумиром. Странный он, конечно, но я в нем ни капли не разочаровалась! А после того, как Кей пел для меня и помогал Лаки Бою, я стала не только слепо любить его как артиста, а еще и уважать, как человека — очень и очень необычного человека!

Мы проходили по закрытой зоне, предназначенной для артистов, мимо каких-то людей, живо и не без матерных заковыристых выражений обсуждающих, кажется, освещение, хотя возможно, они говорили еще о чем-то важном; мимо каких-то музыкантов, часть из которых я узнавала, пребывая в исступленном восхищении; мимо гримеров, фотографов и журналистов. А потом, к моему восторгу, и мимо Келлы, который, скрестив ноги, обутые в простые бело-синие кеды, и прислонившись к деревянной перегородке ресторанчика, присутствующего на этой закрытой территории и предназначенного для артистов, с мрачным выражением лица слушал кого-то по мобильнику. Взгляд его становился все более и более злым, и когда мы с ним поравнялись, ударник «На краю» так жестко заорал в трубку, что я, уже было открывшая рот, чтобы что-то сказать Дэну, чуть не шарахнулась в сторону.

— Да твою же мать! Ты! Ты меня достала! — закричал Келла в трубку, словно был

католическим средневековым священником, а сотовый — коварным исчадием ада, которого нужно было изгнать в мир иной. — Хватит меня прессовать! Идиотка! Хватит! И не ори на меня! Что ты там сказала? Что? Я же запретил тебе говорить тебе эти слова!! NЗапрещено цензуройN! Так, еще раз повтори. Я сказал: еще раз все тихо и спокойно повтори.

— Келла, наш местный холерик и барабанщик, — пояснил Кей, глядя, не мигая, на друга. — Не бойтесь. Он не буйный. Просто ему не повезло в личной жизни.

— Наверное, очень, — задумчиво отозвался Дэн. Я тоже так подумала. Но так как от счастья разговаривать мне не очень хотелось, промолчала. Блин, я и Кея увидела (и услышала), и Келлу, и своего Дэнку нашла!! Вот оно, счастье!

Голос Келлы вдруг резко стал другим: милым и заботливым. Кей поморщился, а я с интересом сумасшедшего уфолога, узревшего настоящего жителя Марса, смотрела на ударника, для которого существовал, видимо, только телефонный собеседник.

— Ну прекрати, королева, прекрати, девочка моя, зайчик, медве… — тут Келла почему-то осекся. — Моя красавица. Ну и что, что к тебе приехала моя мама. Королева, она, правда, хорошая. Потерпи, я скоро к тебе вернусь. Нет, ты же знаешь, что сегодня я не могу. И завтра тоже… Тише-тише, королева моя, через два дня я буду дома. Черт, трубку бросила. Что, ухмыляешься? — рявкнул Келла, заметив взгляд Кея. — Это ты виноват, козел! У тебя-то подруга нормальная!

Солист «На краю» только покачал светловолосой головой — типа он не при чем, но глаза его стали очень веселыми, как у человека, обожающего шутить — и шутит не очень обычно, а, скорее, с выдумкой и слегка пакостно. Нервный, как про него и говорили в Инете и в журналах, но явно прикольный барабанщик с силой пнул какой-то столб и вновь позвонил своему собеседнику, вернее, собеседнице.

— Слушай, малышка, Алина, что там с мамой? — спросил синеволосый Келла все тем же голосом хорошего парня, словно и не оравшего только что ни на кого. А затем он развернулся и пошел прочь, спокойно продолжая разговор.

Кей усмехнулся. Смерчик, который явно что-то знал о личной жизни Келлы, тоже позволил себе улыбнуться и сжал мое плечо.

— Бурундучок. — Прошептал он мне на ухо.

— Идем? — взглянул на нас Кей, вновь и вновь с кем-то здороваясь.

— Идем. — Кивнул Дэн.

Солист «На краю» сдержал слово, проводив нас до выхода, охраняемого усиленным отрядом милиции. На прощание он обменялся рукопожатием с Дэном.

— Мы будем на вашем выступлении сегодня, — пообещал Смерчинский, перед тем, как покинуть территорию для артистов. С моего плеча руку он так и не убрал, и мне было невероятно приятно ощущать рядом с собой того, кто умудрился влюбить меня в себя и подарить самые счастливые минуты жизни.

— Какая честь, — слегка склонил голову Кей. — Спасибо. Так… приятно.

Смерч только хмыкнул.

mir-knigi.org

— Мне пора. Пока, Маша, — мне на миг показалось, что со мной Кей уже когда-то прощался. Я очень вежливо сказала ему «До свидания» и добавила с замиранием сердца, что «Оригами» он сегодня исполнил просто невероятно.

— Я сделал все, что ты хотел, — тихо сказал Кей Дэну. — И только потому, что он — твой друг. А я ему очень сильно должен.

— Понимаю.

— Я даже желаю тебе и твоей девушке удачи. И не забудь сказать нашему общему приятелю, — эти слова были сказаны Кеем не слишком добрым тоном, в котором явно была завуалирована неожиданная скрытая ярость, — что я больше ему ничего не должен. Пусть забудет обо всем.

— Без проблем, — осторожно кивнул Денис. — Да я смотрю у вас все серьезно.

— А как же, — без намека на улыбку и доброту в глазах взглянул на него Кей. — Кстати, передай ему, что я сделал его один раз, сделаю и второй. А к тому, что принадлежит другим, ему приближаться больше не стоит.

— Запомнил. Непременно передам.

— Отлично.

Я большими глазами смотрела то на одного, то на второго. О чем это они? И что за мега таинственный друг? Прямо не друг, а Сатана какой-то местного разлива!

Спросить ни о чем я не успела — у блондина зазвонил мобильник, и тот вынужден был откланяться.

— Да, Андрей. Не кричи. Что? Ну, на второй Сцене была мини-импровизация, а не апокалипсис всея феста. Так, подожди, мне по второй линии звонят… Детка, я сейчас буду, прости, что ушел, я сейчас. Сейчас, не грусти, — с этими словами Кей широким шагом направился прочь, легонько кивнув нам на прощание.

Я обалдело проводила взглядом его высокую, спортивно сложенную фигуру. В голове уже ничего, совсем ничего не умещалось. Как так? Что это? Меня накачали хорошей наркотой, и я бодренько ловлю галлюцинации?

— Жалеешь, что его не выбрала? — спросил со смехом Смерчик — со смехом очень счастливого человека.

— Ну, ты дурак. Нет, конечно. Нет! С чего ты так подумал? Не нужен мне никто, кроме тебя! — ответила я нервно, надеясь, что все же не сплю, и все, что сейчас происходит — реально. — Просто… это же был сам Кей! Он со мной разговаривал! Он для меня пел! А я даже автограф не попросила!

— Вот неприятность, — потрепал меня по волосам Дэн, а я опять обняла его, потому что мне было мало прикосновений, и я ясно поняла, что хочу гораздо большего, чем просто объятия. Я все-таки не ребенок, да и он тоже

А еще… Мой! Он — мой! Не отдам! Никому! Даже за все золото этого мира! Потому что продать саму себя я не могу, а Денис — вторая часть моей души, а, значит, и меня самой! И его

прошлое меня нисколько не волнует — узнав его, я еще больше полюбила Смерча. Его настоящее интересует меня куда больше — мой мальчик, мой Дэйл должен быть счастливым и я сделаю для этого все. А его будущее — это и мое будущее тоже, это наше будущее. Я взглянула в его глаза, и поняла совершенно точно, что он думает точно так же.

— Ты точно меня простишь, принцесса моя?

— Уже простила, — тихо-тихо отвечала я и, несмотря на шум вокруг, Дениса меня расслышал. — Это я должна была просить у тебя прощение. И за то сообщение, и за то, что игнорировала, и за Димку… И за то, что из-за меня тебя ранили…

— Кто тебе об этом сказал? — сдвинул он брови к переносице. Ящерка на его шее шевельнулась — так напряглись у него мышцы.

— Да я все уже знаю, — призналась я. — И о Никите, и о его брате, и о том, что мой папа с твоим дедом договаривались, и о захвате Пристанских — Марта схватили, и его подельников — тоже. Я все-все знаю. Об Инне — тоже. И о твоей маме.

Дэн сглотнул и напрягся.

— Мне так жаль, — прошептала я, целуя его ладонь. — Мне так жаль, Денис. Так жаль.

— Все нормально. — Без улыбки сказал он.

— Нет, ненормально. Но я сделаю все так, чтобы было нормально. — Зачем-то сказала я упрямо. От переизбытка эмоция меня слегка колотило.

— Перестань, перестань, Маша… — Пара невинных поцелуев меня чуть успокоили. Давай, уйдем отсюда? Здесь слишком громко. Уйдем и вернемся к концерту Кея. Хорошо?

— Хорошо, — отозвалась я взволнованно. — Только это… Знай. Я тебя больше не отпущу. Вообще никуда и никогда.

— Ух ты, какие заявы. Правда?

— Правда.

— Ну что ж… Пойдем, глупышка ты моя. Кстати, откуда у тебя золотой браслет? — полюбопытствовал Дэн. — Марина должна была дать тебе другой билет, не ВИП.

— Девочка одна помогла, которую я в электричке встретила, и ее парень… Что-о-о? Смерчинский! — взвыла я. — Откуда ты знаешь?!

— Ну-у-у, — он очень мило и совершенно невинно улыбнулся. — Я тут думал, как бы мне получше попросить прощения, договорился с Кеем — о да, это было невероятно трудно — и попросил ребят об услуге, чтобы они притащили тебя на фест. Так, чтобы Бурундучок ни о чем не догадалась. Твоя подружка тоже согласилась помочь — спасибо ей большое.

— То есть это все была подстава?! Огромная-преогромная подстава? — задохнулась я от возмущения и нового прилива дикой радости. Ну, Маринка со своими Черри, Ландэ и парнями! А я-то думала…

— Да, — радостно подтвердил Денис. — Только не кричи, Чип!

mir-knigi.org

— Не буду, — сделала я вид, что надулась. Трясти от переизбытка чувств меня стало еще больше. К тому же мне позвонила Марина и весело осведомилась, встретилась ли я с Денисом.

— Встретилась! — завопила я. — Ты поганка!! Подставила меня!!

— Чувствую, ты снова в тонусе, — хихикнула подруга, и через минут пять появилась в поле нашего зрения в компании с Ланде, Валерой, рыжим парнем, устроившим Дэну тот самый памятный романтический сюрприз и еще с какими-то малознакомыми мне типами. Выглядела она шикарно — сразу видно было — девушка готовилась к свиданию со своим Черри, и в то же время одежда у нее была вполне подходящая для фестиваля: короткие шорты, маечка и неизменный браслет, подаренный нам Микаэлем — свой я тоже носила, не снимая. Кажется, полунорвежец умудрился скрасить одиночество Маринки, и несчастной она не выглядела. Правда, продолжалось это до поры до времени — пока господин Вишенка не соизволил появиться с другой компанией их общих с Дэном друзей и подруг. Правда, пришел он не один, а с девушкой — невысокой, но очень миленькой пепельной блондинкой с воистину кукольным личиком — таким правильным и красивым оно казалось.

— Моя девушка, — сказал, смеясь, Черри друзьям, даже не замечая Марину, а она так сжала челюсти, что я подумала, что подруга вот-вот ударит его и разорвет соперницу пополам.

— Эй, — обеспокоенно проговорила я Марине, не совсем понимая поведения Александра. — Ты в порядке?

— В порядке, — дернула она плечом, видя, как Черри с подружкой, которую он нежно придерживал за плечи, куда-то удаляются.

— Не в порядке. Слушай, может поговорим, а?

— Нет, Маша, иди с Дэном, ты его очень сильно ждала. Со мной все нормально. — И с этими словами подруга, улыбнувшись мне, ушла, а Ланде, нахмурившись, поплелся следом за ней.

— Чип, — шепнул мне Дэнв на ухо. — Пойдем. Нам очень нужно поговорить.

От звуков его голоса у меня по телу пробежала пара-другая электрических импульсов и я кивнула ему.

Сначала мы со Смерчем хотели уйти на стоянку, где находились машины, в которых приехал Ланде с друзьями, а потом, чуть подумав, мы ушли к реке, и долго сидели там, на высоком берегу, не отпуская друг друга ни на минуту.

Дэн заставил меня рассказать ему все, что я знаю и все, что произошло со мной за время нашего расставания, и мне ничего не оставалось делать, как послушно рассказывать обо всем. Правда, в процессе рассказа я все время сбивалась и сама начинала задавать своему Дэйлу вопросы, или просто прерывалась, чтобы начать его целовать. А еще… еще я позорно расплакалась. Никогда еще я не плакала перед парнем и редко я вообще плакала так долго, почти что с упоением.

— Я по тебе очень-очень скучал, — сказал Денис. — И я очень боялся, что ты станешь моей третьей потерей.

— Я не стану твоей потерей, — после этих слов у меня в горле застрял ком — мой личный предшественник будущих слез. — Не стану, слышишь меня? Не стану!

И я опустила голову, коснувшись лбом его вздрогнувшего плеча.

— Эй, ты чего? — обеспокоенно спросил Смерчик. — Ты же такая сильная девочка.

— Я слабая и дура, — прошептала я.

— Что за глупости. Принцесса, ты чего? Плачешь?

А я и правда плакала.

Виноваты в этом были все те ярчайшие эмоции, что я переживала в последние дни и сегодня, тревога за любимого парня, эта история с Пристанскими, страх потерять близких, жалость к Оле и к Димке, осознание того, что пережил в этой жизни Денис и того, насколько он сильный духовно. Инна, его мама, дневник матери, поведение идеального сына… Что у него было в душе? И как, как он смог стать таким человеком? И почему, почему Судьба была с ним так жестока? Он что, сделал что-то не то в прошлой жизни? Что он натворил? Мой мальчик, которого нужно защищать — а я его только обидела.

— Я по тебе скучала, — уткнулась я ему в плечо, понимая, что никак не могу остановить горячие слезы, вырывающиеся из глаз. — А ты… ты пропал. Дурак!

— Не плачь, — тихо успокаивал меня мой Смерчик, посадив к себе на коленки. — Прости меня.

— Это ты меня прости, — обнимала его я, но плакать не переставала — просто физически не могла этого сделать, а лицо мое горело от глупых слез. Я редко когда плакала из-за себя, потому что всегда считала, что жалеть себя — не слишком хорошее занятие, я ревела из-за Дениса, из-за того, что он пережил и того, что он чувствует. Наверное, это было одно из проявлений моей любви — сострадание и желание сделать так, чтобы Денис никогда больше не чувствовал себя плохим или виноватым, обиженным и расстроенным. Я плакала, обнимая его, и видела перед собой то маленького мальчика с испуганными синими глазами, потерявшего маму и услышавшего страшные слова своей бабушки, то одинокого подростка с упрямо поджатыми губами, всеми силами старающегося быть лучше — не просто лучше всех, а лучше самого себя, то неподвижно лежащего на берегу юношу с раскинутыми в стороны руками, только что нашедшего любовь и потерявшего ее в морской трагедии, то просто самого обычного двадцати однолетнего парня, которому надоело все на свете.

Чуть позже я поняла, что, в общем-то, плакать и страдать из-за любимого человека — нормально явление. Когда искренне кого-то любишь — то желаешь ему только счастья, когда этому человеку плохо, ты понимаешь, что тебе хуже, чем ему, в два раза, а когда хорошо — ты радуешься больше него раза в четыре.

— Машенька… Ну пожалуйста, не надо так. Все ведь хорошо. Хорошо, правда? — Денис осторожно вытирал большим пальцем мои слезы с щек. — Зайка, посмотри на меня. Ну-ка посмотри на меня. Мне в глаза. Маша, посмотри мне в глаза.

Я нехотя подняла взгляд на его лицо и шмыгнула носом, как маленькая девочка.

— Ты не должна плакать. — Твердо сказал Денис. — Не из-за чего. Плакать надо тогда, когда больше ничего другого тебе не остается. Поняла меня?

Я кивнула.

— Извини, я… Я не знаю, почему… они катятся по щекам. Я… Ты не должен быть таким, —

шептала я горько.

— Каким?

— Идеа… идеальным. — С трудом выговорила я.

— Ты не хочешь, чтобы у тебя был идеальный парень? — шутливо спросила он, но я поняла, что Смерч насторожился.

— Если я хочу быть с тобой, — я сглотнула, — значит, ты идеален для меня априори. Даже в своих недостатках. Денис, Денис, пожалуйста, будь самим собой? Не переживай. И не вини себя ни в чем.

— Это легко сказать, — склонил он голову и улыбнулся.

— И не делай вид, что улыбаешься или смеешься, если на самом деле тебе горько. — Я коснулась губами его подбородка. — Ты должен жить для себя, а не для других. Понял?

— Понял, Маша. — Дэн прерывисто вздохнул и посмотрел на темную речку. — Если ты мне будешь помогать, я…

— Буду, — перебила его я.

— Тогда хорошо. Я буду стараться. А ты не плачь. Иначе я выкину тебя в речку. Маша, серьезно, я слез женских боюсь. А особенно, как оказалось, твоих.

— А почему ты не дрожишь от страха? — вновь всхлипнула я.

— Потому что я — мужчина, — гордо изрек он. — И я ничего не должен бояться.

— Эй! Опять идеальничаешь.

— Неа. Я просто хочу, чтобы ты успокоилась. Ты плачешь — и мне плохо. Правда, солнышко мое. Хочешь, я назову тебя котенком?

— Мур-мур. — Хихикая, сказала я. После его слов слезы сами по себе стали высыхать.

— Вот и хорошо. — С одобрением проговорил Смерчинский. — Молодец. Не плачь больше.

На несколько минут мы замолчали. Дэн продолжал сидеть на траве, вытянув вперед длинные ноги, а я положила голову ему на колени и стала смотреть в вечернее бескрайнее небо. А потом откуда-то потянуло дымом, и я поморщилась. Денис, рассматривающий мое лицо, тут же заметил это и спросил:

— Маша, я давно хотел узнать. Ответишь? — он дождался моего кивка и только тогда продолжил, не забыв вновь вытереть мою мокрую щеку, по которой бежала последняя слезинка. — Почему ты не любишь дым? Ты ведь огненная девочка, а его просто не переносишь. Есть причина?

— Ну-у-у… — Замялась я. — Просто…

— Говори. Про меня ты знаешь все, я тоже хочу знать все о тебе. Иначе, как я буду тебя защищать с недостатком информации о своем Бурундуке? — улыбнулся он подбадривающее, играя с моими волосами.

— Я не люблю об этом говорить. — Глухо отозвалась я и поежилась, хотя было жарко. Дэн тут же взял меня за руку. — Когда я была мелкой, ко мне в гости пришла подружка — она жила в соседней квартире. Родителей дома не было — папа в командировке был, и мама — на работе, а Федька ушел в магазин. Мы с девочкой играли в куклы и ничего не замечали. А в это время у нас в квартире перемкнуло старую проводку, и внезапно начался пожар. И тогда так сильно пахло этим дымом, — тоскливо сказала я Дэну. — Этот запах забивался в нос, и от него хотелось кашлять. Мы с подружкой очень испугались и не понимали, что делать. Только вопили, как сумасшедшие. Хорошо, что нам помог соседский мальчишка, его, кажется, Андреем звали. Да, Андреем. Они с мамой снимали квартиру рядом с нашей какое-то время.

Я замолчала.

— Дальше? — ласково сказал Денис.

— Дальше как-то грустно все было. В общем, он услышал наши крики и перебрался к нам в квартиру через балкон — они у нас рядышком были. Андрей открыл входную дверь, вытащил и меня, и подружку, а потом решил спасти нашу кошку и опять вернулся в квартиру, а там пожар сильнее стал… Ему вход в комнату отрезало… — Я прикрыла глаза, вспоминая урывками тот ужасный пожар, который потом мне очень часто снился — Он испугался, наверное, взял и выпрыгнул с балкона, вместе с кошкой. С ней-то все нормально было, а он ногу сломал и что-то еще, и травму головы получил, и в больнице потом лежал. Мы с мамой ходили к нему… Знаешь, он такой хороший был, этот мальчик Андрей. Очень добрый и вежливый, как и его мама. Правда, он потом с ней почему-то куда-то переехал, и мы больше не видели его. Жалко. Действительно же спас меня, я ему, наверное, жизнь должна. — Я скомкано закончила и резко поднялась и села рядом с Денисом. — С тех пор я и ненавижу запах дыма, даже сигаретного. Не поверишь, у меня потом аллергия на него открылась, и меня лечили у аллерголога. Ну, мама сказала, что я после этого еще и нервная очень стала. — Я вздохнула и тихо рассмеялась. — Поэтому, может, я такая, безбашенная временами.

— Банально это говорить, но ты — самая лучшая.

— Угу, конечно. А еще я поняла, почему мне Никита Кларский нравился, — вдруг сказала я. — Потому что он внешне очень сильно напоминал того Андрея. И поведением тоже напоминал… Блин, что я несу?

— Ты просто рассказываешь мне о себе, — прошептал Дэн. — Маша, обещаю, что я рядом со мной тебе не нужно будет бояться огня. Эй, ты мне что, не веришь? А зря-зря.

Я улыбнулась и состроила ему рожицу. Плакать совсем расхотелось.

— Я тебя сейчас укушу, — предупредил Смерч, понимая, что я чувствую себя куда лучше.

— В ногу?

— Нет, в шейку…

Мария была права — Никита Кларский действительно очень сильно был похож на своего сводного брата Андрея, носящего распространенную фамилию Кузнецов, и чуть позже ставшего зваться Мартом. Маша так и не узнала о том, что когда-то давно, в детстве, именно Андрей Март спас из пожара ее и ее подружку-соседку, а вот он все-таки узнал девушку. Правда, сначала, глядя на фото дочери мента, не понимал, кто это такая, а вот когда проезжал мимо Маши, сидящей в машине брата, в той самой пробке, спеша на благотворительный бал,

вдруг узнал, и это невероятно сильно подняло ему в тот день настроение. Надо же, какое совпадение.

— По-моему, у меня какая-то странная карма, — проговорил он своей рыжеволосой подруге, смотревшей на Марта со смесью страха и очарования, закрыв окно своего дорогого черного авто.

— Почему странная? — спросила девушка, в этот день вдруг ясно понявшая, что этот ужасный мужчина для нее все-таки дорог. Она положила голову ему на плечо, а рукой осмелилась коснуться груди.

— Не знаю. Кажется, я не в любимчиках у Судьбы. Или просто что-то сделал не так. Но я ни о чем не жалею.

— Что? — не поняла его спутница. Очарование побеждало страх.

— Ничего. — Усмехнулся Андрей и покровительственно похлопал рыжеволосую по щеке. И тут же крикнул водителю. — Эй, Радик, скотина, выруливай из пробки! Если я опоздаю, я тебя в бетоне замешаю. Ну вот, застряли в пробке. — Вновь другим голосом, в котором проскользнула неожиданная нежность, обратился он к рыжеволосой девушке. — Или это только я застрял в пробке? Ну, девочка, не смотри на меня так. Чуть-чуть больше влюбленности во взгляде, а не удивления.

Рыжеволосая девушка неожиданно улыбнулась Андрею, осмелилась коснуться губами его щеки, не замечая, что ее пальцы вцепились в лацкан его дорогого пиджака.

В машине был последний на сегодня поцелуй, а книгу Виктора Пелевина, оставленную в автомобиле, он так и не дочитал.

— Я сделаю тебя супервампиром, — дурачился Смерч. Теплый проказник-ветер трепал ему волосы в разные стороны.

— Не сделаешь! Так! Хватит мне зубы заговаривать! — пришла я в себя. — Денис! Где ты был? Почему уехал? Зачем ты меня оставил?

— Я уехал… я сошел с ума и уехал, чтобы не натворить глупостей. — признался он, глядя на спокойную гладь реки. — Как полный дурак отсиживался за городом на даче у предков Черри и Ланде. Хотел остыть, чтобы не натворить дел. Когда ты написала это сообщение, и когда я позже увидел тебя с Чащиным вместе, я ведь подумал, что все, я доигрался, и все теперь кончено. В общем… Маша, я не хотел сделать тебе больно своими поступками или словами.

Я тоже… Я тоже не хотела!!

— Если честно, я был в ярости. — Он улыбнулся, показав белые ровные зубы, — я редко проявляю такие негативные эмоции, но если они прорываются — это фигово. Я становлюсь каким-то неуправляемым уродом. Поэтому и решил отсидеться.

— Ты и таким бываешь? — погладила я его по плечу. Касаться Смерча было невероятно здорово — вроде бы я просто дотрагивалась до него, а это приносило большое удовольствие.

— А потом подумал — я много думал, Маша, — и решил, что должен вернуть тебя. — Продолжал он. — Иначе совершу самую тупую ошибку своей жизни. Ревность не стоит того,

чтобы терять счастье, верно?

— Верно… И гордость.

— И гордость, да. Совсем случайно ночью я придумал маленький план с фестивалем. Подумал, если твой любимый певец попросит за меня и споет тебе песню, то твое сердце немного растает. И я очень хотел, чтобы ты по мне соскучилась. Очень-очень. И простила.

— Поэтому ты не подавал о себе никаких вестей? — догадалась я. Вот же манипулятор!!

— Может быть. Но когда я задумал свой план с фестом, этой же ночью я уехал в аэропорт. А, нет, сначала я заезжал к твоему одногруппнику. — Признался парень мне. Я сглотнула.

— Оля сказала, ты видел меня и Димку… Прости. Я не хотела. Это получилось внезапно. — Едва шевеля губами, отозвалась я.

— Я знаю. Чащин сказал, что он сам этого захотел и сам поцеловал тебя.

— Откуда ты знаешь? — все же заглянула я в лицо любимого. Синие глаза оставались спокойными.

— Я был у него, — отрывисто сообщил Дэн, невесело улыбнувшись мне. — Приехал, чтобы выяснить с ним отношения. Не выдержал. Я хотел понять, что между вами происходит, а он, видимо, хотел объяснить. Я был прав — Димка хороший друг, мой Чип. Именно он сказал мне… сейчас… я скажу точно его слова. — Смерчик прикрыл глаза, вспоминая слова парня. — Он ткнул меня кулаком в солнышко и сказал: «Смерчинский, если ты нормальный мужик, ты поверишь слову другого мужика, не будешь распускать сопли и слюни, а сделаешь что-нибудь, чтобы ваши с Машей отношения стали прежними, понял? Можешь врезать мне, куда тебе угодно — я был не прав, когда целовал чужую девчонку, но наладить отношения с ней ты обязан. Иначе ты не мужик, а вялое потонувшее в своих слезках, дерьмо».

— Ты его что, ударил? — вскрикнула я. Димку мне было очень жаль, очень-очень, и я надеялась, что Оля станет ему хорошей подругой.

— Сначала хотел, — честно ответила Смерчинский. — А после этих слов как-то передумал. Мы вообще нормально с ним поговорили. И о тебе, и о малышке Князевой, и просто о жизни. Он хороший парень. Я оставил у него свой байк, вызвал такси, заехал домой — там никого не было — взял паспорт и загранпаспорт, и поехал прямиком в аэропорт. Оттуда первым рейсом двинул до Москвы, и сразу же в Германию. Там встретился с Кеем. Ты не поверишь, Бурундучок, чего мне это стоило, встретиться с ним и уговорить на то, чтобы он стал моей персональной свахой. — Денис засмеялся, а из-за его смеха мне тут же захотелось улыбаться. — Хорошо еще, я вовремя просек, что Кей оказался знакомым с моим другом, и тот уговорил Кея помочь мне.

— Твой друг что ли Бог? — переспросила я.

— Нет, он тоже музыкант.

— Так про этого друга он говорил? — спросила я внезапно, вспомнив слова солиста «На краю». — Откуда вы знакомы?! Откуда? Как это все понимать-то?

— Мы не знакомы, Бурундучок. Я же сказал, что с трудом смог с ним познакомиться. Просто Кей должен был моему хорошему другу-музыканту, который сейчас находится в США, и тот попросил Кея об ответной услуге — помочь мне, — весьма туманно поведал мне хитрец

Смерчинский.

— И чего должен-то был? — не понимала я, с любопытством гладя его ящерку. Кажется, Смерчу это очень нравилось.

— Не могу точно сказать, Чип. Кажется, это связано с девушкой Кея.

— У него есть все-таки девушка? — я коснулась его шеи губами, и Дэн сглотнул.

— Ну, по-моему, он парней не предпочитает в качестве любовников, — отозвался он, обхватывая мой затылок. — Чииип…

— А если бы я реально вдруг что-то почувствовала к Димке, и мне было бы все равно, что произойдет на концерте? — вдруг спросила я, остановившись.

— Я очень боялся, что это может быть правдой, но знай, Маша — я бы не отступил от тебя, — твердым голосом сказал Денис. — Я бы боролся до последнего. И испробовал бы все способы. Веришь?

— Верю. А я… я сначала отказалась от тебя, когда думала, что у тебя что-то с Олей, и что вы вместе уехали, — призналась я. — Прости. Я вижу теперь, какой я была тупицей. Спасибо, что ты сделал ради меня все это. Спасибо.

— Тебе ведь понравилось это маленькое представление?

— Да я до сих пор в ауте, Дэнчик-хренчик!

Теперь уже он вновь несколько раз коснулся губами моей щеки, а я поняла, что звук поцелуя — вещь невероятно приятная, ну, конечно, если целуют тебя или целуешь ты.

После разговаривали мы очень мало — губы у нас были очень заняты, да и руки тоже, и, наверное, наше общение можно было назвать коммуникацией жестов и прикосновений. А перед тем, как мы поднялись на ноги, чтобы вернуться вновь на шумную, гремящую со всех сторон, территорию «Крэш бума», чтобы посмотреть на концерт «На краю», очень уж часто дышащий Дэн сделал мне очень и очень заманчивое предложение:

— Поехали потом ко мне, маленькая?

— Мне надо вернуться домой до часу, у Федьки ведь завтра свадьба. — Отозвалась я, перебирая его темные волосы.

— А после? — почти жалобно спросил он. Я победно улыбнулась.

— А после будет второй день свадьбы, и мне нужно будет поехать на шашлыки с гостями.

— А потом?

— А потом если ты все еще будешь этого хотеть, я приеду к тебе, Денис, — серьезно пообещала я.

— По-моему, буду, и очень сильно, — признался он, встал первым и подал мне руку. — Пошли, скоро концерт твоего Кея.

— Не моего, а твоего. — Парировала я. — Но все равно пошли!

Как Дэн мне и обещал когда-то, мы оказались на концерте моих любимых «На краю». Правда, начали они не в одиннадцать, а на полчаса позже — произошло несколько технических заминок у группы, выступающей перед моими любимцами.

Сначала мы с Дэном сквозь жуткую толкучку пришли в ВИП-зону, на сидячие места, но буквально через минут десять я поняла, что сидеть и слушать рок на open-air'е — это преступление против музыки, и потащила Дэна в переполненную фан-зону, большую прямоугольную площадку, которая расположилась около самой сцены. Там оказалось куда как более оживленно и весело. Драйв прыгал по венам и артериям в такт мелодично-ревущей музыке.

— Как круто! — прокричала я Дэну в восхищении. Море людей перед огромной Сценой N 1, по сравнению с которой музыканты казались маленькими электронными куколками, впечатляло. Отличное звучание тоже невероятно радовало — когда потом народ делился впечатлениями, все дружно сошлись во мнении, что техническая команда феста и аппаратура не подкачали, потому как каждая приглашенная группа давала просто отменный звук.

Я всегда мечтала попасть на Вудсток, но, по-моему, «Крэш Бум» оказался ничуть не хуже. Да и атмосфера была необыкновенной, и огромная толпа казалась едва ли не единым организмом — так все прониклись музыкой. Я не знала всех этих людей, которые собрались перед сценой в ожидании тех, чьи песни и аккорды они знали наизусть, но почувствовала себя с ними на одной волне — особенной волне, музыкальной.

Когда «На краю» появились на сцене и после небольшого яркого интро стали играть свои самые знаменитые песни, я с удовольствием подпевала им, прыгала, что-то кричала и даже умудрилась залезть Смерчику на плечи. Во время выступления Кей и его ребята не просто зажгли множество иллюминаций и огней — у них было отличное фаер-шоу, они зажгли сердца почти сотни тысяч человек, превратив на какое-то время каждого из нас в Данко — того самого, кто своим горящим сердцем освещал путь другим в темноте.

Кей пел одну из последних песен — слушатели не желали отпускать группу, а я с улыбкой, от которой болели щеки, смотрела на сцену. Денис обхватил меня сзади за талию и прижал к себе. По-моему, сейчас он тоже был счастлив и совершенно не притворялся таковым, а это не могло не радовать.

Я оглянулась на него, и на миг мне показалось, что весь этот мир — нет, не мой — он наш.

Когда концерт закончился, и мы с Дэном шли к палаточному городку, где должны были встретиться с его друзьями, мне казалось, что я пьяна, хотя не сделала ни глотка алкоголя — пила только холодную газированную воду. Люди вокруг тоже были под впечатлением.

— Ну как тебе, Бурундучок? — весело спросил Смерчинский, потянув меня за собой за руку. Голоса и у него, и у меня от криков были хрипловатыми.

— Отпадно! Дэн, это просто супер! — прокричала я. — Спасибо тебе!

— А мне-то за что? Я не организатор феста, — хитро сощурился он, явно разводя меня на дальнейшие комплименты.

— Ты организатор моего счастья! — отозвалась я, перепрыгивая грязевую лужу — грязь, островками встречающаяся кое-где была одним из немногих небольших минусов фестиваля.

— Какой у меня сентиментальный Бурундук, — засмеялся он.

— Хватит называть меня Бурундуком, Сморчок, — на автомате сказала ему я.

— О'кей! Мой сладкая куколка! Так подойдет? — продолжал веселиться синеглазый дурачок. Идущие рядом девчонки и парня услышали это и заулыбались.

— Не надо меня так приторно называть! — испугалась я.

— Почему, цыпленочек?

— Потому что, динозаврик. Моя маленькая послушная ящерка, — просюсюкала я в ответ. — Пупсик.

— Маша, тебя так на нежность пробило? Ты от меня совсем без ума, да?

Я только хотела сказать ему в ответ привычное «балда», как головастики заставили меня прикусить язычок и только улыбнуться своему Смерчику.

— Ой. Простите! — вдруг услышали мы заинтересованный, чуть смущенный голос позади и синхронно обернулись. На нас уставились несколько любопытных глаз следующих за нами ребят и девчонок. Одна из них, тащившая флаг с гербом города, сказала:

— Ой, простите, а это не вы та девушка из видео?

— Какого видео? — обалдела я.

— Ну, в Интернете которое. «Как парень признавался в любви девушке и просил выйти за него, а весь клуб ему помогал», — любезно пояснила девушка, а я, наверное, побурела от ужаса. Узнали!

— Нет, вы что, — испугалась я. — Я не из видео.

— Жалко, — огорчилась девушка, — а так похожи. Извините! И ваш молодой человек тоже.

— Я не молодой человек, — вмешался Смерч, прекрасно понявший мое состояние души, — я ее муж. Пошли, женушка. Палаточный городок близко.

— Ненавижу твоих друзей, — прошипела я. — Сволочи они все…

— Они хорошие, — возразил с улыбочкой Дэнв, вглядываясь вдаль, в многочисленные палатки, которые, казалось, уходили далеко за горизонт. — Это ты просто людей не любишь. Пойдем-пойдем, дорогая, я вижу Ланде. Гоу, моя милашка.

Я кивнула, великодушно пропустив мимо ушей «милашку», и мы направились к нему и его друзьям, среди которых я опять узрела Марину, около которой стоял Микаэлька собственной долговязой персоной. Они о чем-то разговаривали.

— Тебе понравился концерт? — спросил Ланде, наблюдая за черной прядью волос Марины, на которую попал лепесток какого-то полевого цветка.

— Не знаю, — пожала плечами та. — Прикольно, конечно, но я как-то рок не очень… Хотя у последней группы песни были красивые.

— У «На краю»?

— А, да, это, наверное, они были. Красавчики, кстати. Их Машка очень любит, — девушка улыбнулась. — Если бы не они, не клюнула бы она на план Дэна.

— Да, но тогда, думаю, он придумал бы что-нибудь другое. И не менее фееричное. Марина, слушай… Марина, мне нужно кое-что тебе сказать, — сказал Ланде нервно.

— Что же? — спросила девушка. Из-за вероломства Черри, которого она больше не видела, ей было очень и очень грустно. И она очень сильно хотела поговорить с ним, дабы разъяснить ситуацию!

— Это очень важная вещь. Слушай внимательно и не…,- начал Микаэль, но его тут же перебили, причем сама Марина.

— Черри! — увидела она вдруг Александра, все так же бережно обнимающего блондиночку, для которой, казалось бы, не должно было быть места на фесте. — Подожди немного, я сейчас! Черри. Черри!

— Что? — обратил на нее внимание зеленоволосый. Сейчас он был без майки, в одних бриджах, и его татуировки на худощавых руках, на которых очень хорошо просматривался рельеф мышц, очень и очень привлекали внимание не только Марины, но и прочих девушек. — А, это ты, Маша. Хай, хай.

— Я не Маша, я Марина! — возмутилась брюнетка, зло рассматривая соперницу. Блондинка, зевнув и прикрыв вишневый, чуть капризный ротик ладошкой с длинными тонкими пальцами, без интереса посмотрела на Марину.

— А, да, прости. Я чего-то по ходу имена иногда путаю, — кивнул Черри. — Звиняй. Анечка, зайка, ты устала?

Пепельноволосая девушка с фарфоровым личиком дорогой куклы помотала головой. Парень тут же умилился и подумал: «Черт, такое чувство, что видео с долбанным котятками смотрю».

— Давай, поговорим? — сказала брюнетка, всей душой ненавидя Анечку-зайку, да и вообще всех светловолосых и зеленоглазых женщин мира, которых судьба не обделила красотой.

— О чем? — не въехал тот. Для Саши сейчас существовала только эта одна блондинка.

— О нас.

— А чего нас говорить-то? — пожал он плечами. — Ну, если хочешь. Отойдем на пару минуток? Анютка, подожди нас тут. Хорошо?

— Хорошо, — спокойно сказала зеленоглазая красавица, словно разрешая, и Саша с Мариной отошли ото всех на несколько шагов.

— Слушай, — сказал он, глядя в темные глаза девушки — и не слишком ласково глядя, а скорее сурово. — Марина.

— Что? — вздрогнула она. Долгожданная встреча с Сашей, ее Судьбой, представлялась ей совершенно по-иному!

— Ты хорошая и красивая девчонка и все такое, но ты не в моем вкусе. Нет, я конечно бы мог с

тобой провести пару ночей — но не более. Понимаешь? Я честно говорю тебе это, потому что ты нравишься мне как человек, ну и еще ты — подруга герлфренд Дэна. Ты можешь быть мне просто другом. — Чересчур прямо, но, между тем, искренне сказал Черри. — Все. У нас не может быть никаких отношений. Мне серьезные отношения вообще на фиг не нужны. А ты-то не такая, как я, да?

— Да… Наверное, — прошептала девушка. — Но ведь сначала я понравилась тебе.

— Понравилась, не спорю. Мне красотки как бы по вкусу, — хмыкнул зеленоволосый парень. — Но я еще раз скажу: максимум, что у нас было бы — несколько встреч. Все. А я тебе больно делать не хочу, и честно обо всем говорю. Хочешь — будем друзьями, не хочешь — не будем. Выбирай.

У Марины что-то перевернулось в груди.

— А зачем ты мне тогда писал и звонил?

— Я? Чего делал? — подавился пивом Черри. — Кому писал?

— Мне! Зачем? Играл так, да? Играл?

— Да я тебе вообще не писал, — рассердился молодой человек. — Марин, не выдумывай, а?

В груди у девушки еще раз что-то перевернулось, а потом распалось на части — словно в ее сердце раскололась медная чаша с драгоценными бусинами и ярким бисером, которые тут же попали в кровь, затрудняя ее циркуляцию. Поэтому Марине показалось, что все тело ее одеревенело.

— А? Ага…

— Все. Я все сказал, — похлопал ее по плечу Черри, подумав, что говорить, в принципе, больше не о чем.

— Я поняла, — не могла поверить ему Марина. Чтобы не расплакаться, она смотрела в землю, на свои ноги. — А она?

— Кто она?

— Девушка, с которой ты приехал, блондиночка, она тоже на пару ночей? Или с ней что-то серьезное?

— Я не знаю, — не любил врать парень. — Давай, не думай ерунде больше. Поехали ко мне на тусовку, найдешь себе пацана, пообщаешься с ним. Если что — я помогу адекватного выбрать, а не придурка.

И он с улыбочкой посмотрел в сторону сердитого Микаэля, сидевшего, скрестив ноги, прямо на чьем-то рюкзаке. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это рюкзак самого Черри, и зеленоволосый панк тут же подбежал к Ланде с криками, чтобы тот убрал свою костлявую задницу с его личной вещи. Тот убирать ничего и не откуда не захотел и, мрачно глядя на Сашу, выпятил губу и заявил тоном светского льва, которого из роскошной столицы отправили в провинциальный городишко:

— Иди мимо. Мимо — это значит, не останавливайся около меня.

mir-knigi.org

— Захлопнись. Или я тебя сейчас ногой в землю вобью, рассвирепел тот мгновенно.

— Опять бушуют? — подошли к Марине Смерч и Маша. Они не отлипали друг от друга и смотрелись счастливыми молодоженами, у которых впереди должен был быть медовый месяц.

— Ага… — Проговорила Марина.

— Братики-акробатики, — улыбнулся Денис и пошел успокаивать парней.

Да, немногие знали, что Ланде и Черри, эти два непохожих друг на друга ни внешностью, ни характерами парни были братьями, правда не родными, а сводными — их родители: известный театральный режиссер и талантливая актриса познакомились тогда, когда парням — вернее, тогда еще мальчикам было всего по два годика. Супруга Павла Аскольдовича рассталась с мужем через год после рождения Саши, и, забрав его брата-близнеца к себе, уехала в родной город. Ангелина Карловна замужем и вовсе не была — она как-то совершенно случайно родила Микаэля от норвежца с красивой холодной нордической внешностью и как-то быстро поняла, что тот является лишь отцом ее ребенка, а никак не мужчиной всей жизни. С будущим мужем, отцом Черри, она встретилась совершенно случайно, сразу же в него влюбилась, стала музой его режиссерского творчества и законной женой. Вот так Саша и Микаэль и стали братьями. Их родители до сих пор любят вспоминать о том, что в далеком детстве Микаэль был куда сильнее и крупнее Саши, вечно его обижал, отбирал у него игрушки и сладости, и даже — о, ужас! — бил. Так продолжалось лет до восьми. А потом Ланде неожиданно заболел, и его родной отец — кстати говоря, очень заботливый — тут же предложил Ангелине, чтобы их сын некоторое время пожил в Норвегии, дабы прошел отличное медикаментозное лечение в закрытом элитном санатории. Заодно мальчик мог бы выучить языки — в том числе и норвежский, да и вообще приобщиться к культуре родины отца. Ангелина, скрепя сердце, согласилась, и в результате Микаэль вернулся домой только лет в двенадцать. Он полностью выздоровел, сильно вытянулся и похудел, зато вместе с отцом-музыкантом объехал кучу стран, выучил несколько языков и на норвежском изъяснялся лишь с едва заметным акцентом. Саша за это время тоже изменился — вырос, окреп, стал слушать панк и начал курить. Ситуация изменилась — теперь сильнее был не ставший утонченным спокойный Ланде, а наглый взрывной Черри, который, как оказалось, помнил кучу детских обид. Сводные братья оказались полнейшими противоположностями, постоянно ругались и спорили, и редко кому рассказывали, что живут под одной крышей.

Марина, правда, уже знала об этом — пару часов назад Ланде поведал ей странную историю их семьи.

— Мамочка, — внимательно посмотрела на подругу Маша. — Ну что случилось? Что там с Черри? Хочешь, я поговорю с ним?

— Нет, не надо. Не надо. Я и так все поняла, — отозвалась брюнетка.

— Точно?

— Точно.

— А ты на вечеринку-то поедешь?

— Думаю, да, — тряхнула черными волосами Марина. — Я хочу повеселиться. А ты, давай, рассказывай, как у тебя со Смерчем?

Маша счастливо улыбнулась и негромко, хихикая, стала что-то говорить подружке, а после они

все вместе двинулись на стоянку, где повстречали еще нескольких старых знакомых.

— Приве-е-ет! Кого я вижу! Почти что сестренка! — вынырнул из толпы хорошо знакомый мне длинноволосый здоровенный парень с улыбкой от одного проколотого уха до другого.

— Эль! — обрадовалась я. — А ты что тут делаешь? Завтра же у Насти и Федора свадьба!

— На фесте тусуюсь, — отозвался он и хмыкнул. — А ты я вижу, тоже дома не сидишь, к свадьбе не готовишься! Ну на самом деле я уже собираюсь домой. Во-первых, я должен быть дома как штык к утру, а то мать убьет, а во-вторых, со мной очаровашка. Эй, ангел! — и Эль вытащил за руку очень и очень недовольную Ингу, белые длинные волосы которой стояли едва ли не дыбом.

— Инга? Ты что тут забыла? — поднял левую бровь Смерч, глядя на свою родственницу.

— Что? Музыкой я наслаждаюсь. Этим… роком любимым. — Отозвалась она сердито, хотя тот прекрасно знал, что правильная Инга предпочитает классику и шведский поп. — Не видишь что ли? Денис!! — заорала она вдруг на брата. — Тебя все ищут, между прочим! Скоро в международный розыск объявят! А ты шляешься, где попало!! Идиотина!

— Хэй, полегче, — сделал обиженно лицо Дэн и неожиданно получил от любящей сестрицы тычок в бок.

— Эй-эй, — забеспокоилась я, загораживая его. — Не бей его, он же еще больной!

— Он с рождения больной, — фыркнула Инга. — Головой. Да?

— Думаю, есть такое, — кивнул ей Денис.

— Гы-гы-гы, какая ты клевая, когда злишься, — тут же сказал ей Бритые Виски. По-моему, сестрица Смерча ему все-таки очень нравилась.

— И ты тоже больной! — заорала на него девушка. — Ты вообще с приветом! Ты меня достал!

— А зачем ты с ним на фест приехала, раз он тебя достал? — полюбопытствовала я. Инга надулась, как индюк, и окинула Эля пылающим от негодования взглядом. Уперев руки в боки, она выдала:

— Да потому что этот мистер сказал, что или он устроит со своими дружками концерт у меня под балконом, или я пойду вместе с ним на этот концерт!

— Фига себе ты даешь, — зачарованно посмотрела я на довольного, как большой сыч в шипастом ошейнике, ухмыляющегося Рафаэля. Затейник, блин!

— А вы куда? — спросил нас Эль, обнимая Ингу, а она вывернулась из его объятий, зло сверкнула светлыми глазами и отошла подальше. Но тут ей подмигнул высоченный тип с белоснежным личиком юного демоноида, чью кровожадность подчеркивали красные глаза, густо подведенные черным карандашом, а также полное отсутствие волос на черепе, и она, не долго думая, вернулась к Элю. Тот, поняв, что Инга элементарно боится, собственнически положил ей руку на плечо, всем своим видом показывая: «Эта девчонка — моя».

— На вечеринку к другу, — ответил тут же Черри, обожающий большие компании. — Хочешь с нами?

— Хочу, — не стал отказываться рокер, забыв о свадьбе сестры, и добавил задумчиво, — только я тут с парочкой друзей, не дело будет их бросать.

— Поехали с друзьями, — весело бросил Черри, — хата нехилая, алкоголя не мало, девчонки всех расцветок и форм.

— Приглашаешь? Отлично! — обрадовался Рафаэль.

— А как же завтрашняя свадьба Насти и Федора? — спросила я его тут же.

— Да мы часик побудем и по домам разбредемся, — отозвался тот мне и добавил глумливо. — Сестричка.

— Тогда все на стоянку и по тачкам, — начал распоряжаться Черри. — Дэн, вы с нами?

— Маша, — посмотрел на меня он, и я кивнула, зная, что завтра меня повесит мама, четвертует папа, а затем сожжет и брат. Ну да ладно, раз уже все будут веселиться, я тоже хочу этого!! К тому же маму я по смс предупредила, что я якобы у Марины — помогаю ей в одном важно-преважном деле, а потом, чтобы не травмироваться от криков родительницы, выключила телефон.

— На чуть-чуть, — сказала я Денису. — Завтра же у брата свадьба.

— Понял. Чер, мы едем! — крикнул он другу, и тот тут же сказал, в чью машину нам садиться.

Рафаэль чуточку преувеличил, что друзей у него оказалась вовсе парочка, а, может быть, он просто считал, что почти десяток длинноволосых бугаев в балахонах и в шипованных браслетах — это совсем небольшое количество человек. Кстати, среди них были те двое рокеров, с которыми Мария, Дэн и Димка как-то весело удирали после драки от ментов, и сам Скайд — парень грозный с виду, вспыльчивый и очень сильный, но, как оказалось, прикольный и веселый и незлопамятный. По крайней мере, на Дэна он зла нисколько не держал, но, правда, Ника очень уж хотел увидеть — и не потому что до сих пор хотел помахаться с ним еще раз, а потому что просто заинтересовался умелым противником. Дело в том, что от природы Скайд обладал огромной физической силой — был эдаким осовремененным вариантом былинного русского богатыря — и даже звали его Илья, как и Илью Муромца, и противников своих этот длинноволосый рокер привык сбивать с ног едва ли не одним пальцем. А вот Никита его искренне удивил — настолько сильным и ловким бойцом оказался. Он даже спросил у Маши несколько раз, не знает ли она, где этот «чувак с уличной жесткой подготовкой», а она только плечами пожимала.

Скайд был далеко не единственным приятелем Рафаэля. Но Черри, узнав, сколько у Эля друзей, не растерялся и сказал, что чем больше народу, тем круче тусовка. И он оказался прав — вечеринка в доме Черри и Ланде получилась шумной, но беззаботной и оживленной. А особенно сильно радовался господин Вишневый Садик — потому что он нашел эту мерзкую противную девчонку-карманницу по кличке Аладдин.

Случилось это знаменательное событие как раз на все том же благотворительном вечере «Ночь жизни», когда молодой человек, в душе ругая собственного отца-режиссера, заставившего его придти на это скучнейшее мероприятие, отходил от Никиты Кларского и Ники. Саша, как и просила Ольга, слегка попристaвал к Никам в квадрате, вынудив Ника сказать, что Карлова — его девушка, и с чувством удовлетворения направился к барной стойке, чтобы опрокинуть пару-другую бокалов старого-доброго пива или хотя бы вискаря. Однако на полпути к

заветному месту его вновь перехватил Павел Аскольдович и заставил поздороваться с какими-то высокопоставленными гостями вечера. Если бы не стоящая рядом Ангелина Карловна, Черри бы плюнул на отца и ушел бы восвояси, но мачехе грубить не мог, поэтому остался и почти вежливо кивал в ответ знакомым отца, представляющим творческую интеллигенцию северной столицы, заглянувшую сюда на яркий огонек.

Вскоре к отцу подошла целая компания местных депутатов Законодательного Собрания, возглавляемых их председателем, и Черри пришлось здороваться еще и с ними. Председатель Законодательного Собрания, лысый, как коленка, мужик со смешными лопоухими ушами и взглядом затаившегося в кустах буйвола, был не один. Его сопровождали жена, две дочери и племянница. Если первые три особы женского пола никаких эмоций у Саши не вызвали, то последняя весьма и весьма заинтересовала. Миниатюрная пепельная блондинка с огромными зелеными глазами и бледно-розовыми пухлыми губками, кажущимися на светлой бархатной коже настоящим цветком, очень нежным, цветущим прямо на снегу, очень и очень понравилась Черри, и он даже улыбнулся ей — милашки парню вообще всегда поднимали настроение, особенно если у них были хорошие ножки. У этой блондиночки они как раз и были очень хорошими — девушка была облачена в черное, короткое, но простое вечернее платье с небольшим декольте и с чуть более открытой спиной. Хотя наряд и был незамысловатым, он словно подчеркивал ее грациозную и гибкую фигуру, а единственно украшение — тонкая цепочка с розовым кулоном делали изгиб ее шеи еще более изящным. В общем, Александр впечатлился. И впечатлился нехило.

«Надо бы обработать девочку. Мордашка знакомая. И кого она мне напоминает? Какую-то звездочку?», — с этими мыслями Черри начал атаку.

— Как тебя зовут? — подмигнул он девушке, пока старшее поколение общалось между собой, а две дочери председателя с восторгом глядели на эпатажного молодого человека.

— Аня, — просто, без кокетства, ответила та, и в ее зеленых глазах мелькнула удивленная искра узнавания, а потом и смех, но парень этого не заметил, продолжая разглядывать ее очаровательные ножки.

— Аня? Анечка, значит? — взгляд поднимался все выше и выше. — А я — Александр. Приятно познакомиться.

— Приятно.

— Нравится здесь? Как атмосфера?

— Кажется, нравится. Я жду открытия. Дядя сказал, что Даниил Юрьевич приготовил что-то интересное.

— Ну, Анечка, если он носит фамилию Смерчинский, значит, может. Не хочешь ли чего-нибудь выпить? — спросил он удивительно-вежливым для себя тоном.

— Хочу, — улыбнулась Аня.

— Отлично! Чего? Смело говори мне, что ты хочешь, и я принесу тебе это. Хотя, ты должна хотеть амброзию, — сообщил девушке воодушевленный Черри. — Знаешь, почему?

— Нет. Почему?

— Потому что это напиток богов, а ты похожа на маленькую богиню, — сделал он красивый

комплимент блондинке, а она только потупила взор, что невероятно его умилило. Хоть Саша и знал ее всего лишь несколько минут, а ему хотелось уже взять и прижать к себе эту очень хорошенькую и явно покладистую девочку.

— Ну что вы, Александр, какая я богиня, — сказала девушка со вздохом. Ее кузины с недовольством косились в их сторону. То, что Черри заигрывает с ней, а не с ними, их явно задевало, и девушки зло перешептывались между собой.

— Ну, Анюта, что вы хотите кроме амброзии? — продолжал играть роль хорошего парня Черри. — Может быть, розового вина? Сопроводить вас в бар?

— Я даже не знаю, — заколебалась Аня, поправляя пепельные локоны.

— Куда ты хочешь пойти? — спросила вдруг ее жена председателя Собрания. — Никуда не ходи, оставайся рядом с нами.

— Хорошо, тетя, — почти смиренно отвечала девушка и печально посмотрела на Черри большими зелеными глазами. Тот тоже опечалился. А особенно грустно ему стало, когда степенный политик, взятый под руку своей грозной супругой, покинул родителей Черри и вместе со своими дочерями и племянницей переместился в другой конец зала.

— Это кто? — тут же спросил он у Павла Аскольдовича. — Что за мега блонди?

— Выражайся чуть более культурно, друг мой. А если ты имеешь в виду ту юную светловласую особу, то могу лишь сказать, что она — племянница Ивана Игоревича, дочь его почившего лет двадцать назад, брата. Воспитывается с детства с его дочками. Милая девушка, не правда ли? Только жаль, Иван Игоревич редко выводит ее в свет. Весьма редко.

— Да она у них типа Золушки, — вмешалась Ангелина Карловна, услышав разговор. — Вот сколько раз я уже слышала — женушка Ивана Игоревича, эта мегера, девчонку просто терпеть не может, терпит из-за мужа. И дочки ее тоже. Поэтому и в свет выводят ее редко, а зря! Девочка очень красивая, яркая. Сашенька, она ведь тебе понравилась? Понравилась. В общем, классика жанра, дорогие мои. Золушка, мачеха и две злобные сестры.

У Черри поднялась одна из его переломленных бровей. Красавица Анечка действительно походила на Золушку. Он кое-что обдумал и уже хотел уже пуститься следом за ней, как в это время в ресторане начали происходить не самые располагающие к знакомству вещи — а именно, захват банды Пристанских и всеобщей суматохи, после которой Саша вообще потерял из виду свой прекрасную новую знакомую и ее семью. И нашел Аню только через пару часов, когда продолжившийся благотворительный вечер почти подошел к концу.

Саша вышел покурить на один из балконов ресторанного комплекса, довольный тем, что отец разрешил ему завтра устроить вечеринку дома — взамен того, что Черри хорошо вел себя на вечере. И уже там, прикурив от зажигалки в виде обнаженной фигуры девушки и с удовольствием вдыхая крепкий сигаретный дым, вдруг заметила неподалеку знакомую фигурку с копной светлых волос, облаченную в черное коротенькое платье. Аня стояла около перил, сложив на них оба локтя, и курила, изящно зажав в двух пальчиках длинную тонкую женскую сигарету.

— Анечка, а вот я вас и нашел, — тут же оказался он около девушки. Та удивленно на него взглянула и поспешно затушила сигарету.

— Я рада, — отозвалась она, с огромным кошачьим любопытством глядя на молодого человека,

который опять мучительно принялся вспоминать, на кого блондинка похожа.

— Как у вас настроение? Не испугал захват бандитов?

— Нет. Мне было его жаль, — ответила девушка.

— Кого? — не понял Черри.

— Того парня, которого ранили. — Она вздохнула. — Кажется, он был самым главным.

— То есть ты тоже была именно в том зале и все видела? — удивился Александра. — Может быть, кстати, перейдем на «ты»?

— Давай, конечно. Да, мы находись в том же зале, куда ворвался спецназ. — Кивнула Аня. — И это было страшно.

— Но почему тебе жалко бандита? — Черри улыбнулся, подумав, что Анечка эта — очень добрая девочка. А бастион добрых девочек падает куда быстрее, чем бастион стервочек.

— Потому что… мне подумалось — если бы я знала этого бандита близко, я поняла бы, что он — неплохой человек. Вернее, плохой, но интересный. Ладно, не нужно об этом думать.

Парень и девушка разговорились, и почти полчаса болтали ни о чем, стоя на балконе под потемневшим небом. А потом он все испортил.

— Какая ты милая, — не сдержавшись, погладил девушку по шее дурак Черри.

— Да? Закрой глаза, — предложила вдруг ему нежным шепотом Аня.

— Зачем?

— Закрой.

— Ну, хорошо. — Послушно захлопнул оба глаза Черри, думая почему-то, что стеснительная милашка сейчас его поцелует или обнимает — как героиня в романтических фильмах. И тогда он останавливаться не будет. Девочка не только красива, она и безумно притягательна.

— Скажи мне, — раздался жаркий шепот около его уха, — Александр, скажи…

— Что?

— Ты дебил? — в прелестном шепоте девушки-куклы появилось противное ехидство.

— Что-что-что? — медленно открыл уже слегка затуманенные темно-карие глаза Черри и недовольно сощурился.

— Ты что, меня не узнал, что ли?

— В смысле? Аня, мы, кажется… Думаешь, мы раньше встречались?

— Ну ты лосось, хреновая у тебя память, дружок мой, — раздался вдруг вместо милого воркования неприятно знакомый и жутко довольный писклявый голос, и Черри вздрогнул — он вспомнил голос малявки Аладдина. Той самой пацанки, что так его выбесила в парке.

— Что? — резко поднял он глаза на красавицу и поразился тому, как изменилось выражение ее лица — стало дерзким, наглым и очень смешливым.

— Расчтокался. Вспомнил, мальчик-татуировочка? — ухмыльнулась Анька, вольготно положив руку на плечо Черри. Образ девочки-прекрасного цветочка таял на глазах — прямо как пластилин на солнце.

— Ты… Я вроде же мало пил, — потряс головой зеленоволосый, ошарашенный такой метаморфозой. — Нет, я точно не пил много. И не курил травки. Эй, Анечка…

— Какая я тебе Анечка, укуренный на всю жизнь, — расхохоталась девушка. — Так ты что, меня забыл что ли? Ой, а это не твои часики? — вдруг пропела хитрая девушка, держа двумя пальцами его часы. Черри резко отобрал их и волком уставился на нее.

— Думаешь, это смешно? — рявкнул он, явно негодуя. Такого ужаса он явно не ожидал. Фак! Она вообще обнаглела, эта малявка с ловкими пальчиками?!

— Да. — Потупила глазки Аня. — Это смешно…

— Вот же идиотка! Эй, воровка, а ты что на таком мероприятии забыла?

— Я с дядей пришла, — надулась девушка.

— И чего это вдруг племянница председателя Законодательного Собрания стала вдруг карманницей? — по-змеиному прошептал Саша.

— Лосось, да не ори ты об этом на всю округу. Иначе не только часиков лишишься, — пригрозила блондинка. — Не упоминай всуе имя моего дядечки. Он у меня политик.

Блондинка хихикнула. Саша почувствовал себя не самым умным парнем.

— Ох, я и не ожидала тебя тут встретить, мальчик Вишенка. Какой ты все-таки лапочка. Так что, пригонишь мне амброзию или хотя бы там винца, ммм?

— Обойдешься. — Все никак не мог придти в себя после такого шока Саша. Анечка и Аладдин — это одно и то же лицо? Да ну на фиг!

— Тогда сигарету дай, — потребовала девушка, ничуть не обидевшись. — Я люблю крепкие.

— Перетопчешься, — процедил сквозь зубы обманутый в лучших ожиданиях Черри, правда, почти сразу обнаружил, что его сигареты уже в руках у нахалки. Он начал громко ругаться на Аньку, а она с удовольствием выдохнула дым ему прямо в лицо. Раньше подобным образом с представительницами противоположного пола развлекался именно Черри. Некурящие так смешно верещали, когда дым попадал им в носик, но им всем, как одной, нравился вкус сигарет у него на губах. Сами признавались.

— Смоли в сторону.

— Вишенка-неженка, — некультурно стряхнула пепел на пол девушка. Курение явно доставляло ей удовольствие. Особенно курение сигарет Черри. Яблоки из чужого сада всегда вкуснее своих собственных.

— Ты почему такая ду… — Тут парень внезапно замолчал — Анна коснулась его губ указательным пальцем, призывая замолчать. Считавший себя опытным ловеласом Черри

заткнулся.

— Душка? — насмешка в голосе девушки выросла раза в четыре.

Саша взял себя в руки и отвел ее ладонь от своего слегка озлобленно-озадаченного лица.

— Чего тебе от меня надо?

— Мне чего? Да ты сам первый ко мне подошел, — рассмеялась Аладдин. — Решил снять симпатичную пай-девочку, а, Деревце?

— Манерам бы тебя поучить, — покачал головой Черри.

Этот вечер они провели вместе, не смотря на то, что постоянно ругались и подкалывали друг друга. Побеждала в этом малом турнире Анька. Она, как могла, прикалывалась над парнем до самого конца, а тот то и дело грозился ее пристукнуть. В общем, время они провели неплохо, и из комплекса выходили вместе: хрупкая красавица-блондинка в утонченном наряде и развязный неформал с зелеными волосами и жестким выражением лица.

— Давай встретимся еще? — железным тоном произнес Саша на крылечке — чтобы девчонка не отказалась от его предложения.

Они одновременно закурили.

— Давай. А зачем тебе Аладдин? — полюбопытствовала девушка.

— Поржать хочу, — раздраженно выдал парень.

— Над собой что ли?

— Над тобой. Как это у тебя получается?

— Что именно, Черричка? — извратила, как могла кличку парня девушка.

— Быть такой дебилкой и нежной милашкой одновременно?

— Вот проживешь с мое, мальчик, — наставительно сказала Анька, — и не такому научишься.

— И сколько же тебе лет? — никак не мог дать ей больше восемнадцати Черри.

— Двадцать шесть, — потерлась об его плечо девушка, и парень вздрогнул — зеленые глаза так взросло и выразительно на него в этот момент посмотрели, что он мигом поверил в возраст этой, как он считал, шмакодявки.

А тон девушки стал взрослым и вновь насмешливым.

— Так что, ты еще совсем мальчишка. Мой юный паж. И да, я с тобой встречусь — ты такой забавный. — И почти без перехода девушка добавила. — Когда и где?

— Хочешь на рок-фест? — вдруг решился Черри. — Или… ты слишком старая для такого?

— Дауненок ты мой. — Ловко ткнула острым локотком парня в живот Аня. — Еще слово о возрасте, и ты узнаешь, что я и пером ловко владею.

mir-knigi.org

— Ладно, запомнил. — Серьезно пообещал нервный Александр. — Еще раз повторяю — хочешь со мной на рок-фест?

— Конечно, хочу. Приглашаешь туда? Необычно.

— Да я вообще весь необычный, — расправил плечи зеленоволосый. — Дай адрес, я завтра заеду за тобой, отвезу на фестиваль, а потом у меня будет вечеринка, и мы сможем пообщаться там. Ну, как тебе план?

— Я уже не курю травку.

— А?

— Ты что, не знаешь, что такое план? — вздохнула Аладдин. — Современные детки такие наивные. Ладно, я согласна. Только я сама заеду за тобой, мальчик. — Миг — и Анины чересчур ловкие пальчики оказались у него под рубашкой, на животе.

— Эй, полегче! — не ожидал такого Черри.

— А у тебя пресс хороший, — радостно сообщила ему Анька и для порядка еще пару раз провела ладонью по его коже. — Не шесть кубиков, но сойдет. Ладно, мне пора, малыш. Если что, номер моего телефона у тебя в правом кармане. Пока-пока.

Аня встала на цыпочки и, с трудом дотянувшись до щеки Саши, поцеловала его. Он улыбнулся, попытался дотронуться до ее губ, но неожиданно получил в живот острым локтем. Анька мило улыбнулась ему и упорхала к автомобилю дяди, в котором ее уже ждала ненавистная тетка и кузины. Да, она действительно играла роль Золушки в этой дурацкой семье, и никто из ее родственников не знал, чем на самом деле занимается тихая очаровательная Анечка, несколько лет уже живущая отдельно в небольшой квартире где-то в Пристанском районе.

Черри проводил блондинку ошалевшим взглядом, все еще чувствуя ее пальцы на своем животе, и потащился в машину к отцу. Девушке он, конечно же, перезвонил, и они перебрасывались смсками почти всю ночь. Она действительно заехала за ним на своем авто и, постоянно подкалывая и касаясь там, где ей не следовало этого делать — из-за ее внезапных прикосновений Черри слишком напрягался — повезла парня на «Крэш Бум». Там она, пребывая в образе миленькой гламурной, но очень нежной блондинки, все больше и больше сводила Сашу с ума. Анюта явно умела играть с мужчинами, и у нее это отлично получалось. Наверное, едва ли не в первые в жизни Черри чувствовал себя на месте всех тех девчонок, которых соблазнял.

А вот Смерч этой же ночью точно убедился, что его Маша тоже может быть настоящей женщиной и играть с ним ничуть не хуже, чем… чем большинство девушек, что у него были до нее. А, может, быть, свою роль играли и те факторы, что он просто очень сильно — действительно, сильно, любил свою подругу. Ну, или как говорила ему сама Бурундучок, щекоча его под подбородком и смеясь: «Просто у тебя давно никого не было. Короче, ты как оголодавший человек, которому через пять дней голода даже кусок черного хлеба покажется супервкусным!». Как бы то ни было, эту ночь Смерч провел так, как давно мечтал, хотя по началу даже и не надеялся на такое чудо.

Он и Мария, как и хотели, приехали на вечеринку, устраиваемую шебутным Черри, только вот надолго они в гостях у него не задержались. Сначала эти двое убежали подальше от всех во вторую, малую, гостиную, где сидели на узком диванчике, явно не в силах отлипнуть друг от

друга. Легкая и прозрачная, как дуновение июльского горного ветра, нежность как-то очень гармонично переплеталась вокруг них со страстью, похожей на светло-красный кристалл, который все больше и больше алел.

— Может, все же поедем ко мне? — прошептал Дэн Маше, которая умудрилась сесть к нему на колени и так взлохматить ему волосы, что он стал похож на лохматое, по ее словам, чудо. Чудо это к тому же неровно дышало и изредка привычно кусало себя за запястье.

— Нет, не поедем, — хитро улыбнулась Чип, осторожно проводя пальцами по его шее — ящерка все-таки волшебным образом манила.

— Тогда слезай, — велел ей парень.

— Чего вдруг? — было очень уютно у него на коленях девушке.

— Слезай-слезай, и пойдем ко всем.

— Но почему, — заныла Маша.

— Давай-давай, слезай, — велел ей вновь Смерч.

— Нет.

— Ты же не хочешь, чтобы я сел в тюрьму по статье 131. — Слабо улыбнулся парень.

— И что это за статья?

— Хочешь знать, мой Бурундучок? — Дэн тихо прошептал что-то Маше на ухо, и светло-карие глаза ее удивленно округлились. Почти тут же она рассмеялась и с напором поцеловала его в губы.

— Эй! Стоп! Стоп-стоп-стоп, милая! За что ты меня так хочешь наказать? Я, правда, не хочу сидеть по этой статье, — Дэн подхватил не подозревающую о такой подлости Марью под руки и резко перевернул девушку спиной на диван, нависнув над ней. Его челка защекотала Машин лоб.

— Вот же Сморчок ты псих… — проговорила она с любовью, понимая, что нужно все-таки научиться принимать важные решения — ведь это одно из важнейших качеств взрослого человека. А ведь ей все-таки пора взрослеть! — Ну, или гений, кто вас там разберет. Знаешь что?

— Что? — едва слышно прошептал Смерч, целуя ее в шею и чуть ниже.

— Поехали к тебе, — твердо произнесла девушка, обнимая его за плечи. — Только утром довези меня до дома.

— Точно уверена?

— Нет, я пошутила, — проворчала девушка, осознавая, как сильно колотиться ее сердце, заставляя сбиваться дыхание. — Когда мы приедем, я скажу, что это была шутка и убегу. А ты, голодный, — тут она все же рассмеялась, — вместо еды водички поглотаешь и баиньки.

— Боюсь, если ты попадешь ко мне домой, я тебя оттуда не выпущу просто так, — отозвался Смерч. — Поехали. Поехали, Бурундучок. У меня никого нет.

mir-knigi.org

— Зато у тебя есть крутой мягкий ковер, — вспомнилось Маше.

Этой ночью она вновь поняла, какой у Дэна в комнате великолепный ковер — и поняла это тогда, когда касалась его обнаженной спиной.

Денис все-таки сумел стать идеальным парнем. А, может быть, он уже таким и родился и просто самосовершенствовался.

Марина после этой ночи, веселясь, часто спрашивала Машку, а не говорил ли ее Смерчик фраз типа: «Не бойся», «Доверься мне» или «Все будет хорошо», а Бурундукова только смеялась и качала головой. На самом деле это она сама спросила его, набравшись наглости:

— Ну что, будешь моим?

— Буду. Куда я денусь, — прошептал он ей на ухо, проводя ладонью по животу.

— Вот именно, что никуда, — вздрогнула она.

Внутренний огонь девушки не просто согревал его — он оставлял ожоги, которые, правда, моментально проходили. А воронка бешенного смерча, пляшущая вокруг этого пламени, становилась все больше и больше. Ветер и воздух встретились и радостно рванули на встречу друг другу. В глазах Маши и Дениса явственно отразились серебряные фейерверки взаимных чувств.

Заснули они под утро, уже в кровати, на прохладной шелковой простыне, жутко довольные всем случившимся и забывшие поставить будильник.

Совсем рядом с этими двумя, на персидском пушистом ковре те, что когда-то были монстриком и орлом, крепко обняли друг друга. Может быть, они находились в другой реальности, а, может быть, были просто отражением эмоций Чипа и Дэйла.

А вот что же или кого же представляла из себя та странная элегантная красноглазая леди в вуали и с мундштуком в руках, которая так частенько сопровождала Дениса, сказать было сложно. Однако она все же засеребрилась в воздухе слабым туманом и сказала неслышно, как рыба, разевая ярко накрашенные полные губы:

«Я сделала, что вы просили. Спасла его, нашла ему ее, подарила удачу. Пусть дальше делает все сам, наш мальчик». — И она, повертев кольцо с буквой «С», улыбнулась.

Рядом с ней морской волной мелькнуло лицо Инны, согласно кивнувшей женщине в вуали, а после над кроватью, где спали Денис и Маша на миг появилась красивая молодая женщина, удивительно похожая на Смерча.

«Спасибо, я знала, что в этот раз он справится», — с почтением проговорила она, озарила парня и девушку собственным светом, а потом исчезла.

Спящему Дэну, решившему, что он сошел с ума от счастья, вдруг показалось во сне, что на него кто-то смотрит. Парень слегка приоткрыл глаза, но никого не увидел и заснул вновь, почему-то перестав волноваться о том, что раньше казалось ему персональным адом. Он просто обнял Машу и улыбнулся.

Микаэль, устало поднимался наверх. Еще раз он оглянулся на веселящихся гостей, когда вдруг

среди этой толпы заметил знакомые черные волосы, блестящие под мерцающим электрическом свете на холодно-голубой футболке. Он остановился и провел ладонью по лицу, словно смахивая паутину, в которую случайно угодил, гуляя по лесу.

Этот артистический парень обладал удивительным воображением, не похожим на воображение многих других людей. Именно оно на миг перенесло его на высокий песчаный желто-шартрезовый берег. Лишь на мгновение, но он ощутил, как волосы его едва-едва касается невидимыми пальцами морской бриз, а ступни тонут в теплом песке. Чуть поодаль стоит, не замечая Микаэля, Марина. В его фантазиях одета она была совсем по-другому. Воздушное приталенное платье в тон футболки, с подчеркивающим ее талию, широким белым поясом и с кучей разноцветных лент, шелестело в порывах ирреального ветерка.

Ланде застыл и с силой сжал запястье, чтобы придти в себя. Музыка вновь ворвалась в его уши.

На самом деле, в этой реальности, а не в его воображении, Марина находилась в стороне от ребят. Она стояла около открытого окна и грустно смотрела вдаль, на черный спящий город, укутанный ночной шалью так плотно, что никакой ветер не мог прорваться сквозь нее. И поэтому на улицах, площадях и переулках было тихо, спокойно и совсем безветренно. Девушка с трудом вдыхала теплый ночной плотный воздух, прижимая к груди сжатую в кулачок руку. Другая ее рука держала за горлышко на половину пустую бутылку красного сладкого вина, которое ежегодно привозил домой из Крыма Павел Аскольдович, отец Черри. Его двоюродный брат, живущий там, делал весьма и весьма неплохое вино.

Когда Ланде увидел, что Марина все с тем же обреченно-злым взглядом пьет прямо из этой бутылки, то, недолго думая, мигом спустился вниз по лестнице и подбежал к ней.

— Что-то не так? — осторожно спросил он у брюнетки, оказавшись рядом.

— А, это ты, мальчик-лапочка, — слабо улыбнулась ему обычно веселая Машина подруга. — Все не так. Все-все.

И пальцы ее свободной руки потянулись к уголку левого глаза, из которого вот-вот норовила стечь вдоль по щеке слеза.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Ланде. — Это Черри тебя обидел? Этот грубый навозник?

Он всегда очень смешно обзывал Александра. Да и вообще знал тысячу способов довести его до белого каления.

— Он… он меня обманывал, — прошептала Марина, чувствуя, что ей необходимо хоть кому-то излить душу. Маме этого она делать не будет, Машка уехала со своим Дэном, а Лида так вообще со своим Петей куда-то улетела!

— Обманывал? — несмело переспросил Ланде. Музыка и шум все больше и больше раздражали его.

— Да. Я… — тут Марина случайно услышала громкий смех Саши и машинально оглянулась на него. Тут же в поле зрения ее темных глаз, которые она сегодня днем так старательно красила для молодого человека, попали Черри, выглядевший до неприличия весело, и его барбивидная пассия с копной белокуро-серебристых волос.

mir-knigi.org

Парень что-то рассказывал, заставляя друзей, сидящих около него на диване ржать, а после вдруг неожиданно наклонился к своей прелестной миниатюрной спутнице и, взяв ее за подбородок, поцеловал.

Марина тут же отвернулась и чуть вздернула подбородок. То, как Аня с милой улыбочкой умудрилась врезать Черри локтем в живот, так, что парень скривился, она не видела.

— Он зачем-то дал мне надежду, а сегодня сам взял и разбил ее, — сказала она Ланде, теребящему одной рукой черную резинку на волосах, стягивающую их в низкий хвост. Теперь слезинка появилась и в уголке правого глаза, а ее коллега в левом чуть подумала и все-таки решила скатиться вниз по щеке — быстро и резко, как отдыхающий с водных горок.

Марина быстро стерла мокрый след с кожи, надеясь, что Микаэль этого не видит и сделала еще один глоток вина. Сегодня с утра она так волновалась перед новым и таким долгожданным свиданием с Черри, что не могла ничего есть — не есть из-за переживаний и стрессов вообще было отличительной чертой девушки. Из-за того, что она пила на пустой желудок и из-за неожиданной крепости напитка, Марина быстро опьянела, не сильно, конечно, но голова у нее кружилась, а мысли в голове путались.

Сквозь заводную и быструю мелодию панк-рока вновь послышался раскатистый смех Черри. Брови Марины страдальчески изогнулись над покрасневшими глазами, уголки губ дрогнули.

— Пойдем, — несмело взял ее за руку Ланде и потянул за собой — наверх, в свою спальню, где музыка не гремела так громко и задорные крики парней и девушек были слышны не так сильно.

— Куда? — удивленно спросила она.

— Ко мне в комнату. Поговорим, — глядя куда-то в толпу гостей, ответил парень.

— Зачем?

— Хочу сказать тебе пару вещей. Пойдем. Осторожно, тут ступенька высокая, — предупредил ее заботливо Ланде, подводя к лестнице. Держа Марину за руку, он украдкой сам себе улыбался, а она шла за ним.

Блондин, то и дело нервно дотрагиваясь своими длинными бледными пальцами то резинки на волосах, то браслетов, довел гостью по длинному коридору до своей комнаты, усадил там Марину на свою кровать, отобрал у нее бутылку вина и с ногами сел рядом с нею. Руки Микаэль сцепил в замок на коленях, чуть подумал, распустил волосы, тут же обрадовано упавшие на его плечи, и снова сцепил пальцы вместе.

— Что ты хотел? — негромко спросила Марина, с интересом оглядывая квадратную комнату, выполненную в белых, голубых и приглушенно-металлических тонах. Ей на какое-то мгновение показалось, что это жилище настоящего благородного принца, обожающего бывать в разных странах и привозящего оттуда самые разные диковинки: от статуэток до вееров.

Посредине комнаты, на полукруглом возвышении с тремя ступеньками высилась овальная мягкая кровать с серо-белым одеялом и кучей синих, лазурных и фиолетовых подушек, около которой, на уютных мягких креслах и сидели Микаэль и Марина.

— Красиво у тебя, — загляделась на стену, обклеенную фотографиями, сделанными Ланде в разных странах и в разное время, девушка. — И уютно. Как у девочки. — Голос ее чуть дрогнул

от смеха. Сладкое крымское вино незаметно пьянило Марину, а она этого и не замечала.

— Я не девочка. — Надулся парень.

— Ну, я вижу, что мальчик. Зачем ты меня сюда позвал? Чего хотел?

— Я… Сначала расскажи мне, что случилось, — тихо попросил хозяин комнаты, включая вместо яркого света приглушенный. — Подробно.

— Да ничего особенного. Меня кинули, — деланно равнодушно пожала плечами Марина и откинула назад длинные черные волосы — Микаэль заинтересованно проследил за этим небрежным, но все равно очень женственным жестом. — Знаешь, это все так глупо вышло. И я сама многое надумала себе. Глупые мы, девчонки. Сами себе придумываем… И счастье, и проблемы.

— А если точнее? Что ты себе надумала?

— Сейчас попробую объяснить. Только не смейся. Черри, то есть Саша… он понравился мне с первого взгляда, — медленно начала Марина, задумчиво глядя на свои ногти, покрытые темно-серебряным лаком. Голова продолжала кружиться. Из-за вина она рассказывала то, что в нормальном состоянии смогла бы сказать только подругам. — Такой необычный, яркий, привлекающий внимание. Я люблю таких парней. Ты ведь тоже из таких, Ланде.

— Да?

— Да. Конечно, да. На тебя постоянно смотрят, оборачиваются, разглядывают. Сразу видно, что ты не простой, что ты — творческая личность, интересный мальчик. — Девушка в шутку легонько ударила Ланде рукой по плечу. Тот растерянно на нее посмотрел. Да, она определенно ему нравилась, нет, даже очень нравилась, но ему вновь не повезло — Марина запала на грубиянистую скотину Черри и теперь страдает. А виноват-то он, Микаэль, просто пожалевший когда-то хорошую девчонку, бегающую за Сашей.

— Сначала мне казалось, что я ему нравлюсь, но потом… потом он вдруг как-то резко охладел ко мне, а это только еще больше разожгло во мне интерес к Черри. Недоступное всегда так… притягивает, — брюнетка подложила под щеку ладонь и грустно улыбнулась Ланде. — Через некоторое время он вдруг позвал меня на свидание. Правда, это оказалось не свидание, а совместная прогулка с его друзьями, где Саша усиленно намекал мне, что относится ко мне, как просто к другу. Меня это тогда очень возмутило, нет, даже взбесило! А потом я подумала, что он, таким образом, просто пытается набить себе цену, что он так со мной играет.

— А потом? — тихо спросил Ланде — его слегка выпирающий кадык едва заметно дернулся, только Марина этого не заметила — она опять изучала лак на своих ногтях.

— А что потом? Я, как глупая дурочка — и почему как? — решила, что в моих силах будет сделать так, чтобы Черри снова обратил на меня внимание. Я подумала, что раз он играется со мной, я оправдаю его ожидания и стану настойчивой, завоюю его. Я звонила ему, писала сообщения, и даже в аське доставала. И…

— Что и? — не сводил Микаэль с девушки светло-голубые зрачки, чуть прикрытые белыми ресницами, на которые, казалось, в мороз старательно подышала сама Снегурочка.

— И случилось чудо, — горько улыбнулась Марина, чувствуя слезы в глазах вновь. — Он вдруг стал общаться со мной. И так мило. Сначала по аське, потом по смс, а потом и по телефону. Мы

разговаривали по несколько часов подряд, Ланде! И в эти часы, не смотря на то, что его не было рядом — я просто слышала его голос, я была действительно счастлива! — в порыве эмоций воскликнула девушка. Ее крик напугал Микаэля.

— Марина, но… нежели ты так сильно в него влюбилась? — прошептал парень.

— Да… Нет… Не знаю. Не знаю. Когда я общалась с ним по аське, по смс и через мобильник, он казался совершенно другим человеком. Как будто бы это был одновременно он и не он. Это странно, да? Мне казалось, что я смогла чем-то заинтересовать Сашу, — призналась с нервным смехом Марина, — и что он передо мной раскрыл душу, что он только прикидывается таким — резким, хамоватым, дерзким парнем, а на самом деле совсем другой. Милый, где-то наивный, где-то романтичный, и очень-очень интересный. И чем больше мы общались, тем больше я понимала, что без ума от него. То есть сначала была заинтересованность и азарта, а потом… настоящая влюбленность. — Марина не сдержалась и закрыла лицо руками.

Пальцы Ланде застучали по его согнутому колену, он всей душей хотел сказать девушке, что через аську и сотовый с ней общался вовсе не Черри, а именно он, но парень, видя, что его персональный морской бриз плачет, не показывая глаз, жутко растерялся. Плачущих девушек на своем веку он повидал немало, но каждый раз до сих пор терялся и не знал, что делать. Микаэль осторожно похлопал Марину по плечу, чуть подумал и погладил по черным распущенным волосам, и сказал что-то нейтральное, вроде: «Ну, хватит, перестань…». Естественно, девушку это не успокоило, и, кажется, она заплакала сильнее — судя по тому, как вздрогнули ее плечи.

«Крылья ангела», — вдруг отстраненно подумал Ланде, вновь проводя рукой по ее спине и лопаткам. Выпирающие лопатки девушки, вернее, так называемые «крылья ангела», ему невероятно понравились, и молодой человек машинально сравнил гостью с морской нимфой. Он сам тут же испугался этой мысли и стал усиленно выгонять ее из головы.

— Марина, ну не плачь, — попросил он тихо.

— Мне так плохо, — приглушенно, почти шепотом, ответила ему девушка. — Прости, что устроила тебе истерику, но…

Она вдруг внезапно обняла рядом сидящего парня, напоминающего хорошенького игрушечного зайку, и заплакала сильнее. У Микаэля сначала на лице поселилась глубокая растерянность, держащая за руку кривляющийся от женских слез страх, и первые секунды он мог только глупо смотреть в стену с фото напротив. И только позже, когда его недоуменный взгляд медленно переместился с правого нижнего угла стены, где висело изображение статуи Иисуса в Рио-де-Жанейро, на левый верхний, на котором торжествовала под голубым небом Эйфелева башня, Ланде, привыкнув, что Марина сама его обнимает, обнял ее в ответ. Еще немного позже, осмелев, он прижал ее к себе и коснулся губами ее волос.

— Тише-тише, ну не плачь, пожалуйста, — успокаивал Микаэль девушку, неспешно гладя по черным длинным волосам, струящимся по спине. — Не плачь, он не стоит того, чтобы ты плакала. Поверь, не стоит. Не плачь, хотяа-а-а… Хотя лучше плачь, — неожиданно решил он, точно зная, что сейчас все ей скажет. — Плачь. Отпусти это все от себя.

— Я думала, что он — моя Судьба, — прошептала та, и даже сквозь ткань футболки Ланде почувствовал ее дыхание. А после он услышал совершенную ерунду. — Его ведь на «А» зовут, его ведь мне пред… предсказа-а-аали… Понимаешь? Что я его встречу! Вот и я… А он… Неправильное предсказание!

И Марина последовала совету Микаэля — зарыдала пьяными слезами сильнее. Все-таки сладкое вино было коварной вещью.

Внизу до сих пор гремела музыка, и никто и не заметил, как эти двое поднялись наверх. Черри продолжал веселиться с друзьями, не на минуту, впрочем, не отпуская от себя Аню, и даже не подозревал, что из-за него на втором уровне квартиры плачет девушка, а ее успокаивает его сводный брат.

— Спасибо, — произнесла Марина, успокоившись через некоторое время. — Я плакса такая.

Ланде взял свою волю в кулак, отстранил от себя брюнетку, взял за плечи и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Марина, я хочу тебе кое-что сказать. Послушай, на самом де…

— Выпей вместе со мной, — перебила его разбитым голосом та, вновь потянувшись к полупустой бутылке.

— Я не пью, — покачал беловолосой головой Ланде. — Прости. Ну, послушай ме…

— Выпей! Пожалуйста. Когда я пью одна, я чувствую себя алкашкой, — призналась девушка, не стесняясь и вновь делая большой глоток вина прямо из бутылки. Она твердо решила совершить этой ночью что-нибудь… такое, безрассудное. А напиться — так, чтобы из головы вылетели все мысли о проклятом Черри и его наглой девчонке, о разбитых мечтах и несоответствии придуманного ею образа с настоящим Александром, — было самым легким выходом. И, конечно же, мысли о том, что предсказание гадалки не сбылось, как у девчонок, а ведь она единственная безоговорочно поверила той женщине! Поверила и ждала исполнения предсказания! Черри идеально подходил под него! И, наверное, для нее самой.

Марине вновь, уже раз в десятый, вспомнились слова гадалки:

«Через свою подругу встретишь любимого. Сначала не подумаешь, что свяжешь с ним свою жизнь, Марина, — пальцы женщины скользили по сальной поверхности темных загадочных карт, едва касаясь их. — Он совсем не взрослый. В душе как ребенок. Не ответственный. Не возмужал еще. Но этот точно будет твой, не сомневайся. Карты говорят, его имя будет начинаться на букву „А“. Алексей или Антон. Забавным будет твой парень. Вокруг него — любовь к творчеству. Вокруг него атмосфера творчества с самого детства».

Его зовут Александр, и он, правда, еще ребенок, и он совсем не ответственный и творческий, и познакомились они через Машку — он ведь друг ее Смерча.

Марине казалось, что она бредет по темному туннелю, и свет в нем, конечно же, есть, но он так далеко и до него так долго нужно брести, спотыкаясь и хватаясь за холодные стены, что проще как-нибудь забыться, чтобы очнуться около самого выхода из тоннеля, ведущего к чему-то светлому и приятному. Да, девушка твердо решила, что напиться сегодня будет чем-то невероятно правильным. А вот предсказание — оно вообще какое-то левое! Никогда она, Марина, не встретит, свою Судьбу, бред это все! Самовнушение.

— Ну, выпей со мной, — вновь сказала она, делая новый глоток чуть терпкого ароматного напитка, а следом за ним еще один и еще один. — Я не хочу одна пить.

— А ты и не будешь пить, — решил вдруг Микаэль.

— Буду! Я напьюсь.

— Нет.

— Да!

— Нет.

— Да.

— Нет, не надо тебе пить, — твердо сказал молодой человек.

— А что ты сделаешь? — немного разозлилась Марина.

Ланде не ответил — он без слов забрал у нее бутылку и, недолго думая, вылил вкусное рубиново-красное вино в приоткрытое окно, прямо в темный воздух. Девушка от такого поведения обалдела, впрочем, в себя она пришла быстро, подбежала следом за Микаэлем к окну и топнула ногой.

— Совсем что ли?! Ты чего делаешь, дурак! — закричала она. — Ты зачем…

— Смертники!! — заорали вдруг из-под окна. — Смертники гребанные! Кто вином обивается?! Кому вломить? У кого, его мать, зубы в пасти лишние?

Далее понеслись пятнадцатиэтажные маты, изощренные даже на извращенный филологический вкус.

Марина мигом присела на корточки. В возмущенном голосе она без труда узнала Скайда — одного из рокеров, тоже приглашенного на вечеринку. Если бы не Черри, Марина точно загляделась бы на этого Скайда — высокого, широкоплечего и явно неслабого парня с симпатичными, грубоватыми чертами лица и несколько агрессивными, уверенными жестами. Плохие и брутальные мальчики в кожаных куртка-косухах с шипованными браслетами на руках всегда были ее маленькой женской слабостью.

— Это слу… — начал, было, Микаэль, высунувшись в окно, но девушка с силой потянула блондина на себя, и тот был вынужден оказаться рядом с ней, на полу. Он даже едва не столкнулся с Мариной лбами.

— Ты что творишь, убогий? — прошипела она — из-за опьянения ее настроение теперь все время менялось. — Ты на людей вино вылил! Этот Скайд, наверное, покурить вышел с парнями, а ты его вином, как цветочек полил!

— Я хотел извиниться, — возмутился Микаэль, который страдал, что никак не может рассказать своему бризу всю правду. — Я ведь не знал, что там люди.

— Ага, после твоих извинений они тебя так изобьют, эти люди, мама родная не узнает.

— Узнает.

Ланде внезапно для себя поправил выбившуюся прядь волос девушки, Марина неожиданно ему улыбнулась, правда, улыбка ее быстренько смоталась с лица, и они с обоюдным подозрением уставились друг на друга. Скайд и его приятели все еще продолжали орать где-то внизу, сыпля нешуточными угрозами. Правда, жителям этого дома вопли неизвестных надоели буквально минуты через три, и кто-то решительный просто-напросто вызвал охрану. Спустя еще пару

минут рокеры не без сопротивления были ликвидированы, и вскоре Скайд, злой, как перегнивший кабачок, вновь сидел в обезьяннике перед улыбающимся во все зубы милиционером — перед тем самым, который однажды посмеялся над фамилиями Ники и Ника. Рядом с длинноволосым рокером скромно примостились шапочно знакомый ему господин Краснозубов и двое лиц без определенного места жительства, но зато со вполне определенным занятием — мелким воровством. Скайду вообще не очень везло в плане столкновения с законом. Они сталкивались куда чаще, чем этого хотел длинноволосый рокер.

Шумная вечеринка Черри тоже вскоре закончилась — все тем же соседям очень сильно надоели бухающая тяжелая музыка и не слишком трезвые вопли, и они предупредили Александра, что если шум не прекратится, то веселящимся придется не очень хорошо. Черри внял этим словам, поэтому ребята, недолго думая, перекочевали на чью-то другую квартиру, прихватив едва ли весь имеющийся в доме алкоголь и гитару. Единственными, кто на второй этап тусовки не попал, оказались Дэн и Маша (они уехали к Смерчинскому), а также Рафаэль и Инга. Их пара вообще отличалась странностями. Инга сбежала с вечеринки еще час назад, а Эль вынужден был пуститься за своей непослушной кошечкой в погоню. Эль без труда догнал блондинку, проклинавшую все на свете за то, что она встретила этого психопата с выбритыми висками, и глумливо сообщил, что должен проводить ее до дома, вернее, даже до квартиры, а еще лучше — до спальни. Из-за этих слов правильная и несколько нервная идеалистка Инга вспыхнула и сказала Рафаэлю, что он тупица и невежа. Эль в ответ сделал девушке несколько витиеватых забавных комплементов, которые ее слегка взбесили, и она вновь ему нагрубила. Рокеру пришлось опять расписывать все прелести его, как он уже считал, кошечки и второй раз слушать ее недовольство. Вот таким образом развлекаясь, они и дошли до ее дома — жила Инга не очень далеко. Эль умудрился заплести девушке косую косичку, правда, при этом силой удерживая ее, поцеловал на прощание в сомкнутые в упрямую линию губы и все-таки проводил до самой квартиры. А затем, объявив, что скоро они вновь встретятся, удалился на такси домой, где его мама видела десятый сон, думая, что Рафаэль уже давно делает баиньки в своей спаленке — он ведь всегда приходит домой в одиннадцать и никогда не обманывает родителей! Тетя Лина чересчур сильно идеализировала младшего сына. И ей и в голову не могло придти, что он был на рок-фесте, потом на вечеринке, а затем и вовсе шатался по ночному городу, провожая девушку. Зато молодого человека встретила нервная сестра-невеста, которая вместе со свидетельницей никак не могла уснуть перед завтрашним бракосочетанием.

— Опять со своим Скайдом пиво пили? — спросила Настя, уперев руки в бока. В отличие от мамы, она не верила, что ее длинноволосый братец-рокер хороший и приличный мальчик. Вернее, она точно это знала.

— Нет, я с девушкой был, — улыбнулся ей парень. — Иди спать сестренка, через пару часов уже вставать.

— Я-то встану, а вот насчет тебя сомневаюсь, — отозвалась Настя и удалилась в свою комнату. Завтрашним утром ее брат и впрямь встал с большим трудом, как, впрочем, и Марина с Ланде. Правда, эти двое ни на какую свадьбу не спешили — у них были совсем другие заботы.

Когда Марина и Микаэль вновь оказались на ногах, то в глазах черноволосой девушки опять показались слезы. Жест парня, поправившего ей волосы, отчего-то впечатлил девушку — ей показалось, что Черри в мобильном телефоне и в аське был таким же заботливым, как и Ланде. Из-за этого ей опять захотелось реветь.

— Не плачь, — испугался Микаэль, что его гостья сейчас вновь зарыдает. — Марина, ну не стоит так из-за него. Знаешь, Саша, он хороший… в какой-то степени, очень маленькой, правда, но… Он хотя бы честно все сказал.

— Ага… Я так готовилась к этому дню — дню нашего свидания, а теперь он с другой, — всхлипнула девушка вновь. — Мечтала сегодня побыть с ним. А ты… ты еще и вино отобрал! А я хотела напиться, понимаешь, просто напиться, чтобы хотя бы на несколько часов забыть обо всем этом!

— Ты и так уже порядочно выпила. Но… если хочешь, я еще принесу. — Вдруг решился молодой человек.

— Что?

— Хочешь саке? Мне прислал друг, который живет в Японии. — Проговорил Ланде, твердя про себя, что сейчас он точно все расскажет Марине. Вот только принесет ей саке, присланное другом из Осаки, и расскажет.

— Хочу… — глазами подбитой лани посмотрела на парня брюнетка, опять утирая непрошеную слезинку. Хорошо, что косметика на лице была водостойкая, и не текла вниз по щекам, превращая ее в чудовище. — Только сначала вино вылил, а теперь водку предлагаешь. Рисовую. Странный ты.

— Саке — не рисовая водка, — строго сказал Ланде. Странным он себя никогда не считал. А вот других… — У него крепость всего лишь 14–20 градусов, а не 40. Считай саке вином. Сладковато-терпким.

— Да мне все равно.

— Тогда я принесу тебе саке, а ты меня выслушаешь, — сказал Микаэль, отчаянно думая, что, если Марине так нравился он во время их мобильно-интернетной переписки, когда выдавал себя за Черри, то, может быть, он сможет оставить хоть какой-то след в душе этой девушки?

Брюнетка кивнула. А Ланде, включив спокойную, размеренную и очень красивую фолк-музыку то ли с кельтскими этническими мотивами, то ли с поистине эльфийскими, пригласил девушку за низкий столик, на котором высились самые разные декоративные свечи.

— Ух ты, какие милые. Давай зажжем? — попросила любопытная Марина, охочая до всяких безделушек.

— Если хочешь — давай, — согласился хозяин комнаты. Он исполнил пожелание девушки, и, чуть подумав, зажег и ароматические палочки, привезенные им из Индии — по комнате тут же поплыл чуть тяжеловатый, обволакивающий, но приятный запах лаванды.

После парень сходил на кухню и, удивившись тому, что квартира опустела (гости во главе с неугомонным Черри оставили лишь кучу мусора и жуткий беспорядок), достал рисовое японское вино и специальные небольшие глиняные пиалы для него. Он подумал, что неплохо было бы увидеть на столе и суши, однако за их неимением пришлось прихватить с собой фрукты в корзинке.

«Я сейчас все ей расскажу. Пусть все знает», — напряженно думал он все время: и когда был на кухне, и когда шагал по квартире, и когда очутился вновь в своей комнате. Марина сидела перед ним за низким столиком и пробовала саке.

— Нравится? — спросил парень почти обреченно. Из своей пиалы саке он едва пригубил.

— Да-а-а. Необычный вкус. М-м-м, а это у тебя что такое? Фото? — заинтересовалась девушка,

узрев небольшую угловую полочку, примостившуюся рядом со шкафом и высоким зеркалом, около которого Ланде, глядя на себя, часто разучивал какую-нибудь роль. На полочке стояло несколько фотографий в тонких металлических рамках.

Марина, не дожидаясь ответа парня, легко вскочила, не забыв обнять головокружение, подошла к полочке и стала разглядывать снимки, где преимущественно был изображен Микаэль в разные годы своей жизни: то один, то с Черри, то с родителями, то с какой-то пожилой улыбчивой женщиной — своей няней, то с высоким беловолосым и очень светлокожим мужчиной с суровым худым лицом, подозрительно похожим на байкера.

— Это твой папа? — поняла девушка, видя сходство мужчины и Ланде. В руках ее уже была третья порция саке.

— Да.

— Он этот… байкер? — вдруг хихикнула Марина, разглядывая мужчину и его кожаную куртку с заклепками и шипами. Он напоминал ей викинга без шлема, зато длинные белые волосы вполне возможно было заплести в косички, которые носили в кино древние скандинавы.

— Нет. Он бас-гитарист «Bloody Chaos», — назвал почти с безразличным лицом Микаэль одну из самых известных тяжелых групп Северной Европы, играющих блэк-метал уже более 20-ти лет. Правда, Марина в тяжелом роке, а тем более, в норвежском черном металле разбиралась не больше, чем белочка в бусах, поэтому лишь снова засмеялась.

— Как тебя называют? Мика? — спросила сквозь глупое хихиканье девушка, прочитав подпись к одному из снимков: «Мика и Сашенька», сделанную няней много лет назад.

— Ага, Мика, — никогда не любил этот вариант своего и так постоянно всеми извращаемого имени парень. Они вновь вернулись за низкий столик и сели друг напротив друга.

— Мика, — неожиданно прошептала Марина, чувствуя, что ее физически необыкновенно сильно тянет к этому высокому худому парню с красивыми артистически-музыкальными ладонями с длинными пальцами и аккуратными миндалевидными ногтями. — Мика, Мика!

Ей явно нравилось повторять сокращенный вариант его имени.

— Мика!

— Что? Что? — не понимал ее поведение Ланде, поэтому храбро залпом выпил целых пол пиалы рисового вина и тут же закашлялся. Марина заботливо похлопала парня по спине.

«Какой он миленький, — подумала она мимолетом, — ну прямо как гей».

— Мика, тебе точно же девушки нравятся? — пьяно засмеялась она. — Не парни?

— Конечно, — рассержено скривил он бледно-розовые губы. — Хватит надо мной издеваться.

— Тогда, — Марина тоже надула губки и подалась к нему, вперед, чуть выгнув спину. — Докажи мне это?

— Как? — слегка оторопел тот. — Хочешь, покажу фотографию девушки, с которой мы встречались. Слушай, Марина, я тебе рассказать хотел одну вещь. Я…

— Не хочу фото! По-другому как-нибудь докажи, — возмутилась брюнетка, — потом

расскажешь. До-ка-зы-вай.

Она провела длинным ногтем по его щеке и подбородку и потянулась через стол к полуоткрытым от удивлениям губам Микаэля. Внутри девушки явно сидел маленький суккуб и требовал: «Поцелуй его! Поцелуй!»

— Ты такой милый, — прошептала она прежде, чем коснуться его губ — а они девушку невероятно теперь манили. — Такой хорошенький. Ну не бойся. Мика! Хорошенький… мой.

Микаэлю ничего не оставалось делать, как осторожно отвечать на ее поцелуи — в их странной паре Марина явно была лидером, правда, только до определенного времени.

Несколько минут они целовались, потом девушка, слегка покачиваясь и глупо улыбаясь, встала из-за стола и опустилась на колени около молодого человека, обняв его двумя руками за шею. Кожа у Ланде была нежная-нежная, и это так сильно умилило Марину, что она не сдержалась и в порыве чувств даже укусила его за губу, заставив обиженно посмотреть на нее, а после сама, чуть ли не силой утащила поначалу сопротивляющегося Ланде на кровать — сидеть на жестком полу девушке не очень нравилось. Уже оттуда она случайно углядела длинный красный шарф, свешивающийся с двери огромного, во всю стену, темно-серого шкафа, и вдруг, оставив уже полуобнаженного и невероятно удивленного, но почти счастливого Мику в постели, вскочила и стянула этот самый шарф с дверки шкафа.

— Какой мягкий, — сказала она, довольно смеясь — чтобы не заплакать вновь, и перебирая теплый вязанный, но тонкий шарф в руках. — Прико-о-ольно! Мика! Мика! Мой Мика, смотри, какая шутка!

— Смотрю, — приподнялся на локтях тот.

— Давай тебя завяжем? — предложила страшным шепотом брюнетка — теперь ее волосы стараниями парня были слегка растрепаны. Суккуб внутри вещал, что связанный Мика — это круто!

— Давай сделаем по-другому? — мягко предложил ей хозяин комнаты. — Вот так…

Ланде осторожно обвязал одним концом шарфа ее запястье, а Марина, напевая что-то хорошо известное и романтичное, проделала то же самое и с его рукой. Теперь ало-красный шарф словно соединял их, и обоим этот факт показался невероятно классным и заводным.

О Черри и его подружке было забыто, а Микаэль прекратил думать о том, что должен признаться Марине, кто на самом деле с ней общался в последнее время.

— Ты уверена? — через некоторое время тихо спросил Ланде гостью, касаясь ее обнаженных «крыльев ангела». Глаза его были широко открыты — прямо сейчас вот-вот грозило исполниться одно из его самых ярых желаний, и он снизу вверх смотрел на черноволосую девушку. Ему вновь казалось, что они сейчас вдвоем на теплом песке около ласкового моря.

— Да, уверена, на сто… сто восемьдесят пять процентов, — прошептала Марина и почти грациозно встала с кровати, с трудом выпустив из своей ладони его пальцы. Все так же мило шатаясь из стороны в сторону от алкогольного бурана в голове, она добралась до столика (шарф между их руками натянулся), задула все свечи и вернулась к лежащему на кровати Микаэлю. Она села рядом, наклонилась и, касаясь кончиками волос его груди, снова поцеловала Мику, а после еще раз прошептала, что она ко всему готова, но уже на все триста сорок восемь процентов. После этого роль лидера окончательно взял на себя беловолосый

mir-knigi.org

парень, изредка, впрочем, все равно уступая ее чересчур активной Марине.

Смешливая Маша не зря потом часто говорила своей подруге, что она искренняя неудачница, но крестной быть согласилась, не раздумывая. Черри тоже пребывал в полнейшем шоке, но на роль крестного, как и Бурундук, тоже согласился сразу — как только узнал обо всем случившемся. К тому же и количество поводов для подколов сводного любимого братика у него увеличилось втрое.

А Марина и Микаэль не думали ни о чем это ночью, они просто наслаждались теплом друг друга и играли со звездами, светившими в раскрытое окно с непонятной яркой силой. Наконец появился свежий приятный ветер, без которого спокойствие и безмолвие в городе грозились перерасти в удушье.

Утром ни он, ни она не понимали, как оказались в его овальной мягкой и невероятно удобной кровати, и зачем они вообще поддались внезапно нахлынувшим чувствам, и только потом уже эти двое урывками начали вспоминать, что они делали, и почему рядом с ними, опутывая ноги, лежал длинный красный шарф.

Все-таки гадалка оказалась права. Просто некоторые вещи приходят в жизнь именно тогда, когда отчаяние берет последний оплот надежды в нашем сердце. И зачастую приходят они совершенно случайно, вновь и вновь доказывая, что случайность — непрогнозируемая никакими умами забавная закономерность.

Утро настало как-то неожиданно. Когда Марина распахнула один глаз, то сразу поняла, что находится не дома, а в совершенно незнакомом месте, хорошо освещенным солнцем, нагло лезущим сквозь каждый квадратный сантиметр стекла. Она лежала на боку, касаясь спиной какой-то подозрительно теплой стены, а подушка под ее головой была узкой и жесткой. Еще у нее слегка побаливала голова, да и во рту было пустынно сухо.

«Где это я?», — опасливо подумала девушка, боясь открыть второй глаз и с трудом вспоминая, что она, кажется, напилась вчера, и вроде бы последнее место, куда она попала после рок-феста — это квартира придурка Черри. Но почему она лежит в этой постели? Ее сюда кто-то принес что ли? И почему…

«Почему я раздета?!», — еще одна глупая, дрожащая мысль пролетела в ее голове вихрем от уха до уха, взорвавшись сказочным фейерверком, и тут Марину ждало еще одно потрясение. Ей показалось, что она слышит чье-то мерное дыхание, и у нее по телу прошелся самый настоящий электрический ток. Почти тут же до нее, сквозь головную боль, дошло, что она в кровати не одна, а позади нее не стена, а чья-то грудь.

«Черт!! Я что, с парнем?!!», — страшным громом раздалось в ее голове. Марина дернулась, понимая, что под головой у нее вовсе не подушка, а чье-то мужское жесткое, не слишком широкое предплечье. Девушка осторожно обернулась на того, чья рука лежала у нее под головой, и едва сдержалась от крика ужаса — рядом с ней сладко спал Ланде.

Брюнетка тут же вскочила.

«Твою мать…!!!», — шокировано глядела на него она, машинально кутаясь в тонкое прохладное и огромное одеяло, зажимая его края в кулаки чуть выше груди. Марина не была глупой девочкой — до нее быстро дошло, что ночью у них с Микаэлем явно что-то было! Да и тело вопило и всячески, как только это было возможно, сигнализировало об этом.

«Не-е-ет! Этого не может быть!», — затравленно прикрыла рот ладонью брюнетка. Пальцы у нее едва ли не впервые в жизни дрожали — в такт обреченному колоколу в голове.

Испуганная девушка хотела, было, вскочить с постели, найти свою одежду и бежать, бежать отсюда подальше, как дверь, располагающаяся прямо напротив кровати, тихонько открылась, и в комнату вошла яркая высокая женщина с рассыпавшимися по плечам медового цвета кудрями. Марина молниеносно улеглась обратно на кровать рядом с Ланде, испуганно закрыла глаза, сложила руки на груди и притворилась, будто бы крепко спит.

Женщина, ничуть не стесняясь того, что в кровати под одним одеялом лежат двое, подошла к ребятам и улыбнулась. Губы у нее были накрашены ярко-алой дразнящей помадой, а в умело подведенных глазах играли понимание и коварство, присущее кокетливым барышням из светского высшего общества века девятнадцатого. Марина, наблюдавшая за красивой женщиной из-под густых черных ресниц, в душе по-волчьи тоскливо завыла.

— Ангел, вставайте, — ласково сказала женщина. — Уже половина третьего дня. — Ангел. Ангел!

У Марины затряслись поджилки. Еще никогда она не попадала в такие дебильные ситуации! И вообще, кто это такая? И что еще за Ангел-то? И как, как она вляпалась в такое? Так сильно напилась что ли?!

«Дура, дура, дура!».

Микаэль, лежащий рядом с девушкой и еще недавно еще любезно предложивший ей собственную руку в качестве подушки — обе настоящие подушки почему-то валялись на полу, недалеко от их одежды, недовольно сказал: «Не хочу, мама, отстань», перевернулся на живот и снова, кажется, заснул.

— Ангел! — возмутилась его родительница. — Как всегда! Хоть с оркестром военным его буди! Хотя бы девушку постеснялся. Ангел, вставай!

«Это его мама!!», — в панике человека, возвращающегося домой по знакомой тропе и неожиданно попавшего под артобстрел, подумала Марина. Глаз она так и не открывала — ей стало очень и очень страшно. А еще и стыдно. Она повела себя, как последняя… ну, та самая, что стоит ночами у обочины.

Мама Микаэля, похоже, так не думала. Или не выказывала своих чувств. По крайней мере, она продолжала вполне дружелюбно, словно ничего страшного в этой двусмысленной ситуации не видела, будить сына и всячески укорять его перед девушкой. Актерская, творческая и свободолюбивая натура Ангелины Карловны Берг, верящая в любовь с первого взгляда и жуткую страсть на всю жизнь, не видела ничего предосудительного в том, что ее сын привел домой девушку и провел с ней замечательную ночь. В либерализме Ангелина переплюнула даже Олега Смерчинского, которого знала еще со школы. Именно из-за их дружеского общения с самого раннего детства Дэн и был знаком с Черри и Ланде.

Пока Марина старалась почти не дышать — чтобы ее не разоблачили, Ангелина Карловна выбежала из спальни сына, оставив дверь открытой.

— Паша! — позвала она громким и хорошо поставленным голосом кого-то из коридора. — Паша, или сюда!

— Что такое? — раздался спокойный мужской голос. У Марины сердце прилипло к спине. Это

еще кто?? Какой еще Паша? Господи, да покинет она эту проклятую квартиру?!

Ей вдруг вспомнилось кое-что из того, что было этой ночью, и Марина даже вздрогнула. Если первоначально в ней жила крохотная чисто женская уверенность, что во всем случившемся был виноват этот беловолосый кретин со светлыми ресницами и бровями, то теперь она почти точно знала, что ее вины было куда больше. И ее активности. Марина вновь приоткрыла один глаз и покосилась на Микаэля. Неудача с Черри вообще напрочь вылетела из ее головы.

«Чтобы тебя… Ты что, не мог сказать мне „нет“? — думала она лихорадочно, — глупая милаха! Или это я глупая? Бли-и-ин».

— Паша, я не знаю, как их разбудить, — пожаловалась тем временем Ангелина Карловна мужу-режиссеру. Услышав ее голос, Марина вновь закрыла глаз, молясь, чтобы мать Ланде ушла куда-нибудь подальше.

— Да пусть спят, — отозвался Павел Аскольдович. — Лето ведь. Ты же знаешь, как мальчик не любит, когда его будят.

— Но они пропустят обед, — капризно отозвалась женщина.

— И что? Зато будут на ужине.

— На ужине не будет меня, у меня репетиция в театре. А я хочу пообедать со всеми вместе.

— Дорогая, а это вообще кто? — поинтересовался Павел Аскольдович, заглядывая в комнату. Он и сам недавно выбрался из объятий Морфея и ходил по дому в длинном темно-синем свободного покроя шелковом кимоно с вышитыми на нем драконами и иероглифами. Кимоно это было презентовано Павлу Аскольдовичу модным японским театральным режиссером, который приезжал в гости к своему российскому коллеге, дабы посмотреть его премьерную постановку по мотивам одной из пьес Кобо Абэ. Павел Аскольдович, в свою очередь, тоже посещал Японию, дабы увидеть дебют этого режиссера в русской драматургии, а именно в постановке одной из трех великих пьес Антона Чехова «Три сестры». Микаэль, кстати сказать, сопровождал отчима в этой поездке, отлично провел время, нашел себе несколько хороших друзей, а также стал виновником нервного срыва у очаровательной девушки-актрисы по имени Ая, которая воспылала к нему безответной любовью.

— Это Ангел с девушкой, если ты не видишь, милый, — сказала Ангелина Карловна почти с умилением. — Смотри, как они мило смотрятся.

Марина почувствовала, что сейчас сгорит от стыда — действительно, сгорит до золы, а после привидением станет являться к Ланде и, звеня оковами, как ее возможный будущий Кентервильский коллега, выть над его изголовьем, обвиняя в домогательствах невинных девушек (почти невинных) и в скоропостижных смертях оных.

— Я вижу, дорогая, у меня пока еще дальнозоркость, а не близорукость. Я все очень хорошо вижу, — все так же спокойно отозвался глава семьи. — Ну, Мика проказник, ох, проказник. Не все же Сашке водить домой девушек! Но, видимо, сердце нашего мальчика она покорила, раз он привел ее к себе. Интересно, это они так веселились вчера на первом этаже? Ах, это же Сашка приводил друзей.

— Поэтому я и хочу пообедать с ними, чтобы все про девочку узнать, — прошептала заговорщически супругу Ангелина и вновь подошла к кровати, не понимая, что каждый ее шаг и каждое ее слово приближают Марину к обмороку.

— Что ж, тогда ты буди, а я пока, пожалуй, сварю кофе, — решил Павел Аскольдович и степенно удалился вниз.

— Ангел! — решительно потормошила крепко спящего парня за плечо женщина. — Подъем!

— Мама! — открыл глаза, наконец, недовольный Ланде, не замечая Марины. — Хватит называть меня Ангелом. И вообще… я спать хочу.

И он перекатился к самому краю кровати.

— Это не новость, ты всегда хочешь, — не впечатлилась его мать. — Вставай.

— Не-е-е-е-ет.

— Ангел, но как же так? А твоя подруга?

— Какая еще подруга? — не понял молодой человек, которому казалось, что ему всего лишь приснился дивный сон с участием Марины. Он надеялся заснуть и снова увидеть ее.

— Та, которая рядом с тобой на кровати, Ангел. Ты ведь нас познакомишь, да? — поинтересовалась его мама.

Парень с огромным удивлением поднялся, оперившись руками в мягкий матрас позади себя и, увидев Марину, еда не свалился с кровати — локти его неожиданно подогнулись.

— Мама!!! Выйди из комнаты! — закричал он, вспомнив, наконец, все.

— Я жду вас через десять минут в столовой, — весело пропела Ангелина Карловна и, смеясь, ушла.

— Мари… Марина, — осторожно потрогал указательным пальцем Ланде плечо девушки. — Мариночка, девочка, а почему ты…

Брюнетка тут же распахнула глаза, резко поднялась и, придерживая одеяло на груди, села напротив молодого человека. Взгляд у нее пылал презрением, негодованием и страхом, а на губах застыли не слишком добрые слова.

— Доброе утро, — очень доброжелательным тоном сказал вежливый Мика.

— Доброе? Для кого оно доброе, идиот? — зашипела Марина, стараясь не повышать голос. Она все время оглядывалась на дверь — чтобы не дай Бог вновь не вошли родители беловолосого кретина. — Для кого, спрашиваю?! А?

— Для меня. И для тебя, надеюсь.

— Ты, — ударила парня кулачком в грудь девушка, — ты… Ты!

— Что я? — спросил парень, и, не сдержавшись, улыбнулся — понял, что прошедшие сутки он прожил не зря! Он поймал, было, ее руки, а у Марины в этот момент едва не слетело одеяло, и она, едва не взвыв, вновь прижала одеяло к груди.

— Да как ты посмел! — не сдержавшись, закричала она, но вовремя спохватилась и вновь зашипела. — Как ты вчера посмел меня это… опоить, привести сюда и устроить такое!

mir-knigi.org

— Я? — упер руку в бок Ланде. — Да это ты меня весь вечер соблазняла.

— Ну ты и сволочь, — жаждала, что парень признал себя виноватым, Марина. — Козел. Похотливый дятел. Урод!

— А ты меня еще и Микой обзывала, — покачал головой парень — волосы упали на его белокожие плечи, и Марина с тоской поймала себя на мысли, что ей вновь хочется коснуться их — и волос, и плеч. Этот парень внешностью и поведением явно выбивался из списка тех, кто нравился девушке раньше, но даже сейчас, связанная эмоциями злобы и страха от всего произошедшего, Марина продолжала где-то глубоко внутри понимать, что Мика — да-да, именно Мика, ведь ему, черт возьми, так идет это имя! — привлекает ее.

— Зря, что только Микой, — отозвалась с праведным негодованием девушка и вдруг увидела красный длинный шарф. По спине у нее полетели стремительные мурашки — все из-за тех же воспоминаний. Она даже о головокружении и плохом самочувствии забыла. Да как же так?! Как?

— Да я на тебя сейчас… заявление в милицию напишу! Ну ты дурак! Дубина! Извращенец!

— Пиши, — обиженно пожал плечами парень, не совсем понимая истерики девушки. — Я тебе помогу. Можно образцы в Интернете найти.

— Он еще и издевается! Отвернись. Немедленно отвернись. Я оденусь. — Гордо вздернула подбородок девушка, решив, что сейчас она быстренько оденется и смоется прочь отсюда, и пусть этот кошмар будет позади. И как, как она умудрилась вляпаться в такое??

— Мне тоже одеться нужно, — зевнул Ланде. — И смысл отворачиваться, мы ведь…

— Заткнись. Ни слова больше, — предупредила его оскорблено и смущенно девушка. — Или я тебя удушу. Отвернись к окну и дай мне одеться.

— Как тебе угодно, — обижено сказал молодой человек и улегся на бок, уставившись в окно. Все новые и новые подробности вчерашней ночи всплывали у него в голове, и все сильнее и сильнее ему хотелось улыбаться, желательно, удерживая в объятиях балдевший строптивый морской бриз.

«Как мне угодно… Как мне угодно! Да мне угодно сквозь землю провалиться!!! Он точно издевается! — лихорадочно искала свои вещи на полу Марина. — И сама-то хороша! Напилась и первой к нему приставать стала. А все этот Черри виноват. Нашел себе какую-то девицу, а я оказалась в пролете. Естественно, мне было плохо, а наш Микочка таким отличным шансом воспользовался. Нет бы, отказаться!!! И еще его предки нас застукали. Какой позор! Мамочка, что же делать-то?».

— Ты все? — спросил Микаэль с кровати. Свои джинсы он нашел у изголовья кровати и успел их натянуть.

— Да, почти. Слушай… А тебя что, правда, зовут Ангел? — Вдруг спросила Марина.

— Меня зовут Микаэль. Это имя дал мне мой родной отец, а маме оно никогда не нравилось, — поморщился парень. — Поэтому она всегда называет меня Ангел. Из-за этого мне пришлось менять паспорт.

— Почему?

— Потому что в свидетельстве о рождении и в паспорте я был записан ею, как Ангел! — сердито отвечал хозяин комнаты.

— Что за глупое имя? — Марине казалось, что она где-то что-то упускает. Что-то очень важное. — Зачем она тебя так назвала?

— Потому что ее саму зовут Ангелина. Мама подумала, что будет забавно, если сын Ангелины будет носить имя Ангел. К тому же Микаэль или Михаил — это один из высших ангелов, вернее, архангел, предводитель воинства Света. Мама считает, что с именем получилась забавная игра, и я — Ангел вдвойне.

— О, Боже мой! — поразилась девушка, вспомнив почему-то, что в переписке Черри терпеть не мог, когда она называла его ангелом. — Дурдом. Все, можешь поворачиваться. А Ланде, это что?

— Фамилия. Это моя фамилия, доставшаяся от отца. Мика, Ангел… Почему вы не можете звать меня просто Микаэлем?

— Хватит мне зубы заговаривать, идиот, — прошипела Марина. — Так ты признаешься, что ты решил устроить, а? Поразвлекся со мной, да? Доволен теперь? Немедленно мне отвечай!

— А тебе не понравилось? — совершенно невпопад спросил парень, поворачиваясь и глядя на любимую девушку. Он понимал — или сейчас он что-нибудь сделает, или ее потеряет.

— Понра… — тут девушка осеклась и продолжила злобно. — Понравилось ли мне? Нет! Да что за тупые вопросы! Все, я ухожу, придурок.

— Не уходи, — попросил ее Микаэль неожиданно, остановив прикосновением за локоть. — Пообедай с нами. Пожалуйста.

— Зачем? — сверкнула темными глазами Марина.

— Ты мне нравишься, — признался, наконец, Ланде. Он глубоко вдохнул воздух, прикрыл глаза, удерживая внимание на кончиках ресниц, и представил себя в образе сводного брата — Мика умел быть отличным актером, и когда он надевал маски ролей, что доводилось ему играть, то чувствовал себя иначе. Словно становился действительно другим человеком, и это выражалось в его словах, мимике, походке, даже во взгляде. Ольга, Дэн и Никита тоже были отличными актерами, но между ними и Ланде было одно существенное различие: Оля и Ник играли свои роли в жизни, притворяясь перед другими людьми, Денис — перед самим собой, защищаясь от воспоминаний, а Ланде использовал свой дар только на сцене, где, перевоплощался в другого человека только ради любви к искусству. А сейчас же ему нужны были смелость и настойчивость, а эти качества можно было позаимствовать у Александра.

— Ты мне очень нравишься, — громче и тверже сказал Ланде.

— Что-что? — переспросила удивленно девушка.

— Ты мне очень нравишься, и уже давно, — вновь произнес молодой человек еще куда более уверенно, чем прежде — тембр его изменился и показался Марине знакомым, очень знакомым. — Останься. Ты не пожалеешь, если останешься. Обещаю.

— Что с тобой? — даже перестала злиться брюнетка. Вроде бы он только что был мягким и пушистым котеночком с белой меховой шубкой, а теперь показал коготки, намекая, что он не

котеночек вовсе, а взрослый кот, просто миниатюрно сложенный?

— Со мной все в порядке. И да, я общался с тобой вместо Черри. — Совершенно обыденным голосом сообщил парень. — Можешь делать со мной все, что хочешь, устраивать истерики, сбегать или бить, но знай — ты мне очень нравишься.

— Что ты делал, балбес? — не поверила Марина, и поняла вдруг, что Ланде говорит с ней голосом Саши. — Повтори-ка?

— По аське и мобильнику с тобой общался я. Ты думала, это был Черри, но ты ошибалась. И да — мне стыдно и все такое, но я делал это ради тебя.

— Еще раз, — медленно проговорила потрясенная девушка, машинально перебирая длинные черные волосы, перекинутые через плечо. — Ты только что сказал, что общался со мной вместо него? Ты? Ты?

— Я, — кивнул Микаэль и чуть ближе подошел к ней. — Прости.

— Я тебя не прощу. Я тебя сейчас убью, потом убью себя, чтобы не садиться, и буду уже сама просить у тебя прощения на небе, — сказала она негромко, но твердо, пытаясь успокоить бурю в душе. — Я-то, дура, думала, ты эльф голубоглазый. А ты — обыкновенная сволочь. Значит так, умник. Ты решил со мной развлечься? Черри притворялся? А я, как дура, думала, что ему нужна!! Кретин!

— Попробуй меня понять, — сказал своим голосом Ланде. — И прими к сведению, что ты мне очень небезразлична.

— А ты мне без… — Марина осеклась — в комнату вновь совершенно не вовремя заглянула Ангелина Карловна.

— Ну что вы так долго! Давайте же обедать! — воскликнула она, встретилась с испуганным взглядом Марины и сообщила ей. — А я мама Ангела. А как вас зовут?

Воинственность девушки при виде мамы Мики куда-то пропала, и она, опустив руки по бокам, как солдатик, деревянным голосом сказала:

— Марина.

— Мариночка! — обрадовалась экзальтированная женщина. — Какое имя хорошее! Ангел, ну веди же гостью в столовую! Паша тоже очень хочет с ней пообщаться! И Сашенька уже пришел. Злой, правда — наверное, не выспался из-за своей вечеринки, но он с нами тоже посидит. Мариночка, вы знаете Сашу? Это братик Ангела.

— Знает, — кивнул Ланде. — Мама, стой! — закричал он, видя, как Ангелина Карловна, не смущаясь, хватает Марину за руку и тащит следом за собой. — Мама!

— Не повышай голос на мать! Надень рубашку и спускайся вниз, бессовестный, — отозвалась женщина. — Мариночка, не стесняйтесь, хорошо? Чувствуйте себя, как дома. Мы очень любим гостей. Сколько вам лет? Чем вы занимаетесь?

И, задавая девушке вопросы, Ангелина Карловна поволокла ее дальше. Марина, понявшая, что лучше притворится девушкой дурака Мики, чем объяснять, что на самом деле они едва знакомы, послушно стала отвечать на вопросы. А еще в ее хитрой женской голове созрел

небольшой план мести Черри. Если он там, в столовой, то наверняка ему будет не очень прикольно, когда он узнает, что Марина — якобы девушка его братика, а не его поклонница. Пусть она ему и не нравится, но его мужское самолюбие будет задето. Ведь с Ланде Черри всегда на контрах.

— Знакомьтесь, девушка нашего Ангела! — пропела Ангелина Карловна, заходя в большую уютную столовую с настоящим камином. Павел Аскольдович кивнул и поспешил поздороваться с Мариной, а с Александром, сидевшим за столом, вышло все примерно так, как Марина и задумала — едва Черри, злобно глотающий холодную газированную воду прямо из бутылки, узнал, что Марина — девушка Микаэля и что родители застали их вместе в одной постели, чуть не подавился и слегка забрызгал быстро спустившегося вниз Ланде.

— Неуч, — холодно-укоризненно посмотрел на сводного брата тот, — подправь манеры.

— Подправь мозговую деятельность, — шепотом, чтобы не слышали родители, отозвался зеленоволосый парень. — Ты с какой это радости с этой девчонкой встречаешься?

— С большой и волосатой. И, пожалуйста, не суй свои грязные навозные руки в наши отношения.

— Утри свой сопливый нос и не приказывай мне, — отмахнулся от него тот. — Нет, это как так, я не понял? Она же вчера только ко мне липла.

— У тебя слишком богатое воображение, друг мой. — Печально отозвался Ланде и добавил чуть-чуть ехидно, интуитивно зная, что сейчас подколет братишку. — А где твоя красавица с пепельными волосами? Оставила, чуть лучше тебя узнав?

— Заткнись, — мигом рассвирепел второй парень. — Усохни, крошка.

— Так я прав, да?

— Ага. Прав. Я тебе с правой стороны челюсть подправлю, чтобы лишнего не болтал, — отозвался обозлено холерик Черри. Неудачу с наглой Анькой он отчего-то очень и очень сильно переживал. И где эту мелкую паршивку теперь искать? Даром, что на самом деле она — красотка, в душе — реальная мелкая противная пацанка с воровскими замашками.

— Не посмеешь. Лучше расскажи, где твоя очаровательная кукла?

— Нарываешься, цыпленок?

— Мальчики! — воззвала парней к порядку радостная Ангелина Карловна которая во время их разговора пытала Марину все новыми и новыми вопросами. — Давайте же обедать.

— И давайте же помолимся перед обедом, — смиренно отозвался Черри, складывая ладони вместе на уровне груди. Он быстро вспыхивал, но и быстро успокаивался. — Скажем «спасибо» Господу нашему за хорошую еду и за то, что Ангел наш нашел себе, наконец, девочку, а не мальчика. Аминь.

— Саша, — одернул его отец. — Не позорь нас перед гостьей брата. Ведешь себя, как малолетний панк. Ах, да, ты же и есть панк. И когда уже вырастешь, нигилист мелкий?

— Пусть лучше Саша будет таким, ярким и эпатажным, — весело отозвалась Ангелина Карловна, — чем серьезным занудой в строгом костюме и в начищенных ботинках, чья мечта —

стать менеджером среднего звена в огромной корпорации.

— Вот именно, — почти с восторгом отозвался Черри — мачеху он с детства очень сильно любил. В их семье вообще была удивительная гармония — Саша отлично общался с Ангелиной, а она всегда его защищала и многое разрешала, а Павел Аскольдович души не чаял в Микаэле-Ангеле и с детства старался развивать в нем природы талант к актерскому мастерству, ибо его родной сын актером становиться не хотел.

— А теперь приступим к обеду! Мариночка, что вы любите? Вы ничего не имеете против хорошего сладкого вина?

Бедная Марина имела много чего против — от запахов еды после вчерашнего алкоголя ее вообще слегка тошнило, а голова все еще болела, и она спешно попросила крепкого кофе, изредка поглядывая на Черри и мстительно думая: «Вот смотри, что ты потерял, дурак. Меня потерял. Да и не нужен мне ты… Татуированная овечка». То, что на самом деле с ней все это время общался вовсе не он, а Мика, ее все-таки очень потрясло. Ведь именно во время общения по смс и аське она настолько прониклась Черри — вернее, лже Черри, что ее чувства в разы возросли.

— Ангел, ухаживай за девушкой! — велела тем временем Ангелина Карловна, не совсем понимая, что происходит между этими троими. — Паша, а ты ухаживай за мной.

— С удовольствием, милая.

Все-таки актриса и режиссер очень друг друга любили, и это, а также все тонкости в общении членов этой семьи, включая взаимоотношения с Кристианом Ланде — настоящим отцом Мики, Марина поняла это спустя некоторое время, когда ей пришлось переехать в двухуровневую квартиру этого творческого семейства, впрочем, это уже совершенно другая история. Сейчас же она пыталась улыбаться, изредка хмурилась в сторону предателя Ланде и мило улыбалась Саше. А после обеда, когда Микаэль вызвался проводить ее, прямо в лоб сказала парню, что он все-таки дурак и видеть она его больше не желает: нигде и никогда. Правда, в этот же вечер девушка не сдержалась и написала ему смс-ку, затем долго кружила около телефона, ожидая ответа, а когда он перезвонил, крепилась, чтобы не сразу ответить на звонок, долго-долго не соглашалась на встречу, а потом еще и опоздала на нее почти на полчаса. С тех пор Марина и Ланде стали встречаться, правда, девушка не позволяла ничего большего, чем целомудренное держание за руки и поцелуи, и вообще ни о чем плохом не подозревала еще почти два месяца. Она постепенно все больше и больше влюблялась в молодого человека, не подозревая о том, что он сам все сильнее ею очаровывается. А потом случилось непоправимое — в смысле, это непоправимое случилось в ту самую памятную ночь, а Марина лишь узнала о последствиях.

— Ты готов быть папой? — почти через два месяц перезвонила она Микаэлю-Ангелу, собиравшемуся на генеральную репетицию. Одной рукой она сжимала трубку мобильника, другой — руку Маши, взирающей на подругу большими глазами. В реальность происходящего она верила еще меньше, чем сама Марина, хотя, когда подруги стояли в аптеке, покупая тест, только ржала — говорила, что той только все кажется. Когда оказалось, что ничего Марине не кажется, Маша смеяться, естественно, перестала, и долго успокаивала подругу: у нее от случившегося вообще сначала была истерика — гадалка, гадалка-то оказалась права! Потом, правда, девушка по-взрослому взяла себя в руки, сказала мрачно, что «этот умник сейчас все узнает и поплатиться» и, не думая, позвонила своему парню.

— Кем? — не сразу понял ее Мика, очень торопящийся в театр.

— Папой, — повторила, как робот, Марина.

— С чего вдруг? Я ближайшие десять лет детей не собирался заводить. — Сказал молодой человек растерянно. Марина горько рассмеялась. Маша покрутила пальцем около виска и почему-то с большой опаской посмотрела на живот подруги.

— С чего вдруг? Да просто есть у меня одно подозрение… Вернее, даже подтверждение. В общем, готов ты или не готов, но… папой ты точно будешь. — Сказала Марина почти спокойно.

— Марина, — отозвался Ланде, уставившись в одну точку — Черри это увидел и удивленно поднял проколотую бровь. Разговор его очень заинтересовал. — Каким папой? Да у нас было всего один раз и то очень давно.

Уши Саши, украшенные черными «тоннелями» стали больше в три раза. Бровь его скептически поднялась, а губы изогнулись в ухмылочке.

— Ну, видимо, того раза хватило.

— Да? — окаменевшими губами спросила Мика.

— Да. Да!!! — прорвало, наконец, Марину. — Это ты виноват! Ты! Ты! Все из-за тебя!

— Успокойся, — тут же испугалась еще больше Маша за подругу. — Мамочка… Тьфу ты! Мариночка, тебе нельзя волноваться! Дай, я сама с ним поговорю!

— Я не хотел. — Прошептал Микаэль, пребывающий, по авторитетному мнению Черри, знавшего брата как облупленного, в состоянии, близкому к обмороку. — Милая, я не хотел… Солнышко, ты… Ты точно знаешь, что ждешь ребенка?

— Кого она ждет? — зачарованно спросил Черри, понимая, что кое с кем произошел его самый большой ночной кошмар. — Ребенка? NЗапрещено цензуройN. Э, парень, ты в порядке? Дай-ка мне трубочку?

В результате вместо заплакавшей Марины и пребывающего в глубоком шоке Ланде, по телефону разговаривали Маша и Черри. Будущие же молодые родители встретились только вечером, в кафе на берегу реки, где несколько часов долго и тихо разговаривали. О чем — так и осталось загадкой для всех их друзей, но когда они вышли на улицу, где гулял теплый сентябрьский вечер, обряженный в сюртук, модную в Имперской России шляпу и помахивающий изящной тросточкой, то уже оба точно знали, что сейчас пойдут к родителям Марины, а потом и к предкам Мики.

— Ты только не плачь, — повторял все время молодой человек, успокаивая свою девушку. — Все будет хорошо. Я же тебя люблю.

Все-таки он был благородным человеком.

«С твоим связана буква „Д“. Хороший человек. Чистый, светлый, надежный. Полюбит — на всю жизнь. Ясно вижу тебя, обнимающую его за обнаженные плечи. Крепко».

Я проснулась первой, и сразу поняла, где я нахожусь. От осознания того, что я сейчас лежу в обнимку со своим любимым, окрыляло.

Этим июльским днем жаркие объятия Дениса чересчур сильно согревали меня, прижавшуюся

щекой к его груди. Правда, спину мне приятно холодил утренний ветерок из открытого окна, овевающий широкую мягкую кровать Дэна. Одеяло, похожее на кусок летнего облака, едва прикрывало поясницу, поэтому спине и было прохладно.

Я открыла глаза, вздохнула и осторожно, чтобы не разбудить парня, приподняла голову. В голове тихонько, но мелодично музицировал целый сводный оркестр чувств: каждому головастику вручили по инструменту, фиолетовый умело аккомпанировал на белоснежном фортепиано, а зеленый в крапинку затейливо играл на старинной скрипке. Кажется, сегодня им больше нравилось не писать глупые плакаты, письма и растяжки, а показывать свои ощущения через звуки. Ночью я слышала мелодию полета, танца огня и воздуха, а сейчас — умиротворения и свободы.

Я вновь глубоко вдохнула утренний свежий воздух, который откуда-то принес аромат свежей выпечки и горького кофе, и с немым восхищением посмотрела на молодого человека. Теперь уже точно своего молодого человека. Радостно перевернувшись на живот и, болтая ногами, я принялась пристально рассматривать его.

Мой Смерчик! Это мой Смерчик! Мой Дэн, мой Дэнв, мой Денис, моя прелесть, радость, нежность, головная боль и, кажется, средство от всех проблем, неудач и сожалений. Мой личный восторг и мелодия счастья. А-а-а-а-а, он мой! Мой!

Я хотела, как это бывает в любовных романах, со вкусом попялиться на спящего Дениса, и только-только собралась повздыхать над его безмятежно-красивым лицом и погладить по щеке или волосам, контрастно разметавшимся по серебристо-голубой подушке, как он тоже распахнул глаза — то ли еще сонные, то ли слегка пьяные. Мне пришлось спешно отдернуть протянутую руку назад и, перевернувшись на спину, делать вид, что я старательно изучаю звездный потолок. Я так и не рассмотрела ночью занимательную карту светящихся созвездий — все внимание на себя перетянул неугомонный Дэн, и несколько часов для меня существовал только лишь он один, а все остальное скрылось в тумане.

Пару секунд Смерч продолжал меня изучать. А я изредка косилась на него и старалась не улыбаться. Интересно, что он сейчас чувствует? Противное воображение подкинуло мне картинку, как Дэн видит меня, его рот медленно и широко, как у гиппопотама, открывается и издает дикий вопль ужаса, после чего Смерчинский вскакивает с кровати, завернувшись в одеяло, и убегает в неизвестном направлении. Однако реальный Денис только сонно, но очень мило улыбнулся, потянулся — так, что я в который уже раз засмотрелась на его плечи и руки с пропорционально развитыми мышцами — и перевернулся со спины на бок: чтобы лучше меня видеть.

— Малышка, — прошептал он слегка хрипловато, и опять его губы растянулись в улыбке, — очень и очень довольной, — как спалось?

— Нормально, — когда наши взгляды встретились, я вдруг невероятно смутилась.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — осторожно поинтересовался он.

— Да. А ты? — ляпнула я, прислушиваясь к ощущениям в теле.

— Я? — у Дэна глаза стали хитрые-хитрые, и он признался. — Я — просто великолепно. Я полон сил, энергии и должен признать, — тут он мне подмигнул, — что тебя можно не кормить капустой, девочка моя. Ты умеешь компенсировать некоторые вещи сполна.

Я смутилась и завернулась в одеяло. Денис выглядел так, словно у него исполнилось самое

заветное желание. Почему словно? Оно у него, наглого нежного извращенца, стопроцентно исполнилось.

— Чего на меня уставился? — подозрительно спросила я, переводя тему.

— Мы провели нашу первую ночь, а наутро ты хочешь сказать мне только это? — Смерч притворно вздохнул.

— А что мне надо тебе сказать? Как ты был того… великолепен??

— Хотя бы «доброе утро».

— Доброе утро. Чего уставился?

— Ты неисправима, — вздохнул Смерч и замолчал, поглаживая меня по плечу. Явно знал, что если будет молчать, начну говорить я. И он, как и всегда, оказался прав.

— Дурак ты, — от его простых прикосновений захотелось тут же замурлыкать, как кошаку. — Может, ты такого не знал, но девушки, которые никогда не просыпались в одной постели с такими, как ты…

— С какими такими? — не понял он меня.

— Ну, с парнями… Короче, они смущаются! — теперь я закрылась одеялом уже с головой.

— Маша, ты совсем того? Забей уже на смущение, — Дэн отнял у меня одеяло, сбросил вниз и прижал меня к себе. Тело у него было горячее и очень родное, хотя вчера ночью оно показалось мне не просто горячим, а обжигающим, хотя, скорее всего, это дурацкое сравнение. Наверное, это ветер, что жил и живет в его душе, так сильно нагрелся от моего огня. Это Смерч сам мне вчера прошептал. Он вообще много чего шептал, хотя, честно сказать, еще и много чего делал.

Я рассмеялась, обнимая парня за плечи. И правда, зачем мне его теперь смущаться или бояться? Он же мой.

— Слушай, ночью ты… — Дэн не успел договорить — ему помешал звонок мобильного телефона. Раздалась отлично знакомая мне мелодия «На краю», и я тут же вспомнила Кея, концерт и поцелуи у темно-синей реки. Наверное, это одни из самых сильных воспоминаний в моей жизни.

— А, черт, это Черри, — Смерч взял почему-то валяющийся на полу около кровати ярко-салатовый коммуникатор, на котором вольготно валялся ремень его джинс. — Чип, подожди минуту, я отвечу. Да, Саша, что ты хочешь в половину восьмого утра?

— Да так, — послышался довольный-предовольный голос Черри — я прижалась ухом к корпусу коммуникатора. — Ты где?

— Дома.

— Один?

— Нас пятеро.

— Да ты силен, мужик, — присвистнул зеленоволосый и оглушительно заржал. Я поморщилась,

а Денис мимолетом поцеловал меня в висок.

— Слушай, я вообще-то занят, — нахмурился Смерчик, вновь поглаживая меня по руке. Я тут же ощутила себя льдинкой — потому что начала таять.

— А-а-а, ты там со своей девочкой, — догадался Черри и его голос стал подозрительно противным и ехидным — Уломал? Ну чего, как ночку провели? Хорошо? Сколько раз вы там…

— Скажи восемь, пусть завидует, — хихикнула я тихонько, чертя пальцем в воздухе символ бесконечности.

— Это тебя не касается, — перебил друга Дэн, и в его голосе появился едва заметный предупреждающий металл. А мне он погрозил кулаком. — Что ты хотел?

— Ключи от «Выфера», пожалуйста, — скромно попросил Черри, поняв, что сейчас лучше не приставать со своими глупостями и пошлостями.

— Прости, с этим проблема — они не у меня. Можешь взять тачку, — великодушно разрешил Смерч.

— Отлично. Тачку, так тачку! — ничуть не огорчился Черри. — Мы с Анюткой гуляли всю ночь по городу, сейчас около моста МВД стоим, кстати, а теперь я хочу отвезти ее кое-куда, потому что… Кстати, а где она? — вдруг сам у себя спросил Саша. — Анюта!

— Кто это? — не сразу понял Дэн, кого там зовет Черри. А я укусила его за плечо. Мне не казалось, что я сплю, и все это происходит со мною во сне — у меня было ощущение, что я сейчас в другой реальности!

— Не кусайся, — прошептал Смерч и почему-то закусил губу, глядя на меня очень уж сильно заинтересованным взглядом. Сонливость из них куда-то резко пропала, оставив место задорности и чему-то такому, пока что мало мне знакомому, но, безусловно, приятному.

— Аня. Та мелкая девчонка-карманница. Помнишь, которая Ника вашего хотела обшмонать, — отрывисто сообщил Александр. — Правда, ни фига она не мелкая. И красивая… черт, она очень красивая. Просто супер бест.

— А-а-а, ты же с ней зажигал, друг, точно! Так это ее ты подцепил? — присвистнул Дэн, и даже я удивилась, вспомнила, наконец, мелкую мошенницу Аньку-Аладдина. Но вроде бы на фесте и вечеринке Черри был с какой-то миниатюрной блондиночкой-красавицей? Или это что, и есть бесшабашная воровка Аладдин? Ух ты! Вот дела!

— Где-где… У твоего деда на гребанном вечере. Шикарная герла. Только… Вашу мать! Где эта шикарная герла? — закричал так громко Черри, что Дэн убрал подальше от уха коммуникатор. — Анютка! Анечка! Анька!

— Пропала, да?

— Вот же дрянная девчонка! — почти рычал Саша. — Опять сбежала! N3апрещено цензуройN!

— Откуда сбежала? — полюбопытствовал сквозь смех Смерчик. Его пальцы как-то незаметно перебрались с моей шеи чуть ниже, и я легонько шлепнула его по руке. Темно-коричневые брови парня деланно обиженно изогнулись. Опять гримасы строит! Блин, это так мило! Я сейчас в космос улечу от переизбытка умиления.

— Не откуда. От меня! — рассерженно кричал зеленоволосый. — Прихватила мои сигареты и смылась! Вот же дрянь! И не смей ржать! И где мои часы? Чер-р-р-р-рт! Черт! Она и их забрала!

— Ты что, я не смеюсь, я тебе сочувствую, — после этих слов Дэна, сказанных им трагическим тоном, я сама едва не захохотала. — Она совсем сбежала, да?

— Наполовину, Nзапрещено цензуройN. Совсем. Я ее найду и убью, — кровожадно пообещал Черри и бросил трубку.

Ага, убьет, если найдет. По-моему, Аладдин с ним развлекается. Как потом оказалось, в этот день он Аньку не нашел, поехал домой и обнаружил там Ланде и Марину.

Денис только головой покачал, вновь улегся на бок, подперев голову рукой, согнутой в локте, и стал без улыбки пристально меня разглядывать. А я, в свою очередь не могла отвести взгляда от него. Синеглазый гипнотизёр. Потом пялиться нам друг на друга надоело, и он первым начал меня целовать, сказав мне еще пару слов по поводу вчерашней ночи, моих и его ощущений, а также дав обещание, что это вскоре повторится вновь. По крайне мере, Дэн сделает все возможное для этого.

— Знали бы мои папа и брат, что ты со мною сделал, первый организовал бы тебе хранение наркотиков, а второй бы за это посадил, — прошептала я ему на ухо.

Дэн замер и нерадостно посмотрел на меня. Такая перспектива его явно не устраивала.

— Но я все равно рада, что встретила тебя, балбес… Ладно-ладно, признаю, что так называть тебя неправильно, — я приподняла голову и потерлась носом об его слегка небритую щеку. Игривость у меня исчезала, оставив свой трон леди Нежности, облаченной в розовое королевское одеяние с глубоким декольте и корсетом. — Ты — мой идеальный Смерч. Правда, идеальный. По-моему, ты изменил меня и мою жизнь.

— И свою, — очень тихо сказал Дэн.

— Да. Да, наверное. Свою и мою ты превратил в нашу.

В наши глаза случайно попал луч солнца, блеснувший в окне, мы одновременно зажмурились и рассмеялись.

Бог мой, что я несу ему!! Но я все равно продолжала:

— Нет, правда, у меня такое чувство, что мы знакомы давным-давно.

— Мой Чип, будешь смеяться, но однажды мне снилось, что я был… если будешь ржать, я тебя накажу — девушкой и жил в греческом поселении много-много веков назад, — деланно мрачным голосом сказал Дэн. — А ты жила рядом.

— И была парнем? — спросила я неожиданно, и не думая смеяться. Где-то глубоко в голове вдруг что-то словно прояснилось, и у меня возникло то самое чувство, которое бывает у человека, когда он, наконец-то, вставляет последний пазл в картину, состоящую из пары тысяч кусочков, бережно собираемую им несколько лет подряд.

— Да, — выдохнул Смерчинский с грустной улыбкой человека с очень-очень старой душой. — А откуда ты знаешь, Бурундучок?

— Мне тоже это снилось, — призналась я нехотя. — Как-то раза два или три, только эти сны были туманные-туманные. Или сны, где я смотрю на себя в зеркало и вижу смуглого паренька. Зато я хорошо помню то самое чувство влюбленности во сне. Не совсем понятное, в кого я там влюбляюсь, но… Денис, я даже не знаю, как это описать… Чушь какая-то. Странно все это, да?

— Да, — признался Смерч, растерянно гладя меня по голове. — Странно. Наверное, в прошлой жизни мы уже были знакомы. Только тогда, кажется, у нас что-то не получилось. — И он с несколько смущенным смехом произнес. — Точно, Бурундучок, мы были предназначены друг для друга еще с прошлой жизни. Вот в этой и встретились. Когда я тебя впервые увидел — тогда, когда ты Клару своего фотала, я почему-то жутко обрадовался. Как будто вещь старую нашел.

— Я не вещь.

— Это было сравнение, глупая. Конечно, ты не вещь. Ты — моя девушка. — Его рука вновь коварно и очень медленно спускалась вдоль шеи вниз, а сердце от этого колотилось только сильнее.

Я рассмеялась.

— Эм-м-м, слушай, Чип, во сколько там свадьба твоего брата? — вдруг спросил Дэн у меня. Я замерла.

«Молодец, — ехидно заквакал самый противный головастик, — правильно! У брата единственного свадьба, а ты тут пакостями занимаешь, не спешишь никуда, телефон отключила. Хорошая девочка! В смысле, мама-то наверняка думает сейчас: хорошая Маша — мертвая Маша».

— Капец! — вскочила я тут же. — Мне в десять около дома Насти надо быть!! На выкупе! Что же ты раньше молчал! А сейчас уже половина девятого! Что делать-то?

— Успокоиться, — строго взглянул на меня Денис, мигом взяв ситуацию под контроль. — Одевайся, а я довезу тебя до дома. Переоденешься и вместе с родителями и братом уедешь к Насте.

— Ты же сам сказал, что у тебя «Выфера» твоего нет! — паниковала я.

— Я найду, на чем быстро довезти тебя до дома. Одевайся, малышка моя, — сказал все тем же деланно спокойным голосом парень, и его тон стал приводить меня в чувство. — Я все сделаю, и ты успеешь. И включи телефон.

— Меня мама убьет, за то, что я дома не ночевала. — закрыла я лицо руками.

— Я что-нибудь придумаю. Давай же. Давай, вставай. — Дэн поцеловал меня в щеку, и я почувствовала себя намного увереннее и спокойнее.

— Кстати, а знаешь еще одно значение имени Мария? — спросил парень, протягивая мне мою же одежду. — Помнишь, тогда, когда мы познакомились, я говорил тебе два из них?

— Помню, — ласково погладила я его по волосам, — ну, и какое же третье?

— «Любимая», — услышала я и опустила взгляд.

mir-knigi.org

— Маша?

— Что?

— Люблю, — коротко и тихо сказал Дэн, и еще крепче прижал к себе. Через полчаса я действительно была дома, чтобы морально скончаться от воплей мамы и братца, у которого возникли необыкновенные проблемы — нет, не с головой, к сожалению, а со свидетелем Марком, который, возвращаясь с мальчишника этой ночью, умудрился попасть в небольшую аварию и сломать руку. В общем, из-за некоторых особенностей бракосочетания Настасьи и Федора, роль свидетеля на себя пришлось взять Смерчику, но об этом я расскажу когда-нибудь потом.

«Эй, — возмущались головастики невероятно дружным хором почти всю свадьбу брата, и их голоса эхом прокатывались у меня по голове, — ты забыла ему кое-что сказать!». И я знала, что.

Да, Денис. Прости. Я тоже тебя люблю.

Только об этом я сказала ему через целых полтора дня, после двух дней свадьбы брата и Насти, когда мы с Дэнвом спускались вниз, вновь выходя из его спальни. В руках Дениса была сумка и ключи от одной из машин отца — как Смерч и обещал, он повез меня в горы, чтобы показать ни с чем несравнимые местные альпийские луга. Все-таки он действительно умел держать свои обещания.

— Стой! — окликнула я его, стоя в самом начале лестницы. — Я тут подумала…

— О чем? — повернулся ко мне Смерчик. Раньше он казался мне просто местным обаятельным красавчиком, а теперь, глядя в его лицо, у меня просто дух захватывало, и просыпался дикий восторг, связанный не с внешним видом Дениса, а с тем, что для меня этот человек стал родным и любимым.

— Я не говорила тебе этого, но, кажется, делала это зря, — продолжала я, осторожно спускаясь вниз.

— Чего, Мария? — не понимал моей логики Денис.

— Ну, кое-что важное, — призналась я, понимая, что эти слова сказать невероятно сложно.

Смерч встревожился. А я неожиданным вихрем спустилась с лестницы, подбежала нему, заставила нагнуться к моим губам и сказала:

— В общем, слушай. Я тебя тоже люблю. И мы точно-точно поедем туда, в горы?

— Конечно. Я ведь обещал тебе. И зачем бы я тогда собирал сумку, глупая?

— Ну, я на всякий случай спросила… Моя пре-е-е-лесть, — и я потрепала его за щеки.

Прозрачный Дэн и его личная фея с клубничными крыльями уже давно были там, в горах, и не отпускали друг друга из объятий ни на минуту.

— Я все-таки очень сильно по тебе скучал, — проговорил Денис, в который раз обнимая меня. Теперь в голосе его загадочным образом слышался шум ночного морского прилива старинной древнегреческой колонии Галаз. Где когда-то очень давно, в ореоле античных мифов и легенд,

mir-knigi.org

жили возлюбленные Дионисия и Филимон, Ойкист и его брат-близнец, сестра Дионисии и ее мать. И только через несколько лет я узнала, что имя юного грека Филимона, влюбившегося в жену Ойкиста, переводится так же, как и мое, а во сне мне приснились невероятно странные вещи, рассказывающие о том, со всеми нами было много-много веков назад

Все же Судьба — одна из самых величайших тайн этой Вселенной, ее движущая сила и точка опоры, первопричина и череда последствий, истина духовного мира и материя физического.

Если вам суждено быть вместе — вы будете вместе, пусть даже через череду веков и испытаний. А если нет — значит, это была не Судьба, и, быть может, она ожидает вас за следующим поворотом жизни или даже углом вашего собственного и привычного до полубезумия дома. Мир не такой простой, как мы думаем, а горизонт — не конечная точка, а лишь видимая линия, которую каждый из нас способен перешагнуть.

Два листочка из дневника Натальи, в том числе, и последний, почти полностью пустой, на котором черной пастой слегка неровным нажимом было написано лишь три строки, совершенно случайно выпали из общей кипы бумаг на подоконник. И Олег Смерчинский, собирающий записи жены, не заметил этого. Как не заметил и того, как после его поспешного ухода и громового хлопка дверью, оба этих листа один за другим оказались за окном. Там их подхватил свежий сильный молодой ветер, и через пару минут они воспарили над кустами цветов и стали удаляться, постепенно теряя очертания, к самому горизонту, как будто бы хотели оказаться за его гранью, около своей хозяйки. Наверное, уже никому не было суждено прочитать то, что писала Наталья на этих страницах своего дневника.

* *страница 12**

…у нее карие. Зовут ее Маша. Мария. Встретили мы ее на детской площадке около школы, где я училась. Дэн увидел ее, подбежал и схватил за руку. А она уставилась на него и вдруг засмеялась. Это было так забавно: они всю прогулку держались за руки. Ну правда — жених и невеста!

А когда мы засобирались домой, эти двое синхронно зарыдали. Я и Вера — так зовут Машину маму (кстати, интересная девушка, милиционер, тоже училась в моей школе, только на 2 класса младше, поэтому я ее не помню) с трудом Дениску и Машу расцепили. С Верой, кстати, мы даже обменялись телефонами. Раз наши детки так полюбили друг друга, надо им вместе еще раз погулять. Да и сама она очень приятная.

Да, что и говорить, Дэн нашел себе невесту! Вот только что у меня спрашивал: «А когда Маша будет?». Такой дурачок! Нет, все-таки он вырастет очень миленьким.

страница 16

… Я столько всего составила. Сейчас просматриваю эти пункты и… *запись обрывается*…

…Дэнка только что захныкал во сне, я подходила к нему, успокаивала. Сейчас опять спит. В общем, я только что просматривала эти пункты, думала, что бы добавить туда, а когда подбежала к нему и взяла на руки, то поняла. На самом деле мне все равно, будет ли Денис соответствовать всем этим пунктам. Он мой сын, и я буду любить его всегда, каким бы он ни был. Плохим или хорошим, добрым или злым, страшным или красивым, талантливым или бездарным. Оказывается, мы любим наших детей только за то, что они — наши…

Василиса Петровна, самый лучший в мире библиотекарь, грузно, но степенно вышагивала по набережной, наслаждаясь вечерним свежим воздухом и предзакатным видом реки. Жила она неподалеку от моста МВД и часто прогуливалась здесь после работы.

Этим вечером она совершала привычный и любимый моцион в гордом одиночестве, пока не встретила свою старинную, можно сказать, закадычную знакомую, с которой некогда вместе училась в одном классе. Знакомая — большая дородная женщина, работающая простым парикмахером, сидела на лавке вместе в худой особой, на плечи которой был накинут цыганский платок. Не смотря на разницу в габаритах, женщины все-таки были очень похожи, особенно черничного цвета глазами. Как оказалось, Василиса Петровна встретила свою одноклассницу и ее сестру, которую не видела уже лет двадцать пять.

— Чем занимаешься-то? — спросила библиотекарь у худой женщины.

— Экстрасенс она, — вмешалась парикмахер. — Гадалка по-простому.

— Да ну? — скептически посмотрела на затянувшуюся сигаретой экстрасенса скептически настроенная ко всему необычному и мистическому Василиса Петровна.

— Ну да, — выдохнула дым изо рта женщина. — А что?

— Не верю я во все это, — заявила ей библиотекарь уверенно. — Да у нас каждый второй экстрасенс. Вот ты что умеешь делать-то?

— Будущее вижу. Прошлое. — Нехотя сказала гадалка.

— Ага, видит, — радостно подтвердила ее сестра. — Василиска, правда, видит же! Дар у нее.

— Дар деньгу у людей высасывать? — хохотнула библиотекарь. — Ну-ка, скажи мне что-нибудь?

— Ты же не веришь, — устало взглянула в ее глаза гадалка и поежилась от порыва ветра, который принес ей одни ведомые запахи — ноздри женщины едва заметно начали раздуваться.

— А ты скажи, вдруг поверю? — не могла успокоиться Василиса Петровна. — Ну, давай же! Про будущее, так и быть, не говори, а вот про прошлое можешь и сказать. Я-то точно знаю, что у меня в прошлом было.

— Скажи ей, — радостно сказала парикмахер, обращаясь к сестре.

— Скажу. — На мгновение гадалка прикрыла глаза, ловя ноздрями новый поток запахов, а потом задумчиво произнесла. — Вижу, стоишь ты около окна открытого и смотришь вниз. А там много-много людей. Совсем еще молодых. Вижу, рука твоя тянется к телефону, и ты зачем-то в милицию звонишь. И зачем? Чего они тебе плохого-то сделали? Просто молодежь собралась.

Василиса Петровна от неожиданности побурела и мелко-мелко затрясла подбородком.

— Это… ты… откуда знаешь-то? — пробормотала она, изумленно мигая. «Неизвестным, пожелавшим остаться неизвестным», действительно была самая лучшая, по словам Дэна, библиотекарь в мире. Она действительно позвонила в милицию, подумав, что наглые подростки около стен родного университета затевают драку. То, что они желают поздравить их общего друга-приятеля и ее любимчика Дэна, подозрительной женщине и в голову не приходило.

mir-knigi.org

— Так экстрасенс же она, говорю тебе, — радостно вмешалась одноклассница Василисы Петровны. — А ты зачем в милицию звонила-то? Случилось что?

— Так Судьбе было угодно, — туманно изрекла гадалка, поплотнее закуталась в свой платок и хрипловато засмеялась, увидев на асфальте камешки и травинки, причудливо собравшиеся в букву «С».

На набережной, один за одним, зажглись круглые фонари, и в реке отразились десятки искусственных лун. Настоящая луна, полная, женственная, мерцающая в полупрозрачных тончайших одеяниях из облаков, появилась в речной глади только ближе к полуночи.

Эпилог

3 года спустя

Если меня попросят описать этого человека, я, не задумываясь, тут же скажу все, что о нем думаю, мало того, я сделаю это с непередаваемым удовольствием. Бестактный, наглый, противный тип с идиотским чувством юмора и завышенной самооценкой. У него дурацкая улыбка, которую все девчонки находят обворожительной, детские ямочки на щеках, глупая татуировка прямо на шее и дар выводить из себя нормальных и порядочных людей. В голове у него ветер, на уме — гормональные глупости, а язык этого парня — самый главный враг как его самого, так и тех, кто находится рядом. Одним словом, он — первостепенный болван и невежа. Кретин, короче, редкий.

Все это я выскажу на одном дыхании. Потом, сделав паузу и судорожно вздохнув, я, немного смутившись, добавлю, что я все равно люблю его. И, кажется, буду любить всю свою жизнь. Чего уж там: любовь зла, полюбишь и… Смерчинского. Ну, ладно-ладно, я ведь уже говорила, что, по-моему, в нашей ситуации это выражение больше подходит ко мне: любовь зла, полюбишь и меня. Но я исправляюсь, правда. И стараюсь сделать так, чтобы Денису было со мной так же хорошо, как и мне с ним. А мне с ним очень хорошо, поверьте! Так хорошо, что мне кажется, что у меня за спиной вырастают клубничные крылья. Правда, когда он меня достает, крылья куда-то временно испаряются, а мои головастики обзаводятся демонскими клыками и рожками. Кстати, на брата и сестру мы больше ни капельки не похожи. А жить с ним в одной квартире — это вообще большая умора. Ненавижу, когда он складывает на меня свои руки и ноги в постели. И как валяется на полу, на пушистом ковре, и все время хватает меня за ноги, как мое котэ. Зато обожаю то, как он готовит завтраки. И как слушает рок на всю громкость колонок, одновременно что-нибудь читая, печатая на ноуте, переписываясь с друзьями и придумывая мне обидные прозвища типа Бурундук — Священное Животное. А еще я без ума от того, как он умеет…

Сквозь хрупкую дверь сна кто-то жутко умный стал нагло ломиться в мое сознание.

— Машка, давай быстрее! Парикмахер сейчас приедет. Вставай! — Марина и Настя в 4 руки вытянули меня из кровати, мигом разогнав и мысли в голове, и сон.

— Давай же, Бурундукова, тебе сегодня много чего успеть надо! Такой день, а ты…!

Нет! Я хочу спать! Или, вернее, так… Я боюсь вставать!

— Машка! Подъем!

— Я вчера поздно легла! — я вновь закуталась в одеяло. Последние несколько дней я жила у родителей. Дразнила Смерча и говоря ему, что дома буду оплакивать свои последние

свободные деньки.

— Маша!

«Уже утро! Подъем, храбрые воины! Сегодняшний день — день великих свершений! Не подкачать!», — стал важно печатать на клавиатуре самодовольный головастик в галстуке, и набираемый им текст появился на огромном широкоформатном экране. Миг — и все его собратья пробудились ото сна и тут же заполучили по красной розе в петлицы и по белоснежной восковой свече — пока еще незажженной, но пахнущей ладаном.

«Идем на амбразуру, ребята!»

— Я спала пару часов…

— Сама виновата, — отвечала нагло Марина, вновь сдергивая с меня одеяло. — Я тебе говорила девичник делать за пару дней до свадьбы, а не в ночь перед. Парикмахер и визажист скоро будут! И твоя сумасшедшая свидетельница на подлете со своими оригинальными идейками.

Честно сказать, я долго не знала, кого сделать своей свидетельницей: Марину или Лиду, но с ними возникли определенные проблемы. Лида вместе с Петром находится заграницей, помогает ему в бизнесе и даже заслужила благосклонность Даниила Юрьевича. Маринка, бедняга, вся в семье и в семейных проблемах. К тому же, я побоялась, что кто-нибудь из девчонок может обидеться, если я сделаю свидетельницей не ее, а кузину. Обижать подруг я не хотела и не хочу — я люблю их одинаково. К тому же не принято свидетелями делать замужних или женатых, пусть даже если это — гражданский брак.

И я остановилась на свободной пока что Инге, все равно ее Бритые Виски на свадьбу не попадут — они в армии сейчас зажигают, хе-хе, и Рафаэль, по ходу, сейчас вообще полностью лысый, а от того жутко злой. А с Ингой я даже умудрилась подружиться за последнее время и, кажется, обзавелась сестрой, сумасшедшей только. В общем, я решила, что моей свидетельницей будет именно она. А свидетелем… свидетелем будет один забавный парень. Дэн ведь тоже долго не мог выбрать между Черри, Ланде и Игорем, а потом хорошенько подумал и сказал, что они все невменяемые типы, и что его свидетелем станет очень близкий друг-музыкант из Америки. Тот самый, кому когда-то передавал странные слова Кей.

К слову сказать, я видела этого музыканта всего лишь пару раз. И каждый раз жмурилась от восторга. Потому что думала, что к нам в дом приезжает галлюцинация. Галлюцинация была красивой, черноволосой и до ужаса знаменитой: Кезон из группы «Red Lords» — парень необычный во всех смыслах. А как мы познакомились… Представляете, сидите вы на своей кровати, смотрите по ноуту комедию — кстати, ту самую, которую мы когда-то с Денисом не досмотрели в кинотеатре, а потом пересматривали раз 5, наверное, — смеетесь, болтаете ногами в воздухе, а тут дверь открывается, и ваш молодой человек заваливается в вашу общую спальню с радостной, но какой-то противной улыбочкой:

— Солнце, к нам гость. Поздоровайся. Он поживет с нами неделю.

Вы в некотором недоумении поворачиваете голову и видите того-чье-имя-вызывает-в-вас-трепет. Уже пару лет. При этом гость машет вам и говорит на чистом русском языке с едва уловимым акцентом человека, какое-то время прожившего за границей:

— Добрый день. Я — Кезон. А ты — герлфренд моего друга? Ты милая. Дэнв был прав.

У меня лично был шок — как и тогда, когда со мной заговорил Кей. А Смерчик, видя мое

испуганно-восторженное лицо, ржал, как полоумный. Его очередной сюрприз удался — а устраивать их он очень любит. А у меня, видимо, карма такая — терпеть их.

— Машка, быстро в ванную, — скомандовала мне Настя вновь. — Тебя ждут.

— Да шесть утра еще только… — Я нехотя села, свесив ноги над полом. И меня кто-то пощекотал за пятку. Я сначала подумала, что там засел шутник Дэн, но это оказался вовсе и не он.

— Да хоть четыре! Марш в ванную.

— Мама, — раздался звонкий голосок снизу и из-под моей кровати вылез тот, кто меня щекотал — маленький злодей Лео, сынишка Марины и ее Микаэля-Ангела. Назвали, блин, ребенка. Черри был активно против такого идиотизма, и я, как крестная, — тоже. Но, родители Леонардо — кретины, и ничего тут не попишешь. Бабушка — Ангелина, папа — Микаэль, сыночек — Леонардо. Я боюсь даже предположить, какое имя даст своему ребенку сам Лео.

— Ма-ма! Я тут!

— О, Боже, что ты тут делаешь? — всплеснула руками Марина и не без напряга вытащила белобрысого, смахивающего на худенькую девочку, сыночка из-под кровати. — Лео, ты зачем туда залез?

Кажется, она еще до сих пор не совсем понимает, что действительно стала мамочкой, но Лео любит, впрочем, как и мужа. Они с Ланде вообще забавные. Начальный период романтики и ухаживаний они практически полностью пропустили из-за рождения сына, и их совместная жизнь началась с забот, совершенно внезапно и очень резко, накрыв волной бытовых проблем. Но потом между ними что-то вспыхнуло, и в их отношениях запоздало начался период ярой подростковой влюбленности. Ланде и Маринка ходили на свидания, в кино и кафе, спихивая Лео бабушкам. Она ездила с ним на гастроли, а он помогал ей совершенно во всем. Кстати, эти господа только что вернулись из путешествия в Мексику и на Кубу, счастливые до безобразия и постоянно целующиеся.

— Почему Смерчинский еще спит, а я уже встала? — рассерженно спросила я, чувствуя, что сегодняшний день будет сумасшедшим.

— Он давно не спит, — отозвалась мама, залетая в комнату. Сегодня она была очень взволнованной и нервной. — Денис уже давно на ногах и поехал встречать своего брата и нашу Лиду в аэропорт. Золотой мальчик! Мария! Ну-ка быстро вскочила, или я тебе водой окачу! Почему ты вечно злишь собственную мать?

— Потому что меня злят все остальные…

Мне пришлось вставать и идти к только что пришедшим и ожидающим меня визажисту и парикмахеру — Лера пригласила лучших мастеров из своего салона «Белла Рагацца». Я не хотела этого, но отказать будущей свекрови не могла. Зато платье я покупала сама, не в дорогущем салоне, а во вполне обычном магазине, вместе с Мариной. И сейчас это платье ждало меня в гостиной.

Волнения, как такового, во мне пока еще не было, на его месте сидело разноцветное ожидание чего-то нового, большего и очень желанного.

Пока мастера из меня делали леди-невесту — а это у них получалось довольно неплохо, вокруг

шныряла Инга с камерой наперевес и все время фотала не только меня, но и всех окружающих. Даже котэ, которое с недоумевающей мордой тусовалось в зале, то задирая хвост вверх стрелой, то поджимая под себя.

Сначала меня превращали в принцессу — и, надо сказать, делали это достаточно долго. А после принесли мне свадебное (блин, я выхожу замуж, ха-ха-ха!) платье цвета снега в альпийских лугах, который озаряет горное солнце. И это не я придумала такой эпитет про цвет, это сказал Ланде, с которым, собственно, и пришлось платье выбирать. Ну, вообще я должна была делать это с Мариной, но он увязался за нами и давал неплохие советы.

А Черри, который нисколько не повзрослел и еще больше сошел с ума, помогал Дэну выбрать кольца. Я не знаю, как его не выгнали из магазина, честное слово — Смерчинский сказал, что даже он хотел прибить друга на месте. Кстати, личная жизнь этого панка забавная. Он и его милашка Анька до сих пор встречаются. Она доводит его до припадков белого каления, а он устраивает ей веселые разборки и жутко ревнует. Кажется, она все-таки чувствует к нему что-то, потому что после одного серьезного разговора с Сашей, она забросила свое милое хобби и больше не ворует, хотя ручаться я, конечно, не могу. А еще они собираются жить вместе.

После того, как я отдалась умелым рукам парикмахера и визажиста, я, не без помощи подруг облачилась в белоснежное одеяние с пышной юбкой и корсетом. Кстати, все присутствующие в доме сказали мне с умилением, что я очаровательна и прекрасна. Я не поверила. Однако слезы, выступившие на глазах у мамы и, кажется, даже у папы и деда, поколебали меня в моем неверии, и я понеслась к большому зеркалу в свою комнату.

Там меня, во все глаза себя разглядывающую и отчего-то улыбающуюся, встретил старший брат. Он только пару дней назад получил внеочередное звание за какую-то там важную операцию, и теперь был важен, как царь-завоеватель.

— Жалко мне Дениса, конечно, — сказал Федька, поугорав вволю над моим внешним видом и позлив. — Но что поделать, он сам тебе предложил за него выйти. Мазохист он все-таки, да, Машка?

— Ты даже в такой день глупости несешь, — огрызнулась я, в который раз проводя пальцами по белой пышной ткани.

— Мне положено. Я — …

— Идиот.

— …старший брат.

— Ну, это одно и то же.

Мы глянули друг на друга и заржали в голос. Федька сделал неслыханное — обнял меня, осторожно, чтобы не дай Бог не повредить прическу. Он ничего не сказал, только похлопал по спине, отстранился, улыбнулся и достал бархатную сиреневую коробочку. Достал оттуда легкий тонкий браслет из белого золота с обаятельными маленькими зелеными камешками и протянул мне.

— Вот, это тебе, — сказал он просто, вручил мне подарок и ушел быстрым шагом, стараясь не глядеть мне в лицо и пряча свое. Я с изумлением стала разглядывать украшение.

«Нашей всегда маленькой девочке Машеньке. На счастье. Отец, дед, брат».

mir-knigi.org

На глазах моментально появились непрошеные слезы, а сердце сжалось до размера атома. Я сглотнула и слегка дрожащей рукой надела браслет на запястье, не заботясь о том, что украшение не подходит к платью, серьгам и кольцу. Хотелось догнать Федьку и уже самой его обнять, но я сдержалась и, последний раз улыбнувшись себе в зеркало напротив, сказала:

— Спасибо вам.

Картина напротив меня — сейчас с изображением Венеры — игриво подмигнула.

Она почему-то напомнила мне Ольгу Князеву. Я очень редко виделась с ней, а вот с Димкой не встречалась с окончания университета. С Олей мы так и не стали подругами — слишком уж мы разные, хотя я до сих пор сильно уважаю эту девушку, а еще я очень скучаю по Чащину. Для меня он навсегда останется другом и вторым братом. Дима почти год или полтора после того случая с Никитой игнорировал Ольгу, явно считая себя ужасным другом и во многом обвиняя. Но со временем она все-таки сумела его добиться! Кажется, на этот раз по-настоящему. И за настойчивость и упорство я стала уважать Олю еще больше. Год назад их отношения с Дмитрием стали постепенно налаживаться. И если в течение нашей учебы в универе Чащин до обидного холодно относился ко мне, то в последнее время мы вновь стали понемногу общаться в Интернете и вновь сближаться. Наверное, он разлюбил меня окончательно — и этому я безумно рада. Сейчас, кстати он работает в крупном рекламном агентстве, а Оля учится на дизайнера — на заочном отделении. Мы редко встречаемся, в основном из-за Смерчика, и я могу с уверенностью сказать, что Князева больше не походит на свою погибшую сестру — она стала сама собой и еще больше изменилась. Кстати, я увижу ее сегодня на свадьбе, а вот увижу ли я Димку — даже не знаю. Может быть, он придет, а, может быть, и нет, хотя я очень просила его придти, когда посылала приглашение.

Кстати, Дэн пару дней назад сказал мне, что в городе объявился Никита Кларский. Его с Димкой в каком-то баре совершенно случайно увидела наша одногруппница Регина, подруга Ольги с университета. Она сказала, что Ник за это время внешне совсем не изменился и выглядит так же элегантно, неброско и вообще, «просто потрясающе». А еще она сообщила, что вместе с парнями, рядом с Ником, в баре сидела какая-то девчонка.

— Жаль, рядом с ним сидела девушка, иначе я бы решила его завоевать, — призналась Регина мне по телефону, когда я перезвонила ей. — Он как будто распустился, ну, знаешь, как цветок.

— Ничего себе… Цветочек в изгнании, — пробормотала я. — А что за девчонка?

— Не знаю ее. Чем-то похожа на тебя, миленькая, светленькая. Только у нее глаза были размером с чайное блюдце, и она та-а-ак пялилась на Ника, будто бы он ждал от нее ребенка, — хихикнула девушка. — А потом, когда они уходили, Кларский взял ее за руку и посмотрел на нее таким взглядом, что у нее, по-моему, даже коленки подкосились. Знаешь, так выглядит человек, который находится на грани восторга и шока.

А через несколько дней Регинка добавила, что узнала от Ольги, будто эта самая девчонка — кажется, ее зовут Ника, пару дней назад как раз должна была выходить замуж, и Никита умудрился едва ли не расстроить ей свадьбу и увез с собой. Короче, опасный он тип, это Кларский! Каким же я была ребенком, когда была влюблена в него! И хотя ребенком я остаюсь до сих пор, понимаю, какой я была глупышкой. Ну а он… а он все-таки крут! Надеюсь, эта Ника будет с ним счастлива. А он — с ней.

Я покружилась в платье по комнате, не узнавая себя в зеркале. Красивые неброские украшения, локоны, осторожно обрамляющие лицо, нежный макияж, белоснежное, кажущееся

мне королевским, одеяние с вышивкой по подолу… мама, это не я! Это не Маша Бурундкова! Это какая-то взрослая красивая девушка!

На телефон, валяющийся рядом с кроватью, пришло очередное сообщение — ими меня стали заваливать еще с ночи, как и посланиями в Интернете. Я машинально подняла мобильник, заглянула в сообщения и тут же обрадовалась. Оказалось, писала мне Катя:

«Счастливого замужества, Мария! Мы поздравляем тебя от всей души и обязательно приедем на твое бракосочетание, так что жди нас и наш подарок=)».

— Эй! Невеста! — закричал папа, долбясь в дверь. — Твои подружки тебя ждут, скоро выкуп начнется! Все готово! Давай уже!

— Лида через 10 минут приедет. И Денис с мальчиками скоро будет! Выходи! — Вторила мама. Лидию я не видела уже давным-давно и жутко по ней соскучилась. Она о своем выборе, между прочим, не пожалела ни разу и живет сейчас вместе с Петром то в Швейцарии, то в Италии, то во Франции. Ну, честно сказать, первое время они жили не так хорошо, как им бы хотелось, хотя Петр ради нее очень сильно старался, и его природное упрямство и напористость очень ему помогли. А где-то через год Даниил Юрьевич простил внука и передал ему управление над его компанией в Европе. Вот тогда Лидке действительно можно стало завидовать самой черной завистью. Петр очень ценил то, что в самый трудный момент его жизни девушка не бросила его одного, и едва ли не боготворил.

Я хотела уже, было, пойти к домогающемуся меня народу, как мне позвонил наш мистер Совершенный жених.

— Доброе утро, Маша, — его волшебный чуть вкрадчивый родной голос тут же заставил меня улыбнуться.

— Доброе утро.

— Встала?

— Нет, сплю еще.

— Жалко, скоро твой выкуп начнется. Говорят, вы там решили надо мной поизгаляться, — вздохнул мой жених.

— Не то слово! — захихикала я, вспоминая идиотские конкурсы.

— Любишь ты меня, Зверек, очень. — Сделал мой будущий супруг обиженный голос. — Кстати, подойди к окну в своей комнате.

— Зачем еще? Ты что, Смерчинский, над ним торчишь на страховке? Или собираешься под окном петь?

— Отнюдь-отнюдь. Подойди, Бурундукова, подойди. Просто… подойди, — рассмеялся он звонко.

— Ну, хорошо. Учти, если попробуешь влезть в квартиру через окно, я тебя грохну. Я в платье, и ты меня в нем не увидишь до… — тут я запнулась, потому что по идее, он должен был увидеть меня после идиотского выкупа. Но мы с девчонками решили поиздеваться над женихом и его дружками-пирожками и сделать так, чтобы Дэн невесту, ну меня, то есть, узрел лишь в самом

mir-knigi.org

ЗАГСе. В общем, решили устроить красивый праздник. Пройдя все конкурсы выкупа, Дэн и его парни должны были войти в квартиру, выслушать издевательское Маринкино соло на тему: «Ты прошел все трудности и препятствия, забирай невесту и проваливай», увидеть торчащий из кухни кусочек белой фаты, ломануться за ней, думая, что это я, и обнаружить закутанного в простынь Федьку с левой фатой на голове. А я должна была в это время быть у соседей в квартире, чтобы потом выбежать и уехать в ЗАГС на ожидающем меня лимузине.

— До…? — с интересом спросил самый классный голос на свете. — До куда?

— До выкупа. Готовься, тебе, малыш-ш-ш, тебе будет реально плохо на нем.

— Уже готов, — отозвался Дэн голосом отважного морпеха. Тут же его тон поменялся, стал серьезным и невероятно милым. — Маш, прямо сейчас подойди к окну.

— Ну… хорошо.

Я выполнила его просьбу, распахнула окно и с улыбкой встретила новый день, день одновременно простой, как и все другие июньские дни, но и очень торжественный. Очень важный. Свежий. Летний. Прекрасный.

— Смотри внимательнее, — прошептал Смерч в трубку.

— Куда?

— Вперед.

Я вгляделась вдаль. Белые и бледно-розовые легкие-легкие облака складывались в огромное неровное сердце, в середине которого блестело белым золотом просыпающееся солнце. А вдали, за крышами высоких и сонных еще домов, летело в небо множество воздушных шаров — ярких и больших, свободных, как ветер, и красных, как огонь.

— Помнишь? — спросил Дэн тихо. Глупости, но, кажется, труд визажиста мог пойти насмарку. Опять эти слезы на ресницах! Я сжала пальцы, чтобы матовые, с белоснежными узорами длинные ногти впились в ладони до боли. Жаль только, сердце сжать было нельзя — его просто переполняла щемящая нежность. Она все росла, росла, росла… А я смотрела вперед, не в силах отвести взгляда от воздушных шаров.

— Конечно, помню. Он тогда не улетел, напоролся на ветку и лопнул, — прошептала я.

Венера сморгнула со своих пышных ресниц бриллиантовую слезу.

— Ну, он просто знал, что ему нельзя нас покидать, — отвечал Денис с нотками медовой грусти в голосе. — Поэтому и остался. Я ведь много раз говорил тебе, что нас сводила сама Судьба, а мы этого тогда не замечали. — Его голос вновь стал веселым-превеселым. — До встречи… в ЗАГСе, Чип! Буду ждать с нетерпением. Хочу увидеть свою любимую в подвенечном наряде. Бай!

— Откуда ты это знаешь?! — завопила я. Слезы тут же высохли. Что за подстава, кто раскололся?!

— Ну, я же гениален. — Смерч так и не научился быть скромным. И Чипом он меня продолжал называть, и Бурундуком, и это аж бесит. А еще он не научился улыбаться так, чтобы его милые ямочки на щеках не сводили бы меня с ума. Нежность во мне переросла в многоцветную

экспрессию.

— Я гениален, да?

— До одури! И попробуй только что-нибудь выкинуть, я тебя ночью…, - пригрозила я, но он уже повесил трубку.

— Вот же… умник. Все разнюхал. Да-да, мама, я уже готова! Иду!

Сейчас начнется самое веселье. Выкуп невесты женихом и его дружками. Да, их всех ждет веселый ахтунг и океан веселья!

— И почему я тебя люблю? — задала я сама себе вопрос, продолжая наблюдать за шариками, которые становились все меньше и меньше. Их забирало с собой само небо.

«Я сам не знаю ответа. Просто так, глупая», — произнес прозрачный Дэн, зависший по окном и унесся вслед за ними — чтобы поймать один из них и подарить своей любимой клубничной фее. «Не расставаться!» — стало их негласным девизом на всю жизнь.

— Ну, Сморчок, — шмыгнула я носом, а потом распрямила плечи и легкой походкой вышла из своей детской спальни. — Держись.

Все-таки у нас полное согласие. Я дышу Денисом, а он мною греется. И мы друг друга любим.

Воздух и пламя.

P.S.: Когда я уматывала от Дэна на лимузине вместе с хохочущими подружками и свидетельницей, он, сволочь, нагнал меня на своем байке в компании довольных-предовольных Черри, Ланде, Игоря и еще доброго десятка молодцев на мотоциклах и на перекрестке, когда мы затормозили, деликатно постучал в окно…

Мы мигом перестали смеяться, Марина вместо невесты сфотографировала чьи-то ноги, а Инга чуть не пролила на Лидку шампанское.

Ошалевшая от такой наглости я медленно открыла окно, а Денис сдернул шлем, наклонился, поймал меня рукой за подбородок, притянул к себе и самодовольно поцеловал. А потом прошептал:

— Ты от меня никогда не убежишь. А в ЗАГС я приеду первым и такое устрою тебе на церемонии, любимая, что ты этот день навсегда запомнишь.

Я и так навсегда запомню его — я просто чувствую это.

mir-knigi.org